16

БЫЛИНЫ

ПУДОГА

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

Иванъ Гостиной Сынъ №7.

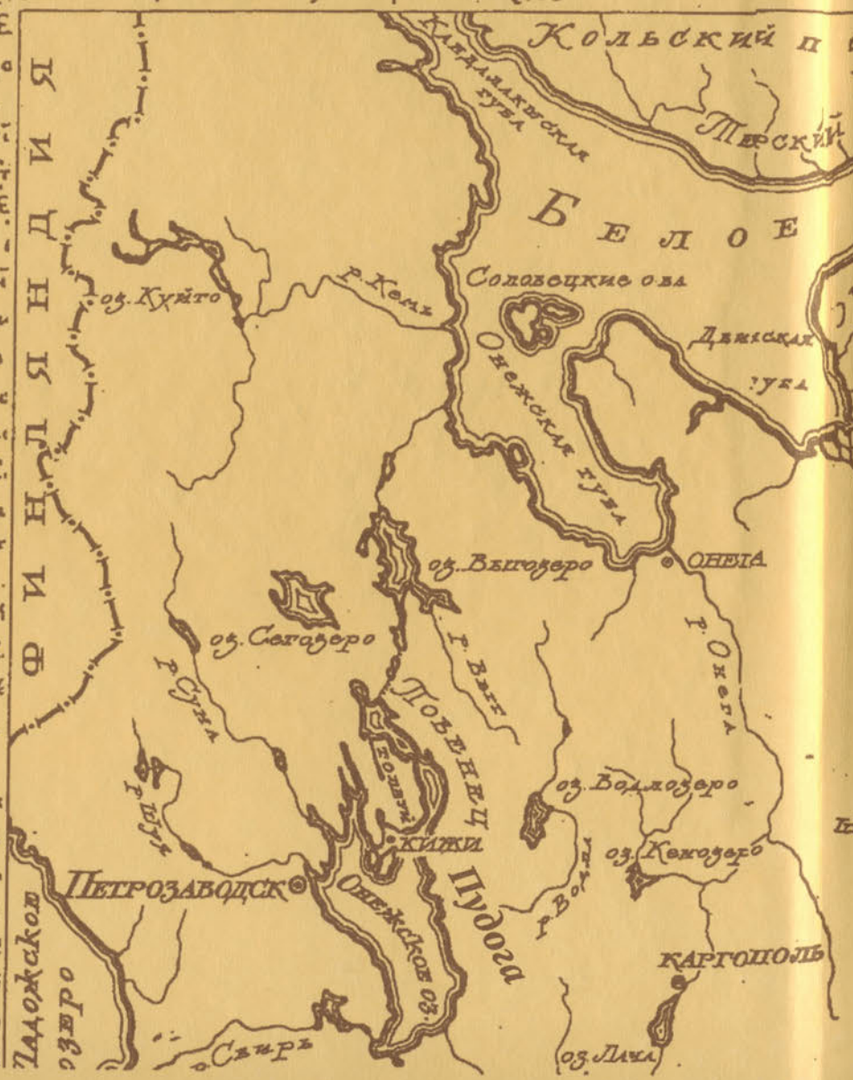

В столнолѣ второмъ лонисѣе уславнова князя влади
мера было тированья пословитной пиръ было столованья
пословитной столъ наиноти князи бояра инарусския
могутыя богатыри изости богатыя будетъ день
вотоловина дня будетъ пиръ вотолу пиръ влади
мѣръ князь растотѣ
фиваетъ тановы сто
бояра и всѣ руссия
сѣе тановъ словеи
фѣребцовъ натриста
похваленыя сивъ фѣ
иноторои полонянъ
илья муромецъ сын
гарина змѣевича
два девяноста то
обѣдненѣ изаутренѣе
хоронетца оменшо
истово столова инафе
рсиия выступаетца
насвое мѣсто богат
збитнымъ голосомъ
владимѣръ князь ки
аибытъ перединязе
натри ста фѣребцов
асивъ фѣребецъ да
фѣребецъ полонянъ
воболшои орде пол
исановитъ пань ум
ехатъ дорога нѣбли
рнитова два девян
промѣжу обѣдни и
нбыя что вымѣтыв
я иванъ овелинъ за
главѣи бчинои голо

Соловья Будимировича

Сбистали высота полнѣбная, Глубота Глуботе-
Синяя море, широко раздолье повсѣ земли, Бубоши олень
мутровския, изаморя моря синева, Изпухоморья Белинова
царя жить заморьстъ
табѣ притицать
тя богатово холова
царолюб изупрятливы
было соколи управля
любую полхайту
рюши Собомо ящуро
ка, было вотинуто
сѣто умки было вотъ
мия ива Горинтамя
ния утово было Соколь
зѣ мисицы бурнастыя
было Сокол поравле
не порма потуриноц
утъ полороду шихту
к Соколь поравлѣ
ушь была бѣда
бѣда постоить
путавъ молсудцъ
изъ которыхъ Соловь
поравлящие ивъ
ку я городъ пѣсъ
съ мила будъ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2013

Север Европейской России

БЫЛИНЫ ПУДОГИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2013

УДК 82
ББК 82.3(2Рос=Рус)
Б95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В. Е. Багно, А. Н. Власов (зам. главного редактора), Ю. Л. Воротников, В. М. Гацак, А. А. Горелов (главный редактор), В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. А. Зализняк, Т. Г. Иванова, Н. Н. Казанский, А. В. Лавров, Ю. И. Марченко, С. И. Николаев, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Н. Н. Скатов, С. М. Слонимский, И. М. Стеблин-Каменский, С. М. Толстая, А. Л. Топорков, Е. П. Челышев, В. А. Чернушенко

Редакционная коллегия серии «Былины в 25 томах»

А. А. Горелов, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ю. И. Смирнов

Издание подготовили:

М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская

Рецензенты:
М. А. Лобанов, А. Ф. Некрылова

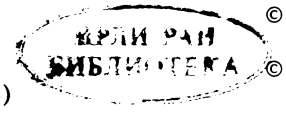
Ответственный редактор тома
А. А. ГОРЕЛОВ

Издательская программа Международного Пушкинского фонда «Классика»
При поддержке ОАО Нефтяная компания ЛУКОЙЛ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-16027

ISBN 978-5-02-038319-7 (Т. 16)
ISBN 5-02-028366-5 («Наука»)
ISBN 978-5-91325-052-0 (Т. 16)
ISBN 5-7735-01-20-1 (РИЦ «Классика»)

© Российская Академия наук, 2013
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, составление, подготовка текстов, комментарии, 2013
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2013

СОСТАВ 25 ТОМОВ СЕРИИ «БЫЛИНЫ» СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Тома 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Тома 1—2. Печора

Тома 3—5. Мезень

Том 6. Кулой

Том 7. Пинега

Тома 8—9. Зимний Берег Белого моря

Том 10. Западное Поморье

Тома 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Том 11. Северное Обонежье

Тома 12—15. Западное Обонежье

Тома 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Том 19. Кенозеро

Том 20. Каргополье

Тома 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Том 21. Центр европейской части России

Том 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Том 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Том 25. Приложения. Сводные указатели

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Том 16-й серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора — «Былины Пудоги» — создавался коллективом авторов. Авторы вступительных статей: Т. Г. Иванова, Ю. А. Новиков, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. А. Ковпик, А. Ю. Кастров, В. В. Коргузалов, Е. И. Якубовская (разделы I, IV, VII). В томе использованы также: историко-бытовой очерк Н. С. Шайжина, подготовленный к публикации Ю. А. Жуковым (раздел II), публикация Т. А. Новичковой (по материалам губернской этнографии и статистики, раздел III), статья Т. А. Новичковой и З. И. Власовой (раздел V), статья о языке пудожских былин Г. Ф. Нефедова (раздел VI). Тексты былин по архивам РГАЛИ и КФАН подготовлены В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной; по архиву ФК МГУ — В. А. Ковпиком, А. В. Кулагиной, М. Н. Власовой. Сверка текстов П. Н. Рыбникова (архивы РГБ, ГИМ) выполнена Т. А. Новичковой, М. Н. Власовой, А. Ф. Гильфердинга (РО БАН) — З. И. Власовой, Е. И. Якубовской.

Сюжетный комментарий принадлежит Ю. А. Новикову, текстологический комментарий подготовлен В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой. Е. И. Якубовской.

Музыковедческая часть тома оформлена А. Ю. Кастровым и Е. И. Якубовской.

Ответственный редактор тома — А. А. Горелов.

В технической подготовке тома к печати приняли участие: М. Н. Власова, А. Н. Розов.

Компьютерный набор текстов былин выполнен М. Н. Власовой, Е. П. Фрэнсис, И. П. Ковтун.

Компьютерный набор нотных образцов осуществлен Л. В. Ереминым.

Т. Г. ИВАНОВА

I. ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

В XIX в., когда П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом была открыта былинная традиция в Пудожском крае, его территория именовалась Пудожским уездом Олонецкой губернии. Западная граница уезда очерчивалась Онежским озером. Чуть южнее древнего Муромского монастыря проходила граница с Вытегорским уездом Олонецкой губернии. Восточной границей, отделяющей Пудожье от Каргопольского уезда той же губернии, на большом протяжении служили река Онега и Кенозеро. На севере Пудожский уезд граничил с Архангельской губернией и Повенецким уездом Олонецкой губернии. В настоящее время это Пудожский район Республики Карелии, усеченный в сравнении с бывшим уездом: восточная граница прежнего уезда значительно приближена к его центру. Территория нынешнего Пудожского района наиболее адекватно отвечает понятию «региональная пудожская былинная традиция». Землеобразующей, как будет ясно из дальнейшего изложения, здесь была река Водла, вытекающая из Водлозера и впадающая в Онежское озеро, а также ее притоки.

Ученые полагают, что люди появились в Пудожском крае 7—8 тыс. лет тому назад. От эпохи неолита в Пудожье сохранились знаменитые петроглифы, выбитые на гранитных скалах пяти мысов Онежского озера: Карицкий, Пери, Бесов Нос (самый известный памятник), Кладовец и Гажий.[1] Этнокультурная история этих земель началась в середине I тыс. до н. э., причем первоначально наиболее освоенным оказалось Водлозеро (в будущем важный микрорегион на былинной карте Пудожья). Проблемы заселения региона подробно рассмотрены в монографии К. К. Логинова «Этнокультурная группа русских Водлозерья», обобщившей археологические и топонимические данные. Позволим себе пересказать ее основные положения.[2]

В середине I тыс. до н.э. на территорию Водлозера пришли носители финно-угорских языков «протосаамы» — древнейшая прибалтийско-финско-саамская этноязыковая общность. От этого периода в Водлозерье, по мнению лингвистов, остались топонимы на *-кса*, *-енга/еньга*, *-уг/юг* (Илекса, Рагнукса). Название реки Илекса, впадающей на севере в Водлозеро, трактуется как «верхняя», т. е. «текущая сверху» в озеро.

В конце I тыс. до н. э. прибалтийско-финско-саамская общность распалась на прибалто-финскую и прасаамскую. Вплоть до VIII в. н. э. на территории Водлозерья формировался местный

[1] *Савватеев Ю. А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

[2] *Логинов К. К.* Этнокультурная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 17—28.

© Т. Г. Иванова, 2013

диалект саамов — классических охотников и рыболовов. От эпохи саамов в здешнем крае, как и на соседних территориях, в топонимии остались гидронимы на *-сам*, *-сом*, *-сум* (реки Сомба, Сомбома, Сомбозеро); на *-нжа*, превратившееся в русском языке в *-ша* (Голюша, Киндеша, Ундоша). С саамскими корнями лингвисты связывают такие водлозерские названия, как Пильмасозеро («озеро в стороне»), Кеткоозеро («каменное озеро»), Коткутнаволок («перешеек»), Ковда («середина») и др.

На рубеже I и II тыс. н. э. в Водлозерье (и шире — в Пудожье) появились новые носители прибалтийско-финского языка — вепсы. Их языковой пласт в топонимике этой части Пудожского края — самый мощный: Канзанаволок — «судачий мыс»;[3] Кевасалма — «весенний пролив», т. е. пролив, возникающий в весеннее половодье; Маткалахта — «путь через залив»; Везиматка — «водный путь»; Пога — «край», «конец»; Кузеостров — «еловый остров»; Гуморнаволок — «ступа для полоскания белья» и т. д. До середины XI в., как считают ученые, в Водлозерье одновременно сосуществовали саамская и вепсская охотничье-рыболовные культуры.

В XII в., как указывает К. К. Логинов, в Водлозере появился еще один топонимический слой — карельский (Карельский остров на самом Водлозере, два Карельских острова на реке Илексе), но в целом карелы здесь, по-видимому, значительной роли не играли.

В X—XI вв. вепсы постепенно начали переходить от охотничьего типа хозяйствования к подсечному земледелию. Соответственно в топонимике появились названия с корнями «kask» и «kedo», т. е. «подсека»: Каскосалма («залив у подсеки»), Кеда-река и Кедозеро («река» и «озеро у старой подсеки»). Новый тип хозяйствования предполагал оседлый образ жизни, в результате чего в Водлозерье возник ряд вепсских топонимов на *-ла*, восходящих к именам собственным местных жителей: Вачилово (от Вячел — «пузатый человек»); Рахкойла (от «rahkoi» — домовой); Кургилово («kurg» — журавль) и др.

Водлозеро относится к тем севернорусским территориям, где ассимиляция финно-угорского (в данном случае — вепсского) населения, по-видимому, завершилась довольно поздно. Остальная часть пудожской территории, скорее всего, испытала те же волны колонизации: прибалтийско-финско-саамская общность, прасаамы, древние вепсы. Топонимика этой части Пудожья не оставляет сомнения в том, что ее земли были освоены человеком задолго до прихода славян. Однако русский пласт здесь достаточно рано перекрыл все предыдущие миграционные потоки.

К. К. Логинов, занимаясь проблемой этнографических зон и этнических границ в Карелии, выяснил, что в XIX—начале XX в. жители Олонецкой губернии, ощущая свое «я» как «олончане», одновременно внутри данной территории четко делились на «каргопол» (Каргополь до революции входил в состав Олонецкой губернии), «вытегор» (туда же входила и Вытегра), «пудожан» и т. д. Названные и подобные им группы населения исследователь вслед за С. А. Токаревым называет «аморфными», подчеркивая, что «„аморфные" ⟨...⟩ локально-территориальные группы русских — это группы, расселенные на ограниченных территориях, тяготеющих к своему территориально-административному центру».[4]

---

[3] Укажем, что в разных исследованиях одни и те же топонимы нередко пишутся по-разному. Так, в литературе нам встречалось написание Канзо-наволок. В дальнейшем мы будем каждый раз придерживаться написания, имеющегося в очередном источнике, на который мы ссылаемся.

[4] *Логинов К. К.* Аморфные и обособленные группы русских в Олонецкой губернии // Европейский Север : История и современность : Тез. докл. Всерос. науч. конф. Петрозаводск, 1990. С. 140.

К. К. Логинов обосновывает также выделение на другом таксономическом уровне понятия «обособленные (локальные) группы русских». Это группы, наделенные развитым локальным самосознанием, признанием их непохожести со стороны представителей других «аморфных» групп, обладающие собственным говором, территорией и специфическими чертами в хозяйственной деятельности. В Олонецкой губернии таковы *поморы*, *заонежане*, *выгозеры*, сформировавшиеся на древних путях передвижения из Новгорода в Западное Поморье. В Пудожье этнограф также находит особую этнолокальную группу русских — *водлозеров*. «Группа, — пишет исследователь, — сформировалась на основании преимущественно древневепсского этнического компонента, разбавленного русскими выходцами из Новгородско-Псковских земель и представителями низовской («московской») колонизации».[5]

Этнограф отмечает наличие в Пудожском крае еще двух групп, близких к понятию «локальная группа», но не сложившихся в таковую по разным причинам: *челмужане* (Челмужская волость на севере бывшего Пудожского уезда) и *шаляне* (Шальская волость на реке Шалице (Шале), впадающей в Водлу). Шаляне имели самоназвание («шальские») и, согласно современным обследованиям, признавались своими соседями за особенное единство внутри «аморфной» группы пудожан. Однако малочисленность не позволила им оформиться в группу, аналогичную водлозерам.

Таковой была этнолокальная картина в Пудожье в XIX—первой половине XX в., когда были сделаны основные записи былин.

Как же складывалась русская история Пудожского края? Она прочно и безусловно связана с Новгородом. Пудога была одним из звеньев на пути новгородцев в Заволочье, т. е. в Двинские земли: река Волхов—Ладожское озеро—река Свирь—Онежское озеро—река Водла—озеро Водлозеро—река Илекса. Здесь начинался водораздел: через систему волоков отсюда можно попасть в реку Кожу, а затем в реку Онегу и Белое море.

Одним из важнейших документов, свидетельствующих о продвижении Новгорода на Европейский Север, как известно, является Уставная грамота 1136/1137 г. князя Святослава Ольговича, отца знаменитого князя Игоря, героя «Слова о полку Игореве». В период его недолгого княжения в Новгороде были определены княжеские погосты, с которых 1/10 (десятина) доходов от вир (судебных штрафов, взымаемых в наказание за убийство) и продаж (штрафов за кражи и другие преступления) должна была идти в пользу Софийского собора, т. е. Новгородского архиепископа.

Напомним, что погосты — центры административно-податного округа, в которых позднее стали строиться церкви, прираставшие кладбищами, — были опорными точками славянского проникновения на Европейский Север. Все древние погосты и подчиненные им волостки (волости) связаны с водными путями, которыми в условиях таежных лесов только и можно было передвигаться.

Из погостов Уставной грамоты Святослава Ольговича достаточно хорошо локализуются погосты на притоке реки Онеги реке Моше («на Волоце в Моши»), в нижнем течении Северной Двины («на Ракуле», «устье Емьце», «устье Ваг»), на ее притоке реке Тойме («в Тоиме»), на

[5] *Логинов К. К.* Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. С. 99. (Гуманитарные исследования; Вып. 1).

притоке Ваги реке Вели («у Вели»), на реке Пинеге («в Пинезе», «в Кегреле») и др. Однако локализация других погостов вызывает споры. Так, А. Н. Насонов полагает, что «Волдутов погост» и «погост у Вавдита» находились на Водлозере. Последний погост исследователь связывал с д. Вавдиполе, существовавшей в XIX в.[6] В. Л. Янин эту локализацию ставит под сомнение.[7] И действительно, дальнейшие документы не фиксируют ни «погоста у Вавдита», ни «Волдутова погоста» на Водлозере. Поэтому считать поименованные погосты свидетельством прочного проникновения новгородцев в Пудожский край вряд ли будет корректным.

По мнению Н. С. Шайжина, пудожские земли начали осваиваться русскими людьми в начале XII в.[8] Современные исследователи склонны отодвигать начало колонизации ко второй трети XIII в. Так, А. С. Герд на основании лингвистических данных считает, что Заонежье и близкое к нему Пудожье первоначально были освоены носителями неразделенного псковско-новгородского диалекта; разделение же диалектов произошло не ранее середины XIII в.[9]

Как уже ясно из сказанного, бассейн реки Водлы и прилегающие земли осваивались исключительно новгородцами. Никаких сведений о том, что в здешние края проникал другой мощный русский колонизационный поток — ростовский (низовский) — в письменных документах нет. Следовательно, извод былинной традиции, зафиксированный в XIX—XX вв. в Пудожье, берет свои истоки в культуре Господина Великого Новгорода. Впрочем, не исключаем, что состоявшееся в 1478 г. присоединение Новгорода к Московскому государству также оказало свое влияние на былинную традицию Пудожского края, при условии, если Москва на данный период владела песенно-эпической традицией.

Активное заселение Пудожья новгородцами, без сомнения, связано с тем, что эти земли находились на пути в богатое пушниной Заволочье. Со временем освоившимися в данном регионе русскими людьми был открыт помимо пути через Водлозеро еще один путь на восток — через Кенский волок: Водла—ее левый приток Мышьи Черева—волок (6 км)—речка Рохма—озеро Волоцкое—р. Волошева—Почозеро—р. Поча—Кенозеро—р. Кена—р. Онега. Известно, что в конце XV в. здесь происходило оживленное торговое движение. В «Писцовой книге Обонежской пятины» 1563—1566 гг., на которую мы еще будем неоднократно ссылаться, сказано: «Да в Водлезерском же погосте на Настасьинской земле на Мышьих Черевех волочек Кемской, а через тот волочек торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугороцкие земли водяным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевех через тот волочек товар волочат, а найму емълют з беремяни по денги. И на тот волок писец Юрьи Костянтинович[10] положил оброку 4 гривны». И далее в документе с горечью отмечается состояние дел на 1563—1566 гг.: «... и тот волочек ныне пуст, а гос-

---

[6] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства : Историко-географическое исследование; Монголы и Русь : История татарской политики на Руси. СПб., 2006. Карта-вклейка между с. 80—81.

[7] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. : Хронологический комментарий. М., 1991. С. 138—142.

[8] *Шайжин Н. С.* Старая Пудога с XIV по XVIII век // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год. Петрозаводск, 1906. С. 284.

[9] *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206—213. См. также: История Карелии с древнейших времен до наших дней / РАН. Карельск. науч. центр. Ин-т языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2001. С. 73—74.

[10] Юрий Константинович Сабуров, составитель Писцовой книги Обонежской пятины в 1496 г.

ти тою дорогою ныне не ездят, — ездят новою дорогою».[11] Новые дороги, без сомнения, — пути, связывающие центр Московской Руси с Белозерьем и Северной Двиной. Как бы то ни было, очевидно, что в XIII—XV вв., до освоения данных новых путей, а отчасти и в XVI в. Пудожье играло роль важного звена в продвижении русских людей в Двинские земли.

Обратимся к детальному описанию истории русской колонизации Пудожских земель. К сожалению, до наших дней не дошли документы, зафиксировавшие начало колонизации. Географическое название «Пудога» впервые встречается в одной из берестяных грамот, датируемой концом XIV в. (грамота № 131): «Цто было в Пудоге празда, ту празку Сѣргиѣ взѧле. Изо Оѧтѣ — закрою спроста а. Ѧ были о русалеѧхо в Пудогѣ. А цто про Сѧмозерцихе дыле есемо не платѧце, а плаатѧце в томо, цто промеж и, рѧду нету. А ныне Сѧмезерци в городѣ. Говорѣ с нѣми саме. А ѧ с ти, осподине, буду. А ѧ борзо буду. А нине есеме к тобѣ рибоко послалѧ. А во Шуѣ ни лидиѣ, ни ловоу».[12] Эту грамоту, написанную явно полуграмотным человеком и трудную для понимания, А. В. Арциховский и В. И. Борковский трактуют следующим образом. Автор грамоты, по-видимому, находился на службе у адресата. Возможно, речь идет о государственных служащих, чьи взаимоотношения определяемы как «подчиненный»—«начальник». По делам службы автор грамоты объехал Пудогу, Оять (река, впадающая в Свирь), Самозеро (к западу от Онежского озера) и Шую (река, впадающая на западе в Онежское озеро). Целью поездки было собирание «празги» — платы за пользование угодьями. На Пудогу автор попал «о русалеѧхо», т. е. на Русальной неделе. При этом оказалось, что некий Сергий (скорее всего, также находящийся на службе у адресата грамоты) «празгу» в Пудожье уже получил.[13]

Исследователи связывают с Пудожскими землями (точнее — с Водлозерскими) еще одну берестяную грамоту (грамота № 2), датируемую А. В. Арциховским и М.Н.Тихомировым концом XIV—началом XV в.: «Аекуев бела росомуха. У Фоме 3 куници. У Микки 2 куници. У Фоме соху даль, дару куницю. Вельяказа 4 куница. Игугмор на Волоки куница. У Мятеци 2 куници. У Вельютовых 2 куници. У Воземута 2 куници. У Филиппа 2 куници. У Наместа 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница. У Вихтимса 2 белки. У Гостили 2 куници. У Вельюта 3 куници. У Лопникова 6 бел».[14] А. И. Попов и К. К. Логинов полагают, что «Игугмор на Волоки» — это неверно прочитанный «Игугмор-наволок», т. е. Гуморнаволок; «Воликий остров» — «Великий остров»; «У Гостили» — «Гостилов-наволок». Подобные названия рассеяны по всей карте Карелии, однако сочетание их в одной точке, отмечают исследователи, имеется только на Водлозере.[15] На этом основании грамота и трактуется как водлозерская.

Построенная по формуле «у такого-то и столько-то», данная грамота отражает ежегодные налоги с водлозеров. Весьма примечательно, что многие имена, названные в грамоте, сохраняют

---

[11] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. (Материалы по истории народов СССР; Вып. 1).

[12] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте : (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 68.

[13] См. также трактовку грамоты: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 212—213.

[14] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте : (Из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 25.

[15] *Попов А. И.* Прибалтийско-финские имена в новгородских берестяных грамотах // Труды Карельского филиала Академии наук. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 95—100; *Логинов К. К.* Этнокультурная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 29—31.

финно-угорские корни (Аекуев, Микка, Вельяказ, Вельмут), что свидетельствует: данная территория Пудожья еще остается в это время по этническому составу вепсской.

В поле зрения ученых находится «Межевая ободная книга землям Юрьева монастыря с землями великого князя и монастырей Вяжицкого, Палеостровского и Муромского в погостах Спасском Шальском и Никольском Пудожском». Документ начинается следующим образом: «В лета 6899 году, августа в 25 день, из Великого Новагорода Юрьева монастыря вотчина возли Онига...», и, следовательно, должен датироваться 1391 г. Однако историки полагают, что «Ободная книга», известная в списке XVI в., — документ подложный.[16] По-видимому, подлинник документа по размежеванию земель в Пудожском крае (если он существовал) был утерян. В XVI в. новый его вариант был создан, возможно, старцами Муромского монастыря. Список XVI в. хранился в архиве Новгородской Казенной палаты, дважды печатался до революции и на настоящее время тоже утерян.

Тем не менее, несмотря на вторичность, если не подложность «Межевой ободной книги», она может быть во многом полезна для осмысления первых этапов колонизации Пудожских земель русскими людьми. В ней читается: «... из Великого Новагорода Юрьева монастыря вотчина возли Онига озира Спаской погост Шальской да Никольской Пудожской выставок, волости тех же погостов — Негижимская, и Отаозирская, и Купицкая, и на Корбо озери, крестьянских и пашонных и непашонных земель и всяких угодеи, и рыбных ловель, и бору, и мхов, и поверстного лису тои земли межевые ободные книги».[17] Можно не доверять правильности размежевания пудожских земель между разными владельцами (великий князь Московский, Юрьев, Вяжецкий, Палеостровский и Муромский монастыри), как оно (размежевание) описано в «Ободной книге», но вряд ли подлежит сомнению, что Шальский погост, контролирующий данную территорию, в XIV в. уже существовал.

Шальский Спасский погост (нынешняя Шала) располагался в устье реки Шалицы (Шалы), впадающей в Водлу в ее нижнем течении, недалеко от ее собственного устья. Зафиксированная в XIX—XX вв. песенно-эпическая традиция, без сомнения, когда-то была занесена в Пудожье из Новгородской феодальной республики через Шальский погост. Шала — важнейшая точка, из которой «разворачивалась» по всей пудожской земле былинная традиция.

Как следует из процитированного фрагмента «Ободной книги Юрьева монастыря», к 1390-м гг. территория Пудожья была уже достаточно обжита русскими людьми. В приведенном фрагменте упоминается Пудожский выставок (в настоящее время г. Пудож), который уже тогда начал претендовать на самостоятельную роль в крае. Думаем, что и эту часть подложного документа можно считать отвечающей истине. По-видимому, в конце XIV или в начале XV в. Пудожский выставок превратился в самостоятельный погост. Надо полагать, что и этот пункт Пудожского края играл роль распространителя былинной традиции.

Третий из погостов Пудожской земли, о которых и далее пойдет речь, — Водлозерский — в названной «Ободной книге» не упомянут. Вероятно, он возник позднее, т. е. после 1391 г. В приведенном отрывке из Писцовой книги 1563—1566 гг. данный погост уже значится.

Пудожье, располагавшееся в стороне от русских территорий, на которых происходили основные исторические события, связанные со сложением Российского государства, время от времени

[16] *Гадзяцкий С.* Предисловие // Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 15; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 359.

[17] Материалы по истории Карелии XII—XV вв. № 301. С. 387.

оказывалось причастным к этим событиям самым непосредственным образом. Так, в 1430—1440-е гг. на Руси развернулась феодальная война между великим князем Московским Василием II Темным, ратовавшим за централизацию Руси, и Галицким князем Дмитрием Шемякой, противником усиления Москвы. Потерпев поражение в 1447 г. Дмитрий Шемяка и остатки его войск ушли на Север, где разгромили и пограбили Каргополь и Пудож. «И Каргополе, и Пудогу повоеваша и пограбиша шестники», — сообщает летопись.[18]

Политика Московского государства, как известно, была успешной. На протяжении XV в. московские князья сумели собрать все русские земли под свое начало; в 1478 г. была присоединена Новгородская феодальная республика, а следовательно, и Пудожье.

Рассмотрим, как складывалась система землепользования на разных этапах истории пудожских земель. Документы свидетельствуют, что до 1478 г. владельцами были: 1) новгородские монастыри (Юрьевский и Вяжищский), 2) местные монастыри (Палеостровский (Заонежье) и Муромский (Пудожье)), и 3) новгородские бояре. Таким образом, новгородские приоритеты на здешней территории не подлежат сомнению.

К сожалению, материал Писцовых книг по пудожским погостам сохранился начиная только с названной выше книги 1563—1566 гг. Более ранняя Писцовая книга 1496 г., составленная Юрием Константиновичем Сабуровым, дошла до нашего времени в дефектном виде: описание пудожских земель здесь отсутствует. Тем не менее способ описания Обонежской пятины, который использовали в 1563—1566 гг. государев писец Андрей Лихачев и подьячий Ляпун Добрынин, позволяет восстановить картину земельных владений в Пудожье на новгородский период. В середине XVI в., во времена Ивана IV, все земли новгородских бояр («боярщины») уже давно были отписаны за царем и великим князем или каким-либо монастырем, но при описании земель писец, как правило, продолжает именовать земли по именам бывших владельцев.

Согласно Писцовой книге, в Шальском погосте в XV в. до новгородского разорения были волостки Настасьинские Ивановой жены Григорьева — на р. Шале, на р. Водле, на р. Малой Водлице, на Купецком озере. Настасья, жена новгородского посадника Ивана Григорьевича, овдовела в 1467 г.[19] Известно, что в 1483 г. Иван III учинил расправу над нею: «Ту же и Настасью славную богатую поимав разграби».[20] В Нигижме Настасья имела общие деревни с Оксеньей Микитинской женою Есипова, т. е. женой Никиты Есиповича.

В Пудожском погосте также были боярские земли: волостка Настасьинская Ивановы жены Григорьева (на Салмозере, Корбозере, Равдозере, Тамбичозере, Пелус-озере, Юнгозере, на Кунгале, деревни непосредственно около погоста на р. Водле); Микитинская Грузова волостка, т. е. Никиты Грузова (на Суме-реке, на Кулголе, на Кривцах и др.); Марфинская Исаковой, т. е. знаменитой Марфы Борецкой, или Марфы-посадницы, волостка (на Колодозере и др.); деревни Ивановские Немирова, т. е. Ивана Немирова (на Жаровицах); деревни Федоровские Григорьева Худякова, т. е. Федора Григорьевича Худякова (на Ганвас-озерке). Оксинья Микитинская жена Есипова, как и в Шальском погосте, владела несколькими деревнями совместно с Настасьей, женой Ивана Григорьевича.

---

[18] Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. М., 1848. Т. 4: IV, V Новгородские и Псковские летописи. С. 126 (Новгородская четвертая летопись).

[19] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. : Хронологический комментарий. М., 1991. С. 258.

[20] Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи. С. 236 (Софийская вторая летопись).

В описании волостей Водлозерского погоста мы встречаем имена тех же новгородских бояр: Микиткинская Грузова волостка, Оксиньинская Микиткина жены Есипова волостка, деревни Федоровские Малого Худякова Григорьева сына, волостка Настасьинская Ивановой жены Григорьева, деревни Ивановские Немирова и всего одна деревня Марфинская Исаковой.

Крупным землевладельцем на территории Пудожья в XV в. был Юрьев Новгородский монастырь, основанный, по преданию, в 1030 г. князем Ярославом Мудрым.[21] Он, по-видимому, самым первым в качестве землевладельца и в качестве миссионера появился в здешнем крае. В документах XV в. часто встречается упоминание Вяжецкого монастыря. Это, несомненно, мужской Вяжищский Николаевский монастырь близ Новгорода.[22] Основанный в конце XIV в., он во второй половине следующего столетия стал, говоря современным языком, активным игроком на земельном поле Обонежья. Неоднократно в документах возникает также Палеостровский монастырь, расположенный на острове Пальи на Онежском озере в районе Заонежья.[23]

Наконец, пудожские земли со второй половины XIV в. стали интересовать Муромский Успенский монастырь — первый монастырь в Пудожском крае. Этот монастырь был основан в середине XIV в. преподобным Лазарем Муромским, греком из Константинополя, иконописцем, пришедшим сначала в Новгород, а затем ушедшим в глухие северные места. Он скончался в 1391 г., по преданию, в возрасте 105 лет. Муромский монастырь расположен в южной части восточного побережья Онежского озера на узкой полоске земли между Онежским и Муромским озерами, соединенными протокой (ближайшая деревня — Гакукса). В Житии («завещании») Лазаря Муромского имеются интересные сведения о том, что во времена основания монастыря здесь жили «лопяне»: «Жившие около Онега назывались Лопяне и Чюдь: страшные сыроядцы жили около этого места. Поведаю вам, братие, о таких неблагодарных иноязычниках: многия скорби, многи биения и раны потерпел я от сих зверообразных человек; многожды бивше выгоняле меня от этого острова и не однажды предавали огню мою хижину».[24] Данный эпизод из Жития является еще одним свидетельством того, что пудожская земля в новгородские времена отнюдь не была моноэтничной.

Анализ документов, связанных с Пудожским краем, убеждает: в XV в. здесь уже сложилась весьма действенная система земельных владений. Владельцы — монастыри и новгородские бояре — продавали, покупали, завещали земли и обменивались ими. Ценились не только (и может быть, не столько) пахотные земли, но и лесные угодья и воды, пригодные для ловли рыбы. Деревни в этот период, как правило, были однодворными, редко — двудворными. При этом подчеркнем, что владельцы земель не вмешивались в хозяйственные дела своих крестьян. Владельческой запашки земель здесь никогда не существовало, а отношения между владельцем и крестьянами определялись оговоренным налогом. Повторим еще раз: сохранившиеся документы XV в. свиде-

[21] Православные русские обители : Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1994. С. 138—145. Репринт. изд.: 1910.

[22] Там же. С. 123.

[23] Там же. С. 158.

[24] *Барсов Е. В.* Преподобные обонежские пустынножители : Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—69 год. Петрозаводск, 1869. С. 28 (2-я пагинация). См. также изложение Жития Лазаря Муромского по другому списку: *Докучаев-Басков К.* Подвижники и монастыри крайнего севера : Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9/10. С.494. Укажем, что в музее-заповеднике «Кижи» находится Лазаревская часовня XVI в., перевезенная сюда из Муромского монастыря. В настоящее время обитель передана церкви и медленно возрождается. См.: *Нилов Е.* Муромский монастырь. Пудож, 1993.

тельствуют о развитой системе землепользования. Следовательно, данная территория была уже достаточно плотно заселена.

К первой половине XV в. относится «Купчая на землю и воду в Унских, купленные Селифонтом Твердиславом у Ивана Фомина».[25] Унские земли — это, без сомнения, земли, примыкающие к Уной губе (севернее устья реки Водлы), где раскидано несколько Унойских островов, а на берегу находится современная пристань Унойгуба. «Договорная Вяжецкого монастыря с Василием Алексеевичем, Яковом Леонтьевичем и женой Василия Покинарией о владении селами Кондрускими, Мандрегскими, Кузарандскими и Тубозерскими» датируется историками 1465—1478 гг. «Ино достанется игумену Варламу и Федору Богданову сыну и всем старцам Вяжитцкого монастыря Кузаранда и Тубозеро, а Василью и Якову и Васильеве жены Покинарьи Кондруша и Мандрега»,[26] — говорится в этой договорной грамоте. По названной грамоте монастырю доставалась Кузаранда в Заонежье и Тубозеро в Пудожье. Тубозеро, укажем, располагается недалеко от Песчаного, через которое осуществлялась связь Пудожья с Заонежьем.

Теми же годами датируется и «Меновая Панфила Селифонтова с Богданом Ермолиным на земли и воды в Тубозере и в Уносках» (список XVI в.): «Се менил Панфилеи Селифонтов з Богданом Ермолиным землею на землю. И дал Панфилеи Селифонтов Богдану Ермолину землю и воды в Тубозере, что купил Панфилеи у Богдана и у Якова Мануиловщину, деда Богданова, полевую землю и лешую землю и полешеи лес, все без вывета, пожни и ловища, и на Онеском берегу два мужа места полешего леса, и в Тубы реки половина; а володить Богдану Ермолину и его детем тою землею и водою в Тубозери по старому володенью и по Мануилову володенью и по Панфильеву, по купной грамоте и по сеи по меновой грамоте одерен вовеки. А против тои земли дал Богдан Ермолин Панфилию Селифонтову во отмену землю и воду в Уносках, отчину свою, что ему досталось от отца своего Ермолы и от братии в дел, полевую землю и лешею землю и полеший лес и пожни и ловища и остров, все без вывета, в Уносках, и в Уное губе остров и малые островки и по Шале реки земли и пожни; а володить Панфилию Селифонтовичю и его детем тою землею и водою и полешим лесом и пожнями и островы по старым грамотам и по старому володенью и по Ермолину володенью и по Ермолиной купной грамоте и по Богданову володенью и по сеи по меновой грамоте одерен и ввеки. А придал Панфилеи Селифонтов Богдану Ермолину к той земле Уноскои два рубля. А сяя им мена с обе половины крепка и их детем. А на сеи мены были с обе половины: Богдан Михайлович, Стефан Остафьевич, Василеи Оксентиевич».[27]

Буквально через несколько лет Панфил Селифонтов составляет духовное завещание, по которому земли в Уносках доставались пополам его сыну Лаврентию и Палеостровскому монастырю.[28] Унские земли, завещанные Панфилом Селифонтовым, через несколько десятилетий станут предметом спора между Палеостровским и Муромским монастырями.[29]

---

[25] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. № 7. С. 102. В. Л. Янин датирует эту грамоту второй четвертью—серединой XV в. См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 248.

[26] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. № 30. С. 113.

[27] Там же. № 31. С. 113—114.

[28] Там же. № 32.

[29] Там же. № 53 («Правая грамота судей Третьяка Кривякина и Спиридона Михайлова Палеостровскому монастырю по делу его с Муромским монастырем о спорных землях на Унских островах»; 1538—1539); № 55 («Разъезжая грамота Спиридона Михайлова на земли в Уносках островах между Палеостровским и Муромским монастырями»; 18 июня 1540 г.).

15 июня 1505 г. составляется «Разводная грамота на землю в Сягоозере и Рындоозере между Вяжицким и Юрьевым монастырем». Названные озера находятся в районе верховьев реки Шалицы (Шалы). «Развод» земель между двумя новгородскими монастырями был произведен «по любви». Межи, как следует из документа, показывали на месте вяжецкие и юрьевские старики, т. е. пожилые и наиболее уважаемые крестьяне, жившие на этих землях и знавшие от своих отцов и дедов, к чьей вотчине — юрьевской или вяжецкой — принадлежали их земли. Обратим внимание на то, что в «Разводной грамоте» наряду со славянскими именами встречается и финно-угорское имя — Микула Роймуев (юрьевский старик). В микротопонимах наблюдается та же картина: «... от Шалы реки откос ручьем вверх, на откос озеро Секоозера, направо мох, по ужную страну Игнатовы деревни нивы на узкой мох, от узкого мху посреди Микулины нивы, что у *Вайви мха*, от Микулин нивы к *Роймуевых нивы* в северный конец, от *Руймуевых нивы* от северного конца промежу дву гор Лычных розлогом...».[30] Этот документ еще раз подтверждает, что на пудожской территории в начале XVI в. ассимиляция финно-угорского (скорее всего, вепсского) населения была еще далека от завершения.

Через четыре столетия, в 1940 г., на Рагнозере, неподалеку от Рындоозера и Сягоозера, будет записано предание об основании деревни Рагнозеро. Предание свидетельствует, что, хотя ассимиляция финно-угорского населения к этому времени уже окончательно произошла, следы «чудского» субстрата в сознании рагнозерцев оставались еще достаточно явственными. Рагнозерцы вели свое происхождение от силача Рахкая, однако при этом утверждали, что тот был русским: «Жил он, Рахкай, в острову, в Беловом (за три версты). Он проживал годов много. Потом переместился сюдыкова. Он и развел нашу деревню. Он как стал зде-ка жить да промышлять, потом шире и дале, и распоселилось жило. Так деревня Рагнозеро и стала. (Русский он был или карел?). Он был русский. Он не богатырь, он только дороден был, на семь дровен приносил вязьев да полозьев. Слышала я от свекрови покойной. Рахкой не торговал ничего, только крестьянскую работу работал. Был досюль, был Рахкой».[31]

В 1478 г., при Иване III, как мы уже говорили, Новгородская феодальная республика закончила свое существование и ее земли были присоединены к окрепшему Московскому государству. Москва из новгородских владений образовала огромнейший Новгородский уезд, из которого в 1500 г. выделился Корельский уезд (с крепостью Корелой). Управлялись новгородские земли специальным Новгородским приказом. Земли были разделены на пятины: Шелонская, Деревская, Бежецкая, Водская и Обонежская. Пудожье входило в Заонежскую половину Обонежской пятины (земли, расположенные между Ладожским и Онежским озером и вокруг Онежского озера). В Заонежской половине к этому времени находились следующие погосты: Рождественский Олонецкий, Никольский Шуйский, Спасский Кижский, Никольский Шунгский, Спасский Выгозерский, Егорьевский Товуйский, Петровский Челмужский, *Рождественский Водлозерский, Никольский Пудожский, Спасский Шальский*, Никольский Андомский, Покровский Вытегорский, Рождественский Мегорский, Никольский Оштенский, Ильинский Веницкий, Воскресенский Важенский и Рождественский Остречинский.[32]

---

[30] Там же. № 51. С. 127.

[31] *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 29—30. № 8.

[32] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 143.

Что же представлял собой Пудожский край в 1563—1566 гг. по материалам Писцовой книги Андрея Лихачева?

Центром земель в середине XVI в., без сомнения, оставался Шальский Спасский погост. «На погосте церковь Спас-Преображенье, а другая церковь теплая Успенье святей Богородицы, а у церькви служыт игумен Кирило да на погосте ж 14 старцов да 6 стариц, *в*[33] дияк Степанко; да игумен же с соборяны пашут под погостом 3 полянки, росчистив ново после писма,[34] а в писме Юрья Костянтиновича пашня игумену не писана, сеют в одной полянке ржы 3 четверки, а в дву по тому ж, сена косят 15 коп., треть обжы,[35] земля худая», — отмечает в своей Писцовой книге Андрей Лихачев.[36]

Как видно из этой записи, при Шальском погосте был игумен Кирилл, жили 14 старцев и 6 стариц. Такого рода сведения заставляют некоторых исследователей предположить, что в данное время здесь находился монастырь.[37] Однако М. В. Пулькин, О. А. Захарова и А. Ю. Жуков в книге «Православие в Карелии : (XV—первая треть XX в.)» указывают, что в средневековой Руси, как и Византии, слово «игумен» означало не только «настоятель монастыря», но и «духовник из иноков, живущий в отдаленной приходской церкви». Именно таковым игуменом и был названный Кирилл. При погосте жили одинокие старики — старцы и старицы. Патроном этой мирской богодельни был Юрьевский Новгородский монастырь, направлявший в северные земли своих иноков с миссионерской миссией.[38]

В Шале находились также «анбары» (амбары) — склады торговых людей, облагаемые пошлиной. Всего в Писцовой книге зафиксировано 11 амбаров: Иванка Боранова, Шишолка Микулина, Олферка Федорова и др. Амбаром владел шальский староста Максимка. Одним из владельцев амбаров был новгородец — «Осташка Данилов ноугородец с Ыванские улицы». Амбарные «рядки» свидетельствуют о том, что Шала на это время была важным — пусть не таким значимым, как тогдашние Повенецие рядки, — торговым центром Онежского озера.

«Волостки» в Шальском погосте в XVI в. принадлежали царю (бывшие боярские) и монастырям. Царь в Шальском погосте владел 37 деревнями, в которых было 76 «живущих» (т. е. жилых) и пустых дворов; всего 91 хозяин. Андрей Лихачев отмечал, что по сравнению с «письмом» Ю. К. Сабурова (т. е. по сравнению с 1496 г.) прибыло 3 починка, 5 дворов, 6 человек (хозяев).

Крупным владельцем земель в Шальском погосте оставался Юрьев монастырь, которому после присоединения Новгорода к Москве были отданы некоторые боярщины. Андрей Лихачев описывает 45 деревень, 94 двора (103 хозяина). Муромскому монастырю в этом погосте принадлежала всего 1 деревня в 4 двора (3 хозяина); Палеостровскому — 2 деревни, 4 двора (5 хозяев).

Вторым по значимости был погост Никольской на Пудоге, т. е. Пудожский погост. Здесь также было две церкви — Николы чудотворца и Троицы Живоначальной. Как и в Шале,

[33] Значком «в» в кружке в Писцовой книге обозначалась формула «во дворе».

[34] Т. е. «полянки» были расчищены под пахоту после составления Писцовой книги 1496 г. Юрием Константиновичем Сабуровым.

[35] Обжа — древняя поземельная единица в Новгородской феодальной республике («а обжа один человек на одной лошади орет»). В середине XVIII в. велено было 1 обжу измерять в 5 десятин. См.: Обжа // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 21, кн. 42. С. 503.

[36] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 168.

[37] *Нилов Е.* Муромский монастырь. С. 9.

[38] *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии : (XV—первая треть XX в.). М., 1999. С. 47.

на погосте был игумен Васьян, 5 стариц и чернец. Московскому государю здесь принадлежали бывшие волостки Настасьи, жены Ивана Григорьевича (95 живущих и пустых деревень, 163 двора, 148 хозяев), Микиты Грузова (51 деревня, 84 дворов, 92 хозяина), Марфы Исаковой (49 деревень, 84 дворов, 76 хозяев). Юрьев монастырь владел 19 деревнями, 54 дворами (59 хозяев).

Третий погост, описанный в Писцовой книге, — Водлозерский Рождественский: «На погосте церьковь Рождество святыи Богородицы, а другая церьковь теплыи апостолы Петр и Павел верховные; а у церькви *в* поп Семен, *в* дьяк Гридя, *в* пономарь Ерофейко, сеют в поле ржы, 2 коробьи, сена косят 20 коп., обжа».[39] В царевых волостках (бывших боярщинах) здесь зафиксировано 85 деревень, 90 дворов (80 хозяев).[40]

Во второй половине XVI в. пудожскими землями, в частности водлозерскими, помимо уже названных выше Юрьева и Вяжищского новгородских монастырей и местных, обонежских Палеостровского и Муромского, заинтересовался также основанный в 1397 г. и превратившийся в течение столетия в крупного землевладельца Кирилло-Белозерский монастырь. Сохранилась, например, «Купчая на деревни на Канзонаволоке Водлозерской волости Каргопольского уезда, проданные Игнатьем Никифоровым сыном и другими владельцами Кирилло-Белозерскому монастырю» (22 декабря 1578 г.): «... продали есмя игумену Козме Кириллова монастыря цареву и государеву черную деревню в Каргопольском уезде на Водлозере на Канзонаволоке без четверти обжи со всеми угодьи, и с лешими и с водяными ловлими и с пахотною землею, и с Новгудою рекою и с Ылексою рекою от устья и до Сиговца, и с Нялмоозером. А взяли есмя на той деревни и на всем угодьи у игумена Козмы з братьею 20 руб. денег».[41]

В 1578—1579 гг. водлозерец Константин Иванов сын с детьми закладывает Кирилло-Белозерскому монастырю в «кабалу» Чимовскую деревню на Колгоострове. Сохранилась также «Закладная кабала» на половину обжи Есиповской деревни на Колгоострове.[42]

Материалы Писцовой книги Андрея Лихачева, изложенные выше, позволяют утверждать, что в середине XVI в. в трех погостах Пудожской земли насчитывалось 657 хозяев дворов. Если взять коэффициент 6.18, как это предлагается в коллективном исследовании «Аграрная история Северо-Запада России» для периода XVI—XVII вв.,[43] то получается, что в Пудожье на этот период проживало около 4065 человек. Из опыта XIX в. известно, что носителями былинной традиции являлись отнюдь не все жители той или иной деревни. Думаем, что подобным же образом обстояло дело и в XVI в. Хотим также специально подчеркнуть, что в описываемое столетие далеко не все население Пудожского края по своему менталитету было русским: ассимиляция «чудского» суб-

---

[39] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 173.

[40] Во время опричнины часть водлозерских деревень (по восточному берегу озера) были отписаны в опричнину Ивана Грозного, а затем включены в состав Каргопольского уезда. Опись этих земель мы находим в «Сотной грамоте на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова» 1568/69 г. См. подробнее: Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова. 1568—1569 года // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. С. 479—483.

[41] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. № 194. С. 265.

[42] Там же. № 196, 198.

[43] Аграрная история Северо-Запада России : Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. Т. 1. С. 19. См. также: *Чернякова И. А.* Население Олонецкого края в XVII в. : (По писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера : (Социально-экономические проблемы). Петрозаводск, 1988. С. 115—133.

страта еще не была завершена. Следовательно, значительная часть пудожского населения в XVI в. не ощущала былины как свое собственное культурное достояние. Все это заставляет задуматься, насколько тонкой и уязвимой была связующая нить былинной традиции метрополии (Великий Новгород) и ее северных территорий, в том числе и Пудожья. Полагаем, что в Пудожском крае во времена Ивана Грозного былинное знание сохранялось едва ли 130 сказителями (одна пятая от количества хозяев дворов). Настоящими же мастерами эпического пения были единицы.

Следует сказать, XVI столетие с жестоким правлением Ивана Грозного, опричниной и тяжелой затяжной Ливонской войной (1558—1583) было очень неблагоприятным временем для развития Обонежья, и в частности Пудожья. Писцовая книга Андрея Лихачева свидетельствует, что в 1563—1566 гг. довольно много пудожских дворов стояли пустыми: люди от неурожаев, разорения и непомерных поборов уходили со своих земель. Так, например, об одной из деревень Водлозерского погоста читаем: «Дер. Илес на Водле реки Терехов *след* Федкова, треть обжи, засеву *было* в поле пол-коробьи, закосу 7 коп., *пуста*, поля и пожни лесом поросли».[44] Среди записей о Пудожском погосте находим: «Дер. на Корбо-озери Спиридонков *след* Кондратова да соседа его Селиванка, пол-обжы *пуста*, поля и пожни лесом поросли, засеву было в поле ржы 3 четки, закосу 15 коп.».[45] В пудожских волостках на этот период без священников оказывались церкви. «На Колодо-озере церковь великий Никола, а у церкви попа нет», — свидетельствует Андрей Лихачев.[46]

Начало XVII в. с его Смутным временем, как известно, еще в большей степени разорило русские земли. В 1612 г. в пределах Шальского, Пудожского, Андомского и Вытегорского погостов (последние два располагаются на юго-восточном побережье Онежского озера) орудовали польско-казацкие отряды Сидора и Барышпольца. Для их уничтожения по приказу из Москвы в ноябре 1613 г. был послан отряд воеводы Богдана Чулкова, изгнавшего разбойничающие банды с территории Пудожья.

Писцовая книга 1616—1619 гг. Ивана Льговского зафиксировала разорение в Пудожском погосте-месте (т. е. собственно в Пудожском погосте, а не в округе). Храмы уцелели, как и дворы причта, но 13 келий, в которых жили старцы (т. е. нищие), были сожжены. В 11 близлежащих деревнях жилыми было только 23 двора (25 хозяев); 7 дворов стояли пустыми, а 25 дворовых мест были и вовсе сожжены. Так, в самой большой деревне Большой Двор из 10 хозяйств уцелел только двор Игнатко Фомина, а остальные были в пепелищах. «...Дворы сожгли и жильцов побили литовские и немецкие люди и казаки в разоренье», — свидетельствует Иван Льговский.[47]

От этого времени в устной поэзии пудожан остались предания о «панах». Так, в 1940 г. в д. Бураково на Купецком озере рассказывали: «... а паны-беженцы будто под елью похоронены, где часовня... Их шло сорок человек; в Бураково была деревянная церковь стара, на месте этой, так колокол они сняли. На Песчаное несли и там зарыли, не дошли они. Поймали панов, похоронены они на Песчанском поле (около Песчаного). Их окружили и тут положили, тут они убиты. Давно это было».[48] О «панах» помнили и в Водлозере: рассказывали, что у деревни Канзана-

[44] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 173.

[45] Там же. С. 178.

[46] Там же. С. 184.

[47] Цитируется по статье: *Кораблев Н. А.* Никольский погост на Пудоге в XIV—XVIII вв. // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. Вологда, 2000. С. 121.

[48] *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. С. 152. № 269.

волок состоялась большая битва с «панами», а некоторые местные семьи считают себя их потомками.[49]

Нашествие польско-казацких отрядов в Обонежье, естественно, не способствовало росту здесь населения. В начале XVII в. Писцовые книги отмечают в пудожских пределах существенную убыль крестьянских дворов. По подсчетам исследователей, до 1612 г. в Пудожском и Шальском погостах насчитывалось 215 деревень (700 дворов). В 1616—1618 гг. государев писец Иван Льговский описал всего 163 деревни (411 дворов).[50] Регрессирующие колебания в количестве народонаселения заставляют особо остро ощутить, насколько вероятной была утрата пудожанами (и в целом крестьянами Русского Севера), жившими в суровых природных условиях, песенно-эпического знания. Сохранение былинной традиции безусловно является культурным и нравственным подвигом севернорусского крестьянства, в том числе и пудожан.

С окончанием Смутного времени пудожские деревни начали возвращаться к нормальному течению жизни. Однако ряд непродуманных решений правительства, обусловленных необходимостью укрепить карельские рубежи от возможного нападения шведов, еще раз нарушил восстановление крестьянских хозяйств. В 1649 г. в Обонежье появился первый город-крепость — Олонец (западное Обонежье), куда был назначен воевода. Олонецкому воеводе был подчинен и Пудожский край. В том же 1649 г. часть крестьян была переведена в разряд «пашенных солдат», которые должны были вести свое хозяйство и одновременно обучаться военному делу. В результате крестьянские хозяйства оказались запущенными. В 1660-е гг. в Пудожье, как и во всем Обонежье, наступил голод. В 1666 г. «пашенные полки» были отменены, однако восстановление крестьянских дворов шло медленно.

«Отписка Олонецкого воеводы Богдана Ордина-Нащокина в Новгородский приказ об отсылке данных и оброчных денег с Заонежских погостов в Москву» от 15 сентября 1674 г. свидетельствует, что погосты Пудожья были бедны и малонаселенны и соответственно с них собиралось гораздо меньше оброчных денег, чем с других Заонежских погостов. В «Отписке» читаем: «С Пудожского погоста з живущего с 32 вытей с полполполчети выти да с получетверика в уплату 43 рубли 13 алтын с полуденгою».[51] С Водлозерского погоста была взята примерно та же сумма — 42 рубля 23 алтын с полуденгою, в то время как на Мегорском погосте было собрано 313 рублей 16 алтын 3 денги, на Оштинском — 127 рублей 17 алтын 1 денга, на Толвуйском — 351 рубль 20 алтын 5 денег и т. д.

Тем не менее Пудожье продолжало экономически развиваться и укреплять торговые связи с соседними регионами. Об упорном желании пудожан быть включенными в торгово-экономическую сеть Обонежья говорят документы, связанные с неуплатой ими таможенных пошлин. К февралю 1675 г. относится «Отписка Олонецкого воеводы Богдана Ордина-Нащокина в Новгородский приказ об отказе крестьян Юрьевского монастыря Негижимской волости от уплаты таможенных пошлин со своих торгов в Повенецком рядке»: «... а Юрьева де монастыря крестьяне Негижимской волости торгуют многими товары, а с тех своих торгов твоих великого государя торговых рублевых пошлин не платят, и твоему государя указу чинятца непослушны, и

[49] *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 31.

[50] *Кораблев Н. А.* Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 10.

[51] Карелия в XVII веке : Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 210.

от целовалников отбиваютца, и на заставах с товары проезжают безъявочно и без записки силно».[52]

Главным предметом торговли пудожских крестьян был выращиваемый на подсечных землях лен. Цитируемая «Отписка» продолжает: «... того Юрьева монастыря крестьяне Негижемские волости, покупая меж собою лен и иные товары, и отвозят в Каргополь и на иные ярманки и торгуют отъезжими болшими торгами, и тех, государь, отвозных своих товаров в отвоз повенетцким таможенным целовалником не объявляют, и пошлин в твою великого государя казну не платят, и выписей на те свои отвозные товары не емлют, и проезжают, государь, многолюдством силно».[53]

Отметим один важный момент в истории пудожских земель XVI—XVII вв.: на протяжении данного периода центр края постепенно перемещался из Шальского погоста (в устье Водлы) в Пудожский погост (среднее течение Водлы). По подсчетам Н. А. Кораблева, Писцовая книга 1583 г. Андрея Васильевича Плещеева в собственно Пудожском погосте и близлежащих деревнях, которые через два столетия вошли в состав г. Пудожа, регистрирует население примерно в 290 человек. Писцовая книга 1616—1619 гг. Ивана Льговского, созданная сразу же после разорения Пудожья польско-казацкими отрядами, позволяет исчислять население в количестве 175 человек. По книге 1646—1647 гг. И. Писемского Н. А. Кораблев насчитывает уже 350 человек, а по книге Ф. Аничкова 1678 г. — около 590 человек. «Пудожское гнездо поселений являлось наиболее значительным в Восточном Обонежье. В 1678 г. в нем было сосредоточено 14 % населения Пудожского погоста-округа и свыше 8 % населения трех погостов-округов, расположенных в бассейне р. Водлы, — Шальского, Пудожского и Водлозерского вместе взятых», — подчеркивает исследователь.[54]

Конец XVII столетия принес на Пудожье еще одну важную историко-культурную черту — новый очаг напряженности, связанный с церковным расколом. От 1691 г. до нас дошла челобитная крестьян Колодозерской волости Тита и Василия Ивановых, обвиненных священником церкви Рождества Богородицы Киприяном Михайловым в сочувствии и пособничестве расколу. Как можно понять из челобитной, причиной противостояния попа и крестьян оказались не поделенные сенные покосы. Киприян направил челобитную с обвинением Тита и Василия в расколе в Олонец, в результате чего крестьяне оказались в Олонецкой тюрьме. На допросах власти интересовались одним вопросом: «бутто я ведаю, где ныне воры и церковные раскольники строятца и збираютца».[55]

Непроходимые леса Пудожья, действительно, позволяли в конце XVII в. возводить деревни и скиты, сокрытые от властей. Так, известно, например, что в 1691 г. старообрядческое «пристанище» существовало в районе Салмозера в Колодозерской волости.[56]

К северу от Пудожского погоста на маленьком Рогозере возникла Рогозерская пустынь. Это был центр пудожского старообрядчества. По следствию, учиненному в связи с самосожжением

---

[52] Там же. С. 215.

[53] Там же. С. 216.

[54] *Кораблев Н. А.* Никольский погост на Пудоге в XIV—XVII вв. С. 122.

[55] Карелия в XVII веке. С. 329.

[56] *Костин А. Г.* Из истории старообрядчества на территории Пудожского района Карелии // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры : Тез. докл. Междунар. науч. конф. (13—17 октября 1994 года). Петрозаводск, 1994. С. 44—46.

раскольников, произошедшим в 1693 г., выяснилось, что в этом скиту собрались ревнители старой веры из разных областей страны — из Москвы, с Белого моря из Сумского Посада, каргопольцы, а также местные жители с Сумозера и Водлозера: «... а есть де пришлой чернец Тимофей, и живет в Рогозерской пустыни, да с ним живут два чернеца: один родом Пудожского погоста из Сумы, прозванием Розунов ⟨...⟩, а другой пришлой имянем Иосиф, да дьячки Водлозерского погоста Ивашко Валуев пасынок да Васка Емельянов ⟨...⟩ а родом де тот Васка сказывался от моря сумлянин, да москвитин Илюшка Федоров».[57] В Рогозерской пустыни собрались также каргопольцы числом более ста человек «мужеска полу», представители «иных городов» и жители «Пудожского погоста и волостей мужеска полу и женска близ 1000 человек».[58]

Именно отсюда, из Рогозерской пустыни, 21 июля 1693 г. фанатичные ревнители старой веры привели своих последователей в Пудожский погост. Из «Отписки Олонецкого воеводы Леонтия Стрешнева в Новгородский приказ по делу о раскольниках Пудожского погоста» узнаем, что священники погоста Семен Петров и Антип Михеев 26 июля, докладывая о произошедших событиях, «били челом»: «... пришли в их Пудожской погост церковные расколники, незнаемые люди, и того Пудожского погоста жители в церковь Божию силно, и в церковные де колокола по вестовому били ⟨...⟩ и домы их розграбили и разорили».[59] К рогозерцам присоединилась и часть жителей Пудожского погоста во главе со старостой Сенкой Леонтьевым. По челобитной попов из Олонца в Пудожский погост был послан стрелецкий сотник Микита Ижорин со стрельцами с приказом раскольников привезти в Олонец, «а пристанища их расколнические, буде где по лесом и по деревням объявятся, разорить, зжечь, чтоб вперед таким же ворам и расколником пристанища не было».[60] Раскольники ушли в деревню Строкино, где 12 августа заперлись в четырех избах, оказали вооруженное сопротивление стрельцам и «зажглись вскоре и сгорели все без остатку».[61] Считается, что в этой «гари» погибло около 800 человек. «Строкинская гарь» наряду с известными «Палеостровскими гарями» 1685 и 1687 гг. была так называемой «великой гарью», причем последней из великих «гарей» в Олонецком крае.

Рогозерская пустынь, как и было приказано, была стрельцами сожжена, и впоследствии таких мощных очагов старообрядчества в Пудожском крае уже никогда не возникало. Раскольничий центр, как известно, с 1690-х гг. стал складываться севернее Пудожья на реке Выг. Со временем здесь образовалось знаменитое старообрядческое общежительство — Даниловский скит (Выгорецкая), сыгравший выдающуюся роль в культуре Олонецкого края. Южная часть Выгореции в административном плане входила в состав будущего Пудожского уезда. Более 20 здешних скитов, без сомнения, оказывали духовное влияние на все Пудожье.

После разгрома Выгорецких скитов во времена Николая I позиции старообрядчества в Пудожье были существенно подорваны. В конце XIX в. В. Н. Харузина, побывавшая на Купецком озере, видела там мыс Старообрядческий Нос, на котором располагалось староверческое кладбище. Сопровождавший ее старшина д. Авдеевской сообщил, что землю под кладбище купил его «дед — а может быть, и побольше тому времени будет». «Ведь наши-то старой веры были; только

[57] Карелия в XVII веке. С. 337 (Документ № 215 «Отписка олонецкого воеводы Леонтия Стрешнева в Новгородский приказ по делу о раскольниках Пудожского погоста». С. 331—346).

[58] Там же. С. 339.

[59] Там же. С. 331.

[60] Там же. С. 333.

[61] Там же. С. 340.

как умер отец, я да братья перешли», — признался он.[62] На конец XIX в. В. Н. Харузина фиксирует в Купецком озере следующую ситуацию: «Теперь староверов насчитывают с десяток в окрестных селениях — и их обыкновенно чуждаются и не любят православные крестьяне».[63]

Согласно современным исследованиям, ревнители старой веры в XIX столетии особо сильные позиции имели в Нигижемско-Георгиевском приходе (южная часть Пудожского уезда) и в Пудожгорском приходе (на северной части восточного берега Онежского озера).[64]

XVIII век с его петровскими преобразованиями привнес новые черты в жизнь пудожан. С 1703 по 1725 г. Пудожский и Шальский погосты были прикреплены к олонецким горным заводам. Это означало, что крестьяне наряду с ведением собственного хозяйства обязаны были отрабатывать определенное время на заводах. В 1764 г., когда началась секуляризация монастырских владений, все монастырские крестьяне Пудожья были переведены в разряд государственных. Через два десятилетия в 1784 г. указом Екатерины II было образовано Олонецкое наместничество с центром в Петрозаводске. Одновременно был создан Пудожский уезд, а Пудожский погост преобразован в г. Пудож. В городе проживало всего 479 жителей, и он еще долго по сути оставался деревней. В 1802 г. была создана Олонецкая губерния.

К XIX в. жизнь Пудожского края и других регионов Русского Севера организовывалась не древними погостами как административными единицами (Шальский, Пудожский, Водлозерский), а системой волостей, делившихся впоследствии еще и на общества. Границы волостей менялись. На 1905 год[65] на территории «пудожской былинной традиции» находились следующие волости: Авдеевская (с обществами Мелентьевским, Бураковским, Перх-наволоцким, Тубозерским; всего 4272 человека), Водлозерская (с обществами Казанаволокским, Куганаволокским, Пилмас-озерским; всего 3301 человек), Коловская (с обществами Филимоновским, Васюковским, Коловским, Островским, Самсоновским, Усть-Колодским, Отовозерским; всего 4566 человек), Колодозерская (с обществами Колодозерским и Дубовским; всего 1377 человек), Корбозерская (с обществами Корбозерским, Салмозерским, Водлинским; всего 1960 человек), Нигижемская (с обществами Якушевским, Каршевским, Подбережным, Великодворским, Шальским; всего 4286 человек). Таким образом, в рассматриваемом регионе в начале XX в. проживало 19 762 человека. Древний Шальский погост, окончательно потеряв свое административное значение, стал всего лишь одним из обществ Нигижемской волости.

Наряду с волостями для XIX—начала XX в. актуальным было деление Пудожского края на приходы. Сеть сельских приходов на Русском Севере начала складываться еще в XVI в. По мнению исследователей, это «означало качественно новый этап в христианизации Севера». «Община, — отмечает А. В. Камкин, — как поземельный, хозяйственный, гражданский и податный союз стала дополняться единством духовно-религиозным».[66] К концу XVII в. становление прихо-

---

[62] *В. Х.* На Севере : (Путевые воспоминания). М., 1890. С. 67 (авт.: В. Н. Харузина).

[63] Там же. С. 67.

[64] *Костин А. Г.* Из истории старообрядчества на территории Пудожского района Карелии. С. 44—46.

[65] Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907. С. 240—267.

[66] *Камкин А. В.* Проблемы изучения сельского прихода XVI—XVIII вв. как особой формы крестьянского общежительства // Народная культура Севера : «Первичное» и «вторичное», традиции и новации : Тез. докл. и сообщ. региональной науч. конф. 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 67; см. также: *Камкин А. В.* Православная церковь на Севере России : Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

дов в основном состоялось. На 1876 г. в Пудожском уезде было 16 приходов (помимо прихода в самом городе Пудоже); 9 из них располагались на территории, где сформировалась былинная традиция, называемая пудожской.[67] В начале XX в., как следует из «Путевых заметок» Олонецкого и Петрозаводского епископа Мисаила, совершившего инспекторскую поездку по подведомственным ему приходам, некоторые из разросшихся пудожских приходов были разделены на две самостоятельные единицы.[68] Тем не менее приход как церковно-административная единица был более устойчивым, чем волость, поэтому опишем их с точки зрения сведений о наличии в них былинной традиции.

Шальский приход располагался в нижнем течении Водлы и по берегам впадающей в нее речки Шалицы. Приходская Преображенская церковь, находившаяся в д. Теребовской (в 25 верстах от г. Пудожа; № 3858),[69] являлась прямой наследницей церкви древнего Шальского погоста. Приход состоял из 24 деревень (на 1876 г. — 505 муж. душ), самая отдаленная из которых располагалась в 18 верстах от приходской церкви. В сборнике П. Н. Рыбникова[70] имеются былины Шальского лодочника, с которым собиратель встретился в 1860 г., а также эпические песни П. Т. Антонова из д. Гагарки (№ 3857), записанные по поручению П. Н. Рыбникова писарем. С Потапом Антоновым в Шальском приходе встречался также А. Ф. Гильфердинг.[71]

В самом конце XIX в. из этого прихода выделился Шальский приход с церковью Александра Невского в д.Семеново (в 20 верстах от г. Пудожа; № 3856). Экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга» под руководством братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, работавшая в 1926 г. в Пудожье, обнаружила в д. Семеново несколько знатоков былин (А. М. Пашкова, П. Е. Миронов, Н. А. Силкина, А. Я. Малышева и др.), самым ярким из которых был Ф. А. Конашков. «Старины в нашем дому лет триста, — рассказывал он собирателям, — после Ивана царя Грозного. Дедко пел, дядя Василий Степанович умер лет 25, — лет 70 было. Из роду в род в нашем роду. К нам ходили на беседу. Про былины далеко молва шла».[72]

С Шальским приходом соседствовал Купецкий приход, объединявший на 1876 г. 29 деревень (827 муж. душ), 4 из которых были на расстоянии 15—20 верст от Покровской церкви в д. Бураковской (41 верста от г.Пудожа; № 3896). Центрообразующим для прихода было небольшое Купецкое озеро (4.5 версты в длину), находящееся к северо-западу от г. Пудожа. Из Купецкого озера вытекает река Шалица (правый приток Водлы), которая и обеспечила раннее освоение этого микрорегиона. Купицкая (Купецкая) волость упомянута в названной выше подложной «Межевой ободной грамоте», датируемой XVI в. и претендующей на принадлежность к XIV в. В XIX в. Купецкое озеро соединялось с г. Пудожем проселочной дорогой, ведшей на север в Повенец. Именно этой дорогой, 40 верст пролегавшей по густой тайге, в 1887 г. добрались до Купец-

[67] Росписание сельских приходов, церквей и причтов Олонецкой епархии. Б.м., [1876 ?].

[68] *Е. М.* Путевые заметки : (Из поездок Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мисаила, по Олонецкой епархии в 1907 г.). Петрозаводск, 1908 (авт.: Епископ Мисаил).

[69] Номер означает описание деревни по изд.: Список населенных мест по сведениям 1873 года: XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1897.

[70] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989—1991. Т. 1—3.

[71] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1—3.

[72] Онежские былины / Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. И. Чичерова; Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова. М., 1948. С. 343—344 (Летописи / Гос. лит. музей; Кн. 13).

кого прихода Н. Н. и В. Н. Харузины. Н. Н. Харузин отмечал, что названия большинства деревень, лежащих на берегах Купецкого озера, имеют чисто русское происхождение: Авдеевская, Алексеевская, Ананьинская, Климовская, Мелентьевская, Михалевская и др. Антропологически жители Купецкого озера также являют собой славянский тип: «по преимуществу люди высокого роста, с густой бородой, цвет волос преимущественно темно-русый или черный».[73] Крестьяне Купецкого озера наследовали не только антропологические черты своих новгородских предков, но и их духовное богатство — былины.

Укажем, что в 1860 г. на Купецком озере в д. Бураковской П. Н. Рыбников открыл сказителя Никифора Прохорова (Утицу), а в январе 1861 г. в Шуньге (Заонежье) он записал от слепого калики Ивана Фепонова, уроженца Купецкой волости, былину «Василий Игнатьевич». С И. Фепоновым встречался и А. Ф. Гильфердинг. Н. Н. и В. Н. Харузины были свидетелями былинного состязания Н. Прохорова и старика из д. Мелентьевской (№ 3875) с того же Купецкого озера.[74] Экспедиция братьев Соколовых, работавшая там в 1926 г., открыла в д. Мелентьевской крупного знатока былин Г. А. Якушова, по матери — внука П. Т. Антонова. В д. Загубье (№ 3874) собиратели встретились с С. А. Башкировым. На Купецком озере в д. Климово (№ 3880) жил один из самых лучших сказителей XX в. И. Т. Фофанов, с которым в 1938 г. работал К. В. Чистов. В конце 1930-х гг. собиратели записали былины в д. Алексеевской (№ 3883) от Н. А. Ремизова, в д. Авдеевской (№ 3900) от А. С. Логинова и в д. Ижгоре (№ 3911) от А. Л. Фадеевой;[75] с ней продолжали работать и в послевоенный период. Былинная традиция на Купецком озере продержалась довольно долго. В 1961 г. записывались эпические песни от К. Е. Ремизовой, жены Н. А. Ремизова.[76]

Вверх по Водле за территорией Шальского прихода располагается г. Пудож с каменной приходской Свято-Троицкой церковью, построенной в 1817 г. и расширенной на средства купца Базегского в 1890 г. В приходе были также каменная кладбищенская церковь Александра Невского 1903 г. постройки и еще две деревянные кладбищенские церкви. По свидетельству епископа Мисаила, в 1907 г. приход объединял 3585 прихожан. Пудожский приход, что вполне естественно, является прямым наследником древнего Пудожского погоста. Можно предположить, что церковь здесь существовала уже в XIV в. Из документов известно, что в 1648 г. в Пудожском погосте была деревянная, уже древняя к тому времени, церковь Николы Чудотворца и церковь Живоначальной Троицы. На погосте стояли дворы двух священников (Богдан Иванов и Василий Григорьев), двух дьяков (Ломанко Васильев и Якуша Микулин), двух пономарей (Клепа и Тарас) и проскурницы (Ираида-старица). Здесь же располагались 6 келий для нищих.[77]

В самом городе Пудоже былин не записывали ни П. Н. Рыбников (и его корреспонденты), ни А. Ф. Гильфердинг. Однако данный факт, естественно, не противоречит предположению, что древний Пудожский погост, как и Шальский, в Средние века был точкой культивирования и распространения местного извода песенно-эпической традиции. Напомним, что П. Н. Рыбников,

---

[73] *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 8.

[74] *В. Х.* На Севере : (Путевые воспоминания). С. 67—71.

[75] См.: Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья, примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.

[76] Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

[77] *Нилов Е.* Муромский монастырь. С. 9.

описывая свое путешествие 1860 г. по Пудожскому краю, замечал: «Еще в Петрозаводске тамошние старожилы рассказывали, что в старое время былевые песни были в большом ходу и в большой чести у всего пудожского городского населения. Лет пятьдесят тому назад не только купцы и мещане, но и чиновники сходились по вечерам на беседы, чтобы слушать былины».[78] Вблизи г. Пудожа в 1920-е гг. былины записывала экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В д. Мечево (Мячевской; № 3971), расположенной в двух верстах от города при оз. Мячевском, собиратели встретились с Т. А. Филимоновой; в д. Карапулино (№ 3969), находящейся на левом берегу р. Водлы в 2.5 верстах от г. Пудожа, проживал сказитель А. Н. Голованов; Г. М. Сидоров-Полевой, зять знаменитого сказителя Андрея Сорокина, родом был из д. Филимониха (№ 3845), в 3 верстах от Пудожа.

Былины были записаны и в более дальних от Пудожа деревнях, расположенных вверх по течению реки: в д. Колово (№ 3989; 8 верст от города; сказительница Е. А. Кокунова, сборник «Былины Пудожского края») и д. Нишуково (Нешуковская, № 3982; 8 верст от города; сказительница И. А. Аникина, сборник «Онежские былины»).

Вверх по течению реки от г. Пудоги в 17 верстах от города располагался Кулгальский приход (на 1876 г. — 898 муж. душ) с Петропавловской церковью при д. Федотовой. Здесь имелась также приписная церковь св. Параскевы. Из 17 приходских деревень самая дальняя находилась в 30 верстах от д. Федотовой. Согласно преданиям, начало приходу дали поселенцы, бежавшие в середине XVI в. из Каргопольских земель, подвергавшихся татарским (так! — Т. И.) нашествиям. В «Олонецких губернских ведомостях» за 1862 г. сказано: «Первых поселенцев было четверо: Федот, Софрон, Рыбуша и Кошук; по имени их называются и деревни близ приходской церкви. Потомства от Рыбуши не осталось; земляные распашки его существовали до сих пор и в 1827 году отданы церкви. Род остальных трех поселенцев так со временем умножился, что в 1666 году здешние жители просили преосвященного Питирима, митрополита Новгородского, об устройстве в Кулгале церкви, выставляя причиною „дальнюю волокиту" для христианских треб Пудожской погост, за 17 верст, по реке Водле; сухопутной дороги тогда еще не было. Грамота Преосвященного, данная на постройку храма по прошению кулгальцев, хранится ныне в приходской церкви».[79]

Недалеко от Кулгальского прихода находится Сумозеро, связанное с Водлой ее притоком речкой Сумой. На 1907 г. здесь был образован новый Сумской приход с церковью, построенной иждивением петербургского купца (по-видимому, уроженца здешних мест) В. И. Юсова. В д. Новинки на Сумозере (№ 3919), расположенной в 15 верстах от города, во второй половине XIX в. проживал знаток былин А. П. Сорокин, старины которого имеются в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Экспедиция братьев Соколовых встречалась здесь с Ф. Ф. Ясиным.

Колодозерский приход объединял 27 деревень (616 муж. душ) в районе р. Колоды (левый приток Водлы) и озера Колодозеро; 9 из них располагались в 35—55 верстах от Никольской церкви при д. Погостское (в 70.5 верстах от города; № 4027). В приходе была также приписная Ильинская церковь. Колодозерский приход зарегистрирован в Писцовой книге 1563—1566 гг., причем на тот момент, как уже указывалось выше, он стоял без попа. В сборнике П. Н. Рыбнико-

[78] *Рыбников П. Н.* Заметки собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 66.

[79] Город Пудож : (Предания о его заселении) // Олонецкие губернские ведомости. Ч. неофиц. Петрозаводск, 1862. 27 окт., № 41. С. 102.

ва есть былины от Колодозерского старика и Трофима Романова из д. Пирзаковской (№ 4017). Колодозерский материал из д. Заозерье (№ 4034) от Д. А. Шпагиной имеется также в сборнике «Былины Пудожского края». Очевидно, что этот микрорегион Пудожья в свое время остался обойденным собирателями.

Еще в большей степени не повезло другому приходу Пудожья — Корбозерскому. Он расположен на еще одном левом притоке Водлы — речке Корба и оз. Пелус (20 деревень; 638 муж. душ). Никольская церковь находилась при д. Васюковской (№ 4007); 3 деревни — на расстоянии 35—40 верст от церкви. Здесь записи былин не производились никем из собирателей. Однако укажем, что А. Н. Камерилова, с которой встречались участники экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» в д. Филимонихе (№ 3845), расположенной близ г. Пудожа, родом была из д. Васюковской.

На Водлозере существовало два прихода — Водлозерско-Пречистинский и Водлозерско-Ильинский. Первый объединял 18 деревень (на 1876 г. — 491 муж. душа). Церковь Рождества Богородицы располагалась при д. Большой Поге; 3 самые дальние деревни находились в 23—30 верстах от нее. Второй приход составляли 19 деревень (664 муж. душ) с Ильинской церковью в д. Михайловской. Самая дальняя деревня была от церкви на расстоянии 30 верст.

Оба церковных погоста располагались на островах, причем о каждом из них существует предание: церковь сначала хотели построить на другом месте, но бревна, предназначенные для строительства, неоднократно неведомой силой приносило на место будущего погоста.[80] В XIX в. для водлозерцев актуальными оставались представления о священных рощах, находившихся на островах Кинг и Илам.[81] В Водлозере, согласно представлениям местных жителей, жили два водяных — Пречистинский и Ильинский, ходившие друг к другу в гости и даже породнившиеся (дочь Ильинского водяного вышла замуж за Пречистинского водяного). Исследователи считают рассказы о двух водяных в одном озере отражением того, что на Водлозере некогда столкнулись два племени (или два рода) и каждое поклонялось своему водяному.[82]

Хотя, по мнению К. К. Логинова, водлозеры представляют собой этнолокальную группу, сложившуюся на основе вепсского субстрата, к концу XIX в. в этом микрорегионе существовала достаточно значимая русская былинная традиция. Былины были записаны А. Ф. Гильфердингом в нескольких деревнях Водлозера: д. Куганаволок (№ 3929 и 3930 — Большой и Малый Куганаволок; С. К. Панов); д. Пога (№ 3933 и 3934 — Пога Малая и Пога Большая; И. Г. Захаров); д. Чуяла (№ 3960; М. Ф. Нигозёркин); на Охтом-острове (№ 3945; Т. И. Суханов); в д. Великий остров (№ 3943; П. А. Федулов); на Пилмас-озере (№ 3963; В. А. Суханов, А. Петров). В сборниках «Былины Пудожского края» и «Русские эпические песни Карелии» имеются эпические произведения сказительницы С. Я. Егоровой из д. Малой Поги (№ 3933). На Рагнозере, расположенном недалеко от Водлозера, в одноименной деревне (№ 3916) собиратели встречались с О. И. Дмитриевым (сборник «Былины Пудожского края»).

В Песчанском приходе, на берегу Онежского озера, было 15 деревень (594 муж. души); приходским центром являлась д. Костинская с Георгиевской церковью. В приходе были также приписные церкви Ильинская и Рождества Богородицы. Через Песчаное осуществлялась связь

[80] *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. С. 28.
[81] Там же. С. 58.
[82] Там же. С. 30.

Пудожья с Заонежьем (Заонежским полуостровом), а там находились такие крупные былинные центры, как Кижи, Шуньга и Толвуй.

На территории Песчанского прихода на берегу Онежского озера находилась д. Марнаволок (48 верст от г. Пудожа; № 3924). Напомним, что П. Н. Рыбников в 1860 г., переезжая с Заонежского полуострова на Пудожский берег, планировал встретиться с неким стариком из Марнаволока, но старик этот оказался уже покойным.[83] Экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга» записала былины от трех крестьян Марнаволока — М. С. Мякишева, А. И. Журавовой и Т. А. Кузьминой. П. Н. Рыбникову в 1860 г. удалось записать былину от Гаврилы Амосова из Уной Губы (34 версты от г. Пудожа; № 3925). В сборнике «Былины Пудожского края» напечатаны былины П. Н. Журавлева из д. Ялгансельги (Ялганд-Сельга, № 3890). На Тубозере, где в конце XIX в. находилось несколько 1—4-дворных деревенек, расположенных в 58 верстах от уездного города, проживал Н. В. Кигачев (см. его былины также в сборнике «Былины Пудожского края»).

К югу от г. Пудожа в направлении к Вытегре находился большой Нигижемский приход, объединявший 39 деревень (на 1876 г. — 1445 муж. душ), причем 2 деревни располагались в 34 верстах от Георгиевской церкви в д. Великодворской. На конец XIX в. Георгиевская церковь 1650 г. сохранилась в перестроенном виде. В приходе были также приписные церковь Рождества Богородицы и Покровская. Рождественская церковь, по всей вероятности, была древнее Георгиевской, но на момент описания приходов стояла без попа. Из Писцовой книги Андрея Лихачева явствует, что в Нигижме на 1563—1566 гг. эта церковь уже существовала: «Дер. в Негижме на Урмо-озерки у часовни, а ныне в той деревне поставлена ново церковь Рожество Пречистые: *в* поп Гаврило, *в* дьяк Нифонтик, *в* пономарь Фетко».[84] Церковь была поставлена «ново», т. е. после более ранней книги 1496 г. Ю. К. Сабурова, следовательно, между 1496 и 1563 гг. На 1907 г., когда епископ Мисаил совершал поездку по своей епархии, Нигижемско-Пречистинская церковь (т. е. Рождества Богородицы) была уже самостоятельным приходом.

Через Нигижму проходил тракт Пудож—Вытегра (101 верста), определивший торговое значение этой точки Пудожского края. Здесь проходила с 8 по 15 сентября Рождественская ярмарка; торжки собирались также 23 ноября—3 декабря и 23—30 апреля.[85]

П. Н. Рыбников в этой части Пудожского уезда побывал, по-видимому, в 1864 г. и записал былины от Анфима Савинова из д. Раниной Горы Филимоновской волости (№ 3844; позднее это — Великодворское общество Нигижемской волости). В сборнике «Былины Пудожского края» напечатаны тексты И. Ф. Мишкина из д. Великодворской (№ 3834). Родом из д. Ярчева (№ 3835) была известная сказительница и плакальщица А. М. Пашкова, проживавшая в д. Семеново Шальского прихода.

Пудожье, как, впрочем, и другие территории Русского Севера, нередко характеризовалось как «глухой», «медвежий» угол России. Однако фольклорные произведения свидетельствуют: жители Пудожского края осознавали свои крепкие связи со всей русской землей. В былине «Василий Игнатьевич и Батыга» («Васька-пьяница») Ивана Фепонова из д. Мелентьевской на Купецком

---

[83] *Рыбников П. Н.* Заметка собирателя. С. 64.

[84] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 181.

[85] Ярмарки и торжки в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—69 год. Петрозаводск, 1869. С. 63 (3-я пагинация).

озере (запись А. Ф. Гильфердинга), уже по завершении сюжета, приведено следующее окончание:

Ай чистыи поля были ко О́пскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокия-ты горы Сорочинскии,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,
Колокольнёй-от звон да в Нове-го́роде,
Ай тёртыя колачики Валдайския,
Ай щапливы-щеголиви в Яросла́ви-городи,
А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко сине́ морю,
А щельё каменьё ко си́верику̀,
А широки подолы — Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онеги по реки,
Толстобрюхие бабенки Лёкшмозёрочки,
Ай пучеглазыя бабёнки Пошозёрочки.[86]

Обратим внимание на то, что в данном фрагменте помимо эпического Киева названы Новгород и Псков — земли, откуда шло русское перемещение в северные регионы. Пудожане знали Белое озеро, что, вероятно, является следствием не только относительной его близости к Пудоге, но и исторической памятью о значимости Белозерского княжества в средневековой Руси. Упоминаются Москва, управлявшая Пудожьем после 1478 г., а также Петербург — столица Российского государства на момент записи былины. Пудожане знали о Ярославле и Валдае. В самом конце процитированного отрывка называются Онега-река и Лёшмозеро (Лекшозеро), расположенные на восток от Пудожья. Их упоминание в былинном тексте — подтверждение того, что Пудога имела крепкие экономические связи с названными регионами. Пошозеро — это, скорее всего, Пашозеро в Тихвинском районе Ленинградской области; из Пашозера вытекает река Паша — левый приток Свири, которая была важным звеном в продвижении новгородцев на север.

Довольно любопытна также побывальщина, опубликованная в 1895 г. в «Олонецких губернских ведомостях». Побывальщина, отчасти сохранившая эпический ритм, явная аллюзия на былинный мотив «трех дорог», связанный с именем Ильи Муромца. В данном произведении богатырь выбирает путь между разными дорогами: на «славный городок» Повенец, «во сторону южную да в Вытегорскую», в сторону Олонецку, в сторону Пудожску, в город Петрозаводский. Каждая из дорог по разным причинам оказывается для былинного героя неприемлемой. Концовка побывальщины свидетельствует о трагическом истолковании причины исчезновения былинных богатырей. В каждой из сторон люди потеряли нравственные устои, и поэтому, не выбрав ни одной из дорог, Илья Муромец уезжает прочь («не найти мне люду русского»):

«Как во той ли земле, в болотах олонецких снаряжалася поездка богатырская. Выезжал старый казак Илья Муромец, становился он на тую на Сулож-гору и смотрел он в трубки подзорныя. И ко востоку глядел, ко стране заонежской, и ко западу к Олонцу трубки свои поворачивал, и к югу теплому смотрел, да и на полночь. И не знат-то он стар, куда ехати: аль поехати ему ко далекому ко северу, там славный городок Повенеч стоит у того ли озера глубокого у Онежскоего. Там

[86] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. № 60. С. 554.

и миру конец — бабы баяли; небо досками заколочено, все зверье живет, зверье страшное. У меня заповедь есть великая — со зверьми не ратовать, а со теми разбойники лиходейными.

Поглядел-то он еще Илья Муромец во сторону южную да в Вытегорскую. Там народ-то нечистый на руку, по преданию, у самого ль царя у Петра у Великого обрядили кофтан да у сонного. Знать дорога туда мне заказана; у апостолов мне путь предназначена к народу русскому православному.

Еще поглядел он ко славному Каргополю: видно есть там людей православных, а и церкви стоят разукрашены. Да вспомнил Илья тут: величание идет исстари — толоконники. Как толокно-то месили на озере, сто возов ушло, да не хреснуло. А и мужики каргополы были сметливы — они на дно пошли толокно расхлебывать. Шелепугой бы их поучить хорошенечко, тут подумал Илья думу крепкую.

И поглядел во сторону Олонецку: там сидят молодцы-объедальщики; коль кто больше съест, тому быти первому; они день-то едят, ночь пережевывают. Уж как было с одним добрым молодцем — тридцать пирогов съел со единыим. Он-то ел да ел, что-то лопнуло. Испужалися все — уж не брюхо ли? Разорвался ремень от натуги великоей. Нет, таких объедал мне не надобно, молвил стар Илья сын Иванович.

Поглядел он во сторону во Пудожску. А и что за диво дивное идет там по улицы! А по знаку знать, что то староста. Он идет, пыхтит, переваливат, день деньской он сидемши во избе своей; нет ли дел каких неотложныих, поджидаючи, — руки сложены, утомилися. Ох ты, Господи, служба трудная, не пойти ль домой щей покушати? Ишь какой, проворчал Илья, много видывал, но такого не наезживал.

Взглянул Илья ко городу к Петрозаводскому, нет народу там ни капли русского; желты волосы, речь корельска непонятная; словно птичий стон — по над городом, аж воронье-то кричит: мы не малтаем.[87]

Вздохнул тогда стар казак Илья Муромец, полились его слезы горючия: на плеши не быть кудрям, не найти мне люду русского — и поехал прочь он на добром коне, только званья его и видели».[88]

В этом тексте властная верхушка Пудожья (староста) рисуется ленивой, неторопливой, склонной к чревоугодию. Именно поэтому Илья Муромец, не приемлющий такие человеческие качества, отвергает дорогу в Пудож. Сложно сказать, экстраполируются ли названные грехи на всех пудожан или же побывальщина, не лишенная сатирического начала, награждает ими только социальные верхи края, но совершенно очевидно, что сами жители Пудожья в таком ракурсе себя воспринимать не могли.

Современная местная фольклорная традиция, напротив, рисует Пудогу как избранную землю. Именно здесь, по мнению определенной части верующих пудожан, находится библейская земля Армагеддон, где произойдет последняя битва верных христиан с силами тьмы и зла. Такое библейское восприятие Пудожья отражается в письменном «Послании об Армагеддоне», найденном в 2007 г. в сгнившем поклонном кресте на Водлозере. «Послание», написанное шариковой ручкой и завернутое в полиэтиленовый мешок, а также сам сгнивший к настоящему времени крест датиру-

[87] Не малтаем — не разумеем (из карел. яз.). См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1994. Т. 2. Стб. 761 (репринт. изд. 1903—1909).

[88] Еще о присловьях Олонецкого края // Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1895. 23 ноября, № 90. С. 5.

ются 1980-ми гг. Автор «Послания» помнит о храмах, некогда украшавших пудожскую землю, и мечтает об их возрождении: «Сам Владыко Благословивый во времена прежнии создатия храма Твоим на земле Твоей Армагедона, на земле Водлинской и Водлозерской. Благослови и ныне открытися и создатися внове честным церквам Твоим во граде Пудоже, в Колове, в Сумах, в Кубове, в Водле и на погосте святого пророка Илии, и во всей земле Водлинской и Водлозерской, и во всей земле Твоей Армагедона. Освяти, Многомилостиве, все бывшие святыни Твои: места, храмы, часовни, источники водныя, монастыри, скиты, пустыни».[89]

«Составитель молитвы, — отмечают опубликовавшие этот текст Е. В. Кузнецова и К. К. Логинов, — подразумевает под Армагеддоном вполне определенную территорию — не в Палестине, а на пудожской земле. Если взглянуть на карту ⟨...⟩, этот „Армагеддон" представляет собой фигуру, близкую к треугольнику, северной вершиной которого является Ильинский погост на Водлозере, южной — г. Пудож с ближайшими поселениями, а восточной — д. Водла».[90]

Эта молитва в очередной раз свидетельствует о том, что пудожане обладают локальным сознанием («аморфная» группа), которое, без сомнения, в Средневековье и в XVIII—XIX вв. скреплялось помимо прочих элементов былинной традицией, бывшей одним из важных факторов, определявших глубину исторической памяти жителей этого уголка Русского Севера.

---

[89] *Кузнецова Е. В., Логинов К. К.* «Послание об Армагеддоне» из Пудожья // Живая старина. М., 2009. № 1. С.29.

[90] Там же.

Н. С. ШАЙЖИН

II. СТАРАЯ ПУДОГА С XIV ПО XVIII ВЕК
(ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОЧЕРК)
(Публикация)

Впервые работа Н. С. Шайжина увидела свет в газете «Олонецкие губернские ведомости» в номерах за март—июнь 1905 г. Через год, в 1906 г., она вышла в Петрозаводске отдельным изданием. До сих пор это исследование, основанное на большом количестве исторических источников, сохраняет не только историографическую, но и краеведческо-познавательную ценность.

В основу данной публикации положен текст отдельного издания 1906 г. Он приближен к правилам современной орфографии и пунктуации. Примечания, отмеченные буквами, принадлежат Н. С. Шайжину и оставлены без изменений. В конце публикации приводится список использованной Н. С. Шайжиным литературы. В подстрочных примечаниях, обозначенных арабскими цифрами, даются комментарии к тексту, подготовленные А. Ю. Жуковым с учетом современных научных представлений.

Статья Н. С. Шайжина, публикуемая в настоящем томе, в исправленном и откомментированном виде напечатана в Материалах региональной научной конференции «Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера» (7—9 сентября 2006 г.). Конференция была подготовлена Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Пудожским районным историко-краеведческим музеем им. А. Ф. Кораблева.

I. Время возникновения поселений

Под общим просторечным названием Пудоги кроме г. Пудожа теперь разумеют очень нередко весь Пудожский край, равно как под название, например Каргополя, Вытегры, подводятся многие местности этих уездов. Но в древности именем Пудоги,[a] входившей в состав Обонежской пятины, означалась только юго-западная часть нынешнего Пудожского уезда, погосты-округи Водлозерский, Пудожский и Шальский, вся же северо-восточная часть края, лежащая за водоразделом р. Водлы и Онеги, относилась к Каргополю, а вместе с ним к Заволоцкой земле, или Заволочью.[b, 1] Нас интересуют в настоящий момент исторические судьбы только Пудожского и

[a] Впервые название это встречается в III Новгородской летописи под 6959 (1448) г.: «Каргополе и *Пудогу* пограбиша шестники».

[b] И. Калита завещает своему сыну все пять пятин Новгородских и Каргополь и волости на Ваге и Двине... и (вообще) всю Заволоцкую землю. См. также границы на карте при «Новгородских пятинах» Неволина.

[1] Ныне самым древним упоминанием о Пудоге считается текст новгородской грамоты на бересте № 131, датированной концом XIV в. В ней перечислены районы обширной вотчины новгородского феодала, с которых сборщик податей собирал платежи. В частности, сборщик докладывал, что был в Пудоге в праздник русалий и взял с местных крестьян арендную плату — «празгу» — за пользование угодьями (видимо, с рыболовного промысла в Водле). К тому же времени относится берестяная грамота № 2, содержащая список государственных налогов с селений Водлозерского погоста. Обе грамоты на бересте опубликованы, им посвящена обширная научная литература (см.: *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте : (Из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 20—25 (№ 2); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте : (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 68—71 (№ 131); *Попов А. И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских

© А. Ю. Жуков, 2013

Шальского погостов, т. е. местностей, расположенных в бассейне р. Водлы и по частям составлявших вотчинные владения Юрьева Новгородского, Муромского и Палеостровского монастырей (до 1764 г.), государя царя и великого князя (в конце XV в.), новгородских боярынь Настасьи Григорьевой,[c] Ксении Есиповой, известной посадницы Марфы Борецкой и бояр Ивана Немирьева, Никиты Грузова, Федора Худякова, Ивана Фомина, Селифонта Твердислава и (в начале XVII в.) Федора И. Морозова.[d, 2]

Первый раз в актах древней России Пудожский и Шальский погосты упоминаются как олонецкая вотчина Юрьева монастыря и вместе владение великого князя[e] в «Обводной книге Юрьева монастыря 1391 г. 25 августа», одной из древнейших русских юридических грамот. «В лета 6890 году августа в 25 день, — читаем в «Обводной книге», — из Великого Новаграда Юрьева монастыря вотчина возли Онига озера Спаской погост Шальской да Никольской Пудожской выставок, волости тех же погостов Негыжиимская, и Отаозирская и Купинская, и на Карбоозири крестьянских их пашенных и не пашенных земель и всяких угодей и рыбных ловель и бору и мхов и поверстного лису той земли межевые обводные книги».[f, 3] С некоторым правом решаемся, впрочем, утверждать, что эти же земли Юрьева монастыря и под общим названием земель «на Волоце» разумеются еще в грамоте Иоанна Калиты (всероссийский великий князь с 1328 по 1340 г.):

берестяных грамотах // Труды КФАН. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 95—100; *Хямяляйнен М. М.* О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» // Там же. С. 101—103; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 280—283; *Жуков А. Ю.* Водлозерье и Водлозерский погост в X—XV вв. // Национальный парк «Водлозерский» : Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 256—267 и др.). Что касается утверждения Н. С. Шайжина о делении государственной территории Великого Новгорода на пять пятин, то оно не подтверждается наличными источниками. Великий князь Московский и Владимирский Иван Данилович Калита завещал сыну Симеону Гордому не пятины, а власть над землями, входившими в великое княжение Владимирское, в том числе над всей Новгородской землей, над Заволочьем и Двинской землей. Новгородская феодальная республика делилась на тысячи и земли. Так, территория нынешнего Пудожского района (бывшие погосты Шальский, Пудожский и западная половина Водлозерского) входили в Обонежскую тысячу. После того как в 1478 г. Новгородская республика вошла в состав объединявшейся под властью Москвы России, в самом конце XV в. из новгородских земель были образованы пять военно-мобилизационных округов, получивших название «пятин». Пудожский край вошел в состав Обонежской пятины. В середине XVI в. на основе пятин были образованы судебно-следственные и податные округа — «половины», и погосты на берегах Онежского озера, а также в Посвирье и Выгозерье составили Заонежскую половину Обонежской пятины (см.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001).

[c] Той самой, к которой обращался преп. Александр Ошевенский.

[d] Гакукские деревни на р. Гакуксе, впадающей в Муромское озеро, принадлежали к Андомскому Никольскому погосту и издревле были вотчиной Муромского монастыря, данной князем Василием Ивановичем Новгородским Вячеславом, см.: «Муромский монастырь» Докучаева-Баскова.

[e] «По правую руку реки Шалы земля *великого князя кристиан* да Юрьева монастыря кристиан».

[f] Калачев. Акты юридического быта древней России. Т. 2. № 134; Олон. губ. вед. 1852 г. № 48—49. «Обводная книга» напечатана здесь по списку XVI в.

[2] Все перечисленные вотчинники Пудожского края являлись новгородскими феодалами. С присоединением Новгорода к Москве в 1480-х гг. их репрессировали, а вотчины попали в «волость князя великого», т. е. были конфискованы в пользу государства. Впрочем, в источниках XVI—XVII вв. эти государственные земли иногда, в частности в писцовых книгах, назывались по именам их бывших новгородских владельцев (см.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1).

[3] В настоящее время доказано, что так называемая «Ободная книга» 1391 г. (у Н. С. Шайжина — «Обводная книга»), фиксировавшая границы («обод») вотчины Новгородского Юрьева монастыря, является поздней подделкой, совершенной, судя по манере письма, в середине XVII в. (см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990. С. 359).

«Се аз князь Иван Данилович пожаловал есмь... святого деля Юрья архимандрита Есифа, и всей братии, что *земля св. Юрья на Волоце*, кто сядет на земли (сей), не надобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в корм, ни в стан, ни в который протор, а волостелем их волоцким на Волоце не судити опричь татьбы и разбоя и душегубства, а то судит их человек св. Юрья, а коли размирье князю великому с Новым городом, а тогда из в безадщину не оставити, не обидсти их в то время, но живут опрснь в брезе (в охране) князя великого...».[g] Основания для утверждения следующие: a) Заонежская Юрьевская вотчина большей своей частью (восточной) лежит именно на волоке между р. Водлой и Онегой, b) Юрьевских владений на других волоках, Ламском,[h] Вышнем, например в XIV в. не было, как показывает история Юрьева монастыря,[i] c) под землями «на Волоце» нельзя разуметь земли Волотова поля[j] (пахотной на 45 ½ четвертей и 6 десятин сенокосной), где в 1352 г. основан был самостоятельный монастырь, только в 1764 г. приписанный к Юрьеву, d) а, главное, И. Калита не мог бесконтрольно распорядиться землей под самыми стенами господина Великого Новгорода (Волотове поле в 3 верстах на восток от города), между тем как к этому он имел полную возможность на заонежской и заволоцкой окраине. Здесь была сильная чересполосица, так как посреди новгородских владений, были рассеяны земли, принадлежавшие другим князьям. Указанная чересполосица вела к частым усобицам, которыми и пользовался великий князь. В качестве верховного главы удельных князей он принимал сторону последних и захватывал у новгородцев лучшие земли.[k, 4]

Что касается времени первоначального возникновения русских «страдомых деревень» на местах лопарских и чудских становищ в Пудоге, то на достаточных основаниях время это должно определять гораздо ранее XIV, но не прежде XI—XII вв., хотя Е. В. Барсов и склонен думать, что в устье реки Черной (до конца XVIII в. носившей название Нигижемской,[l] на месте древней

[g] История российской иерархии. Ч. 6. С. 775—786. Юрьев монастырь, грамоты.

[h] 7 пустошей у р. Черницы пожалованы только в 1692 г. (История российской иерархии. Ч. 6. С. 793—804).

[i] Юрьев Новгородский первоклассный монастырь. Иеромонах Валентин (Ключарев). 1893 г.

[j] Волотово поле в 3 верстах на восток от Новгорода. Здесь стоял идол Велес, или Волос, и было поле, где новгородцы погребали своих богатырей; подле, в саж. в 20 от церкви Успения, находится погребальный холм Гостомысла (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. С. 103).

[k] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Семенова. Т. III. С. 76.

[l] В грамоте новгородских посадников Ивана да Волоса Муромскому монастырю (не позже, кажется, XII в.) при указании границ жалуемой земли говорится: «От Онега в Андомской губе... к Великому Каменю... да на Черможу... да на *Нигижемские реки верховья*, да через великой мох на Сомбу реку» (Христианское чтение. 1886 г. С. 170; Муромский монастырь. Докучаев-Басков. См. также дело о переводе старцев из Палеостровского монастыря в Муромский. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III). Даже в Географическо-статистическом словаре Российской империи Семенова. Т. III. С. 429 читаем: «Нигижма река образуется южнее Пудожа из слияния рек Юги и Черной...» (Stuckenberg hidr. III, 583). Но уже Озерецковский в описании своего путешествия по Ладожскому и Онежскому озерам в конце XVIII в. называет эту реку при ее впадении в Онего Черной.

[4] Древнейший новгородский монастырь св. Георгия (Юрия) владел обширными землями в самой Новгородской земле. Трактовка слов жалованной грамоты великого князя Ивана Калиты монастырю о землях «на Волоце» как землях «между р. Водлой и Онегой» не имеет основания, так как сами погосты — районы вокруг Онежского озера — активно возникали в XIII—XIV вв., а массовая вотчинная колонизация окрестных земель боярами и монастырями Великого Новгорода началась во второй половине XIV в. (см.: История Карелии... С. 84—85). Вотчина Юрьева монастыря в Обонежской Карелии располагалась только в Шальском и Пудожском погостах, а земли по Кенскому волоку и рядом с ним находились в другом погосте — Водлозерском и принадлежали новгородским боярам (см.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.; *Жуков А. Ю.* Водлозерье и Водлозерский погост в X—XV вв.).

деревни Бесов Нос, новгородские славяне жили еще до принятия христианства.[5] Вот интересная по этому вопросу выдержка из реферата Е. В. Барсова «Об олонецких древностях»: «Есть, по-видимому, указания, — говорит он, — о древнейшем существовании на Обонежье новгородского племени в отдаленную эпоху языческую. На восточном берегу Онежского озера находится небольшое селение Бесовец (название д. Бесов Нос передано здесь неправильно. — *Н. Ш.*). Местность, на которой оно находится, имеет вид террасы, вершину которой занимает само, а скаты идут к (Онегу) озеру и впадающей в него Черной речке. Берег Онега недалеко от селения изгибается в правильный полукруг и образует пространную и красивую бухту, на оконечностях которой лежат два гранитных мыса, носящих по изображениям, иссеченным на них неизвестной рукою и в неизвестное время, название „беса" и „бесихи"». (Снимок с этих изображений приложен к «Известиям Русского географического общества» 1870 г. С. 68). Главная фигура, имеющая подобие человека, представляется длиною в сажень; прочие изображены относительно к этой последней. Первый из упомянутых мысов называется также Крестовым, по двум изображениям креста, прибавленным, как видно, впоследствии, второй удержал и древнее свое финское имя Пелий (pel — с зырянского и пермяцкого — ухо).

Народное предание передает об этих мысах следующую незатейливую историю.

«Бес и бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством; вдруг почему-то бес задумал перенести свой дом дальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро; но, вероятно, он, надорвав силы, успел оторвать только один угол, который с ним вместе и упал в воду». Поводом к такому объяснению послужила, конечно, огромная глыба гранита, отторгнутая переворотом от берегов однородной с нею массы и выходящая на поверхность вод в расстоянии нескольких десятков сажен⟨ей⟩ от первого мыса.

Полагают, что в этих очертаниях изображено финское божество Вяйнямейнен, управляющее водами и сушей и разделяющее власть со своей супругой. Но, принимая в соображение низкий уровень нравственного развития живших здесь финских племен, трудно допустить, чтобы эти изображения, отличающие более или менее развитую мифологию, принадлежали этим аборигенам. Начертание таких образов, как например циркуля, пилы и чего-то вроде зеркала, находящихся здесь, скорее должно быть приписано более развитому новгородскому племени, лишь только в более отдаленный период.[6]

Как с принятием христианства начертание крестов на камнях составляло его особенность, так, вероятно, в период язычества подобным же образом были сделаны начертания мифические, как

---

[5] По всей видимости, русское население стало закрепляться на р. Водле со второй трети XIII в., тогда же, когда первые русские поселенцы обосновались на восточном берегу Заонежского полуострова. (Подробнее см.: История Карелии... С. 74.) В настоящее время выяснено, что Успенский Муромский монастырь возник в середине—третьей четверти XIV в., а в конце XIV в. у него появилась вотчина в Пудожском крае (см.: *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии : (XV—первая треть XX в.). М., 1999. С. 50; см. также примеч. 12).

[6] Наскальные изображения (петроглифы) создавались в эпоху неолита, в конце IV—III тыс. до н. э. (История Карелии... С. 24—31). Этническая принадлежность населения Карелии того времени не определима. Однозначно, что «авторство» петроглифов не может быть приписано ни русским, ни прибалтийско-финским поселенцам — древним вепсам, заселявшим берега Онежского озера в первые века II тыс. н. э., и их предшественникам саами, кочевавшим по землям Пудожского края в I тыс. н. э. Что касается выбитого поверх фигуры «беса» православного креста, то, действительно, его сделали русские поселенцы, скорее всего, монахи соседнего Муромского монастыря.

можно видеть близ с. Видлицы в Олонецком уезде, такого же рода языческие изображения на одном камне.[m]

По нашему мнению, бесоновские скалы с насечками на них в период языческой и христианской древности были, несомненно, местом умилостивительных жертвоприношений и молитв со стороны как лопарей и чуди, так и проезжавших мимо новгородских ушкуйников. Даже в XVI в. на севере Руси было в обычае суеверное почитание скал и камней, как об этом свидетельствуют Герберштейн, посол (в 1517 г.) императора Максимилиана, и англичанин Антоний Дженкинсон, посетивший Русь в 1557 г. Герберштейн, давший в своих записках о Московии подробное описание всех местностей Московского царства и только об одном Онежском водоеме не обмолвившийся, к сожалению, ни словом, пишет: «Один из спутников великокняжеского посла Григория Истомы при проезде Семиостровского становища на Белом море, ночью тайком вылезал на скалу Семь, чтобы принести жертву, конечно не скале, а тому, к кому он мысленно обращался с мольбой о милости и помощи. Хотя он и совершал языческий обряд, тем не менее можно предполагать, что он был христианин, а не инородец-язычник».[7]

Дженкинсон тоже говорит, «что на Белом море у мыса Святой Нос (Svetinose) лежит большой камень, которому проходящие ладьи (Barkes) обыкновенно приносят в жертву масло, муку и другие припасы, полагая, что в случае отказа в этом приношении ладьи и другие суда должны погибнуть, что часто и случалось».[8]

В объяснение приведенных языческих обрядов жертвоприношения на прибрежных скалах, обрядов, имевших место у православных русских поморов XVI в., Е. Замысловский[n] пишет: «Как известно, у обитателей стран, лежащих на крайнем севере Европейского материка, и в христианскую эпоху долго сохранялось религиозно-нравственное и поэтическое наследие языческой эпохи, и не потому только, что они поздно приняли христианство. Живя среди постоянных лишений и опасностей и на суше, и на море, отчужденные от постоянных и непрерывных сношений с другими, они, естественно, долго сохраняли обряды, которыми поддерживалась вера в легкую возможность обеспечить себя от частых опасностей, сохраняли и сказания, в коих находили живое олицетворение сил природы. Жители Исландии сберегли песни Эдды, жители Норвегии и до настоящего времени отличаются обилием суеверий; мы еще недавно были свидетелями открытия на нашем севере (разумеется Олонецкий край. — *Н. Ш.*) новых высокозамечательных произведений народного творчества древнейшей эпохи — былин записи Рыбникова и Гильфердинга и причитаний Барсова. Поэтому нет ничего невероятного и в описанном выше обряде жертвоприношения, который совер-

---

[m] Труды Московского археологического общества. 1878 г. Т. VII. Вып. III. С. 214—232; Олонецкий сборник. Вып. III. С. 178—181.

[n] Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884 г. С. 104—109.

[7] Цитируются строки из главы «Записок Герберштейна» «Плавание по Белому морю». Упомянутый Григорий Истома (Малый) — переводчик при дворе Василия III Ивановича (1505—1533). Последнее по времени переводное издание «Записок... » более точно передает оригинальный текст С. Герберштейна и упоминаемые в нем географические названия. Так, становище на скале Семь передано как остров Семес, ныне остров Кувшин, один из группы, называемой Семь островов. Издание снабжено обширными научными комментариями (см.: *Герберштейн* С. Записки о Московии. М., 1988).

[8] Дженкинсон Антон (ум. в 1611 г.) — английский купец и дипломат, четыре раза посещал Россию (с 1557 по 1572 г.) в царствование Ивана IV Васильевича Грозного (1533—1584). Перевод на русский язык его воспоминаний о России опубл.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

шали поморы в XVI в., видеть обломок русской старины: в X в. русские промышленники, ездившие на лодках по Днепру в Черное море, приносили жертвы на острове, лежащем за опасными порогами днепровскими».

Сохранению до позднейшего времени обычая жертвоприношений могли немало способствовать постоянные сношения русских с финнами, боготворившими камни и скалы. Морское божество, по понятиям финнов, имело свое пребывание в пестром камне на дне океана, и вообще с каждым, чем-нибудь замечательным камнем связана у них была особая легенда. «Боготворение камней и до сих нор составляет одну из выдающихся особенностей лопарей. Везде, где говорят языком лопарским, — замечает Кастрен, — слышны предания о Сейде, Сиейде, т. е. об идолах из камня, в которых, по понятиям лопарей, живет божество, и ему они приносят жертвы, по большей части из рогов и оленьих костей». Эти верования финнов и соединенные с ними религиозные обряды имели в продолжение долгого времени сильное влияние на русское население, даже там, где последнее скорее, чем на севере, утрачивало следы мифических воззрений. Сохранилось, например, указание на то, что переяславцы до XVII в. боготворили камень, лежавший на буераке за Борисоглебским монастырем, где в глубокой древности обитали финны.[9]

Возвращаясь теперь к вышеизложенному преданию о бесоновских скалах, заметим, что хотя мнение Е. В. Барсова о жительстве здесь славян в языческий период и может казаться крайним, но более или менее раннее появление новгородских славян в Заонежье вполне допустимо. Дело в том, что населенные пудожские пункты большею частью расположены непосредственно на одном и притом главном из трех древнейших путей, по которым совершалась первоначальная колонизация славян новгородских в Заволочье. Путь этот шел по р. Волхову на Ладожское озеро, из него Свирью в озеро Онежское и оттуда р. Водлой в озеро Водло, а через него далее за волок на Мошу.[о, 10] Этим путем, по Шегрену, совершены были в XI в. походы на Ямь — победоносный Владимира, сына Ярославова, в 1042 г.[р] и несчастный в 1079 г., в котором 30 мая убит был за Волоком князь Глеб, сын Святослава (История Соловьева, I, 1226). Имея в виду известие летописного свода Татищева, что последний из этих походов относится к Ями, жившей на р. Емце, притоке Северной Двины, Шегрен склоняется к тому мнению, что в 1042 г. новгородцы столкнулись с самыми южными ямянами, жившими по ту сторону Волока (в 20 верстах от Водлы, около Муромского монастыря, эти «страшивые сыроядцы» продолжали жить еще и в половине XIV в., см.: Житие преподобного Лазаря Муромского), а 37 лет спустя вступили в самый Волок и узнали, что

[о] Второй путь шел через Шексну, озеро Лаче, р. Онегу к Белому морю, а третий — через Кубенское озеро столь же древний. Пушкарев. Описание Российской империи. 1844. Т. I. С. 24—25.

[р] «Иде Володимер, сын Ярославль, из Новагорода на Емь и победи их и плениша множество Еми и помроша кони у вой Володимеровых, яко дышащим им сдираху кожу с них живых, толико бе мор лют на кони». Полное собрание летописей. XV. Тверская. 142. V. Софийская. 157. III. Новгородская первая. 3, I. Лаврентьевская. 16, 85.

[9] «Финнами» Н. С. Шайжин называет и различные современные прибалтийско-финские народы (финнов, карелов, вепсов), и древнюю, но исчезнувшую ныне народность мерю (она проживала на территории нынешних Московской и Владимирской областей), и даже саами. Все эти народы, не будучи родственными по крови, принадлежат к одной финно-угорской языковой общности.

[10] С запада, по Водле, на Кенский волок попадали не через Сухую Водлу и Водлозеро, а по левому притоку Водлы р. Череве. Затем суда тянули по волоку, а потом через оз. Волоцкое в Кенозеро и по р. Кене на р. Онегу. По притокам рек Онеги, Сев. Двины, Мезени и Печоры новгородцы добирались вплоть до Северного Урала. Подробнее об освоении Пудожского края и Водлозерья в связи с волоковой трассой см.: *Жуков А. Ю.* Водлозерье и Водлозерский погост в X—XV вв. С. 255—261.

Ямь распространилась и там, в Заволочье. Можно думать затем, что по пути Владимира и Глеба прошел в 1123 г. и князь Всеволод. В летописи об этом читаем: «На весну ходи Всеволод на Ямь в великое говенье и победи я, но лют бяше путь, иже купляху по ногате[q] хлеб» (II. Собрание летописей. Новгородская IV, 2; V Софийская, 116; X V Сев. 193). Если бы этот поход был сделан новгородцами к Ладожскому озеру, а не далее на восток за Онего, где предполагается в это время Ямь, то снабжение хлебом, хотя бы и в великое говение, едва ли могло встретить затруднение ввиду близости Новгорода.[r, 11]

Естественные богатства Заонежья — обилие пушного зверя, дичи и рыбы — не могли не привлечь к себе внимания новгородцев-завоевателей, и очень возможно, что русские «страдомые деревни» в бассейне р. Водлы и возникли именно в XI или начале XII в., после походов 1042, 1079 и 1123 гг. Е. В. Барсов допускает, впрочем, на основании известия Киевской летописи под 1114 г., что в северную Украину — в Заонежье и далее за Югору и Самоядь — новгородцы предпринимали походы и даже мирные — в X в. и ранее.[s]

Как бы то ни было, в конце XII в., в 1189 г., поселения на р. Водле уже существуют, что косвенно доказывает открытый Е. В. Барсовым документ: «Дело о переводе из Палеостровского и других монастырей старцев в Муромский монастырь».[t] Из приводимой в этом деле челобитной (от 29 августа 1686 г.) вытегорских, андомских и *пудожских* крестьян видно, что Муромский монастырь построен в 1189 г. и строили его предки этих крестьян: «В прошлых, государи, годех в 6697-м в Заонежской пятине в Овлозерском стану построен Муромский монастырь, ваше государское богомолье, а *мирское* старинное строение и изстари в тот же Муромский монастырь *сродичи наши* давали же вклады...».[12]

---

[q] Ногата — единица ценности в Древней Руси, по Русской правде в Смоленской грамоте 1230 г. — в ней заключалось до 1/2 золотника чистого серебра.

[r] Список населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. С.-Петербург. Исторический обзор Олонецкой губернии. С. XLIX и след.

[s] Реферат «Об олонецких древностях». См. также: Н. Барсов. Очерки исторической географии. С. 201.

[t] Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III.

[11] Н. С. Шайжин разделяет широко бытовавшую в отечественной историографии XIX в. теорию Татищева—Шегрена о зарождении «финнов» в бассейне Сев. Двины и перекочевке их в начале II тыс. к нынешним местам расселения. В настоящее время благодаря плодотворной работе археологов доказано положение об автохтонном (местном) складывании народов прибалтийско-финской группы в Балтийско-Беломорском регионе Европы. Под «Емью» и «Ямью» древнерусских летописей следует понимать население восточной Эстонии и, видимо, восточной Финляндии, где проживала народность хяме. На это указывает ряд географических названий, содержащихся в летописных статьях о походах русских князей на «Ямь»—«Емъ». Но в любом случае связывать «Ямь»—«Емь» с бассейном р. Емцы (притоком р. Онеги) нет оснований. Летописи многократно сообщали о жестоких хлебных неурожаях, часто поражавших всю Новгородскую землю в XI—XV вв. Автор и сам приводит несколько примеров таких бедствий в гл. VIII «Исторические условия жизни крестьян Пудожского и Шальского погостов. Народные бедствия» (см. также примеч. 29).

[12] Наиболее точно время возникновения монастыря и его вотчины указывается в судебном деле 1537—1540 гг. по взаимному иску Муромского и Палеостровского монастырей друг к другу из-за спорных земель и угодий на восточном побережье Онежского озера. На судебном разбирательстве местные крестьяне-старожилы показали под присягой: «Отцы наши, господине, жили 80 лет, — а за теми муромскими старцами, а сами есмя, господине, живем уж 70 лет за ними после отцов наших» (Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 136). Другими словами, близлежащими вотчинными землями монастырь обзавелся не ранее 1380-х гг., немногим позднее того времени, как возникла сама обитель.

II. Время возникновения Юрьевской вотчины

На вопрос, когда и кем возникшие по Водле и ее окрестностям поселения (конечно, не все) пожалованы были Юрьеву монастырю, в исторических актах прямых сведений не дается. Но если принять во внимание, что основателем Юрьева монастыря (в 1030 г.) и усердным жертвователем на его нужды был новгородский князь Ярослав, то более вероятным будет предположение, что заонежскую вотчину пожаловал Юрьеву монастырю или сын Ярослава князь Владимир после похода в 1042 г., или внук Владимира и сын Мстислава Всеволод, ходивший на Ямь в 1123 г. Предположение такого пожалования со стороны Владимира или Всеволода вполне соответствует тому древнерусскому обычаю, по которому монастыри и церкви, построенные предками известной фамилии или рода, делались предметом особенных попечений потомства этой именно фамилии. Правда, в числе княжеских дарственных грамот Юрьеву монастырю имеется от XI—XII вв. только одна грамота, именно та, которою закрепляется за монастырем рель (поемные луга) под самым монастырем, у Мячина озера.[u] Но это не говорит еще против сделанного предположения, напротив, известие летописи, что благоверный князь Всеволод-Гавриил (1125—1132) вместе с игуменом Исаиею «сотвориша (восстановили, разумеется. — *Н. Ш.*) монастырь велий и братью собрата»,[v] дает повод думать, что благотворитель-князь не остановился на даровании монастырю одного сравнительно ничтожного участка, но, создав «монастырь велий», дал ему и соответствующие средства содержания в виде крупных заонежских вотчин. Дарственная грамота, сопровождавшая это пожалование, со временем могла легко исчезнуть, как исчезла и грамота Мстислава Владимировича на земли в Вотской пятине.[w, 13] В подобных случаях обычно монастырские земли в тех или иных размерах насильственно отнимались соседними владельческими крестьянами. Так было, например, с землями Муромского монастыря после похищения литовскими ворами в 1612 г. монастырских межевых грамот.[x] И вот из большой вотчины Юрьева монастыря, бывшей в 1391 г. в двух погостах и четырех волостках, к концу XV в. в наличности имелось только «8 деревень с починком, а в них десять обеж[y] с третью». Вся же остальная монастырская и великого князя земля попала в руки новгородских боярских фамилий. Но после взятия Новгорода Иоанном III «по государеву указу даны (т. е. возвращены. — *Н. Ш.*) в Юрьев монастырь волостка Ксеньинская Микитины жены *Есипова* да Ивановские деревни *Немиръева*, всего 8 деревень при 7 обжах земли, да деревни, что была Федоровская *Худякова*, а в ней 1 обжа без трети».[z] Итого за Юрьевым монастырем к началу XVI в. числилось за Онегом 17 деревень, между тем к концу этого века (1583) монастырь имел в нашем крае 42 деревни живущих да одну пустую, да 3 пустоши. Прибывшие деревни были пожалованы монастырю неизвестно в какие годы из государевой вотчины, которая к

[u] История российской иерархии. VI. С. 744.

[v] Новгородская III, 214. Примечания к Истории российской иерархии. VI. С. 736 и др.

[w] Труды общ. ист. и древн. рос. Кн. 1. С. 20—21. См.: История Юрьева монастыря.

[x] Докучаев. Муромский монастырь.

[y] Обжа — древняя поземельная единица в Новгородской области. На вопрос новгородцам: «Что их соха?» — они отвечали Иоанну III: «Обжа — соха, а *обжа* — один человек на одной лошади орет». По межевой инструкции 1754 и 1766 г. велено мерить «*на обжу* по 10 четвертей, или 5 *десятин* в поле, а в дву по тому ж» (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXI. С. 503).

[z] Акты исторические. Т. III. № 75. С. 71—72. Память Оштинского стана приказчику Резанову о рыбных ловлях.

[13] См.: История Карелии... С. 84—85.

концу XVI в. после пожалований Юрьеву монастырю имела на 30 деревень меньше, чем в конце XV в. (192—162 деревни), что видно из сопоставления данных писцовых книг Юрия Сабурова 1496 г. и Андрея Плещеева 1582—1583 гг.[14]

III. Поименный перечень поселений Юрьевской заонежской вотчины дают писцовые книги только с самого конца XVI в. Книга Юрия Сабурова, самая ранняя и потому особенно важная, ограничивается только общим указанием на число юрьевских деревень, как это видно из вышеприведенной выписки из нее, данной в «Памяти о рыбных ловлях Юрьева монастыря на р. Водле 1618 г., марта 18». Необходимые в данном случае сведения заключаются в писцовых книгах по Обонежской пятине Заонежской половины Андрея Плещеева 1582—1583 гг., Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского 1616—1617 гг., Лыкова и подьячего Якова Гневашова 1620 г., Маврина и князя Долгорукова и Ракова 1628—1629 гг., Ивана Писемского 1646—1647 гг. и в переписной книге князя Якова Мышецкого 1678—1679 гг.[aa] Но из всего этого богатейшего материала мы имели под руками в подлиннике только «Список с писцовых книг Новгородского уезду, Заонежских Водлозерского, да Оштинского станов митрополичьим и монастырским вотчинам письма и меры князя Ивана Михайловича Долгорукова да подьячего Посника Ракова 136 и 137 г. (1628—1629 гг.)». Здесь делается сопоставление с данными приправочной книги дьяка Ивана Льговского 124—125 гг. «Список» книги князя Долгорукова принадлежит библиотеке Муромского монастыря. Сокращенная копия со «Списка» помещена в «Олонецких губернских ведомостях» за 1850 г. В такой же сокращенной копии, как приложение (VI) к «Новгородским пятинам» Неволина, доступна для пользования и книга Плещеева за 1582—1583 гг.[15]

Отсутствие сведений, содержащихся в писцовых книгах раннейшего и последующего времени,[bb] особенно ощутительно ввиду очень важного, исключительного значения писцовых книг вообще.[cc]

[aa] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I, отдел 2. Новгород, 33 1752, 1778, 1815 и кн. V. С. 145.

[bb] Императорской археографической комиссией предпринято издание писцовых книг по пятинам Великого Новгорода. Но вопрос об издании писцовых книг по Обонежской пятине, по справкам, еще не поставлен на очередь. Изданы и издаются книги по другим пятинам, но крайне медленно: с 1868 по 1902 г. вышло не более пяти томов. Полный перечень писцовых книг по Обонежской пятине помещен у К. А. Неволина «О пятинах и погостах новгородских». С. 10.

[cc] Об этом значении красноречиво говорит тот факт, что «из писцовых книг почти еженедельно извлекаются и выдаются справки на земельные владения» (Иванов. О начале, значении, составе и содержании писцовых, межевых и др. книг. Описание Московского архива Министерства юстиции. Кн. 1, отдел II. С. III).

[14] Принадлежавшие новгородским боярам земли восточного Прионежья были конфискованы в 1480-х гг. Иваном III Васильевичем в пользу государства (см. примеч. 2). Затем, видимо, до 1547 г. (когда Иван IV Васильевич был провозглашен царем), «князь великий дал» часть этих земель с крестьянами в вотчину Юрьеву монастырю. Писцовая книга 1563 г. не оставляет сомнений в том, что до конфискации данные деревни в Шальском и Пудожском погостах принадлежали боярам, так как все их бывшие владельцы названы поименно, а термин «дал» означает «пожаловал в собственность». До 1480-х гг., в годы существования Новгородской феодальной республики, вотчина Юрьева монастыря в крае была очень мала и включала лишь 8 деревень. Уменьшение общего числа пудожских деревень к 1580-м гг. объясняется последствиями острого политического и социально-экономического кризиса, разразившего в стране в результате опричнины 1566—1572 гг. и неудачной Ливонской войны (1558—1583).

[15] Н. С. Шайжиным пропущена «Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины» 1563 г. Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина. Подробный анализ и толкование всех писцовых и переписных материалов Заонежских погостов конца XV—XVII в. см.: *Мюллер Р. Б.* 1) Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947; 2) Заонежские погосты Обонежской пятины // Аграрная история Северо-Запада России : Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 251—278; 3) Обонежская пятина : Заонежские погосты // Аграрная история Северо-Запада России XVI века : Новгородские пятины. Л., 1974. С. 141—260.

«Писцовые книги — первый документ для истории, географии, статистики, финансов, хозяйства, юридического и религиозного быта, семейного и общественного состояния нашего отечества с XV по XVIII в. включительно» (Иванов).

Дополнением к имеющимся сведениям из писцовых книг 1496, 1582—83, 1616—17 и 1628—29 гг. являются данные из архива Юрьева монастыря, собранные в «Истории» этого монастыря иеромонаха Валентина (Ключарева).

По «Истории»[dd] в Пудожском уезде за Юрьевым монастырем числились в разное время следующие так называемые олонецкие, вотчины: 1) Шальский Спасский погост при р. Водле, отстоявший от монастыря за 700 верст. В нем Нигижемская волость с деревнями: Великодворская, Бочилово, Бахтинская, Иглинская-Бекетовская, Прилуцкая, Зеховская, Янинская, Окуловская, Карчевская (д. Каршевская), Горская, Шильникова, Гора Яковлева, Усовская, Афанасьевская, Тростянка, Давидовская (вместо Давыдова), Осипова Гора, Подберезье, Корнышово, Бессоново (вместо Бесово); Купецкая волость с деревнями: Авдеево, Воробьево, Мелентьевская, Бураковская, Лядинская, Ижгорская, Губская, Тарасина Гора. 2) Никольский Пудожский погост в 740 верстах от монастыря, к нему относились: Отаозерская волость с деревнями: Ефимово, Наволоцкая, Стегалово, Залесская, Заломаевская и Погосская; Пудожская волость с деревнями: Жаровица, Вангозерская (Вянгозеро), Ножево, Коловская, Сумозерская и Мячево. Всего 40 деревень Юрьева монастыря. В разные периоды времени, по особым условиям, число это то увеличивалось, то уменьшалось. Так, в конце XV в., как мы видим, число деревень с 8 поднялось на 17, а в 1583 г. за Юрьевым монастырем числилось 27 деревень в Шале + 15 деревень живущих, 1 пустая и 3 пустоши в Пудожском погосте, всего 42 деревни живущих да одна пустая, да 3 пустоши.[ee]

После литовского разорения «по приправочным книгам Льговского (1616—17 гг.) написано в Никольском Пудожском да в Спасском Шальском погостах. Юрьева монастыря в вотчине 39 деревень, да 24 пустоши, да деревня дана к церкве» (деревня и церковь не названы). Через 12 лет, в 1628—29 гг., число деревень да починков живущих возросло до 50 при 15 пустошах, т. е. сверх приправочных книг Ивана Льговского по новому письму в тех погостах «прибыло 11 деревень живущих».

IV. Села, деревни, починки и пустоши царя и великого князя и мелкие владения других вотчинников

Большая часть волостей Великого Новгорода отписана к Москве и подчинена управлению наместничества, как известно, при великом князе Иоанне III, после новгородского похода в 1471 г. Владения государя еще более увеличились через столетие: покорив окончательно Новгород в 1580 г., Иоанн Грозный потребовал себе половину волостей владычных и монастырских.[16] Но в

[dd] История Юрьева монастыря. С. 9.

[ee] Книга А. Плещеева за 1582—1583 гг. Л. 1199—1214 и 1259—1265.

[16] Великий Новгород лишился независимости в феврале 1478 г. в результате похода Ивана III на столицу вечевой республики. Тогда же был создан Новгородский уезд во главе с великокняжескими наместниками из числа высшей правительственной знати Московской Руси. Опричный поход и разгром царем Иваном IV Грозным Новгорода состоялся в 1571 г. После него все черносошные (государственные) земли Заонежских погостов на год (до отмены опричнины) были записаны в опричный удел царя. Вотчины же новгородских монастырей, в том числе Юрьевского, в опричнину не попали, так как сами эти обители располагались под Новгородом на западной, земской половине Новгородского уезда.

пределах Пудожского и Шальского погостов земли московского князя столь же древни, как и Юрьева монастыря, хотя ясное свидетельство о границах этих земель относится только к концу XIV в.

В «Обводной книге 1391 г., 25 августа», свидетельство которой историк профессор Платонов подвергает сомнению, вероятно, как разногласящее с данными летописи от 1471 и 1580 г., значится, между прочим: «Пойдет межа... Шалой рекой верх до устья Ялгонды... до великого каменя, да тут у великого каменя сошлись три межи: *межа великого князя* крестьян кузаранцев, *а другая межа великого кн. крестьян* да Юрьева монастыря крестьян Шальского погоста Купецкия волости, да третья межа Муромского и Пальостровского монастыря крестьян Унойские волости, по правую руку вода и земля великого князя да Юрьева монастыря, а по левую руку вода и земля Муромского монастыря и Пальостровского монастыря крестьян...». «По сыску в писцовых книгах Юрья Сабурова, 7004 г. (1496 г.) государевой земли написано: в Обонежской пятине, в Никольском погосте в Пудожском, волость государева дворцовая, бывала *Настасьинская* Ивановы жены Григорьева, а в ней девяносто три (93) деревни и с починки, а в них 88 обеж с третью да в том же погосте волость государева дворцовая, бывала *Микитинская* Грузова, а в ней 50 деревень с починки, пашни полтретьи обжи с третью да волость *Марфинская*[ff] Исаковы, на Колодозере, а в ней 49 деревень, пашни 44 обжи с полутретью».[gg] Всего 192 деревни с починками при 133 обжах земли; в это число входили небольшие владения великого князя и в Шале, составлявшие 1/3 (30) деревень Настасьинской волости. В 1583 г. всех государевых и монастырских деревень в Пудожском и Шальском погостах было «204 деревни живущих — да 10 деревень пустых, да 39 пустошей»; из этого числа только 42 деревни живущих, 1 пустая и 3 пустошей принадлежали Юрьеву монастырю, а остальные (162 живущих, 9 пустых деревень и 56 пустошей) числились черными оброчными царя и великого князя.[hh]

Полный поименный перечень их не может быть представлен за неимением данных из «писцовых книг дворцовых государевых черных сел и деревень 1616—17 и 1647 гг.»[ii] и за краткостью извлечений из книги Плещеева. Неволин делает только следующую выдержку из последней: «л. 1189—1198: с. Спасского ж погоста Шальского *Настасьинские волостки* Григорьева царевы и великого князя *деревни* оброчные по реке по Шале вниз по обе стороны. Дер. у погоста на р. на Водле» и т. д.

Между прочим, значатся еще деревни на реках Малой Водлице, Большой Водле, Трестянке, на Купецком озере, на Урмозерке. Л. 1196 об.: «*И всего* в Спасском погосте на Шале в Цареве и великого князя в черной волости *30 деревень живущих*». Л. 1217 об.—1258, с. 1: «В Никольском же погосте *в Пудоге* села и деревни, починки и пустоши царя и великого князя черные оброчные» и т. д. Между прочим, значатся деревни на бору Путятину, на Манухиной горе, на Бору Ермолинской след Олексеева, на Бору на Сумозере, на Пудозере, на речке Новзиме, в Чюропаке, под

[ff] Марфа — Исакова, Борецкая, посадница. Акты исторические. 1, 285. Борецкий Исак Андреевич — посадник и посол новгородский. Акты исторические. I, 102. Дмитрий Исакович Борецкий, посадник новгородский. Акты исторические. 1, 511.

[gg] Акты исторические. Т. III. № 75.

[hh] Насельники этих деревень под именем государственных крестьян уцелели и до нашего времени. Соколовский. История сельской общины на севере России. С. 27.

[ii] Описание Московского архива Министерства юстиции. Кн. I, отдел 2, № 1774, книга Льговского и № 1818, список с переписной книги Сумина.

Омнивцом порогом, в Шенопаге, на Глубоком плесе, на горе на Жеравке, на Городище, на Долгом плесе, на Девичьей горе, за Паназерком, у часовни на Острову, на Сумозере, вверх Сумы реки, на Колодозере (л. 1233); «на Колодо же озере церковь Никола Чудотворец», на р. Колоде, Водле (в числе других деревень на р. Водле, над Вайбучем порогом у часовни), в Негижиме на Урм-озере, на р. Негижиме, на Кривце, на Стегайловой горе, на р. Суме, на Кунголе на р. Водле, на Сиговом наволоке на р. Водле, на Югозерке, на устье Ченежи речки, на Ченеже реке, на Салме, на устье реки Салмы, на Гумне озерке, на Кумбоозерке, на Корбозере, на Пял-озере, на Равдозере, на Танбач-озерке, на Пилуксеозере. «И всего (л. 1257) в Пудоге в черной волости и в выставках 130 деревень живущих да 9 деревень пустых, 56 пустошей, а вместе в черной волости и монастырских землях 145 деревень живущих да 10 деревень пустых, да 59 пустошей» (л. 1265—1266); в Спасском же погосте на Шале всего 59 деревень живущих (л. 1216).

Разграничение государевых и юрьевских земель и деревень не создавало, однако, разобщенности между их насельниками, напротив, «многие великих государей крестьяне жили с монастырскими Юрьева монастыря крестьяны вместе и поли пахали заодно, а иные жили в дальном расстоянии...». Так по крайней мере было в конце XVII в., по свидетельству дела о пудожских раскольниках 1693 г.[jj]

Кроме государя и Юрьева монастыря вотчины в Шальском погосте имели Муромский монастырь (1 деревня на Уножском острове по книге Сабурова: «Двор Оникейко Семенов да его дети Михалка да Микулка, во дворе Ульянко Семенов да зять его Игнатко...». В начале XVII в. от боярина Морозова пожаловано было в Муромский монастырь 3 деревни на Шале и Палеостровский монастырь — ему по разъезжей 1539 г.[kk] в Уножских островах принадлежало две деревни: на Мар-наволоке и Пер-наволоке. В Пудожском погосте Палеостровскому монастырю принадлежала с 1617 г. небольшая тягловая земля и мельница на р. Рагнуксе[ll] и займище — мельничное место на р. Нигижме, в пороге, повыше Чид ручья.[mm]

Укажем здесь же на ближайших соседей вотчинников Шальского и Пудожского погостов. Таковыми в пределах нынешнего Пудожского уезда были первоначальные владельцы (XII—XIV вв.) деревень и земель по р. Вакукской и в окрестностях Муромского озера: князь Василий Иванович Новгородский Вячеслав (как говорится в грамоте от половины XVI в.), хотя летописи знают только трех князей с этим именем: Вячеслава Борисовича Ливонского, Вячеслава Юрьевича Новгородского в начале XIII в. и Вячеслава, сына Владимира Мономаха, XII в.,[nn] «посадники Иване да Волосе,[oo] Иван Захарович и сын его Феодор.[pp, 17]

[jj] Акты исторические. Т. V. № 233. С. 390.

[kk] Е. В. Барсов. Палеостров. Прилож. под буквой А. № 45.

[ll] Палеостров. А. № 26—28. 31—32, 36—41.

[mm] Барсов. Палеостров. Прилож. А. № 42.

[nn] Брокгауз и Ефрон. Словарь. Т. VII. С. 739.

[oo] Дело о переводе старцев. Чтения общества истории и древностей российских. 1887 г. Т. III.

[pp] Житие Лазаря Муромского.

[17] Очевидно, в грамоте середины XVI в. (подстрочная ссылка на которую у автора отсутствует) под именем князя Василия Ивановича новгородского «Вячеслава» (?) имелся в виду средний сын Ивана III Васильевича Василий Иванович, будущий великий князь Василий III. После смерти старшего сына Ивана III Ивана Ивановича и сына последнего Дмитрия (в источниках — «Дмитрия внука») князь Василий был объявлен наследником престола и в этом качестве в 1499 г. пожалован титулом государя Новгорода и Пскова. В 1500 г. псковичи упросили великого князя освободить арестованных псковских посадников и сложить с князя Василия титул государя Пскова. Великий князь

V. Состояние православия в Пудожском и Шальском погостах. Монастыри, часовни, церкви и причты при них

В пределах Пудожского и Шальского погостов христианство современно появлению новгородцев-колонистов, т. е. существовало уже в XI—XII вв.[qq, 18] Располагаясь здесь становищами, отважные новгородские промышленники, конечно, знакомили со своей верой местных лопарей и чудь, но, как усвоившие христианство только с внешней, обрядовой его стороны и преследовавшие притом главным образом коммерческие интересы, новгородцы не имели в деле веры заметного влияния на инородческое население. И к половине XIV в., ко времени удаления «в пределы окияна моря», заонежские лопари и чудь в массе были по-прежнему «страшивыми сыроядцами» и грубыми язычниками. Для удовлетворения религиозного чувства на местах своих становищ новгородцы строили часовни и ставили кресты. Но очень рано подле некоторых часовен («да у часовни церковь» часто отмечается в писцовых книгах) возникли и церкви. На такое заключение уполномочивает очень раннее упоминание (в 1391 г.) погостов в Пудоге и Шале. Дело в том, что в древности погост кроме податного (не административного) округа означал еще и место: описание каждого погоста (в писцовых книгах уже с 1500 г.) начинается указанием на то, есть ли в нем погостская церковь или нет. Место, где находится погостская церковь, и называется в описях погостом, и описывается особо со всем тем, что «на погосте» находится. Эти места-погосты Неволин и принял за главные местности погоста-округа.[rr] Итак, можно утверждать, что в конце XVI в. в Пудоге и Шале было две погостские церкви, созданные, быть может, при содействии Юрьева монастыря, проявлявшего свою помощь и впоследствии, напр., в 1650 г. написанием икон в Георгиевскую Нигижемскую церковь.[ss] Свидетельства от первой половины XVI столетия показывают, что в Шале существовал монастырь, тогда мужской. Об основателе и времени основания этого монастыря сведений не имеется. Е. В. Барсов, впрочем, утверждает, что это тот самый монастырь, который устроил Антоний Сийский, расставшись с преп. Пахомием, основателем Кенского монастыря, и который автор «Церковной иерархии» назвал Шелекским. Ныне здесь погост Шальский, одна из церквей которого построена в 1505 г., именно в год пострижения Антония Сийского.[tt] Но мнение это основано на недоразумении: преподобный Антоний Сийский, подвижник Архангельского края, расставшись около 1505—1510 гг. с Пахомием Кенским, подвизался не на р. Шале, впадающей в р. Водлу, а именно на р. Шелексе, притоке р. Онеги, где, должно полагать, и устроил монастырь, упоминаемый автором «Церк. иерархии».[uu] Первый раз Шальский Спасский монастырь упомина-

---

Иван III согласился. Поэтому с 1500 г. и по воцарении в 1505 г. наследник престола князь Василий Иванович величался «князем новгородским». А в 1510 г. Василий III упразднил остатки псковской самостоятельности и вновь стал государем Новгорода и Пскова (сведения Новгородской IV летописи за 1499 и 1500 гг. — см.: ПСРЛ. 1848. Т. 4. Ст. 272, 273—274).

[qq] Олон. епарх. ведом. 1903 г. Данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в.

[rr] Проф. В. Сергеевич. Древности русского землевладения. Журн. М. Н. Пр. 1901 г., март.

[ss] О сем гласит надпись на иконе Спасителя за клиросом правого придела.

[tt] Памятная кн. Олон. губ. 1867 г.

[uu] Макарий, еп. Христианство в пределах Архангельской губ. Чт. в общ. истории и древ. рос. 1878 г. II. С. 10.

[18] Самые ранние из предметов христианского быта — нательные крестики, однотипные с крестами, бытовавшими в Новгороде в XIII в., — были обнаружены в Водлозерье археологами Г. А. Панкрушевым (Сухая Водла) и В. И. Фомкиным (о. Колгостров). Более ранних следов проникновения христианства на территории Пудожского района пока не найдено.

ется под 1505 г. От этого года есть разводная грамота на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырям, грамоту эту «писал дияк с Юрьевские стороны Нектарей Шальского монастыря святаго Спаса».[vv] Существование в Шале Спасопреображенской церкви в 1537 г. подтверждается тяжебным делом Муромского монастыря с Палеостровским (в 1537—39 гг.). Дело это заканчивается так: «А в суде сидели люди добрые: Ерм Сергеев сын, староста... да Иван Федоров сын Смолев из Нигижмы. А сей судной список писал дьяк св. Спаса нашего Шальские волости Олешка Еремеев сын».[ww] В 1548 г. в Шале продолжает существовать Спасский мужской монастырь. Под этим годом в одной платежной о поземельных деньгах говорится: «Яз, Юшко Митрофанов сын, десятской Шальской, взял есми у Спасского игумена у Еуфимья с братьею...».[xx] По описи 1582 г. в Шале значится Спасский мужско-женский монастырь. На погосте тогда была «церковь Преображенье Господне да церковь Успение Св. Богородицы деревянные. Да на монастыре келья игумена Кирилла, да 4 кельи, а в них живут черноризцы, да 6 келей пустых, да за монастырем 5 келей, а в них живут пять стариц черноризец». Монастырь владел и землей: «пашни пашут игумен с соборяны 3 чети с третником в поле, а в дву потому ж; сена 15 копен. Треть обжи». После же литовского разорения Шальский монастырь обратился в приходскую церковь, писцовая книга 1628 г. говорит о нем как лишь о существовавшем: «да на погосте же и за погостом 16 мест келейных, а живали на тех местах в кельях старцы и старицы».[19]

Из белых шальских священников конца XVI в. известен, по книге Плещеева, Тит Маковеев, имевший для «торговли рыбою и мелким товаром два амбара под клетью да под горницею».[20]

Церкви и причт Пудожского погоста впервые упоминаются у Плещеева: л. 1227 «на погосте ц[ерковь] Никола чудотворец древняя да церковь живоначальная Троица с трапезою, древняя же, на царя и великого князя земле. Да на п[огосте] же двор: поп Богдан Иванов, дв[ор] поп Василей Григорьев, дв[ор] дьячок церковной Ломанко Васильев, дв[ор] дьячок церковной Якуш Микулин, дв[ор] пономарь Клепа, дв[ор] пономарь Тарас, дв[ор] проскурница Ираида старица да 6 келей, а в них живут нищие, питаются милостиною о[т] церкви Божией. Пашни церковныя земли 10 чети в поле, а [в] дву потому ж; сена 120 копен». Около половины XVII в. известен священник Ждан Прокопьев, а в 1693 г. при Троицкой и Никольской пудожских церквах в составе при-

[vv] Акты юридич., изд. Археограф. комис. 1838 г. № 145.

[ww] Христ. чт. 1886 г. С. 176. Докучаев-Басков. Муромский монастырь.

[xx] Акты юридич., изд. Археограф. комис. 1838 г. № 209. См. у В. Зверинского. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях России. Т. III. Под редакцией Собко. № 2227.

[19] Если в начале XVI в. на р. Шале и существовал Спасо-Преображенский монастырь, то весьма краткое время, и уже к середине столетия он превратился в богадельню, содержавшуюся местным крестьянским миром. И в ранних текстах, цитируемых автором, и в писцовой книге 1563 г. нигде данное место не именуется монастырем. Так, в 1563 г. отмечен погост-место, на нем две церкви (Преображенская и Успенская), «а у церькви служыт игумен Кирило да на погосте ж 14 старцев и 6 стариц». Только в писцовой книге 1582 г. значится Спасо-Преображенский «монастырек». А вообще богадельни с живущими в них стариками отмечены «письмами» 1563, 1582, 1616—1618 гг. повсюду в Заонежских погостах, в том числе в Пудожском погосте. Термин «игумен» в то время не только употреблялся в значении «настоятель монастыря», но и означал священноинока, присланного каким-либо монастырем на дальний приход с миссионерской целью и для духовного окормления верующих. Подробнее см.: *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии. С. 46—47.

[20] Шальский погост в устье р. Водлы был торговым центром восточного Прионежья. На погосте-месте около церквей стояли торговые амбары, которые принадлежали не очень богатым местным и новгородским купцам. В 1563 г., например, они торговали тут «рыбой и мелким товаром», производимым местными крестьянами на продажу.

чта были: попы Семен Петров и Антип Михалев, дьякон Михей Афонасьев и пономарь Иван Матфеев.[yy]

Кроме пудожских и шальских погостских церквей рано возникли церкви с постоянными причтами при них и в волостках: очень значительные расстояния волосток от погостов (до Нигижмы от Шалы 20 верст, до Купецкого от Пудожского погоста около 40, тоже почти расстояние до Отовозера, а до Колодозера даже 70 верст) делали бы невозможным отправление церковных треб, если бы приходилось исполнять все одним погостским причтам. В Шальском погосте существовали церкви во имя Георгия Победоносца в Купецкой и Нигижемской волостях уже в 1626 г., та и другая «у часовни». В книге Плещеева об этих церквах упоминания нет. Из нигижемско-георгиевских священников конца XVII в. известен Афанасий. На допросе по делу о раскольниках в 1693 г. «жонка Феклица Данилова показывала, что была-де она у отца духовного в прошлых давних годех в Нигижемской волости у попа Афонасия, а чей он сын, того сказать не упомнит». Кроме того, из надписи на старинной деревянной водосвятной чаше, сохранившейся при церкви от XVII в., видно, что тогда служил еще священник Федор. В 1628 г. причт Нигижемской церкви состоял из попа Степана Селиверстова, дьячка Кондрашки Селиверстова и пономаря Ларки Клементьева, прозвищем Третьячки. О количестве имевшейся при Нигижемской церкви земли и получаемого с нее хлеба говорит то обстоятельство, что у священника с крестьянами дер. Великий Двор была своя мельница, одна из двух,[zz] имевшихся в 1628 г. на всю Нигижемскую волость; «да у попа Стефана, да у крестьян у Ондрюшки Григорьева с товарищи на Долгом ручью мельница мутовочная», — читаем в книге к[нязя] Долгорукова. При Купецкой церкви в 1628 г. служили поп Арист Миронов, дьячок Кирилко Кирилов и пономарь Фомка Иванов. В Пудожском погосте по писцовым книгам известны церкви — с 1628 г. Отовозерская Ильинская и с 1583 г. «на Колодозере ц. Никола Чудотворец». В черте этого же погоста находятся еще следующие церкви: Сумская, Кулгальская, Корбозерская, Градская кладбищенская во имя архистратига Михаила, Коловская, Салмозерская, Устьколодская и Кумбасозерская; первые три, без сомнения, большой древности.[aaa] Церковь Нигижемско-Пречистинская, по клировым ведомостям, существует с 1728 г., Шальская Александровская в д. Семеновой построена в конце истекшего столетия, Александровская же кладбищенская в г. Пудоже освящена в 1903 г. Итого, в начале XVII в. число церквей в районе Пудожского и Шальского погостов было вдвое меньше, чем в настоящее время.

Немногочисленные по количеству пудожские и шальские церкви, по данным о них писцовых книг, поражают своей бедностью: построенные из дерева «клетцки», некоторые с шатровым верхом, они снабжены деревянными сосудами, крашенинными покровами, полотняными ризами. Церкви имеют ограниченное количество богослужебных и учительных книг, а на колокольницах вместе с колоколом или двумя висят еще клепала железные. Вот описание трех приходских церквей Пудожского края — бедной Отовозерской и более состоятельных Нигижемской и Купецкой. Описание заимствуется из списка с писцовой книги кн. Долгорукова,[bbb] л. 397: «Волостка Отовозеро, а в ней церковь Ильи Пророка древяна клецки, а в ней образов: образ местной Ильи Пророка, Пресвятой Богородицы знамение, Одегитрей, Деисус, двери царские и сень и столпцы на краске, да в олтаре за

[yy] Дело о пудож. раскольниках. Показание Федосея Яковлева.

[zz] Другая в деревне Черновской или Самочерновой, по писцовой книге.

[aaa] В Корбозере приход был уже в 1582 г. Причт Корбозерской церкви, подвергшийся вместе с прихожанами нападению шведов, получил в 1607 г. жалованную грамоту на землю. См.: Памят. кн. Олон. губ. 1905 г. С. 34.

[bbb] В «Олон. губ. вед.» 1850 г. оно опущено.

престолом образ Пресвятой Богородицы знамение, на другой стороне образ Николы Чудотворца, крест выносной и крест благословящий на краске, индитья и покровы крашенинные,[21] потир и блюда древяные, звезда медная, воздух и покровы крашенинные, ризы и стихарь полотняные, оплечья выбойчатые, патрахиль и поручи крашенинные, да кадило железное; да книг: Евангелие письменное в 1/2 десть, Евангелисты и средина медные, апостол, апракос, шестодневец, Минея общая, Златоуст, соборник, служебник — все книги письмянные в 1/2 десть. Да на колокольнице два колокола по смете 2 пуда, клепало железное. Строение церковное, образы и книги тое ж волости крестьян».

Об. 363 и 364 л.: «в Нигижиме у часовни Спирка Иванова, а Великий двор тож, а в нем церковь великомученика Георгия, деревянная клетцки теплая с трапезою, верх шатровой, а в церк-

[21] Здесь и далее названия богослужебных и других церковных книг и предметов: индитья — верхний покров св. престола в церкви из ткани, по возможности, «светлой и великолепной», а в данном случае — из крашенины (дешевой ткани, покрытой краской); покровы — платы, которыми покрывают дискос и потир во время литургии, оказались тоже из крашенины. «Потир и блюда древяные, звезда медная, воздух и покровы крашенинные, ризы а стихарь полотняные, оплечья выбойчатые, патрахиль и поручи крашенные»: потир — богослужебный сосуд (чаша), в котором во время божественной литургии возносятся Св. Дары, — выточен из дерева, как и блюда, используемые в службе; звезда — очевидно, имеется в виду звездица, крестообразно соединенные две дуги, используемые при окончании проскомидии (поставляется на дискос над Св. Агнцем); воздух — это подобный платку покров, которым покрыты Св. Дары от проскомидии до пения Символа веры, при этом дискос и потир по отдельности покрыты своими покровами, а воздух покрывает оба этих священных сосуда подобно «тверди небесной». Несмотря на значение данных предметов, в деревенской церкви они сделаны из простой крашенины; риза — облачение священников на службе; стихарь — облачение дьякона и причетников, пошит из простого полотна. Оплечье — самый верх священнослужительских риз, лежащий на плечах, обычно отличающийся от стана ризы особым цветом или позументом, здесь выполнен выбойкой (вдавливанием) на ткани. Епитрахиль — надеваемое на шею облачение, подобное длинному шарфу, сшитому сторонами книзу; поручи — нарукавники, манжеты, также оказались самыми простыми, из крашенины. Евангелие письменное — четвероевангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, т. е. первые четыре книги Нового Завета, в которых описана земная жизнь Иисуса Христа, определение «письменное» означает книгу, написанную от руки. Апостол — богослужебная книга, в которой содержатся «Деяния апостольские», послания апостолов, а также прокимны и указания апостольских чтений. Апракос (опракос, пракос) — книга с текстами из Евангелия и Апостола, расположенными по порядку дневных церковных чтений при богослужении, начиная с недели Пасхи. Шестодневец — книга Шестоднев, или беседы на шесть дней творения св. Василия Великого и Иоанна, экзарха Болгарского. Минеи общие — книга, содержащая службы тем святым, которым не составлено особой службы. Златоуст (?) — вероятно, имеется в виду сборник некоторых произведений Иоанна Златоуста. Соборник — книга-сборник нравоучительных слов св. отцов и учителей православной церкви. Служебник — церковная книга, по которой отправляется божественная служба, она содержит наследования вечерни, утрени, литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого, литургии преждеосвященных Даров Григория Двоеслова и так называемое известие учительное (наставление для священника). Служебник настолько важен, что обычно он вручается архиереем священнику по рукоположению последнего в сан. Часовник — видимо, речь идет о сборнике молитвословий — «часов» (вседневных, великопостных, царских и пасхальных). Трефолой — церковная книга, в которой собраны службы праздничные и наиболее почитаемых святых из Миней месячных. Охтая (октоих) — книга, содержащая недельные службы на восемь «гласов» (8 главных напевов, звучащих в православном богослужении), каждому из гласов соответствуют свои собственные стихиры, каноны и проч., поэтому гласы употребляются в каждую неделю поочередно. Треодь (триодион, триодь) — богослужебная книга, содержащая троепесенные каноны. «Усмень золочен, венец и гривенка серебряны»: «оусма» на древнерусском языке — кожа, а усмень — кожаная одежда, ремень или сапоги; венец — церемониальный головной убор; гривна (здесь «гривенка») — нашейное ювелирное украшение, видимо, писец отметил украшения из драгоценных металлов на двух иконах св. Георгия. Евангелие толковое — истолкованное Евангелие (с объяснениями евангельского текста); прологи — церковная книга, в которой собраны сокращенные жития святых, поучительные слова Василия Великого, Иоанна Златоуста и проч., расположенные по числам месяца. Ермолой — ирмологий — книга, в которой записаны ирмосы канонов (Полный церковнославянский словарь, с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений / Сост. Г. Дьяченко. Репринт. изд. М., 1993).

ве образов: образ местной Георгия страстотерпца на краске да пред тем же образом свеча поставная, образ месной Николы чудотворца на золоте в деянии, обр. м. Пречистые Богородицы Умиления на краске, образ м. Покров Пр. Богородицы на краске, обр. м. О тебе радуется, на краске. Да в олтаре за престолом образ Пречистыя Богородицы воплощение, а на др. стороне обр. Николы Чудотворца; крест выносной на краске; на престоле индитья выбойчатыя, покров крашенной; воздух и покров крашенные; сосуды, потир и блюда деревянные, звезда железная. Да книг: Евангелие напрестольное письмяное, апракос в десть, часовник письм. в 1/2 десть, псалтирь письм. 1/2 десть, Златоуст письм. 1/2 десть, трефолой письм. в 1/2 десть, 2 охтая письм. в 1/2 десть, треодь цветная печатная в десть. Да на колокольнице 2 колокола по смете в 4 пуда, да клепало железное».

«На Купецком озере у часовни, а в ней поставлена церковь вел. Георгия деревяна клецки теплая с трапезою, верх шатровой, а в церкви образов: обр. м. Страстотерпца Хр. Георгия в деянии на золоте, у Георгия венец серебрян, а усмень золочен, обр. м. Покров Пр. Богородицы на золоте; обр. великомуч. Георгия на краске, у Георгия венец и гривенка серебряны... золочены, обр. м. Пр. Богородицы Одегитрии на золоте, да перед теми образ три свечи поставные велики; Деисус и празники, и пророки, и двери царские, и сень, и столпцы на краске. Да в олтаре за крестом обр. Пр. Богородицы воплощения, а на др. стороне образ Юрия страстотерпца на краске; крест благословящей на краске и крест выносной; индитья выбойчатая, сосуды, потир и блюда древянные, воздух выбойчатой, покровцы крашенные, кадило медное, да в трапезе образов Деисус поясной на краске. Да книг: Евангелие напрестольное тетр письм. в десть, поволочено крашениною, Евангелисты и средина медная; Ев. толковое печатное в десть, пс[а]лтырь следов, письм. в десть, апостол письм. в 1/2 десть, две треоди поеная да цветная письм. в десть, два пролога во весь год письм. в десть, два охтая да Минея, да две триоди, да трефолой письм. в 1/2 десть, ермолой в 12 десть. Да на колокольнице колокол по смете пуда в 3, да доска железная. Строение церковное, образа и книги, и ризы, и сосуды, и колокола тое ж волости крестьян».[22]

Что касается часовен, то кроме расположенных подле самых Купецкой и Нигижемско-Георгиевской церквей упоминаются еще у Плещеева — часовня в деревне на Острову и над Вайбучем порогом на р. Водле, у кн. Долгорукова в Купецкой деревне Кураковой, и в 1693 г. — часовня во имя Николая Чудотворца в дер. Колове, в которой самочинно служили раскольники.

Относительно причтов при церквах Юрьевской вотчины должно сказать, что они находились в значительной зависимости от монастыря и ничего не могли предпринять без ведома юрьевских

[22] По древнерусским установлениям, строительство, обеспечение предметами и содержание церкви, священника и причта ложились на плечи прихожан, пожелавших иметь собственную церковь. В Карелии почти все церкви являлись такими приходскими церквами. Описанная И. Шайжиным география церквей имела под собой примечательное явление в жизни края XVI—XVII вв. — освоение крестьянами нетронутых доселе земель. Когда община, она же приход, численно увеличивалась, часть крестьян отделялась и основывала собственные деревни на необжитых землях, в отдалении от центра погоста. Но чтобы создать самостоятельную общину, по закону требовалось поставить и содержать собственную церковь. Такие выделившиеся общины назывались «выставками», а их новые церкви, на первых порах получавшие материальную помощь от центральных церквей погоста, звались «выставочными». Переписная книга 1646—1647 гг. зафиксировала «выставочный» процесс в Заонежских погостах почти повсюду. Так, в Пудожском погосте кроме старинных 47 деревень и двух церквей во имя Троицы и св. Николая Чудотворца в центре погоста отмечены четыре выставки: на Суме, с церковью Великомученицы Параскевы и 16 деревнями; на Корбозере, с церковью Николая Чудотворца и 18 деревнями; на Колодозере, тоже с церковью св. Николая и 19 деревнями; наконец, совсем недавняя я на Нигижме, с церковью во имя Рождества Богородицы и 7 деревнями (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 980. Переписная книга И. П. Писемского и подьячего Я. Евфимьева, л. 254—279).

настоятелей. Эта зависимость проявлялась в следующем. О постройках и перестройках церковных зданий причты отписывали в монастырь и через монастырское начальство получали на то разрешение власти епархиальной; получали от монастыря билеты в случае отлучек от мест службы, причем монастырское начальство делало распоряжение о замене уволенного в отпуск другим для исправления треб. Причты же Пудожской и Колодозерской церквей, чуждых зависимости от монастыря, по всем означенным делам сносились с епархиального властью непосредственно.

Причты и монастырских, и государевых церквей пользовались, как мы видели, землями для своих хозяйственных надобностей, а монастырские, кроме того, получали от монастыря денежный и хлебный трактамент.[23]

Общею очень хлопотливою и обременительною обязанностью для всех причтов было выплачивание «Софийской дани», собиравшейся в пользу митрополита Новгородского его боярскими детьми. С духовенства каждой церкви собирались: «подъезд и десятина, и казенная, и венечная пошлина, и новогодные, и перехожие гривны... и за прошлые годы, где не плачены, всего по 10 алтын с церкви, а буде попы учнут венечную пошлину и новогодние, и перехожие гривны за собой таити... на тех попах правити промыт по 2 рубля по 4 алтына и по 1/2 деньги;.. и подъемные деньги со всякой церкви по 10 алтын да пищею и всякого платежу 4 деньги, да истопничего по 4 деньги. А которые попы и причетники не учнут Софийской казны беречи накрепко и не учнут сами провожать от церкви к церкви, и что учинится Софейской казне какова истеря, и то доправити на тех попех и причетников церковных».[ссс, 24]

Священники Юрьевской вотчины в своей пастырской деятельности подлежали контролю со стороны архимандритов юрьевских. Был даже случай, когда особым ордером поручено было приказчику в одной вотчине «понуждать попа» исправлять «безотговорочно» требы, вероятно, по жалобе на священника со стороны того же приказчика. Случалось, что монастырская власть обращалась к своим вотчинным священникам с предложением «поучать и вразумлять народ в церквах и домах». Был, конечно, контроль над деятельностью и пудожского, и колодозерского причтов, но он не мог предупреждать тех злоупотреблений пудожского причта, о которых говорит «дело» 1693 г.

[ссс] Рус. истор. библ. Т. II. № 119. Наказ м. Макария детям боярским, посланным в Заонеж. десятину, в Лопские погосты и в Поморье. 1619 г., окт.—ноября 20.

[23] Автор описывает более поздние порядки, относящиеся к XVIII—XIX вв.

[24] Перечисляются различные виды церковных сборов. «Софийская дань» — узаконенные выплаты с каждой церкви и монастыря на содержание начальства Новгородской епархии (Дома св. Софии) пропорционально их доходам: «подъезд» — подать на содержание владыки и его сопровождающих во время пастырских поездок по епархии; «десятина» — установленная церковным уставом десятая часть доходов в пользу церкви, которая собиралась приходскими церквами с прихожан; «казенная пошлина» — подать в пользу епархиального казначея, заведовавшего сбором и расходом владычной «казны»; «венечная пошлина» — церковный сбор за венчание. «Новогодные (неточно, следует читать «новичные») гривны» — пошлина за постановку новой церкви; «перехожие гривны» — пошлина за переход священника из одной церкви в другую; «промыт» — штраф за утайку церковных выплат и пошлин, шел в пользу епархии; «подъемные деньги» (они же — «московский подъем») — денежная и продуктовая компенсация в пользу владыки, который при своем поставлении на новгородскую кафедру в Москве сильно издерживался, они выплачивались со всех церквей и монастырей епархии по пропорциональной их доходам раскладке; «пищая» (имеется в виду «писчая пошлина») — сбор в пользу подьячих Дома св. Софии за делопроизводство; «истопничего» деньги — сбор на отопление епархиальных построек и владычных покоев в Новгороде.

4 Зак. 3948

VI. Пудожский раскол
Поход раскольников на Пудожский погост (21 июля 1693 г.) и самосожжение их в д. Строкиной (12 авг. 1693 г.)

Недостаточные для предупреждения злоупотреблений духовенства заботы и распоряжения новгородской духовной власти не могли предупредить и проникновения раскола в олонецкие вотчины, особенно в пределы Пудожского погоста.[25] С этим церковным настроением бороться было еще тем труднее, что с самого возникновения раскола, с половины XVII в., на северной и южной границах Пудожского и Шальского погостов выросли два таких центра раскола, как Рогозерская[ddd] и Курженская[eee] пустыни. В первой из них жил в одно время чернец Корнилий, собравший вокруг себя видных расколоучителей и имевший громадное влияние в Поморье, а о значении Курженской пустыни достаточно говорит уже тот факт, что с ее именем раскольники соединяют мысль о бывшем будто бы здесь большом раскольничьем соборе 1650 г.

Как известно, характерною чертой раскола в первый его период было явление самоистребления раскольников. Эта «смертоносная язва» в виде самосожжения нашла себе в конце XVII в. немало жертв и в Пудоге, причем раскольники, по научению своих наставников-фанатиков, смотрели на «горение» как на путь ко спасению, показанный от самого Бога. Свои наставления фанатики подтверждали ссылками и на «видения». Так, в сочинении инока Ефросина «о самоубийственных смертях»[fff] передается об одном мужике, который, заснув на берегу р. Водлы, видел двух неких светообразных. Они имели в руках горящие факелы и просили мужика перевезти их на другой берег. На вопрос сновидца: «Кто они и откуда идут?» — те отвечали, что они ангелы, сожгли Игнатия и Емельяна в Палеострове (в 1687 г.), а теперь идут в Пудогу устроить новое «горение».[ggg] Влияние ревнителей «горения» сказалось: в Пудоге совсем было приготовились к сожжению (факт был ранее 1693 г.), которое не без труда удалось отвратить иноку Мине,[hhh] одному из представителей раскольничей партии, противной самосожжению. Однако самосожжение раскольников имело место в Пудоге именно 12 августа 1693 г. Подготовил его соловецкий выходец старец Иосиф, имевший пристанище на Коловом и на Ножовом. «Он часто приходил в село, рекомое в Пудожский погост, и поучал христиан... хранити древнецерковное благочестие, от Никоновых

[ddd] О ней см.: «Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в.» П. С. Смирнова. Расположена была Рогозерская пустынь на межевой земле между Пудожским и Водлозерским погостами (Олон. губ. вед. 1851 г. № 1). Теперь она в черте Сумского прихода (Памятная книжка Олонецкой губернии. 1867 г.).

[eee] Курженская пустынь в 20 вер. от Саминского прихода. Последователи раскола, руководители (по преимуществу Досифей) и руководимые стекались сюда массами. «Отсюду, — по выражению раскольничего историка, — тогда, в зиму лютого гонения на благочестие, весна сияше пресветлая» («Ист. Выгозерской пустыни» Филиппова. С. 79). Истреблена пустынь позже 1664—72 гг.

[fff] С. 20—89.

[ggg] Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе. 78 с.

[hhh] Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе. С. 70.

[25] Священный Синод в конце 1920-х гг. и Поместный собор Русской православной церкви в 1971 г. признали старообрядчество «душеспасаемым» православным течением и сняли с него все «клятвы» (соборно-церковные проклятия), «яко не бывшие». Движение старообрядцев имело причиной глубокий социально-психологический, личностный и общий внутрицерковный конфликт, разразившийся в Русской православной церкви во время и после Поместного собора и «Собора патриархов» 1665—1667 гг., утвердивших реформирование церковного устава патриархом Никоном, но снявшего его с места предстоятеля. Подробнее об этом см.: История Карелии... С. 127—129.

же новин веляше вельми бегати».[iii] Страшному по количеству жертв «горению» 12 августа предшествовал характерный раскольничий поход на Пудожский погост, подобный палеостровскому походу.

21 июля 1693 г. в Пудожский погост через д. Вянгозеро вступили многие незнаемые люди с ружьями. Это были ревнители древлего благочестия во главе с чернецом Тимошкой и дьячком Васькой Зайцем. Пришли они из Рогозерской пустыни, где у них построена была изба о пяти житьях. Здесь жило мужского и женского полу близ 100 человек. Хлеб им приносили пудожские и окольных деревень жители. Оружия раскольники имели «больше 100 пищалей, пороху с четверика два». Вступив в Пудожский погост и достигнув церквей, Васька Заяц «в колокола по вестовому забил», и пришельцы вломились в церкви Живоначальной Троицы и Николы Чудотворца. Фанатики тотчас же принялись снимать и обмывать иконы и одежды на престолах. С водой появились даже на главах церквей и лили ее на кресты. В то же время «того ж Пудожского погоста три жонки соблазн чинили и были будто вне ума. От прелестных слов сих жонок, по показаниям раскольника Анички, великого государя и Юрьева монастыря крестьяне все были в раскольничем совете у церквей Божиих, опричь 10 дворов. Тимошка затем пересвятил даже церковь Николы Чудотворца», причем «антиминс с престола сняв, в реку Водлу бросил».[26] Евангелие напрестольное, книги и иконы многие были переменены. 23 июля раскольники устроили крестный ход вокруг церквей, а 1 августа взяли иконы и кресты, ходили на р. Водлу и там «без попа святили воду и в ней купали своих прелестников, в числе которых был и журавицкий староста». Потом ежедневно до 12 августа раскольники строем с ружьями ходили по деревням, являлись в церковь и пели здесь вечерни, утрени и даже обедни, отправляя и все другие церковные требы, открывавшиеся у окрестных обывателей православных. Последних Васька Заяц перекрещивал ежедневно до 77 человек, по показаниям восприемника Сеньки Яковлева. Молебны пелись и в Коловской Никольской часовне, так как крестьяне д. Колова, Ножова и Вяньгозера были «прельщены» раскольниками. Не прельщенные миряне и пудожские попы, «от воров по иным волостям и на леса разбежавшиеся, из опасения содержали караулы многие» и на всякий случай «все крест целовали на том, чтобы стоять и противиться ворам заодно». Кроме того, пудожские никольские попы Семен Петров да Антип Михеев на бесчинства раскольников отправили челобитную память царям Петру и Иоанну. Они жаловались, что раскольники отняли у них церковь, их самих били, домишки разграбили и разорили; «их ста два и больше», с ними чернец и многие дьячки в расколе.

Раскольники же из пудожских государевых крестьян в своей отписке властям за руками 212 человек старались представить дело следующим образом: «воров-де и церковных раскольников и никакого воровского собрания в их Пудожском погосте нигде нет и не бывало, и попы челобитную подали напрасно». Было же действительно только следующее: «В 201 году по лету учал Божиим изволением в их Пудожском погосте скот падать и люди умирать скорою смертью, и они, прихожане, 201 году 21 июля с женами и детьми собрались в Пудожском погосте в церкви Божией и молились для морового поветрия три дни неисходно, молебны и часы пели и св. водою образа в церквах кропили, а молебны-де у них пели в двух церквах дьякон Михей Афонасьев с дьячки, Микитка Иванов, Оська Алек-

[iii] История Выгоз. пустыни. С. 62.

[26] Антиминс — шелковый плат с частицами мощей святого, освященный правящим архиереем, отправлялся в каждый из вновь возведенных храмов и полагался на престол. Поскольку старообрядцы не признавали правящего епископата как еретиков, то и освященный владыкой антиминс вызвал столь гневное обращение с ним «ревнителей древлего благочестия».

сеев сын Копос да Иван Григорьев. Служение совершалось без попов, потому что попов они, миряне, отказали, и они-де, попы, в то время в кабаке пили и бражничали. Отказ же последовал будто бы для тех их поповских налогов и безчинств. Попы-де к ним, мирским людям к болящим, для исповеди и причастия не приходят и не исповедают, и не причащают, и многие умирают, а которых умерших тела они, мирские люди, к церкви привозили, и попы с тех умерших имали от погребения по 2, по 3 и по 5 рублев, а дать-де было нечего, и те умершие тела лежат без погребения; а что молитву давали родительницам и свадьбу венчали и младенцев крестили и которые умирали, и они-де, попы, имали за все перед прежним вчетверо. А как они, мирские люди, приходили их, попов, звать к родительницам, и они-де, попы, не слушали и, забыв страх Божий, пили и бражничали, и многие родительницы без молитвы и без покаяния умерли. А ругу-де они, попы, с них, мирских людей, емлют накладную, пред прежним втрое. Да как-де поп Семен Петров тягался с понамарем с Ивашком Матфеевым и взял с мирских людей угрозами 10 рублев...». Ради всего перечисленного жалобщики просили «тех попов дела разыскать». Просьба о розыске по поповским делам говорит о наличности злоупотреблений попов в отношении к прихожанам и низшим чинам причта, но несомненно раскольники преувеличили эти злоупотребления «втрое и вчетверо» против действительности. В челобитной, например, говорится, что с умерших попы «имали» по 2, по 3 и по 5 рублей — деньги по тому времени очень большие, — а раскольник Федька Алексеев не остановился даже пред таким поклепом: «прошали-де попы за исповедь и отпевание по 15 рублей»!

Следствием обоюдных жалоб пудожских попов и раскольников была присылка в Пудожский погост из Олонца стрелецкого сотника Микиты Ижорина да подьячего Ивана Буракова «с стрельцами и с ружьем, и с боевыми припасы». Им поручено было «чинить о поимке над раскольниками промысл, а для всякого промыслу и поимки тех воров взять понятых добрых людей с ружьем и не раскольников»: с Вытегорского уезда 50 человек, с Андомы 100 и с Нигижемской волости 20 человек. Пойманных «воров» стрельцы должны были привезти на расправу в Олонец, не замешкав; приказано также было «отнюдь не допускать ворам жечься, как такие воры и раскольники наперед сего жглися».

Раскольники, однако, предупредили поимку и 12 августа «в пяток», оставив Пудожский погост, во главе с иноком Иосифом предались самосожжению в дер. Строкиной. Здесь, «собрався в хоромы некоторых христолюбцев со своими христианы», Иосиф не только запер все выходы, но «около хором и стену срубил». Как только показались посланные с Олонца начальники и подьячие и с ними полтораста солдат с оружием и с пушками,[iii] насмертники стали уговаривать Иосифа идти на кровлю обличать гонителей. Им хотелось, чтобы их учитель явил свою ревность «к излитию кровному» и тем загладил бы свое прежнее отречение от раскола, случившееся с ним после неудачной попытки сгореть в местечке Дорах Каргопольского уезда. И вот, «вышед на хоромы на кровлю, на руках имуще образ Спасителя», Иосиф стал «о вере стязатися с никонианскими посланными». В хоромах в это время сидели с зажженными свечами в руках. «Стязались весь день» до вечера, ревность Иосифа превзошла всякое вероятие и вызвала с противной стороны выстрел «из мушкетов». Иосиф упал мертвым, внутри «храмины» в это время началось пожарище.[kkk]

По официальной отписке из Пудоги сотника и подьячего от 17 августа 1693 г. дело представляется в несколько другом свете. «Воры и церковные раскольники» заперлись в дер. Строкиной в

[iii] История Выгоз. пустыни. Гл. XII. О собрании соловецкого отца инока Иосифа и о скончании его в Пудожском погосте. С. 62.

[kkk] Смирнов П. С. С. 58; Ефросин. С. 27—32, 46.

4 избах; их напрасно уговаривали отстать от богомерзкой ереси, они хулили церковь и крест, их хотели захватить живыми, но раскольники «учали стрелять», и они со стрельцами, прибежав к стенам, «учали стен просекать, чтобы их, воров, взять живых, и они-де, воры, в тое время зажглись вскоре и сгорели все без остатку, потому что-де у них изготовлены были к тому пожогу всякие припасы — порох и солома и сено сухое». Общее количество сгоревших с точностью неизвестно; раскольничьи синодики («Сводный Синодик» изд. Пыпина) о нем не упоминают, но, во всяком случае, оно громадно: по официальным показаниям, сгорело около 800 человек,[lll] «Краткое летосчисление» считает 1500 человек,[mmm] а «История Выгозерской пустыни» — «к другой тысяче несколько».[nnn] «Какие животы и рухлядь, и припасы, и скот, и хлеб» остались после сгоревших и в чьи руки они попали, — по «сказке» Васьки Игрокова, — «то не ведомо». А меж тем все это надлежало представить в Москву в Новгородский приказ. Посланные в Рогозерскую пустынь, в прежнее местожительство раскольников, донесли, что и там уж никого нет, все впусте; там только два избных сруба, которые без приказу они не смели (вернее, как сочувствующие расколу не хотели) разорять, хотя прямое распоряжение начальства было: «пристани по лесам жечь и разорять».

С самосожжением раскольников и запустением Рогозера раскол в Пудоге не прекратился. Напротив, его крепко поддерживала теперь память о страдальцах за веру, окруженных ореолом мученичества и святости. Особенно сильно действовало на придерживавшихся и сочувствовавших расколу сказание о чуде, о котором рассказывали бывшие при пожарище стрельцы, «последи за древне-церковное благочестие овии пострадавший, а овии бегавший». По рассказу стрельцов-караульных, темною ночью на 13 августа 1693 г. они увидели спустившееся на огнище и окружавшее его подобие светлого столпа «разными цветущего цветы». С высоты столпа сошли три мужа — два в епископских и один в диаконском светлых облачениях. Они ходили около огнища «на посолонь», один ограждал огнище благословящим крестом, другой кропил его водою из чаши, а третий кадил огнище фимиамом. Обойдя огнище с пением «три краты», мужи вошли в столп и «столп взят бысть с ними на аер и к тому не являшеся». Последствием рассказа караульных о чуде было то, что все слышавшие «ужасахуся и на месте огнища собраша во единую кучу кости и телеса оставшая и загребоша землею и обрубиша около того места сруб в три бревна». Для вразумления будто бы «ни во что же не вменявшим чудное видение» оно повторялось в 40-й день и «последи на том месте против вселенских суббот многие видяще на том месте в нощи горящие свещи и дивишася сему».[ooo]

Нет сомнения, что сочувствовавшие расколу пудожане и впоследствии поддерживали постоянную связь с знаменитой Выговской киновией, получая оттуда и нравственную, и материальную поддержку.

VII. Общая картина быта: занятия и промыслы крестьян Пудожского и Шальского погостов

Пустынен и дик был Пудожский край, как и все Обонежье, когда начали появляться здесь «страдомые деревни» новгородцев-колонистов. Одинокие русские села и починки в один, два-три двора совсем терялись среди девственных лесов. В разбросанных, больше по берегам рек и озер,

[lll] Акты истор. Т. V. С. 389.

[mmm] Брат. Слово. 1888 г. I. 795.

[nnn] С. 63. С раскольниками сгорели и «три жонки», чинившие «соблазны».

[ooo] История Выгоз. пуст.

на значительном расстоянии друг от друга поселках очень слабо могла развиваться общественная жизнь, и только «с нужею» поддерживались взаимные отношения. Главным препятствием тому, при больших расстояниях, являлись невозможные пути сообщения, не вышедшие из своего первобытного состояния даже в XVII в., как об этом свидетельствует «Роспись Олонецким городом» 1649 г.: «От Андомского погоста до Шальского погоста 70 верст... от Шальского погоста до Пудожского погоста 20 верст. А выставки из всех тех погостов расселилися по мелким озерам в розни... сухим путем дороги во все погосты есть же, пешие и конные, с нужею, зашли мхи и озера, и перевозы через озера многие, а тележных дорог нет».[ppp] «Дороги-де пришли плохие, а перегоны болшие, — жаловались в конце XVII в. крестьяне на повенецких целовальников, — как поедут целовальники через погосты в выставки, и того перегону будет верст 70, и в разъездах в вешнее и в осеннее время в бездорожье многих лошадей замучат».

Но, несмотря на столь невыгодные условия, обрусение края шло довольно быстро: к концу XIV в. от кочевавших в пудожских пределах лопарей и чуди не осталось и следа. Русские поселки с приростом населения увеличились все более и более, так что в первой половине XVII в., после литовского погрома, среди малолюдных починков в Пудоге было немало деревень по 8—10 дворов. Общее же количество дворов в 50 юрьевских деревнях и починках достигало в 1628 г. 267 крестьянских да 14 бобыльских, кроме 3 дворов поповских, 3 дьяковских, 2 пономарских и кельи просвирниципой; населения в них было: крестьян домохозяев 267 да детей их и братьев, племянников и подсуседников 288 человек, да бобылей 33 человека, всего 588 душ муж. пола. Государевых деревень было втрое больше юрьевских, поэтому учетверенное количество крестьянских и бобыльских дворов и их насельников в Юрьевской вотчине должно нам приблизительно указывать общую численность населения в Пудожском и Шальском погостах. В 1628 г. число дворов должно было простираться до 1100, а число душ муж. пола до 2350. К настоящему времени число душ в описываемом районе[qqq] больше чем удвоилось, достигнув в 1903 г. 6262 душ муж. пола;[rrr] в то же время число деревень не только не увеличивалось, но даже уменьшилось до 174. Для наглядного показания прироста населения за три века, хотя бы в пределах одного только Нигижемско-Георгиевского прихода, целиком составлявшего владение Юрьевского монастыря, приводим следующую сравнительную таблицу.

Главным занятием пудожских крестьян было хлебопашество, которое за рассматриваемый период, как и доныне, велось подсечным путем. Пользование лесами для подсек, как и пастбищами, при их изобилии едва ли подчинено было каким-либо правилам. Всего вероятнее, пишет г-н Соколовский,[sss] каждый рубил лесу где и сколько хотел.[27] Землей для пашни крестьяне наделены были в изобилии:

[ppp] Дополн. к акт. истор. Т. III. № 64. С. 231.

[qqq] Берутся приходы: Пудожский градской, Нигижемско-Пречист., Нигижемско-Георгиевский, Шальский, Купецкий, Коловский, Кулгальский, Сумский, Усть-Колодский, Колодозерский, Корбозерский, Салмозерский, Отовозерский и Кумбасозерский.

[rrr] Пам. кн. Олон. губ. 1903 г.

[sss] Соколовский. История сельской общины на севере России.

[27] Подсечное земледелие, как и всякая агрономическая система, конечно, имело собственные правила, достаточно простые для соблюдения в любом крестьянском хозяйстве. Так, для подсеки обычно выбирался лиственный лес, росший на склоне холма, чтобы потом, во время созревания злаков, лишняя влага стекала по склону. Автор, вслед за П. А. Соколовским, совершенно справедливо отмечает заимочный характер подсечного земледелия. Писцовая книга 1616—1618 гг., например, сообщает, что повсюду в Заонежских погостах, в том числе в Шальском, Пудожском и Водлозерском, крестьяне «пашут лесную пашню, кто где поспел».

В 1628 г.	Дворов	Душ м. п.
Дер. Ивана Антонова Патракова, а Окулова то ж	10	18
Дер. Павлика Савина, а Каршева тож	8	16
Дер. Филипка Яковлева, а Шильникова тож	6	15
Дер. Спирка Иванова, а Великой Двор тож	14	23
Дер. Полухта Тимофеева Чечетова	4	12
Дер. Афонаска Яковлева, Игнатовская Якушевская тож	10	27
Дер. Максимка Лукина, а Фомина тож	5	10
Дер. Микулки Давыдова, а Матвеевская тож	4	10
Дер. Осипка Иванова Феофилова над Пертом-озером	3	10
Дер. Еремка Ортемова, а Никитинская тож	7	15
Дер. Ивановская Заволоченинова Мысова за озером, а Юрига тож	5	8
Дер. Игнатовская Самочерная	7	17
Дер., что была пустошь на Бесовом носу Якимка Филипова	2	2
Итого	85	183[28]

В 1902 г.	Дворов	Душ м. п.
Дер. Окуловская	19	61
Дер. Каршевская	25	67
Дер. Шильниковская	9	26
Дер. Великодворская	17	43
и дер. Знаменская	1	7
Дер. Якушевская	33	111
Дер. Фоминская	11	36
Дер. Давыдовская	10	23
Дер. Горская	17	49
Дер. Никитинская	18	51
Дер. Юрпучская	8	29
Дер. Черненская	22	51
Дер. Бесовская	14	50
Дер. Бахтынская	9	19
Дер. Новинская	4	10
Итого	217	633[29]
Военных	—	82
Раскольников	—	9
Итого	—	727[30]

в одних юрьевских вотчинах 1628 г. числилось при живущих деревнях «пашни паханые добрые земли 76 четей с осминою да перехожей земли 265 четей, да перелогом и лесом поросло 181 чет и всего пашни, перелогу и лесу 523 чети». Земледелие не отличалось от современного: на подсеках крестьяне сеяли рожь, овес, лен и ячмень, а судя по значительному количеству сена (в юрьевских деревнях в 1628 г. было 1563 копны), по дешевизне скота, удивлявшей иностранцев, по тому, как налоги платились в то время вместе с хлебом, маслом, сыром, овчинами, можно думать, что

[28] У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно, правильно: 185.
[29] У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно, правильно: 636.
[30] У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно, правильно: 724.

каждое хозяйство имело скот. Здесь интересно привести, как особенно раннее, свидетельство писцовой книги Юрия Сабурова (1496) о положении хозяйства в деревне Шальского погоста на Уножском острове, где был только один двор, а «ржи сеяли две коробьи,[ttt] сена косили 15 копен обжа, а дохода с деревни в Муромский монастырь 10 бел, а из хлеба четверть да сыр, да мерка масла».

Бортничества, которое в древности процветало и на севере России,[uuu] не знали пудожские крестьяне. Об этом можно судить и по тому, что соседний с Пудогой Муромский монастырь медом и воском в качестве царской милости снабжался из Москвы, откуда ежегодно шло «по пуду с четью меду да по пуду с четью воска», как гласит «запись о ружных церквах и монастырях Обонежской пятины» 1577—1589 гг.[31]

Зато доходную и выгодную статью для пудожан составляли звероловство и рыбная ловля. Предметом добычи служили особенно белки и куницы, шкурами которых крестьяне платили оброк (белы и куничья подать). Была возможность охотиться и на такого редкого зверька, как бобр, о распространении которого в Пудожском крае еще в конце XVI в. говорит грамота 1585 г., укрепляющая за Кожеозерским монастырем (на границе Пудожского уезда) бобровые гоны. По мнению И. С. Полякова, бобр водился, впрочем, и во всей Олонецкой губернии, так как он попадался также около Ладожского озера.[vvv]

Рыболовство более широко было развито в Шале. Здесь в 1582 г. производился торг рыбою и мелким товаром в 11 амбарах. Кроме того, из всего количества крупной и ценной рыбы, ежегодно доставлявшейся в Юрьев монастырь из вотчин (лососей 22 пуда 20 фунтов, сигов 722 пуда), большая часть получалась из этой Олонецкой вотчины, расположенной возле Онежского озера. Во владении крестьян Пудожского погоста были «*рыбные мневые ловли* на реке на Водле в пороге во Мневце» (повыше дер. Подпорожья). Монастырские крестьяне уже по писцовой книге Юрия Сабурова, т. е. в конце XV в., имели здесь 21 мерду с полумердою, в то время как государевым крестьянам всех дворцовых волостей предоставлено было владеть — по части «сорокью тремя (43) мерды с полумердою, а оброку с тех ловель две гривны». Совместные владельцы ловель не могли уживаться в мире, докучая начальству взаимными жалобами. Так, в 1618 г. юрьевский архимандрит, защищая права своих крестьян, жаловался на «государевых крестьян на Полуянка Олексеева и на всех крестьян Пудожского погоста: владеют-де те крестьяне в пороге во

[ttt] Коробья — древнейшая новгородская хлебная мера, в XV в. подвергшаяся преобразованию. Вполне ясно коробья обозначилась в 1588 г., а именно: «трое заняли коробью овса в новую миру» и один из них за свою треть овса заплатил осмину с третником. Итак, вновь преобразованная коробья содержала в себе 2 четверти (Брокгауз и Ефрон. Т. XVI. С. 309).

[uuu] Соколовский. С. 22.

[vvv] ЖМНПр. 1902. VI.

[31] Ружное обеспечение являлось обязательным условием существования небогатых приходских церквей и дальних монастырей. Руга — это вспомоществование, которое выплачивалось священнику и причту местным приходом, иногда в виде хлеба, очень редко — деньгами, а в Карелии чаще всего — передачей в пользование церковникам части общинной земли, таким образом, им предоставлялась возможность жить результатами своего земледельческого труда. Выше в тексте речь шла о священнике, получавшем такую приходскую ругу. На уровне государства ружное обеспечение состояло в выделении в помощь и на пропитание братии отдельных монастырей и причту некоторых церквей денежных сумм и продуктов из государевых доходов. Муромский монастырь принадлежал именно к данной категории ружников. Другой тип государевой руги — выделение государственных земель в пользование обители (так с 1600-х гг. обеспечивалась Шокшинская Падостровская пустынь). Но обычно на ругу шли деньги и продукты с дворцовых сел и деревень, т. е. с личного домениального хозяйства царя.

Мневце рыбною ловлею, а им-де в монастырь в той рыбной ловле изстари *дана треть* и в писцовых книгах написана с ними вопче и с тою-де они третью владеют 13 лет, а их монастыря крестьянам ловити не дают, *только дают* из тое рыбы им *семую долю*». После этой жалобы монастырские крестьяне были восстановлены в своих правах, с условием «оброк платити по-прежнему: Пудожского погоста крестьянам две доли с малой вытью, а Юрьева монастыря крестьянам третья доля без малой выти». В 1640 и 1682 гг. рыбные монастырские ловли по рекам Водле, Шале и др. были царскою волею увеличены. Что касается *цен на рыбу* в Пудоге, то об этом имеются сведения в сохранившейся от XVI в., после 1547 г., «Порядной Водлозерских (из дер. Кургаловы и Согиловой Горы) крестьян Ивана и Семена Петровых с Кирилловым (вероятно, Челмогорским монастырем) на рыбную ловлю». Обязавшись ловить на монастырь рыбу, Петровы выговорили для себя такое условие: «а не захотим мы тое рыбы на срок (Рождество Христово) везти в Кириллов монастырь, коя в сей порядной записана, и нам дати *за бочку щучины по 20 алтын*, за бочку лещевины по 20 же алтын, а буде Бог пошлет сиговины, ино нам привести за бочку судачины, с обжи *полбочки сиговины*, а не захотим мы тое рыбы везти в Кириллов монастырь, коя в сей порядной писаны, и нам дати за *полбочки сиговины 20 же алтын денег*».[www]

Из пудожских крестьян писцовая книга 1628 г. называет нескольких красильников и занимавшихся кожевенным производством, например в Нигижме, в деревне над Пертом озером бобыль Якушка Трифонов красильник, в деревне Амоска Иванов на Яковлева дворе Ивашко Герасимов *кожевник*, в деревне Окуловой Левко Микитин *кожевник* и др.

Некоторое представление о жилье нашего крестьянина за описываемое время могут дать следующие краткие записи: от 1582 г.: «в Шале у попа Тита два амбара под клетью да под горницею для торга рыбой и товаром»; запись 1590 г.: «двор крестьянской — изба трех сажен наземная да противо клеть, да два хлева, да межи хлевов два простенка». Кроме того, как общая особенность жилых помещений того времени, отмечаются в пережитке старины — свадебной причети, волоковые окна и недостаточное освещение изб:

У чужого чужанина
У млада сына отецкого
Избенка будто байнишка —
Долотом окна прорублены,
Решетом свету наношено.

Одевался пудожанин в домотканый балахон и лапти. С эпитетами балахонника и лапотника он является и в былине о Рахте Рагнозерском,[xxx] местном пудожском богатыре.[yyy] Будничная женская одежда была из одного и того же скромного материала, что и мужская, — на нее шли крашенина и точиво из льна, производством которого Пудога славилась с древности. Недаром сноп льна фигурирует и в гербе Пудожского уезда. В праздники женщины любили и умели наряжаться. По представленному г-ном Ивановым на С.-Петербургскую международную костюмную выставку костюму олонецкой крестьянки XVII в. можно было судить, с каким изяществом одевались в праздники девушки состоятельных семей в нашем крае.

[www] Акты юридические, изд. Археограф. комис. 1838. № 1478.

[xxx] Онежские былины. Записи Гильфердинга. Изд. Академии наук. Т. 1. № 11.

[yyy] Рахта — единственный богатырь Олонецкого края.

Что касается *пищи* крестьян, то, пишет г-н Соколовский,[zzz] она была за описываемый период гораздо сытнее и разнообразнее, чем позже, как доказывает это г-н Аристов для всей древней России.[aaaa]

Речь о быте, собственно только о материальной культуре нашего края, необходимо было бы дополнить главой о семейно-общественных отношениях и религиозно-нравственном укладе жизни населения. Но исторические и юридические акты затронутые вопросы обходят молчанием, и потому ответ на них мы дадим в особой статье на основании нашей живой старины — по произведениям народного творчества. Восстановление картины семейно-общественного быта и религиозно-нравственного мировоззрения народа возможно не только через изучение всей области народного творчества,[bbbb] но и через изучение одного даже вида этого творчества, например, похоронных причетей.[cccc]

VIII. Исторические условия жизни крестьян Пудожского и Шальского погостов. Народные бедствия

Тяжела была в древности жизнь нашего заонежского, как вообще новгородского, крестьянства, когда хлеба хватало только в обрез, когда за невозможностью сделать запасы неурожаи производили страшные голода, сопровождавшиеся морами. В каждом столетии летопись отмечает не одну тяжелую для народа годину. В 1042 г. в Заволочье «бе мор лют на кони», а в 1123 г. здесь же «купляху по ногате хлеб». Страшный голод 1421—1423 гг. был следствием три дня сряду шедшего снега, уничтожившего посевы (История Карамзина. Т. V, прим. 222). К голоду в 1423 г. присоединился мор, а в 1446 г. «короб хлеба опять доходил до полтины», так что, по летописцу, на торгу и на улицах иные падали и умирали от голода. Голод 1471 г. произошел от сильных жаров и засухи, а в 1588 г. — от морозов.[32] При Борисе Годунове вся Россия пережила страшный трехлетний голод (1601—1603). XVIII в. для нашего севера был тоже не без голодовок (1716—1717).[dddd] Но до падения Великого Новгорода наши крестьяне, живя на одних и тех же местах десятки лет за разработкой естественных богатств края, без лишних стеснений со стороны призванного и не призванного чиноначалия, могли еще восстановить свое хозяйство после голодных годов. В этом они успевали даже настолько, что страна, в общем, была, по выражению одного современника (около 1480 г.), «и хлебна, и коты велики, и лен, и железо добро».[eeee] Но если таково было положение нашего края сразу после похода на Новгород Иоанна III, то через столетие Московского владычества громадное большинство населенных мест опустело, вся Новгородская область покрылась множеством пустошей — пустых деревень и селищ, оставленных жителями. Благосостояние края сильно понизилось. Так, к 1582 г. в одном Пудожском погосте, по книге Плещеева (л. 1257), было «10 деревень пустых да 59 пустошей»!

[zzz] История сельской общины на севере России. С. 28—29.

[aaaa] Промышленность древней России: см. у Соколовского. С. 28—29.

[bbbb] Попов. Влияние церковного учения и древнерусской церковной письменности на мировоззрение русского народа и его словесность.

[cccc] Барсов Е. В. Причитанья Северного края. Т. 1.

[dddd] О голодных годах см. у Аристова.

[eeee] См. у Неволина. С. 48.

[32] Автор приводит свидетельство летописей о голодных годах из-за неурожаев, последовавших от природных катаклизмов.

Бобыли, избенки которых ютились на церковной земле, нищие, питающиеся подаянием, составляли повсеместное явление. И все это произошло, как показывали сами крестьяне, в 1573 г., «от государевых податей и от подвод», в других местах «от опричного правежу, от свейских немец».

Как тяжелы были *подати и подводы* показывают грамоты на Олонец по поводу злоупотребления таможенных повенецких голов (1674 г., сентября 15; 1680 г., мая 21; 1681 г., февраля 27).[ffff]

В государеву казну положено было вносить таможенного сбора «с Нигижемской волости на год по два рубля с полтиной, Купецкие волости по рублю по 20 алтын, Шальского погоста по полтора рубли, Пудожского погоста по рублю по 20 алтын на год», а головы своим умыслом наложили вновь «и на хлеб, и на скотину, и на харчевное по 5 денег с рубля, и деньги имали смертным правежом, и на правеже били и мучили, а в Новгородском-де во всем уезде таких сборов и мученья нигде нету».[33]

Те же головы вместе с целовальниками мучили крестьян и подводами и кормами: «Приезжают они в Спасской Шальской и в Никольской Пудожской погосты, и в выставки в Нигижемскую, и в Купецкую, и в Отовозерскую волости погодно... и стоят многие дни человек по 10 и больше, и пьют, и едят, и подводы емлют у монастырских и у государевых крестьян всякому человеку по подводе, да под запас подводы ж... и по подводе емлют в обе стороны — от Повенца едучи и назад на Повенец — и в бездорожье лошадей многих замучат». Донимали крестьян также «гонцы и посыльщики, кои на ямех емлют без указу кормы и харчи себе многие и крестьян бьют на правеже, и от тех кормов и харчей убытки бывают многие, *от того они, крестьяне до конца разорились*», так как «они платят (немалые) *Великого Государя подати*: стрелецкий хлеб, и рублевые, и постойные, и ямские деньги в Новгород сверх своих погостских волостных ямов».

IX. Вдвойне против государевых крестьян тяжело было положение юрьевских монастырских крестьян

Вдвойне против государевых крестьян тяжело было положение юрьевских монастырских крестьян под жестоким управлением «прикащиков» и при взносе двойных оброков на монастырскую и государеву казну. В монастырских книгах помещаются следующие налоги: «подушная подать, кабальный хлеб, рублевый оброк, пятина, помольные, свиточные, куничные, выводные и свадебные

[ffff] Акты Археографической экспедиции. 1836. Т. IV. № 196, 241, 244.

[33] Повенецкие таможенные целовальники занимались сбором налогов с местной торговли. Если законные сборы не выплачивались в срок, то их взыскивали с помощью правежа — ежедневных избиений недоимщика вплоть до выплаты им денег. Этот законный способ буквального выколачивания налогов был распространен по всей стране, а не только в Пудожском крае. Без правежа просто нельзя было собрать сполна никаких налогов, так как только угроза правежа, с возможной смертью во время ежедневных экзекуций, заставляла выплачивать причитавшиеся деньги. Вместе с тем целовальники-праветчики отвечали перед казной личными средствами за сбор всех положенных выплат, поэтому они сами объезжали всех должников, но все же старались «не слишком усердствовать»: смерть недоимщика на правеже оставляла и их ни с чем. Конечно, Н. Шайжин возмущен такой «дикостью нравов», но из приводимого им текста следует, что пудожане возмущались не самим правежом (жаловаться на закон не имело смысла), а слишком долгим пребыванием у них праветчиков и связанными с этим материальными тяготами, ложившимися на весь крестьянский мир, а не только на должников. В особенности недовольство вызывала гибель на плохих дорогах лошадей — основной рабочей силы в крестьянском хозяйстве. Поэтому они очень прозрачно намекают, что праветчики наносят вред не только всем местным крестьянам, но и казне, которая потом недосчитается налогов из-за разорения хозяйств.

деньги». В «денежные книги» писали: оброчные, бобыльские, за годовых работников, за косцов, приказчиков, с водяных мельниц, урковых деревень, за конюшенные припасы, за кровельный тес. В «хлебных ведомостях» указываются сборы натурою: а) хлеб: рожь, овес, ячмень, конопля, горох; б) столовые припасы: соленые грибы, малина, смородина, брусника, черника, сухие грибы; здесь же об оброках холста и прядева.

Неисправное внесение всех этих налогов было обычным явлением и зависело от побегов крестьян и периодических неурожаев, вызывавших общую скудость, вследствие чего крестьяне вымаливали у монастыря «обождания» уплаты податей, жаловались, что платежных средств у них «самое умаление», грозившее им порой по необходимости «с отчаянием животишки свои бросить и с Богом уйти». Монастырское начальство или откладывало или перекладывало недоимки с денег на натуру или, к великой радости крестьян, заставляло отработать недоимки и в редких случаях просто умалчивало о них.

При взгляде на вотчины как данные только «для кормления» все, за исключением экономической, стороны жизни монастырских крестьян само собой отдалялись на второй план и порой как бы совсем выходили из круга забот монастыря, а если и подвергались регламентации монастырского начальства, то опять-таки соответственно большей или меньшей близости их к экономическому стоянию вотчин. Для надзора за вотчинным хозяйством в каждом погосте, а иногда и по волостям находился назначенный от монастыря управитель или приказчик из светских или монашествующих лиц. Такие — светские — приказчики жили, например, в Нигижме, как видно из собственноручной подписи одного из них на пожертвованной в Георгиевскую церковь богослужебной книге. Нигижма, судя по сравнительной величине взносов (таможенный сбор, например, был здесь двойной по сравнению с Пудогой — 2 рубля с полтиною), являлась самой людной и доходной из олонецких вотчин Юрьева монастыря.

Приказчики из монахов, если они постоянно пребывали на месте назначения, носили название «посельских монахов», а если временно, то, смотря по роду назначения, назывались «пятинными монахами — для сбора пятинного оброка», «конюшенными», ездившими для надзора за монастырскими пастбищами, и проч. Все эти лица во избежание превышения власти и «своеволия» должны были руководиться инструкцией, по которой приказчик должен был избирать десятских и сотских и брать с крестьян подписку не держать беглых драгун, матросов, раскольников, разбирать споры «по сущей правде», отнюдь не давать «отделять без указу прочь на другие дворы и земли сыновей, братьев, племянников, зятевей и шурьяков, дабы оные от этого не могли приходить в каковую нищету и недостатки, отчего бы к побегу способа не было». Отдавать дочерей в замужество или вдов за второго и третьего мужа в своих вотчинах крестьяне могут без выводных писем, но с уплатой 50 коп. куничных денег за брак, а «в посторонние вотчины без данных от монастыря отпускных писем и не получа выводных денег не отпущать, а самим им крестьянам без выводных писем тоже отнюдь не брать, а кем такие выводные письма получены будут, оные все прислать для содержания в монастырь неудержно». По § 9 приказчик в монастырские леса и угодья посторонних промышленников отнюдь никого не должен впускать, да и самим монастырским крестьянам для поставки тем промышленникам лесу на подряд не давать, и денег за то брать не допускать. Под жестоким наказанием он должен был следить, не лежат ли в праздности или не владеет ли кто безданно монастырскими землями.

Содержание приказчика во время бытности его в вотчине составлял следующий, «*взимаемый с крестьян*, прикащицкий трактамеит: денег по рублю по 60 коп. да за овечью шерсть по 2,

по 4 коп. с выти, да въезжего и отъезжего со всякого двора по 6 коп., с бобылей бобыльщины по 5 коп. с человека, ржи и овса в старую меру и подвод для себя, а для розсылок в ходоки одного человека. Обеспеченный содержанием приказчик должен был обид напрасных не чинить и взяток не брать». Но памятовали ли наказ этот заонежские приказчики, жившие на кормлении за 700 верст от монастыря и имевшие в инструкции такой грозный параграф: все наряды монастырские брать с крестьян «безостаточно и бездоимочно», ибо убытки взыщутся с собственного твоего кошта с немалым истязанием? Приведенный параграф особенно заставлял приказчиков заботиться о пополнении монастырских житниц, у которых должны были стоять сторожа и стеречь накрепко. Для записи каждого умолота хлеба в вотчинах существовали особые умолотные книги.

Недоимки вотчин, недохватки при вербовке рекрутов вели за собой строгие монастырские указы приказчику, которые, хотя и прочитывались «при всем полном скопе крестьян», но «сверх чаяния» нередко приходились не по нраву мужикам, вызывали бурные сцены возмущений и насилий, что видно из архивных монастырских записей XVII и XVIII вв.

Обыкновенно дело происходило так. Прежде всего, при созыве «на скоп» для прочтения указа, крестьяне, по предварительному уговору, отговаривались исполнить требование, выставляя причиною неявки какое-либо домашнее дело или болезнь, а затем принуждаемые приказчиком и десятниками, хотя и собирались «для выслушивания» указа, но вскоре «горлачеством своим» принуждали приказчика прекратить чтение и приступить к разъяснению, что «указ», дескать, к их же крестьянской пользе служит, или же, взяв в руки палку, бить по спинам и головам смутьянов-горланов, дабы впредь «супротивничать и озорничать им было неповадно». Если и этого оказывалось недостаточно для водворения порядка и возбуждения должного внимания к указу со стороны слушателей, то в дело иногда употреблялось и военное оружие, которое, вероятно, на случай опасности, приказчики имели при себе. Один приказчик в начале XVIII в. употребил, например, в дело «кортик» при отказе крестьян выдать «добром» оброки и рекрутов «полностью по указу». Но подобные энергичные способы «взимания» не всегда обходились благополучно и для самих приказчиков. Бывали случаи, «крестьяне с рогатинами и винтовками выбегали к месту сборища», и тогда злополучному и неумелому приказчику приходилось плохо: его били жестоко, со всеми ужасами дикой расправы, били до «полумертвия».

И вот затевалось «судное» дело. Побитый приказчик посылал рапорт в монастырь с подробным изложением «по чистой совести (?) и без утайки» обстоятельств своей неудачной миссии. Но что же могли сделать хозяева-монахи? Духовные средства вроде внушений и увещеваний они не всегда употребляли в дело, хотя и советовали иногда эти средства приказчикам и писали об этом в вотчины к местным священникам. Чаще же бывало так, что в силу несудимых грамот настоятели юрьевские сами начинали следствие по делу, отмечая своею рукой на рапорте приказчика: «послать немедленно нарочитого человека и велеть тыя деревни крестьянам виновных выдать и, забрав таковых, пригнать в монастырь, а как будут приведены — допрашивать». Показания по делу каждого свидетеля записывались особо и клонились, разумеется, к оправданию себя и опровержению изложенного в рапорте приказчика. В большинстве случаев или почти всегда подобные ссоры кончались общим примирением, так как большею частью носили характер взаимных обид. На основании каждого «судоговорения» составлялось непременно «дело», в конце которого архимандрит-судья собственноручно делал резолюцию: «взять с крестьян хлеб» или «доправить деньги» и тому подобные безапелляционные решения!

Кроме сбора оброков и решения недоразумений между крестьянами у приказчика был еще целый ряд дел, для «безобидного» решения которых требовалась также довольно сложная процедура. Это так называемые земельные споры, заурядные при отсутствии правильной планировки местностей и точного размежевания земель. Споры эти довольно скоро и почти всегда решались «полюбовно» на месте при участии местных жителей из старожилов, как о том говорит и «отводная» на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырям от 15 июня 1505 г.[gggg] В ней читаем: «Се яз, Ефимей, Вяжицкого монастыря старец, да аз, слуга Юрьева монастыря Кузьма, прошли есмя межу (в других подобных актах говорится о прохождении с несением над головой земли и иконы) на любви промежи Секозара и Рындозера от Шалы реки на Раймуевы нивы, Лычные горы, Кукоозерское Соломя, на Тетеревинный мох, на Шали реке падун, на Ерихновы нивы, от Овдеевой нивы прямо к Шале реке промежу двух лайбин. А вели юрьевские старики межники (шестеро). А кто через той развод через межу перейдет, и ино на том 5 рублей новгородския».

В речи о вотчинном управлении[hhhh] автор «Истории Юрьева монастыря» рисует в общем невеселую картину жизни юрьевских вотчинных людей, но в то же время он находит не приложимыми к ним слова Иоанна Грозного, сказанные на Стоглавом соборе о монастырских крестьянах вообще: «Крестьяне монастырские алчут и жаждут, и не имеют покоя, и терпят всякие нужды». «На основании подлинных письменных данных, — пишет иеромонах Валентин, — можно сказать, что в бедствии, „в оскудении", юрьевский крестьянин, несмотря на всю строгость указов о сборах в пользу монастыря, смело шел в монастырь и находил в настоятелях милостивых, хотя и без поблажки, защитников и оборонителей от несправедливых действий расходившихся не в меру за глазами своего начальства слуг монастырских, находя в своих настоятелях истинных отцов и благодетелей». «С неподдельною искренностью обращались крестьяне к ним в своих нуждах, и настоятели, — продолжает характеристику отношений иеромонах Валентин, — с такой же искренней отзывчивостью приказывали „выдать" или „не брать" с крестьян чего-либо, смотря по роду просьбы». Благодаря таким «сердечным» (?), по выражению самих крестьян, отношениям, самый характер управления юрьевскими вотчинами должен был, естественно, носить особый, несколько своеобразный оттенок, далеко не похожий на характер светского крепостничества.

Кроме больших поборов и несправедливого — с превышением власти — отношения ближайшего чиноначалия тяжелым бедствием для юрьевских и государевых вотчинников в Пудоге были частые *нападения врагов*. С самого раннего времени Пудожский край немало пострадал от грабежа удалых новгородских ушкуйников и детей боярских. В 1448 г., во время преследования Дмитрием Шемякою великого князя Василия Темного, «за Волоком Онего и Каргополе и *Пудогу* повоеваша и пограбиша шестники». Грабежи продолжались и XVI в., уже со стороны «свейских немец»[iiii] и завершились страшным для всей Руси литовским разорением. Ужасы этого разорения Пудога пережила уже после освобождения Москвы,[jjjj] вероятнее всего, в конце 1613 г. Воровские

[gggg] Акты юридические, изд. Археографической комиссией. 1838. № 145.

[hhhh] История Юрьева монастыря. С. 50—64.

[iiii] Ими, может быть, в 80-х гг. этого века сожжены были Успенская церковь и ограда около Муромского монастыря. См.: Христианское чтение. 1886. Статья о Муромском монастыре.

[jjjj] Всего в Олонии хозяйничало с 1613 по 1618 г. до 70 шаек.

шайки, состоявшие из литовцев, поляков, запорожцев и русских изменников, начали наводнять вытегорские и каргопольские пределы еще в конце 1612 г. В октябре и декабре этого года ими сделаны были три приступа на Каргополь и произведены большие опустошения в окрестностях, тогда же воры успели предать огню и мечу деревни Андомского погоста и Муромский монастырь. Надвигалась гроза и на Пудогу. До сих пор ее спасала от воров не сила ратная и не засеки в лесах, а только то, что «живут они в дальном расстоянии, за большими перегонами, да дороги к ним прошли плохие: зашли все мхи да озера». Но разорение сопредельных с пудожскими каргопольских и вытегорских волостей и особенно Андомского погоста (всего в 70 верстах), через который прискакали в Пудогу гонцы «с Тифины»,[34] заставило пудожан встрепенуться, подумать о действительных средствах защиты, позаботиться о том, «кабы изневестно воры в поречьях (рек Водлы, Шалы, Колоды, Черной) людей не изъехали, крестьян не посекли и животов не пограбили бы, и дворов не пожгли». И вот в трудную минуту «старосты и целовальники, и все крестьяне Пудожского уезда челом бьют,[kkkk] взывая о помощи (раньше 27 октября 1613 г.)[llll] в Каргополь к господам князю Ив. Андр. Дашкову и Каргопольского уезда старостам и целовальникам, и всем живущим людям». Известив, со слов «гонца Мордвинова с казаки», что «немецкие и литовские люди стоят обострожася в острожке на Вытегре», что они были уже в Андоме, пудожане пишут: «Было-де воров 300 человек, а ныне-де к ним идут 300 человек... и вам бы, господа, нас ворам не подати; а стать бы вместе на литовских людей и засеки, где пригоже крепити, а воров бы в поречья не пропустити. А отписки бы, господа, росписали по всем станом и по волостям, и совет доброй меж собой советовали, и гонцов скоро на подводах посылали, и подводы бы, господа, с гончиками, давали не издержа». Но из Каргополя, который каждый день мог ожидать повторения вражеских приступов, трудно было ожидать просимой помощи. Вероятно, ее и не было послано, и беззащитную Пудогу постигла участь сопредельных погостов и волостей. В актах исторических нет описаний разорения Пудожского края. О хозяйничанье здесь воров говорят, и то вскользь, только «данные Палеостровскому монастырю (от 31 марта 1623 г.) на 3/4 мельничных хоромишек и с мельничною железною снастью, что осталось на реке Рагнуксе от разорения немецких и литовских людей».[mmmm, 35] Но если не письменные памятники, то память народная до сих пор живо хранит сказания о панах-разбойниках, стерших с лица земли не один десяток деревень в Пудожском крае. От разбойников-воров прекратила, например, свое существование деревня Кершино (в верховье реки Черной), которая под названием «Киршин омут» и посейчас остается отмеченной на подробней-

[kkkk] Дополнения к актам историческим. Т. 2. № 10, IV.

[llll] Там же. № 10. I.

[mmmm] Барсов Е. В. Палеостров. Приложения. № 27.

[34] «С Тифины» — с Тихвина. С 1613 г. в условиях оккупации шведами Новгорода, Тихвин стал главным центром суверенной российской власти в Новгородском уезде. Крестьяне Пудожского погоста об этом хорошо знали и поддерживали связь между его воеводами и свободным от неприятеля Каргополем, помогая тем самым скорейшему освобождению Севера от войск неприятеля. Уже зимой—весной 1614 г. российская часть Карелии была очищена от оккупантов, и настало время борьбы с многочисленными бандитскими шайками, объявившими себя «казаками». В 1615 г. этим занимался присланный из Москвы воевода князь Львов.

[35] «Разорение» от действий польских и шведских интервентов и «русских воров» в Пудожском крае зафиксировало «письмо» 1616—1618 гг. По нашим подсчетам, к тому времени в 116 полупустых деревнях Пудожского погоста проживало всего около 1600 человек, а 115 деревень (т. е. половина) вообще обезлюдели. Немногим лучше было положение дел в Шальском погосте. К 1616 г. здесь имелось 50 «живущих» деревень с населением в 730 человек и 42 пустые деревни. Потребовался упорный труд двух поколений, чтобы возродить к середине XVII в. людской и хозяйственный потенциал.

шей карте России в С.-Петербургской императорской публичной библиотеке. Даже спустя 3—4 года после лихолетья, в которые многие из спасшихся от воров крестьян успели устроить себе хоть какое-либо жилье, в одной Юрьевской вотчине недосчитывалось все-таки 3 деревень, но зато прибыло 20 с лишком пустошей и оказался 101 «двор пустой»! Страшному разорению соответствовала и громадная численность воров. На каргопольско-пудожские пределы их приходило до 15 тыс. Об этом можно заключить из того факта, что уже в 1615 г. из уездов Каргопольского и Белозерского по вызову царя вступило в поход казаков от 30 до 40 тыс., хотя более мелкие шайки продолжали свирепствовать и опустошать Каргопольский край до 1620 г.[nnnn]

После литовского разорения жизнь пудожских крестьян довольно быстрыми шагами входила в обычную колею, и через 15 лет число душ и дворов в монастырской и в государевой вотчинах удвоилось, как видно из сравнения переписей 1628 и 1616—1617 гг. В 1628 г. юрьевских крестьянских дворов числилось уже 267. Из этого числа в 1665 г. убыло 22 двора, насельники которых, неизвестно в каких видах, выведены были в государевы Заонежские Лопские погосты.[oooo]

При Петре Великом жители Пудожского края, наравне с жителями других местностей, привлекались на общественные работы как в своем крае (на заводы), так и в строившийся Петербург, одна из окраинных улиц которого (на Выборгской стороне) названа была Пудожской.

В царствование Екатерины II в 1764 г. совершилась секуляризация церковных имений. С этого года прекратилась зависимость и порвалась многовековая связь между Юрьевским монастырем и его бывшими вотчинными людьми в Пудоге и в других местностях. Настоятелем Юрьева монастыря в памятный год секуляризации имений был архимандрит Иоанникий II.

X. Замечания о говоре крестьян за описываемый период

Говор крестьян нашего края за описываемый период не имел почти отличий от современного местного говора. К такому выводу приходим через сравнение языка сохранившихся в крае причитаний и былин с «Богатырским словом» в списке начала XVII в., открытым Е. В. Барсовым[pppp] в каргопольско-пудожских пределах.[qqqq] «Богатырское слово» является первою по древности записанной былиной, которую история русской литературы получила из той же «русской Исландии» — Олонецкого края, где собраны богатства живого былевого творчества Рыбниковым (4 тома «Песен»), Гильфердингом («Онежские былины»), Е. В. Барсовым («Причитанья» и былины), Истоминым («Песни русского народа, собранные в Архангельской и Олонецкой губерниях») и другими.

Для определения особенностей говора крестьян нашего края за описываемый период нам в качестве материала не могут служить данные исторических и юридических актов. Самый ранний из документов, писанных в Пудоге, относится к 1505 г. В этом году написана «Отводная Юрьеву монастырю» шальским дьяком Нектарием. Другой документ писан уже в половине XVI в. Это «Судный список по делу Муромского и Палеостровского монастырей в 1537—1539 гг., писанный

[nnnn] Белозерский В. М. Исторический очерк города Каргополя. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 год; Докучаев-Басков. История Челменского монастыря. С. 50.

[oooo] См.: История российской иерархии. Ч. 6. С. 796.

[pppp] Приложение к XL тому Записок императорской Академии наук. № 5.

[qqqq] Сборник, в котором помещено «Богатырское слово», принадлежал целому роду Каменевых в Турчасове.

дьяком святого Спаса нашего Шальские волости Олешкой Еремеевым сыном». Между тем все особенности местного наречия — синтаксические, морфологические и фонетические — удерживаются в юридических актах (договорных, купчих, закладных, заемных, рядных) только до XV в. С XV в. московские приказные избы все более начинают забирать в свои руки самые различные стороны народной жизни подведомственного населения и система централизации и административного однообразия не замедляет сказаться в официальном языке. Юридические акты пишутся по определенным формам, и многие вступают в законную силу только после скрепы дьяком великого князя. Если мы сравним, пишет проф. Д. И. Абрамович, частную юридическую сделку в письменной ее передаче в XIV и XV вв., хотя бы в области Северной Двины, то увидим, что купчая XIV в., писаная на двинском наречии, отражает местные особенности и притом не всего Холмогорского края, а, быть может, специально, например, Княжеостровской волости. Одного взгляда достаточно, чтобы отличить юридический акт XIV в. севера от Суздаля и Углича. Но купчую XVI в. мы признаем за двинскую только после того, как убедимся из названия местностей, что имеем дело с Холмогорским уездом. Она писана тем же почти языком, как купчая тверская или рязанская, мы даже найдем в ней особенности акающего наречия. Московское наречие уже в XV—XVI вв. делается официальным языком Великорусского государства, и на нем не замедлили заговорить во всей Великоруссии все те, кто стал выше народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Н. С. ШАЙЖИНЫМ

Акты Археографической экспедиции. 1836. Т. IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 4.

Акты истор. (А. И.) Т. I, III, V — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1841. Т. 1, 3. СПб., 1842. Т. 5.

Акты юридические, изданные Археографической комиссией. 1838 (Акты юридич., изд. Археограф. комис. 1838) — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838.

Аристов. (Промышленность древней России) — *Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1886.

Барсов Е. В. Палеостров — *Барсов Е. В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в Имп. Общ-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1868. Кн. 1. С. 18—222.

Барсов Е. В. Причитанья Северного края. Т. 1 — *Барсов Е. В.* Причитания Северного края. Т. 1: Похоронные плачи. М., 1872.

Барсов Н. Очерки исторической географии — *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873.

Белозерский В. М. Исторический очерк города Каргополя. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 год — *Белозерский В. М.* Каргополь: Исторический очерк // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 г. Петрозаводск, 1858. С. 167—203.

Братское Слово. 1888 г. I — Братское Слово. М., 1888. Т. 1.

Валентин (Ключарев), иеромонах. Юрьев Новгородский первоклассный монастырь (История Юрьева монастыря) — *Валентин (Ключарев), иером.* История Юрьева Новгородского первоклассного монастыря. М., 1893.

Географическо-статистический словарь Российской империи Семенова. Т. III — *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1870. Т. 3.

Дело о переводе старцев. Чтение общества истории и древностей российских. 1887 г. Т. III — Дело о переводе из Палеостровского и других монастырей старцев в Муромский Успенский монастырь и о выводе стариц

5 Зак. 3948

из сего монастыря в Вознесенский и Никольский монастыри 194 г. авг. 29 дня — 196 г. марта 19 дня // Чтения в Имп. Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1887. Кн. 3, разд. 5. С. 54—76.

Дело о пудожских раскольниках — Акты исторические... Т. 5.

Докучаев-Басков. История Челменского монастыря — *Докучаев-Басков К. А.* Подвижники и монастыри крайнего севера : История Челменской пустыни // Христианское чтение. 1889. № 9/10. С. 43—111.

Докучаев-Басков. Муромский монастырь — *Докучаев-Басков К. А.* Подвижники и монастыри крайнего севера : Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9/10. С. 492—536.

Дополн. к акт. истор. Т. III — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3.

Ефросин — *Евфросин*. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей / Сообщ. Х. М. Лопаревым. СПб., 1895.

Житие Лазаря Муромского — Житие Лазаря Муромского // *Амвросий* (*Орнатский*), *архим.* История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 115—130.

ЖМНП. 1902. № 6 — Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 6.

Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884 г. — *Замысловский Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

Зверинский В. Материалы для историческо-топографического исследования о православных монастырях России. Т. III — *Зверинский В. В.* Материалы для историческо-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Вып. 3: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897.

История российской иерархии (Ист. рос. иерарх.) Ч. 6 — *Амвросий* (*Орнатский*), *архим.* История российской иерархии. М., 1815. Ч. 6.

Истор. сельской общ. на севере России — *Соколовский П. А.* История сельской общины на севере России. СПб., 1877.

Калачев. Акты юридического быта древней России. Т. 2 — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археографической комиссией; Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1864. Т. 2.

Макарий, еп. Христианство в пределах Архангельской губ. Чтения в общ. истории и древ. рос. 1878 г. II — *Макарий, архиеп.* Христианство в пределах Архангельской губернии // Чтения в Имп. Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1878. Кн. 2.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских. (Неволин. Новгородские пятины; Неволин) — *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. СПб., 1853.

Олон. епарх. ведом. 1903 г. Данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в. — *Шайжин К. С.* Новые положительные данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 201—206.

Олон. губ. вед. — Олонецкие губернские ведомости.

Олонецкий сборник. Вып. III — Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.

Онежские былины. Записи Гильфердинга. Изд. Академии наук. Т. 1 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. Т. 1.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (Описание Московского архива Министерства юстиции). Кн. I — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Кн. 1; СПб., 1888. Кн. 5.

Памятная кн. Олон. губ. 1867 г. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867.

Памятная книжка Олонецкой губернии. 1903 г. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 г. Петрозаводск, 1903.

Памятная книжка Олонецкой губернии. 1905 г. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 г. Петрозаводск, 1905.

Полное собрание летописей. XV. Тверская. V. Софийская. III. Новгородская первая (Новгородская летопись III). I. Лаврентьевская. — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 1: Лаврентьевская летопись. СПб., 1846; Т. 3: Новгородская первая летопись. СПб., 1841. Т. 5: Софийская первая летопись. М., 1851; Т. 15: Тверская летопись и Рогожский летописец. СПб., 1863.

Попов. Влияние церковного учения и древнерусской церковной письменности на мировоззрение русского народа и его словесность — *Попов А. В.* Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа, и в частности на народную словесность, в древний допетровский период. Казань, 1883.

Приложение к XL тому Записок императорской Академии наук. № 5 — Записки Имп. Академии наук. СПб., 1882. Т. 40. Прилож. 5.

Промышленность древней России — *Аристов Н. Я.* Промышленность древней Руси. СПб., 1886.

Проф. Сергеевич В. Древности русского землевладения. Журн. М. Н. Пр. 1901 г., март — *Сергеевич В.* Древности русского землевладения // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 3.

Пушкарев. Описание Российской империи 1844 г. I — *Пушкарев И. И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1, ч. 3: Олонецкая губерния. СПб., 1845. Шайжиным год выхода книги указан неточно.

Реферат «Об олонецких древностях» — *Барсов Е. В.* Об олонецких древностях (Реферат, читанный автором в заседании Моск. археологического об-ва в 1878 г.) // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3, отд. 1. С. 170—186.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Семенова. Т. III — Россия : Полное географическое описание нашего Отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова, В. И. Ламанского. Т. 3 : Озерная область. СПб., 1900.

Рус. истор. библ. Т. II — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в. (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе; Смирнов) — *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в. СПб., 1898.

Соколовский. История сельской общины на севере России — *Соколовский П. А.* История сельской общины на севере России. СПб., 1877.

Список населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. — Списки населенных мест Российской империи. Вып. 27: Олонецкая губерния : Список населенных мест по сведениям 1873 г. СПб., 1879.

Ист. Выгозерской пустыни — *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. У Шайжина неточно: «Выгозерской пустыни».

Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III — Чтения в Имп. Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1887. Кн. 3.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь; Брокгауз и Ефрон. Словарь). Т. VII, XVI, XXI — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1892. Т. 7; СПб., 1895. Т. 16; СПб., 1897. Т. 21.

Stuckenberg hidr. III — *Stuckenberg I.* Hydrographie des Russischen Reeches oder geographische-statistische-technische Beschreibung seiner floss- u. schiffbar Flüsse und Seen. Bd. 3. St.-Pb., 1844.

Т. А. НОВИЧКОВА

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПУДОЖСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И СТАТИСТИКИ)

История русских поселений в Пудожском крае связана с включением Севера, первоначально заселенного финно-угорскими и самодийскими племенами, в состав Русского государства. Еще в «Повести временных лет» сказано, что весь, пермь и печора с IX в. были данниками Руси. Массовое проникновение новгородских славян в Карелию относится к XII в., но П. Н. Рыбников связывал заселение Пудожского уезда с вторичной колонизацией Петрозаводского Заонежья и Каргополья в XIV—XVI вв.[1] «Олонецкая губерния, — писал П. Н. Рыбников П. А. Бессонову, — заселена из двух древних областей, Новгородской и Белозерской. Новгородцы надвигались к нам по Свири, через Ладожское озеро, самые крайние их колонии в Кижской и Толвуйской волостях Петрозаводского уезда, а также в Шунгской и Чолмужской Повенецкого. Уже из Заонежья колонисты через озеро перешли в Пудожский уезд, где древних заселений погостов очень мало: я знаю Шальский погост, Пудожский, Водлозерский».[2]

После присоединения Новгорода к Московскому княжеству при Иоанне III в 1478 г. Обонежская пятина была причислена к Новгородскому уезду и большая часть ее волостей отписана в казну к дворцовому ведомству, а некоторые пожалованы дворянам. В «московский» период истории для олончан тревожным временем был период междуцарствия, начало XVII в., когда многие жители «подверглись набегам и опустошениям от поляков, татар и казаков, принадлежавшим к шайкам самозванцев», до 2325 убитых осталось без погребения, многим пришлось укрываться в лесах.[3]

В Пудожском уезде указывали много мест, где «паны» имели свои жилища. Так, в пяти верстах от впадения реки Водлы в Онежское озеро, там, где она сливается с рекой Шалой, находится Шальский погост и монастырь. Завладев окрестностями, «паны» долго не могли взять святой обители и стали принуждать жителей принять свою веру. Крестьяне разбежались, оставив монастырь в переговорах с панами. Во время переговоров к порогу едва державшегося монастыря стал подбегать какой-то зверь (лисица). Монахи однажды погнались за ним, но зверь, спасаясь от погони, ускользнул в прорубь, приморозив в ней хвост. Монахи взяли зверя и подарили одному из «панов», давая этим понять, что Бог не оставит их и что сами «паны», подобно этому зверю, могут приморозить себе хвост. Через некоторое время «паны» напали на монастырь, но жители сообща заставили их отойти на соседнюю гору — тут Бог напустил на них «темень»; ослепнув, «паны» перебили друг друга. Поэтому гора стала называться «Немецкой». Сходная легенда существовала и о местечках Браниха и Пануха близ деревни Песчаное Пудожского уезда, где внезапно ослепшие «паны» разбранились и перебили друг друга.[4]

[1] *Колесницкая И. М.* Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л. 1959. Т. 4. С. 292.

[2] ГИМ, ф. 56, ед. хр. 261, л. 94 об. Письмо не датировано. См. также: Этнографические заметки о заонежанах (предположительно: П. Н. Рыбников) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866. Ч. 2. С. 15—21. Характеристика Заонежья с указанием его основных волостей и приходов.

[3] *Иванов А.* Очерки Олонецкой губернии в историческом, топографическом и статистическом отношениях // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 13—14.

[4] Чудские памятники и предания о панах (без указания автора) // Памятная книжка Оленцкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 114—115, 122—123.

© Т. А. Новичкова, 2013

Собственно «Олонецкая провинция» или область, приближавшаяся к ее губернскому виду в XIX столетии, появилась при Екатерине II, когда в 1773 г. Олонец был наименован провинциальным городом. В 1734 г. губернским городом учрежден Петрозаводск, а в 1785 г. Пудож получил статус города, хотя поселение на этом месте известно с XIV в. Став горожанами, пудожане не бросили крестьянских занятий, продолжали держать скот, заниматься земледелием. В середине 60-х гг. XIX столетия в Пудоже проживало немногим более тысячи человек (для сравнения: в Петрозаводске более десяти тысяч).

К моменту собирательской деятельности П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга Пудожский уезд считался малочисленным, его население составляло около 30 тыс. человек, почти в два раза меньше, чем в Петрозаводском уезде. Основным занятием местных жителей было земледелие. Несмотря на то что удобной пахотной и сенокосной земли здесь было немного, как и по всей Олонецкой губернии, — около 3 % всего пространства Пудожского края, — пудожские земли наряду с каргопольскими считались наиболее хлебородными.

Основными зерновыми культурами были рожь, ячмень и овес. «Земледельческие орудия повсюду первобытные: грубого устройства одноконные сохи, бороны из еловых сучьев и косули, а при уборке хлеба и сена — цеп, серп и коса».[5]

Славянское население Севера развивало как паровое земледелие, так и переложное и подсечное, удобное в лесной зоне. Все эти формы сохранились в Пудожье вплоть до начала XX столетия. Причем наиболее архаичному и трудоемкому способу обработки земли — подсечному, пожалуй, даже отдавали предпочтение, поскольку он давал хорошие результаты. Сказительница А. М. Пашкова в 1938 г. вспоминала: «Рубили лес. На другу весну срубленный лес выжигали под посев, и хуже этой работы на свете нет. Как каторжные в дыму ходили».[6] Подробное описание подсечного земледелия у пудожан выполнено В. Н. Харузиной в этнографическом очерке «На Севере».

«Кто видел эти пашни в лесу — так называемые „лядины", кто знает, что такое „лядинное", или подсечное хозяйство, тот не станет сомневаться в силе воли олончанина», — пишет В. Н. Харузина. «Вот что такое эта „работа в лисях", о которой сами крестьяне говорят как о самой тяжелой работе. Довольствоваться наделом пахотной земли близ своего селения олончанину положительно нет возможности: он слишком мал — всего 1/3 десятины на душу. Вот почему ранней весной едва только сойдет снег, олончанин уже отправляется в лес выбирать себе место для лесной пашни, так называемой „лядины". Обыкновенно выбор его падет или на лесную поляну, куда легко и удобно было бы свезти побольше валежнику, или же на место, поросшее осиной, березой, вообще лиственными породами. Просохнет немного земля — и вся семья крестьянина отправляется на работу. В лесу работа кипит с утра до вечера. Рубят маленькие деревца, срубают нижние и верхние ветки с больших деревьев. На ночь возвращаются домой только в том случае, если своя деревня близка. В противном случае ночуют в „фатерке". Она обыкновенно низка и тесна до того, что стать в ней взрослому нет никакой возможности. В эту-то „фатерку" вползают рабочие и здесь находят ночной приют. Кончилась подготовка работы на лядине: срубание веток и деревьев — и олончанин оставляет ее до будущего года. Получившаяся куча валежника успевает высохнуть до следующего лета. Тогда снова является сюда хозяин с домашними; лядина поджигается со всех

[5] *Иванов А.* Очерки Олонецкой губернии... Ч. 2. С. 112, 124.

[6] Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья, примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 61.

сторон; горит валежник, коробятся и трещат листья, искры взлетают вверх — и среди этого пламени, среди едкого густого дыма ходят владельцы лядины, переворачивая сучья и бревна, не давая гаснуть огню до тех пор, пока не испепелится весь валежник. Эта работа большей частью отражается на глазах, которые потом страдают воспалением. Вспахивают лядину сохой особенного устройства, которая не глубоко забирает землю. Боронуют особенной, олонецкой бороной, сделанной из толстых сучьев сосны, снабженных многочисленными сучками. Такие сучья расщепляют и обращают всеми сучками вниз, которые таким образом заменяют железные зубцы нашей бороны. Много труда стоит олончанину его пашня, но она вознаграждает его хорошо, возвращая ему его посев иногда сам-двадцать».[7]

Помимо зерновых культур в Пудожском уезде выращивали лен. Местная льнообрабатывающая промышленность считалась образцовой для всей Олонецкой губернии. П. Н. Рыбников посвятил ей специальный очерк.[8] Льноводство стало важной отраслью крестьянских домашних хозяйств в начале XIX в. Сеяли лен на пашнях и подсеках с конца мая, убирали до 15 августа. Ежегодно пудожане собирали 20—23 тыс. пудов льна. Скупщики («булыни»), а иногда и сами крестьяне отвозили лен в Каргополь и в другие селения, выменивая его на хлеб; сбывали лен в Вытегру, Петрозаводск, Поморье. Вырученные деньги шли на уплату податей. В Петербург пудожский лен поставлялся исключительно через скупщиков.

Пудожье — край лесной, озерный, поэтому для некоторых жителей охота и рыболовство приобретали значение не подсобных, а основных занятий. Многие водлозерские семьи кормились за счет рыболовства. В своем очерке «Материалы для изучения охоты и рыболовства в Олонецкой губернии»[9] П. Н. Рыбников отмечал, что в Пудожском уезде рыболовством занимаются в реках Беломорского бассейна (Онеге и ее притоках — Кене, Моше, Волошке), озере Онеге и реках, в него впадающих (Водле, Гакугсе), в лесных озерах. В год здесь вылавливается не менее 400 пудов лосося, 1500 пудов сигов. Особенно значительный лов лососей и сигов наблюдается в прибрежных деревнях Шальского прихода. Вылавливают также плотицу, окуней, карасей, налимов, язей, харисусов, щук, палей, лещей, корюшку, ряпушку, судаков. Свежая лососина и сиги скупались местными промышленниками для продажи в Петербурге, в не менее значительных количествах рыба сбывалась в Петрозаводск и Ладейнопольский уезд. Для ловли рыбы употреблялись невода из пеньковой и льняной пряжи, которые зимою тянули подо льдом посредством прорубей, а летом с помощью воротов, устроенных в двух четырехвесельных лодках, сделанных из соснового дерева. Грузоподъемность пудожских лодок — от 20 до 60 пудов, вмещали они от 8 до 25 человек. В рыболовстве использовались также мережи, плетеные ловушки — «мерды», на удочку всего более ловили палей. Рыбу заготавливали впрок: солили щук и сигов, окуней и подлещиков, плотицу, судаков и ряпушку; сушили «мальё», мелкую рыбу — окуньков, ершей, плотицу, ряпушку, летом вялили корюшку.

В обзоре «Охота в Пудожском уезде»[10] П. Н. Рыбников охарактеризовал распространенную здесь охоту на птицу — болотную дичь (куликов, водяных курочек, кроншнепа, вальдшнепа, ду-

---

[7] *Харузина В. Н.* На Севере. М., 1890. С. 29—31.

[8] *Рыбников П. Н.* О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 г. Петрозаводск, 1864. С. 145—152.

[9] *Рыбников П. Н.* Материалы для изучения охоты и рыболовства в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866. С. 39—68.

[10] *Рыбников П. Н.* Охота в Пудожском уезде // Там же. С. 57—68.

пеля, бекаса), водяную — лебедей, диких гусей, уток, и лесную — тетеревов, глухарей, куропаток, рябчиков. Ежегодно в Пудожском уезде скупалось до 30 000 штук рябчиков, 15 000 тетеревов. Из зверей пудожские жители охотились на медведей, волков, лисиц, лосей, оленей, выдр, куниц, норок, россомах, горностаев, белок и зайцев. Медведей делили на «муравейников» (живущих в непроходимых лесах и питающихся корнями и муравьями), «овсянников» (молодых медведей, кормящихся овсом и рожью) и «стервятников» (в основном, старых медведей, питающихся падалью). Для охоты использовали винтовки, охотничьи ружья, в охоте на медведя — «карабины». По словам крестьян, оружие досталось им «от дедов». В охоте на медведя употребляли также рогатину с железным острием в виде казацкой пики. Были распространены способы лова с помощью капканов, силков, разного рода ловушек. «В дичи пудожскими охотниками ценится только ее мясо, а ее продуктам крестьяне не дают никакого значения: они не собирают пуха утиного, гусиного и лебяжьего... лебяжьи шкурки, идущие в продажу, не превышают числом своим до 20—30 штук ежегодно».[11] В пойманном звере ценится мясо и шкура. С середины осени, с наступлением холодов, скупщики из местных зажиточных крестьян — «обиралы» — закупали у пудожских охотников 30—50 медвежьих шкур. 50—100 лисьих, 100—150 оленьих, до 1500 заячьих, до 30 000 беличьих и по 50—100 куньих, норочьих и горностаевых. В местах скупки цены на шкурки были относительно низкими: от 5 до 15 р. медвежья, от 2 до 4 р. лисья, 5—10 к. заячья или беличья. Шкуры укладывали на воза и по хорошей погоде отправляли преимущественно в Петербург.[12]

«В общем, экономическое благосостояние крестьян Пудожского уезда производит приятно впечатление, — писала В. Н. Харузина в конце XIX в. — Пудожане живут лучше крестьян средних губерний, хотя и трудятся гораздо больше для своего благосостояния, чем они. „Хотя денег нет, а голову кормим", — говорят пудожане. И действительно, капиталов у них нет, но нет и той беспощадной бедности, которая кидается в глаза в других местностях России. Ветхую, перекосившуюся избу встретишь относительно редко; лес дает обильный строительный материал пудожанину, и он строит себе жилище просторное и удобное. Обыкновенная изба в пудожском уезде состоит из сеней, фатеры, горницы, подызбницы, т. е. нижнего этажа, двора — помещения в верхнем этаже для телег и земледельческих орудий, и хлева. У некоторых близ избы есть еще и баня, и амбар для муки и крупы. Пудожанин имеет возможность вести также молочное хозяйство. Число коров в большой семье доходит иногда до 6, 10 и 12, и опытная хозяйка имеет всегда в запасе большое количество творога, сметаны и сушеного и прессованного сыра, который идет впрок. Держат пудожане и лошадей, овец и кур».[13]

Благополучными были в основном большие семьи, подчинявшиеся *большаку* (обычно — отцу либо старшему брату). Именно в такой семье довелось пожить В. Н. Харузиной на Пудоге в деревне Авдеевой на Купецком озере. Хозяин ее, Ф. Г. Мошников, долгое время был волостным старшиной и хорошо помнил А. Ф. Гильфердинга. На В. Н. Харузину такая семья произвела впечатление хорошо отлаженного механизма, в котором «отдельные колеса, блоки и винты движутся постоянно в определенном для них пространстве, не задевая друг друга». На *большухе* (жене старшего сына) — стряпня: хлебы, рыбники (пироги с запеченной рыбой), сырое тесто (закиснувшая овсяная мука с водой, нечто вроде овсяного киселя), пироги с толокном, оладьи, калитки,

[11] Там же. С. 66.

[12] Там же.

[13] *Харузина В. Н.* На Севере. С. 59.

крендели и овсяные блины.[14] Все работы вне дома распределены между остальными членами семьи. Господство отцовской семьи, закрепленное «Судебником» 1589 г., согласно которому земля отца переходила детям, причем преимущественные права на нее принадлежали сыновьям, что характерно для Пудожского края, как и для всего Русского Севера в целом. «Земли, принадлежащие крестьянскому двору, фактически были собственностью крестьянской семьи, с разной степенью прав на нее отдельных членов».[15] Дробление земли, имущества, скота приводило к обнищанию маленькой семьи, которая не могла прокормиться одной коровой, пахотной земли такая семья также не могла иметь много по недостатку рабочих рук и необходимого удобрения, навоза. В такой семье в голодные годы приходилось мешать хлеб с соломой.[16]

И все же в начале XX столетия процесс распада больших семей, как и отток населения в центры, приобретавшие городскую структуру, в крупные города Европейского Севера, был неизбежен. В Пудожском уезде к концу XIX в. было 11 мебельных фабрик, действовало 65 школ. На товарный путь вставало и земледелие, продукты которого свозились на 6 пудожских ярмарок.

Ко времени экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», предпринятой Б. М. и Ю. М. Соколовыми в 1926—1928 гг. Пудожский берег обезлюдел, его население (по сравнению с рубежом века) сократилось почти вдвое. Московским фольклористам бросилась в глаза бедность, глушь Пудожья, «убогая серость» края, обилие медведей и борьба с ними с помощью заговоров знахарей-пастухов, суеверие и религиозность жителей.[17] Гибельной для крестьянского хозяйства оказалась установка на развитие лесной промышленности, начавшаяся еще в XIX в. В связи с разработкой леса было запрещено подсечное земледелие, и крестьяне лишились хороших и верных урожаев. Чиновники на местах следили, чтобы лес не жгли. С сочувствием писал П. Н. Рыбников о пудожском сказителе из деревни Большой Двор (так и не сообщившем своего имени), помчавшемся в лес от собирателя, которого он принял за должностное лицо, приехавшее, чтобы наказать за пожог леса.[18] Тревогой за будущее крестьянских семей на Водлозере проникнуты наблюдения А. Ф. Гильфердинга. Из-за запрета на «подсеки» водлозеры вынуждены были заниматься почти исключительно рыболовством и обнищали до такой степени, что выражение «загнано место» прочно закрепилось за Водлозером.

Ниже публикуются два очерка пудожан, священников, местных краеведов середины XIX в. Любители-этнографы Г. Студитов и И. Георгиевский сообщают много интересных подробностей быта городской (Георгиевский) и сельской (Студитов) пудожских семей. К сожалению, для обоих авторов характерна отстраненная позиция по отношению к народу, в общении с которым нужна «дистанция».

Очерки печатаются в сокращении: данные словаря и описание пудожской свадьбы при публикации опущены ввиду их значительного объема.

---

[14] Там же. С. 36.

[15] История северного крестьянства. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 103.

[16] *Харузина В. Н.* На Севере. С. 59.

[17] *Соколов Ю. М.* По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2—3. С. 3—33.

[18] *Колесницкая И. М.* Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому... С. 290.

1

И. Георгиевский

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ О ГОРОДЕ ПУДОЖЕ С ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ К ОНОМУ ОКРЕСТНЫМИ СЕЛЕНИЯМИ[19]

Город Пудож учрежден императрицею Екатериною Великою в 1785 г. из бывшего тут селения. Название свое получил оный по преданию старожилов от *пудовой дуги*, издревле вытащенной сетями одного рыбака в одном небольшом озере, при коем существовавшие в то время жители дали название своему селению. «Кондакова» от слова *конда* — «пуд», а отсюда и самому городу усвоили наименование Пудога; но впоследствии, неизвестно с какого времени, дано общее название сему городу Пудож, каковое наименование и поныне на себе носит. Когда и кем первоначально заселен был жителями здешний край, достоверно сказать ничего об оном нельзя, потому что самый город тому назад около ста лет сгорел без изъятия весь, а потому и не осталось никаких письменных документов, и старожилов налицо ныне не состоит. Самый город, несмотря на простую и разнообразную в своем устройстве архитектуру, по своему местоположению имеет милый и приятный вид, расположен на месте возвышенном, окружен с северной стороны природным земляным валом и с восточной и южной стороны имеет низменный вид на большом пространстве, мимо коего протекает река Водла, выпадающая из озера Водлозера на пространстве около ⟨ста⟩ верст и впадающая в озеро Онего. Река эта окружена зелеными лугами и отчасти крупным и мелкорастущим лесом разного рода, в весеннее время разливается она по причине низкого местоположения на немалое пространство верст, так что многие селения бывают окружены водою на несколько дней. Жители этих селений, познакомившись с таковым каждогодным посещением, при первом появлении воды на берега все принадлежности своего хозяйства убирают в самую возвышенность своих жилищ, а именно: скот запирается уже не в двор и хлевы, но в этаже над оными, где помещается самый корм для скота, и если во время продолжающегося наводнения постигнет надобность для выхода из дому в дом, то сообщение их бывает или в лодках или на плотах из бревен устроенных; вода в окружности селений этих бывает от одного до трех аршин глубины. ⟨...⟩

Домашний быт

Пудож, нося на себе название города, к несчастию, мало чем отличается от простых селений в быту домашнем. И кажется, что самые селения некоторых других краев России предпочли бы свой домашний быт — пудожскому. В нем почти у всех жителей — бедность, жалкая простота. Отсутствие вкуса и образованности есть главная черта жизни. И потому во всем городе едва можно отыскать до десятка порядочных, и то деревянных, домов, но и те по бедности хозяев отдаются под постой чиновников города Пудожа по умеренной цене. Что же касается до домов прочих жителей города Пудожа, то все они разбросаны без всякого плана и порядка и своим форматом не отличаются от домов поселян близлежащих селений, отчего и самые владельцы не иначе называют свои

[19] Хранится в архиве Русского Географического общества (р. 25, оп. 1, № 30). Текст переписан набело для Статистического отделения Географического общества, как следует из приписки на первом листе рукописи. Получен 3 февраля 1856 г. Печатается с соблюдением норм современной орфографии и пунктуации.

домы, как избами. Та же простота и бедность находится во внутренности этих домов — простая деревенская изба без всяких обоев, которой вся мебель заключается в большом столе и лавках, приделанных подле стен вокруг всей избы, исключая стены, подле которой находится большая деревенская печь, которая ставится то на правой, то на левой стороне входа в избу.

В переднем углу образница, или, как выражаются жители, «божница», с двумя или тремя святыми иконами; на которой-либо стене привешивается шкаф, или, как они сами называют, «посудник», для помещения столовой деревянной и глиняной посуды, и наконец, один или два сундука для помещения праздничных женских нарядов, которые нередко служат и вместо кровати. Впрочем, у некоторых появляются и кровати. Вот и все украшение этих домов! Некоторые же из таковых жителей, желая иметь в своем доме другую комнату, делают в избе тесовую перегородку и явившуюся таким образом другую комнатку называют горницею. Желая избежать излишних издержек в освещении, обитатели Пудожа в длинные осенние и зимние вечера довольствуются березовою, а более — сосновою лучиною, и при этом освещении занимаются своими делами. Тот же самый порядок виден и в окружающих Пудож селениях, с тем только различием, что у них черные печки при таковых избах. Как у граждан, так и у поселян, окружающих Пудож, находятся еще следующие службы:

I. клети — по устройству двухэтажные, из коих верхний заменяет гардеробную и вмещает в себя лучшие вещи жителей, а в нижнем помещаются различные жизненные припасы;

II. амбары, тоже двухэтажные, потому что нижний этаж служит ледником и имеет обыкновенное назначение.

Теперь обратим внимание на одеяние жителей города Пудожа: в этом отношении особенно замечателен праздничный наряд девушек и вообще женщин. Первое достоинство в праздничном порядке для девицы составляет убранство головы, и вот в чем состоит оно: волосы девицы заплетываются на одну косу, которая обвивается шелковыми ленточками разного цвета, коих концы остаются в висячем положении на две и на три четверти; либо девицы украшаются по местному названию «поднизью», низанною жемчугом, простирающеюся от одного уха до другого, а в широте на один вершок, по коей привешивается подзор, называемый короною; в уши вдеваются низанные также жемчугом серьги; иногда же вместо короны голова девицы подвязывается шелковою косынкою в виде простонародного названия моды, но только с тем различием, что коса остается не под косынкою, но в висячем положении. Стан девицы украшает штофный или парчовый сарафан, обшитый по подолу золотыми позументами — по сарафану развеваются концы длинного шелкового пояса, поверх сарафана одевается штофная душегрейка, имеющая в окружности от 18 до 20 сборов, из-под которой выказываются коротенькие белокисейные рукава рубашки. Оконечности рук покрываются бумажными перчатками, а иногда эти перчатки бывают нанковые и простираются до самых локтей, и замечательно то, что в них нет перстов, вероятно, для того, чтобы можно было видеть на голых перстах перстни и кольца. Из-под сарафана выказываются ноги, обутые в портные беленькие чулки и сафьянные башмаки разного цвета. Тот же самый наряд принадлежит и замужним женщинам — с тем только различием, что на голове бывает бархатный повойник, называемый в простонародии *цепцем* (чепцом). Зимою этот наряд изменяется только тем, что вместо душегрейки по сарафану одевается штофная или парчовая фалдистая шубка не длиннее колен. Наряд этот есть общий — горожанок и поселянок. Но так как этот полный наряд по бедности здешних жителей не для всех доступен, то беднейшие из женщин поставляют себе за необходимость обзавестись помянутым головным убором, и потому надобно сказать, что здесь последняя работница (*ка-*

зачиха) непременно имеет жемчужную по⟨д⟩низь и если не богатую коронку, то по крайней мере в том же формате штофную или бархатную ленту, называемую здесь *подберихою*. Менее же пышная одежда женщины — ситцевые сарафаны, суконные, фризовые и нанковые.

Одеяние же мужского пола, как горожан, так и поселян, очень простое и совершенно русское. В дни праздничные состоятельные мужчины одеваются в красную ситцевую или пестрядинную рубашку, широкие плисовые панталоны, черные рантовые или вытяжные сапоги, многие имеют жилеты из различных материй и, наконец, длинную поддевку или длинный кафтан синего сукна, подпоясанный шелковым или красным гарусным кушаком. Прическа головы у них двоякого рода: одни зачесывают волосы на один бок, другие же на две стороны, подобно девицам. Длина волос обыкновенно бывает до половины уха. Замечательно, что многие из холостых людей сверх рубашки и жилета вешают по одному и по два серебряных больших нательных креста на серебряных цепочках или — кто таковых не имеет — на шелковых тканых золотом тесемках и опоясываются по рубашке длинным шелковым поясом, коего кисти висят до самых колен. Бедные же, не имея достатка сшить себе синего кафтана, довольствуются серым, домашней работы. В дни же работ жителями Пудожа употребляются серые домашней работы кафтаны, а зимою овчиные полушубки. Поселяне же, отправляясь на работу в летнее время, обертывают ноги в холщовые портянки и обувают сплетенные из бересты лапти; на себя надевают холщовый балахон (род полукафтана), а вместо шапки — нарочно сшитый для сего холщовый же *кукель* (куколь), из-под которого бывает видно только одни глаза и малая часть лица — для избежания от уязвления насекомых. Лапти и кукель есть принадлежность в летнее время и женщин. А зимою крестьяне одеваются в барановые (бараньи) полушубки, закрывая оные, сколько для тепла, столько же и для сбережения его, балахоном.

Обитатели города Пудожа, будучи небогатого состояния, не привержены к лакомой пище, они, можно сказать, и не знают никаких изысканных сластолюбием блюд, употребляемых жителями других городов, и поэтому пища, как праздничная, так и повседневная, употребляется самая простая и сытная. Самый роскошный обед ограничивается следующими многоразличными, но простыми домашними кушаньями. Прежде всего подают на стол рыбный пирог. Употребительнейшею рыбою для сего служит налим или, как здесь называют, «линек», также щуки, окуни и сиги; за сим приносят мясные щи («шти»), приправленные житной крупой; со щами кроме черного хлеба подают овсяные блины, намазанные житной кашей. Далее уже следуют припасы пирожные: 1. *калитки* — пресные ржаные «сканцы», приправленные сверху жидкой житной или толокняной, или пшенной, или же картофельной кашей; 2. *житный пирог*, внутренность коего состоит из житных же блинов, посыпанных вареными некрошенными яйцами и сыром; 3. пирог, составленный из пшеничной муки на молоке и масле, внутренность его начиняется точно так же, как и в житном; 4. *жупыши* и *кислопряжи*, т. е.: из пшеничного теста, приправленные молоком и маслом; 5. *житные блины*, вымазанные маслом и посыпанные сыром и согретые на сковороде в печке; 6. кисель овсяной или ржаный и 7. нередко употребляют люди состоятельные и пряженые в масле пироги, люди же менее состоятельные довольствуются из помянутых кушаньев только теми, которые по их расчетам дешевле. Та же самая пища употребляется и жителями окружающих Пудож селений. Замечательно, что роскошь на чай и кофе ввелась здесь еще не так давно — лет десять назад он был почти ничтожен, но в настоящее время издержки на чай и кофе все более и более возрастают. Особенно же женский пол имеет большую приверженность к кофе. Надобно сказать, что эта последняя роскошь пока еще принадлежит одним жителям Пудожа, а в остальных селениях чай употребляется только некоторыми богатыми семействами, и то не всегда, а кофе вовсе не употребляется.

Малознакомый с образованностью, народ не чужд предрассудков и суеверий. Для сего в народе имеются знахари и знахарки или, по местному названию, *шишкуны*, к которым простой народ имеет большое доверие, так что при всех своих болезнях и несчастиях он первым делом спешит к ним с подарками и просит их помощи. Опыты доказывают, что приверженность народа к таковым знахаркам так велика, что если кто не получает желаемой помощи от одного, то обращается к другому и третьему, а иногда даже предпринимает значительные путешествия в другие отдаленные селения к более славящимся *шишкунам*. Но в чем же состоит помощь, определить невозможно, потому что знахари не открывают своих тайн никому, но сохраняют их в большой скрытности. Впрочем, можно сказать, что большая часть их заключается в каких-то символических словах, которые они, произнося иногда над водою, иногда над квасом, иногда над солью, иногда же над глиною, велят употреблять оную каким-либо образом. Впрочем, нельзя сказать, чтобы в словах знахарей заключалось какое-либо призывание злых духов, это большею частью какие-либо простые наговоры сами по себе ничего не значащие. И потому можно сказать, что со стороны знахарей это есть не что иное, как обман, а со стороны прибегающих к знахарям — ложная уверенность. Впрочем, надобно полагать, что многие из таковых знахарей имеют и твердую уверенность в действительности своих наговоров. Надобно предположить, есть много заговоров или слов, смотря по потребности, но, к несчастию, их нельзя выпытать: или потому, чтобы не узнали многие и не отняли у знахарей наживы, или потому, что, быть может, многие боятся открыть чрез это пустоту своих заговоров, или, наконец, может быть, и потому, чтобы не подпасть суду правительства. Что же касается до средств чисто лекарственных при болезнях, то почти можно сказать утвердительно, что их у простого народа не существует, потому что народ слепо верит своим знахарям и их заговорам. Будучи же подвержены предрассудкам, они полагают, что в некоторых стихиях в мире, а равно и в жилищах господствуют некоторые злые духи. Так, думают, что в лесу живет *лесовик*, а потому если затеряется в летнее время скотина, то знахари делают какие-то знаки и произносят какие-то таинственные слова, хотя бы они не имели никакого значения; в воде, думают, что живет *водяник*, в домах *жировик* или *домовой*, и т. д.

Есть много в народе, особенно у девиц, некоторых поверий, которыми они стараются, по их словам, *наздынуть* на себя славу, т. е. вкрасться в похвалу у людей. Так, например, начиная с Иванова дня и до Петрова дня они собирают себе из различных цветов венки, которыми парятся в банях, — тайком сохраняют ту рубашку, в которой, как иногда случается, рождаются дети, или стараются достать ее от людей. Рубашку такую девицы стараются всегда носить с собою тайно и полагают, что с нею они непременно могут понравиться всем. Чтобы присушить к себе известного молодца стараются накормить его своим потом, которым намазывают пряник или другой какой-либо фрукт. Это употребляется и у замужних женщин, особенно же при свадьбах стараются этим средством накормить жениха. Вообще все жители стараются отыскать мох, так называемый «царские кудри», и имеют при себе, будучи уверены, что с ним они будут иметь успех во всех своих предприятиях.

Есть еще предрассудки, примечаемые всеми и каждым: так, если при выходе из дома встречается прежде всего собака или кошка, или священник, то почитают худой успех в своих предприятиях; если же попадается свинья, то думают, что в предприятиях будет полный успех. ⟨...⟩

Главное занятие как Пудожа, так и окружающих его селений есть землепашество. Система землепашества вообще трехпольная. Хлеб высевается как яровой, так и озимый. Орудия землепашества употребляются самые простые — *косуля*, соха, еловая борона и *деревянный каток*. Но и

это главное занятие доставляет жителям только необходимое годовое продовольствие для своих семейств. Главную же прибыль из землепашества стараются извлечь посевкою льна. Круглым числом выпахивается льна на семейство от ⟨десяти⟩до ⟨пятидесяти⟩ и более пудов. Это, можно сказать, и есть главный источник денежных приобретений всех жителей здешнего края, и только при посредстве его и могут уплачивать казенные повинности. Запашкою льна занимаются мужчины, а выделкою его женщины. Надобно между прочим заметить, что в сем промысле преимущество в выделке льна всегда на стороне селений, окружающих Пудож, нежели в самом Пудоже. Лен высевается вместе с яровыми хлебами около половины мая, под борону, которою углаживается земля до большой плотности, так что едва знать бывает на полосе копыто лошади.

⟨...⟩ Проданным льном с Пудожского уезда снабжаются все уезды Олонецкой губернии и сверх того значительное количество онаго отпускается в Архангельскую губернию и в С.-Петербург. В зимнее время женщины занимаются заготовкою холста тоже в большом количестве и хорошей доброты. И так как в Пудожском уезде находится довольное количество озер и речек и, сверх того, много жителей близ Онежского озера, то жители занимаются, хотя в малом количестве, и рыбною ловлею, исключая некоторых прибрежных жителей Онега, которые, залавливая довольное количество рыбы, отправляют ее для продажи по Онежскому озеру на Свирь и в другие места.

Обыкновенными снарядами для рыбной ловли служат невод, сети и мережи, а вылавливаемая рыба суть: лососи, лещи, налимы, щуки, пальи, окуни, ряпушка, плотва, ерши, караси и корюшка.

Есть в обыкновении ловля зверей и птиц, но только в малом количестве. Употребительнейшее орудие для таковой ловли — винтовое ружье, называемое винтовкою. Из зверей стреляют здесь очень метко оленей, белок и зайцев, а иногда и медведей, а из птиц серых рябчиков, тетер, косачей, мошников и разных сортов уток. Птицу зажиточные из крестьян откупают у соседей, отправляют для продажи ее в С.-Петербург. Другого же ремесла никакого не знают.

Народные празднества как в Пудоже, так и в окружающих его селениях не представляют собою ничего особенного и достойного замечания. Все увеселения молодежи состоят из трех родов: первое и самое обыкновенное — и при праздниках — называется «холостой» и состоит в виде самой тихой прогулки девицы с холостым парнем; другое называется «шин» и есть в полном виде русский «шин» с различною пляскою холостых мужчин, и наконец, третье — вертеться попарно молодец с девицей. При пляске обыкновенными и употребительнейшими инструментами бывают гармония и балалайка. ⟨...⟩

К числу игр святочных в Пудожском краю главным образом надобно отнести обычай переодеваться или маскироваться. Для сего молодежь собирается в какой-либо дом и, придумав какой-либо смешной наряд, одевается в него и, прикрыв лицо нарочно изготовленными для сего масками, а более платком, ходят толпою по домам и там забавляются и забавляют других своими выдумками и плясками. Таковые увеселения, встречающиеся только у молодых людей, продолжаются от дня Рождества Христова и до Крещения. Но зато лишь только наступает день Крещения, прекращается этот род веселости, и всякий, кто только переряжался, спешит погрузиться в воду после литургии при водоосвящении, несмотря на какую погоду, почитая это средством к освобождению себя от этих грехов; некоторые только моются водою. Особенно же замечательны в святки гадательные занятия девушек, чрез которые они хотят проникнуть в будущую свою судьбу на наступающий год.

1. Растопляют олово или свинец и сливают его в снег или в воду и мгновенно образовавшаяся фигура служит отгадкою: так, если при сем образовалась фигура, похожая на венец, то означает, что льющая девица выйдет в наступающем году в замужество, если же образуется что-либо, похожее на гроб, то предвещает смерть и тому подобное.

2. В комнате в разных местах девица разлагает свои следующие наряды: повойник, горсть жита, гусиное перо и девичью ленту; вслед затем приносит куру или петуха и ставит в центре расположенных вещей, дав ему полную свободу идти в какую угодно сторону. И в сем случае, если кура или петух прежде всего дотронется повойника, то ожидает скорое замужество, если жита — то гадательница его выйдет за крестьянина, если пера — то за человека, занимающегося письмоводительством; наконец, если дотронется до ленты — то это неприятное предзнаменование девичества.

3. В позднее время вечера девица берет куру и петуха, связывает их ниткою хвостами вместе и ставит на середине избы, и если петух таким образом потянет к двери, то это знак скорого замужества, если же в какую-либо другую сторону, то это служит знаком девства. ⟨...⟩

Наконец, есть гадание совершенно непозволительное для христиан, потому что все уверены в том, что в нем действует дьявол. И вот в чем состоит оно: в поздний вечер два или три человека, взяв с собою печную кочергу, идут на то место, где хотят слушать, и один из них этою кочергою начертывает на снегу около себя и своих товарищей три круга. Чертя первый, говорит: «Стань стена каменна от неба до земли, от земли до неба». Чертя второй, говорит: «Стань стена медная от неба до земли от земли до неба», и наконец, чертя третий, произносит: «Стань стена железная от неба до земли, от земли до неба». Засим садятся все молча и слушают, что им будет чудиться, значения же того, что почудится, следующие: если слышат у кого-либо в доме пляску, то это означает, в таковом доме скоро будет свадьба; если же, напротив, услышат, что с какого-либо дому свалилось дерево или вытесывают тес, или плачут, то это знак смерти кого-либо в том доме, и тому подобное. Утверждают, что все это правда и подтверждают прежде бывшими опытами.

Особенности домашнего быта

Для наблюдения за порядком и решения судебных и тяжебных дел обывателей города Пудожа имеется градская дума. Члены думы, выбираемые обществом, следующие: градский голос и гласные. В ней имеется еще секретарь из лиц чиновных, состоящих в гражданской государственной службе. По определению думы для мнения о предметах более важных собирается общественная сходка и делается общественный приговор, решающий дело. На каковых общественных сходках имеют преимущество голоса более люди пожилых лет и отличающиеся опытностию и беспристрастием, и равно богатые. Предметом суждения таковых сходок бывают случаи, нарушающие в обществе благочиние и порядок, равно предметами сходок бывают денежные градские казенные сборы и проч. Дела же судебные решаются в градской ратуше. Членами ратуши бывают избранные же обществом: бургомистр и два ратмана. В ней имеется также и секретарь, они решают все тяжебные и уголовные дела купцов и мещан, отсылая свое решение на рассмотрение высшего начальства.

В селениях же, окружающих город Пудож, ведется обыкновенный сельский порядок. В каждой волости имеется волостное правление, коего члены: волостной голова и волостной писарь. Во-

лость разделяется на общества, и в каждом обществе имеется сельское управление, членами коего бывают: старшина, староста, два *добросовестных* и сельский писарь. Все эти лица избираются на должности обществом, сообразно изданным правительством указателям для волостных и сельских управлений. При сельских сходках более уважаются голоса пожилых и умных людей. В частности, каждое семейство управляется домохозяином, от его распоряжения зависит распределение всех крестьянских работ. Там, где нет старшего в доме и все считают себя равными (как например, братья), распоряжение работ зависит от общего совета и согласия. При разделе имений, как часто случается между крестьянами, наблюдается раздел его по ровной части, чтобы было не обидно ни тому, ни другому. Раздел обыкновенно начинают здесь с ковриги хлеба, которую разрезают на две равные части, а потом уж приступают постепенно к другому имению.

Умственные и нравственные способности по образованию

Народ как города Пудожа, так же окружающих селений, происходя от невежественных и грубых предков и будучи привержен к оседлой жизни, стоит, можно сказать, на низкой степени образования. Занимаясь полевыми работами, он все прочее считает излишним. Все силы и способности души у каждого мужичка обращены на один предмет — запахать свое поле, накосить на год сена и наготовить льна. Более для него ничто не нужно. Но нельзя сказать, чтобы на означенные занятия только и был способен народ Пудожского края. Нет, в нем можно было бы найти много способностей на многие мастерства, но, к несчастию, ему не у кого учиться и не знают всей пользы, какая бы могла произойти от того или другого ремесла. К счастию, здешний народ не лишен добродушия, у него можно всегда встретить гостеприимство, но и это добродушие не без недостатка. Будучи груб, он как бы неохотно решается отдавать должное почтение высшим себя. При встрече с высшим себя мужичок, как можно видеть почти всегда, как будто с каким-то принуждением снимает свою шапку без всякого поклона.

В самых обращениях не наблюдается почти никакого приличия. Но совсем другое можно встретить при гостеприимстве со стороны женщин. Они весьма щедры на низкие поклоны. Надобно предположить, что грубость и необразованность в народе много зависит от неграмотности. Правда, лет десять тому назад открыты приходские училища как в Пудоже, так и в окрестных селениях, но, к несчастию, родители — по грубости и невежеству считая образование своих детей излишним в крестьянском быту — не отдают их в училища, а если и отдают, то только для того, чтобы они выучились кое-как читать и писать, а дальнейшее образование считают ⟨...⟩ бесполезным. «Зачем, — говорят они, — мучить детушек тому, что нам не наб». Может быть, то же невежество служит причиною для некоторых жителей раскола. Раскольники, имеющиеся здесь, — перекрещиванцы. Когда в первый раз появился здесь раскол — неизвестно, но надобно полагать, что он первоначально внесен сюда из поморских скитов — как по близости расстояния, так и по сходству обрядов. Замечательно, что в первые времена раскол имел более жарких и в большом множестве приверженцев, нежели в настоящее время. Это можно подтвердить правдоподобным рассказом здешних старожилов. Прежде чем основан был город Пудога, говорят они, много было жарких приверженцев раскола. Когда правительством приняты были меры по прекращению раскола в Пудожском крае, раскольники, не желая оставить своего раскола и почитая, что меры будут

приняты слишком строгие, решились при первом обнародовании таковых мер лучше, заключившись в один дом, сгореть, нежели исполнить волю правительства. По сей причине несколько деревень с жителями погоста, существовавшего до основания города, заключили условие, чтобы при получении такового распоряжения немедленно произвести на колокольне звон: как условный знак к мученической смерти — самосожигательству. Но предосторожность эта послужила во вред им самим: точно было повеление к искоренению раскола, но в нем ни слова не было о строгом гонении на раскольников. Однако же нашелся какой-то чудак, который сделал условный звон. Народ, приверженный к расколу, испуганный таковым звоном, немедленно сбежался в один дом в деревне Елькиной, заперся в нем накрепко, и тотчас же дом объялся пламенем, и они все сгорели. Оставшиеся в живых, желая почтить память своих собратий — мнимых страдальцев, построили на пепелище часовню и назвали ее «Часовнею горюющих родителей». Часовня эта существовала долгое время, и только весною 1853 года истреблена была разлитием реки Водлы. В настоящее время приверженцев раскола очень мало, и то только люди престарелые, и самая приверженность к расколу есть по большей части — слепая, но тем не менее упорная. Вся приверженность их к расколу состоит только в том, чтобы не ходить в церковь, не креститься трехперстным крестом, не есть с другими людьми с одной чашки, не целовать креста в руках священника, пренебрегать табаком и беречь бороду, остригать волосы на середине головы. Впрочем, по слухам, таковые раскольники имеют своих мнимых попов из своих же собратий, к которым тайком дозволяют вступающих в их раскол крестьян также исповедывать и отпевать умерших.

Народные предания и памятники

Что касается до народных преданий, то можно сказать, что их здесь не существует. Сказки рассказываются такие, которые не заслуживают никакого внимания, потому что все они взяты из обыкновенной жизни, свойственной всем и каждому. Загадок, можно сказать, что также нет, потому что незамысловатость и простота есть главная черта здешнего народа. При убаюкивании же детей употребляются поговорки: «Бай да моли (люли), хоть севодни умри, — завтра похороны», «Богородица-божатка, научи качать ребятко».

При празднествах нищие садятся на площади и поют так называемые нами «стихи» об Алексее Божьем человеке, об Георгии-великомученнике.

Сведения сии собрал и составил согласно присланной программе олонецкой епархии города Пудожа Троицкой церкви священник Иоанн Георгиевский.

2

Г. Студитов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ, ОБЪЕМЛЮЩИЕ МЕСТНОСТЬ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ПУДОЖСКОГО УЕЗДА НИЖЕМСКОГО, ГЕОРГИЕВСКОГО, ПРЕЧИСТЕНСКОГО И ГАПУГСКОГО ПОГОСТОВ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХ В СЕБЕ ОКОЛО ТРЕХ ТЫСЯЧ ДУШ ОБОЕГО ПОЛА НА ДВАДЦАТИ ВЕРСТАХ РАССТОЯНИЯ[20]

Наружность

Обыкновенный средний рост жителей описываемой местности 2 аршина от 3 до 6 вершков, а женщины такого роста служат предметом удивления по редкости оных.

Волосы более русые и светло-русые, совершенно черных, белых и рыжих очень мало. Болезни, которым подвергаются: простудные горячки, зубная и глазная.

Жители всей описываемой местности в летнее время более занимаются хлебопашеством, а в особенности любят сеять лен в довольном количестве, удобряя для него землю самым лучшим образом, и, по выросли, стараются вымочить в реках и глубоких рвах по мере надобности, ибо надлежащий рост льна и опытность в мочении добавляют ему ценность.

Зимою жители местности большую часть времени препровождают в праздности, ибо не имеют никаких промыслов и рукоделий и никуда не отлучаются для работы и прислуги, приносящих выгоды и продовольствие для жизни. В домашнем быту в теплые дни возят из дворов и хлевов скотские пометы, утоптанные, с соломенною подстилкою для удобрения земли; доставляют дрова и лучину из ближайших лесных дач для отопления и освещения изб и ездят на покосы за сеном, которое во время сенокоса убирается под открытым небом в зароды и стоги. Ныне следует сказать, чем занимаются мужчины в зимние долгие вечера. Старые и пожилые женатые люди вяжут только чулки и варежки для себя. Молодые люди с вечера до полуночи ходят из деревни в деревню с непристойным криком песен, посещая домы, где собираются девицы для пряжи льна. ⟨...⟩ Женщины и девицы во все время года трудятся со всею заботливостью: в летнее время трудятся на полях, осенью и во время зимы первоначально очищают лен, потом прядут и ткут холсты для себя и продажи, обращая вырученные за холст деньги для украшения себя местными женскими одеждами.

Мужчины телосложения крепкого и привыкшие к холоду, а женщины от занятий — более слабого телосложения, но, впрочем, по наружности не безобразны.

Язык

1. Хотя не все жители местности, но большие часто в произношении заменяют букву «ц» буквою «ч». Например: «черковь» вместо «церковь», «чена» вместо «цена», но никогда не заменяют буквы «ч» буквою «ц». Любят произносить «ч» очень мягко. Приметна и в других случаях любовь

[20] Хранится в архиве Русского Географического общества (р. 25, оп. 1, № 27) в рукописи. На обложке название: «Этнографические местные описания, составленные Олонецкой губернии Пудожского уезда Нижемско-Георгиевского погоста священником Георгием Студитовым, 1854 г.». В нижнем правом углу обложки — запись карандашом, очевидно указывающая, от кого поступила рукопись: «Срезнев⟨ский⟩».

6 Зак. 3948

жителей к мягкому произношению: так, например, вместо «ходить по-дворянски», говорят «ходить по-дворяньски», вместо «живет по-купечески» говорят «живет по-купечески» и т. п. Превращение твердых согласных в соответствующие мягкие постоянно слышно. Так, например, «кучя» вместо «куча», «птиця» вместо «птица», «девиця» вместо «девица», «чяша» вместо «чаша». Опущение гласных и согласных в следующих словах: «*всток*» вместо «восток», «*чо*» вместо «что», «*племник*» вместо «племянник», «*колько*» вместо «сколько», «*рычать*» вместо «кричать».

Против ударений никаких слов не произносят.

2. Против правил склонения и спряжения никаких слов не произносят.

3. Никаких общеизвестных слов в особливом смысле не употребляют, но приметно, что слово «добро» вместо «хорошо» любят говорить. «Добро написал» вместо «хорошо написал», «добро оделся» вместо «хорошо оделся».

Говорят довольно правильно, впрочем употребляя слова местного наречия. ⟨...⟩

Жилище крестьян

Жилище крестьян состоит:

1. Из одной черной избы, в которой печка кирпичная без трубы, дым вытягивает в деревянный *дымоволок*, подобный трубе, приставленный к окошку, высеченному над печкою в стене или над печкою в потолке.

2. Из сеней — клети и горницы, в последней из сих у зажиточных крестьян кладутся кирпичные печи с такою же трубою; у бедных печей нет, и называют ту же горницу *светлою клетью*. Изба, клеть и горница ставятся одна против другой, а посреди их сени; вход в ту и другую по крыльцу наружному и внутреннему — через сени. Передний фас или называемая лицевая стена более обращается на восток и юг. По правую и по левую сторону дома — по длине избы, сеней, клети и горницы строят хлевы, два или три для крупного и мелкого скота на расстоянии трех сажен⟨ей⟩ от дома. Промежуток между хлевами и домом, забранный из мелкого леса забором, называется *двором*, где зимою в середину дня прохаживается рогатый скот и вытаптывает соломенную подстилку для удобрения земли. Вход во двор из сеней и снаружи ⟨...⟩ — для удобной возки помета из хлевов и двора. Внутри двора подле стен дома и хлевов вкапывают по четыре столба — на сторону полтиною в ⟨се⟩мь вершков и более, на которые кладут бревна, называемые *слегами*, для устройства на них колотого или пиленого моста из дерев шести и семи вершков. На верх двора и хлевов строят огромные сараи, для поддержания их и на будущее время для удобнейшей перестройки хлевов, сгнющих прежде сарая, ставят позади хлевов столбы — как под углы сарая, так и под самую стену, дабы сарай не мог отваливаться от дома. Длина сарая ⟨восемь⟩ и ⟨девять⟩ сажен⟨ей⟩, ширина ⟨пять⟩ и более сажен⟨ей⟩, а высота равна домовому строению. Они строятся двояким образом; одни из них — трехэтажные — кроются под одну крышу с домом, тесом с подпоркою, на них береста для укрытия от дождя и весенней течи, от таяния снега на крыше. Другие — четырехэтажные — кроются на две стороны под особенную крышу, но также и они смежны с домами и имеют вход из сеней. Снаружи над дворовыми воротами — ворота в сараи, с заездом, устроенным из тонкого круглого леса в отлогом положении, дабы лошади, опираясь на них подковами, удобнее забегали вверх с возом сена или соломы. Сено возят на сарай для прокормления скота, солому для подстилки скоту; кроме сего, на сараях держат сани, телеги, сохи и косули.

Против дома и позади строятся ледники и амбары для ссыпки хлеба. Вообще все строение называется *хоромами*.

Изба, сени, клеть и горница по избытку леса строятся от ⟨трех⟩ до ⟨пяти⟩ сажен⟨ей⟩ в ширину длиною от ⟨семи⟩ до ⟨девяти⟩ сажен⟨ей⟩, высота от ⟨трех⟩ до пяти сажен⟨ей⟩, ибо некоторые крестьяне строят домы двухэтажные для удобного помещения семейств и необходимости по хозяйству. Если ж где нет нижних изб, то внизу находятся пространные погреба, называемые по местности *подвалами*, внутри них высота от земли до полу избного более сажени. Вход в подвалы — снаружи — для удобной уборки очищенного в осеннее время льна и для беспрекословной продажи его, ибо при открытии двери в ясный день покупающий лен сразу видит качество льна его. Зимою в подвалах сохраняют от мороза репу и картофель. В летнее время кладут лишние колеса, бочки, ушаты и ведра. Низы под клетью и горницею у многих крестьян заменяют амбары. Наружные крыльца во всех домах строятся к стене избы или сеней, а некоторые строят два крыльца противоположные.

В сенях в каждом доме находятся две или более иконы на божницах по правую или левую сторону дверей наружных в сени. У другой стены, противоположной, называемой *дворовой*, под крыльцом устроенным на вышку, бывает кровать, на которую в зимнее время днем выносят из избы постели, подушки, одеяла и ненужное дорожное платье (для убора в избах и пространства). В летнее время спят крестьяне на кроватях, завешанных от насекомых сделанными из холста пологами. Тут же в сенях летом стоят ушат с водой и квасник с квасом, шкаф, где держат молоко. В горнице бывает три и четыре окна: в ширину ⟨один⟩ аршин, в высоту ⟨пять⟩ четвертей. Внутри оной в крашеных киотах несколько икон, маленький шкаф с праздничною посудою, белою, или чайными чашками. Где есть самовар, зеркальца, пара или две простой работы стульев: и вот все убранство нашей богатой деревенской горницы! Бедные крестьяне держат в горницах: печеный хлеб, соль, рыбу, молоко и прочее.

В клетях высекаются маленькие окошечки для воздуха, от чего и называют *ветряками*. Здесь хранят лучшие кафтаны, шубы, женские сундуки с бельем, и прежде отсюда старые люди выносили хранящиеся деньги на крестьянские нужды.

Внутреннее убранство избы

Печь с деревянным подпечником стоит по правую или левую руку с прихода, устьем всегда к передней стене. У печи стоит лохань и над нею привешен рукомойник медный или глиняный, судя по состоянию. На другой стороне печи оставляется промежуток для уборки посуды, ухватов, кочерги, помела и поклажи приготовленной на день пищи. Это место называется «шомнушею». В переднем углу — божница, куда ставят святые иконы для исполнения христианского долга. Около всех стен избы — широкие лавки: днем — для сидения, а ночью спят, приставляя к ним скамьи, служащие у них вместо стульев. Немного выше божницы кругом всех стен обносят широкие полки, ровные с лавками, на них почти ничего не кладут. В переднем углу, около печи, женщины складывают сита, решета и бураки с мукою. Надобно полагать, что эти полки первоначально устроены для того, чтобы накопившаяся на черном потолке сажа не упадала на лавку и на сидящих на ней. Близ печи, у передней лавки, вдоль пола стоит стол величиною — судя по семейству. На нем месят квашню, валяют хлеба и особенно часто метают на него овсяные блины от соседней

печи: ибо крестьяне к ним привержены и женщины пекут весьма скоро. Сей же стол служит и для семейной трапезы. Вот и все убранство и домовая утварь.

Против избы или подле ее на расстоянии ⟨десяти⟩ и более сажен⟨ей⟩ находится *гумно* с *овином*. Строения эти суть: *овин* ⟨трех⟩ сажен⟨ей⟩ в длину и ширину, в нем печка складывается из камней — в углу на земле; кругом нее пол деревянный крепкий — для сбережения зерен, падавших на него при спуске сухих снопов для молотья. На аршин от полу кладутся жерди, на положенные для сего четыре бревна для сушки снопов. Близ потолка устроено более десятка грядочек из колышков, называемых по местности «разлуками», — для поддержания снопов вверху и особенно — для лучшей просушки оных. Ржи помещается на один раз для сушки около ⟨двухсот⟩ снопов, а ярового хлеба около ⟨трехсот⟩. *Гумна* строятся ⟨пяти⟩ и ⟨шести⟩ сажен⟨ей⟩ в длину, а в ширину — трех и четырех сажен⟨ей⟩. Мосты в них деревянные, крепкие, из толстого леса — пополам распиленные или колотые; в них хлеб держат мало, озимовый и яровый кладут в стоги, на коих во все зимнее время возят и молотят понемногу.

Последнее строение есть *байня*, она строится вдали от домового строения, в ширину и длину не более двух сажен⟨ей⟩. Печь кладется из камней, кругом пол из пиленых и тесаных досок, кроется тесом. Деревни имеют довольное количество домов, но расположение их беспорядочное и тесное, не дает надлежащего вида.

Ю. А. НОВИКОВ, В. И. ЕРЕМИНА, В. И. ЖЕКУЛИНА, В. А. КОВПИК

IV. БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

При подготовке к печати очередных томов Свода русского фольклора возникли трудности в определении границ Пудожского этнографического региона. Как правило, не менявшиеся на протяжении длительного периода административные границы оказывали существенное влияние на формирование локальных фольклорных традиций, поскольку от них во многом зависели маршруты передвижения местных жителей. В первую очередь это относится к мужчинам как более мобильной части населения, а именно от них в Олонецкой губернии записано большинство былин. Поэтому при анализе специфики региональных эпических традиций необходимо учитывать историко-географические факторы.

В последние два с половиной столетия границы Пудожского уезда, а позднее — Пудожского района Карелии неоднократно менялись. И если восточные и северо-восточные его территории большинство исследователей относит к другим регионам (Кенозеро, Ундозеро, Каргополье, среднее течение реки Онеги), то с бывшей Пудожгорской волостью (дер. Римское и ее окрестности) не все так однозначно. Вплоть до середины XX в. она входила в состав Повенецкого уезда (потом — Медвежьегорского района); собиратели и исследователи (П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Б. М. и Ю. М. Соколовы, В. И. Чичеров, А. М. Астахова и др.) считали ее частью Повенецко-Толвуйского региона. И хотя через Пудожскую Гору проходили важные коммуникации (дороги в восточную часть Олонецкой губернии, в Выгозерское общежительство старообрядцев, в Уромский монастырь и Вытегру, водные пути и «зимники» в Петрозаводск, Кижи, на знаменитую Шуньгскую ярмарку), наличие административной границы ослабляло контакты местных жителей с населением Пудожского края. Видимо, этим объясняется тот факт, что пудожгорские былины по содержанию и стилю ближе к повенецко-толвуйской и даже выгозерской традиции, нежели к старинам с Пудожского берега, а тем более из Кижей. Однако это касается вербальной составляющей, а эпические напевы этого ареала, по мнению этномузыковедов, идентичны записям с Пудожского берега. Учитывая этот факт, а также то, что в наши дни Пудожская Гора является частью Пудожского района, составители сочли возможным отнести старины местных сказителей к Пудожскому региону.

* * *

Характеризуя эпическую традицию Пудоги, исследователи, как правило, подчеркивают два важнейших момента: довольно позднее (по сравнению с другими районами Онего-Каргопольщины) ее формирование и многочисленные заимствования от соседей, предопределившие промежуточное положение пудожских текстов по отношению к былинам сказителей из Кижей и Повенца, с одной стороны, Кенозера и Каргополья, с другой.

Первым высказал такое мнение А. Ф. Гильфердинг. Существенные отличия в былинах четырех крупнейших сказителей Пудоги он объяснял тем, что только у А. Сорокина они местного происхождения, а Н. Прохоров, И. Фепонов и П. Антонов пели старины, занесенные издале-

© Ю. А. Новиков, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. А. Ковпик, 2013

ка.[1] Еще категоричнее собиратель отзывался об эпической традиции Водлозера, расположенного на севере Пудоги: «Группа водлозерская не имеет никакой определенной физиономии, потому что ⟨...⟩ там эпическая поэзия только начинает водворяться, заносимая с разных сторон».[2] «Из семи человек, которых мне там указали как знатоков былин, только один заимствовал их от отца; все прочие выучились былинам на чужой стороне, а если у себя дома, то от заезжих людей».[3]

Подобной точки зрения придерживалось и большинство исследователей середины XX в. — Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов,[4] А. М. Астахова,[5] А. М. Линевский.[6] Мнение А. Ф. Гильфердинга послужило отправной точкой и для В. И. Чичерова, давшего наиболее полную характеристику пудожской эпической традиции и так резюмировавшего свои наблюдения: «Видимо, до 80-х гг., по крайней мере, эпическое творчество Пудоги находилось в зародышевом, дремотном состоянии. Развитие эпической традиции в этих местах приходится на конец XIX—начало XX ст.».[7]

1. Об истоках Пудожской эпической традиции

Свой вывод о том, что пудожская былинная традиция формировалась в основном на базе заимствований, А. Ф. Гильфердинг и В. И. Чичеров подкрепляли в первую очередь свидетельствами самих исполнителей. Внетекстовые данные об условиях бытования былин, об отношении аудитории и самих сказителей к их содержанию, об источниках вариантов у крупнейших певцов имеют неоспоримую ценность. Однако в сообщениях сказителей немало случайного, субъективного, они не всегда имеют силу документа и нередко нуждаются в дополнительной проверке; некритическое их использование может привести к ошибочным выводам.

Сопоставительный анализ олонецких текстов показывает, что заявления некоторых сказителей, и в частности, о заимствованиях былин на стороне или от захожих людей, не соответствуют действительности.[8] Разумеется, речь здесь идет не о сознательном стремлении исполнителей ввести в заблуждение фольклористов (в этом можно заподозрить лишь И. Касьянова из Заонежья и в какой-то мере пудожанок А. Пашкову и Е. Алексееву, тщательно «маскировавших» книжные источники своих былин). Многие вопросы, важные для специалиста-филолога, вовсе не представляются таковыми северному крестьянину. Необходимо учитывать еще одно обстоятельство психологического характера. Как правило, тексты сказителя с обширным репертуаром восходят к раз-

[1] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. / Подгот. текста, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова; Вступ. ст. В. Г. Базанова; Отв. ред. А. М. Астахова. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 62. Ссылки на конкретные тексты даются внутри статьи.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 49.

[4] Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья, примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл., ред. А. М. Астаховой. Петрозаводтск, 1941. С. 11, 13.

[5] Былины Севера/Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 44; *Астахова А. М.* Былины : Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 236.

[6] Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. ст., коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. С. 21—24.

[7] Онежские былины / Подбор былин, науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. И. Чичерова. М., 1948. С. 56.

[8] *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 143—147, 72—74.

ным источникам. Но в его сознании на первый план выдвигается фигура мастера, встреча с которым произвела наиболее яркое впечатление, к его творчеству певец начинает возводить все свои былины.

Сошлемся на такой пример. Иван Фепонов с Купецкого озера заявил А. Ф. Гильфердингу, что старинам он научился от каргопольского калики Петра Мещанинова, который будто бы знал семьдесят былин.[9] Это утверждение сказителя ни у кого из фольклористов не вызвало сомнения, во всех работах его былины считаются занесенными на Пудогу с реки Онеги.[10] Между тем результаты текстологического анализа противоречат такой точке зрения. В четырех былинах из семи Иван Фепонов ни в чем не отступает от пудожской традиции, придерживаясь местных версий и редакций сюжетов («Василий Игнатьевич и Батыга», «Добрыня и Змей», «Наезд литовцев», «Илья Муромец и Соловей-разбойник»); видимо, местного происхождения и его вариант «Вольги и Микулы». Былина о трех поездках Ильи Муромца во всем Прионежье и в Кенозерско-Каргопольском крае бытовала в одной редакции, но самую близкую параллель к фепоновскому тексту опять-таки находим на Пудоге (Рыбн., № 129). Об источниках скоморошины «Птицы на море», отличающейся сюжетно-композиционной стабильностью, трудно сказать что-нибудь определенное. И лишь былина «Илья Муромец и Калин-царь» не укладывается в рамки пудожской традиции, принадлежит к той же редакции, что и безымянная каргопольская запись, предположительно сделанная от калики из Красной Ляги.

Изложенные факты не позволяют возводить былинный репертуар И. Фепонова к творчеству каргопольского калики П. Мещанинова. От него пудожский певец мог усвоить духовные стихи, «Илью и Калина-царя», возможно, скоморошину о птицах и некоторые оригинальные детали и подробности, не зарегистрированные на Пудоге. Все остальные его былины явно местного происхождения. Их близость к вариантам других пудожан столь очевидна, что П. Д. Ухов посчитал безымянный вариант «Василия Игнатьевича» из деревни Большой Двор повторной записью от И. Фепонова.[11] Влияние местной традиции заметно и в «Илье и Калине». Вариант И. Фепонова отличается от самого близкого к нему каргополъского текста (Рыбн., № 205) тем, что целый ряд типических мест сказитель дает в пудожском «оформлении». Видимо, в тот момент, когда певец усваивал этот сюжет, он уже знал пудожские редакции ряда эпических песен и имел определенный запас поэтических формул.

Трудно согласиться и с тем, что былины П. Антонова заимствованы на стороне, причем довольно далеко от устья реки Шалы, где он жил. В его репертуаре особняком стоит только былина «Добрыня и Алёша» (контаминация с «Ильей Муромцем и Сокольником»), но ее своеобразие во

---

[9] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 511.

[10] См., например: Былины Пудожского края. С. 15; Сказитель Ф. А. Конашков. С. 24; *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин: (По материалам конца XIX—начала XX в.). М., 1975. С. 18, 101.

[11] Былины / Вступ. ст., подбор текстов, примеч. П. Д. Ухова; Под ред. В. И. Чичерова. М., 1957. С. 137—138. П. Д. Ухов обосновал свой вывод почти полным совпадением общеэпических формул в обоих вариантах («... такая близость типических мест возможна только у одного сказителя»). П. Н. Рыбников определенно указывает, что записал былину от крестьянина д. Большой Двор, который поначалу принял его за судебного чиновника и, зная за собой вину («было у него пожгано лесу»), на глазах у односельчан убежал из дома. Разумеется, слепой Иван Фепонов не мог «утекать в лес», так что и на коне П.Н. Рыбников не сразу его настиг; к тому же к этому времени собиратель уже был знаком с бродячим певцом духовных стихов и узнал бы его (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1. С. LXXXV).

многом обусловлено индивидуальными новациями сказителя. К остальным текстам легко подыскиваются близкие параллели у других пудожских певцов — современников П. Антонова (того же И. Фепонова, шальского лодочника, отчасти — А. Сорокина). Эта близость свидетельствует о том, что творчество Потапа Антонова теснейшим образом связано с местной эпической традицией.[12]

Труднее всего судить о том, где и как формировался репертуар Никифора Прохорова. Оставляя пока этот вопрос открытым (мы вернемся к нему в заключительном разделе статьи), отметим, что Н. Прохоров пел и такие старины, которые не выходят за рамки пудожской традиции середины XIX в. («Соловей Будимирович», «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Василий Буслаев»).

Итак, творчество всех трех сказителей, на свидетельства которых опирался А. Ф. Гильфердинг, в большей или меньшей степени связано с местной традицией. То же самое можно сказать об А. Сорокине, А. Савинове, Г. Амосове, шальском лодочнике, старике из Колодозера. И лишь в былинах Т. Романова (Колодозеро) влияние кенозерской традиции, пожалуй, даже превосходит влияние традиции пудожской, что вполне объяснимо — Колодозеро расположено на периферии Пудожского края, всего в нескольких десятках километров от Кенозера.

Новые материалы, собранные на Водлозере в советское время, сопоставление их с былинами из соседних районов, заставляют усомниться и в том, что «группа водлозерская не имеет никакой определенной физиономии».[13] В сборнике А. Ф. Гильфердинга опубликовано пять водлозерских вариантов былины «Добрыня и Алёша»; лишь один исполнитель — Т. Суханов — назвал своим учителем отца, все остальные сказители ссылались на заимствования у жителей других районов — от реки Онеги до Волги. Можно себе представить, как сильно должны были бы отличаться их тексты, будь эти утверждения соответствующими действительности. На самом деле четыре варианта из пяти принадлежат к местной, водлозерской редакции сюжета, своеобразие которой очевидно (см. в наст. томе преамбулу к сюжетным комментариям). Не относится к ней только былина В. Суханова (№ 86). От С. Панова собиратель даже не записал первую половину старины, отметив, что она «совершенно сходна» с текстом Т. Суханова.[14] Новые записи «Добрыни и Алёши» подтверждают оригинальность и устойчивость водлозерской редакции этого сюжета. Известным своеобразием отличаются также водлозерские варианты былин «Василий Буслаев», «Калика-богатырь», исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына», баллады «Муж жену губил», «Казань-город на крови стоит»; тексты былин «Дюк», «Соловей Будимирович», «Ставр», «Царь Соломан и Василий Окулович» принадлежат к редакциям, распространенным в большей части Пудоги.

---

[12] Первым обратил на это внимание П. Н. Рыбников. Получив от одного из своих корреспондентов записи былин этого сказителя, собиратель отметил, что они «по складу и стилю довольно близки к записанным мною от лодочника [шальского] и, вероятно, оба певца учились у одного и того же учителя» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. LXXXVI).

[13] Поддавшись первому впечатлению, А. Ф. Гильфердинг поторопился с выводами. За 4 дня пребывания на Водлозере он, конечно, не мог составить достаточно полное представление о местной традиции. В конце XIX в. в Водлозерской волости насчитывалось около 50 деревень, собиратель записывал былины только от жителей 6 деревень и, как выяснилось впоследствии, не встретился со многими известными сказителями (Д. Епишин, Е. Шитый, свекор А. Мариной, отец В. Чуркиной, дед Д. Подомаревой, отец и дед А. Креховой), не зафиксировал ряд бытовавших на Водлозере былинных сюжетов.

[14] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 88.

Устоявшееся мнение о сравнительно позднем формировании пудожской эпической традиции на базе занесенных извне былин представляется неубедительным и по другой причине. Подавляющее большинство былинных сюжетов оформилось не позднее XIV—XV вв. В дальнейшем они лишь эволюционировали, немногочисленные попытки создать новые былинные образования, как правило, оказывались безуспешными.

В этой связи немаловажно подчеркнуть, что первые русские поселения появились на Пудоге именно в «эпический век». Волдутов Погост на Водлозере упоминается в новгородских документах, относящихся к 1137 г.;[15] во время новгородской колонизации Севера через Пудогу проходил водный путь в северо-восточные земли, сохранявший первостепенное значение вплоть до середины XVI в.[16] По мнению известного этнографа М. В. Витова, процесс колонизации новгородцами Заонежья завершился к концу XV—середине XVI ст.[17] В это время в Пудожском, Шальском и Водлозерском погостах, территория которых примерно совпадает с современной Пудогой, насчитывалось 260 русских деревень.

Естественно предположить, что уже первые поселенцы занесли в эти края древнейшие формы русского эпоса. Разумеется, и в дальнейшем эпический репертуар Пудоги и соседних районов обновлялся и обогащался; этому способствовали новые волны переселенцев (причем не только из пределов бывшей Новгородской земли, но и из московских владений), политические, экономические и культурные связи Севера с центром России, служба северных крестьян в царской армии, миграция местного населения[18] и другие факторы. Если же согласиться с выводами В. И. Чичерова, то тогда необходимо объяснить, почему пудожане в отличие от своих западных, северных и восточных соседей чуть ли не до середины XIX ст. оставались невосприимчивыми к эпической поэзии, а Пудожский край был «белым пятном» на эпической карте русского Севера.

О каком «зародышевом, дремотном состоянии» пудожской традиции можно говорить, если в начале XIX в. эпическая поэзия была одним из важнейших звеньев духовной культуры местного населения? Вспомним хотя бы сообщение П. Н. Рыбникова о том, что в этот период «былевые песни были в большом ходу и большой чести у всего пудожского городского населения», купцы, мещане и даже чиновники «сходились по вечерам на беседы, чтобы слушать былины».[19] Не приходится сомневаться, что эпическая поэзия была в еще «большей чести» у крестьян, — главных хранителей национальной фольклорной традиции. На каждое заявление исполните-

---

[15] *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. : Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 49—50.

[16] Там же. С. 43.

[17] Там же. С. 114.

[18] Миграция местного населения часто вызывалась разорением деревень в военное время, голодом, поветриями и другими бедствиями. Многие города и деревни Олонецкого края были сожжены, например, во время польско-шведской интервенции в начале XVII в. Писцовая книга Каргопольского уезда (1622) пестрит сообщениями такого рода: «Деревня Коростелевская Скуморошая тоже сожжены от Литовских людей, а ныне в ней селятца ново...», «в деревнях 21 двор да 2 двора пустых — крестьяне тех дворов скитаются меж двор» (Памятная книжка по Олонецкой губернии. 1868—1869. Петрозаводск, 1869. С. 127—151). Писец Лихачев, говоря о населении Выгозерского погоста, отмечал в 1563 г.: от голода и от мора «дворы на тех деревнях згнили, а крестьяне вымерли, а иные разошлися в Белозерщину и в Каргополе, а поля и пожни лесом поросли в бревно» (цит. по: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья... С. 111). М.В. Витов предполагал, что в это время население Шальского, Пудожского и соседнего с ним Андомского погостов росло «главным образом за счет беглого населения» (Там же. С. 111—112).

[19] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. LXXXVI.

лей о заимствовании былин на стороне приходится 34 свидетельства иного рода: эпические песни перенимали от отцов, дедов, односельчан; их репертуар был богаче, чем у сказителей нового времени.[20]

2. Своеобразие эпического репертуара и редакций ряда сюжетов

Одним из объективных показателей исконности и древности эпической традиции какого-либо района является своеобразие и устойчивость былинного репертуара, наличие местных версий, редакций отдельных сюжетов, для выработки и широкого распространения которых требуется смена нескольких поколений сказителей. В этом отношении Пудога занимает достойное место на «былинной карте» Онего-Каргопольского края: по богатству своего репертуара не уступает Кижам, значительно превосходя Повенец-Толвуй, Кенозеро, Каргополье или Мошу. Три былинных сюжета зафиксированы в Олонецком крае только на Пудоге («Суровец-Суздалец», «Сухман», «Непра и Дон»).[21] Местным сказителям были известны все традиционные сюжеты, отмеченные собирателями в Кижах, сверх того — еще пять былин (кроме названных выше — «Чурила и князь» и «Терентий-гость»). На Кенозере зафиксировано бытование «Старины о большом быке», былин «Добрыня и Скимен-зверь», «Братья Дородовичи», которые не записывались в других районах Олонецкого края; а в повенецко-толвуйском ареале — былины «Михаило Данилович». Все остальные сюжеты, известные повенчанам и кенозёрам, отмечены и на Пудоге. В то же время пудожский репертуар богаче повенецко-толвуйского на восемнадцать, а кенозерского — на шестнадцать сюжетов. Некоторые эпические песни, широко распространенные на Пудоге, в соседних районах встречаются гораздо реже («Соловей Будимирович», «Наезд литовцев», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и Илья»).[22]

Среди перечисленных сюжетов особняком стоят «Непра и Дон» и «Калика-богатырь», не привлекавшие внимания исследователей русского эпоса. Вероятнее всего, обе эти былины являются позднейшими, в самостоятельные произведения они оформились сравнительно недавно и по сути дела не оригинальны, состоят из набора общеэпических мотивов.

Былина о подвигах безымянного калики-богатыря записана всего дважды — от Т. Иевлева, внука знаменитого кижского сказителя Ильи Елустафьева, и от водлозерского певца Т. Суханова.

[20] Приведенные выше факты по Водлозеру можно дополнить аналогичными свидетельствами из других районов Пудоги. Рагнозерские сказители 20-х гг. XX в. возводили свои былины к вариантам Мишина, Ф. Алексеева (родился около 1820 г.), Лукина (родился около 1780 г.). Множество имен давно умерших певцов называли собирателям жители Пудожского берега, Купецкого озера, Нигижмы, среднего течения р. Водлы, Салмозера.

[21] Формально сюда можно причислить и былину «Данило Ловчанин», однако единственный олонецкий ее вариант восходит к книжному источнику. См.: *Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор : Былины : (Критико-библиографический обзор былин и 14 новых былинных записей). Петрозаводск, 1906. С. 51—60.

[22] К сопоставлению эпических репертуаров отдельных районов Олонецкого края впервые обратился В. И. Чичеров во вступительной статье к сборнику «Онежские былины». Однако некоторые его выводы нуждаются в пересмотре. Не учитывая сюжетов, входящих в состав контаминированных текстов, автор считал, что былина «Гибель богатырей» («Камское побоище») не фиксировалась в Заонежье. Между тем этот сюжет находим (в соединении с другими былинами) у В. Щеголенка (Рыбн., № 75; Гильф., № 121), Д. Суриковой (Гильф., № 138) и ряда других певцов из Кижей. К «особым старинам» Пудоги В. И. Чичеров относил лишь два сюжета — «Исцеление Ильи» и «Святогор и Илья», хотя их значительно больше. Много неточностей на тех страницах статьи, где подсчитывается доля записей отдельных былин в эпической традиции района.

Оба варианта принадлежат к одной редакции, в них немало текстуальных совпадений. Учитывая удаленность Водлозера от Кижей, данный сюжет следует признать традиционным для Прионежья, а не индивидуальной композицией какого-либо сказителя прошлых лет. Он просто не прижился в эпическом репертуаре и был вытеснен другими, более совершенными в идейном и художественном отношении былинами о борьбе с татарами.

Текст Т. Иевлева уступает по объему сухановскому (семьдесят четыре стиха против ста двадцати), в нем есть неясные места, повествование не доведено до логического конца. Узнав от калики о приближении татарских полчищ, богатыри «сделали во городе во Киеве осторожности великие»; рассказа о разгроме врага нет. В былине Т. Суханова калика-богатырь вместе с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем уничтожает захватчиков, причем калике доверено почетное право бить татар на главном направлении. Подчеркнутая героизация калики, возможно, является следствием активного участия в создании былины калик перехожих — профессиональных певцов духовных стихов.

В обоих вариантах описание похищения татарина и его допроса почти дословно совпадает с соответствующим эпизодом из оригинальной прохоровской редакции «Ильи и Идолища». Поэтому не исключено, что сюжет «Калики-богатыря» сложился на основе обособившегося вступления к «Илье и Идолищу», которое было дополнено сценой разгрома татар, позаимствованной из былины «Илья и Калин-царь». А его большое сходство с текстом Никифора Прохорова может служить еще одним доказательством того, что репертуар «Утицы» (Н. Прохорова) в значительной мере связан с местной эпической традицией.

Второй сюжет — «Непра и Дон» — представляет собой переработку заключительной части былины «Дунай» (хвастовство на пиру, состязание в стрельбе из лука, гибель Дуная и его жены). События в этой былине развиваются в той же последовательности, как и в финальных эпизодах «Дуная», заменены лишь имена главных героев — место Дуная Ивановича занимает Дон Иванович, а Настасьи-королевичны — Непра-королевична. Генетическая связь этого сюжета с «Дунаем» подтверждается также тем, что сказители обычно называют главного героя «*тихий* Дон Иванович»; в русском эпосе этот эпитет прочно прикрепился к имени Дуная.

Оформление былинных отрывков в самостоятельные произведения балладного типа — процесс сравнительно поздний[23] и в целом непродуктивный: подобные сюжеты обычно не получали широкого географического распространения. Неудивительно, что «Непра и Дон» зафиксирована лишь на Купецком озере. Первые записи сделаны П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом от Никифора Прохорова, к текстам которого восходят варианты Г. и С. Якушевых, И. Фофанова, Н. и К. Ремизовых.

Возможно, эта версия принадлежит Н. Прохорову или его отцу. Однако Никифор Прохоров вполне мог усвоить сюжет от кого-либо из своих земляков: Н. С. Шайжин называет «Непру и Дон» в числе былин, которые пели соседи Н. Прохорова И. Баранов, Михаил и Василий Елисеевы, Семен Иванов.[24] К тому же имя Дона Ивановича известно не только по пудожским текстам: в былине «Илья, Ермак и Калин-царь», записанной в бывшей Петербургской губернии, Дон Иванович упоминается среди богатырей, стоящих на заставе у Киева (Кир. I, с. 58, 60, 61).

Былина «Наезд литовцев» сохранилась только в Прионежье (пятнадцать вариантов, в том числе десять пудожских и один генетически связанный с ними), на Печоре (три варианта) и на

[23] См. об этом: Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 34.

[24] *Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор. С. 31.

Индигирке (два варианта). На Пудоге зарегистрированы две редакции этого сюжета, обе они удержались в устном бытовании вплоть до середины XX в. Пудожские тексты сложнее по композиции, в них лучше сохранились некоторые исторические реалии (описывается набег литовских королевичей на соседнюю Ливонию, упоминается река Березина, по которой проходит граница между Русью и Литовским королевством и др.).

Сравнительно широкая распространенность былины «Наезд литовцев» в Прионежье отчасти объясняется тем, что в этих местах долго сохранялась память о борьбе русских с литовцами. В героических былинах и старших исторических песнях «Литва поганая» (т. е. языческая) или «Литва хоробрая» заслоняет всех этнических противников Руси, кроме татар. Литва и литовцы упоминаются в некоторых новеллистических сюжетах («Добрыня и Алёша», «Дунай», «Михайло Потык»), в балладе «Молодец и королевична». Наконец, на всей территории Олонецкого края и особенно в Прионежье необычайно популярны были предания о «панах» и «литовцах», причем литовцами часто называли всех иноземных участников «смуты».[25]

Следует упомянуть также редкую былину «Суровец-Суздалец», записанную в 1938 г. на Рындозере от П. Родина. Вариант пудожского сказителя — единственная фиксация этой старины в XX в.

Таким образом, в отношении сюжетики эпическая традиция Пудоги отнюдь не лишена своеобразия и не является результатом механического перекрещивания заонежского и кенозерско-каргопольского репертуаров.

Характеризуя прионежскую эпическую традицию, А. М. Астахова подчеркивала «ярко выраженную тенденцию к снижению образа князя».[26] Развивая эту мысль, можно отметить, что в пудожских былинах особенно сильны антикняжеские настроения. Местные редакции большинства сюжетов свободны от типичных для средневекового общества представлений об авторитете княжеской власти, которые устойчиво сохранялись в ряде кенозерских былин и особенно характерны для записей из северо-восточных районов. Эпический репертуар Пудоги содержит все известные олонецкой традиции сюжеты, в которых социальные мотивы играют заметную роль. Во многих былинах князь Владимир представлен как жалкий трус, не способный организовать защиту Киева («Илья и Калин-царь», «Илья и Сокольник», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Добрыня и Василий Казимирович»). За взятки он готов поддержать в споре неправую сторону («Хотен Блудович»), забыть о совершенных преступлениях («Чурила и князь»), отпустить на волю злейшего врага русских людей («Илья и Соловей-разбойник»). Посрамлением князя заканчиваются его редкие попытки принять личное участие в каких-либо состязаниях («Иван Гостиный сын», некоторые варианты «Ставра»), терпит поражение и его ставленник Чурила («Дюк»). Объектом язвительных насмешек становится Владимир в былине о Ставре, неблаговидная роль отведена ему в «Добрыне и Алёше».

Сказители не жалуют и ближайших родственников князя. Его племянник Вольга вынужден признать физическое и моральное превосходство крестьянина-пахаря («Вольга и Микула»); с явной иронией изображено «самопросватанье» племянницы князя Забавы Путятичны («Соловей Будимирович»); резко осуждается похотливая и коварная княгиня Апраксия («Сорок калик»).

---

[25] См., например, публикации в «Олонецких губернских ведомостях»: 1845. № 5; 1857. № 20, 22, 23; 1860. № 21 и др. Многие из этих преданий перепечатаны П. Митропольским в статье «Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии» (см.: Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. Отд. 1. С. 243 и далее).

[26] Былинный эпос : Русское народнопоэтическое творчество. М.; Л., 1955. Т. 2, кн. 1. С. 350.

Ни в одном из соседних районов нет такого богатого «ассортимента» сюжетов, пронизанных антикняжескими настроениями. Лучшие пудожские певцы даже в сравнительно нейтральных по тону былинах не упускают случая подчеркнуть несправедливость князя, его корыстолюбие. Освободив Царьград и получив за это награду, Илья Муромец говорит:

Благодарствуешь, царь Костянтин Боголюбович!
Послужил я у тя только три часа,
А выслужил слово сладкое, уветливое,
Уветливое слово, приветливое,
А хлеб-соль мягкую.
Служил-то я у князя Владимира,
Служил я ровно тридцать лет,
А не выслужил слова сладкого, уветливого,
Уветливого слова, приветливого,
А хлеба-соли мягкия.

(Рыбн., № 118)

Близкую параллель находим в былине И. Фепонова «Добрыня и Змей» (№ 41). В трудном бою богатырь побеждает чудовище и освобождает дочь князя Владимира —

Ай и за тую-то за выслугу великую
Князь его нечим не жаловал.

Симпатии и антипатии русского крестьянства его оппозиционный настрой по отношению к власть имущим наиболее рельефно отразились в былинах «Сухман» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». Финальная сцена «Сухмана» — одна из художественных вершин русского эпоса. Оскорбленный недоверием и произволом Владимира богатырь отказывается принять от него запоздалые милости, он вынимает маковые листочки из ран, полученных в бою с татарами, и истекает кровью. Лучшие варианты этой довольно редкой былины записаны именно на Пудоге, в других районах Онего-Каргопольского края собиратели ее не зафиксировали.

На протяжении последнего столетия Пудога оставалась главным центром бытования эпических песен о бунте Ильи Муромца против князя Владимира — на ее долю приходится более половины олонецких вариантов. Этот сюжет зафиксирован здесь в трех разных версиях. Шесть текстов представляют собой самостоятельные былины о ссоре Ильи с князем (Владимир забывает пригласить Илью на пир; разгневанный богатырь стреляет по церковным маковкам, пирует с голями кабацкими; князь мирится с ним при посредничестве Добрыни). Вторая обработка сюжета (четыре варианта) служит своеобразным прологом к былине «Илья и Калин-царь» (по приказу князя Владимира Илья брошен в погреб, князь вспоминает о нем лишь во время татарского нашествия и с трудом упрашивает защитить Киев). Третью версию условно можно назвать «сорокинской», поскольку именно от Андрея Сорокина впервые в этих краях была записана сложная по композиции эпическая песня, в которой искусно объединены сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». В ней конфликт между богатырем и князем достигает наибольшей остроты. Представлена она в пудожских записях наиболее широко (восемь вариантов). К различным модификациям этого сюжета примыкает сюжет «Илья и голи кабацкие», дважды зафиксированный на Колодозере. В нем внимание сосредоточено на столкновении богатыря с княжескими целовальниками — содержателями кабаков, которые отказываются напоить

Илью вином под залог нательного креста. Оба сказителя соединили этот сюжет с другими былинами («Илья и Идолище», «Три поездки Ильи Муромца»).

Для сравнения заметим, что на повенецко-толвуйском побережье «Ссора Ильи с князем Владимиром» вообще не встретилась собирателям. В Кижах записаны единичные тексты (причем былины В. Амосова и П. Рябинина-Андреева зависимы от книжных источников), в Каргополье — один вариант. На Кенозере широкое распространение получил сюжет «Илья и голи кабацкие», однако богатырь противопоставляется не князю, а его слугам. Известна кенозёрам и одна из версий «Ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром» (в контаминации с «Ильей и Калином»), но в обоих текстах социальные мотивы приглушены: Владимир изображается обманутым, он заключает Илью в темницу, поверив наветам своих слуг (Гильф., № 196, 257). Тенденция к снижению образа князя гораздо сильнее проявилась в одной из местных редакций «Добрыни и Алёши» (И. Сивцев, П. Воинов и др.). Негативное отношение к князю в былинах, конечно, не изначально, оно связано с поздним этапом бытования эпоса, когда в обществе обострились социальные противоречия. На Русском Севере эта тенденция наиболее ярко проявилась в пудожских старинах, став одной из характернейших особенностей местной традиции.

Своеобразие пудожской традиции выразилось также в формировании местных версий — редакций и изводов ряда былин. Как показывает анализ текстов, каждый третий сюжет, зафиксированный собирателями в этом регионе, характеризуется устойчивой комбинацией мотивов, не встречающихся в других районах Олонецкого края, оригинальными подробностями, постоянными формулами, именами собственными и т. д.

Показательна в этом отношении былина «Добрыня и Алёша» — самая популярная на Русском Севере. Анализируя особенности областных эпических традиций, А. М. Астахова отмечала: «Вследствие широкого распространения былины находим большое количество композиционных вариаций. По преимущественному использованию тех или иных мотивов обособляются некоторые группы, хотя резко очерченных областных типов нет».[27] Привлечение новейших записей позволяет уточнить этот вывод. В ряде районов (Заонежье, Кенозеро, Белозерский край, Нижегородская губерния, Урал, Западная Сибирь) сложились оригинальные версии и редакции «Добрыни и Алёши», есть они и на Пудоге, где этот сюжет представлен наибольшим количеством записей (более восьмидесяти).

По сравнению с заонежскими или кенозерско-каргопольскими былинами, тексты пудожских сказителей менее унифицированы, что объясняется бытованием в этом крае нескольких редакций сюжета. Но есть два момента, которые их объединяют и которые правомерно рассматривать как характерные черты местной эпической традиции.

В подавляющем большинстве пудожских вариантов внимание сосредоточено не только на развитии отношений между Добрыней, Настасьей и Алёшей, но и на взаимоотношениях Добрыни с матерью. Сцена возвращения богатыря в родной дом разрабатывается очень подробно, по своему драматизму не уступает сцене свадебного пира и является одним из кульминационных эпизодов былины. Второй момент — немирный характер сватовства Алёши Поповича, который сопровождается откровенными угрозами жениха или потакающего ему князя Владимира в адрес несговорчивой Настасьи. Почти обязательные в каждом более или менее полном пудожском варианте «Добрыни и Алёши» эти мотивы в былинах соседних районов встречаются редко и излагаются конспективно.

[27] Былины Севера: В 2 т. / Подгот. текста, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. С.722.

Среди пудожских записей наибольшим своеобразием отличается версия сюжета, изложенная Н. Прохоровым. В ней традиционное повествование осложнено описанием боя Добрыни с Алёшей, по содержанию близким к былине «Бой Добрыни с Дунаем», популярной в северо-восточных регионах (в Олонецком крае этот сюжет собирателями не зафиксирован). Тексты Н. Прохорова и его учеников включают ряд оригинальных деталей и формул. Особую редакцию образуют водлозерские варианты: для них характерен набор своеобразных сюжетных ходов и поэтических стереотипов. В частности, подчеркивается активный отпор Настасьи, а деспотизм князя проявляется в наиболее грубых формах. Былина водлозёра В. Суханова относится к кенозерско-мошенской редакции сюжета и, судя по всему, занесена на Пудогу с востока (подробнее эти типы обработки былины охарактеризованы в преамбуле к сюжетным комментариям).

Другие пудожские редакции «Добрыни и Алёши» не столь специфичны, в них нередко обнаруживаются близкие параллели к былинам из Кижей, Повенца и Кенозера; встречаются варианты, которые служат «мостиками» от одной редакции сюжета к другой (см. записи, сделанные от А. Никоновой, А. Фадеевой, А. Тимониной, А. Корешковой, Т. Фешева, Е. Коковой, М. Зубовой, Ф. Миронкова). Таким образом, несмотря на некоторые привнесения извне (их количество гораздо меньше, чем можно было ожидать), пудожские записи «Добрыни и Алёши» своеобразны по содержанию и художественной форме, что свидетельствует об их тесной связи с местной эпической традицией.

Особый композиционный тип составляют пудожские варианты былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Основная сюжетная линия осложнена множеством дополнительных эпизодов: Илья совершает целый ряд подвигов, рассказ о которых богат живописными деталями (заповедь богатыря во время поездки не пускать в ход оружие и не проливать кровь, освобождение осажденного врагами русского города, решительный отказ оставаться в нем воеводой; преодоление дремучих лесов, зыбучих болот и «черной речки-Смородинки»; расправа с семейством Соловья-разбойника; иногда — конфликт с князем Владимиром, который готов за выкуп отпустить Соловья-разбойника на свободу). И хотя тексты распадаются на несколько редакций и изводов, свойственная им многоконфликтность, развернутость повествования позволяет выделить особую, пудожскую, версию былины.

Кроме рассмотренных выше сюжетов на Пудоге выработались местные модификации былин «Добрыня и Змей», «Илья и Сокольник», «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Три поездки Ильи», «Наезд литовцев», «Царь Соломан и Василий Окулович», «Чурила и Катерина», «Василий Буслаев и новгородцы», «Поездка Василия Буслаева», «Дюк Степанович», «Иван Годинович», «Сухман» (подробнее см. об этом в преамбулах к сюжетным комментариям).

Косвенным доказательством самобытности и относительной древности местной эпической традиции могут служить реликты архаичных типов обработки некоторых былинных сюжетов, реалии средневекового быта, сохранившиеся в пудожских былинах не хуже, чем в соседних районах.

В. Я. Пропп поддержал и подкрепил дополнительными аргументами выдвинутое В. Ф. Миллером предположение о том, что «былина об Илье и Идолище возникла как переработка былины об Алёше и Тугарине.[28]

В Прионежье образ Алёши-змееборца по сути дела был вытеснен образом Ильи уже к середине XIX в. — собирателям не удалось записать здесь ни одного полноценного текста «Алёши и

[28] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 224.

Тугарина».[29] Отголоски его былой популярности обнаруживаются не только в неполных вариантах А. Чукова и Т. Иевлева, пересказе Г. Якушева, но и в былинах на другие сюжеты.

Особый интерес представляет текст Г. Якушева. В нем, как и в записи из Сборника Кирши Данилова (КД, с. 20), объединены обе версии сюжета (первая, сравнительно редкая, — Алёша убивает врага до приезда в Киев, и вторая — Алёша на пиру у князя Владимира ссорится с Тугарином и затем убивает его). У Г. Якушева это соединение не механическое, как у Кирши Данилова: в первом бою Алёша не убивает, а побеждает Тугарина, тот просит пощадить его, обещая быть «младшим братом» богатыря (здесь чувствуется влияние местной редакции «Добрыни и Змея»). По-видимому, в Прионежье бытовали обе версии «Алёши и Тугарина», обе они были известны Г. Якушеву или кому-то из его предшественников, а контаминация былин, посвященных подвигам одного героя, — явление закономерное для поздней стадии развития русского эпоса. Обе версии сюжета были знакомы и А. Чукову, от которого записано два фрагментарных текста. Один назван «Алёша Попович и Тугарин» (Рыбн., № 27) и представляет собой вторую версию («Алёша в Киеве»). В другом, озаглавленном «Илья и Идолище» (Рыбн., № 24), нетрудно узнать первую версию, в которую введены другие имена. Характерно, что вариант «Алёши и Тугарина», записанный Гильфердингом от Т. Иевлева (Гильф., № 99), в большинстве деталей полностью совпадает со вторым фрагментом А. Чукова (один раз сказитель даже называет Тугарина «Задолищем поганым»). Г. Якушев тоже именует Тугарина необычно — «Дуданин поганыих», в чем можно усмотреть реминисценцию традиционного для Идолища эпитета «поганое».

Тексты Т. Иевлева, А. Чукова и Г. Якушева позволяют предположить, что в Прионежье некогда бытовали две версии «Алёши и Тугарина», где Алёшу и Тугарина вытесняли Илья Муромец и Идолище Поганое. Однако традиционной стала лишь вторая версия — Илья убивает врага после столкновения с ним во дворце князя Владимира или царя Константина. Она получила у прионежских сказителей дальнейшее развитие, в то время как первая версия постепенно отмирала, однако следы ее сохранились в былинах упомянутых выше певцов.

Несмотря на забвение былины о Тугарине, его имя было хорошо известно многим олонецким певцам. На востоке Пудоги, на Кенозере и в Каргополье Тугарин Змиевич упоминается почти во всех вариантах «Добрыни и Маринки» как любовник Маринки (см. варианты Т. Романова, П. Воинова, И. Третьякова и др. — Рыбн., № 143; Гильф., № 227, 267). В былине колодозерского сказителя Т. Романова «Илья и Калин-царь» Тугарин выступает в роли посла «царя Каина» (Рыбн., № 141); калика из Красной Ляги ввел Тугарина в былину «Добрыня и Алёша» (Рыбн., № 193). Видимо, каким-то образом связаны с этим именем загадочные «Туги горы», упоминаемые пудожанами И. Фепоновым («Вольга и Микула», «Добрыня и Змей»), П. Антоновым («Добрыня и Змей») и А. Фадеевой («Добрыня и Алёша», «Добрынин Змей», «Про Добрыню», «Про Микитушку Добрынюшку»). Наконец, в двух вариантах «Добрыни и Алёши», записанных от сказителей-земляков А. Сорокина и А. Пантелеева, Тугарин Змиевич предстает метким лучником (мать Добрыни мечтает, чтобы ее сын стрелял из лука так же метко, как Тугарин).

В ряде пудожских записей «Ильи и Идолища» сохранились детали, свидетельствующие о генетической связи этой былины с сюжетом «Алёша и Тугарин». В текстах Н. Прохорова, Г. Якушева и П. Калинина, издеваясь над обжорством Идолища, Илья сравнивает его с коровой ростов-

[29] Книжные по происхождению тексты П. Горшкова, А. Анкудинова и А. Пашковой здесь не учитываются.

ского попа (Алёша, по былинам, сын ростовского попа). В вариантах И. Фофанова и М. Мякишева определения «ростовский» нет, но поп упоминается.

В свое время В. Ф. Миллер обратил внимание на своеобразие прионежских записей былины «Ставр Годинович» и предложил свое объяснение этого, которое впоследствии ни у кого не вызвало аргументированных возражений. Опираясь на доводы В. Ф. Миллера, А. М. Астахова писала, что в прионежских вариантах «видны сильные следы позднейшей скоморошьей обработки. Эта обработка изменила роль жены Ставра, которая приезжает в Киев уже не в виде грозного посла, требующего дани, а в качестве жениха племянницы или дочери князя. Внесены также, в дополнение к испытанию посла стрельбой из лука и борьбой, еще испытание баней и постелью... Сибирскую редакцию Вс. Миллер считает наиболее архаической».[30]

Новые данные органично вписываются в гипотезу Миллера о позднейшей переработке древней основы былины и в то же время позволяют внести в нее некоторые коррективы. Прежде всего речь идет о разных версиях, а не редакциях сюжета, поскольку изменения коснулись важных сюжетообразующих элементов.[31] Названия — «сибирская» и «прионежская» — в известной степени условны, так как элементы первой версии зафиксированы и в Центральной России (Мил., № 88), а второй — в Сибири (испытание баней в одном из алтайских вариантов — Гул., № 5). Юмористическую обработку сюжета не обязательно связывать только с творчеством скоморохов; иначе надо было бы объяснить, почему она прижилась в Прионежье и не известна на Кенозере и Пинеге, где скоморошины и небылицы пользовались гораздо большей популярностью.

Несмотря на существенную переделку сюжета, следы более давней традиции сохранялись во многих прионежских и прежде всего в пудожских текстах вплоть до середины XX в. (А. М. Астахова отметила лишь вариант П. Горшкова, который оказался генетически связанным с книгой[32]). В двадцати былинах из восьмидесяти семи (отрывки и краткие пересказы здесь не учитываются) жена Ставра называет себя «грозным послом» (или просто «послом»), хотя приезжает свататься к племяннице или дочери князя Владимира. Кроме того, еще пять сказителей вводят в финальную часть повествования формулу: «Выпустить Ставра — не видать Ставра, а не выпустить Ставра — разгневить посла». Если учесть, что повторяющиеся формулы в былинах отличаются особой устойчивостью, то и эти случаи следует рассматривать как реликты более архаичной версии сюжета.

В шести прионежских вариантах мнимый посол требует, чтобы князь Владимир выплатил дань, еще в трех «выкликает поединщика» из Киева. В двух текстах жена Ставра выступает в роли жениха, а не посла, но ее сватовство сопровождается обычными для иноземного посла или «нахвальщика» угрозами. В некоторых прионежских текстах героиня играет в Киеве «в шашки-шахматы», что считается специфическим мотивом сибирской версии.

Таким образом, многие архаичные мотивы оказались на редкость жизнестойкими и вошли в юмористическую обработку сюжета, хотя здесь они нередко выглядят чужеродными, логически не связаны с общим ходом действия. Правда, ряд текстов испытал книжное влияние или восходит к печатным источникам,[33] но связь большинства вариантов с устной традицией не вызывает сомнений.

[30] Былины Севера. Т. 1. С. 638.

[31] Существует и третья версия, в которой жена Ставра действует открыто, не прибегая к хитрости (Свод русского фольклора : Былины: В 25 т. Т. 1—2: Былины Печоры / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001. № 117; Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера... М., 1908. № 87).

[32] Былины Севера. Т. 2. С. 799.

[33] Имеются в виду варианты П. Горшкова и А. Трухавой из Кижей, толвуянина И. Чванова, пудожан А. Пашковой и Ф. Ефимова.

7 Зак. 3948

Следует подчеркнуть, что особенно много элементов древнейшей обработки сюжета сохранилось в пудожских записях. В этом плане большой интерес представляет вариант И. Кережина с Купецкого озера, записанный в 1940 г. Во-первых, он начинается запевом, чего нет ни в одном другом тексте «Ставра». Во-вторых, к обычному для прионежских текстов выведыванию пола мнимого жениха в бане и постели добавлено еще одно испытание. Дочь князя Владимира предлагает отцу: «Давай, говорит, хомуты сроем (сбросим. — *Сост.*) наземь, а пяла женские (пяльцы. — *Сост.*) повесим на стопку (деревянный гвоздь в стене. — *Сост.*). Если женщина — так и оставит, если мужчина — пяла женские сроет наземь, а хомуты повесит на стопку».

Последний мотив уникален, но он так естественно вплетается в сюжетную канву былины, так фольклорен по своей сути, что было бы несправедливо отказать ему в традиционности. Видимо, И. Кережин удержал в памяти подробность, забытую другими прионежскими певцами. Близкий мотив встречается в южнославянских и албанских эпических песнях,[34] поэтому речь здесь может идти о типологическом сходстве, а не индивидуальном нововведении какого-либо сказителя. К сожалению, собирателям не удалось записать от И. Кережина полноценный текст «Ставра». Исполнитель, глубокий старик, первую половину былины пропел, а потом перешел на сказывание. Стихотворный строй сразу же нарушился, Кережин потерял чувство ритма и вскоре сбился на прозу. Он сам потом сетовал, что не может сказывать былину стихом: «Стихом только петь могу...».

В Древней Руси одним из предшественников бумаги была береста. Однако знаменитые ныне новгородские берестяные грамоты открыли свои тайны лишь в середине XX в. А народные певцы через многие столетия пронесли память об этом старинном материале. В 1928 г., за четверть века до первых археологических находок берестяных грамот, от пудожанина Ф. Конашкова была записана былина о Дюке Степановиче, в которой размеры богатства галицкого боярина оценивались с помощью оригинального гиперболического образа:

А ободрати по Руси вси бирёзанки, содрать,
Так можно ли нет на бересте повыписатъ!

Этот же мотив угадывается в тексте П. Миронова, односельчанина Ф. Конашкова:

А обирай-ко ты леса-березки дремуции, —
Да потом ты мое именьице повызнаешь,
Да повызнаешъ, да потом повыпишешь!

Общепризнаны высокие поэтические достоинства сорокинского варианта былины «Садко», прохоровского «Михайла Потыка», «Сухмана», записанного от шальского лодочника, — не случайно их включали практически во все хрестоматии и антологии русских былин. Изобилуют архаичными образами и мотивами тексты ряда других пудожских сказителей.

---

[34] В южнославянских песнях «Девушка-воин» есть такое испытание пола: девушку «ведут на базар и предлагают выбрать, что она хочет; украшениям или предметам женского обихода она предпочитает оружие» (*Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос : Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. С. 248). Еще более близкую параллель находим в албанской песне: для испытания пола переодетой девушке подбросили пастушью свирель и золоченую прялку — героиня отшвырнула прялку, а подняла свирель (Старинные албанские сказания. М., 1971. С. 137—138).

3. Особенности взаимодействия эпических традиций соседних районов

Вслед за А. Ф. Гильфердингом многие исследователи подчеркивали разнохарактерность пудожских былин. С этим нельзя не согласиться, если сравнивать пудожскую эпическую традицию в целом с традицией Кенозера или Кижей (а именно на таком фоне и рассматриваются обычно пудожские былины). Но ведь Пудога, Кижи и Кенозеро — величины разного масштаба. Берега Онежского озера в окрестностях Кижей еще не так давно были буквально усеяны избами, расстояние между соседними поселениями нередко измерялось сотнями метров, острова отделялись от «материка» узкими полосками воды. Десятки деревень образуют компактные группы и на Кенозере, которое А. Ф. Гильфердинг метко сравнил с большой рекой: все оно изрезано бесчисленными «носами» и «лахтами» и густо заселено. Тесное общение жителей таких районов не могло не привести к определенной унификации их былин.[35]

Иная картина на Пудоге. От Марнаволока до Колодозера чуть ли не 150 км, от Пильмасозера до Нигижмы — немногим меньше. Неудивительно, что эпическая традиция Пудоги более разнообразна, нежели кенозерская или кижская.

Если сравнить с пудожскими материалами эпические песни, записанные в другом районе примерно такой же площади (Заонежье в целом или Кенозеро и верховья реки Онеги), то все встанет на свои места. Былины заонежских сказителей Т. Рябинина и С. Корнилова (Кижи), И. Гришина (Толвуй), В. Лазарева и П. Калинина (Повенец) по типам обработки сюжетов, манере исполнения и так далее окажутся не менее разнохарактерными, чем варианты пудожан Н. Прохорова, Ф. Конашкова, Т. Суханова, А. Сорокина, колодозерского старика.

Таким образом, несомненная «пестрота» пудожских былин относительна. Формирование и эволюция эпической поэзии — процесс длительный и сложный, во многом противоречивый. Некоторые факторы экономической и культурной жизни Севера способствовали обособлению былинной традиции отдельных областей, районов и даже небольших групп деревень, другие создавали благоприятные условия для взаимовлияния и постепенного сближения. На Пудоге тенденция к обособлению оказалась сильнее. И объясняется это во многом природными условиями района.

Пудога — труднодоступный, слабо заселенный лесной край, во многих отношениях отличающийся от Заонежья или Кенозера.[36] Несмотря на свои внушительные размеры, Онежское озеро не столько разделяло, сколько объединяло заонежан разных волостей и даже уездов, ибо водные пути и проложенные по льду зимники до недавних пор оставались самыми удобными в местных

---

[35] Разумеется, единообразие, скажем, кижской эпической традиции нельзя понимать буквально. И здесь в соседних деревнях нередко одну и ту же старину пели по-разному; более того, даже в репертуаре одного сказителя можно найти разные версии или редакции одного сюжета. Так, от Т. Рябинина записано по две версии былин «Илья и Калин-царь», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», а с сюжетом «Михайла Потыка» связано три текста (один из них назван «Сорок калик», но к этой старине он не имеет никакого отношения). В. Щеголенок знал былину о Ставре в двух редакциях; А. Сарафанов исполнил два варианта «Чурилы и Катерины», относящиеся к разным версиям сюжета.

[36] В середине XIX в. «единственная в уезде почтовая дорога связывала Пудож с Вытегрой» (см.: Записки об Олонецкой губернии, составленные покойным учителем Петрозаводского уездного училища Александром Андреевым. СПб., 1855. С. 14). По плотности населения Пудожский уезд в несколько раз уступал Петрозаводскому, в состав которого входило Заонежье. На долю селений, пашен и сенокосов приходилось всего полтора процента общей площади уезда (см.: Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым. СПб., 1842. С. 148).

условиях путями сообщения. А на Пудоге некоторые деревни расположены в такой глуши, что летом до них можно добраться только пешком или верхом. Изобилующая порогами, мелеющая в летнее время река Водла также не могла стать стержневой водной артерией района, какими являются, скажем, Печора, Мезень, Пинега и другие северные реки.[37] В Заонежье широкое распространение получили коллективные формы рыболовного промысла. Рыбаки из разных деревень нередко «сбивались» в одну артель, месяцами жили вдали от дома, добираясь порой до Ладоги и Белого моря.[38] В глубинных районах Пудоги, где, кроме Водлозера, нет крупных водоемов, артельные методы рыбной ловли практиковались редко. Если же и возникала в них необходимость, то вместе промышляли жители соседних поселений, которые и без того часто общались друг с другом.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться на характере былинной традиции Пудоги в целом и отдельных ее районов. В глухих деревнях эпическая традиция на рубеже XIX и XX вв. угасала особенно быстро, ибо местным певцам трудно было рассчитывать на большую аудиторию, постоянное общение с другими знатоками былин.

На Рагнозере собиратели не записали ни одной эпической песни о Добрыне. Между тем имя этого богатыря рагнозёрам хорошо известно: в былине Д. Лукина «Илья и Соловей-разбойник» Добрыня выступает в роли эпизодического персонажа, в других вариантах «Ильи и Соловья-разбойника» используются мотивы из «Добрыни и Змея» (С.—Ч., № 193, 196), а в «Ставре» — из «Добрыни и Василия Казимировича» (С.—Ч., № 191). Поэтому вполне возможно, что еще в конце XIX в. старины о Добрыне бытовали на Рагнозере, а потом были забыты.

Многие десятилетия северная часть Кенозера, селения по реке Кене, среднему течению Онеги и даже на Мошенском озере входили в состав Пудожского уезда, а Каргопольский уезд относился к Олонецкой губернии. Через Колодозеро, Корбозеро, Тамбичозеро проходили довольно бойкие дороги. Благодаря частым контактам с соседями, былинная традиция на востоке нынешнего Пудожского района оставалась достаточно устойчивой. После введения нового административного деления граница между Архангельской областью и Карельской Республикой разъединила соседей (от времени и небрежения истлели даже мосты). В результате упомянутые выше места превратились в настоящие «медвежьи углы», эпическая поэзия здесь стала быстро затухать. Аналогичная судьба постигла Кумбасозеро, некогда служившее связующим звеном между густонаселенными Водлозером и Кенозером, — водлозёры поставляли соседям рыбу, а те снабжали их хлебом. По рассказам местных жителей, еще в начале XX в. старины знали и пели на Отовозере (юго-западнее Колодозера); сегодня о самом существовании этой деревни помнит далеко не каждый старожил.

В то же время изолированное положение селений порой способствовало «консервации» архаичных мотивов и эпизодов былин, некогда широко распространенных во всем Олонецком крае. В рагнозерских вариантах «Ильи и Соловья-разбойника» встречаются эпизоды, не зафиксированные в других районах Онего-Каргопольского края, но присутствующие в текстах поморских и алтайских сказителей. Например: татары, осадившие русский город, требуют себе «поединщика»; когда Илья уничтожает врагов, горожане сравнивают своего спасителя с ангелом и Господом; сбив Соловья-разбойника стрелой с двенадцати дубов, богатырь трое суток ловит убегающую «птицу Рохматую».

---

[37] Водла судоходна только в нижнем течении — до Подпорожья, расположенного в 12 км к западу от Пудожа.

[38] См. об этом: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. LXXIII; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 2.

Показательна в этом отношении финальная сцена былины «Иван Годинович», записанная от рагнозёра Д. Лукина. Возвращаясь с невестой в Киев, богатырь роняет плеть, шляпу и велит Настасье поднять их, а затем просит подать ему ключевой воды. Настасья каждый раз отказывается:

А твое дело мужское, мое женьское.
Можь с коня скоцить, воды попить,
А я не могу с коня скоцить,
А не могу и выскоцить.

Далее следует традиционная расправа героя с неверной невестой. Этого эпизода нет больше ни в одном олонецком варианте былины, а в Поморье, Шенкурском уезде Архангельской губернии, на Печоре и Мезени расправа у воды — обычный сюжетный элемент «Ивана Годиновича». Однако в таком развернутом виде сцена расправы записана только от пудожского певца.

Большой интерес представляют былины колодозерского старика. К некоторым из них трудно подобрать близкие параллели в олонецких материалах, но зато они обнаруживаются в Сборнике Кирши Данилова. Краткий пересказ «Ильи и Сокольника» во многом совпадает с одноименной былиной из сборника XVIII ст. У колодозерского старика сын Ильи носит имя «Бориска», у Кирши Данилова — «Збут Борис королевич млад».[39] В обоих текстах к рассказу о встрече Ильи с сыном добавляется описание поединка Добрыни с богатыршей (у пудожского сказителя — с матерью Бориски «Авдотьей Горынчанкой», у Кирши Данилова — с «бабой Горынинкой»); Илья помогает Добрыне советом, указывая ему уязвимое место врага; формула совета совпадает почти дословно.

Колодозерский старик объединил в одном изложении две былины — «Чурила и князь» и «Чурила и Катерина». Подобная контаминация встречается только у Кирши Данилова (второй сюжет изложен не полностью) и пудожанки А. Пашковой (ее текст восходит к книге). Вариант колодозерского старика имеет много общего с кенозерскими записями «Чурилы и князя», но еще больше в нем оригинальных деталей, позволяющих говорить об особой редакции сюжета, отличающейся от кенозерской. Среди них есть такие, которые сближают былину пудожского певца с текстом Кирши Данилова. В частности, только в этих двух вариантах Чурила живет в «Киевце»; совпадает и описание пострадавших от чуриловой дружины мужиков-жалобщиков.

Наконец, в прозаическом вступлении к былине колодозерского старика «Василий Буслаев» находим параллель к уникальному мотиву из былины «Дунай» (КД, № 11).

У Кирши Данилова (после того как Дунай убил Настасью-королевичну):

Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
«Гой еси, сударь, мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был попрыжея,
И полутчея в семь-семериц тебя».

У колодозерского старика (в пересказе П. Н. Рыбникова): Буслав задумался, «как бы породить ему любимое детище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: „Эх ты,

[39] «Бориском» назван сын Ильи и в былине алтайского певца Епанешникова (Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952. № 29).

Буслав Сеславьевич! Не мог ты дотерпеть трех месяцев, износу детищу не было бы!"» (Рыбн., № 169).

Подобные совпадения вряд ли случайны. Скорее всего, перед нами элементы более давней традиции, сохранившейся на Рагнозере и Колодозере и постепенно забытой в других районах Пудоги и всего Олонецкого края. То же самое можно сказать о некоторых былинных сюжетах и их версиях, которые мы сейчас называем пудожскими. Вполне возможно, что «пудожскими» они стали сравнительно недавно, не более полутора веков назад, а прежде были известны и в соседних районах. Во всяком случае для такого предположения есть веские основания.

Выше говорилось об особом композиционном типе былины «Илья и Соловей-разбойник», получившей широкое распространение на всей территории Пудоги. Однако это не означает, что в таком развернутом виде данный сюжет не бытовал прежде в других районах Олонецкого края, а тем более — за его пределами.[40] Правда, из-за бедности материала трудно сказать что-либо определенное о кенозерско-каргопольской и повенецко-толвуйской традиции (этот сюжет здесь непопулярен). Но в Кижах в начале XIX в. былина «Илья и Соловей-разбойник», по-видимому, бытовала и в редакции, близкой к пудожским обработкам сюжета. Такой вывод напрашивается при анализе текста Н. Дутикова (Рыбн., № 61).

Несмотря на схематичность и краткость (сто тридцать один стих), вариант Н. Дутикова содержит многие детали, характерные для пудожской версии. Илья спасает от татар «мужиков-бежеговцев». В заонежских текстах, включающих этот эпизод, город всегда именуется «Черниговом», а в пудожских довольно часто встречаются близкие к дутиковскому топонимы — «Бекетовец», «Бекешов», «Бенежов», а в одной былине даже «Бежегов». Как и у пудожских сказителей, Илья избивает вражеское войско вырванным с корнем дубом (у заонежских — топчет конем, колет копьем, просто «прибивает силу татарскую»). Есть в тексте Н. Дутикова и наговор на стрелу, и наказ коню беречь Соловья, и описание того, как Илья преодолевает болота (все это характерно для пудожских текстов).

Близость кижского варианта к пудожским несомненна. Н. Дутиков сообщил, что былинам он научился у знаменитого сказителя Конона с Зяблых Нив (Конона Неклюдина), эпический репертуар которого был весьма разнообразным. От других преемников К. Неклюдина былина «Илья и Соловей-разбойник» не записана. Вполне вероятно, что Н. Дутиков был единственным певцом, сохранившим до второй половины XIX в. сложную по композиции версию этой былины, бытовавшую когда-то и в Кижах.

Среди пудожских записей былины «Илья и Калин-царь» наибольшим своеобразием отличается прохоровская редакция, объединяющая шесть вариантов с Купецкого озера.

В этой редакции киевские богатыри мотивируют свой отказ защищать город, поочередно заявляя князю Владимиру:

Мои белы ручки примахалися,
Бьючись татаровей поганыих,
Мои резвы ножки прискакалися... (и т. д.)

Другая характерная особенность — получив от князя заржавленные доспехи, Ермак с силой ударяет ими «о кирпичен мост» и сбивает ржавчину. В ряде вариантов Ермак, выехав в чисто поле, находит старших богатырей играющими «в шашки-шахматы».

[40] Некоторые мотивы, встречающиеся в Олонецком крае лишь у пудожских певцов, находим в былинах с Алтая (Гул., № 1), Поморья (Т.—М., № 5), Центральной России (Кир. I, с. 25, 34), и др.

К данной редакции удивительно близок текст П. Семенова из Кижей (С.—Ч., № 106). В нем обнаруживаются и некоторые детали, имеющиеся у Н. Прохорова, но отсутствующие у его учеников (в частности, расправа с Калином, позаимствованная, видимо, из «Наезда литовцев»). Вероятность прямого заимствования былины кижским певцом от Н. Прохорова слишком мала. Судя по другим текстам П. Семенова, он был сказителем, твердо придерживавшимся усвоенных изводов. Между тем в его «Илье и Калине-царе» имеются не только схождения, но и существенные разночтения с вариантом Н. Прохорова. Все это позволяет считать текст П. Семенова последней фиксацией традиционной в прошлом для Кижей обработки сюжета «Илья и Калин-царь».

Нивелировка былин в отдельных районах и постепенная унификация бытующих здесь сюжетных типов приводили к обособлению местных эпических традиций, поскольку в разных группах деревень этот «естественный отбор» выдерживали не одни и те же сюжеты, версии и редакции. В то же время в Олонецком крае интенсивно шел процесс взаимовлияния соседних традиций. Особенно заметны его следы в тех местах, где смыкаются две сильные традиции. Мы уже имели возможность убедиться в этом на примере былины «Добрыня и Алёша». Записанные на Пудожском берегу, севернее Купецкого озера и в районе Нигижмы варианты обычно сохраняют основные черты пудожских обработок сюжета, однако содержат немало элементов, свойственных заонежским редакциям. К северу от Купецкого озера влияние заонежской, в первую очередь повенецкой, традиции ощущается и в других сюжетах.

Былинная традиция восточной Пудоги изучена слабо, так как до 1938 г. собиратели, исключая П. Н. Рыбникова, побывавшего на Колодозере, сюда не добирались. Наряду с общераспространенными сюжетами здесь культивировались эпические песни, популярные по всему Пудожью и редко встречающиеся или вовсе не зафиксированные на Кенозере и в Каргополье («Илья и Соловей-разбойник», «Ставр Годинович», «Садко»). Вместе с тем в восточной Пудоге заметно влияние кенозерской традиции. С ней генетически связаны все варианты былины «Три поездки Ильи Муромца», а также контаминированный текст («Добрыня и Алёша» и «Добрыня и Змей»), записанный на Салмозере от Е. Коковой. При этом четыре опубликованные кенозерские записи былины о Добрыне-змееборце схематичны и явно уступают более полному и обстоятельному варианту Е. Коковой. Таким образом, перед нами еще одна иллюстрация консервации традиционного извода не в центре былинного «гнезда», а на его периферии.

Заслуживает внимания эпический репертуар Кумбасозера, расположенного у самой границы Архангельской области с Карелией, на полпути между Водлозером и Кенозером. Часть записанных здесь текстов связана с кенозерскими, другие пересказы былин примыкают к пудожским версиям и редакциям.

На связь с кенозерско-каргопольской традицией былины В. Суханова «Добрыня и Алёша», одного текста И. Фепонова и части репертуара Т. Романова указывалось выше. К кенозерским изводам «Дюка» близки некоторые мотивы в вариантах пудожан А. Сорокина, М. Нигозёркина, Г. Якушева, Ф. Конашкова, И. Фофанова. В каждом таком случае возможно заимствование извне, иногда это подтверждается свидетельствами самих исполнителей (В. Суханов, М. Нигозёркин, И. Фепонов — применительно к былине «Илья и Калин-царь»). Но если это и заимствования, то сравнительно поздние и немногочисленные, их роль в формировании местной традиции незначительна.

Разумеется, пудожане общались с соседями и до XIX в., усваивая некоторые элементы их фольклорной, в том числе и эпической традиции, и в свою очередь влияли на нее. Непрерывное

взаимодействие в течение пяти—семи столетий не могло не привести к своего рода диффузии былинных традиций соседних регионов.

Наибольшее количество фактов, подтверждающих этот тезис, дают пудожские записи. И дело здесь не в компилятивном характере местной традиции, как считают некоторые исследователи. На Пудоге, а также к западу, северо-западу (Кижи, Повенец-Толвуй) и к востоку (Кенозеро, Каргополье) от нее собрано большое количество эпических песен. Именно благодаря обилию материала общие элементы, роднящие пудожскую и смежные с ней традиции, устанавливаются довольно легко. Многие другие районы Севера так и остались «белыми пятнами» на карте русского эпоса, хотя в прошлом былины были распространены и там. Скудные, нередко случайные материалы, полученные из районов Кондопоги, Вытегры, реки Онеги, реки Моши, Белого озера, существенно ограничивают возможности исследования. Но даже на их основе можно утверждать, что взаимодействие эпических традиций соседних районов — явление закономерное и повсеместное.

Приведенные факты и наблюдения дают достаточно оснований для того, чтобы пересмотреть выводы А. Ф. Гильфердинга и В. И. Чичерова о позднем формировании пудожской былинной традиции, ее компилятивном характере. Заимствования извне несомненно сыграли определенную роль в эволюции эпической поэзии на Пудоге, но, как и в других районах Русского Севера, не они определили ее «лицо». Основа пудожского эпоса — творческое наследие, полученное сказителями XIX в. от их предков. Только этим можно объяснить своеобразие сюжетного состава, наличие местных версий, редакций и изводов былин, сохранение в живом бытовании ряда архаичных мотивов и деталей, другие специфические черты пудожской традиции.

4. Хранители и продолжатели традиций

Десятки и сотни людей вносят свой вклад в сохранение и развитие эпической традиции, но особенно велика роль крупных сказителей. Обладая обширным репертуаром, обогащая коллективную традицию личным творческим вкладом, они становятся своеобразными «законодателями мод», оказывают большое влияние на сказителей нового поколения. Былинная Пудога выдвинула немало «звезд первой величины». П. Н. Рыбников включил в десятку лучших олонецких певцов трех пудожан — Н. Прохорова, А. Сорокина и колодозерского старика. (К сожалению, по объективным причинам ему не удалось полностью зафиксировать репертуар последнего сказителя.) Пудожский край не оскудел яркими талантами и в XX в.

В небольших очерках, посвященных творчеству крупнейших мастеров былинного эпоса, акцент сделан не на фактах их биографий, а на истоках репертуаров, особенностях творческой манеры, вопросах преемственности. Такой подход позволяет судить о закономерностях процесса усвоения былин начинающими певцами, проверяя на пудожском материале справедливость утверждения В. И. Чичерова о том, что на Русском Севере существовали «школы сказительского мастерства». В связи с этим разделы, посвященные конкретным персоналиям, располагаются не по хронологии, а в соответствии с выделенными В. И. Чичеровым сказительскими школами.

Никифор Прохоров. Наиболее значимой в Восточном Прионежье В. И. Чичеров считал школу Пудожского берега, связывая ее возникновение с именами Н. Прохорова, И. Фепонова, П. Антонова и выделяя их преемников — Г. Якушева и И. Фофанова.[41] Среди упомянутых пев-

[41] Онежские былины. С. 57.

цов первое место бесспорно принадлежит Никифору Прохорову, крестьянину деревни Бураково на Купецком озере. Творчество «Утицы», как называли его односельчане, оставило наиболее глубокий след в местной эпической традиции, и выявление истоков его репертуара могло бы дать в руки исследователей важные факты. К сожалению, из четырех собирателей, имевших дело с Н. Прохоровым, лишь А. Ф. Гильфердинг заинтересовался этим вопросом. По словам сказителя, все былины он перенял от отца, который научился им еще в детстве (примерно в 70—80-е гг. XVIII в.) у какого-то старика, далеко от дома, в барском поместье.[42]

Если принять это свидетельство за основу, то «колыбель» оригинальных версий и редакций Никифора Прохорова следует искать за пределами Олонецкого края (в Олонецкой и Архангельской губерниях преобладали государственные крестьяне, дворянские поместья были здесь большой редкостью). Проверить такое предположение с помощью текстологических наблюдений практически невозможно — к югу и к юго-востоку от «Исландии русского эпоса» записано считанное количество былинных текстов, которые не дают необходимой ретроспективы и сколько-нибудь близких параллелей к старинам Прохорова.

Многие былины «Утицы» содержат эпизоды, оригинальные мотивы и детали, необычные для Пудоги и Прионежья в целом. Но поиски аналогий приводят не в один пункт, а в разные уголки Русского Севера.

Важнейшая отличительная черта прохоровской версии былины «Добрыня и Алёша» — подробное описание ссоры и поединка этих богатырей, предшествующее традиционной для данного сюжета завязке. Незафиксированные у других олонецких сказителей — современников Н. Прохорова, эти эпизоды хорошо известны на Мезени, Кулое и Печоре, где они легли в основу самостоятельной былины «Поединок Дуная и Добрыни». Отдельные варианты этой старины записаны также на Зимнем Берегу.

При несомненной близости к архангельским текстам вариант Н. Прохорова отнюдь не идентичен им. Дунай здесь заменен Алёшей, необычно описание поединка:

Добрынюшка поскакиват пехотою,
Олёшенька тот ездит на добром коне,
А на том на добром коне Добрынином.

Нет в «Дунае и Добрыне» и встречи главного героя с вещим вороном, открывающей повествование Н. Прохорова (Добрыня хочет убить ворона, тот отговаривает его, советуя поехать на гору, где он увидит три чуда чудных, три дива дивных). Диалог богатыря с вороном присутствует как в архангельской эпической традиции («Козарин»), так и в олонецкой («Королевичи из Крякова» «Суровец-Суздалец», некоторые варианты «Дюка»). Иносказательное описание трех чудес сближает текст Н. Прохорова с кенозерской былиной «Братья Дородовичи», но у пудожского певца иносказание не расшифровывается. В своей традиционной части прохоровский вариант «Добрыни и Алёши» непосредственно примыкает к пудожским обработкам этого сюжета.

Записанные от «Утицы» былины «Илья и Идолище» и «Илья и Калин-царь» также содержат оригинальные элементы, позволяющие выделять самостоятельные редакции этих сюжетов. И вновь близкие параллели выявляются в разных географических пунктах. К прохоровской редак-

[42] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Петрозаводской исследовательнице Т. С. Курец удалось установить, что настоящая фамилия сказителя — Назаров (см.: Носители фольклорных традиций : (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 97, 229—230).

ции «Ильи и Калина-царя», как уже отмечалось, тяготеет вариант П. Семенова из Кижей; один из центральных эпизодов прохоровской редакции «Ильи и Идолища» (похищение и допрос татарина) встречается в двух записях редкой былины «Калика-богатырь», сделанных в Кижах и на Водлозере. Другой редкий мотив (калика не может справиться с богатырским конем Ильи Муромца) зафиксирован на Выгозере (Гильф., № 186), в Поморье (Марк., № 69), на Пинеге (Гр. I, № 112) и на Пудожском берегу (С.—Ч., № 44 — Мякишев).[43] О некоторых параллелях к былине «Непра и Дон» говорилось выше.

Обращает на себя внимание былина «Ссора Ильи с князем Владимиром» — текст Н. Прохорова по праву считается классическим образцом изложения этого сюжета. Из современников «Утицы» данная версия сюжета (князь не зовет богатырей на пир и т. д.) записана только от заонежского сказителя Т. Рябинина. Однако близких аналогий, позволяющих говорить о генетическом родстве этих вариантов, не обнаружено.

Другие былины Никифора Прохорова не выходят за рамки пудожской эпической традиции середины XIX в., хотя и в них нередко встречаются специфические мотивы и детали. Например, в «Илье и Сокольнике» необычно для Прионежья имя сына Ильи — «Соловников». Вероятнее всего, это трансформация имени «Сокольник», широко распространенного в архангельских версиях и очень редкого в олонецких записях.[44] Особое место в творческом наследии Н. Прохорова занимает вариант «Михайла Потыка» — лучший из всех известных фольклористике. Среди записей XIX в. наиболее близок к нему текст колодозерского старика. Существенные схождения с вариантом колодозерского певца обнаруживаются и в другой былине «Утицы» — «Василий Буслаев». Возможно, Н. Прохорову была знакома и колодозерская редакция «Чурилы и Катерины». Характерный для колодозерской редакции мотив — в ответ на «самопросватанье» Забавы Соловей рекомендует ей «коров кормить» и «телят поить» — встречается во всех трех вариантах былины «Соловей Будимирович», записанных от Н. Прохорова.

Таким образом, вряд ли правомерно делать категоричные выводы об истоках репертуара Никифора Прохорова. Допуская, что наиболее оригинальные былины занесены на Пудогу из неизвестного фольклористике эпического центра, можно предложить и другое объяснение. Никифор Прохоров (или кто-то из ближайших его предшественников) перенимал былины из разных источников, подвергая их в дальнейшем творческой переработке (об этом свидетельствует единство стиля всех эпических песен в его исполнении, включая и «Ваньку, удовкина сына» — переложение волшебной сказки на былинный лад). Значительная часть репертуара сказителя генетически связана с пудожской традицией. Не исключено, что версия о заимствовании былин Н. Прохоровым на стороне вообще является ошибочной, и репертуар «Утицы» уходит своими корнями в местную, пудожскую (во всяком случае, прионежскую) традицию. Кроме того, общеизвестно, что тексты выдающихся сказителей нередко содержат оригинальные эпизоды и образы; иногда уникальным является сюжет в целом («Вавила и скоморохи» пинежанки М. Кривополеновой, «Чудь белоглазая» кенозёрки А. Артемьевой, «Илья и дочь», а также некотрые другие старины Т. Рябинина, «Добрыня и Настасья» А. Чукова и П. Калинина из Повенца, целый ряд текстов мезенца М. Антонова и др.).

[43] В последнем случае возможно непосредственное заимствование у Н. Прохорова, которого Мякишев не раз слышал (Онежские былины. С. 228).

[44] Из двадцати олонецких сказителей, от которых записана былина, имя «Сокольник» употребили трое — Корнилов, Латышев и Ширков (вариант последнего связан с книгой).

В русской фольклористике наметилась тенденция относить Никифора Прохорова к категории сказителей творческого склада.[45] Но это одна из возможных гипотез, нуждающаяся в обосновании. Судить об объеме и характере вклада певцов XIX в. в местную традицию вообще очень трудно, поскольку неизвестны варианты их предшественников, а косвенные данные чаще всего отрывочны и ненадежны. Своеобразные версии и редакции былин могли быть созданы самим Н. Прохоровым на основе традиционных мотивов и образов. Но вполне можно допустить, что все это — лишь традиция, которую сказитель бережно сохранил и частично передал своим преемникам. Если даже «Утица» и был творцом новых редакций, то он полностью завершил активную «редакторскую работу» к моменту своей встречи с П. Н. Рыбниковым. В повторных записях, сделанных тремя другими собирателями, нет существенных отклонений от первоначальных вариантов.

Для текстов Н. Прохорова характерны стабильность композиции, доминирование эпических формул — качества, несвойственные былинам сказителей-импровизаторов. Вместе с тем «Утица» не заучивал эпический текст чуть ли не дословно. Сопоставление записей П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга показывает, что более поздние варианты полнее, в них последовательнее соблюдаются повторы, чеканнее формулы, вследствие чего и объем текстов, как правило, несколько больше. Во многом это объясняется тем, что П. Н. Рыбников записывал былины Прохорова под диктовку, а А. Ф. Гильфердинг — «с голоса».[46] Несомненна и относительно бóльшая свобода обращения исполнителя с былинным текстом по сравнению с такими певцами, как А. Чуков, И. Т. Рябинин, К. Романов или И. Сивцев-Поромский.

Н. Прохоров, как и А. Сорокин, не всегда выдерживал былинный размер, но великолепное владение напевом делало этот изъян малозаметным. Были у него и свои излюбленные выражения, словечки («бежал он на выходы высокие», «корить языки неверные, прибавлять земельки святорусские», «наше село прекрасное», «мала смела скора скоморошина» и др.).[47] Можно отметить пристрастие «Утицы» к тавтологическим словосочетаниям разного рода — их у него в среднем в два—три раза больше, чем у Т. Рябинина, П. Калинина, А. Сорокина и других мастеров былевого эпоса (например: «ножище-кинжалище», «скорым-то скоро́, скоро́ на́скоро», «розрытъ, роскидать», «закричал-спроязычился» и т. п.).

Потап Антонов. Былины Потапа Антонова заметно отличаются от былин Н. Прохорова и по сюжетному составу, и по манере исполнения. Некоторые характерные черты его индивидуального стиля верно подметил еще в начале нашего века А. Е. Грузинский: «Склонностъ ... к наращиванью былины чуждыми эпизодами», «склонность ... подбирать ряд стихов с однородным глагольным окончанием», которая «соединяется с некоторой витиеватостью выражений, доходящей иногда до прямой курьезности».[48]

Потап Антонов не был певцом-импровизатором, но в то же время не стремился к точному воспроизведению вариантов своих предшественников. Отступления от традиции вызывались, по-видимому, разными причинами — то нетвердым знанием текста («Сухман»), то желанием рас-

[45] Онежские былины. С. 59 (В. И. Чичеров считал, что именно Прохоров переложил на былинный лад популярную волшебную сказку «Елена Прекрасная» — AT 329).

[46] Разумеется, и в записях П. Н. Рыбникова имеются отдельные яркие детали и формулы, опущенные или обедненные сказителем при повторном исполнении, а былина «Ссора Ильи с князем Владимиром» вообще стройнее и компактнее, чем в записи А. Ф. Гильфердинга, но в целом пропетые варианты гораздо лучше продиктованных.

[47] См. также ряд примеров, приведенных П. Н. Рыбниковым (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. XCVI).

[48] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1910. Т. 2. С. 402.

толковать слушателям мораль повествования, подчеркнуть абсолютное торжество героя («Василий Игнатьевич и Батыга», «Наезд литовцев»), то попыткой подробно рассказать о приключениях богатыря за время его отсутствия в Киеве («Добрыня и Алёша»). В таких случаях сказитель давал волю своей фантазии или вводил в былину мотивы и эпизоды других сюжетов, не смущаясь тем, что подобные вставки порой приводили к смысловым неувязкам.

Традиционный сюжет «Добрыни и Алёши» П. Антонов осложнил борьбой героя с двумя противниками — безымянным «нахвальщиком», возглавляющим сорокатысячное войско, и «богатырем Золотой Орды», «королем Земли Бухарский», в котором Добрыня узнает своего сына.[49] Обе вставки связаны с сюжетом «Илья и Сокольник»: первая — с началом былины (портретное описание и угрозы иноземного богатыря-великана), вторая — с центральным эпизодом и финальной частью (ход поединка, узнавание, нападение сына на спящего отца и убийство вероломного врага). Характерно, что оба поединка описаны почти тождественно, только в первом случае дело не доходит до единоборства без оружия (Добрыня саблей срубает противнику голову). Задавшись целью описать приключения богатыря во время его шестилетней отлучки из дома, сказитель преуспел гораздо меньше Т. Рябинина, Н. Прохорова или кенозерских певцов, которые тоже стремились заполнить возникающий «хронологический вакуум». Не последнюю роль сыграл в этом неудачный выбор сюжета для контаминации. «Добрыня и Алёша» никак не вяжется с «Ильей и Сокольником» — былина воспевает супружескую верность, а в нее вводится рассказ о встрече героя с сыном от другой женщины. К тому же П. Антонову не удалось органично связать вставные эпизоды с основной сюжетной линией. Однако следует подчеркнуть, что это не плод случайной, однократной импровизации, а результат сознательных попыток создать и закрепить в памяти сложное сюжетное построение (его контуры отчетливо обозначились уже в записи П. Н. Рыбникова).

Былина П. Антонова «Сухман» во многом близка к классическому варианту шальского лодочника. Вплоть до финальной части отличия немногочисленны и несущественны. Но показательно, что в тексте нет обычного для пудожских записей диалога Сухмана с Непрой-рекой, упоминания о той борьбе, которую река ведет с татарами. Это не случайные пропуски — они повторяются и у внука П. Антонова, Д. Якушева. Эпизоды, пропущенные сказителями в момент записи, обычно «всплывают» в вариантах их преемников, которые неоднократно слышали ту или иную былину в исполнении своего учителя. Очевидно, забвение некоторых элементов традиционной сюжетной схемы подтолкнуло П. Антонова к коренной переделке заключительной части былины. Механическое включение центрального эпизода «Ильи и Идолища» (насмешки над обжорством Идолища и расправа с ним) нарушило единство действия, привело к появлению целого ряда логических неувязок и откровенных несообразностей. Подобные недосмотры есть даже в «Добрыне и Змее» — одной из лучших былин Антонова.

Нельзя считать творческой удачей сказителя и финал былины «Василий Игнатьевич и Батыга» (истребив татарское войско, богатырь гонится за Батыгой и после короткой схватки убивает его). Традиционный сюжет не нуждается в таком дополнении — ведь главную опасность для Руси представляет не татарский царь, а его многочисленная «сила». Певец не ограничился этим эпизодом, словно по инерции продолжив повествование: Василий Игнатьевич возвращается в Киев, князь Владимир велит слугам расспросить его о результатах сражения, а затем устраивает в честь победителя пир, на котором князья и бояре восхваляют богатыря. Стремление непременно

[49] Речь идет о тексте, записанном А. Ф. Гильфердингом (в более раннем варианте первой вставки нет).

«закруглить» рассказ, поставить все точки над «i» характерно и для ряда других былин П. Антонова. К примеру, в «Соловье Будимировиче» герой приносит князю Владимиру «благодарность великую», воздает ему почести, в «Наезде литовцев» король Чимбал встречает искалеченных племянников, упрекает их в непослушании, после чего они умирают «с той тоски великия», в «Добрыне и Змее» князь Владимир щедро награждает Добрыню и произносит длинную благодарственную речь.

Творческие поиски не привели Потапа Антонова к созданию высокохудожественных версий и редакций былин, которые стали бы достоянием местной традиции и были подхвачены сказителями младших поколений.[50] Надо полагать, что не последнюю роль сыграла в этом стилистическая небрежность сказителя. Он мало заботился о шлифовке деталей, идейно-художественном единстве былин, нередко использовал чуждые эпическому лексикону слова и выражения.

В своей традиционной части все его тексты, за исключением «Добрыни и Алёши», настолько близки к вариантам других пудожских певцов, что вряд ли можно усомниться в местном их происхождении.

Иван Фепонов. Иван Фепонов был профессиональным или во всяком случае полупрофессиональным певцом духовных стихов (записанные от него П. Н. Рыбниковым тексты опубликованы в сборнике Бессонова «Калики перехожие»). Это дало повод А. Ф. Гильфердингу заявить, что в былинах Ивана Фепонова (как, впрочем, и П. Антонова) «богатыри отличаются особенной набожностью, они то и дело молятся», чувствуется «набожный склад духовных стихов».[51] И хотя вывод собирателя выглядит логичным, анализ текстов его не подтверждает.

Былины И. Фепонова занимают в сборнике А. Ф. Гильфердинга более пятидесяти страниц, но в них всего два эпизода, которые можно объяснить влиянием духовных стихов. В «Добрыне и Змее» богатырь, собираясь на вторую битву с чудовищем, помолился Богу и «Миколы да святителю», а во время самого боя, пустив в ход чудесную плеть, «укротил Змею, аки скотинину» (перенесение из духовного стиха «Егорий Храбрый и Змей» — у того же П. Антонова Добрыня просто убивает Змея плетью). Во всех остальных случаях упоминания церквей соборных, Евангелия и т. п. обычны для олонецкой традиции и нередко являются сюжетно необходимыми.

Так, Илья Муромец, отстояв заутреню в родном селе, успевает к обедне в Киев; мужики-бекешевцы, готовясь к неравной битве с татарами, каются и причащаются в церкви («Илья и Соловей-разбойник»). В запеве былины «Василий Игнатьевич и Батыга» туры видят красную девицу, плачущую над Евангелием, — это олицетворение «стены городовой» (у большинства других сказителей — Богородица), которая предсказывает городу беду. Илья Муромец призывает Самсона и других богатырей выступить против Калина не ради князя Владимира и княгини Апраксии, а ради «матушки свято-Русь земли», «ради веры православныя». Последнюю формулу можно найти у многих певцов, нередко она становится лейтмотивом былины «Илья Муромец и Калин-царь».[52]

Более того, в одном случае можно предположить, что именно И. Фепонов исключил из былины подробности, придающие ей религиозную окраску. В каргопольском варианте «Ильи и Калина-царя», генетически связанном с фепоновским вариантом (Рыбн., № 205), захваченного татарами в плен богатыря освобождают ангелы. Пудожский сказитель обошелся без вмешательства

[50] Кроме упоминавшегося текста Г. Якушева глухие отголоски антоновского финала обнаруживаются в «Сухмантии» М. Дорохиной (С.—Ч., № 69).

[51] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 58.

[52] См. об этом: *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 433—436.

небесных сил — «путыни шелковые», которыми враги связали Илью, разрывает зубами его богатырский конь. Поскольку у других исполнителей подобного мотива нет,[53] правомерно считать его нововведением И. Фепонова.

Естественно ожидать, что в стилевом отношении духовные стихи должны были наложить на былины И. Фепонова заметный отпечаток. Но этого не произошло. Несколько церковнославянизмов («облаци», «двоемесячный», закричал «гласом нижниим», «аки»), конечно, не влияют на общий тон восьми пространных былин — подобные архаизмы изредка встречаются и у других известных сказителей XIX в. (в частности, у Н. Прохорова). Напротив, скорее можно говорить о влиянии былинного стиля на духовные стихи Ивана Фепонова — в них общеэпические формулы явно преобладают над книжными элементами.

Былинный репертуар сказителя необычен для профессионального исполнителя духовных стихов. В нем нет ни одного сюжета, в котором важную роль играют калики перехожие («Исцеление Ильи Муромца», «Сорок калик», «Илья и Идолище», «Калика-богатырь», «Михайло Потык»). Нет в нем и таких распространенных новеллистических былин, как «Добрыня и Алёша», «Соловей Будимирович», «Чурила и Катерина», «Ставр Годинович», едва ли не обязательных для каждого пудожанина — знатока русского эпоса. Репертуар И. Фепонова почти исключительно героический (шесть былин из восьми), в этом отношении ему заметно уступает даже Т. Рябинин, всеми признанный певец богатырских подвигов.

Иван Фепонов — типичный представитель классического формульного стиля. Он строго придерживается традиционных сюжетных схем, превосходно владеет былинным стихом, имеет значительный запас устойчивых эпических формул. В его текстах сохраняется немало архаичных деталей, а включение новых подробностей не приводит к стилистическому разнобою — сказителю удается облечь их в традиционную форму, добиться чеканности и выразительности. Подобные нововведения И. Фепонова, как правило, не затрагивают основных структурных элементов былины и не приводят к созданию новых редакций или версий сюжета.

В отличие от П. Антонова, Т. Романова и в особенности некоторых пудожских сказителей нового времени И. Фепонов постоянно заботится об идейной цельности, тщательной художественной отделке текстов. Нередко он придает значение подробностям, которые обычно не привлекают внимания исполнителей. Сравним, например, наряд Добрыни, собирающегося на княжеский пир, и одежду того же богатыря, отправляющегося на битву со Змеем:

1 Обувает он сапожики на ноженки зелен сафьян,
Одевает-то Добрыня платье цветное,
Налагает ведь он шапку во пятьсот рублей.
2 Обувал Добрыня чёрны чеботы,
Одевал он платьица дорожныи,
Налагал он шляпу Земли Гречецкой.

Еще один пример подобного рода. Исполняя былину «Илья и Соловей-разбойник», сказитель ни на минуту не забывает о «великой заповеди» богатыря — «не кровавить сабли вострыя» и «стрелочек каленых». Илья вооружен до зубов, но татар, обступивших город Бекешев, он избивает вырванным с корнем дубом, а в Соловья-разбойника пускает стрелу, специально вырезанную

[53] Исключение составляет компилятивный по характеру вариант В. Амосова из Заонежья, восходящий к книге (Аст. 1, № 123).

для этого из ракиты. Если первый мотив известен по некоторым другим пудожским записям, то второй уникален:

А подъезжает он ведь к кустику ракитову,
Вынимал Ильюнюша ножищо да кинжалищо,
А вырубил он стрелочку ракитову.

Иван Фепонов — один из немногих эпических певцов, обративших внимание на «разноязычие» героев былин (Калин-царь назначает послом в Киев татарина, который «знает говорить по-русскому, мычать по-татарскому»). Последний глагол, видимо, является искажением слова «толмачить», встречающегося в былинах некоторых других сказителей.

Шальский лодочник. Торопясь в Пудож, «я добрался кое-как до Шал, — писал П. Н. Рыбников, — и тут пересел в лодку. На мое счастье, лодочник оказался хорошим сказителем и спел мне отличные былины... По словам моего кормчего, в Шалах были певцы и кроме него».[54] Этими строками из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова исчерпываются сведения об одном из лучших пудожских сказителей. А. Ф. Гильфердингу с ним встретиться не удалось, и даже имя шальского лодочника осталось неизвестным.

Репертуар сказителя обычен для Пудоги, к большинству его былин нетрудно подобрать близкие параллели. В ряде случаев сходство настолько велико, что можно не сомневаться в генетическом родстве вариантов («Наезд литовцев» и «Сухман» П. Антонова, «Наезд литовцев» И. Фепонова). В какой-то мере отсутствие повторных записей от шальского лодочника восполняется сравнением этих текстов, что позволяет судить о его творческой манере. Он — истовый приверженец традиции, чуждый импровизации и сочинительству.

В пользу такого предположения можно привести несколько аргументов. Прежде всего следует отметить поразительную стабильность развернутых описаний, отдельных словосочетаний и других стереотипных формул, свидетельствующую о том, что тексты былин прочно закрепились в памяти сказителя. Например, в «Наезде литовцев» (Рыбн., № 142, ст. 58—81 и 97—114), в «Соловье Будимировиче» (Рыбн., № 149, ст. 34—42 и 222—229, 168—184 и 185—197) вариации едва уловимы. Исполнители, склонные к импровизации (П. Антонов, Т. Романов), таким постоянством типических мест не отличаются.

Эпические стереотипы получают чеканное оформление у многих певцов творческого склада, но шальский лодочник вряд ли к ним относился. В его былинах почти нет элементов, которые бы можно было связывать с личным творчеством. Изредка встречающиеся реалистические детали (Василий Буслаев, помирившись с новгородцами, отказывается идти к ним на пир — «знал де за собой замашку великую»; его мать, собираясь укрощать разбушевавшегося сына, «полагала шелом на буйну голову») общей картины не меняют, к тому же нет никаких гарантий, что сказитель не усвоил их от своих учителей. Прочие сравнительно редкие эпизоды и мотивы, как правило, традиционны.

Бережное отношение к традиции позволило шальскому лодочнику сохранить немало архаичных подробностей, забытых его современниками. Это относится не только к отдельным эпизодам, но и к целым сюжетам. Шальский лодочник — один из немногих в Прионежье и единственный на Пудоге сказитель, удержавший в памяти логически связную и полную редакцию «Поездки Васи-

[54] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. LXXXVI.

лия Буслаева в Иерусалим». От него записаны очень редкая былина о Волхе и прекрасный вариант «Наезда литовцев». Но первое место в его репертуаре безусловно следует отвести «Сухману», вошедшему в многочисленные хрестоматии и антологии былин.

Классический фонд русского эпоса могла бы украсить и былина шальского лодочника «Волх Всеславьевич», но в ней нет традиционного финала (Волх-оборотень портит у врагов оружие, губит коней, благодаря чему его дружина легко побеждает). Заподозрить исполнителя в забывчивости нельзя: в «Наезде литовцев» аналогичные эпизоды разработаны им превосходно. Возможно, шальского лодочника (или его предшественника) смутило разительное сходство финальных сцен в этих былинах, и он решил, по-видимому, опустить повторяющуюся последовательность мотивов в одной из них. В «Наезде литовцев» этого не сделаешь: ведь князь Роман обязательно должен выручить из плена свою сестру и племянника. А «Волха» удалось «закруглить» с меньшими потерями — разузнав (посредством оборотничества) о захватнических намерениях Салтана Бекетовича, богатырь велит ему убираться в свое царство, что незадачливый завоеватель и делает.

Григорий Якушев.[55] Наиболее ярким представителем школы Пудожского берега принято считать крестьянина деревни Мелентьевской на Купецком озере Григория Якушева. Как знаток и исполнитель былин Г. Якушев — личность незаурядная, но его роль в развитии пудожской эпической традиции сильно преувеличена. На исследователей гипнотически действует цифра тридцать семь — столько эпических произведений записано от сказителя; нередко только поэтому его безоговорочно причисляют к классикам русского эпоса. Однако взятые в отдельности былины Г. Якушева не производят впечатления чего-то из ряда вон выходящего, напротив: многие из них и по содержанию, и по форме заметно уступают вариантам некоторых пудожских певцов XX в., не отличавшихся обширностью репертуара. Не случайно составители хрестоматий и антологий лишь однажды обратились к творческому наследию Г. Якушева.[56]

Среди многочисленных текстов сказителя собственно былин двадцать четыре. Остальное — пересказы (частью — неполные и путаные) эпических сюжетов («Алёша и Тугарин», «Садко»), отрывок из былины («Илья и Соловей-разбойник»), былинные переделки местного предания («Рахта Рагнозерский») и богатырской сказки («Еруслан Лазаревич»), баллады и исторические песни. По свидетельствам собирателей, в момент записи Г. Якушев находился в расцвете творческих сил, так что объяснять неудачные записи плохой памятью вряд ли правомерно. Скорее всего, такие тексты просто не входили в его активный репертуар, он их прежде не исполнял, а только слышал от других. В первую очередь это относится к балладам и историческим песням. Трудно себе представить, чтобы бессвязные вариации на темы песен об атамане Платове или путаные, изобилующие неудачными домыслами баллады «Василий и Софья» или «Муж жену губил» (С.—Ч., № 29, 30, 35) могли заинтересовать аудиторию, знающую толк в эпической поэзии.

Былинный репертуар Г. Якушева восходит к разным источникам. Сам он считал своими учителями Никифора Прохорова, Потапа Антонова и Ивана Фепонова. По свидетельству В. И. Чи-

---

[55] В данной статье фамилия сказителя приводится в соответствии с принятым в Пудожском крае написанием (см.: Русские эпические песни : Каталог рукописного фонда научного архива Карельского научного центра АН СССР. Петрозаводск, 1990. С. 78). В конце XIX—начале XX в. в фольклористике доминировало написание «Якушов» (см., например: Онежские былины. С. 45).

[56] Былины : В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 1. С. 23—27 («Святогор примеряет гроб»). Такой выбор, скорее всего, продиктован тем, что этот сюжет обычно бытует в прозе, а вариант Г. Якушева — стихотворный (впрочем, его прозаическая первооснова легко просматривается).

черова, Андрей Сорокин также «был известен Якушеву, но оставался, по большей части, как-то в стороне».[57] Все это подтверждается данными текстологического анализа — по крайней мере пятнадцать былин Г. Якушева генетически связаны с творчеством упомянутых певцов.

Наибольшее влияние оказал на Г. Якушева Никифор Прохоров. Непосредственно от него он перенял лучшие свои старины — «Михайло Потык», «Илья и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Добрыня и Алёша», «Непра и Дон». Былины «Илья и Сокольник» и «Соловей Будимирович» в основном совпадают с прохоровскими, но отдельные мотивы роднят их с текстами П. Антонова. Близко примыкают к вариантам Н. Прохорова былины Г. Якушева «Вольга и Микула» и «Василий Буслаев» (особенно первая, «новгородская» часть контаминированного текста, сохранившаяся лучше второй). В варианте былины «Ссора Ильи с князем Владимиром» также обнаруживаются элементы, характерные для прохоровской редакции сюжета.

От своего деда по матери Потапа Антонова Г. Якушев унаследовал былины «Чурила и Катерина», «Сухман». Еще три его эпические песни — «Василий Игнатьевич и Батыга», «Добрыня и Змей» и «Наезд литовцев» — принадлежат к тем же редакциям, что и варианты П. Антонова — И. Фепонова. Основная часть якушевской «Ссоры Ильи с князем Владимиром» генетически связана с былиной А. Сорокина. Значительная группа текстов более или менее тесно соприкасается с местной традицией, хотя конкретные их источники установить не удается. Например, былины «Царь Соломан и Василий Окулович», «Добрыня и Маринка» близки к вариантам Н. Ремизова, а в «Ставре», «Дюке» и «Трех поездках Ильи Муромца» немало схождений с вариантами других пудожан. Трудно сказать что-либо определенное о некоторых неполных и путаных текстах, поскольку они почти не дают материала для сопоставлений («Илья и Соловей-разбойник», «Садко», «Сорок калик», «Алёша и Тугарин»).

Учитель не был для Г. Якушева непререкаемым авторитетом, он не стремился повторять его вариант и нередко вводил в свои былины (не всегда, впрочем, уместно) поразившие его художественные образы, отдельные эпизоды и мотивы из текстов других исполнителей. В обширном репертуаре сказителя трудно найти былины, в которых не было бы существенных либо незначительных отступлений от редакций его предшественников. Зато излюбленные выражения известных Г. Якушеву певцов можно встретить в текстах, восходящих к другим источникам.

Завидная осведомленность Г. Якушева, знакомство не с одним, а с несколькими изводами сюжета, известная свобода в обращении с текстами нередко приводили к тому, что в его былинах переплетались элементы, характерные для творчества разных сказителей старшего поколения. Таковы, например, старины «Добрыня и Змей» и «Наезд литовцев», тесно связанные с вариантами П. Антонова и И. Фепонова; трудно даже определить, на кого из них Г. Якушев больше ориентировался (в «Наезде литовцев» возможно также влияние шальского лодочника). «Илья и Сокольник» и «Соловей Будимирович» непосредственно примыкают к былинам Н. Прохорова, но многие стилистические особенности роднят их и с текстами П. Антонова.

В «Ссоре Ильи с князем Владимиром» содержатся элементы, восходящие по крайней мере к четырем разным источникам. Наиболее сильным оказалось влияние варианта А. Сорокина. Г. Якушев повторил не только основные эпизоды сорокинской версии сюжета, но и некоторые второстепенные детали. В его тексте сохранились следы контаминации этой былины с «Ильей и Соловьем-разбойником» (богатыря никто в Киеве не знает, так как он приехал сюда впервые).

[57] Онежские былины. С. 58.

8 Зак. 3948

Некоторые сюжетные детали, постоянные формулы и оригинальные словосочетания роднят вариант Г. Якушева с былиной Н. Прохорова; сцена угощения голей кабацких вином из княжеских погребов — с кенозерско-каргопольской традицией. В финале былины сказитель использовал мотивы, имеющиеся в ряде пудожских записей «Ильи и Калина-царя» (спасение заточенного богатыря племянницей князя Владимира). Соединение элементов разных версий и даже разных сюжетов в одной эпической песне свидетельствует о несомненной творческой одаренности Г. Якушева; однако ему не удалось по-настоящему слить их воедино, избежать логических неувязок.

В текстах сказителя есть и такие мотивы, которые характерны для эпических традиций районов, далеко отстоящих от его родины. Начало «Дюка» примыкает к кенозерско-каргопольской редакции сюжета (встреча героя с Ильей Муромцем на заставе у Киева), а былина о Василии Игнатьевиче и Батыге содержит детали, типичные для записей с Зимнего Берега, Мезени и Пинеги (богатырь назван «Васильюшком-пьяницей», татары прибывают в Киев на кораблях). Любопытно, что эти же заимствования обнаруживаются в соответствующих старинах Ф. Конашкова. Видимо, здесь сказалось взаимовлияние эпических репертуаров двух друзей-соперников: Г. Якушев и Ф. Конашков были хорошо знакомы друг с другом, не раз «соревновались», попеременно исполняя одни и те же былины.[58]

Рассмотренные примеры, казалось бы, позволяют считать Г. Якушева сказителем творческого склада, склонным к импровизации. Однако в некоторых текстах он почти не отступал от сюжетных схем своих учителей, повторяя даже неудачные их нововведения. Например, в «Илье и Идолище» Г. Якушев вслед за Н. Прохоровым описал, как Илья похищает и допрашивает татарина. Этот эпизод избыточен, поскольку подобную «разведку боем» уже провел калика Иванище и поведал обо всем богатырю. В «Сухмане», хотя и в сокращенном виде, Г. Якушев сохранил сцену столкновения переодетого каликой Ильи с уцелевшими татарами, перенесенную П. Антоновым из былины «Илья и Идолище». Сказителя не остановило то обстоятельство, что в его собственном репертуаре в отличие от П. Антонова есть самостоятельная былина об Идолище Поганом, да и в «Алёше и Тугарине» использован мотив переодевания богатыря.

Несмотря на относительную сюжетную полноту ряда эпических песен Г. Якушева, по своему художественному уровню они, как правило, далеки от классических образцов. Б. Н. Путилов справедливо считал искусное владение былинным стихом, насыщенность текста эпическими формулами одним из важнейших показателей мастерства сказителя.[59]

В этом отношении былины Г. Якушева не идут ни в какое сравнение с вариантами Н. Прохорова, не говоря уже об И. Фепонове или шальском лодочнике. Стих Г. Якушева перегружен частицами, дополнительными предлогами; нередко и значимые слова повторяются только для того, чтобы не сбиться с ритма («Как *его* ведь нам обсудить *его*?» и т. п.). Взяв первые сто пятьдесят строк из былины «Илья и Калин-царь», Б. Н. Путилов насчитал у Т. Рябинина 90 случаев употребления незначимых слов, а у Г. Якушева — в полтора раза больше. Но былина «Илья и Калин-царь» — одна из лучших старин пудожского певца, в других текстах доля частиц и повторяющихся предлогов значительно выше (в «Сухмане» — 135 случаев на 96 стихов, в «Сорока каликах» — 161 случай на 88 стихов, т. е. в два с половиной—три раза больше, чем у Т. Рябинина).

[58] Онежские былины. С. 344.

[59] *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 228—244.

Незначимые слова не так бросались бы в глаза, будь они равномерно рассредоточены по всему тексту былины. Но у Г. Якушева немало типических мест, выдержанных в формульном стиле, поэтому частицы и предлоги в изобилии скапливаются в неформульных сегментах текста, порой теряющих всякое подобие былинного стиха:

А ведь царь да ведь, был-то ведь... («Царь Соломан и Василий Окулович»)
Как тут-то ведь да ведь эдак тут... («Илья и Идолище»)

Сказитель испытывал затруднения в подборе синонимичного словосочетания, варьирующего предыдущий стих, и вынужден был повторять его почти без изменений:

А ведь брат-то у нас убит теперь,
А ведь брат-то тут убит он ведь! («Михайло Потык»)

При повторах части предыдущего стиха в начале следующего он нередко разделял слова, тесно связанные между собой грамматически (подлежащее и сказуемое, сказуемое и прямое дополнение, определение и определяемое слово), не соблюдал формульность в окончании стиха — его самой «ударной» части.[60] В результате стих становится аморфным, теряет характер относительно завершенной структурной единицы:

Отдавай войска мне десять,
Десять тысяцей мне давают ведь... («Царь Соломан и Василий Окулович»)

Чтобы добиться дактилического окончания стихов, сказитель вынужден был прибегать к переносу ударения в слове. Например, в «Ставре» наряду с обычной для былин оттяжкой ударения на префикс («недо́стрелил», «пере́стрелил») встречаются такие окончания: «му́жичьи», «с игра́ком-то» и др. В лучших своих старинах — «Илья и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Илья и Сокольник», «Чурила и Катерина» — Г. Якушев редко испытывал подобные затруднения, хотя и они не безупречны в стилистическом отношении.

Все эти изъяны в технике исполнительского мастерства не могли не сказаться на звучании типических мест, поэтому и многие из них теряют свою чеканность и художественную выразительность. Вряд ли может поразить слушателей такой портрет красавицы:

Соломани́ха да очунь хорошая
По твоему плецу да могуцёму,
А така она ростом-возрастом,
Будто сам ты да топерь-то ведь,
А така большая урожайная,
А сама весьма она да красивая, —
А собой к тибе подойдет она-то ведь («Царь Соломан и Василий Окулович»).[61]

[60] По наблюдениям Б. Н. Путилова, традиционные «мини-формулы» концентрируются именно в конце стиха (см.: Там же. С. 233).

[61] Ср. портрет царицы в той же былине А. Сорокина:

Чтобы была на лицо бела и румена,
Ягодицы как маковицы,
Поскок был бы заюшки,
Поворот горностаюшки,
Походка лани белой златорогия,

В текстах сказителя деформированы и другие стереотипные формулы; смысл некоторых выражений порой трудно понять (см., например, стихи 21—25 в «Вольге и Микуле», 67—70 в «Ссоре Ильи с князем Владимиром», 120—126, 166—171, 273—276 в «Добрыне и Змее», 433—444, 525—539 в «Дюке»).

Традиционные описания, монологи персонажей существенно варьируются. Исключение составляют наиболее употребительные формулы (пир у князя Владимира, сборы богатыря и седлание коня, вопрос о «роде-племени» героя), но и в них разночтения гораздо значительнее, нежели у Г. Прохорова, И. Фепонова или Ф. Конашкова. В одной былине сказитель смог дать описание, не уступающее классическим образцам, а в другой то же типическое место оформил многословно и невыразительно. Вот как выглядят фрагменты двух былин, записанных соответственно 11 и 12 июля 1928 г.:

Направляй-ко ещо да добра́ коня
Через стену ты городо́вую,
Через башню ты наугольную. («Илья и Калин-царь»)
Через башни видь скакал видь городо́вые,
А направливат да на угольную,
А бежит его да добрый конь,
А бежит видь ёго да тут конь
Через стены он, конь богатырскиих,
Через башни он городовыи,
Что ни скацет, наугольнии,
Наугольнии, что ни бо́льший («Дюк»).

Поскольку стереотипные элементы былин у Г. Якушева подвижны, естественно предположить, что переходные места при каждом новом исполнении варьировались еще больше. Хотя ни одно произведение от него не записано дважды, для такого предположения имеются все основания. В «Илье и Идолище» певец по ошибке повторил рассказ о встрече Ильи с каликой перехожей: в первом случае описание занимает 57 стихов, а во втором — 41. В «Добрыне и Маринке» (ст. 47—104) сказитель по сути дела повторяет вторую часть «Трех поездок Ильи Муромца» (ст. 80—188). И вновь обнаруживаются ощутимые различия как в объеме (57 и 88 стихов), так и в стилистическом оформлении повторяющегося эпизода. Заметим, что обе былины записаны в один день.

Из всех своих учителей Григорий Якушев по исполнительской манере больше всего напоминает Потапа Антонова. Оба они не отличались высокой техникой построения стиха, часто отступали от канонических сюжетных схем, используя элементы других былин; оба позволяли себе небрежность в оформлении текстов, проявляли склонность к импровизации (подробнее см. об этом в комментариях к текстам Г. Якушева).

Иван Фофанов. Своеобразие творческой манеры этого сказителя, его место в пудожской эпической традиции нагляднее всего вырисовывается при сравнении былин И. Фофанова и Г. Якушева — современников и близких соседей,[62] выросших в одной «микросреде», учившихся

Очи ясные ясного сокола,
Пролётного сокола заморского,
Брови черные как черного соболя заморского,
Как будто колесом брови прове́дены (Рыбн., № 137, ст. 34—42).

[62] И. Фофанов был на несколько лет моложе Г. Якушева и жил в соседней деревне Климово на том же Купецком озере.

сказыванию старин у одних и тех же мастеров. Их многое роднит, и в первую очередь — повышенная восприимчивость, активное отношение к эпической поэзии. Не случайно у каждого из них было по несколько учителей. Одни былины И. Фофанов перенял у Никифора Прохорова («Илья и Идолище», «Илья и Сокольник», «Ссора Ильи с князем Владимиром», «Непра и Дон» «Добрыня и Алёша», «Михайло Потык»), другие генетически связаны с вариантами Потапа Сорокина («Наезд литовцев»), шальского лодочника («Сухман»), Н. Ремизова («Добрыня и Маринка»); конкретные источники третьих установить не удается, но их местное происхождение очевидно («Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь», «Чурила и Катерина»).

Не замыкаясь в пределах пудожской эпической традиции, сказитель перенимал отдельные эпизоды и художественные образы из других источников. В былине «Дюк» действие развивается по кенозерскому «образцу»: на третьей заставе герой сталкивается с Ильей Муромцем. И. Фофанов использовал также редкий мотив, встречающийся в Олонецком крае только у кенозерских и каргопольских певцов. Расставаясь с Дюком, Илья говорит:

Какая будет над тобой невзгодушка,
Ты стреляй-ка стрелочку калёную
Да во чисто поле да ко мне ко белу шатру,
Да и стрелочку стреляй подписанну.

И. Фофанов существенно переработал старину об Илье и Сокольнике, включив в прохоровскую редакцию сюжета серию мотивов, известных по классическому шенкурскому варианту (Кир. I, с. 46).

Особый интерес представляет его былина «Добрыня и Змей», в которой переплелись устные и книжные по происхождению (но воспринятые устным путем) элементы. Как единое произведение их можно рассматривать условно, поскольку первая и вторая часть сюжета записаны от сказителя в разное время (правда, в 1939 г. сам И. Фофанов подчеркивал, что спел былину не до конца). В этих текстах содержатся элементы всех трех прионежских редакций сюжета — заонежской, повенецко-толвуйской и пудожской. Эти факты противоречат выводу Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, причисливших И. Фофанова к «сказителям-передатчикам». Для него характерно не механическое заучивание текстов учителей, которым грешат подобные исполнители, а творческое отношение к эпическому материалу, стремление обогатить местную традицию новыми красками. И. Фофанов, как и Г. Якушев, далеко не во всем следовал за своими предшественниками, индивидуальные вкусы сказителя наложили на его былины заметный отпечаток. Можно сослаться на явное предпочтение героических сюжетов новеллистическим, тенденцию к упрощению композиции многоконфликтных былин («Михайло Потык», «Илья и Калин-царь»). И если в процессе творческого освоения эпического материала Г. Якушев и И. Фофанов пришли к разным результатам, то причину этого следует искать в самой технике исполнения, которая у них резко различалась. И. Фофанов — яркий представитель формульного стиля; он умело и без видимых затруднений строит как отдельные былинные стихи, так и целые тирады. Типические места у него на редкость стабильны; возможно, это связано с тем, что сказитель использует их при каждом удобном случае (развернутые повторы — едва ли не самый излюбленный его прием). В своих старинах И. Фофанов описывает седлание коня и вооружение богатыря десять раз, почти дословно повторяя основные детали.

Формулы и эпизоды, характерные для какого-то одного сюжета, сказитель нередко использует в других эпических песнях. Так, описание вызывающего поведения врага, позаимствованное

им из шенкурского варианта «Ильи и Сокольника» (Илье Муромцу «челом не бьёт», Добрыне «чести ... не отдаёт», Алёше Поповичу «в казну ничо не кладет»), встречается не только в этой былине, но и в «Кострюке», «Илье и Калине». Подробным рассказом о неудачной охоте богатыря открываются не только старина о Добрыне и Змее (как у И. Фепонова), но и «Михайло Потык», «Добрыня и Алёша». Описание игры в шахматы почти без изменений перенесено из «Михайлы Потыка» в «Добрыню и Алёшу» (обе эти былины восходят к прохоровским редакциям).

Подобные перенесения практиковал и Г. Якушев, но они ему редко удавались. И. Фофанов продумывал каждое нововведение, тщательно увязывал между собой детали. Его индивидуальные вставки всегда органичны, их можно обнаружить лишь при тщательном сопоставительном анализе вариантов. Повышенное внимание к мотивированности мельчайших деталей, стилистическая шлифовка былин роднит сказителя с Иваном Фепоновым. И. Фофанов любил, в частности, повторы, но не злоупотреблял ими. Описывая вооружение Сухмана, он упрощает стереотипную формулу, не упоминая копья и палицы. Продиктовано это особенностями сюжета — ведь богатырь отправляется на охоту, а не на битву; с татарами он встретится случайно.

В рассказе о сборах Дюка оружие вообще не фигурирует, акцент — единственный раз во всех былинах И. Фофанова — переносится на описание богатой конской сбруи. Это тоже не случайное, а сознательное отклонение от стереотипа: Дюк Степанович в отличие от Ильи, Добрыни или Сухмана — не воин, а щеголь.

Не меньшее внимание И. Фофанов уделял композиции своих старин, добиваясь предельной простоты, четкости и мотивированности. О тонком художественном вкусе сказителя свидетельствуют незначительные, но принципиальные изменения, сделанные им в прохоровских редакциях некоторых сюжетов. Например, в «Илье и Идолище» И. Фофанов — единственный из преемников Н. Прохорова — опустил повторное описание похищения и допроса татарина (Илье нет нужды повторять действия калики Иванища). В «Добрыне и Алёше» певец уточнил, где и с кем богатырь играет в шахматы, перенеся действие из чистого поля в палаты заморского царя. У Н. Прохорова ситуация неясная: получается, что Добрыня играет сам с собой. И вновь никто из учеников «Утицы», кроме И. Фофанова, не устранил этого алогизма.

В творческом наследии И. Фофанова нет той пестроты, которая свойственна текстам Г. Якушева, — все четырнадцать былин и историческая песня о Кострюке представляют значительный интерес в содержательном и художественном плане. Даже неоконченные старины не производят впечатления чего-то фрагментарного — сказитель не изменяет своей обычной манере, ведет повествование с эпической обстоятельностью, тщательно выписывает мельчайшие детали. В отличие от репертуара Г. Якушева в его репертуаре отсутствуют откровенно слабые тексты.

Эта черта роднит И. Фофанова с классиками русского эпоса. В свое время П. Н. Рыбников писал О. Ф. Миллеру: «Рябинин, Романов и другие упорно отказывались от продолжения былин, конец которых они очень хорошо знали в *содержании*».[63] А. Ф. Гильфердинг также отмечал глубокое уважение хороших певцов к былинам и самому искусству сказывания: «Как бы подробно он (сказитель. — *Сост.*) ни знал содержания какого-либо эпизода или целой былины, он, раз забывши, как она поется, никогда не решится восстановить ее стихами хотя при однообразии эпического склада это казалось бы весьма легко».[64]

---

[63] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. СПб., 1910. Т. 3. С. 320.

[64] Онежские былины, собранные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 51—52.

В конце XIX и особенно в XX в. исполнители часто вводили в былины реалистические мотивировки, бытовые детали, стремились к большей психологизации персонажей. Явления эти чужды поэтике героического эпоса и свидетельствуют о том, что он уже «пережил свой век». И. Фофанов и в этом плане традиционнее многих своих современников: в самих текстах былин реалистических пояснений, психологических подробностей почти нет, они представлены в коротких ремарках, комментариях певца.

Федор Конашков. Современнику Г. Якушева и И. Фофанова Федору Андреевичу Конашкову повезло, пожалуй, больше других пудожан. Почти все его былины многократно записывались и дважды (а некоторые — трижды) публиковались. Творчеству этого сказителя посвящен монографический сборник, включающий девятнадцать традиционных былин (двадцать сюжетов), одну историческую песню, одну балладу и былинную обработку сказки. Издание[65] содержит подробную автобиографию певца, вступительную статью, в которой предпринята попытка исследовать семейную традицию Конашковых; развернутые комментарии к текстам.

Однако составитель сборника А. М. Линевский, стремясь во что бы то ни стало доказать неповторимость, даже исключительность творческих поисков Конашковых, нередко недооценивал роль эпической среды, коллективного начала. Некоторые традиционные приемы и широко распространенные описания он трактовал как нововведения Конашковых. Так, повторы с нарастанием — вовсе не отличительная черта именно этой сказительской династии, встречаются они и у других исполнителей, к тому же — не только в былинах, но и в балладах, духовных стихах, лирических песнях.

Описание предусмотрительности и находчивости Добрыни, сумевшего успокоить разгневанного Илью:

Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюше на плечи на могучие...

— тоже не художественное открытие Конашковых. Эта общеупотребительная формула есть и в других былинах Пудожья («Василий Буслаев», «Илья, Ермак и Калин-царь», «Добрыня и Василий Казимирович»). Реалистическая мотивировка поведения служанки в «Чуриле и Катерине» — также традиционный для восточного побережья Онежского озера мотив. Иногда составитель видел проявления художественного мастерства сказителя и в тех случаях, когда он явно обедняет эпическое повествование (и в «Дюке», и в «Наезде литовцев» отказ от эпизодов, непосредственно не связанных с развитием сюжета, приводит к значительным художественным потерям).

Нуждаются в пересмотре суждения А. М. Линевского о творческой манере Ф. Конашкова. Составитель сборника полагал, что былинный репертуар Конашковых сложился во второй половине XIX в. «под воздействием не единого, а многих источников, впитав в себя элементы соседних эпических традиций». Кто-то из предшественников Федора Андреевича — его дядя или дед — был сказителем творческого склада и существенно переработал «исходный материал». Сам же Ф. Конашков, по мнению исследователя, — типичный «сказитель-передатчик», который еще в юности унаследовал семейную традицию. И затем «из года в год пел без изменения» свои былины; он практически не испытал влияния современников и вряд ли повлиял на них, так как ревниво оберегал свои старины, опасаясь, что их «переймут на сторону».[66]

---

[65] Сказитель Ф. А. Конашков.

[66] Там же. С. 32—33, 9.

Привлечение новых материалов и прежде всего записей экспедиции Государственной академии художественных наук (ГАХН), которыми А. М. Линевский не располагал, дает все основания отнести Ф. Конашкова к категории сказителей-творцов. Он отнюдь не замыкался в рамках семейной традиции и в 30-е гг. XX в., будучи уже глубоким стариком, существенно обновил свой репертуар.

В 1928 г. былину «Чурила и Катерина» записали от него в той редакции, которая бытовала на юго-западе Пудоги. А спустя десять лет сказитель спел ее по-иному: его текст содержит все основные особенности балладной версии сюжета, а местами буквально повторяет вариант Н. Богдановой-Зиновьевой. Ф. Конашков познакомился с Н. Богдановой во время совместных выступлений в Петрозаводске и Москве, видимо, там он и усвоил многие элементы заонежской версии сюжета. От нее же пудожский певец перенял балладу «Братья-разбойники и сестра», вновь не буквально повторяя вариант своей учительницы, а творчески его перерабатывая.[67]

Сопоставляя былину Ф. Конашкова «Вольга и Микула» с вариантом Т. Рябинина, А. М. Линевский, обнаружив большое количество совпадений, объяснил их заимствованием этой старины Ф. Конашковым у Рябинина-старшего или единством первоисточника. Гораздо вероятнее заимствование из книги — разумеется, через грамотных «посредников» (сам сказитель был неграмотным). Дело в том, что участники экспедиции ГАХН «Вольгу и Микулу» от Ф. Конашкова не записали, хотя репертуар певца такого масштаба, надо полагать, был исчерпан ими полностью. Характерное для рябининского извода отчество «Святославьевич» («Цветославьевич» в интерпретации Ф. Конашкова) в 1928 г. сказитель не упоминал: в былине о Волхе и Индейском царстве герой назван «Вольгой Будимировичем». В 1938 г. Ф. Конашков именовал его «Вольгой Цветославьевичем».

Получается, что «Вольгу и Микулу» Ф. Конашков усвоил между 1928 и 1938 гг., почти полвека спустя после смерти Т. Рябинина. Заимствование у П. И. Рябинина-Андреева — единственного сказителя 30-х гг., полностью сохранившего рябининский извод былины, — практически исключается: в тексте пудожского певца нет тех деталей, которыми П. И. Рябинин-Андреев дополнил варианты своего прадеда.[68] Так что книга остается самым вероятным источником былины Ф. Конашкова.

Как уже отмечалось, в былинах Ф. Конашкова и Г. Якушева о Василии Игнатьевиче и Батыге обнаруживаются элементы архангельско-поморской версии сюжета. Кто из них усвоил эти мотивы первым, сказать трудно; однако очевидно, что личное общение двух сказителей не прошло бесследно. Можно сослаться и на былину «Добрыня и Змей». В тексте Г. Якушева, генетически восходящем к вариантам П. Антонова и И. Фепонова, перед вторым боем Добрыня уводит племянницу князя Владимира под дуб, чтобы ее ненароком не убили. Такой детали нет не только у П. Антонова, И. Фепонова, но и у других олонецких сказителей, исключая Ф. Конашкова. Это не случайность: видимо, при окончательном оформлении былины Ф. Конашков многое перенял у Г. Якушева. Уже в записи 1928 г. вариант Ф. Конашкова обнаруживает несомненное сходство с якушевским, через десять лет оно еще более усилилось (по-иному описано купание Добрыни в Пучай-реке; побежденный в первом бою Змей обещает не уносить русских людей, не пожирать скот; подавая Добрыне чудесную плеть, мать говорит ему, что с нею прежде ездил на войну отец бога-

[67] Подробнее см. об этом: *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. С. 208—214.

[68] Новации Рябинина-младшего указаны А. М. Астаховой (Былины Севера. Т. 2. С. 713).

тыря, и т. д.). Очевидно, в 30-е гг. Ф. Конашков продолжал работать над этой былиной и использовал целый ряд подробностей, заимствованных у Г. Якушева.

По словам самого сказителя, старину «Данила Белый» (былинная обработка фрагмента из сказки «Еруслан Лазаревич») он усвоил от Никифора Прохорова.[69] Сличение повторной записи с первой показывает, что Ф. Конашков продолжал работу над ее текстом, добиваясь предельной простоты и лаконизма. Он полностью опустил диалог индейского царя с Ивашкой, Сорочинской Шапкой (первые двадцать семь стихов). Сюжет песни от этого не пострадал, зато она стала компактнее и динамичнее.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в семидесятилетнем возрасте Ф. Конашков перерабатывал отдельные эпизоды, целые былины и усваивал новые сюжеты. Кстати, в эти же годы он создавал и произведения на современную тематику. Возможно, эта вспышка творческой активности была вызвана интенсивной собирательской деятельностью фольклористов, общим повышением интереса к былевой поэзии, участившимися контактами между известными сказителями Карелии. Но, скорее всего, творческий подход к эпическому материалу был присущ Федору Андреевичу всегда, особенно в молодости, когда формировался его репертуар. Есть основания полагать, что необычная для крупных сказителей скупость описаний, отказ от эпизодов, не связанных с развитием действия, являются индивидуальными особенностями исполнительской манеры Ф. Конашкова, а не характерными чертами семейной традиции. Не случайно сказитель даже на склоне лет продолжал работу в этом направлении — значит, не все его удовлетворяло в наследии предков.

Такое предположение можно подкрепить сопоставительным анализом вариантов «Сухмана», записанных от Ф. Конашкова и И. Фофанова. В сюжетном плане они повторяют друг друга и явно восходят к одному источнику, но оформлены по-разному. И. Фофанов, по своему обыкновению, охотно использовал повторы, подробно описал типовые ситуации (княжеский пир, седлание коня и т. п.). Ф. Конашков, напротив, упорно их избегал, одной-двумя фразами перенося действие из палат князя Владимира на берега Непры-реки и обратно. В результате родственные по происхождению и почти тождественные по содержанию варианты резко отличаются своим объемом — текст Ф. Конашкова в два с лишним раза короче варианта И. Фофанова.

Андрей Сорокин. От сумозерского крестьянина Андрея Сорокина записано одиннадцать былин (тринадцать сюжетов) и историческая песня «Гнев Ивана Грозного на сына». В среднем на каждый текст приходится по 493 стиха — значительно больше, чем у других олонецких певцов.[70] Объясняется это в первую очередь особенностями исполнительской манеры сказителя, композиционной сложностью его старин. Почти все они многоконфликтны, изобилуют детализированными описаниями. Иногда таких описаний и отступлений, в принципе «законных» и даже необходимых в народной эпической поэзии, так много, что они чрезмерно замедляют действие. Но в целом художественные достоинства текстов А. Сорокина общепризнаны, многие из них относятся к числу лучших вариантов, известных фольклористике («Садко», «Наезд литовцев», «Илья и Соловей-разбойник», «Соломан и Василий Окулович» историческая песня об Иване Грозном).

П. Н. Рыбников высоко ценил искусство А. Сорокина и под третьим номером включил его в пятерку лучших олонецких сказителей.[71] Иную позицию занял А. Ф. Гильфердинг, резко и не без

[69] Сказитель Ф. А. Конашков. С. 201.

[70] У П. Калинина средний объем текста равен 312 стихам, у Н. Прохорова — 269, И. Сивцева-Поромского — 232, у А. Чукова — 220, Г. Якушева — 217, Т. Рябинина — 200, у Ф. Конашкова — 150.

[71] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 3. С. 317.

раздражения писавший о склонности певца к сочинительству, «бесцеремонном отношении» его к текстам былин. В своих оценках собиратель опирался на признание самого А. Сорокина, заявившего, что в молодости он пытался «распевать в виде былин и сказки» и что любой эпизод он может изложить «так или иначе, как вам будет угодно».[72] Это мнение на долгие годы утвердилось в русской фольклористике, за А. Сорокиным прочно закрепилась слава певца-импровизатора.

Однако у того же А. Ф. Гильфердинга можно найти свидетельство иного рода: прослушав ряд былин сумозерского сказителя, он убедился, что они «не разнятся ничем, кроме мелких и случайных изменений, от текста, напечатанного в сборнике г. Рыбникова».[73] И собиратель — единственный раз в своей практике — не стал их записывать, а лишь отметил важнейшие разночтения. Так что же является определяющим в творческой манере Андрея Сорокина: «бесцеремонное отношение» к текстам былин или же верность традиции?

Наиболее ценный материал для ответа на этот вопрос дает сопоставление былин, записанных от него дважды. «Наезд литовцев» в сборнике П. Н. Рыбникова содержит 341 стих, в сборнике А. Ф. Гильфердинга — 419. По структуре оба варианта почти идентичны. Существенных отличий немного: во второй записи опущен плач Романа о старости; заменены названия двух сел, разоренных литовскими королевичами; предупреждение Чембала о том, что князь Роман — оборотень, перенесено в начало текста. Увеличение объема былины связано прежде всего с тем, что А. Ф. Гильфердинг записал ее «с голоса» — при пении сказитель охотнее пользовался повторами, подробнее передавал некоторые эпизоды.

Варианты «Садко» разнятся по объему гораздо сильнее: в записи П. Н. Рыбникова 387 стихов, А. Ф. Гильфердинга — 601. Однако и здесь сюжетная схема остается неизменной, совпадает большинство устойчивых формул, монологов, переходных мест. При повторном исполнении А. Сорокин не ввел в былину ни одного нового эпизода, но некоторые из них дал в более развернутом виде.

Несколько иной характер носят разночтения в былине «Дюк». Оба варианта (один представляет собой начало, другой — неполный текст) записаны, по-видимому, в 1860 г. под диктовку сказителя. Во втором тексте события развиваются в той же последовательности, что и в первом, однако количество вариаций больше, нежели в «Наезде литовцев» и «Садко». А. Сорокин вводит новые детали, переставляет или опускает отдельные эпизоды, меняет их словесное оформление. Создается впечатление, что он усвоил былину позже других или же пел ее не так часто, и к моменту записи текст окончательно еще не устоялся.

Отмеченные А. Ф. Гильфердингом разночтения в четырех других былинах немногочисленны и не носят принципиальный характер. Новые детали, которые иногда вводит сказитель, как правило, традиционны. Об устойчивости текстов А. Сорокина свидетельствуют и записи, сделанные от его преемников. Особенно показательна в этом отношении контаминированная былина, сочетающая сюжеты — «Илья и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи с князем Владимиром», — получившая широкое распространение. Варианты сумозерских и водлозерских «сказителей-передатчиков» почти во всем совпадают с сорокинским, ничем существенным его не дополняют, утрачивая некоторые детали. Такое близкое сходство свидетельствует об их генетическом родстве с текстом А. Сорокина и служит еще одним доказательством стабильности его былин. Если бы он импрови-

[72] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 52, 623.
[73] Там же. С. 623—624.

зировал, при каждом новом исполнении варьировал тексты своих эпических песен, у его учеников не было бы такого единообразия.

К такому же выводу приводит сопоставление вариантов А. Сорокина с былинами А. Пантелеева и А. Портнягина, живших на реке Водле в 15—20 км восточнее Пудожа (отсюда после женитьбы в 18-летнем возрасте переселился на Сумозеро А. Сорокин). Все сюжеты, записанные от А. Портнягина и А. Пантелеева, были известны их земляку, нередко — в том же словесном оформлении. Сличение этих вариантов, а также былин Т. Фешева, которые, видимо, восходят к тем же источникам, не позволяет причислить А. Сорокина и к «сказителям-передатчикам». Оригинальные эпизоды и детали, которыми богаты тексты сумозерского певца, свидетельствуют о его творческих наклонностях, да и вообще его индивидуальные вкусы проявились достаточно ярко. Это и стремление к реалистическим мотивировкам поступков былинных персонажей, психологизация и бытовизация былинного повествования, и пристрастие к некоторым традиционным стилистическим приемам (детализация описаний, сочетания синонимичных слов, уникальный по своему богатству набор постоянных эпитетов). Но в целом творчество Андрея Сорокина оставалось в русле местной эпической традиции, основные особенности которой он бережно сохранял и частично передал своим преемникам.

В былинах многих олонецких певцов, в том числе и крупных, встречаются отдельные смысловые неувязки, алогизмы; стандартные описания и постоянные эпитеты подчас употребляются механически. Обычно такие явления связаны с порчей текста, но нередко они объясняются известной условностью былинного повествования. У А. Сорокина нет окаменелых эпитетов, в его текстах обнаруживается лишь один эпизод, в котором «не сведены концы с концами». Соловей Будимирович велит своей дружине брать «щупалы железныя» и искать, нет ли в море «злата либо серебра». Конечно же, речь здесь должна идти о мелях и подводных камнях. Но это — единичный случай, обычно варианты А. Сорокина отличаются композиционной стройностью и логичностью, продуманы до мельчайших подробностей, не уступая в этом отношении былинам И. Фепонова или И. Фофанова.

Единственное, что не всегда удавалось А. Сорокину и в чем он уступал некоторым своим современникам и сказителям нового времени, — строгое соблюдение былинного размера. Трудно судить, скрадывался ли этот недостаток во время исполнения, как у Н. Прохорова, или нет — о напевах сумозерского сказителя не осталось никаких свидетельств. Однако приверженность к формульному стилю помогала ему избегать прозаизмов, которые в изобилии встречаются при нестрогом соблюдении эпического размера. Лишь в одном случае (концовка былины «Соловей Будимирович» в записи А. Ф. Гильфердинга) можно говорить о явной импровизации. Характерно, однако, что эта сцена А. Сорокину не удалась, как не удавались в молодости попытки распевать сказки в форме былин. «Это не признак творческого бессилия, — справедливо подчеркивал В. Я. Пропп. — Как раз наоборот. Это означает, что певец инстинктивно чувствует художественную форму эпоса настолько сильно, что ломать эти нормы для него невозможно».[74]

* * *

Изложенные факты и наблюдения далеко не всегда укладываются в жесткие рамки теории «школ сказительского мастерства» В. И. Чичерова, а часто ей противоречат. Крупные мастера

[74] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. С. 544.

редко ориентировались лишь на одного учителя, перенимали былины от нескольких сказителей старшего поколения, впитывая лучшие образцы местной эпической традиции, но и обогащая ее заимствованиями извне (в последние десятилетия — и из книжных источников). Сознательного стремления следовать традициям одной сказительской школы, одного певца, каким бы авторитетным он ни был, не прослеживается у большинства сказителей — ни у И. Фепонова, ни у Г. Якушева, И. Фофанова, Ф. Конашкова, Н. Ремизова, Т. Романова, М. Нигозёркина. Нет такого стремления и у кижанина Т. Рябинина, повенчанина П. Калинина, кенозёров П. Воинова или А. Артемьевой. Даже перенимая былину из одного источника, сказители-творцы приспосабливали ее к своим художественным вкусам, к своей индивидуальной исполнительской манере, поэтому генетически родственные тексты порой значительно отличаются друг от друга. Суждения В. И. Чичерова о сказительских школах применимы только к былинам тех «сказителей-передатчиков», которые не выходили за пределы семейной традиции и не обладали обширным репертуаром, притом с неизбежными оговорками.

В. И. Чичеров счел, что у истоков самой значимой на Пудоге «школы Пудожского берега» стояли Н. Прохоров, И. Антонов и И. Фепонов. Однако о какой общности «приемов и методов разработки традиционных сюжетов и исполнения созданных текстов»[75] можно говорить, если сами родоначальники «школы» столь резко отличаются друг от друга в своей творческой индивидуальности? Это касается и репертуара, и характера обработки сюжетов, и манеры исполнения. Еще более искусственным выглядит выделение «шальской школы». В сущности оно сделано ради одного Ф. Конашкова, воспринявшего семейную традицию (и, кстати, не ограничившегося эпическим багажом своих предков), но никому не передавшего своего искусства. В таком случае представителем особой «школы» можно считать любого крупного сказителя, былины которого отличаются своеобразием.

То, что В. И. Чичеров назвал «школами», — не что иное, как частные формы локальных эпических традиций, в которых коллективное начало преобладает над индивидуальным. Не случайно сам исследователь вынужден был назвать некоторые школы не по именам их предполагаемых основателей, а по названиям местности «космозерская школа», «школа Пудожского берега», «шальская школа».

По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, познакомивших русскую общественность с талантливыми исполнителями былин и их репертуаром, в конце XIX—начале XX в. (до революции 1917 г.) на Пудоге записывали былины местные собиратели. В разные годы было зафиксировано шестнадцать текстов, публиковавшихся в «Олонецких губернских ведомостях» и некоторых других изданиях. Так, в «Записках Русского географического общества» (1873) Е. В. Барсов опубликовал былину сказителя И. Г. Захарова,[76] от которого летом 1871 г. записывал тексты эпических песен А. Ф. Гильфердинг. В 1894 г. текст этой былины был перепечатан в сборнике «Былины старой и новой записи» (под редакцией В. Миллера и Н. С. Тихонравова, № 52).

В 1892 г. от сказителя Ф. А. Конашкова делал записи былин О. М. Добролюбов.[77] В дальнейшем (после революции) этот талантливый сказитель сообщил большое количество былинных

[75] Онежские былины. С. 33.

[76] *Барсов Е. В.* Памятники народного творчества Олонецкой губернии // Зап. Рус. геогр. об-ва по Отд-нию этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 71—77.

[77] Эти сведения есть в автобиографии Ф. А. Конашкова (Архив Научно-исследовательского института культуры (НИИК), Петрозаводск, кол. 38 — ныне Архив Карельского научного центра).

текстов прекрасной сохранности. С 1901 по 1906 г. на Пудоге собирал былины Н. С. Шайжин. В д. Ижгоре от Тихона Александровича Фешева он записал четыре былины. Наиболее полные из них — сюжеты об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Добрыне и Алёше. Собиратель отметил необыкновенную память сказителя, который «наизусть может прочесть не одну главу ⟨...⟩ из старопечатных книг».[78] Былины Т. А. Фешев перенял от бабушки, Ефросиньи Фешевой, и односельчанина Ильи Зубова. В д. Росляковской Н. С. Шайжин записал две былины от Ивана Федоровича Митюшина, репертуар которого в основном состоял из песен. И. Ф. Митюшин, его отец и братья переняли былины, в частности наиболее полный вариант сюжета о Василии Буслаеве, от Т. Г. Красильникова, захожего портного. «Батюшка бывало заводит, а мы подфатываем», — вспоминал И. Ф. Митюшин.[79]

Житель д. Ченежи А. Ф. Пантелеев припомнил три былины (в том числе текст об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, восходящий к варианту А. П. Сорокина из д. Новинки на Сумозере, с которым работали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг). В 1906 г. былины в исполнении А. Пантелеева, а также других собирателей, публиковавшиеся в «Олонецких губернских ведомостях», вошли в сборник «Олонецкий фольклор : Былины» (десять пудожских былин из четырнадцати текстов).

В том же 1906 г. в «Живой старине» были опубликованы две былины, записанные на Купецком озере местным учителем А. С. Лесковым от сказителя Н. Прохорова («Утицы»), известные по сборникам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.[80] Он же записал былину от Степана Иванова из д. Климово — контаминированный вариант сюжета «Неудавшееся сватовство князя Владимира».

Таким образом, к началу XX в. стал известен репертуар пудожских сказителей. Было опубликовано в общей сложности 112 былинных текстов (99 — из собраний П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга; 13 — из коллекций других собирателей) и выявлены регионы с наиболее развитой былинной традицией — Водлозеро, Шала, Купецкое озеро, Колодозеро, Сумозеро и Нигижма, Рагнозеро.

Послереволюционный период, особенно конец 20-х гг. XX в., отмечен интенсивной собирательской деятельностью, вызванной возросшим интересом к историческим судьбам народа, его материальной и духовной жизни. Организовывались комплексные экспедиции, в состав которых входили фольклористы, этнографы, лингвисты, диалектологи, социологи. С 1926 по 1928 г. такая экспедиция работала и в Пудожском районе. Она финансировалась Государственной академией художественных наук. Экспедицией руководили известные ученые-собиратели и фольклористы — братья Юрий Матвеевич и Борис Матвеевич Соколовы. В ее состав в разное время входили В. И. Чичеров, С. П. Бородин, Э. Г. Бородина, В. А. Яковлева, Ю. А. Самарин, В. А. Дынник, П. А. Грушников, Н. Г. Аполлова, И. С. Ильинская, искусствовед М. А. Ильин и музыкант-этнограф С. М. Любский. В летние месяцы 1926—1928 гг. собиратели прошли по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, открыв новых выдающихся сказителей. В 35 селениях было выявлено 198 былин, значительное число баллад, исторических песен, небылиц и других произведений народного творчества.[81] Чтобы пройти по

[78] *Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор. С. 170.

[79] Там же. С. 169.

[80] Былины перепечатаны В. Миллером в сб.: Былины новой и недавней записи из разных местностей России. № 85, 94.

[81] Подробный «Отчет о фольклорной экспедиции по следам Рыбникова и Гильфердинга, проведенной в 1926—1928 гг.» Ю. М. Соколова поступил в ЦГАЛИ (Центральный Государственный архив литературы и искус-

маршруту П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, «собирателям в отсутствие дорог приходилось пробираться пешком или в лучшем случае верхом на лошади. Пути для телег еще нет или только еще прорубается», — свидетельствовал Ю. М. Соколов.[82]

Весь материал экспедиции (376 текстов былин, отрывки, тексты других жанров, репертуарные списки исполнителей и их биографии) был передан в архив Государственной академии художественных наук. Это были полевые записи и сведенные перебеленные тексты, готовые к печати. К сожалению, в дальнейшем весь экспедиционный материал передавался «из рук в руки»: при переезде ГАХН в Ленинград записи поступили в Московское отделение Государственного института материальной культуры, затем в Государственный литературный музей, который передал их в Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве.[83] При передаче часть текстов, в том числе подготовленных к публикации, была утрачена. Остается неясной и судьба записей, сделанных на фонограф.[84] О том, что напевы былин фиксировались, известно из «Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг.» Ю. М. Соколова: «Как и в прежних экспедициях, фонограф очень помогал привлекать внимание населения к нашей работе, заинтересовать его. Нами сделаны ценные снимки, когда они поют в фонограф или слушают свой собственный голос из трубы».[85]

В 1938, 1939 гг. повторную трудоемкую работу по сведению текстов провел В. И. Чичеров. В 1941 г. готовая рукопись была передана в типографию под заглавием «Онежские былины».[86] В сборник вошли 108 пространных текстов былин от 45 пудожских сказителей, 23 баллады, исторические песни и небылицы (Пудога: 78 былин и 16 текстов других жанров от 24 сказителей; Водлозеро: 20 былин и 5 текстов других жанров от 17 сказителей; Рагнозеро: 10 былин и 2 исторические песни от 4 сказителей). Кроме того, в сборнике помещены тексты, записанные в Кижах и на Кенозере; всего — 211 былин и 69 баллад, исторических песен и небылиц. В экспедиции было собрано значительно больше текстов, нежели опубликовано: большинство баллад и поздних исторических песен («Смерть Александра I», «Платов в гостях у французов») даны в разделе «Примечания» в виде описаний. Например, о варианте баллады «Василий и Софья», записанной в д. Мелентьевской на Пудоге от М. М. Фадеевой, сказано: «У вдовы семь сыновей и дочь Олисафия. Дочь выдают замуж за купца. Вариант полностью сохраняет типовую схему; кончается предложением разбойникам вернуться к матери и крестьянствовать». Далее указано время записи и собиратели.[87]

Такое схематичное описание большого числа не былинных текстов не случайно, оно связано с первоначальной целью экспедиции: собирание одного былевого материала; «исключение делалось лишь для двух редких фольклорных жанров — народной драмы и почти совершенно еще не изу-

---

ства (ныне Российский Государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ)) и хранится в фонде В. И. Чичерова (ф. 1549, оп. 1, ед. хр. 262), Автограф, 15 л. 1928 г. См. также: Онежские былины. С. 3—8.

[82] *Соколов Ю.* По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. М., 1927. Т. 2—3. С. 10.

[83] Весь материал экспедиции ныне хранится в РГАЛИ (ф. 1456, 1549, 483).

[84] Предположительно они находится в Государственном Литературном музее в Москве среди неразобранных фондов звукозаписей.

[85] Онежские былины. С. 6.

[86] «Это заглавие было выбрано с целью подчеркнуть связь нового сборника со сборниками П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга», — писал Ю. М. Соколов (Там же. С. 2).

[87] Там же. С. 903.

ченных и несобранных традиционных присказок свадебных дружек».[88] Но большое количество бытовавших на Пудоге баллад, небылиц, исторических песен и других жанров фольклора изменило первоначальную установку собирателей. Некоторые наиболее полные и интересные варианты вошли в состав сборника.

Включались они и «в репертуар крупных мастеров былевого эпоса»,[89] таких как Г. А. Якушев и Ф. А. Конашков из Пудоги, Д. С. Подомарева из Водлозера, А. Т. Зуёва из Рагнозера. В рукописи (РГАЛИ , ф. 1456, ед. хр. 13) сохранился обширный репертуар Г. А. Якушева.

Тетр. 1, л. 40—47 — «Два литничка» («Роман Дмитриевич»), л. 48—51; «Молодец и королевишна», л. 51 об.—53 об.; «Непра-королевишна», л. 54—55 об.; «Батыга Батыгович», л. 56—58 об.; «Соломон-царь», л. 59—65 об.; «Василий Буслаевич», л. 66—72 об.; «Кострюк», л. 73—75 об.; «Василиса Микулишна», л. 76—80 об.; «Святогор», л. 81—84 об.; «Долмант Долмантович», л. 85—87; «Рахта», л. 87 об.—90 об.; «Добрыня в отъезде», л. 91—96; «Вольга и Микула», л. 96 об.—98; «Мужа жонину наказывала», л. 99—100; «Во поли фатера стоит», л. 100—101 об., «Добрыня и Змей», л. 101—108 об.; «Дюк Степанович», л. 109—124; «Соловей Владимирович», л. 125—128 об.; «Илья и голи кабацкие», л. 129—134; «Идолище поганое», л. 134 об.—142.

Тетр. 2 — «Как перевелись богатыри», л. 146—147 об.; «Сорок калик», л. 147—149; «Никита Романович», л. 149 об.—152 об.; «Олесафия и Егорий», л. 153—156 об.; «Еруслан Лазаревич», л. 157—171 об.; «Иосиф прекрасный», л. 172—178; «Василий и Софья», л. 179—179 об.; «Как Илья жону убил», л. 180—180 об.; «Александр I», л. 181; «Декабристы», л. 181 об.; «Платов-казак», л. 182—182 об.; «Садко», л. 183—183 об.; «Алёша и Дудадина» («Тугарин и Змей»), л. 184—186; «Про кисель», л. 186 об.—187.

Ед. хр. 21 — «Кострюк», л. 65 об.—68 об.; «Рахта», л. 77—79; «Никита Романович» («Как Грозный царь Иван Васильевич велел сына убить»), л. 110—113; «Егорий да Олисафия», л. 113—116 об.; «Еруслан», л. 117—132; «Иосиф прекрасный», л. 132—138 об.; «Василий и Софеюшка», л. 139—139 об.; «Как князь Роман жену губил», л. 138 об.—140 об.; «Смерть Александра», л. 140 об.—141 об.; «Платов-казак», л. 141 об.—142.

Не менее значителен, интересен и репертуар Федора Андреевича Конашкова. В. И. Чичеров в полевой тетради отметил: «Записи у Ф. А. Ко́нашкова были сделаны: первые пять былин 10/VII, остальные — 11/VII-1928 г. Он поет сорок лет так» (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 1, л. 67). По словам Ф. А. Конашкова, «былина неоднако заводится ⟨...⟩ Пою, так муха бы не летала, чтобы не разговаривали» (там же, л. 74 об.). «Ежели кто приезжает, так надо по нраву им мотив ⟨...⟩ Раньше на гуслях выпевали. Былинам выучился от деда и дяди Конашковых Степана Ивановича и Василия Степановича ⟨...⟩ Осенью соберется человек тридцать слушать» (там же, л. 76).

В 1928 г., когда с Конашковыми работал О. М. Добролюбов, был зафиксирован следующий репертуар Ф. А. Конашкова: «Ставер Годинович», л. 76—90; «Грозный царь Иван Васильевич», л. 90—99; «Женитьба князя Владимира», л. 99—110; «Садко», л. 110—115; «Добрыня и Олёша», л. 115—127; «Илья Муромец и Соловей-разбойник», л. 127—143; «Король Литовский», л. 120—114 (перевернуты страницы); «Батыга», л. 115 об. —112 об. (перевернуты стра-

[88] Там же. С. 4.
[89] Там же. С. 902.

ницы); «Дюк Степанович», л. 111—96 об. (перевернуты страницы); «Соловей Будимирович», л. 95—90 об. (перевернуты страницы); «Чурило», л. 90 об.—87 об. (перевернуты страницы); «Добрыня и Маринка», л. 86 об.—82 об. (перевернуты страницы); «Голубиная книга», л. 82 об.—79 об. (перевернуты страницы); «Сохман», л. 79 об.—75 об. (перевернуты страницы); «Михайло Потык», л. 73 об.—69 об. (перевернуты страницы); «Святогор», л. 68 об.; «Вознесенье», л. 64 об.— 61 об. (перевернуты страницы); «Жена милостлива», л. 60 об.

Тогда же от Павла Егоровича Миронова были записаны былины: «Илья Муромец» («Добрыня и Алёша»), л. 43—59; «Ставёр Годинович», л. 3—13; «Князь Роман жену кончал», л. 62—64. От Анны Антиповны Соловьевой былины: «Илья Муромец» («Князь Роман жену губил»), л. 29—33; «Женитьба Ивана Годиновича», л. 33—37, 33 об.—36 об. (перебеленная); «Мучения Егория», л. 37—41; «Василий и Софьюшка», л. 41—43. От И. П. Савинковой былины: «Добрыня и Алёша», л. 21—29, 20—36 (перебеленная запись).

Экспедиции 1926—1928 гг. на Пудожский берег Онежского озера, в районы реки Шалы (Водлы) и Водлозера, т. е. в места, наименее обследованные П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, позволили уточнить особенности эпической традиции этого региона. Былинные сюжеты Пудоги и Водлозера оказались тематически близкими к былинам Кенозера и Кижей. В репертуаре Пудоги обнаружены и свои, популярные именно в этом регионе старины, такие как былины об исцелении Ильи и о Святогоре (12 вариантов записи той и другой былины в экспедициях братьев Б. и Ю. Соколовых, по сравнению с тремя записями обоих сюжетов П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом).

Повторные экспедиции по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга позволили выявить местные сказительские «направления». В районах Пудожского берега была обнаружена традиция, представленная Н. Прохоровым-«Утицей», П. Антоновым, И. Фепоновым. Шальскую «школу» представляют Конашковы, П. Миронов и др. Традиция А. Сорокина была воспринята на Сумозере, Водлозере, Рагнозере и в других районах Пудожья. Среди учеников Н. Прохорова, И. Фепонова (П. Логинов, С. Башкиров, А. Захаров) выделяются наиболее одаренные певцы — Г. Якушев, И. Фофанов. Вслед за своим учителем, Н. Прохоровым, «Якушев придавал преданиям и лубочной прозе стихотворную эпическую форму».[90] Прием перевода сказки в былину (в частности, сюжетов о Рахте Рагнозерском, о Еруслане Лазревиче и пр.) характерен и для творчества А. Сорокина — одного из виднейших сказителей Пудожского края 60—70-х гг. XIX в.

Следы сорокинской традиции были выявлены экспедицией 1928 г. в районе Водлозера в репертуаре Е. Зайцева, Е. Павловой и др. Влияние традиций А. Сорокина и Д. Епишина прослеживается и в творчестве самого яркого сказителя Водлозера — М. Ширкова. В целом серьезного творческого развития традиция А. Сорокина здесь не получила. Как утверждал В. И. Чичеров, особую форму былевой поэзии на Водлозере определить пока невозможно; однако она существует, о чем «свидетельствует наличие на Водлозере отдельных крупных мастеров эпического искусства и состояние былевой традиции на соседнем Рагнозере».[91]

Впервые былинную традицию на Рагнозере обнаружили экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. В 1928 г. здесь, в пределах одной деревни, были записаны былины от Т. Прокина и его дочери А. Зуевой, от О. Дмитриева и Д. Лукина. Сюжетный состав выявленного материала традиционен: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Соловей-разбойник» в разных изводах, «Ставр Годи-

[90] *Чичеров В. И.* Сказители Онего-каргопольщины и их былины // Онежские былины. С. 65.

[91] Там же. С. 62.

нович», «Рахта Рагнозерский», а также баллады «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Князь Роман жену кончал»; исторические песни.

Былинная традиция на р. Шале по сюжетному составу и лучшей сохранности сюжетов приближается к Пудожскому берегу Онежского озера. В 1928 г. в д. Семеново Шальского сельсовета С. П. Бородин, Э. Г. Бородина-Морозова, Ю. А. Самарин, В. И. Чичеров, В. И. Яковлева (экспедицией руководил Б. М. Соколов) работали с выдающимся сказителем — Ф. Конашковым. Они сделали записи и от А. Соловьева, М. Дорохина, А. Малышева, П. Миронова, перенявшего былины от Н. Мироновой.

Особый интерес представляет традиция семьи Конашковых. Федор Андреевич Конашков перенял былины от своего дяди (брата отца), а тот в свою очередь — от своего отца Степана Ивановича. От Федора Андреевича Конашкова в 1928 г. были записаны: «Ставер Годинович» (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 32, л. 76—90); «Грозный царь Иван Васильевич» (л. 90—99); «Женитьба князя Владимира» (л. 99—110); «Садко» (л. 110—115); «Добрыня и Олёша» (л. 115—127); «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь» (л. 127— 143); «Король литовский» (л. 120—124); «Батыга» (л. 115 об.—112 об.); «Дюк Степанович» (л. 111— 96 об. — здесь и далее перевернутая тетрадь); «Соловей Будимирович» (л. 95—90 об); «Чурило» (л. 90 об.—87 об.); «Добрыня и Маринка» (л. 86 об.—82 об.); «Голубиная книга» (л. 82 об.—79 об.); «Сохман» (л. 79 об.—75 об.); «Михайло Потык» (л. 73 об.—69 об.); «Святогор» (л. 68 об.); «Вознесенье» (л. 64 об.—61 об.); «Жена милосердна» (л. 60 об.). Пять былин Ф. А. Конашкова принадлежат к типу былин-новелл. Существенна особая установка Ф. Конашкова «на слушателя», которой строго придерживался исполнитель (одни былины он пел для женщин, другие — для женатых, третьи — для холостых). Этим, по всей вероятности, отчасти объясняется столь большое разнообразие сюжетов в его репертуаре.

Период усвоения Ф. Конашковым эпического наследия приходится на конец 70-х—80-е гг. XIX в., т. е. на то время, когда записывали былины П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Однако экспедиции П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга прошли мимо семейной традиции Конашковых. И только в 1928 г. этот исполнитель, оказавшийся бесценной находкой, был открыт заново. Характерной особенностью творчества Ф. Конашкова является необычайная консервативность его текстов, что подтвердила повторная экспедиция 1938 г. Он рьяно оберегал свои былины от внешних влияний и предпочитал петь их подальше от родных мест, опасаясь, что односельчане «переймут их на сторону»; исполнял былины практически без изменений.

В заонежских экспедициях 1926—1928 гг. тексты частично записывались на фонограф, стенография не применялась. Чтобы добиться наибольшего приближения записи к ее первоисточнику и при этом обеспечить его сохранность в условиях естественного исполнения, была применена особая техника записи.

В целях предельно достоверной фиксации текста записи вели несколько собирателей одновременно, а затем сводили их воедино. В экспедиции 1926 г. два собирателя фиксировали первую половину стиха с переходом за цезуру, а два других — вторую половину стиха, начиная чуть раньше цезуры. В последующих экспедициях былину записывали три человека (начало, середину и конец стиха). Полевая запись обсуждалась и корректировалась «по свежим следам» и сразу, как правило, сводилась воедино.

Сличение текста, изданного В. И. Чичеровым, с перебеленными при повторном корректирующем сравнении неполными записями всех собирателей показало, что точность воспроизведенной

9 Зак. 3948

записи чрезвычайно высока. Разночтения между печатным и рукописными текстами (снятие «оканья», «цоканья», замена «а» на «и» в глагольном окончании) связаны, скорее всего, не с упущениями В. И. Чичерова при составлении единого текста былины, а с редакторскими требованиями единообразия подачи печатного текста. При другой методике, когда каждый из собирателей фиксирует былину от начала до конца, сличение сводного текста с полевыми записями выявляет значительно больше погрешностей. Такова былина «Дюк Степанович», записанная от П. Миронова (в д. Семеново на р. Шале) тремя собирателями: Б. М. Соколовым (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 300—308), В. И. Яковлевой (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 35, л. 115—130) и В. И. Чичеровым (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, тетр. 3, ед. хр. 33, л. 63 об.—70 об.).

Уникальны случаи особой точности фиксации текста всеми собирателями. При записи «на карандаш» это было доступно только фольклористам высочайшей квалификации, когда текст оказывался сравнительно небольших размеров. Примером может служить былина «Сорок князей» («Женитьба Ивана Грозного»), записанная Б. М. Соколовым и В. И. Чичеровым в д. Семеново на р. Шале от А. Соловьевой. В. И. Чичеров перебелил свою полевую запись (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 32, л. 33 об.—36 об.) и опубликовал ее без учета единовременной записи той же былины, сделанной Б. М. Соколовым. Таким образом, один из перебеленных текстов приобрел статус «сводного», хотя не являлся им по существу. При повторной публикации запись Б. М. Соколова должна была бы рассматриваться нами как самостоятельная. Однако характер текстологической работы в данном случае оказался принципиально иным. Трижды проведя сличение печатного текста (с каждой из полевых и с перебеленными записями), мы пришли к выводу: уровень записи обоих собирателей был настолько высок, что отмеченные разночтения на дают нам права рассматривать запись Б. М. Соколова как принципиально отличную от опубликованной. Отдельные пропуски слов и частиц в полевой записи Б. М. Соколова, но в то же время более последовательно (по сравнению с чичеровским вариантом) указываемые им «цоканье» и «оканье», дополнительные ударения и т. д., отмечены в комментариях к данному тексту.

Иногда (к счастью, в достаточно редких случаях) текст, публикуемый В. И. Чичеровым, не соответствует ни одному из сохранившихся первоисточников. К примеру, былина «Илья Муромец и Калин-царь» была записана в д. Семеново от Г. Якушева тремя собирателями одновременно: Э. Г. Бородиной (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 13, тетр. 1, л. 40—47 об.); С. П. Бородиным (тетрадь с его текстом в архиве не обнаружена) и Ю. А. Самариным (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 33—40). Ю. А. Самарин фиксировал вторую половину стиха, а затем другим карандашом дополнял его начало. Именно его запись послужила, по всей вероятности, основой опубликованного В. И. Чичеровым текста. Предположить, что записи Э. Г. Бородиной или Ю. А. Самарина подменили собой сводную запись, невозможно, так как печатный текст имеет множество несоответствий с каждой из этих полевых записей, начиная с пропусков либо подстановки букв, произвольного написания окончаний слов до пропуска целых стихов, их перестановок, словесных замен.

Все без исключения разночтения, обнаруженные в ходе сверки по рукописям, указаны нами в соответствующих комментариях. Выявление первоисточника при одновременной записи текста разными собирателями — сложный и многовариантный процесс, универсальные критерии здесь отсутствуют. Учитывая, что каждый текст сводился воедино в полевых условиях сразу после записи, а все спорные случаи разрешались коллективно, мы вынуждены были принять за основу «сведенный» текст, опубликованный В. И. Чичеровым. Однако, отнеся разночтения в комментарий, мы посчитали возможным восстановить в публикуемом тексте явные смысловые неточности, а так-

же пропуски отдельных строк и стихотворных отрывков, выявленные при сличении с полевыми записями.

В 1931—1933 гг. в Заонежье, Беломорье и в двух регионах Пудожского побережья (Пудожском и Песчанском сельсоветах) работал Прионежский отряд, в состав которого вошли сотрудники этнографической секции Института по изучению народов СССР Академии наук и Карельского научно-исследовательского института.[92] В Заонежский регион были направлены студентки этнографического отделения М. Каминская и Н. Тяпонкина. В их задачу входило изучение современного состояния былинной традиции, изменений, происшедших в репертуаре сказителей. Не случаен и выбор района, фольклор которого был уже хорошо изучен, района, который мог дать наиболее ценный материал для сравнительного анализа. 77 вариантов былин и духовных стихов — таков общий итог собирательской работы. Важно отметить, что в экспедициях 1931—1933 гг. были записаны былинные сюжеты, которые считались утраченными в данной местности. К их числу относятся: «Илья Муромец и Идолище», «Алёша Попович и Тугарин», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Добрыня и Маринка».[93] Сопоставляя собранный материал с былинным репертуаром времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, А. М. Астахова делает следующий вывод: «Между отдельными районами, несмотря на сохранение ими специфики своего репертуара, совершался и некоторый обмен сюжетами, так как мы имеем случаи бытования в настоящее время сюжета, ранее в данном районе неизвестного».[94]

В 1938—1939 гг. Пудожский район Карело-Финской республики (так в те годы называлась эта административная область) обследовала экспедиция Фольклорной секции Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР (НИИК) в составе Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова, К. В. Чистова, А. Н. Антиповой, О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко, И. В. Ломакиной, И. Н. Микишанова, М. М. Михайлова, Г. Ф. Нефедова, Е. П. Родиной, И. К. Торопцева, Е. С. Шоймер. Зимняя экспедиция 1938 г. (под руководством Г. Ф. Нефедова) должна была ознакомиться с общей картиной фольклорной жизни края, найти сказителей, наметить территорию и объем работы летней экспедиции 1939 г. Результаты ознакомительной поездки стали более чем успешными. Оказалось, что былины не забыты, помнятся сказки, баллады, песни, другие жанры народного творчества. Были найдены талантливые исполнители: Н. Ремизов из д. Алексеевской, И. Фофанов из д. Климово. От них и других сказителей удалось записать немалое количество фольклорных текстов, в том числе 30 былин. Особенно богатым фольклором оказался район озера Купецкого.

Зимняя экспедиция позволила составить план следующей поездки, в июле—августе 1938 г., также весьма результативной: обследованы 14 населенных пунктов; от 38 сказителей записаны 74 былины.

В 1939 г. были организованы выезды к отдельным сказителям (например, К. В. Чистова к И. Фофанову) — для записи былин. В ходе других поездок проверялись уже собранные материалы, уточнялись сведения о сказителях. Кроме выездов в район проводилась запись былин в инсти-

---

[92] Экспедиция была организована Карельским научно-исследовательским институтом по изучению народов СССР (КНИИ) АН СССР. В дальнейшем (1933—1934) — Институт антропологии и этнографии (ИАЭ); в 40-е гг. на этой базе обособился Институт литературы АН СССР, в состав которого вошел Отдел фольклора.

[93] См.: Художественный фольклор. С. 32.

[94] *Астахова А. М.* Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933) // Советская этнография. 1934. № 1—2. С. 215.

туте: сказителей приглашали в Петрозаводск. Эту работу вели сотрудники института, в основном Е. П. Родина. Таким образом, в разное время были выявлены все былины Н. Ремизова, частично — Н. Кигачева и А. Пашковой.[95] В 1940 г. Г. Н. Парилова записала от Н. Ремизова былины «Илья Муромец» и «Рахта Рагнозерский».

В результате в архив Научно-исследовательского института культуры поступило большое число текстов, записанных в течение 1937—1940 гг.,[96] достаточно полно отражавших былинную традицию Русского Севера. Сюда вошли сюжеты: «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Святогор», «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец и сын», «Добрыня и Алёша Попович», «Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Алёша Попович и Тугарин-змей», «Дунай», «Иван Гостиный сын», «Сорок калик», «Михайло Потык», «Наезд литовцев», «Соломан и Василий Окульевич», «Ставр Годинович», «Сухман», «Хотен Блудович», «Чурила и неверная жена», некоторые другие, а также варианты былин местного происхождения. Среди них былина «Про Рахту Рагнозерского» (записанная от Н. Ремизова и Н. Кигачева),[97] известная еще по записям А. Ф. Гильфердинга и опубликованная в его сборнике «Онежские былины». Варианты «Рахты Рагнозерского» бытовали в 1926—1928 гг. на Рагнозере; входили в репертуар пудожского сказителя Г. Якушева. Сюжет восходит к преданиям о силаче Рахте и о начале заселения Рагнозера. Главный рагнозерский богатырь напоминает Илью Муромца. Он выходит победителем в кулачном бою, расправляется с разбойниками, убивает изменщицу жену и «свою дочь непокорную». Предания о Рахте, о Курике, о панах неоднократно публиковались в «Олонецких губернских ведомостях» и записывались экспедицией КНИИ в Рагнозере.[98] По мотивам таких преданий Н. Ремизовым создана пространная былина-импровизация (215 стихов).

Многие из перечисленных выше былин (об Илье, Добрыне, Алёше и др.) имеют прекрасно развитый традиционный сюжет: более 1100 стихов в былине А. М. Пашковой «Михайло Потык»; 940 стихов насчитывает сказанная ею былина о Чуриле; 607 стихов в былине про Ставра, записанной от Н. Ремизова; более 500 стихов в былине И. Фофанова «Про Добрыню».

Пятнадцать певцов из четырнадцати пудожских селений, обследованных в 1926—1928 гг., доказали живучесть и преемственность эпической традиции края. Четырех сказителей — А. Пашкову, И. Фофанова, Н. Ремизова[99] и Ф. Конашкова[100] — следует выделить особо.

От одаренной сказительницы Анны Михайловны Пашковой из д. Семеново записано 12 высокохудожественных былин (про Святогора, Илью Муромца, Добрыню, Вольгу и Микулу, Алёшу Поповича, Дюка, Ставра, Михайлу Потыка) — почти весь классический репертуар Пудожья. Она же исполнила прекрасные свадебные, рекрутские и похоронные причитания, баллады,

---

[95] Былины Пудожского края. С. 21. От А. М. Пашковой первые записи, в частности былина «Дюк Степанович», были сделаны в институте в 1937 г. Она пришла сама, узнав, что в институте интересуются былинами и «с 13 ноября 1937 г. ⟨...⟩ начала рассказывать. С месяц ходила в институт» (Там же. С. 461).

[96] Архив Карельского филиала Академии наук (КФАН), ф. 1, оп. 1, разные коллекции.

[97] КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 31.

[98] КФАН, кол. 31, 1863 г., № 40; 1875 г., № 81; 1885 г., № 2.

[99] Подробнее о них см.: наст. том в разделе «Комментарии».

[100] О Ф. А. Конашкове, от которого делались записи в 1892, 1928 гг. и в течение ряда лет, вплоть до 1939 г., см. выше.

исторические песни («Про Ивана Грозного», «Взятие Казани»), произведения других фольклорных жанров.

Одиннадцать былин спел Иван Терентьевич Фофанов из д. Климово. В его репертуаре — пространные былины об Илье Муромце, Добрыне, Дюке, Сухмане, Чуриле. Некоторые былины И. Фофанов перенял от талантливого певца Никифора Прохорова («Утицы»), которого записывали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, а текст былины «Про короля Литовского» восходит к редакции сказителя А. Сорокина из д. Новинки на Сумозере, также известного по сборникам П. Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга. К сожалению, кроме былин от И. Фофанова записана лишь одна сказка, а также песни про казака Платова и о Кострюке.

Обширен былинный репертуар Никиты Антоновича Ремизова из д. Алексеево. Десять спетых им былин (об Илье Муромце, о Добрыне, Идолище, Ставре, Дюке и др.) отличаются от текстов других сказителей своеобразной трактовкой сюжетов, импровизационным началом, введением в традиционный текст чуждых былине персонажей и необычной манерой исполнения. Так, былину о Добрыне и Маринке, названную им «Добрыня и Малиновка», Н. Ремизов исполнил на плясовой мотив с притопыванием ногой.

В течение 1938—1939 гг. от Н. Кигачева, Е. Журавлевой и некоторых исполнителей, перечисленных выше, были записаны созданные былинным слогом новые произведения — о Чкалове и летчиках, покоривших Арктику, о Сталине и Папанине, о Климе Ворошилове и Чапаеве, о разгроме Деникина и боях на озере Хасан. Типичным в этом отношении является текст А. Пашковой, названный ею «Былина»: упомянув старых былинных богатырей (Илью Муромца, Добрыню, Дюка), проложивших «дорожечку прямоезжую к тому ли городу Киеву», «к ласковому солнышку Владимиру», сказительница вводит в текст «новых русских совецких богатырей»: «красно солнышко Иосифа Сталина»; «Ивана Митровича Папанина», «с охотой» идущего «к океан-морю, ко тому ли морю Ледовитому»; Кренкеля, Ширшова и Федорова — «храбрецов, удалых добрых молодцов». Она упоминает Молотова и Калинина, «Седов корабль со командой, со командой славной той Бадигина». Такие «новины» были данью времени и записаны в других районах Русского Севера — от М. Крюковой, М. Рябинина, П. Рябинина-Андреева, Г. Туруева.

Материал пудожских экспедиций 1938—1939 гг. был подготовлен к публикации сотрудниками НИИК Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым. Сборник, названный «Былины Пудожского края» (с предисловием А. М. Астаховой) включил репертуар 14 сказителей: 59 былин, 4 баллады, 3 исторические песни и 6 «новин» — всего 72 текста. Во вступительной статье составители характеризуют состояние эпической традиции края, особенности репертуара, прослеживают историю собирания и публикации былин Пудожья. Записи расположены «по сказителям»; каждый текст снабжен комментарием, в котором указаны «необходимые сведения о записи, замечания сказителя перед или после исполнения былины, указания о том, где он слышал былину»;[101] дается и краткая историческая справка о сюжете. Репертуар сказителя предваряет его автобиография. Дополнительные сведения о певцах помещены в разделе «Примечания».[102]

К сожалению, тексты былин опубликованы в основном по нормам современного литературного языка, без учета специфики пудожских говоров. Снято «оканье», характерное в большей или меньшей степени для всех сказителей, «цоканье», «чоканье», последовательная для сказителей за-

[101] Былины Пудожского края. С. 461.

[102] Не были своевременно записаны биографии Н. Родина, О. Дмитриева и П. Журавлева. О них в «Примечаниях» есть лишь краткие сведения, переданные собирателями с их слов или со слов односельчан.

мена «и» на «е» (*на перу, соберались, выскочел* и др.), местная особенность падежных окончаний (*по воды, ответу нет, на белом свету*), особенности глагольных форм, деепричастий и прилагательных (*скаче, кланялси, сядучи, не пиваючи, молода жона, красна девича* и др.).

Восстановить естественное звучание былинных текстов в какой-то степени помогает справка «О языке былин», составленная Г. Ф. Нефедовым. В ней отмечены конкретные особенности языка почти всех представленных в сборнике сказителей, но наиболее подробно анализируется язык былин А. Пашковой, И. Фофанова, Н. Ремизова, Н. Кигачева, П. Журавлева — типичных представителей двух групп говоров (заонежского и беломорского, характерных для этой части Пудожья).

Готовый к публикации сборник был подписан в печать 22 марта 1941 г., но начавшаяся в типографии подготовительная работа была приостановлена войной и блокадой Ленинграда.

По ксерокопиям документов и писем, связанных с публикацией книги, а также по личным письменным воспоминаниям,[103] переданным в Отдел фольклора ИРЛИ РАН составителем сборника Г. Н. Париловой, дата и место выхода в свет «Былин Пудожского края» должны быть уточнены: не Петрозаводск, 1941 г. (как значится на титульном листе книги), а Ленинград, 1943 г. Сборник вышел в свет после прорыва блокады Ленинграда.[104]

Пудожские записи послевоенных лет в архиве КФАН немногочисленны и свидетельствуют о постепенном затухании былинной традиции. В 1946, 1947 и 1955 гг. А. В. Белованова работала в деревнях Мелентьевской, Раниной Горе, Сигово, Ижгоре, Каршево. Всего ей удалось записать более десяти текстов былин разной сохранности, в том числе от одаренных исполнителей М. Павкова (55 лет, д. Мелентьевская); Ф. Ефимова (81 год, д. Ранина Гора); А. Портнягина (78 лет, д. Сигово); А. Фадеевой (73 года, д. Ижгора).[105]

В 1946 г. от Михаила Андреевича Павкова, который «знал былины от отца и от Якушева»,[106] были записаны достаточно полные варианты былин «Про Добрыню» («Добрыня и Алёша»); «Три поездки Ильи Муромца» (в сборнике «Былины Пудожского края» был опубликован только один текст этого исполнителя — «Сухмат Одихматьевич»).

«Открытием» экспедиции 1947 г. стал Александр Андреевич Портнягин, исполнивший три былины: «Старина» (Черн., № 25 «Илья Муромец и Соловей-разбойник»);[107] Черн., № 26

---

[103] Документы хранятся в Отделе фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в С.-Петербурге.

Г. Н. Парилова вспоминает: «... с началом войны, а затем блокады Ленинграда, все, включая издательскую деятельность, было подчинено одной задаче — обороне города, и типографии перешли на выполнение соответствующей этой цели заказов. Печатали ⟨...⟩ инструкции и памятки для бойцов Красной Армии, плакаты и воззвания к ленинградцам ⟨...⟩ некоторые книги, оставшиеся в типографии „идут в котел", т. е. в переработку, а печатанье многих приостановлено». Но из плана типографии сборник не был исключен, работа должна была возобновиться, как только будет снята блокада, но «по условиям военного времени „Былины" выйдут без указанной в Оглавлении карты, не будет в книге и форзаца. Цветной, прекрасно выполненный художником Г. А. Стронком форзац сгорел, когда в складское помещение попала бомба» (ИРЛИ РАН, «кабинет Б. Н. Путилова» (архив Г. Н. Париловой)).

[104] В ответ на запрос составителей о судьбе книги директор типографии им. Евг. Соколовой С. А. Иванов сообщает: «Книга „Былины Пудожского края", о которой вы запрашиваете, выйдет тиражом в мае месяце этого года. Горком ВКП(б) одобрил выпуск» (Ксерокопия ответа. Дата — 26 апреля 1943 г.) (Там же).

[105] Записи А. В. Беловановой хранятся в архиве КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17, 20.

[106] Былины Пудожского края. С. 445.

[107] «Вариант А. А. Портнягина содержит основные мотивы былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. ⟨...⟩ Из пудожских вариантов наиболее близки былины И. Фепонова (Гильф., № 57) и А. Л. Фадеевой (П.—С.,

«Соломан и Василий Окулович»;[108] «Силеван, король земли Литовскою» (Черн., № 27 «Наезд литовцев»).[109] К сожалению, сведения об А. Портнягине, все тексты которого удостоились публикации и сближаются по целому ряду мотивов и деталей с вариантами И. Фепонова, А. Сорокина, П. Антонова, шальского лодочника, — крайне скудные (известны лишь дата и место его рождения).

Записи 1937 и 1940 гг., сделанные от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, вошли в сборник «Былины Пудожского края». И хотя уже в 1940 г. А. Фадеева, по свидетельству собирателей, жаловалась на память, в 1955 г. она припомнила шесть текстов, в их числе: «Добрыня и Алёша», Черн., № 33; «Про Добрыню», Черн., № 31;[110] «Илья Муромец», Черн., № 32; «Про Ставра Годиновича», Черн., № 34.[111]

Показательно, что некоторые из исполнителей, с которыми работала А. В. Белованова, в большей степени сказочники, нежели сказители. В репертуар Федора Ивановича Ефимова, от которого записана былина про Ставра, входили в основном сказки. «Сказок слушал много, больше о праздниках, — сообщил он собирателю. — Соберутца в одну фатеру ввечеру, один старик сказку скаже, другой — другу, а потом третьей. Разны сказки были. Как скажут сказку, — так тая у меня. Все запоминал...» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17, № 70а, л. 122). Славился как хороший сказочник и А. Портнягин (в его репертуаре — 20 сказок, в основном волшебных).

Приблизительно с середины 50-х гг. XX в. активную собирательскую деятельность в Пудожье разворачивают фольклористы Московского университета.

Фольклорные экспедиции и практики регулярно проводились кафедрой русского устного народного творчества филологического факультета МГУ со времени ее основания в 1938 г. (до декабря 1941 г. — кафедра фольклора Московского института философии, литературы и истории).[112]

В середине 1950-х гг. собирательская деятельность кафедры сосредоточивается на Русском Севере и связана в основном с изучением состояния песенно-эпической традиции. Задумывается и осуществляется ряд экспедиций «по следам» П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, в том числе экспедиции в Карелию.

Экспедиции в Карельскую АССР проводились кафедрой в 1956—1960, 1966, 1968 гг. Их материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры. В 1940—конце 1950-х гг. полевой работой руководила Э. В. Померанцева, с 1964 г. — Н. И. Савушкина.

№ 53), а также № 32 нашего сборника» (Русские эпические песни Карелии / Подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 278).

[108] «Текст Портнягина хорошо сохранил большинство основных мотивов былины о Соломане. Некоторая сжатость не позволяет подыскать достаточно близкие параллели к тексту, особенно из Пудожского района... Правда, по ряду специфических деталей, фразеологизмов вариант А. А. Портнягина сближается с вариантами Е. П. Родиной (П.—С., № 61) и А. Сорокина (Рыбн., № 137)» (Там же. С. 287—288).

[109] «По ряду специфических для данного текста мотивов... он сближается с былинами пудожских сказителей П. Антонова (Рыбн., № 164), шальского лодочника (Рыбн., № 152), И. Фепонова (Гильф., № 61)» (Там же. С. 285).

[110] По замечанию публикатора, «анализ вариантов 1938 г. (П.—С., № 54) и 1955 г. показывает высокую стабильность текста на сюжетно-композиционном уровне» (Там же. С. 271).

[111] Данный текст, как уточняет публикатор, схематичнее варианта, вышедшего в сб. «Былины Пудожского края» (№ 58).

[112] Обзор экспедиций и практик 1930—1970-х гг. см.: *Савушкина Н. И., Кулагина А. В.* Экспедиционная работа кафедры русского устного народного творчества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. № 5. М., 1977. С. 63—67.

Летом 1956 г. состоялась первая карельская («Заонежская») экспедиция кафедры. Экспедиция в составе руководителя Э. В. Померанцевой, преподавателя Н. И. Савушкиной, лаборанта Е. А. Ремезовой, аспиранта Института мировой литературы (ИМЛИ) В. М. Гацака, пятнадцати студентов МГУ (среди них — будущие известные фольклористы Л. А. Астафьева, Е. А. Костюхин, Ю. А. Новиков, Ю. И. Смирнов), аспирантки Ленинградской консерватории Н. Грачевой и диалектолога О. Свешниковой работала в Заонежском, Сегежском и Беломорском районах Карельской АССР.

В 1957—1960 гг. фольклорные экспедиции филологического факультета МГУ обследовали регионы, в которых наиболее плодотворно работали собиратели первой половины XX в. (среди них — Водлозеро, Шала, Рагнозеро, Колодозеро, Сумозеро, Корбозеро). В экспедициях принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты МГУ: Ю. Грейдинг, Т. Ярембаш, В. Кузин, А. Михайлов, С. Ожегова, В. Иевлева, А. Михеев, М. Соломина, Б. Исадченко, Н. Муратов, М. Полидва, Г. Григорьева, А. Копкова, О. Емельянова, Н. Станкин, И. Геник, Е. Костюхин, Б. Кербелите, Ю. Новиков, Ю. Смирнов. Всего было записано 69 текстов былин, биографии исполнителей (18 текстов), а также баллады, исторические песни, духовные стихи, сказки, свадебные, лирические песни, заговоры и пр., составлявшие обширный репертуар многих исполнителей. Так, в репертуаре Е. Курановой (д. Семеново Семеновского сельсовета) — 19 свадебных и лирических песен; в репертуаре А. Нефёдовой (д. Новинка, Сумозеро) — 16 сказок. Материалы 1957—1960 гг. хранятся в архиве Фольклорного кабинета (архив ФК МГУ).

Летом 1957 г. два отряда (общей численностью 17 человек) работали в Заонежском и Пудожском районах. За 35 дней работы пудожская группа (руководитель — студент-старшекурсник Ю. И. Смирнов) собрала около 1100 текстов, среди которых — 36 былин, 50 баллад, 26 духовных стихов, 253 сказки.

Необходимо отметить, однако, что в семьях сказителей не отмечалось передачи былин молодым поколениям (самому младшему из встреченных фольклористами исполнителей былин было пятьдесят два года). Особенно быстро угасала былинная традиция в юго-западной части района. В северо-восточной, более глухой, она сохранялась лучше (на Рагнозере было засвидетельствовано живое бытование былин: к сказительнице Е. Алексеевой, владевшей репертуаром из семи былинных сюжетов, долгими зимними вечерами собирались соседи послушать «старины»).[113]

Фольклористам, работавшим в экспедиции 1957 г., удалось записать интересные и полные варианты целого ряда былин («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь», «Добрыня и Алёша», «Дюк Степанович», «Василий Буслаевич»), в основном — от исполнителей старшего возраста: А. Ульяновой, Х. Пименовой (д. Новинки, Сумозеро); Е. Алексеевой (д. Рагнозеро); М. Пахомова, А. Афонина (д. Остров).

Первую публикацию былины «Василий Буслаевич», исполненной Х. М. Пименовой (82 года), Ю. И. Смирнов снабдил следующим комментарием: «Х. М. Пименова — уроженка д. Пелгостров в центральной части Водлозера, находящегося в 40 километрах к северу от Сумозера. На родине она и переняла былину, по ее словам, от В. А. Пименова, от которого записывали „Василия Буслаевича" в 1928 году» (С.—Ч., № 171). В 1957 г. студенты МГУ записали сходный, но с худшим началом вариант на самом Пелгострове от сестры сумозерской певицы Лукерьи Макаров-

[113] Статья-отчет участников экспедиции 1957 г.: Л. Астафьевой, И. Геника, Б. Кербелите, Е. Костюхина, Ю. Новикова, С. Ожеговой, Н. Полищук, Е. Ремезовой, Ю. Смирнова (В поисках былин // Вестн. Моск. ун-та : Ист.-филол. сер. М., 1958. № 1. С. 185—189.

ны Приемышевой (в 1928 г. от нее был записан только пересказ былины «Ставер Годинович» (С.—Ч., № 173).

Жительница д. Кривцы, Д. Ф. Маташова (58 лет) сообщила собирателям интересный (хотя и прозаический) вариант былины «Садко купец новгородский, богатый гость», отнесенный его публикатором Ю. И. Смирновым к «заметной эпической традиции» д. Отовозеро, находившейся на юго-востоке Пудоги и к 1957 г. переставшей существовать. «Среди стариков, певших старины и рассказывавших сказки на деревенских сборищах (в д. Отовозеро. — *Сост.*), выделялся Степан Васильевич Полин, по прозвищу Мартыха («дед Мартышка», как его называла Дарья Филипповна Маташова). Умер он в 1931 г. примерно пятидесяти пяти—шестидесяти лет от роду. От него-то, по ее словам, Д. Ф. Маташова и слышала „сказку" про Са́дку».[114]

За время экспедиции 1957 г. значительно пополнился корпус текстов, повествующих о Рахте Рагнозерском (семь записей, сделанных в д. Рагнозеро, Водлозеро, Нефёдовской). На первом месте по количеству оказались записи различных сюжетов об Илье Муромце (11 текстов из 27).

Тем не менее обилие фрагментарных и кратких (как правило, прозаических) повествований, а также былин с пропущенными либо переставленными эпизодами и спутанными именами позволяет сделать вывод о том, что уже в 1957 г. былинная традиция Пудожья находилась в состоянии разрушения.

Из 27 записей 1957 г. наибольшее количество пришлось на д. Рагнозеро (9 текстов); Кривцы и Остров Кривецкого сельсовета (7 текстов). Помимо уже упомянутой отовозерской традиции исполнители из д. Кривцы и Остров находились, вероятно, под сильным влиянием творчества Тимофея Васильевича Пахомова и Ивана Васильевича Федорова. По сообщению собирателей, сын Т. Пахомова, Михаил Тимофеевич Пахомов из д. Остров (в 1957 г. ему было 74 года) перенял былины от своего отца, который умер в 30-х гг. XX в. «Он был неграмотный, пел песни и старины. Прожил довольно долго — до 82 лет. Иван Васильевич Федоров приходился ему зятем. Когда Федоров узнал, как прославился „Кона́шков с Шалы", он посылал Тимофея Васильевича: „Поезжай, — говорит, — тоже прославишься". Да он уже престарелый был, не поехал. Михаил Тимофеевич говорит, что отец не пел ни про Ставра Годиновича, ни про Садко, ни про Василия Буслаевича, Ивана Грозного. Пел он про Якима Ивановича и Алёшу Поповича. От него же перенял эту старину Федоров. Про Добрыню Никитича и Илью Муромца больше пел, чем помнит Михаил Тимофеевич. В последние годы Тимофей Васильевич не пел старины, а рассказывал их. Михаил Тимофеевич тоже кое-что от него перенял, пел, например, про Добрыню и Алёшу Поповича, про Дюка Степановича.

В начале века (до Первой мировой войны, как говорит Михаил Тимофеевич) в деревне Остров были и другие сказители: Марк Иванович Олексахин, Никита Абрамович Терёхин — они пели старины, а некоторые (например, про Дюка Степановича) рассказывали сказкой. Горбачев Петр Григорьевич „рассказывал сказками про богатырей", петь не пел. Отец Михаила Тимофеевича занимался крестьянством, в свободное время лодки делал. „При праздниках собирались старики. Маленьку рюмочку нальют и сидят, сидят целый вечер. Сидят беседуют, песни поют, старины, сказки сказывают"» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 3, л. 4172).

Кроме былины про Якима Ивановича и Алёшу Поповича от М. Пахомова в 1957 г. были записаны довольно полные, но прозаические (или традиционно «рассказанные сказками») тексты

[114] Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978 (Сер. «Литературные памятники»). С. 172—174, 401—402.

былин о Дюке Степановиче, о Добрыне и Алёше; краткий пересказ «сводной» былины об Илье Муромце.

Свидетельство Михаила Тимофеевича Пахомова о бытовании былин в д. Остров подтверждается воспоминаниями его односельчанина, Афанасия Гавриловича Афонина: «Дедушка был, он еще пел, да я оттуда перенял, им подтягивал: два-три человека соберутся, один поет, а другие слова подкладывают. Больше пятидесяти лет пел, потом и один, в кампании заставят» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 3, л. 4172—4173). От А. Афонина в 1957 г. записаны стихотворные тексты былин «Про Илью Муромца, как он тридцать лет без ног сидел» и «Дюк Степанович».

Сходные сведения были получены собирателями в д. Кривцы, где «в начале этого века старики пели старины». А. Анкудинов из д. Кривцы (на момент записи ему было 52 года) хорошо знал Ивана Васильевича Федорова, от которого он перенял начало былины «Алёша и Яким Иванович». И. Федоров пел также «про Илью Муромця», «про Грозного царя Ивана Васильевича». В 1957 г. об остальных его былинах никто ничего не помнил. (И. Федоров умер во время Отечественной войны, «лет шестидесяти от роду»). Отрывок из былины об Алёше Поповиче и Якиме Ивановиче, которую больше всего любил петь И. Федоров, А. Анкудинов запомнил, по мнению собирателей, случайно, но исполнял ее часто, поэтому текст сохранился очень хорошо. «Причем пел он только начало, так как дальше не знал ни одной строки, не мог даже передать содержания» (былины он называл не старинами, как здесь было принято, а былинами; всех, кто пел либо рассказывал что-нибудь, именовал сказителями) (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 1, л. 4165).

Среди жителей д. Нефёдовской, Гумар-Наволок, Рагнозеро, сообщивших собирателям различные варианты повествований о Рахте Рагнозерском, также видим потомственного исполнителя: М. Дмитриева (жителя д. Нефёдовской, 52 лет), сына известного сказителя О. Дмитриева. Записанный от него текст — один из наиболее полных. Лучшим рассказчиком сюжета о Рахте слыл в д. Рагнозеро 60-летний М. Зуев, — по-видимому, потомок талантливого сказителя Т. Прокина. А. Филимонова (также жительница Рагнозера, внучка Т. Прокина) переняла свой вариант повествования про Рахту от матери, сказительницы А. Зуёвой, от которой в 1928 г. был записан В. И. Чичеровым, С. П. Бородиным и Ю. А. Самариным стихотворный текст «Рахты Рагнозерского». К сожалению, стихотворные варианты в материалах 1957 г. отсутствуют.

По сообщению собирателей, жители д. Рагнозеро и в 1957 г. связывали историю ее заселения с именем и подвигами силача Рахта (Раки, Рахкоя, Ракколы) Так, Е. Алексеева и ее муж, А. Алексеев, твердо настаивали на том, что Рахта Рагнозерский действительно существовал. Они указывали и место захоронения убитых им разбойников, и остатки жилища самого Рахты: «...остров за три километра, там поляна четыре гектара, тоже могильные полосы, лытки. ⟨...⟩ Настоящее-то кладбище там было, на острову, человеческих рук, ног. Ну, а тут-то, должно быть, разбойники были, которых Рахкой убил. ⟨...⟩ Потом еще в Черном Наволоке (метров восемьдесят-сто от северного края деревни. — *Соб.*), на самой этой поляне, на носу — назывался Овинный Нос — были там ро́вницы (груды камней. — *Соб.*) складены, знать, большое жильё было. ⟨...⟩ Говорили, что это Рахкоя жилье» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 14, л. 4224—4229).

Экспедиции 1958, 1959 гг., проведенные фольклористами МГУ, Пудожье почти не затронули (в архиве ФК МГУ хранится всего пять записей этих лет). Единственный текст, зафиксиро-

ванный в 1958 г. в этом регионе, — пересказ былины «Добрыня и Алёша» (Д. Шпагина, 77 лет, Колодозеро), достаточно полный, несмотря на отдельные несообразности и пропуски. По сообщению собирателя Ю. И. Смирнова, эту былину Д. Шпагина переняла от своей тетки Домны Андреевны Шпагиной (см. о ней в «Былинах Пудожского края»). От нее же она слышала («сказкой») духовный стих «Егорий Храбрый и змей». Кроме того, Д. Шпагина припомнила, как «пели — ходили старые люди — про Илью Муромца», но подробнее ничего рассказать не смогла (Архив ФК МГУ, 1958, тетр. 3, № 16, л. 9884).

Тексты 1959 г. конспективны и отрывочны, за исключением прозаической версии былины «Царь Соломон и Василий Окулович» (П. Белонин, 73 лет, д. Чуркина Гора, Корбозеро), изложенной живо, с введением современной лексики. (П. Белонин сообщил также несколько сказок, однако более детальные сведения о нем отсутствуют).

Летом 1959 г. фольклористы Московского университета прошли по «кенозерскому маршруту», от реки Онеги по Кене, через Кенозеро и другие места на западе Кенозерья до Колодозера, Салмозера, Корбозера на востоке Пудожского края. В селениях в окрестностях этих карельских озер было сделано семь записей былин.[115]

Подводя итоги экспедиций 1956—1959 гг., Ю. А. Новиков и Ю. И. Смирнов отмечали, что из обследованных регионов, бывших в прошлом очагами песенного эпоса, былины хуже всего сохранились в Заонежье (где было отмечено 13 из 37 сюжетов, известных там в XIX в.) и на западе Пудожского края. Исследователи склонны объяснять это интенсивным проникновением городской культуры (вследствие тесных экономических связей Заонежья с Петрозаводском и Медвежьегорском) и бурного развития лесообрабатывающей промышленности на юго-западе Пудожского края. В северной и восточной части Пудоги, где меньше лесопунктов и слабее связь с городами, песенно-эпическая традиция сохранилась гораздо лучше. Кенозеро же, в то время еще сохранявшее положение обособленное и удаленное от городов и промышленных строек, показало наилучшую сохранность былевого эпоса. Особый интерес, по мнению Ю. А. Новикова и Ю. И. Смирнова, представляла малоисследованная ранее былинная традиция восточной Пудоги, фольклор которой является своеобразным «мостиком» между традициями Заонежья—Пудоги и Каргополья—Кенозера.[116]

Летом 1960 г. фольклорная экспедиция филологического факультета МГУ направилась в Пудожский и Медвежьегорский р-ны Карельской АССР. Была исследована фольклорная традиция Пудоги, Заонежья и Северного Прионежья. Работа экспедиции этого года позволила уточнить высказывавшееся ранее Ю. А. Новиковым и Ю. И. Смирновым мнение о малой перспективности поисков былин в Заонежье и на западе Пудожского края.

В ходе экспедиции 1960 г. обследовались такие деревни Пудожского края, как Новинки (Сумозеро), Келкозеро, Новые Тамбицы, Челмужи, Ранина Гора, Римское, Авдеево, Черново, Ярчево, Большая Пога (Водлозеро), в основном «не охваченные» поездками 1957—1959 гг. В итоге было собрано 36 текстов былин, записаны сведения об исполнителях, их репертуар. Как и в 1957 г., среди экспедиционных материалов выделяются былины, записанные от исполнителей

[115] Об этой экспедиции см.: *Костюхин Е. А., Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Филология, журналистика. № 1. М., 1960. С. 85—87 (карельские записи в статье также не отделяются от архангельских). В архиве кафедры хранятся 7 карельских записей былин этого года.

[116] *Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета: 1956—1959 гг. // Советская этнография. М., 1960. № 4. С. 162—168.

старшего возраста: Х. Пименовой из д. Новинки, Сумозеро (повторная запись, см. выше); М. Шимковой (90 лет, д. Ярчево); Е. К. Романова (79 лет, д. Челмужи); А. Никоновой (73 года, д. Авдеево); Ф. Барановой (80 лет, пос. Новые Тамбицы). Этими исполнителями сообщены и стихотворные, и прозаические, но достаточно полные тексты былин «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Добрыня и Алёша», «Про Алёшу Поповича», «Василий Буслаевич», «Ставер Годинович».

Один из источников творчества Ефима Карповича Романова — книга: «Знает былины из книг, у него был сборник былин дореволюционного издания. Знает много сказок. Когда работал на сплаве леса, рассказывал анекдоты и сказки публично. Былины никогда не пел, пересказывает их охотно, интересуется содержанием. Говорит, что у него раньше была превосходная память» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 20, л. 9938).

Однако и в 1960 г. бытование устной традиции остается значимым. Мария Андреевна Шимкова слышала былину «Добрыня и Алёша» от Т. Фешева: «Как Тихон Фешов пел, покойная головушка, так я переняла». Помимо былины в репертуаре М. Шимковой — свадебные и похоронные причитания; заговор; историческая песня «Платов» (начало) (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 2, тетр. 17, л. 9679, 9689). Сюжет о Добрыне и Алёше переняла от Т. Фешева и Н. Суворова также жительница д. Ярчево (к сожалению, собирателями ее возраст не указан), которая «знала от Фешова» и напев, но в 1960 г. уже не пела.

В репертуаре Федоры Федоровны Барановой — краткие прозаические изложения былин «Микула Селянинович», «Святогор и Илья», «Про сына Ильи Муромца», «Дюк Степанович», «Царь Соломон», а также развернутые сюжеты (проза с вкраплением стихов) — «Добрыня и Алёша», «Ставер», «Про Илью Муромца» («Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник»). По сообщению собирателей, Федора Федоровна — родом из Водлозера, «нянчит правнука, часто ему рассказывает сказки, про богатырей (тоже сказки), старины, песни (былины-баллады). ⟨...⟩ Про богатырей рассказывала с большой охотой, менее всего, по-видимому, привлекают ее волшебные сказки. Чувствуется, что в фольклоре ее привлекают те тексты, „где правда было". Поэтому-то сказочный репертуар — в основном сказки про разбойников и авантюрные» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 8, л. 8513).

Перемещение былинных сюжетов в разряд «сказок про богатырей» (одновременно и повествований о «реальных» событиях), характерное для бытования традиции во второй половине XX в., на примере творчества Ф. Барановой особенно заметно.

Иной тип более молодой, однако придерживающейся традиционных канонов исполнительницы представляет П. Ярышева из д. Римское. К сожалению, ее возраст собирателями не указан, но сообщено, что она — «нестарая еще женщина, с рыжеватыми волосами, с умными карими глазами, очень приветливая и веселая». У П. Ярышевой превосходная память, «она неграмотна, но помнит огромное количество песен и стихов. Очень внимательно относится к текстам, которые от нее записывали, старается припомнить всё точно» (Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 3, тетр. 22, л. 9982—9983). Помимо стихотворных текстов былин «Про Бермяка сына Васильевича», «Добрыня и Алёша» от П. Ярышевой записаны фрагменты былины про Ставра Годиновича, исторические песни, баллады, духовные стихи, сказки, свадебный обряд с причитаниями, похоронные причитания, лирические песни, заговоры.

Материалы экспедиции 1960 г. интересны и разнообразны по сюжетике, хотя в значительной своей части кратки, конспективны. Такова былина «Про Садко», изложенная (в прозе) А. Сури-

ковой (57 лет, д. Челмужи). По мнению Ю. И. Смирнова, опубликовавшего эту запись, она «любопытна своим сходством с одним печорским вариантом (НБ, № 39) мотивами самостоятельного поведения Садка в подводном царстве и ответной реакцией морского царя. Такие переклички независимых текстов, зафиксированные на значительном расстоянии друг от друга, не могут быть случайными. Причина отмеченного сходства, возможно, заключается в том, что не только Новгородская метрополия, но и Обонежье, давно обжитое новгородцами, поставляло переселенцев в дальние северо-восточные районы севера, включая Печору. Эти переселенцы и уносили с собой усвоенные эпические песни».[117] Публикатор полагает, что только лишь неопытность собирателей не позволила им записать более полный текст былины — утверждение, представляющееся достаточно спорным на фоне тотального разрушения традиции.

Корпус текстов о Рахте Рагнозерском пополнили в 1960 г. три прозаических повествования из д. Келокозеро и Новые Тамбицы. По полноте они значительно уступают записям 1957 г., осуществленным непосредственно в д. Рагнозеро. Один из рассказчиков сюжета о Рахте — Николай Иванович Анухин (около тридцати лет, д. Келкозеро) — сын сказочницы Александры Васильевны Анухиной. «Еще в 1957 г. от нее было записано много сказок и несколько эпических номеров (записи утеряны), — уточняют собиратели. — Н⟨иколай⟩ И⟨ванович⟩ говорил, что слышал от нее Добрыню и кое-что помнит. Про „Рахко Рагнозерского" слышал от односельчанина Федора Кузьмича Мосеева (умер несколько лет назад), который читал „книжку" о Рахте. Сам Н⟨иколай⟩ И⟨ванович⟩ этой книжки не видел» (Архив ФК МГУ, п. 1, тетр. 3, № 77, л. 7964).

В изложении И. Л. Горбачевой (53 года, Новые Тамбицы) содержится редкое упоминание о том, что источник силы богатыря Рахты — ежеутреннее купание в озере. Повествование о Рахте, как и прочие сюжеты, кратко ею изложенные, она именует «сказками». Эти «сказки» И. Л. Горбачева слышала от отца, Л. Поливанова, умершего в 1942 г.: «Отец был большим мастером рассказывать сказки, петь стихи, которых он знал очень много. Он работал сапожником. Девки часто прибегали и просили: „Дядя Лёва, расскажи что-нибудь". ⟨...⟩ Леонтий Сергеевич был неграмотным. Сказки и стихи рассказывал чаще в Великий пост» (Архив ФК МГУ, п. 1, тетр. 1, № 66, л. 7660).

В отличие от экспедиции 1957 г. в материалах 1960 г. былины о Добрыне Никитиче («Добрыня и Настасья», «Добрыня и Алёша») чуть оттеснили традиционно многочисленные сюжеты об Илье Муромце (11 и 9 записей из 36 соответственно).

По сведениям собирателей, В. Пашкова (80 лет, д. Чёрново) переняла былину «Добрыня и Алёша» от Ф. Конашкова (Архив ФК МГУ, п. 2, тетр. 12, № 13, л. 9103). Сообщенный ею текст, впрочем, краток, фрагментарен, как приблизительно и более трети сделанных в экспедиции 1960 г. записей.

Экспедиции филологического факультета МГУ 1966 и 1968 гг. проходили в основном в карельском Беломорье. В 1968 г. фольклористы вновь побывали и в Пудожском крае, на Водлозере, однако былины в ходе этой поездки обнаружены не были.

Тем не менее другим фольклорным экспедициям, которые продолжали работать в Пудожском районе в 60—70-х гг. XX в., удалось сделать ряд интересных и редких записей, благодаря удивительной устойчивости некоторых местных, точнее «семейных», традиций, истоки которых восходят к творчеству известных пудожских сказителей — Т. Фешева и Н. Ремизова.

[117] Новгородские былины. С. 415.

В Архиве КФАН (ф. 1, оп. 1, кол. 20, 21) хранится 11 текстов, записанных в 1961 г. от К. Ремизовой (76 лет, д. Алексеево): два варианта былины «Про Добрынюшку» (Черн., № 28 «Добрыня и Алёша»); два варианта былины «Про Илью Муромца» («Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник»); три варианта былины «Про Ермака Тимофеевича» («Илья, Ермак и Калин»); а также краткие пересказы былин «Дюк Степанович», «Непра-королевична», «Ставер Годинович», «Про Чурилушку Щаплёнковича». Ксения Егоровна Ремизова — вдова замечательного сказителя Н. А. Ремизова. «Чтобы она ни рассказывала, она всегда ссылалась на мужа как на первоисточник, — подчеркивают собиратели.[118] — „Микита Антоныч что сказок знал, стихов и старин, и всего. Все, бывало, складывал, сам про себя складет былину"» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21). Лучше всего К. Ремизова помнила сюжеты про Илью Муромца, Ермака Тимофеевича и Добрыню, причем пересказывала их довольно близко к текстам мужа. Сложнее было уговорить ее спеть. «При пении она постоянно сбивается на пересказ. Так как давно не пела „стихом", ей трудно вспоминать старины и она, по-видимому, иногда импровизирует. Пересказы и тексты, записанные от нее с пения, значительно отличаются... Тексты былин, записанных с голоса, более традиционны» (Там же).[119]

Летом 1963 г. в д. Климово Пудожского района Ю. И. Смирнов записал былину «Добрыня и Малиновка» от 60-летней дочери Н. Ремизова — Варвары Никитичны Ремизовой.[120]

По уточнению собирателя, В. Ремизовой помогал петь или подсказывал ее брат Иван Никитич Ремизов (54 лет). «Не имея постоянной практики в исполнении былины, они не сразу смогли пропеть „старину", — пишет Ю. И. Смирнов. — Первую часть текста (ст. 1—17) они поначалу сбивчиво рассказывали. Инициативой в основном владела Варвара Никитична. Правда, она хорошо не знала былинной лексики, но напев помнила твердо и легко подгоняла под него даже явные прозаические обороты или усеченные стихи. Сестра и брат пропели былину „Добрыня и Маринка" в той версии, которую знал их отец (П.—С., № 35). У них былина получилась вдвое короче текста отца, что они и признали с большой горечью. Сами себя они сказителями не считают, но гордятся отцом и усвоенной от него „старúной". В этой версии традиционный сюжет былины „Добрыня и Маринка" почти полностью исчез (его следы в большей степени заметны в тексте отца) и заменен сюжетом типа „Илья и королевна" из былины „Три поездки Ильи Муромца". (Когда В. Н. Ремизова рассказывала свою версию, присутствовавшая при записи соседка возразила: «Ой нет, кума, это там, где про три дороги!» Но В. Н. Ремизова иной версии, кроме отцовской, не слыхала). Эта замена, судя по записям, произошла примерно в начале XX в. „Модная" версия довольно быстро распространилась на территории Онежского озера до Кенозера. В исполнении Н. А. Ремизова она сильно модернизирована, а Маринка превращена в Малиновку. Его дети — добросовестные передатчики его текста».[121]

---

[118] С К. Ремизовой работали собиратели Г. Григорьева, И. Шарапова, Н. Пяллинен.

[119] Более подробное сопоставление текстов, записанных от Н. Ремизова и К. Ремизовой, проводится в: Русские эпические песни Карелии. С. 269—270. В д. Климово собиратели записали былину «Про Добрынюшку» («Добрыня и Алёша») от Офимьи Ивановны Фофановой, дочери известного сказителя И. Фофанова. О. Фофанова решилась исполнить былину, прослушав К. Ремизову, однако петь не стала, уточнив при этом: «Ее (К. Ремизовой) хозяин и мой отец по-разному пели» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, № 108, л. 121).

[120] Текст находится в личном архиве Ю. И. Смирнова и опубликован им в сб.: Добрыня Никитич и Алёша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 167—168.

[121] Там же. С. 394.

Былина «Добрынюшка Микитинець», в 1963 г. записанная Ю. И. Смирновым от Н. Сидоровой (78 лет, Лук-остров),[122] отсылает к творчеству Т. Фешева. Уроженка Лук-острова, Настасья Ефимовна Сидорова вышла замуж в Нигижму. «Там, по ее словам, она слыхала этот „стих" у бедного старика Тихона Александровича Фешева, но петь сама уже не может. При сравнении ее текста с записью от Т. А. Фешева (Миллер, № 26) выясняется, что она действительно могла слышать былину от этого певца. Основа ее текста и ряд формул совпадают с соответствующими частями текста Т. А. Фешева», — констатирует Ю. И. Смирнов. По его предположению, исполнительнице была известна и другая версия, «характерной особенностью которой является сюжет „Добрыня и Настасья", прикрепленный к началу былины».[123] Эту версию изложил брат Настасьи Ефимовны Сидоровой, Алексей Ефимович Канавин (69 лет, Лук-остров).

По сообщению Ю. И. Смирнова, «А. Е. Канавин ревниво относился к тому, что передавали собирателю его сестра и жена,[124] и не хотел уступить им „славу" первого исполнителя. Накануне вечером он безмолвно прослушал рассказ сестры про Добрыню, утром и днем он старательно избегал собирателя, что на Лук-острове трудно сделать, и, очевидно, репетировал свой рассказ, а вечером сам предложил записать его рассказ про Добрыню.[125] По его словам, он рассказывал „стих", который пела шестьдесят лет назад его бабушка Марфа Макаровна Ерохина, уроженка д. Песчаное. Когда собиратель удивился его памятливости, старик сказал: „Помнить дивья́, до смерти не забуду". А. Е. Канавин — хороший сказочник, а петь былины не может. Поэтому и былина у него стала сказкой».[126] По мнению Ю. И. Смирнова, в былине Е. Сидоровой слились оба (известные сестре и брату) извода.

А. Канавин, по-видимому творческий человек непростого характера, попадал в поле зрения собирателей и ранее. В 1961 г. Г. Григорьева записала от него былину «Добрыня и Алёша» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21). Текст этой былины близок к версии, записанной Ю. И. Смирновым, только в самых общих чертах (сюжет «Добрыня и Настасья» изложен гораздо подробнее; разнится и разработка последующих эпизодов). Исполнитель указывает, что перенял былину не от своей бабушки, а «от Климовского старика по прозвищу „Сосновый", имени которого не помнит. „Я еще недорослком был, от Соснового слышал". Сосновый, по словам Алексея Ефимовича, знал очень много стихов» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, № 253, л. 144).

Последние — единичные — записи пудожских былин сделаны в 1984—1986 гг. фольклористами ИРЛИ РАН А. Ю. Кастровым, А. Н. Мартыновой, А. Д. Троицкой. В материалах этих экспедиций преобладает сюжет «Добрыня и Алёша», остававшийся неизменно распространенным на Пудоге. Былина «Про Олёшеньку Поповиця» в несколько сбивчивом изложении записана от Анны Ивановны Световой (75 лет, д. Мосеевская). По сообщению собирателей, «А. И. Светова

---

[122] Текст находится в личном архиве собирателя и опубликован им в сб.: Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 309—310.

[123] Там же. С. 492.

[124] Жена А. Канавина, Дарья Михайловна Канавина (66 лет), в 1961 г. напела два варианта былины «Про Щурилушку Щапленковича» («Чурила и Катерина»). По словам Д. Канавиной, былину она слышала «от соседки, Ириньи Михайловны Латкиной, умершей двадцать пять лет назад. „Ходила, все ребятам моим стихи пела"». Собиратель уточняет: «Чурилу» знал и муж Дарьи Михайловны, А. Канавин, «но он отказался спеть „стих"» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, № 245, с. 124).

[125] Текст хранится в личном архиве автора и опубликован в сб.: Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 311—312.

[126] Там же. С. 429.

слышала былину, которую называет „стих", в детстве. Ее пел дедушка, Захар Иванович Калинин, крестьянин д. Угольской (околок д. Римское), сидя на печке. ⟨...⟩ А. И. Светова продемонстрировала зачин былины в напевной форме» (ФА ИРЛИ, МФ 3068. 10—11). Напев былины «Добрыня и Алёша» (несколько строк) припомнил в 1985 г. и Иван Никитич Ремизов, сын известного сказителя (ФА ИРЛИ, МФ 3050.01). Наиболее полный вариант записан в 1986 г. от Ольги Александровны Играковой (79 лет, уроженка д. Сигово).

О. Игракова — продолжательница традиций рода Портнягиных из д. Сигово[127] (об А. Портнягине, знавшем и былины, и сказки, мы упоминали выше). Ольга Александровна Игракова переняла былины от бабушки, Марии Тимофеевны Портнягиной, которая родилась приблизительно в 1840 г. в пудожской деревне Кушаково и вышла замуж в деревню Сигово. По утверждению внучки, М. Т. Портнягина была неграмотной, тем не менее «всих богатырей поимянно да и всих царей» знала «как по книжке» (ФА ИРЛИ, МФ 2713.08; 2712.36).

О. Игракова рассказывала былины и сказки своим детям и внукам, однако наследование этой традиции, как и былинной традиции Пудожья, в целом к концу XX в. пресеклось. Не имея сколько-нибудь широкой и заинтересованной аудитории и, главное, соратников и преемников, немногочисленные оставшиеся исполнители утрачивали стимул к сохранению, тем более — к расширению репертуара. Показательно, что в 1961—1963 гг. К. Ремизова не была известна как сказительница ни в своей деревне, ни в окружающих, а обращение собирателя к детям Н. Ремизова «стало для них полной неожиданностью».

---

[127] В 1986 г. от О. Играковой записаны также: «Исцеление Ильи Муромца» (ФА ИРЛИ, МФ 2713.07); «Про Монголию» («Наезд литовцев») (ФА ИРЛИ, МФ 2713.02); «Ставёр Годиновиць» (ФА ИРЛИ, МФ 2712.37—2713.01).

Т. А. НОВИЧКОВА, З. И. ВЛАСОВА

V. СОБИРАТЕЛИ ОНЕЖСКИХ БЫЛИН П. Н. РЫБНИКОВ И А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ

Впервые собирателем былинных текстов в Заонежье стал П. Н. Рыбников. До него никто не задавался целью дать по возможности полную, исчерпывающую картину жизни песенного эпоса в Олонецком крае. Люди, филологически образованные и прожившие в Пудожье десятки лет, на запросы Императорского Русского географического общества: нет ли здесь эпических преданий или сказок, — отвечали отрицательно.

«Первооткрывательство» былинного массива П. Н. Рыбниковым во многом объясняет своеобразие его работы со сказителями, текстологические особенности фиксации материала, а также разнобой в издании собранного. Доказательства существования «эпоса как жанра живой традиции» требовались многочисленные, и Павел Николаевич подключил к делу собирания олонецкого фольклора самый широкий круг лиц, от волостных исправников до петрозаводских студентов и гимназистов, снабдив их инструкциями, что и как записывать. Не все корреспонденты Рыбникова могли в точности исполнить его предписания, к тому же сами инструкции еще не были отшлифованы временем и опытом, поэтому собрание П. Н. Рыбникова состоит из неоднородных разнохарактерных записей, в значительной степени, более чем на одну треть, выполненных разными людьми. По следам П. Н. Рыбникова, выявившего имена крупных певцов и очаги сказительского мастерства, шел А. Ф. Гильфердинг, как впоследствии, в 20-х гг. XX в., Ю. М. и Б. М. Соколовы.

Записи П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга отражают разные собирательские методы и приемы фиксации текстов. Это результат неодинаковых собирательских возможностей, разных условий работы. Академическая, предпринятая с научными целями экспедиция А. Ф. Гильфердинга не могла быть похожей на достаточно случайные поездки по Заонежью П. Н. Рыбникова, вынужденного согласовывать собственные фольклористические интересы со служебными обязанностями.

Собрание А. Ф. Гильфердинга от первого до последнего стиха записано одним лицом. Составившие его 322 текста (вместе с записями Петербургской губернии) признаются наиболее достоверной для своего времени фиксацией эпического наследия и до сих пор, несмотря на появление записей, сделанных с помощью фонографов и магнитофонов, считаются наиболее надежными при изучении былин.

А. Ф. Гильфердинг ко времени своей поездки в Онежский край был уже достаточно опытным собирателем. Он записывал песни, сказки, пословицы и предания южных и западных славян. Накопленный ранее опыт позволил собирателю быстро сориентироваться в новой обстановке и выработать четкую методику записи, благодаря которой он сумел за месяц с небольшим интенсивной полевой работы записать карандашом более трехсот былин.

Знакомство с русским песенным эпосом, сохранившимся на Севере, в Олонецкой губернии, было для А.Ф. Гильфердинга научной необходимостью, давало полное и многостороннее представление о поэтической культуре славян. Близкое общение с певцами позволило понять роль творческой личности в сохранении художественного наследия и впервые в истории науки расположить былинные тексты не по сюжетам, а в соответствии с репертуаром певцов, к чему пришел, не успев осуществить свой замысел, и П. Н. Рыбников.

© Т. А. Новичкова, З. И. Власова, 2013

10 Зак. 3948

Несмотря на очевидные недочеты, первое издание «Песен» Рыбникова заставило не одного ученого пересмотреть свои исследовательские позиции, выйти на новые пути работы с фольклором. Такой «кабинетный» ученый, как О. Ф. Миллер, после выхода в свет второй части «Песен» писал В. И. Ламанскому, что до сих пор он лишь витал в радужных облаках мифологических сказаний: «Только появление сборников Рыбникова и Киреевского открыло мне глаза, указало мне на сокровища, таимые в русской народности. Хотелось бы изучению ее отдаться вполне, хотелось бы примкнуть к кругу тех немногих людей, которым принадлежит будущее России».[1] А. Ф. Гильфердинг решил продолжить труд Рыбникова уже в 1862 г.[2] Он прекрасно понимал, что материк, открытый Рыбниковым, должен быть освоен академически и стать пригодным для подлинно научной работы. Славист по специальности, ученый широкого кругозора, признанный авторитет в области лингвистики и стиховедения, председатель (с 1870 г.) Этнографического отделения Императорского Русского географического общества, он шел по пути, уже проложенному Рыбниковым, уточняя, расширяя и систематизируя богатейшие материалы олонецкой эпики.

Трудами этих двух собирателей былин Заонежья был создан первый классический фонд русского эпоса.

П. Н. Рыбников родился 24 ноября 1831 г. в Москве, в зажиточной купеческой старообрядческой семье. Его отец умер, когда Павлу Николаевичу было около пяти лет.[3] По свидетельству петрозаводского корреспондента Императорской Академии наук, Д. В. Поленова, лично знавшего Рыбникова, будущий собиратель «в малолетстве слышал многие былины от своей няни и счастливо удержал их в памяти если не целиком, то в живом содержании. Это послужило к тому, что, начавши расспрашивать о своем предмете, сам он, первый, показал в нем знание и тем сразу внушил к себе доверие».[4]

Тяга П. Н. Рыбникова к народознанию, вероятно, поддерживалась в семье, принадлежность которой к старообрядчеству способствовала формированию вдумчивого, собственного, не совпадающего с официальным, подхода к истории, обществу, культурному наследию. В годы пребывания в Петрозаводске Рыбников удивлял горожан хорошим знанием проблем раскола. «Старообрядческая складка» могла также вызвать расположение определенной части олонецких крестьян, поскольку среди них было немало староверов.[5]

---

[1] Письмо от 10 июня 1863 г. из Праги (СПФ АРАН, ф. 35 (В. И. Ламанского), оп. 1, ед. хр. 963, л. 4).

[2] В письме от 12 июля 1862 г. Д. А. Хомяков писал П. А. Бессонову, первому редактору «Песен» П. Н. Рыбникова: «Гильфердинг так же взялся было за дело Рыбникова, но не знаю, чем окончится его труд» (ГИМ, ф. 56 (П. А. Бессонова), ед. хр. 532, л. 19).

[3] Биография П. Н. Рыбникова подробно изложена в статье: *Грузинский А. Е.* П. Н. Рыбников (1831—1885) // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1. С. VII—LX. В ней автор широко использовал воспоминания близких родственников собирателя, главным образом его сестры — С. Н. Карзинкиной. Впрочем, сведения, приводимые в этой статье, не всегда совпадают с теми данными, которые можно почерпнуть из воспоминаний знакомых и сослуживцев Рыбникова. Так, в одном из некрологов упомянуто, что Рыбников родился в небогатой купеческой семье и в возрасте одиннадцати лет «вопреки желанию отца (отчима? — *Т. Н.*) добился определения в гимназию» (Исторический вестник : Историко-филологический журнал. 1886. Т. 23. Янв. С. 256).

[4] Рец.: [*Срезневский И. И.*] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861» // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1862. Т. 10, вып. 3. Стб. 250.

[5] Только по официальным данным, в 1858 г., когда П. Н. Рыбников прибыл в Олонецкую губернию, здесь насчитывалось около 4000 раскольников (Олонецкие губернские ведомости. Ч. неофиц. 1859. № 38. 30 сент. С. 177).

Несмотря на то что, согласно законам о раскольниках 1831, 1838 гг., доступ в гимназии и университеты был для них закрыт, Павел Николаевич в 1844 г. поступил в третью московскую гимназию на Лубянке (где, кстати, между 1841 и 1846 гг. преподавал Ф. И. Буслаев). Окончив курс с серебряной медалью в 1850 г., отлично зная французский и немецкий языки, Павел Николаевич почти сразу уехал за границу переводчиком. По возвращении, в 1854 г., он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Ему довелось слушать лекции выдающихся ученых XIX в.: Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. М. Соловьева, С. Н. Шевырева, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского.

«Вторым университетом» для Рыбникова стали студенческие сходки, вечера, которые он устраивал у себя на квартире. Здесь сформировался так называемый кружок «вертепников», в него вошли многие известные впоследствии деятели русской культуры: А. А. Козлов (будущий профессор философии Киевского университета), М. Я. Свириденко (стал управляющим книжного магазина Д. Е. Кожанчикова в Петербурге), Вл. Власьев (держал магистерские экзамены по уголовному праву). П. Н. Рыбников был если не организатором, то «духовным вождем» кружка. Прекрасные внешние данные, ораторский дар, неординарность взглядов, сочетавшаяся со стремлением к основательности в решении историко-философских проблем (увлечение «хвостиками новомодных теорий» Рыбников более всего осуждал в студенчестве[6]), — все это не могло не привлекать к нему людей. В квартире Рыбникова «в известные дни и часы сходились не только студенты, но появлялись там и гвардейские офицеры из Питера, и сельские священники из глухих деревень, и духоборцы, приезжавшие в Москву из далеких окраин России, чтобы послушать красноречивого и словоохотливого Алексея Степановича Хомякова, постоянного посетителя на этих вечерах».[7] Авторитетный представитель славянофильского направления, сложившегося в 30-е гг. XIX в., А. С. Хомяков был вдвое старше студентов-«вертепников», но, будучи неутомимым спорщиком, нуждался в атмосфере молодежных сходок. Его необыкновенная память и начитанность, разносторонняя эрудиция, корректность в ведении дискуссий вызывали уважение и восхищение молодежи. Павел Николаевич был особенно близок к А. С. Хомякову: давал уроки его детям, летом жил в его тульском имении Богучарово (А. С. Хомяков был довольно крупным помещиком, обладателем нескольких тысяч душ крестьян; выйдя в 1829 г. в отставку в чине штаб-ротмистра, он деятельно занимался хозяйством).

Интерес к собиранию песен у Рыбникова мог обостриться под влиянием начавшейся после смерти П. В. Киреевского работы по изданию его собрания. В этот период к серьезной собирательской и издательской практике пришли П. И. Якушкин, П. В. Шейн. В беседах с А. С. Хомяковым, К. С. и И. С. Аксаковыми, в студенческих диспутах «вертепа» тема изучения народного духа, быта, нравов была одной из важнейших. В рыбниковском кружке эта тема сочеталась с обсуждением проблем государственного устройства России, что привлекло внимание полиции. 10 июня 1858 г. московский обер-полицмейстер рапортовал генерал-губернатору А. А. Закревскому: общество, собирающееся на квартире студента П. Н. Рыбникова, «проникнуто духом атеизма и безначалия; в этом духе происходили тут иногда суждения и прения преимущественно о настоящем быте государства, потребности восстановления личности каждого подданного империи, как

[6] ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 84 (Из письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову (октябрь 1863 г.)).

[7] *Деркачев И. П.* Из московских студенческих воспоминаний // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 230.

человека, недостаточности образования русских и недостатке в порядке государственного управления»; Рыбников и Козлов «при разговорах о политических предметах рассуждают, что в России следует сравнять все сословия, учредить все должности по выборам общества, а не по определению от правительства, изменить по духу времени все законы государства и применить систему держав западных; в обществе студентов они носят название вольных мыслителей, сеющих семена правды и истины, и что они приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за отчизну».

«Вертепники» приняли решение, уехав на время летних каникул из Москвы, сеять везде свои убеждения, так как «почва вдали свежее здешней».[8]

В июне 1858 г. П. Н. Рыбников был утвержден в звании кандидата. Заручившись рекомендательным письмом от А. С. Хомякова к помещику Жеребцову, он отправился в имение «Лаврики» (или Лаврентьево) Черниговской губернии. Возможно, П. Н. Рыбников рассчитывал найти здесь большее понимание со стороны народа: на Черниговщине было много староверческих слобод, быт которых был знаком собирателю. Для удобства общения Павел Николаевич оделся в русское платье (он, впрочем, носил его и в Москве, и даже первое время в Петрозаводске), но, не видя ничего предосудительного в своих действиях, забыл взять паспорт. Надзор за Рыбниковым не прекратился и в Черниговской губернии, полиция искала оснований для ареста. Формальными поводами для него стали дискуссии Рыбникова с черниговским архиереем, отсутствие паспорта и «переряживание» в русское платье. Об истинных причинах ареста мы узнаем из «Дела» 1859 г. за № 6/36 «О высланном под надзор полиции кандидате Московского университета Рыбникове»: «23 февраля 1859 года, по высочайшему повелению, кандидат Московского университета Павел Рыбников, как навлекший на себя подозрение своими сношениями с раскольниками и рассуждениями о делах политических, высылается на жительство в г. Петрозаводск под строгий надзор полиции». К «Делу» приложено конфиденциальное письмо начальника Третьего Отделения Собственной его императорского величества канцелярии князя Долгорукова: «...причиною высылки Рыбникова послужили подозрительные разъезды его по слободам Черниговской губернии, населенным преимущественно раскольниками, и неуместные рассуждения в обществе сих последних; также и прежнее поведение его в Москве, где он, быв студентом, имел у себя частные собрания, навлекавшие на себя подозрение по тем разговорам, которые вели посетители оных».[9]

Арест Рыбникова вызвал возмущение А. И. Герцена, поместившего в журнале «Колокол» (№ 51 от 1 сентября 1859 г.) запрос: «Мы были бы очень благодарны, если бы нам сообщили подробности, за что сослан в Петрозаводск г. Рыбников. Нам пишут, что он сослан за то, что, изучая в Черниговской губернии промышленность, он ходил в *русском*, а не в *немецком* платье. И это не при Бироне, но при Николае».[10] К этому времени Рыбникову удалось собрать немало фольклорных произведений, но уцелел лишь десяток черниговских песен, впоследствии включенных им в третий том «Песен».

---

[8] *Деркачев И. П.* Кружок П. Н. Рыбникова // Литературные салоны и кружки : Первая половина XIX века / Ред., вступ. ст., примеч. Н. Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930. С. 435—437.

[9] Оба документа были обнаружены и прокомментированы С. Н. Виноградовым в статье: *Виноградов С. Н.* Материалы для биографии П. Н. Рыбникова // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. 1935. М.; Л., 1936. № 2—3. С. 317—318.

[10] Там же. С. 317.

Все в той же русской рубахе, поддевке и высоких сапогах, без всяких средств к существованию, 3 марта 1859 г. Павел Николаевич прибыл в город Петрозаводск. За Рыбникова хлопотали многие влиятельные лица, в том числе А. С. Хомяков и воспитательница великой княжны, фрейлина А. Ф. Тютчева, поэтому в сопроводительном письме князя Долгорукова содержалась просьба к олонецкому генерал-губернатору Н. П. Волкову предоставить ссыльному возможность служить в Петрозаводске. С 24 мая 1859 г. П. Н. Рыбников начал службу по Министерству внутренних дел.

Положение Павла Николаевича в ссылке было весьма неоднозначным. «Как политический ссыльный, он находился под надзором и в непосредственном подчинении у полиции. И в то же время полицмейстер обязан был ему, как своему непосредственному начальнику, по должности советника губернского правления, докладывать и рапортовать о поведении ссыльных, в том числе, конечно, и о нем самом». В Петрозаводске Рыбников быстро продвигался по служебной лестнице. Начав с должности члена-делопроизводителя Олонецкого губернского статистического комитета, в 1863 г. он был «определен» советником Олонецкого губернского правления и «за отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован 16 июня 1865 года орденом св. Станислава 2-й степени с императорскою короною».[11] Деятельная натура Рыбникова нашла себе применение даже в стесненных обстоятельствах ссылки: именно здесь он реализовал сформировавшееся еще в студенческие годы стремление посвятить свои силы благу народа, улучшению положения крестьян, воспитанию в высших сословиях уважения к народному быту и истории.

Работа, которую проделал Рыбников в Олонецкой губернии, действительно послужила на пользу краю и его жителям. За семь лет петрозаводской жизни он опубликовал более тридцати работ в «Олонецких губернских ведомостях» и «Памятных книжках Олонецкой губернии»,[12] подготовил и издал обширное собрание «Песен». Предоставив в распоряжение Императорского Археологического общества «разного рода древности», Павел Николаевич был избран его членом.[13] Он собрал коллекцию духовных стихов и передал для опубликования П. А. Бессонову.[14] Много времени отнимали служебные дела: разъезды по губернии для составления статистических отчетов и решения судебных дел на местах. «Ездишь целый день с утра до вечера, — писал П. Н. Рыбников П. А. Бессонову 25 июня 1861 г. — торопишься, как будто кто сзади подгоняет дубиною, приедешь в город, сейчас за ревизию присутственных мест. Разумеется, более обращается внимание на канцелярскую обрядность; где же добираться до существенного выполнения закона, особенно, когда сомнительно, осуществимо ли оно. Впрочем, есть полезная сторона в ревизии губернатора. Это ⟨...⟩ рассмотрение и удовлетворение просьб. Просьбы эти подавались в несчетном количестве и в каждом уезде предметом своим указывали на главные злоупотребления. Ведомство трех просьб было поручено мне, и я сто раз был вознагражден за свой труд, слушая, как крестьяне доверчиво рассказывали мне свои нужды и обиды. Если не всегда было возможно удовлетворить

[11] Там же. С. 321.

[12] Библиографию трудов П. Н. Рыбникова см.: *Шляпкин И. А.* П. Н. Рыбников и новое издание его сборника // ЖМНП. Нов. сер. Ч. 29. 1912. Июнь. С. 310—313; *Виноградов С. Н.* Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. С. 323—324; *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики. М.; Л., 1954. С. 130—131.

[13] Археологическому обществу Рыбников передал древние акты и рукописи, ониксы и каменные орудия, старинные монеты, хранившиеся «на счастье» в крестьянских семьях. Членом общества П. Н. Рыбников был избран 19 января 1862 г. (Изв. Имп. Археол. об-ва. СПб., 1863. Т. 4, вып. 6. С. 603).

[14] Тексты духовных стихов опубликованы: «Калики перехожие» : Сборник стихов / Исслед. П. А. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6.

просителей сейчас же или вполне, по крайней мере удавалось успокоить их или указать иной путь или же уговорить оставить дело и согласиться на мировую сделку».[15]

Стараниями П. Н. Рыбникова в 1860 г. в Петрозаводске открывается городская публичная библиотека, снабжается книгами уездное училище. В значительной степени благодаря Павлу Николаевичу в кругах олонецкой интеллигенции складывается в это время новый взгляд на возможности общения с народом. Наиболее талантливым последователем П. Н. Рыбникова в изучении фольклора и этнографии края стал Е. В. Барсов, в ту пору преподаватель и исследователь олонецкого фольклора и русских древностей. Сборник фольклора вознамерился подготовить и находившийся в дружеских отношениях с Рыбниковым олонецкий учитель (впоследствии инспектор народных училищ) К. М. Петров, автор многочисленных заметок в местной печати об истории и этнографии края.

До П. Н. Рыбникова в Петрозаводске многие, зная о распространенности былин в крестьянской среде, все же их недооценивали. Рыбников не без оснований возмущался местными «любителями» народной песни: «Возьмите в соображение, — писал он 11 апреля 1861 г. П. А. Бессонову, — что здесь любителей бывало много, и начальников горных заводов, и губернаторов, все они собирали, а что явилось в свет? Одна старина в „Губернских ведомостях". Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости».[16] Рыбников имеет в виду старину о Соловье Будимировиче, опубликованную в 1857 г. в «Олонецких губернских ведомостях», вернее, сбивчивое описание этой старины с отсылками к авторитетному сборнику Кирши Данилова и пересказом показавшихся скучными эпизодов.[17] Публикация подписана «Ф. Д.», т. е. Ф. И. Дозе, учитель петрозаводской гимназии, получивший собрание фольклорных произведений от А. П. Баласогло, сосланного в Олонецкую губернию в 1849 г. по делу петрашевцев и вновь заключенного в Петропавловскую крепость в 1851 г. Возможно, это собрание было значительным, но целиком оно не сохранилось: Дозе раздал его по частям гимназистам в качестве образцов для самостоятельной записи учащимися народных песен.[18] Вышеупомянутый текст былины о Соловье Будимировиче был включен П.Н. Рыбниковым в третью часть «Песен», но с добавлениями из былин более поздней записи.[19]

Рассказывая о том, как возникла идея создания сборника «Песен», П. Н. Рыбников писал И. С. Аксакову: «...в течение 1859 г. из разговоров с петрозаводскими старожилами я узнал, что в сельском населении Олонецкой губернии сохранилось много любопытнейших и древних обычаев, поверий, преданий, былин и песен. В подтверждение этим рассказам указывали на исторические и этнографические данные, напечатанные в местных губернских ведомостях, между прочим, на две

[15] ГИМ, ф. 56, ед. хр. 519, л. 80—80 об.

[16] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862. С. X.

[17] О бытовании былин в Олонецком крае см.: Олонецкие губернские ведомости. 1857. № 30. 27 июля. С. 159—160; № 31. 5 авг. С. 164—165. «Особенно много памятников старого времени в уездах Каргопольском и Пудожском Олонецкой губернии». Здесь поются старины или былины, сложенные о пирах князя Владимира и подвигах его богатырей, «поют их старики или старые женщины, и этих песен так много, что об них и певцах их существуют даже поговорки» (Олонецкие губернские ведомости. 1857. № 30. С. 159—160).

[18] *Петров К. М.* Провинциальные статистики и писатели // Северный вестник. СПб., 1887. № 4. Апр. С. 83.

[19] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3: Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864. № 33. С. 193—196.

былины о богатырях — Соловье Будимировиче и Василье-пьянице.[20] В том же году мне самому довелось прочесть в рукописи несколько старин, записанных (как я узнал впоследствии) со слов крестьянского портного Бутылки, родом из Пудожгорского погоста Повенецкого уезда. С зимы 59—60 года я принялся сам собирать памятники народной поэзии, но сначала удавалось записывать только бытовые песни, заплачки и духовные стихи. К записыванию этих материалов представила удобный случай первая поездка моя на Шунгскую ярмарку Повенецкого уезда (в декабре 59-го и в январе 60 года), куда я отправился для собрания статистических сведений».[21] Здесь Рыбников записывал духовные стихи и плачи шунгской вопленицы.

Летом 1860 г. Рыбникову поручили проверить достоверность статистических сведений, поступающих в Олонецкий губернский статистический комитет. Таким образом, он получил возможность побывать не только в уездных городах, но в селах и деревнях губернии, познакомиться с деревенским бытом. Именно тогда, на пути из Петрозаводска в Пудожгорский приход, куда он отправился в лодке вместе с крестьянами, собирателю удалось услышать былину о богатом госте Садко в исполнении кижанина Леонтия Богданова. Произошло это неожиданно, во время вынужденной стоянки на острове Шуйнаволок. Заснув у костра, Павел Николаевич был разбужен необычным напевом, ладом своим напоминавшим «что-то стародавнее, забытое нашим поколением».[22] Впоследствии собиратель сделал много уникальных записей от превосходных певцов, но первое впечатление от встречи с былиной, пропетой срывающимся старческим голосом, осталось неизгладимым на всю жизнь.

Крестьяне-попутчики убедили П. Н. Рыбникова отправиться сначала в Заонежье, а потом — к Пудож-горе. Так собиратель попал в деревню Середка Великогубской волости, где Леонтий Богданов свел его с одаренными олонецкими сказителями — Трофимом Григорьевичем Рябининым и Козьмой Ивановичем Романовым, былины которых стали классикой. В письме к И. И. Срезневскому П. Н. Рыбников эту поездку характеризует как решающую для издания сборника. 5 октября 1862 г. он пишет: «В два месяца, в захолустьях, в „задвенных" уголках я успел отыскать или положить начало отыскиванию всего того, что издаю в течение ⟨двух⟩ лет и что сообщаю в разные научные общества. В 61-м году я ездил всего месяц, сопровождая губернатора и ревизуя уездные присутств⟨енные⟩ и полицейские места. Много ль можно было узнать при такой обстановке! А затем ссоры провинциальных властей, как ни старался я избежать дрязгов и замкнуться в своем семействе, отразились и на мне».[23]

Своим замыслом П. Н. Рыбников успел поделиться с А. С. Хомяковым (умершим в 1860 г. от холеры), который одобрил его и обещал помочь в издании. Еще в 1859 г. Рыбников сделал первые шаги в этом направлении, опубликовав в «Олонецких губернских ведомостях» полученные им записи, в частности Н. Ф. Бутенева, бывшего олонецкого начальника горных заводов, занимавшегося «разведкой новых месторождений железных руд».[24]

Приступая к публикации старин в местной печати, П. Н. Рыбников пишет: «В настоящее время мы с удовольствием получили значительное собрание былин, песней и духовных стихов, ко-

---

[20] Имеется в виду публикация: Этнографические материалы : «Старина о Василии» (Олонецкие губернские ведомости. 1856. № 13. 31 марта. С. 47—48).

[21] Письмо опубликовано в газете «День» (1862. № 47. 24 ноября. С. 11).

[22] *Рыбников П. Н.* Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XII.

[23] *Колесницкая И. М.* Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 290.

[24] *Иванов А.* Очерки Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 4. 23 янв. С. 15.

торые отчасти сообщены Н. Ф. Б⟨утеневы⟩м, отчасти извлечены из старинных рукописей».[25] Присоединив к этим текстам материалы, собранные им самим летом 1860 г., П. Н. Рыбников посылает все имевшееся у него к осени 1860 г. сыну А. С. Хомякова — Дмитрию Алексеевичу, который во исполнение воли отца взял на себя значительную долю хлопот по изданию этого собрания. В сопроводительном письме П. Н. Рыбников сообщает, что выслал Д. А. Хомякову «черниговские песни, пермские песни, олонецкие песни, беседы Петрозаводского и Повенецкого уезда, обряд свадеб, побывальщины, заплачки, заговоры, сборник стихов (12 нум⟨еров⟩) и 44 былины Петрозаводского уезда. Из этих последних 6 первых, с 1 до 6, были напечатаны в „Олонецких ведом⟨остях⟩" прошлого года». Помимо этого, Павел Николаевич намеревался переслать еще 36 былин Каргопольского и Пудожского уездов.[26]

Тексты былин из этой коллекции сохранились, они являются частью рукописи, обнаруженной П. Д. Уховым в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), в архиве П. В. Киреевского и П. А. Бессонова.[27] П. Д. Ухов счел ее адресованной П. А. Бессонову, однако она состоит из разных тетрадей, соединенных впоследствии, согласно перечню-оглавлению, в одну книжечку. Судя по дате, стоящей в конце тетради с «заонежскими былинами», — 19 сентября, — тетрадь предназначалась Д. А. Хомякову. И нумерация, и расположение текстов совпадают с указанными в письме к нему. По всей вероятности, первая тетрадь была передана Хомяковым Бессонову — с просьбой стать редактором будущего сборника. Прочие записи присылались (или передавались) уже непосредственно редактору.

Композиция будущего собрания выстроилась летом 1860 г. — сразу после окончания собирательской работы П. Н. Рыбникова. Она была логична и естественна: былины располагались по сказителям и по месту записи.[28] Однако П. А. Бессонов избрал в качестве образца сборник П. В. Киреевского, подготовленный для издания П. И. Якушкиным, который расположил былины по содержанию и сюжетам («Время Владимирово», «Илья Муромец»).[29] Собрание Киреевского состояло из записей разных губерний — Московской, Олонецкой, Симбирской, Воронежской, — и скомпоновать его иначе, чем по сюжетно-тематическому принципу, было бы трудно. Но этот принцип не был оправдан при издании регионального материала — ведь читатель знакомился с текстами не просто одной губернии, но записанными в большом количестве в пределах одного погоста и даже деревни. После выхода в свет первой части «Песен» П. Н. Рыбникова в научных кругах возникли споры, порожденные сравнением этого издания с очередным выпуском «Песен» П. В. Киреевского. Как же так, до сих пор удавалось записывать лишь единичные тексты былин по всем русским губерниям, а здесь издатели обещают огромное собрание только из Олонецкого

---

[25] [*Рыбгиков П. Н.*] Былины, песни и духовные стихи // Олонецкие губернские ведомости. 1859. № 30. 5 авг. С. 132.

[26] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1910. Т. 3. С. 304.

[27] *Ухов П. Д.* Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 155—167.

[28] Помещая в 1860 г. былины собственной записи в «Олонецких губернских ведомостях», Рыбников присваивает им номера, соответствующие перечню-оглавлению будущей рукописи — макета тома (см.: Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 35. 27 авг. С. 141—143; 1860. № 39. 24 сент. С. 157—158).

[29] Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1. О том, что собрание Рыбникова строится по образцу «Песен» Киреевского, заявлено в «Предуведомлении» к первой части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». См.: От издателей // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861. С. I—II.

края! Правда, паспортные данные сопровождали большую часть текстов, но даже это не убеждало читающую публику в реальности существования столь яркого явления в крестьянской среде. Если бы редактор сохранил и развил предложенный П. Н. Рыбниковым принцип расположения текстов, сгруппированных по месту записи, поводов для недоверия было бы куда меньше. В 1867 г. сопровождая своей «Заметкой» 4-ю, последнюю часть рыбниковского собрания, редактор этого тома, О. Ф. Миллер писал: «Кто хочет поверить своими ушами — поезжай, отыщи, и послушай», примирительно добавляя: «...ежели бы отдельное лицо оказалось способным создать Микулушку, основу Святогора-Самсона и Авдотью — жену Рязаночку (былины нашего сборника, до сих пор не отысканные нигде, кроме Олонецкого края), то такое лицо должно бы быть признано громадною поэтическою гениальностью».[30]

Сразу после выхода в свет первой части «Песен» П. Н. Рыбникову пришлось доказывать, что опубликованные им тексты достоверны. В этом ему помогали Д. В. Поленов и учитель петрозаводской гимназии В. И. Модестов. Последний поручался за точность записей, поскольку сам присутствовал при сверке Павлом Николаевичем былин, исполненных К. И. Романовым, который приезжал к собирателю в Петрозаводск, и удивлялся точному следованию певцом прежнего текста. П. Н. Рыбников говорил Модестову, что «каждая былина тогда только считалась им годной к печати, когда она была повторена одним и тем же лицом раз или больше». Свидетельства В. И. Модестова и Д. В. Поленова были опубликованы в рецензии И. И. Срезневского на первую часть «Песен». Защищая П. Н. Рыбникова, академик в то же время упрекал его в отсутствии вступительной статьи к сборнику и пояснений к текстам.[31] У Срезневского не было сомнений в подлинности записей. Требовательный рецензент, он сразу осознал исключительность собрания и представил его на Демидовскую премию, одновременно направив собирателю письмо, содержащее ряд вопросов относительно бытования и обстоятельств записи былин. Это письмо, очевидно, послужило программой к написанию «Заметки», опубликованной в третьей части «Песен», и к составлению словаря — «Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике», — напечатанного в качестве приложения к этой части.[32] Изменившийся уровень подготовки издания удовлетворил И. И. Срезневского. 13 апреля 1864 г. он сообщил П. Н. Рыбникову о присуждении ему Демидовской премии.[33]

Демидовская награда (2000 р.) дала возможность завершить работу по публикации сборника, но это было позднее, а в 1860 г. Рыбникову пришлось потратить немало усилий на отыскание не только материалов, но и средств к их напечатанию. Письма П. Н. Рыбникова в Москву — к Д. А. Хомякову, П. А. Бессонову — полны сетований на финансовые затруднения, жалоб на невозможность из-за поднадзорного положения записывать самому. Дабы погасить долг Бессонову, Рыбников (это подчеркнуто в письме) обещает «безвозмездно» прислать духовные стихи для «Калик перехожих», а также отчислить редактору четверть вырученной после продажи второй части «Песен» суммы. К этому прибавились расходы на устройство семейной жизни: в июле 1861 г. П. Н. Рыбников женился на дочери председателя олонецкой казенной палаты. Партия была выгодной, но, судя но энергичной просьбе Рыбникова к Бессонову выслать ему денег «под обеспече-

[30] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4: Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверья, суеверия и заговоры и т. п. СПб., 1867. С. XLIV—XLV.

[31] Рец.: [*Срезневский И. И.*] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым.Ч. 1». Стб. 252, 249.

[32] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. I—LXII.

[33] *Колесницкая И. М.* Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому. С. 284.

ние сборника или заимообразно взять у Д⟨митрия⟩ А⟨лексеевича⟩», так как до свадьбы он сделал долг и срок погашения близок,[34] — Павел Николаевич стремился к самостоятельности и независимости от влиятельного тестя.

Растянутость в издании текстов песен, за которую часто упрекали Рыбникова, объясняется не только денежными обстоятельствами, но и двойственностью его положения. Будучи чиновником и политическим ссыльным одновременно, Павел Николаевич не имел права организовать для себя ни одной экспедиции, вся его фольклористическая работа была дополнением к отнимавшей много сил и времени службе. «Ах, какая тоска сидеть за формальным занятием в губернском городе! — писал П. Н. Рыбников П. А. Бессонову. — Я не писал Вам, что уже скоро год, как служу советником в губернском правлении, а потому выезды мои еще стали реже прежнего... Окончив дела, прошу у губернатора особых работ и рад-радехонек, если он берет меня с собою на ревизию губернии. Один я выезжать не могу по-прежнему. Разумеется, такие поездки только развлекают, потому что нет времени узнавать и собирать данные. А я ценю только те материалы, которые собраны по известному плану или даже чутью, т. е. собраны лично. Когда же, когда наконец можно мне будет выехать из Петрозаводска?».[35]

Значительная доля собрания П. Н. Рыбникова (по мнению А. Е. Грузинского, около четверти текстов) — записи, сделанные не им лично. Установить с абсолютной точностью их число не представляется возможным до тех пор, пока не будут выявлены все рукописные источники опубликованных текстов. П. Н. Рыбников ручался за качество записей Лысанова.[36] Других фамилий он не называет, видимо, это были люди случайные. Техника повторных записей была отработана собирателем в отношении К. И. Романова и Т. Г. Рябинина, приезжавших к нему на квартиру: биографии этих певцов подробны, а тексты выверены. Что касается остальных исполнителей, то тесные контакты с крестьянами казались начальству подозрительными, их старались пресечь, ведь именно за хождение «в народ» Павел Николаевич был арестован и сослан. Поэтому сведения о певцах оказались весьма скупыми, все они изложены в «Заметке», опубликованной в третьей части собрания П. Н. Рыбникова, в пору признания полезности его дела и получения им большей свободы действий.

Положительную роль в судьбе Павла Николаевича сыграла реформа 1861 г., изменившая отношение к проблемам народности и народничества. В январе 1864 г. П. Н. Рыбников в письме к олонецкому губернатору Арсеньеву просит снять с него полицейский надзор, угнетающий его «как гражданина и как нравственную личность». Он указывает на то, что времена изменились и оценка его прежней деятельности должна быть иной: «В пору этого обвинения я усердно занимался политэкономией, наука эта весьма часто составляла предмет моих разговоров, а еще недалеко от нас то время, когда политэкономия нисколько не различалась обществом от политики и стремления умножить народное богатство, улучшить быт трудящихся — причислялись к политическим тенденциям. Вообще положение дел в 1854—⟨18⟩59 годах (когда я был в университете) резко отличалось от настоящего».[37] К середине 60-х гг. XIX в. деятельность «по улучшению быта трудящихся» уже не расценивалась как политическое преступление, напротив, в пору реализации положений крестьянской реформы такая установка была актуальной, соответствовавшей моменту. Ощущая

[34] ГИМ, ф. 50, ед. хр. 519, л. 82—83 (Письмо П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 27 ноября 1861 г.).
[35] Там же, ф. 56, ед. хр. 519, л. 91 об.—92 (Письмо П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову, без даты).
[36] Там же, ед. хр. 319, л. 102 (Письмо П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову, без даты).
[37] *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики. С. 72—73.

«потребность облегчения кар против печатного слова, гласного судопроизводства, земских учреждений и, наконец, уничтожения крепостного права»,[38] П. Н. Рыбников стремился способствовать прогрессивному обновлению общества и горько сетовал на неосуществимость его демократизации в провинции.

В письме к К. С. Аксакову (6 мая 1860 г.) он признается: «Для меня эти этнографические занятия да чтение единственное спасение от застоя провинциальной грязи. Теперь я понимаю озлобление Щедрина: лучшие люди едва высовывают голову из зеленоватой мутной воды провинциального болота и все чаще мало-помалу опускаются на дно».[39] 3 ноября 1861 г. он пишет Д. А. Хомякову, что может быть счастлив только «внутри своей семьи; но вне ее провинциальная жизнь со всеми ее мелочами, гадостями и сплетнями дает себя знать. Мысли нет у этих людей об общем благе: если они делают что-нибудь хорошее, так невзначай, из желания себя показать или под гнетом формы. Впрочем, их строго винить нельзя, каждого порознь. Хорош же был и уровень общественного смысла, при котором они выросли!»[40] 7 октября 1863 г. он сетует в письме к П. А. Бессонову: «...всякое поколение образует людей, страстно ищущих истины и успевающих выработать себе нравственную крепость и силу характера. Но таковые люди последние времена не попадали в Олонецкую губернию, кроме одного».[41] Полагаясь на собственную «силу характера», П. Н. Рыбников борется в Петрозаводске со взяточничеством чиновников: вступает в открытую борьбу с губернатором Петрозаводска Философовым, вскоре отстраненным от места (в 1863 г.). В марте 1866 г. Павел Николаевич берет на себя защиту подсудимого, которому грозит смертная казнь: защитник выступил блестяще и подсудимый был оправдан.

П. Н. Рыбников верил в возможность практического переустройства общественной жизни, деятельный «вертепник» не умер в нем. Однако призвание собирателя, образ жизни ученого, исследовательская позиция, видимо, казались ему слишком пассивными, ориентированными на будущее. Он жил настоящим и доверие крестьян, приходивших к нему с просьбами и обидами, ценил не меньше, нежели талантливое исполнение народных песен.

Ответ на вопрос, который нередко задают себе фольклористы, — почему П. Н. Рыбников, первопроходец и первооткрыватель былинной Олонии, не проявил себя как фольклорист после выхода в свет его знаменитых «Песен» — нужно искать в обстоятельствах 1863—1866 гг. По мнению А. Е. Грузинского, хорошо знакомого с биографией Павла Николаевича, с воспоминаниям его близких, причина молчания Рыбникова — в нем самом.[42] Он был практиком не в научном, но в житейском смысле: делом жизни для него была служба, конкретная работа с людьми, пусть и в небольших провинциальных масштабах, а гуманитарные занятия — полезным, необходимым для образованного человека досугом. Поэтому он так легко переключился на исследование творчества Л. Н. Толстого — в поисках ответов на насущные проблемы современности.

19 апреля 1864 г. П. Н. Рыбников обрел относительную свободу: ему было разрешено «повсеместное проживание в России, кроме столиц и столичных губерний».[43] Олонецкий губернский статистический комитет изыскал необходимые средства для издания фольклорных материалов со-

[38] Там же. С. 73.
[39] Там же. С. 50.
[40] ГИМ, ф. 56, ед. хр. 319, л. 107.
[41] Там же, л. 84 об.
[42] *Грузинский А. Е.* П. Н. Рыбников. С. XLIX.
[43] *Виноградов С. Н.* Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. С. 320.

бирателя.[44] Так появилась третья часть «Песен», включившая материалы, собранные Павлом Николаевичем летом 1862 г. В 1863 г. он выслал свои записи П. А. Бессонову, который «привел их в порядок», но редактором быть отказался.[45] Тогда же, в 1863 г., П. Н. Рыбников пишет Бессонову о «благоприятных переменах во всех отношениях», имея в виду перспективы обретения свободы в служебных делах и научных занятиях: «К счастью, обстоятельства изменились и, быть может, явится 4-й добавочный том, потому что мне открыты вновь способы собирания лично материалов».[46]

В четвертую часть «Песен» вошел десяток былин, записанных от четырех сказителей, два дополнения к прежде опубликованным старинам и одна побывальщина на былинный сюжет. Остальной объем тома занят заплачками, повестями, суеверными рассказами, песнями — «счастливое изменение обстоятельств» не привело к продолжению работы над былинным собранием. Напротив, Рыбников как бы стремится «поставить точку», подытожить проделанное, подготовив к изданию все оставшиеся у него фольклорные и рукописные тексты.

Известно, что Павел Николаевич хлопотал о выезде из Петрозаводска, ходатаями за него были друзья, в частности И. С. Аксаков. Их стараниями в декабре 1866 г. Рыбников был переведен вице-губернатором в г. Калиш. Судьба П. Н. Рыбникова могла сложиться по-другому. В августе 1866 г. князь В. А. Черкасский пригласил его на службу в Варшаву: ему требовались помощники в проведении крестьянской реформы (эта реформа была встречена в Польше враждебно). Но вскоре В. А. Черкасский был вынужден вернуться в Россию, и перевод Рыбникова в Варшаву не состоялся.

Калиш стал губернским городом 1865 г., когда на границе Царства Польского была образована Калишская губерния, так что и здесь П.Н. Рыбников выступил в роли «первопроходца», первого вице-губернатора. Поначалу Павел Николаевич столкнулся с откровенным непониманием и недоверием к нему местного населения. «И при этом чужая земля, многосложное письменное дело, за которым очень полезно и честно служить русскому государству и народу, но оно берет все время без досуга, требует кропотливого изучения местных постановлений и зоркой борьбы с местными посягательствами. Ах, уважаемый О⟨рест⟩ Ф⟨едорович⟩, — писал Рыбников Миллеру, — ничего подобного уже нет на святой Руси: такую смесь мошеннического нахальства, бессмысленной низости и отсутствия морали нам можно только воображать (*зачастую* у нас. Еще разве в Петербурге встретишь что-либо подобное!). Я только здесь стал понимать отвратительный смысл тацитовской ignorantia recti — не понимание и не признавание известных нравственных истин целым классом людей. Где же тут писать послесловие: право, нет досуга и нет свежести мысли».[47]

Четвертую часть «Песен», вышедшую в 1867 г., когда П. Н. Рыбников был уже в Калише, редактировал О. Ф. Миллер. Редактор не дождался «Послесловия» от собирателя, он написал его сам, присовокупив письма Павла Николаевича и его очерк «Об особенностях Олонецкого подре-

[44] Из письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову, преположительно — декабрь 1863 г.: «17 декабря я обратился к Статистическому комитету, которого я секретарем без жалованья до сего времени, потому что в Комитете денег нет. Представьте же, что 16 декабря получено было уведомление, что на Комитет в 1863 году отпускается 1600 р., в том числе и на издание ученых сочинений... На мою просьбу о издании члены заявили полное согласие... таким образом и III том выйдет прилично, отдельною книгой» (ГИМ, ф. 56, ед. хр. 519, л. 96 об.—97).

[45] Там же, л. 97 об.

[46] Там же, л. 96 об.

[47] Письмо из Калиша от 29 июня 1866 г. Опубликовано И. А. Шляпкиным в рецензии: П. Н. Рыбников и новое издание его сборника // ЖМНП. Новая сер. Ч. 39. 1912. Июнь. С. 314.

чия».[48] 7 февраля 1867 г. Рыбников, объясняя свою нерасторопность, писал редактору: «Здесь на первое время земский, общественный и ученый элемент в моем существе как бы изгладились и уступили место бюрократическому. Приходится работать: писать деловые бумаги, подписывать и наблюдать за устройством и ходом канцелярского дела с ожесточением. А тут является необходимость в деятельном личном участии по устройству города, который, вдалеке от столицы и совершенно во власти богатых бюргеров, запущен и требует улучшений в отношении гигиеническом, экономическом и внешнего благоустройства».[49]

Прав ли был С. Приклонский, написавший уже после смерти собирателя о горькой судьбе «губернских статистиков»? Рыбников «сбился с пути, — утверждал он. — Служба заела и погубила его ⟨...⟩ Около двадцати лет пробыть вице-губернатором где-то в Калише — это, даже в смысле карьеры, весьма незавидная участь для человека, подобного Рыбникову».[50]

Если Павел Николаевич чувствовал себя полезным городу и губернии, ощущал себя его хозяином и умелым посредником между русским государством и частичкой польской земли — он был доволен. Хотя вряд ли служба вполне удовлетворяла его. В бумагах П. Н. Рыбникова обнаружено много начатых и неоконченных работ: две статьи по польскому вопросу, «Изложение Евангелия» (где предпринята попытка «обрисовать исторический фон появления личности Христа и воссоздать черты его учения»), статья «О последних произведениях Толстого». Интерес к первым векам христианства связан с давней увлеченностью Рыбникова проблемами религии; анализ «Войны и мира», «Анны Карениной» служит цели самопознания, вернее — познания роли и судьбы образованной личности в России: «Если она выходит из традиционных рамок, ее гонит в бесплодное отрицание нигилизма; если она приобщается своему племени, ей надобно наложить на себя печать смирения, вступить в казенную церковь, подчиниться безусловно всякой обрядности, начиная с постного масла, и отказаться от всякой самостоятельной деятельности, от всякого самостоятельного мышления ⟨...⟩ Мы в мире бюрократов, которые в петербургских и провинциальных канцеляриях составляют доклады о всевозможных предметах по данным европейской науки».[51]

П. Н. Рыбников скончался 17 ноября 1885 г. в Калише. На смерть его некрологами откликнулись научные издания, газеты и журналы.[52] Однако подлинное значение его труда стало очевидным лишь после того, как другими собирателями были открыты новые районы Русского Севера, богатые эпосом. Даже на фоне записей, сделанных в более благоприятных условиях, точнее передающих особенности произношения певцов, нотированных, — тексты собрания П. Н. Рыбникова остаются образцом, классикой сказительского творчества.

Мог ли П. Н. Рыбников внести вклад в эпосоведение не только как практик-собиратель, но и как исследователь народного эпоса? Павел Николаевич затронул целый ряд тем, развитых впоследствии фольклористами разных направлений. Выводы Рыбникова о соотношении былины с историей, о географическом распространении песенного эпоса и поэтической эволюции жанра, о роли

---

[48] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4. С. III—XLVII (заметка О. Ф. Миллера); *Рыбников П. Н.* Об особенностях Олонецкого подречия // Там же. С. 275—299.

[49] *Шляпкин И. А.* П. Н. Рыбников и новое издание его сборника. С. 316.

[50] *Приклонский С.* Судьба губернских статистиков // Северный вестник. 1886. № 3. Март. Отд. 1. С. 85.

[51] *Грузинский А. Е.* П. Н. Рыбников. С. LVIII—LX.

[52] Правительственный вестник. 1885. № 263. 1 дек. С. 3; Исторический вестник. 1886. Т. 23. Янв. С. 256—257; ЖМНП. 1885. № 12. С. 217—221; Церковно-общественный вестник. 1885. № 106. 5 дек. С. 9; Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 93. 4 дек. С. 825; Библиограф. 1886. № 6—7. С. 99—100.

личности сказителя для развития былины и сказки или бытовой песни и плача — по сей день не потеряли актуальности. [53]

В письме к Д. А. Хомякову осенью 1861 г. П. Н. Рыбников объяснял невозможность написания вступительной статьи к своему сборнику нехваткой специальной литературы: «...здесь я лишен всех пособий: у меня нет ни Гримма, ни Лахманна, ни К. Данилова; новых сочинений по этой части я не знаю. Между тем в статье своей мне следовало бы показать: сущность народной эпической поэзии, постепенный переход из коротких эпических стихов, с одной стороны, в былины, и образование поэм при участии личности поэта, с другой стороны, переход былины в побывальщину, сказку и лирическую песню. Общеарийское значение мифов, сохранившихся в наших былинах».[54]

В этом письме содержится широкая программа изучения эпоса, впоследствии осуществленная в исследованиях А. Н. Веселовского (генезис эпической поэзии, формирование эпических кантилен), А. Ф. Гильфердинга (проблема сказительства как явление устной культуры народа).

Немало доказательств того, насколько актуальными для второй половины XIX в. могли быть эпосоведческие работы П. Н. Рыбникова, мы находим в его письмах к П. А. Бессонову. Рыбников вплотную подошел к проблеме реконструкции первоначального текста былины — в этом он опередил разыскания ученых исторической школы. К выводу о возможности воссоздания «исходного» сюжета собиратель пришел в результате наблюдений над особенностями бытования текста в сказительской среде, убедившись в стабильности, малой изменяемости былины при передаче от одного певца к другому. В 1864 г. он пишет: «Сейчас (15 февраля в 9 часов вечера) был у меня Терентий Иевлев, внук Ильи Елустафьева. Я проверял прежнюю запись и то, что записал вновь, а главное, пришел к несокрушимому убеждению, что былины в течение десятилетий и веков передавались черезвычайно верно, с ничтожными изменениями. Более пятидесяти лет тому назад Елустафьев пел своему сыну и внукам былину о добром молодце и жене неудачливой и более семидесяти лет назад — Козьме Романову. Заметьте, что я положительно разузнал, что К. Романов, Рябинин и Иевлев никогда не слушали один другого. И что же, Иевлев запел мне эту самую былину в тех же самых словах, как и К. Романов. Вот, например, все изменения: 19 ст. Хмелина кабацкая приодолела; вм. 138 — На своем на старом на посельице (неразборчиво) ⟨...⟩ Такие изменения и добавки делал и сам Козьма Романов, и всякий певец каждый раз, когда повторял былину. Итак, основываясь на сличении трех вариантов, образовавшихся от одного текста XVIII столетия, можно утвердительно сказать, что былины черезвычайно верно сохранились до нашего времени». И приписка, сбоку, поперек текста письма: «Что вы скажете о попытке восстановить на основании существующих вариантов первоначальный текст былин, положив, разумеется, в основание лучший вариант исполнения его другими».[55]

П. Н. Рыбников считал, что «пратекст» был сложен певцом, наделенным особым поэтическим даром. В письме 1863 г. о былинах третьей части Рыбников замечает: «Но лучше всего, по моему мнению, былины поромского старика. По ним можно судить, что мы потеряли в древних вариантах ⟨...⟩ Я долго колебался, чему приписать особенную художественность их; может быть, в давнее время певец с особенным поэтическим даром так выработал их, и они (поскольку принадле-

[53] *Базанов В. Г.* Павел Рыбников и Александр Гильфердинг // Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. Петрозаводск, 1955. С. 199—206.

[54] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. III—IV.

[55] ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 89 об.—90 об.

жали личному творчеству) чудом уцелели до нас».[56] Разложение былинной традиции Рыбников связывал с изменением поэтического строя былины: «Падение былин сказывается, по моему мнению, и употреблением рифмованных окончаний»,[57] с переходом в побывальщину.[58]

Распространение и распределение тех или иных сюжетов по различным регионам Олонецкой губернии Рыбников ставил в зависимость от истории заселения края — проблема, актуальная и по сей день. В недатированном письме к П. А. Бессонову Рыбников объясняет непопулярность новгородских былин в Каргополье именно особенностями заселения края: «Замечу здесь, кстати, что Олонецкая губерния заселена из двух древних областей — Новгородской и Белозерской. Новгородцы надвигались к нам по Свири, через Ладожское озеро, самые крайние их колонии в Кижской и Толвуйской волостях Петрозаводского уезда, а также в Шунгской и Чолмужской Повенецкого. Уже из Заонежья колонисты через озеро перешли в Пудожский уезд, где древних заселений погостов очень мало: я знаю Шальский погост, Пудожский, Водлозерский. ⟨...⟩ Часть каргополов перешла в Пудожский уезд. Отчего в Каргополье я не слыхал хороших новгородских былин: о Садке и Буслаеве».[59]

Рыбников понимал необходимость нотации текстов, он рассчитывал издать «том нот» с десятью или двенадцатью былинами и спрашивал в письме к Бессонову, во что может обойтись такое издание.[60] Работу по переложению первых пяти или шести стихов былины на ноты Рыбников поручил некоему Гостинчикову, который, очевидно, не сразу понял задачу: «Я просил его только положить на скрипичные ноты мотивы былин, а он стал перекладывать с вариациями на четыре голоса». Гостинчиков утверждал также, «что нужно перевести на ноты всю былину, потому что-де сказитель в пении постоянно импровизирует». Понимая, что издание такого обширного приложения нот невозможно, Рыбников спрашивал Бессонова: «Не признаете ли вы возможным издать отдельно мотивы целых былин. Образцы были бы выбраны от Романова, Рябинина, Колодозерского старика и проч. Для этого я взял бы Гостинчикова с собою в поездку».[61] Была ли отправлена посылка с нотами, мы не знаем. В Отделе письменных источников ГИМ сохранилось несколько нотных строк к былинам о Садко и Хотене, их оригинал находится в РГБ.[62] Если бы замысел Рыбникова был осуществлен, фольклористика получила бы одно из наиболее ранних и полных музыкальных собраний песенного эпоса.

Рыбников стремился донести до читателя народное слово с максимальной полнотой, во всем его музыкальном и поэтическом звучании, в широком историко-этнографическом контексте. Закономерно, что стремление собирателя войти в народную культуру, познать ее, привело к переосмыслению Рыбниковым своей позиции по отношению к народу. Если в начале своей деятельности он был движим чувством долга перед крестьянством, желанием понять его реальное положение в России и постараться изменить его к лучшему, то в период олонецкой ссылки из общения с северными сказителями Рыбников вынес чувство гордости за принадлежность «к их роду-племени»:

---

[56] Там же, л. 87—87 об.

[57] Там же, л. 106.

[58] Письмо П. Н. Рыбникова к О. Ф. Миллеру от 21 октября 1866 г. // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. Т. 3. С. 321.

[59] ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 94 об.—95.

[60] Там же, л. 98—99 (Письмо без даты).

[61] Там же (Письмо датировано: 24 июля (без года)).

[62] РГБ, ф. 56, оп. 1.

«Грешный человек, люблю я мерное певучее и веское новгородское слово. Из одной истории своего происхождения не полюбил бы я так сильно эту отрасль великоруссов. Но я встретился с ним лицом к лицу в тяжкое для меня время, когда почва исчезала из-под ног. Чем больше узнавал я этих смелых, честных, высокомерных и энергических людей, тем ближе хотелось узнать их прошедшее: я стал гордиться, что принадлежу к их роду-племени, я узнал, что в моем развитии многое есть только расцвет тех потребностей и стремлений, которые заявлены этим племенем исторически. Я ступил на ту же дорогу, на которой славянофилы, но они идут к Москве, а я к Новугороду».[63]

Не этот ли «путь к Новугороду» помешал Павлу Николаевичу Рыбникову обратиться к собиранию фольклора в Западнорусском крае? Как бы то ни было, единственное фольклористическое собрание, завершенное Рыбниковым, дало ему право занять одно из ведущих мест в истории эпосоведения наряду с Вуком Караджичем, Элиасом Лённротом и многими другими собирателями эпических песен.

Александр Федорович Гильфердинг (2.07.1831, Варшава—20.06.1872, Каргополь) — ровесник Павла Николаевича Рыбникова. Он вышел из семьи крупного чиновника дипломатической службы. Его отец был директором дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского, а позднее — управляющим Архивом Министерства иностранных дел в Петербурге. Сведений о матери нет.[64] Получив прекрасное домашнее воспитание и образование, Гильфердинг поступил в Московский университет и в 1852 г. окончил первым кандидатом историко-филологический факультет. Через год он защитил магистерскую диссертацию и поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. В это время Гильфердинг начал углубленно изучать историю балтийских славян и частями публиковать заметки по этой теме в журнале «Москвитянин» (1854—1855). В 1855 г. он издал свой труд отдельной книгой. Н. Г. Чернышевский, готовивший в этот период библиографические обзоры для «Современника», положительно отозвался о работе молодого ученого.[65]

После пяти лет службы Гильфердинг был назначен консулом в Боснию, но дипломатические обязанности не заслонили для него научных интересов. Свободно владея основными европейскими и славянскими языками, он заинтересовался судьбами южного славянства и всерьез принялся за изучение его истории.[66]

Он много ездил по стране, посещал старинные монастыри, обследовал архивы, внимательно приглядывался к быту народа и прилагал усилия к защите населения от турецкого гнета. К этому времени Александр Федорович уже имел некоторый опыт по записи славянского фольклора. Он много путешествовал по землям кашубов, словенцев, проехал по северу Германии, побывал на острове Рюген и всюду прислушивался к говору, записывал песни, сказки и пословицы.[67] Вскоре,

---

[63] ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 101.

[64] И. С. Аксаков в речи, посвященной памяти А. Ф. Гильфердинга, подчеркивая его православное вероисповедание, упомянул, что его отец был лютеранин, а мать — католичка с острова Цейлон (*Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 260).

[65] *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1855.

[66] «Письма об истории сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга публиковались в «Московских ведомостях» за 1854—1855 гг. «Целую неделю читаю материал об Александре Карагеоргиевиче, — писал он К. Н. Бестужеву-Рюмину, когда готовил обзор истории Сербии под его управлением (РО ИРЛИ, № 24745 (Письма А. Ф. Гильфердинга к К. Н. Бестужеву-Рюмину. Письмо 1)).

[67] См. публикации его материалов в «Известиях Академии наук» за 1856—1886 гг. и письма к И. И. Срезневскому (СПФ АРАН, ф. 216, оп. 1, № 184 (Письма от 21 августа—2 сентября 1856 г.)).

возложив дипломатические обязанности на своего секретаря Ионина,[68] Гильфердинг отправился в путешествие по стране, собирая сведения о древнеславянском эпосе. Он посетил место Косовской битвы, был в Загребе, Сараеве, ездил в Новый Назар, Печь, Дечане, Призрен, Приштину, а на возвратном пути через Герцеговину осмотрел «запустелые монастыри на Таре». Он слушал песни и легендарные рассказы о Марке Кралевиче, Милоше и Лазаре, о Момчиле и Вукашенине, в Травнике целый вечер слушал песни гусляра о народном герое боснийцев Иване Сенянине. Песни о героическом прошлом Гильфердинг назвал «лучшим цветком сербского эпоса». Он подготовил книгу «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», в которую включил «Летопись Боснии», составленную Станой Скандеровой, — эпическое повествование, изложенное 10-сложным сербским стихом, составленное по преданиям и личным воспоминаниям Скандеровой. Александр Федорович писал, что в Боснии «каждый человек знает песни и поет их», причем «эпическая (поэзия. — *З. В.*) преимущественно принадлежит мужчинам, лирическая — женщинам».[69] Его книга, богатая этнографическими наблюдениями, историческими сведениями, ценными материалами и фактами, была удостоена Демидовской премии.[70] Она сделала имя автора широко известным в славистических кругах Европы.

А. Ф. Гильфердинг успешно продолжал свои изыскания в области славистики. В 1862 г. в Петербурге вышли две его книги: «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» и «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье». Вторая книга вызвала интерес и одобрение прогрессивных кругов и была удостоена Уваровской премии.[71] Монографическим исследованиям Гильфердинга сопутствовали публикации многочисленных статей и материалов.[72]

В 1861 г. Гильфердинг был переведен в канцелярию Государственного Совета по отделению экономии. По свидетельству современников, ежегодные отчеты о деятельности Главного комитета по освобождению крестьян принадлежали в первой редакции перу Гильфердинга. Он составлял проекты о поземельном устройстве крестьян на Кавказе, освобождении их из крепостной зависимости, об ограждении крестьянских интересов в западных губерниях, об устройстве быта отставных солдат, неизменно проявляя при этом широту взглядов и отстаивая наиболее благоприятные условия для крестьянства.

Когда после польского восстания 1863 г. был создан специальный комитет, который возглавил Н. А. Милютин, человек прогрессивных устремлений и либеральных взглядов, он, ценя деловые качества Александра Федоровича, пригласил его участвовать в работе комитета. Проведя детство и юность в Варшаве, бывая в Польше и позднее, Гильфердинг неплохо знал страну и с горячим участием относился к ее судьбе. В ряде публицистических статей, написанных в это время, в подходе к польскому вопросу Гильфердинг проявил свойственный его взглядам политический кон-

---

[68] РО ИРЛИ, ф. 103, оп. 2, № 30—31 (Письма А. С. Ионина к П. А. Ефремову) и РО ИРЛИ, ф. 239, оп.4, № 53 (Письма А. Ф. Гильфердинга к А. В. Плетневой).

[69] *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч. СПб., 1873. Т. 3. С. 385.

[70] *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859. См.: 29-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1860. С. 22—24, 130—136 (отзыв акад. И. И. Срезневского).

[71] Отчет о пятом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1862 г. СПб., 1862. С. 13—15, 36—42 (отзыв акад. А. А. Куника).

[72] Подробную библиографию работ см.: *Лаптева Л. П.* Гильфердинг А. Ф. // Славяноведение в дореволюционной России : Библиографический словарь. М., 1979. С. 122—125; *Власова З. И.* Гильфердинг А. Ф. // Русские писатели 1800—1917 : Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 560—561.

11 Зак. 3948

серватизм, считая неприемлемым революционный путь преобразований.[73] Он считал, что восстание организовано шляхтой, а цели его не отвечают народным интересам. Между тем его назначение в Варшаву встретило энергичное сопротивление в среде крупных чиновников. Гильфердинг писал К. Н. Бестужеву-Рюмину: «...мое перемещение на службу в Варшаву сделалось гораздо более проблематичным, гораздо менее вероятным, чем оно было, когда я Вас видел в последний раз. Не могу еще вполне умыть себе руки от этого дела, но против моего назначения вооружилась сильная оппозиция и одержала некоторую победу ⟨...⟩. Хотя я вовсе не добиваюсь чести ехать просвещать Польшу, однако, может быть, обстоятельства опять так сложатся, что нельзя будет отказаться от службы в Варшаве...».[74]

Между тем преобразование административного управления Польшей вскоре приняло характер русификации всей страны. В 1864 г. Гильфердинг писал М. И. Семевскому: «Для меня лично, конечно, ничего не могло быть счастливее, как тот случай, что я освобождаюсь от трудной и неблагодарной варшавской должности без неблаговидного с моей стороны отказа».[75] Александр Федорович вернулся к своим прежним обязанностям в Государственном Совете.

В 1867 г. после Славянского съезда, прошедшего в Москве, в Петербурге было создано Отделение Славянского благотворительного комитета. Председателем его был избран Гильфердинг. Он развернул кипучую деятельность по организации помощи студентам из славянских стран, провел ряд благотворительных концертов с публичными чтениями и живыми картинами, привлек к участию в них А. Г. Рубинштейна, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, Ф. И. Тютчева, артистов театра.[76]

Научная и общественная деятельность Гильфердинга была для своего времени значительным явлением. Он возбуждал интерес к истории славянских народов, сочувствие к их современным проблемам. М. И. Семевский вспоминал, что на заседаниях Славянского комитета в Петербурге можно было встретить представителей всех социальных групп: ученых, писателей, артистов, банкиров, купцов, чиновников, офицеров. Большее значение имели научные результаты исследований Александра Федоровича. «В освещении ряда вопросов истории и этнографии славян он был первым не только в русской, но и в европейской науке ⟨...⟩. Работы Гильфердинга пользовались в XIX в. большим признанием и были переведены на несколько европейских языков. Фактическая сторона некоторых трудов Гильфердинга не утратила своего значения до настоящего времени», — пишет современная исследовательница, славист Л. П. Лаптева.[77]

В 1870 г. Гильфердинг был избран председателем Этнографического отделения Русского географического общества. За сравнительно короткий срок его председательства значительно оживились заседания отделения, на которых обсуждались и утверждались к печати сборники белорусских песен, загадок и пословиц И. И. Носовича, «Остатки жизни полабских славян» С. И. Микуцкого, труды О. Ф. Миллера, «Белорусские песни» П. В. Шейна. Сборник П. В. Шейна был представлен весной 1870 г., затем последовали дополнения к нему, в октябре того же года сборник

---

[73] *Гильфердинг А. Ф.* 1) О положении и задаче России в Царстве Польском // Русский инвалид. 1863. № 266, 273, 275; 2) В чем искать разрешения польскому вопросу // Русский листок. 1863. № 31. См. также: *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2.

[74] РО ИРЛИ, № 24.745, л. 10—11 (Письмо 4).

[75] Там же, ф. 247, оп. 1, № 117, л. 81—82 (Письма А. Ф. Гильфердинга к М. И. Семевскому).

[76] Там же, № 16.764 (Письма А. Ф. Гильфердинга к М. И. Майкову).

[77] *Лаптева Л. П.* Гильфердинг А. Ф. С. 124.

был рассмотрен в полном объеме и принят к печати (за счет Этнографического отделения, как и труд Носовича). В 1871 г. обе рукописи поступили в типографию, но вышли из печати уже после смерти Гильфердинга.

Знакомство с материалами П. Н. Рыбникова, его рассказы при встречах в Петербурге, выходившие одна за другой части его собрания пробудили у Гильфердинга желание побывать на севере России. Много попутешествовав в своей жизни, он приобрел опыт общения с людьми и умение записывать произведения народной поэзии. Весной 1871 г. вопрос о поездке был окончательно решен. Первоначальной целью ее было — «посетить местности, которые были указаны Рыбниковым как пребывание лучших сказителей».[78] Александр Федорович имел право на двухмесячный отпуск и в сопровождении своего слуги Ефима Ивановича отправился пароходом до Петрозаводска.

Гильфердинг уже на пароходе завел с крестьянами знакомства и узнал, что сын одного из сказителей, Абрама Евтихиевича Чукова, певшего Рыбникову, живет в Петрозаводске. «Старик оказался в гостях у сына, и уже в самый день приезда я имел удовольствие услышать его прекрасные былины», — вспоминал собиратель.[79] Там же, в Петрозаводске, Александру Федоровичу указали слепого старика Иова Еремеева, приехавшего по своим делам; оказалось, что дальше им по пути, и Гильфердинг пригласил его ехать вместе в одной лодке. Дорогой Еремеев спел четыре старины, которые в лодке же и были записаны. Так началась деятельность собирателя в Олонецком крае.[80]

Работа Гильфердинга со сказителями составляет важную сторону его собирательства. Благодаря уважительному отношению к певцам, ему удалось установить с ними дружелюбно-доверительные отношения. Это помогло Александру Федоровичу глубже понять и оценить роль певца в хранении и передаче эпического наследия.

Появление Гильфердинга в среде олонецких крестьян, его внимательное отношение к каждому человеку, такт, спокойное достоинство, особенно важное при плате сказителям, произвели на них сильное впечатление. А. Е. Чуков вызвался сопровождать собирателя по всему Заонежью. Александр Федорович вспоминал о нем с благодарностью: «Мы с ним сошлись так, что он охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен. Будучи по ремеслу крестьянским портным, он всю осень и зиму ходит по деревням Заонежья, останавливаясь там, где нужна его работа. Таким образом, у него есть знакомые во всех углах этого края».[81] Благодаря А. Е. Чукову, Гильфердинг не тратил времени на поиски сказителей; их оповещал и приглашал приехать к собирателю его добровольный проводник, которому приходилось иногда удаляться верст за пятьдесят от того пункта, который был избран для записи. В Повенец сказителя сопровождал лодочник В. Я. Мореходов, С. П. Куницын сообщил сведения о И. А. Касьянове, А. П. Сорокин провожал собирателя при переезде с Сумозера на Водлозеро. А когда Гильфердинг поехал из Повенца через монастырь Данилов, то крестьяне специально ожидали его: «...под вечер, около восьми часов, через Губу увидали огонь и поехали туда на лодках и встретили его».[82]

---

[78] *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. С. VII.

[79] Там же. С. XV.

[80] Там же. С. XIII.

[81] Там же.

[82] [*Касьянов И. А.*] Воспоминание крестьянина об А. Ф. Гильфердинге // Рус. старина. 1872. Т. 6. № 12. С. 695.

В «воспоминании», написанном вскоре после безвременной кончины «благотворителя», как называл Касьянов Гильфердинга, Иван Аникиевич сумел с большой искренностью передать и чувство утраты, и свое восхищение этим человеком, и некоторые сомнения, у него возникавшие, — уж слишком непохож был петербургский «генерал» на известных крестьянам местных чиновников. (Гильфердинг имел чин статского советника, что по существовавшей тогда табели о рангах соответствовало генеральскому чину). Оказавшись по своим делам в Петербурге, Касьянов решил воспользоваться приглашением Александра Федоровича: «И думаю я, что такой ли будет здесь весьма добрый, как был в наших местах, или не припустит и на глаза?».

Гильфердинг пригласил Касьянова к себе «в покои, где сидела у него законная супруга Варвара Францовна, и так ласково и милостиво посадил подле себя. А генеральша наливала сама нам чай и с закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливает чай простому мужику».[83] Избранный Гильфердингом стиль поведения был для своего времени в высшей степени демократичным.

Доверительные отношения, установившиеся у Гильфердинга с певцами, по-своему отразились и в полевых записях. Некоторые из певцов, видимо, намеренно, из опасения «не прогневить», пропускали сначала неудобные на их взгляд стихи, но затем решались восполнить пропуск. Корсаков, к примеру, опустил брань Добрыниной матери по адресу неузнанного сына, но, освоившись, спел и пропущенное. Гильфердинг записал на полях, с пометой: «Вставить, что отмечено, ниже». Калинин выпустил из текста бранные слова по адресу князя Владимира и его княгини, заключавшие сравнение их с цепными псами. Эта часть текста также записана на полях с примечанием: «Это он потом велел включить, говоря, что вспомнил, что так поется». Чтобы спеть подобные стихи в присутствии «генерала», надо было иметь к нему большое доверие.

О том же говорит непринужденность и естественность обстановки, в которой протекала работа. Певцы поправляют друг друга, уточняют содержание отдельных частей текста, иногда допевают один за другого. Они прониклись сознанием важности дела, пониманием его серьезности. Иевлеву помогает Рябинин, на полях помета: «Рябинин помог» и отмечены пропетые им стихи, а дальше указано: «Опять Иевлев». В другой раз на полях замечено: «Старик Аксенов плохо помнил былину, и некоторые стихи ему подсказывала Степанида Конева». В. Я. Мореходов из Кижей дополнил былину о Рахте Рагнозерском «памятной ему подробностью, что московского князя звали Василий, а Рахте перед единоборством завязали глаза». Замечания, сделанные на полях, воссоздают спокойную обстановку работы, простоту взаимного общения. В этом несомненная заслуга Гильфердинга. Он сумел поставить себя на равную ногу с представителями «податного сословия», проявил необходимый такт, нашел нужный тон. Он в полной мере оценил талантливость певцов и исключительную одаренность Т. Г. Рябинина и в статье отметил бескорыстную отзывчивость крестьян, их деликатность и благодарность за уважительное к ним отношение.

А. М. Лобода обратил внимание на эту особенность в отношениях Александра Федоровича с крестьянами. Гильфердинг, «полный сердечности и вместе с тем глубокого внутреннего достоинства ⟨...⟩, умел затрагивать в человеке лучшие его чувства и сближаться на их почве; он таким образом не только имел счастье избежать участи в своего рода потворстве слабостям простого люда, но и содействовал облагораживанию его влиянием своей личности в высшей степени изящной во всех отношениях, как в умственном, так и в нравственном».[84] Верность этого наблюдения подтверждает

[83] Там же. С. 697.

[84] *Лобода А. М.* Памяти А. Ф. Гильфердинга : (К 25-летней годовщине его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 98.

пример Касьянова. Один из пяти грамотных крестьян, встретившихся среди 72 певцов, слышанных Гильфердингом, он находился под столь сильным впечатлением от его личности, что сразу после смерти Александра Федоровича написал свое уникальное «воспоминание», единственный случай в истории науки, когда певец писал о собирателе, а не наоборот. В том же году Касьянов, движимый уважением и сожалением о внезапно оборвавшейся полезной деятельности, составил обширную рукопись из шести тетрадей с описанием свадеб, текстами заговоров, былин и исторических песен, рецептами народной медицины и, не рассчитывая на вознаграждение, передал ее в Этнографическое отделение, где она хранится и в настоящее время.

Во время работы с певцами Гильфердинг приглашал их побывать в Петербурге и давал им свой адрес. Возможно, что еще тогда у него возникла мысль об организации концертных выступлений выдающихся мастеров в Петербурге. На заседании Этнографического отделения Александр Федорович, доложив о результатах своей поездки, заметил, что «было бы интересно послушать, как эти былины поются в народе». И предложил вызвать Т. Г. Рябинина, заявив при этом, что все издержки по его вызову и пребыванию в Петербурге он берет на себя, а Отделение просит лишь о назначении подарка.[85] С одобрения членов Отделения он послал письмо Рябинину и одновременно олонецкому губернатору, которого просил о содействии поездке почтенного певца (Рябинину в то время было около 80 лет).

Первым, однако, навестил Гильфердинга кижский сказитель В. Щеголенок, отправившийся на богомолье в Киев. Он задержался в Петербурге на целую неделю, пел (видимо, и жил) у Александра Федоровича, который записал от него несколько новых текстов и еще раз прослушал старые записи. Гильфердинг звал друзей и знакомых послушать сказителя. К. Н. Бестужеву-Рюмину было отправлено приглашение, в котором говорилось: «Ко мне явился один из моих новых друзей, заонежский „сказитель". Приходите его послушать завтра, в 8 часов вечера. Ваш А. Гильфердинг. 6 сентября».[86] Оттого ли, что Щеголенок спешил в Киев, или из-за того, что члены Этнографического отделения находились в летнем разъезде, публичное выступление не состоялось. Гильфердинг заказал фотографию и гравированный портрет сказителя, выполненный академиком живописи Л. А. Серяковым. Он посвятил искусству певца небольшую статью и опубликовал ее вместе с портретом и текстом былины «Первые подвиги Ильи Муромуца».[87]

Другой сказитель, И. А. Касьянов, появился в Петербурге «по осени», в первой половине октября. 13 октября он пел в доме своего «благотворителя», а 15 октября выступал в Русском Географическом обществе.[88]

Певец так вспоминал о своем выступлении: «...когда я был потребован, то, по приходе моем, вышел Александр Федорович, взял меня под руку и посадил на стул, где сидело большое собрание господ. Тогда я подумал: „Где Господь привел быть и сидеть между учеными людьми, просветителями и разъяснителями народу, и все учтиво принимают". И тут я пропел три былины: о пахаре Никуле Сильяниновиче, об Алексее Михайловиче, о Грозном царе Иване Васильевиче, о взятии

[85] Предполагалось вознаграждение в размере 100 р., на что было получено согласие всех членов отдела. См.: *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор : Очерки теории. Л., 1986. С. 90.

[86] РО ИРЛИ, № 24.745, л. 19 (Письма А. Ф. Гильфердинга к К. Н. Бестужеву-Рюмину. Письмо 7).

[87] Всемирная иллюстрация. 1871. Т. 6. № 149. С. 302, 304 (портрет В. П. Щеголенка); окончание текста былины: Там же. № 150. С. 319.

[88] Санкт-Петербургский листок. 1871. № 205. 17 окт.; Биржевые ведомости. 1871. № 284. 17 окт. С. 3; Современные известия. 1871. № 116. 23 окт. и др.

Казани, а более — время было поздо. И после этого был награжден деньгами, и все очень ласково приняли».[89] Касьянов пробыл в Петербурге более месяца, жил, вероятно, у Гильфердинга, позднее был награжден бронзовой медалью Географического общества.

Гильфердинг заранее начал хлопотать о медалях для лучших сказителей. Отделение этнографии поддержало его, создав комиссию по медалям, возглавленную Л. Н. Майковым, которая готовила специальный доклад Совету Географического общества. 22 ноября, в день приезда в Петербург Т. Г. Рябинина, Гильфердинг написал Майкову письмо с просьбой закончить подготовку доклада к последнему заседанию Совета, которое должно было состояться в декабре.[90] Рябинин, как и Касьянов, был приглашен погостить у собирателя. Слушание Рябинина на квартире у Александра Федоровича началось на другой же день: на 23 ноября было послано приглашение Майкову, на 24 — Ламанскому. В архиве Бестужева-Рюмина сохранилась лаконичная записка: «Четверг, а также пятница вечером (с восьми часов) — Рябинин. Ваш А. Гильфердинг. 24 ноября».[91]

Приглашались, вероятно, и другие заинтересованные лица. Слушание былин продолжалось 25, 26 и 27 ноября, о чем свидетельствуют даты, проставленные под текстами, записанными собирателем в Петербурге. Александр Федорович записал 11 текстов и еще раз сверил прежние записи. Поскольку приглашения друзьям распределялись по разным дням, можно полагать, что желающих послушать олонецкого сказителя было много. По свидетельству М. И. Семевского, Рябинин пел и в некоторых других частных домах. В то же время Гильфердинг занимался подготовкой двух больших концертов сказителя: один состоялся в зале Русского географического общества, другой — в помещении Славянского комитета. На первом концерте присутствовали президент Общества великий князь Константин Николаевич, президент Академии наук граф Ф. П. Литке, члены Этнографического отделения — искусствовед В. В. Стасов, профессор Санкт-Петербургского университета О. Ф. Миллер, писатель П. И. Мельников-Печерский и др. Этот первый в истории культурной жизни России большой этнографический концерт, по сообщениям газет, «привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неимением места стояла».[92]

Гильфердинг представил певца, кратко обрисовал состояние эпической традиции в Заонежье, упомянув при этом имена других замечательных сказителей. На сцене большого зала Рябинин, «одетый в сибирку, с длинной седой бородой и с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид, сидел у стола заседания ⟨...⟩, положив обе руки на ручки своего кресла, и когда председатель отделения попросил его начать, принялся за исполнение выбранной былины без всякого дальнейшего приготовления и вступления, смело, без робости, как человек, давно привыкший к своему делу ⟨...⟩ Голос Рябинина — довольно приятный, несмотря на старость, тенор».[93] В числе прочих он спел былины о Вольге Святославиче и об Илье Муромце, а после перерыва, по просьбам слушателей, еще несколько былин: «Добрыню и Маринку» (по просьбе В. В. Стасова), «Илью в ссоре с князем Владимиром» (по просьбе О. Ф. Миллера), «Молодца и худую жену» (по просьбе А. Ф. Гильфердинга). Через день состоялся второй концерт в Славянском комитете. Так было положено начало замечательной традиции: непосредственного знакомства слушателей с живой народнопоэтической устной культурой.

---

[89] [*Касьянов И. А.*] Воспоминание крестьянина об А. Ф. Гильфердинге. С. 698.

[90] РО ИРЛИ, № 8888, л. 4 (Письма А. Ф. Гильфердинга к Л. Н. Майкову. Письмо 2).

[91] Там же, № 24.745, л. 22 (Письмо 8).

[92] Русский мир. 1871. № 95. 8 дек. С. 2.

[93] Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 335. 5 дек. С. 2.

Хлопоты Гильфердинга о награждении Рябинина медалью Русского географического общества встретили противодействие со стороны некоторых членов Совета, так как по уставу представители «податного сословия» не имели права претендовать на золотую медаль.[94] Рябинин был награжден серебряной медалью. Кроме того, «августейший председатель Общества (вел. кн. Константин Николаевич. — *З. В.*) удостоил его подарка» — серебряной чарки «в древнем русском стиле».[95] Тогда же редакция «Русской старины» обратилась к Н. Ф. Доссу с заказом на фотопортрет Рябинина, мастерски воспроизведенный в гравюре академиком Л. А. Серяковым. Этот портрет помещали во всех изданиях «Онежских былин», начиная с первой их публикации в «Русской старине».[96]

Весной 1872 г. Гильфердинг начал готовиться к новой поездке на север и на этот раз выехал почти на месяц раньше — 8 июня, пароходом. На пристани в Вознесенске он перешел на трешкоут — небольшое палубное судно, которым пользовались как наиболее дешевым транспортным средством. Этот переход был для него роковым. Стремясь завязать новые знакомства с крестьянами, чтобы провести в полезных беседах остаток пути, он заразился тифом. В Вытегре Гильфердинг почувствовал себя плохо, но не придал этому значения, проехав еще 200 верст до Каргополя. Он прибыл в Каргополь 15 июня. Немедленно вызванный врач установил «острое развитие брюшного тифа». Александр Федорович скончался через пять дней, 20 июня, на 42-м году жизни. Его похоронили в Каргополе на кладбище церкви святого Стратилата. Затем, по настоянию жены, гроб с телом покойного был перевезен в Петербург и захоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Итог собирательской работы 1871 г. — сборник «Онежские былины» — увидел свет уже после смерти Александра Федоровича, в 1873 г.

Было бы несправедливым сказать, что Гильфердинг всего лишь прошел «по следам» Рыбникова. Как отметил сам Александр Федорович, только 16 из 70 записанных им сказителей принадлежат к числу «открытых» Рыбниковым. Различается и география записей — из 28 пунктов, обозначенных Гильфердингом, с населенными пунктами, указанными Рыбниковым, совпадает не более 10. По существу Гильфердинг именно продолжил дело, начатое Рыбниковым: посетил новые места, нашел несколько десятков новых сказителей. Появление его сборника «дало много поправок и разъяснений к неточным или глухим указаниям Рыбникова»,[97] поскольку сам Павел Николаевич далеко не всюду бывал и не всегда слышал певцов, былины которых записывались для него разными лицами. Сам Рыбников признавал, что не сразу осознал роль сказителей: «Памятники былевой поэзии заслонили от меня тогда их хранителей и передатчиков».

Гильфердинг снабдил каждый раздел книги географическими справками, биографиями и характеристиками творчества сказителей. Близкое знакомство с певцами позволило выявить роль

[94] Как установил К. В. Чистов, на положительное решение вопроса повлиял академик П. П. Семенов-Тян-Шанский, настоявший на повторном рассмотрении вопроса о медалях. Просьбу Гильфердинга поддержал и великий князь Константин Николаевич. Серебряную медаль вручил Рябинину уже после возвращения олонецкий губернатор. См.: *Чистов К. В.* Народные традиции... С. 98; Известия ИРГО. СПб., 1872. Т. 8. № 2. С. 40—41.

[95] Русская старина. 1872. Т. 5. Март. С. 497.

[96] Там же были опубликованы тексты былин: «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», пропетые в Кижах, и «Молодец и худая жена», записанная в Петербурге (Русская старина. 1872. Т. 5. Март. С. 499—517). Публикации предшествует небольшая биографическая заметка Гильфердинга: «Трофим Григорьевич Рябинин» (Там же. С. 498—499).

[97] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. Т. 1. С. IV.

творческой личности в сохранении художественного наследия. Гильфердинг расположил былинные тексты не по сюжетам, а в соответствии с репертуаром певцов, к чему пришел, не успев осуществить свой замысел, Рыбников. Этот принцип был в последующее время широко использован при публикации всех жанров фольклора и до сих пор в зависимости от задач фольклориста-публикатора остается актуальным, сопутствуя иным принципам расположения (в частности — посюжетному, который принят в «Своде русского фольклора», но дополнен в Приложениях подробными сведениями о биографиях и репертуаре исполнителей). Отказавшись от всякого вмешательства в текст фольклорного произведения, Гильфердинг стремился к максимальной точности воспроизведения народной речи.

«Рассматривая былины по местностям, Гильфердинг делит их на группы, указывает на существование „учителей", на наличие семейных традиций и целых „школ". Наука особенно оценила наблюдения Гильфердинга над репертуаром отдельных сказителей. ⟨...⟩ Каждый певец заверял Гильфердинга, что он перенял старины от стариков и поет их так, как когда-то слышал. Несмотря на эти признания, в былинном сказительстве, как утверждает Гильфердинг, участвует „личная стихия", почти в каждой былине проявляется индивидуальная манера».[98] Гильфердинг сделал ряд повторных записей от сказителей, известных Рыбникову. Каждый новый вариант, каждая новая повторная запись были чрезвычайно важны для дальнейшего изучения русского эпоса.

Должное внимание собиратель уделил бытовой обстановке исполнения былин. «Сами крестьяне не раз объясняли мне, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетения сетей, приходит охота петь старины, и они тогда легко усваиваются, — пишет Гильфердинг. — Природные условия, бытовой и хозяйственный уклад севера были таковы, что устное творчество становилось необходимой принадлежностью народного быта».[99]

Первые печатные сообщения о результатах поездки Гильфердинга вызвали огромный интерес не только в России, но и в Европе. Еще до выхода «Онежских былин» из печати к собирателю обратился английский русист, библиотекарь британского музея В. Р. Ролстон, который узнал из газет о статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», планируемой к публикации в журнале «Вестник Европы». Он просил прислать ему корректуру, чтобы использовать новые сведения в подготовленной им книге о русской народной поэзии.[100]

Отзывы на первое издание «Онежских былин» были единодушны в их высокой оценке. Значение этого сборника для изучения истории русского эпоса было понято сразу. Неизвестный рецензент «Голоса» подчеркивал достоверность и беспристрастность фактов вступительной статьи,

---

[98] *Базанов В. Г.* А. Ф. Гильфердинг и его Онежские былины // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Вступ. ст. В. Г. Базанова, подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. 4-е изд. Л., 1949. Т. 1. С. 21.

[99] *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. С. XVII—XVIII.

[100] *Ralston W. R.* The song of the Russian people, as illustrative of slavonic mythologie and Russian social life. London, 1872. В. Р. Ролстон (в дореволюционных изданиях Ральстон) был в 1867 г. на Славянском съезде в Москве, где познакомился с известным собирателем и издателем сказок ученым А. Н. Афанасьевым. Ролстон высоко ценил его труды и навестил его в 1870 г. После смерти Афанасьева в 1871 г. он первым опубликовал некролог, вышедший из печати ранее русских газетных некрологов. В архиве М. М. Стасюлевича сохранилась письмо к нему Гильфердинга от 1 февраля 1872 г. с просьбой послать корректурный оттиск Ролстону по прилагаемому английскому адресу (РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 421, письмо 2). После выхода из печати «Онежских былин» Ролстон поместил рецензию на них в «Saturday Review» (1873.22 Nowember). Появилась рецензии в немецком журнале «Globus» (1873. Bd. 25. № 3). В русской периодике было опубликовано более двадцати рецензий и обзоров.

богатство материала, «освещающего многое новым светом, чисто народным».[101] Н. Д. Квашнин-Самарин заметил в сборнике много открытий, «и каждое из них бросает яркий свет на эпос», а из былин «иные были вовсе неизвестны, а другие явились в новых и любопытных вариантах».[102] Н. И. Баталин и М. А. Колосов обратили внимание на значение сборника «в этнографическом и филологическом отношении, на появление биографических сведений о певцах, на народные объяснения отдельных слов и выражений».[103] Л. Н. Майков подчеркнул ответственное и высококвалифицированное отношение автора к предмету исследования: «Именно благодаря этой сознательности, этой умелости этнографа-наблюдателя и собирателя, и получились новые и богатые плоды — обширный запас данных и материалов, которые ждут теперь дальнейшей научной разработки».[104] Особенно важна оценка А. Н. Пыпина: относя собирателя к числу «самых гуманных и вольномыслящих деятелей», он писал: «...исследователь понял свою задачу так широко и серьезно, как только можно было бы желать; специальная задача не закрыла от него вопроса о целом быте виденного им народа, и он относится к этому народу с таким вниманием, с таким разумением его тяжких нужд, говорит о них с такой убедительностью и, иногда, такой смелостью, которые вызывали самое полное сочувствие».[105]

Сборник 1873 г., лишь частично подготовленный самим Гильфердингом, был опубликован одним томом. Второе издание «Онежских былин» приурочили к 25-летию памяти Гильфердинга: 1-й том вышел в 1896 г., но дальнейшая подготовка замедлилась, и последний третий том вышел только в 1900 г. Во втором издании записи были распределены по трем томам: «Повенецкое побережье—Толвуй. Пудога» (Т. 1); «Кижи—Выгозеро» (Т. 2); «Водолзеро—Кенозеро» (Т. 3; сюда же вошло несколько записей былин Петербургской губернии).

Выступая на заседании Этнографического отделения, новый председатель его В. Ф. Миллер заметил, что «нигде в Европе интерес к народу, его жизни, его духовному складу не был поднят так высоко, как в нашем отечестве», и назвал готовившееся тогда второе издание образцовым для своего времени: «Соблюдение былинных размеров, точность в передаче особенностей местного говора, указания местностей, биографические данные о сказителях, сведения о лицах, от которых тот или другой сказитель „перенял" былины, дневник путешествия, личные наблюдения местных бытовых особенностей — все это делает сборник Гильфердинга незаменимым источником для изучения современного состояния народной эпической традиции».[106]

Сравнивая итоги деятельности П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, А. М. Лобода отметил принципиально важный момент: создание метода, системы записывания, которые впоследствии оказали влияние на весь ход собирания, записывания и исследования эпоса и даже более того — фольклора. С появлением в печати собранного Гильфердингом материала стало ясно сколько труда и уменья приложил собиратель, «какую массу нового, подчас едва уловимого на первый взгляд, сумел извлечь он оттуда, где уже была собрана обильная жатва! ⟨...⟩ Записи Рыб-

---

[101] Голос. 1873. № 141. 23 мая. С. 1—2.

[102] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Новые источники изучения русского эпоса // Русский вестник. 1874. Т. 113. № 9. С. 6, 5.

[103] Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 2. С. 42—44; 1874. Вып. 2. С. 1—17.

[104] ЖМНП. 1873. Ч. 168. С. 446—459.

[105] *П[ыпин] А. Н.* Александр Федорович Гильфердинг : (Некролог) // Вестник Европы. СПб., 1872. Т. 4. Кн. 8. С. 906.

[106] *Миллер В. Ф.* Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. 3. С. 5.

никова, если позволено будет прибегнуть к аллегории, — это сказочный мертвец, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающий живой воды. ⟨...⟩ У Рыбникова пропадает стих, язык, этнографическое освещение былин ⟨...⟩ сведения о том, где и как были найдены былины, появились лишь в третьей части издания, уже после замечаний по этому поводу критики, да и то далеко не в полном виде. ⟨...⟩ Выше было уже указано, как под влиянием Рыбникова Гильфердинг сделался собирателем былин. Рыбников же дал Гильфердингу первоначальные сведения о сказителях; он же наметил значение в былинах личности сказителя и значение записей по петому, а не по сказываемому. Всем этим замечательно воспользовался Гильфердинг и мастерски развил в целую систему. Его записи, проводившиеся не с пословесной передачи былины, как у Рыбникова, а по петому, буквально передают не только содержание, но и самый склад былины, ее форму, дух, язык».[107] Редактор второго издания «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» А. Е. Грузинский признавал: «Появление Гильфердинговского сборника ⟨...⟩ дало много поправок и разъяснений к неточным или глухим указаниям Рыбникова.[108]

Третье (и первое научное) издание «Онежских былин» готовилось во второй половине 1930-х гг., в непростой внутриполитической обстановке. Она отразилась на состоянии науки и фольклора. В 1936 г. была подвергнута критике историческая школа в фольклористике и пересмотрены достижения русского эпосоведения предреволюционных лет. Эти обстоятельства затрудняли работу над третьим изданием.[109] Печатание началось со второго тома, вышел и третий, а первый том, где должна была быть статья о Гильфердинге, так и не увидел свет.

Предпринятое после войны четвертое издание было повторением третьего — с добавлением первого тома, который печатался по сохранившемуся рукописному оригиналу, подготовленному А. И. Никифоровым и Г. С. Виноградовым. В «Заметке» А. И. Никифорова, которой открываются комментарии к первому тому, подробно охарактеризованы принципы подготовки книги; описаны рукописи, составляющие основу издания.[110] В противовес тщательной работе составителей и комментаторов, оценка деятельности Гильфердинга, данная во вступительной статье, не выглядит объективной.[111]

Отметим, что М. К. Азадовский, работая над историей русской фольклористики во второй половине 1940-х гг., дал подробную и взвешенную характеристику заслуг ученого. По утверждению Азадовского, Гильфердингом была создана новая методика записи текста и разрушены старые мифическо-романтические представления о массовом эпическом творчестве, существовавшие в науке до появления в печати сборников Рыбникова и Гильфердинга и в особенности «Онежских былин». «Гильфердинг был одним из первых академических ученых, который обратился к изучению живого фольклорного материала; он приступил к этому делу во всеоружии научной методоло-

---

[107] *Лобода А. Н.* Памяти А. Ф. Гильфердинга. С. 92, 94.

[108] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. Т. 1. М., 1909. С. IV.

[109] Его подготовка была поручена фольклористам-исследователям А. И. Никифорову и Г. С. Виноградову, общая редакция — коллегии в составе академиков И. Н. Мещанинова, А. С. Орлова, Ю. М. Соколова и профессора М. К. Азадовского.

[110] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. Т. 1. Л., 1949. С. 702—705.

[111] См.: *Базанов В. Г.* А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Онежские былины, записанные Гильфердингом летом 1871 года. М., 1949. Т. 1. С. 28. В последующих переизданиях статьи некоторые особенно резкие высказывания были сняты: *Базанов В. Г.* 1) Карелия в русской науке и фольклористике XIX века. Петрозаводск, 1955; 2) Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981.

гии, внеся в дело собирания строгий филологический метод и исследовательские навыки ⟨...⟩ Записи былин, сделанные Гильфердингом, превосходят все предыдущие сборники точностью в передаче диалектологических особенностей».[112] Вслед за О. Ф. Миллером Азадовский постулировал общеевропейское значение открытий Гильфердинга в области эпоса.

При некоторой разноречивости мнений существенное влияние собирательской и научной деятельности Александра Федоровича Гильфердинга на последующий ход собирания, записывания, исследования фольклора, его огромный вклад в формирование классического фонда русского эпоса остаются неоспоримыми.

---

[112] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1962. Т. 2. С. 226, 228.

Г. Ф. НЕФЕДОВ

VI. О ЯЗЫКЕ БЫЛИН

Настоящая статья ставит своей задачей дать языковой комментарий к былинам, помещенным в томе, представить общую диалектологическую характеристику той местности, где записаны былины, и показать, какое значение имеет изучение говоров для исследования.

Изучение былин имеет много аспектов. Тут и вековое бытование былин с довольно заметным оживлением былинной традиции в наше время; богатое содержание былин, при рассмотрении которого еще не решено, что является в них достоверно историческим; взаимоотношение былин с фольклором других народностей, главным образом финно-угорских, а в связи с этим и происхождение былин; форма и язык былин; наконец, в чем пафос былин, почему былины до сих пор захватывают как слушателей, так и их читателей? Вот те проблемы, которые встают перед исследователем былин и которые не получили еще достаточно исчерпывающего освещения.

Исследованию былин было посвящено значительное число работ, иногда очень солидных по объему и весьма интересных по своему содержанию. Эти работы приходятся главным образом на вторую половину XX в.; по своим методологическим установкам они уже устарели, не дав удовлетворительного разрешения вопроса.

Сейчас при заметном оживлении былинной традиции, при той актуальности, какую приобрел фольклор в наше время, чувствуется настоятельная потребность продолжить эти изыскания, использовав все, что мы имеем в данной области, в корне изменив методологию исследования.

Для плодотворной работы мы располагаем исключительно богатым материалом и, что особенно важно, совершенно новой методологией.

Большое, а иногда и решающее значение для изучения фольклора вообще и в частности былин имеет язык этих произведений. И это естественно: язык наиболее устойчив в отдельных своих элементах; он иногда хранит следы очень древнего состояния, по которым можно судить о происхождении и судьбах данного произведения, а также о судьбах народа, создавшего его.

Данная статья является попыткой показать, с какой стороны могут быть использованы языковые особенности былин в решении вопросов, связанных с былинами.

Здесь прежде всего надо решить вопрос о специфичности языка былин. Существует мнение, что язык былин — это какой-то особый язык, который никак нельзя ставить рядом с обыденным языком местного населения, что отличие его в сохранении архаизмов, в наличии слов и выражений, не свойственных обыденному языку. Но это не совсем верно. Наблюдения показывают, что все, что мы имеем в былинах, встречается и в обыденной разговорной речи местного населения. Все новшества, которые проникают в разговорный язык, проникают и в былины; все то, что умирает в разговорном языке, умирает и в былине. Существенное отличие языка былин от разговорного языка в том, что это язык художественного произведения, построение которого и характер исполнения обусловливают формальные особенности, не являющиеся особенностями данного диалекта. Поэтому, разбирая язык былин и оставив в стороне былинные приемы, мы в сущности разбираем местный диалект.

Прежде чем приступить к изложению материала, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

1. Во всех случаях, когда фиксируется та или иная особенность говора, это не значит, что упомянутая особенность наблюдается последовательно. Такое положение едва ли существует. Как по-

© Г. Ф. Нефедов, 2013

казал многократный опыт наблюдений, даже у одного и того же представителя отмечаются колебания в языке: местные особенности говора в отдельных случаях уступают место литературному произношению. Это мы видим и в былинах данного сборника.

2. Записи былин производились разными лицами, и, естественно, не все одинаково точно и последовательно улавливали диалектизмы и передавали их в своих записях. Поэтому некоторые особенности не могли быть использованы для настоящей статьи: излагается наиболее характерное, что уловлено всеми записывавшими былины. Все это проверено по материалам, собранным здесь же в результате неоднократных наблюдений говоров одновременно с записью былин.

В томе помещены былины Пудожского района, в основном западной части узкой прибрежной полосы Онежского озера. Говор Пудожского района довольно однообразный. Но в западной части очень заметны черты говоров Заонежского района, с которым граничит здесь Пудожский. На самом севере и северо-востоке довольно заметны черты говоров, идущих отсюда до Белого моря.

Включенные в данный том сказители представляют обе группы этих говоров: первая группа — с чертами заонежского говора, вторая — с чертами беломорского говора. Наиболее яркими представителями первой группы, т. е. группы с чертами говоров Заонежского района, являются Ремизов, Пашкова, Кигачев. Яркий представитель второй группы, т. е. группы с чертами беломорских говоров, — Фофанов и частично Журавлев. Первая группа представлена большим числом сказителей и большим количеством былин. Материал, приводимый ниже, располагается по традиционной схеме: фонетика, морфология, синтаксис, лексика.

Фонетика

Говор всех сказителей в основном окающий, но характер оканья неодинаковый; у ряда сказителей оканье более последовательное и четкое, у других — менее заметное. И это соответствует распределению данного явления в пределах Карело-Финской республики. Как не раз уже отмечалось, в известной части ее, главным образом в Заонежском районе, явление оканья своеобразно. Оканье здесь очень умеренное, и наряду с оканьем наблюдаются явления аканья и иканья.

Из всех сказителей по характеру оканья выделяется Фофанов, представитель второй группы. У него оканье более последовательное и встречается в таких положениях, в которых у представителей первой группы (Ремизов, Пашкова) оно не отмечалось или отмечалось очень редко. Фофанов принадлежит по говору к другой языковой группе — к беломорской (поморской), что подтверждается, как увидим ниже, целым рядом других языковых особенностей. К этой группе приближаются Журавлев и меньше — Фадеева и Родин.

1. Оканье, ёканье

Ремизов: Олёшенька, Опраксеюшка, но и Апраксия.

Пашкова: ростряхивает, розыскал, росхлыстал, орестанское, в робячесве, Опраксия (чаще Апраксия), Олёшенька.

Фофанов: роздёрнул, Киёв-град, с Киёва, по Киёву, киёвский, се́рёбра, от бе́рёжка до бе́рёжка, белока́мённы, лазурёвы; ёму, ёго, моёго, помёрла, принёсу, схлёстал, лёжа (3 л. мн. ч.),

вёла, собёрал (и соберал), забёрали, вылётал, сёдло, по рёбра́м, из сёла, сёстру, к рубёжам; за славноё, за синё морё, долгомерноё, поганоё, тело белоё, дело нехорошоё, на чисто полё; Олёшенька, Олёшке, Офимья Олександровна.

У него же наблюдается произношение: а. Владимёр, Владимёру, ко Владимёру, от Владимёра, в то время как у представителей первой группы встречаем или Владимер, или Владимир;

б. Васи́льёвич, Ми́триёвича, ма́тёрью, ма́тёри, племёни, тёбя, в сёми (в семи), со сёми дубов, за синёё морюшко.

Журавлев: розыгрывать, ёму, тёкла, не дёржаны, на бесёдушку, во чи́сто полё (но и: в чисто́ поле); Олёксандровна, Олёшеньки.

У него же отмечаются: смелай бабей ты насмешник; жалашь ли ты; ядиной рукой.

Родин: Офимья.

2. О после шипящих и *ц*

Ремизов: жону, жоначесьво, пошопчимси, вецор, прощеньицо, благословеньицо, разрешеньицо, одияльцо, платьицо.

Пашкова: жона, ка́мешок, ма́мушок, ня́нюшок, служа́ночок, в рукомойничок, нашо дело, на подворьицо, на задворьицо, на болотцо, платьицо, пированьицо.

Фофанов: жона, разбойничок, служаночок, змеинищо, горынищо, прямоезжою, ключовой воды, должон, жолеза, рубашочки, манишочки, во конюшоньку, девичой.

Журавлев: жона, из семи щолков, прошеньицо, благословеньицо.

3. Иканье

Иканье не очень распространенное явление и имеется у всех сказителей в следующих случаях: пьяниньки, теперь, ищё, прикрасивую, дорожиньку, побольши, тисовые, со чисна́ пиру́.

4. *Е* вместо *и*

Наблюдается довольно последовательно и равномерно у всех сказителей в следующих случаях: во гредню, на перу, во серочесве, серотами, к перованьицу, выберай, выберают, заберай, собирал, собиралоси, собиралися, собирать, выскочел, принаскочел, перескочел, потерать.

5. Судьба старого ѣ

Здесь также наблюдается довольно однообразная картина. У всех сказителей старый звук ѣ дает большей частью *и*, значит, ѣ был более или менее закрытым звуком. Это мы имеем в следующих случаях.

а) В середине и в начале слов в ударном положении: всим, всих, совсим, по всим; ми́сяца, зви́рю, ди́тоцьки, по си́ням, по си́нецькам, на си́мена, висть (весть), от си́вера, три ми́сяца, во

сви́тлу сви́тлицу, лис, ми́ста, у ри́чки, в ри́чки, ри́ки, ри́ченька, пли́сень; вякови́цное, в би́ленькой; прои́здил, съи́здил, и́здел, и́дь (поезжай), и́хал, и́дет (едет), и́здют, съи́сь (съесть), и́л (ел), и́ш-ка (ешь-ка), не сми́йся, смотри́ть, не верти́лисе, оди́ть, нади́ялись, пови́рим, общи́нивать, гляди́ть, огляди́лисе си́сть, ви́рить.

б) В середи́не слова в предударном положении перед мягким слогом: мистецько, рики, одияльцо, общинить, смини.

е) В окончаниях дат. падежа ед. ч. имен и местоимений и в некоторых наречиях: к Ильи, теби, ко мни, к матушки, по охвотушки, по похваточки, по посадочки, соби, тоби; на лавоцьки, на земли, в спальни, во реки, по реки, во двори, на двори, на кони, на реки, в письми, на конюшни, в шатри, в столби, в поли, на правой руки, в озири, в морюшки, на самом дни (дно), во росушки, в рубашечки, на лавочки, на лежаночки, на стопочки, на бороздоцьки; вси, гди, везди.

г) В прочих положениях: заповидь, виковицьное, увидил, за лиса.

У Фофанова отмечается произношение: либедь, либедя, двирь, придвирникамы, тритья, т. е. *и* вместо *е* в ударяемом положении перед палатальным слогом.

6. Цоканье, чоканье

Это одна из основных особенностей, которая позволяет разбивать сказителей на две указанные выше группы. Первая группа (Ремизов, Пашкова и др.) цокает, т. е. *ч* произносит как *ц* мягкое, но не изменяет произношения *ц*. Вторая группа (Фофанов, отчасти Журавлев и др.) чокает, т. е. произносит *ц* как *ч*, не меняя произношения *ч*. Эти особенности проведены довольно последовательно и четко у всех сказителей, хотя встречаются незначительные отступления.

а) Цоканье.

Ремизов: крицят, цяру, приуцяй, по вецеру, на лавоцки, цистил, три цяса, на плецо, нацистил, руценьки, сейцяс, цистенько, нацялось, сутоцьки, дитоцьки, крицят, Микулицьна, времецько, хоцю, поцему, переулоцек, цюдо цюдное, отвецял, цим, скрицяла об цём, расписоцьку, цяшу, царевицей.

Пашкова: обруци, боцьки, ноць, королевицей, по крылецьку, с кирпицней пеценьки, лавоцьки, старицёк, цервленый, прицялили, достатоцьно.

Фофанов: Микулицьна, Никитицьна, стрелоцьки, трубоцьку, костоцьки, кирпицьной, востоцьную.

Журавлев: Микулицьну, Микитиниць, Поповиць, цяру, обруцяльный, проць.

б) Чоканье.

Фофанов: молодечь, паличу, паличей, до чарьства, девичу, девичи, отчом-матерью, отча, к кольчу, с конча, кончом, черквы, солнче, улича, окольничи Муромчу, во кузьничу, в три месече, Муромечь, молодечькая, во светличу, заячь, цветоцьки, борча, человал, не челуй.

Журавлев: пшеничи, окольничи, к кольчу, платьича, княженечкоей.

Родин: улича.

У Фофанова почти сплошь чоканье, лишь в единичных случаях встречается цоканье. У Журавлева и Родина цоканье и чоканье наблюдаются равномерно. У Ремизова и Пашковой чоканье совсем не отмечено.

7. *У* неслоговое (ў) вместо *л*

Отмечено в говоре Ремизова и Пашковой и отсутствует в говоре второй группы. Эта черта заонежских говоров, и она не встречается в более северных беломорских говорах.

Ремизов: проснуўся, ехаў, скочиў, отвернуўся, рассердиўся, вернуўся, прибиў, повернуўся, собераўся, стаў, разъехаўся, остаўся, махнуў, биўся, повытащиў, колотиў, пробиўся, проснуўся, простиўся.

Пашкова: соскучиўся, помолиўся, призадумаўся, закручиниўся, запечалиўся, явиўся, рассердиўся, поладиўся, возрадоваўся, послушаўся.

8. *Г* вместо *j*

Эта особенность также отмечена только у представителей первой группы: у Ремизова, Пашковой и Кигачева.

Ремизов: гим, гих, об гих, с гим, у гих, с гима, загидь-ко, сгиздите, гидет, погиду, гидьте, соловгиного.

Пашкова: с гима, гим, с гих.

Кигачев: Святославгович, Гургевец (Юрьевец).

Встречается последовательно у Ремизова и Пашковой. Во второй группе не наблюдалась.

9. *ЖД* вместо *жж*

Ремизов: приеждял, поеждял, приеждяет, поеждяет, наеждял, прямоеждяя, прямоеждею.

Пашкова: приеждяет, подъеждяет, заеждяй, наеждяет, ездивал, выеждял, заеждии, прямоеждею, малоеждено.

Морфология

В области морфологии наиболее четко и последовательно выступают особенности, характерные для говора сказителей. Здесь, так же как и в области фонетики, по некоторым особенностям намечаются две группы говоров в соответствии с тем, что мы имели в фонетике.

Наибольшее число особенностей дают падежные окончания. Поэтому с них и начнем обзор материала.

1. Родительный падеж ед. числа муж. рода

У всех сказителей распространенным является окончание *-у*: улову нет, доходу нет; три году; без докладу; не слышу запаху; без допросу; ответу нет; от угару; от свисту; от шипу; от крику; меду чарочку; без поясу; какого роду; от того удару; три часу; с дому; со чисна пиру.

2. Дательный падеж ед. числа

Дат. падеж ед. ч. имен жен. и муж. рода с окончанием на *-а* имеет окончания *-ы*, *-и*, т. е. совпадающие с род. падежом.

Ремизов: не было тут птицы пролетища и зверю пробежища; говорил он стрелы таково слово; Непры в грудь; по воды; по Москвы; страшно стало царицы: царицы вси в пояс кланялись; по этой ли росы.

Пашкова: к Чурилы; к хоромины; говорит женщины, дружины; своей работы удивляется; по полаты; говорит племянницы; чесной вдовы; ко Натальи Тимофеевны; к палаты; всякой женщины не кланяйтесь; говорит скоморошины.

Фофанов: ко всей палаты; молодой жоны наказывал; пойду к жоны; говорил княгины ён; ко левой стремяны; к палаты; ко Вельмы; говорила Вельмы; по коровы.

Журавлев: не дивую я молодой жоны.

Другие: ко той ко ямы; по границы; ко силы; посылал он молодой жены; по тугой горы.

3. Дательный падеж ед. числа муж. рода имеет окончание *-у*

Во Киеву; на этом Дюку на Степанову; на белом свету; в том греху; на поводку; к Добрынюшку.

Встречается один случай такого же окончания в ср. роде: в нашем на Ильмень-озеру.

4. Довольно часто встречается форма именительного падежа имен одушевленных на *-о*

Ильюшенко, Чурилушко, Добрынюшко, Михайлушко, дядюшко, батюшко, сынушко, поварёнко, горносталюшко. Род. и вин. падеж ед. числа этих имен имеют окончание *а*: дожидались Добрынюшка; видел я Добрынюшка; везет вашего батюшка; нашего батюшка; у сынушка; берет Бурушка; полагает на Бурушка уздечку-ту.

5. Творительный падеж мн. числа

Здесь, за редким исключением, имеем окончания имен существительных на *-мы*, а прилагательных на *-ма*. Те же окончания у местоимений.

Ремизов: с кореньямы; пряжкамы золоченыма; как которыма дорожкамы ехать тут; с има; за столамы; у нас крестамы поменялось; ремешкамы шелковыма; за дверямы за крепкима; за тымя ли замочкамы тяжелыма; со пьяныма; с руськама богатырями; за столами за дубовыма; а сильныма могучима богатырьми; с тыма; за тыма; как за твоима еще кушаньямы медовыма; со многима; со всема гостямы; с пригородкамы, с приселкамы; клиньямы дубовыма своима окомелкамы; ногамы; морьскимы зверямы; каменьямы драгоценныма; платьямы; онуцямы; куцямы; которыма дорожкамы; рядоцькамы. Но: не мог шевелить рукам, ни ногам (один случай).

12 Зак. 3948

Пашкова: за тема столамы за дубовыма; над красныма девушкамы; со своима да со товарищами; со своима князьями да боярамы; желтыма кудеркамы; золочеными перснямы; горючима слезамы; товарамы разныма; обема рукам; булатныма палицамы; конямы; ясьвамы сахарныма; напиточкамы медвяныма; винамы, медамы да стоялыма; с товарамы, жеребьямы; игрушкамы; над намы; с има.

Фофанов: с нянькамы да со служанкамы; за столамы за дубовыма; с пригородкамы; с приселкамы; за има.

Другие: со кореньямы; с переулкамы; площадкамы; маковыма листочкамы; городамы о пригородкамы, селамы с приселкамы; не годочкамы, денечкамы, часочкамы; серотамы; за широкима рекамы; за чистыма полямы; за зеленыма лугамы; с посыльникамы; с рассыльникамы; естваma сахарнима; под тыма под горами под высокима; руцькамы белыма; ножкамы резвыма; с намы; с има со всема.

Особенности в падежных окончаниях одинаковы у всех сказителей.

6. Предложный падеж

Ремизов: на войны; на лавоцьки; на поры-то на вечерней; на головы; в этой цяри; во первой-то вины; во славной во Москвы; волоса на головы; женится на Забавы; на племянницы; об войны; на улицы.

Пашкова: в палаты; на воды; во росы; на той горы; на девицы.

Фофанов: во ковыль-травы; на этой заставы.

Журавлев: в своей стороны; на свадьбы; на ужины (им. пад. ужина).

Другие: в хороброй Литвы; на молодой Забавы; в палаты.

Явление это одинаково распространено в обеих группах говоров.

7. Особенности употребления рода и числа

Слово «ужин» в языке сказителей — женского рода: приходил на ужину, а ужина у их там во всю велась; пригласите на ужину; придешь ли к нам на ужину.

Слово «музыка» может иметь форму мн. числа: все музыки веселые.

Чрезвычайно много особенностей наблюдается в местоимениях. И здесь обе группы говоров не имеют существенных различий. Правда, есть некоторые расхождения, например, в первой группе довольно часто произношение *ён, ёна* и т. д., во второй же группе такое произношение очень редко.

1. 3-е лицо имеет формы: *ён, ёна, ёно, ёны* (но не *ёне* при *оне* и *оны*), которые распространены особенно в первой группе говоров. 3-е лицо мн. числа имеет несколько форм: *ёны, оне, они, оны*. При этом форма *оны*, как представляется, является более архаичной; она присутствует у лиц, говор которых наиболее архаичен и по ряду других особенностей.

2. Часто встречаются формы *ты* (те): под тым, этым, во тых, за тымя, на тых, за эты, до тых, к тым, на тым. Ср. также: одны, оны.

3. Также наблюдаются формы *тые* (те): во тыи, во теи, за тыи, тоё, под тоё, этое, с тыим, тую, тая, тее (те).

Или: к егонной матушки, ейных слов, дом ихней, ейной перстень, к ейной.

4. Отсутствует согласный перед начальным гласным: у его, у ей, с ей, у их, с има, за ей, за има, в ём, на ём, с им, к им.

5. Распространены энклитические формы: у тя, спасибо те, что ти пожаловать, убил бы я тя.

6. Есть форма вин. падежа ед. числа жен. рода *ю* (ее): человал ю.

Особенности употребления глаголов

1. У всех сказителей встречается форма инфинитива на *-ти* без ударения: перефорсовати, слушати, окровавити, покушати, порушати, сосватати, пообедати, похвястати, приотъехати, хлопати, повыпити, доехати, пахати, повыдернути, повытряхнути, поделати; ср. также: течи, легчи.

Во 2-м лице ед. числа: не даши.

2. Глагол «быть» в 3-м лице наст. времени (функционально относясь к разным лицам) имеет разные формы: есть, естя, есте: естя я из матушки Расиюшки; а естя я из города из Галича; у меня естя гуселышки; у меня есте да своя семья.

3. Встречаются, но не часто, формы 3-го лица ед. и мн. числа наст. времени без конечного *т*: буде, принимае, выпивае, скаче, рыска, махне, перемахне; лежа (лежат). Чаще, чем у других сказителей, эти формы присутствуют у Фофанова.

4. Деепричастия употребляются главным образом в форме на *-учи*, *-ючи*: сядучи, поедучи, не едаючи, не пиваючи, не даваючи, сидим скучаючись, тебя дожидаючись.

5. У всех сказителей довольно часто наблюдается стяжение окончаний: играт, спрашиват, выведыват, безобразничат, пускат, гулят, подбрасыват, подхватыват, постреливат, поигрыват, приказыват, скидыват, надеват, встречат, подрагиват, поезживат, помахиват, приговариват, привязыват, похаживат.

То же и в прилагательных: малиновы, веща птица, мужско платьице, вековы жители, доску шахматну, втора рыбка, нерва часть, друга часть, молода жена, старша дочь, красну дéвичу.

6. Возвратная частица *-ся* употребляется или в виде *-си*, или в виде *-се*. Форма *-си* характерна для первой группы, хотя здесь наблюдаются заметные колебания. Форма *-се* характерна для второй группы: у Фофанова эта форма почти не имеет исключений, — на 131 случай употребления глаголов с частицей *-ся* имеем только 3 случая произношения *-си*: облатался, кланялся, спасаешьси, а остальные с *-се*.

Колебания в употреблении частиц *-се* и *-си* зависят от времени и наклонений глагола. Поэтому все примеры распределим по указанным категориям глагола. Некоторые примеры встречаются по нескольку раз.

Фофанов. Инфинитив: боротьсе, дратьсе, женитьсе, не наспатьсе, оглядитисе, полюбоватисе, подтыкатьсе стал, поратитьсе, порасправитьсе, приоправитьсе, ратитьсе, не съезжатьсе, не сражатьсе.

Настоящее время: деретсе, дерутсе, добираешьсе, домогаешьсе, забавляетсе, заклинаетсе, каютсе, кланяетсе, коритсе, молитсе, направляютсе, нарываютсе, наслаждаешься, подпираетсе, потыкаетсе, пробираешьсе, пробуждаетсе, пугаешьсе, собираетсе, хочетсе.

Будущее время: не дадимсе, не наиссе, не натешишьсе, не начаетсе, не начаешьсе, поборимсе, порасправлюсе, расправитсе, сворохнутсе, схолупнитсе.

Прошедшее время: валиласе, захотелосе, зашаталисе, кланялсе, не минуласе, наедалисе, напивалисе, наплясалисе, наскакалисе, свернулсе, огляделисе, одевалсе, оглянулисе, обкольчужилсе, оправлялсе, опускалисе, осмотрелисе, отругнулсе, перекрутилисе, переоделисе, повалилисе, поворотилисе, подогнуласе, поклонилисе, помутилосе, пораздумалсе, порасхвасталисе, призадумалсе, приклониласе, притомиласе, прощалсе, разгорелосе, разъезжалисе, разлеталисе, раскипелаасе, распотелосе, расходилисе, родилсе, садилисе, садилсе, свалилсе, сговорилисе, сломалисе, сломилисе, не слушалсе, смолиласе, соглашалисе, сразилисе, срослисе, схватилисе, угощалисе.

Повелительное наклонение: не купайсе, пораздвинтисе.

Ремизов. Инфинитив: боротьсе, женитьсе, женитисе, не на кого надеетьсе, поратитьсе, потянатьсе, потягатьсе, пошел ратитьсе, хрястатьсе, пошел битьси, венцятьси.

Настоящее время: бьетсе, валитсе, колотитсе, кручинитсе, кручинишьсе, молятсе, наедаетсе, напиваетсе, находитсе, печалишьсе, приходитсе, подаваютсе, пробиваютсе, распоряжаютсе, ратитсе, спотыкаютсе, ставитсе, сумлеваютсе, не торопитсе, улыбаютсе, усмехаютсе, хоронитсе, хочетсе.

Будущее время: женимсе, обворуетсе, переведаемсе, потопчимси.

Прошедшее время: жениласи, запечалилси, застояласи, здоровкалси, кланялси, наедалиси, наелси, накушалси, напилен, находилси, отвернуласи, перевалиласи, побросалиси, принакушалси, принапилси, порасхвасталси, пробуждалиси, раздеваласи, разлеталоси, разгорелоси, садиласи, случиласи, смолиласи, собералоси, спугалиси, спущаласи, шепталоси, явиласи. Не взглянулосе, закачалисе, записалисе, зашаталисе, испугалсе, кланялисе, наедалисе, напивалисе (чаще *-си*), обворовалисе, отказалисе, отправлялсе, повернуласе, поздоровалисе, поклониласе, поклонилисе, помылаасе, порасхвасталисе, призабавилсе, призадумалсе, разошлисе, распростилисе, садилсе, садилисе, сложилисе, снарядиласе, снаряжалисе, случилосе, собираласе, собралисе, справлялисе, становилисе, схватилисе, укаталисе.

Пашкова. Инфинитив: заритьсе, оглянутиси, побратитиси, поженитиси, покоритиси, поравнятиси, сражатиси.

Настоящее время: валяетсе, возвращаетсе, молитсе, надсмехаютсе, отправляютсе, подгибаютсе, поклоняютсе, прощаетсе, не сгибаютсе, спотыкаютсе, упиваютсе.

Будущее время: всполошитсе, осмелюси, не останусь, порасчитаюси.

Прошедшее время: закатилосе, затуманилсе, наедалисе, поломалисе, появилисе, разгорелосе, садилисе, явилосе. Всколыхнулоси, догадаласи, дожидаласи, не дождаласи, дожидалиси, забавлялиси, заградилиси, закружиласи, заручилиси, застояласи, взволновалиси, наедалиси, напивалиси, наслаждалиси, не начаяласи, обозлиласи, оборвалиси, не откликаласи, переглянулиси, подкосилиси, подломилиси, покатиласи, полюбиласи, поменялиси, помутилиси, покланиласи, помолиласи, показалоси, потеряласи, потуманилиси, побилиси, поломалиси, появиласи, появилиси, постучаласи, похвалилиси, не пригодилоси, прилюбилоси, прииспужалиси, принималиси, притопталиси, распростилиси, рассердиласи, расхвараласи, распрощалиси, садиласи, сбушеваласи, смутиласи, согласилиси, не случилоси, сходиласи, сходилиси, торопиласи, условилиси, удивилиси, устрашилиси, укатилиси.

Повелительное наклонение: померяйсе (2 раза), приобдумайси.

Примеры от других сказителей ничего дополнительного не дают; они распределяются так: меньшая часть приближается к Фофанову, большая часть — к Пашковой. Ремизов по этой особенности стоит между Пашковой и Фофановым. Если Фофанов сплошь употребляет окончание

-се, то у Пашковой преобладает *-си*, а именно, на 114 зафиксированных случаев употребления возвратной формы имеем *-се* — 25 раз, *-си* — 89. У Ремизова на 164 случая — *-се* — 118 раз, *-си* — 46.

Интересно, как распределяется эта особенность по отдельным глагольным категориям. Настоящее время у всех сказителей оканчивается на *-се*. Будущее время: у Ремизова из 4 случаев *-се* — 3 раза, *-си* — 1; у Пашковой из 4 случаев *-се* — 1 раз, *-си* — 3. Прошедшее время: у Ремизова на 102 случая *-се* — 59 раз, *-си* — 43; у Пашковой из 84 случаев *-се* — 9 раз, *-си* — 75. Инфинитив: у Ремизова из 23 случаев *-се* — 20 раз, *-си* — 3; у Пашковой из 11 случаев *-се* — 1 раз, *-си* — 10. Повелительное наклонение: у Ремизова — не зафиксировано; у Пашковой из 3 случаев *-се* — 2 раза, *-си* — 1.

Надо отметить, что наряду с этими формами встречаются и формы *-ся* (*-са*), причем наиболее часто у Пашковой.

Распределение этой особенности совпадает с тем делением говоров сказителей на две группы, о котором было сказано выше. Чокающему и более окающему говору второй группы свойственно исключительно окончание *-се* (Фофанов). Цокающему говору, во многом сближающемуся с заонежскими говорами, свойственно преобладание окончания *-си*. Яркой представительницей этого говора является Пашкова. Но у Пашковой часто наблюдается и форма на *-ся* (*-са*). По-видимому, это — явление литературного языка. Пашкова хорошо, грамотна, часто бывает в городах.

Синтаксис

В области синтаксиса отмечается довольно много особенностей, но не все они так заметны, как это имеет место в фонетике и в морфологии. Некоторые встречаются единично. Приведем наиболее последовательно встречающиеся особенности.

Безличный оборот вместо личного

Как у его было с Ильюшенкой побратанось: как у его было крестами-то поменянось. У нас крестами поменянось. Как видит, впереди его проехано. На коне-то, видит, ехано на богатырском-ем. У нас с тобой крестами поменянось, у нас с тобой было побратанось. С Чурилой конями поменянось. Во хороброй Литвы ведь бывано, питья пиваны, колачики еданы. Как не узнато в ем нынечку силушки и не узната в ем как натурушка. А у того змея поганого унесено есть роду крещенского. На котором перстни было обрученось.

Что касается распределения этой формы по намеченным нами двум группам говоров, то замечается, что она больше свойственна первой группе.

Вспомогательный глагол «быть» в форме 3-го лица ед. числа не выпадает: А как есте у нас беда теперь спущаласи. Как это все у меня есть да налажено, как это все у меня есть да приготовлено. Мы есть мужички да из Сароги из реки. Соловей-разбойник да есть привязанный. Я не Дюковая есть матушка, а я Дюкова есть пирожница. Мы есть послы да с града Киева. Как видал я было эту шубеньку у Чурилы. А у того змея поганого унесено есть роду крещеного.

Форма именительного падежа в значении винительного

Как одить-ко ей одетка мужичья. Старина сказать да стародавняя, былина-то спеть да бывалая. А начто мни старому женитися: мни молода взять — будут люди заритсе, а мни-ка стара взять — нать на печи держать. А только надо мне-ка славушка великая.

Собирательное имя при сказуемом во мн. числе

Нападает на нас да погана Литва. Не поверили ему весь Киев-град.

Деепричастная форма в значении прошедшего времени

Волоса его от солнца погоревши, глаза ясны у ворон да поклевавши, тело бело от косьёв да все отпавши.

Наречие *мимо* управляет винительным падежом

Мимо этое окошечко; а ехал мимо он заставу богатырьскую. Шел мимо Киев-град.

Предлог *о* в значении места

Не ложусь о стенку; как отправился о ричку о быструю.

Приставки употребляются в конце слов: прощай-ко, заберай-ко, скажи-ко, доложите-ко, бери-тко, не ходи-тко, прими-тко, покажи-тко, возьми-тко, мне-ко-ва, тебе-ко-ва, туды-ко-ва, зде-ко-ва.

Весьма распространено в языке сказителей употребление уменьшительных и ласкательных форм, когда эти формы не обусловлены смыслом: как не узнато в ём нынечку силушки, а не узната в ём как натурушка. Не было в руках да влаженьица. Один во квартирушке. По утрышку. Хвастат силушкой. Ехаý сутоцьки, сиделышко; времецько; поездоцьки; у сынушка; благословеньица; я-то в его распоряженьицы; проклал дороженьки; по охвотушки; случилосе несчастьице; а изменушки у меня да не будет-то; прямо к домичку; смини работушку; дам работушки; кроваточки; ты беритко платушку условную; гуселышка яровчаты; морюшко не усмириласи; выше лесушку; ко тому крылечушку переному; во полюшки; во сторонушку; конюшки у них как орлы летят; сбруюшка; на головушках шапочки турецкие; сидят гостюшки да долгожданный; личушко; кудерышки; очушки; полотенишко камчатое; не пойду я к ней на перебивушку; мой хозяинушка; чудушко; дивушко; тут заставушки да есте великие; живи спокоюшком; писемышко; тише водушки; на помогушку; мое чадычко; волосушки на головушки; у кустушка у ракитого; телушко (тело); колечушко.

Эта особенность свойственна и разговорному языку.

Лексика

Отметим здесь немногие своеобразные словообразования и формы слов: толстынский, широкинский, большинский в значении очень толстый, очень широкий, очень большой: дубы толстынские, карманы широкинские, книгу большинскую.

Проле́тище, пробе́жище — существительные от глаголов: пролететь, пробежать. Не было туту птицы пролетища и не было зверю пробежища.

Убитосьво, богатосьво, жонатосьво в значении «убийство, богатство, женитьба».

Выубивать — побить: выубивал всих татаровей.

Походит, поводит в значении «итти, вести»: тут походит как Добрынюшка в конюшенку; поводит тут Добрынюшка Бурушка.

Залюби́ть — полюбить: робят он залюбил.

Нать, нап — надо.

Как указывалось выше, четко намечаются две группы говоров. Первая, наиболее значительная в количественном отношении, представлена Ремизовым, Пашковой, Кигачевым, Дмитриевым и др.; вторая, менее значительная, представлена Фофановым, Журавлевым и др. Для первой группы характерны умеренное оканье, цоканье, возвратная частица *-си*. Для второй группы соответственно более последовательное оканье, чоканье, возвратная частица *-се*.

Кроме того, в первой группе имеются следующие особенности: *г* вместо *j* (пригехал), *жд* вместо *жж*, *у* неслоговое вместо *л* (*у*), произношение охвота вместо охота и ряд других мелких явлений, чего нет во второй группе говоров.

По указанным особенностям эти говоры можно определить так: первая группа близко совпадает с говорами Заонежского района; в основе это те же заонежские говоры, но с менее последовательно выраженными характерными признаками. Вторая группа — типичный северный говор Беломорского края, но с заметным наслоением признаков заонежского говора. Такая группировка соответствует и территориальному распространению этих говоров. Первая группа — западная часть Пудожского района, тяготеющая к Заонежскому району. Вторая группа — северная часть Пудожского района, примыкающая к территории с иными говорами, которые широко распространены дальше на север. Но и у второй группы заметна связь с заонежскими говорами.

Особенности говоров первой группы заметно выделяют их из всех прочих русских говоров. Принятое определение их как говоров старых новгородцев не оправдывает себя. Ряд признаков, довольно характерных для этих говоров, не находит никакого соответствия ни со старыми, ни с современными нам новгородскими говорами. В то же время эти черты можно определить как черты очень древнего состояния русского языка, частично наблюдаемые исследователями в ряде других говоров.

Представляется вполне законной постановка вопроса о том, что данные говоры являют собой остатки весьма древнего состояния какой-то части русского языка, ни в какой мере не обусловленной новгородскими говорами, возможно, с позднейшими наслоениями новгородских черт. Это относится главным образом к говорам первой группы как очень близким к заонежским говорам.[1]

Замечательно то, что территория заонежского говора является в то же время территорией наиболее широкого распространения былин; былины здесь мы встречаем сейчас; записывались они

[1] См.: Учен. зап. ЛГУ. Л., 1939. № 33.

и раньше именно в пределах бытования данного говора. Это в основном строго замкнутая территория Заонежского района, представляющая собой большой полуостров с узкими выходами в северной части. Природная замкнутость этой территории способствовала тому, что население, занявшее ее, могло легче удерживаться здесь и сохранять свои особенности, не подвергаясь заметным влияниям со стороны. И вполне возможно, что этим населением было какое-то восточно-славянское племя, которое при сложившихся здесь исторических обстоятельствах сохранило свои отличительные черты.

К таким отличиям относятся говор и былины. Наблюдения русских говоров в пределах всей Карелии показали, что заонежский говор имеет довольно определенные границы распространения. Это в основном, как уже отмечалось, Заонежский район, прилегающая к нему узкая полоса западной части Пудожского района, на севере этот говор наблюдается от Повенца по старому тракту до Морской Масельги, на юге — вокруг Петрозаводска, к которому у Заонежья было исконное тяготение.

Имеются и другие особенности, свойственные данной территории. Не перечисляя их, отметим, что в представлении населения остальной части Карелии Заонежский район — это район, совершенно особенный по природе, чуждый остальной части Карелии по языку и по некоторым обычаям. Язык и обычаи населения Заонежского района часто являются предметом насмешек в других местах.

Однако нельзя не учитывать того, что среди особенностей, характеризующих население Заонежского района, имеются такие, которые говорят о близости этого населения с финно-угорскими племенами и особенно с карелами. Это было замечено многими учеными (акад. Н. Я. Марр и другие). Но отдавать приоритет в формировании данных особенностей только влиянию финно-угорских племен, как это делали многие исследователи, едва ли правильно. Скорее можно предполагать взаимодействие, взаимовлияние живших рядом славянских и финно-угорских племен.

Не противоречит этому и тот факт, что заонежские былины распространены главным образом среди населения, живущего в соседстве с финно-угорскими народами, среди которых также до наших дней сохранился свой эпос. Вопрос здесь, конечно, не в том, русский ли эпос заимствован из финно-угорского или финно-угорский из русского, хотя можно принять во внимание, что в русском и финно-угорском эпосе удается находить общих героев и общие ситуации. Вопрос, очевидно, в том, что эпос, зародившись очень рано, слагался в одинаковых условиях при тесном содружестве и общности развития данных племен. Насколько сближался эпос этих племен, едва ли удастся определить при современном состоянии фольклористики и науки о языке. Да это пока и несущественно. Важно отметить несомненные факты близости и общности эпоса в прошлом, а следовательно, и некоторой общности культуры. Такие факты несомненно проглядывают в особенностях современных говоров части русского населения в Карелии, а также и в том, что самое существование эпоса здесь есть общая характерная черта и для русского, и для карельского населения.

Глубокое изучение говоров как русского, так и карельского языка, не менее глубокое изучение эпоса, также русского и карельского, — в этом настоятельная потребность, выдвинутая перед нами жизнью и обусловленная современной стадией развития науки о фольклоре и науки о языке. Это изучение позволит наконец ответить на все те вопросы, которые связаны с былинами и которые давно обратили на себя внимание исследователей и ждут своего разрешения.

В. В. КОРГУЗАЛОВ, А. Ю. КАСТРОВ, Е. И. ЯКУБОВСКАЯ

VII. НАПЕВНАЯ СИСТЕМА ПУДОЖСКИХ БЫЛИН

Основные звуковые материалы, составляющие корпус напевов пудожских былин, собраны в 1932—1941 гг. В 1932 г. полевые записи на фонографические цилиндры осуществлялись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной. В 1943 г. Е. В. Гиппиус в Ленинграде записал на фонограф сказителя Ф.А. Конашкова. Стационарные записи 1940—1941 гг. на гибкие целлулоидные «лабораторные» диски осуществлялись сотрудниками Карельского НИИ культуры (КНИИК, ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН). Фонографические записи 1930-х гг. хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге.[1] Коллекция гибких грампластинок (ГП) составляет часть собрания Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в Петрозаводске. Эта коллекция в 1948 г. частично была скопирована Н. Н. Леви на тех же носителях для А. М. Астаховой, которая передала их в Фонограммархив Пушкинского Дома.[2]

Подведение итогов изучения эпических напевов Пудожья силой обстоятельств растянулось на несколько десятилетий. Еще в середине прошедшего столетия В. В. Коргузалов обобщил материалы, накопившиеся к этому времени и в публикациях, и среди неопубликованных записей.[3] Тогда же им был написан черновой вариант статьи об эпических напевах пудожской традиции, предназначавшийся для настоящего издания.

В начале 1980-х гг. Отдел фольклора Пушкинского Дома приступил к подготовке пудожских былин к изданию в рамках былинной серии Свода русского фольклора. Важной частью этого проекта являлась полевая работа по обследованию эпической традиции Обонежья (включая Пудожский край). Фольклористами ИРЛИ в 1984—1988 гг. были проведены 10 экспедиций, результатами которых стали сотни образцов напевного эпоса: духовных стихов, баллад, а также уникальные записи напевов былин.[4] Участниками экспедиций А. Д. Троицкой, В. П. Шиффом, А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым параллельно проводилось изучение традиции причети, напевы которой мелодически и тектонически родственны мелодике эпоса.

В эти же годы сотрудники Фонограммархива проводили разыскательские работы в архивах Карелии с целью поиска звукозаписей пудожских былин. В архивах Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Петрозаводской государственной консерватории

---

[1] ФА ИРЛИ, кол. 106 F, 164 F. Часть записей опубликована: *Астахова А. М.* Былины Севера : Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текстов, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. Нот. прилож., напевы XII, XIII; Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Сов. композитор, 1981. № 4, 15а, 17. Неопубликованные записи Е. В. Гиппиуса хранятся в ФА ИРЛИ, кол. 107 S.

[2] ФА ИРЛИ, кол. 247 S. Две записи опубликованы: Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. ст., коммент. А. М. Линевского; Под общ. ред. А. М. Астаховой, В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1948. С. 184—186; также: Былины: Русский музыкальный эпос. № 3.

[3] *Коргузалов В. В.* 1) Структуры сказительской речи в русском эпосе // Русский фольклор : Фольклор и историческая действительность. М.; Л., 1966. Вып. 10. С. 127—136; 2) Напевы обонежской эпической традиции // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 92—112; 3) Движение эпической традиции на Русском Севере // Русский фольклор : Эпические традиции : Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 133—145.

[4] ФА ИРЛИ, кол. 367—369 МФ.

© В. В. Коргузалов, А. Ю. Кастров, Е. И. Якубовская, 2013

им. А. К. Глазунова были выявлены звукозаписи, сделанные в 1970-е и последующие годы сотрудниками этих учреждений и частично опубликованные.[5]

Важным результатом архивных разысканий стало также уточнение А. Ю. Кастровым источника и места бытования известного былинного напева в записи М. П. Мусоргского, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ и опубликованного в сборнике Н. А. Римского-Корсакова.[6] На протяжении 1990—2000-х гг. исследователь осуществил ряд публикаций, где рассматриваются отдельные проблемы, касающиеся напевов пудожских былин в контексте местной традиции.[7] Однако создание целостного труда, где эта тема могла быть раскрыта в полном объеме, стало невозможным вследствие безвременного ухода ученого из жизни. Вместе с тем существующих материалов, разработанных В. В. Коргузаловым и А. Ю. Кастровым, оказалось достаточно для характеристики традиции, если дополнить их более подробным рассмотрением вопроса о «творческой мастерской» выдающихся пудожских сказителей на основе анализа имеющихся звукозаписей.

Таким образом, напевная система пудожских былин раскрывается в нескольких самостоятельных очерках-исследованиях, объединенных общностью материала и научного подхода к нему. Раздел статьи, где дается общая характеристика напевов пудожских былин, написан В. В. Коргузаловым (2). Его предваряет публикация первой по времени записи пудожского эпического напева (1875), подготовленной по рукописи из собрания Рукописного отдела ИРЛИ А. Ю. Кастровым (1). Им же написан и раздел, где рассматривается проблема наследования и распространения эпических напевов (3). Заключительная часть статьи (4, 5), посвященная анализу пудожских напевов, индивидуальному мастерству сказителей, подготовлена Е. И. Якубовской.

Нотировки напевных фрагментов былин, зафиксированных с помощью звукозаписи, в силу их уникальности приводятся в настоящем томе полностью, под отдельным номером, следуя за полным поэтическим текстом той же былины, записанным у данного исполнителя без применения звукозаписывающей аппаратуры. Реконструкции, предлагаемые нотировщиками на месте «техногенных» лакун на фонограмме, заключены в квадратные скобки. Записи, выполненные на фонографе и гибких лабораторных дисках и в разное время публиковавшиеся в нотации З. В. Эвальд, Н. Н. Леви (под ред. Ф. А. Рубцова), В. В. Коргузалова, для настоящего издания заново проверены по фонограммам и нотированы А. Ю. Кастровым и Е. И. Якубовской. Нотировки выполнены в соответствии с единым принципом текстологической подачи звучащего материала, принятым в былинной серии Свода русского фольклора.

1

Наиболее ранняя слуховая запись пудожского былинного напева, сделанная в XIX столетии, осуществлена М. П. Мусоргским. Наряду с широко известными и вошедшими в музыкальную жизнь конца XIX—начала XX в. напевами Рябининых этот напев сыграл заметную роль в твор-

[5] Песни Карельского края / Сост., вступ. ст. Т. Краснопольской. Петрозаводск, 1977. № 166, 167.

[6] Сборник русских народных песен, составленный Н. А. Римским-Корсаковым. СПб., [1877].

[7] *Кастров А. Ю.* 1) Вопросы структурной типологии олонецких нарративных напевов : («Вепсская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 113—135; 2) Кенозерские эпические напевы : Материалы и комментарии // Русский фольклор : Эпические традиции. Т. 28. С. 349—382; 3) К изучению музыкальной стилистики русского эпоса Обонежья // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 179—229.

честве композиторов-классиков — М. П. Мусоргского («Борис Годунов»), А. П. Бородина («Богатырская симфония»), Н. А. Римского-Корсакова («Садко»), став символом «русской богатырской интонации».

Былинный напев был записан Мусоргским с голоса магистра зоологии, ученого хранителя Отдела позвоночных Зоотемического музея Императорской Академии наук Ивана Семеновича Полякова (1845—1887) 11 мая 1875 г. в Петербурге.[8] Поляков запомнил его наизусть в 1870-х гг. в период своей первой «зоогеографической экспедиции» на Водлозере. Нотная запись былины была использована Н. А. Римским-Корсаковым при составлении сборника русских народных песен и опубликована им в собственной обработке.[9] В примечании к напеву мы узнаем лишь, что это — былина «олонецкого сказителя». При переизданиях публикаторами делались попытки стилистически угадать имя сказителя среди известных. Н. В. Шелков, подготовивший издание сборника в Полном собрании сочинений Н. А. Римского-Корсакова (т. 47), преполагает, что это Т. Г. Рябинин;[10] Е. В. Гиппиус при издании монографического исследования «М. А. Балакирев. Русские народные песни», приписывает напев В. П. Шевелеву (Щеголенку).[11]

Выходец из забайкальской казачьей семьи, И. С. Поляков мог услышать водлозерскую былину лишь в период своей первой «зоогеографической экспедиции» на восточную территорию Олонецкой губернии. Время пребывания исследователя на территории Водлозерской волости ограничивается августом 1871 г. Одновременно с И. С. Поляковым в окрестностях Водлозера и Кенозера проводил собирательскую работу А. Ф. Гильфердинг.[12] Вероятно, последний обратил внимание даровитого и наблюдательного ученого-зоолога на живое бытование напевных форм русского эпоса.

При сопоставлении поэтического текста в передаче И. С. Полякова с водлозерскими записями А. Ф. Гильфердинга прямых аналогий не наблюдается. Однако нельзя пройти мимо существующего сходства словосочетаний и формульных стиховых конструкций в различных сказительских вариантах былины «Добрыня и Алёша» (№ 198, 206, 215, 217), а также «Дунай» (№ 214). Наибольшую текстуальную близость к фрагменту И. С. Полякова обнаруживает зачин былины «Добрыня и Алёша»в версиях И. Г. Захарова (№ 198) и В. А. Суханова (№ 215). Однако строка «У Владимира красна солнышка» соотносится лишь со строкой «Ай у солнышко ведь князя у Владимира» в тексте М. Ф. Нигозёркина (№ 217). Следует также отметить различия в метрической структуре стиха, которые заметны при сопоставлении текста И. С. Полякова с зачинами былин указанных водлозерских сказителей. Вполне вероятно, что былинный зачин был перенят от неизвестного А. Ф. Гильфердингу сказителя. Также можно допустить, что новая версия сложилась в результате соединения текстуально близких зачинов былин, усвоенных ученым-зоологом от одного или нескольких водлозерских сказителей.

[8] РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 240, л. 3—4 (черн. ркп). Былинный зачин «пир у князя Владимира». См. ил. 1—2.

[9] Сборник русских народных песен, составленный Н. А. Римским-Корсаковым. Оп. 24 (1876). № 1.

[10] *Римский-Корсаков Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 47. С. 279.

[11] *Балакирев М. А.* Русские народные песни для одного голоса с сопровождением ф.-п. / Ред., предисл., исслед., примеч. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. С. 217, сн. 1.

[12] *Поляков И. С.* Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии // Зап. Имп. Русского географического об-ва по Отделению этнографии. СПб., 1873; Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года с двумя портретами Онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873. С. X—XI.

Пример 1

Пир у князя Владимира[13]

[13] Комментарий к нотному тексту:

1. Первоначально записана четверть c^1.
2. Первоначальный вариант записан в рукописи петитом (ноты в квадратных скобках зачеркнуты автором):

3. Сначала написана нота c^1, исправленная на d^1.
4. Данный такт располагается сверху над нотной строкой, в предыдущем такте подтекстованные слоги «на пи-» зачеркнуты. Подтекстовка без разбивки на слоги размещена под нотным станом.
5. Первоначальная длительность — четверть.

Как во Киеве стольно-киевском,
У Владимира красна солнышка
Начинается как почестный пир
На многи князи и бояровья,
Как на тыи богатыри великии,
Как на тыи поленицы удалыя.
Уж как все на пиру напивалисе,
Да уж как все на пиру наедалисе,
Да уж как все-то на пиру поросхвастались.

Рукопись отражает непосредственный процесс фиксации былинного текста в момент исполнения (возможно, в течение нескольких сеансов). Запись, вероятно, предназначалась для творческих целей.

Нотный стан нанесен от руки, неровно. Скрипичный ключ выставлен только на первых нотных строчках каждого листа, около первого ключа выписаны и зачеркнуты два бемоля. Нотная запись выполнена скорописью и содержит исправления. Вторая музыкальная строфа (3—4-я строки поэтического текста) в рукописи не выписана: поэтический текст записан под нотоносцем; от текста к нотному стану, на котором помечено «idem», вычерчена стрелка. Шестая поэтическая строка (перед ней — пометка «idem») выписана ниже 5-й, в конце ее выставлен знак повтора (·//·). Черновая рукопись обнаруживает отсутствие единообразия как в системе нотной графики (тактировка,

6. Рукописный текст имеет следующий вид (петитом обозначены зачеркнутые автором ноты):

лигатура), так и в передаче поэтического текста (знаки препинания, разбивка на слоги, дефисы). Паузы выписаны над нотным станом, нотировка заключается двойной тактовой чертой. Темповое обозначение отсутствует.

Для нотировки был использован писчий лист нелинованной бумаги (26.6×20.8), сложенный вдвое поперек (до 1/16 первоначальной величины) и по горизонтали рукой М. П. Мусоргского сделана надпись чернилами: «Записано». В таком виде рукопись хранилась. Запись выполнена по горизонтали (сгиб сверху) карандашом с одной стороны каждого из двух листов. На первом из них размещен музыкально-поэтический текст начальных шести строк былины, на втором — трех заключительных. На первом листе сверху слева имеется надпись: «Олонецкая губ. Пудож. уезд окр. Водлозера». Ниже, правее — пометка: «Сообщено И. Сем. Поляк[овым]» (на краю листа уместилась только часть литеры «к»). Слева на полях, перпендикулярно нотному стану имеется подчеркнутая надпись: «Былина». На втором листе справа внизу — пометка: «11 мая 75».

Запись М. П. Мусоргского публикуется по авторской рукописи в соответствии с нормами современной нотной графики. Вопрос, фиксирует ли нотировка напев, исполненный мужчиной, в реальном звучании или октавой ниже, остается открытым. Поэтому в публикации сохраняется авторское изложение напева в скрипичном ключе. Коррекция тактировки не оговаривается. В подтекстовке выставлены знаки препинания и произведена разбивка на слоги (в тех случаях, когда она отсутствует в рукописи). Отмечаются разночтения между предварительными и окончательным вариантами нотации, а также некоторые графические особенности рукописи.

Наибольшей упорядоченностью музыкально-временных и композиционных параметров напева отличается его начальный фрагмент, охватывающий две музыкально-поэтические строки. Былинный напев, организованный в форме двустрочного 12-мерного периода регулярно-строфической композиции (показатель интеграции мелострок — секундовая оппозиция финальных опор), охватывает цезурированный десятисложный стих (сдвоенный пятисложник с фиксированным ударением на третьем слоге, или иначе — пятистопный хорей). Основу ритмической конфигурации составляет шестимерная форма напевного произнесения пятисложной синтагмы с выделенным долготой пятым слогом. Типологически близкие олонецкие напевы были широко распространены на обширной территории от северо-восточного Обонежья до Кенозера, преимущественно в артельной форме исполнения.

Расширение силлабического десятисложника до масштабов трехударного акцентного стиха с анапестической анакрузой и дактилическим окончанием (5—9-я строки) с варьируемым числом слогов (от 11 до 13) сопровождается увеличением музыкально-временно́го объема периода (до 8 единиц), нарушением композиционной упорядоченности напева и возникновением тирадно-строфических групп.

2

XIX столетие не оставило нам достаточного для анализа и обобщений количества нотных записей пудожских былин. Единственным свидетельством того, как звучал один из напевов сказителей Пудожья, является слуховая запись М. П. Мусоргского с голоса ученого-зоолога И. С. Полякова. Вместе с тем, учитывая описания собирателей-филологов, которые не обошли вниманием певческие приемы сказителей, мы можем представить общую картину напевной системы пудожского эпоса.

Современное представление о традиции по фонограммам XX столетия, сделанным с помощью звукозаписывающей техники, дает возможность полноценной характеристики этой системы.

Напевный язык былинного эпоса един в рамках замкнутых этнокультурных регионов русского населения. Традиция носит «очаговый» характер. При этом в сознании носителей традиции к эпическому роду, определяемому в крестьянской среде как «ста́рины», равно относятся также духовные стихи, часть исторических песен и баллад.[14] Относя то или иное произведение к «старинам», сказители обычно имеют в виду как его словесное содержание, сюжет, так и особый напев, отличный, например, от напевов песен.

Эпические напевы не связаны напрямую с образной системой сюжетов. Не случайно мы сплошь и рядом в изданиях былин находим ремарки собирателей и исследователей, оповещающих о том, что данная былина поется на тот же напев, что и предыдущая, хотя сюжеты их различны. Напевы в эпосе выражают лишь повествовательный прием интонирования сказителя, его «избранный тон» («обыденный», «величавый», «дерзкий»). Конкретно-изобразительные моменты достигаются средствами мимического, артикуляционного и динамического подчеркивания напевного текста.

В ряде случаев сказитель владеет лишь одним эпическим напевом, воспринятым от родственника или мастера-учителя, и пользуется им для сказывания всех известных ему сюжетов. Владея же несколькими напевами местной традиции, сказитель употребляет их произвольно, нередко закрепляя некоторые из них за блоками сюжетов в силу репертуарной привычки. Известны случаи, когда сказитель один и тот же сюжет исполнял в разное время на разные напевы.[15]

Эпические напевы Обонежья, в число которых входят и пудожские, обладают признаками как декламационного (рапсодического) начала, так и чертами песенности, что указывает на их коллективное исполнение. Рапсодический статус поющегося эпоса является одним из генетических признаков жанра, испытывая при этом влияние многоголосной песенной культуры народа. В подобном положении находится и древнейший жанр магического повествования — причеть. Ее рапсодический, речитативный склад идентичен или близок к эпосу. Например, один из напевов сказителей Рябининых мелодически совпадает с широко распространенной формой олонецкой причети.

Вместе с тем материалы новейших исследований, введение в научный оборот новых записей поющегося эпоса дают основание считать присутствие в эпосе Обонежья признаков коллективно-песенной формы в значительно большем количестве, чем это считалось до сих пор. Анализ попевочного строения напевов показывает, что они могли исполняться как в том, так и в другом варианте.

Нельзя не упомянуть об одном феномене устойчивого типового напева, который имеет общерусское распространение и, несмотря на преимущественно групповое бытование, не теряет своей речитативной основы, одинаково выразителен и в одиночном исполнении. Его характеризуют ярко выраженные черты силлабической формы: десятисложник 5 + 5 с долготными цезурами посредине и в конце напевного стиха. Элементарно-речитативный стиль, словообразовательный ритм пятисложника с дактилическими окончаниями ставят этот напев в разряд генетически-первородных в эпосе. Пудожский вариант этой формы известен в записи М. П. Мусоргского 1875 г. от И. С. Полякова. Близкий вариант напева был записан на фонограф в 1932 г. от сказительницы из

[14] В экспедициях Пушкинского Дома, проходивших в 1980-х гг., в отношении эпических произведений зафиксировано также название «стих» («Ой, какой стих хорошей» — о былине «Добрыня и Алёша») — см.: наст. том, № 159, 160.

[15] См., например, наст. том, № 24, 25.

д. Северской, А. Н. Корешковой.[16] В устах индивидуальных сказителей форма напева склонна к раскрепощению до «свободно-тирадной», интонация кадансов обостряется и принимает «патетический» характер. Групповым формам свойственна интонационная сглаженность, каноничность стиховой структуры, стремление к песенно-строфическому складу. Последние связаны не только с былинами, но и с духовными и балладными сюжетами нравоучительного склада. Это наталкивает на предположение о формировании коллективной формы напева в среде «кали́к перехожих».

Пудожская напевная система эпоса является частью стилистически компактной *обонежской* традиции и не может рассматриваться обособленно от нее. Границы обонежского стиля полностью соответствуют диалектной и ландшафтной границе, указанной А. Ф. Гильфердингом: Выгозеро—Кенозеро—Онегоречье—Каргополь. За этими рубежами распространены карельско-поморский и поморско-архангельские стили. Гильфердингу принадлежит суждение об обонежских «сказительских школах», в котором он обозначил и Пудогу: ученый выделяет по некоторым сюжетостроительным и микродиалектным признакам кижскую группу сказителей, повенецко-толвуйскую и *пудожскую*, по поводу которой пишет: «...от школы повенецко-толвуйской, так же как от кижской, однако менее от первой, чем от последней, отличаются былины, которые я слышал на восточной стороне Онеги (оз. Онего. — *В. К.*), ближе к городу Пудожу. Но в этой местности нашлось только четверо сказителей, из которых у каждого есть весьма заметные особенности. Это объясняется, — продолжает Гильфердинг, — различием источников их былин. Только у одного из них, Сорокина, они местного происхождения, другой — Иван Фепонов выучился былинам на Онеге-реке; к третьему, Потапу Антонову, они перешли из Вытегорского уезда; наконец, Никифором Прохоровым поются былины, занесенные также из какого-то дальнего места (его отец выучился им, когда служил в пастухах у помещика, во всяком случае, не близко от родины Прохорова, потому что там нет вовсе помещичьих имений)».[17]

Проанализировать сведения Гильфердинга об упомянутых сказителях не представляется возможным, за исключением сведений о Никифоре Прохорове (знаменитый «Утка» по местному прозвищу). В 1930—1940-х гг. зафиксированы былины его ученика, также видного пудожского сказителя, Ивана Терентьевича Фофанова, который перенимал былины Прохорова в свои 15 лет на Купецком озере.[18] Были сделаны звукозаписи единственного напева Фофанова,[19] по которому и можно предположительно судить о напеве, на который пел былины Прохоров.

Мы знаем, насколько строго передается напевный канон сказителя от учителя к ученику на примере четырех поколений Рябининых, Рябининых-Андреевых (усыновленный ученик в третьем поколении и его сын) или двух поколений Суриковых (мать, два сына). При этом следует различать «школьную» ситуацию избранного ученика, выпестованного родственником или наставником в условиях местной песенной традиции, и ситуацию репертуарного заимствования сложившимся сказителем от чужедальних мастеров (в последнем случае напевный канон остается «своим», своедиалектным). Просчет А. Ф. Гильфердинга заключался в том, что он построил свои выводы на основании опроса сказителей лишь об истоках их эпических текстов, но не напевов.

---

[16] Былины Севера / Подгот. текста, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. Напев XIII. См.: наст. том, № 113.

[17] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом... С. XXX.

[18] Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст., примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл., ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. С. 473.

[19] См.: наст. том, № 139, а также нотные примеры № 13—18.

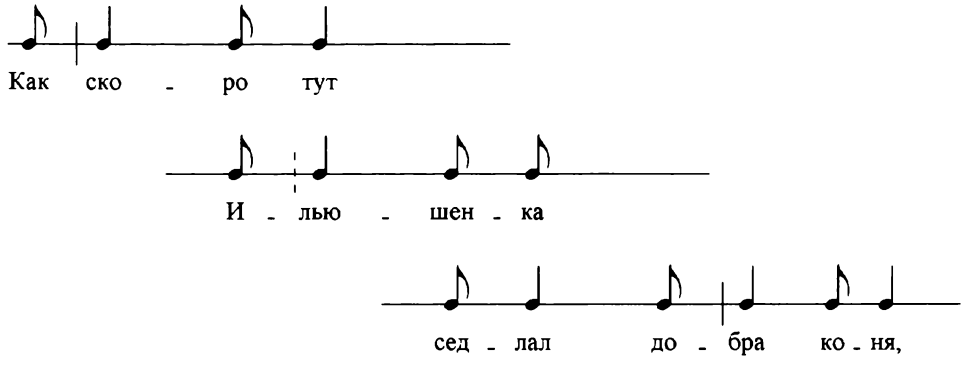
Отдавая должное высокому мастерству Прохорова, Гильфердинг так характеризовал исполнение сказителя: «Прохоров поет очень хорошо (*плавно*) (курсив мой. — *В. К.*), так что неточное соблюдение им размера делается для слушателя почти незаметно».[20] Сравнение текста былины Прохорова «Илья и сын»[21] и варианта этой же былины, напетого Фофановым,[22] обнаруживает лексическое сходство текста.

Таблица 1

Н. Прохоров «Илья и сын»	И. Т. Фофанов «Илья и сын»
60 Как скоро тут Ильюшенка седлал добра коня,	Седлал как тут Добрынюшка добра коня,
А добраго коня богатырскаго,	Обсёдлывал Добрыня, обкольчуживал,
Кладывае подпруги на подпруги,	55 А потнички ён кладывал на потнички,
А кла́дывае потнички на потнички,	А по́дпружки кладвал да ён на по́дпружки,
А кла́дывает войлочки на войлочки,	Сидёлко кла́дывал ведь на сидёлышко,
65 Седёлка кладыва́ет на седёлышка,	Черкальское сёдло ён наверех кладва́л
Черкальское седёлко на верёх еще,	Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ты-эты подтяжечки шелковыи,	60 А ради было силы богатырьскоей.
Кладыва́е, сам выговариват:	Добрынюшка как было ведь Микитинич,
«А не для-то ведь, братцы, красы-басы,	А брал как тут да ён копьё же долгомерноё,
70 А не для-то ведь мне было угожества,	За плеча кладывал свой ту́гой лук,
А для укрепы мне богатырскии».	А брал как ён ведь стрелочки калёныи,
Как видли-то ведь молодца тут сядучи,	65 Калёныи ведь стрелки начинёныи,
Не видли как удалого поедучи...	А паличу как брал тут ён во сорок пуд,
	Облатался Добрыня, обкольчужился,
	Садился как Добрыня на добра́ коня.
	А видли добра молодца ведь сядучи,
	70 Не видли молодца ведь поезжаючи...

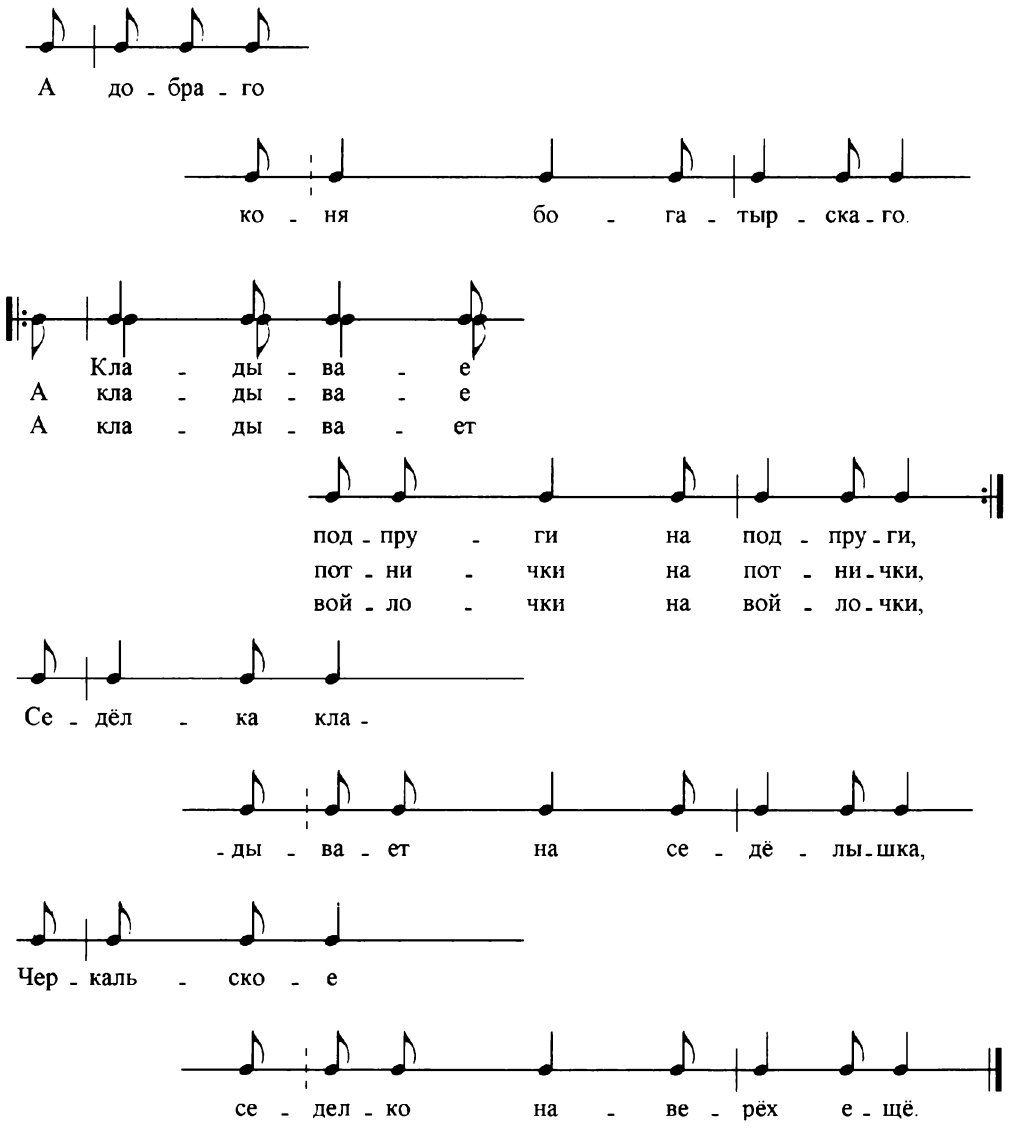
Наложение текста этой же былины Прохорова на былинный напев И. Т. Фофанова[23] обнаруживает композиционное сходство стихового ритма, структур тирадного построения.

Таблица 2

[20] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом... Стб. 225—226.
[21] Там же. Стб. 228—233, № 46.
[22] Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, № 6, л. 13 об.—18 об. Рукопись черновая.
[23] Там же, разр. III, оп. 1, диск № 60.01-2. См. наст. том, № 139, а также нотные примеры № 13—18.

13 Зак. 3948

Напев И. Т. Фофанова (см. наст. том, № 139) принадлежит к распространенной группе обонежских широкодиапазонных (октавных) напевов плавного нечетного ритма. В нем нетрудно заметить «мультипликативный» принцип расширений и сжатий фраз за счет наращивания и изъятий повторяющейся интонационной ячейки, что при плавном слогораспевном ритме, действительно, почти незаметно для слуха. Типологическое единство напева И. Т. Фофанова (табл. 3, № 3, 6) и напевов, записанных от заонежских сказительниц, П. Г. Юховой в 1886 г. (табл. 3, № 1, 4, 4а)[24] и Н. С. Богдановой в 1927 г. (табл. 3, № 2, 5, 5а),[25] убедительно свидетельствует о принадлежно-

[24] *Истомин Ф. М., Дютш Г. О.* Песни русского народа / Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.; Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 58. № 10 «Василий Окульевич».

[25] Былины Севера. Т. 2. Напев V; Былины : Русский музыкальный эпос. № 12.

сти напевной системы И. Т. Фофанова и его учителя, Прохорова, исключительно к обонежской эпической традиции.

Таблица 3

Записи напевов пудожской и заонежской эпической традиции, осуществлявшихся с 1920-х гг. с помощью звукозаписывающей техники, не дают основания для стилистического разделения материала по регионам. Для обеих зон характерна интонационная общность, рапсодическая подвижность напевных форм и стиховых структур, ярко выраженная интонационная или монофразовая тирадность смысловых периодов повествования.

В обеих зонах отмечены в качестве элементов подвижной формы простейшие одноакцентные структуры — четного, нечетного декламационного ритма и смешанного, например «Кострюк» А. М. Никоновой,[26] «Кострюк» А. Б. Сурикова.[27] Эти элементарно-речитативные напевы, как

[26] Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 592, № 37 (Пудога).

[27] Там же. С. 589, № 36 (Заонежье).

правило, оформляются в пределах шести-девятисложной нормы, однако свободно преобразуются в двух-трехакцентные — 11—15-сложные структуры.

Особый интерес представляет разделение стилей на напевы четного ритма и напевы «квазиквантитативного» нечетного ритма: один слог сдвоенной протяженности, один — одинарной (классический квантитативный стих предполагает один долгий слог и два коротких). Между этими двумя формами оказывается «промежуточный» тип смешанного ритма, в котором долготные смысловые акценты образуют ячейки троичного ритма. Гильфердинг условно называет его «игривым» «Хореические стопы перемешаны (в нем. — *В. К.*) с дактилическими, которые притом не скрадываются, как в чисто-эпическом размере, а выговариваются весьма явственно»,[28] т. е. ученый подчеркивает, что вместо дробления ритма четной единицы, возникает самостоятельная нечетная, растягивающая ритм. Такое переосмысление элементов четного ритма в нечетные слогораспевные образования особенно характерно для кадансовых формул напевов этого стиля: например, в «Королевичах из Крякова» И. Г. Рябинина-Андреева,[29] былинах Ф. А. Конашкова.[30]

В сознании сказителей напевы четного и нечетного ритма противопоставлены, хотя интонационно они и родственны (этим успешно пользовались композиторы-классики, обращавшиеся к эпосу, например, А. С. Аренский в «Фантазии для фортепиано с оркестром на темы Рябинина»).[31] Плавная текучесть нечетного ритма с устойчивым чередованием слого-распевного и декламационного элементов отвлекала сказителя от персонификации напевной речи и концентрировала его внимание на образе собственно сказывания. Поэтому такой напев считался «легким» и пользовался предпочтением, если сказитель был утомлен.[32] Вместе с тем напевы этого «неспешного» стиля позволяли сказителю полнее раскрыть свои певческие данные. Ярким представителем «квазиквантитативного» стиля в Пудожском крае XX в. помимо Фофанова являлся выдающийся мастер, Ф. А. Конашков.

3

Поэтические тексты обонежских старин, записанные в XIX—XX вв., традиционно составляют основу исследований фольклористов-филологов, изучающих проблемы преемственности, взаимного влияния сказителей и разрабатывающих концепцию «школ» сказительского мастерства.[33] Напротив, плодотворным исследованиям этномузыковедов в области указанной проблематики препятствует огромный разрыв между общим количеством поэтических текстов и напевов былин, собранных на территории Обонежья. Выявить генетические связи и черты преемственности творчества исполнителей разных поколений позволят лишь музыкальные материалы, записанные от представителей двух семей сенногубских сказителей — Рябининых и Суриковых. Гораздо меньше

[28] Онежские былины записанные Александром Федоровичем Гильфердингом... С. XXXVIII.

[29] Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов, примеч. А. М. Астахавой. Петрозаводск, 1948. С. 122.

[30] См. наст. том, № 7, 8, 24, 25, 53, 54, 71, 137, 138.

[31] *Аренский А. С.* Концертная «Фантазия на темы И.Рябинина» для фортепиано с оркестром, оп. 48 (1899).

[32] Онежские былины записанные Александром Федоровичем Гильфердингом... Стб. 502. Примеч. к № 81 (сноска — описание исполнения одной и той же былины сказителем на разные напевы).

[33] Критический анализ теории «школ» сказительского мастерства см.: *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 176—266.

возможностей предоставляют исследователям эпические тексты восточного Обонежья. Дефицит музыкальных источников, записанных на территории Пудожского края, препятствует выявлению семейных традиций местных сказителей.

Исторически сложилось так, что основной массив былинных текстов, собранных в пудожских деревнях в XIX в. и первой трети XX в., был зафиксирован филологами-собирателями в рукописном виде «на слух». Фонографические записи экспедиции 1926 г., которую возглавлял Ю. М. Соколов, не сохранились. Практически единственными фонограммами пудожских былин этого времени оставались звукозаписи, выполненные М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной в 1932 г. Впрочем, сделанные по выборочному принципу, они далеко не отражали многообразия местной эпической традиции. К сожалению, даже К. В. Чистов, на протяжении 1938—1939 гг. работавший со сказителем Иваном Терентьевичем Фофановым, проигнорировал возможность использовать звукозапись. Он не брал с собой в поездки фонограф и не организовал сеансы звукозаписи при посещении сказителем Петрозаводска и Ленинграда.

Ситуация кардинально изменилась благодаря инициативе историка и писателя А. М. Линевского. В 1940 г. ему удалось договориться о проведении на карельском радио сеансов звукозаписи пудожского сказителя Федора Андреевича Конашкова (престарелый сказитель к тому времени был награжден орденом «Знак почета»). Записи проводились с помощью микрофона на целлулоидных дисках.

Удачный опыт получил продолжение, и в течение года (вплоть до мая 1941 г.) таким способом удалось записать еще 8 заонежских и пудожских сказителей.

В середине 80-х гг. XX в. фольклористы Пушкинского Дома, приступая к работе над обонежскими томами былинной серии Свода русского фольклора, вели активную экспедиционную работу в Пудожском районе Карелии и Заонежье. Пристальное внимание уделялось планомерному и целенаправленному поиску потомков известных сказителей прошлого. Собирателей особо интересовали имена таких сказителей, как Конашков, Кигачев, Фофанов, Ремизов. Особый интерес представляли двое последних, являвшихся не только соседями, добрыми приятелями, но и родственниками. Расстояние от дома Ивана Терентьевича Фофанова, расположенного на окраине деревни Климово Авдеевского с/с, до дома Никиты Антоновича Ремизова, построенного на соседнем краю деревни Алексеево того же, Авдеевского с/с, не превышало 200 м (между ними — лишь небольшое поле, из окон дома каждого виден дом соседа).

Ремизов и Фофанов постоянно общались друг с другом и даже пели друг другу былины, поскольку эпический репертуар среди односельчан спросом не пользовался. Тем удивительней выглядит характеристика каждого из сказителей как носителя диалекта самостоятельной группы. В аналитической статье «О языке былин», написанной Г. Ф. Нефедовым для издания «Былины Пудожского края»,[34] утверждается, что Ремизов представляет заонежскую группу говоров, тогда как Фофанов — беломорскую группу. Этот вывод легко объясним: исследователь работал с рукописными текстами, записанными разными собирателями. Тексты былин Фофанова записывал К. В. Чистов, а тексты былин Ремизова — Е. П. Родина. Тем не менее сравнить фонограммы двух сказителей невозможно — звукозаписей Ремизова не существует! Никита Антонович начиная с 1930-х гг. не выезжал за пределы своей волости, поэтому он не мог принимать участие в серии звукозаписей на карельском радио.

[34] См.: *Нефедов Г. Ф.* О языке былин // Былины Пудожского края. С. 43—58.

Собирателям ИРЛИ повезло: в деревне Авдеево Пудожского района жила престарелая дочь Ивана Терентьевича Фофанова — Офимья Ивановна, а неподалеку, в деревне Алексеево жил 74-летний Иван Никитич Ремизов, сын Никиты Антоновича. Правда, Офимья Ивановна свое детство провела в доме деда, с отцом общалась мало, поэтому его эпический репертуар она не усвоила. От отца О. И. Фофанова переняла только сказку «Белокурочка», а от тетки, жившей в деревне Рагнозеро, запомнила сюжет «Ра́гно Рагноз́ерский». Плодотворнее оказалась встреча с Иваном Никитичем Ремизовым. Основу его репертуара составляли эротические и комические сказки, усвоенные от отца. От матери (Аксиньи Егоровны, урожденной Кузнецовой, из д. Маткажа) он перенял эпическую балладу «Братья-разбойники и сестра» и духовный стих «Алексей, человек Божий». От отца он также запомнил сюжет былины «Ра́гно Рагноз́ерский».

По воспоминаниям Ивана Никитича, отец никогда публично не исполнял былин. Зато сказки и прибаутки пользовались необычайным спросом на лесозаготовках и сплавных работах. Ста́рины Никита Антонович Ремизов сказывал большей частью дома, для себя. Во время исполнения сын подтягивал вслед за отцом. Однако поэтические тексты младший Ремизов помнил слабо. Согласно наблюдениям Ю. И. Смирнова, осуществившего летом 1963 г. от Ивана Никитича Ремизова и его старшей сестры Варвары Никитичны слуховую запись поэтического текста былины «Про Добрыню и Малиновку», ведущая роль в исполнении принадлежала Варваре Никитичне.[35] В июне 1985 г., исполняя зачин той же былины для звукозаписи, Иван Никитич постоянно сверялся с публикацией в книге «Былины Пудожского края», временами отступая от печатного текста. И все же факт обращения к книге не является решающим, поскольку эта запись чрезвычайно важна для определения круга эпических напевов, входивших в репертуар Никиты Антоновича Ремизова.

Былинный напев (табл. 4, напев 1)[36] представляет собой изохронный музыкальный период 8-мерной протяженности, охватывающий трехударный акцентный стих подвижного слогового состава с анапестической анакрузой и дактилической клаузулой. Особенности архитектоники напева можно определить как трехстрочный период тирадно-строфической композиции. Таким образом, рассматриваемый образец как по ритмо-синтаксическим, так и по композиционным параметрам является однотипным с известным напевом «Вольга и Микула» семьи Рябининых (табл. 4, напев 2).[37] При рассмотрении данного музыкального типа в контексте локальных традиций напевно-

Таблица 4

[35] Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 394.
[36] См.: наст. том, № 73.
[37] Былины : Русский музыкальный эпос. № 15.

го эпоса Русского Севера нам приходилось отмечать наличие параллелей среди музыкальных образцов кантовой традиции.[38] Помимо рябининского «Вольги» в соседней Сенногубской волости зафиксирован однотипный трех-строчный напев тирадно-строфической композиции. Это — напев былины «Илья Муромец и Калин-царь» Егора Борисовича Сурикова (табл. 4, напев 3).[39]

Аналогичный напевный образец с сюжетом «Добрыня и Алёша» был зафиксирован собирателями в 1932 г. в шуньгской деревне Деригузово от Анастасии Федоровны Оргиной.[40] Важно то,

[38] Архивные записи кулойских эпических напевов : (По материалам Северной экспедиции 1921 г.) / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 306.

[39] Былины Севера. Т. 2. Напев I.

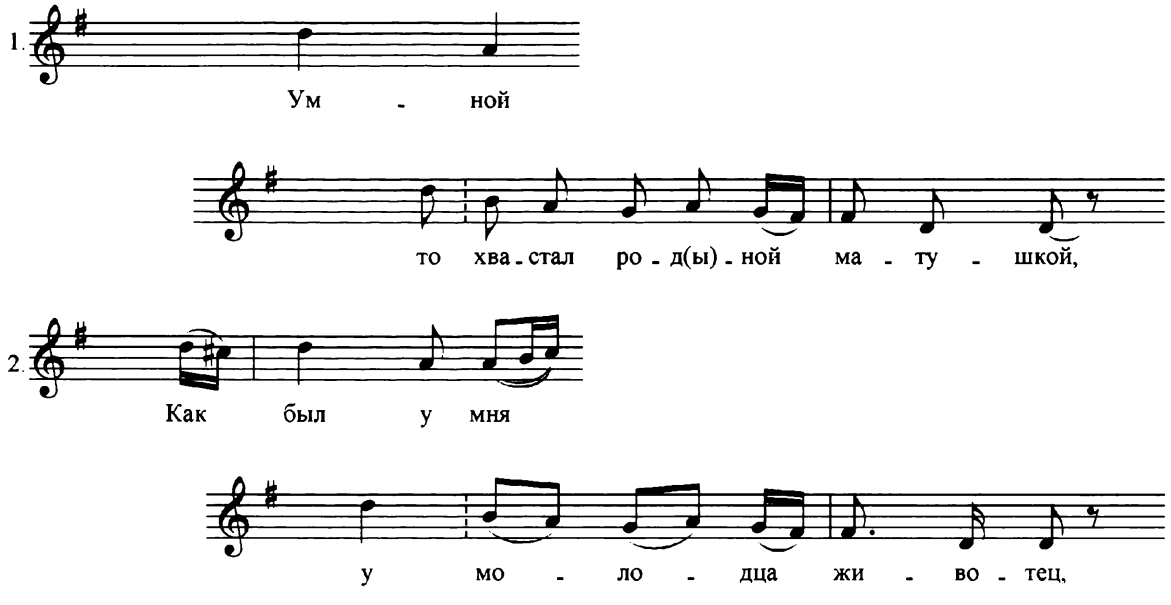
[40] См.: наст. том, № 109; Былины Севера. Т. 2. Напев XII.

что молодая сказительница переехала в Заонежье вместе с мужем, назначенным на пост председателя исполкома. Сама же она родом из водлозерской деревни Большой Куганаволок. Там она и переняла эту былину от Акулины Васильевны Коломаевой.

Ансамблевое исполнение рассматриваемого напева членами семьи Ремизовых, а также свидетельство Е. А. Ляцкого об ансамблевом исполнении старин и духовных стихов Иваном Трофимовичем Рябининым совместно с пасынком Иваном и сыновьями Василием и Павлом[41] говорят об отчетливых следах артельного сказительства в Обонежье. Это дополняет и подтверждает многочисленные факты, говорящие в пользу существования в Обонежье коллективной формы исполнения эпоса. Данная информация укладывается в общую картину музыкальной стилистики пудожской эпической традиции.[42]

Согласно воспоминаниям Ивана Никитича Ремизова, отец с Фофановым былин не пел, «у их не сходилось никак двоим». Тем не менее Ремизов знал былинный напев, который является близким вариантом напева Фофанова. Он исполнял на этот напев балладу «Горе-злочастье», которую запомнил и его сын (табл. 5, № 2, 6). Ивану Никитичу Ремизову удалось также припомнить небольшой фрагмент былины «Добрыня и Алёша» с этим же напевом (табл. 5, № 1, 5). Не составляет труда найти черты типологического сходства между рассматриваемым напевом Ремизова и типовым напевом его друга — сказителя Ивана Терентьевича Фофанова. Обратившись к напеву фофановской былины «Про Добрыню», зафиксированной на целлулоидных дисках (табл. 5, № 3, 7), мы найдем максимальное число аналогий как на звуковысотном уровне, так и на композиционном и слогоритмическом.

Таблица 5

[41] *Ляцкий Е. А.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895. С. 9.

[42] Подробнее см.: *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости в контексте плачевой традиции Обонежья // РФ. СПб., 2004. Т. 32. С. 292—295.

3.
А шёл же как
До - бры - ню - шка на ши - рок двор,
4.
Как во слав - но - ём
во го - ро - де во Но - во - ём,
5.
А бе - зу - м(ы) - ной
то хва - стал мо - ло - дой же-ной,
6.
так бы - ли у
ме - ня дру - зья - при - я - те - ли.
7.
Шёл как же До - бры - ня ко до - бру ко - ню.
8.
А - ще жил Бу - слав да де - вя - но - сто лет.

Структура стиха характеризуется либо как 3-иктный акцентный стих (с позиций фразовой просодии), либо как шестистопный ямб (с позиций словесной просодии). При этом ритмика стиха превалирует в процессе его координации с напевом. Стопная конфигурация стиха находит отражение в инвариантной ритмической форме напевного слогопроизнесения.

В качестве исполнительского приема, свойственного мастерам-сказителям, Ремизов использует полиметрию, заключающуюся в переменности метрической пульсации. Ямбическая стопа, получающая реализацию в двухмерной форме слогового ритма, приходящаяся на акцентные зоны стиха, способствует выделению акцентных слогов. У иных сказителей аналогичный прием направлен на предакцентные зоны стиха. Отметим универсальность данного приема для нарративных форм. Она проявляется в творчестве не только мастеров-сказителей, но и опытных обонежских причитальниц. Обращают на себя внимание песенные признаки данного напева, проявляющиеся на мелодическом уровне: октавный амбитус начальной мелостроки и секстовый — подчиненной. В то же время принцип соподчинения мелострок, присущий нарративным напевам и направленный на объединение строк в тирадную группу, служит своего рода лакмусовой бумажкой для определения форм сольного сказительства.

Таким образом, записи Ивана Никитича Ремизова, с одной стороны, создают предпосылки для типологической характеристики былинных напевов его отца. С другой стороны, позволяют сделать предположение о тесных творческих контактах между восточнообонежскими и сенногубскими сказителями. Чуть ранее уже говорилось о наличии параллелей между восьмимерными напевами Ремизова и Егора Борисовича Сурикова. Среди записей брата последнего, Антона Борисовича Сурикова можно найти также былинный напев, аналогичный 18-мерному напеву фофановско-ремизовского типа. Это — «Василий Буслаевич» Антона Борисовича Сурикова, расшифровка которого известна по публикации в антологии «Былины» Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова (табл. 5, № 4, 8).[43] Мало того, однотипный напев обнаруживается и у Настасьи Степановны Богдановой-Зиновьевой: былина «Добрыня и Алёша», напевная расшифровка которой имеется как во 2-м томе «Былин Севера», так и в антологии «Былины» (см. наст. том, табл. 3, № 2, 5).[44] Стоит обратить особое внимание на свидетельство самой Настасьи Степановны, указывавшей в качестве одной из своих учительниц в сказительском искусстве Домну Васильевну Сурикову — мать обоих сказителей.

Восточнообонежские деревни Алексеево, Авдеево, Климово расположены не так уж далеко от сенногубских деревень Конда и Зиновьево. Авдеевские старожилы с грустью рассказывали о том, как в старину крестьяне, жившие на восточном берегу, зимой по льду ездили в Сенногубскую волость на престольные праздники. В свою очередь сенногубские крестьяне также зимой отдавали визиты родственникам и знакомым, приезжая в прибрежные деревни на съезжие праздники. Наличие подобных контактов, безусловно, способствовало если не созданию единой сказительской школы, то по крайней мере — выработке единого напевного сказительского стиля.

4

Благодаря особенностям собирательской работы в Пудожском крае, в ходе которой были зафиксированы в основном лишь отдельные образцы напевов, судить об их типологических особен-

[43] Былины : Русский музыкальный эпос. С. 104—106, № 13.

[44] Былины Севера. Т. 2. Напев V; Былины : Русский музыкальный эпос. № 12.

ностях затруднительно: не всегда не хватает статистики, чтобы подтвердить те или иные выводы, иногда сами образцы представляют собой слишком краткий фрагмент фонограммы, не говоря уже о том, что некоторые из них по техническим качествам записи с трудом поддаются расшифровке (прежде всего это записи на восковые цилиндры). Все же имеющийся материал позволяет сделать некоторые обобщения, тем более что он может быть значительно расширен за счет записей заонежских сказителей, напевы которых, как было показано выше, типологически родственны пудожским.

Среди пудожских эпических напевов преобладают образцы, демонстрирующие яркие черты сольного («рапсодического») стиля, поэтому неудивительно, что для них наиболее типичны музыкально-поэтические формы, тяготеющие к тирадно-строфической композиции. Несколько примеров регулярно-строфической формы лишь оттеняют и дополняют их, тем более что для построения тирадной формы необходима «базовая мелострофа», состоящая из пары взаимодополняющих и одновременно оппозиционных друг другу мелострок. Одна из них — чаще вторая — путем вариантных повторов образует мелодико-смысловое поле для возникновения тирадной строфы. Пудожский материал позволяет обнаружить также тирадные строфы, возникающие в процессе повтора первой мелостроки, и, кроме того, образования комбинированной интонационной формы на основе попевок первой и второй «базовых мелострок».

Некоторые эпические напевы Пудожья, определявшиеся исследователями как стиховые (одностиховые), в частности напевы А. Н. Корешковой (примеры 5, 6),[45] Ф. А. Конашкова (примеры 19—26),[46] обладают несомненными чертами строфичности (наличие пары «базовых мелострок»). Эти черты выражаются не в оппозиции кадансов—клаузул (в данных напевах им присуще как раз противоположное свойство — идентичность), но присутствуют в инициальной части мелостиха — анакрузе. Именно интонационная оппозиция анакрузы создает контраст базовой пары мелострок, на основе которых и возникает тирадная форма.

Единственный образец строго выдержанного одностихового напева записан в деревне Римское от П. Т. Ярышевой, уроженки Заонежья (наст. том, № 156, 157). Сказительница исполняет с этим напевом 3 былины: «Добрыня и Алёша», «Чурила и Катерина» и «Ставр Годинович», причем собирателям удалось зафиксировать весьма протяженные фрагменты — так, напев былины «Добрыня и Алёша» (наст. том, № 156) разворачивается на протяжении 86 стихов. В музыкально-типологическом отношении данный напев является близким вариантом напева А. Н. Корешковой (наст. том, № 113).

Отмеченные Ю. И. Марченко особенности варьирования былинных напевов Мезени и Печоры в процессе исполнения[47] характерны и для эпических напевов Пудоги. Эти особенности таковы:

1) использование двух типологически родственных интонационных канонов (образование составной композиции) — напевы Корешковой (наст. том, № 113);

2) усечение инициальной части напева в результате приспособления развитой композиции для интонирования стихов с сокращенным количественно-слоговым объемом (образование производной формы) — напевы Неверко (пример 11-3), Ремизова (пример 14-2), Конашкова (пример 22-3, 4). На пудожском материале выявляется также и противоположная тенденция в образо-

[45] Былины : Русский музыкальный эпос. С. 523. Стб. 2.

[46] Там же. Стб. 1.

[47] *Марченко Ю. И.* Напевы мезенских былин // Свод русского фольклора : Былины в 25 т. Т. 3: Былины Мезени / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб., 2003. С. 82, сн. 22.

вании производной формы: разрастание инициальной части напева за счет повтора типовых попевок, для интонирования стихов с увеличенным количественно-слоговым объемом — напевы Корешковой (пример 5), Фофанова (пример 17-1), Конашкова (примеры 25, 26), Ефимова, Анкудинова (пример 8-1, 2);

3) смешение разных интонационных канонов при интонировании мелостиха (возникновение комбинированной формы) — напевы Полякова (пример 1), Корешковой (примеры 5, 6), Фофанова (пример 14-1), Конашкова (наст. том, № 25), Ефимова, Анкудинова (пример 8-1, 2);

4) наконец, при отступлении от традиции напева — появление неканонической формы (пример 11-2, интонационные ассоциации былинного напева с романсом и массовой песней в варианте Царева).

Эпический напев тесно связан со стихом: их взаимозависимость находит выражение в рисунке слоговой ритмики; именно ее особенности лежат в основании музыкально-поэтической типологии поющегося эпоса.

В пудожской традиции выделяются три основных типа напевов: для одного из них характерен нечетный, для двух других четный слогоритм. Все три типа обладают характерными для каждого из них особенностями мелодики и строфики. Узнаваемыми оказываются и особенности попевочного строения. Вместе с тем напевы мелодически родственны друг другу.

Мелодии *первого типа* объединяет специфическая особенность слоговой ритмики: кадансовая попевка (клаузула) в четных метрических долях строится на шестимерном пятисложнике с выделенным долготой пятым слогом, с акцентом на третьем слоге. Инициальная часть стиха отличается вариантностью количественно-слогового состава, но среди различных его вариантов значительное место занимают построения, основанные на подобном же пятисложнике. Среди имеющихся записей к этому типу можно отнести слуховую запись М. П. Мусоргского от И. С. Полякова (пример 1), а также ее варианты, записанные в 1932 г. на фонограф М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной от А. Н. Корешковой (примеры 5, 6) и А. М. Никоновой (пример 7). В 1985 г. экспедицией ИРЛИ был записан вариант этого напева (наст. том, № 159, 160) от А. И. Световой, жительницы деревни Римское Пудожского района, где записи былин производились еще А. Ф. Гильфердингом.

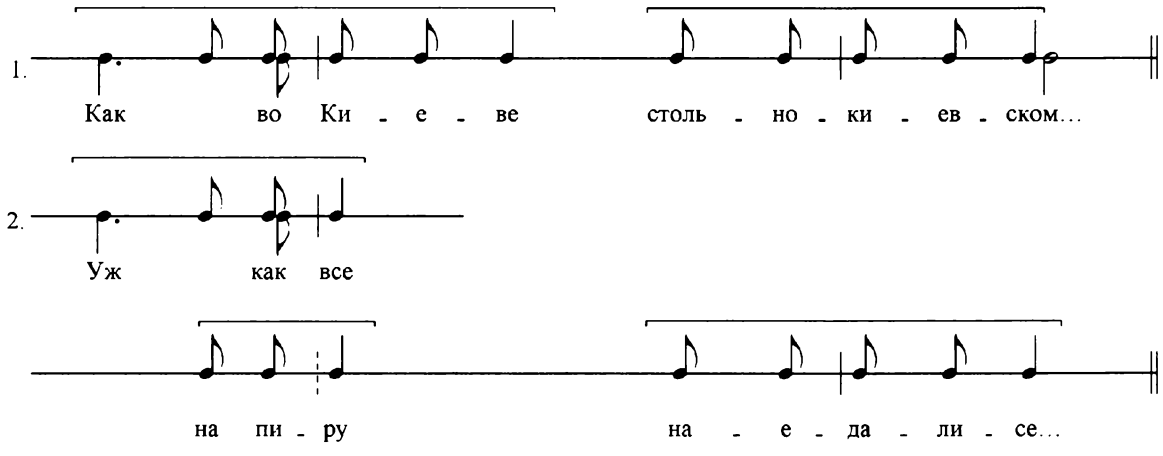
Несколько особняком стоит одностиховой напев П. Т. Ярышевой, записанный на магнитную ленту в 1974 г. С. Ю. Николаевой и Н. С. Рудневой. Являясь мелодическим вариантом напева А. Н. Корешковой, данный образец отличается от него ритмической формой кадансового пятисложника, где долготой наделен не только пятый, но и третий слог. Для мелодической версии Ярышевой (наст. том, № 156, 157) также характерна стабильность количественно-слогового состава и устойчивый рисунок слогоритмики.

Водлозерский напев, записанный Мусоргским от Полякова, с первого взгляда поражает видимой интонационной нестабильностью и может даже вызвать сомнения в своей репрезентативности для данной традиции. Казалось бы, к такому выводу ведут и обстоятельства его записи, когда от времени усвоения напева И. С. Поляковым на Водлозере до момента его фиксации М. П. Мусоргским с голоса ученого-зоолога прошло четыре года. Однако анализ показывает, что этот напев обладает типологическими признаками местной традиции, которые подтверждаются его вариантами, зафиксированными с применением звукозаписи.

В данном напеве сочетаются 10-сложные и 11—13-сложные строки. Строение десятисложных строк весьма характерно для эпоса: два пятисложника с акцентом на третьем слоге и выделен-

ным долготой пятым слогом (пример 2-1). В одиннадцатисложных строках в начальном построении место пятисложника занимает шестисложник, который делится дополнительным стиховым акцентом на две части по три слога (пример 2-2). Более всего в этом отрывке двенадцати-четырнадцатисложных строк; в них начальная часть стиха делится дополнительным акцентом на два четырехсложных построения (пример 4-4) — согласно определению А. Л. Маслова, «полный эпический размер». Во всех случаях кадансовая часть напевной мелострофы строится на слогоритмической основе пятисложника с выделенным долготой пятым слогом (пример 2-1, 2).

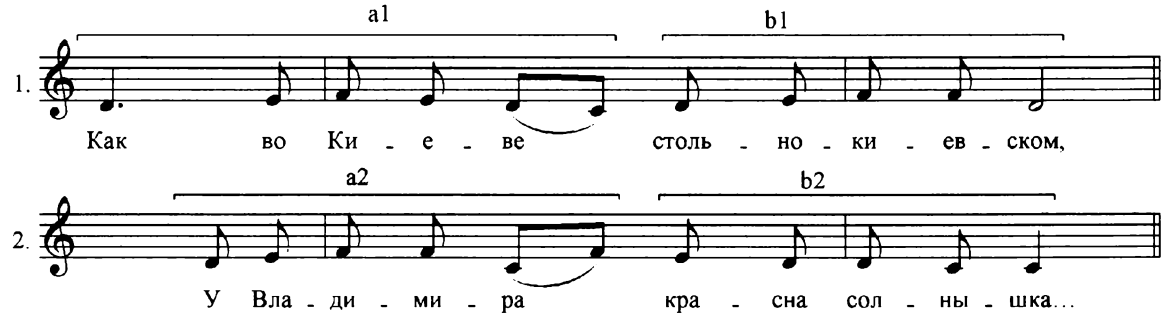
Пример 2

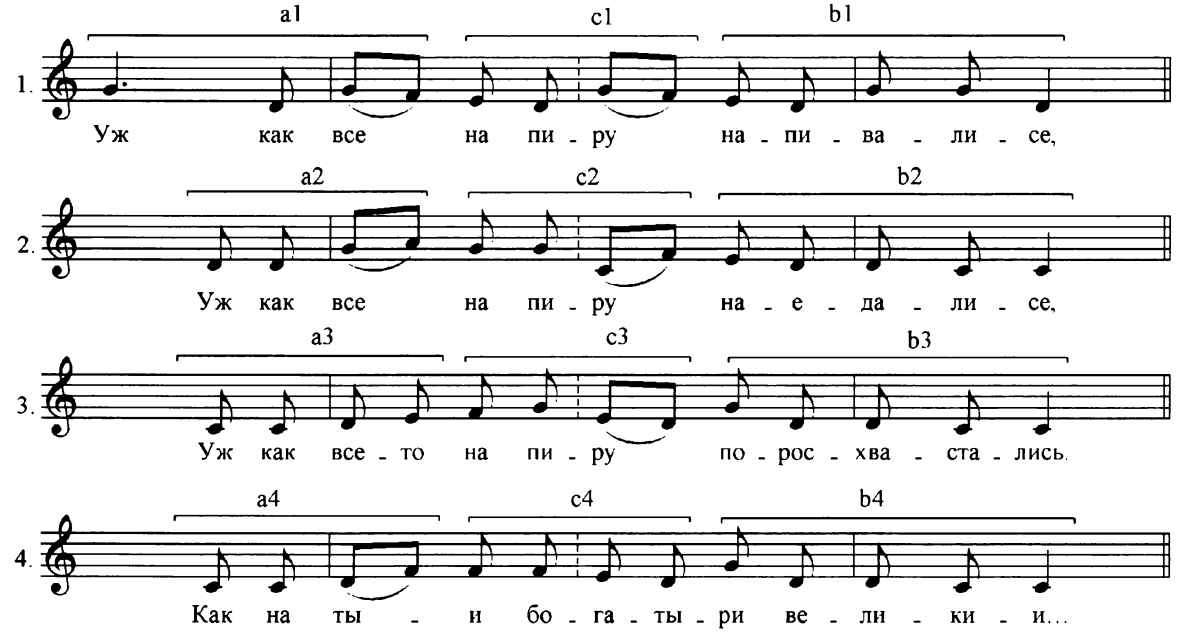
На основе кадансового пятисложника возникает попевка b, завершающая мелострофу. Как в 10-сложных, так и в 12—14-сложных мелостроках ее трехсложное интонационное завершение может быть различным: терцовый либо квартовый нисходящий ход к главной опоре лада или секундовый ход от главной опоры к субсекунде.

Для начальной попевки а (как пятисложной так и шести-восьмисложной) показательна квартовая интонация, связанная с первым акцентом: либо ход от тоники на кварту лада, либо от субсекунды на терцию. Все эти интонационные особенности подтверждаются вариантом Световой (наст. том, № 160).

Пример 3

Пример 4

В основе архитектоники напева, как уже отмечалось выше, две мелостроки, связанные отношениями секундовой оппозиции. Первую из них — начальную — отличает мелодический ход в попевке b, направленный к тонике. В каждой из трех строф, составляющих записанный М. П. Мусоргским мелодический отрывок, такая строка одна. Для второй — продолжающей и завершающей — строки в этой же попевке характерен шаг от тоники к субсекунде, располагающий к продолжению мелодического движения. Именно эта мелострока, повторяясь, образует тирадную строфу (пример 1). Начало каждого построения подчеркнуто более протяженными во времени первыми двумя слогами в начале первой мелостроки, и эта деталь имеет подтверждение в пудожских записях (примеры 11-1, 13-1).

Вариант, записанный от А. Н. Корешковой, стиховой в своей основе (все стихи заканчиваются одной и той же кадансовой попевкой), вместе с тем обладает определенными чертами тирадно-строфической композиции. В напеве Корешковой можно наблюдать процесс варьирования количества слогов в мелостроке. Исполнительница увеличивает длину мелостроки за счет включения дополнительных микропопевочных образований на основе трех-четырехсложных «речевых» фраз с акцентом посередине («Добры́нюшка», «свое́й жоны» «Наста́сьи»), которые могут разрастаться в самостоятельные попевки. В нотном примере 5 приведен фрагмент напева Корешковой,[48] в котором мелодическое развертывание разновеликих по слоговому составу строк происходит как раз благодаря микропопевкам.

На примере этого фрагмента видно, как типовая начальная попевка a (a2, a4) «прирастает» за счет нового мелодического образования — попевки c, которая также оказывается типовой (c2, c1). Кадансовая попевка b также расширяется мелодически за счет устойчивого интонационного образо-

[48] Полную версию, зафиксированную на восковом цилиндре, см.: наст. том, № 113.

Пример 5

вания. Выразительность мелодической линии достигается благодаря разнообразным проявлениям оттенков речевой интонации, воплощенной в опеваниях акцентируемого тона. Благодаря единообразию попевочного словаря, возникающая в процессе исполнения былины тирадная строфа, отличается интонационной целостностью, которая в свою очередь созидает «крупную форму» — законченные музыкально-смысловые построения, поддерживающие динамику словесного повествования.

Подчиняясь логике музыкально-поэтической формы, при необходимости переходящей от развернутой тирады к серии оппозиционных пар «базовых» мелострок, напев приобретает в устах сказительницы особую выразительность благодаря противопоставлению мелодически гибких и выразительных тринадцатисложных строк (пример 6, 4-6) и неизменных, скупых по мелодике десятисложных (пример 6, 1-3). В результате возникает эффект нарастания напряжения, обусловленный также поэтическим приемом вариантного повтора строки.

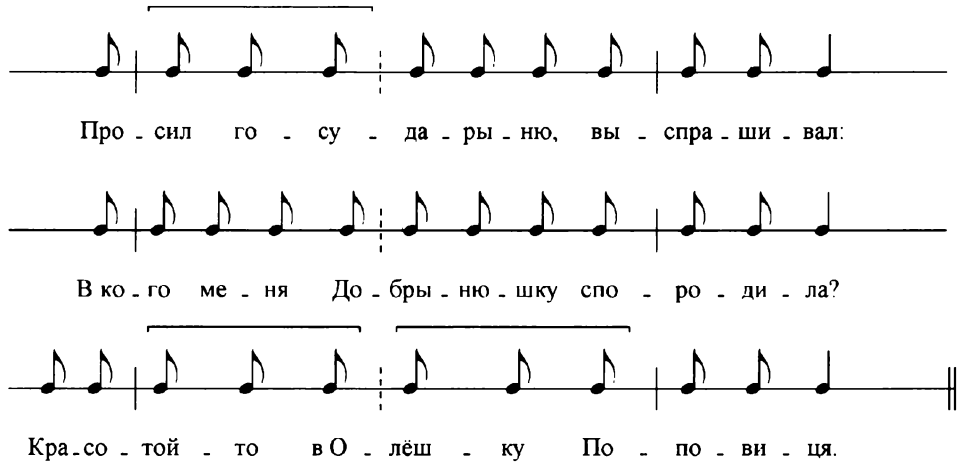
Пример 6

Варианты этого напева, с характерным ритмическим рисунком последних трех слогов второго, заключительного пятисложника (двух кратких и одного долгого), отличаются рядом узнаваемых интонационных параллелей с напевами, рассмотренными выше. В отношении слогоритмики, вариантность проявляется в частичной замене обычных для этого напева четных ритмических групп — нечетными, как у А. М. Никоновой (пример 7).

14 Зак. 3948

Пример 7

Исполняя былину, А. Н. Корешкова воспользовалась не только основным напевом. Перед тем как приступить к самому сюжету, она спела три вступительных стиха на напев небылицы, близкий вариант которой был записан в 1971 г. Т. В. Краснопольской в д. Песчаное от Е. Н. Степановой.[49] В основе слогоритма небылицы, как и вступления к былине Корешковой, лежит пара шестимерных пятисложников с долгим пятым слогом.

К первой группе мы относим также два взаимно вариантных напева: Д. М. Ефимова из д. Ранина Гора (запись 1941 г.)[50] и А. И. Анкудинова из д. Кривцы (запись 1972 г.)[51] — яркие образцы тирадно-строфической формы, построенной на основе трех базовых мелострок (пример 8). Большой

Пример 8

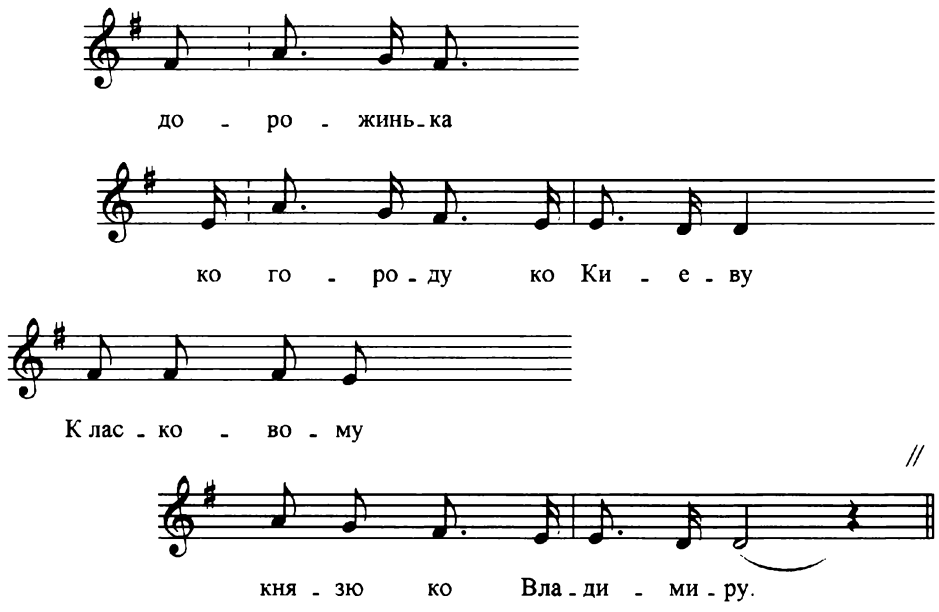

[49] Нотация опубл. в сб.: Песни Карельского края / Сост., авт. вступ. ст. Т. Краснопольская. Петрозаводск, 1977. № 167.

[50] Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, разр. III, оп. 1, диск № 66.03.

[51] Вариант нотации опубл.: Песни Карельского края. № 166.

А во то - т(ы) ли
во сла - в(ы) - ной во Ки - ев—град,
По - да - вай – ко, ты
ца - рю
ер - лу - ки да во бе - лы ру - ки!
2.
Пер - ва - я–й
до - ро - жинь - ка на Му - ром – град,
А–й дру - га до - рож - ка во Чер - ни - гов – град,
Треть - я ли

удачей является возможность наблюдать процесс образования строфики, разрастания и сужения слогочислительного показателя в ходе развертывания сказителями былинного сюжета. Оба фрагмента представлены достаточным количеством стихов.

Оба варианта сочетают в себе десяти-одиннадцатисложные двенадцатимерные строки и двенадцати-тринадцатисложные четырнадцатимерные. Нередко стих, путем введения дополнительных образований вокруг второстепенных акцентов, расширяется до 16—17 слогов. Временной же показатель достигает при этом 18—22 единиц. Эта особенность характерна для напевов Полякова (пример 1) и Корешковой (пример 5), а также свойственна творчеству Конашкова (примеры 25, 26).

Яркий напев октавного диапазона интересен тем, что ладо-интонационное строение каданосовых пятисложных групп демонстрирует принцип ладовой антитезы, что не характерно для других напевов данной группы. Вместе с тем эти напевы мелодически родственны напевам второй и третьей типологических групп. Кроме октавного диапазона напевы объединяет наличие характерного каданса первого мелостиха тирады — ход с октавы (септимы) на квинту лада (примеры 8, 10-1, 11). Этот мелодический ход противопоставляется кадансам последующих строк тирады.

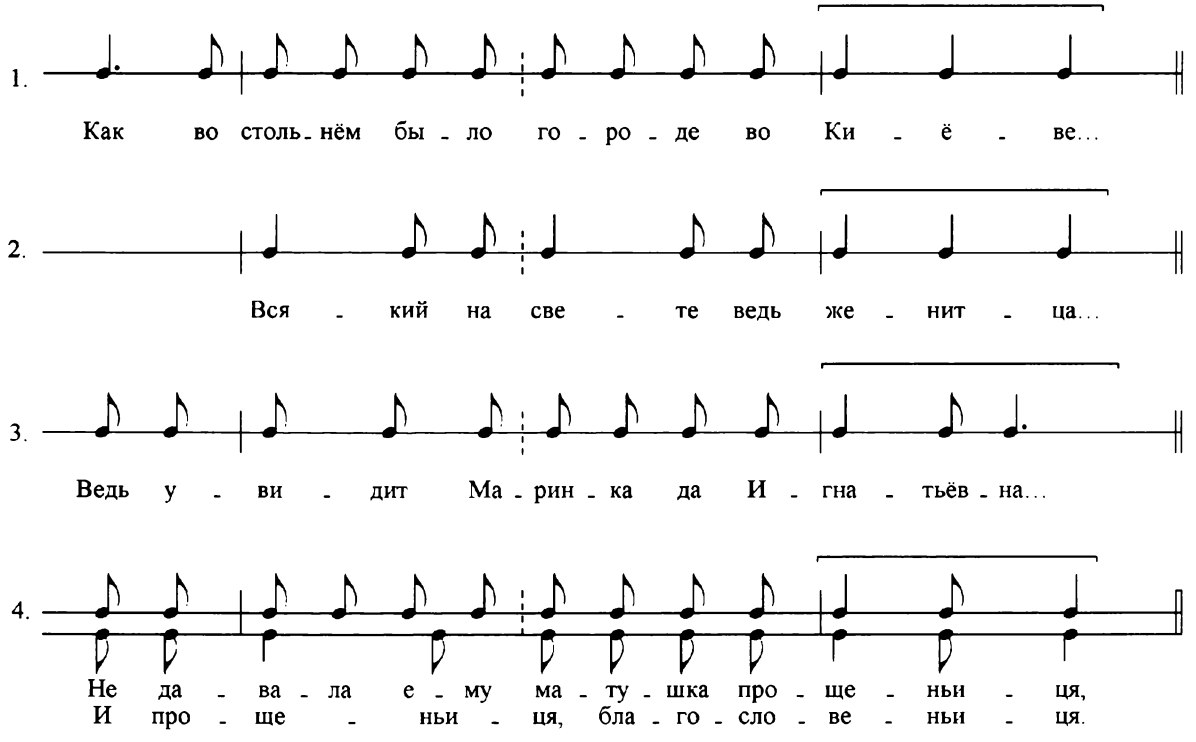
Таким образом, напевы первой группы обладают характерными особенностями мелодики и ритмики, которые тем не менее встречаются и в напевах других групп, что свидетельствует о единстве и многообразии напевного сказительского стиля Пудожья.

Среди напевов в четных единицах метрического времени выделяется группа мелодий *второго типа*, обладающая ярко выраженными песенными свойствами: неизменностью 8-временной слогоритмической основы мелостроки, большей стабильностью строфики, тяготеющей скорее к замкнутым, а не к тирадным формам, выраженной распевностью мелодики, стремлением к объединению отдельных попевок в единую линию, направленную к одному главному интонационному центру. В русской музыкальной фольклористике сложилась стойкая традиция связывать данный слогорит-

мический тип эпических напевов с севернорусскими празднично-поздравительными песнями — виноградьями.[52]

Основной для напевов второго типа является тринадцатисложная строка, с двумя главными акцентами на третьем от начала и от конца слогах, и одним дополнительным акцентом посередине (на седьмом слоге). Среди особенностей слогоритмики необходимо отметить выделенные удвоенной долготой три последних слога, которые противопоставлены равномерному произнесению кратких долей, от начала стиха до его главного (конечного) акцента. Нередко можно наблюдать в этих напевах характерные для плясовых песен ритмические фигуры из одной долгой и двух кратких долей, которые образуются за счет стяжения четырехсложных групп. Подчеркнутая «четность» (четырехдольность) этого напева в ряде его вариантов иногда нарушается за счет появления трехсложных групп на месте четырехсложных (пример 9-3, 4). Как уже упоминалось выше, данный напев весьма близок к заонежским вариантам, среди которых наиболее известен рябининский напев былины о Вольге и Микуле.

Пример 9

Среди пудожских вариантов данного слогоритмического типа, три записи сделаны в 1932 г., две — в 1985 г., от потомков известных сказителей. Все эти варианты интонационно близки. Определяет развитие мелодики противопоставление верхнего главного опорного тона на первом акценте стиха (в анакрузе), и V ступени лада, совпадающей с главным стиховым акцентом на третьем

[52] См., например: *Марченко Ю. И.* Напевы мезенских былин. С. 91.

от конца слоге (в клаузуле: примеры 10, 11). При этом на двух последующих постакцентных слогах осуществляется нисходящее движение, приводящее к нижней тонике лада или его второй ступени (пример 10),[53] либо ограниченное секундовым шагом с остановкой на IV ступени (пример 11).[54]

Пример 10

Широкий диапазон, доходящий иногда до октавы, яркие нисходящие мелодические ходы, размашистый активный ритм, характерное противопоставление заключительных трех «долгих» слогов равномерному движению начала мелостроки придают этому напеву особый характер, который живо чувствуют и передают сказители.

Композиция музыкально-поэтической строфы строится на основе пары интонационно противопоставленных друг другу мелострок. Часть вариантов ограничивается двумя строками (пример 10-2).

[53] Пример 10-1: наст. том, № 109; пример 10-2: наст. том, № 73.

[54] Пример 11-1: Былины : Русский музыкальный эпос. № 15а; пример 11-2: наст. том, № 66; пример 11-3: наст. том, № 161.

Музыкально-поэтическая строфа варианта, напетого А. Ф. Оргиной (пример 10-1), состоит из четырех строк, но типологически он восходит к двустрочной, поскольку первая и третья строки вариантно повторяются, что особенно роднит этот напев с празднично-поздравительными песнями.

Пример 11

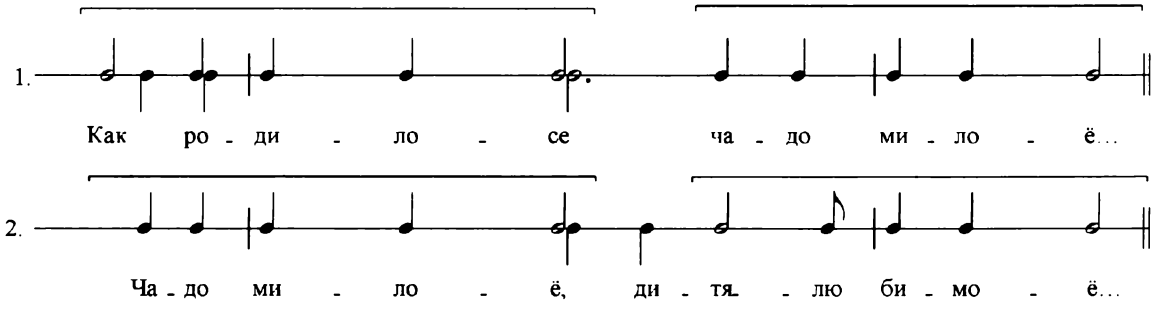

Вариантный повтор первой мелостроки характерен и для трехстрочного варианта А. М. Денисова (пример 11-1), хотя в напетом им фрагменте былины о Ставре и Настасье встречаются и двустрочные мелострофы. Эти особенности свидетельствуют о родстве архитектоники напева как с регулярно-строфическими (песенными), так и с тирадно-строфическими (сказительскими) формами. В этом безусловно сказались следы артельной традиции исполнения былин в семье и на промысле.

Необходимо остановиться на одной особенности строения строфы в напеве Денисова. Большинство строф в сохранившемся в звукозаписи отрывке былины имеет форму трехстрочной тирады, причем каждой из трех строк в зависимости от функции в строфе присущи свои интонационные особенности. В каждой из них выделяются две основные попевки: инициальная (*а*) и кадансовая (*b*). Первая — начальная — мелострока характерна своим мелодическим движением от активного утверждения верхнего главного опорного тона (*а*1) к нисходящему квартовому ходу к второй основной опоре лада в попевке *b*1. В заключительной мелостроке попевка *а* оформлена иначе: это восходящий ход от главной нижней к побочной терцовой опоре (пример 11-1, *а*3). Кадансовая попевка *b* осуществляет характерный для многих пудожских напевов нисходящий секундовый шаг к нижней побочной опоре лада (пример 11-1, *b*3). Промежуточная же строка объединяет в себе попевки начальной и заключительной мелострок: попевка *а*2 этой строки повторяет попевку *а*3, а попевка *b*2 — попевку *b*1 (пример 11-1, вторая строка). Таким образом, путем комбинации типовых попевок создается интонационное единство композиции.

В напевах Н. В. Кигачева и Ф. А. Конашкова, записанных в 1940 г., слогоритмическая модель, основанная на двух шестимерных пятисложниках с акцентом на третьем слоге и удвоенным по продолжительности пятым слогом, оказывается мелодически распетой, что приводит к укрупнению слогоритмических единиц (пример 12).

Пример 12

Следует заметить, что Ф. А. Конашков исполнял на этот напев только былину о Вольге и Микуле,[55] а все остальные былины своего обширного репертуара он пел на излюбленный им напев в нечетных группах метрического времени. В связи с этим зафиксированный звукозаписью фрагмент данного напева отличается слогоритмической стабильностью лишь во второй из двух мелострок, образующих «базовую» антитезу (пример 13-2). Эта мелострока интонационно сопоставима с напевом Кигачева.[56] Первая же мелострока данного напева Конашкова имеет сложный слогоритмический и мелодический рисунок, что, очевидно, обусловлено попыткой сказителя перестроить свой основной былинный напев согласно иным закономерностям.

К *третьему типу* относятся былинные напевы в нечетных группах метрического времени. Они требуют для своего изучения достаточно протяженных фрагментов записи, поскольку законо-

[55] См.: наст. том, № 25; пример 13-2.

[56] Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, разр. III, оп. 1, диск № 63.01; пример 13-1.

Пример 13

мерности тирадно-строфической формы, в рамках которой происходит акт воплощения в устах сказителя-мастера неповторимого варианта той или иной былины, раскрываются лишь при возможности сопоставления нескольких тирадных строф на протяжении одного варианта. Следующий этап исследования требует наличия нескольких вариантов одной и той же былины.

Напевы нечетного ритма зафиксированы лишь у трех сказителей — И. Т. Фофанова, И. Н. Ремизова (сына известного сказителя) и Ф. А. Конашкова. Однако по количеству записей варианты этого напева далеко превосходят все остальные, поскольку от Ф. А. Конашкова было сделано около 40 звукозаписей, каждая в среднем объемом не менее 25 мелострок, а две былины И. Т. Фофанова включают одна 50 мелострок, другая 74.

Стиховая основа рассматриваемых напевов — трехакцентный 12—14-сложный стих («полный эпический размер»). Она воплощается в звучащей слогоритмике напева в виде специфических двусложных, но трехмерных образований — музыкальных стоп. При этом, как правило, среди трехмерных стоп имеется одна, реже две двухмерные. В напеве Фофанова и Ремизова это два слога, связанные с дополнительным серединным стиховым акцентом: акцентный и постакцентный слоги (пример 14-1, 2). В сочетании с интонационной линией эта особенность придает в целом плавному напеву особую напористость.

У Конашкова двухмерная стопа появляется либо перед главным акцентом трехсложной клаузулы, либо перед одним из серединных акцентов, что создает плавный подход к акцентному слогу, делает сказительскую интонацию более мягкой (примеры 19—21, 25-1, 26).

Вариант, напетый И. Н. Ремизовым (пример 14-2, см. также табл. 5, № 1, 2, 5, 6), состоит из двух «базовых» мелострок на основе 12—14-сложного стиха. Основной вид строфы напева Фофанова (пример 14-1) также строится из пары стихов, но слогочислительные показатели у них различны. Каждый стих имеет два главных и одно дополнительное ударения. Первый стих, более

протяженный, может также расширяться за счет повторов микропопевок, что связано с появлением дополнительных акцентов.

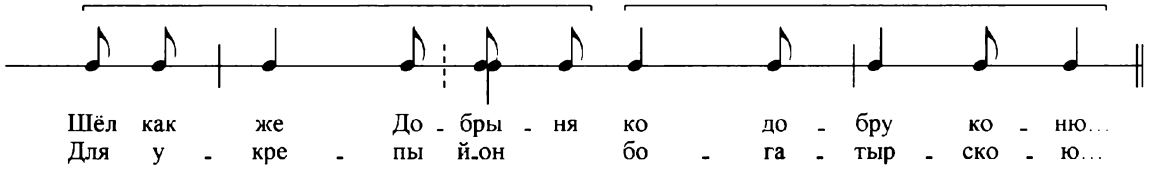
Пример 14

Второй, заключающий 11-сложный трехакцентный стих состоит из двух частей. Кадансовая часть (клаузула) — это общий для всех пудожских напевов пятисложник с акцентом на третьем слоге. Слогоритмическое оформление конечных трех слогов — одна из модификаций трехсложного окончания напевов первого типа (слогоритм кадансовой попевки варианта Ремизова) с той лишь разницей, что пара «акцентный—постакцентный слог» выражена трехмерной двусложной музыкальной стопой (пример 15). Инициальная часть (анакруза) — шестисложник, который делится дополнительным акцентом на два трехсложника: в первом из них акцент падает на третий слог, во

втором — на второй. При этом в первом трехсложнике акцентный слог ритмически удвоен, а во втором — акцентный слог является частью упоминавшейся ранее двусложной равномерной стопы. Иногда вместо шестисложника в этой части стиха встречается пятисложник, ритмически организованный подобно кадансовому.

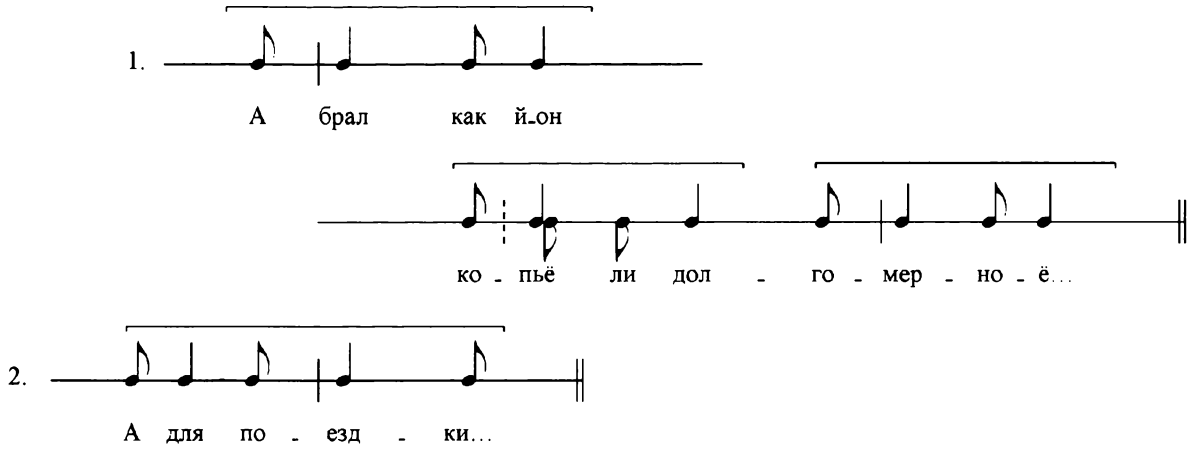
Пример 15

Интонационная роль второго мелостиха — завершение музыкальной мысли, вместе с тем обеспечивающее ее дальнейшее развитие по мере продолжения повествования. Инициальная и кадансовая части мелодически оформлены как две встречные интонационные волны: первая попевка направлена от тоники вверх, вторая стремится к ней, но останавливается на второй ступени (интонация повествования из нескольких этапов, ступеней). Так создается тяготение от второй мелостроки к сфере главной интонационной опоры, которая характерна для начальной мелостроки.

Структура первого мелостиха более подвижна. Его стабильной частью является заключительный пятисложник, подобный пятисложнику первого стиха. Начальная же часть варьируется. Часто она состоит из начального четырехсложного построения (с акцентом на втором слоге), которое продолжается двух-трехсложной связующей частью (здесь находится дополнительный акцент). Таким образом, возникает одинадцати-двенадцатисложный стих (пример 16-1). Однако иногда начальное построение расширяется до восьми-девяти слогов, причем интонационно и ритмически подчеркивается начальный пятисложник с акцентом на четвертом слоге (пример 16-2). В этом случае стих становится 13—14-сложным (пример 17-2).

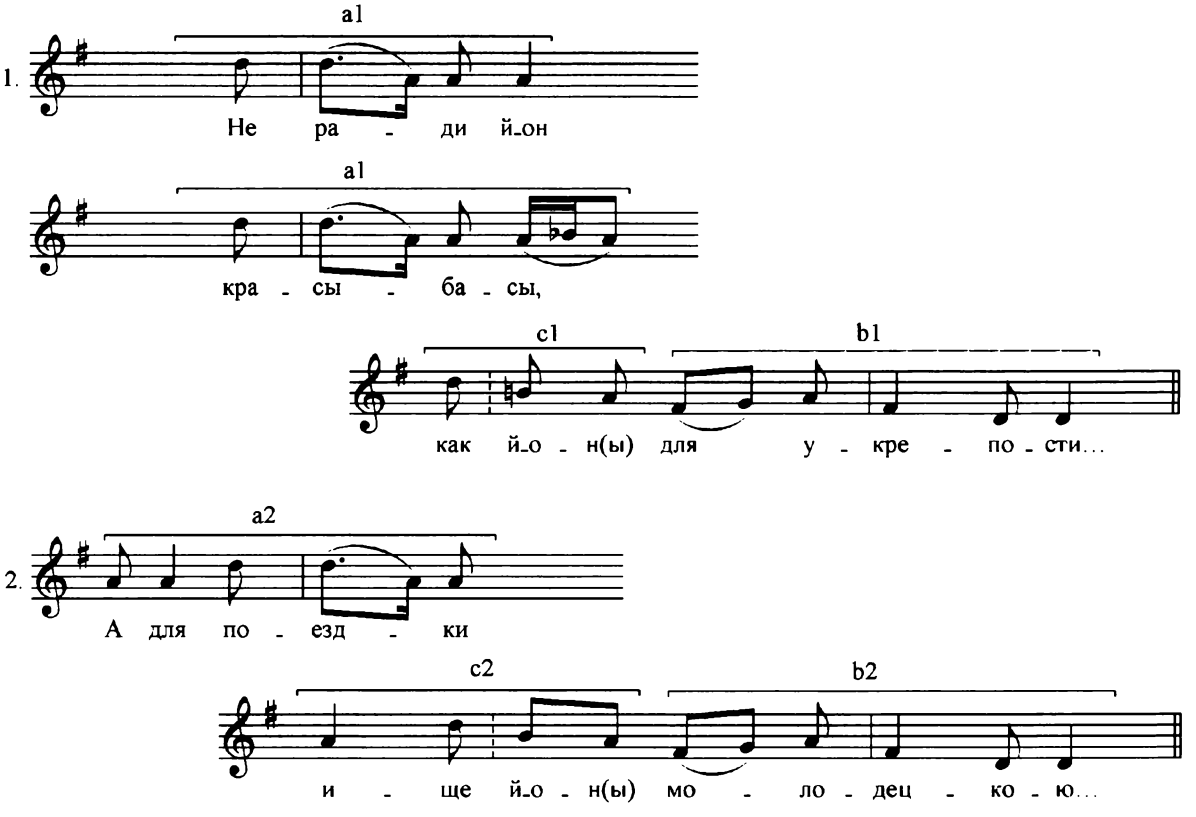
Пример 16

Наиболее яркой интонационной чертой первой мелостроки является начальный квартовый ход от верхней тоники лада (наивысшая интонационная точка напева) к побочной опоре на V ступени. Вследствие напряженной тесситуры этот ход обладает особой выразительностью возгласа, отмечающего начало новой тирадной строфы (пример 17-1). Сказитель часто подчеркивает эту интонацию, повторяя попевку, и таким образом расширяя стих до 15—16 слогов. Более плавный характер эта попевка приобретает в своем расширенном варианте, когда напряженный верхний тон предваряется квартовым ходом от V ступени (пример 17-2).

Дальнейшее мелодическое развитие идет к опоре на третью и затем первую ступени лада в кадансовой зоне. Характерный пятимерный трехсложный ритм с долгими первым и третьим слогами, который приходится на последние три слога каданса, мелодически оформлен нисходящим терцовым ходом к тонике. Это создает контраст по отношению к заключительной мелострофе с ее секундовым ходом к побочной опоре на второй ступени (пример 17, b-1, b-2).

Пример 17

В процессе образования тирадной строфы возникает промежуточная комбинированная мелострока, которая совмещает в себе попевки начальной и заключительной строф. Эта мелострока может повторяться несколько раз, образуя многострочные последовательности с эффектом «наращивания массы» возникающей тирады.

Пример 18

Принцип конструкции на основе типовых попевок удивительно прост в своей архитектонике. Начало промежуточной мелостроки образует начальная попевка заключительной мелостроки, восходящая от нижней тоники (пример 18, a1, a2). Затем следуют типовые попевки первой мелостроки: серединная (c1) и кадансовая (b1) с опорой на терцию лада. Если сказителю требуется повторить несколько мелострок, он использует для этого данную «промежуточную» конструкцию с финальным терцовым ходом на тонику. Если же он завершает тираду, то для этого берется заключительная мелострока с большесекундовым ходом на побочный устой лада.

Как видно из предшествующего анализа интонационно-попевочного строения тирадно-строфических напевов пудожской традиции, образцы различной метро-ритмической организации, такие как «четный» восьмивременной напев Денисова (пример 11-1) и «нечетный» Фофанова (примеры 16—18), строятся согласно общим закономерностям и строгой логике использования тех или иных попевок в зависимости от их места в тирадной строфе.

В процессе развертывания былинного повествования сказитель на основе готовых клише мелострок складывает трех-четырехстрочные, а иногда и более объемные тирадные построения. Их интонационная логика вступает в сложные связи с логикой развития собственно словесного повествования былины, что создает бесконечное богатство смысловых и эмоциональных оттенков.

5

Благодаря звукозаписям от Федора Андреевича Конашкова, выполненным в октябре 1940 г. на гибких «лабораторных» дисках по инициативе А. М. Линевского, мы имеем возможность предметно судить об индивидуальном сказительском стиле исполнения былин. А. М. Линевский сделал не только записи начальных фрагментов всех 22 былин конашковского репертуара, баллады о братьях-разбойниках и сестре, исторической песни об Иване Грозном и сыне, но, что особенно важно, записал большинство былин повторно.

Таким образом, была создана солидная база источников для изучения творчества выдающегося сказителя, его индивидуального исполнительского стиля, закономерностей сольной культуры сказительства. Ф. А. Конашков — представитель семейной династии сказителей. Он перенял былины от своего дяди Василия Степановича (брат отца), а тот в свою очередь — от своего отца Степана Ивановича. Период усвоения Ф. А. Конашковым эпического творчества приходится на конец 70-х—80-е гг. XIX в., т. е. на период записей былин Рыбниковым и Гильфердингом.

Конашков считал свой былинный репертуар своеобразной «интеллектуальной собственностью», так как их исполнение для членов крестьянской общины являлось средством реализации общественного статуса сказителя. «Осенью соберется человек тридцать слушать», — рассказывал он собирателям.[57] «Пою, так муха бы не летала, чтобы не разговаривали».[58] Особенно это убеждение Федора Андреевича в своей значительной роли в обществе укрепилось, когда его стали приглашать для исполнения былин в Москву и Ленинград, а в 1939 г. именно за свою деятельность в качестве сказителя он был награжден орденом «Знак почета» и стал получать персональную пенсию. Интересна особая установка Конашкова на слушателя, которой он строго придерживался: он пел одни былины для мужчин, другие для женщин, третьи для женатых, четвертые для холостых и т. д.

К словесным текстам «ста́рин» он относился как к наследию, усвоенному в семье и подлежащему бережному хранению. Так, В. И. Чичеров в полевой тетради 1928 г. записал: «Он поет сорок лет так».[59] Все собиратели и исследователи отмечали необычайную консервативность его текстов, записанных в 1928, 1937—1939 гг. А. М. Линевский, специально изучавший его творчество, утверждал: «Текст Федор Андреевич помнил прочно и его не менял. Никакой склонности к импровизации Конашков не проявлял».[60] Он рьяно оберегал свои былины от внешних влияний, даже предпочитал петь былины подальше от родных мест, опасаясь, что односельчане «переймут их на сторону».

Вместе с тем сравнение повторных записей показывает, что неизменность словесного текста лишь внутренняя «установка» сказителя. Примером может послужить сопоставление двух звукозаписей былины «Дюк Степанович», сделанных в 1940 г.

Таблица 6

Ф. А. Конашков. «Дюк Степанович» ФА ИЯЛИ Кар НЦ РАН, Р III/2, диск 177.02. Первая запись	Ф. А. Конашков. «Дюк Степанович» ФА ИЯЛИ Кар НЦ РАН, Р III/2, диск 61.01. Повторная запись
А со того ле со города со Галичи	А как с того ли города из Галичи
Как справляетьце да снаряжаетьце	А молодой боярин Дюк Стёпа́нович.
А молодой боярин Дюк Стёпа́нович.	Как вставал-то Дюк(ы) да ранёшинько,
А мылсэ-то он, Дюк(ы), да белёшенько,	А мылсэ боярин(ы) да белёшинько,
Одёва́лсэ боярин почистёшен(и)ко.	А обтёра́лсэ-то да посухёшенько
А говорила-то Дюку ро́дна матушка:	А тонким(ы) льняным да полотёнышком,
«А далёко́ ли, Дюк, ты да справляеся,	А одёва́лсэ боярин почистёшин(и)ко.
А вёдь куда ты, боярин, снаряжаеся?» —	А говорила Дюку ро́д(ы)на матушка —
«Как поеду я, да ро́дна матушка,	Как чесна́ вдова Омельфа Тимофи́ёвна:
А поеду я во сла́вной(и) город да во	«А далёко́ ли, Дюк(ы), ты да справляеси,
Ки́ёв(ы)-град,	А как далёко́ ли, Дюк, да снаряжаеси?» —

[57] РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 1, л. 76 (Материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1928 г.).

[58] Там же, л. 74 об.

[59] Там же, л. 67.

[60] Сказитель Ф. А. Конашков. С. 19.

А поеду я ко князю ко Владимеру:
Как вели́ка и́дёт слава на Ки́ёв(ы)-град,
А побольше слава на князя на Владимера».
А говорила-то да ро́дна матушка,
Как чёс(ы)на́ вдова Омельфа Тимофи́ёв(ы)на:
«А молодой боярин(ы) Дюк Стёпа́нович!
А не росхвастайсе-ко у князя у Владимера
А животи́шкамы вдови́ныма и да серо́тскима...».

«А поеду я, да ро́дна матушка,
Как во славный(и) город я во Ки́ёв-град, —
А здесь иде́т-то слава-та великая,
Как(ы) во сла́вной(и) город всё [во] Ки́ёв-град, —
А поболе слава иде́ на князя на В(ы)ладимира».
А говорила-то да Дюку ро́дна матушка:
«А как съедешь ко князю к о Владимеру,
А не посхвастай-ко животи́шкамы вдови́ныма,
А как вдови́ныма животи́шкамы серо́тскима».

Как видно из словесных текстов первой и повторной записей, первая запись отличается большей краткостью, скупостью описаний, это выражается в особенностях строфики. Начало повествования — протяженная тирада, построенная на перечислении, что подчеркивается семикратным повторением заключающей мелостроки. В повторной записи те же описания более подробны, повествование приобретает неторопливый характер благодаря особенностям строфики, развернутой в виде четырех «базовых» пар мелострок. Дальнейшее развитие каждого из вариантов идет по тем же принципам, которые приняты в начальном разделе.

Аналогично поэтическому тексту варьируется и напев. По словам самого Ф. А. Конашкова, «былина неодна́ко заводится».[61] «Ежели кто приезжает, так надо по нраву им мотив», — рассказывал он собирателям.[62] Эти высказывания — свидетельство того, что сказитель осознавал вариантность своего напева в зависимости от обстоятельств и задачи исполнения былины.

Главный напев у Конашкова один, но в разное время он пел его по-разному. В ранней фонографической версии былины о Чуриле и Катерине, записанной Е. В. Гиппиусом в 1934 г. в Ленинграде, напев (пример 19) построен на основе двухударного 10-сложного, либо трехударного 11—(12)-сложного стиха. Интонационная основа мелостиха — две попевки: инициальная (a) и кадансовая (b). Кадансовая попевка интонационно и ритмически стабильна — пятисложник с выделенными долготой акцентным третьим и пятым слогом (пример 19, b). В некоторых мелостроках четвертый слог также наделяется двойной долготой (примеры 20, 21, b). Ритмическая вариантность трех последних слогов вообще характерна для исполнительского стиля Конашкова, причем нередко различные версии (включая еще одну: два коротких, один долгий слог) сочетаются в рамках одного исполнения напева.

Пример 19

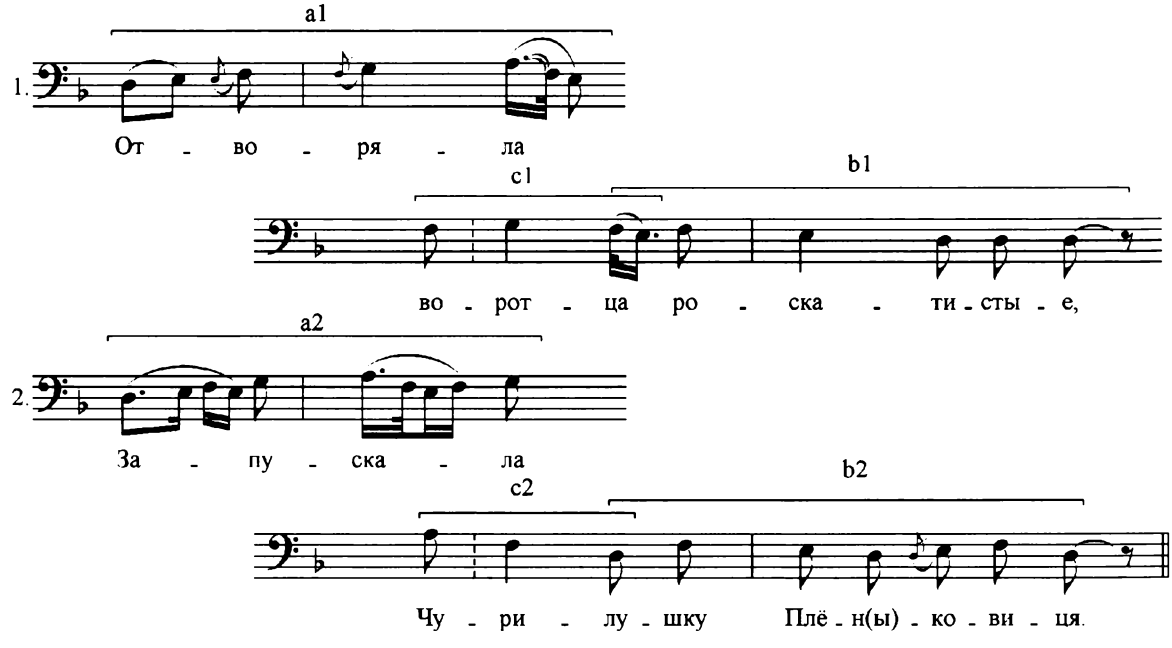
[61] РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 1, л. 74 об.
[62] Там же, л. 76.

Интонационная выразительность конкретной попевки зависит от слабых долей, которые образуют подходы к сильным долям на главных и второстепенном стиховых акцентах. Благодаря вариантности, идущей от речевой интонации, возникает бесконечно изменчивая, тонко эмоционально окрашенная мелодическая линия. Эта выразительность не мешает общему мужественному и даже озорному настрою, который возникает благодаря свойственному Конашкову характерному приему звуковой атаки, усиленной множеством призвуков, форшлагов, мордентов.

Инициальная попевка а имеет два вида. Первый — разбег от I ступени к квинте лада на сильной доле (пример 19-1, 4), второй — тот же разбег останавливается на квартовом тоне (пример 19-2, 3). Интонационная форма инициальной попевки позволяет распознавать мелостроки как различные по функции элементы тирадно-строфической формы.

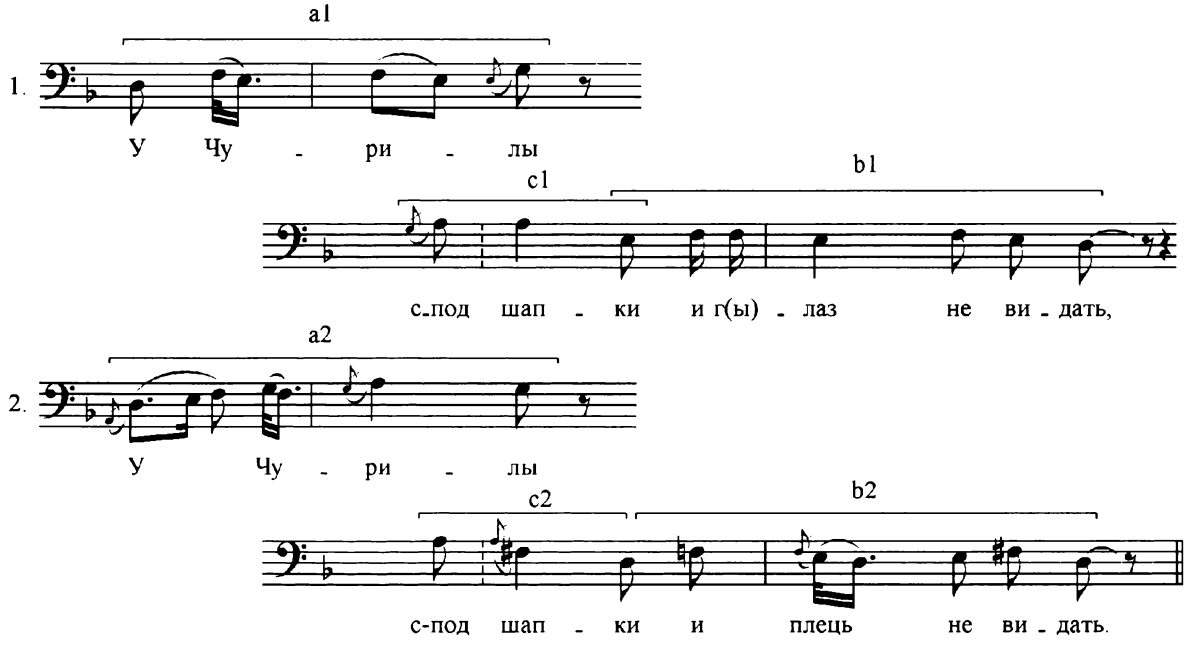
Пример 20

Среди мелострок данного варианта наряду с 10—11-сложными строками имеются также 12—13-сложные (примеры 20, 21). Их интонационно-ритмическое строение сходно с рассмотрен-

ными выше, с той разницей, что вокруг дополнительного серединного акцента возникает самостоятельная микропопевка, связывающая инициальную и кадансовую попевки. Именно в этой интонационной области рождаются наиболее тонко дифференцированные оттенки речевой выразительности, такие, например, как высотное варьирование третьей ступени (пример 21-2, попевки c2 и b2). Смысловые и эмоциональные оттенки повествовательной речи дополняются и подчеркиваются «логическими» интонационными оборотами, подчеркивающими последовательность развития мысли. Рассмотрев последовательное мелодическое развитие по вариантам попевки c в их взаимосвязях с инициальной и кадансовой попевками (a, b) (примеры 20 и 21), можно уловить неповторимую «конашковскую» повествовательную интонацию.

Пример 21

Характеризуя пение Конашкова, В. В. Коргузалов в антологии «Былины» писал: «Ф. А. Конашков обладал редким даром конкретной тембровой и „штриховой" иллюстрации сюжетных коллизий. ⟨...⟩ Помимо голосовых средств, артистизм Ф. А. Конашкова ни в чем внешне не проявлялся».[63] Человек богатырского роста, с могучим низким голосом, он, по описанию А. М. Линевского, обычно «усаживался на стул, медленно перебирая вспухшими от простуды пальцами край деревенского пошива пиджака, пел без передышки, не останавливаясь даже для того, чтобы набрать в себя воздух».[64]

По сравнению с вариантами 1934 г., в записях 1940 г. отразился иной момент в жизни былинных напевов Ф. А. Конашкова. В этот раз сказитель использовал другой, мелодически более развитый вариант напева. Образование тирадно-строфической формы здесь более определенно,

[63] Былины : Русский музыкальный эпос. С. 523, стб. 1.
[64] Сказитель Ф. А. Конашков. С. 21.

более ярко, и сами тирады охватывают большее число строк. Как это обычно для напева Конашкова, мелодические различия, определяющие место мелостроки в архитектонике целого, сосредоточены не в кадансовой, как в напевах Фофанова и Ремизова, а в инициальной части мелостиха.

Пример 22

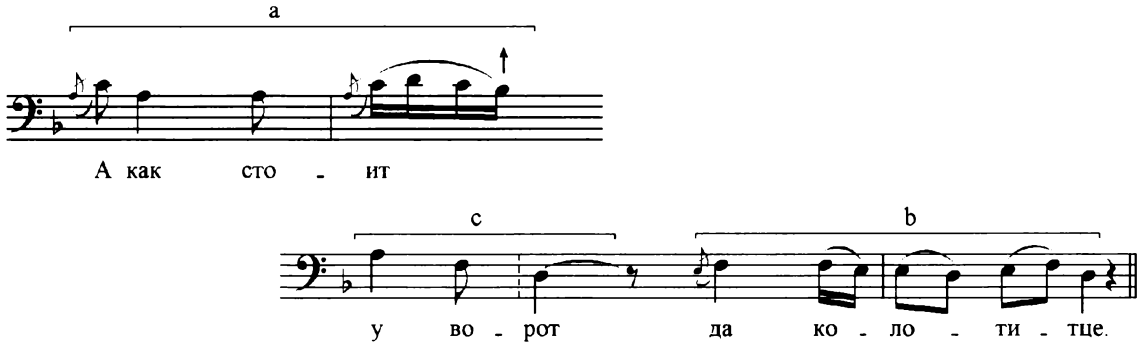

Заключительная попевка b объединяет все мелостроки — она практически неизменна, различаются лишь метро-ритмические версии оформления последних трех слогов. Так, в отрывке былины «Илья Муромец и Идолище», представленном в примере 22, тирадная строфа состоит из четырех мелострок. Интонационное и ритмическое строение второй и третьей из них (пример 22-2, 3) аналогично первой и второй строкам варианта былины «Чурила» 1934 г. (пример 20-1, 2; 21). Четвертая, заключительная мелострока — сокращенный в слогочислительном отношении вариант третьей.

Первая мелострока варианта 1940 г. отличается новыми интонациями. Это начальный возглас, который начинается с одной из наивысших точек напева — VI или VII ступени лада, причем нередко опевание этих ступеней захватывает и акцентный слог стиховой анакрузы (примеры 22-1, 23, 25-1).

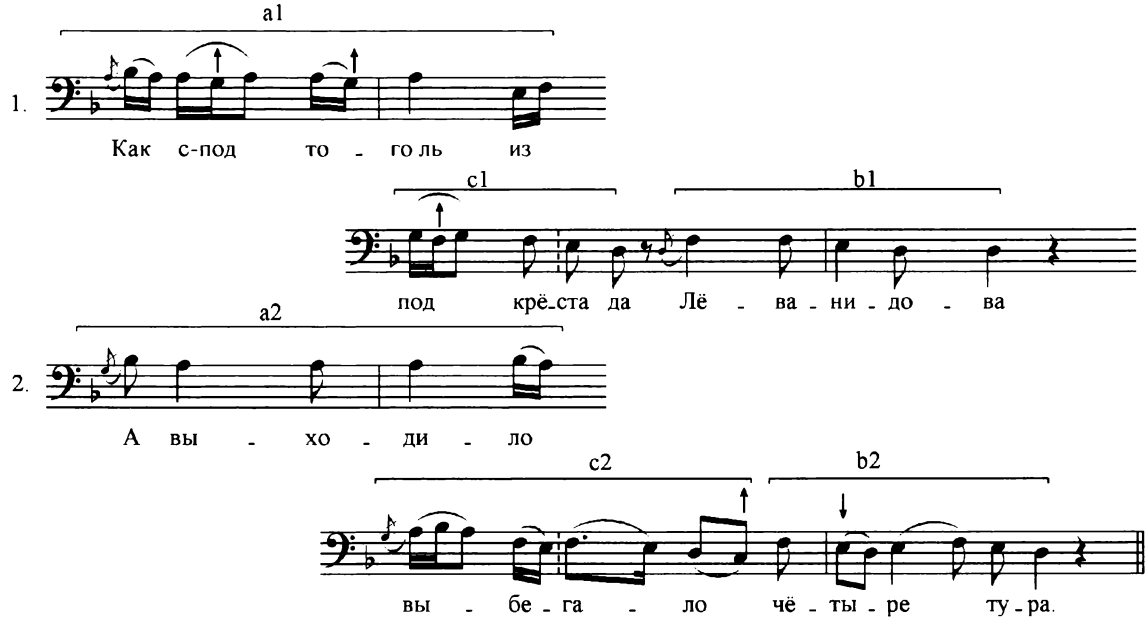
Напев в этом варианте приобретает напряженное, приподнятое звучание (этим отличается также и напев Фофанова), что особо подчеркивается, благодаря предельной для мужского голоса тесситуре. В процессе исполнения сказитель создает различные мелодические варианты начальной мелостроки. Пример 23 — начало повествования о Чуриле и Катерине. Эту былину Федор Андреевич исполнял для молодежи. Сказитель начинает повествование с наивысшей точки напряжения. По сравнению с напористым, задорным вариантом той же былины, записаным в 1934 г., этот напев звучит драматически.

Пример 23

В былине о Василии Игнатьевиче и Батыге, которую сам сказитель называл «былиной про туров-золоторогов» (пример 24), Конашков повторяет начальную мелострoку — сравнительно редкий для него прием архитектоники строфы. В процессе исполнения былины выразительная речевая интонация рождает неповторимую мелодическую линию каждой мелостроки на основе единой ладо-ритмической схемы.

Пример 24

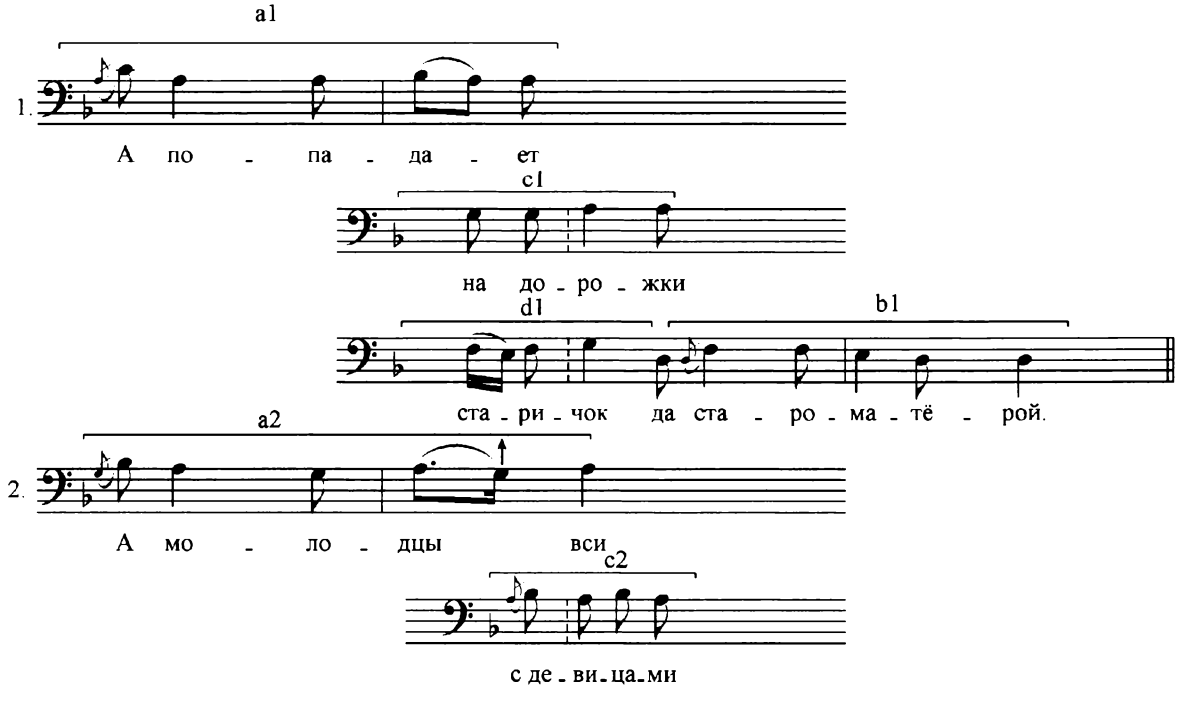
Для начальной (первой) базовой мелостроки ладовое развитие характеризуется движением от опевания квинтового тона лада (чаще всего с помощью VI и VII ступеней) в инициальной попевке *a*, через побочную опору на четвертой ступени к нисходящему движению III—II—I ступеней в кадансовой попевке b (примеры 22-1, 23-1, 24).

Вторая (продолжающая и заключающая) базовая мелострока существенно отличается от первой развитием инициальной попевки a: восходящим ходом от главного устоя лада или его II ступени к акцентированной опоре на IV (реже V) ступени. Далее, через побочную опору на V ступени, мелодическое движение устремляется к кадансовой попевке b, аналогичной по своему строению первой мелостроке (примеры 22-2).

Главный мелодический элемент, создающий вариантность, — связующая попевка *c*, которая представляет собой опевание дополнительного стихового акцента. Для первой базовой мелостроки более характерна опора на III ступени (примеры 22-1, 23-1, 24-2), для второй — на кварту лада (пример 22-2, 3, 4).

В ходе повествования типовой 14-сложный стих («полный эпический размер») часто разрастается до 18—19 слогов. Слогочислительный показатель расширяется за счет серединных четырехсложных попевок, которые возникают вокруг дополнительных акцентов (пример 25-1, 2). В такой расширенной строке в процессе исполнения возникает дополнительная ритмико-мелодическая пульсация, которая придает стиху упругость.

Пример 25

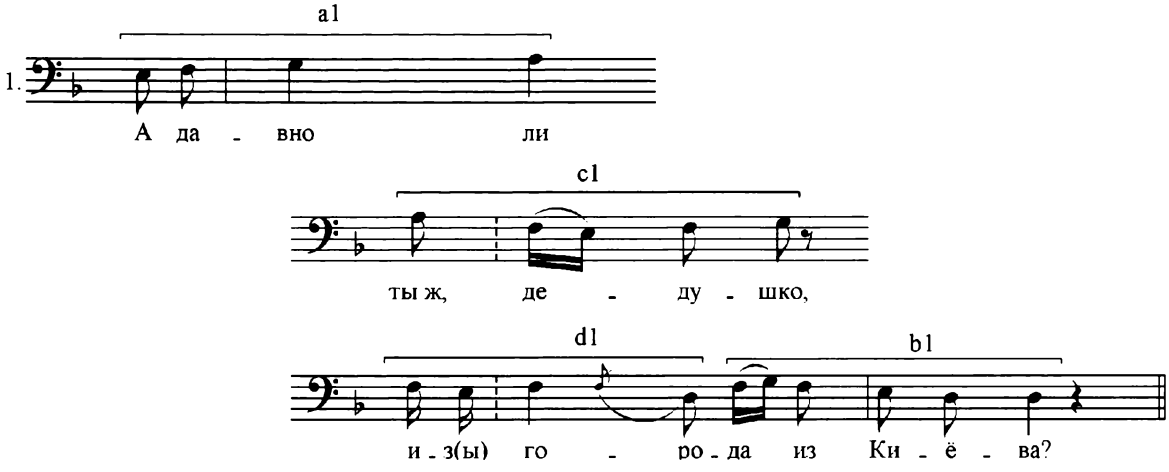

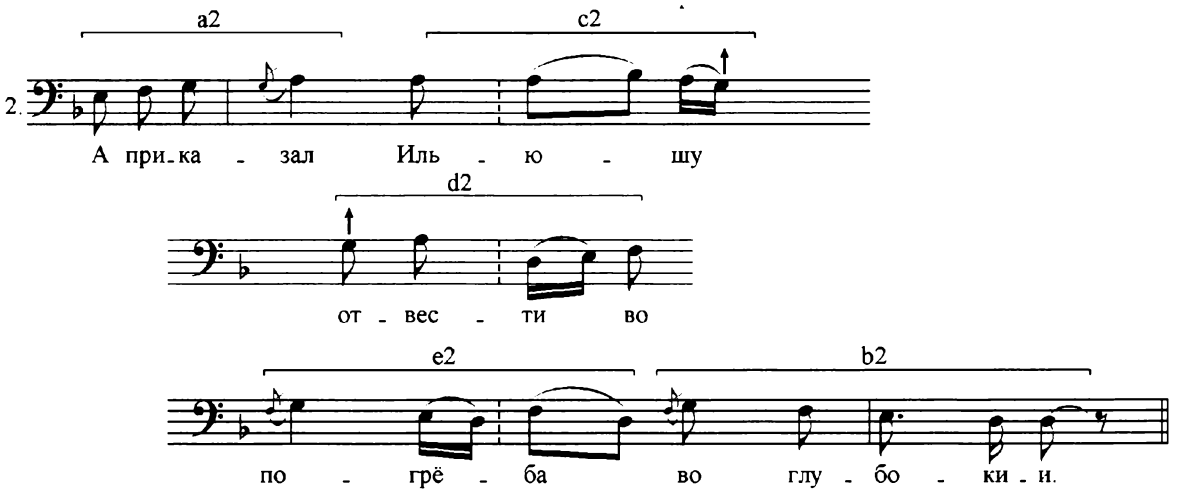

На примере как первой, так и второй базовых мелострок тирадно-строфической формы можно наблюдать интонационное разнообразие образующихся дополнительных микропопевок (примеры 25, попевки c, d, e). Однако их строение и сама последовательность появления подчиняются неизменной логике ладо-интонационного развития, характерной для каждой из функционально различных мелострок.

В первой мелостроке дополнительная попевка *c* вариантно повторяет попевку *a* анакрузы, опевая квинтовый опорный тон (пример 25, c1, c2). Следующая за ней попевка *d*, через опору на IV или V ступени, осуществляет характерное для этого элемента тирадной формы движение к опоре на III—I ступени, с выходом на кадансовую попевку b (пример 25, d1, d2). Во второй базовой мелостроке дополнительные попевки c и d, чаще всего сразу выходят на терцовую опору лада, характерную для этого элемента тирадной формы (пример 26-1, c1, d1). Но иногда внутри мелостроки возникает дополнительное мелодическое построение с использованием типовых попевочных ходов анакрузы: восходящего движения к IV ступени с последующей опорой на терцию лада (пример 26-2, d2, e2).

Пример 26

Таким образом, в процессе исполнения былины образуются стиховые строки различной длины, которые объединяются в тирады. В этих построениях, возникающих на основе «базовой пары» оппозиционных мелострок, может быть несколько раз (до шести-семи) повторена вторая — продолжающая, подчиненная — строка, как это происходит в былине о Дюке Степановиче. Если сказителю требуется последовательное, неспешное развитие повествования, он использует «базовую» пару мелострок, либо трех-четырехстрочную тираду с несколькими вариантными «заключительными» мелостроками. Такие тирадно-строфические образования не прямолинейно соотносятся с логикой развития содержания поэтического текста. Они то подчеркивают последовательность изложения, то неожиданно выделяют с помощью начала новой интонационной тирады какую-то важную для сказителя мысль, а иногда объединяют несколько поэтических периодов в разрастающееся эмоциональное полотно.

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1—8)

№ 1

О ВОЛЬГЕ ВСЕСЛАВЬИЧЕ

Когда воссияло солнце красное
На нашу на землю Святорусскую,
Тогда народился младый богатырь,
Младый богатырь, Вольга Всеславьевич.
Будет Вольга семи годов,
Передастся Вольга семи мудрецам,
Понимает Вольга все хитрости,
Все хитрости и все мудрости.
Будет Вольга семнадцати лет,
Прибирает дружину хоробрую:
Тридцать молодцев без единаго,
Сам Вольга был во тридцатыих.
Будет Вольга на крутом берегу,
На крутом берегу удалым молодцем.
Воспроговорит Вольга таковы слова:
«Братцы вы, дружина хоробрая,
Тридцать молодцев без единаго,
Сам я Вольга во тридцатыих.
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое;
Нынеча теперь я вам скажу:
От моей от славы богатырския
Куницы и лисицы ушли в темны леса,
Рыба ушла во сине море,
Во сине море в глубоки станы;
Вяжите вы тоневья шелковыя,
Путевья кладите позолоченыя,
И спускайте эти тоневья в сине море».
Сам-от Вольга сударь Всеславьевич
Обернулся Вольга рыбой-щукою,

Пошел Вольга во сине море,
Всех рыб он повыпугал
Со тых станов со глубокиих
Во тые тоневья шелковыя;
Всю кунную рыбу повыловил
Со своей дружиной со хороброей.
Будет Вольга на крутом берегу,
На крутом берегу удалым молодцем,
И сам говорил таково слово:
«Братцы вы, дружина хоробрая!
Теперь кунная рыба вся повыловлена
Во том ли во славном синем море;
Теперь куниц и лисиц повыловим.
Слушайте же большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Вяжите вы тоневья шелковыя,
Вы пускайте тоневья в леса темные,
По ближности славнаго синя моря».
Сам-от Вольга сударь Всеславьевич
Обернулся Вольга серым волком,
Побежал Вольга в темны леса.
Его братья, дружина хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Делали дело повеленое:
Вязали тоневья шелковыя,
Пускали тоневья во темны леса,
По ближности славного синя моря.
Сам-от Вольга сударь Всеславьевич
Побежал во ты во ломы во великие:
Из тых из ломов из великиих
Всех куниц, лисиц, повыпугал
Ко тому ко славному синю морю,
Во тыя во тоневья шелковыя,
Будет Вольга на крутом берегу,
На крутом берегу удалым молодцем.
Сам говорил таково слово:
«Кунная рыба вся повыловлена,
И куницы, лисицы все повыловлены.
От моей от славы богатырския
Уехал царь Салтан Бекетович
Со своей царицей с Давыдьевной
Во славну Золоту Орду».
Говорит Вольга не с упадкою:

«Братцы вы, дружина хоробрая!
Есть ли удалый дородний добрый молодец,
Сослужил бы мне службу великую,
Сходить во славну Золотую Орду,
Узнать про царя Салтана Бекетовича,
Что́ он царь советует
Со своей царицей со Давыдьевной,
На своем на ложе царскоем?
Того молодца я буду жаловать
За его услугу за великую».
Тут его братцы, дружина хоробрая,
Больший туляется за средняго,
Средний туляется за меньшаго,
А от меньшаго и ответу нет.
Воспроговорит Вольга Всеславьевич:
«Видно в моей дружине хороброей
Нет удала дородня добра молодца,
Сослужить мне службу великую!
Видно быть — итти самому Вольге!
Побудь ты, дружина хоробрая,
Я сам слетаю в Золоту Орду,
Проведаю про царя Салтана Бекетовича».
Обернулся Вольга птицей-пташицей,
Полетел Вольга в Золоту Орду,
Прилетел, сударь, в Золоту Орду,
Садился на царское окошечко
И слушал речи царския,
Того ли царя Салтана Бекетовича,
Со своей царицею Давыдьевной.
Приходит она на ложню на спальную,
И говорит царь Салтан Бекетович:
«Супруга моя возлюбленная,
Молода царица Давыдьевна!
Знаешь ли мою выдумку?»
Говорит царица Давыдьевна:
«Ай же ты, царь Салтан Бекетович!
Что́ же будешь деяти
И какова твоя выдумка?»
Говорит царь Салтан Бекетович:
«Поеду я воевать на Святую Русь,
Завоюю на Руси девять городов,
Подарю городами девять сынов,
А сам я возьму славен Киев-град».

Говорит ему царица Давыдьевна:
«Когда воссияло солнце красное
На эту на землю Святорусскую,
Тогда народился младый богатырь,
Младый богатырь, Вольга Всеславьевич.
От его от славы богатырския
Куницы и лисицы ушли во темны леса,
Во темны леса, во велики ломы;
Рыба ушла во сине море,
Во сине море, в глубоки станы,
Стало Вольге семнадцать лет —
Научился Вольга всем хитростям,
Всем хитростям и всем мудростям;
Прибирал себе дружину хоробрую;
Тридцать молодцев без единаго,
Сам Вольга во тридцатыих;
Они кунную рыбу всю повыловили,
Куниц и лисиц всех повыловили;
Сам-от Вольга Всеславьевич
Полетел он к нам в Золоту Орду,
И сидит на наших на окошечках,
И выслушивает наши речи царския».
Этыя речи царю не слюбилися:
Ударил он царицу по белу лицу
И пролил у царицы кровь напрасную,
Напрасну кровь, бесповинную.
Воспроговорит Вольга Всеславьевич:
«Ай же ты, царь Салтан Бекетович!
Не бывать тебе на Святой Руси,
Не владеть тебе градом Киевом!
Скоро обирайся во свою землю!»
Тут Вольга сударь Всеславьевич
Отлетел от царскаго окошечка,
Полетел ко дружины ко хоробрыя.
А царь Салтан Бекетович,
По его, Вольгину, повелению,
Обирался скоро во свою землю.

№ 2

ВОЛЬГА

Когда зарождался млад светёл месяц,
Тогда зарождался Вольга́-богаты́рь.
От его от славы богатырскою
Орги вси да приумолкнули,
Птица улетела вся под о́болоку́,
Рыба ушла да в глубоки́ стана́.
Звери ушли да во темны́ леса́,
Царь Сантал да в Вольгу́ сбежал
Со своей царицей со Давыдьевной.
Стал Вольга́ да лет десятки-то́,
Ай задався он, Вольга, да во мудрости,
Ай во мудрости, Вольга, да он в хитры хитрости,
Птицей он летать да под о́болоку́,
Рыбою ходить да в глубо́ки стана́,
Зверями ходить да во темны́ леса́.
Овернулся Вольга́ да малой птичиной —
Улетел-то Вольга да он под о́болоку́,
Ай птицу всю да он поро́згонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
«Братцы, дружинушка хоробрая!
Ставьте-тко па́сточки дубовыи,
Силышка вы ладьте-тко шелковыи,
Птица не улетела б под о́болоку́».
Овернулся Вольга́ да свежей рыбиной,
Ай пошел-то Вольга́ да в глубоки стана́,
Рыбу-то всю да он поро́згонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
«Братцы дружинушка хоробрая!
Ладьте-тко не́вода шелковыи,
Проволо́ки вы кладите да золочоныи,
Рыба не ушла б в глубоки стана́!»
Овернулся Вольга да лютыи́м звирём,
Ай ушел-то Вольга да во темны леса,
Зверей-то всех да он порозгонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
«Братцы дружинушка хоробрая!
Ладьте-тко пищалочки винтовыи,
Закатите-тко пулечки калёныи,
Звери не ушли б да во темны леса».

Поезжае Вольга́ в Вольгу́-горо́д.
Видла царица нехоро́ший со́н:
Бьется соко́л да с черны́м ворonóм,
Пе́ребил соко́л да черна́ ворона́.
Ясный тот сокол — Вольга́-богаты́рь,
Чорный тот ворон — то сам Сантал.

№ 3

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ

А как ведь цярь-султан да турецкие
А сидел с цярицей турецькою,
А ведь сидел он, думушку думал-то,
А ведь советы он сидел да советовал
А со своей он цярицей со турецькой:
«Ай ты, моя цяриця турецькая,
Вчерась-то я советов понаслушался,
Я понаслушался, понадумался:
Как велика́ славушка идет на Киев-град,
А видь поболе идет на солнышко,
А видь на солнышка на князя на Владимера,
А в полон забрать молоду жону,
А молоду жону да Опраксию —
Нунь видь сама-то красавица,
А привезёна из города из Красного,
Из того ли она села да из богатого,
От царя ли Романа Митриёвича.
Как и я-то видь послушался да и позадумалси:
А как взять видь силушку
А видь тут мни да как хотелоси,
А видь тут князьям, боярам подарычки,
А видь привезут тибе видь с Киева,
Ай видь привезут те шубыньку соболиную,
А те шубоньку соболиную,
А одеялышко чисты́х шелков».
А отвечала-то цяриця турецькая:
«Ай ли ты, князь-салтан да турецкии,
А не дёржи худого да на разуми!
А как во этоем городи есть во Киеви,
А видь исть и сильныи могучии богатыри,
А видь не придется держать шубоньку соболиною,

А не придется мни окутаться
А одеялышком-то чисты́х шелков».
А в тую пору в тое времячко
А видь он-то все то́ё повыслушал,
А не успел собрать силы сильные —
А он брал видь сорок ты́сячёв,
А видь ходил в новый город, Киев-град,
Как спожечь-то он, головней скотать,
Как князей-бояр во полон забрать,
А как молоду жону-то Опраксию,
Тую видь красавицю,
А хотел видь рука по́д ручку.
А и как в то́ё время, в то́ё времячко
А как стоял Вольга́ да Будими́рович.
А видь и брал Вольга́ Салтана за белы́ руки́,
А за тыи видь плечка́ могучии,
А говорил Вольга́ да таковы слова:
«А на Святой у нас да на Руссеюшке
Да князей-бояр не бьют, не казнят,
А пришлось тебе до сме́рти лежать!»
А и бросал Вольга́ да о кирпи́чов пол —
А и тут Вольге́ и славы́ поют.
Ай выходил Вольга́ да на улицу,
А видь крепка-ва та крепось, крепкая:
А видь подворотенки да серебряны,
А они кости рыбноей,
А они с вырезамы-то разныма.

№ 4

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ

Как Салтан, царь турецкий,
Сидел с царицей турецкой, советовал:
«Как царица ты турецкая,
Поеду я завтра в Киев-град,
Привезу тебе из Киева подарочки,
Привезу тебе шубку соболиную,
Как из тых соболей заморскиих,
Привезу другой подарочек,
Одеялышко да из чистых шелков». —
«А чего же ты поедешь, Салтан-царь турецкий?» —

«А я возьму с собой войско понадобью,
Чтобы мог я во Киеве да справиться».
А говорила царица турецкая:
«А не держи-т-ко ты худого, да не разума,
Во городе, во Киеве
Есте сильныи, могучии богатыри».
В тую порушку, в тое времячко
Стоял Ольга Святославович да слушал ведь
За дверями, да за роскатныма.
Да приходил Ольга к царю турецкому,
Да говорил Ольга да таковы слова:
«Как у нас, во Святой Россеюшке да установлено,
Как не бить царей, да не казнить царевичов».
А изволил Ольга взять царя турецкого,
Брал за плечи Ольга, за могучии,
А за ручки брал да за белыи,
Да бросал Ольга Салтана о керпитов пол.
Тут Солтану и славу поют.
Выходил Ольга с палаты Салтана, царя турецкого. —
У Султана крепость крепко укрепована
Тынама да железныма,
Подворотьня костью рыбною.
На тым былинка и покончилась.

№ 5

ВОЛХВ ВСЕСЛАВГОВИЧ

Когда просветал на небе светел месяц,
Тогда в Киеве родился могуч богатырь,
Молодой Волхв Всеславгович.
Продрожала мать-зелена дубровушка,
Стряслося славное царство Индейское,
А синее море сколебалосе —
Все для ради рожденья богатырского,
Молода Волхва Всеславговича.
А и будет Волхв в полтора часа,
Волхв говорит, как гром гремит:
«Не пеленай меня, матушка,
В тонки пеленки шелковыя,
А пеленай меня, маменька,
Во крепки латы булатные,

На буйну голову клади золотой шлем,
В руку правую дай мне палицу,
Тяжку палицу свинцовую,
По весу палицы триста пудов,
И будет Волхв семи годов».
Отдавала его матушка учиться грамоте,
Грамота Волхву впрок пошла,
И будет Волхв десяти годов.
Захотелося знать Волхву много мудростей:
Щукой-рыбой ходить по глубоким морям,
Серым волком рыскать по густым лесам,
Ясным соколом летать по поднебесью.
И стал тут Волхв себе дружину набирать —
Триста молодцов без единаго,
И набрал он себе дружинушку храбрую.
И пришла та весть печальная:
«Ко тому ко городу ко Киеву
Что индейский царь снаряжается,
Он на Русь воевать собирается».
И говорит тут Волхв Всеславгович:
«Поживите-ко вы здесь, мои молодцы,
А я слетаю во царство во Индейское,
Ко тому царю ко индейскому,
Я узнаю все его замыслы».
И овернулся он ясным соколом,
И полетел он во царство во Индейское,
И прилетел он во царство во Индейское
Ко тем палатам царскиим,
И садился он на подоконничок
Ко тому царю индейскому,
И стал он тут прислушивать.
А царь с царицею разговор ведут.
Говорит царица Елена Язвяковна:
«А ты, царь, на Русь воевать отправляешься,
А над собой ты невзгодушки не ведаешь,
Ведь во Киеве родился могуч богатырь,
Он тебе, царю, супротивничок».
Отвечает царице индейский царь:
«Не боюсь я русского богатыря,
Я под меч склоню русского богатыря».
Тут Волхв Всеславгович все это повыслушал,
Горносталём сам себя он повывертывал,
И стал он бегать по погрёбам, по подвалам по глубокиим,

По всем складам по ружейныим.
Он у лукóв тетивочки повыкусал,
Он у ружей кременья все повыдергал,
А все глубоко в землю закапывал,
И овернется опять он ясным соколом,
И полетел он ко городу ко Киеву,
Ко своей дружинушке хорабpоей.
Говорит он своей дружинушки храброей:
«А вы собирайтесь-ко теперь, добры молодцы,
А мы пойдемте-ко во царство Индейское
Ко тому царю индейскому,
Мы не спустим его в Землю Русскую,
Так что он сюда собирается».
Собиралисе они в дорожку дальнюю,
Волхв обернется ясным соколом,
Он летает, бьет птицы разныя.
Он обернется щукой-рыбою,
И ловит он рыбу разную.
Он обернется серым волком,
Скачет он по густым лесам,
И скачет он по чистым полям,
Он давит-режет животны разныя —
Тем кормил-поил он дружину храбрую.
Он и зайцам-лисицам не брезговал,
А соболи-барсы — любимый кус.
И будут оне у Индии,
У той стены у индейскоей.
И крепка стена тут индейская,
И крепки ворота железные,
И хитро ворота они вырезаны,
А только в узоры мурашику пройти.
И тут Волхв Всеславгович
Сам он обернулся мурашиком,
И дружину свою обернул всю мурашиками,
И прошли оне стену индейскую,
И приказывает им Волхв Всеславгович,
Всем своим удалым молодцам:
«Ай же вы, удалы добры молодцы,
Ходите вы по царству Индейскому,
Рубите вы старого и малого,
Оставляйте вы себе только по выбору
Душечек красных девушек».
И пошла дружина тут по Индии,

Рубила она старого и малого,
Оставляла она себе только по выбору
Душечек красных девушек.
А сам он шел в палаты царские,
Отыскал он царя индейского
И говорит ему таковы слова:
«Ты пойдешь ли воевать теперь ко Киеву,
Ты боишься ли теперь людей киевских?»
Ничего не ответил тут индейский царь,
Только поглядел он злобно на Волхва Всеславговича.
И захватил его Волхв Всеславгович
Рукой за ноги, другой за руки,
И выбросил его из Индии,
И не нашлось его больше косточек.
А сам замуж брал царицу индейскую
И с тех пор стал царем индейскиим.

№ 6

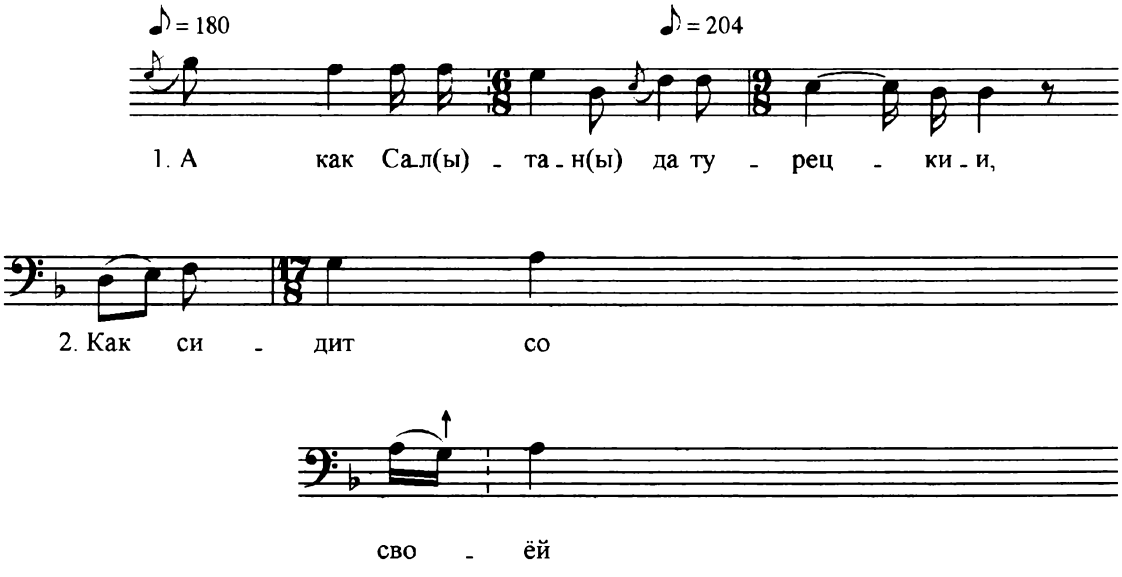
ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

Как царь Салтан да турецкие,
Со своей царицей со турецкою,
Как сидя оны да советуют:
«Ай же ты, царица турецкая,
Как поеду я во славный город Киев-град,
Возьму я войска-силушки по надобью.
Привезу тебе я из города,
Я из города как из Киева,
Привезу тебе я два подароцька:
Привезу тебе шубку соболиную,
Как с тых ли соболей я заморскиих,
Привезу ли тебе одеялышко с чисты́х шолков».
Говорила цариця турецькая:
«Ай же, царь Салтан да турецкий,
Не дёржи-ко худо а худо на разуми,
Как во городи да во Киеви,
Есте сильныи могуции да бога́тыри».
В тую порушку в тое времяцько
Как стоял Ольга́ Цветославьевиць,
А у дверей стоял да он выслухивал.
Отворял Ольга́ двери-то дубовыи,

Они на петелках да на шолковыих,
Как изволил Ольга взять царя Салтана турецкого,
Как за руцики да его белыи,
А за тыи за плецька за могуции.
Говорил Ольга Цветославьёвиц:
«Как у нас на святой Руси установлено,
Как не бить царя, не казнить царевицей».
Как изволил Ольга бросить о кирпитов пол,
Тут царю Салтану да турецкому,
Тут ли ему-то славу́ поют!
Выходил Ольга ён от Салтана из терема,
Как у Салтана да у турецкого,
Кругом-то своего терема,
Крепось крепкая-то укрепована,
Подворотенка-то да кости рыбноеи,
А ведь всякими вырезамы красивыма...
А на том-то былина и законциласи.

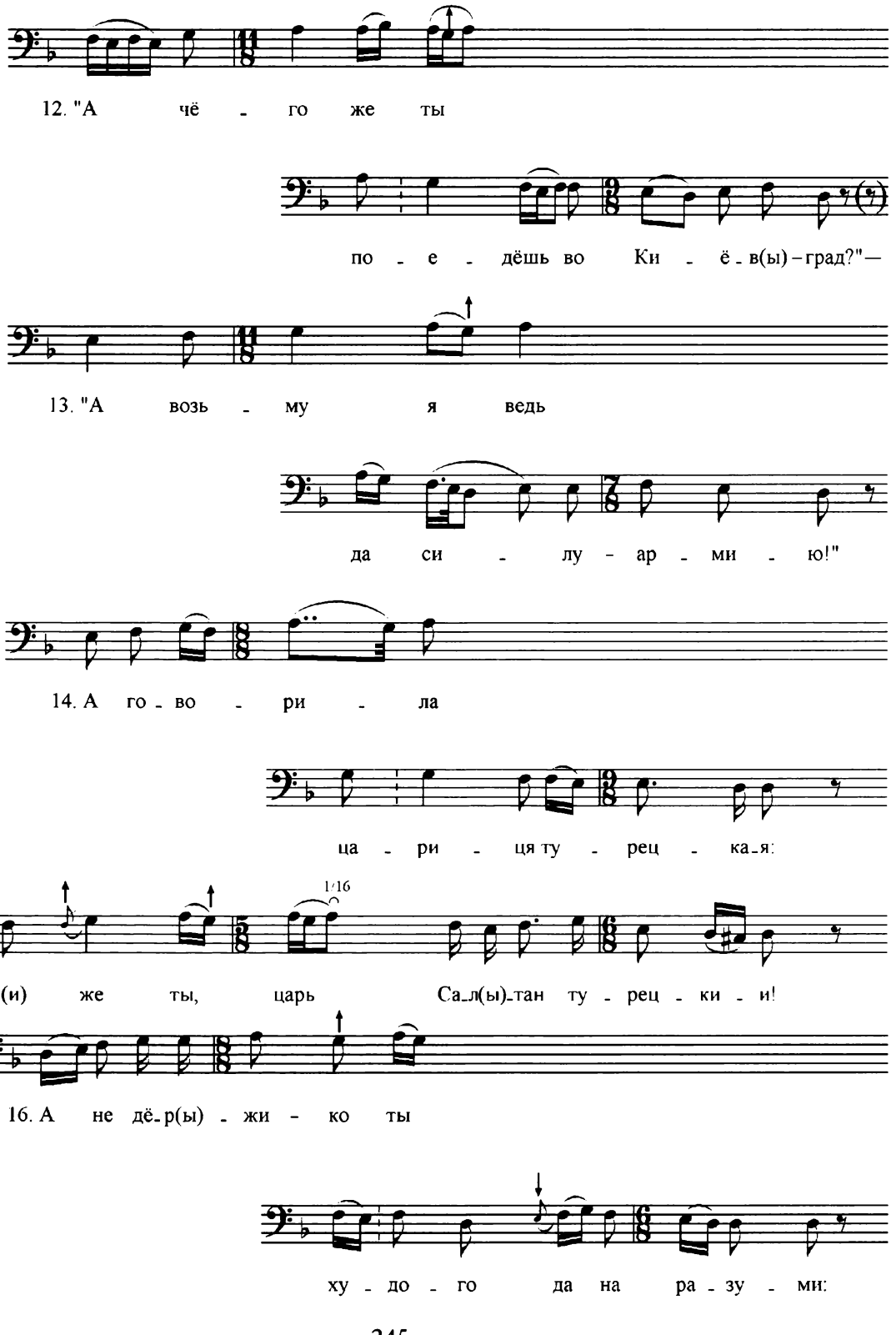
№ 7

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

жо - ной,
с ца - ри-цёй со ту - рец - ко - ю.
♪ = 216-214
3. А как си-д(и) - я[т] о - ни и да со - ве - ту-ют:
4. "А-й(и) же, ца - ри - ця ты ту - рец - ка - я!
5. Как я по - е - ду
во слав-ной
го-род я во Ки - ё-в(ы)-град,
6. А при - ве - зу те - бе

по - да - ро - чок из Ки - ё - ва -
7. Как при - ве - зу те - бе
1/16
1/16
я шуб-ку со - бо - ли - ну - ю,
8. А из тых ле
со - бо - лей да я за - мо-р(и)-ски - их.
9. А как дру - гой
при - ве - зу те - бе по - да - ро - чок -
10. О - де - я - лыш - ко да из чис - ты-х(ы)шо-л(ы)-ков".
11. А как го - во - ри - ла ца - ри - ця ту - рец - ка - я:

12. "А чё - го же ты
по - е - дёшь во Ки - ё - в(ы) - град?"—
13. "А возь - му я ведь
да си - лу - ар - ми - ю!"
14. А го - во - ри - ла
ца - ри - ця ту - рец - ка - я:
1/16
15. "А - й(и) же ты, царь Са_л(ы)_тан ту - рец - ки - и!
16. А не дё_р(ы) - жи - ко ты
ху - до - го да на ра - зу - ми:

А как Сал(ы)тан(ы) да турецкии,
Как сидит со своёй жоной, с цари́цёй со турецкою.
А как сид(и)я́[т] они и да советуют:
«Ай(и) же, цариця ты турецкая!
Как я поеду во сла́вной город я во Ки́ёв(ы)-г̀рад,
А привезу тебе подарочок из Ки́ёва —
Как привезу тебе я шубку соболиную,
А из тых ле соболей да я замор(и)скиих.
А как другой привезу тебе подарочок —
Одеялышко да из чисты́х(ы) шол(ы)ко́в».
А как говорила цариця турецкая:
«А чёго́ же ты пое́дёшь во Ки́ёв(ы)-град?» —
«А возьму я ведь да силу-армию!»

А говорила цариця турецкая:
«Ай(и) же ты, царь Сал(ы)тан турецкии!
Не дёржи́-ко худого да на разуми:
Как во городи и да во Ки́ёви
Есть-от сильние могучии бога́тыри».
А в тую в по[рушку,] да в то́ё в(ы)ремячко
Как у дверей стоял Вольга да Цветосла́вьёвич...

№ 8

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ И ИНДИЙСКОЕ ЦАРСТВО

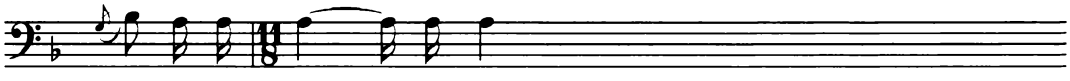

5. А ведь по - е - ду я

во слав-ной го - род Ки - ё-в(ы)-град,

6. А при-ве - зу те - бе

из Ки - ё - ва по - да - роч-ки —

7. А при - ве - зу те - бе

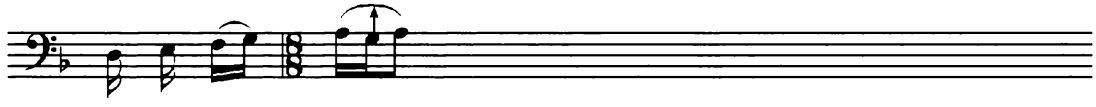
я шуб - ку со - бо - ли - ну-ю,

8. А как из тых ле

со - бо - лей да я за - мо-р(и) - ски-их.

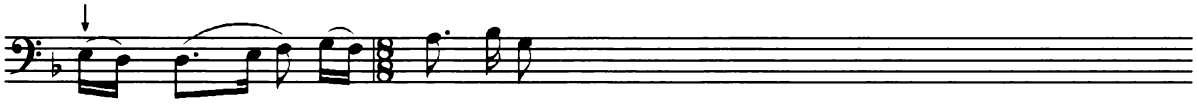
9. А д(ы)-ру - гой

при - ве - зу те - бе по - да-ру-чок –

10. А как о - де - я - лыш - ко да из цис - ты-х(ы) - шол-ков".

11. Ай го - во - ри - ла эк

ца - ри - ця да ту - рец - ка-я:

12. "А ты, царь ту - рец-кий ведь,

да по-[е - дёшь в Ки - ё-в(ы)-град?"]-

13. "А во-з(и) - му – то я да си - лу - ар - ми - ю!"

14. А го - во - ри - ла
ца - ри - ця да ту - рец - ка - я:
15. "А как Са - л(ы) - та - н(ы) да ту - рець - ки - и!
16. А не дё - р(ы) - жи - ко ты
ху - до - го да на ра - зу - ми:
17. А во го - ро - ди да ведь во Ки - ё - ви
18. А есть - ты си - л(и) - ны - е

А как Сал(ы)тан-то цар(и) да турецкии,
А сидит-то-й он(ы) да советуе
А со цари́цёй(и)-то да со турецкую:
«А хозяюшка, цариця турецкая!
А ведь поеду я во сла́вной город Ки́ёв(ы)-град,
А привезу тебе из Ки́ёва подарочки —
А привезу тебе я шубку соболиную,
А как из тых ле соболей да я замор(и)скиих.
А д(ы)ругой привезу тебе подаручок —
А как одеялышко да из цисты́х(ы) шолко́в».
А-й говорила эк цариця да турецкая:
«А ты, царь турецкий ведь, да по[е́дёшь в Ки́ев(ы)-град?»] —
«А воз(и)му-то я да силу-армию!»
А говорила цариця да турецькая:
«А как Сал(ы)тан(ы) да турецькии!
А не дёр(ы)жи́-ко ты худого да на разуми:
А во городи да ведь во Ки́ёви
А есть-ты сил(и)ные могучии бога́тыри».
А в тую в порушку, да в то́ё [времячко] ...

ВОЛЬГА И МИКУЛА (№ 9—27)

№ 9

О ВОЛЬГЕ СВЯТОСЛАВГИЧЕ

Народился Микулушка Селянинович:
Птицы улетели за сини моря,
А звери ушли во темны леса,
А рыбы ушли в глубоки станы.
Тут-то Микулушка Селянинович
Поладил неводка шелковые,

Плутивца клал серебрены,
Проволоки клал позолоченыя:
Этую рыбушку повыловил.
Тут-то Микулушка Селянинович
Поладил оружьица цельныя:
Этых зверьев он постреливал.
Тут-то Микулушка Селянинович
Поладил петелки шелковыя:
Этую птичку повыловил.
Тут-то Микулушка Селянинович
Поехал роздольицем — чистым полем.
Едет Микула по чисту полю:
Орет оратай во чистом поле,
Сошка у ратая поскрипывает.
День он едет и другой едет,
Все не может доехать до ратая.
Говорит Микулушка Селянинович:
«Божья ти помочь, оратаюшка!
Орать тебе, сошка наскрипливать,
Дубья-колоды о борозду валить!» —
«Благодарствуешь, Микулушко Селянинович!»
И друг друга они здравствуют.
«Ай же ты, Вольга Святославгович!
Поедем со мной во товарищах». —
«Поехал-бы, Микулушка Селянинович,
Да сошка у меня не обрана».
Говорит Микулушка Селянинович:
«А пошлю я свою силу великую,
Пускай сошку с земельки повыдернут,
Камешки с омешиков повытрясут,
В ракитов кустик сошку повыкинут».
Пришла-то силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Округ-то сошку повертывать,
А не могут сошки повыдернуть.
Тут-то Вольга Святославгович
Подъезжал к сошке кленовыя;
А сошка была позолочена,
Омешики были булатние.
К этой ко сошке подхаживал,
Этую сошку попихивал:
Как улетела та сошка к подоблакам,
Пала сошка о сыру землю,

Ушла сошка до рогача в землю.
Тут-то обрядил свою сошку позолоченую,
Тыи-то омешики булатние.
Еехали вперед добры молодцы.
Поехали они во Гуршевец да Ореховец.
Приехали к мужикам ко гуршевским,
Приезжали к мужикам к ореховским
На бой на драку на великую.
Тыи мужики гуршевские,
Тыи мужики ореховские,
Они были, злодеи, догадливы:
Поделали мосточки поддельные.
Они такие были молодцы догадливы:
Посылали свою силушку великую
На тыи на мосточки на калиновы.
Пошла тая силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки все подломилися,
Тая сила вся в реченьки подвалялася,
Начала силушка тонуть да гинуть.
Тут-то Микулушка Селянинович,
Тут-то Вольга Святославгович
Приправили своих добрых коней
За тую за реченьку Волхову.
Скочили их добры кони
За тую за реченьку за Волхову;
Как начали они мужиков чевствовать,
Чевствовать мужиков, жаловать,
Оплетьми они нахлыстывать.
Тут клянутся мужики, проклинаются:
«А будет трое проклят на веку тот бы,
Кто с вами с молодцамы свяжется,
Да заведет драку великую!»
Нахлыстали мужиков они долюби,
Начевствовали добрых молодцев,
Поехали назад в свою сторону.
Так едет Вольга Святославгович,
Едет Вольга-сударь передом,
А Микула едет вслед сугоною:
Да едва едет, едва гонит,
Едва держит наяву его,
Начал махать колпаком за ним.
Увидал Вольга Святославгович,

Одержал свою кобылу соловую.
Приехал Микула Селянинович,
Говорит-промолвит таковы слова:
«Ай же ты, Вольга Святославгович!
Кобыла у тя есть соловая:
Кабы эта кобыла конем была,
Так за этого коня цела тысяча.
А ноне кобыла кобылой стала,
Дать за эту кобылу пятьсот рублев». —
«Ай же ты, Микулушка Селянинович!
Не знаешь ты кобылушки цену ценить:
Кабы эта кобыла конем была,
Так за этого коня цены не было.
А ноне эта кобыла кобылой стала,
Дать за эту кобылу цела тысяча».
Тут они, добры молодцы, поразъехались,
Поразъехались они, пораспростилися.

№ 10

О ВОЛЬГЕ ВСЕСЛАВЬИЧЕ

Поехал Вольга сударь Всеславьевич
Ко стольному городу ко Киеву
Со своей дружиной со хороброей.
Не доезжучи до города до Киева,
Услыхал он в чистом поле ратая:
Ратай в чистом поле посвистывает,
У ратая сошка поскрипывает.
День он ехал до ратая
И не мог до ратая доехати;
И другой ехал до ратая
И не мог до ратая доехати;
Наехал он ратая по третий день,
Видит Микулу Селяниновича.
Воспроговорит Вольга Всеславьевич:
«Бог помочь, Микула Селянинович!» —
«Надоть Божья помочь, Вольга Всеславьевич!» —
«Что́ же, Микула Селянинович,
Брось свою сошку о ракитов куст,
Поедем ко городу ко Киеву».
Послушал Микула Селянинович,
Кобылку из сошки повыложил,
Сам говорит таково слово:

— «Ай же, Вольга Всеславьевич, брось мою сошку о ракитов куст!» Вольга Всеславьевич принимается за эту сошку за Микулину, не может и поднять сошки. А Микула Селянинович схватил сошку и бросил о ракитов куст. Сел Микула Селянинович на свою кобылку соловую, соловую кобылку — «Обнеси голова», и поехал ко своему ко посельицу. Микула-то едет ступою впереди, а Вольга с дружиною хороброю едут во всю конскую рысь и не могут догнать его. Приехали к палатам Микулиным. Выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу с великою честию...

№ 11

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Народился Микулушка Селя́гинович,
А тот этот Вольга́ да е Всеславьевич.
А рыбы-ты ушли да в глубоки станы,
А птицы улетели во темны́и леса́,
А звери-то ушли за круты́и горы́,
Да тут этот Микулушка Селя́гинович,
А тут Вольга́ да Всеславьевич,
Повязали оны неводы шелко́выи:
А ту-эту рыбушку повы́ловили.
А поладили петелки шелковыи:
А ту-эту птичушку повы́давили.
А поладили оружьица цильнии:
А этыих зверьёв да повыстреляли.
Да как тут-то еще да ведь что было,
В поли ратай оре́т, сошка наскрыпливает.
Как тут, этот Микулушка Селягинович,
Он день-от едет да другой еще,
А на третий день он доехал тут.
А нашол он тут в поли да ведь ратая:
«А Бог-ти помочь, ратай, зде!» —
«А ты, этые Вольга Всеславьевич,
А пожалуй-ко, Микулушка Селягинович!» —
Ино тут дубья да колодья в борозду валит.
«Ай же ты, Вольга да е Всеславьевич!»
А тут-то оны да согласилиси,
[А тут-то оны] да думу думали
А ехать тут оны во Куржовец,
А ехать молодцам да в Ореховец
А со своей со силушкой великою.
А наб-то Вольги да сошка обрядить.

А подхватил-то своим чоботом сафьяныим
А тую-то сошку да ратную —
А улетела тая сошка по подоблачью,
А пала тая сошка на сыру́ землю,
А ушла тая сошка до рогача она
А во тую матушка во сыру землю.
Ино поехали они, добры молодцы,
А ко тому ко городу ко Куржову,
А ко Куржову городу, к Орехову.
Как тыи мужики были куржевски,
А тыи мужики были ореховски,
А узнали их-то едучи,
Что едут-то оны к ним во Куржовец,
А едут оны к им в Ореховец;
Подделали мосточки поддильнии,
Поддильнии мосточки, все калиновые.
Калиновы мосточки, все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эты мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточки фальшивые,
А погинуло тут силушки да много той.
Как тут-то Микулушка Селягинович,
А как тот это Вольга Всеславьевич,
А тут-то оны да россердилися,
А тут-то оны да розгневалися.
Да заехали молодцы да во Куржевец,
А заехали оны да во Ореховец,
Нахлыстали мужиков оны куржевских,
Нахлыстали мужиков оны ореховских,
А нахлыстали-то их всих долюби:
«Каково вам, мужики, да за дурачество!»
Да поехали они тут со Куржовца,
Да поехали тут по чисту полю.
Да одва гонится Микулушка Селягинович
А за этим Вольгой да Всеславьевичем.
Как говорит Микулушка Селягинович:
«Обожди-тко меня, да брат названыи,
А ты-эты, да Вольга Всеславьевич!»
Обождал ту его Вольга да Всеславьевич,
А стал Микулушка цены ценить,
А цены ценить кобылушки той:
«Да эта кобыла у тебя была со́ловая,

Дать за эту кобылу нунь пятьсот рублей.
А кабы этая кобылушка конём была,
Дать за этого коня цела тысяча». —
«Да ай же ты, Микулушка Селягинович!
А не знашь моей кобылушки цены ты ценить.
Кабы этая кобылушка конём-то была,
Дак за этого коня цены не было бы,
А нунь эта кобылушка кобы́лой стала,
Дать за этую кобылу цела тысяча».

№ 12

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Ай во стольноём во городи во Киеви
Ай народился млад Вольга Всеславьевич —
Ай рыбы-ты сбежали в глубоки́ станы,
Ай птици-ты слетели во темны́ леса,
Ай звери-ты сбежали за Туги́ горы.
Ай возрос тут молодой Вольга да сын Всеславьевич.
Подбирает ведь дружину сорок тысящей.
Когда тыи ли купци да вси ведь бояра
Из того ли из Туринца славна города
Ай платили дань да ведь во Киев-град,
Ай ко ласковому князю ко Владимиру,
Ай не стали-то вносить да дани-пошлины.
Ай тут ли-то Вольга́ Всеславьевич
Ай справляется тут, Во́льга, снаряжается
Со своей дружинушкой хороброю
Во Туринец город, во Ореховец.
А едет-то Во́льга день до вечера,
Слышит ратоя да в поли пашучись,
А и сошечка у ратоя поскрыпывать,
А и ратой во чистом поли посвистывать,
Ай на со́лову кобылу он погукиват.
Ай он дру́гой день едёт до вечера,
А у ратоя-то сошика поскрыпывать,
Ратой во чистом поли посвистывать,
Ай на со́лову кобылу он погукиват.
Это третей день идёт до вечера,
Тот ли-то Вольга Всеславьевич
Со своей ли он дружиной со хороброю,

Наезжает-то он в поли стара ратоя,
Того ли Микилу да Селя́гиновича:
«А Бог теби помочь, да ста́рыя старик,
Ай Микула Селя́гинович!»
И тот ли-то Микула да Селягинович
И пашет на кобылы он на со́ловой,
Дубья-колодья все в бо́розду вали́т.
Воспроговорит тут Во́льга таково слово:
«Ай же ты, Микулушка Селягинович!
Ай твоя кабы кобыла да конем была,
А дал бы за коня теби пятьсот рублей».
Говорит ему Микула да Селягинович:
«Мо́лодой ты, Вольга княженецкой сын!
Ай кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу целой тысящи».
Говорит-то ведь Микула таково слово:
«Ай куда же те́перь, Во́льга, путь дёржишь
Со своею со дружинушкой хороброю?»
Ай зговорит тут Во́льга таково слово:
«Ай же ты ведь, ста́рыя стари́к,
Ты Микулушка Селягинович!
Ай поехали со дружиной со хороброю
Брать-то я Тури́ница, ведь города Ореховца».
Говорит-то ведь Микула таково слово:
«Молодой ты, Во́льга Всеславьевич!
Не взять тебе Туриница да города Ореховца.
Был я третиёго дни в Туриници, в городе Ореховци, —
Это грубы злыи мужики да ведь ореховци
Зафальшивили мою да золоту казну,
Почитали за гроши они за медныи,
Ай за медныи гроши да за фальшивыи».
Воспроговорит тут Вольга таково слово:
«Старый ты мой дядюшка, да ведь Микулушка!
Ай поедем-ко да ты ко мне́ в помочь,
Брать Туринца, города Ореховца».
Это тут-то ведь Микулушка Селянович
А поехал-то Микула а за Во́льгой вслед.
Ай Микулина кобыла да ступком идёт,
А и Вольгины кони во весь дух бежат.
Приезжали близ Туриница да города Ореховца.
А тыи мужики да ведь ореховци
А на тых на риченьках на быстрыих
А й подрезали мосты да все дубовые,
Потопили много силы да Во́льгиной.

Ай тут ли-то Во́льга Всеславьевич
Заезжае во Туринец с своим дядюшкой.
Оны много силы рубят, больше в плен берут,
Покорили-розорили Туринец-от, город Ореховец,
Это скоро Во́льга поворот держит,
А во славный во стольный во Киев-град.
Заезжает Во́льга на широкой двор,
Ай сходит он да со добра коня,
Ай заходит Во́льга во высок терем,
А это тут Во́льга опочив держит.
Эта тая-та поездка тым решиласи.

№ 13

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА

Во славном во Нови́-гради́
Находится купец да бога́тый,
Был работник Сато́к новгоро́дский.
Отправлялись купци новгородский
Торговать за си́не море́
⟨...⟩
Торговали за синим за́ славным морюшко́м.
Отправляются они во славный во Новгоро́д,
Выезжали оны сре́ди моря́.
Становились корабли но́вгородский,
Стояли на мори тро́и сутки́,
Не куда оны не подаваются́.
Говорят купци новгородский:
«Требуе из нас Водяно́и Ца́рь
Каку ни с на́с он пошлину́».
Отвецае вода́ им матушка́:
«Просит человека Водяно́и Ца́рь».
Выбирали купци но́вгородский
Из артели человека в синё море́.
Пожелал с артели Сато́к-работничо́к,
Рядил много злата-серебра́
И мелких с и́х же жемчуго́в:
«Буде буду я на Святую Ру́сь,
Должны отдать купци новгородский». —
Отпускали Сатка-работничка́
Во славно во синё морё

На двух дощечках дубо́вых.
Отправлялся Сато́к-работничо́к
За большое у них было зо́лото.
Спустился Сато́к-работничо́к
Во славно во синё морё.
Приходит к си́лы к отпадши́,
К тому к царю́ к неверному́,
К тому приходит к двору́ к царевому́.
На трех столбах у двора́ цареваго́
Положено по головы́ человеческо́й.
Говорит Сато́к-работничо́к:
«Ляже, видно, моя́ головушка́
У того царя́ неверна́го,
У той же силы отпа́дшию́».
Приходит Сато́к-работничо́к,
Приходит же о́н во царской до́м
И на то он суди́лище́;
Остужается ца́рь неверный
Со своей молодо́й жено́й
И спрашиват Сатка́-работничка́:
«Что, Сато́к-работничо́к?» —
«От ты́х купцов новгоро́дскиих
Послан Сато́к-работничо́к.
Об чём ты, царь неверны́й,
Требуешь человека ты́ с Руси́?» —
«И зову я к себе на суди́лищо́, —
Спорил со своей молодо́й жено́й,
Что на России у вас нуньчу деется́:
Дороже булат-железо краснаго́ видь золота́?» —
Отвечает Сато́к-работничо́к:
«У нас на России нунь дется́,
Подороже булат-железо краснаго́ видь золота́».
Скочи́л же царь неверны́й,
Тяпне в руки са́блю вострую́,
Отсек царици буйну голову́.
Отвечат Сатку́-работничку́:
«Ай Сато́к-работничо́к!
Не угодно ли служить царю неверному́?» —
«От вас, царь, не отнимаюся́,
Только хотелось бы на белый свет». —
«Женись-ко, Саток-работничёк,
Награжу тебя, Саток, имениём».
Не отнимался Саток-работничёк

От того царя неверна́го.
Приводит ён ему три де́вушки́:
Две де́вушки бе́леньки́х,
Третья девушка черна́я,
Черна де́вчонька чиганочка́.
Ступае ди́вчонька на́ ногу́
Тому Сатку-работничку́.
Догадался Сато́к-работничо́к,
Отвечает царю неверному́:
«Возьму я девушку черную».
Отвел же неверный ца́рь
Ему девушку черну́ю.
Ложился Саток-работничо́к
И спать он с девушкой черну́ю.
Говорит ему девушка че́рная́,
Черна дивчонька чиганочка:
«Не вались, Саток-работничо́к,
Близехонько ко мни к де́вушки́,
Накинь свои ручки Сатковы́й,
Накинь конец пе́рстико́в».
Накинул Саток-работничо́к
Накинул он конец перстичко́в, —
И тут Сато́к-работничо́к
Объявился в тую ночь в Нови-гради
И лежит покрай матушки Во́лхова́,
Одни ручки в воды́ его́.
Приезжают купци новгородски́й
Из-за славного синя́ моря́:
Получил с их злато и се́ребро́,
Получил с их и мелкии жемчуги́.
Вознесся Саток-работничок,
Вознесся с славою́,
Прописал себя в купци богаты́й.
Кажется Сатку́ богатому́,
Не во снях ему́ кажется́
На яву ему́ видится́:
«Вяжи-тко ты шелко́в нево́д,
Лови-тко ты в матушки Волхови́
Что попадёт тебе в неводки́:
Сострой амбары́ вели́ки́,
В амбары́ вали беспощадно гря́зь».
Попада́е мусор и че́вроя ту́т,
Попадае листья и дубья-коло́динки́.

Валил в амбары́ вели́кий
И всяку неподо́льну гря́зь.
Вси новгородчана смеялиси́
Над тым Сатком-работничком:
«Вознесся Саток-работничок,
Прописал себя в купе́чество́
И[з] залогу вели́каго́,
А нунь ловит мусор и чевро́й тут
И всяку неподо́льну гря́зь
И валит в амбары́ вели́кий!»
Наяву у Сатка причуди́лоси́,
Все золото-серебро в амбаре объяви́лоси́.
Произвел Сатко́, купец бога́тый
И все на денежный счет же вдру́г —
И не узнал свою казну бессме́тную́.
Повыхвастал Сатко́ богатый,
Повыхвастал с купцами новгоро́дскима́:
«Ай же вы, купци новгоро́дский,
Ай же вы купци, издревле зди́!
Я повыкуплю у вас запасы все хлебный,
Повыкуплю товары вся кра́сный
И на свое было́ име́ниё,
И на свою злату́ казну́!»
И вси купци новгородский
Вси купци заду́мали́сь:
«Неужто не может поставить на Сатка-купца бога́таго
Хлебов запасных и товаров нам красных,
Чтобы не выкупить Сатку́-купцу́ богатому
Нашего имущества́?»
Не смели бить о вели́к зало́г,
Не смели на оди́н же ра́з,
А били с Сатком они на́ три ра́з,
Били купци о своих глава́х,
И Саток-купец богатый
Бил о своей буйной го́ловы́.
Стал купить запасы он хлебныи
И товары вси кра́сный,
Очистил вси лавки у купцов но́вгородски́их.
Нечего купить Сатку богатому
У тых купцов новгородскиих —
Повыкупил с лабазов запасы все хлебныи,
С лавок товары вси красныи.
Наставляли купци было в дру́гой раз

Про того Сатка-купца богатаго —
Стал купить Саток в другой раз
Из лабазов запасы он хлебныи,
Из лавок товары все красныи,
Повыкупил на свое большое имениё
Из лабазов запасы он хлебныи,
Из лавок товары все красныи,
Не осталось запасов тут хлебныих,
Не осталось товаров тут красныих.
Сами купци новгородскии́
Сами купци призадумали́сь,
Сами купци приужахнулись:
«Наб нам поставить буйны головы!
Не заправим запасов мы хлебныих,
Не заправим товаров мы красныих,
Чтоб не выкупить Сатку-купцу богатому!»
Писали купцам греческим,
Писали купцам заморскиим:
Пособили бы наставить запасы же хлебныи,
Пособили бы поставить товары все красныи.
Наставили купци заморскии́,
Заморскии купци что ли гречески,
Наставили запасы тут хлебныи,
Наставили товары тут красныи
В по́мочь купцам новгородскиим.
Стал купить Саток-купец богатыи
В том в своём в Нови́-гради́,
Повыкупил Саток он же тре́тью часть:
Не хватае у Сатка больше золота
Купить тут запасов да хлебныих,
Да товаров да красныих.
За свое за бахвальство за ложноё,
За своё за пустое за хвастаньё
Отсечь наб Сатку буйна голова,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбежал Саток-купец богатыи
От тых купцёв новгородскиих,
Сбежал из думы из крепкии
К тому Вольги́ Всеславьеву́:
«Молодо́й Вольга Всеславьеви́ч,
Сбереги́ меня, Сатка-купца богатаго,
От тою смерти напра́сною
За свое за ложноё хвастаньё!» —

Одевался Вольга Всеславьевич
И в латы богатырски́й,
Берет орудию богатырскую́.
Ставился Вольга́ Всеславьевич,
Ставился на матушку на Волхово,
Ставился на широк мост.
Казнил он народ бесщадно, беспошлинно,
Рыл народ во матушку во Волхово
И всих купцёв ногородскиих;
Бежали купци́ новгородски́й,
Тый мужики новгородчана́
К тому было отцу его крестному
К тому Вольги Всеславьева:
«Упроси-тко вы Вольгу́ Всеславьева
За того Сатка-купца богатаго!
Казнит народ безданно, беспошлинно». —
Одевается отец его крестны́й,
Кладывае колоко́л себи на́ главу́,
Кладывае колоко́л же медны́й,
Медныи колоко́л еще сорок пуд.
Идет к крестовому дитятку́,
К тому Вольги Всеславьеву:
«Ай крестовое мое ты ди́тятко,
Ай Вольга Всеславьевич!
Не казни ж народ безданно, беспошлинно
За того купца ты неверна́го,
Не за верна́го купца богатаго,
За богатаго Сатка новгородскаго!»
Упирается отца он крестнаго,
А ударил отца он крестнаго
Своим копьем бурзамецкиим
Во его буйную голову,
В тот колокол было медныи
И молодой Вольга Всеславьевич.
И лопнул колокол было медны́й
На главы у того отца крестоваго.
Убил отца он крестоваго.
Тут сам Вольга ужахнулся вдру́г,
Убирался он с матушки с Волхова,
Приходит ко родители ко матери,
Сам Вольга и хвастаёт:
«Ай родитель моя матушка!
Я сделал теперь незаконный суд,

Убил своего отца было крестнаго».
Говорит родитель ему матушка
Тому Вольги Всеславьеву:
«Молодой Вольга Всеславьевич!
Не потерпит теби Небесной Царь,
Что убил отца ты крестнаго,
За ту напрасну смерть».
Молодой Вольга Всеславьевич
Справляется к дружины хороброю.
Набрал дружины хороброю,
Набрал сорок стрельцов молодых молодцёв,
Сорок молодцов удалых борцов.
Отправляется с дружиной хороброю,
Отправляется Вольга́ Вселавьевич,
Отправлялся в дальню сторону.
Приезжае Вольга Всеславьевич,
Приезжае к Викулы Селягину.
Паше Викула Селягин сын
Во том во чистом поли,
Борозды гоняе предолгии,
Сошка его поскрипливá́т,
Солова́ кобылка его поступливá́т,
Камешки вон вывертыват,
Де́рен Викула вниз повертыват.
Приезжает Вольга Всеславьевич
К Викулы Селягину:
«Бог помочь, ратарь великий́,
Во чистом поли попáхивá́ть!
Как тя зовут, ратарь вели́кий́,
По имени нарекают, по отчеству?»
Отвечает тут ратарь великии,
Называется Викулушкой,
По изотчине звеличается Селягин сын.
«К тебе я ехал, Викула Селягин сын,
А нашел тебя в чистом поли».
И спрашиват Викула Селягин сын:
«Откуда, удалой доброй молодец?» —
«Есть я молодец из дальних мест,
По прозваньицу Вольга́ Вселавьевич». —
«И вы есть Вольга Всеславьевич?
Куда вы отправились?» —
«Отправился к Викулы Селягину,
Искать Викулы Селягина,

Что порен Викула Селягин сын». —
«Вели́ка сила у Викулы Селягина,
Как ратарем живу во чистом поли». —
«Ай ты мо́лодой Викула Селягин сын!
Поедем с нами во Курчевец,
Поедем с нами в Ореховец».
Отвечае Викула Селягин сы́н:
«Я недавно был, братцы, во Курчевци,
Привез два меха соли пребо́льших,
В который же мех входит сорок пуд».
Зовет его Вольга Всеславьевич
С собою ехать во Курчевец,
С собою ехать в Ореховец.
Не отнимался Викула Селягин сын,
Выпрягал кобылку он со́лову́,
Клал сошку на ноженку́,
Ляпнул, сошку далеко в край.
Садился на кобылку на со́лову.
Поехал Викула Селягин сын.
Пошла Викулина кобылка тут солова,
Пошла во целой шах —
Молодой Вольга Всеславьевич
Со своей дружиной хороброю
Одва гонятся во всю же рысь.
Испроговорит Вольга Всеславьевич:
«Ай Викула Селягин сын!
Эта бы кобыла конем была́,
Стои́ла бы кобыла пятьсот рублев».
Отвечае Викула Селягин сын:
«Не возьму за кобылу целы́ тысящи́».
Поехали в путь-дороженку.
Не доехали до города Орехова,
Попадае им камень огромный́,
На камешки подпись великая́:
«Скакать через этот же камешок
Тому же богатырю́
Тому Вольги́ Всеславьеву:
Дружинушки его впоперёг каменя,
Ему, Вольги, вдоль камешка —
Не скочит Вольга Всеславьевич,
Тут будет Вольги скора смерть».
Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперег сёго каменя;

Направляется Вольга Всеславьевич
Скочить сёго вдоль каменя.
Скочил Вольга Всеславьевич
Через всю длину сего каменя,
Задевае конь подковамы
За длинныи за камешок.
Застрадал Вольга Всеславьевич,
Не доехал Вольга до Ореховца,
Скончался на той пути-дороженке,
И там же Вольга Всеславьевич.
Доставала дружина хоробрая
Доставала Вольгу Всеславьева
В свое же место великое.
Тут же Вольга приставился.

№ 14

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВ

Когда воссияло красно солнышко
На тое небо на ясное,
А тогда народился Вольга́-богатырь.
А звери-ты ушли во темныи леса,
Рыба-та ушла в глубокий́ станы,
А птица улетела под облоко,
Сам Сантал убежал во Золоту Орду,
А со своей царицей со Давыдьевой.
А поезжал Вольга́-богатырь
На тое, на тое на поле на чистое,
А наехал во чистом поли Вольга
Да Викулушку Сея́телевича.
И говорит Вольга таково слово:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Бросьте у мужика вы соху-ту в сторону,
Да ведите мужика вы сюды».
Ай тут-то дружина хоробрая
Приходили оны к мужику оны
К Викулы к Сея́телевичу,
А хотят соху бросить в сторону,
А не могут-то сохи от земли поднять
Приходили к Вольги́ оны к Сеславьичу,
Говорят оны таково слово:

«Ай же ты, ты Вольга сын Сеславьевич!
Да не можем у мужика-то сохи поднять».
Подъезжат Во́льга он сам к мужику,
Говорит он мужику таково слово:
«Здравствуй, мужичок, тебя как зовут?» —
«Ай же ты, Вольга сын Сеславьевич!
А я есть Викула Сея́телёвич». —
«Ай же ты, Викула Сеятелёвич!
А поедем-ко со мной, Викула Сея́телёвич!»
А тут оны поехали в чисто полё,
А говорит Вольга таково слово:
«Кабы этая кобыла конем была,
Дал бы я за кобылу пятьсот рублей».
Говорит ему Викула Сея́телёвич:
«Глупый ты, Вольга, неразумныи!
Куплена эта кобыла во Пурховце, во Ореховце,
Однолеточком куплена с-под матушки.
Дано за кобылу пятьсот рублей,
Теперь этой кобылы цены-то нет».
Говорит ему Вольга сын Сеславьевич:
«Ай же ты, Викула Сеятелевич!
Да поедём-ко со мной ты о запуски!»
А Викулина кобыла в ход пошла,
Этот Вольгин конь да оставаться стал.

№ 15

ВОЛЬГА И МИКУЛА

А поежжает сын Дунай-то Иванович
А со своей дружинушкой хороброей
Получить-то дани он-то, пошлины.
А едет ён во чисто́ поли́,
А вперед-то пахаря пону́каты,
А не могут пахари наехати,
А ведь пашет пахарь по́ полю,
А Микулушка да Силяндрович.
А на кобыле ведь он да понукивает,
А вперед он-то уе́зживат
А на той на кобылушке на соловоей.
Воротился Микулушка Силяндрович,
Говорит ему-то ведь Вольга Святославович:

«А послушай, Микула Силяндрович,
А собирал ты дани да пошлины,
Хорошо ли платили дани да пошлины?» —
«А ведь был там да я топерича,
А недавно на днях я ведь там-то был,
А мужички-то там да все разбойнички,
Не платят-то они дани-пошлины,
С и́мы я стоял-то видь,
А которые стоя́ — стоят-то ведь,
А которые сидя́ — сидят-то ведь.
А как я-то туда да свалился-то
А на матушку да на сыру землю́». —
«Ай же Микулушка Селяндрович,
Ай же поедем с нами в подмогу ведь
Собирать мы дани да пошлины».
А поехал Микула Селяндрович.
А отъехал он да от сохи той да недалекои:
«Ай же Вольга Святославович,
А у меня-то сошка не прибрана.
А послать-то людей-то ведь,
А кинут они сошку за ракитов куст.
А у меня омешки серебряные,
А у меня присохи да золоченые.
А оставил сошку мою теперь,
А украдут сошку мою теперь!»
А послал-то ён двух человек тут,
А ведь сошку-ту да верття́т-то ведь,
А ведь сошку из земелюшки не могут-то,
А ведь никак-то сошки не могут взять.
А назад они да воротилися.
«А ведь сошки мы не могли со сырой земли,
Со сырой земли да повытянуть».
А послал тут да ведь пять людей,
Пять-то ведь людей лучшиих,
А ведь сошку-ту да кругом вертят,
А не могут с земелюшки поднять ёны́.
А послали тут да двенадцать-то человек,
Двенадцать человек-то тут да ведь,
А вертят они да сошку-ту,
А сошки с земельки поднять нельзя.
А послали тут да Микулушка.
А Микулушка ведь Селяндрович
А схватил-то да туды-то ведь,

А кинул сошку одной рукой —
А пала по облаки во сыру землю́.
А видь-то в землю не ушла она.
А приехали да сберять туда,
Дани-пошлины да сбирают-то.
Говорят мужички да разбойнички:
«А ведь этот-то да недавно был,
А сносите-тко дани-пошлины.
Хорошо сбирать да носить добра,
Да носить добра до единого».
А сбирали дани-пошлины-то ведь
Ско́ро-на́скоро да скорёшенько.
А Вольга тут да Святославьевич
А привез как им да платить-то ведь
А во стольный он да во Киев-град
Ко тому, он, князю ко Владимиру,
А собрал он денег да полностью.

№ 16

МИКУЛА СЕЛИНИНОВИЧ

Во́льга Всеславович собирал дружинушку хоробрую —
⟨Тридцать⟩ молодцов да без единово,
Сам он, Во́льга, во ⟨тридцатаих⟩,
И соберался ко славным городам
Под Гурчевец да под Ореховец
Собрать пошлину великую
С тех ли крестьян гурчевцев да ореховцев.
Едит Во́льга Всеславьевич
Со своей дружинушкой хороброей,
И слышит Во́льга Всеславьевич —
Орет в поле оратай, посвистывает,
На свою лошадку покрикивает,
А о́мешки по камешкам почиркивают.
Едит Вольга Всеславович
День с утра до вечера
И не может на оратая наехати.
Едит он другой день с утра до вечера —
Только к полдни наехал на оратая.
Орет в поле оратай, посвистывает,
На свою лошадку покрикивает,

Все дубья-колодья завертывает,
А великие камни вси в бороздý валит.
Как возгóворит Вóльга Всеславович:
«Ай же ты, да оратай да оратаюшка,
Скажи ты мне, да как тебя зовут по имечки
Да и величают по отечесьву».
Да возгóворит оратаюшка таковы слова:
«Я как ржи напашу да в скирды сложу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Дранки нáдеру, пива нáворю,
Пива наварю и гостей назову,
Станут гости пить, веселитися
И проздравлять меня будут хозяином:
„Ай же ты, великий оратаюшка Микула Селянинович!"» —
Стал Вóльга Всеславьевич просить Микулу Селя́ниновича:
«Поедим-ка да ты со мной да во товарищах
Под славные под городы Гурчевич да Ореховец
За той ли за податью великой!»
Согласился Микула Селининович:
Выстегает свою кобылку соловую,
Отстегает свои гужики шелкóвыи,
А сошку дубовую оставляет во бороздочке.
Сели на добрых коней да поехали:
У Вóльги-то конь поскакивает,
А у Микулы кобылка грудью пошла,
А Вóльги-то конь и гнатьси не мог.
Стал Вóльга кричать, своим колпаком помахивать:
«Ай же ты, Микула Селянинович,
Обожди-ка ты меня, товарища!»
И воспроговорит таковы слова:
«Ай же ты, Микула Селянинович,
Кабы эта кобылка конем была,
За коня бы я дал ⟨пятьсот⟩ рублей». —
«Глупый ты, Вольгá, неразумный ты, Вольгá,
Я кобылку взял жеребеночком с-под матушки
И за кобылку заплатил полторы тысячи.
А кабы эта кобылка да конем была,
Тогда цены бы не было!»
И говорит Микула Селянинович:
«Ай же ты, Вóльга Всеславьевич,
Оставил я сошку дубовую в бороздочке
Не для ради прохожего-проежжего,
А для своего брата родимово.

Пошли-т-ка ты свою дружинушку хоробрую,
Штобы сошку с земельки повыдернули
Из о́мешков земелюшку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов кус⟨т⟩».
Посылает Вольга Всеславьевич
Пять добрых молодцев из своей дружинушки хороброей,
Штобы сошку с земелюшки повыдернули,
Из о́мешков земелюшку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов кус⟨т⟩.
Приезжают ⟨пять⟩ молоцев дружинушки хороброей,
Сошку за рогач вокруг вертят,
А сошки из земельки поднять нельзя.
Посылает Вольга Всеславьевич
⟨Десять⟩ молодцев могучиих,
Штобы сошку с земельки повыдернуть,
Из омешков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.
⟨Десять⟩ молодцев удалыих
Сошку за рогач вокруг вертят,
А сошки из земелюшки поднять нельзя.
Посылает Вольга Всеславьевич
Всю дружинушку хоробрую —
⟨Тридцать⟩ молодцев да без единого,
А сам-то Во́льга во тридцатаих.
И сошку за рогач вокруг вертят,
А сошку с земелюшки поднять нельзя.
Ворочеется Микула Селянинович
Сам да во чисто́ поле́.
Берет он сошку одной рукой,
Сошку из земелюшки повыдернул,
Из омешков земелюшку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов кус⟨т⟩ —
Улетела сошка под облака.
Под'езжают они к славному городу ко Гурчевцу да к Ореховцу,
Собирают они там пошлину великую
С мужиков со гурчивцев да с ореховцев.
А который стоя стоял, тот и сидя сидит,
А который сидя сидел, тот и лежа лежит.
Тем старинка и кончилась.

№ 17

ПРО МИКУЛУ СЕЛЯНИНОВИЦЯ

А жил Цветослав да девяносто лет,
Тут Цветослав да преставилсе.
Как осталоси цядо милое,
Цядо милое, дитя любимое,
Как Ольга Цветославьевиць.
Как и рос Ольга, да и полнел Ольга,
А до большего а до возраста.
Захотилось Ольги знать вси примудрости:
В синем мори нырять щукою,
Во лесу-то бегать волком серыим.
Как собрал Ольга дружину хоробрую,
А поехал с дружиной Ольга́ во цисто полё.
Версту едут и да нет никого,
Десять верс⟨т⟩ едут — нет никого.
Услыхали-то кто-то в цистом поли покрыкивает,
Пашет полянку аратай-аратаюшко.
На кабылку аратаюшко да покрыкивает,
Камешки на омешках да почилкиват.
У аратаюшка кобылка-то да соловая,
Сошка-то да клёновая,
Да пригужецьки ты да шолковыи.
Стоит Ольга́ с дружиной да любуецце.
Говорил Ольга́ Цветославьевиць:
«Ай же, аратай-аратаюшко,
Выпряги-ко кобылку ты соловую,
Втыкни в землю сошку ту кленовую,
Отстени-ко пригужецьки ты шолковыи,
А поедим с намы, с моей дружиной во чисто поле».
Как послушал аратай-аратаюшка,
Выпрягал он кобылку ту соловую,
Втыкнул в землю он сошку-то видь кленовую,
Отстенул он пригужецьки ты шелковыи.
А поехал аратай с Ольгой, со дружиною,
Не далецько от пашенки-то поотъехали,
Говорил-то аратай-аратаюшко:
«Ай же, Ольга́ Цветославьевиць,
На полянки мы сошку-то да оставили,
Наб бы сошки-то с земли выдернуть,
С омешков-то бы земелька та повытряхнуть,
Наб бы сошка-то кинуть во ракитов кус⟨т⟩

18 Зак. 3948

Как не ради прохожиих да проеждиих,
Ради мужицьков деревеньскиих».
Тут посылат Ольга́ дружины десять целовек,
Кругом сошки похаживают,
Кругом сошки повяртывают,
А не можут сошки с земли выдернуть,
С омешков не могут земельки повытряхнуть.
А не могли оны сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩.
Приеждяли к Вольги Цветославьевицю:
«Не могли мы сошки с земли выдернуть,
Не могли мы с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли мы сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩».
Посылат Ольга дружины двацать целовек,
Кругом сошки да похаживают,
Как кругом оны сошку повяртывают,
Не могут оны сошки с земли выдёрнуть,
С омешков-то земельки не могут повытряхнуть,
Не могли оны сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩.
Приехали к Ольги Цветославьевицю:
«Не могли мы, Ольга, сошки с земли выдернуть,
Не могли мы с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли мы сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩».
Поехал Ольга со всей дружиною,
Кругом они сошки похаживают,
Кругом они сошку повяртывают,
Как не можут ены сошки с земли выдернуть,
А не могут с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли ены сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩.
Тут же приехал аратай-аратаюшко,
Брал ен сошку одной рукой,
Как с земельки сошку повыдернул,
С омешков земельку повытряхнул,
Кинул ён сошку во ракитов кус⟨т⟩.
Говорил Ольга Цветославьевиць:
«Ты скажись-ко нам, аратай-аратаюшко,
Как зовут-то тебя да по имяцьки,
Звелицяют тебя по отецесьву?»
Говорил аратай-аратаюшко:
«Я полянку спашу, я видь хлибця напашу,
А да пива наварю, да я гостей соберу,
Да всих пивом напою.
Назовут-то меня, мужика деревеньского:
„Ай же ты, Микула Селяниновиць!"».
А на том-то былинка и поконцилась.

№ 18

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождалса молодой Вольга,
Молодой Вольга да Святославович
Стал Вольга растеть-мотиреть,
Хотелася Вольге да много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубокиих морях,
Птицей-соколом летать да по под облоком,
Волком рыскать во чистом поли.
Уходили все рыбы во сини́ моря,
Улетали все птицы под по облака́,
Убегали все звери в темныи леса.
Стал Вольга растеть-мотиреть,
Собирал он дружинушку хоробрую —
Тридцать молодцов да без единого,
А сам Вольга — да во тридцатыих.
Жаловал его родной дядюшка,
Тот ласковый Владимир стольно-киевский,
Как тремя городами со крестьянама:
Первым-то городом Гурчевцом,
Другим-то городом Ореховцом,
Третьим-то городом Крестьяновцом.
Молодой Вольга Святославович
Со своей дружинушкой хороброю
Он поехал в города за получкою.
Он выехал в раздольицо чисто поле,
Он услышал в поли оратаюшка,
Орет в поле оротай по⟨н⟩укивает,
Шошка у ратая поскрипывает,
Омешки о камни почеркивают.
Ехал Вольга до ратая день с утра до вечера
Со своей дружинушкой хороброю
И не мог до ратая доехати.
Орет оратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешки о камешки почеркивают.
Не мог Вольга до ратая доехати.
Ехал Вольга еще другой день,
С самого утра и до вечера,

И ехал Вольга еще третий день,
Третий день он до пабедья,
И доехал он до ратаюшка.
Орет в поле оратай, понукивает,
Из края в край борозки пометывает,
Коменья, коренья вывертывает,
А мелкие камешки в бороздку сваливает.
Едет в край — другого не видать.
Приехал Вольга Святославович:
«Бог те в помочь, оратай-оратаюшко,
Оратать, да пахать, да крестьянствовать!» —
«Милости просим, Вольга Святославович!
А спасибо тибе за Божью помощь,
А нужна Божья помощь пахарю-крестьянину.
Куда, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своей дружинушкой хороброю?»
Говорит Вольга таковы слова:
«Еду я в города за получкою,
К первому городу я Гурчевцу,
Ко второму городу Ореховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу». —
«Ай же ты, Вольга Святославович,
А я был в городи только третья дни».

№ 19

ПРО ОЛЬГУ ЦВЕТОСЛАВЛЕВИЧА

Жил Цветослав да девяносто лет,
Тут Цветослав и преставился.
Осталось от Цветослава чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое —
Ольга Цветославлевич.
И рос Ольга, и полнел Ольга
До полного до возраста.
Захотелось знать Ольге все премудрости:
В синем море нырять щукою,
Во лесу бегать волком серыим.
И собрал Ольга себе дружину хоробрую
Добрых молодцов,
И поехал с дружиной Ольга во чисто поле.
Версту едут — нет никого,

Десять верст едут —нет никого.
Услыхали, кто-то в чистом поли покрыкивает:
Пашет полянку оратай-оратуюшко.
У оратаюшка кобылка-то соловая,
Сошка у оратаюшка кленовая,
Пригужечки шелковые —
И на кобылку соловую покрыкивае,
Камешки на омешках почелкивают.
Стоит Ольга с дружиной да любуется.
Говорил Ольга Цветославлевич:
«Оратай-оратаюшко, выпреги кобылку соловую,
Втыкни в земельку сошку кленовую,
Отстени пригужечки шелковые,
Поедем с моей дружиной во чисто поле».
И послухал оратай-оратаюшко —
Выпрягал кобылку соловую,
Втыкнул в земельку сошку кленовую,
Отстенул пригужечки шелковыи
И поехал с Ольгой, с дружиной во чисто полё.
Недалечко от полянки поотъехали,
Говорит оратай-ората́юшко:
«Ольга Цветославлевич, на полянки
Мы сошку ту оставили —
Наб сошка та с земли вытащить,
С омешков-то бы земелька повытряхнуть,
Наб сошка-то кинуть во ракитов куст
Не ради прохожиих, проеждиих,
А ради мужичков деревеньскиих».
Посылает Ольга дружины десять человек.
Кругом сошки похаживают,
Кругом сошку повяртывают,
Не можут сошки с земли выдернуть,
Не можут с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли они сошки кинуть во ракитов куст.
Приеждяют к Ольге:
«Ай же, Ольга Цветославлевич,
Не могли мы сошки с земли выдернуть,
Не могли мы с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли мы сошки кинуть во ракитов куст».
Посылает Ольга дружины двадцать человек.
Кругом сошки похаживают,
Кругом сошку повяртывают,
Не могут сошки с земли выдернуть,

Не можут с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли сошки кинуть во ракитов куст.
Приеждяют к Ольги Цветославлевичу:
«Ай же, Ольга Цветославлевич,
Не могли мы сошки с земе́льки выдернуть,
Не могли с омешков земельки повытряхнуть,
Не могли сошки кинуть во ракитов куст».
Поехал сам Ольга со всею дружиною.
Кругом сошки похаживают,
Не могут сошки с земли выдернуть,
С омешков земельки повытряхнуть,
Не могли они сошки кинуть за ракитов куст.
Приеждял Ольга с дружиною,
И говорит Ольга Цветославлевич:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
Ты скажи-ка нам —
Как тебя зовут по имячки,
Как звеличают по отечеству?»
Отвечал оратай-оратаюшко:
«Я полянку спашу, хлебца напашу,
Пива наварю, и гостей соберу,
И всех пивом напою,
И назовут меня, мужика деревенского, —
„Ай же ты, Микула Селянинович!"»
Он поехал во чисто поле,
Взял сошку одной рукой
И кинул во ракитов куст.
И тым былина и покончилась.

№ 20

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда восставало солнце красное
А на то на небушко на ясное,
Зарождался тут молодой Вольга да Всеславьевиц.
Стал Вольга да растеть-матереть,
Учился Вольга да всяким премудростям:
Серым волком рыскать во темных лесах,
Щукой-рыбою да нырять во синих морях.
Соберал Вольга дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,

Сам Вольга да во тридцатыих.
Как пожаловал его да родной дядюшка,
Солнышко Владимер стольно-киевский,
Он тремя городами со крестянамы.
Как в одну порушку да в одно времяцько
Отправляется Вольга Святославьевич
Со своей дружинушкой хороброей
К тем городам за получкою.
Первой город был да Гурьевиць,
А другой город — Ореховец.
А поехали оне да в путь-дороженьку,
Ехали-поехали да по цисту́ полю,
Слышат — в полюшки да оратай орет,
Сошка кленовенька поскрипывает,
А омешики по камешкам пощеукивают.
Оне едут целый день с утра до вечера,
А не могут до оратаюшки доехати.
Слышат — сошка кленовая поскрипывает,
Омешки по камешкам пощалкивают,
А оратай на лошадку покрикивает.
И второй они едут день до вечера,
И не могут ⟨до⟩ оратая доехати.
И третей день едут до победья,
Тут видят — оратай орет во цистом поли,
У оратая кобылка соловая,
У оратая сошка кленовая,
А омешики у сошки серебрянныи,
А пригужецьки у сошки шелковенькии.
Говорит Вольга да таковы́ слова:
«Бог те помощь, оратай-оратаюшко,
Орать да пахать да кресьянсвовать».
Говорит оратай таково слово:
«Те спасибо, Вольга Всеславьевич,
Мне Божья помочь да надобна
Пахать да орать да крестьянсвовати.
А скажи-тко, удалой доброй молодец,
Ку́да едете, куда вы путь держите
Со своею дружинушкой хороброю?»
Говорит Вольга да таковы слова:
«Мни пожаловал да родной дядюшка,
Владимер-князь да стольно-киевский,
Мне ⟨три⟩ города да со кресьянамы,
И я еду к городам да за полуцькою».

Говорит оратай-оратаюшко:
«А я был в городи да только третьего дни,
Там живут мужицьки все разбойницьки,
А разбойницьки все подорожнички,
А с ножамы стоят да край дороженьки,
Собирают гроши да подорожныи.
Я им дал гроши да подорожные:
Как кто стоя стоит, так тот сидя сидит,
А кто сидя сидит, так тот лежа лежит,
И уехал от них, не простивши я,
И увез я соли ровно ⟨три⟩ меха,
Я ⟨три⟩ меха да по со́рок пуд
На своей на кобылки соловенькой».
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
А поедем-ко с нами во товарищах!»
Говорит оратай-оратаюшко:
«Не срамись, удалой доброй молодец,
У тебя есь дружинушка хоробрая,
А не много, не мало — три десяточка».
Стал просить Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ай дружинушка моя вся молодая,
А молодая вся ненадежная».
Оратай-оратаюшко соглашается,
В путь-дороженьку с ними отправляется:
Он шолковы гужики повыстегнул
И кобылку из сошки повыдернул.
Сели на добрых коней, поехали.
Ехали-поехали по чистому полю,
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же ты, Вольга Святославович,
Я кобылку из сошки повыдернул
Да шелковы-то гужики повыстегнул,
А оставил сошку в бороздоцьки.
Ты пошли-ко дружинушку хоробрую,
Штобы сошку с борозды повыдернуть,
А из омешиков земельку повытряхнуть,
А и бросить бы сошку за ракитов кус⟨т⟩
А не для ради́ прохожего-проежджего,
А ради мужика да деревенщины».
Посылает Вольга Святославьевич
Из своей дружинушки хороброей

Пять молодцов да што-й не лучшиих,
Штобы сошку с бороздочки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть
Да и бросить бы сошку за ракитов кус⟨т⟩
Эти удалы добры молоццы
Как сошку кленову вокруг вертят,
А не могут сошки с земли поднять,
С тем обратно возвращаются,
А Вольги Всеславьевицю да извиняюцця,
Што не могли мы сошки от земли поднять.
Тут Вольга Святославович
Из дружинушки отправляет целым десяточком.
Приежжают удалы добры молодцы,
Оны сошки за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки от земли поднять,
К Вольге Всеславьевичу возвращаются,
Перед ним много извиняются:
«Не могли мы сошки от земли поднять».
Тут Вольга Всеславьевич
Посылает всю дружину хоробрую.
Приежжают добры молодцы,
Тридцать молодцев без единого,
Оны сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки от земли поднять,
Оне к Вольге обратно возвращаются,
За свою удачу сознаваются:
«А не могли мы сошки от земли поднять!»
Говорит Микула Силянинович:
«А стар мошник, верно, наварны щи,
А молоды черятки, да черви в них.
(*Приконфузил маленько.*)
Поедем-ко, Вольга да Святославович,
Уберем мы сошку кленовую».
Приехали к сошки кленовоей,
Говорит Микула Селянинович:
«Ай же ты, Вольга да Святославович,
Поднимай-ко сошку кленовую!»
Как опускался Вольга да Святославович,
А он брался за сошку кленовую
Всей он силушкой да молодецкою —
Резвы ноженьки да подломилиси,
Очи ясныи его да помутилися,
А упал Вольга да на сыру землю.

Говорит Вольга да таковы́ слова́:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Да много я по свету ездивал,
А такого чуда я не видывал.
Рыбой-щукою ходил я во синих морях,
Серым волком рыскал во темных лесах,
Не научился этой я премудрости —
Орать-пахать да я кресьянсвовать».
Тут берет оратай-оратаюшко
Добра молодца да за жолты кудри,
А садил его да на добра коня,
Сам берет он сошку да одной рукой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
И он бросил сошку во ракитов кус⟨т⟩,
Сам садился на кобылку соловую,
И поехали оне дальше в путь-дороженьку.
Оратаюшки кобылка шагом идет,
А Вольгин тот конь поскакивает.
Оратаева кобылка рысью пошла,
А Вольгин-то конь оставаетце.
Говорит Вольга́ да таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Эта бы кобылка коньком бы была,
Я дал бы за конька да ⟨пятьсот⟩ рублей».
Говорит оратай-оратаюшко:
«А я взял кобылку жеребчиком с-под матушки,
Заплатил за жеребеночка ⟨пятьсот⟩ рублей,
А теперь не возьму и ⟨две тысячи⟩.
А эта бы кобылка коньком бы была,
Дак этому коню цены бы не было».
Оне ехали-поехали по ци́стому полю́,
Как назад оне да ворочают,
А гих дружинушки так и с виду нет.
Говорит Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко,
А вперед-то нам да штобы знакомым быть,
Наб узнать-то у вас да имя, отчес⟨т⟩во,
И как зовут тебя по имячки?
И как величают по отечесьву?»
Говорит оратай-оратаюшко:
«А как я ржи напашу да во скирды сложу,
Домой выволочу да дома вымолочу,

И я драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да мужичков созову,
Мужичков созову да и допьяна напою,
Туто станут мужички меня здраствовати:
„Уж ты здраствуешь, Микула Селянинович!"»
А на том былинка и покончилась.

№ 21

ВОЛЬГА И МИКУЛА

И жил Цветослав ⟨девяносто⟩ лет,
Тут Цветослав и преставился.
Осталось от Цветослава цядо милое,
Цядо милое, а дитя любимое,
Как Ольга да Цветославьевиць.
Как рос Ольга, да и полнел Ольга,
И захотелось Ольги познать все премудрости:
В синем море нырять щукою,
А в лесу да бегати волком серыим.
Как собрал Ольга дружинушку хоробрую,
А поехал Ольга с дружиной во чисто поле,
Версту едут — нет никого,
⟨Десять⟩ верст едут — нет никого.
Слышат в чистом поле покрикивает,
Паша полянку оротáй-оратáюшко,
У оратаюшки кобылка да соловая,
А ведь сошка-то да кленовая,
Как пригужецьки-ты шелкóвы.
Оратаюшка да на кобылку,
На кобылку да покрикивае,
Камешки-то на омешках лишь пощёлкивают.
А стоит Ольга с дружиной, любуется.
Говорит-то Ольга да Цветославьевич:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
Выпряги-тко кобылку да соловую,
Отстегни-тко пригужечки да шолкóвые,
А пойдем-ко ты с моей дружинушкой во чистó поле».
Как послушал оратай-оратаюшко:
Выпрягал-то кобылку да соловую,
Отстегал он пригужечки ты шелковые,
А поехал-то с Ольгой во чисто поле.

Недалецько от полянки поотъехали,
Говорит-то оратай-оратаюшко:
«Ай же, Вольга Цветославьевич,
Как оставили мы сошку на полянки,
Как бы сошку с земли выдернуть,
Как бы с омешков земельку повытряхнуть.
Как бы сошку кинуть во ракитов кус⟨т⟩
Как не ради-то проезжего, прохожего,
А ради мужичков-то деревенскиих?»
Как послал-то Ольга с дружиный ⟨десять⟩ человек,
Кругом-то ведь сошки похаживают,
А не могут-то ведь сошки с земли выдернуть,
С омешков не могут земельки повытряхнуть,
А не могли оны сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩.
Приезжают к Ольге-то Цветославьевичу:
«Ай же, Ольга да Цветославьевич,
Не могли мы сошки с земли выдернуть,
Не могли с омешков-то земельки повытряхнуть,
Не могли мы сошку кинуть во ракитов кус⟨т⟩».
Посылает Ольга Цветославьевич дружины ⟨двадцать⟩ человек,
Кругом-то сошки похаживают,
Как кругом сошку повёртывают,
Не могут сошки с земли выдернуть,
Не могут с омешков-то земельки повытряхнуть,
Не могли оны сошку кинуть во ракитов кус⟨т⟩.
Приезжали к Ольги Цветославьевицу:
«Ай же, Ольга Цветославьевиц,
Не могли мы сошки с земли выдернуть,
Не могли мы с омешков земельки повытряхнуть».
[Поехал сам Ольга со всей да со дружиною,]
Кругом-то сошки похаживают,
Не могли оны сошку с земли выдернуть,
С омешков-то земельки повытряхнуть,
[Не могли ены сошки кинуть во ракитов кус⟨т⟩.]
[Тут же приехал оратай-оратаюшко,
Брал ён сошку одной рукой,
Как с земельки сошку повыдернул,
С омешков земельку повытряхнул,
Кинул ён сошку во ракитов кус⟨т⟩.]
Говорит Ольга Цветославьевиць:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
Как зовут-то тебя да по имяцьки,
Звелицают тебя по отецесьву?»

Говорил-то оратай-оратаюшко:
«Я полянку спашу, я видь хлибця напашу,
Я-й пива наварю да видь мужичков соберу,
Я всих пивом напою,
И ёны назовут меня:
„Ай же ты, Микула Селяниновиць!"»
На тым былинка и поконцилась.

№ 22

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВГОВИЧ

Когда воссияло солнце красное,
На тое небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославгович.
И жаловал его родной дядюшко,
Владимир-князь стольно-киевский,
Трема городами со крестьянами:
Первым градом — Гурцевцом,
Другим городом — Крестьяновцом,
Третьим городом — Ореховцом.
И набирал он дружинушку ⟨двадцать девять⟩ молодцов,
А сам он, Вольга, тридцатыим.
И захотелося тут Вольге много мудростей:
Щукой-рыбой ходить по глубоким морям,
Серым волком рыскать по ельникам,
Ясным соколом летать по поднебесью.
И отправился Вольга Святославгович
Со своей дружиною храброю
В эти городы заполуче́нные.
И выехал он во чисто поле,
И слышит он во чистом поле́,
Орет ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипываёт,
О́мешики по камешкам поче́ркивают.
И ехал Вольга Святославгович
С утра он день до вечера,
Он не мог до ратая доехати.
И ехал он второй день
С утра он ехал и до вечера,
И не мог до ратая доехати.

На третий день вставал ранёшенько,
И слышит, что близко в поле
Орет ратай, понукивает,
Сошка у ра́тая поскрипывает,
О́мешики по камешкам почеркивают.
Он с утра тут ехал до па́бедья,
И увидел он в поле ратая.
Орет в поле ратай, понукивает,
Из края в край бороздочки поезживает,
В край как он уедет — дак много не видать,
Каменья-коренья вывертывает,
А великия-то камни все в борозду валит.
Кобылка у ратая — соловая,
Сошка у ратая — кленовая,
Гужики у ратая — шелковыя,
Омешики у ратая — булатные.
И подъехал Вольга Святославгович и поздоровался:
«Бог тебе помощь, ратай-ратаюшко,
Пахать да орать и крестьянствовати!»
Отвечает ему ратай-ратаюшко:
«Проходи-ко ты, Вольга Святославгович,
Со своей дружиною храброю,
А мне нужна Божья помощь
Пахати, орати и крестьянствовати».
И говорит тут ратай-ратаюшко:
«Далеко ли ты едешь, Вольга Святославгович?» —
«Еду я во город во Крестьяновец,
Во второй я город во Гурщевец,
А в третий город во Ореховец,
К тем крестьянам за получкою».
Говорит тут ратай-ратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославгович,
Недавно я там был, третьего дня,
И увез я оттуль соли только три меха,
Три меха соли по со́року пуд
На своей кобылки на соловенькой.
И живут там мужики все как разбойники,
Они сидят по дорогам по широкиим,
Собирают гроши подорожныя.
И платил я им гроши подорожныя:
Кто стоя стоит, дак тот сидя сидит,
А кто сидя сидит, дак тот лежа лежит,
А кто лежа лежит, дак тот и не выстанет».

И говорит тут Вольга Святославгович:
«Ай же ты, ратай-ратаюшко,
Поедем ты со мной во товарищах».
И согласился ехать ратай-ратаюшко.
Кобылку он с сошки повыстегнул,
Сели на добрых коней и поехали.
И говорит тут ратай-ратаюшко:
«Ах же ты, Вольга Святославгович,
Сделал я ошибоцку не малую,
Оставил я сошку на бороздоцки
Не для ради человека прохожего,
Не для ради человека проезжего,
А для ради мужика-деревеньщины.
Как бы сошку у меня не у́перли.
Как бы сошку с земельки повыдернути,
Из омежиков земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитов куст».
И тут Вольга Святославгович
Отправляет он дружинушки пять молодцов,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омежиков земельку повытряхнули,
И бросили бы сошку за ракитов куст.
И та дружина храбрая подъезжает к сошке кленовенькой,
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земли достать.
И тут Вольга Святославгович
Посылает еще десять молодцев.
И подходят к сошке еще ⟨десять⟩ молодцев,
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошку с зе́мли выдернути,
Из омежиков земельку повытряхнути
И бросить сошку за ракитов куст.
Тогда Вольга Святославгович
Посылает всю свою дружинушку.
И подъехала к сошке вся дружинушка,
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земли выдернути,
Из омежиков земельку повытряхнути
И бросить сошку за ракитов куст.
Тогда ратай-ратаюшко
Сам подъездает он к со́шке кленовенькой,
Одной он рукой сошку с земли повыдернул,
Из омежиков земельку повытряхнул

И бросил сошку за ракитов куст.
Сели на добрых коней и поехали.
У ратая кобылка шагом пошла,
А у Вольги конь уж поскакивает.
У ратая кобылка рысью пошла,
А у Вольги конь оставаетсе.
Кричит тут Вольга, колпаком машет:
«Постой ты, ра́тай-ратаюшко,
Твоя бы кобылка коньком бы была,
За твою бы кобылку пятьсот дали».
Говорит тут ра́тай-ратаюшко:
«А глупый ты, Вольга Святославгович,
Брал я кобылку жеребеночком с-под матушки,
Платил за кобылку пятьсот рублей.
Если бы эта кобылка коньком была,
Этому коньку сметы не было».
И говорит тут Вольга Святославгович:
«Скажи мне, ра́тай-ратаюшко,
Как тебя звать по имени,
Величать тебя по отечеству?»
Говорит ему ратай-ратаюшко:
«А вот я ржи накошу и во скирды сложу,
Во скирды сложу, а домой выволочу,
Домой выволочу, а дома вымолочу,
Драни надеру и пива наварю,
Пива наварю к себе мужичков в гости созову —
И станут меня мужички покликивать:
„Молодой Никулушка Селянинович!"»

№ 23

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Вольга Всеславьевич ехал в Ореховец
Да Оркуц за полуцкой. А Микула пахал, на сошеньке орал.
Первый день едут с утра до вечера,
А орет ратай попугиват,
Его сошенька поскрипыват,
А омешки почеркивают...
Не могут догнать они ратая.
Едут второй день с утра до вечера,
Орет ратай попугиват,

Сошенька поскрипыват,
Омешки почеркивают.
Не могут догнать они ратая.
На третий день под вечерок догнали:
«Здравствуй ты, ратай-ратаюшка,
Много лет тебе крестьянствовать,
С край на край вести́ бороздочку,
Камни крепки выворачивать!» —
«Куда идешь, Вольга Всеславьевич,
Куда держишь путь-дороженьку?» —

«Я иду в город Оркуц да в Ореховец за полуцкою. Ты бы шел к нам в помощники» (*ратаюшку-то зовут.*) —

«Я желаю ехать». Поехали во дороженьку.

А Микула Селянинович велел сошку из сырой земли повыдернуть, в ракитов куст зашвыркивать, а то обкрадут сошку, золотые омешки. Вольга Всеславьевич послал пять добрых молодцев, вертят сошень, ну не в силах поднять. Вольга Всеславьевич послал десять добрых молодцев, а не в силушках оны сошку из сырой земли повыдернуть, за ракитов куст зашвыркивать. Посылал тут Вольга всю дружину свою храбрую; вертят сошку, но не в силушках со сырой земли повыдернуть. Как пришел Микула Селянинович да захватил, так и выдернул. Оны и поехали. Едут добры молодцы. Едет впереди Микула Селянинович на своей кобылке на шустрою, а сзади едет Вольга Всеславьевич.

Шагом едет Микула Селянинович,
Рысью скокал Вольга Всеславьевич,
Рысью-скоком, а застать ратая не может.
Крицит тут Вольга Всеславьевич:
«Стой, Микула Селянинович,
Будь твоя кобылка шустрая
Не кобылкой, а жеребчиком,
Я плачу тебе три тысяци». —
«Ох ты глуп, Вольга Всеславьевич,
Я с-под матушки выберовал,
Больше трех тысяц плачивал.
Будь моя кобылка шустрая
Не кобылкой, а жеребчиком,
А цены бы ей уж не было». —
«Ты скажи-ко, ратаюшко, —
Говорит Вольга Всеславьевич, —
Как назвать тебя по имени,
Возвеличить по отечеству?»
Говорит Микула Селянинович:
«Ох ты гой, Вольга Всеславьевич,
Распашу я ниву тушную,

Соберу я хлебы по́д осень,
Наварю я пива пьяного,
Напою крестьян я до́сыти,
Станут пить ёны, покрикивать:
„Ой, Микула Селянинович!"»

№ 24

ВОЛЬГА СВЕТОСЛАВОВИЧ

5. Как О_л(и) - га - та ведь да Чьве - то - сла_в(и) - ё - вич.
6. А ведь и рос О_л(и) - га, д(л)а пол - нел О_л(и) - га
7. А до боль - шо - го - тя'дь
й-он и до воз - рос - та.
8. А за - хо - те - ло - ся
О_л(и) - ги
да з(ы) - на - ти все при - му_д(ы) - рос - ти:
9. А в си - нём мо - ре шны - рять щу - ко - ю,

10. А во ле - су - то

ведь бе - гать вол - ком се - рым ли.

11. А со-б(ы) - рал Оль - га

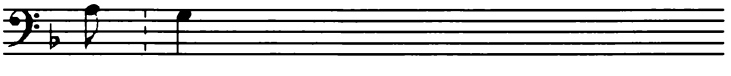
дру - жи - нуш - ку

се - бе да-й он хо - ро-б(ы)-ру - ю,

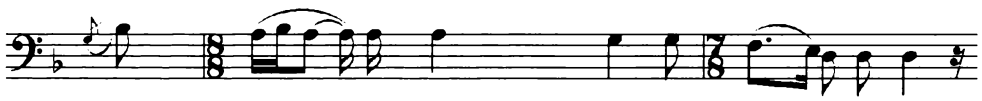
12. А как по - е - хал

Оль - га

с дру - жи - но-й(и) во чис - то по - лё.

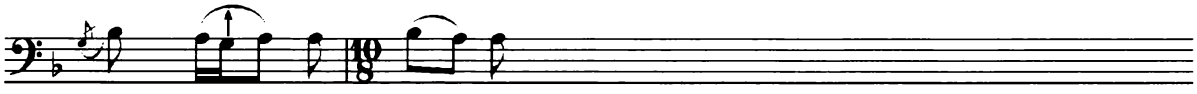
13. А вёр - сту е - дут — все нет ни-ко-го,

14. А де - сять - то вёрст

и е - дут — и не-т(ы) ни-ко-го.

15. Как у - слы - ха - ли:

в чис-том по - ли по - кры - ки-ва-ет,

16. А па - ше по - лян - ку ту...

16 а. А па - ше по - лян - ку ту...

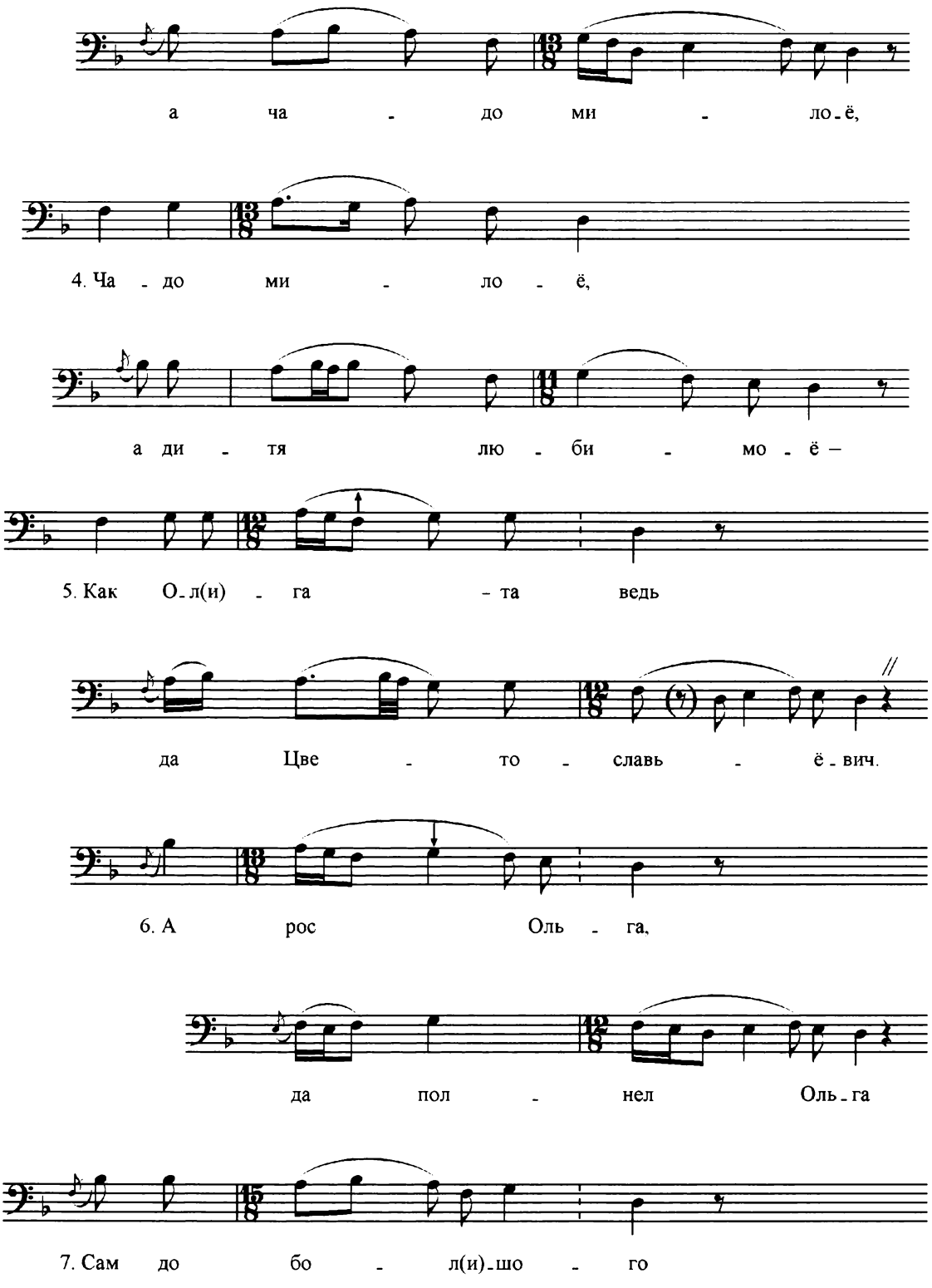
Ай, жил-то ведь Цветослаф(ы) да девяносто лет,
А ведь тут же Цветослаф(ы) да приставилсэ.
А как осталосе да чадо ми́лоё,
А чадо ми́лоё, дитя люби́моё —
Как Ол(и)га́-та ведь Чветосла́в(и)ёвич.

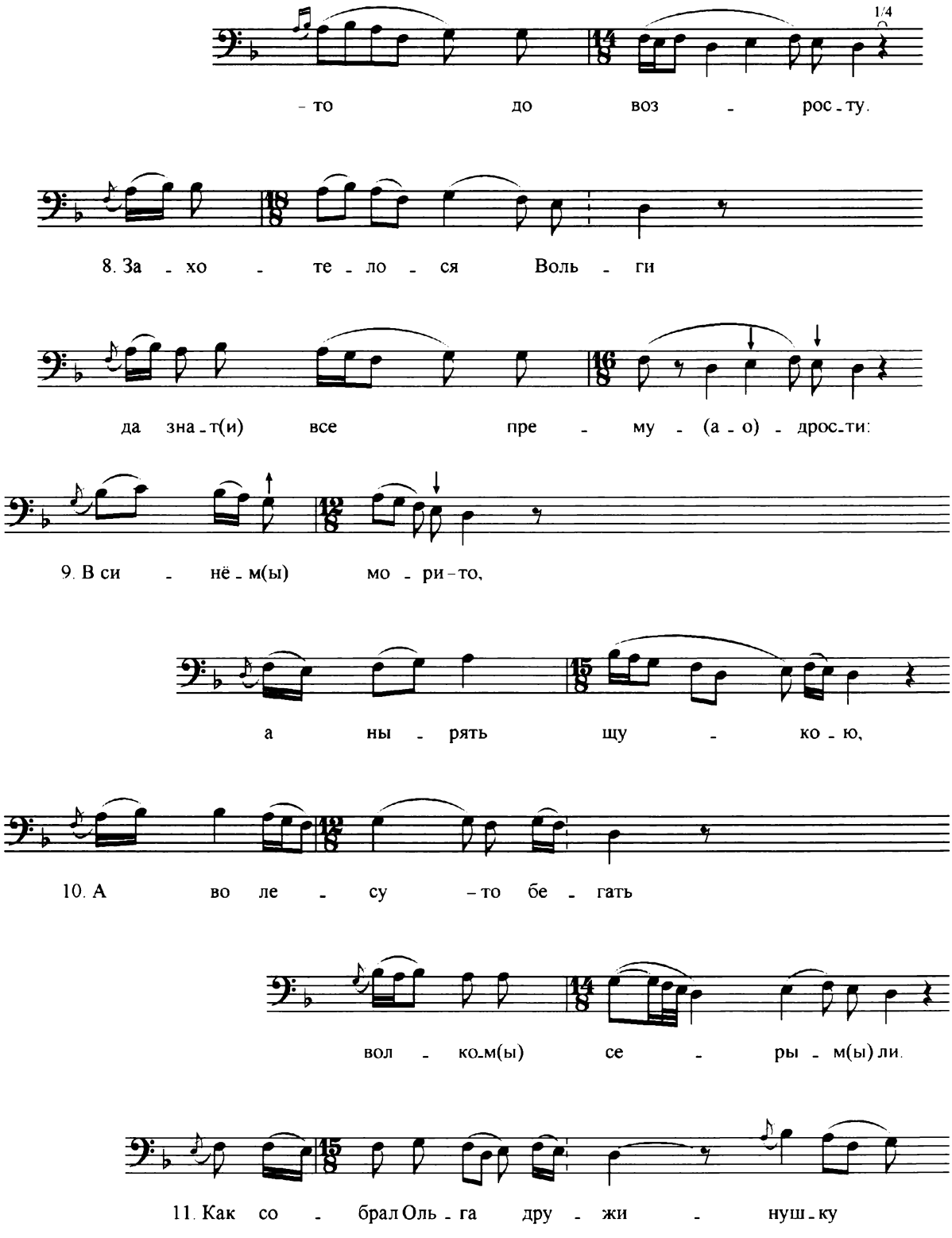
А ведь и рос Ол(и)га́, д(л)а полнел Ол(и)га́
А до бо́льшого-тя ‘дь й-он и до возроста.
А захотелося Ол(и)ги́ да э(ы)нат(и) все примуд(ы)рости:
А в си́нём море шны́рять щукою,
А во лесу-то ведь бегать волком серым ли.
А соб(ы)ра́л Ольга́ дружинушку себе да-й он хоро́б(ы)рую,
А как поехал Ольга́ с дружиной(и) во чисто́ полё.
А вёрсту едут — всё нет никого,
А десять-то вёрст и едут — и нет(ы) никого.
Как услыхали: в чи́стом по́ли покрыкивает,
А па́ше полянку-ту...
А па́ше полянку-ту...

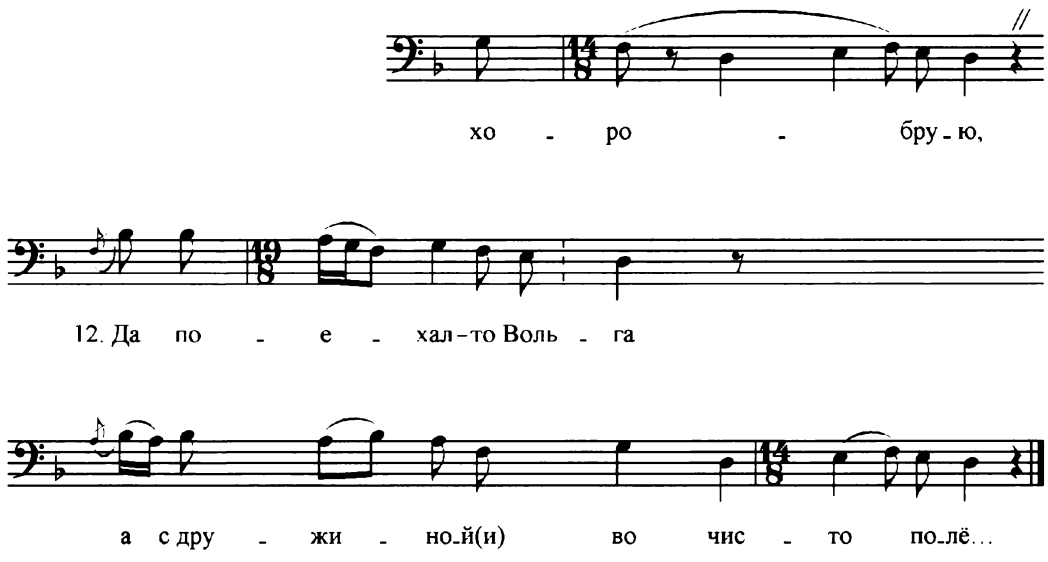
№ 25

ВО́ЛЬГА ЦВЕТОСЛАВОВИЧ

а ча - до ми - ло-ё,
4. Ча - до ми - ло - ё,
а ди - тя лю - би - мо - ё –
5. Как О-л(и) - га - та ведь
да Цве - то - славь - ё-вич.
6. А рос Оль - га,
да пол - нел Оль-га
7. Сам до бо - л(и)-шо - го

1/4
- то до воз - рос - ту.
8. За - хо - те - ло - ся Воль - ги
да зна - т(и) все пре - му - (а - о) - дрос - ти:
9. В си - нё - м(ы) мо - ри - то,
а ны - рять щу - ко - ю,
10. А во ле - су - то бе - гать
вол - ко - м(ы) се - ры - м(ы) ли.
11. Как со - брал Оль - га дру - жи - нуш - ку

Ай, жил(ы) Цветослав да девяносто лет,
А тут же Цветослав да преставил(ы)сэ.
Осталосе чадо́, а ча́до ми́лоё,
Чадо ми́лоё, а дитя люби́моё —
Как Ол(и)га́-та ведь да Цветосла́вьёвич.
А рос Ольга́, да полнел Ольга́
Сам до бо́л(и)шого-то до возросту.
Захотелося Вольги́ да знат(и) все прему(а-о)дрости:
В си́нём(ы) мо́ри-то, а нырять щукою,
А во лесу-то ведь бега́ть волком(ы) серым(ы) ли.
Как собрал Ольга́ дружинушку хоро́брую,
Да поехал-то Вольга́ а с дружиной(и) во чисто́ полё...

№ 26

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Микула Селянинович такой был. Поехали Добрыня Никитич и Илья Муромец. Едут они, слышат: омешки, камешки поскрипывают, а никого не видно. Пахаря не слыхать, не видать. На третий день доехали. Его и спрашивают: «Кто ты такой?» — «Я, — говорит, — на земле нашей хлеб рощу». — «А куда ты хлеб кладешь?» — «Я хлебом долг отдаю, взаймы даю и на ветер пускаю».

Илья Муромец говорит: «Расскажи нам правильно, где это ты да долг отдаешь, взаймы даешь и на ветер пускаешь». — «Вот что, дорогие мои: долг плачу — отца с матерью кормлю, взаймы даю — сына ращу, на ветер пущаю — девок ращу». — «Давай, — говорит, — поедем с нами».

Едут, поехал с имами вместе.

«Хлеба наращу, пива наварю, сядете за стол, будете угощаться, будете приговаривать: „Вот добрый был Микула Селянинович!"»

Отъехали пятьдесят-сто километров. Он говорит: «Вот, товарищи, я с вами поехал, а у меня соха оставлена в борозде. Пошлите своих ребят, пусть они за куст ее бросят!» Они послали трех человек. Съездили те, говорят: «Мы не можем ее с этого места выдернуть». Поехали еще шесть человек. То же самое. Поехали Илья Муромец, Добрыня Никитич сами. А он приезжает, захватил одной рукой да бросил за куст: «А пусть с Богом лежит. Потом я еще буду пахать и в достатке жить».

И этой сказке конец.

№ 27

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Василий Буслаевич поехал он там в другое государство.... Он уехал в поле на пахоря. Значит. И пахорь пашет, понимаешь, и спрашивает: «Куда?» — «А я, — говорит, — ...» — «Тогда поедем, — говорит, — с нами туда».

Ну, он согласился ехать. И соху в земле оставил. (*Раньше сохами пахали.*) Вот подъехали, а он и говорит:

«Сошку-то в землю я оставил. А послать бы нам хоть из кампании хоть человек ⟨пять⟩, понимаешь, соху с земли выдернуть»...

И послали ⟨пять⟩ человек там. ⟨Пять⟩ человек пришли, эту со́ху кругом верта́т, а с земли поднять не могут. Вот и еще послали, — понимаешь, — ничего не могут. Потом приехали все. А он взял соху одной рукой и бросил в ракитов куст.

«Для чего ты пашешь?» — «А я пашу, понимаешь ли, зерна напашу, на мельнице смелю, хлеба наготовлю, браги наготовлю. И крестьян напою и накормлю».

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ (№ 28—29)

№ 28

ПРО СВЯТОГОРА

Как не да́лече-дале́че во чистоем поли́,
Тута куревка да поднималаси,
А там пыль столбом да поднималаси —
Оказался в поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь, да будто лютой зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поли, спотешается,

Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднéбесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наеждяет Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоромошную;
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку —
Эта сумочка да не ворохнется.
Спустился Святогор да со добрá коня́,
Он берет сумочку да одной рукой —
Эта сумочка да не сшевелитца;
Как берет он обемá рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По-колен ушол да в мать сыру землю —
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимается.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету ездивал,
А такога чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не сшевелитсе,
Не сшевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебрянну,
Он за ту подпругу золоченую,
За то стремецько да за серебрянно,
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут садился Святогор да на добрá коня
И поехал по чистý полю
Он ко тым горам да Араратскиим.
Утомился Святогор да он умаялся
С этой сумочкой да скоромошноей
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.

Из-под да́леча-дале́ча, из чиста́ поля́
Выеждял старо́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он бога́тыря:
«Что за чудо вижу во чисто́м поли́,
Что бога́тырь едет на добро́м кони,
Под богатырем-то конь да будто лютой зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко.
Как скрычал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты што, молодец, да издеваесся,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяесся,
Не ко мне ли, старому, да подбираесся,
А на это я могу ответ держать» —
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом —
От бога́тыря да тут ответа нет.
Разгорелось серце богатырское
А у старого казака И́льи Муромца,
Как берет он палицу булатнюю,
Ударяет он бога́тыря да по бель́м грудям —
А бога́тырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да И́лья Муромец,
Разъеждяется он во чисто полё,
А с разъезду ударяет он бога́тыря
Пуще прежнего он палицей булатнею —
Бога́тырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старо́й казак да И́лья Муромец,
А берет он шалапыгу подорожную,
А не малу шалапыгу — да во со́рок пуд,
Разъеждяется он со чиста поля
И ударил он бога́тыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую —
Тут бога́тырь на кони да просыпается,
Говорит бога́тырь таково слово:
«Ох, как больно руськи мухи кусаются».
Поглядел бога́тырь в руку правую,
Увидал тут И́лью Муромца.
Он берет Илью да за желты́ кудри́,
Положил Илью да он к себе в карман,
И́лью с лошадью да богатырскоей,
И поехал он да по Святым горам,

По Святым горам да Араратorским.
Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он до́ утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до́ утра,
Как на третей-то да на деничек
Богатырский конь стал спотыкатиси.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты што, собака, спотыкаесся?
Ты итти не мошь, аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяинушко,
А позволь-ко мни да слово вымолвить:
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русскиих могучиих богатырей,
Да-й в третьих с конем богатырскиим».
Тут Святогор-бога́тырь да опомнился,
Што у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за жолты кудри,
Он кладет Илью да на сыру́ землю
Как с конем его да богатырскиим,
Начал спрашивать он да выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты бога́тырь святорусскиий,
Дак поедем мы да во чисто́ поле́,
А попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой доброй молодец,
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу с тобой я сражатиси,
Я желаю с тобой побрататиси».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня он опущается,
И раскинули оне тут бел шатер,
А коней спустили во луга́ зеленыи,
Во зеленыи луга оне стреножили.
Сошли они да во бело́й шатер,
Оны друг другу порассказалиси,
Золотыми крестами поменялиси,
Оны с друг другом да побраталиси,

Обнелись они, поцеловалиси —
Святогор-богатырь да будет бóльший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут оне откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.
И недолго немало спали — трое суточек,
На четверты оне да просыпалиси,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали оне да коней добрыих,
И поехали оне да не в чистó полé,
А поехали оне да по Святым горам,
По Святым горам да Араратскиим.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели оне да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
На горы́ на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб;
Как бога́тыри с коней спустилиси,
Оне ко гробу к этому да наклонилиси,
Говорит Святогор да таковы́ слова:
«А кому в этом гробе лежать суждено?
Ты послушай-ко, мой меньший брат,
Ты ложись-ко во гроб да померяйсе,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушалси
Своего ли братца бóльшего.
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб,
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинен и в ширину широк,
И ставал Илья да со того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь,
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья, да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Ильюшенька да Муромец,
Мни в гробу лежать да тяжелешенько,
Мни дышать-то нечим да тошнешенько,

Ты открой-ко крышечку дубовую,
Ты подай-ко мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щилочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ко крышечку саблей вострою».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет он по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обруци железныи;
Начал бить Илья да вдоль и по́перек —
Все железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты меньший брат да Илья Муромец,
Видно тут мни, бога́тырю, кончинушка,
Ты схорони мня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ко ты ко гробу дубовому,
Я здохну тиби да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».
Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есь с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достатоцьно;
Если силушки у меня да поприбавится,
Меня не будет носить да мать сыра́ земля,
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой Бурушка косматенький».
Тута братьица да распростилисе,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по Святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо-чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы да Елеонскии.
Да тут Святогору и славу́ поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают,
А на том былинка и закончилась.

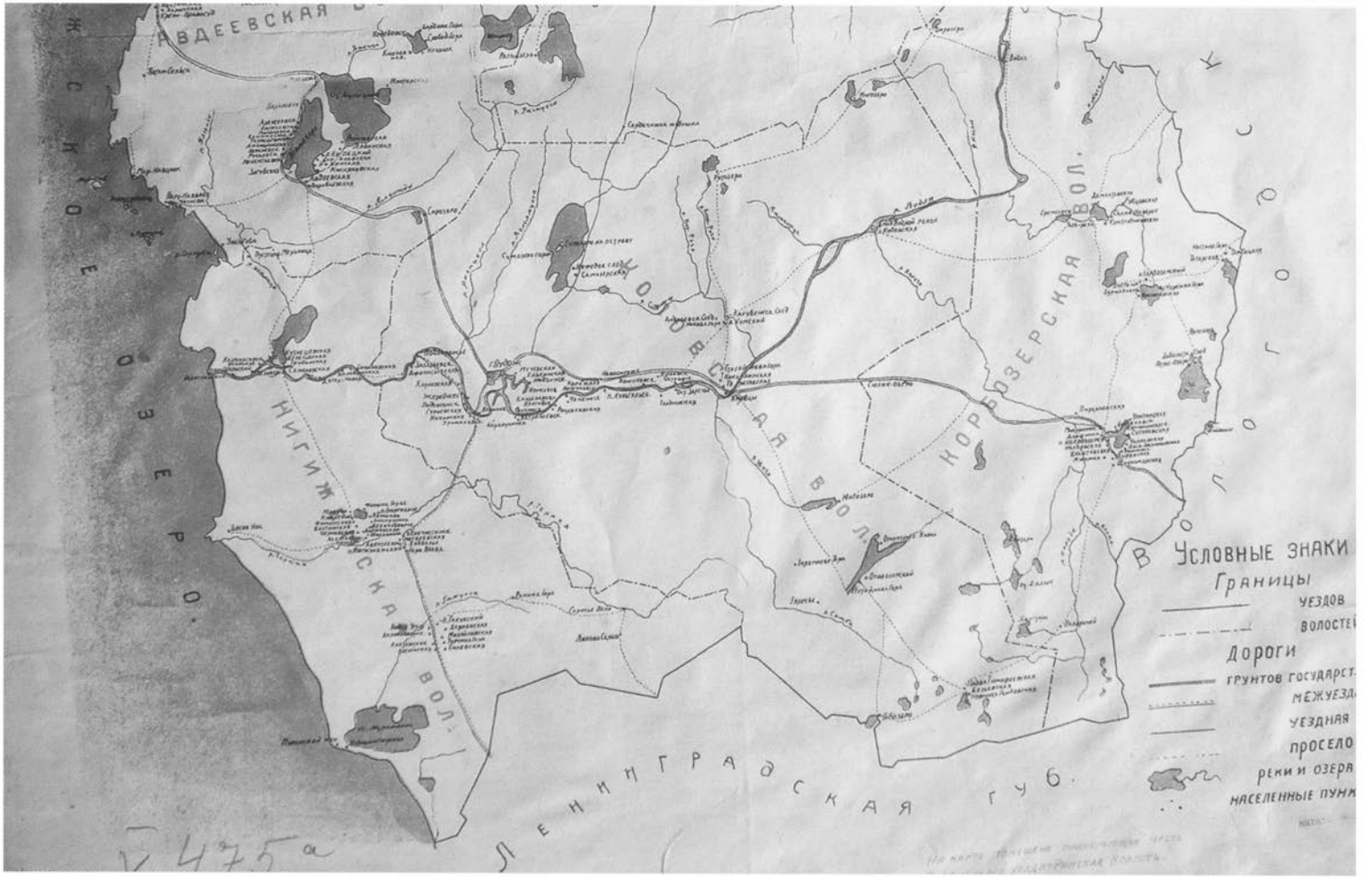
№ 29

СВЯТОГОР

Выежжает Святогор во чисто поле гулять,
А сила-то по жилочкам так и похаживает,
Так живчиком и переливается,
Не с кем ему силой померетьс̲я,
Не с кем ему сил попробовать.
Если бы найти мне тягу земли,
Повернул бы я всю Землю Святорусскую.
И видит он во чистом поле странника,
На плечах его сумка переметная.
И нагоняет он этого странника,
И никак нагнать не может,
И кричит ему зычным голосом:
«Ты постой, странник!»
И тут странник останавливался,
Полагал он сумку переметную на сыру землю.
Приежжает Святогор да и спрашивает:
«Что у тебя в сумочке переметноей?»
И говорит странник:
«Подыми и узнашь».
Нагнулся Святогор и хлестнул сумочку плеточкой,
И сумочка не шевелится,
И нагнулся, отломился он правой рукой и оторвать не может.
Вышел он тут со добра коня и захватил сумку обеими руками
И по колен в сыру землю угряз.
И спрашивает:
«Кто ты такой есть, прохожий,
И что у тебя в сумочке?» —
«Есь, — говорит, — я Микула Селининович,
А в сумочке у меня тяга земли,
Вот поднажми-ка покрепче и подними ее,
И поверни всю Землю Святорусскую».
И нажал тут Святогор со всей силушки,
И погряз он в землю до половинушки,
И тут ему и славу [поют].

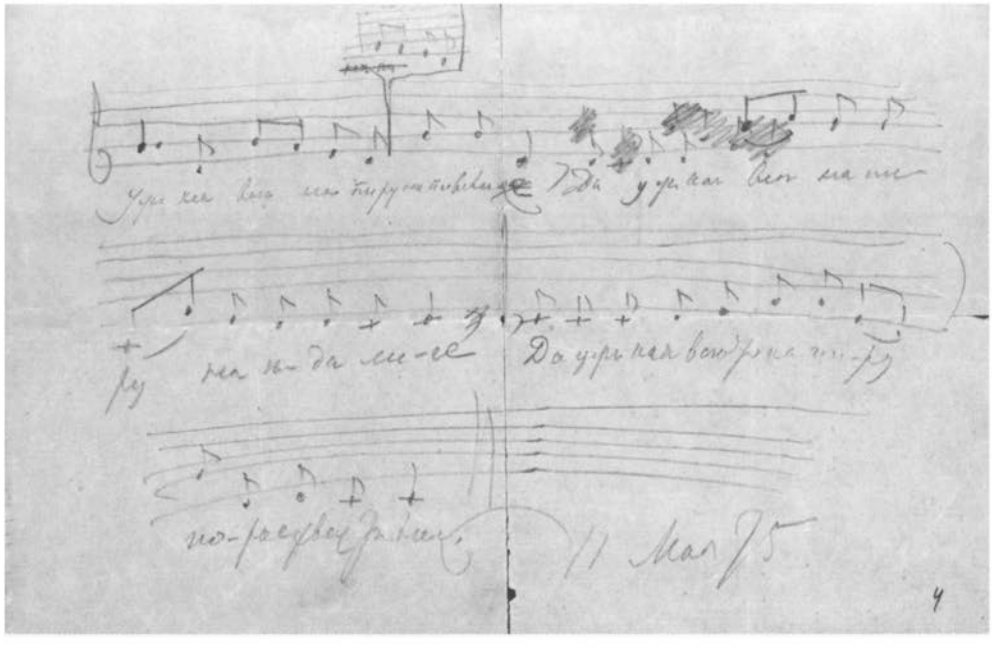
Фрагмент карты Пудожского уезда.

Фрагмент карты Пудожского уезда.

Рукопись М. П. Мусоргского. Запись былинного напева от И. С. Полякова.
РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 240, л. 3.

Рукопись М. П. Мусоргского. Запись былинного напева от И. С. Полякова.
РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 240, л. 4.

П. Н. Рыбников (1831—1885).

А. Ф. Гильфердинг (1831—1872).

Б. М. Соколов (1889—1930).

Ю. М. Соколов (1889—1941).

Ю. М. Соколов со сказителями Ф. А. Конашковым и М. С. Крюковой.

В. И. Чичеров (1907—1957).

А. М. Астахова (1886—1971).

Е. В. Гиппиус (1903—1985).

З. В. Эвальд (1894—1942).

А. П. Евгеньева (1912—1985).

А. Д. Сеймонов (112—1995).

Г. Н. Парилова (1915—2007).

А. М. Линевский.

Э. В. Померанцева.

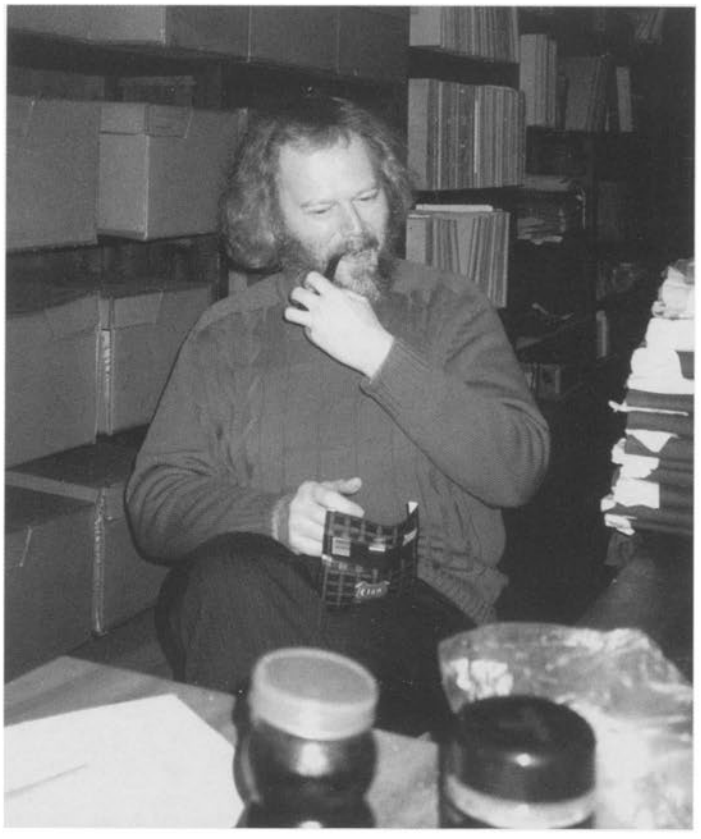
Э. В. Померанцева в экспедиции.

Е. А. Костюхин (1938—2006).

Ю. А. Новиков.

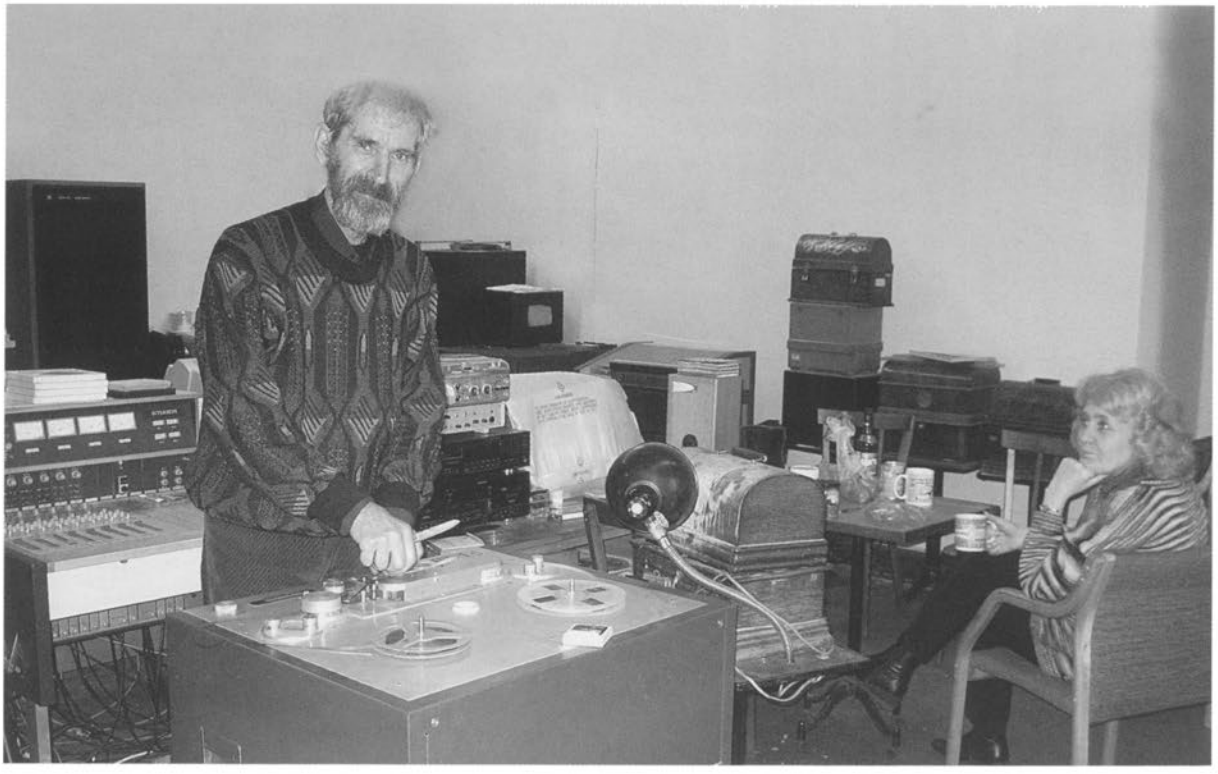
А. Ю. Кастров (1949—2010).

А. Д. Троицкая (1951—1994).

А. В. Осипов и А. Н. Розов в экспедиции.

В. Н. Шифф (1940—2009).

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 30—39)

№ 30

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР-БОГАТЫРЬ

Из славнаго из города из Муромля, из того ли села из Карачарова, выезжал удалый добрый молодец, Илья Муромец да сын Иванович, во да́лече-дале́че во чисто поле. Наехал удалый добрый молодец богатыря великаго Святогора, и убоялся добрый молодец, старый казак да Илья Муромец, того ли Святогора-бога́тыря, и спустил своего ли добра коня во кувыль-траву, сам выстал в толстый сырой дуб от Святогора-богатыря. Приехал Святогор-богатырь под тот сырой дуб, раскинул шатер белополотняный и вынимает из кармана жену красавицу. Расстилала она скатерти браныя, расставляла ества сахарныя и питьица медвяныя. Наедался Святогор досыта и напивался он долюби, и стал опочив держать.

Этая жена богатырская обозрила Илью во сыром дубу и говорит ему таковы слова: «Ай же ты, удалый добрый молодец, сойди со сыра дуба; буде не сойдешь со сыра дуба, разбужу Святогора-богатыря и предаст тебе смерть скорую». Убоялся Илья Муромец Святогора-богатыря и слез со сыра дуба. Опять говорит таковы слова: «Сотвори со мной блуд, добрый молодец! Не то разбужу Святогора-богатыря, предаст тебе смерть скорую». Сделал он дело повеленое. Опять говорит таковы слова: «Поди со мной в карман, добрый молодец!». Зашел он с нею вместе в карман.

Проснулся Святогор от крепкого сна, обседлал своего коня богатырскаго и поехал ко Святым горам. Стал его добрый конь богатырский по колена в землю угрязывать. И бъет его богатырь по тучным бедрам. И спроговорит конь языком человеческим: «Возил тебя, Святогор-богатырь, и твою богатырскую молоду жену, а не могу возить двух богатырей и третью твою молоду жену». Сунул он руку в глубок карман и вынимает оттуда молоду жену и вынимает Илью Муромца. «Ты как зашел во глубок карман?» — «Завела меня туда твоя молода жена наугрозою». И рассказал Илья Святогору-богатырю, как попал во глубок карман. Брал Святогор молоду жену, оторвал ей буйную голову, раздернул тело белое на четыре на четверти, частиночки раскинул по чисту полю.

И назвались Илья да Святогор братьями названными, и поехали ко Святым горам. Наехали гробницу великую, выложена гробница красным золотом. Лег в ту гробницу Святогор-богатырь, как по нем и устроена. «Покрой меня сверху досками, брат названный!» Как покрыл его досками, доски Божьим изволом приросли. «Открой меня, брат названный!» Илья Муромец и открыть не мог. Стал рубить доски саблей. Куда махнет саблей, там станет железный обруч. «Возми, брат названный, мою саблю». Илья сабли и подынуть не мог. «Поди, брат названный, я тебе силы дам». Пришел Илья к гробнице и дунул Святогор духом богатырским. Взял Илья тую саблю: где ударит, там станут железные обручи. «Припади ко мне другой раз еще силы придам». Илья Муромец говорит на место: «Если еще припасть, то не понесет мать сыра земля: силы у меня довольно». — «Когда бы ты припал, дунул бы я мертвым духом и ты бы подле меня лег спать». Тут и остался Святогор-богатырь.

20 Зак. 3948

№ 31

СВЯТОГОР

На тых горах высокиих,
На той на Святой Горы,
Был бога́тырь чудныи,
Что ль во весь же мир он дивныи,
Во весь же мир был дивныи,
Не ездил он на Святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотел узнать казак наш Илья Муромец
Славного Святогора нунь бога́тыря.
Отправляется казак наш Илья Муромец
К тому же Святогору тут бога́тырю
На тыи было горы на высокии.
Приезжает тут казак да Илья Муромец
А на тыи было горушки высокии
Ко тому же Святогору да бога́тырю,
Приезжает-то к ему да поблизёхонько
Ай поклон ведет да понизёхонько:
«Здравствуешь, бога́тырищепорныи,
Порныи бога́тырь ты да дивныи!» —
«Ты откуда, добрый молодец,
Как тя нарекают по отечеству?» —
«Я есть города нунь Муромля
А села да Карачаева,
Я старыи казак да Илья Муромец.
Захотел я посмотреть Святогора нунь бога́тыря:
Он не ездит нунь на матушку сыру землю,
К нам бога́тырям да он не явится».
Отвечает бога́тырь было порныи:
«Я бы ездил тут на матушку сыру землю —
Не носит меня мать сыра земля,
Мне не придано тут ездить на Святую Русь,
Мне позволено тут ездить по горам да по высокиим,
Да по ще́лейкам по толстыим.
А ты старыи казак да Илья Муромец,
Мы съездим же-ко нунечу по ще́лейкам,
А поездим-ко со мной да по Святым Горам».
Ездили оны было по щелейкам,
Разъезжали тут оны да по Святым Горам,
Ездили оны по многу времени,

Ездили оны да забавлялиси.
Находили тут оны да чудо чудное,
Находили тут оны да диво дивное,
Находили площаницу да огромную.
Говорит бога́тырь Ильи Муромцу:
«Ах ты старыи казак да Илья Муромец!
Ты ложись-ка в площаницу да в огромную:
Поглядим-ка площаницы мы огромную,
Что она тебе поладится ль?»
Спускается казак да Илья Муромец,
Опускался тут казак да из добра коня
А ложился было в гроб в это́т в огромныи —
А этот гроб-то Ильи Муромцу да долог есть.
Опускается бога́тырь Святогорскии
А с того было с добра коня,
А ложился в площаницу он во дивную —
Та же площаница да по нем пришла,
Сам же с площаницы тут не выстанет:
«Ах ты, старыи казак да Илья Муромец!
Ты повыздынь с площаницы да огромныи».
Приставае тут казак да Илья Муромец
К Святогору да бога́тырю,
Да не мог поднять он Святогора тут бога́тыря
А с того гроба глубокаго.
Говорит же тут богатырь Святогорскии:
«Ты сломай-ко эти щелья да высокии
А повыздынь-ко с гроба́ меня глубокаго».
Старыи казак да Илья Муромец
Как ударил своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокии —
Ставился тут обруч да железныи
Через тот да гроб еще великии,
Через тую площаницу было дивную.
Бьет тут Илья Муромец да дру́гой раз —
Что ударит, тут же обруч было ставится.
Отвечает тут богатырь Святогорскии:
«Видно тут же есть богатырь да кончается!
Ах ты, старыи казак да Илья Муромец,
А ты съезди-тко да к моему было родителю,
К древному да батюшку,
К древному да темному,
Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка

Мне-ка вечнаго прощеньица».
Отправляется казак да Илья Муромец
От того же Святогора прочь богатыря
На ту гору на Палавонскую
А к тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному.
Приезжае Илья Муромец
На ту на гору Палавонскую
К древному да к темному:
«Здравствуешь, престарыи да дедушко,
Древныи ты темныи!
Я привез тебе поклон да челом-битьицо
От твоего сына́ любимаго,
От того же Святогора я бога́тыря:
Просит он прощеньица да вечнаго.
Как лег же в площаницу он в огромную
Да во тот было во гроб во каменной,
Я оттуль не мог его повыздынуть».
Розсердился тут старик да было темныи,
Темныи старик да было древнии:
«Знать, убил же Святогора ты богатыря,
Приезжаешь нынь ко мне-ка-ва со ведома,
Ты привозишь мне-ка весточку нерадостну».
Как хватит тут же палицу да богатырскую
Да помахне во богатыря,
А й богатырь тут уве́рнется,
Да старик тут образумится.
Дал ему да вечное прощеньицо
Святогору да богатырю,
Да и сыну да любезному.
Призжает тут казак да Илья Муромец
К Святогору да богатырю.
Он привозит тут прощенье ему вечное,
С им же он да тут прощается,
Святогор же тут же он кончается.

№ 32

СВЯТОГОР

Как выехал Илья на добро́м коня́,
Как сам-то еще пораздумался:
«Какой я есь бога́тырь-но́ситель?

На бо́ё мни смерть да не писана,
Как на бо́ё да не сказана.
Поеду я еще во Святы-й горы́,
Проведаю видь я про бога́тырей,
Про того ли я Егора-Святогора ведь.
Есть матерой бога́тырь да великиех,
Есть он, был да горныех,
Его-то я видь силушки не попробовал».
Заехал-то Ильюшенька Муромець
На ты ль тут горы на высокие,
Под ущелья бы ли да плотные.
Как едет чудовище, чудо видь,
Сидит-то ён еще на добро́м кони́,
Такого чуда ён да ведь не видал,
Такого видь чуда он не слыхал.
Как тут разъехался на добро́м кони́,
Ударил своей палицей бога́тырьской
Прямо тут ему ⟨в⟩ буйну голову.
А как то́ ведь чудовище да идет-то,
На кони́ сидит да подремливат,
Назад-то ведь чудо не оглянетсы,
Вперед-то он колыбаетси.
Илья-то тут-ко был Муромець,
Сам-то ён еще пораздумалсе:
«Как раньше ездил я да наежживал,
Как сразу я головушек поймывал,
С добрых-то я коней попихивал.
Теперь-то у мня сила не по-старому,
Могута́ стала да не прежняя».
А ударил палицой да во сы́рой дуб,
Разле́телся дуб да видь сы́рыих.
Как дру́гой раз наехал на чудовище,
Бил-то ведь яво буйну голову —
Как на кони́ сидит да подремливат,
Вперед-то чудо видь да не оглянетси,
А на добро́м кони́ ни пошатнетсе
От того удара богатырьского.
Как наехал тут Илья третий раз.
Ударил тут его пло́тно-на́плотно,
Ударил тут его кре́пко-на́крепко —
Чудовище назад увыркну́лоси,
Схватило Илью за желты́ кудри́,
Спускал он его во карман да глубокиех,

Повез-то ён вперед да поехал ведь.
Стал-то конь у того у Свято́гора́,
Ноги-то стали видь подгибатисе,
За кажное видь стал спотыкатисе.
А ни про то Егор воспроговорил:
«А и что же ты, конь видь бога́тырьской,
Стали ноженьки подгибатисе,
За кажи́нно место спотыкатисе?»
А конь про то ёму́ проязычилсе:
«А тяжело возить двух бога́тырей —
Стали ноженьки подгибатисе,
За кажи́нное место потыкатисе,
Как едут тут два бога́тыря
А на мни, на добро́м кони́».
Как он спустил-то руку в карман-то ведь,
Как вынул из кармана Ильюшеньку,
Стал-то у него да видь спрашивать:
«Какой ты есть, удалый добрый мо́лодець?
Смел ты ведь наехать на меня теперь,
Ударить миня видь три-то раз».
А говорит Илья таковы слова:
«Да нужно мне с тобой познакомиться,
Твоей-то силушки да попробывать.
Как про тебя слава широко-то шла
По всим земля́м-то, ище по всим ордам,
Как очинь ты был да ведь сильныи,
Потому наехал я топерь
На тебя, на доброго мо́лодца». —
«Спасибо ти, Ильюшенька Муромець,
Как ты наехал, ударил меня-то ведь
Три раза тут, три великиех,
Будто три раза как комар кусил,
А вот тебе спасибо за это ведь,
Ты со мной видь познакомилсе.
Будь-ко ты мне нунь ме́ньшим братом,
Я буду еще да бо́льшим братом.
Если бы я тебе да ударил-то,
Как от тебя один да ведь прах-то стал,
Разлетелись бы твои костоцьки».
Поехали по сельга́м, по плотам
Рассказывать, показывать жительство.
Приехали оны да в одно место́,
Лежит-то гроб да ведь ка́менной,

Лежит-то ведь гроб да устроен-то.
«Ай же ты, Илюша, ложись во гроб».
Илья свалился да во етот гроб,
Как гроб Ильи не пристанет-то:
Очень широкой, очень длинныих.
«А нет, так нунь не устроен гроб,
Мне теперь этот да не ладен есть».
Говорит Святогор таковы слова:
«Выходи, Илья, поскурехоньку,
А не гля тибя видь гроб устроен-то,
А мни-то, я думаю, да подойдет теперь».
Илья-то вышел с гроба, воспрого́ворит:
«Не лажно те ложитьсе во этот гроб —
Тебе ведь с гроба нунь не повыйти ведь».
Да как только лег-то ведь Святогор-то видь,
Да гроб-то по его будто есть.
«Прикрой-ко ты еще да ведь крышку-то,
Крышка тут рядом да лежит-то ведь».
Как клал Илья да видь крышку видь
На того ли на Святогора, на его-то.
«Как сымь-то ты крышку ведь».
Илья принялся он да за крышку ведь —
Как крышка тут будто при́росла,
Никак не мог, не может да ведь крышки взять,
Не может он никак да ведь крышки взять.
Как тот и Илюша Муромець
Палицей своей богатырьскоей
Расколáчиваёт ету крышку ведь.
«Как, как же мни со гроба повыступить?»
Ударил тут Илья да видь палицей —
Скоцил тут обруць да зелезныи;
Ударил он да раз ведь обруць зелезныи —
Другой-то тут обруць стал;
Ударил он третий раз обруць зелезныи —
Третий раз да стал обруць зелезныей,
А нынь-то ведь Егору да славы́ поют,
Как стали по гробу обруци.
«Бери-ко меч да сильныих,
Секи ведь, секи да эти да обручи,
Да надь со гробу повыйти мне!»
Дак тут берет его да ведь меч —
Да его меча не может да видь поднять.
«А нет, ты, богáтырь, Святогор-то ведь

Твоего меча не могу от земли вложить,
От земли поднять не могу теперь». —
«Илья, попади, припади-тко
Ко гробу ведь, да ко щилочке,
Я вздоху, тебе да прибавлю
Силушки в тобе да вдвое теперь,
Как станешь ты владеть да моим мечем».
Припал-то ён видь, Илюша, ко щелочке,
Вздохнул-то, встал да с своим мечем,
Как тюкнул он да мечем-то ведь —
Наскоцили да вдоль обручи зелезные,
Другой раз тюкнул — обруци зелезные.
Тут Святогору славы́ поют.
«Как припади, Илюша, ко щелочке,
Я вздохну, будет вся ведь сила моя у тебя». —
«Не надо мни твоей боле силушки». —
«Каб ты припал да видь другой-то раз —
Здохнул бы вздохом да мертвые,
Уснул бы ты да у гроба ведь,
Как тут твоя жизнь да кончаласи.
Как же ты, Ильюшенька Муромець,
Как привяжи ко дубу ко моему ведь,
К моему ко гробу великому,
Как привяжи добра́ коня-то ведь,
Привяжи его пло́тно-на́плотно,
Чтоб тут подохнул ведь и до́брый конь —
Никому ни владеть да добры́м конем,
Добры́м конем еще богатырьскием».
Как привязал Илья на поводу шелко́вые
Его-то видь еще да добра́ коня —
Тут Святогор, тут и конь добрыи.
Тут Святогору славу́ поют,
Славу́ поют век и по́ веку,
А и сла́ва ему не минуется.

№ 33

СВЯТОГОР

Святогор-богатырь живе на Святых горах,
А Самсон да Илья живут-ты у си́нёго моря́.
А надо съездить на Свяны́ горы покататисе,

Поглядеть на Святы горы́, прогулятисе.
А тут строя плотницьки да поло́ну белоду́бову,
[А Самсон спрашивает:]
«А кому вы строите поло́ну белоду́бову?» —
«А кому да поладитсе».

Говорит Самсон: «А ну-ка, Илюша, ляг, поми́ряй-ко!» Илья лег — мал. «Ну-ка, поми́ряй ты, Святогор-богатырь, гроб сибе!» И как Святогор-богатырь лег, так крышка-то и пала, и отодрать не могут. Святогор говорит: «Хлесните палицей булатною!» Как колуну́л, так станет обруч железный. Святогор говорит: «Просверлите дыру!» Илья дыру просверлил. Первый вздохнул — у Ильи силы прибавилось. А второй раз не принял воздуху — то был мертвой вздох. А если бы второй раз принял, то помер бы.

И тут и Святогору и славу поют на Святых горах.

№ 34

ПРО СВЯТОГОРА

Старый казак Илья Муромец приехал на гору, где был богатырь Святогор, его не носила земля. Ну, приехал, поздоровался, может, рукобитье сделали, все такое.

Ну, Святогор и говорит: «Ну, старый казак Илья Муромец, поедем-ко ты по моим горам, местности мои посмотришь». Ну вот со старым казаком Ильей Муромцем поехали. Ну вот издили, старый казак осматривал, наехали на гроб. Лежит гроб на горы, Святогор и говорит: «Ну, старый казак Илья Муромец, слезай с добра коня и ложись в этот гроб, может, гроб не по тебе ли есть этот».

Старый казак Илья Муромец богатырь был, спустился с добра коня и свалился в этот гроб, и этот гроб широкой, долгой, не по ём. Старый казак Илья Муромец встал, с гроба вышел, Святогору и говорит: «Вот, Святогор, этот гроб не по мне — долгой очень и широкой очень. А может быть не по тебе ли есь?»

Святогор слез с доброго коня, в гроб и свалился, и гроб как раз по ём, по Святогору. Сейчас доски задвинулись гробные верхни, и кругом обруч железный скочил. Ну ен и говорит, Святогор: «Ну, старый казак Илья Муромец, руби обруч железный, ослобони меня». Старый казак Илья Муромец саблей вострой тяпнул по обручу, скочило два. Ну, ен все-таки говорит: «Ну, старый казак Илья Муромец, руби обручья». Стал старый казак Илья Муромец обручья рубить, что тюкнет — то два да три скочит, что тюкнет — то два да три скочит.

Ну, старый казак Илья Муромец говорит: «Ну, Святогор, тут видно тебе смерть пришла». — «Старый казак Илья Муромец, припади и дай мне-ка своего духу, силы подбавь». А старый казак Илья Муромец сказал: «Нет, Святогор, тут тебе смерть пришла». Ну, ен и сказал: «Ну, старый казак Илья Муромец, если бы ты припал бы, стал бы мне давать своего духу, я бы смертельным духом в тебя дохнул бы, и ты бы тут помер».

№ 35

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как собрал-то Владимир стольно-киевский,
Как собрал-то ён да почестный пир.
Как вси тут на пиру наедалисе,
Как вси на пиру напивалиси
И все на пиру да порасхвастались.
Как прибежала к им лошадь незнакомая,
Прибежала с чистого полюшка.
Как видят-то, приехал человек такой,
Человек такой да незнакоменькой —
Как царю письмо поскурёшенько,
А поворот держал да не потихошенько.
Как прочитал-то тут князь стольно-киевский,
Как процитал письмо поскурёшенько,
А в письми-то тут да было показано,
Что идёт на Киев-град много воинов,
Как велят-то побольше вина курить,
А уличи по городу распахивать.
Как тут пришла царю да видь вестоцка нерадостна,
Как одолили их поганые Идолища.
Как говорит-то ён да таково слово:
«Послушайте-ко, русские богатыри,
Как есть да у меня надёжа крепкая
На вашу топерику на силушку,
Как послушайте, читать буду письмо топерь».
Процитал-то ён писёмышко скорёшенько,
Как процитал, да ёны все и поняли
И говорят царю да таково слово:
«Пойдем мы защищать мать-Россиюшку,
Будем-то стоять мы за Киев-град».
Как выходили из-за столов поскурёшенько,
Как брали ёны палицы булатные,
Ну захватили тут шатры ёны белые,
Седлали-то ёны да добрых коней,
Как выехали тут на чисто поле,
Как чтобы стритить-то поганых Идолищов,
А говорят-то им да таково слово:
«А снедь-то привезём мы, всю провизию».
Как глядят-то ёны в ту сторонушку,
Глядят-то топерь во биноклии.

Летит да топерь да много воинов,
Как серому-то заяцу во сутоцки не о́бежать;
Как от вздоху топерь от лошадиного
Не видать-то было красного солнышка.
Ну говорит-то тут Илья таково слово:
«Садитесь-ко, робята, на добрых коней,
Как махнём-ка топерику как в бой сейчас».
Как ёны билися в бою да старалися,
Не знали никакого ёны отдыху трои суточки.
Как прибили, приколотили всю поганое,
Как поганое тое-то Идолище.
Как завернулися топерику к белы́м шатрам,
Как туды-ко у шатров было всего там:
Как было тут у их тут яденьице,
Как было тут у их питеньице.
Ёны да тут да напивалисе,
Ёны ещё да тут и наедалисе.
Как выходил-то тут Щурилушка Щаплёнкович
Со тых, тых-то со шатров да со белыих,
Как ходит да по улицам поскакиват,
Немножечко ён да замахиват,
Как говорит-то топерь да таково слово:
«Послушай-ко ты, Ильюшенька да Муромец,
А Муромец да сын да Иванович,
Как прибили мы войска да и множество
Как было бы неведомая силушка,
Как нам бы хоть теперь да воинов —
Разбили бы мы да эту силушку!»
Как осмеялся тут Ильюшенька Муромец,
Как рассмеялся ён и повыглянул на поле,
Как говорит тут Ильюшенька таковы слова:
«Послушай-ко топерику, Щурилушка,
Гляди-ко теперь на чисто поле,
Как со чиста поля идёт два татарина,
Прихлопни, опусти да шатров белыих».
Как подходил-то ён топерь да к татаринам,
А палица-то была у его нунеку в сорок пуд,
Как говорил-то им да таково слово:
«Цего вы идете да пихаетесь?
Цего вы топерику да здесь мотаетесь?
Чего вы на смерть нарываетесь?
Как не ходите-ко к шатрам нашим белыим».
Ну эты нунеку да люди не думают,

Как всё равно идут да к белы́м шатрам.
Как разозлился тут Щурилушка Щаплёнкович,
Как хлопнул да топерь одного палицей,
Как щелкнет одного — их еще два стоит.
Как стал-то тут Чурилушка пощелкивать,
Нащелкал да нарождалось войска множества.
Как щелкает Щурилушка опять.
Как видит Илья войска множество,
Как скоцил-то тут Ильюшенька на ноги,
Скоцили-то вси русские бога́тыри,
Как стали ёны биться да ратиться
На том ли да на поле на широкоем.
Как если щелкнут одного — с его два станет,
А убить-то не могут никого тут.
Как побежали-то ёны топерь к шатрам,
Который побежал да поглянул назад сейчас,
Как объявился ён большим-то камнем.
Как не успели добежать да до белых шатров,
А там-то да видь все остались в полюшке,
И овернулисе ёны вси-то каменем,
Остался-то Илья один да Муромец,
Остался-то Илья да единёшенек.
Как страм итти ему да во Киев-град,
Что не могли да победить ницего ёны.
Как стал-то да Илья да тихошенько,
Стал-то ён да пораздумался:
«А мне-ко на войны смерть не писана,
Ну постыдно от царя мне топерику,
Не пойду я нунь топерику да во Киев-град,
А пойду я еще к брату Горыничу,
Который по горам да похаживат».
Как отправился он к брату Горыничу,
Как которого-то было по горам вечно хожено.
Как пришел-то ён на горы высокие,
Как нашел-то Святогора да великого:
«Как здравствуй ты, братец да ро́дной мой,
Как ро́дный ты мой братец, однокровный мой,
Пригласи-ко ты меня да пожалуйста,
Убежал я от войны да от русскою,
Убежал я от царя стольно-киевского,
А други братьица у меня вси погинули».
Как сказал-то Святогор тот топерь ему:
«Ну как желашь ты, да Ильюшенька, да пойдём с тобой,

Да будем по горам мы похаживать,
Как будем по лесам мы посматривать».
И так ходили-то ёны сутоцки,
Ходили-то ёны ещё дру́гие,
Ходили-то ёны да еще третии,
Как заходили во леса да во дремучие,
Во тыи ли тропиноцки во узкеи,
Как осматривали ёны вси мистецки тут.
Как пошли назад дороженькой путистою,
Как на дороженьке да попался большинский гроб,
Как во этом-то гробу ницего не было.
Уже как ёны стали теперь да одумались,
Как говорят ёны да таково слово,
Как говорит Горынич скорёшенько:
«Хожу я этим мистицкам да тридцать лет,
А не видал-то я ведь гробу никогда-то здесь.
А нуньку что зде-ка явилосе;
Помирий-ко, Илья да Илья Муромец,
Которому-то гроб нам теперику тут».
Как разувался тут Ильюшенька скорёшенько,
Раздевался ён не тихошенько,
Как в гроб валился да ён поскорёшенько.
Как ещё этот гроб большой, широко́й —
Не годится тут Ильюшеньке да Муромцу.
«Как ну-ко ты да ляг, Горыниц-брат».
Ну уже лег теперику Горыниц-брат,
Как крышечка теперику нагознула,
Скоцили как на ю железны обручи.
Как говорит-то тут теперику Горынич:
«Ай же ты, Ильюшенька Муромец,
Как возьми-ко ты мою могучу палицу,
А дуй-ко ты по гробу по этому.
Как схватил-то да Илья его палицу,
Как дул-то ён по гробу самосильно тут.
Как ударит-то — и обруч новый скочит тут,
Наскакало обруцов до двадцати пяти.
И кинул тут Ильюшенька палицу,
И говорит ему да таковы слова:
«Как не бывать тебе живому ещё, братцу родимому».
Как говорит-то Святогор да таково слово:
«Как послушай-ко ты, братец крестовый мой,
Сходи-ко ты теперику к отцу да в дере́венку,
А у меня-то есть отец во деревне там,

Только ён сидит топерь да виду не было.
Ну как придёшь да ещё с ним не здоровкайся,
Не подай-ко ты ему да руцки белоей:
Как сила у его нуньку большинская,
То ён захватит, так и лопнут вси костоцки,
А подай-ко ты ему да лучше палицу,
Пусть он да старик ещё жмёт ею».
Ну по расказанну, как по расписанну,
Сошол-то ён в деревню в такую,
Узнал-то, гди живёт его батюшка,
Пришел-то да топерь поздоровался,
Как вместо руки-то ён подал паличу,
Поприжал-то старик да топерь слепой,
Как руцка ещё в палице согнуласе.
Ну назывался да ему да всё сынушкой,
Как этому топерику слепцу его.
Как на походе-то потом да порассказал:
«Это ещё есть я не сынушка,
А сын-то ещё твой на горах топерь,
На горах топерь да уже убрался в гроб».
Ну как давался тут слепец во всю силушку.
«Узнал я нунь топерь, да кто ты есть,
Возьми-ко ты, Илья да Муромец». —
«Ну не возьму-ко я на гору туда тебя,
Поеду-то я на гору на высокую,
Проведаю про братца, а что с им-то есть».
Как приходил-то ён на гору на высокую
Как чéрез-то топерь трое сутоцек,
Как приходит ён ко гробу ко тому-то тут,
Как видит-то да гроб его на месте тут,
А из гроба-то оттулека, из гроба текёт пена,
Пена текёт да самосильная.
Как распростился ён с братцем с крестовыим.
С крестовыим, со братцем христовыим.
Как сел-то тут Илья да пораздумался:
«Куда-ко мне тронуться, в кую сторону.
Давай пойду опять я во Киев-град,
Расскажу-ко, што еще случилосе».
И как отправился топерику во Киев-град.
Как шол-то ён дорожкой прямохожею,
Как нашел-то человека ён товарища:
На той ли на пути да на дороженьке
Идёт-то старицок да мотается,

Вперёд-то старицок подавается.
Нагнал-то тут Ильюшенька Муромец.
Как сошлись ёны да вместе, поздоровались,
Как шли тогда дороженькой путистою,
Как тянулись ёны да прямо к Киеву.
Как в тое время, да в тую порушку
Как будто ударил самосильный гром,
Ну как сыграла против их прямо радуга.
Вылетали тут да кони летучие,
Как с большими-то топерика повозками.
Крицат-то да Ильи да таково слово:
«Садись-ко ты Илья, Илья Муромец,
Садись-ко на кареты на этыи,
Как идь-ко отправляйся этой радугой».
Ну как кверху тут Илья подымается,
А этот старицок да след давается:
«Возьми-ко ты, возьми меня, пожалуйсто,
На тыи на кареты на огненны».
Как кинул ему платья да великия,
Как кинул с высоты да оттулеку
И говорит ён старику во всю голову:
«Не войдёшь ты топерику сюдыкова,
Оставайся на земле, Моисей-то ты
Веди-ка на земли да и жизнь свою...
Тыим-то былина эта кончилась.

(*Правда или неправда — не знаю, а уехал на небо живым, поди знай.*)

№ 36

ПРО СВЯТОГОРА

Как на тех высоких горушках,
На вершинах твердокаменных
Жил да был чудесный молодец
По прозванью Святогорушка.
Он от самого младенчества
На святой Руси не езживал,
По сырой земли не хаживал.
Захотел Илья Иванович,
Атаман казацкой Муромец,
Разузнать про добра молодца,
Про того ли Святогорушка.

И поехал Илья Муромец
На Свету гору к добру молодцу.
Видит — едет богатырище,
Росту выше лесу темного,
Головой он упирается
В облак-тучу поднебесную.
Подъезжал Илья тут Муромец,
Отдавал поклон низехонько,
Подъезжал к нему близехонько:
«Здравствуй, славный богатырище».
«Ты-то сам откуда молодец?
Как назвать тебя по имени,
Возвеличить по отечеству?» —
«Я из города из Мурома,
Из селенья Карачарова,
Зовут Ильей Муромцем.
Захотелось мне увидеться
Со Святогором-богатырищем.
Он на Русь-то к нам не езживал,
По сырой земли не хаживал».
Отвечает богатырище:
«Посетил бы я Русь-матушку,
Да земли меня не выносить.
Мне объезживать позволено
Только горочки высокие
Да ущельица глубокия.
Хочешь што ли, Илья Муромец,
Съездим нынче мы по щеликам,
По Святым горам по каменным?»
Да побратались оны с Муромцем
Да крестами поменялися,
Стали братьями крестовыми.
Вдвоем на гору помчалися,
Буйной силой изловчалися,
А дорожкой добры молодцы
Повстречали чудо чудное,
Повстречали диво дивное —
Гроб великий, гроб неведомый.
Гроб Илье тут строен Муромцу.
«Ты ложись-ко, Илья Муромец,
В трехсаженную хоромину,
Не тебе ли она поладится?»
Соскочил Илья с жеребчика

Да ложился в гроб неведомый,
Долог гроб был тот для Муромца.
Святогор с коня соскакивал
И ложился в гроб неведомый,
В пору гроб был Святогорушке,
Из его ему не вылезти.
Тут сказал из гроба тяжкого
Святогор ли богатырище:
«Ох ты гой, Илья Иванович,
Подними меня, крестовый брат,
Поскорей из гроба выручи».
Приставал Илья Иванович
Да не мог его повыручить,
Святогор его упрашиват.
Поднимал Илья булатный меч,
Ударял по гробу дивному,
Как удар-то, будто обруцом,
Гроб тяжелый он обтягивал.
Тут сказал из гроба тяжкого
Святогор ли богатырище:
«Ох ты гой еси, Илья Иванович,
Верно тут мне жизнь оканчивать,
Ты сходи к отцу родимому
На ту гору Палавонную,
Попроси ты у родимого
Сыну вечное прощеньицо».
Отправлялся Илья Муровец
Прочь от брата от крестового
На ту гору Палавоную
К старику тому ли старому,
Старцу древнему и темному:
«Драстуй, старец, драстуй, дедушка,
Я привез тебе, старинушка,
От сынка ли от любимого
Я поклон и челобитьице,
Просит он прощенья вечного,
Ён в гробу лежит неведомом,
Не поднять оттуда молодца».
Рассердился старец-дедушка:
«Знат, убил ты Святогорушку,
Да привез мне старцу старому
Весть тяжелую да горькую».
Взял он палицу огромную,

Замахнулся на Илью Муромца.
Тут Илья-то проц отскакивал.
Тут старик-то образумилса,
Дал он вечное прощеньице
Сыну милому любезному.
Отправлялся Илья Муромец
К Святогору, добру молодцу,
Привозил ему прощеньице
От отца родного батюшка.
Святогор-сын ён прощается,
Про прощеньицу кончается.
Ну и все.

№ 37

БОГАТЫРЬ СВЯТОГОР

Как на тех высоких горочках,
На вершинах твердокаменных
Жил да чудесный молодец
По прозванью Святогорушка.
Он от самого младенчества
На Святой Руси не езживал,
По сырой земли не хаживал.
Захотел Илья Иванович,
Атаман казацкий Муромец,
Разознать про добра молодца,
Про того ли Святогорушка.
И поехал Илья Муромец
На Святу гору к добру молодцу.
Видит — едет богатырища,
Ростом выше лесу темного,
Головой он упирается
В облак-тучу поднебесную.
Подъезжал к нему тут Муромец,
Подъезжал к нему близенько,
Отдавал поклон низенько:
«Здравствуй, славный богатырище!» —
«Ты-то сам откуда, молодец?
Как назвать тебя по имени,
Возвеличить по отечеству?» —
«Я из городу из Мурома,

Из селенья Карачарова,
Зовут Ильею Муромцем.
Захотел Илья увидиться
С Святогором, добрым молодцом,
Он на Русь-то к нам не езживал,
По сырой земли не хаживал».
Отвечает богатырище:
«Посетил бы я Русь-матушку,
Да земли меня не выносить.
Мне объезживать дозволено
Только горочки высокие,
Раздольица высокие.
[Станем мы поезжать], что ли, Илья Муромец,
Съездим мы недалеко по Святым горам».
Побратались оны с Муромцем
Да крестами поменялися,
Стали братьями крестовыма.
Вдвоем на гору помчалися,
Да дорогой забавлялися,
Буйной силой изловчалися,
Да дорожкой добры молодцы
Повстречали чудо-чудное,
Повстречали диво-дивное —
Гроб велик, гроб неведомый.
Гроб Илье тут строен Муромцу.
«Ты ложись-ко, Илья Муромец,
В трехсаженную хоромину,
Не тебе ли она поладилася?»
Соскочил Илья с жеребчика
Уложился в гроб неведомый,
Долог гроб был тот для Муромца.
Святогор с коня соскакивал
И ложился в гроб неведомый,
В пору гроб был Святогорушке,
Из его ему не вылезти.
Тут сказал из гроба тяжкого
Святогор ли богатырище:
«Ох ты гой, Илья Иванович,
Подними меня, крестовый брат,
Поскорей из гроба выручи».
Приставал Илья Иванович
Да не мог его повыручить.
Тут сказал из гроба тяжкого

«Ох ты гой, Илья Иванович,
Подними и разбей мечом ⟨*нрзб*⟩,
Да меня из гроба выручи».
Поднимал Илья булатный меч,
Ударял по гробу дивному,
А удар-то, будто обручем,
Гроб тяжелым он обтягивал.
Тут сказал из гроба тяжкого
Святогор ли богатырище:
«Ох ты гой, Илья Иванович,
Ты сходи к отцу родимому
На ту гору Палаонную,
Попроси ты у родимого
Сыну вечного прощеньица!»
Отправился Илья Муромец
Прочь от гроба от крестового
На ту гору Палаонную
Ко тому ли старому,
Старцу древнему ⟨*нрзб*⟩:
«Здравствуй, старец, здравствуй, дедушко,
Привез тебе ⟨*нрзб*⟩...»

№ 38

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Он во гноище лежал, так отец да мать ушли на работу. После пришел старець и сказал ему: «Дай мне-ка попить». — «А как я тебе дам — лежу в таком гноище». — «А дай я тебе два раза здохну». Так он здохнул раз, здохнул другой раз: «Как себя чувствуешь?» — «А вот если бы кольцо в земле, я бы ю повернул на ребро». А ён у его силу убавил.

Он ушел из избы, фатеришку на лепестья развороцел, по бревну раскатал. Сошел у отча на пожню, порвал, порвал кустьев и опять ушел, отчу не показался.

Потом ён три года ходил, не показывался. Зайдет в магазин, хлеба им принесет. Потом матери показался. «Я, — говорит, — ваш сын». А оне не верят, что он такой порной.

И ён потом в поле лошадь взял у одного богатыря да ездит. И попал на Святогора. А тот взял его в карман положил да и возил несколько времени в кармане.

Этого Святогора не могла выносить земля, только по горам ездил. Потом они приехали к гробу, а Святогор говорит Ильи: «Ляг в гроб». А ён не ложится, ему с неба голос проголосил: «Не ложись в этот гроб!»

«Нет, — говорит, — ты ляг, а я погляжу». Ен как лег, Святогор, а Илья крышку клал да калнул палицей — обруци железны наскоцили.

Да ен говорит: «Припади, я тебе силы вдохну, будешь такой же по́рной, как я». Да ему с неба глас: «Уезжай, а то как вздохнет, ты и умрешь». Да он так от него и отъехал.

Илья Муромец живьем взят на небо. Громит, так ён там ездит, а потом, когда може, — опустится.

№ 39

ПРО СВЯТОГОРА

Вот еще про Святогора там было. Самый главный богатырь был. С Ильей Муромцем считались братьями. Вместе они с ним съехались на гору. Там был гроб:

«На кого этот гроб сделан? Илья Муромец, давай померимся».

Илья померился — гроб большой против него. Святогор померил — как раз по его размеру. И он говорит Илью Муромцу:

«Закрой меня крышкой, натягай обруча железные. Я здесь помирать буду».

А потом он и говорит:

«Илья Муромец, разруби обруча железные».

Он говорит опять:

«Не могу разрубить обруча железные». —

«Ну, Илья Муромец, я был старшим, ты был младшим. А теперь ты будь старшим. Езди по Святой Руси, а я здесь помирать буду».

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ (№ 40—57)

№ 40

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

И задумал Добрынюшка поехать ён
Ко той ли ко речки ко Пучайныи.
Только просит Добрынюшка прощеньица,
Только просит Добрыня бласловленьица
У родители своеи как у матушки,
У честной вдовы Офимьи Олександровной:
«Уж как дай-ко мне-ка-ва прощеньицо,
Дай-ко мне-ка благословленьицо
Мне съездить ко речки ко Пучайныи;
Надо в той мне речке покупатися,
Простудить мне-ка нынь да тело нежное».
Ответ держит да ко Добрынюшки
А его же ведь тут родна матушка:
«Ах же ты, чадо мое милое,

Молодой Добрынюшка Микитиниц!
А там ведь есть Змея как тут поганая,
Тобе съест Добрыня, поглотает она».
Говорит Добрыня родной матушке:
«Не боюсь я Змеи топерь поганыи.
Уж ты дашь мне прощенья — поеду я,
А не дашь прощеньица — поеду я».
Только дала Добрынюшке прощеньицо,
Только дала Добрыни благословленьицо.
А выходит Добрыня на широк двор,
А берет в руки́ уздицу тесмяную,
На того добра коня ён накладывает,
Войлочки да он накидывает,
Седёлышко да он накладывает,
Тое седёлышко окованое,
А двенадцати подпругами подтягивал,
Сам ён подпругам приговаривал:
«Не просты были подпруги — семи шелков,
Не простого-то шолку — шахтанскаго,
Пряжечки из меди из казанскии,
Шпенечки из булата были железа сибирскаго».
С собою берет он товарища
По́тыку Михайла Ивановича.
Во тугии́ руки — ту́гой быстрой лук,
Палицу берет он военную,
А копье-то берет да долгомерноё,
Саблю взимает-то вострую.
Сел-то Добрыня на коня добраго,
Поехали ко реки ко Пучайныи.
День-то едут — не доедучись,
А другой едут — не видаючись,
А на третий-то день — доезжаючись.
А приехал Добрыня ко Пуча́й ко реки,
Останавливал коня на чисто́ем на поли,
Привязывал коня да к дубу сырому,
Оставлял-то тут брата крестоваго,
Потыку Михайла Ивановица.
Пошол-то Добрыня к речки быстрыи,
Ко той ли-то ко речки ко свирипыи,
Скидыва́ет с се́бя платьё-то дорожноё,
Розувает сапожки зелен сафьян,
Вынимает с буйной головы
Шляпу́ свою да Земли́ Греческой,

Скидыва́ет рубашку миткалиную,
Штаники розул ён со на́пускамы́.
Опустился Добрыня в ричку быструю,
Сквозь тую он струйку ведь про́нырнул,
Сквозь другу он тут повы́нырнул,
Сквозь третью он повыскочил.
И это тут вода в реки смутиласи,
Лютая Змея показаласи.
Тут перепался брат крестовыи,
По́тык Михайла сын Иванович,
Угнал Добрыни коня добраго,
Увез у Добрыни тугой быстрой лук,
Палицу увеѕ ён военную,
Копье-то увез как долгомерное,
Саблю увез ён ведь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа,
Тая ли шляпа богатырская.
Тут ведь выскакивал со риченки,
Надевал ён платье свое скоро тут,
Обувал ён сапожки зелен сафьян,
Брал ён шляпу Земли Греческой,
А махнул-то ведь как он на ту Змею,
Ай на тую Змею на поганую,
Отби́л-то у Змеи он три хобота,
Пропустил-то Змеи кровь горючую,
А сшибил-то Змею да на сыру землю,
Наступил-то Змеи да ножкой правою,
А на тыи наступил да ей на хоботы,
Ладил отсечь буйну голову.
Тут-то Змея ему смолиласе,
Нечестлива она покориласе:
«Ах же ты, Добрынюшка Микитиниц!
Не убей-ко Змеи меня до смерти нынь.
Я буду, Змея, теби покорная,
А я буду, Змея, теби повинная.
Спусти-ко ты Змею да на свою́ волю,
А я буду сестра теби меньшая,
А ты будешь брат да мне-ко бо́льшии».
А на ты лясы Добрыня приукинулся,
Спустил-то Змею да на свою́ волю.
Тут-то Змея подымаласе
Выше лесу того она стояцего,
Ниже облака того ведь летацяго,

Полетела Змея как ко Киёву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру.
Тут пошол как Добрынюшка во свой-тот дом:
Сустигала Добрыню ночка темная.
На тоём поли́ его на чи́стоём
Столбички росставил тоце́ные,
Шате́р тот роздвинул полотняныи.
Тут-то Добрыня спать ложился он,
На матушку ложился на сыру́ землю,
На тую ложился мураву́-траву.
Спал тут Добрыня от ве́чера,
Спал тут Добрыня до полу́ночи,
От полу́ночи спал ён ведь до́ утра.
От крепкаго сна пробуждается,
По утру ставал ён ране́шенько,
Умывался водою сам белёшенько,
Утирался полотёнышком сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
Во сырую во землю покло́нился.
Берет в руки́-то трубочку подзорную,
Оглядел ён ко городу ко Киёву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Летит-то тут Змея поганая,
А несе́т во когтях дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Тут-то Добрыня закручинился,
Тут как Добрыня запечалился.
Он приходит Добрыня во свой как дом,
Он садился на брусову нову лавочку,
Он повесил голову да само́й зени.
Подходит к ему родна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати,
Она стала Добрынюшку выведывати:
«О чем ты, Добрынюшка, кручинишься,
О чем ты, Добрынюшка, печалишься?»
А ответ держал Добрыня к родной матушки:
«Не об чем я, Добрыня, не кручинюся,
Не об чем я, Добрыня, не печа́луюсь,
Только дай-ко мне-ка, матушка, прощеньицо,
Только дай-ко мне благословленьицо,
Мне съездить ко городу ко Киёву,
Ко ласкову князю ко Владимиру:
У того князя как у Владимира

Ай зачался пир да на двенадцать ден,
Для князей ли пир как для бояров
А для сильних могучих для богатырёв».
Сел тут Добрыня на коня добраго;
Скоро будучись Добрыня на чистом на поли,
Приезжает ко городу ко Киёву,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Ко тыи стены городовыи,
Ко тыи ко башни угловыи.
Прямо ехал Добрыня через стену тут,
Через тую стену городовую,
Через тую башню угловую.
Заезжает Добрыня ко Владимиру на двор,
Сбывает, слезает с коня добраго,
Привязыват коня ён ко столбичку,
Ко тому ли столбу ко точёному,
Ко тому ль кольцу золочёному,
Насыпает пшены белояровыи.
Пошол-то ведь Добрыня во высо́кой дом,
Проходит ён во гри́деню столовую,
Где стоят столы там дубовыи,
Кладены скатерти шелковыи,
А укладены ествы сахарнии,
Ай росставлены питья медвяныи.
Он крест тут клал по-писаному,
А поклоны-ты ведет по-ученому,
На все четыре на стороны,
Тому же Владимиру в особину.
Ставает Владимир на резвы́ ноги,
Говорит Владимир таково слово:
«Ах же вы, князи вы боя́ра,
А вы сильни могучи богатыри!
Ставайте ⟨и⟩з-за сто́лов вы дубовыих,
⟨И⟩з-за тыих ⟨и⟩з-за естов вы сахарниих,
⟨И⟩з-за тыих ⟨з⟩з-за питьев вы медвяныих,
Вы берите-ко гостя нынь под руки,
Садите вы гостя за стол как нынь,
За тыи столы его дубовыи,
За тые за ества за сахарнии,
А и за тыи за питья за медвяныи,
Проводите вы во место во бо́льшое,
Где ему место ведь по́любо».
А ставали князи́ тут ведь бояра,

Сильни могучи вси богатыри,
А взимали тут гостя ведь за руки,
Проводили за столы тыи́ дубовыи,
За тыи за ествы за сахарнии,
За тыи за питья за медвяныи,
Наливали чару зелёного вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду сладкаго.
Принимает Добрыня единóй рукой,
Выпивает Добрыня единым духом.
Ставает Владимир на резвы ноги,
А приходит Владимир супротив стола,
Сам он говорил таково слово:
«Ах же вы, кня́зи, вы бóяра,
А вы сильни могучи богатыри!
Кто у вас едет во Туги́-горы,
А во тыи пещеры змеиныи,
За моёй-то ведь дочкой за царскою,
За моёй-то дочкой государскою?»
И как за тыма столами за дубовыма,
За тыми заествами сахарними,
За тыма за питьямы медвяныма,
Да никто ничего тут не спроговорит:
Ни от бóльшего, как ни от мéньшого.
И⟨з⟩-за того стола ⟨и⟩з-за середнего
Меньший боярин Иван как тут,
А по изотчины как Карамышович.
И⟨з⟩-за стола выходит ⟨и⟩з-за середнего —
Поклонился к Владимиру низешенько,
А ён сам зговорил таково слово:
«Послухай-ко, Владимир столен-киевской!
Из нас нéкому ехать в Туги́-горы,
А во тыи пещеры змеиныи,
За твоёй-то за дочкой за царскою,
За твоёй-то дочкой княженецкою.
А я был теперь как у риценки,
А у той я реки да у Пучайныи,
А я видел как там Добрынюшку,
Он как со Змеёю там поляковал:
А махнул на Змею как шляпой греческой,
А отбил от Змеи-то он три хобота,
Пропустил-то Змеи как кровь горючую,
А сшиб-то Змею да на сыру землю,

Наступил-то Змеи как он на хоботы,
Ладил отсечь буйну голову.
Это тут же Змея возмолиласи,
Нечестлива ему покориласи,
Называла его братом бóльшиим,
А ёна называлась сестрой меньшою.
Дак ему буде ехать во Туги́-горы,
Во тыи пещеры во змеиныи,
За твоёй топри дочкой за царскою,
За твоей топри дочкой княженецкою».
И подходит Владимир стольно-киевской
Ко тому Добрыни близёшенько,
Говорит слóвце ему поскорёшенько:
«Ты послухай, Добрыня сын Микитинец!
Я накину на тя службу великую,
А я службу накину не малую:
А ты съезди-то города от Киёва,
От того князя как от Владимира,
А во тыи во славны Туги́-горы,
А во тыи пещеры змеиныи,
За моёй-то дочкой за царскою,
За моёй-то дочкой княженецкою!»
Ставал тут Добрыня на резвы ноги,
А выходит ⟨и⟩з-за стóлов дубовыих,
⟨И⟩з-за тыих за естов ⟨и⟩з-за сахарниих,
⟨И⟩з-за тыих за питьев за медвяныих,
Господу Богу помоли́лся сам,
Всем благодарность относил как он.
Становился Добрыня на своё место
Осередь той полаты грановитыя,
Топнул Добрыня ножкой правою,
Тым ли он чоботом булатниим —
Весь шатёр тут шатается,
Тыи столы опрокидаются,
Питья в стоканах проливаются,
А бояра со стульев повалилисе,
По тому мосту да покатилисе.
А выходит Добрыня на улицку,
К своему коню приходит ко доброму:
«Ах ты, мой конь есте добрыи!
А не знаешь топерь ты незгодушки.
А Владимир-князь столен-киёвской
Он накинул службу тяжёлую».

Садился Добрыня на коня добраго
А поехал Добрынюшка во свой-от дом.
Становил коня да своя добраго
А во тую во стойлу лошадиную,
Насыпал пшёны́ белояровыи.
А приходит Добрыня в свой как дом,
А садился он как ведь на лавочку,
Он повесил головку до само́й зени,
Сам ён кручинится, печалится.
Подходит к ему как родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Начала Добрыню выспрашивати,
Ена начала Добрыню выведывати:
«Ты об чем ныне, Добрынюшка, печалишься?
А ты был ведь, Добрынюшка, во Киёви,
А у ласкова князя у Владимира,
А на том ты на пиру на поче́стноём.
Али место тебе было не по́люби,
Али чара ли тебе не рядо́м пришла,
Не рядо́м пришла как не почотная,
Али пьяница-дурак в глаза на́плевал,
Али девки-курвы насмеялисе?»
Зговорит Добрыня таково слово:
«Ай же ты, родитель моя матушка,
А ты честна вдова Офимья Олександровна!
А ведь место было мне-ка ведь по́люби,
Ай ведь чара ко мне да всё рядо́м-то шла,
Ай чара тая ведь-то поче́тная,
Пьяница-дурак в глаза не́ плёвал,
Девки-курвы не смеялисе;
А накинул Владимир столен-киевской
На меня службу топерь тяжёлую:
Надо съездить мне-ка во Туги́-горы,
А во тыи пещеры змеиныи,
За его-то дочкой за царскою,
За его за дочкой княженецкою, —
Дак об том я, Добрынюшка, кручинюсе,
А об том так Добрынюшка печалуюсь».
Говорит родитель ему матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Не кручинься, Добрыня, не печалуйся!
А ездил-то ведь твой ведь батюшко
Во тыи во славны во Туги́-горы,

Во тыи пещеры змеиныи,
Побивал ён ту Змею поганую,
Ты послухай-ко да меня, матушки,
Честной вдовы Офимьи Олександровной:
Ты поедешь теперь да во Туги́-горы,
А во тыи пещеры во змеиныи,
Не бери-тко с собой ту́га бы́стра лука́,
Не бери-ко ты палицы военныи,
Не бери-ко копья долгомернаго,
Не бери-ко ты сабли с собой вострою.
Дам теби плеточку семи шелков —
Этой плеточкой будешь помахивать;
А еще дам я тебе тальянской плат —
А рука твоя права́ призамашется,
Свет со глаз как потеряется,
Тебя станет Змея она потаскивать,
Станет люта́ тебя побрасывать,
Ты возьми-тко нынь свой тальянской плат,
Поводи по тому лицу по белому,
А утри-тко свои ты очи ясныи,
Будешь лучше стараго, да лучше прежнаго.
Поводи ко́ня да по толстым рёбрам
Тым платком ты тальянскиим,
Тогда здымай ты ручку свою правую,
А махни плетью да ты шелковою —
Ты склонишь Змею-ту на сыру землю,
Оторвешь у Змеи ведь шесть хоботов,
Придаешь Змеи смерть ты ведь скорую!»
Это сел Добрыня коня добраго,
Он поехал Добрыня во тыи оны,
А во ты славны да во Туги́-горы,
Во тыи пещеры да во змеиныи.
Ехал Добрынюшка двенадцать дён,
Обеда Добрыня не едывал,
Только колачиком Добрыня закусывал.
На тринадцатый день доезжает он
А во тыи во славны во Туги́-горы,
В тыи пещеры змеиныи,
А ко тым ведь ён ко Туги́м-горам.
А и то Змеи как не случилосе
А во тыих во славных во Туги́х-горах,
А во тых ли во пещерах во змеиных;
Только там сидит одна дочка царская,

Царская дочка княженецкая.
Глядит Добрыня во чисто́ полё,
А ле́тит Змея тут поганая,
Во когтях несет да тело ме́ртвое.
А увидала Змея как Добрынюшку,
Как сидит Добрыня кони доброём.
А спустила Змея тело мертвое,
Ай на матушку спустила на сыру землю,
А на тую спустила мураву-траву,
Сама подлетела ко Добрынюшке:
«Ах же ты, Добрынюшка Микитиниц!
Ты зачем нынь приехал в Туги́-горы,
А во тыи пещеры змеиныи?»
Тут-то Змея она сряжается
Со Добрынюшкой да биться-ратиться.
Оны бились со Змеёй трои суточки,
Не едаючись, как не пиваючись.
Стала Змея тут поганая,
Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать.
А вспомнил он, Добрынюшка,
А родительско он наказаньицо,
А бере́т-то Добрыня в руки белыи,
А бере́т-то Добрыня плат тальянскии,
Поводил ён сам как по белу лицу,
У́тер глаза да свои ясныи —
Стал Добрыня лучше стараго,
Стал Добрыня лучше прежнаго.
Поводил коня он по тучным ребрам —
Пошел его конь по чисту полю,
По чисту полю пошёл со храбростью.
Поймал Добрыня Змею лютую,
Поймал Добрыня во белы руки,
Приклонил Добрыня ко сырой земли,
А махнул-то Добрыня ручкой правою
Тою ли плеткою шелковою,
Оторвал ён Змеи да буйну голову.
Приезжает тут Добрыня ко пещеры той,
А ко той ли ко пещеры ко змеиныи,
А взимал-то ведь тут дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Он поехал ко городу ко Киёву.
Ко ласкову князю Владимиру.

Тут он привез да дочку царскую,
Тую ли дочку княженецкую.
Выходит Владимир на крутó крыльцо,
А стретает Владимир со чéстью тут,
Со великою со той благодарностью:
«А спасибо ти, Добрыня Микитиниц!
Сослужил мне-ка службу великую,
А привез мою да ты дочку царскую,
Царскую дочку, княженецкую».
А дарил его, Добрыню, золотой казной,
А дарил его, Добрыню, платьем цветным,
Благодарность сказал да до самой земли:
«А спасибо благодарно, Добрынюшка!
Послужил мне-ка, князю Владимиру.
Никого не мог найти я во Киеви
Из тых только из богатырёв,
Только ты один нашелся, Добрынюшка».
Тут Владимир оставается,
А поехал Добрыня во свой он дом.

№ 41

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Как во стольноём во городи во Киеви
Жил-был там удалый добрый молодец,
Молодой Добрынюшка Микитинич;
Пожелал-то итти он за охвотою.
Обувает он сапожки на ножки зелен сафьян,
Одевает он, Добрыня, платье цветное,
Налагает он ведь шапку во пятьсот рублей.
Ай берет-то ведь Добрыня да свой тугой лук,
Этот тугой лук, Добрынюшка, розрывчатой,
Ай берет-то ведь он стрелочки каленыи,
Ай приходит-то Добрыня ко синю морю,
Ай приходит-то Добрыня к первой заводи —
Не попало тут да ни гуся, ни лебедя,
Ай не сераго-то малаго утеныша.
Ай приходит-то Добрыня к другой заводи —
Не находит он ни гуся, да ни лебедя,
Ай ни сераго-то малаго утеныша.
Ай приходит-то Добрыня к третьей заводи —

Не находит он ни гуся да ни лебедя,
Ай ни сераго-то малаго утеныша.
Розгорелось у Добрыня ретиво сердцо,
Скоро тут Добрыня поворот держал,
Ай приходит-то Добрынюшка во свой-от дом,
Во свой дом приходит к своей матушки,
Ай садился он на лавочку брусовую,
Утопил он очи во дубовый мост.
Ай подходит-то к Добрыни родна матушка,
А сама-то говорит да таково слово:
«Ай ты, молодой Добрынюшка Микитиниц!
Что же, Добрыня, не весёл пришол?»
Ай говорит-то ведь Добрыня своей матушке:
«Ай же ты, родитель моя матушка!
Дай-ко ты Добрыни мне прощеньицо,
Дай-ко ты Добрыни бласловленьицо,
Ехать мне Добрыни ко Пучай-реки».
Говорит-то ведь Добрыни родна матушка:
«Молодой Добрыня сын Никитинич!
А не дам я ти прощенья-бласловленьица
Ехать ти, Добрыни, ко Пучай-реки.
Кто к Пучай-реки на сем свети́ да езживал,
А счастлив-то оттуль да не приезживал».
Говорит Добрыня своей матушки:
«Ай же ты, родитель моя матушка!
А даешь мне-ка́ прощение — поеду я,
Не даешь мне-ка прощения — поеду я».
А и дала мать прощение Добрынюшки
Ехать-то Добрыни ко Пучай-реки.
Скидывает-то Добрыня платье цветное,
Одевает-то он платьицо дорожное,
Налагал-то на головку шляпу Земли Гречецкой.
Он уздал, седлал да ведь добра коня,
Налагает ведь он уздицу тесмяную,
Налагает ведь он потники на потники,
Налагает ведь он войлоки на войлоки,
На верёх-то он седелышко черкаское,
А и туго ведь он подпруги подтягивал,
Сам ли-то Добрыня выговаривал:
«Не для ради красы-басы, братцы, молодецкие,
Для укрепушки-то было богатырскии».
Ай бере́т-то ведь Добрыня да свой тугой лук,
Ай берет-то ведь Добрыня калены стрелы,

Ай берет-то ведь Добрыня саблю вострую,
Ай берет копьё да долгомерное,
Ай берет-то он ведь палицу военную,
Ай берет-то он, Добрыня, слугу младаго.
А поедучи Добрыни родна матушка наказыват:
«Ай же ты, молодой Добрынюшка Никитинич!
Съедешь ты, Добрыня, ко Пучай-реки,
Одолят тебя жары да непомерныи —
Не куплись-ко ты, Добрыня, во Пучай-реки».
Видли-то да добра молодца ведь сядучись,
Не видали тут удалого поедучись.
А приезжает-то Добрыня ко Пучай-реки,
Одолили ты жары да непомерныи,
Не попомнил он нака́занья родительска.
Он снимает со головки шляпу Земли Греческой,
Роздевает ведь он платьица дорожныи,
Розувает ведь Добрыня черны че́боты,
Скидывает он порточики семи шелков,
Роздевает он рубашку миткалиную,
Начал тут Добрыня во Пучай-реки купатися.
Через перву-то струю да нырком про́нырнул,
Через другую струю да он повынырнул —
А не темныя ли те́мени зате́мнели,
А не черныя тут облаци попа́дали:
А летит ко Добрынюшки люта́ Змея,
А лютая-то Зме́я да печерская.
Увидал Добрыня поганую Змею,
Через первую-то струю да нырком пронырнул,
Через другую струю да он повынырнул,
Млад-то слуга да был он торопок,
А угнал-то у Добрынюшки добра коня,
А увез-то у Добрынюшки он тугой лук,
А увез-то у Добрыни саблю вострую,
А увез копьё да долгомерное,
А увез-то он палицу военную,
Стольки он оставил одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставил Земли Гречецкой.
Хватил-то Добрыня свою шляпоньку,
А ударил он Змею да тут поганую,
А отбил он у Змеи да ведь три хобота,
А три хобота отбил да что ни лучшиих.
А Змея тогда Добрынюшки смолиласи:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Микитинич!

Не придай ты мне смерети напрасныи,
Не пролей ты моей крови бесповинныи.
А не буду я летать да по святой Руси,
А не буду я пленять больше богатырей,
А не буду я давить да молодыих жон,
А не буду сиротать да малых детушек,
А ты будь-ко мне, Добрыня, да ты бóльшой брат,
Я буду, Змея, да сестрой мéньшою».
А на ты лясы Добрыня приукинулся,
А спустил-то он Змею да на свою волю;
Ай пошол Добрынюшка во свой-от дом,
Ай во свой-от дом Добрыня, к своей матушки.
Настигает ведь Добрыню во чистом поли,
Во чистом поли Добрынюшку да темна ночь.
А тут столбики Добрынюшка росставливал,
Белополотняный шатер да он роздéргивал,
А тут-то Добрыня опочив держал.
А встает-то Добрыня поутрý рано,
Умывался ключевой водой белешенько,
Утирался в полотно-то миткалиное,
Господу Богу да он молится:
«Чтобы спас меня Господь, помиловал».
Ай выходит-то Добрыня со бела шатра,
А не темныя ли темени затемнели,
А не черныя тут облаци попадали:
Летит-то по воздуху лютá Змея,
Ай несет Змея да дочку царскую,
Царскую-то дочку княженецкую,
Молоду Марфиду Всеславьевну.
Ай пошол Добрыня да во свой-от дом,
Приходил Добрыня к своей матушки,
Во свою-ту он гридню во столовую,
А садился он на лавочку брусовую.
А Владимир-князь да стольне-киевской,
Начинает-то Владимир да почестной пир
А на многия на князи да на бóяры,
А на сильниих могучиих богатырей,
На тых пáляниц да на удалыих,
На всех зашлыих да добрых молодцов.
Ай говорит-то ведь Добрыня своей матушки:
«Ай же ты, родитель моя матушка!
Дай-ко ты, Добрыни, мне прощеньицо,
Дай-ко мне, Добрыни, бласловленьицо,

А поеду я, Добрыня, на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру».
Ай говорила-то Добрыни родна матушка:
«А не дам я ти, Добрышюшки, прощеньица,
А не дам я ти, Добрыни, бласловленьица,
Ехать ти, Добрыни, на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру.
Ай живи-тко ты, Добрыня, во своём дому,
Во своём дому, Добрыня, своей матушки,
Ешь ты хлеба-соли досыти,
Пей зелена вина ты до́пьяна,
Носи-тко золотой казны ты долюби».
Ай говорит-то ведь Добрыня родной матушки:
«Ай же ты, родитель моя матушка!
А даешь мне-ка прощение — поеду я.
Не даешь мне-ка прощение — поеду я».
Дала мать Добрынюшки прощеньицо,
Дала мать Добрыни бласловеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обувает он сапожики на ноженки зелен сафьян,
Одевает-то Добрыня платье цветное,
Налагает ведь он шапку во пятьсот рублей.
Ай выходит-то Добрыня на широкой двор,
Он уздае-седлае коня добраго,
Налагает ведь он уздицу тесмяную,
Налагает ведь он потнички на потнички,
Налагает ведь он войлоки на войлоки,
На верёх-то он седелышко черкаское.
А и крепко ведь он подпруги подтягивал,
А и подпруги шолку заморскаго,
Ай заморскаго шолку шолпанскаго,
Пряжки славныя меди бы с казанския,
Шпенечки-то булат-железа да сибирскаго,
Не для красы-басы, братцы, молодецкия,
А для укрепушки то было богатырскии.
Садился ведь Добрыня на добра коня,
Приезжает-то Добрыня на широкой двор,
Становил коня-то посреди двора,
Он вязал коня к столбу точеному,
Ко тому ли то колецку золоченому.
Ай приходит он во гридню во столовую,
А глаза-ты он крестит да по-писаному,
Ай поклон-тот ведет да по-ученому,

На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиною в особину.
Ай проводили-то Добрыню во большо место,
А за ты за эты столы за дубовыи,
А за тыи ли за ества за сахарныи,
А за тыи ли за питья за медвяныи.
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали-то втору пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
Слили эты чары в едино место —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А и принимал Добрыня единóй рукой,
Выпивает-то Добрыня на еди́ный дух.
Ай Владимир-от князь да стольне-киевской
А по гридни по столовой он похаживат,
Сам он на́ бога́тырей посматриват,
Говорит да таково слово:
«Ай же, сильнии могучии богатыри!
А накину на вас службу я великую:
Съездить надо во Туги́-горы,
Ай во Тугии горы съездить ко лютой Змеи
А за нашею за дочкою за царскою,
А за царскою за дочкой княженецкою».
Большой-от туляется за средняго,
Средний-от скрывается за меньшаго,
А от меньшаго от чину им ответу нет.
⟨И⟩з-за того ли ⟨и⟩з-за стола за середняго
А выходит-то Семен-тот барин Карамышецкой,
Сам он зговори́т да таково слово:
«Ах ты, батюшко Владимир стольне-киевской!
А был-то я вчерась да во чистом поли,
Видел я Добрыню у Пучай-реки —
Со Змеею-то Добрыня дрался-ратился;
А Змея-то ведь Добрыни извиняласи,
Называла-то Добрыню братом большиим,
А нарекала-то себя да сестрой ме́ньшою.
Посылай-ко ты Добрыню во Туги́-горы
А за вашею за дочкою за царскою,
А за царскою-то дочкой княженецкою!»
Воспроговори́т-то князь Владимир-от да стольне-киевской:
«Ах ты, молодой Добрынюшка Микитинич!
Отправляйся ты, Добрыня, во Туги́-горы,

Ай во Туги-горы, Добрыня, ко лютóй Змеи
А за нашею за дочкою за царскою,
А за царскою-то дочкой княженецкою».
Закручинился Добрыня, запечалился,
Ай скочил-то тут Добрыня на резвы ноги,
А и топнул-то Добрыня во дубовой мост —
А и стулья-ты дубовы зашаталисе,
А со стульев все бояра повалялисе.
Выбегае тут Добрыня на широкой двор,
Отвязал ли-то коня да от столба,
От того ли-то столба да от точéнаго,
От того ли-то колечка золочéнаго;
Ай садился-то Добрыня на добра коня,
Приезжает-то Добрынюшка на свой-от двор,
Спущается Добрыня со добра коня,
Ай вязал коня-то ко столбу точеному,
Ко тому ли то колечку к золоченому,
Насыпал-то он пшены да белояровой.
Ай заходит он, Добрыня, да во свой-от дом,
Ай во свой-от дом Добрыня, к своей матушки.
Ай садился-то Добрыня он на лавочку,
Повесил-то Добрыня буйну голову,
Утопил-то очи во дубовой мост.
А к Добрынюшке подходит его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты, Добрыня, не весéл пришол?
Место ли в пиру да не по розуму,
Али чарой ли тебя в пиру да óбнесли,
Али пьяница-дурак да в глаза нáплевал,
Али красныи девúцы обсмеялисе?»
Воспроговорúт Добрыня своей матушке:
«А место во пиру мне было бóльшое,
А большое-то место, не меньшое,
Ай чарой во пиру меня не обнесли,
А пьяница-дурак да в глаза нé плевал,
Красныя девицы не обсмеялисе.
А Владимир-князь да стольне-киевской
А накинул-то он службу ведь великую:
А надо мне-ка ехать во Туги-горы,
Ай во Тугú-горы ехать ко лютой Змеи,
А за ихною за дочкой княженецкою».
Ай справляется Добрыня, снаряжается
А во дальнюю да в путь-дороженку.

Обувал Добрыня чёрны чоботы,
Одевал он платьица дорожныи,
Налагал он шляпу Земли Гречецкой.
А он у́здал-се́длал коня добраго,
Налагал он уздицу тесмяную,
Налагал ведь он потнички на потнички.
Налагал ведь он войлоки на войлоки,
На верёх-то он седелышко черкаское,
Ай да туго подпруги подтягивал,
Ай да сам Добрыня выговаривал:
«А не для красы-басы, братцы, молодецкия,
Для укрепушки то было богатырскии».
Ай приходит ко Добрыни родна матушка,
Подает Добрыни свой шелковый плат,
Говорит она да таково слово:
«Ах ты, молодой Добрынюшка Микитинич!
Ай съедёшь, Добрыня, во Туги́-горы,
Во Туги-горы, Добрыня, ко лютой Змеи,
Ай ты будешь со Змеей, Добрыня, драться-ратиться,
Ай тогда Змия да побива́ть будёт —
Вынимай-ко ты с карманца свой шелковый плат,
Утирай-ко ты, Добрыня, очи ясныи,
Утирай-ко ты, Добрыня, лицко белоё,
А уж ты́ бей коня по тучным ребрам».
Это тут ли-то Добрынюшка Микитинич
Ай заходит он, Добрыня, да во свой-от дом,
Ай берет-то ведь Добрынюшка свой тугой лук,
Ай берет-то ведь Добрыня калены́ стрелы,
Ай берет-то ведь Добрыня саблю вострую,
Ай берет-то он копьё да долгомерное,
Ай берет-то ведь он палицу военную,
А он Господу-то Богу да он молится,
Ай да молится Миколы да святителю:
«Ай чтоб спас Господь меня, помиловал!»
Ай выходит-то Добрыня на широкий двор,
Провожаёт-то Добрыню родна матушка,
Подает-то ведь Добрыни шелкову́ю плеть,
Сама-то зговорит да таково слово:
«А и съедешь ты, Добрыня, во Туги-горы,
Во Туги-горы, Добрыня, ко лютой Змеи,
Станешь со Змеей да драться-ратиться,
Ай ты бей Змею да плёткой шолковой,
Покоришь Змею да как скотинину,

Как скотинину да ведь крестьяньскую».
Ай садился-то Добрыня на добра коня.
Этта видли добра молодца ведь сядучись,
Ай не видли ведь удалаго поедучись.
Проезжает он дорожку-ту ведь дальнюю,
Приезжает-то Добрынюшка скорым-скоро,
Становил коня да во чистом поли
И он вязал коня да ко сыру дубу,
Сам он выходил на тое ли на место на уловноё
А ко той пещеры ко змеиныи.
Постоял тут ведь Добрыня мало времечки —
А не темныя ли темени затемнели,
Да не черные-то облаци попадали:
Ай летит-то, летит, погана Змия,
Ай несет Змия да тело мёртвоё,
Тело мёртвоё да богатырскоё.
Ай увидала-то Добрынюшку Микитича,
Ай спущала тело на сыру землю,
Этта начала с Добрыней драться-ратиться.
Ай дрался Добрыня со Змеёю день до вечера,
Ай Змия-то ведь Добрыню побивать стала.
Ай напомнил он наказанье родительско,
А и вынимал платок да из карманчика,
А и приобтёр-то Добрыня очи ясныи,
Поприобтёр-то Добрыня лицко белоё,
И уж бьет коня да по тучным ребрам:
«А ты, волчья выть да травяной мешок!
Что ль ты по темну лесу да ведь не хаживал,
Аль змеинаго ты свисту да не слыхивал?»
А и ёго добрый конь да стал поскакивать,
Стал поскакивать да стал помахивать
Лучше стараго да лучше прежнаго.
Этта дрался тут Добрыня да другой-от день,
Ай другой-от день да он до вечера,
Ай проклятая Змея да побивать стала.
Ай напомнил он наказаньё родительско,
Вынимал-то плетку из карманчика,
Бьет Змею да своей плеточкой —
Укротил Змею аки скотинину,
Ай аки скотинину да крестиянскую.
Отрубил Змеи да он вси хоботы,
Розрубил Змею да на мелки части,
Роспинал Змею да по чисту полю.

Ай заходит он в печеры во змеиныи,
А во тых ли во пещерах во змеиныих
А роскована там дочка княженецкая —
В ручки, в ножки биты гвоздия железныи.
А там во печерах во змеиныих
А не много ли не мало да двенадцать всех змиёнышов —
Ай прибил-то ведь Добрыня всех змиёнышов,
Ай снимал он со стены да красну девушку.
Приходил Добрыня на зеленый луг,
К своему Добрыня коню доброму,
Ай садился ведь Добрыня на добра коня,
Приезжает-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Киеву
Ай ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ай привозит князю дочику любимую.
Ай за тую-то за выслугу великую
Князь его нечим не жаловал.
Приезжает-то Добрынюшка во свой-от дом,
А застал коня во стойлу лошадиную,
Насыпал коню пшены да белояровой.
Ай заходит-то Добрыня в нову горницу,
Этта тут Добрыня опочив держал.
Этта тым поездка та решиласи.

№ 42

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Как говорит-то тут ён да матушки,
Молодой Добрынюшка Микитинець:
«Кака́ же ты, моя ро́дна матушка,
Цесна́ вдова Офимья Тимофеевна,
Дай-ко-ва мни-ка-ва да прощеньица,
А дай-ко-ва благослове́ньицё
Во Пуча́й во реки покупатисе!»
Как го́ворит ведь, говори́т-воспрого́ворит:
«Не дам тибе-ка я да прощеньиця,
Не дам тибе, дитя, благословеньице.
Что кто во Пуця́й-реки купалси ведь,
Счастли́в-то оттуль не выхаживал.
Счастли́в ведь оттуль не повыйти-то —
Как будь теряшь головку молодецькую,
Молодецькую, безотецькую!»

Как мать-то была тут да не ду́рная,
Подумала умом да своим-то ведь:
«Как дашь прощенья — да тут поеду я,
Не дашь-то ведь прощенья — поеду я!» —
Как дала тут ему да про́щеньё,
Дала ему тут благослове́ньицё.
Поехал он во Пуца́й-реки купатисе.
Скидовался он да ведь на́голо-то,
Спускалси он еще во Пуця́й-реки.
Как струю-то нырнул да пере́нырнул,
Как другую нырнул да пере́нырнул,
Как третью-ту нунь да наця́л нырять —
Не темны́и ли ту́ци из-за́ туци́,
Не темны́ облака да попа́дали:
Как летит ведь Змея да поганыи,
Отворила ворота да широкии,
Хотела Добрынюшку да съись-склевать,
Предать-то ведь Добрыне да скору смерть.
Как выскакал Добрыня на крутой бере́г,
Зацерпнул песку да ведь шляпу ведь.
Как тут-тот только да Змея нале́тела,
Хотелось ей склевать да ведь на́скоре.
Махнул ведь шляпой да по́шибал,
Ушибил три хобота нелучшиих,
Пала ведь Змея на сыру землю́.
Скочил Добрынюшка на белу́ю грудь:
«Как побью, Змею, я тебя топерь».
Как тут Змея ему взмолиласе,
Тут Змея ему воскориласе:
«Не буду я летать по Руссиюшки,
Не буду я хватать да народу-то,
Не буду я глотать да скотины ведь».
Добрыня видь спустил-ко Змию туто́.
Полетела Змея да поганая,
Как полетела, залета́ла-то, залета́ла —
Гуляла-то князя́ ныне да племянница
Бавушка да Забавница
С няньками со служанкамы.
Схватила 'на как плимянницю,
Уташшила во горы змеиныи,
Во дальнии-те во Оскори́ныи.
Как тут у князя ныне не стало́-то ведь,
Не ста́ло-то ведь да племянници.

Задёрнул Владимер сто́льнё-киеськой,
Задёрнул он да поце́сной пир,
Собирал князей да ведь бо́яр-то,
Тех ли именитых купцей пребогатыих,
Сильныих могуциих бога́тырей,
Как поле́ниць-то было уда́лыих.
Как вси-то на пиру прибрали́се ведь.
Молодой Добрынюшка Микитинець
Говорит своей ро́дной маменьке:
«Ай же ты, моя ро́дна матушка,
Чесна́ вдова Офимья Тимофиевна,
Как дай-ко еще да проще́ньицё,
Дай-ко мне еще благослове́ньицё
Идти-то мне топерь на почесной пир!»
Как говорит-то мать таковы слова:
«Не дам-то тебе я ище я проще́ньицё,
Не дам тебе ище благослове́ньицё,
Не знайся-ко, дитя, да ни с князяма,
Не знайся-тко, дитя, с боярами,
Не знайся-тко, дитя, со сильнамы с богатырьми —
Как будь терять головку молодецькую,
Молодецькую, безотецькую!» —
«Как дашь ты-то мне — пойду тут,
Не дашь ты мне прощенья — пойду ведь я!»
Как мать была да не ду́рная —
Дала ведь ему да прощеньиця,
Дала ведь ему да благословеньиця.
Пошол-то ведь Добрыня на поце́сной пир,
Дают ему мисто, дают не ме́ньшое,
Дают ему мисто все бо́льшое,
Садя́т-то его тут да в большой уго́л,
Как наливают цяру зелена́ вина:
Мерой была чяра, была полтора ведра,
Весом была цяра полтора пуда́.
Принял-то цяру он да одной рукой,
А выпил на одни-то вздох.
Дают ему-то ведь пива пьяного:
Мера была, весом тут была.
Принимал-то он меру да одной рукой,
Как выпивае он на один-то вздох.
Как и третью-то ему — меду сладкого:
Такова же мера, не меньше есть.
Как принял-то ён да одной рукой,

Как выпил-то видь он на один-то здох,
Как тут видь да как да красное солнышко,
Красное солнышко да в полде́нь кипит,
Поче́сной пир вполни́ встает,
Как красно солнышко да при ве́цери —
Почестен пир-то вись да при ве́сели:
А вси оны, стали ёны́ пьянехоньки,
А вси ёны́, стали ёны́ веселешеньки,
А вси ёны́ порасфастались.
Как тот да-ка видь князь да Владимер-то,
Говорил-то ён да таковы слова:
«Ай же вы, князья да видь бо́яра,
Как сильние могуции бога́тыри,
Накину я вам службу великую:
Как надо съездить в горы змеиныи,
Во дальнии еще в Оскори́ныи,
Сдостать моя еще любимая племянница,
Не ранена была бы не кровавлена!»
Как тут стали оны, стали да туря́тисе:
Как бо́льшой сорт показыват на среднего,
Средний сорт показыват на меньшего,
Этому-то надобно отправитьсе,
Ходило-то с того со сорту-то ведь,
С того ли сорту да со среднего,
А скакал боярин Карамы́шинский.
Как становился он на резвы́ ноги́,
Поклонялся князю Владимеру:
«Как я гулял видь, ездил во чисто́м поли́,
Как видил видь Добрыню Микитиця,
Как дралси со Змиею у Пуча́й-реку,
Как змеил Змию о сыру́ землю,
Сидел-то у ей на груди́-то ведь.
Змея ему еще да молиласе,
Змея-то ведь ему да кориласе:
„Не надо я лёта́ть да во городи,
Не буду я лёта́ть я по сырой земли;
Во той ли я не во Руссиюшке,
Не стану есть народу да лю́дей-то
Не буду я хватать да скотины ведь".
Накинули ⟨б⟩ Добрынюшку да службы ведь —
Не наб ему не битьсе, не ратитсе —
Так-то видь ему, та́к ему отдаст».
Как говорит — Добрыне накинули.

Скочил-то ведь Добрынюшка Микитинець,
Оперся о столы да о дубовыи,
Как топал ногами в паркетной пол —
Как теремы-то вси поросшаталисе,
Хрустальны окóлёнки посыпались,
А вси князи́-бояра замертвó лежат,
А князь Владимер ходит раскорякою,
А молитсе Добрыне, извиняетсе:
«Не бей-ко ты ногами о кирпицьной пол,
Оставь-ко нас, бояр, на си́мена!»
(*Вот топал-то! Пьяный.*)
Как тут Добрынюшка да Микитинець
Не зайде сидить да усиживать,
Не зайде-то долго медлити,
Бежал-то он домой да ко матушки,
Садился видь ён на дубовой стул,
Повисил свою да буйную голову
Пониже плець своих богатырьскиех.
Как мать-то у его да выспрашиват:
«Ай же ты, мое цядо да милое,
Об цём же ты да круцинишьсе,
Об цём же ты да ты пецялишьсе?
Не пьяница-дурак не наплевал в глаза?
Как не дéвици ль да над тобой смеялисе?
А не молоди́ци да обругали тут?
А цяра видь тибе была не малая,
Ай ницто тибе было, все тибе видно не по разуму.
А хто тибя еще приогородил там?» —
«Никто-то меня не грубил, не круцил,
Пьяница мни ни наплевал в глаза,
Диви́ци надо мной ни смиялися,
Молодици видь миня не обругали видь,
А цяра видь мне ведь была не малая,
Цяра видь была как ведь бóльшая». —
«А что же тут тибе не по разуму?» —
«Да князь Владимер службу накинул великую:
Надо съездить в горы змеиныи,
В горы во тои во Оскори́ныи,
А достать-то там тая любимая племянница —
Уташшена у Змеи у Поганыех».
Как говорит ёму́ ро́дна матушка:
«Говорила я тибе слова да не ду́рная:
Не знайся-тко, дитя, да ни с кня́зямы,

Не знайся-тко, дитя, ни с боярамы,
А сильныма могуцима богáтырьми.
Как потерял головку молодецькую,
Молодецькую, безотецькую!»
Как недосуг сидеть да усиживать,
Наб коня-то он оседлывать.
Он седлает тут плóтно-нáплотно,
А плóтно-нáплотно, крéпко-нáкрепко.
Как складывает потницьки да на потницьки,
А войлуцьки на войлуцьки,
Как он берет сиделушко чиркáльскуё,
Двенадцати подпругамы да подтягиват,
Тринадцату кладё да продольную.
Подтягиват подтяжки шелкóвыи,
Как не простого шелку, кашиважного.
А шпилечки были да ведь гвоздицьки
Как золота были да цирвонного,
А стримена булат были да сибирьского,
Сибирьского были да заморьского,
Который ни́когда нельзя видать.
Как тут сел на добрá коня,
Как только ему тут приотправитсе,
Набежала его тут рóдна маменька,
Говорит ему таковы слова:
«А дам тебе подарок хорошиех:
А дам-то е платоцик,
Буде силушки ни по-старому,
Могутá будет да не прежняя —
Три-тко ты да белó лицо,
Белó лице, еще могутнó плецё —
Буде силушка лучше старого,
Как лучше старого, лучше прежнего,
А лучше этого да Змéя будéт».
Как только ведь ему приотправитсе:
«Постой, мое ведь цядо да милое,
Дам тебе хороший ведь подароцек:
Буде конь скакать не по-старому,
Буде конь скакать не по-прежнему,
Как бей-то коня по тугим косьям,
По тугим косьям, по крутым ребрáм —
А буде скакать, скакать как лучше старого,
Лучше старого, лучше прежнего».
Как только ведь ему приотправитсе:

«Постой-ко, мое цядо ми́лоё,
Дам тебе хороший подарочек:
Как дам тебе я плетоцьку шо́лкову.
Как раньше твой-то батюшка поежживал,
Этой плеткой Зме́и да видь по́бивал,
Змею этой плетоцькой да пошибал».
Как видли мо́лодца да ведь сядуци,
Не видли молодца да ведь так поедуци,
Глядили во тую во сторону —
Только одна пыль да столбом встаёт,
Как будто ведь куревка прокурела,
Погодушкой будто пропогодило,
Заехал он в горы змеиныи.
А на то времечко, на ту порушку
Змеи-то в горах не слуцилосе:
Уле́тено у Змеи во други́ земли́.
Как стал-то он, Добрыня, розыскивать,
Заходил во но́ры змеиныи.
Увидал во норы́ змеиныи —
Сидит-то ёна́, красна де́виця.
Как вы́здыхнул оттуль с земли ведь ён,
Садился он еще на добра́ коня,
Отвез-то он от гор от змеиныех,
Как подсадил-то он да под сы́рой дуб:
«Если мне пуститсе в Русиюшку —
Застанет Змея да поганыих.
Со Змеем битьсе-ратитьсе —
Убьем-то мы ее, кра́сну девушку».
Как воротилсе Добрынюшка во го́ры-ты,
Наехал он на горы змеиныи.
Как на ту порушку, на то времечко
Полетела Змея да поганая,
Как говори́т Добрыни да воспрого́ворит:
«Заехал ты, Добрыня, не во свои места». —
«Д'ай же ты, Змея да Поганая,
Залетела к нам не в свое место́,
Унесла-то ты красну де́вицу,
Д'ай не видать теперь, не видать красной де́вици.
Как клала-то видь заповедь великую —
То бы не спустил-то ведь тебя-то ведь,
Предал смерти бы я у Пуця́й-реки,
Только была ты жива-то исть!»
Как тут со Змией да сразилисе.

Как день то бьютси они ни едаюци,
Ни едаюци, ни пиваюци,
Хлеба-соли им ни даваюци,
Отдóху-то им ни даваюци.
Другой день ведь бьютсе, другую ночь,
Как ни едаюци оны, ни пиваюци,
Хлеба-соли им ни даваюци.
Как у Добрынюшки у Микитинця
Стал ведь конь не по-старому,
Могутá стала не по-прежнему.
Как спомнил маменькин да подароцек —
Да сам-то стал бить не по-старому,
Могутá стала да не прежняя.
Как стала видь Змия да покидывать,
Стала видь на кони да пошатывать.
Как спомнил матушкин да подароцек —
Взял платок, стал тереть плецо,
Стал тереть видь могучии,
Стало силы видь лучше старого.
Как спомнил матушкин он да подарочек —
Бил коня еще по тугим косьям,
По тугим косьям, по крутым ребрáм,
Стал-то конь лучше старого,
Лучше старого, лучше прежнего.
Как стал-то он Змею да покидывать,
Как стал-то он Змею да пофýрывать.
Как спомнил матушкин он да подарочек —
Выдернул ведь плетоцьку шелкóвую,
Как хлеснул видь ю — да пошúбал-то.
Как пала' на ведь на сыру землю́.
Как опускался он со добрá коня
И тут рассек на мелкú частú,
Распинал-то ю по цистý полю́.
Как взял-то да ведь плетку шолкову,
Прихлестал-то видь малыих змеенышев:
Не оставил-то ён ни единого,
Решил-то всё он змеиною поместьичо.
Поехал он домой да ко дéвици,
Брал-то он ведь красную дéвицю
На добра коня, ён повез-то ю,
Повез-то он во стольной во Киев-град,
Ни ранину привез, да ни кровавлену.
Как князь стретает гóстя зá гостя,

У него видь злата-се́ребра,
Дал ему-то еще циста золота.
«Как это видь у мня зарабочее,
А это видь у мня заработано!

№ 43

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

А ведь ставал Добрынюшка ранешенько,
А ведь и мылсе Добрынюшка белешенько,
А говорил Добрыня род⟨ы⟩ной матушки,
А он цесно́й вдовы Офимьи Тимофеевны:
«А уж ты, моя ли родная матушка,
А благослови во Пуча́й мни окупатися!»
А говорила-то Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же ты, мое родно́ цадо Добрынюшко Микитинець,
А ведь хто и во Пуця́й-реки купаетсе,
А ведь с Пуча́й-реки нихто не возвращаетсе —
А как захватыват Змеищо триглавая».
А ведь как тут ли пошел-то Добрынюшко,
А говорит: «Воротись-ко ты, цяделко!
А ведь положишь ты головку неповинную,
А еще молод ты, да Добрынюшко,
А вперед бы ты, Добрыня, окупалсе ведь,
Когда же ты, Добрыня, да освещалсе ведь».
А ведь были-то заве́тушки завицины,
А были-то заветы во Божье́й церквы́ —
А ведь и во Пуча́й-реки да покупатисе.
А как и скинул Добрыня платья цве́тныи,
А окуналсы во Пуця́й-реки да со головушкой,
А захватила Змия да по середоцьки,
Ведь тащит-то да Змия да во синё морё,
Ведь тащит-то Добрынюшка ды на́ берёг,
А ведь вытащил-то тут Зме́ищё-то на берег —
А ведь ⟨о⟩ни со Змеищей сражаютсе.
А ведь так эту-то Змею тут треглавую
А своей ли ён бьё да право́й рукой
А по тым ли по хо́ботам да великиим,
А лево́й рукой ее держит за горло-то,
А отрубил на песку три хоботи великиих,
А забралсе Добрыня на бе́лу грудь,

А ведь хотел ён Змеи́щи и сме́ртку дать.
А тут и ли Змеи́ща змолилосе:
«А спусти-ко меня, Добрынюшка, во живности.
А не буду я летать да по Руссеюшке,
А полецю я, Змия, да за сини́ моря́
А заберусь я, Змия, да в свои́ горы́,
А я в свои ли то го́ры ды змеиныи!»
А ведь дала-то Змия-то обещание —
А ведь и ли тут как Змию спустил-то ведь,
А спустил Змию тут треглавую.
А полетела Змия да среди го́рода —
А захватила головушку что ни лучшую,
А что ни лучшую головку, самолучшую,
А ведь и душецьку красную девушку,
А Владимера-князя племянницю,
А как она гуляла с верныма служанкамы.
Ай унесла Змия в свои горы да змеиные.
Как тут же ли тогда на дру́гой день
Как Владимер-князь сто́льнё-киеськой
А собрал ли пер на добрых сильных могуцих богатырей.
А ведь наливал ли ён цароньку зелена́ вина —
Мера цара ли полтора ведра,
А весом тянет цяря полтора пуда́,
А говорил ли Владимер-князь таковы слова:
«Как уда́лы вы, добры мо́лодцы!
А кто бы из вас съездил на горы на змеиные,
А поискал бы ведь моёй-то племянници,
А ведь надарил ⟨бы⟩ я да златом-се́ребром,
А златом-се́ребром да сколько надобно!»
А видь вси ли мо́лодци тут позатихнули,
А ведь вси ли уда́лы позамолкнули:
Как найбо́льшей ту́литсе-ты на среднего,
А средней опеть ту́литсе на меньшего,
А ведь от меньшего-то ответу нет.
А говорил-то князь-то Коромы́шеньский,
А ведь а ли изволил стать на резвы́ ноги́
А как среди стола, противо́ князя́:
«Был я в тот день о Пуча́й-реки,
А как видял: со Добрынюшкой сражался-то
Как Змеищо-то да треглавая,
А тащил ён Добрыню да в воду-то,
А Добрынюшка тащил на гору-то
А ведь правой рукой Зме́ищу поганую;

23 Зак. 3948

Отрубил у нее хо́боты три-то е́ти,
Ведь и тридцать три фоста́-то змеиного,
Сам забралсе Змещи на белу грудь,
А ведь хотел ли Змеи-то да смерть придать,
А тут ли ёна́ громко смолиласе:
„А ты спусти, Добрынюшка, спусти меня во живности!"
Ведь как слушал я, своим голосом».
А тут Владимер-князь сто́льнё-киеськой:
«А ведь и съезди-тко ты, Добрынюшка!»
А ведь и говорил ли-то да Добрынюшка:
«А, видно, нет уда́ляй да храбря́е-то,
А храбря́й-та да смеля́е-то!
А ведь поеду я на горы на змеиныи».
Ай говорил ли тут князь: «Змея тебе так отдаст!» —
«А ведь и видно будет — Змея да омманщица,
А клялась и молилась: „Улицю́-то ведь
За сини́ моря да в дальни страны́!" —
А она летела среди города».
И говорил ведь и да Добрынюшка:
«Среди города да взяла девушку,
Что ни лучшую да самолучшую,
А не худу взяла — у князя племянницю».
А ведь поехал Добрыня к ро́дной матушки,
А ведь падал ро́дной матушке ён в ноженьки
А до кирпицьного ён да мостицьку:
«А как ты, свет государыня да моя матушка!
А дай-ко мне-ко, Добрынюшки, прощеньице,
А дай-ка мне, Добрынюшки, да благословеньице
А ведь и съездить мне на горы змеиные,
Ай отыскать мне девици, красную девушку,
А ведь а и князя Владимера племянницю!» —
«А как Господь тебя, ця́делко, благо́словит!
А ведь ти, батюшки, дам тебе подароцьки:
А ведь дам плетоцьку я да шелко́вую,
А ведь платоцек-то я обтирать поток.
А ведь как ⟨с⟩ силушки да повыбьетесь,
А ведь хлыщи-тко добра́ коня плетоцькой шелко́вые
А по тым ли-то крутым рёбра́м,
А по крутым ли рёбра́м да по резвы́м нога́м —
А ведь буде у вас силушка по-старому,
А могу́ты будет с добрым конем по-прежнему!»
А ведь и ехал Добрынюшка на горы-то змеиныи,
А приежжал ли ён на горы-то на змеиныи.

А не нашел он на горах змеиных
Никакого-то змееныша —
А улетала Змия, видно, за сини́ моря́.
А пошол ли Добрынюшка тогда нор искать,
А пошол ли ён по норам по змеиным,
А там сидит душа красная девушка,
А ведь и князя Владимира племянница.
А ведь он брал ли в норы́ кра́сну девушку,
А ведь отнес ли со тыих змеиных гор:
«А ведь если нам будет с Змием сражитисе,
А то ведь мы убьем кра́сну девушку».
А увез ли ее во сторонушку,
А посадил ли душу красную девушку,
А посадил ли он душецьку под широкий дуб.
«А ведь сиди-ко до тых пор, да кра́сна девушка,
А ведь покуда я не приеду ведь!
А если жи́ва не будет, — тут иди домой!
А ведь как поеду я со Змией да сражатисе».
А только приежжал Добрынюшка на́ горы —
А летит Змея-ко на го́ры змеиныи.
А как налетела Змея-то, разозлиласе ведь на Добрынюшку,
А с Добрынюшкой ёны́ да схватилисе
А сражатисе да воеватисе.
А ведь и билисе да тыих ены же пор,
А покуль ведь силушки-могу́тушки
А ведь и стало у Добрыни не по-старому,
А могу́ты-то стало не по-прежнему.
А вспомнил батюшка Добрынюшко подароцьки:
Ой вспомнил Добрыня плеточку шелко́вую,
А ведь платоцик обтирать поток.
А ведь и хлыстал плетоцькой Добрынюшко шелко́вою
Он добра коня по крутым ребра́м,
А по крутым ребра́м да по резвы́м ногам,
А у себя платком повымахне —
Стало силушка у них-то ведь по-старому,
Ай могу́та-то стала лучше старого,
А лучше старого, лучше ведь и прежнего.
А нацял Зми́я бить-ломить да ведь и на́ земь бить,
А ведь сел Змеющу на белу грудь,
А разрубил на куски плетоцькой шелко́вою,
А своим ли ён копьем да долгомерным,
А ведь решил ли Добрыня Змещу треглавую.
А ведь ехал Добрыня к красной де́вице,

А ведь садил ли душу красну девушку,
А ведь и князя Владимира племянницю,
А садил ли Добрыня на добра́ коня,
А вез ли во славной город Ки́ёв-град.
А тут ли увидел Владимир-князь сто́льнё-киеський:
А ведь везут ли не набитую, не ранену,
А не ранену племянницю да не кровавлену.
А ведь и сделал пир для Добрыни, для до́бра мо́лодца.
«А собралисе на пир дороги́ гости́,
А ведь один ли гось да мне дорожи всих.
А цим тебя ведь, гось, будет жаловать,
А цим тя, Добрынюшка, будет цествовать?
А ты привез мою от Змия плимянницю!
А бери-ко ты злато-то ведь, се́ребро
А за свои-то ты труды, да за работушку
А ведь и сколько тибе, Добрыня, буде надобно!»

№ 44

ПРО ДОБРЫНЮ

Купался Добрына во Пучай-реке,
А по струечкам Добрынюшка поныркивал:
В струйку нырне, в другу вынырне.
Как нырнул Добрыня в ⟨третью⟩ струечку —
Захватила Змеища ⟨трех⟩главая
Хоботама змеиныма Добрыню посередочки,
Потащила Добрыню по Пучай-реку,
Потащил Добрыня Змеищу на желтый песок,
Начали с Змеищей да сражатися.
Как забрался Добрыня Змеище да на белу грудь,
Как хотел Добрыня Змеище да и смерть придать —
Как Змеище Добрынюшке скорилася,
Как ⟨трех⟩главая Добрыне да смолилася:
«Ведь, оставь-то меня, Добрынюшка, во живности,
Как не буду я больше летать да по Росеюшки,
Как не буду я жрать добрых молодцов,
Как не буду я жрать красных девушок,
Да никакой я, Добрынюшка, скотинины,
Только оставь меня, Добрынюшка, во живности!
Полечу я, Змея, да во свои края,
На свои-те горы на змеиные

Во свои я норы во змеиные,
Как оставь меня во живности!»
Как спустил Добрыня люту Змею,
Полетела Змеище ⟨трех⟩главое
Среди города, среди Киева,
Как хватила головушку,
Как хватила головушку, что не лучшую,
А не лучшую головку, самолучшую,
Как у князя-то Владимира
А любимую ведь племянницу,
Гуляла красная девушка с верныма служанками.
Утащила на горы на змеиные,
Во тыи норы во змеиныи.
То скручинился Владимир-князь —
Потерял свою любимую племянницу.
Как он собрал сильных
Ён могучих богатырей,
Наливал ён чару немеренну,
Наливал питьев разныих.
Чара мерой была не мерена,
Чара весом-то была не вешена,
Чара мерой-то ⟨полтора⟩ ведра,
Чара весом тянет ⟨полтора⟩ пуда.
Говорил Владимир-князь таковы слова:
«Уж вы сильные, могучие богатыри,
Кто из вас может выпить чару питов разныих,
Тот, ведь, может съездить на горы на змеиные,
А во тые норы во змеиные,
Как привезти мою любимую племянницу,
Как не ранену девушку, да не кровавлену,
А от той ли Змеище, от ⟨трех⟩главыи».
Все богатыри позатыкнули,
Все богатыри позамолкнули.
Старший тулитце на среднего,
Средний тулитце на меньшего,
Как от меньшего ответу нет.
Как изволил стать да на резвы ноги
Тот ли князь да Коромышинский:
«А Владимир-князь да стольно-киевский,
Как был-то ведь я у Пучай-реки,
А видел, как сражался Добрынюшка со лютой Змеей,
А сидел Добрыня у Змеище на белой груди,
Хотел Змеище смерти придать,

Как Змеище Добрыне заклиналася.
Если съедет Добрыня, дак сама отдаст».
Стал просить Владимир-князь Добрынюшку:
«Как съезди-ко, Добрыня, да повывези
Мою любимую племянницу,
Как от той Змеище, от ⟨трех⟩главую,
Как не ранену девушку, не кровавлену».
Как выпивал Добрыня чару питов разныих,
А ведь ехал Добрыня к родной матушке,
Как просил Добрынюшка у матушки,
Как просил Добрынюшка благословеньице
Съездить во горы во змеиные,
Во тыи норы во змеиные.
Говорила матушка таковы слова:
«Дам, Добрынюшка, благословеньице
Съездить во горы во змеиные,
Во тыи норы во змеиные,
Вывезти Владимира племянницу.
И дам от себя подарочек:
Платочек я шелковую.
Как будешь со Змеей да сражатися,
Да будешь с силы выбиватися,
Ты возьми платок да оботри поток —
Будет силушка по-старому.
А дам батюшки подарочек,
Дам плеточку шелковую,
Как батюшка на войнах поеждивал.
Как будете со Змеищей да сражатися,
Будет добрый конь возить да не по-старому,
Ты возьми плеточку шелковую,
Да хлещи коня по крутым ребрам
Да по резвым ногам —
Будет добрый конь возить по-старому».
Да ехал Добрынюшка на горы на змеиные,
Да Змеище на горах не случилася,
Улетела Змея во други края.
И пошел Добрыня по норам по змеиным —
И сидит в норы красна девушка,
Владимира племянница.
И взял Добрыня красну девушку,
Владимира племянницу,
И повез во Киев-град.
И на дорожке Добрыня пораздумался:

Если нагонит Змеища ⟨трех⟩главоя,
Да будем с Змеищем сражатися,
Раним красну девушку.
Посадил девицу под сырой дуб,
Сам вернулся на горы на змеиные.
Как летит-то Змеище да сердится.
Как увидала, сидит-то Добрыня на горах на змеиных,
Прямо летит на Добрыню сердитая,
И начали они с Добрыней сражатися.
Стал Добрыня с силы выбиватися,
Вспомнил матушкин подарочек.
Взял платок да оботрал поток —
Стала силушка по-старому.
Начали со Змеищей да сражатися,
Стал добрый конь возить да не по-старому,
Вспомнил батюшки подарочек.
Взял плеточку да шелковую,
Нахлестал коня по крутым ребрам,
По резвым ногам —
И стал добрый конь возить по-старому.
Начали со Змеищей сражатися,
Стали Змеище пересиливать,
Сбили Змею на сыру землю,
Да разрубил Добрыня Змеище плеткама на мелки́ куски.
Да пошел Добрыня по норам змеиным,
Да не оставил и змеёнышев на семена,
Да поехал Добрынюшка во Киев-град,
Да взял под дубом красну девушку,
Владимира племянницу,
Повез не ранену да не кровавлену
Ко князю Владимиру.
Как Владимир-князь встречал да с почестью,
Наградил золотом-серебром Добрынюшку.
Тым былина и покончилась.

№ 45

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Как просил Добрынюшка
У своей матушки разрешеньица
Окупаться да во Пучай-реки.

Говорила Добрыни родна матушка:
«Там, Добрынюшка, Змеище-то трехглавое,
Как захватывает да добрых молодцов,
Добрых молодцов да красных девушек».
А не дала Добрынюшке разрешеньице
А итти-то купаться во Пучай-реки.
Говорит Добрыня родной матушки:
«Как есь у меня охвотушка великая!»
Как сошол Добрыня ко Пучай-реки,
Скидывал Добрыня рубашку ту шолковую,
Полагал Добрыня рубашку на желтый песок,
Окупался Добрыня со головушкой.
А нацял Добрыня по струецькам поныркивать,
В струйку нырнет Добрыня, в другу вынырнет.
Как нырнул Добрынюшка в третью да во струецьку,
Захватила Добрыню Змеище-то трехглавая,
Своими-то хоботамы да змеиными,
А потащила Змея Добрыню во Пучай-реку.
Потащил Добрыня Змеищу на желтый песок,
Нацяли со Змеищем да сражатиси,
Как забрался Добрыня ко Змеище да на белу грудь,
Как хотел Добрыня Змеище да и смерть придать,
Тут же Змеище Добрынюшке смолиласи:
«Как оставь меня, Добрынюшка, во живности,
Я не буду, Змея, летать да по Росеюшки,
Я не буду хватать да добрых молодцов,
Добрых молодцов да красных девушек,
Никакой не буду жрать да я скотинины.
Полецю я, Змея, да во свои края,
На свои я на горы на змеиныи,
Во свои я норы во змеиные».
Как спустил Добрынюшка люту Змею,
Полетела Змея да трехглавая
Среди города да среди Киева,
Как хватила головушку да што не лучшую,
Как не лучшу головку, самолучшую —
Как у князя-то хватила у Владимера
Как любимую да племянницу,
Как гуляла она, да красна девушка,
Она с верныма да со служанкамы.
Утащила на горы на змеиныи,
Как во тыи она во норы во змеиныи.

Тут Владимир-князь да скруцинилсе,
Тут Владимер-князь да спецялилсе,
Потерял свою любимую племянницу.
Ён собрал как сильныих могуцих бога́тырей,
Наливал он цяру неумеренну:
Цяра мерой-то была не мерена,
Весом-то цяра-то не вешена,
Мерой-то цяра в ⟨полтора⟩ ведра,
Весом цяра тяне в полтора пуда.
Говорил Владимер-князь да таковы слова:
«Уж вы, сильныи да могуции вы богатыри,
Кто из вас выпье цяру зелена вина,
Тот и может съездить на горы на змеиныи
И во тыи норы во змеиныи,
Как повывести мою любимую племянницю
От Змеище-то трехглавоя,
А не ранену девушку, не кровавлену».
Как тут вси бога́тыри призатихнули,
Старший тулитце за среднего,
А средний тулитце да за меньшего,
Как от меньшего-то и ответу нет.
Как изволил стать на резвы ноги́,
Как тот ли князь Коромышинский:
«Как Владимер-князь стольне-киевский,
Как был-то я у Пучай-реки,
Видел я, как сражался Добрыня со люто́й Змеей,
Как сидел Добрыня у Змеища на бело́й груди,
Хотел Добрыня Змеище-то и смерть придать,
Тут же Змеище Добрыни заклиналоси:
„Как оставь меня, Добрынюшка, во живности!"
Как съеде Добрыня, то сама отдас⟨т⟩».
Стал Владимер-князь просить Добрынюшку:
«Уж ты съезди-тко да, Добрынюшка,
Как повывези мою любимую племянницу
Как от той ли от Змеищи трехглавоей,
А не ранену девушку, не кровавлену».
Выпивал Добрыня цяру ту пива пьяного,
Ехал Добрынюшка ко родной матушки,
А к цесной вдовы Офимьи Тимофеевны.
Как спросил Добрынюшка у матушки да разрешеньица
Съездить во горы во змеиныи,
Да во тые норы во змеиныи,
Как повывести Владимира любимую племянницу,

Как от той ли от Змеищи от трехглавую.
Как говорила Добрыни родна матушка:
«Дам, Добрынюшка, разрешеньице,
Съездить на́ горы на змеиныи,
Как повывести Владимера любимую племянницю,
Дам, Добрынюшка, от себя тебе подароцек,
Дам платоцек шелковоей.
Как будешь, Добрыюшка, со Змеищей сражатися,
Как будешь, Добрыня, с силы выбиватисе,
Ты возьми платок — оботри поток,
Будет, Добрынюшка, сила-то по-старому!
Как другой, Добрынюшка, я дам подароцек,
Своего родного-то батюшка,
Как батюшка на войнах поеждивал,
Дам Добрынюшки я плетоцьку шелковую,
Как станете Змеищу-ту сражатиси,
Как станет добрый конь возить не по-старому,
Станет доброй конь возить да не по-прежнему,
Ты возьми, Добрыня, плетоцьку шелковую,
Ты хлящи коня да по крутым ребрам,
По крутым ребра́м, по резвы́м ногам.
Будет добрый конь возить Добрынюшку по-старому».
Ехал Добрыня на горы на змеиныи,
Ён во тыи норы во змеиныи,
Как Змеище на горах не слуцилоси,
Улетела Змея да во други края.
Как пошол Добрыня по норам по змеиным,
А нашол Добрыня в норы любимую племянницю.
Как повынес Добрыня с норы да красну девушку,
Посадил Добрыня девицю на добра́ коня,
Как повез ён девицю-то во Киев-град.
На дорожки Добрыня пораздумался:
«Как нагонит-то Змеищо-то трехглавое,
Будем мы сражаться со люто́й Змеёй,
А видь раним мы да красную девушку».
Посадил Добрыня девицу-то под сырой дуб,
Сам вернулся Добрыня на горы на змеиныи.
Как летит-то Змеищо да сердитое,
Прямо летит Змеищо на Добрынюшку.
Нацяли с Змеищем-то оне сражатиси,
Стал Добрыня с силы выбиватиси,
Спомнил матушкин да подароцек,
Спомнил платоцик Добрынюшка шелковый.

Взял Добрынюшка да взял платок,
Взял платок да оботер поток —
Стала у Добрыни сила-то по-старому,
Нацяли с Змеищем-то сражатиси.
Стал Добрыню доброй конь возить да не по-старому,
Вспомнил Добрыня батюшков подароцек,
Спомнил плётоцку Добрынюшка шелко́вую.
Ён хлыстал коня да по крути́м бедрам,
По крутым бедрам да по резвы́м ногам —
Стал Добрыню конь возить по-старому.
Нацяли ены со Змеищей-то сражатися,
Стал-то Змеищу пересиливать,
Сбил Змею да на сыру землю,
Разрубил Добрыня Змеище плетью на мелки цясти.
Пошол Добрыня по норам по змеиным,
Пригубил-то ведь всех змеёнышев,
Как не оставил Добрыня змееныша на се́мена.
Как поехал Добрынюшка во Киев-град,
Взял он племянницу да с-под сыра дуба́,
Посадил он племянницу Владимера да на добра́ коня,
Привез он ко князю ко Владимеру,
Как не ранену девушку да не кровавлену.
Как стрецял Владимер-князь с великой радосью,
Што привез Добрыня любимую племянницу,
Надарил Владимер-князь-то Добрынюшку,
Да на том былинка и поконцилась!

№ 46

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Добрынюшке матушка говаривала,
Добрынюшке матушка наказывала,
Не велела ездить во чисто́ поле
На тую гору Сорочинскую,
Не топтать младых змеенышей,
Не выручать полонов русскиих.
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки.
Пучай-река есть свирепая,
Середняя струя как огонь течет».
Но Добрынюшка матери не слушался,
Уезжает он далеко во чисто поле

На тую гору Сорочинскую.
Потоптал он младых змеенышей
И повыручил полоны русские.
Богатырское его сердце пожаделася,
Его белое тело распотелося,
И поехал он купаться во Пучай-реки.
Снимает он с себя платья цветные
И забродит он во струечку во первую,
И забродит он во струечку во среднюю,
А сам говорит таковы слова:
«Мне ведь матушка говаривала,
Мне она, молодцу, наказывала,
Не велела ездить далеко во чисто поле
На тую гору Сорочинскую,
Не топтать младых змеенышей,
Не выручать полонов русскиих.
Не велела купаться во Пучай-реки,
Что Пучай-река есть свирепая,
Середня́ стру́я как огонь течет.
А Пучай-река кротка-смирная,
Середня струя, будто лужа дожжевая».
В тую пору, в тое времячко
Ветра нет — тучи на́несло,
Тучи нет, а дожь дожжит,
И дожжа-то нет, а искры сыплются —
Летит Змеище Горынище
О двенадцати Змея хоботах,
А сама говорит таковы слова:
«Ты теперича, Добрыня, в моих руках,
Захочу — Добрыню в реке потоплю,
Захочу — Добрыню огнем сожгу,
Захочу — Добрыню съем-сожру,
Захочу — Добрыню в хобота возьму
В хобота возьму и на Русь снесу!»
Добрынюшка плавать горазд он был,
Ны́рнет он в бережек тамошний,
Ны́рнет он в бережек здешний,
Нет у него платьев цветных,
И нет у него палицы булатные,
И нет копья мурзомецкого.
Лежит на земле пухов колпак,
Насыпан калпак Земли Греческой.
По весу калпак — ⟨три⟩ пуда.

Он схватил калпак Земли Греческой
И бросил во Змею проклятую,
И ушиб Змее ⟨двенадцать⟩ хоботов,
И ввалилась она в траву высокую.
Добрынюшка на ножки повертов был,
Скоро он скочил на груди на змеиные,
В те поры Змея ему взмалилася:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинеч,
Положим-ко мы с тобой заповедь великую:
Тебе не ездить далеко на горы Сорочинские,
Не топтать моих малых детушек,
Не выручать полонов русскиих,
А мне не летать по Святой Руси,
Не носить мне людей русскиих,
Не копить полонов русских!»
И пологали они заповедь великую.
Тая Змея да проклятая,
Поднималася она вверх под облака,
Случилось ей лететь через Киев-град.
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Припадала она ко сырой земли —
Схватила князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
И уносила в нору во глубокую.
Три дня тут Владимир стольно-киевский
Волшебников тыщу-былиц он скликивал,
Он не мог от них ничего докликаться.
Созывает он тут могучиих богатырей
И говорит он таково слово:
«Уж вы, сильны русски могучи богатыри,
Кто бы съездил-ка во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Сходил бы во нору во глубокую
И достал бы мою племянницу,
Молоду Забаву Путятичну».
Говорит тут Алёшенька Левонтьевич:
«Ох ты, князь Владимир стольно-киевский,
Наложи-ка ты эту службу великую
На того ль Добрыню на Никитича.
У того ведь у Добрыни у Никитича
Со Змеей-то заповедь положена,
Что Добрыне не ездить далеко во чисто́ поле

На тую гору Сорочинскую,
Не топтать младых змеенышей,
Не выручать полонов русскиих.
А Змее не летать на Святую Русь,
Не носить-то людей русскиих,
Не копить полонов русскиих.
Он может съездить далече во чисто поле
И достать тебе твою племянницу
Без той без драки-кроволития!»
Наложил тут князь Владимир стольно-киевский
Эту службу великую
На того Добрыню на Никитича.
И пошел ты Добрынюшка Никитич свой,
Он не весел пошел домой, не радошен.
Встречает у ворот его матушка,
Чесна вдова Иринья Васильевна:
«Ох ты гой еси, рожона моя дитятка,
А ты что идешь домой не весел и не радошен,
Место тебе на пиру, верно, было не по́ чину,
Чарой ли тебя приобно́сили
Или дурак над той подсмеялся ли?»
И говорит тут Добрынюшка Никитич
Своей государыне родной матушке:
«Ах же ты, моя родна́ матушка,
Чесна вдова Иринья Васильевна,
Место мне у князя было по́ чину,
Чарой меня не обнесли,
И дурак надо мной не надсмеялся ведь.
Наложил тут князь Владимир стольно-киевский
На меня службу великую,
Чтобы съездить мне завтра далече во чисто поле
На тую гору Сорочинскую,
Сходить во нору во глубокую,
Достать князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Без бои, без драки великие,
Без того кроволитья напрасного!»
Говорит ему тут родна матушка:
«Ех ты гой, рожоно мое дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитич сын,
Ты ложись-ка спать рано с вечера,
Утро будет оно мудрое,
Мудренее утро будет вечера.

Он ложился спать рано с вечера,
Просыпался утром он ранешенько,
Одевался он белешенько,
Нарежался хорошенешко.
Он седлал коня, да коня дедушкова,
Он на спину клал войлочки,
А на войлочки кладет потнички,
На потнички кладет черкасское седелышко.
Всех подтягивал ⟨двенадцать⟩ тугих подпругов,
А ⟨тринадцатую⟩ клал через хребетну кость —
Не для ради красы, а ради крепости,
Чтобы конь с седла не выскочил,
Добра молодца с коня не выронил.
Подпруги были шелковые,
Пряжки у седла были красна золота,
Шпеньки были все булатные.
Тогда шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит, сам не стареет.
И провожала тут его родна матушка,
На прощаниьце плетку подала:
«На и бей Бурка промежду ушей,
Промежду ушей, промежду ноги,
Между ноги да ноги задние,
Чтобы стал твой Бурушка поскакивать,
Он змеенышей от ног отряхивать».
И видели тут молодца как он тут коня седлал,
А не видели поездки богатырскоей.
Конь горы, долы перескакивал,
А широкие раздолья между ног пушшал,
Маленькие речки хвостом застилал.
И будет он далеко во чистом поле
На той горы Сорочинскоей,
А тые млады змееныши
Подточили у Бурка они шшоточки,
И не может Бурушка поскакивать,
Он змеенышей от ног отряхивать.
И берет тут Добрынюшка Ничитич сын,
Он тую плетку материнскую,
Он бьет Бурушка промежду ушей,
Он бьет Бурушка промежду ноги,
Между ноги и ноги задние.
И стал тут Бурушка поскакивать,

Стал змеенышей от ног он отряхивать.
Притоптал он всех до единого.
С та норы выходила Змея проклятая,
С той норы со глубокоей,
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич сын,
Ты зачем нарушил свою заповедь,
Потоптал моих всех малых детушек?»
Говорит Добрынюшка Никитич сын:
«Ай же ты, Змея да проклятая,
Черти ли тебя несли через Киев-град,
И схватила ты князеву племянницу,
Молоду Забаву Путятичну.
Отдай ты ее без драки, без бою великого,
Без того кроволитья напрасного!»
Отвечает Змея проклятая:
«Не отдам я тебе князевой племянницы
Без бою, без драки великоей,
Без того кроволитья напрасного!»
Заводила она бой-драку великую.
Дрался Добрыня с ней трое суточки —
Он убил Змею да проклятую
И зашел во нору во глубокую:
Много там сидит царей-царевичей,
Много там сидит королей-королевичей,
А простой силы так и сметы нет.
Говорит он Забавы Путятичны:
«Ай же ты, Забава Путятична,
Из-за тебя этак странствую,
Мне поедем-ко ко городу ко Киеву,
А вам, господа, всем воля вольная,
Убита у меня Змея проклятая».
И поезжают оне ко городу ко Киеву,
И увидел тут Добрынюшка Никитич сын
Во чистом поле брод лошадиныей,
И поезжает он скорей ко Киеву.
Он нагнал дорогой Алёшеньку Леонтьевича,
Вручил ему князеву племянницу,
Приказал свезти ко князю ко Владимиру,
А сам поехал этим бродом лошадиным
И нагнал паленицу, женщину великую,
И ударил паленицу в буйну голову —
Паленица назад не оглянется,

А Добрыня на коне приужахнется.
Он назад, Добрыня, поворот держал,
Приежжает он ко сыру дубу.
Он ударил сырой дуб своей палицей
И рассек дуб он на дребезга.
Сам говорит таково слово:
«Сила у Добрыни все по-старому,
А смелость у Добрыни не по-старому!»
Он опять назад поворот держал.
Догоняет поляницу, женщину великую,
Он ударил паленицу в буйну голову —
Паленица назад не оглянется,
Добрыня на коне приужахнется.
Он назад, Добрыня, поворот держал.
Приезжает Добрыня ко сыру дубу,
Толщеною дуб трех сажен.
Он ударил дуб своей палицей
И расшиб дуб на ножевые черни.
Сам говорит таковы слова:
«Сила у Добрыни все по-старому,
А смелость у Добрыни не по-старому».
Он опять назад поворот держал.
И нагоняет он паленицу, женщину великую,
Он ударил своей палицей
Паленицу в буйну голову —
Паленица назад приоглянется,
Оглянулася да усмехнулася.
Сама говорила таковы слова:
«А я думала комарики покусывают,
А это русские могучие бога́тыри пощелкивают».
И схватила она Добрыню за желты кудри,
И сажала Добрыню во глубок карман,
И везла Добрыню трое суточки.
Возговорит тут конь голосом человеческим:
«Ай же ты, паленица приудалая,
Молода Настасья Никулична,
Не могу я вас везти двоих богатырей —
Сила у богатыря против тебя,
И конь у богатыря против меня!»
И говорит тут Настасья Никулична:
«Ну и что же? Если он богатырь он старый,
Я богатырю голову срублю,
А если богатырь он младой,

24 Зак. 3948

Я богатыря в плен возьму,
А если богатырь мне в любовь придет,
Я теперича за богатыря и замуж пойду!»
И повыкинет Добрынюшку с карманчика.
Добрынюшка ей тут и пондравился,
И тут она за него и замýж пошла.
Поехал тут Добрыня к родной матушки,
Объявил ей радость великую,
Что убил Змею он проклятую,
Что достал он князеву племянницу,
И нашел себе он жену прекрасную.

№ 47

ПРО ДОБРЫНЮ И ЗМЕЯ

Как во стольном городе во Киеве
Начинался-починался почестен пир
Ну вот на многия на князя да на бояра,
На все сильные могучие богатыри.
Все на пиру да наедалися,
Все на пиру да напивалися,
Все-то на пиру стали пьяны-веселы́,
И все на пиру да порасхвастались,
Все да разбохвалились.
Умный-то хвастает отцом-матерью,
А безумный — молодой женой.
А сидит-то тут Добрыня Никитивец,
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Уж я вывел изменушку из Скопского,
Да уж я выведу изменушку из Обского,
И потом выведу измену с каменной Москвы».
Говорит-то ему князь-государь стольно-киевский:
«Поезжай-ко ты, Добрыня, ко Почай-реки,
На тую-то на за́ставу великую,
Чтобы не было ни конному проедучись,
И не пешему проходучись,
И поганому-то Идо́лищу пролетучись!»
И идет-то Добрыня со чесна пиру,
Понизя́-то идет Добрыня буйну голову.
Вот встречает-то Добрыню молода́ жена,
А замечает-то Добрыню родна́ матушка:

«Свет ты, мое да чадо милое,
Ой ты, молодой Добрыня сын Никитивец!
Невеселой-то идешь и не ра́дощон:
Видно винная-то чара не рядо́м дошла,
Али безумница-то над тобою надсмеялася,
Али небылица на твою жену рассказана?»
И говорит ей Добрыня такова слова:
«Свет ты, моя добра-та матушка,
Зародила меня матушка-то вот несчастного,
А вот несчастного да бесталанного,
Вот силою-то ты меня несильного,
А смелосью-то ты меня несмелого,
И богачеством меня-то небогатого,
И кудрями-то меня некудреватого,
На походочку меня нещаповитого!» —
«Свет ты, мое да чадо милое,
Мой ты, молодой да сын Никитивец,
Я бы рада народить тя, чадо милое,
Той силою тя да в Святогора-богатыря,
А смелосью тя в казака Илью Муромца,
А богачеством тя в Дюка Степановича,
На пощапочку Чурила сына Пленковича,
А похрабросью в Олёшеньку Поповича, —
Такова тебя, дитя́, видно Господь зародил!»
И говорила ему родная матушка:
«Сходи-ко ты во Божью церьковку,
Сослужи-ко христовскую обеденку,
Ну и простой христовскую заутренку!»
Ну, вот сходил Добрыня во Божью церькву —
Начинает Добрынюшка справлятися.
Заходил он в конюшенку стоялую,
Выбирал он себе Бурушка-косматушка,
Положил потнечки да он на потнечки,
А войлочки-то на войлочки,
А на войлочки седелочко черканьское.
Он двенадцать подпруг под брюхо подстегивал,
А ён тринадцату да промеж ног пронес:
А вот не ради́ красы-босы да молодецкие,
А ради крепости да богатырьские.
И вот наладился Добрыня, накольчужилси,
Садился Добрыня на добра коня.
Ну вот раскланялся Добрыня во все стороны,
А ён матушке своей да в особину:

«Ты прощай, прощай, да родна́ матушка,
Ты еще прощай, да молода жена,
Молода жена да любима́ семья,
Ты не жди меня да через пять годов.
Уж я через пять годов не буду — жди двенадцать лет.
Хоть двенадцать-то не буду, а хоть вдовой живи,
А хоть вдовой живи, а хоть взамуж поди.
Вот не ходи взамуж за вора Олёшу Поповича,
Да за того ли моего брата крестового,
За того ли за бабьего насмешника».
Ну вот видели Добрынюшку сажаючись,
А не видели Добрынюшку поезжаючись.
Ну начал конь скакать да с горы́ на горы́,
Ну вот реки и озера перескакивал,
А маленькие источники промеж ног нес.
Ну вот приезжает-то Добрыня ко Почай-реки,
И привязал-то Добрыня своего коня,
Надавал-то пшена да белояраго;
Красное-то солнышко в полдён пришло,
Богатырьское-то сердце разгорелося,
А Добрынюшке купатьси захотелося.
Скидывал-то Добрыня цветно платьице,
В одну в струечку нырнул, да в другу вынырнул,
Да садился он на серой на камешок.
И налетае Змеищо-Горыныщо,
И говорит-то Змея таковы слова:
«Сейчас я Добрынюшку-то жива сглону,
Ён мастер-то загадочки загадывать,
Ён мастер-то загадочек отгадывать!»
Говорит-то ён, Добрыня, таковы слова:
«Ай же ты, Змея, да Змея лютая,
Нагого ты пожрешь да будто мертвого —
А не честь тебе хвала да молодецькая,
Пусть-ко славушка да богатырьская!»
Налетае Змеище-Горынище на Добрынюшку на Никитича.
Он махнул своей шапкой пухо́вую,
Ён отшиб у Змеи да три хобота,
Ён три хобота да что ни лучшеих.
Она тут, Змея, да розгареласи,
Она тут, Змея, да роспалиласи,
Ёна сбила Добрыню себе под ноги.
Говорит Добрыня таковы слова:
«Ай да ты, Змея да лютая,

Погляди, Змея, да сторона горит,
Сторона горит да любима́ твоя».
Ён махнул своим сафьянном чоботом —
Да ён Змею сбил под ноги, да и убил тут.

И вот садился Добрыня опять на добра́ коня и поехал домой. Вот едет Добрыня по чисту полю, а стоит шатер белополотняной, и стоит у шатра доброй конь. Взял своего привязал, заходит в шатер да белополотняной, а там лежит богатырь Илья Муромец. А ён (Добрыня) наставил ему в груди кинжалище булатное, а Илья-то Муромец был ему дядя, он говорит:

«А молодой-то курёнок не попурхивай,
Стар селезень, дак уха сладка.
А поезжай-ко ты, говорит, на свою родину,
Сегодня-то будет рукобитьицо,
А завтра-то будет свадебка!»
Приезжает Добрынюшка к родной матушке,
Дак матушка его не узнала и говорит:
«Кабы был у меня Добрыня сын Никитивьич,
Дак не досуг бы над моим домом насмехатиси».
А потом ён россказался ей, а она и говорит:
«Жена твоя замуж пошла!» А ён и говорит:
«Принеси-ко ты мне гуселышка яровчаты».

Да ён пошел на свадебку, и вот пришел Добрыня на свадебку, дак этто ему и говорит Олёша-то Попович:

«Первое-то место хоть возли́ меня садись,
А второ-то место — сопротив меня,
А третье — куда сам захошь».

И вот сел ён на печь, и заиграл ён в гуселышка яровчаты — и все тут на пиру дак ужахнулиси. А и говорит-то княгиня таковы слова: «А будто мой-то Добрыня Никитивеч». Ну вот наливали ему чару зелена вина, а ён выпил чару, а другу велел налить княгины. Ну вот ён взял, спустил ей золочен перстень и говорит:

«Пей до дна, дак увидишь добра,
А не пьешь до дна, дак не увидашь добра!»
Ена пошла-то через стол и говорит:
«Не тот-то муж, что возли меня сидит,
А тот-то муж, что сопротив сидит!»
Начал ён Олёшеньку-то побучкивать,
Так в этом бучканьи не было слышно охканья.

№ 48

ПРО ДОБРЫНЮ

Добрынюшка Никитенец у матушки давается
Во Пучай-реку окупатиси:
«Ты спусти, спусти, родна матушка,
Окупатися меня да во Пучай-реку».
Говорила ему родна матушка:
«Не едь ты, моя мала скоморошина,
Пучай-та река есть великая,
За первой струйкой дым столбом валит,
А со дру́гой струйки искры сыплются,
А с по третьей струйки с огнем с пламеньем».
Спустила его да родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна
Во Пучай-реку да окупатися.
Приезжал Добрыня ко Пучай-реки,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ты пустое мне-ка, матушка, говорела,
Пучай-река как лужа дожжовая».
Первый раз нырнул, ён не донырнул —
Дыму нет, а огонь горит,
А огня нет, а искры сыплются.
Налетела тут погана́ Змея
И говорила тут таковы слова:
«Захочу — Добрыню хоть съем-сожру,
А захочу — Добрыню в хобота возьму».
Поглядел Добрыня на крутой берег —
Нету платьицев цветныех,
Нет у Добрыни и добра коня,
Только лежала одна шапонька пуховая.
Выходил Добрыня на крутой берег,
Нагрёб он песку желтого,
Полну шапоньку нагрёб да песку желтого,
Со Змеей ён стал биться да ратиться,
Змею он отшиб целых два хобота.
Тут ему Змея да покориласи,
Сделала ему заповедь великую:
«Мне не летать к вам во Киев-град
И не исть роду крещоного,
А тебе не ездить в мои горы змеиные
И не розбивать моих малых детушок».

Пока Добрыня одевал свои платьца цветные
И садился на добра коня,
А Змея залетела во Киев-град,
Унесла молодую Забаву дочь Путятичну.
Далеко, далеко во чистом поли
Сидел Олёшка во сыром дубу
И выглядел ихну заповедь великую.
У солнышка у князя у Владимира
Собран был уж почесной пир.
Все-то на пиру наедалисе.
Предлагал солнышко князь стольно-киевской:
«Кто из вас съездит во тыи горы змеиные
Вывозить мою любимую племянницу
Молодую Забаву доць Путятичну?»
Старший затулялся за среднего,
А средний затулялся за меньшаго,
А от меньшого от того и ответу нет.
За тым столом да за меньшиим
Сидел Алёшка Поповиц и говорил таковы слова:
«Я вчера был во чистом поли
И сидел во сыром дубу
И видел, что делал заповедь великую
Добрынюшка с поганой Змеей,
Что ей не летать во Киев-град
И не есть роду крещоного.
Дак ему ехать во тыи горы змеиные».
Приходит Добрыня к своей матушки,
Говорила ему родна матушка:
«Верно, мистичко тебе было не по разуму,
Либо чара тебе не рядом дошла,
Либо на пиру над тобой надсмеялися?» —
«Нет, мистичко-то мне было по разуму,
И чара мне по ряду дошла,
И на до мной не надсмеялися,
Только дали мне-ка заповидь великую:
Съездить во тугие горы змеиные». —
«Не печалься ты, мое рожоно дитятко,
Поди седлай коня доброго —
Конь еще дедушков и батюшков.
Вот тебе плетоцка шелковая:
Когда подточат поганые змееныши
Твоему коню доброму подщеточки,
Ты бей коня прямо меж ушей

А той плетоцкой шелковоей;
Когда истомисся сам, добрый молодец,
Дак вот тебе мой шелковый платок:
Три свое личико белое —
У тебя силушка будет по-старому».
Вот поехал добрый молодец,
Днем ехал по красному по солнышку,
А ночью — по светлому по месяцу.
Приехал во тугие горы змеиные.
А у тою Змею поганою
Унесено есть роду крещоного.
Ён стал по тугой горы розъезживать,
Стал змеенышей он потаптывать,
Ён проездил целы сутоцки,
Стал потыкаться его добрый конь.
Ён бил коня прямо меж ушей
Этой плетоцкой шелковую —
Стал конь как поскакивать,
Отряс всех поганыех змеенышев.
Прилетела тут поганая Змея,
Тут ёны стали с ей биться да ратиться,
Трое сутки билися, хлеба не едаюци и воды не пиваюци.
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Спомнил Добрыня матушкин платок,
Утер свое лицико белое —
Сила у Добрыни стала по-старому,
И смелость стала по-прежнему.
Победил ён да Змею поганую,
Потекла тут кровь змеиная,
От востока кровь да до запада.
На коне сидит Добрыня — приужахнулся.
Наконец хотел Добрыня приотъехати —
Тут Добрыни с неба глас гласит:
«Бей-ко ты копьем да долгомерныем,
Бей-ко ты во матушку сыру землю,
Расступись-ко ты, матушка сыра земля,
Припей да прижри кровь змеиную!»
Вот он приходит в норы во змеиные —
Там столько силы принаношено, что и счету нет.
«Вам топерь, братцы, воля вольная,
А покажите, где молодая доць Путятична».
Взял княгину за белы руки
И посадил на добра коня

И повез в свою сторону.
И говорила она ему таковы слова:
«Если хочешь ты, Добрыня, я буду твоей молодой женой,
Если ты не хочешь меня брать молодой женой,
То дадим тебе села с приселками,
А хоть города с пригородками!» —
«Не надо мне городов с пригородками
И селов с приселками,
А только надо мне-ка славушка великая».

№ 49

БОЙ ДОБРЫНЮШКИ СО ЗМЕЕМ

Ну, молодой ли как Добрынюшка да был ведь Микитинич —
Справлялсе как Добрыня за охотою,
Справлялсе как Добрыня во чисто полё,
А во раздольицо́ как во широкое,
А пострелять-то ён гусей да лебедей,
Ну перелётных да тут утёнышов.
А одевал как ён рубашечки-манишечки,
Ну, одёвал одежду ён военную,
А доспехи еще тут богатырьскии,
А за плеча кла́дывал ён тугой-то лук,
А брал тут стрелочки да ён калёныи.
А шел как тут Добрынюшка на широкий двор,
А сёдлал Добрынюшка добра коня,
А родная матушка Добрынюшке наказывала:
«Пои́дешь как Добрыня за охотою —
А не бесчести ты, Добрынюшка, замужних жон,
Ну не бесчести ты, Добрынюшка, нуньку вдовушок,
А не бесчести ты, Добрыня, красных девушок!
Ну не идь-ко ты на гору Сорочиньскую,
А не топчи-ко малыих змеёнышов;
А не идь-ко ты, Добрыня, ко Пущай-реки,
А не купайсе ты, Добрыня, во Пущай-реки:
А Пущай-то как река бежит быстрым-быстра,
А дру́га риченька бежит да быстряе-то,
А тритья риченька бежит, что огонь сикёт».
А садилсе как Добрыня на добра коня,
А поежжал как ён с широка́ двора.
Не ви́дли добра молодца сядучи —

Ну ви́дли молодца поежжаючи.
А ехал как Добрыня на добром кони,
А ехал как Добрыня во чисто́ полё,
Ну во раздольицо как ён во широкое,
А пострилять гусей да лебедей,
А перелётных да ён утёнышов.
Ну прои́здил Добрынюшка Микитинич,
Ну прои́здил как ён тут по чисту полю,
По раздольичу по широкому,
А день-то ён с у́тра до вечёра
Не мог убить ни гуся ён ни лебедя,
Не мог как убить ён же нунь серого утёныша.
На другой как день Добрынюшка Микитинич
А прои́здил ён по чисту полю,
Ну по раздольицю как ён по широкому,
Не мог убить ни гуся ён, ни лебедя,
Не мог убить как серого утёныша.
На третий день Добрынюшка Микитинич,
А ён не слухал как ро́дной матушки,
А приправил как Добрынюшка добра́ коня́,
А ехал ён на гору Сорочиньськую.
А приежжал как ён на гору Сорочиньськую,
А топтал там малых змеёнышов.
А змеёныши были ёны проклятыи —
А подточи́ли у Добрынина коня оны резвы ноги,
А у Добрыни как стал ходить конь на короточках,
А у Добрыни ещё конь подтыкатьсе стал.
Ну Добрынюшка как тут Микитинич
А выдёргивал ён плётку шолковую,
А хлыстал как ён коня же промеж но́ги как заднии.
А у Добрыни конь как стал да поскакивать,
Ну змеёнышей от ног стал отряхивать,
А по колену стал ён в землю угрязывать.
(*Уж богатыри коней держали, так ведь на том стояли, кормили пшеницей билояровой.*)
Ну Добрынюшка как тут да Микитинич,
А ехал ён со горы Сорочиньською,
Ну не слухал ён тут ро́дной матушки,
А ехал как Добрыня на добро́м кони,
Ну ехал тут Добрыня ко Пущай-реки.
Приежжал как тут Добрыня ко Пущай-реки.
А выходил Добрыня со добра́ коня́,
А становил ли ён коня на край бережка,

А воскидывал как ён доспехи богатырьскии,
А скидывал одежду всё военную,
Ну скидывал как ён рубашечки-манишочки.
А на той ли еще тут на Пущай-реки
А были тут как девки-портомойници,
А говорят Добрынюшки Микитичу:
«Ну молодой ты как, Добрынюшка Микитинич,
А купались нунь добры молодцы,
А купались как ёны во Пущай-реки,
А во рубашках тут ёны во биленьких».
А говорит как тут Добрынюшка Микитинич:
«Ай вы, девицы-портомойници,
А про себя вы только знайте да ведайте,
(*отругнулсе*)
А вы не знайте про меня как про Добрынюшку Микитича,
А сам-то я как знаю, сам ведаю».
Ну Добрынюшка как тут же Микитинич
А нырнул тут по Пущай-реку —
Ну от берёжка ён как до берёжка.
А в другу риченьку Добрыне захотелосе,
Ну нырнул как тут Добрыня в другу риченьку —
А от берёжка да ён до берёжка.
Ну в третью ему ричку так и хочетсе,
Нырнул как тут Добрыня в третью риченьку —
Ну от берёжка ён да до берёжка.
А из-под западнёй тут сторонушки
Что ль не шум-то как шумит да не дожжь дожжит,
А летит как тут Змеинищо Горынищо,
А летит как Змея четыреглавая,
А у Змеи как тут двенадцать тут хоботов.
Ну лепечет как ёна по-змеиному,
А говорит как тут по-человичьому;
«А многи мне-ка люди пророчили —
Ну победит меня Добрынюшка Микитинич,
А меня Змеинищо Горынищо —
А Добрынюшка Микитинич в моих руках!
Ну что я знаю, над Добрыней то и сделаю:
Хоть Добрынюшку как я да огнём пожгу,
Хоть Добрынюшку как я да в полон возьму,
И хоть Добрынюшку как я же сама пожру!»
А начала как жгать как тело да белоё
А у Добрынюшки у Микитича.
А Добрынюшка как тут да Микитинич

А видит ён как дело нехорошоё,
А нырнул как тут Добрыня во Пущай-реку,
Ну выскакивал Добрыня на крутой берёг.
А не́ с чем тут со Змеёй приоправитьсе,
А усмотрел как тут Добрынюшка Микитинич
А колпак-то тут Земли Гречечкой,
А схватил ли как Добрынюшка Микитинич
А колпак Земли ён тут Гречечкой.
А колпак-то тут Добрыни нунь да мал попал:
А мал-то как попал ровно пуда три.
Ну Добрынюшка как тут же Микитинич
Ударил колпаком Земли Гречечкой
А Змеинищо-то ён да Горынищо —
А сбил как тут Змею на сыру землю,
А сбил как тут Змею во кувыль-траву.
Ну скочел как ён на грудь на змеиную,
Ну в руках-то тут держал ён булатний нож,
А хотел-то ён рубить-то нунь Змеиныи ён головы!
А тут как Змея ему смолиласе,
Лепётала как ёна по-змеиному,
А говорила тут ёна по-человечьому,
А говорила Добрынюшки Микитичу:
«А Добрынюшка как ты да Микитинич,
А не руби голов моих змеиных,
А не оставь-ко ты змеёнышей сироткамы!
Ну мы с тобой положим ищё заповидь великую,
А не съежжатьсе еще нам во чистом поли,
А не делать как нам бою, кроволития,
А не летать как мни по матушки Русиюшки,
Не уносить как люда крестьяньського,
А жить мни как в горах Сорочиньськиих,
А во норах-то еще нунь змеиниих.
Но скочил как тут Добрыня со груди змеиною,
А делали тут записи велики:
А не съежжатьсе, не сражатьсе во чистом поли,
Не делать бою-драки, кроволития,
А не летать как тут Змеи по Росиюшки,
Не уносить как боле люда крестьяньського,
А жить ей во горах Сорочиньскиих,
А во норах как нунь во змеиных.
А полетела тут Змея да закрякала:
«А сыта я сегодня, пообедала!»

(*Попала как под колено Добрыни, так «сыто пообедала», — говорит.*)

А летела тут Змея через Киёв-град —
А унёсла как у князя у Владимёра,
А любимую ёна да племянничу
А молодую тут Забаву дочь Путятичну
А во горы как ёна Сорочиньськии,
А во норы тут во змеиныи.
А Добрынюшка как тут да Микитинич,
А нырнул Добрыня ко добру коню,
А выскакивал Добрыня на крутой берёг,
Одевал рубашечки-манишочки,
А одевал как одежду военную,
А доспехи тут богатырьскии,
А садилсе как Добрыня на добра коня,
А ехал как Добрыня к родной матушки.
Приежжал как тут Добрыня к родной матушки,
Заежжал Добрыня на широкий двор,
А выходил как Добрыня со добра коня,
А вел ли ён коня во конюшоньку,
А во стоилу ище ён лошадиною.
Ну сыпал как ён коню пшёна билоярова,
А нес-то ён коню ключевой воды:
«А ешь-ка ты, добрый конь, пшена ты до́сыта,
А пей-ка ты ключевой воды нуньку до́пьяна».
А сам-то шел в палату билокамённу,
А ко родной тут ён ко матушки;
А у родной как было у матушки
А про Добрынюшку тут все было сгото́влёно:
Ну столики стояли как дубовыи,
А скамеечки были клёновы́и,
А есьвица были сахарнии,
А питьица были да медвяныи.
А у родной как-то тут да матушки
А Добрынюшка как тут да Микитинич
Скидывал доспехи богатырьскии,
Скидывал ён одежду военную,
Ну садилсе ён за столики дубовыи,
А на скамеечки да на клёновыи.
А у родной у своей ён у матушки
Ну поел как ён тут есьвица сахарьного,
Ну попил как тут питьица медьвяныи
У своей ён родной у матушки.
А у матушки поездкой не похвастыват,
А про поездку ён не рассказыват

А своей-то ён еще родной матушке.
А выходил как ⟨и⟩з-за стола ⟨и⟩з-за дубового,
А ложился на кроваточку тёсовую,
А на перинку ён на пуховую,
А тут ли как Добрынюшка отдóх дёржал.
(*Тут уж спать свалилсе, так и нам отдыхать.*)

№ 50

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Во славном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Роздернут как был почестен пир.
А на пир он всих князей-бояр собрал,
Всих руських могучих богатырей.
А на том пиру на почестноем
У ласкова князя да у Владимира
Был молодой Добрыня Микитьинец.
А стал князь Владимир да выспрашивати:
«Вы, руськие могучие богатыри,
Не ездили ли вы на горы Сорочинськие,
Ко норам ко змеиным?
Унесла у меня Змея проклятая
Молоду Забаву дочь Путятичну».
Вси да тут отказалися,
А говорит смелый Алёша Попович:
«Езживал, мол, Добрыня Микитьинич
А во горы он Сорочинськие,
А ко норам он ко змеиным,
Да сделаны у них записи великие!»
Говорит Владимёр стольно-киевський:
«Съизди-ко, молодой Добрыня Микитьинич,
Повыручи мою племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
А не съиздишь — голову срублю!»
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Шел как со пиру со почестного,
Пошел ен невеселёшенек,
Пошел ен крученёшенек
Ко своей ко родной матушке.
Приходит молодой Добрынюшка Микитьинич

Со пиру со почестного
От князя ён да от Владимира
Ко своей да родной матушке.
Приходит ён невеселёшенек,
Приходит ён крученёшенек.
Родна матушка выспрашиват:
«Что же ты, Добрынюшка Микитьинич,
Пришел от князя от Владимира,
А пришел невеселёшенек.
А пришел ты крученёше⟨не⟩к?
Да не обидели ли князья-бояра там,
На том пиру, да на пиру почестноем
У князя да у Владимира?
Да не обнес ли тебя князь Владимир
Чарочкой с зеленым вином,
Не обсмиялись ли круг тебя
Мужики да деревенськие?»
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Стал родной матушке россказывать:
«Не обсудили меня князья-бояре
На пиру да на почестноем
У князя да у Владимира,
Не обнес меня князь Владимёр
Чарой зелена вина,
Да не обсмиялись круг меня
Мужики да деревеньские —
Только наложил он мне службу великую,
Службу он мне тяжелую:
Съиздить во горы Сорочиньские,
А во норы змеиные,
Повыручить у князя Владимира племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну». —
«Эх ты, молодой Добрынюшка Микитьинич,
Говорила я тебе, да родна матушка,
Что не изди, не купайся во Пущай-реки,
Что не изди-ко ты на горы Сорочинськие
Не топчи-ко ты там змеенышей.
Но молодой Добрынюшка Микитьинич,
Вставай-ко ты поутрушку ранешенько,
Седлай-ко ты да добра коня
Да поезжай-ко на горы Сорочинськие
Да ко норам-то да ко змеиным».
Молодой Добрынюшка Микитьинич

Вставал как ён поутрушку ранешенько,
Одевал как ён одеждушку военную,
А доспехи все да богатырськии,
Брал как он копье да долгомерное,
А за плечи кладовал да тугой-то лук,
А палицю ён брал да во сорок пуд.
Шел как же Добрынюшка на широк двор,
А шел как уж Добрыня ко добру коню,
Отвязывал Добрынюшка добра коня
От столба да от точеного,
От кольца ён золоченого.
Садился Добрыня на добра коня,
Прощался с своей родной матушкой.
Родна матушка Добрынюшке наказывала:
«Молодой Добрынюшка Микитьинич,
Я дам платок да родна батюшки.
Как сразишься ты со Змеинышом-Горынышшом,
Добрый конь у тя наскачется,
А рука могучая намашется,
Ты вспомни родну матушку,
Выдерни из своёго карманышка
Родны матушки платок беленький,
Проведи-ко ты добра коня
Да по тугим ребрам да промеж ушей,
Да потри-ко свои да очи ясные,
Да свои да руки могучие —
А будет у тебя конь поскакивать,
Поскакивать да не по-старому,
Будет конь скакать да не по-прежнему,
Будешь ты махать не по-старому и не по-прежнему,
Победишь Змеинышшо-Горынышшо».
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Садился как ён на добра коня,
И поезжал он с широка двора.
Как видли добра молодца сядучи —
Да не видели поезжаючи.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Ехал он на гору Сорочинськую,
А ко норам как ён ко змеиным.
Приезжал как молодой Добрынюшка
На горы Сорочинськие,
А ко норам да ко змеиным.
Вылетала тут Горыниша-Змеинишша

Со нор да со змеиных,
Говорит Добрыне таковы слова:
«Молодой Добрынюшка Микитьинич,
Изменил ты заповедь великую,
А приехал ты на гору ко мне да Сорочинськую».
Говорит молодой Добрынюшка Микитьинич Змеинишу-Горынышшу:
«Ах ты, проклятая Змеинышша-Горынышша,
Не я же изменил заповедь великую,
А ты же изменила заповедь великую:
Не лететь было тебе по Русиюшки,
Не уносить люду крестьянского,
А народу пролетарського
Во норы во змеиные.
А ты полетела да унесла у князя у Владимира
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Отдай ю без боя, без кроволития!»
Говорил Змеинишо-Горынишо:
«Ах ты, молодой Добрынюшка Микитьинич,
Не отдам я без бою, без кроволития,
А выйдем мы с тобой да на чисто поле».
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Выезжал как со Змеинышом-Горынишом,
Выезжал-то ён на чисто поле.
А тут со Змеей ены сразилися,
Открыли бой-кроволитие.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Дерется со Змеинишом-Горынишом,
Дерется он да трои суточки,
Не едаючи да не пиваючи,
Да отдоху себе не даваючи.
Наскакался у Добрынюшки добрый конь,
Намахалась у Добрынюшки рука могучая.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Вспомнил платок родной матушки,
Что наказыва⟨ла⟩ ему да родна матушка.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Поскурешенько выдергивал платок да родной матушки,
Обвел платочком коня да по тугим ребрам,
А по тугим ребрам да промеж ушей,
Водил он себя да по ясным очам,
По ясным очам да по белым рукам.
У Добрыни конь стал поскакивать
Не по-старому и не по-прежнему,

25 Зак. 3948

У Добрыни сила стала не по-старому да не по-прежнему,
У Добрыни силы много прибыло.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Съехался как со Змеинишом-Горынишом,
Махнул как ен палицей сорокпудовою —
Отсадил ей шесть хоботов.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Другой раз как съехался со Змеинишом-Горынишом,
Остатних отсадил шесть хоботов.
Скочил он на грудь на змеиную,
Схватил нож булатныи,
Отсек ен голову змеиную —
Хлынула кровь змеиная.
Молодой Добрынюшка Микитьинич
Стал во крови змеиной да по колено с добрым конем.
Говорит молодой Добрынюшка Микитьинич:
«Росступись-ко ты, мать сыра земля,
Углотай-ко ты кровь да змеиную,
А не погуби-ко ты меня, молодого Добрынюшку Микитьинича».
Росступилась мать сыра земля,
Углотала кровь змеиную.
Садился Добрыня на добра коня
И ехал ко норам ко змеиныим.
Приезжал как молодой Добрынюшка Микитьинич
Ко норам да ко змеиныим.
Выходил как ён да со добра коня.
Заходил как ён во норы во змеиные,
Там люда было много-множество:
Были князья да князёвичи,
Короли да королёвичи,
И были красны девушки,
Королевны и царевичны.
Говорит молодой Добрынюшка Микитьинич:
«Ах вы, народ да люди добрые,
Не видали ли князёвой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны?»
Все отказались:
Не видели молодой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны.
А молодой Добрынюшка Микитьинич
Брал ключи да Змеиные,
Отмыкал у Змеи да вси комнаты.
А молода Забава дочь Путятична

Была в самой комнате последнею.
Вздымал Добрынюшка Микитьинич князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Брал ён да за белы руки,
А вел со норы да со змеиною,
Говорил народу, люди добрыим:
«Выходите вы, народ да люди добрые,
Со норы да со змеиные
Вы вослед да позади меня,
А убил я Змеинишу-Горынишу».
Выходили народ, люди добрые
Со норы да со змеиные,
Выходили ёны на белый свет,
Добрынюшки до пояса вси кланялись:
«Спасибо тебе, молодой Добрынюшка Микитьинич,
Повывел ты нас да на белый свет,
На матушку да на Русиюшку,
Сбавил нас от победы великою».
Говорит молодой Добрынюшка Микитьинич:
«Ах вы, народ да люди добрые,
Расходитесь вы по своим местам».
Поклонились молодому Добрынюшке Микитьиничу
Да вси до пояса.
А молодой Добрынюшка Микитьинич
Садился ён же на добра коня,
Посадил князеву любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
К себе ён на коленочка,
Повез ён да во Киев-град,
Ко князю ён да ко Владимиру.
Говорит молода Забава дочь Путятична:
«Ох же молодой ты Добрынюшка Микитьинич,
Будь-ко ты да законный мне-ка муж,
А я — твоя жена законная».
Говорит молодой Добрынюшка Микитьинич:
«Ах ты, говорит, князева племянница,
Молода Забава дочь Путятична,
Ты есть роду княженецького,
А я роду есть крестьянського.
Не пристойно мни брать роду княженецького
А молоду Добрынюшке сынку крестьянскому!»
Привез ко князю ён ко Владимиру
Молоду Забаву дочь Путятичну,

Опустился он со добра коня,
Подавал ю князю ён да Владимиру
А молоду Забаву дочь Путятичну,
А князь Владимир ему и спасибо не сказал.

№ 51

ПРО МИКИТУШКУ ДОБРЫНЮШКУ

Добрынюшка Никитич ён матушке ⟨да⟩ ен давается:
«Ты спусти меня, ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Во Пучай да реку да окунатися».
Говорила ему да родна матушка:
«Пучай-река да есть свирепая:
Со первой-то струйки дым столбом валит,
А со другой-то струйки искры сыплятся,
Со третий-то струйки — с огнем с пламенем».
Говорил Добрынюшка Микитиниц:
«Спусти, спусти да меня, родна матушка,
Дай-ко мне прощенице, благословленьице».
Наконец поехал добрый молодец.
Приезжал Добрыня ко Пучай-реке,
Говорил Добрыня таково слово:
«Пустое мне-ко матушка говорила —
Пучай-река, как лужа дождевая».
Привезал коня да ко сыру дубу,
Скинул свои цветны платьица,
Разделся молодец совсем донога:
Первый раз нырнул — да перенырнул.
Тучи-то нету, только дождь дождит,
А огня нет, а искры сыплются.
Налетела только тут погана Змея,
Говорила ему таковы слова:
«Захочу — Добрынюшку съем-сожру,
Захочу — Добрыню в хобота возьму!»
Поглядел Добрыня на крутой на берег,
А нет уж его цветных платьицев,
Нет добра коня и нету платьицев,
Одна шапонька да пуховая.
Выскоцил Добрыня на крутой бере́г,
А нагреб-то тут ен желтого песку щепоточку,

И стал ён с поганой Змеей ⟨да⟩ тут ратиться —
Отшиб Добрыня два хобота.
Поганая Змея ему смолилася:
«Ах же ты, Добрынюшка Микитинец,
Ты не бей, Микитушка Добрынюшка,
Будь ты мне да крестовый брат,
А мы с тобой, с бра́тушкой, побратаемсе
И сделаем мы заповедь великую:
Тебе бы уж не издить во туги горы,
Во туги бы тут во горы во змеиные,
И не топтать моих малыих змеёнышей».
А говорил Добрыня таково слово:
«Тебе бы не летать к нам во Киев-град
И не исть роду крещеного!»
Тут оны с им да поразъехались.
Как тая Змеища поганая
Нарушила заповедь великую:
Слетела она да во Киев-град
И унесла молодую Забаву дочь Путятицьну
Во тугие во горы во змеиные.
Приехал Добрыня со Пучай-реки.
У солнышка у князя у Владимера
Был собран да почестный пир.
И вси-то на пиру да наедалисе,
И вси-то на пиру да порасхвастались.
А говорит солнышко князь да стольно-киевский:
«Ах вы, сильные могучие богатыри,
И кто бы съездил из вас да во туги горы,
Во туги горы да во змеиные
За моей за любимой за племянницей?»
Старый-то тулялся за среднего,
А средний-то тулялся за меньшего,
А от меньшего от того и ответу нет».
(*С того уж взять нецего*).
Говорил Олёшка Поповиц таковы слова:
«Я был вцера да во цистом поли,
Сидел-то уж я во сыром дубу,
Видал, как крестами побратались
Добрынюшка с поганой Змеей».
Говорил-то князь да стольно-киевский:
«Ты съезди-ко, Добрыня, за племянницой».
Приходил Добрыня к своей матушки,
Он повесил свою да буйну голову.

«Говорила я тебе, рожоно дитетко,
Ты не знайся, сирота, да со боярами —
Потеряешь живот да во подарочках,
А то положишь своей буйной головушкой.
Али чара тебя не рядом дошла?
И на пиру, верно, надсмеялися?»
Говорил Добрынюшка Микитинец:
«Надо ехать мне во туги горы змеиные».
Говорила-то ему да родна́ матушка:
«Не пеця́лься, ты мое рожоно дитетко,
Сходи-ко ты во стойла лошадиные,
Возьми коня дедушкаво да богатырского,
И батюшки коня возьми да дедушки».
Принесла ему сиделко черканьское
И плеточку взяла шелковую,
И на поезде ему дала шелковый плат,
Дала и ему и наказыват:
«Когда-то устанет твой добрый конь,
Бей ты плеточкой его по тугим ребрам,
По тугим ребрам прямо меж уши.
Когда поблекнет у тя личко белое,
Если сам устанешь, добрый молодец,
Ты утри свое лицко шелковым платком».
Стал седлать он добра коня:
Кладал потницки да ён на потницки,
А на потницки — мягки войлоцки,
А на потницки — черканьско ковано седло.
А видали добра молодца как сядучи —
А не видли в заугон поедучи.
Поехал Добрыня во чисто поле,
И днем-то ехал по красному по солнышку,
И ночью по светлому по месяцу,
Приехал как Добрыня во туги горы во змеиные.
И стал по тугим горам поезживать,
Змеёнышев стал ён потаптывать,
Они добру коню около ног да обвивалисе —
Добрый конь да на коленки пал.
Уж бил как ён коня да по тугим ребрам,
Он плеточкой бил да шелковой
По тугим ребрам, прямо меж ушей.
«Что ты, конь, пеловой мешок!»
(*Пела — как овес молотят, ле⟨г⟩кая оставается такая.*)
Добрый конь тут да стал поскакивать

И отряс от ног всех змеенышев.
Прилетела-то тут поганая Змея.
(*Она опять где-нибудь летела, народ схватила.*)
А тут ены да уж с Добрынюшкой схватилисе,
А сутоцки хлеба не едаючи,
(*Это бились.*)
Други бились, воды не пиваючи.
Наконец хотел Добрынюшка приотъехати,
Спомнил платок родной матушки,
Он утер свое личко белое —
А сила его, силушка, стала уж по-старому,
Победил ён Змею да поганую.
Говорила Змея таковы слова:
«Ах ты, Микитушка Добрынюшка,
Нарушил свою заповедь великую:
Не надо бы тебе ехать ко мни
Во туги горы змеиные». —
«А зачем ты залетела к нам во Киев-град?
(*Ейна задевка впереди.*)
А зачем ты унесла Забаву дочь Путятицну?»
Победил Добрыня погану Змею —
Потекла ейна кровь змеиная
Уж ⟨с⟩ востока она да до запада.
Наконец хотел Добрынюшка отъехати —
Тут Добрынюшки с неба проглась гласит:
«Бей-ко ты ножом да долгомерныим,
Бей-ко ты во матушку сыру землю,
А бей-ко уж ты да приговаривай:
„Расступись да росступись, да мать сыра земля,
Припей, прижри кровь змеиную!"»
Пришел Добрыня во пещеру Змеиную,
(*В нору-то в ейную*)
Полна нора народу крещеного.
(*Наношено так.*)
«А топерику уж вам да воля вольная!
Ты, Забава доць Путятицна,
Давай поедем в свою сторону».
Взял Добрыня да добра коня,
Поехал Добрыня он во Киев-град
И привез молоду доць Путятицьну.
(*Это така река была: как богатыри подрастут, так и идут. Им интересно было купаться, кто порный.*)

№ 52

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ

Был богатырь Микита. У этого Микиты был сын Добрынюшка Микитьинич. Ему было шестнадцать лет, когда отец помер. Где-то там была Пущай-река. Он у матушки спрашиват: «Матушка Наталья Тимофеевна, спусти меня во Пущай-реку покупатися». — «Нет, — говорит матушка Наталья Тимофеевна, — не пущу, твой батюшка издил в Пущай-реку покупатися, и с того в землю ушел». А он говорит: «Спустишь — поеду, и не спустишь — поеду». — Заупрямился. Она ему и разрешила, дала ему отцовськую пуховую шляпу: «Будет пóтом усилять, помахивай да от себя пот отмахивай». Добрынюшка оседлал добра коня, видли молодца сядучи, да не видли поезжаючи — уехал. Приезжает ко Пущай-реки, спустил добра коня на зеленый луг, роздернул белый шатер и свалился отдыхать. Несколько там времени поотдыхал, вышел и пошел к Пущай-реки, снял с себя платья и пустился в Пущай-реку. Первую струйку бродком пробрел, вторую струйку ен переплыл, третью струйку бродком пробрел. Вышел на четверту струйку — будто бы буря пошла: летит Змея семиглавая и на Добрынюшку Микитьича хочет пасть. Он сейчас спустился на глубóко дно и достал там горсть песку и ей бросил во глаза. Покуда она глаза росчищала, он выскочил на крутой берег, да только успел схватить шляпу пуховую да Змею шлепнул, отбил у ней три хобота. Обессилил Змею и начал Змею подергивать, начал Змею похлыстывать. Тут Змея и взмолилася: «Ой ты, Добрынюшка Микитьинич, спусти ты меня во живых, будешь ты мой старший брат, а я твоя меньша сестра». И он Змеи повирил и спустил Змию. Спустил, оделся, пошел в белый шатер, немножко отдохнул и поехал домой. А Змия уже летит ему навстречу и несет — у царя уташила дочь. Вот он домой приезжает, мать у него спрашивает: «Как, Добрынюшка Микитьинич, путь твоя была?» — «Путь была хорошая, Змею победил, не убил, но победил, она назвалась мне меньша сестра». — «Ай же ты, Добрынюшка Микитьинич, когда ты ошибочно на первый раз ее победил, так уж в живых бы не спускал, а то она тебе возвратит этот удар». — «Ничего, мама, вот сейчас попалась, кого-то несет из России».

Только попил, спать свалился, от царя Михаила посол приходит: «Ну, Добрынюшка Микитьинич, царь просит тебя на почестный пир». Ну, он у матери спросил, мать ему разрешила. Он приходит на почестный пир, все российские могучие богатыри у царя собраны, все за столом сидят. Он приходит, его царь захватил за белы́ руки и провел в большо место первым гостем (*ему, наверно, было известно, что он победил Змею*). Подносит ему чару зелена вина, мерой эта чара полтора ведра, а весом эта чара полтора пуда. Взял Добрынюшка единой рукой и выпил на единый здох. Подносит ему чару пива пьяного, весом эта чара в полтора пуда, а мерой эта чара в полтора ведра. Взял Добрыня единой рукой, выпил чару на единый здох. Подносят ему чару меду сладкого, весом эта чара в полтора пуда, мерой эта чара в полтора ведра. Взял Добрыня единой рукой, выпил чару на единый здох. (*Другие богатыри уже угощены.*)

«Ай же вы, российские могучие богатыри, кто из вас не может ли моей дочери достать, мою дочь проклята Змея утащила во туги горы». А Ермак Тимофеевич встал на резвы ноги и говорит: «Ай же, — говорит, — царь Михаил, я был у Пущай-реки и видел, как Добрыня победил Змею, а она назвалась ему меньшой сестрой, а он будет ей старший брат». Все руками захлопали (*как у нас на собрании*) — Добрынюшке Никитичу ехать во туги горы. Стал Добрынюшка на резвы ноги, топнул Добрынюшка во кирпичный мост — все теремы зашаталися, оконца из окон посыпа-

лись, а кирпич упал царю в голову. Все его стали уговаривать, все упрашивать, ехать Добрыне во туги горы. И справился Добрынюшка Микитьинич домой. Идет к своей матушке Натальюшке, и спущена головушка пониже плеч. Матушка встречает, видит, что-то неладное. «Ой же ты, Добрынюшка Микитьинич, наверно, на тебя там российские богатыри насмеялися или последним ты гостем за столом был, или шлюхи подгородны насмеялися». — «Нет, матушка Натальюшка, я был первым гостем, а мне дали службу великую — ехать во туги горы к проклятой Змеи за царевой дочери». Ну, матушка ему и говорит: «Ну, Добрынюшка Микитьинич, ждать некогды, иди-ко ты во конюшеньку да бери-ко ты коня сивогривого, он по колено там в навоз заросс». Ну, пришел Добрынюшка Микитьинич, взял коня с конюшеньки сивогривого, вывел коня на белый двор, начал его умывать да учесывать. И насыпал он коню пшеницы белояровой, начал коня обседлывать, начал коня обуздывать. Кладет он седелко на седелышко, уздечку на уздечушку и наверёх кладет сиделышко черкасское. Стал садиться Добрынюшка на добра коня. Матушка Натальюшка выносит ему плетку шелковую отцовськую. Выносит ему шелковый платок. «Вот тебе, Добрынюшка Микитьинич, шелковый платок, и когда будет тебя потом усилять, утирайся шелковым платком, а плеткой коня бей по тугим ребрам, по тугим ребрам да промеж ушей». Видли добра молодца сядучи, да не видли поезжаючи. Приезжает Добрыня во туги горы, к проклятой Змеи в жилишше, а Змеи дома нет. Он всех змеенышов повытоптал и царевну нашел. Посадил на добра коня, свез на зеленый луг, роздернул белый шатер, да там оставил. Лишь только поспел вернуться во туги горы (*вернулся, убить надо Змею*), проклята Змея налетела, и говорит: «Ах ты, удалой добрый молодец Добрынюшка Микитьинич, зачем ты приехал, незваный гость?» — «Ах ты, проклята Змея, когда ты была у меня под коленами, назвалась ты меньша сестра, а я старшой брат. А теперь ты в России вред делаешь». И тут они со Змеей схватилися, со Змеей начали они драться. Сутки они бьются не едаючи, не пиваючи, не отдыхаючи. Вторые бьются сутки не едаючи, не пиваючи, не отдыхаючи, а на третьи сутки у Добрыни конь стал поскакивать не по-старому — устал, Добрынюшку стал пот усилять. Вот впомнил Добрыня плетку шелковую, взял плетку шелковую и начал коня похлыстывать по тугим ребрам да прямо меж ушей. Вспомнил свой матерный платок, начал платком утираться, потом его усилять не стало. Конь стал скакать по-старому, и победил он прокляту Змею, отрубил ей вси хоботы, да привязал к стремени и поехал (*взял царевну с бела шатра*). Приезжает тут во Киев-град к царю с царевной. Тут царь открыл пир на весь мир, я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. (*Нет, они не женились, отбил царю дочь да Змию побил да змеенышей.*)

№ 53

ПРО ДОБРЫНЮ И ЗМЕЙ

До - бры - ни род - на ма - ту - шка:
5. "А ведь, До - бры - ню - шка,
ведь и е - сте
Пу - чай – ре - ка зми - и - на - я,
6. А ведь хто – то
во Пу - ча - й(и)
– ре - ки да ку - па - и - цэ,
7. А на - зад, До - бры - ню - шка,

ни во - ро - ча - и - цэ!"
8. "А есь у м'ня,
род - на ма - туш - ка,
о - хво - ту - шка ве - ли - ка - я!"
9. А-й шёл До - бры - ню - шка да ко Пу - чай – ре - ки,
10. А ски - ды - вал
он ру - баш - ку – ту шол - ко - ву - ю,
11. А по - ла - гал – то
ру - баш - ку на жёл - тый пе - сок,

12. А о - ку - пал - сэ

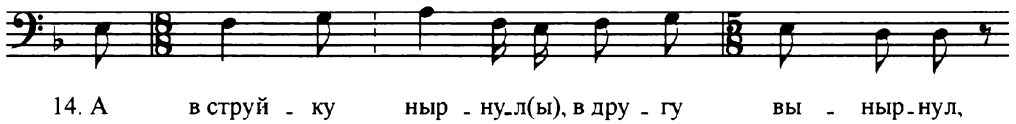
До - бры - ня со го - ло - ву - шкой.

13. А на - чал по стру - еч - ка - м(ы)

До - бры - ню - шка по - ныр - ки - вать –

14. А в струй - ку ныр - ну - л(ы), в дру - гу вы - ныр - нул,

15. А в тре - тью – ту

До - б(ы) - ры - ня ныр - нул стру - ёч - ку,

16. А за - хва - ти - ла Зми - и - що – то

До - бры - ню - шку тре - гла - ва - я,

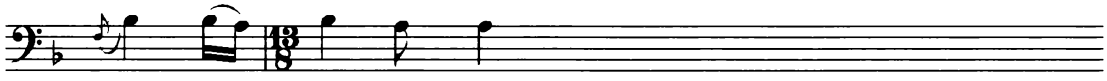
А говорил-то Добрынюшка да ро́дной матушки:
«Как есь шче у м'ня охвотушка да е[сь] великая —
Как окупа́тьце-то да во Пучай-реки́».
А говорила Добрыни ро́дна матушка:
«А ведь, Добрынюшка, ведь и есте Пучай-река змиина́я,
А ведь хто-то во Пучай(и)-реки́ да купаицэ,
А назад, Добрынюшка, ни ворочáицэ!» —
«А есь у м'ня, ро́дна матушка, охвотушка великая!»
А-й шёл Добрынюшка да ко Пучай-реки́,
А скидыва́л он рубашку-ту шолко́вую,
А полагал-то рубашку на жёлты́й песок,
А окупа́лсэ Добрыня со головушкой.
А нача́л по струечкам(ы) Добрынюшка поны́ркивать —
А в струйку ны́рнул(ы), в другу вынырнул,
А в третью-ту Доб(ы)рыня ны́рнул стру́ёчку,
А захватила Змиищо-то Добрынюшку треглавая,
А хоботамы-то-й она змиинныма да посерёдочки...

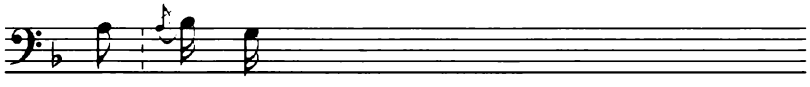
№ 54

ПРО ДОБРЫНЮ И ЗМЕЙ

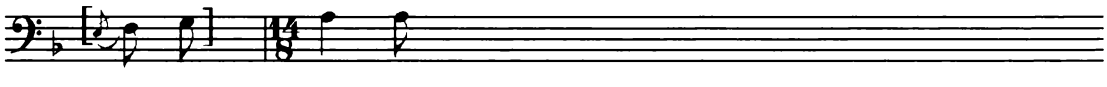

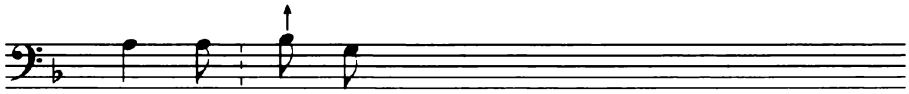

Доб - ры - ни род - на ма - ту - шка:

5."Как, До - бры - ню - шка,

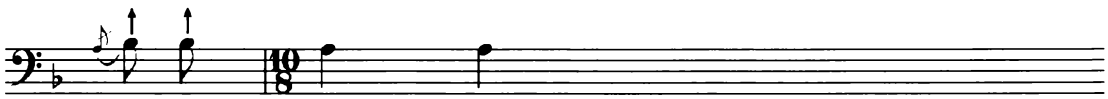

Пу - ча - й(и)

– ре - ка да ведь зми - и - на - я:

6. [А ведь хто - то

во] Пу - ча - й(и)

– ре - ки да ведь ку - па - ет - цэ,

7. А на - зад – то

не - хто не во - ро - ча - ет - цэ
8. А у - тас - ки - ват
Зме - ис - що - то тре - гла - ва - я!"
9. А го - во - рил До - бры - ню - шка
да род-ной ма - туш - ки:
10. "Как и е[сь] у м'ня
о - хво - ту - шка,
да е[сь] ве - ли - ка - я!"
11. При - хо - ди - л(ы) - то

26 Зак. 3948

не - хто не во - ро - ча - ет - цэ —
12. А ски - ды - вал ру - баш - ку он тут шол - ко - ву - ю,
13. А по - ла - гал - то
ру - баш - ку на жёл - ты - й(и) пе - сок,
14. А о - ку - пал - сэ
До - бры - ню - шка
да со го - ло - ву - шкой.
15. А на - чал До - бры - ня

А как говорил-то Доб(ы)рыня ро́д(ы)ной матушки:
«А есь у м'ня охотушка да великая —
А окупа́тьця мне-кова да во Пучай(и)-реки́».
Говорила Добрыни ро́дна матушка:
«Как, Добрынюшка, Пучай(и)-река да ведь змииная:
[А ведь хто-то во] Пучай(и)-реки́ да ведь купаетцэ,
А назад-то нехто́ не ворочáетцэ —
А утаскиват Змейсцо-то треглавая!»
А говорил Добрынюшка да ро́дной матушки:
«Как и е[сь] у м'ня охвотушка, да е[сь] великая!»
Приходил(ы)-то Добрыня ко Пучай(и)-реки́,
А скидывáл рубашку он тут шолко́вую,
А полагал-то рубашку на жёлты́й(и) песок,
А окупáлсэ Добрынюшка да со головушкой.
А начáл Добрыня по струечкам(ы) да поны́р(ы)кивать...

№ 55

ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА, КАК ОН ДЕЛИЛ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ СО ЗМИЕМ ГОРЫНИЦЕМ

Как собрал-то Владимер стольне-киеской,
Как собрал он да почесный пир,
Как забрал он да всех князей да бояринов,
Да всех русскиих да богатырей.
Как на том пиру на почесноем
Как хватало у царя всякой всяцины,
Как хватало иденьиця, как хватало питейниця,
Стояли вина виноградные,
Лежали папиросочки забавные,
Разрешоно у царя ись и пить и курить, сколько хоцеце.
Любопытно ему было, царю, цем гости будут хвастати,

Как во хмелю-то у гостей больше хвастанья!
Как заводит солнышко ближе к вецеру,
Как все-то стали гости при ве́сели,
Все на пиру принаилисе
И вина виноградного напилисе,
И все-то тут да и поросхвастались:
«Как вот нас угостил Владимер-князь да стольно-киеский!»
Как любопытно было слушать царю стольне-киескому,
Как выходил Владимер-князь да стольне-киеский
Как за столами, стола да дубового,
Как становился он да во гредню столовую,
Как проходил мимо столы да дубовые
И говорит гостям да таковы слова:
«Как послушайте, князья и боярыне,
Как гостевище у нас кончилось,
Как разъезжайтесь-ко вы да по своим местам
И по своим постам.
А вы послушайте-ко, русские богатыри,
Я вам дам ослобожденьица
На полмесяца да и поохотиться.
Разъезжайтесь-ко вы да в разны стороны
Как за утками да за гусями и за лебедушками
И за малыма за серыма утенышкамы!»
Как отвечали тут да русские богатыри:
«Как спасибо тебе, царь стольне-киевский,
За твое широко угощеньице
Относим мы тебе благодареньице,
И спасибо тебе за предложеньице,
Как отправляшь нас на охвотушку в разны стороны».
Выходили из-за столов да с-за дубовыих,
Как разъезжалися князья да во вси стороны.
А как русские богатыри — да на широкий двор,
Как седлали-то они да добрых коней,
Как заберали с собой свой тугой лук
Да полагали в корман свои стрелочки коленые,
И захватывали они ножища-кинжалища,
Как пехали в голенища да длинные,
Как не заберали они с собой орудьев военныих,
Воевать они не отправлялися —
Не взяли оне копей долгомерныих
И не взяли палиц во сорок пуд.
Как садились они да на добрых коней
И с царем стольне-киевским простилисе

И поехали в разные стороны.
Как поехал Добрынюшка Никитинец,
Как поехал он ко кияну да ко Тихому.
Приезжал он ко кияну ко Тихому,
Как стрелял он гусей да и лебедей,
Серых малыих да утенышей,
И настрилял-то он их видь множество.
Как нависил он да на добра коня
Как большинскима да типамы,
Как садился сам да на добра коня,
Как поезжал-то он да прямо к Киеву.
Как выезжал он на поля на широкие,
Как услышал он, что будто дождь дождит
И будто гром громит.
Как едет Добрыня, поглядыват,
Как до поселка еще да далеко тут:
«Как измочит меня частым дождиком!»
Как оглянулся Добрынюшка назад в тую сторону,
Как он видит сам, что летит след да гонится
Какое-то большое чудовище,
У Добрынюшки да не видано.
Как кричит чудовище человеческим голосом:
«Что захочу, то с этим охотником и сделаю,
Захочу — домой унесу,
Захочу — к земли придавлю!»
Как разгорелось у Добрыни сердце богатырское,
Как говорит-то он чудовищу таковы слова:
«Как если Бог-то не покинет, дак и Змии не съесть,
А Змии не съись да восьмиглавою!»
Как ощтетинилась Змея да восьмиглавая,
Как хлопнула Добрыню своим хоботом —
Как покатилсе Добрыня со своим конем и прямо на землю.
Как карабкался Добрыня с-под конь да на ноги,
Как скочел-то он Змеи да на хобот тут,
Как вытягивал ножище-кинжалище,
Как отцек-то у ей три сажени хобота.
Как тут-то дак Змия разозлилася,
Как в ухватку дратьсе схватилисе.
Как из хвоста из ейного кровь, будто дождь дождит,
А под ногами у них земля, будто гром громит.
И так они дерутся да ратятсе.
Как прирвала Змия да восьмиглавая,
Как прирвала его да в лежку,

И лежит Добрыня и не знает где,
Притоптали к земли куда-то к матери.
Как приклевала ена морду богатырскую,
Как пригрызла ему руки богатырские.
Как продралися они сутки-пятеро —
В это время у Змеи сила уменьшилась,
А у Добрынюшки силы еще множество:
Как развернулсе Добрынюшка да Никитинец,
Как здынул он руку богатырскую
Со своим ножищем да кинжалищем,
Как он тропнул Змея да Горынича
По тому ли крылу да по правому —
Как у ей в крыли кось-то и лопнула,
И вся Змея-то тут да охлябнула.
Как скоцел он на спину ей да на сильную,
Как отоптал иё да ко сырой земли,
И тут-то Змея да смолиласе:
«Не убивай-ко ты, да добрый молодец!
Поостанут у меня дома змиеныши сиротками!»
Как Добрынюшка да Никитинец
Как не сердился он да не гневалси
На Змииные удары тяжелые,
А пожалел он да малых ейных деточек.
Как говорит он Змеи да Горыницю:
«Как прощу тебе за все боротье,
Как оставлю я тебя к своим змиенышам,
Только сделай мне-ка-во заклятие,
Что не летать бы больше в Землю да Русскую,
Не уносить бы с полей народу рабочего,
Из городов — да делегенции.
Распишись-ко мни да кровью Змеиною
Как в моей-то книжки памятной.
Да не все я тебе еще обсказал:
Как еще сделаем-ко соху да большинскую,
Как отделим-ко мы да Землю Русскую,
Как проидем-ко мы большую борозду,
Чтобы не переезжала ты в границу русскую,
А припомнила бы да память вечную,
Что была в России да с Добрыней бороласе.
То услышу я, что ты пакостишь
В нашей России да в матушки,
То гди тебя поймаю и тут тебя приконцю.
Припомни смотри слова да Добрынины,

Не вели летать да в Землю Русскую
Как не дедам и не внучатам!»
Как выходил он со спины широкою,
А становилась она напротив его
И росписалась она в книжки памятной
Как своей кровью Змеиною.
Как сошли они да в кузницю,
И сковали они соху богатырскую,
Как котора была весом в ⟨пятьсот⟩ пудов.
И схватил да Добрыня поскорешенько
И навалил на Змия Горыницю
И на ейну спину широкую
И поехали ко кияну ко Тихому
Как Змия-то соху ведет,
А Добрынюшка коня ведет.
Как приехали ко кияну да ко Тихому,
Как впряг он Змею да лютую,
Как обколцюжил ю да цепями крепкими,
Как сам садился еще на соху,
Как от Тихого океана поехали к Ледовитому.
И куды ехали они, вслед река лилась,
И така река большиньская,
Как не стало тут людам прохожища
И звирю пробежища,
И скоту переходища через ихню границу широкую.
Как закончила эту борозду:
«Вези-ко ты, Змея лютая, соху ко Киеву!» —
«Как послухай, розудалой доброй молодец, —
Как свезу я соху на то место,
Где мы с тобой да сражалисе!»
Как согласился Добрынюшка Никитинец.
И тут с Добрынюшкой порозъехались,
А соху на память оставили.
Порозъехались они со Змием да розъехались.
Как приезжал Добрынюшка во Киев-град,
Становился царю да на широкий двор,
Как голь будто кабацкая:
Платья на нем вси прирваны,
Сапоги кровью вси источены,
Морда вся переципана,
Руки вси перегризены.
Ну, как стретают его добрые молодцы:
«Как роскажи-ко, розудалой доброй молодец,

Как откуль ты приехал, голь кабацкая,
Как роскажи-ко нам, да что случилося?» —
«Как ницего-то никому я вам сейчас,
Как пока я да не помоюся,
Как пока я не окаперуюся».
Как скинул он свою свиту рваную
Да под забор взял да повыкинул,
Как сошел он в свое местечко
Да взял омылся да наделся да подправился,
Да потом-ко к царю на бал отправился.
Как приходит к царю во гредню столовую,
А тут уж у царя воздернут почестный пир
Для Добрынюшки да Никитинця.
Ну как садились за столы да за дубовые,
Как за кушанья за царские медовые,
Как поили да попили да покушали,
А потом Добрыню стали спрашивать:
«Как уж где ты был да что случилосе?»
Как стал Добрынюшка им сказывать,
Как обсказал Добрынюшка всю охвотушку —
И не вирят русские богатыри.
И говорит Добрынюшка Никитинец:
«Как не вирите словам, дак возьмите съиздите!
Да ты, Чурилушка да Щапленкович да Олёшенька Попович,
Как привезите-ко мою соху ратальскую пограничную,
Поглядите-тко в моей книжки памятной, —
У самой Змии кровью росписанось!»
Как садились они да на добрых коней,
Как поезжали они за такой сохой пограничною.
Ну, как они съехали в чисто полюшко,
Как нашли они соху пахаря-раторя,
Как не могли перевернуть на другу сторону.
Как садились они да на добрых коней,
Прискакали они во Киев-град,
И становились царю на широкий двор,
И заходили во гридни столовую,
И говорили царю таковы слова:
«Владимер-князь стольне-киевский,
Не могли мы сохи привезти сюды,
На показ царю да на память всим!»
Как говорит Владимер стольне-киевский:
«Уж как съизди-ко, Илья, Илья Муромец!»
И сейчас же Илья справился,

И привез Ильюшенька Муромец
И положил на широкий двор.
И клал ю о забор — памятью
И написал на сохи: «Соха пограничная,
А память ей долговицная.
И пока свет стоит, будут памятить».
И выходили гости и любовалисе.
И на этом старина и окончилась.

№ 56

ПРО ДОБРЫНЮ

Как во славном городе во Киеви
Как у славного князя у Владимира
Было пированье-почетный пир,
Было столованье — почетный стол.
Были в том пиру князья и бояре,
Могучи русски богатыри,
Но не было на том пиру Ильи Мур⟨омца⟩,
И был тот пир во полу-пира,
И был тот стол во полу-стола.
Все принапилися, порасхвастались:

Сильный — силой, богатый — богачеством, мудрый — мудростью.

И встает тут Вл⟨адимир⟩-князь, молвит таковы слова: «Вижу я, все вы напились и росхвастались: сильный — силой, б⟨огатый⟩ — богачеством, мудрый — мудростью.

А кто из вас мне сослужит службу? Съездить на Почай-реку, вывезти из плена мою люб⟨имую⟩ племянницу Забаву Путятичну от Змея Горыныча?»

Все призатихли и призамолкали, стали скрыватце: бессильный за сильного. Тогда молвит Владимир-князь: «Нет у меня надёжды Ильи Муромца, но есть надёжда Д⟨обрыня⟩ Н⟨икитич⟩».

Тогда встает Добрыня за дубовым столом, на все ⟨четыре⟩ стороны поклонился, князю с княгиней — в особину. И гов⟨орит⟩ таки слова: «Сослужу тебе, кн⟨язь⟩ В⟨ладимир⟩ верой-правдою, но останется у меня с⟨тарая⟩ мать Агеевна беспризорная».

Тогда с⟨лавная⟩ кн⟨ягиня⟩ Апраксеевна: «Мы твою мать призрим и никому не даем в обидушку».

Приходит Д⟨обрыня⟩ в хутор свой к родной матушки, молвит таковы слова: «Матушка Агеевна, меня В⟨ладимир⟩-к⟨нязь⟩ направил на службу опасную, ехать на Почай-реку к Змею Горынычу, отобрать у него племянницу кн⟨язя⟩ Вла⟨димира⟩ Забаву Путятичну».

Отправляет Д⟨обрыню⟩ мать Агеевна, седлала коня седельцем черкальскиим, подает ему одежу самоцветную, едет Д⟨обрыня⟩ к Почай-реке. День, другой, а на третий день приехал к ней, к мосту Перилову. Привязал коня к столбу точеному, выходил он на крутой берег, начал розде-

вать одёжу самоцветную. Проходило мимо его две девушки и спросили Д⟨обрыню⟩: «Что ты заводишь делать, д⟨обрый⟩ молодец?» — «Хочу выкупатьсы», — ответил Д⟨обрыня⟩. «Не сдобровать тебе, д⟨обрый⟩ молодец, той рекой заведует Змей Гор⟨ыныч⟩, он погубит тебя!» — «Мне того и надобно!» — ответил Добрынюшка.

Прочь пошли от него девушки. Пал в реку Добрынюшка, как заплывает за струйку середнюю, слышит сильный шум. Летит над ним Горыныч-Змей и кричит зычным голосом: «Как ты смел купаться в моей реке? Хошь огнем сожгу или живым сожру, или хоботом пришибу!» — «А Бог не выдас⟨т⟩ — свинья не съест», — ответил Змею Добрынюшка.

Змей разгневалси, ударил его хоботом. Д⟨обрыня⟩ нырять был ловок: нырнул он на дно речки, набрал он песку горсти полные, вынырнул на крутой берег, где Змей Горыныч похаживал, он окропил песком Змею в глаза. Пока расчесывал Змей глаза свои, Д⟨обрыня⟩ взял меч и отрубил ему голову. Привязал к хвосту кониному и поехал к тюрьме, где были пленные. Их было ровно там триста человек, в том числе и Забава Пут⟨ятична⟩. Ну, увидели До⟨брыню⟩ Н⟨икитича⟩ и змеину голову у хвоста привязанну — так обрадовались!

Освободил их Д⟨обрыня⟩ из тюрьмы, выпустил, направил их в путь-дороженьку в Киев-град, дал им такой наказ: «Вы берегите п⟨лемянницу⟩ князя В⟨ладимира⟩ З⟨абаву⟩ Пут⟨ятитчну⟩, как свои глаза, и доставьте ее к к⟨нязю⟩ Владимиру. Вы идите дорожкой окольноей, а я поеду дороженькой прямоезжею».

Едет Д⟨обрыня⟩ день-другой, наезжает он на следы богатырские, и догнал он того богатыря и крикнул зычным голосом: «Ты постой, богатырь, каких ты родов, каких городов, какого роду-племени?» Отв⟨етил⟩ бог⟨атырь⟩: «Мое племя на конце булатного меча!» Тогда они в чистом поли сделали сражение. В первый раз съехались, ударили друг друга — Добрынюшка покачался, а когда второй разъехались — Д⟨обрыня⟩ чуть с седла не вывалилси, а его соперник не покачнулся.

Тогда Д⟨обрыня⟩ отъехал от богатыря и ударил в сырой дуб, а сырой дуб разошелся на части. Тогда подъехал к удалому богатырю и молвил таковы слова: «Вижу я, чем ты меня побеждаешь: у меня силушки прежней нету, а храбрости и в половину нет!» Ответил ему удалой б⟨ога-тырь⟩: «Теперь не совестно мне сказать свое имя и отчество. Я дочь Никулы Селяниновича, Настасья Никулична!» Тогда подал ей руку Добрынюшка и поехали в Киев-град. Дорогой они сосватались. Заехали в село первостречное, зашли в церковь Божью и повенчалисе. Приехал Д⟨обрыня⟩ в Киев-град, в свой хутор, к Агеевны-матушки с молодой женой (*у его в живых не было, трое стало жить*).

А во славном городи во Киеви... [пропуск части текста]

«Кто из вас съездит за тридевять земель в тридесято царство и получит с Бухтана Бухтоновича дани-выходы за ⟨двадцать⟩ лет?» Все стали молчать и стали хорониться бессильный за сильного. Князь Владимир промолвил: «Нет у меня надежи Ильи Муромца, а есть у меня Д⟨обрыня⟩ Н⟨икитич⟩».

Тут встает Д⟨обрыня⟩ Н⟨икитич⟩, кланяется на ⟨четыре⟩ стороны, князю с кн⟨ягиней⟩ в особицу и смолвил таковы слова: «Кто у мня пригреет стару мать Агеевну и молоду жену Никуличну, тогда и уеду». И говорит ему княгиня Апраксеевна: «Твою мать я буду считать за свою мать, а жену — за свою дочь».

И пошел Д⟨обрыня⟩ в хутор свой темнее осённой ночи, грознее темной тучи. Зашел он в свой хутор, не зашел ни к матери, ни к жене, а прошел в свой кабинет. Говорит тогда Агеевна На-

стасьюшки: «Ты поди-ко, Настасьюшка, к Д⟨обрыне⟩ и спроси его, что он такой угрюм и невесел пришел. Кто ли его ударил или к⟨нязь⟩ Вл⟨адимир⟩ чарой обнес?» Приходит Н⟨астасья⟩ к Д⟨обрыне⟩, говорит ему: «Что угрюм ты, мой ладушко, моя державушка? Кто тебя ударил или князь В⟨ладимир⟩ чарой обнес?» Отвечает ей Добрынюшка: «Никто не ударил меня и чарой не обнес кн⟨язь⟩ Вл⟨адимир⟩, а больно уж принасел он на меня, — направил на службу тяжелую, в сторону далекую». — «А долго ли пробудишь, Д⟨обрыня⟩, скоро ли домой вернесси?» — «Коли жив буду — через три года домой вернусь, если через три года не вернусь, жди еще три года. Если через шесть лет не вернусь, то тебе воля вольная: хоть вдовой живи, хоть замуж иди, хоть за князя, хоть за богатыря, не иди только за названного брата Алёшу Поповича».

И стал справляться он в путь-дороженьку, одел одежу самоцветную, простился с женой, матерью, пустился в путь-дороженьку. День за днем, как неделя за неделей, а неделя за неделей, как год за годом. Прошло три года — Д⟨обрыня⟩ не вернулся. Не успели люди опомниться — прошло еще ⟨три⟩ года. Прошло ⟨шесть⟩ лет — Д⟨обрыни⟩ дома нет. Видел он много препятствий.

В то время вернулся с поля брат Алёша Попович. Заезжает в хутор Добрынюшкин и говорит его жены Никуличной и матери Агеевной, что «я видел вашего Д⟨обрыню⟩ в чистом поле, под ракитовым кустом лежит. Сквозь его белую грудь ковыль-трава повыросла». Долго горевали Агеевна с Настасьюшкой. А Алёша П⟨опович⟩ поехал во дворец к⟨нязя⟩ Владимира, стал просить к⟨нягиню⟩ Апраксеевну, чтобы она посватала замуж за него Настасью Никуличну. Долго препятствовали Агеевна и Наст⟨асья⟩: давал наказ Добр⟨ыня⟩ — не ходить Настасьи замуж за Олёшу Поповичу. Ну, у женщины волос долог, а ум короток. Н⟨астасья⟩ согласилась идти замуж, забыла наказ Добрынюшки и пошла во дворец Апрасский. И открыл к⟨нязь⟩ В⟨ладимир⟩ пир свадебный. Собрались на тот пир князья, бояре, русски могучи богатыри.

А в то время Добрынюшка возвращался домой, не доехал до Киева ⟨тридцать⟩ верст. Роскинул палатку, задал коню пшеницы белояроей, сам завалилсе отдохнуть. А Агеевна открыла окошко в хуторе и горько плакала. Сидят тут на наличничке у окна голубки и воркуют. И просит Агеевна голубков: «Голубки желанные, вы слетайте-ко в чисто поле, сядьте там на ракитов куст, где лежат костья Д⟨обрынины⟩ и пропойте ему таку песенку: „Твоя жена Н⟨астасья⟩ Н⟨икулична⟩ выходит замуж не за князя-боярина, а за названного брата О⟨лёшу⟩ П⟨оповича⟩"».

Голубочки стрепенулисе, полетели навстречу Д⟨обрыне⟩, сели на палатку парусинову и заворковали таку песенку: «Что ты спишь, Добрынушка, домой не торопишься? Твоя жена Н⟨астасья⟩ сегодня замуж выходит, сегодня пойдет в церковь Божию». Как вскочил тут Д⟨обрыня⟩ на коня доброго и оставил палатку тканую, помчался в Киев-град во весь опор. Приезжат к своему хутору, а Агеевна сидит под окном, смотрит, что за всадник подъехал к ея двору. Слуги на двор его не пускают, препятствуют. Но вот он заходит, их не спрашивая, по сторонам всех разбрасывает. Мать Агеевна закричала ему: «Что ты, нехрись проклятая, кидаешь моих слуг? Был бы у меня сын Добрынюшка, он бы показал тебе, как тебе слуг обижать!» Говорит ей Д⟨обрыня⟩: «Что ты, мама, не узнаешь меня? Я сын твой Д⟨обрыня⟩». — «Ты не смейся надо мной, нехрись проклятая, у моего Д⟨обрыни⟩ волосы кудрявые, одежа самоцветная, сапожки сафьяновые». Отвечает ей Добрынюшка: «Буйные ветры растрепали мне волосы, долгое время одежду истлел, от долгой дороженьки сапожки истоптались». — «Не смейся надо мной, нехристь проклятая, у моего Д⟨обрыни⟩ было родимое пятно под левой пазухой». Тогда развернул рубашку Добрынюшка и показал пятно своей матушки.

«Мой Добрынюшка лежит в чистом поле под ракитовым кустом, через его белую грудь ковыль-трава повыросла». — «Кто вам сказал про то?» — спросил Д⟨обрыня⟩. «Его видел его брат Олёша Попович. Он берет замуж его жену, сегодня пойдут в Божью церкву, а теперь пируют у к⟨нязя⟩ Владимира».

Тогда бросилась ему на шею Агеевна и начала причитывать. Говорит ей Добрынюшка: «Не время теперь причитывать. Матушка, ты полезай в погреба глубокие, достань мне одежу скоморошину и гусельцы-самоигранцы. Я пойду во дворец на тот пир. Там с женихом порасправляюссе».

И пришел на пир Д⟨обрыня⟩, спросил князя В⟨ладимира⟩: «Где тут место скоморошинное?» — «Там на печки за завалинкой», — говорит ему В⟨ладимир⟩-князь. Как зашел на печку на завалинку удалой скоморох Добрынюшка, начал по струночкам поглаживать, а голосом вываживать. Его игра и песни гостям понравились. Просят гости к⟨нязя⟩ Владимира, чтобы он пригласил за стол удалого скомороха. Молвит В⟨ладимир⟩ | князь Д⟨обрыне⟩: «Слезь-ка с печки, удалой скоморох, иди с нами за стол и присаживайсе. Даю тебе три места, на любо садись: перво место — рядом со мной, друго место — против меня, а третье — куда сам пожелашь».

И не сел не рядом с князем и не против его, а сел против жены своей — Настасьи Никуличной. Играет он в гусли-самоиграны, поет он такову песенку: «Как жена от живого мужа замуж выходит».

А у Н⟨астасьи⟩ слезы градом катятце. Но не смеет она признать Добрынюшки. Тут попросил князя Владимира налить пива бокал и подать кому он пожелает. К⟨нязь⟩ Вл⟨адимир⟩ дал разрешение. Наливат бокал, Д⟨обрыня⟩ опускат в бокал кольцо обручальное, подает его Н⟨астасье⟩, молвит сам: «Коли выпьешь до дна — так увидишь добра, а не выпьешь до дна, так не видать тебе добра». Тот бокал берет Никулична единой рукой, выпивает пиво единым здохом и видит на дне бокала кольцо обручальное ея Добрынюшки. Тут встает она и громко вскрикивает: «Мои гости посаженые! Я скажу вам новость великую. Тот мой муж, кто против меня, а не тот злодей, кто рядом со мной!»

Тут все гости всполошились и встает Добрынюшко. Он схватывает за вол⟨осы⟩ Ал⟨ёшу⟩ Поповича и бросает на пол, как снопа овсяного. Вынимает меч с ножон, стоет на груди ему (*хочет расправиться*) и молвит ему: «Не за то я ним расправляюся, что он жену мою замуж берет, из-за женщины драться добру молодцу — поклеп большой, а за то я с ним расправляюся, что он налгал про меня своей жены и матушки, что видел меня в поле убитого».

На том пиру был высокий гость Илья Муромец, захватил он Д⟨обрыню⟩ за плечико за правое, промолвил таковы слова: «Ты, Добрынюшка, на радостях не казнят, а милуют!» Тогда Д⟨обрыня⟩ сошел с груди Алёшиной, вложил меч в ножну, взял Настасью за руку и промолвил таковы слова: «Спасибо тебе, кн⟨язь⟩ Вл⟨адимир⟩, что ты призрил мою жену и мать Агеевну. Спасибо тебе, Апраксеюшка, что ты от живого мужа жену просватала!»

И покинул он дворец княжеский, пошел в свой хутор с Настасьюшкой к своей матери. И не стал служить больше службу царскую. И стал жить он дома со своей женой Никуличной.

Все, больше нет.

№ 57

ПРО ДОБРЫНЮ

Просилсе Добрыня Никитинец
У своей да родной матушки
Во Пучай-реку да окупатисе.
«Пучай-река да е жестокая:
Со первой струйки дым столбом вали́т,
А со другой струйки искры сыплютце». —
«Спусти, спусти, родна матушка,
Съиздить мене во Пучай-реку».
Дала она е́му прощеньицо и благословленьицо.
Приехал Добрыня ко Пучай-реки,
И говорил он таковы слова:
«Ты напрасно мне, матушка, говорила,
Что Пучай-река есте, как лужа дождевая».
Роздел он платья цве́тныи,
Первой раз нырнул — он не до́нырнул.
Вдруг тучи нет, а дожь дождит,
Огня нет, а искры сыплютце.
Налетела то Змея поганая,
Говорит Змея да таковы слова:
«Захочу — Добрынюшку съем-сожру,
Захочу — Добрынюшку в хобота возьму».
Говорил Добрыня таковы слова:
«Подожди, поганая, подависьсе!»
Посмотрел Добрыня на крутой берег —
Нету платья, нет коня доброго,
(*Она все за́брала.*)
Только одна шапочка пухо́вая.
Ен нагреб да песку желтого,
Отшиб у Змеи два хобота.
Говорит Змея да таковы слова:
«Давай, Никитушка, побратаемсе:
Ты пусть мой ста́ршой брат,
Тебе не издить в мои горы змеиные,
Не топтать моих малых змеенышей».
Говорит он ей таковы слова:
«А ты не летай к нам во Киев-град,
Не глотай роду крещеного».
Ена нарушила свою заповедь змеиную,
Полетела через Киев-град,

Унесла у князя племянницу,
Молодую дочь Путятичну.
Приезжает Добрыня со чиста́ поля,
А у князя уж почесной пир.
Добрыня на пир собираетце.
Говорила ему родна матушка:
«Не знайсе, сирота, с бояромы —
Потеряшь животы во подарочках,
А нет, дак положишь свою буйну головушку».
Говорил князь таковы слова:
«Кто бы съиздил в ты горы змеиные,
Вывез бы мою любимую племянницу?»
Старший прятался за младшего,
Младший прятался за среднего,
А от среднего и ответу нет.
За тыим столом да за бо́льшиим
Сидел Олёшка Попович, любимой племянник князю.
«Я вчера был да во чистом поле
Да сидел во сыром дубу,
Видел, как Добрынюшка заключал заповедь с пога́ной Змеей,
Что не летать ей в стольне Киев-град».
Сказал князь-солнышко стольне-киевский:
«Знать, тебе ехать в те горы змеиные».
Приехал Добрыня домой к своей матушки,
Стал собератце в ты горы змеиные.
Ему сказала родна матушка:
«Возьми коня батюшкова да дедушкова».
Дала ему плеточку шелковую:
«Как подточат Змеи ножку у коня правую,
Дак ты бей коня прямо меж уши́ —
Стане конь да поскакивать,
Стрясе всих поганыих змеенышев».
Дала ему платочик шелковой:
«Будешь ты битьце с погано́й Змеей,
Дак истомишьсе, не буде у тебя силушки,
Ты утерайсе шелковым платком —
Буде силы у Добрыни по-старому».
Поехал Добрыня в путь-дороженьку,
Днем ехал по красному по солнышку,
Ночью ехал по светлому по мисяцу.
Приехал в тыи горы во змеиныи,
А у Змеи да в Русь улечено.
Стал Добрыня по той горы поеждивать,

Стал змеенышев он да потаптывать.
Вот подточили они у коня да праву ноженьку,
Стал конь на ножки припа́дывать.
Ен спомнил материну плёточку,
Стал бить коня да ме́ж уши —
Ен отряс всих поганыих змеенышев.
Тут налетела вдруг да поганая Змея,
Ены с ей да вдруг сразилисе.
Суточки бились, хлеба не едаючи,
Други бились, воды не пиваючи.
У Добрыни истомилась сила богатырская,
Спомнил Добрыня материн платок,
Стал тереть он лицо белое —
Стала силушка да по-старому.
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Тут Добрынюшки с небес глас гласит:
«Бился ты да трои суточки,
А побейся еще три часа —
Победишь Змею поганую».
Протекла тут кровь змеиная
От востока тут до запада.
Наконец хотит Добрыня приотъехати,
Другой раз Добрыни с небес глас гласит:
«Бей-ко ты копьем да долгомерныим,
Бей-ко ты во матушку сыру землю,
Бей-ко ты да приговаривай:
„Припей-ко ты, прижри да кровь змеиную"».
Бил он копьем да долгомерныим —
Ушла кровь да во матушку сыру землю.
Пришел он во нору во змеиную —
Туды силушки наношено.
Ены вси да испугалисе и говорят:
«Приде Никитушка Добрынич,
Дак избавил нас от этой напасти». —
«Вот теперь вам, братцы, воля вольная,
Теперь победил я Змею поганую,
Покажите мне дочь Забаву Путятичну».
Повез он во Киев-град,
Привез он Забаву дочь Путятичну.
Князь давал ему города с пригородками
Да давал и села с приселками.
«Мне ничего не надо,
Только надо чесь-хвала молодецкая!»

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 58—60)

№ 58

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Задернул князь Владимер сто́льнё-киевской,
Задернул-то ён почёстной пир
Ради князей, ради бо́яр-то,
Ради сильниих да бога́тырей,
А ради то⟨го⟩ — ище задолжался ведь
Как тому-то королю да поганому,
Как тому ли лицю да пристрашному:
Свезти денег-то сорок тысячей,
Сорок тысячей да кри́цетей,
Сорок белыих да ведь ле́бедей.
Как все-ты на перу порасхва́стались,
Как вси-то на перу раскалякались.
Как молодой видь-то похвастался.
Говорит Владимир сто́льнё-киевской,
Говорит-то ён таковы слова:
«А вы-ко, сильные да бога́тыри,
Накину я вам службу великую,
А надо как в Землю Сорочи́нскую
Свезти-то дани-пошлины
Ко тому королю ко поганому,
Ко тому лицю да пристрашному.
Свезти-то денег тут сорок тысячей,
Сорок тысячей да ведь ле́бедей,
Сорок белыих да великиех,
Как свезти, поквитать дани да великие».
Накинули ведь службу великую
На того Василия Газимрова.
Как тут Василей-то Газине́тович
Как говорит ямý, да князю-то тут:
«Не поеду один к королю да поганому,
К тому лицю я пристрашному.
А дай-ко мне Добрыню Микитиця!»
Как дали ведь Добрынюшку Микитиця,
Как наливали цяру не малую —
Мерой цяра была полтора ведра,
Весом была цяра полтора пудá.
Как принял-то ведь ён да одной рукой,
Выпивал-то ён на один вздох:

«Как не поеду, поеду я, да Добрынюшка».
Говорит князю да таковы слова:
«Как дай-ко мне Иванушка Богрович-то,
Моего ли брата крестового».
Как наливали тут да Иванушку
Чару-то было да не малую —
Мерой-то была полтора ведра,
Весом-то была в полтора пуда́.
Выпил-то ведь-то ён на один-то вздох.
Как тут ёны́, еще да ведь братьица,
Распростилисе с своима ведь,
Со своими ведь со друзьями ведь,
Росправились туды ко царю
Ко тому королю поганому,
Ко тому лицю да пристрашному.
«Как да будем мы е ве́дь с дому́
Съежжаться мы, удалые ведь молодцы
У того у камешка у Латыря,
У честна креста Евани́дова».
Как тут-от да ведь съехались.
Приежжали к королю литовскому,
Ко тому ли королю Земли Сероци́ньскией,
Как ко тому ли королю ко поганому,
Как ко тому ли лицю ко пристрашному.
Как приежжали прямо на белой двор,
Не спрашивают тут у ворот-ы-то,
У ворот-то видь приворотников,
У дверей было да придверничков,
А прямо едут через стены городо́вые,
Через башни едут науго́льные.
Как становят коней середи двора,
Насыпают пшаницы белояровой
Тым ли тым еще да добры́м коням,
Самы заходят во палатушки белокамянны,
Как тут тому королю поклоняются:
«Здравствуй ты, король да поганые,
Лицё ты было да пристрашное,
Приехали-то гости любимые,
Любимые — совсем не любимые!»
Король становился на резвы́ ноги́,
Принимал их го́стя да за́ гостя́
Как накормил-то их да ведь напоил.
Говорит король да поганые,

Тоё ли лицё да пристрашное:
«Давайте-тко играть да топереча
Во доски играть да во шахматные
В дорогú лечи золоченые.
Как я игрок-то был да ведь играть-то,
У вас-то есть ли нунь игроки-то ведь?»
Как говорит Василей Газинéтович:
«А я надеюся, да надеюсь на Гóспода,
А еще надеюсь на Добрынюшку,
На Добрынюшку на Микитиныця».
Как стали тут играть да поигрывать.
Проиграл Добрыня дéнёжок сорок тысячей,
Проиграл Добрыня добрá коня,
Как проиграл Добрынюшка своих братьёв,
Своих-то брáтьёв да со добрых коней.
«Как же ты, король да король ведь,
Садись-ко играть да другой-то раз.
Возьми-ко нас служить верой-правдой,
Верой-правдою-то на цельной год.
Как мы станем играть да поигрывать,
Кладовай-ко сумму сорок тысячей».
Король насыпал денег сорок тысячей,
Стали эти играть да поигрывать.
Выиграл Добрыня деньги все,
Как стали у его да сорок да тысячей,
Проиграл король ведь как сумму-то.
Сели тут-то оны опять да поигрывать.
Как тут-то видь король проигрывал сорок да телиг,
Как тут ведь король да ордынскиих.
Вот отдает сёла-то ище да с пригородками,
Сёла-то он да с присёлками.
Как тут ли ведь король приобиделся:
«Ах вы, удáлы добры мóлодцы,
А станем-ко стрелять да постреливать.
Что у нас ловчáе стрелять топерь,
Кто не падет ведь во тую-то,
Во ту-то да колечко золоченое,
А отнесем ведь мы версту за мерную.
А кто в колецько видь как попадет —
Так тот воротит сумму назад топерь,
Кто в колецько да не попадет —
Тот ведь сумму ту проиграт опять!»
Как относили столбицок за верстý былó,

За версту́ было́ да за мерную.
«Несите-ко вы туда да-ка ту́гой лук
Ко тому ли королю да поганому,
Ко тому ли лицю ко пристрашному».
Несут видь ему да видь ту́гой лук
Как два тата́рей да могучиих.
Как стрели́л король раз — да не до́стрелил,
Другой раз стрели́л — да пере́стрелил,
А третий он стрели́л-то ведь —
Тут как ведь ён да не мог попасть.
Как говорит Добрыня таковы слова:
«Топеречу приходиться мни стрелять.
Несите-тко мни тугой-то ваш лук!»
Несут ему тугой-то, ту́гий лук,
Как Добрыня взял да видь ту́гий лук,
Как взял — титивочки вси вышибил,
Как тугой лук да повыломал.
«Этот лук у тя ненадежные».
Несут-то другой лук да тут-то как,
А видь тот-то был да тяже́лее.
А видь он взял так видь да во белы́ руки́,
Тятивки-то он взял да повышибил,
А лук-то взял да повы́ломал.
«Этот лук у вас не надежные».
Как третий раз несут да ведь ту́гой лук,
Как подавают тут да Добрынюшке.
Тятивки взял, в руках повы́щепал,
А лук-то взял да повы́ломал.
«А есть у вас луки не надежные.
Несите-то, Иванушко Бугро́вич-то.
Есть у нас лучёнко дорожныех,
Дорожный лучёнко, непорный ведь,
Неси-тко я буду да стрелять теперь!»
Приносит тот Иванушко Бугро́вич да Добрынюшке,
Стрелил Добрынюшка во колецько,
Попал у́ самую да в середоцьку.
Как тут-то ведь король поразгневалсе:
«А есть ли ведь борьци, до́бры мо́лодцы,
Как с нашими борьцями боротисе
На тым на дворе на белоем?»
А говорит Василей Газине́тович:
«Как я надеюсь да на Го́спода,
Как на матушку Пресвяту Богородицю,

На Добрынюшку на Микитиньця».
Как приказал король да поганыих
Рати-силушки — да ведь смету нет.
Начал-то Добрыня похаживать
Своей-то видь палицей бо́гатырскоей,
Как ⟨в⟩месте да ведь складывал,
Как бьет, кричит сам-то во всю голову:
«Ай вы, мои братьица крестовыи,
Молодой Иван Бугро́вич-то!
Что же ты стоишь да ведь смотришь-то
Со тым королем да поганыим,
Тою да видь лицём да пристрашныим
На тых-то видь на выходах высокиих?
Как не бывать на белу́ свету́,
Не бывать-то нам во городе во Киеви
У ласкова князя у Владимера,
Побьют-то нас поганые татаровя!»
Как тот Иванушка да Бугро́виць-то
Повыскоцил-то он да на белой двор
Прямо ведь со выходов высокиих,
Начал-то палицей да охаживать.
Как бьет-то один да с коньця-то ведь,
Да с конця того-то ведь другой-от ведь,
Побили тут татар да поганыех.
Как тут-то ведь король очень молится:
«Ай же ты, Василей Газине́тович,
Уйми-тко своих братьцов крестовыих
Пусть оставит народу на си́мена.
Как побьют-то всих до единого!»
Как тут Васильюшко Газине́тович
Как заходил-то взади на их-то ведь,
Сам крицял-то во всю ведь голову:
«А полно вам биться да ра́титься!
Как, как же ты, Иванушко Бугро́виць-то,
Оставь же ты татар да и на си́мена,
Как укроти сердецько богатырьское!»
Как тут Иванушко да ведь бросил ведь.
Как тут зашел и сзади Добрыни-то,
Крыцял-то ён да во всю ли ведь голову:
«Ай же ты ведь, Добрыня Микитинець,
Полно тебе биться да ра́титься,
Оставь-ко ты видь да на си́мена
Поганыих видь ты да татаровей.

Как заплатит-то король дани-пошлины,
Как укроти сердецько богатырьское!»
Бросил тут Добрыня да ведь бить болé,
Как тут ведь бить татаровей поганыих.
Как расписался платить дани-пошлины
За двенадцать годы, за двенадцать лет,
За прошлые годá как за нунешной.
Как брали вси дани тут да ведь пошлины,
Приехали во стольной во Киев-град,
Привезли князю ету сумму ведь:
«Вот тебе денег взад,
Как мы с короля выиграли-то ведь,
Расплатился видь в семь раз больше ведь,
Расписался ведь за двенадцать лет, за двенадцать год,
За прошлые годы, как за нунешни».
Как тут-то князь стоит да и ведь чествует:
«Спасибо, удáлыи добрыи мóлодцы,
Можно посылать-то да вперед-то вас!»

№ 59

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Сильнии могуции богáтыри,
Тыи купчи́ да именитыи,
Поляницы да удáлыи.
Вси да на пиру да наедалисе,
Вси да на пиру да напивалисе.
А говорит солнышко Владимир да стóльнё-киевьськой:
«Кого же нам послать, да нé послать
Да во Землю Сороцинскую?»
Во стольнем во городи да в Киеви,
Да у ласкового князя у Владимира
Был заведен почёстный пир.
Были собраны кня́зи и бóяры.
Бóльший туля́етсе за среднего,
Средний туля́етсе за мéньшего,
А от мéньшего тýлецьки ответу нет.
Говорит же старый казак да Илья Муромець:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь да стольнё-киевьськой,
Послать да не послать нам Василья Казимéрова.
Он бывал да во многи́х земля́х,

Во многя́х земля́х да во многи́х орда́х,
Умеет он да разговарить».
Выходит Василий Казиме́ровиць
Из-за того стола, из-за окольнего,
Выходит на палату да белокаменну.
«Ай же солнышко Владимир-князь сто́льнё-киевьськой,
Дай же мне второго товарища,
Того же мо́лода Добрынюшку Микитиця!»
Выходит Добрынюшка Микитинець
Из-за того стола да з-за бо́льшего,
Пошол по палаты белокаменной.
«Ай же ты, солнышко Владимир, сто́льнё-киевьськой,
Дай же мни третьего товарища,
Того же Иванушку Дубровина!»
Выходит Иванушка Дубровиць з-за того стола со среднего,
Пошол по новой горенке прохаживать.
«Ай же вы, братьица крестовыи,
Откуда будем отправлятисе?»
Тут оны крестамы да побраталисе.
А говорит Васильюшка Кази́меров:
«Будем справлятисе во чисто́м поли́,
Во чисто́м поли́, да во Фаво́р-горы́,
У того ка́меня у Ла́тыря,
У черного у дуба да Ли́вина,
У того креста да Леванидова».
Тут оны да распростилисе.
Поразъехались оны да по своим домам.
Приежжает Добрынюшка Микитинець
Во свой да во высок тере́м.
«Ай же ты, родительница-матушка,
Честна́ вдова Офимья Олёксандровна!
Дай-ко мне проще́ньицё-благослове́ньицё
Съездить во Землю Сороциньскую,
Отвезти да дани-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною,
Отвезти двенадцать белых ле́бедей,
Отвезти двенадцать кре́течей!»
Тут честна́ вдова да Офимья Олёкса́ндровна да порасплакалась:
«Ай же ты, дитятко рожо́ноё,
Хоть дать прощеньица, хоть прощеньица не дать,
Все одно — лучше дать».
Да дала ему прощеньица да дала ему благословеньица.
Отправляетсе Добрынюшка Микитинець

Во путь да во дороженьку,
Приежжает да во цисто́ поли́,
Во цисто́ полё да во Фофу́р-гора,
Ко тому ко каменю ко Ла́тырю,
Ко чорному дубу ко Ли́вину,
Ко тому кресту да Леванидову.
Стоят два коня да богатырьськии,
Эти кони да братьцев крестовыих.
Насыпает пшены да белояровой,
Заходит-то он да во бело́й шатёр.
«Здравствуйте, братьица крестовыи,
Васильюшка Кази́меров да Иванушка Дубровиниць!»
А тут оны в дорогу отправлялисе,
Отправлялись в Землю Сараци́ньськую,
Приежжают оны в Землю Сараци́ньскую,
К тому Ботыя́ну Ботыя́нову,
И к тому оны на широкый двор.
Вяжут они коней к столбику тоцёному,
Ко тому колецьку золоцёному.
Идут оны во гридню столовую,
Крест кладут по-писа́ному,
Поклон ведут да по-уцёному,
На вси да на цетыри стороны да поклоняютсе.
«Здравстуй, Ботия́н да Ботия́нович!» —
«А здравствуйте-ко, уда́лы до́бры молодцы.
Да вы коёй земли, да вы коёй орды?
Вы ко́ёго отця-матери?» —
«Есть мы из города из Киева,
Да из Киева да киевски бога́тыри.
Привезли мы теби да дани-пошлины,
Да за двенадцать лет да с половиною,
Привезли двенадцать белых ле́бедей,
Привезли двенадцать кре́четей!»
За́чал Ботин да Ботинович
Гостей потчивать, принимать.
Накормил, напоил, насочил.
Говорит Василью Казиме́ровицю:
«Не угодно ль сыграть во доски шахма́тныи,
В тыи тавлей золоцёныи?»
Говорит Василий Казиме́рович:
«Да вот, — говорит, — Ботия́н да Ботия́нович:
У меня игроки остались во городи во Киеви.
А надеюсь я на Спаса Пречистого,

А на матушку Пресвятую на Богородицу,
А надеюсь я на братца крестового,
На того мóлода Добрынюшку Микитиця».
Сели они играть в доски шахматныи.
Заложил же Ботин да Ботия́нович,
Заложил он царьсьва Ботия́ньского —
Он заложил братьця крестового коня.
Первый раз ступил — не дóступил,
Второй раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — проиграл коня братьця крестового.
Второй раз они сыграли.
Он опять заложил царьсьво королевьськое,
Он заложил другого коня братця крестового.
Первый раз ступил — не дóступил,
Другой раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — проиграл и другого коня братьця крестового.
Опять оны сыграли.
Заложил он свою да буйну голову.
Первый раз ступил — не дóступил,
Второй раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — выиграл свою да буйну голову.
(*Он его сперва вважывал играть.*)
Выиграл и королевьсьво Ботия́ньское.
Опять оны сыграли.
А он залагает уж коня братця крестового,
А тот деньгамы залагал.
Первый раз ступил — не дóступил,
Второй раз ступил — перéступил.
Третий раз ступил — выиграл братцева коня назад.
Еще раз сыграли оны.
Первый раз ступил — не дóступил,
Другой раз ступил — перéступил,
Выиграл и другого коня.
Опять оны сыграли.
Первый раз ступил — не дóступил.
Другой раз ступил — перéступил,
Третий раз ступил — выиграл второго коня назад.
Говорит же Ботия́н да Боти́нович:
«Не угодно ли, да Василий Казимéрович,
Стрелить да за семьсот шагов мерныих?» —
«Вот не знал я вашей забавушки!
Таковы́и стрельцы остались в городи во Киеви.
Понадеялся на одного-то ведь товарища, на Добрынюшку Микитиця».

Принесли ёму́ луцёнышко.
Он луцёнышко взял в руки —
Тетивки прервал и лук выломал.
«Что вы, смеетесь, какой вы мне лук дали?»
Подали ему второй лук.
А он взял в руки, а лук выломал.
«Что же вы, смеетесь надо мной?» — говорит.
Разъярился Ботия́н да Ботия́нович:
«Принести, — говорит, — ту́гой лук разрывчатый
На двенадцати подводах турецькиих!»
Он взял лук, взял в руки.
Тети́вочку пе́рервал, лук весь при́ломал в руках.
«Ай же Иванушка Дубровиць,
Сбегай-ка, Иванушка, на посольный двор,
У моего добра́ коня отвяжи луцёнко дорожное!»
Сбегал Иванушка на посольный двор.
Принёс ту́гой лук разрывчатой —
Того не лома́т в руках.
Стрелил Ботия́н да Ботия́нович,
Не то что в колечко — в щит попасть не мог.
Добрынюшка как стрелил в колечко — в серединку са́моё,
Перерубил — что та половинка, что дру́гая.
Сви́сили на весах — одинаково.
Говорит-то Ботия́н Ботия́нович:
«Ай Василий да Кази́миров,
Не угодно-ли сходить да на широкой двор
Рукопашною да поборотисе?» —
«Не знал я вашей забавушки!
Таковы борьцы оставлены в городе Киеве.
Надеюсь я на Спаса, на Пречистую Богородицу,
На сво́его товарища, на молода́ Добрынюшку Микитиця».
Вышел же Иванушка Дубровин боротися.
Они выставились все на высок балахо́н да смотря́т.
Пока по целовеку приходили — бросит он.
А то по́ два, по́ три — хватит и бросит.
Руку в руку да вместе столкнет — да плюха станет.
«Ай же братьця крестовыи,
Вы пойдите-ка на вы́роцьку —
Не бывать нам в городи Киеви,
Не видать нам матушку Землю Русскую —
Убьют нас поганыи тата́рева».
Добрынюшка скоцил с балхо́на да на ши́рок двор,
Хватил он ось да он железную,

А Иванушко Дубровин хватил столо́б,
К которому оны добрых коней вязали,
Да стал им помахивать.
Видит Ботия́н да Ботия́нович:
«Ай же Василий да Казиме́рович,
Уйми-ко своих крестовыих братьцев.
Пускай же оны оставят поганыих на си́мена.
Я буду, — говорит, — платить вам дани-пошлины
Во стольный Киев-град да за двенадцать лет с половиною!»
Он унял своих братьцев крестовыих.
Сам Ботия́н Ботия́нович к столику — да расписался,
Отсчи́тал им дани-пошлины за двенадцать лет с половиною.
Тут Василий Кази́меров поехал во Еросо́лим-град
А Иванушка Дубровин поехал во Царь-то град,
А молодый Добрынюшка Микитинець
Отправился ён да с данью-пошлины.
Обжился́ ён да у синя́ моря́,
Живёт-то ён да во чисто́м поли́
Живёт-то ён да забавляетси,
Играет во доски шахматныи,
Во тыи тавлеи́ золоцёныи,
За́чал тут Олёшка подхаживать,
За́чал Настасью подговаривать:
«Ай же мо́лода Настасьюшка Микулисьна,
Был я сегодни за сини́м морём,
За сини́м морём да во чисто́м поли́,
Видел — Добрынюшка убит лежит:
Резвы ноженьки да край дороженьки,
Буйны головы́ да во кувы́ль-траву». —
«Ай же молодый Олёшенька да сын Поповиць-то,
Исполнила я заповедь да мужьскую,
Положу я заповедь да женьскую.
Еще положу я да ровно на шесть годов».
День-от о́т дня — как река бежит,
А но́чи, ночи́ — как ручья́ бегут —
Не видать Добрынюшку из чиста́ поля́.
За́чал Олёшенька подхаживать,
За́чал Настасью подговаривать:
«Ай же мо́лода Настасья да Микулисьна,
Был я сегодня за сини́м морём,
За сини́м морём да во чисто́м поли́,
Видел — Добрынюшка убит лежит:
Резвы ноженьки середь дороженьки,

Буйна го́лова во кувы́ль-траву́.
Ай же мо́лода Настасьюшка Микулисьна,
Буде в цесь идешь — да я в цесь возьму,
А не в цесь идешь — да я не в цесь возьму!»
В пятницу было у них сва́тосьво,
В субботу было рукоби́тьицё,
А сегодня да пирова́ньицё.
Вдруг же прилетает чоре́н воро́н,
Жу́пит он да видь по-птицьему,
Говорит по-челови́цьему:
«Молодой Добрынюшка Микитинець,
Над собой ты невзгодушки не ведаешь,
Твоя да Настасья да Микулисьна
Выходит она во замужесьво
За того за братьця за крестового,
За того за Олёшеньку Поповиця.
В пятницу у них было сва́тосьво,
В субботу было да рукоби́тицё,
А сегодни пированьицё».
Скакал тут Добрыня на резвы́ ноги́,
Бросал дощецьку да об полы кирпицьныи,
Разлетелась доска да в мелки дре́безги.
Выходит он да тут на улицу,
Закричал он во всю голову,
Бежит к нему Бурушка косматенький.
«Ай же ты, мой добрый конь,
Сюды мы ведь ехали три́ году́,
А отсюда вези меня три́ часу́».
Обседлал он своего да добра́ коня́,
Обседлал он своего Бурушку косматенького.
А садился он да на добра́ коня́,
Так поехал Добрынюшка Микитинець,
Реки, озера промеж ног пущал,
Широки раздолья перебегивал,
А сини́ моря́ да перескакивал.
Приежжает он да во Киев-град,
Наежжает он да на широкой двор,
Вяжет он коня ко столбицьку да ко тоцёному,
Ко тому колецьку золоцёному.
Заходит во гридню во столовую,
Кресты кладет по-писа́ному,
Поклоны ведет по-уцёному,
На все четыре стороны да поклоняетсе:

«Здравстуй-ко, честна вдова Офимья Олёксандровна,
Родитель моя матушка». —
«Ай же ты, моя уда́лина,
Молодая да скоморошина!
Как бы был Добрынюшка Микитинець,
Не дошло бы тоби да насмехатиси
Над моей над долею сиротьскою!»
А сама слезно расплакалась.
Он скоры́м-скоро́ да поворот держал.
Выходил Добрыня на широкий двор,
Бьет коня он по крутым ребра́м:
«Ай же ты, мой добрый конь,
Ездили мы во да́лечо, далёко, во чисто́ поле́ —
Не видли мы хлебушка сладкого.
Домой приехали, да не слыхали словечка гладкого!»
Старушка сдогада́лась,
Взглянула в окошечко коси́щато:
«Ай же ты, удалая уда́лина,
Есть у моего сына, Добрынюшки Микитиця,
Есть на голове родимое пятницько».
Снял шляпу пухо́вую,
Отвернул волосовья —
Увидала так родна матушка,
Побежала стрицять.
А она ведь стрету бежит.
Тут оны да поздоровались.
«Ай же родитель моя матушка.
Где моя да молода́ жена?
Молода́ жена, да любима́ семья,
Молода́ Настасья Микулисьна?» —
«Твоя да молода́ жена
Пошла да во заму́жесьво.
Сейця́с шли да с за́веньцев —
Выходит за Олёшку Поповиця».
«Беги-ка, матушка, во глубо́к погре́б,
Бери-ка платьиця скоморошие,
Бери-ко гусе́лышки яро́вцятые,
Бери клюху-шалыгу да подорожную,
Шапоцьку-мурманку да во сорок пуд!»
Скочила старуха на глубо́к погре́б,
А брала она платье скоморошее,
Брала она гусе́лышки яро́вчатыи,
Брала она клюху́-шалы́гу подорожную,

Клюху-шалы́гу во сорок пуд.
Брала она шапочку мурманскую.
Идет да все в левой да в одной руки несе́т.
Брал он да платья скоморошие,
Одевал он платья скоморошее,
Брал он гусе́лышки яровцяты,
Брал он клюху-шалы́гу подорожную,
Клюху-шалы́гу во сорок пуд.
Полагал он шапоцьку-мурманку —
Спереди не видать ясных оцей,
А сзаду не видать бело́й шеи́.
Гусе́лки брал да во леву руку,
А клюху́-шалы́гу да во праву́ руку́,
А пошол он да на поче́стной пир.
Приходит он на поче́стен пир
Да кресты кладет по-писа́ному,
А поклон ведет по-ученому:
«Ай же солнышко Владимир-князь да сто́льнё-киевьськой,
Пригласи-ка ты меня да на поче́стён пир
Веселить, играть да ваш поче́стён пир!» —
«Есть и без вас гусе́льщики,
Есть и без вас игральщики,
Все места без вас заняты!»
Он Олёшке цело́м не бьет.
«Дай же мне ми́стецька хоть на за́пецьки,
Хоть запе́цьки на муравленной».
А вскоцил он на за́пецёк,
Стал он затирать да гусе́льщиков,
Стал он затирать да игральщиков.
Играет — голосом веде́т он Царя́-града́,
Да напевок играт от Ёросо́лима,
Все прохождение Добрынюшкино.
Олёшенька узнат по игре,
Отверну⟨л⟩ся от молодухи.
Говорит ему́ да солнышко Владимир-князь:
«Ай же уда́ла-уда́лина, молода́ скоморошина.
Садись во пиру, где место по разуму,
Где любо — туды садись.
Хоть подли́ князя́,
Хоть супроти́в князя.
Хоть подли́ кнегины Опраксии,
А хоть насупро́тив княгины Опраксии!»
Он садился супроти́в молодой Настасьи Микулисьной

Насупро́тиву сел Настасьи Микулисьной.
А не подли́ князя́
Да не супроти́в князя,
Не подли́ княгины Опраксии,
Садился́ он супроти́в Настасьи Микулисьной,
Насупро́тиву сел Настасьи Микулисьной.
На́лили ему цяру зелена́ вина,
А мерой цяра полтора ведра,
А весом цяра полтора пуда́,
А брал он цяру да единой рукой,
А выпивал он цяру да на едино́й сдох.
Наливали втору цярку поцёстную:
«А хоть сам пей, хоть давай кому по разуму!»
Подносил он молодой Настасьи Микулисьной.
Говорит он да таково́ слово́:
«Цяру пьешь до дна — дак увидишь добра,
А не пьешь до дна — не вида́шь добра!»
И спустил туда свой злацён персте́нь,
С которым они с Настасьей обруцялисе.
Брала она цяру ядино́й рукой,
Да выпивала цяру на еди́ной вздох.
Увидала она свой злацён персте́нь,
Которым перстне́м с Добрыней обруцялисе.
А говорит она да таково́ слово́:
«Ай же солнышко Владимир стольно-киевськой,
Не тот мой муж, кой подли́ меня,
А тот мой муж, который супроти́в меня,
Мо́лодый Добрынюшка Микитинець.
Ай же мо́лодый Добрынюшка Микитинец,
Прости меня да во большой вины́:
У бабы волос долог, да ум ко́роток,
Пошла от жи́ва мужа́ в замужесьво!» —
«Не дивую я разуму-то женьскому,
А дивую я му́жьскому!»
Взял он Олёшку да за желты́ кудри́,
За́чал он Олёшеньку пова́живать,
За́чал он Олёшеньку оха́живать,
А Олёшенька зачал только...
С той да досады да Олёшенька Поповиць тот,
А Олёшенька Поповиць бежал да во цисто́ полё,
Поставил он нож да во сыру землю́
Да востры́м концом, пал на ножик-от,
Да тут ёму́ и славы́ поют.

№ 60

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЦА, КАК ВЕЗЛИ ДАНЬ

Во стольном городе Киеви
Были собраны князья и бояра
Ой везти дани-пошлины Бонияну Бониянову
За ⟨двенадцать⟩ лет да с ⟨половиною⟩.
Ай везти да ⟨тридцать⟩ белых лебедей,
Ах везти да ⟨тридцать⟩ кречетей.
Ой стали избирать да добрых молодцев:
Ой сын Василья Газемерова, Добрынюшку Микитица,
Василья Газемерова, Олёшку Долгополого.
«А мы где будем братися, съезжатися?» —
«Будем мы съезжатися
У того дуба Онивина,
У того креста да Леванидова».
Вот приезжают к дубу Онивину,
К тому кресту они да Леванидову,
На ту гору, на Фофор-гору.
Насыпали коням пшены да белояровой,
Ой зоблют кони пшену да белоярову.
Вот поехали братья крестовые
Везти да дани-пошлины
Да за ⟨двенадцать⟩ лет да с ⟨половиною⟩.
Привезли да дани-пошлины
Да за ⟨двенадцать⟩ лет да с ⟨половиною⟩.
Ой приезжают да на широкий двор,
Ой вяжут коней к столбу точеному,
К колечку да золоченому,
Идут во гридню столовую,
Приходят к Бониану Бониянову во гридню столовую
И челом не бьют.
«Бониян да Бониянов, забирай-ко дани-пошлины
За ⟨двенадцать⟩ лет с ⟨половин⟩ою!»
Ой забрал он дани-пошлины
Ой за ⟨двенадцать⟩ лет да с ⟨половиною⟩.
«Ей, не угодно ли сесть сыграть да в шашки шахманные,
В тыи тавлеи золоченые?» —
«Ой, такие игроки да остались во Киеви,
Но надиемси мы на Добрыню Микитица».
Но вот сили играть да в шашки шахманные,
В тавлеи золоченые.

Начинал он играть в шашки шахманные
Вот Бониян Бониянов,
Вот проигрыват Бониян Бониянов королевство полное,
Вот Бониян Бониянов
Залагат же королевство полное.
А Добрыня Микитинець проигрыват брата крестового.
Он первый раз ступил — не доступил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же братца крестового.
Но вот начинат он проигрывать
Второго брата крестового.
Он первый раз ступил — не доступил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же второго брата крестового.
Третий раз сыграл —
Стал проигрывать коня брата крестового.
И вот давай ⟨четвертый⟩ раз проигрывать
Брата крестового коня второго.
«Давай проиграть да свою да буйну голову!»
Ай первый раз ступил — не доступил,
Второй раз ступил — и в дамочки,
Ой выиграл он брата крестового.
Ай первый раз ступил — не доступил,
Второй раз ступил — и в дамочки,
Ой выиграл второго он братца крестового.
Ну, давай же ну третий раз
Выигрывать коня доброго брата крестового.
Вот он выиграл коня да богатырьского,
Давай же выигрывать коня да последнего,
Он выиграл коня да последнего.
Вот Бонияну Бониянову
Неохота упустить да богáтырей, охота выиграть,
Да обыграл его Добрынюшка Микитинець,
Выиграл королевьство Бониянское.
«Ей, Добрынюшка Микитинець,
Не угодно ли сходить да на широкий двор
К тому столбу точеному,
К колечку золоченому?» —
«Ой, таки стрельцы остались во Киеви,
Но надиемся мы на Добрыню Микитица!»
Вот приходят да на широкий двор,
И ён приказыват, да Бониян да Бониянов:
«Несите-ко тугой лук Добрыне Микитицу».

Приносят же тугой лук.
Он лук же повыломал,
Тетивку повыщелкал,
Наиспашь повыкидал.
Тут же скомандовал Б⟨ониян⟩ да Бониянов:
«Несите ему ещо ту́гой лук!»
Вот приносят же ту́гой лук,
Он лук опять повыломал,
Тетивки повыщелкал.
Ай Бониян Бониянов закричал во всю буйну голову:
«Привезти такой невежищу да ту́гий лук!»
Подвозят же тугой лук
На сороки́ подводах сильныих.
Он лук же опять да повыломал,
А тетивки повыщелкал
Да наиспашь повыкидал.
«Олёшка Долгополыий,
Иди-ко на широкий двор,
Неси-ко лучёночко дорожное!»
Приносит Олёшка лучёнко дорожное.
Вот он взял лучёнко дорожное:
«Ну-ко стреляй, Б⟨ониян⟩ да Бониянов!»
Как стрелил Б⟨ониян⟩ Бониянов —
Не попасть в то колечко точёное,
Дак и в щит попасть не мог.
Как стрелил Добрыня же Микитинець
Со своёго лучёнка дорожного —
Перерубил кольцо да золоченое.
И пошли они — висит кольцо да золоченое.
Вот оны свисили кольцо да золоченое —
Не та половинка и не другая ведь,
Не тяжельше ведь и не легче.
«Не угодно, Добрынюшка Микитинец,
Сходить да поборотися?»
Ой ёны выходят боротися да на широкий двор.
Посылат же Добрыня Микитинець
Того да Олёшку Долгополого.
Но вот пошел бороться Олёшка Долгополоий,
Вот стали находить да по́ двою да по́ трою:
Он возьмет да их да схлеснет их,
Да уж давно и пару нет.
Ой стали находить же видь да десятками.
Закричал же Олёшка Долгополоий:

28 Зак. 3948

«Помогите же, братья крестовые,
Ей, Добрыня Микитинець и Василий Газемерович!»
Стояли они да на балхони верхноем,
Вот они, робята, да опущалися,
Прямо с балхона скакали да верхнаго.
Вот оны стали боротися:
Один же взял осишко тележное,
А Добрыня Микитинець хватил столоб да богатырьскую.
А куды махнут — туды улича,
А перема́хнут — переулочек.
Ой закричал Бониян Бонияновъ
Во всю же буйну голову:
«Уйми-ко, Добрыня Микитинець,
Своих же да братьев крестовыех!
Нунь мы будем платить же вам да дани-пошлины,
Оставьте же мне проклятых татаровей на си́мена!»
Вот унял Добрыня Микитинець
Ой братьёв крестовыех.
Вот он стал, Б⟨ониян⟩ Бониянов,
Платить им да дани-пошлины.
Раньше дань привозили им:
Какой Бонияну приезжал да к Бониянову,
Который приезжал — дак и живой не уезжал.
Получил Добрыня дани-пошлинных
И отправил домой да даней-пошлины
Да за ⟨двенадцать⟩ лет да с ⟨половиною⟩.
Ой привозит Василий да Газемерович
Ой за ⟨двенадцать⟩ лет да даней-пошлины.
Вот у Добрыни да во чистом поли только забавушки —
Играет он в шашки шахманныи,
Ой в тыи тавлеи золоченые.
«Ой любима семья да молода жена!» —
Поезжал он, да и приказывал.
«А не ходи-ко ты да во замужество
За того Олёшку Поповица!
Он же мне да падше брата родного.
Через ⟨шесть⟩ лет хоть вдовой живи,
А хоть взамуж поди!»
⟨Шесть⟩ лет она ждала Микитица,
А не приехал через ⟨шесть⟩ годов.
Стал Олёшка подхаживать
И стал ее да подговаривать:
«Добрыня убит да во кувыль-траву лежит.

Добром пойдешь — дак добром возьму.
А добром не йдешь — дак силóм возьму!»
Вот она да пораздумалась:
«Чем мне недобром идти — дак давай добром пойду».
Вдруг прилетает черен ворон,
Он жупит же Добрыню Микитица,
Жупит он по-птичьему,
Говорит по-человечьему:
«Ай живешь ты, Добрынюшка, во чистом полѝ,
Невзгодушки над собой да не ведаешь:
Ой молода жена да любима семья
Выходит да во замужество
За твого же братца крестового,
Да за Олёшку Поповица».
Ой ставал Добрынюшка на резвы́ ноги́,
Он брал же да доску шахманную,
Ой бил ее да о кирпичный пол —
Розлетелась доска да на мелкие дребезды.
Он выходит да во чисто поле,
Ой кричит во всю да буйну голову:
«Эй, Бурушко-косматушко!»
Бежит, дак мать-земля дрожит.
«Ой ты, Бурушко-косматушко,
Меня сюда вез да ⟨три⟩ году,
А отсюль вези да ровно ⟨три⟩ часу».
Вот садится он на Бурушко-косматушка.
Ай Бурушко-косматушко
Широки озера через ног пускал,
Ай широки роздолья перебегивал,
Ай синие моря да перескакивал.
Приезжает он домой да на широкий двор
Ай через ⟨двенадцать⟩ лет да с половиною.
Он вяжет коня к столбу точеному,
К большому кольцу да золоченому,
Заходит к мамаши во гридню столовую.
«Здравствуй, мамаша Настасья Микулична». —
«Ай был бы у меня рожёное дитятко
Добрыня Микитинець —
Не дошло бы вам да над старухой надсмехатисе».
Он скорым-скоро да поворот держал,
Ён приходит да на широкий двор,
Ён бьет коня да по тучным ребрам:
«Эй, мой Бурушко-косматушко,

А издили ⟨двенадцать⟩ лет да с половиною,
Не видали мы да слова гладкого,
Слова гладкого, обеда сладкого!»
Вот тут старушка-мамаша сдогадалася:
«У моего-то роженого дитятко
Была родимная знадебка-рубечок».
Вот он волосы да пороскинул он —
Увидала мамаша Настасья Микулицна.
Вот тут оны с сынком да поздоровались,
Вот же тут сынок да у мамашеньки
А стал он спрашивать:
«Эй, мамашинька, да где молода жена да любима семья?» —
«Вот сегодня у них было сватовьсво,
Ой завтра уж пированьицо». —
«Ну-ка, мамашенька, скочи-ка на глубок погреб».
Вот скакала старуха да на глубок погрёб.
Вот он, сын, да ей приказыват:
«Нести же шапку-мурманку,
И шапку-мурманку во ⟨сорок⟩ пуд,
Клюху-шевыгу поддорожную, и тоже во ⟨сорок⟩ пуд,
И платьё скоморошее, и тоже во ⟨сорок⟩ пуд,
И гуселышка яровчаты, и тоже во ⟨сорок⟩ пуд!»
Вот старуха все брала да во леву руку
И приносила сыну во левой руки
Гуселышка яровчаты и платья скоморошины,
И клюху-шевыгу поддорожную.
И наделси он да и пошел на пир к брату крестовому,
К Олёшки к Поповицу.
Вот он приходит и проситсе:
«Пригласите меня да на почестной пир,
Хоть в гусельщики и игральщики, и барабаньщики». —
«Есть у нас без вас гусельщиков, игральщиков и барабаньщиков». —
«Ну пустите хоть с край печки да на за́печки!» —
«Полезай же на печь да черную».
Вот заиграл же Добрыня Микитинець,
Вот он начал да поигрывать свое происхождение.
Тут же Олёшка Попович поздогадался,
Вот сейчас предложили ему:
«А хоть за стол поди,
Садись хоть возли княгины Апраксией».
Вот он садитси да возли княгини Апраксией.
Наливали чару ему да зелена вина,
Эта чара да полтора ведра

И весом да вытягает полтора пуда.
И брал он чару во левý руку
И выпиват ее да на единый эдох.
Наливают вторую почестную.
«Хоть сам пей, а хоть князю дай,
А хоть княгине Апраксией».
И вот эта чара полтора ведра
И весом ⟨полтора⟩ пуда,
И подал он княгине Апраксией.
«Ой пьешь до дна — дак увидашь добра,
А не пьешь до дна — дак не видашь добра!»
Спустил он да в цару да перстень, которым обручалися.
И вот она брала во леву руку
И выпивала на единый эдох —
Увидала перстень, которым обручалися.
Ой бухнула в ноги Добрыне Микитицу:
«Ой прости меня да во большой вины:
У бабы волос долог, а ум короток!»
Вот вставал же Добрыня на резвы ноги:
«Не дивую я разуму женскому,
А тому дивую уму мужскому:
От живого мужа жену взял!»
Вот он взял же брата крестового Олёшку Поповица,
Ой хватил же он да за желты кудри,
Начал он же братьца поваживать, Олёшку Поповица,
Ой же его тут поваживал,
Плеточкой охаживал.
Вот он стал же, Олёшка Поповиц,
Убежал он во чисто поле по⟨ср⟩ать.
С горя хватил он ножищо-кинжалищо,
Ой поставил он чернем вниз, кверху носом вострыим,
Да тут с горя-досадушки Олёшеньки Поповицу
И вот тут ему жа и славу поют.
Ну, ушел Добрынюшка с женой домой
И сейчас живет да лучше старого.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА (№ 61—73)

№ 61

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Жила честна вдова Офимья Александровна
В Москве на Горке на Вшивоей,
И остался от батюшка молодой Добрынюшка Никитич.
И зачал ездить Добрынюшка по славной каменной Москвы.
И наказывает Добрынюшке матушка:
«Ай же ты, Добрынюшка свет Никитинич!
Езди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
Улочками езди и переулочками,
И езди, Добрынюшка, во далече во чисто поле;
Когда будешь Добрынюшка близ города Киева
И заедешь ты, Добрынюшка, во Киев-град,
Езди Добрынюшка улочками,
Езди Добрыня переулочками,
А ты не езди, Добрынюшка,
Во тыя улочки Маринския
И во тые переулочки Игнатьевские».
И забыл Добрынюшка наказаньицо матушкино,
И заехал Добрынюшка Никитинич
Во тыя улочки в Маринския
И во тыя переулочки Игнатьевския
Ко злодейки Маринке-ненавистницы.
У злодейки Маринки-ненавистницы
Построены терема высокие,
Просечены окошка косявчатыя
И поставлены колоды белодубовы,
Наличники положены серебряныя,
И на каждом окошечке голубь со голубушкою.
И натянул Добрынюшка свой тугой лук,
И стрелил-то он голубя с голубушкою,
И пролетела стрелочка каленая
Во ту ли колоду белодубову,
И во тот ли наличник серебрянный,
И во ту ли во спальню во теплую,
И на ту ли кроватку тесовую,
И на ту ли перинку пуховую,
И убила у Маринки мила друга,
Поганаго Тугарина Змиевича.
И посылает Добрынюшка Никитич

Своего паробка да слугу вернаго
По ту ли по стрелку каленую:
«Ай же ты, злодейка Маринка-ненавистница!
Давай-ко нашу стрелочку каленую!»
И говорит злодейка Маринка таково слово:
«А кто стрелочку стрелил,
Пускай сам сюда придет».
У Добрыни бело тело распотелося,
А богатырско сердце разгорелося,
И скочил Добрынюшка тут со добра коня,
И побежал во теремы высокие
Ко злодейке Маринке-ненавистницы;
Он ухватил-то Маринку за белы груди,
Кинул-то Маринку о дубовый мост,
И брал он стрелочку каленую,
Он шел из ложни из теплыя.
А эта злодейка Маринка-ненавистница
Брала свой нож булатныий,
И куда ступал Добрынюшка Никитинич —
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подскоблила следы Добрынюшкины,
И спустила Добрынюшку оленем рыскучим во чисто поле.
И проведала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Что обернут сын оленем рыскучим во чисто поле,
И зачала искать по каменной Москве докторов,
Чтобы отвернуть Добрынюшку добрым молодцем.
И не нашла в Москве докторов,
И поехала во славный во Киев-град,
И нашла она бабушку-задворенку,
И смолилась она ль от желаньица:
«Ай же ты, бабушка-задворенка!
Отверни-ко ты Добрынюшка добрым молодцем».
И возговорит бабушка-задворенка:
«А возми-тко ты меня саму в каменну Москву
И на ту ли Горку на Вшивую».
И говорила ей бабушка-задворенка:
«Принеси-ко ты Добрынюшкин тугой лук
И принеси-ко ты да калену стрелу».
И натягивает старушка тугой лук,
И накладывает старушка калену стрелу,
И сама ко стрелочке приговаривает:
«Ты летай-ко, моя стрелочка, по чисту полю,

Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
Оленя рыскучаго в чистом поле:
Пусть бежит во матушку в каменну Москву,
На ту ли на Горку на Вшивую».
Этая бабушка-задворенка
Сделала Добрынюшку добрым молодцем,
И сама говорит таково слово:
«Ты возьмешь ли, Добрынюшка, Маринку за себя замуж?»
И возговорил Добрынюшка Никитич:
«Не надоб мне Маринки на широкий двор».
Этая бабушка-задворенка
Обвернула злодейку собакою:
«Ты бегай-ко, злодейка, век и по веку,
Отныне и до веку».

№ 62

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Три году Добрынюшка стольничал,
Три году Добрынюшка чашничал,
Три году Добрынюшка у ворот простоял,
На десятый год еще гулять ушол.
Наказывала Добрыни родна матушка:
«Ты ходи-гуляй, Добрынюшка, по го́роду,
Ты по городу гуляй по Киеву,
Только не ходи во улички Маринкины,
В переулки не ходи да во Игнатьевски.
Там е девушка да зельчица,
Зельчица девушка, кореньщица.
Извела-то она девя́ть молодцёв,
Девять русскиих могучиих богатырев,
Тебя же изведет да во десятыих!»
Забыл-то наказанье родной матушки,
Зашол-то он во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидят голубы да со голубушкамы,
Носочки с носочками целуются,
Они правыма крылами обнимаются.
Тут Добрыни в запрету́ пришло,
Натягивал Добрынюшка тугой лук,
Направливал Добрыня калену стрелу,

Уби́л у Маринушки мила дружка,
А Ивана убил царевича,
По прозваньицу убил Туга-Змеевича.
Бросалася Маринушка по-плеч в окно:
«Ай же ты Добрынюшка Микитинич!
Холост ты ходишь, не жена́т ноньку,
Я, красна девица, на выда́ванье:
Возь-ко меня да за себя замуж!»
Не с ума Добрыня слово спро́говорил:
«Ай же ты девушка-зельщица,
Зельщица ты коренщица!
Извела ты девя́ть молодцёв,
Девять русскиих могучиих богатырёв,
Меня же изведешь да во десятыих!»
Обвернулся Добрынюшка, домой пошол.
Она брала-то ножички булатнии,
Она-то резала Добрынины следочики,
Приговоры приговаривала крепкии:
«Так бы резало у Добрыни ретливо сердцо́ по мни».
Обвернулся Добрынюшка и к ей пришол.
Повернула Добрыню серым волком,
Отпустила Добрыню ко сине́ морю.
Добрынина матушка
Ёна день ждала да другой ждала,
Неделю ждала, да другу́ ждала,
Ена год еще ждала, другой ждала —
Не слыхать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила к Маринке под окошечко:
«Эй же ты девушка-зельчица!
Отверни у мни Добрынюшку по-старому,
По-старому Добрынюшку, по-прежному.
Не отвернешь ты Добрынюшки по-старому,
Я тя поверну собакою,
Собакой поверну тя подоконною.
Еще тебя потешу я сорокою,
Сорокою тебя да я коловою!»
Отвернула Добрынюшку по-старому.
Он брал в руки стрелочку каленую,
Розвязал ю на скамеечку дубовую,
Розстрелял ён Марину по чисту́ полю.

№ 63

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Говорит-то Добрынюшка Микитиниць:
«Я пойду-то во улицу во Игнатьевскую,
Я пойду да во Малиноцькую».
Ай говорит ему да ро́дна матушка:
«Я не дам тибе прощеньица,
А не дам я тебе я да благослове́ньицё
А идти во улицу Игнатьевьскую,
А в переулоцьки идти во Малиноцькии,
Пропадешь ты там за собаку есть,
За собаку да за пропащую». —
«А дашь прощеньиця — пойду туда,
А не дашь прощеньиця — пойду туда».
А ведь мать была она не ду́рная,
А дала ему да проще́ньице,
А дала ему да благослове́ньицё.
А пошол он во улицы во Игнатьевьские,
В переулоцьки идет во Малиноцьки,
А по сту́пеням ска́кал заюшком,
А по сничкам как горностаюшко.
А в терем ступил да добрым мо́лодцём.
А душечка Малиноцька догадаласе —
А догадлива была да она хитрая:
А берет за руценьки за белыи,
А проводит ведь за столицьки дубовые,
За скатерки за шелко́выи,
А за питья были за медвя́ныи,
А за ества были за саха́рьныии.
А он ел видь, пил, покушал видь,
А пошел Добрыня видь назад домой.
А видь Малиноцька была да й хитрая:
А видь ножичком перочинныим
Вырезает следы да Добрынины,
А ведь роет во пецьку во огня́ную,
А сама-то как тут и приговаривает:
«Как горят следы да Добрынины,
Так горело бы сердецюшко по душецьке,
А не мог бы он ни пить, ни есть, ни кушати».
А ведь тут Добрынюшка Микитинець
Утром вставает очень ранёшенько,

Утром умывается он да белёшенько,
Снаряжается да он поскурёшенько,
А идет-то он во улицы Игнатьевьски,
А в переулоцьки идет да во Малиноцьки.
А он по сту́пеням ска́кат заюшком,
А по си́ницькам — как горностаюшком.
А в терем ступил он да добрым мо́лодцём.
А берет-то душецька Малиноцька
А за тыи за руцьки за белыи,
А проводит ли за столицьки за дубовые,
А поел, попил Добрынюшка, покушал ведь,
Белой лебеди да тут порушал ведь,
А берет как душецька Малиноцька,
А за ты она да за бели́ руки́,
А проводит видь во спаленку да во новую,
Во тую видь во спаленку кленовую,
А ко той кроватоцьки ко рыбей зуб,
А ко той постели ко пуховыих,
К одеяльцу тут она да соболиному:
«А ложись-ко ты, Добрынюшка, о стеноцьку,
А я лягу возлё тебя,
А возли́ тебя, да я возли́ бока́,
Мы с тобой теперь да позабавимся».
А не ложится ведь Добрынюшка во стену ведь,
Не ложится Малиноцька во стену ведь,
А у них пошел да сдор да спор:
«А что же ты, Добрынюшка, да не ло́жишься?
А ведь есть много люда царей-та ведь,
А царей-то много да царе́вицёв,
А королей-то много да короле́вицёв,
А попов-то было да попо́вицёв,
А тебе-то тут, Добрынюшка, пришлось легчи!»
Разгорелоси сердечко богатырьскоё,
Роскипелась кровь молодецькая,
А берет-то тут ее по серёдоцьки,
А бросал ведь да на кроватоцьку,
Ай кроватоцька да только спыхнула.
Говорит Добрыня таково́ слово́:
«А ловка́ была да очунь хитрая,
А попала ведь за ты замки за крепкии,
А за ты́ ли ведь да зеле́зные,
А зеле́зны двери, за цюгунные».
(*Людей садила, а тут ведь и сама попала*!)

А берет-ты он ключи, да он, Добрынюшка,
Отворят воротьця он да зелезныи,
А други ворóта да цюгунныи,
Выходили ведь цари да царевици,
Выходили ведь короли да королевици,
А выходят вси оны да поклоняются
А ведь до матушки оны да до сырой земли.
(*Надоело там сидить-то!*)
«А кормила нас да одним овсом,
А одним овсом да тут немолотым».
(*Вы-то в Москве овес едите? В других губерниях не едят.*)
А всы оны да поклоняются.
Выходила душечка Малиночка,
А она-то ведь Добрыни поклоняетсе:
«А прости в вины да во великиих,
А ведь скоро простишь, да не буду тáко ведь,
А вперед-то буду да не делать-то». —
«А не будешь ты вперёд-то делати!»
Ай берет ю за заднюю трёстоцьку,
А пинул ее под ⟨жопу⟩ девóцюю,
А взлетела она выше церквей,
А ведь пала она да о сырý землю́,
А у ней кожа да лопнула,
А рубашка у ней-то видь как тут-то трёснула,
А ведь трёснула...

№ 64

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Ах справляетсе да снаряжаетсе
Как был млад Добрынюшка Микитинец.
А говорила Добрыне рóдна матушка:
«А далёко ль ты, Добрынюшка, справляиссе?
А далёко ли, Добрыня, снаряжаиссе?» —
«А ведь и есть у меня, да рóдна матушка,
А как эти ты есть да завúцяны —
А ведь сходить мне во Божью́ церквý,
А Господу мне Богу помолитисе,
А мне угодницькам поклонитисе».
А говорила Добрыне рóдна матушка:
«Ай же ты, млад Добрынюшка Микитинець,

А не за́йди в улицьки Игнатовьски,
А не за́йди-ко в переулоцьки Марьевски,
А ко ⟨курвы⟩ Маринки догадливы,
А ко всероссийской ты красавицы!»
А ведь отстоял Добрыня обиденки,
А ведь стоит и думушку думае:
«А как не сходить в улицьки Игнатоськи,
А в переулоцьки мне зайти Марьевски,
А не поглядеть на ⟨курву⟩ Маринку догадливу?»
А доходил до полаты до Маринкиной.
А ведь у ней, у ⟨курвы⟩ у Маринки догадливой,
А на окошечке нарисовано,
Будто голубь сидит со голубкою,
А сидят они да ликуются,
Как ликуются да забавляются.
А он стоит, Добрынюшка, противу окошецьку,
А он стоит и думушку думает:
«А не спустить мне-ко стрелоцька калёную?»
А натянул Добрынюшка тут ту́гой лук,
А тятивку — туги́м-потугёшенько,
А клал стрелоцьку прямёшенько,
А ведь пустил ён ведь на окошецько,
А ведь улетела стрела в терем Маринкин-то.
А ведь стоит ли Добрынюшка, думае:
«А если не сходить в терем — пропаде стрела.
А ведь надо сходить в те́рема».
А ён по крылецькам ли — заюшком да горностаюшком,
А в дом вступил добрым мо́лодцём.
«А ведь здрасвуй-ко, Маринка догадлива!»
А ёна́, ⟨курва⟩ Маринка, снаряжаласе,
А как за за́веси она обряжаласе.
А ведь и шол, увидел ведь свою стрелоцьку калёную:
А ён убил ни голубя с голубкою,
А ён убил тотарина, любимця-то.
А ён брал ли стрелоцьку каленую,
А ведь пошол ён со той ли стрелоцькой калёною,
А никого боле не видал во тереми.
А они ли, курвы Маринка догадлива,
А ведь за за́веси она обряжаласе:
А она брала ли но́жицёк она була́тнёё,
А ведь и резала ёна́ следоцьки Добрынины,
А ведь и резала следоцьки, приговаривала:
«А ведь и режу я следоцьки Добрынины —

А так бы резало сердецько Добрынино
А по мне, Маринке догадливой!
А ведь и день идет до вецера,
А ведь на круг бы с утра целыи сутоцьки,
А как не мог бы да Добрынюшка,
А без меня, ⟨курвы⟩ Маринки догадливой,
А ён ни есь, ни пить, ни жить, ни быть,
А он гульбой, Добрыня, нагулятисе,
А ведь ни сном Добрыня засыпа́тисе,
А ведь тоснул бы Добрынюшка, гинул бы
А ведь на круг с утра целыи сутоцьки!»
А ведь Добрынюшка сошол домой уж как.
А едва Добрыня ноцьку про́спал-то,
А ведь по утрушку да ранёшенько,
А ведь шел ко ⟨курвы⟩ ко догадливой.
А она, ⟨курва⟩ Маринка догадлива,
А поде́ргивала она сту́льцё кленовую:
«А ведь сядь-ко, Добрыня, побесёдуем!» —
«А уж ты, ⟨курва⟩ Маринка догадлива,
А у тя нетути выпити пива пьяного?
А у тя нетути меду стоялого?» —
«Ай бы, кра́сна девушка,
А ведь и на все была догадлива —
А ведь и пищюю я не догадаласе».
А приносила разныи-ты напитоцьки,
А они пьют, сидя́, проклаждаютсе.
А говорила ⟨курва⟩ Маринка догадлива:
«А неугодно ли, Добрыня, позабавитьсе?»
А они сошли к кроватке тисовые,
А ведь стоят оны да коряются:
«А ведь ложись наперёд, Добрыня Микитинець!» —
«А ведь ложись наперёд, ⟨курва⟩ догадлива!»
А ведь фатил Добрыня Маринку посерёдоцьки,
А ведь кинул Добрыня на кроватку на кисовую —
А улетела Маринка в погрёба́ ёна́ глубокии:
А у ней была кроватка-то на пружиньях-то.

(*Сотни сошли краса́вцев. Он взял клюци, отпёр, дак молодцёв полетело*!)

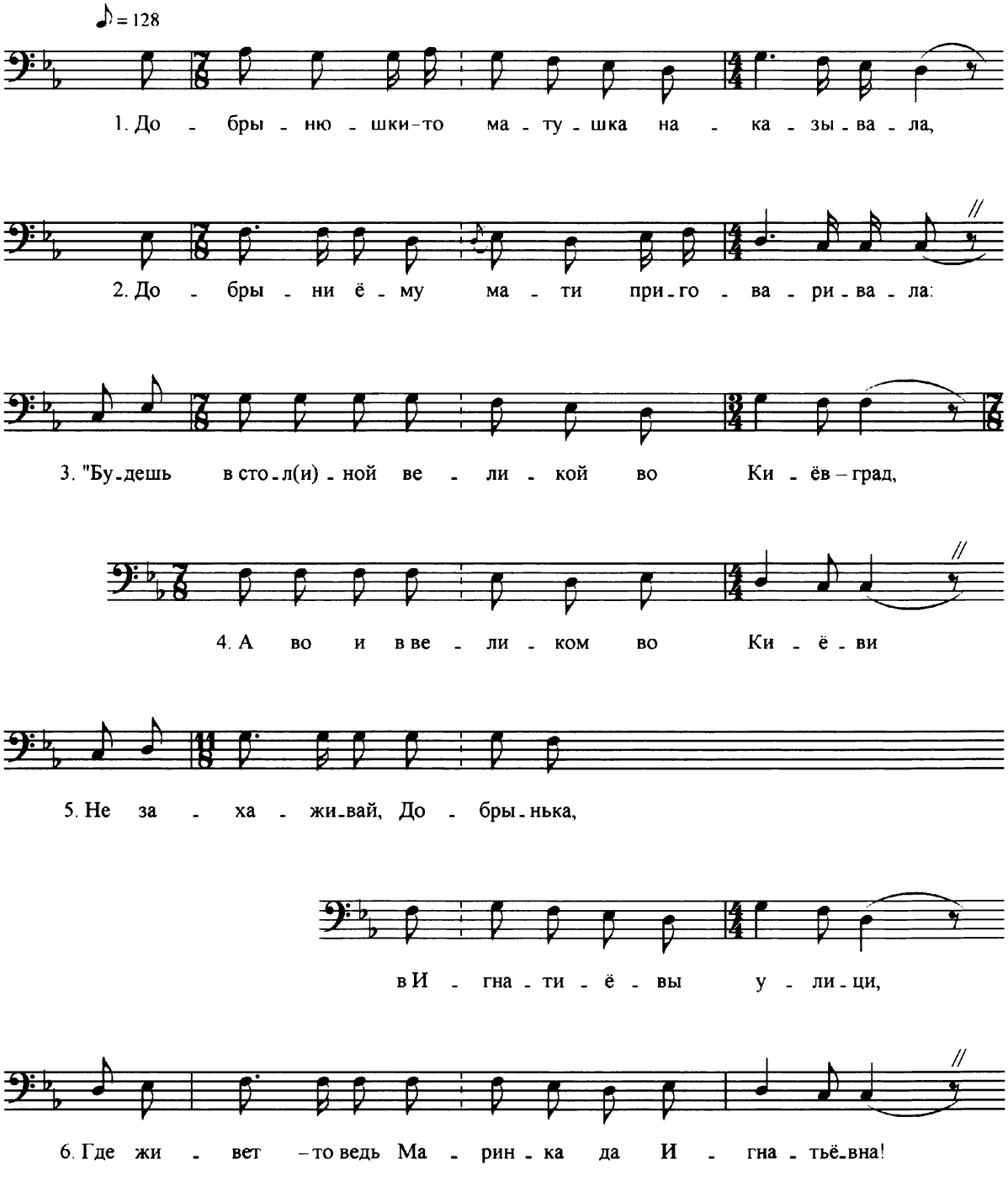
№ 65

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Во стольном городе во Киеве
Гулял-то ведь Добрынюшка по городу,
Гулял-то ведь Добрынюшка по Киеву.
«Не заезживай, — наказывала матушка, —
Не заезживай во этаку во улицу,
Где живет-то ведь Маринка ведь Игнатьевна,
Не увидит Маринка ведь Игнатьевна,
И кинетце Маринка до плеч в охват,
И скажет Маринка таково слово:
„Возьми-ко ты, Добрынька, меня замуж за́ себя,
Не возьмешь, Добрынька, замуж за́ себя,
Оввернешься, Добрынька, серы́м волко́м".
И спустит Добрынюшку серым волком в чисто поле.
И ходить тебе, Добрынька, век по́ веку».
Добрынюшку-то матушка день ждала,
И Добрыню государыня другой ждала,
Не могла она дождатьце Добрынюшку со чисто́ поля́.
На ноженьки обувала башмаченьки,
На плечки кидала кунью шубоньку
И бежала во етую во улицю.
Прибежала к Маринки Игнатьевны
И кричала Маринки Игнатьевны:
«Ай же ты, Маринка Игнатьевна,
Оввернула ты Добрынюшку серы́м волко́м,
И спустила ты Добрынюшку в чисто́ поле́ —
Не ходить-то ведь Добрынюшки век по́ веку.
Не отве́рнешь ты, Маринка, Добрынюшку
По-старому, по-прежнему,
Овверну тебя сорокою
И спущу тя, Маринка, во чисто поле,
И лятать те, Маринка, век по́ веку».
Побоялась Маринка грозныих слов
И отвернула Добрынюшку по-старому,
И отвернула Добрынюшку по-прежнему.
Тут уж брал Добрынюшка саблю вострую
И отрубил Маринки буйну голову.
И тут-то про Добрынюшку славу́ поють,
И славу́-то поють век по́ веку.

№ 66

МАРИНКА И ДОБРЫНЯ

Добрынюшки-то матушка наказывала,
Добрыни ёму мати приговаривала:
«Будешь в стол(и)ной великой во Ки́ёв-град.
А во и в великом во Ки́ёви
Не захаживай, Добрынька, в Игнатиёвы улици,
Где живет-то ведь Маринка да Игна́тьёвна!
Ведь увидит Маринка да Игна́тьёвна,
Она скинетце, Маринка, да до плець в окно.
Говорит-то ведь Маринка таково слово́:

«Ай же ты, Добрынюшка Микитиниць!
Ты ходишь, Добрынюшка, по городу,
А гуляешь ты, Добрынюшка, по Ки́ёву...»

№ 67

ПРО ХОЛОСТОГО ДОБРЫНЮ

Как справляется да снаряжается
Как Добрынюшка, добрый молодец.
Говорила Добрыне родна матушка:
«Далеко ли ты, Добрынюшка, справляешься?
Куда ты, чадо, снаряжаешься?» —
«Как пойду, пойду я, родна матушка,
Прогулятися во Киев-град».
Говорила родна матушка:
«Как холост молодец, ты не женат,
Не ходи ты, добрый молодец,
Только в улицы Игнатьевски,
Переулки Марьевски
Ко Маринки ко догадливой.
Как у Маринки у догадливой
Пропадешь ты хуже кислой-то плотичины».
А ведь шел Добрыня по городу по Киеву,
Пришел в улицы в Игнатьевски,
Переулки Марьевски
К Маринке ко догадливой.
Дошел до Маринкинова терема.
На окошке у ней нарисовано,
Будто голубь-то сидит да с голубихою,
Обнимаются да забавляются.
Натянул Добрынюшка тетивку да шелковую,
Направил стрелочку каленую,
Да и спустил в голубя с голубихою.
Да стоит Добрыня и думает:
«Если не сходить в терем, то пропадет стрела». —
И пошел Добрыня к Маринке в высок терем.
Ена, Маринка догадлива:
За завесы да обрядилася.
Пошел Добрыня искать стрелочку каленую —
Дак убил-то Добрынюшка не голубя с голубихою,
А убил татарина, любимца Маринкина.

И взял Добрыня стрелочку каленую,
Пошел с Маринкиного терема,
И ёна, Маринка догадлива,
Брала ножичек булатьнею,
Тут и резала следочки-то Добрынины,
Ена резала следочки, приговор держит:
«Как режу я следочки Добрынины,
Так бы резало сердечко Добрынино
По мне, по Маринке по догадливой,
Не мог бы Добрынюшка без меня, Маринки догадливой,
Да ни исть, ни пить,
Да ни жить, ни быть,
Да не сном насытитися,
Да не гульбой бы нагулятися,
А тоснул да гинул бы
На круг, да целы суточки!»
На дорожке у Добрыни сердце срезало —
Одва ноченьку Добрынюшка скоротал,
По утрышку ранешенько
Мылся Добрынюшка белешенько,
Одевался-то чистешенько.
Говорила Добрыне родна матушка:
«Далеко ли, чадушко, справляешься?» —
«Я пойду де, родна матушка,
Ко Маринке ко догадливой».
Говорила Добрыне матушка:
«У Маринки у догадливой
Пропадешь хуже кислой плотицыны».
Шел Добрынюшка к Маринке догадливой.
Она, Маринка догадлива,
Подергивала стулочки кленовые,
Сама садилась рядышком:
«Сядем ко, Добрыня, посоветуем».
Да говорил тогда Добрынюшка:
«За все люблю тебя, Маринка догадливая,
За одно тебя я не люблю —
У тебя нет напиточек медвяныих».
Как скочила она, да красна девушка:
«Как на все я была догадлива,
А тут не догадалася».
Натащила питов она разныих медвяныих.
Тут сидят да пьют, да проклаждаются.
Говорила Маринка догадлива:

«Уж ты, холост молодец, да не женат,
Неугодно ли, Добрыня, позабавиться». —
«Не худо ведь, Маринка да догадлива». —
Сошли они к кроватки тисовыи,
И стоя, да и коряются.
Говорит-то Маринка догадлива:
«Ложись-ка, Добрынюшка, ко стенучке».
А говорит Добрынюшка:
«Ты ложись-ка, Маринка, ко стенушке,
У тебя кроватка изукрашена,
У тебя перинка да налажена».
Да разгорячилося сердечко Добрынино,
Да захватал Добрыня Маринку по середочки,
Да полагал на кроватку тисовую.
А кроватка была на пружинах ведь.
Улетела Маринка в погреба во глубокии.
Пошел Добрыня по терему
Искать ключиков, замочиков.
Нашел Добрыня ключиков целую дюжину,
Отмыкал Добрыня двери-то дубовыи
Да на петелках на шелковыих —
Выпускал Добрыня добрых молодцов:
Добрых молодцов, да все красавчиков,
Да пошли целыми артельками.
Да тым былина и покончилась.

№ 68

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Как поутрушку да ранёшенько
А мылся Добрынюшка белёшенько,
Обтерался Добрыня посухёшенько
Тонким льняныим полотёнышком.
Одевался Добрыня поцистёшенько.
Говорила Добрыни родна матушка:
«Далеко ли, Добрынюшка, справляесься?
А куда же ты, Добрыня, снаряжаесьсе?»
Отвецял-то Добрынюшка:
«Как пойду-то я, родна матушка,
Я в город прогулятисе».
Говорила Добрыни родна матушка:

«Как не зайди-ка ты, да Добрынюшка,
А не зайди в улици Игнатьевски,
В переулоцьки а во Марьевски,
Как ко той ли Маринки ко догадливой,
Ты как холос⟨т⟩ молодец есь неженат!»
А ведь шол-то Добрыня в город прогулятиси.
А ведь прошол Добрыня по городу,
А как сам-то стоит, думу думает:
«Как надь мне сходить в улици да Игнатьевски
В переулоцьки а мне-ка в Марьевски,
А поглядеть у Маринки у догадливой».
Как сравнялся Добрыня с Маринкиным теремом,
У Маринки на окошки нарисовано
Как голуб сидит с голубихой,
Ай да тут да как Добрынюшка
Натягал-то он тетивку-то шолкову,
Направлял Добрыня стрелоцьку калёную,
А спустил ён стрелоцьку калёную
А он в голуба да с голубихою.
Стоит Добрынюшка думает:
«Если мне-ко-ва да не сходить в терем,
Пропаде моя стрелоцька калёная».
Как пошол Добрыня к Маринки в высóк терем,
Заходил Добрыня к Маринки да в высок терем,
Как она ли, Маринка догадлива:
Как за завесы да обряжаласи.
Пошол Добрынюшка искать да по терему
Своей Добрыня стрелоцьки калёною —
Как нашол Добрыня стрелоцьку калёную.
Ен убил-то видь да не голуба,
А не голуба убил с голубихою,
А убил-то он татарина любимця ведь,
А как сама-то ведь Маринка догадлива.
А с татарином на окошке забавляласи.
Выходил, пошол Добрыня с стрелоцькой калёною,
Как выходила Маринка догадлива,
Брала ножицек а она булатнего,
Резала следоцьки-то Добрынины,
Как резала следоцьки, приговаривала:
«Режу я следоцьки Добрынины,
Так бы резало сердецько да Добрынино,
По мне, Маринки по догадливой,
Как не мог бы да Добрынюшка

Без меня, Маринки догадливой,
Как не жить, не быть, да не ись, не пить,
А не сном, Добрыня, насыпатисе,
Не гульбой бы, Добрыня, нагулятиси,
Как тос⟨к⟩нул бы он да гинул бы,
Как на круг бы, Добрыня, целы сутоцьки!»
На дорожки у Добрыни серце срезало,
Как одва Добрыня ноченьку скоротал видь,
Как поутрушку-то ранёшеньку,
Добрынюшка справляетце да скорёшенько.
Говорит Добрыне родна матушка:
«Далеко ли, Добрынюшка, справляесьсе?» —
«Я пойду-то ведь, да родна матушка,
Ко Маринки пойду ко догадливой». —
«А пропадешь же ты, да Добрынюшка,
У Маринки-то у догадливой
Хуже кислой-то ты да плотицины!»
Шол-то видь да Добрынюшка
Как во высок терем к Маринки ко догадливой,
Как ена, Маринка догадлива,
Как поддергивала стулицьки кленовыи,
Как садиласи ёна рядышком,
И тогда говорила Маринка догадлива:
«Ай сядем-ка, Добрыня, посоветуем».
Как говорил-то ведь да Добрынюшка:
«Как за всё люблю, Маринка тя догадлива,
У тя нету ведь да напитоцек ⟨медвяныих⟩».
Как скоцила она, да красна девушка:
«Как на всё-то я была, Маринка догадлива,
А как тут ли-то я не догадаласи?»
Как натащила она питвов-то разныих,
Как разныих-то питвов да медвяныих,
А ведь сидят-то с Добрыней Маринка проклаждаютца.
А говорила Маринка догадлива:
«Не вугодно ли, Добрыня, позабавитьце?» —
«Как не худо видь, Маринка догадлива!»
Как сошли оны к кроватки ко тесовую,
Говорит Маринка догадлива:
«Как ложись-ко, Добрынюшка, ко стеноцьки».
Говорит-то ведь да Добрынюшка:
«Дак вы ложитесь, Маринка, ко стеноцьки —
Как у тя, Маринка, кроватоцька изукрашена,
Как у тя перинка да належена!»

Разгорелоси сердецико Добрынино,
Как хватил Добрыня Маринку по середоцьки,
Кладывал Маринку на кроватку ко стеноцьки,
Как была кроватка на пружиньях ведь —
Улетела Маринка в погреба да во глубокии.
Как пошол Добрынюшка искать клюцей по теремам
А от тых погребов да глубокиих,
А нашол клюцев целу вязаноцьку.
Отмыкал Добрыня двери-то дубовыи
Как на петелках да на шелковыих,
Выпускал-то молодцов толпу из погребов:
Все идут молоццики, выходят все красавцики!
А на том былина да и поконцилась.

№ 69

ПРО ДОБРЫНЮ И МАЛИНОВКУ

Справлялся Добрынюшка скурёшенько,
А обувался Добрыня поскурёшенько,
Умывался Добрыня не тихошенько,
Просил он у матушки прошеньица,
А прощеньица, благословленьица.
Не давала ему матушка прощеньица,
А прощеньица ему благословленьица:
«А не ходи-тко в улицы Игнатьевски,
А в тые переулоцьки Малиновы!»
Как на другой день ставал он ранёшенько,
Обувался он не тихошенько,
Вымывался Добрынюшка чистёшенько,
Вытирался Добрынюшка сухешенько.
Справлялся во улицы Игнатьевски,
В тые переулочки Малиновы.
«Дай-ко ты, матушка, прощеньица,
Прощеньица, благословленьица,
Сходить-то во улицы в Игнатьевски,
А во тые переулоцьки Малиновыи.
Ай же ты, родитель моя матушка,
Дашь — пойду, и не дашь — пойду!»
Отправился в улицы Игнатьевски,
Во ты переулоцьки Малиновы,
По улицам шол поскурёшенько,

По панелям бежал не тихошенько,
По синям бежал, будто заюшка,
В ступени ставал, што горнасталюшка.
И выходила оттуль девушка Малиновка,
Говорила-то ему таковы слова:
«Проходи-ко ты, Добрынюшка, пожалуйста,
Проходи-ко за столы за дубовые,
За тые ли да за кушанья медовыи».
Как садилсе за столы за дубовыи,
За тые ли за кушанья медовыи
И садиласи девица Малиновка,
И садится да его же и подчиват:
«Пей-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Как пей-ко, Добрынюшка, покрепче нунь зелена́ вина́».
Как сидел-то он, пил да и кушал всё
И девушку Малиновку слушал всё,
Дородно принапилси, принакушалси.
Говорит ему девушка Малиновка:
«Пей-попей, потом мы с тобой да призабавимся».
Как скоцел тут Добрынюшка Никитинец,
Как на свои-то на ножки на резвыи,
Да отправился ён в свою сто́рону,
Не на какое забавленье не думал ён.
Как побежал Добрынюшка скурёшенько,
По синецькам шол, будто заюшка,
По ступеням бежал, што горнасталюшко.
А эта девица была хитра:
Выбегала вслед за Добрынюшкой,
Вырезала его следы по ступенецькам
И убирала эты следы поскурёшенько,
Штобы обратно Добрынюшка опять пришол.
Как сошол тут Добрыня к своей матери,
Ставал тут Добрынюшка по́у́тру ранёшенько,
Одевался скурёшенько,
По панелям шол поскурёшенько,
По сенецькам шол, будто заюшко,
По ступенецькам бежал, что горнасталюшко.
Выбегала эта девица Малиновка,
Как стретала она Добрынюшку Никитиця:
«И проходи-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Садись за столы за дубовыи,
За тые за кушанья медовыи,
Да пей-ко ты вина виноградныи».

Пьёт-то Добрыня, опасаетца,
А она да ему и подшоптывает:
«Пей не пей, а пить пришлось,
А потом мы с тобой да призабавимсе
Во моей ли во спальни во тёплоей,
На той ли кроватки на рыбьеей,
Под тым одеяльцем соболиныим».
Справился Добрынюшка сейцяс-то с ей
В тую во спальню во тёплую,
На тую кроватку на рыбью,
Под тые одеяльца соболиныи.
Говорит-то она таковы слова:
«Раздевайся, Добрынюшка,
И я с тобою разденуся».
Раздевался Добрынюшка скурёшенько,
Разувался не тихошенько,
И она тоже вся разделаси.
А Добрынюшка увидел цюдо цюдное,
И Добрынюшка увидел диво дивное
У той ли кровати у рыбноей,
Под тым ли одеяльцем соболиныим.
И приходит к кроватки и посматриват,
Говорит он девицы Малиновки:
«Ложись-ко ты, девица Малиновка,
Ложись-ка ты да впереди меня».
Тут-то оны да закалякали:
«Нет, Добрынюшка, ты ложись!»
Никак Добрынюшка не ложится:
«Ты почему же не ложисься, девушка Малиновка?» —
«Ложись не ложись, Добрынюшка,
А тебе-ко-ва уж легце пришлось!» —
«А я ведь, девиця Малиновка,
Часто хожу мочицьце,
Так не ложусь о стенку».
Как не спросил Добрынюшка Никитинец
Никакиих ейных слов.
Захватил ен девицю Малиновку,
Кинул на кроватку на рыбью,
На тое одеяльце соболиное.
А эта кроватка поддильная,
Улетела эта дивица Малиновка
Во тые подполья глубокии.
Как отдёрнул ен кроватку рыбьюю,

Как о́светил — множество там было попов-дьяков,
И простых мужиков,
И несколько попало благородных.
Все Добрыни все молятце:
«Выпусти, Добрынюшка, на бе́лой свет,
Сидим в подпольи по ⟨пять⟩ лет,
Едим о́дин овёс, да воду кушаем».
Открыл Добрынюшка ходы-выходы,
Закладки толстынскии и ворота большинскии.
Потянулся народ оттуле-ку
Одва не́ одва, а вси идут и в пояс кланяются:
«Спасибо, Добрынюшка Никитинец,
Выпустил ты нас на белой свет».
И эта девиця Малиновка идёт с гима́,
И тая ему в ноги кланялась:
«Прости-ко ты, да Добрынюшка Никитинец». —
«Я-то бы простил, да как народ простит».
А народ говорят, што приконцить надь.
Как схватил он за трёсту за заднюю,
Как выкинул кверху выше церквы той великай,
Тут она об зень тропнула
И в трех местах лопнула.

№ 70

ПРО ДОБРЫНЮ

Добрынюшка как был ведь Микитинец
Ходил-гулял по улицам Игнатьёвским,
Ходил-то ён гулял со ди́вицей Малиновкой,
Гулял как ён до позднего вечера
Со этой-той он со ди́вицой Малиновкой.
Эта дивица да видь Малиновка
Добрынюшку звала ена в палаты белокаменны.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Говорил ведь как ён Малиновки:
«Дивица-ка ты ведь Малиновка,
Я-то видь как нынеку домой пойду,
Домой пойду к своей я родной матушки,
А к тебе-то я приду да ведь утрышком,
А утрышком приду да видь ранешенько».
Приходил как тут Добрынюшка Микитинец,

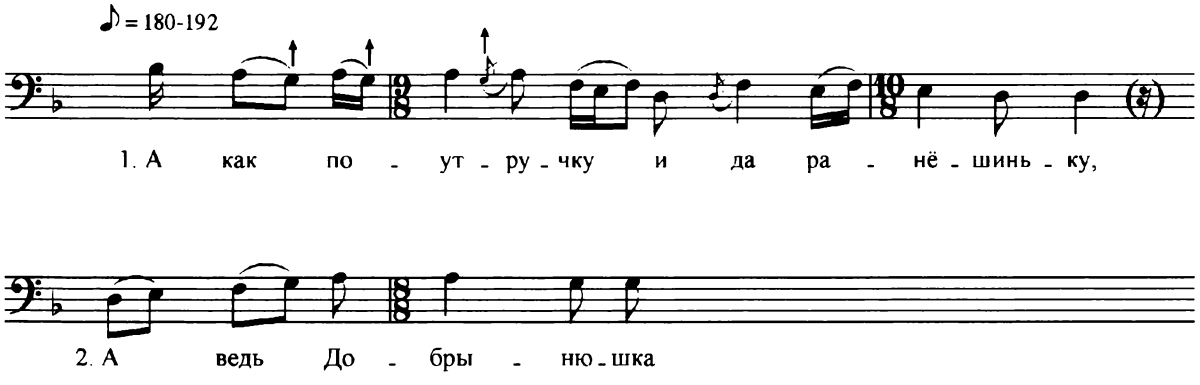
Приходил как ён ведь к родной матушке.
Говорила ему родная матушка,
Говорит Добрынюшки Микитичу:
«Добрынюшка как ты ведь Микитинец,
Долго ты гуляшь как по вечеру,
Долгим-то ты долго да до полуночи!»
Говорил Добрынюшка Микитинец,
Говорил своей как ён родной матушке:
«Родна ты была, как родны матушка,
Гулял я по улицам Игнатьёвским,
Гулял как я со ди́вицей Малиновкой.
Одва-то я от ди́вицы домой ушел,
Одва-то я ди́вицы замуж не взял».
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Поутрышку вставал он ранешенько,
Обувалси еще он да скурешенько,
Одёвался-то ён скоро-наскоро,
Умывался-то ён ведь нунь да белешенько,
Утирался ён да сухёшенько.
А выходил как тут Добрынюшка на уличу,
А шел как тут по уличам Игнатёвским,
А скакал-то тут Добрыня, будто заюшко,
А бежал-то, будто горносталюшко.
Приходил как ён к палаты белокаменной,
Заходил в палату белокаменну
К этой дивиче как ён ко Малиновки.
Как стретала нунь эта ди́вича,
Эта ди́вича да тут Малиновка,
Стретала тут Добрынюшку Микитича:
«Проходи-ко ты, Добрынюшка, пожалуста,
Садись-ко за столы ты за дубовые,
За тые скатереточки шелковые,
За ествица ты за сахарныя,
За питья нунь за медвяныя!»
Садился как Добрынюшка Микитинец
За тыи за столы он за дубовые,
За тыи скатеретоцки шелковые,
За ества как нунь за сахарные,
А за питьича как ён за медвяные.
Хлеба-соли ел он ведь досыти,
А зелена-то видь вина пил он допьяна
У этой ведь он ди́вичи Малиновки.
А эта ди́вича видь нунь да Малиновка

Говорит Добрынюшки Микитичу:
«Добрынюшка как ты Микитинец,
Нам надо с тобой как нунь да спать легчи,
Надо нам с тобой да призабавитьсе».
Эта дивича как нунь же Малиновка
Скидываласе же в тоненьку сорочиньку без пояса.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Скидывался в биленьку рубашку без щобота.
А шли как ёны со дивичей Малиновкой
На ту ведь как на кроваточку на рыбину,
Приходили к кроваточки рыбиной.
Эта дивича как ведь Малиновка
Открывала ведь одеяло соболиное
На той ведь на кроваточки на рыбиной.
Говорила эта дивича Малиновка,
Говорит Добрынюшки Микитичу:
«Добрынюшка как ты ведь Микитинец,
Ложись-ко ты, Добрынюшка, о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок
На эту ведь кроваточку на рыбину!»
Говорил как тут Добрынюшка Микитинец,
Говорит ён дивиче Малиновке:
«А дивича как ты ведь Малиновка,
Ложись-ка ты как нунь о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок».
Стоят как они-то у кроваточки, рядятьси.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Схватил ён эту дивичу Малиновку,
А бросил на кроваточку на рыбину,
А бросил ён о самую о стеночку.
А кроваточка была эта поддильная —
Эта дивича да нунь да погрязнула
Во подпольи нунь во глубокии,
Во погреба-то видь она во широкии.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Брал как ён ключи да этой Малиновки,
А выходил как ён видь на уличу,
Отмыкал как тут подполия глубокия,
А погреба как ён видь широкия.
А выпущал как видь народу оттуль множества:
А было много там и попов, много дьяконов,
Было русськиих да там богатырев.
Идут-то нунь, Добрыне-то кланялись,

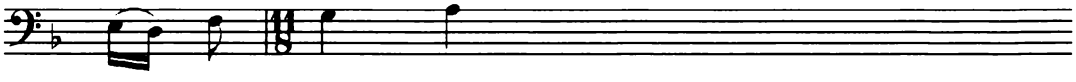
Кланялись Добрынюшки до пояса.
«Спасибо ти, Добрынюшка Микитич,
Нас-то ты нунь повыпустил».
Тут идет как с им Малиновка,
Кланялась как Добрынюшки Микитичу:
«Прости-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Прости-ко меня, дивичу Малиновку».
Говорил как видь Добрынюшка Микитич,
Говорит он дивиче Малиновке:
«А я-то бы простил, да как народ простит,
Как простят тя люди добрые».
Говорит как тут народ-люди добрые,
Говорит Добрынюшке Микитичу:
«Не прощай-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Не прощай-ко этой дивиче Малиновки,
Этой дивичи да Малиновки,
А ей-то еще нуньку смерть предать».
Добрынюшка как нунь ведь Микитиц
Хватил как эту дивичу Малиновку,
А в вышину-то ён кинул выше церьквы соборною,
А с вышины как ёна на зень нунь тропнулась,
А тут ведь как дивича кончилась.
А тут-то видь этой дивиче как слава минуласе,
Добрынюшке как слава не минуласе.

№ 71

ПРО ХОЛОСТОГО ДОБРЫНЮ

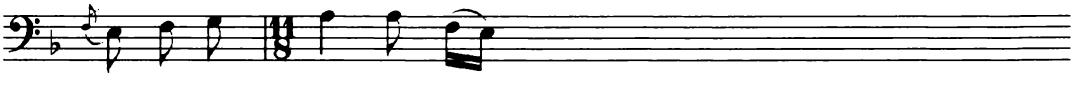

мы - л(ы) - се бе - лё - шинь - ко,

3. О - дё - вал - се

1/16
До - бры - ня по - чис - тё - шинь - ко.

4. А го - во - ри - ла

До - бры - ни род - на ма - ту - шка:

5. "А да - лё - ко ли ты,

До - бры - ню - шка, спра - в(ы) - ля - е - се,

6. А ведь ку - да же ты,

До - бры - ня, сна - ря - жа - е - си?"–
7. "А пой - ду ве - т(и)
я да, род - на ма - ту - шка,
8. А пой - ду я во Божь - ю церь - кву
9. А Гос - по - ду ли к Бо - гу по - мо - ли - ти - си".
10. Го - во - ри - ла - та
До - бры - [ни род] - на ма - ту - шка:
11. ["А не за - йди-ка ты в у - ли - цы Иг - нать - ёвь - ськи,

12. Не зай - ди - ка
в пе - ре] - ву - лоч - ки ты Марь - ёвь - ськи, –
13. А ведь ты ведь хо - лост
мо - ло - дець, е[сь] не жо - нат –
14. А ко то - й(и) ли
Ма - рин - ки ко до - гад - ли - вый!"
15. А вы - хо - дил - то
До - бры - ня со Божь - ёй церь - квы,

А как поутручку и да ранёшиньку,
А ведь Добрынюшка мыл(ы)се белёшинько,
Одёва́лсе Добрыня почистёшинько.
А говорила Добрыни ро́дна матушка:
«А далёко́ ли ты, Добрынюшка, справ(ы)ляесе,
А ведь куда же ты, Добрыня, снаряжаеси?» —
«А пойду вет(и) я да, ро́дна матушка,
А пойду я во Божью́ церкву́

30 Зак. 3948

А Господу ли к Богу помолитиси».
Говорила-та Добры[ни ро́д]на матушка:
[«А не зайди-ка ты в улицы Игна́тьёвьськи,
Не зайди-ка в пере]вулочки ты Ма́рьёвьськи, —
А ведь ты ведь хо́лост молодець, е[сь] не жонат, —
А ко той(и) ли Маринки ко догадливый!»
А выходил-то Добрыня со Божьёй церькви́,
А стоит Добрынюшка, думает:
А как мне не сходить ли в улицы Игна́тьёвьськи,
А в перевулочки ли ты мне Ма́рьёвьськи?»
А пошёл-то да Добрынюшка
А ко той(и) ли вулицы Иг(ы)на́тьёвьськой...

№ 72

ДОБРЫНЯ И МАЛИНОВКА

У матушки попросил благословленьица,
Справлялся Добрынюшка скурёшенько,
Да умывался Добрынюшка белёшенько,
Да утирался Добрынюшка сухёшенько,
Да садился Добрыня на добра коня,
Махнул ён плётоцькой шелковую.
Видли добра молодца сядуци,
А не видли добра молодца поедуци.
Добрый-то конь реки-озера перескакивал,
А городовы́е-то стены перемахивал,
Торопился ён к девушке Малиновке
Да на тот ли на почёсный пир.
Приехал тут Добрыня на широкий двор,
Да привязал ён коня к дубову столбу,
К дубову столбу да к золоту кольцу,
Да тут строго ён наказывал:
«Да кормите-ко коня да пшеницей белояровой!»
По улицам шел, как будто заюшко,
По панелям скакал, как горностаюшко,
Приходил-то в палаты белокаменные,
Приходил-то к терему высокому,
По коридорам-то шел по светлыим,
По коврам-то шел по мягким,
Спрашивал про девушку Малиновку,
Спрашивал, как бы уж ю увидать,

Как бы с ёй да познакомиться:
«Приехал-то богатырь да из Россиюшки».
(*И. Н.: Это все у тебя, приехано.*)
Садился за столы да за дубовые,
Да за скатерти за шелковые.
Начиналися танцы-пляски да музыки.
Подошло тут дело к двенадцати,
Пришла пора, что им спать легци.
Приходят они в спальню,
Ко кроватки-то точеныя,
Одеяла-то шелковые,
Перинка лебединая.
Тут девица-то призатенькалась, говорит ему:
«Ты ложись-ко, Добрынюшко, ко стеноцьке!»
А Добрыня-то парень был догадливой,
Захватил ён девушку Малиновку
Захватил ю да посерединоцьке,
Да бросил ю да о стеноцьку.
А тут кроватка-то была поддельная,
Провалилася девушка Малиновка
В тыи подполья глубокие.
Тут девица Малиновка скуриласе:
«Ай же, Добрыня Никитич,
Ты бери-ко клюци да на стопоцьке,
Да открывай-ко подвалы темные,
Да отслоняй-ко двери тяжелые».
Как открыл тут Добрынюшка Никитич двери тяжелые,
Как повалила толпа да огромная,
Попы, дьяки́ да мужики просты́.
(*И. Н.: У их глаза лопнули со свету,*
В. Н.: Ена их кормила овсом.)
Идут да сразу и ослепнули,
Да глаза у них и лопнули.
Как идут-то вси да в пояс кланяются:
«Спасибо тебе, Добрынюшко Никитич!»
И́ный плачет, и́ный смеется,
И́ный рад бы ю на куски взорвать.
Вышли вси да устоялиси.
Тут пошел великий суд,
Что ей сделать, девушке Малиновке.
Что привязали к трем жеребцам нелегцёным.
(*Н. И.: Не, ён выкинул ю в поднебесьё.*)
Ён выкинул ю в поднебесьё,

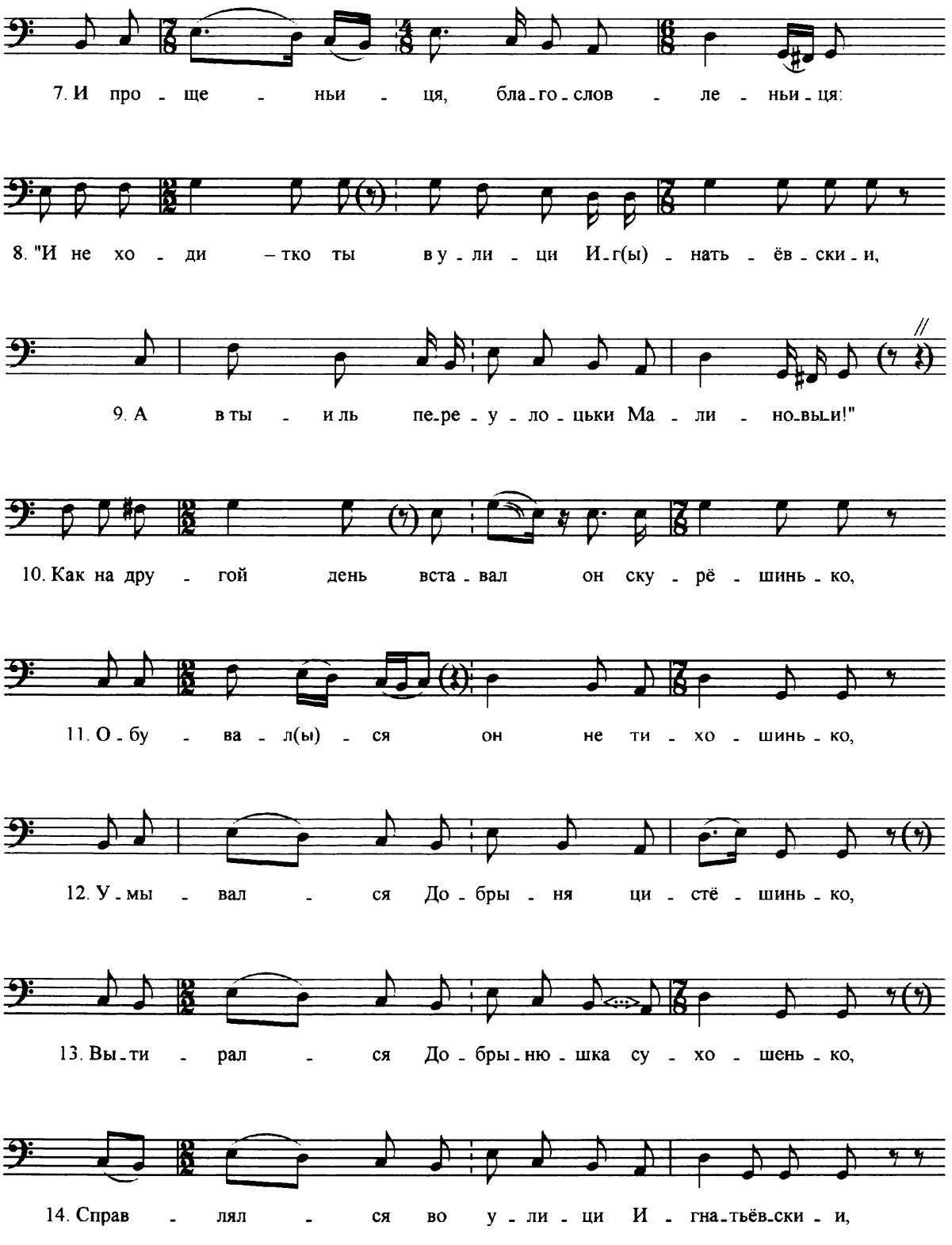
[65] Захватил ён за трёсту за заднюю,
Да подбросил выше терема стоящего,
Выше облака ходящую.

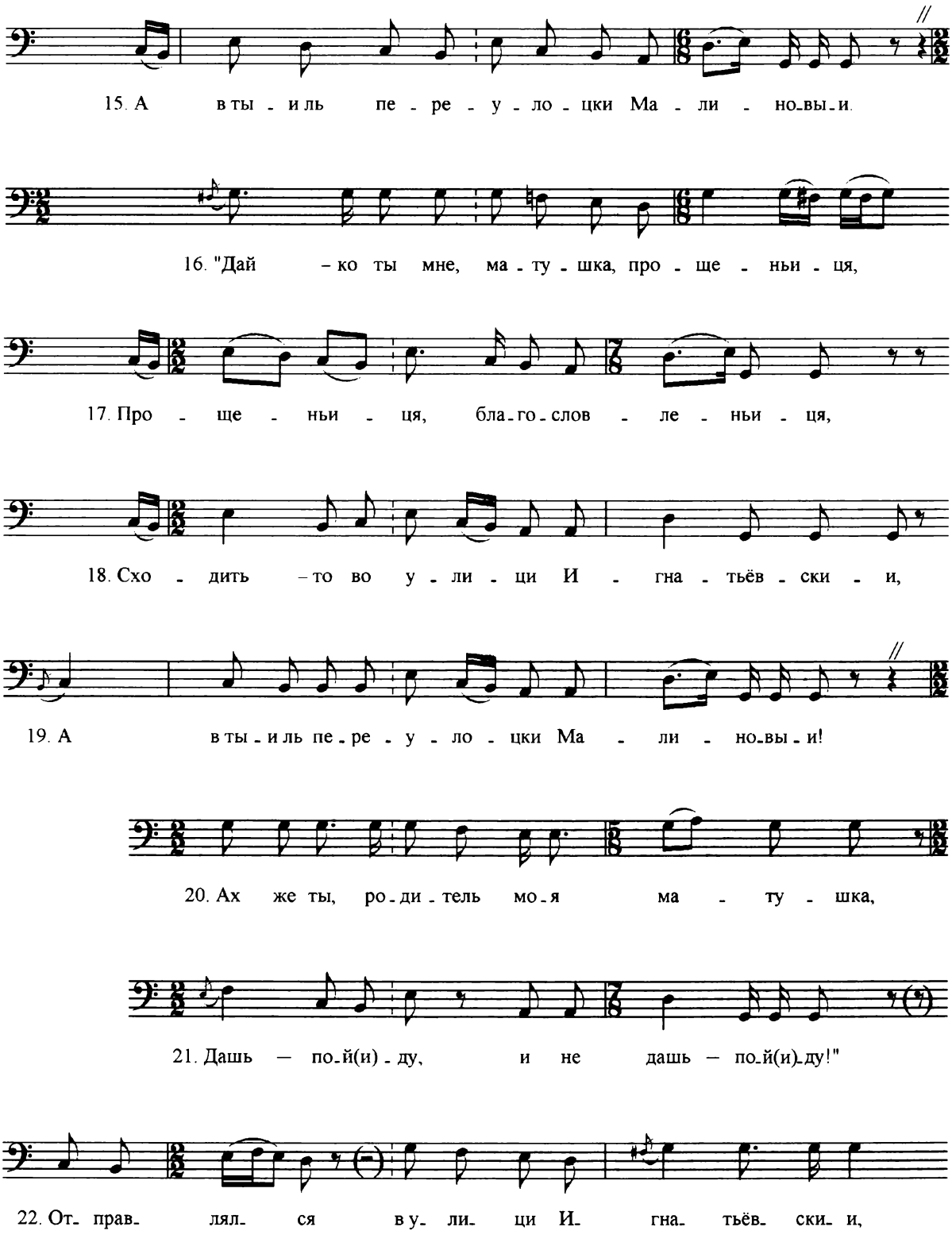
(*И. Н.: Вишь ты, мы точно не знаем. В. Н.: Может, немного, да, пожалуй, с половину правды... Может, да пропустила, потому что нескладно получается.*)

№ 73

ПРО ДОБРЫНЮ И МАЛИНОВКУ

7. И про - ще - ньи - ця, бла-го-слов - ле - ньи-ця:
8. "И не хо - ди – тко ты в у - ли - ци И-г(ы) - нать - ёв - ски - и,
9. А в ты - и ль пе-ре - у - ло - цьки Ма - ли - но-вы-и!"
10. Как на дру - гой день вста - вал он ску - рё - шинь - ко,
11. О - бу - ва - л(ы) - ся он не ти - хо - шинь - ко,
12. У - мы - вал - ся До - бры - ня ци - стё - шинь - ко,
13. Вы-ти - рал - ся До - бры-ню - шка су - хо - шень - ко,
14. Справ - лял - ся во у - ли - ци И - гна-тьёв-ски - и,

15. А в ты - и ль пе - ре - у - ло - цки Ма - ли - но-вы-и.
16. "Дай - ко ты мне, ма - ту - шка, про - ще - ньи - ця,
17. Про - ще - ньи - ця, бла-го-слов - ле - ньи - ця,
18. Схо - дить - то во у - ли - ци И - гна - тьёв - ски - и,
19. А в ты - и ль пе - ре - у - ло - цки Ма - ли - но-вы - и!
20. Ах же ты, ро-ди - тель мо-я ма - ту - шка,
21. Дашь — по-й(и) - ду, и не дашь — по-й(и)-ду!"
22. От- прав- лял- ся в у- ли- ци И- гна- тьёв- ски- и,

Справ(ы)лялся Добрынюшка скурёшинько,
А обувал(ы)ся Добрыня поскурёшенько,
Умывал(ы)ся Добрыня не тихошинько.
Просил он у матушки прошеньиця,
А прошеньиця, благословленьиця.

Не давала ему матушка прощеньиця,
И прощеньиця, благословленьиця:
«И не ходи-тко ты в улици Иг(ы)на́тьёвскии,
А в ты́и ль переулоцьки Малиновыи!»
Как на другой день вставал он скурёшинько,
Обувал(ы)ся он не тихошинько,
Умывался Добрыня цистёшинько,
Вытирался Добрынюшка сухошенько,
Справлялся во улици Игна́тьёвскии,
А в ты́и ль переулоцки Малиновыи.
«Дай-ко ты мне, матушка, прощеньиця,
Прощеньиця, благословленьиця,
Сходить-то во улици Игна́тьёвскии,
А в ты́и ль переулоцки Малиновыи!
Ах же ты, родитель моя матушка,
Дашь — пой(и)ду, и не дашь — пой(и)ду!»
Отправлялся в улици Игна́тьёвскии,
Во ты́и в переулочки Малиновыи.
По вулицам шел поскурёшинько,
По панелям бежал не тихошинько,
По сеня́м бежал словно заюшко,
По ступени вставал что горносталюшко.
И входила тут девушка Малиновка,
Говорила ему да таковы слова...

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ (№ 74—77)

№ 74

ПРО ДОБРЫНЮ

Поехал Добрыня во чисто полё,
Нашел ископыть лошадиную —
Как стульямы земля поворочена.
Поехал ен во всю прыть лошадиную,
Нагнал богатыря на добро́м кони,
На добром кони и на чистом поли́.
Подъехал Добрыня ко богатырю,
Хлопнул своей палицей богатырю во буйную голову —
На коне сидит богатырь, не стряхнется,
Волоска на головке не стряхнутся.
На коне сидит Добрыня, приужахнулся:
«Верно, сила у Добрынюшки не по-старому,

Верно, смелость у Добрыни не по-прежнему».
Отъехал Добрыня во чисто полё,
Нашел Добрыня дуб кряковистый,
Ударил ён своей палицей —
Розлетелся дуб да весь на ла́стинья:
«Верно, сила у Добрынюшки по-старому,
Верно, смелость у Добрыни не по-прежнему».
Вот приехал Добрыня ко богатырю,
Розмахнулся Добрынюшка по-старому,
И ударил Добрыня в буйну голову —
Кудерка у его на головушке не стряхнутся,
И волоска не сворохнутся.
На коне сидит Добрыня, приужахнулся:
«Верно, сила у Добрыни не по-старому,
Верно, смелость у Добрыни не по-прежнему».
Ена сидит назад, вперед вернуласи,
Захватила Добрыню за желты кудри,
Посклала Добрыню в кожаной мешок,
Повезла Добрыню по чисту полю.
Конь руським языком ей прогóворил:
«Не могу везти я двух богатырей».
Говорила ему она таковы слова:
«Если стар ты старицок — пусть мой дедушко,
А середи веку — пусть крестовый брат,
А со мной в одных годах — будь законный муж». —
«Я есть Микитушка Добрынюшка,
А мне-ка веку только ⟨двадцать⟩ лет». —
«Тогда пусть ты будешь мой законный муж,
Я вас видла, ваши личности,
Я ехала по Киев-граду вашему,
Ты шел с байны в одной рубашке без пояса
И в одных цулочках без чоботов.
А я есть поляница удалая,
Так я могу за тебя замуж итти».
И приехали оны к своей родной матушке,
К своей честной Офимье Олександровне,
Честным пирком они за свадебку.

№ 75

ПРО ДОБРЫНЮ

Поехал как Добрыня во цисто поле,
Нашел уж там ён ископыть да лошадиную —
Стульями земля да навороцена.
Поехал как Добрыня след богатыря.
А едет богатырь на добром коне.
Приехал Добрыня ко богатырю,
Ударил Добрыня своей палицей,
Палицей ему да в буйну голову —
Щепоцка на ем да не стряхнется,
Кудерка на головке не сворохнутся.
На коне сидит Добрыня, приужахнулсе:
«Верно, сила у Добрыни не по-старому,
Верно, смелость у Добрыни не по-прежнему».
Отъехал Добрыня на добром коне,
Ударил своей палицой во сырой дуб —
Разлетелся дуб да весь на лестинья.
Говорил Добрыня таково слово:
«А сила у Добрынюшки по-старому,
А смелость у Добрынюшки по-прежнему».
Приехал как Добрыня ко богатырю,
Ударил как его да в буйну голову
Со всего с размаху богатырского.
Говорит богатырь таковы слова:
«А думал, что кусаются по́левые комарики, —
Щелкают это русские богатыри!»
Как взял-то захватил Добрыню за желты кудри
И клал во мешок да во коженный.
А говорил тут ей да добрый конь:
«Не могу везти я двух богатырей».
Говорила-то ёна да таковы слова:
«Если старый старицок — пусть мне дедушко,
А во середь веку — пусть крестовый брат,
Со мной в одных годах — будь законный муж.
Скажи, что как зовут тебя по имечки?» —
«Мне имечко Никитушка Добрынюшка».
Говорит она ему таково слово:
«Я недавно вас только видела:
Я ехала по вашему по Киеву,
Ты шел в одной-то рубашечки без пояса,

В одных цулоцках без чоботов.
И будь же ты мне законный муж!»
Оны поехали тут к своей матушке,
И пошел у них да почестный пир.

(*А так-то они ездили в латах, лица-то не видать, тут-то он без лат был, она его на воли и выглядела. Ещо про него есть история: его попросили в гости съездить. Раньше был-то народ порнее.*)

№ 76

ПРО МИКИТУШКУ ДОБРЫНЮШКУ

Он поехал в перву поездку богатырскую,
Иде Добрыня по чисту полю́,
Нашел ископыть он да лошадиную —
Стульямы земля наворочена.
Поехал он во всю прыть лошадиную,
Сидит богатырь на добро́м кони.
Ен наехал и ударил палицей в буйну голову —
Сидит тут богатырь, не стряхне́тце,
И волоска на головки на сворохнутце.
На кони сидит Добрыня, приужахнулсе:
«Верно, сила у Добрыни не по-старому,
Либо смелость у Добрыни не по-прежнему».
Ударил он во сырой дуб —
Дуб стоит в обоймя человеческо,
Ен ударил своей палицей —
И разлетелсе дуб да весь на ластинья.
«Сила у Добрынюшки по-старому,
А, верно, смелость у Добрыни не по-прежному».
Приехал Добрыня к бога́тырю,
Ударил его в буйну голову.
Она говорит ему таковы слова:
«Я думала — так кусают комарики,
Ижно так щелкают русски богатыри».
Захватила она его за желты кудри,
Посадила его в мешок да во кожанной.
Конь русским язы́ком прогово́рил:
«Не могу везти да двух богатырей».
Говорила ена да таковы слова:
«Если стар старичок — пусть мне дедушко,
А о середь годов — пусть родной отец,

А в одных веках — пусть законной муж».
Она говорила ему таковы слова:
«Ты скажи, как тебя зовут да по имени,
Взвеличают тебя по отечеству?» —
«Я Добрыня да Никитинец,
Я во первой поездки богатырскоей!»
Вот поехали оны к ро́дной матушки.
И оны с ей да повенчалисе.
(*Невесту сибе нашел дак.*)

№ 77

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА

Добрыня был женат на Настасье Микуличне.

Вот он поехал в поле. Девушка ехала впереди, а Добрыня ехал вслед за ней. Крича, крича, она едет — не слышит.

Наезжает на нее и ударил палицей. (*Тут как уж в книжках говорилось.*) Он наехал во второй раз на нее, а она — ничего. Он на третий раз наехал, она и говорит: «Уж я-то думала, что комары покусывают, а это русские богатыри дерутся!» Да захватила в суму и бросила туда. Добрыня ей говорит: «Давай побратаемся!» — «Давай побратаемся, будешь ты моим мужем, а я твоей женой!»

И на том они поженилися.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 78—163)

№ 78

ДОБРЫНЯ В ОТЪЕЗДЕ, АЛЁША ПОПОВИЧ

«Свет ты, государыня моя матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Зачем ты меня несчастнаго спородила?
Лучше бы ты белым горючим камешком спородила,
Выставила бы на гору Сорочинскую,
Вертела бы в рукавицы во рукавные
И бросила бы Добрыню в сине море,
И лежал бы там Добрыня век по веку
Отныне и довеку,
И не ездил бы Добрыня по Святой Руси,

И не убивал бы головок бесповинныих,
Не слезил бы очей-матерей понапрасною».
Говорит ему честна вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, чадо мое милое,
Дитя ты мое родимое!
Я хотела тебя спородить, добра молодца,
Счастками-богатством в Садка купца богатаго,
Красотою-басотою в Осипа Прекрасного,
Силою хотела тебя спородить в Илью Муромца,
А смелостью в Олёшу Поповича.
Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты в ту звезду,
В ту минуту бессчастную, не в таланную!»
И говорит Добрынюшка своей матушке:
«Свет ты моя матушка, Офимья Александровна!
Дай-ко ты мне прощеньице-благословеньице
Повыехать Добрыне в чисто поле».
Тут ему матушка дала прощеньице,
Дала ему благословеньице
Повыехать Добрыне во чисто поле.
Выходит-то Добрынюшка на широк двор,
Выводит сивушка-бурушка косматаго
С конюшни стоялыя на широк двор
И надевает уздицу тесмянную;
Кладывает потнички, а на потнички войлочки,
А на войлочки седельцо черкасское,
Подтягивает двенадцать подпругов
(А подпруги все были шелку шехманскаго,
А не для ради красы-басы,
А ради крепости багатырския!)
Тут выходит на широк двор
Молода жена Настасья свет Микулична,
Говорит Добрыне таково слово:
«Ай же ты, молодой Добрынюшка свет Никитинич!
Поезжаешь ты во далече, далече во чисто поле,
Когда же тебя ждать со чиста поля?»
Говорил он ей таковы слова:
«Ай же ты, любимая семья,
Молода жена Настасья свет Микулична!
Ты меня годик жди, ты меня другой жди,
Ты меня третий жди,
А после трех годов
Хоть вдовой живи, хоть замуж иди».

Видли добра молодца сядучи,
А не видали поедучи.
Скоро скажется — тихо деется:
Неделя за неделю, как дождь дождит.
Тому времечку сравнялося ровно три годика.
Наезжает смелый Олёшенька Попович со чиста поля,
Привозит весточку не радостну, не веселую
Ко той вдове Офимье Александровне:
«Не стало твоего чада милаго,
Молода Добрынюшки Никитича во живности.
Буйной головой лежит он в ракитовом кусте,
А резвыми ножками в ковыль-траве,
Сквозь тело бело трава проросла,
Проросла трава и цветы расцвели!»
Прошло то времечко малое —
Стал ходить Олёшенька свататься
На Настасье на Микулишной.
Говорила Настасья таковы слова:
«Ай же ты, смелый Олёшенька Попович!
Справила я заповедь мужнюю,
А нонь положу от себя заповедь на три года:
Буде не приедет Добрынюшка со чиста поля,
То што я, Настасья, — хоть вдовой живу,
Хоть вдовой живу, хоть замуж пойду».
Опять тут скоро скажется — тихо деется:
День-то за день, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, будто река бежит.
А сравнялось сему времени шесть годов —
И не видать Добрынюшки приедучи со чиста поля.
Тут стал Олёшенька похаживать,
Стал на Настасье на Микулишной свататься.
А нейдет-то Настасья Микулишна
За Олёшенька замуж-то.
Подымает Олёшенька князя Владимира
Ко Настасье идти свататься.
Приходит-то князь Владимир стольне-киевский
К Настасье во высок терем,
Крест кладет по-писаному,
А поклон ведет по-ученому,
На все на четыре стороны покланяется,
Настасье Микулишной в особину.
Говорит князь Владимир стольне-киевский:
«Здраствуй, Настасья, дочь Микулишна!

Для чего ж ты за Олёшу замуж не йдешь?
Я тебя постригу Настасью во старицы,
Сведу в монастырь ко старицам,
И век ты станешь служить во старицах!»
Настасье во старицы идти не хочется:
Сама себя Настасья просватала,
Задернул Олёшенька почестный пир,
Почестный пир-пированьице на двенадцать ден.
В ту пору и в то время,
Во далече, далече во чистом поле,
Под сырым дубом да во белом шатре
Добрынюшка Никитич опочив держит.
Налетает голубь со голубкою на сырой дуб.
Стал-то голубь со голубушкою разговаривати:
«Сегодня во Киеве у нас почестный пир,
Добрынина жена замуж пошла».
А эти речи все Добрынюшка повыслушал,
Выходил на широкую улицу,
Крыкнул голосом богатырскиим,
Свистнул голосом молодецкиим:
Конь бежит, мать-земля дрожит.
Седлает сивушка-бурушка косматого,
Скоро-наскоро сподобляется,
И скочил Добрыня на добра коня,
И стал его добрый конь, сивушка-бурушка,
По чисту полю порыскивать, помахивать —
Отодрался конь от сырой земли
Выше лесу стоячаго, ниже облака ходячаго,
Реки-озера промеж ног стал пропускивать.
Приезжает Добрынюшка во Киев-град,
Ко своему подворьицу дворянскому,
Стучит у вороточек решетчатых,
Отвечает ему там честна вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная,
Отойди прочь от дому от сиротскаго!
Кабы был Добрыня во живности,
Не дошло бы каждому пьяницы
Над моим домом насмехатися».
А того Добрыня не пытается,
Стучит-гремит в другой након.
Отвечает честна вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная,
Отойди ты от дому от сиротскаго!»

А того Добрыня не пытается,
Стучит-гремит по третий након.
И говорит Добрыня таковы слова:
«Отворяй же ты, честна вдова Офимья Александровна!
Я привез тебе весточку радостную и веселую!»
Отперла она воротца решетчатыя,
Опознала своего сына любимаго,
Целовала во уста во сахарния,
Говорит Добрыня таковы слова:
«Свет ты, государыня матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Где-то моя молода жена, Настасья дочь Микулишна?»
Говорит честна вдова Офимья Александровна:
«Твоя жена замуж ушла
За смелого Олёшу Поповича,
А не с охоты шла, а со пристрастки со княжеския!»
Говорит Добрыня таковы слова:
«Свет ты, государыня матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Принеси гуселки створчатыя!»
Он натягивал в гуселках,налаживал
Двенадцать струночек злаченыих,
Сокручивается во платья скоморошныя,
Брал колачиков крупичатых,
Пошел по широкой по улицы.
Маленьки ребятки играют щильцом-мячом,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Добрынюшка сын Никитинич!
Твоя жена замуж ушла
За того за смелаго Олёшу Поповича!»
Он кидает ребятам по калачу по крупичатому:
«А про меня более не сказывайте».
Пришел Добрынюшка к Олёше на почестный пир,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на четыре стороны покланяется,
Князю Владимиру в особину:
«Здравствует, Владимир-князь, со честным пиром!
Да-ко мне место скоморошины немношенько,
Поиграть во гуслицы во створчатые!»
Говорит Владимир-князь стольне-киевский:
«Скоморошье место на запечье!»
А Добрыня скочил на печку на муравлену,

Стал в гуслицы поигрывать.
Тая-то игра прилюбилася всему кругу молодецкому,
Всему поезду княженецкому.
Говорит Владимир скоморошины:
«Ай же ты, молода скоморошина!
Опущайся со печки муравленой,
Выбирай себе место где любое!»
Садился Добрынюшка супротив Настасьи на скамеечку,
Сам говорил таковы слова:
«Прикажи-ко, князь Владимир, налить чару зелена вина,
Прикажи-ко поднести, кому знаю я».
И говорил Владимир-князь стольно-киевский:
«Ай же ты, молодая скоморошина!
Наливай ты чару зелена вина,
Поднеси, кому знаешь ты».
Выставал Добрыня на резвы ноги,
Наливал чару зелена вина,
Подливал меду сладкаго,
Опустил в чару свой злачен перстень
И подносит чару Настасье Микулишной,
Сам Настасье приговаривает:
«Пей до дна, так видать добра,
А не пьешь до дна, так не видать добра!»
Она брала чашу во белы руки,
Выпивала чару досуха —
Увидала перстень злаченыий.
Брала перстень во белы руки,
Сама говорит таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
А не тот мне-ка муж, который стоит подле меня,
А тот мне-ка муж, который сидит против меня на скамеечке, —
Молодой Добрынюшка сын Никитинич!»
Оттрагивала столики дубовые,
Брала за ушка, целовала во уста во сахарния.
И говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую я Олёше Поповичу,
А дивую князю Владимиру,
Что от жива мужа жену берет!»
Говорит Владимир таково слово:
«Кто от беды откупается,
А Владимир-князь на беду накупается —
На эту беду на великую, немалую!»
Вставал Добрыня на резвы ноги,

31 Зак. 3948

Взимал Добрыня Олёшу за желты кудри,
Стал Олёшеньку потряхивать, помахивать,
Из угла в угол перекидывать:
Чуть Олёшеньку в душах оставил.
Только Олёшенька и женат бывал!

№ 79

ДОБРЫНЯ В ОТЪЕЗДЕ, АЛЁША ПОПОВИЧ

Как Добрынюшка матушке говаривал:
«Ты, родитель моя матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Дай-ко мне прощеньице и благословеньице
Съездить мне, Добрынюшке, во чисто поле,
Во чисто поле Добрынюшке поляковать,
Могуче плечо Добрынюшке расправливать,
И добра коня Добрынюшке розганивать!»
Как ответ держит родитель его матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Ах ты, чадо мое милое,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Ты куда поеждяешь на широко-далече чисто поле,
На кого ты оставляешь старую матушку
И честну вдову Мамельфу Тимофеевну,
На кого же оставляешь молоду жену,
Молоду Настасью Микуличну,
На кого ты оставляешь цветны платьица,
И на кого ты оставляешь добрых коней?»
Ответ держит тут Добрынюшка:
«Ты, родитель моя матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Я тебе оставлю золотой казны долюби,
Молодой жены Настасье Микуличной я завет кладу:
Как не буду я с чиста поля три году,
В те пору Настасья хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, аль за боярина,
Али за сильного могучаго богатыря,
А не ходи только за братца за крестоваго,
За младаго Олёшу за Поповича!
А остатнюю казну в сундуки зам⟨к⟩ну,

В сундуки зам⟨к⟩ну и в погреба спущу,
Цветны платья на вышки кладу,
Добрых коней в поле спущу!»
Тут же Добрынюшка кладывал
На Бурушка уздицу тесмянную
И оседлывал добра коня,
Кладал войлочки на войлочки,
Седелышко черкацкое и окованое
И двенадцатью подпругами подтягивал,
И не для-ради красы-басы и угожества —
Для-ради укрепы богатырския!
Клал он стрелочку в подзолоточку
И тугие луки во налучия,
Он луки во наметы полагал,
И по бокам он раскладывал
Палицу военну — орудие,
Востро копье бурзамецкое
И саблю тую вострую.
И садился Добрыня на добра коня,
И поклон он делал ко матушке
И к той же молодой жены:
«Прощай-ко ты, родитель моя матушка,
Честная вдова Мамельфа Тимофевна
И молодая жена Настасья Микулична!»
Видли молодца саждаючись
И видли его покланяючись,
А не видли удалаго поедучись.
Реки, озера конь между ног пущает,
Сини моря — около скакает,
Хвост по земли расстилается,
Грива под копыта подвивается,
Сильно и прытко конь поскакиват.
И много времени проклаждалося.
И приехал Добрыня в чисто поле,
Раздергивал шатры полотняные
И втыкивал копье бурзамецкое,
И привязывал своего коня добраго
Тема поводами он шелковыма,
И расставливал он столики дубовые,
Накладывалества сахарныя,
Наливал он питья медвяныя:
Ест-пьет, проклаждается,
Ничего же сам не опасается,

А на Господа он уверяется.
Поел, попил и покушал он,
Отпустил поклон ко Спасителю,
Благодарил о всех благах земных
И лег опочив держать,
И засыпал он тут в богатырский сон.
Тут же он пробуждается,
На тоем на своем добром коне
По чисту полю прогуляется —
И не может дождаться никакого воина,
Никакого воина к себе и богатыря:
День от дни времячко проклаждается,
И никакой земли богатырь к нему не является.
Приходит того же времячка и три году —
И не видать Добрыни со чиста поля.
Во славном во городе во Киеве
Владимир-князь стольно-киевский
Начал к Настасьи подхаживать,
Начал Настасью подсватывать.
Во замужество Настасью подговаривать
За младаго Олёшу Поповича,
За братца его за крестоваго:
«Поди-ко, молода Настасья Микулична,
Нынь теперь в замужество
За младаго Олёшу Поповича!»
Ответ держала Настасьюшка,
И ответ тут держит Микулична:
«Исполнила я заповедь мужскую,
И исполню я заповедь женскую:
Пройдет того времячки шесть годов,
Не приедет Добрынюшка с чиста поля —
В ту пору, Настасьюшка, хоть вдовой живу,
Хоть вдовой живу или замуж пойду
За князя ли пойду, за боярина,
За сильнаго ли могучаго богатыря,
Не пойду только за братца за крестоваго,
За младаго Олёшу за Поповича!»
Так Владимир нынь отступается
И времени того дожидается.
И живет Добрыня во чистом поле,
Того он ничего не ведает;
Как времячко проклаждается,
Ездит по чисту полю да полякует.

Тогда с добра коня опущается
И на отдых он определяется,
И сном он обременяется.
И во тую пору, во то времячко
Шатер его сколыбается,
И богатырь к нему появляется:
Аки богатырь посвистывает,
Зычным голосом прокрикивает.
От того ли крику Добрынюшка пробуждается,
И скорешенько убирается,
На добра коня воссаждается,
В чистое поле отправляется,
Радостью Добрыня снаряждается,
Веселым духом ободряется:
«Ах же ты, богатырь, не проезживай,
Молодой куряте, не поскакивай!
А будеши, куряте, поиманый,
И будешь, молодой, ощипанный!»
Тут богатырь ко богатырю сближаются,
На военны палицы сражаются —
Друг друга они не ранили,
Палицы военныя тут пополам приломалися.
И на тыя на копья, на острыя копья бурзамецкия,
Копья бурзамецкия по яблукам срывалися —
И друг друга же не ранили.
И на тыя на сабли на вострыя,
Сабли пополам приломалися —
И друг друга не ранили.
Оба выпали со добрых коней
И стали друг с другом таскатися —
Под нима земля подгибатися.
Разгорелся Добрыня Микитинец
Сердцем своим богатырскиим
И хватил короля за желты кудри,
И кидал короля о сыру землю,
И садился к королю на белы груди,
Здымал саблю выше плеч своих.
Во плече рука застоялася,
Стал короля он выспрашивати:
«Скажись, молодец, с коей земли,
С коей земли, со коей орды,
И как молодца именем зовут,
И как тебя по отечеству?»

Говорит король не с упадкою:
«Ай же ты богатырь есть нынь!
Как бы я был на твоих грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Ни имени твоего, ни отечества —
Взимал бы саблю я вострую,
И пластал бы я твою грудь белую,
И вынимал бы я сердце со печенью!»
Тут Добрынюшка возмущается
Сердцем своим богатырскиим,
За вострую саблю принимается.
В плече рука застоялася,
Стал молодца выспрашивать,
Стал молодца выведывать:
«С коей земли, с коей орды,
И как молодца именем зовут,
Как тебя по отечеству?»
Говорит король не с упадкою:
«Как бы я был на твоих грудях,
Взимал бы я саблю вострую,
Пластал бы грудь твою белую,
Вынимал бы я сердце со печенью!»
Тогда Добрынюшка возмущается,
На богатыря возъяряется.
Тогда богатырь привиняется:
«Есть я богатырь Золотой Земли,
Золотой Земли и Золотой Орды,
Король Земли Бухарския!»
Взимал короля за белы руки,
Подымал короля от сырой земли,
Целовал в уста во сахарния:
«Поезжай-ко, король, во свою Землю Бухарскую,
В Золоту Землю и в Золоту Орду,
Свези своей матушке низкой поклон,
А от Добрынюшки челобитьице,
Золотые подарки во милости».
Так они распрощаются,
Друг от друга разъезжаются.
Приехал Добрыня ко белу шатру,
Тут Добрынюшка на крепкий сон ободряется.
Так богатырь взад ворочается,
К белу шатру приближается,
Вострую саблю обнажается,

Хватил он Добрыню по белой шеи —
Вострая сабля белой шеи не забрала.
От того ли страху ужасается,
От крепкого сна пробуждается,
Схватил короля за желты кудри
И кидал во сыру землю —
Предал смерть ему скорую.
Со той со великой со радости
Ест и пьет — проклаждается.
На тую пору, на это времячко
Налетает голубь со голубочкою:
Полетает голубь в каменну Москву,
Оставляет голубушку на белом шатре.
Голубушка воспроговорила:
«Полетаешь ты в каменну Москву,
Оставляешь меня одинешеньку.
Не останусь я, голубушка:
Как уехал ныне Добрынюшка,
Оставил молоду жену Настасью Микуличну,
А молода Настасья Микулична ныне во замуж пошла».
Эти речи Добрынюшке не слюбилися.
Приходит Добрыня ко добру коню
И поехал Добрыня во свою землю,
И приехал Добрыня во свою землю,
И спущал коня во зеленые луга.
И приходит Добрынюшка ко родители ко матушке,
Поклон он делает понизешенько:
«Здравствуй-ко, родитель моя матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
При тебе ли моя молода жена Настасья Микулична?»
Ответ держит его матушка:
«Ой же ты, чадо милое,
Милый Добрынюшка Микитинец!
Молода Настасья Микулична
Нынь теперь во замуж пошла
За твоего братца крестоваго,
За младаго Олёшу Поповича». —
«Ай же ты, родитель моя матушка!
Принеси-ко ты гусельца яровчаты,
Дай-ко мне прощеньице и благословеньице
Идти мне, Добрыне, на почестный пир!»
Тут-то Добрыня отряжается
И на почестный пир снаряжается.

Пошел тут Добрыня на почестный пир,
На том на пиру много народу умножается —
Не пропустят Добрыню на пир пройти.
Тут Добрыня стерегается,
На честный пир пробирается.
Пришел Добрыня в палатушку грановитую,
Крест кладет по-писаному,
А поклон ведет по-ученому —
А на пиру народы все ужахнулися.
Заиграл Добрынюшка в гуселышка яровчатыя —
Все народы приближалися,
И Добрынюшке поклонялися.
Молода Настасья Микулична здрадовалася:
«А ей же ты, молодой Добрыня Микитинец!
Не завидуй-ко разуму женскому,
И позавидуй-ко разуму мужскому:
Не в честь берут и не охвотою,
А берут великою неволею!»
Тогда стал Добрыня Микитинец на резвы ноги
И подходит к Олёши Поповичу:
«Ай же ты, братец крестовый,
Молодой Олёша Попович!
На что ко чужой жены придираешься
И во замужество приближаешься
И что от живаго мужа жену берешь?
А ты, князь Владимир стольно-киевский,
На что к Настасьи подхаживал
И в замужество подговаривал?»
Берет он Олёшу за желты кудри
И кидает Олёшу о кирпичный мост,
И только Олёшенька женат бывал:
И тут Олёшенька кончается,
А Добрынюшка со своей женой возвращается.
Всякой на свете женится,
А не всякому женитьба удавается,
А удавалася женитьба Добрынюшке Микитинцу
И молоду боярину Ставру Годиновичу!

№ 80

О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

Досюль Добрынюшка матушки говаривал:
«Свет-государыни матушка,
Честна вдова Намелфа Тимофеевна!
На что меня несчастного молодца спородила,
Гребешком мою головку загладила,
Копылком бородку наладила,
Спустила доброго молодца во далече-далече во чисто поле,
Напрасно бить удалых добрых молодцев,
Проливать крови горючия,
Оставлять сиротать малых детушек,
Скитаться женам молодым?»
Она говорит ему таково слово:
«Ай же, рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня Никитич!
Хотела родить тебя, добра молодца, во смелого Алёшу Поповича,
Выступкою щапить в молода Чурилу Пленкова,
Силой могучею-богатырскою во старого казака Илью Муромца.
На добром коне ездить во Потыка Михайлу Ивановича,
Красой-басой во Осипа Прекрасного,
Именьем-богачеством в молода боярина во Дюка Степановича,
Из туга лука стрелять во Тугарина во Змиевича во заморского!»
Как вставал Добрыня на резвы ноги,
Говорил он матушки таковы слова:
«Свет-государыни матушка!
Благодарю на тех словах на усильныих,
На речах на разумныих».
Потом он шел на широкой двор,
А со двора он шел на стойла лошадиныя,
Брал он добра коня,
Выводил он добра коня на широкой двор,
Стал он седлать добра коня,
Кладал он потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Наверех кладал ковано седло черкатское,
Затягивал двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивал тринадцату продольную;
Подпруги те были чистого серебра,
Пряжки-шпильки красного золота,
Стремена булата заморского,

Шелк-то был да шемахатный:
Шелк-то не трется да не рвется,
Булат не ржавиет,
Золото не мидиет,
Серебро не зелиниет.
Потом он шел в полаты белокаменны,
Надевал он платья дорожныя,
Кладывал те луки во налучники,
Калены стрелы во колчана,
Вязал он крепки палицы на бедро свое.
Потом молился крестам пречудным,
Отправлялся в дорожку во дальную,
Во далече-далече во чисто поле.
Прощался он со своей государыней со матушкою,
С молодой женой с Натальей Микуличной.
Потом пошел на широкой двор.
Как говорит тут честна вдова Намелфа Тимофеевна
Любезной невестушки молодой Натальей Микуличной:
«Молода Наталья Микулична!
Что ты сидишь да высиживаешь,
А у молодого Добрынюшки не спрашиваешь,
Надолго ли Добрыня поезжает во чисто поле,
Долго ли нам ждать его из чиста поля?»
Тут Наталья Микулична скоро бежала на широкой двор,
Брала Добрыню за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя:
«Муж ты мой любезный, молодой Добрыня Никитич!
Надолго ли поезжаешь во чисто поле
И долго ли нам ждать тебя из чиста поля?»
Он говорит: «Ай же ты, молода жена, любима семья,
Ты Наталья да Микулична!
Ты жди меня из чиста поля ровно три года.
Ежели не буду я через три года из чиста поля,
Так еще жди ровно три года,
Всего на все будет шесть годов.
Ежели не буду через шесть годов из чиста поля,
То там, жена, хоть вдовой живи, а хоть в замуж поди.
Послухай-ко, жена, наказу да мужнего:
Не ходи-тко ты за смелого Олёшу Поповича —
Олёша пустохваст-то есть,
Век Олёша пустым хвастает!
Еще не ходи за молодого Чурилу Пленкова,
Еще не ходи, жена моя любезная, ни за купца, ни за барина,

Ни за московского гостя торгового,
А поди-ка за росейского могучего за богатыря,
Чтобы жены наши богатырския
Доставались росейским могучим богатырям!»
Столько видела молода Добрынюшку на добра коня сядучись —
Уехал тут Добрынюшка во чисто поле.
Тут не две утушки серыя сплывалися,
Не две белыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невестушка в одно место,
Плачут-обливаются,
Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются,
Приедучись не начаются.
Тут-то день-то за день — как дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава ростет,
Год-то за год — как река бежит:
Прошло тому времячки ровно три года,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Приходит смелый душечка Олёша Попович-то
К ним в полаты белокаменны,
Крест сполна кладал-то по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре стороны
Честной вдовы Намельфе Тимофеевной в особину
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу.
Начал он забаивать и начал заговаривать,
Молоду Натальюшку в замуж подсватывать:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца во замужество!
Не будет Добрыня из чиста поля:
Вчерась прошла круглая неделюшка,
Как я приехал из чиста поля,
Видел во чистом поле Добрынюшку убитого:
Головкой он лежит во ракитов куст,
Ножками лежит Опачей-реку,
Ясныя очи у польских у воронов повыклеваны,
Сквозь белую грудь травка повыросла».
Тут говорит она: «Ты поди-ка прочь, смелый Олёша Попович!
Не пойду я за тебя в замуж.
Надобно мне ждать Добрынюшку
Из чиста поля еще три года,
Всего на все будет шесть годов!»
Тут Олёшенька да не весел стал,

Сам говорил Олёша таковы слова:
«Ай же, молода Наталья Микулична!
Хошь ты туляешься-виляешься,
За инного в замуж не достанешься —
Как будешь за мной да во замужестве!»
Сам пошел-то из полат-то белокаменных.
День-то за день — как дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава ростет,
Год-то за год — как река бежит:
Прошло тому времени ровно шесть годов,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Опять приходит смелый Олёша Попович-то
К ним в полаты белокаменны:
Крест кладал-то по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре стороны
Честной вдовы Немельфе Тимофеевной в особину
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу.
Начал он забаивать и начал заговаривать,
Молоду Натальюшку в замуж подставить:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца во замужество:
Не будет Добрыня из чиста поля!»
Она ему говорит таковы слова:
«Ай же ты, смелый Олёша Попович!
Ты с добра поди, с полат белокаменных:
Я прожила заповедь мужскую,
Я еще кладу заповидь да женскую на шесть лет —
Всего на все будет двенадцать лет.
Ежели не будет Добрыня через двенадцать лет,
Тогда будет у меня своя воля вольная,
Тогда хошь я вдовой живи, а хошь замуж поди,
Но мне не велено итти за тебя, за смелого Олёшу Поповича,
Потому что ты пустохваст-то есть,
Пустым ты, Олёша, хвастаешь!
Мне не велено итти за молодого Чурило Пленкова,
Еще не велено итти ни за купца, ни за барина,
Ни за московского гостя торгового —
Велено итти за росейского могучего богатыря,
Чтобы наши жены богатырския доставались росейским богатырям».
Тут Олёшенька невесел стал,
Говорил опять да таковы слова:

«Хоть ты туляешься-виляешься,
Но за инного в замуж не достанешься —
Будешь за мной во замужестве!»
Пошел вон он с полат белокаменных.
Тут прошло времячки ровно двенадцать лет,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут опять приходит смелый Олёша Попович-то,
Со солнышко со княжем со Владимером,
Крест кладал он по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
Кланялся на все четыре стороны,
Честной вдовы Намильфе Тимофеевной в особину,
Молодой Натальи Микуличной в особину,
Садился он на лавицу и говорил таковы слова:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Поди ты за меня замуж!»
Она говорит: «Не йду я за тебя во замужество!»
Тут говорит солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ежели не йдешь за смелого Олёшу Поповича
Во свой город во Киев,
Так отдадим тебя во Землю Литовскую
За мурзу-татарина!»
Она говорит таковы слова:
«Я не йду за смелого Олёшу Поповича!»
Тут говорят они:
«Ты добром не йдешь — мы силом возмем!»
И брали ее за белы руки,
Повели во церковь соборную,
Повенчали со смелым Олёшей Поповичем.
Тут солнышко князь стольно-киевский
Брал из-за белы руки,
Повел во свои полаты белокаменны,
Тут заводил для Олёши столованье-почетный пир,
Сбирал для Олёши на почетный пир многих тут,
Князей-бояринов, сенаторов думных,
Вельмож-купчей богатыих, поляниц удалыих,
Росейских могучих богатырей.
Пошло у них столованье-почетный пир.
Как из чиста поля приезжал Добрыня Никитич
Ко реки ко Сороги,
Становил добра коня ко сыру дубу,
Насыпал во полость во белую пшеницы белояровой,

Сам садился хлеба кушати-трапезовать:
Конь не заблет пшеницы белояровой,
Клонит буйну голову
До матушки сырой земли,
Копытом бьет во матушку во сыру землю.
Как говорит Добрыня Никитинич своему добру коню:
«Ай же ты, добрый конь!
Что же ты не заблешь пшеницы белояровой,
Клонишь буйную голову до матушки сырой земли
И копытом бьешь во матушку сыру землю?
Каку ты себе незгодушку ведаешь,
Над моей над буйной головушкой или над своей,
Аль во чистом поле рать-силу великую?»
Как конь провещал языком человеческим:
«Ай же, любезный хозяин Добрыня Никитинич!
Над твоей над буйной головушкой есть незгода великая:
Как во славном-то во городи во Киеве
Твоя-то молода жена
Как сегодня пирует со смелым Олёшей Поповичем.
Добром она не шла, ей силом взяли —
Солнышко князь стольно-киевский!»
Он тут скоро садился на добра коня,
Бил коня по крутым ребрам,
Поехал во всю пору лошадиную.
Конь начал с горы на гору да перескакивать,
Скоро приезжал ко славному ко городу ко Киеву.
Приезжал он к своим посельям ко дворянскиим,
Ко своим полатам белокаменным,
Заезжал он на свой широкий двор,
Увидел он свою матушку сидящую
Под окошечком, слезно плачучись:
«Ай же, свет-государыня матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Отложай воротечка решетчатые,
Встречай молодого Добрыню из чиста поля!» —
«Отойди ты, голь кабацкая,
От окошечек косивчатых,
Не надсмехайся надо мной,
Над старухой победною:
Кабы было рожало мое дитятко
Молодой Добрыня Никитинич,
Так недосуг было голям кабацкиим надсмехатися!»
Он и говорит: «Ай же ты, свет-государыня матушка,

Намельфа Тимофеевна!
Отложай воротечка решечаты,
Встречай молодого Добрыню из чиста поля!» —
«Отойди ты с добра, голь кабацкая,
От окошечек косивчатых,
Не надсмехайся надо мной,
Над старухой победною:
А то пошатаю своей старостью глубокою,
Выйду на улицу — я нечестно провожу!» —
«Ай же, свет-государыня матушка!
Почему ты не узнала своего сына любимого,
Молодого Добрыню Никитича?»
Она говорит: «Как у молода Добрыни Никитича
На ножках востры чоботы семишелковые,
А у тебя, голь кабацкая, рваные-плаченые.
Еще у Добрыни Никитича было личико белое, румяное,
А у тебя, голь кабацкая, зарудилося.
Очи были ясныя, как у сокола за заморского,
А у тебя, голь кабацкая, очи помутилися.
У молодого Добрыни Никитича были кудри желтые,
В три-ряд кудерка колечками вились в круг верховища,
А у тебя, голь кабацкая, по плечам висят.
На кудерышках была шляпа новая пуховая,
А у тебя, голь кабацкая, рваная-плаченая!» —
«Ай же, свет-государыни матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Через двенадцать через годиков
Прервались вострые чоботы
От булатных от стременов во чистом поле,
Зарудилося личико белое
От поганыя крови татарския,
Помутился очи ясныя
Во чистом поле от ветров от буйныих,
Отрослись волосы желтые
Через двенадцать годичков длинныих,
Прирвалась шляпа пуховая
От дождичков от частых во чистом поле!» —
«Ай же ты, удалый-добрый молодец!
Как у молода Добрыни Никитича
Под правой пазухой есть родимая знадебка».
Тут скидывался Добрыня скоро у окошечка,
Показывал матери родимную знадебку.
Тут старуха своей старости не услышала —

Бежала скоро на улицу,
Брала Добрыню за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя,
Называла сыном любезныим
Молодым Добрыней Никитичем,
Проводила во свои полаты белокаменны.
Он молился тем крестам пречудныим,
Спасу и Пречистой Богородицы,
Он тут спросил:
«Где моя молода жена, любима семья,
Наталья Микулична?
Не встречает что меня из чиста поля?» —
«Твоя молода жена сегодня пирует
Со смелым со Олёшой Поповичем». —
«Вчерась прошла неделя, как мы виделись
С Олёшой во чистом поли,
Крестами мы побратались,
Он назвался крестовым меньшим бра⟨т⟩цем,
А теперь уж меньший брат
У большого брата жену увел!
Ах ты свет-государыни матушка!
Неси ты мне платье скоморошное,
Неси гусли яровчаты!»
Она несла ему платье скоморошное
И гуселка яровчаты.
Он надевал одежду скоморошную
И брал гуселка яровчаты,
Пошел он к Олёши на почетный пир.
Приходил он во полаты белокаменны,
Крест он сполна кладал да по-писаному,
Поклон ведет он по-ученому,
Кланялся он на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину,
Смелому Олёши Поповичу
С молодой Натальей Микуличной в особину.
Сам говорил таковы слова:
«Солнышко князь стольно-киевский!
Нет ли местечка немножечко
Малой скоморошинке,
Поиграть во гуселышка яровчаты?»
Говорил как солнышко князь стольно-киевский:
«Ай же ты, малый скоморошина!
Все местечки призасяжены:

Есть на печки муравленой
Местечка немножечко».
Тут-то Добрыня на ножку легох-то был,
Подскочил он на печку муравлену.
Как начал он гуселок налаживати,
Струну натягивал будто от Киева,
Другу от Царя-града
И третью с Еросолима,
Тонцы он повел-то великие,
Припевки-то он припевал из-за синя моря:
Тут все на пиру порослушалися.
Говорил-то солнышко Владимир-князь:
«Ай же, малая скоморошина!
Не твое место сидеть на печки муравленой,
Твое место сидеть супротив князя и княгини,
Смелого Олёши Поповича».
И посадили супротив смелого Олёши Поповича
И молодой княгини Натальи Микуличной.
И говорила тут малая скоморошина:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Позвольте мне налить зелена вина,
Мерою чара в полтора ведра,
Весом полтора пуда?»
Говорит солнышко Владимер-князь:
«Ай же, мала скоморошина!
За твою игру великую,
За утехи твои за нежныя,
Без мерушки пей зелено вино,
Без расчету получай золоту казну!»
Он как налил чару зелена вина
Мерой в полтора ведра,
Весом только полтора пуда,
Спустил он свой перстень обрученныий,
Которым перстнем обручалися
С Натальей Микуличной.
Подавал ей чару единой рукой
И говорил-то ей таковы слова:
«Ай же, молода княжна Наталья Микулична!
Ты пей до дна — то увидишь добра,
А не пьешь до дна — не увидишь добра».
Она выпила чару до дна зелена вина,
Увидела она перстень свой обрученныий,
Котором перстнем да обручалися,

Как тут говорила сама таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Не тот мне муж, который под рукой сидит,
А тот мой муж, который супротив сидит,
Который наливал да зелена вина:
Тут-то сидит не мала скоморошина,
Тут сидит Добрыня Никитинич!»
Как сама-то вставала на резвы ноги,
Скочила через ты столы да дубовые,
Пала к молоду Добрынюшки на белу грудь,
Целовала его во уста во сахарныя,
Называла молодым Добрыней Никитичем.
Как тут говорил Добрыня Никитинич:
«А не дивую я женщины:
У женщин волос-то долог, да ум-то короток.
А дивую я солнышку князю Владимеру,
А что ежели женщина добром не йдет,
Он силом берет!
И еще дивую братцу крестовому
Смелому Олёши Поповичу:
Вчера прошла круглая неделюшка,
Как мы виделись с Олёшой во чистом поле,
Крестилися мы, бралися,
Назвался Олёшенька меньшим крестовым братьицем.
Теперь меньшой брат у большого жену увел!
Есть ли тот закон на свете,
Чтобы от живого мужа жену отобрать?
Как был бы Олёша не крестовый брат,
Взял бы я тебя, Олёшу, правой рукой за желты кудри,
Здынул бы тебя, Олёшу, через ты столбы дубовые,
И бросил тя, Олёшу, о кирпичный пол —
Столько бы ты Олёша и живу бывал!»
Взял Олёшу левой рукой за желты кудри,
Здынул через ты столбы дубовые,
Бросил Олёшу о кирпичный пол,
Пинул Олёшу да под лавицу.
Алёшенька с-под лавицы да выговаривает:
«Всякой на свете да женится,
Не всякому женитьба удавается!
Удалась женитьба Дунаю Дунаевичу
Да старому Ставру сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрыни Никитичу!»
С того стыду да со сорому

Пошел Олёша на чужую дальную сторону.
Тут Добрыня Никитич
Взял молоду жену за белы руки —
Пошел он вон с полат белокаменных,
Повел во свои полаты белокаменны.
Более Добрынюшка не стал да выезжать во чисто поле,
Более он стал проживать во Киеве.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

№ 81

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Во славном во городе во Мурове,
Ай села-тко да Качегарова,
Ай у ласковаго князя у Владимира,
Был у них да есть почестный пир.
На пиру да был слуга верныи,
Старый казак да Илья Муромец,
Во других-то молодый Дюк Степанович,
А Чурилушка же Плёнкович,
Ай Олёшенька Попович королевский сын,
А еще-то был Добрынюшка Микитинич,
Он захвастливый же был да неудачливый.
Он выходил с почестнаго пира от князя от Владимира,
И приходил-то к государыни к своей да родной маменьки
И воспроговорил же ей да таково слово:
«Ай же ты государыня Добрынюшкина матушка,
А Ефимья ты же Олександровна!
И ты когда меня спородила,
Завернула бы в камочки во крушатыя,
Ты кидала бы меня да во сине море.
Не ходил бы я, Добрыня, по белу свету,
Не рунил бы я, Добрынюшка, тут горьких слез!» —
«Ай же ты мое да чадо милоё,
А дитя мое любимоё,
Ты Добрыня сын Микитинич!
Уж я рада бы тебя спóродить
А я силою в богатыря да в Илью Муромца,
Я богачеством во Дюка во Степанова,
А я удалью в Чурилушку е Плёнкова,

А я смелостью в Олёшеньку в Поповича!»
Как во пору же е во то́ время
Выходил-то наш Добрынюшка да он Микитинич,
Он-ка брал соби коня есте добраго,
А он добра коня да богатырскаго,
А седлал ему седелушко черкальское,
А стремена кладет да золоченыя,
Он подтяжечки подтягивал шелковыя,
Одевае собе латы богатырския,
Он берет соби копье-то в руки длинное,
Он-ко палицу да стопудовую.
Он садился на своего добра коня
И хочет выехать он с широка двора,
А с широка двора да он в чисто полё.
И наказывае на пое́зде таково слово
Государыни своей да родной маменьке,
Он Офимье Олександровной,
И во-других он наказывал своей да молодой жене,
Молодой-то е Настасии Микуличной:
«Я еду в чисто́ поле,
Проживи-тко ты, исполни мою заповедь,
Проживи же ты нуньчу шесть годов,
А потом-то хоть вдовой живи, хоть замуж поди.
Если я не буду через шесть годов с чиста поля,
А поди хоть за богатыря, хоть за крестьянина,
Не ходи-ко ты за братца за крестоваго,
За Алёшеньку ты Поповича,
Ай за бабьяго ты надсмешника!»
Уж как видели богатыря-то сядучи,
Не видели богатыря поедучи.
Он как выехал, Добрыня, с широка двора,
Он как ехал не воротами широкима,
Он скочил да через стену городовую,
Стал он с горы на гору поскакивать,
Широки раздолья между ног пустил,
Он как реки нунь, озера перескакивал.
От него поездки богатырския,
От него поступки лошадиныя
Времечко идет — да как вода течет,
А день за день — как и дождь дожжит.
А прошло-то тому времечки е шесть годов:
Не видать-то тут Добрынюшки с чиста поля.
Стал Олёшенька же королевский ⟨сын⟩ похаживать,

В-других с ним князь стольне-киевский.
Они стали-то да е подсватывать
Ай Добрынину его да молоду жену,
Ай Настасьюшку да е Микуличну,
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Алёшеньку Поповича.
И положила она заповедь на друго шесть годов:
«Если не буде нунь Добрыня сын Микитинич,
Как не буде он да со чиста поля,
Ай потом я за тебя замуж пойду».
От него ли-то поездки богатырския,
От него ли-то поступки лошадиныя
Времень идет — да как вода течет,
А день за день — как и дождь дожжит.
А прошло-то тому времечки двенадцать год:
Не видать-то все Добрынюшки с чиста поля.
И приходил Олёша королевский сын,
В-других с ним князь стольно-киевский,
Приходили на́ ей теперь свататься.
Тут Добрынина да молода жена,
И молода-то е Настасья да Микулична
Еще туда-ка она да е замуж пошла
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Олёшеньку она да за Поповича.
Как повелся-то у них почестный пир да свадебка,
Повелась-то свадебка двенадцать дён,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наедалися.
Очень строго е приказано
Как у ласковаго князя у Владимира:
Кто если вспомнит на почестноем пиру, на свадебном
Ай Добрынюшки его да нунь Микитича —
Еще прямо нунь сади того во крепости.
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву!
Они крепости все да повы́ладили,
А столбы-то вси оны е повы́ставили
А для всякою опасности,
В особину же для Добрынюшки да е Микитича:
Чтобы в ту пору да в то время
Не приехал наш Добрыня на почестен пир.
Как идет у них почестный пир да свадебка
И последний день да е двенадцатой.

Как во ту пору, во то время
Наезжал-то наш Добрынюшка с чиста поля.
Он приехал осерёд двора широкаго,
Привязал коня да ко столбу да ко точеному,
И к тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходил он к государыни к своей родной маменьке.
Уж он крёст-от да кладет там по-писа́ному,
Он поклон тот там ведет да по-ученому,
Ай на вси да на четыре на сторонушки,
Он как матушки своёй да е в особину.
Воспроговорит же сам да таково слово
А своей да родной маменьке,
Он Офимье Олександровной:
«Уж ты здравствуй, государыня Добрынюшкина матушка!
От Добрыни я тебе-ка-ва поклон привез.
Мы с твоим-то чадом милыим,
А с детём твоим да е любимыим,
Ай с Добрынюшкой Микитицом
Вместе были во чистом поли.
Он поехал там дороженькой окольнею,
Я же ехал там дорожкой прямоезжею,
Он поехал на почестный пир, на свадебку
А ко ласковому князю ко Владимиру,
А ко своему-то братцу названому,
А к тому ли то к Олёшеньке Поповичу!» —
«Ай же ты, молодая скоморошина,
Ты кабацкая кака ни е подпо́рина!
Не должно бы те да надо мною надсмехатися:
Закатилоси мое да красно солнышко двенадцать год,
Закатается теперь да млад светёл месяц.
Ай Добрынина да молода жена,
Молода-то е Настасья да Микулична,
Ай тут она замуж ушла
Ай за братца за названаго крестоваго,
За Олёшеньку да е Поповича.
Ай ведется там у них почестный пир да свадебка,
А ведется-то последний день двенадцатой!»
Воспроговорит Добрыня таково слово:
«Еще велел Добрынюшка Микитинич
Привезти-то он гусёлышка яровчаты,
А которыи находятся во него во ложнях там во теплыих,
На кроваточки кисовыя,
А на стопочки да на точёныя.

И велел-то привезти на почестный пир, на свадебку,
Звеселить свое сердечко богатырскоё!»
Только стала нонь смекатися,
По речам его да догадатися —
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е приметочку:
«Не моё ли ты да чадо милоё,
Не моё ли ты дитя было любимоё,
А не Добрыня ль сын да был Никитинич?
Извини-ко ты да нунь пожалуйста,
Что обругала я тебя да обезчестила,
А удаленькаго храбраго же воина!»
Целовала тут его в белы́ уста,
Нарекала своим сыном милыим
А детём она его любимыим.
Ухватил-то тут Добрынюшка Микитинич
Он свои-то там гуселышки яровчаты,
Поскакал-то он на гридню на столовую
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Да к названому ко братцу ко крестовому,
А к тому ли ко Олёшеньке Поповичу,
Да к княгине ко своей да молодой жены.
Приезжал-то он ко каменной стены,
К широким-то воротам, ко крепости.
Как у ласковаго князя у Владимира
А приставлены-то все да заключевнички
А все главныи свои да дворнички
А ко той ли к высокой да каменной стены
А к воротам да ко широкиим.
Очень строго им наказано
Ай у князя у Владимира:
Не пущать-то на почестный пир, на свадебку
Никакого-то без звания,
Без доклада все же у ласковаго князя у Владимира.
Высыпает им он злата ноньку серебра,
А всим дворничкам да заключевничкам,
Он же скачнаго им жемчуга.
Очень крепко им да здолжается,
На почестный пир давается:
«Вы пустите-ко меня вы нунь пожалуста,
А вси дворнички, вы заключевнички,
А ко ласковому князю ко Владимиру!»
Не пущают нунь Добрынюшки Микитича.

Не берут с него ни злата нунь, ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущают на почестный пир, на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А к тому ли-то к Олёшеньке к Поповичу
И молодой жены к Настасьи да к Микуличной.
«Вы подите-ко пожалуйста,
А вси дворнички вы, заключевнички,
Здоложите-ко вы ласковому князю да Владимиру
Обо мне, о храброем о воине!»
Отошли от ворот вси дворнички,
А вси главные его да заключевнички.
Розгорелоси его сердечико ретливое:
Он столбы-то все повышатал
И ворота-то во чисто поле повыкидал.
Он зашел-то на почестный пир, на свадебку
И выстал там на печеньку муравую.
И стал он струночки потягивать,
Стал гуселышка подлаживать.
Заиграл как он в гуселушка яровчаты,
На почестноем пиру да он на свадебке —
На пиру-то вси да призамолкнули.
Звеселил-то он как ласковаго князя да Владимира.
Воспроговорит ему да таково слово:
«Ай же ты, молодец, с какой земли, с какой орды?
Я не знаю есть ли имечки тобе, отечества.
Опущайся-ко со печки со муравыя,
Ты садись-ко с нами на почестный пир на золот стул,
А в особину, где место е понравится».
Наливает ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносил-то тут Добрыни е Микитицу:
«Ай же ты да молодой игрок!
Уж ты пей-ко от меня да чару зелена вина!»
Ай другую чару-то подносит братец да названенькой
Молодой князь ай Олёшенька Попович королевский сын.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молодая Настасе́я-то Микулична:
«Пей-ко ты же от меня да чару зелена вина!
Как играл такой игрой мой прежний муж,
А Добрыня сын Микитинич!»
И взял по́ложил Добрынюшка Микитинич
А свой перстень-то злаченыя,

А которым с ней да поручалися,
Он во чару зелена вина,
Подносил возвратно молодой жены:
«Ай же ты княгиня молода́! Пей от меня чару зелена вина,
Уж ты пьешь до дна — так увидашь добра,
А не пьешь до дна — не видашь добра!»
Выпивала Настасе́я тут Микулична,
Выпивала она чару зелена вина —
Увидала там свой перстень-то злачоныя,
А которым же с Добрыней поручаласи.
Воспроговорит она за почестныим пиром, за свадебкой,
Воспроговорит она да таково слово:
«По Руси́и пословица-та водится:
А муж в лес по дрова — жена замуж пошла.
Ай ты Добрынюшка Микитинич,
Ты возьми-ко нуньку плёточку шелковую,
Уж ты бей меня-то, жонушку по на́гузку!»
Воспроговорит Добрыня таково слово
За почестныим пиром он да за свадебкой:
«Не дивую я теби, да молода жена,
А Настасья ты Микулична!
Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
А тому ли Олёшеньки Поповичу —
От жива мужа жену берет!
А в других-то, я дивую ласковому князю е Владимиру —
От жива мужа да жону сватаёт!»
Розгорелоси его да сердце богатырскоё,
Воссерчал-то он на братца на крестоваго,
На Олёшеньку Поповича.
Ухватил его за желты кудри,
Выводил да ⟨с-⟩за почестнаго пира ⟨с-⟩за свадебки,
Выводил его на гридню на столовую,
Уж как стал-то он по гридни да поваживать,
А в одной руке-то держит у него желты кудри,
А в другой руке держи́т гуселышка яровчаты;
И стал за желты кудри поваживать,
А гуселышками тут Олёшеньку охаживать.
Воспроговорит Олёша таково слово:
«По Русии-то пословица-та водится:
Уж как всякий, братцы, женится,
А не всякому женидьба задается!
На дай Господи на сём свети,
Как Олёшеньки Поповичу!»

А как взял-то он свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,
Увозил-то е возвратно в свою сторону.
Еще туда-ка Олёшеньки славы́ поют,
А тому ли то пиру да век по веку,
А век по веку, отныне — до веку.

№ 82

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Как молодой Добрынюшка Микитиниц
Он ходил-гулял по чисту полю,
Приезжал Добрынюшка к сыру дубу.
Как сидит-то тут на сыром дубу,
Сидит-то еще, сидит це́рный вран.
Как тут этот Добрынюшка Микитиниц
Натягивал скоро свой он ту́гой лук,
А кладывае стрелочку каленую,
А хочет он стрелить тут че́рна ворона.
Ворон тут ему спроязычился
А тым этым языком чоловеческим:
«Да ай же ты, Добрынюшка Микитиниц!
А не стрели меня, черна ворона,
Я тебе скажу, всё поросскажу.
Как в Киеве ребята есть говорят:
„Старца-то убить есть не спа́сеньё!"
Как ворона-то стрелить — не корысть буде получить:
Сизым перьем вороиным не натешиться,
Мясом те моим не наестися!»
Как у того было да у ворона
Полконец-то крылья были белыи.
Как говорит-то ворон таково слово:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитиниц!
А я тебе скажу, все поросскажу.
Едь же ты на гору на высокую
А на тое на шо́ломце искатнеё,
А там-то есть три чудушка три чудных,
Там-то есть три дивушка три дивных:
Как первое там чудо бель́ым-бело,
А дру́гое-то чудо красны́м-красно,
А третьеё-то чудо черны́м-черно».

Как тут этот Добрынюшка Микитиниц
Как скоро молодец сам пороздумался,
Говорит тут ворону: «Это правда есть!
А старца ведь ⟨убить⟩ буде — не спасенье,
Ворона стрелить — не корысть буде получить,
А сизым ворониным перьем мне-ка не натешиться,
Мясом мне ёго не наéстися!»
Как отпускал Добрынюшка свой тугой лук,
А вынимал он стрелочку каленую,
Сам-то он еще тут пороздумался:
«А лучше я поеду что на гору на высокую,
На тое-то я шоломцé искатнее,
Глядить-то там три чуда я, три чудныих,
Глядить-то я три дивушка, три дивныих».
Как скоро он приправливал добра коня,
Тут скорым-скоро, скоро да скорёшенько
Ехал он на гору на высокую,
А на тое-то на шоломце искатнее.
Как смотрит тут Добрынюшка Микитиниц,
Как ино тут стоит шатёр белополóтняной,
Как у шатра замок был булатнии,
На замку тут подпись подписана:
«Кто во шатёр еще сюды заáходит,
Тот из шатра жив да не вы́ходит».
Как разгорелось ёго сердце богатырское;
Ударил кулаком по замку-то он —
Отпал замок ведь тут на сыру землю.
Смотрит тут Добрынюшка Микитиниц,
А там в шатре столы были росставлены,
Там в шатре да ествы-ты розложены.
Как он-то, тот Добрынюшка Микитиниц,
Не столько молодец да ведь ел-то пил.
А сколько, молодец, он тут на зень срыл,
А спролил молодец, во ногах стоптал.
А сам молодец он да спать-то лёг.
А спит он, молодец, проклаждается,
А над собой незгодушки не ведает.
Из далеча тут ведь из чиста поля
А приезжат Олёша, сын Попович был,
А смотрит тут Олёшенька на чудо-то:
Не столько ведь да спито, съедено,
Сколько спролито да срыто, в ногах притоптано.
А тут-то ведь Олёша розритивился,

А розгорелось ёго сердце богатырское:
Занес-то он востро копьё вострым коньцём —
Хочет он ударить Добрынюшку в белу́ю грудь.
За тым-то он, Олёшенька, роздумался:
«Не честь-то мне хвала да молодецкая,
А бить-то мне-ка сонного — что мёртваго.
А лучше сяду на добра коня Добрынина,
А буду биться, стану я драться-ратиться
Со тыим с Добрынюшком с Микитицом,
А на том на добром кони Добрынином».
Садился тут Олёша на добра коня,
А на того добра коня Добрынина.
Как ударил он Добрынюшку тупым коньцём,
Тупым коньцем ударил да востры́м копьём —
Ото сну богаты́рь пробуждается,
На улицу тут скоро пометается.
Выскакал он в тонкиих белых чулочках без чоботов
А в тонкии белыи рубашке что без пояса.
Да тут Добрынюшка Микитиниц —
А ухватил он свою палицу еще богатырскую,
Как начали тут драться оны, ратиться.
Добрынюшка поскакивать пехотою,
Олёшенька — тот ездит на добром коне,
А на том на добром коне Добрынином.
Как день бьются оны тут не едаючи,
Ночь бьются они да не пиваючи.
Как дру́гой день бьются оны и дру́гу ночь —
Отдоху-то ведь тут им не давается.
А третий день бьются и третью ночь —
От их пошел-то тут еще стук да гром,
А стала мать-земелюшка подрагивать.
Как этот услыхал-то стук да гром
А старыи казак тут Илья Муромец,
Как тут сидит Ильюшенка, сам думает:
«Ай, это есте русьскии бога́тыри.
Где ни-то дерутся оны, ратятся».
Как скоро тут Ильюшенка седлал добра коня,
Кладывал он подпруги на подпруги,
А кладывает потнички на потнички,
Кладывает войлочки на войлочки,
А кладыват седёлка на седёлышка,
Черкальское седёлко на верёх еще,
Ты-эты подтяжечки шелковыи,

Кладывает, сам выговариват:
«А не для то мне, братцы, красы-басы,
А не для то ведь было для угожества —
Для укрепы мне богатырскии».
Как видли что ведь молодца да сядучи,
Не видли тут удалого поедучи,
Не знают, в кою сторону уехал он.
Как ехал тут Ильюша на круту гору,
На тое-то шóломцё искатнее,
Да ажно тут дерутся есть два русскиих богáтыря
Молодой Добрынюшка Микитиниц
А смелыи Олёшенька Попович-он.
Как захватил Ильюшенка Добрыню во праву руку,
Олёшу захватил сам во левую,
А закрычал Ильюша во всю голову:
«Ай же вы, русийские могучие богатыри!
А вы над чим деретесь да ратитесь?»
Как говорит Олёша таково слово:
«Ах ты старыи казак Илья Муромец!
Да как-то мне не драться, не ратиться?
Как у меня в шатре были столы там росставлены,
У меня-то ествы вси розложены,
Как этот-то Добрынюшка Микитиниц,
Не столько он, Добрынюшка, да съел да спил,
А сколько он тут спролил да на зень срыл,
На зень срыл Добрыня, во ногах стоптал,
А мне-ка, молодцу, того-то жаль!»
Говорит Ильюша таково слово:
«Спасибо ти, Олёша, за своё стоишь».
Говорит Добрынюшки Микитицу:
«Да ах же ты, Добрынюшка Микитиниц,
Крёстовый брат ты мой да названыи!
А ты над чим дерешься да ратишься?» —
«Ах ты брат мой крестовыи, названыи,
А старыи казак ты, Илья Муромец!
Как-то мне не драться да не ратиться?
Как у ёго, у пса, у розбойника,
Фальшивая да напись написана:
„Как кто в шатёр сюды еще зáходит,
Тот с шатра да жив тут не вы́ходит!"
А я хочу-то жив да по вытти есть». —
«Спасибо ти, Добрыня, на чужом дому смело пóступашь».
А ино ведь то тут еще Ильюша воспрогóворит:

«А укроти́те вы да сердцё богаты́рскоё,
А назовитесь вы да братьямы крестовыма,
А лучше вы крестамы побра́тайтесь!»
А ён их улести́л тут, уго́ворил,
Да тут оны не на́чали больше бить́ся-ратиться,
Укротили сердцё богатырское.
Как тут они крестамы побра́тались,
Назвалися братьямы крестовыма:
Добрынюшка назвался да бо́льшой брат,
Алёшенька назва́лся меньшо́й ёму.
Как тут розошлись, порозъехались.
Как тут-то на стольнёй-от город как на Киев-град
Наезжала тут погана́ Литва,
Одо́лели что ль поганыи татарева.
На ту пору было, на то времячко
Богатырей там дома не случилосе,
Случилось только два русских два бога́тыря:
А молодой Добрынюшка Микитиниц,
Смело́й-то Олёшенька Поповиц был.
Как говорит Добрыня таково слово:
«Ах же ты, Олёшка сын Поповиц был!
Седлай-ко ты своего добра коня,
Поедем мы с тобой во чисто поле,
А станем бить поганыих татаревей,
Одолим ли там мы погану́ Литву!»
Как скоро тут Добрынюшка седлал добрых коней,
Кладывал он подпруги на подпруги,
А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Седлышка еще на седлышка,
Черкальское седёлко на верёх еще,
Ты-эты подтяжечки шелковыи,
А кладывает, сам он выговарива́т:
«Не для то мне, братцы, красы-басы,
А не для то ведь было для угожества —
Для укрепы мне богатырскии».
Поезжат Добрыня, сам наказыва́т:
«Ах же ты, моя молода жена,
Да нунь ты, Василиста Микулична!
Уеду я ведь нунь во чисто полё
А бить там я поганыих татаревей,
Тую-эту там погану́ Литву.
Как пройдет поры-времечки три́ году,

А жив-то я сюда не появляюсь еще,
Да тожно ты ведь хоть вдовой живи,
А хоть ли ты тут да замуж поди,
Стольки ты не ходи-тко за Олёшенку Поповица!»
Как видли молодца ёго сядучи,
Не видли там удалаго поедучи.
Как тут этот Добрынюшка Микитиниц
А с тым с этым Олёшенькой Поповицем
Ехали они тут во чисто полё.
Приправливал Добрынюшка добра коня,
Заехал в эту силушку в серёдочку,
Как начал бить ту силу татарскую,
Олёшенька стоит там на чистом поли,
Как смотрит-то он на братца он крестоваго,
Как бьётся там Добрынюшка Микитиниц.
Прибил-то тот Добрынюшка Микитиниц
Как этую он силу всю в три́ часу.
Как смотрит он на брата на крестоваго,
А на того Олёшеньку Поповица,
А смотрит он, глядит, думу думает:
«А, видно, нет жива да брата-то крестоваго,
А смелаго Олёшеньки Поповича».
Как ино ведь тут сам Добрынюшка роздумался:
«А, видно, есте путь моя хорошая!»
Как тут-то поехал что за славно за синё морё,
Корить-то там язы́ки вси неверныё
А прибавлять земельки святорусскии.
Прошло тут поры-времечки три́ году.
Как тут этот Олёшенька Попович сын
Приходит к Василисты к Микуличной:
«Да ах ты, Василиста Микулична!
Да я вчера гулял на чистом поли,
А видел я Добрынюшку убитаго.
Лежит-то он головушкой в рокитов куст,
А резвыми ногами́ да во кувыль-траву.
Поди ты, Василиста, за меня замуж!»
Как говорит-промолвит таково слово,
А тая Василиста Микулична:
«Ай же ты, Олёшенька Попович сын!
Исполнила я заповедь мужнюю,
Прошло нынь поры-времечки три́ году.
Исполню я-то заповедь свою еще.
А пусть-ко станет поры-времечки шесть годов,

Тожно тут я ведь замуж пойду!»
Опять прошло тут времечки три́ году.
Как начал тут Олёшенька подхаживать
А со тыим со князем со Владимиром:
«Да ах ты, Василиста Микулична!
А я вчера гулял на чистом поли,
А видел у Добрынюшки, что косточки ростасканы!»
Как ино тут тая Василиста Микулична
Тут она еще пороздумалась:
«Исполнила я заповедь мужнюю,
Исполнила я заповедь свою-то я —
А нет жива Добрынюшки Микитица,
А не видать сюда ёго появится!»
Пошла тут за Олёшеньку Поповича.
Как там это Добрынюшка Микитиниц
За тыим за славным за сини́м морем,
А там он-то, Добрыня, на чисто́м поли,
На чистом поли Добрынюшка, в белом шатри.
А сам он, молодец, забавляется,
Играет он во доски-ты шахматны,
А в до́роги тавлеи золоче́ныи,
А над собой незгодушки не ведает,
Как тут-то ведь ёго молода жена,
А тая Василиста Микулична,
Как тут она скоро́ да замуж пошла,
А за того Алёшеньку Поповица.
Как налетал тут голубь с голубкою
А ко тому к Добрынюшке Микитиницу,
Садились на шатёр на окошечко,
Начал голубь по окошечку похаживать,
А начал он тут, голубь, погуркивать,
Начал он затым выговаривать,
А зве́щевал язы́ком человеческим:
«Ах же ты, Добрынюшка Микитинич!
Играешь ты в доски во шахматы,
В до́роги тавлеи золоченыи,
Играшь, сам молодец ты проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь,
А я тебе звещу́ю-провещу́ю есть:
Как есть-то ведь твоя молода́ жена,
Молода́ жена, любима семья,
Как есть-то ведь уж нунечу заму́ж пошла
За того Олёшку за Поповича!»

Ско́чил тут Добрыня на резвы́ ноги,
Со той со досады со великии
Как бросил эту доску он ша́хматню
О тую о матушку о сыру́ землю —
Мать-то что земелюшка продрогнула.
А выходил тут Добрыня со бела шатра,
А сам скоро́ седлал он добра́ коня,
Седлат-то он коня и выговариват:
«Ай же ты, мой ведь уж добрый конь!
Как нёс меня сюды да ты три́ году,
Неси́-тко нунь домой меня по три́-то дня
Во сто́льнёй-от как город во Киев-град!»
Садился сам скоро на добра коня.
Скорым-скоро, скорым-скорешенько,
Поехал тут Добрыня ⟨и⟩з-за синя́ моря,
Пошол тут, поскакал его доброй конь,
Реки-ты ль, озёра перескакивал,
А темной он тот лес промеж ног пустил,
А синёё он морё на окол бежал.
Пришол-то, прискакал ёго доброй конь во три-то дни
Во стольнёй-от во город в Киев-град.
Выскакал тут Добрыня со добра коня,
Насыпал коню тут пшоны белояровой,
А скоро сам он шол по новым сеням,
Заходил во свою в горенку во новую,
А крёст он кладывае по-писа́ному,
Поклон-то уж ве́л по-учёному,
На вси тут на четыре сторонушки,
А родной своёй матушки в особину:
«Ай здравствуй-ко, моя ты родна матушка!»
Матушка — она тут прослези́ласи,
А матушка — она тут поросплакалась:
«Ах же ты, удалой доброй молодец!
А что ты над старушкой надсмехаешься?»
Как говорит Добрыня таково слово:
«Видно, матушка, ты меня не узна́ла есть».
Она опять на то ёму ответ держит:
«Ах же ты, удалой доброй молодец!
Как у моёго милаго у дитятка,
А у того Добрынюшки Микитица,
На ём были платьица все цветныи,
А нунь-ка на тебе всё платьица лосиныи,
А лосиныи платья, всё звериныи!» —

333 Зак. 3948

«Да ай же ты, моя родна матушка!
Как видно, ты меня не узнала есть!»
Говорит старушка таково слово:
«Ах же ты, удалой доброй молодец!
Подойди к старушки поблизёшенько —
А у моёго у милаго у дитятка
Была-то ведь зна́дёбка родимная,
А был-то на головки ру́бечёк-то есть».
Как он скоро, Добрынюшка, подхаживал
А ко тыи́ старушки да ко древныи,
Как тут эта́ старушка да пощупала,
Ажно было тут да до правды-то:
А есть там была зна́дёбка родимная.
Как тут она, старушка, взрадоваласи,
Сама она с сынком тут поздоровкалась.
Как говорит Добрыня таково слово:
«Да ай же ты, моя родна матушка!
А где-то есть моя молода жена,
Тая Василиста Микулична?»
Как говорит старушка таково слово:
«Да ай же ты, дитя моё милоё!
Твоя-то нунычу есть молода жона,
Молода жона да замуж пошла
За того Алёшку за Поповича!»
Как говорит Добрыня таково слово:
«Да ах же ты, моя ль родна матушка!
Поди-ко есть во по́греби глубокии,
Неси ты мне гусёлышка яровчаты —
Я пойду к Олёше на почестный пир,
На тую на свадебку великую!»
Как тут-то ведь старушенька скоры́м-скоро
Бежала как во погребы глубокии,
Взимает там гусёлышка яровчаты
(*А ты-этыи гусёлка да были еще ровно сорок пуд*!)
Иде́т она, старушка, попирается,
Подават Добрынюшки гусёлышка.
Взимает тут Добрынюшка Микитиниц
А ты-эты́ гусёлка всё яровчаты,
Сам скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молоде́ц наряжается
Скорой малой-смелой скоморошиной.
Приходил Добрыня на почестный пир
А на то столованьё на великоё.

Становился тут Добрыня ко поро́гу,
Повёл он по гусёлушкам яровчатым,
Заиграл Добрыня по-унылънёму,
По-унылънёму, по-умилънёму —
Как вси-то ведь уж князи и боя́ра-ты
А ты-эты́ русийскии богатыри,
Как все оны тут приослушались.
За́тым за́играл Добрыня по-весёлому —
Стало красно солнышко при ве́чери,
А стал-то тут почестный пир при ве́сели.
Как вси-то оны тут да наедалисе,
А вси-то они тут да напивалисе,
Стали тут оны да пьянёшеньки —
Играт-то всё Добрыня по-весёлому.
Как вси оны затым тут росскакалисе,
Как вси оны затым ведь росплясалисе,
А скачут-пляшут вси промежу́ собой,
А ничего оны тут не ведают.
Как говорит тут князь стальнё-киевской:
«Да ай же ты, уда́лой добрый мо́лодец!
Не знаём мы теби да ни имени,
Не знаём мы теби ни изотчины,
Царь ли ты есть, ли царевич здесь,
Аль король ты да ведь королевич есть,
Али с тиха́ Дону́ ты донской казак,
Аль грозной есть посол ляховитскии?» —
«Не царь-то я ведь, не царевич был,
А не король-то я, не королевич был,
Не есть с тиха Дону́, не донской казак,
Не грозной я посол ляховитскии,
Как есть-то я з-за славна з-за синя моря
А скора мала-смела скоморошина».
Как князь-то тут ему воспрого́ворит:
«Ах скора мала-смела скоморошина!
А чим-то нам тебя буде жаловать
А за эту игру за умилънюю?
Города ль теби наб с пригородками,
Али села да ти наб со приселками,
Али много наб бессчотной золотой казны?»
Как он-то ведь на то им ответ держит:
«Да ах же ты, да князь стольнё-киевской!
Не наб мне городов с пригородками,
Не наб-то мне-ка сел-то с приселками,

Не наб-то мне бессчотной золотой казны —
А у меня своёй есте до́любоби.
А столько-то вы мне позвольте-ко:
Налейте мне-ка чару зелена вина».
Как тут-то ему князь воспроговорит:
«Скора мала-смела скоморошина!
Что угодно надо, то мы сделаём».
Как налили тут чару зелена вина,
Подносят тут Добрынюшке Микитицу.
Как этот-то Добрынюшка Микитич-от
Спустил-то он туды свой злачон перстень,
А в этую-то чашу княженецкую,
Коим перстнём оны обручалиси
Со той с Василистой с Микуличной.
Подносит эту чашу княженецкую
А той да Василисты Микуличной,
Подносит, сам Добрынюшка спроговорит:
«Ай ты, Василиста Микулична!
А пей-ко ты чару зелена вина
От малой-смелой ты да скоморошины.
А пей-ка ты до дна — дак увидашь добра,
А не пьешь до дна — дак не видашь добра!»
Она тут Василиста Микулична
Маленько же она тут догадаласе.
А сколько ни-то пи́ла, остатки на́зень лила-то,
Как взглянет в эту чашу княженецкую,
Ажно там лежит да злачон перстень,
Как смотрит-то она на перстень тут,
А на перстню́ тут подпись подписана,
Коим перстнём оны обручалисе
Со тыим с Добрынюшком с Микитицом.
Как тут-то да Василиста-та Микулична
Ай выскакала ⟨и⟩з-за стола княженецкаго,
Как говорит она тут таково слово:
«Не тот-то ведь муж, кой подли меня,
А тот-то ведь муж, кой насупротив меня!»
Клонится Добрыни, поклоняется,
Сама она ёму извиняется:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитиниц!
Исполнила я заповедь твою-то я,
А другую исполнила свою-то я,
А тожно ведь я тут замуж пошла
А за того Олёшку за Поповича».

Как говорит Добрынька таково слово:
«Да ай же Василиста ты Микулична!
Когда-то ты исполнила да заповедь свою —
За твою я заповедь тебе прощу.
Не исполнила бы заповедь свою-то ты,
Отсек бы я головку тебе буйную!
Пошла ты за Олёшку за Поповича —
Дак я тебе еще за то прощу».
Как тут затым Добрынюшка Микитинич
Хватил-то он Олёшу за желты кудри,
А выдернул с кармана плеть шелковую.
Как начал он Олёшку его чёствовать,
А начал он хлыстать его, Олёшеньку,
А бьет-то он тут, хлыщет, выговариват:
«А каково, Олёшка, ти жениться здесь,
От живого мужа же́на о́тлучать!»
Как кле́нется Олёшка, проклинается:
«А будет трою проклят на веку тот был,
Кто станет-будет эдак-то женитися,
От живого мужа же́на о́тлучать».
Как нахлыстал Добрынюшка его тут до́люби.
А до́люби Добрыня ёго, до́сыти.
Как со стыду, со сраму со вели́кого
А тут этот Олёшенька Попович-он
Уехал он безвестно, не знают где.

№ 83

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Во славном во городи во Киёви,
При ласковом князи при Владимири,
Жили-были честныи тут бояра
И вси сильни могучи богатыри.
Воспроговорит Добрыня таковое слово:
«Ах же ты, Владимир столен-киёвской!
Хочу я, Добрыня, поженитися
На молодой Настасьи Микуличной».
Это тут ведь завелся у Добрынюшки,
Это тут ведь завёлся почестной пир:
Перво любовь начинается,
Честный пир — производится.

Пошол тут Добрыня во Божью церкву,
Принял Добрыня по злату венцу,
Златыми венцами повенчалися,
Златыми перстнями обручалися.
Ай живет-то Добрынюшка при Киёви,
Он при ласкови князи при Владимири.
А изволил Добрыня он сказать теперь,
Честное слово воспроговорить:
«Ах же ты есть молода жена,
Молода Настасья Микулична!
Ах же, родитель моя матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна!
Дай мне Добрынюшки прощеньицо,
Дай-ко Добрыни бласловленьицо,
А съездить Добрыни на чисто на полё,
А мне ли, Добрыни, исполяковать,
Могучи плечи Добрынюшки росталкивать!»
Ответ держит ему матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Поезжаешь, Добрыня, на чистое на полё,
На кого оставляшь стару матушку,
На кого покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Микуличну?
Куда оставляешь золоту казну,
Куда кладешь-то цветно платьицо,
На кого еще оставишь добрых коней?»
Ответ держит Добрыня он ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты родитель моя-ка, сударь-матушка,
Ты честна вдова Офимья Олександровна!
А добрых коней я во полё спущу,
Золоту казну я в погреба́ зам⟨к⟩ну,
Цветно платьицо я на вы́шки кладу.
А тебе, как родитель моя матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Оставлю тебе я золотой казны,
Золотой казны тебе бессчетныи!
Молодой жены я завет кладу:
Я не буду, Добрынюшка, с чиста поля,
Я не буду, Добрыня, ровно три году,
А во ты-пору, Настасья, вдовой живи,
Хоть вдовой живи, да хоть заму́ж поди,
Ты за князя поди, ли за боярина,

Аль за сильнаго могучаго богатыря.
Не ходи́ только за братца за крестоваго,
А за младаго́ Олёшу за Поповица!»
Это тут Добрыня снаряжается,
Ай на добрых коней-то он сбирается,
А бере́т с собой нынече товарища,
Брата бере́т-то он крестоваго,
А и По́тыку Михайлу Ивановица,
И поехали оны́ на чисто́е на полё.
День от дни как коротается —
Скоро будут здесь они как на чистыих на полях,
А на тых ли на роздольицах широкиих.
Оны ехали, дорожку продолжали тут,
А приехали оны на чисто́ на полё,
А на тыи на роздольица широкии,
Поделали тут стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпа́ли пшены белояровыи
Во тых ли во стойлах лошадиныих.
Оны-то ведь стали пировати тут:
Хлеба-соли тут покушати,
По чары выпить зелена́го вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поели, попили — покушали.
Сделали нынь опочив себе:
Ай ложи́лиси спать во белых шатрах,
Ай ложилиси спать оны по вечеру
И спали тут ёны до утра,
До того же спали до бела́ свету.
Тут Добрыня профатается,
Сам говорит таково слово:
«Стань-ко, брат мой крестовыи,
Подь ты, Михайла сын Иванович,
Ото крепка сна да пробудись-ко ты!»
Ставал его брат тут крестовыи,
Вымыл очи свежо́й водой,
Утерся полотенышком сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
На вси стороны ведь ён покло́нился,
И пошол во конюшни лошадиныи,
Засмотрить пошол ён да добрых коней:
Все ль кони стоят там по-старому,

Все ль кони стоят тут по-прежному.
Осмотрел, оглядел он коней добрыих:
Все кони стоят там по-прежному,
Зоблют пшену белояровую.
Пошол ён как от добрых коней,
И взял ён тут ведь во белы́ руки,
Трубочку взял ён подзорную.
Поглядел ён тут во чисто́ полё,
Оглядел ён во чисто полё как тут,
Во тое во поле во чистоё,
А ко той ли горы он ко высокии,
Ко тым лесам ко дремуциим,
Под той ли под горою под высокою
А стоит ведь конь там богатырскии,
А сидит на кони воин главныи.
Голова на нем, как бу́рак, сильняя,
И глаза у него, как чаши пивныи,
Нос — палица как богатырская.
На лево́й ноги — как борзо́й кобель,
На право́й ноги — как ясе́н сокол.
Это тот ли кобель воспроворкивает,
А ясен сокол как воспросвистывает,
И также богатырь воспрого́ворил ён:
«Я матушку Русьску́ Землю,
А Русьску Землю я наскрозь пройду,
Что ни лучшиих богатырев в полон возьму!»
Это тут его брат крестовыи,
Потык Михайла сын Иванович,
Ён повесил головушку до самой земли:
А идет-то он, сам кручинится,
А идет-то, сам ён печалится.
А стретает его брат тут крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиниц:
«Об чем ты, мой брат, нынь кручинишься,
Об чем ты скоро нынь запечалился?»
Ответ дёржит брату́ крестовому
Потык Михайла сын Иванович:
«Видел бога́тыря престрашнаго,
А сидит бога́тырь на добром кони,
А сидит-то богатырь, сам шатается,
Ладит-то ён Русьску Землю наскрозь пройти,
Нас, бога́тырев, нынь как во полон взимат».
Возго́ворит Добрыня таково слово:

«Поезжай-ко, бога́тырь, поскорёшенько,
Потык Михайла сын Иванович!
Прогони-тко бога́тыря с чиста поля,
Со тою со силою великою,
Со тою со силою неверною!»
Поклонился брат ему крестовыи,
Потык Михайла сын Иванович:
«Я не смею поехать на чисто полё
На этого бога́тыря престрашнаго:
Я этого бога́тыря весьма́ боюсь!»
Это-то Добрынюшка выходит сам
Со того ли шатра полотнянаго:
«Оставляйся, брат ты мой крестовыи,
Стереги, береги ты белой шатёр.
Я поеду, Добрыня, на чисто полё
Пред того ль бога́тыря престрашнаго!»
Выскакивал Добрыня скорым-на́скоро
На тое седелышко окованое,
Взимает палицу военную,
А копьё-то берет долгомерноё,
Поводами коня он призадергивает,
Шпорамы коня подшева́ливаёт.
Никуда как Добрыня не оглянется,
Только смотрит Добрыня во чисто́ полё
На того ли престрашнаго богатыря.
Он наехал Добрыня пред богатыря,
Закрычал-то Добрыня во всю голову,
Колько у Добрыни было го́лоса:
«Что же ты, богатырь, сидишь на кони,
А не стретаешь меня таперь, Добрынюшку?
Надо нам с тобою познакомиться!»
Приздынул ён головки бога́тырь тут,
Сам зговорил таково слово:
«Молодой Добрыня, не поезживай,
А русьской богатырь, не попурхивай,
А будешь в мои́ руки пои́маной,
А вдруг ты будешь приобщи́паной!»
А на то Добрыня не согла́сён был.
Розгорелось ёго сердцо богатырскоё,
Розогнал ён коня как по чисту полю,
Бил коня ён по туцным рёбрам,
А поехал он на ручку он на правую,
Стал бить-рубить он силу тут поганую,

Котора́ стояла при богатыри.
Дока ладился он, богатырь, ладился,
А во ты-пору Добрынюшка прикончил всех:
А убил ён силы поганыи,
А убил ён силы сорок тысяцей.
Сам он говорил таково слово,
Молодой Добрыня Микитиниц:
«Выезжай-ко, богатырь, на чисто на полё,
У мня палица как розмахаласе,
Сила как росходиласе!»
Поехал бога́тырь на чисто полё,
Розъезд-то делали великии.
Съехались на копья на вострыи,
Копья по яблокам срывалисе —
А друг друга оны не ранили.
А съехались они на палицы,
Ай на палицы тыи военныи,
Друг друга тут приударили —
Никоторый которого не ранили.
Третий раз оны съехались
А на тыи на сабли на вострыи —
Отфатил Добрыня богатырю,
Отфатил ён, Добрыня, буйну голову.
Пал тут богатырь со добра коня,
Тот богатырь кончается.
Тут поехал Добрыня к своему шатру,
К своему шатру он ко белому,
А ко брату тому он ко крестовому.
Соходил Добрыня ён с коня добраго,
Становил коня да ён во стойлы-ты,
А во стойлы во тыи лошадиныи.
День-тот за день — как вода́ текет,
А неделя за неделю — как трава ростет,
Прошло того времечку ведь три́ году,
А не видать Добрыни со чиста́ поля.
Стал Владимир тут подхаживать,
Молодую Настасью подговаривать
За его ли за брата за крестоваго,
А за мла́дого Алёшу Поповица.
Ответ держит Настасья Микулична:
«Я исполнила заповедь женскую,
Я исполню ведь заповедь мужскую.
А не будет Добрыня со чиста поля,

А пройдет того времечки-то ведь шесть годов,
Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
Хоть вдовой живу я, хоть замуж пойду,
Я за князя ль пойду, за боярина,
А за сильнаго могучаго богатыря,
Не пойду ль только за брата крестоваго,
А за мла́даго Олёшу Поповица!»
Это день от дни как продолжается,
А ездит Добрыня на чистых на полях.
А проходит-то времечки ведь шесть годов —
А не видать-то Добрыни со чиста поля.
Это стал Владимир ён подхаживать,
Стал ён Настасью подговаривать:
«Ты поди, поди, Настасья Микулична,
А поди топере во замужество,
А за братца поди-ка за крестоваго,
За младаго Алёшу за Поповица!
А я был, Владимир, на чистом поли,
Видел Добрынюшку убитаго,
А лежит убит Добрыня на чистом поли,
А ён ножкамы лежит вдоль дороженки,
Буйной головой лежит во ракитов куст,
А ён ручкамы лежит о сыру́ землю,
Сквозь его ребра травка выросла,
Росцвели цветочки лазуревы!»
Это тут Настасья приодумалась:
«Я не знаю сама своей головушки,
А сама своей головушки поде́вати —
А меня не в честь берут, как не охвотою,
А и силою меня берут, неволею!
А про то ведь Добрынюшка не ведает».
Как тут ведь Настасья просваталась
За того ли за брата за крестоваго,
И за мла́даго Олёшу за Поповица.
А на тую на пору, в тое времячко
А приехал к Добрынюшки бога́тырь нынь,
А на том ли бога́тырь на добро́м кони,
Ай на том ли бога́тырь кована́м седли.
Это тот ли бога́тырь с Золотой Орды,
Да король Земли как он Бухарскии.
Он просит, король Земли Бухарскии,
Выехать Добрыню на чисто́е на полё.
Говорит Добрыня таково слово:

«Молодой бога́тырь Золотой Орды,
Еще король Земли Бухарскии!
А ездишь ты, да не попурхивай,
А будешь ты, курёнок, пои́маной,
А мла́дой бога́тырь ты общипанной!»
Скорым-наскоро Добрыня снаряжается
На своём Добрыня кони доброём
А на том ли Добрыня кована́м седли.
Они съехались на копья на вострыи,
Копья пополам приломилиси —
Друг друга они не ранили.
Ай на тыи на палицы военныи,
Палицы у них сломилиси —
Друг друга они не ранили.
Третий раз оны как тут посъехались —
Оба выпали они со добрых коней.
Стали оны собой таскатися —
Под нима земля как подгибатися.
Розгорелся Добрыня Микитиниц
Своим сердцом он тут богатырскиим,
А фатил короля за желты́ кудри,
Кинул короля ён на сыру́ землю,
Сел королю на белы груди,
Заздынул ён Добрыня саблю вострую —
Во плечи рука тут застояласе.
Стал ён, Добрынюшка, выспрашивать,
Стал ён бога́тыря выведывать:
«Ты скажись, скажись, бога́тырь, со коёй земли,
Как тебя, богатырь, именем зовут,
Как звеличают по отечеству?»
Говорит король ни с упадкою:
«Ах седатый пёс, ты седа́ брада!
Кабы я как был на твоих грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени,
Я не имени тебе бы, ни отечества;
Пластал те груди ведь я белыи,
Вынимал бы сердце со печенью!»
Заздынул Добрыня ручку правую,
Подынул Добрыня саблю вострую
А хотел ён отсечь буйну голову —
Во плечи рука тут застояласе.
Стал ён, Добрынюшка, выспрашивати,
Стал ён, Добрынюшка, выведывати:

«А скажись, молодец, ты богатырь нынь:
С коём земли ты, со коёй орды,
Как молодца именем зовут?»
Говорит король таково слово:
«Я есть ведь богатырь Золотой Орды,
Я король Земли я есть Бухарскии!»
А взимал Добрыня за белы руки,
Отдымал Добрыня от сырой земли,
Поставил Добрыня на резвы́ ноги,
Говорит Добрыня таково слово:
«А садись-ко, бога́тырь, на добра коня,
Поезжай-ко, бога́тырь, во свою землю,
Во свою землю, да Золоту Орду.
Подарю тебе колечко подзоло́ченое,
А свези-тко теперь да своей матушки,
Дорогой свези топеричу подарочок,
А еще свези ты челом-битьице!»
Это сел тут король Земли Бухарскии —
А поехал король-тот во свою землю.
А поехал Добрыня во белы́ шатры,
А лёг-то спать как Добрынюшка
А при тыих при латах богатырскиих.
А поехал король, тут приодумался:
«А честь-хвала мне молодецкая
А съехать мне-ка во свою землю,
Во славную мою Золоту Орду,
Свезти матушке своёй мне низкой поклон,
Дорогие свезти мне-ка подарочки?
Станут люди все мне смеятися,
Будут звать меня как заугольниим,
Будут звать меня как беззаконныим!»
Поворот держал богатырь со дороженки.
Приезжает богатырь ко белу шатру,
Заздынул богатырь саблю вострую,
Он ударил Добрыню по бело́й шеи.
Вострая сабля не за́брала —
Прокатилась она со бело́й шеи,
Докатилася она до резвыих ног.
Тут Добрыня испужался есть:
От крепкаго сну он пробуждается,
Восстал ён, Добрыня, на резвы́ ноги,
Взимал короля ён за желты кудри,
А здымал короля да от земли́ сырой,

Кинул короля о сыру́ землю —
Придал королю смерть-ту скорую:
«От кого ты, чадо, ты зачато было,
От кого ты, чадо, ведь посеяно,
От того ты, чадо, нынь кончайся-тко!»
Это тут у князя у Владимира
А пошол он начался почестной пир —
Это иде́т Настасья во замужество
Ай за мла́дого Олёшу Поповица,
За его за брата за крестоваго.
А на тую пору, в тое времячко
Налетал тут голуб со голубкою,
А садился голуб на белой шатёр.
Полетает голу́б в каменну́ Москву,
Оставляет голубку на белом шатру.
Зговорит голубка голубочику:
«Не останусь, голубка, на белом шатру.
Полечу с тобой, голубка, в каменну́ Москву.
Как нынечу-таперичу
А уехал Добрыня на чисты́ поля,
А оставил Настасью во Киёви,
А прошло того времечки ведь шесть годов,
А нынь Настасья-то замуж пошла,
Не за князя пошла, за боярина,
Не за сильнаго могучаго богатыря,
Пошла столько Настасья Микулична
А за братца его за крестоваго,
Ай за мла́да Алёшу за Поповица!»
Это тут Добры́ня догодается,
На своих коней скоро сбираются,
Они сели с товарищом, поехали
Ко тому ли князю ко Владимиру,
Ко братцу тому ли ко крестовому,
Ко мла́дому Алёши ко Поповицу,
Ко ему топерь на почестной пир.
Подъехали оны тут ко Киёву,
Розлагали-росседлали коней добрыих,
А спустили коней да во чисты́ поля.
А приходит Добрыня во свой тот дом
Ко родители ко той ли ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Александровной:
Сам ён во платьи во дорожноём.
Это тут вдова как перепаласе,

Крепко вдова испугаласе.
Говорит Добрыня таково слово:
«Ты послухай, честна вдова Офимья Александровна!
Накорми меня теперь со дороженки,
Поднеси мне-ка чару зелёнаго вина,
Это другу поднеси мне пива пьянаго,
Третью поднеси мне меду сладкаго!»
Это тут его узнала родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна.
А зговорит Добрыня таково слово:
«А где моя нынь молода жена,
Где моя теперь любима семья,
Молода Настасья Микулична?» —
«А твоя теперь молода жена,
А твоя теперь да любима семья,
Она теперь да замуж пошла.
А не за князя идет ведь, за боярина,
Не за сильнаго могучаго богатыря —
Берут ю за брата за крестоваго,
А за млада Олёшеньку Поповица.
А не в честь берут ю, не охвотушкой,
Ай силою берут ю неволюшкой!»
Сокрутился Добрынюшка Микитиниц
А во тыи во платья каличьии,
Взял в руки гуселка яровчатыи,
И пошол ведь он тут на почестной пир
Ко тому ён князю ко Владимиру,
Ко младому́ Олёши ко Поповицу.
Приходит ён тут во высокой дом,
Он проходит во гридню столовую,
Где сидят там князи ведь, бояра,
А и сильны могучи тут бога́тыря,
Где сидит князь тут моло́дыи,
А Алёшенька тут Поповиниц,
Подли его сидит тут Настасья Микулична.
Говорит калика таково слово:
«Ах же ты, Владимир столен-киёвской!
Дай-ко калики теперь мистечко
А на тую на печку муравленую!»
А тут ёму дали ведь ми́стечко
А на той ли на печки муравленыи,
Сел тут калика, слово вымолвил:
«Ах же ты, Владимир столен-киёвской!

Позволь-ко калики заиграть топерь,
А позволь-ко, Владимир, заиграть-то мне,
Как мне-ка, калики, во гуселышка,
А во тыи ли во гусли яровчатыи!»
Заиграла калика в гуселышка,
Во тыи во гусли яровчатыи,
Тонцы повел от Нова города,
Другие повел от Царя-города.
Это тут Владимир здогодается:
«Выходи-ко, калика, со за́печья,
А садись-ко, калика, за дубовый стол,
Супротив князя топерь моло́даго,
Супротиво княгины Опраксии,
Молодой Настасьи Микуличной!»
Го́ворит калика таково слово:
«Ах же ты, Владимир столен-киёвской!
А налей-ко калики ты ведь чару нынь,
Чару наливай умере́нную!»
Это тут Владимир догадается,
Наливал ему чару зелёнаго вина́,
Другу наливал тут пива пьянаго,
Третью наливал ён меду сладкаго.
Это тут у калики розгорелосе
Сердце его как богатырское:
«А позволь-ко, Владимир столен-киёвской!
А налить мне нынь чару зелёна вина,
Поднести ведь нынь молодой Настасьи Микуличной». —
«Наливай-ко, калика, как ты знаешь нынь!»
Наливал калика, приговаривал,
Спускал туда перстень именитыя,
Коим пе́рстнём обручалися,
Подносил молодой княгини Микуличной,
Сам подносит, выговариват:
«Прими-тко нынь ты, Настасья Микулична,
Прими-тко нынь от калики зелена вина,
Принимай, Настасья, единой рукой,
Выпивай, Настасья, единым духом.
Пьешь, Настасья, ведь нынь до дна —
Увидашь, Настасья, себе добра!»
Принимала Настасья единой рукой,
Выпивала Настасья единым духом.
Она пила чару, оглядела тут
Спущоный перстень именитыя,

Коим перстнём обручалися.
Скочила ⟨и⟩з-за столов ⟨и⟩за-за дубовыих,
⟨И⟩з-за тыих ⟨и⟩з-за естов ⟨из⟩-за сахарниих:
«Ах же вы, князи, вы, бóяра,
Сильни могучи вси богатыри!
А не тот ведь муж, кой подли меня,
А тот мой муж да супротив меня!
Прости-ко, Добрынюшка Микитиниц,
Муж ты мой, Богом суждéныи,
А жених ты мой как обручéныи,
Не дивуй-ко ты разуму женскому,
Подивуй-ко ты разуму мужскому:
А не честью-то берут меня, охвотою —
Силою берут меня, неволею!»
Это тут Добрыня росходился сам,
Сам говорил таково слово:
«Не дивую я разуму-то женскому —
Подивую я разуму мужскому:
А честны заветы исполнила.
Не приехал Добрыня со чиста поля,
Не приехал я, Добрыня, ровно трú году,
Не приехал Добрыня ровно шесть годов,
Пала весточка ко мне нерадостна —
Я топерь приехал ко Киёву,
Ко ласкову князю ко Владимиру!
Ах ты, Владимир столен-киёвской!
Что ты, Владимир, топерь делаешь?
От жива мужа как ты жену берешь!»
Подходит нынь Добрыня Микитиниц
А ко брату тому ко крестовому,
А к Олёши тому ко Поповицу:
«А на что ты, брат мой крестовыи,
А берешь мою нынь молоду жену,
Молоду Настасью Микуличну?»
А взимал ён Олёшу за желты кудри,
А кидал ён Олёшу о кирпичной мост —
Попридал Олёше смерть-ту скорую.
Стал Добрынюшка похаживать,
С ноги нá ногу Добрынюшка поступывать,
Зычным голосом по терему поваживать:
«Ах же князú, видно, бóяра,
А вы сильни могучи богáтыри,
Ай ты, наш Владимир, на что нынь укинулись?

34 Зак. 3948

Делаете дело нехорошее!»
Это тут бояра перепалися,
Со того пиру как розбегалися.
Говорит Добрыня таково слово:
«Ах же, Владимир столен-киёвской!
Я служил тебе как верой-правдою,
А ты ведь сделал дело доброё:
Молоду Настасью Микуличну
А силою берешь ты великою!
Ты прощай меня нынь-ка, Владимир-князь!»
Взял Настасью за белы руки,
Повёл Настасью во свой он дом.
Это тут Добрыня наживается,
А история-речь тым кончается.

№ 84

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Ай во стольноём во городе во Киеви,
Ай у солнышко ведь князя у Владимира,
Собираются да соезжаются,
Соезжается да как почестный пир,
На царев-царев да на царевичов,
Ай на королей-королей на королевичев,
Как на сильных на могучих на богатырёв,
Как на тех ли поляниц-вельмож да на удалыих.
Говорит тут солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской:
«Ай уж вы князи́, князи, уж вы боярины,
Уж вы сильнии могучии бога́тыри!
Вы поедьте-тко да по иным землям,
Вы сберите-тко да дани-пошлины,
Вы за стары годы да за нынешний,
Уж за тыи годы, за двенадцать лет!»
Как большой туляется за средняго,
Как средне́й туляется за меньшаго,
Как от ме́ньшаго, от бедного, ответу нет.
Ай из-за́ того стола из-за дубового,
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Говорил ведь ён да такого слово:

«Уж ты солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимирской да стольнё-киевской!
Я могу поехать по иным землям,
Я могу собрать да дани-пошлины,
Я за стары годы, я за нынешний,
Я за тыи годы, за двенадцать лет!»
Говорит тут князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской:
«Ай, молодой Добрыня сын Микитинич!
За твою услугу за великую,
Города те дам я с пригородкамы,
Я села те дам да со приселкамы,
Золота казна — незатворе́ная».
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Ён пошел ведь ён да со честна пира
Во свою полату белокаменну,
Ён садился на ременчат стул,
Обувал сапожки ён козловыи,
Ён черна козла да ведь заморскаго,
Одевал ён шубу соболиную,
Ён того ли черна соболя заморскаго,
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитич,
Выходил ведь ён да на широкий двор.
Ён идёт на стойлу лошадиную,
Выбирал добра коня не езжена,
Налагал уздицу ён шелковую,
Ён из чиста шолку шемаханскаго.
Ён ведь потнички на потнички накладывал,
Войлочки на войлочки, седелышко черкаско окованое,
Ён подпруг кладае до двенадцати,
Ен тринадцату натягивал продольнюю,
Как не для ради красы-басы, угожества —
Для такой укрепы богатырскии.
Подпруга́ из чиста шолку шемаханского,
Стремёна́ железа есть булатняго,
Еще пряжки меди-ты казанскии.
Шемаханской шолк не трется да не держится,
А булат-железо-то не ломится,
А казанска медь-та не заржа́веё.
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Ен ведь брал ведь сбрую всю ён лыцарску,

Ен таку ли сбрую богатырскую:
Во-первых, берет да он ведь вострой меч,
Во-других, берет да он ведь тугой лук,
Ен, во-третьих, палицу булатнюю.
Ен ведь вострой меч берет под пазуху,
Ен ведь тугой лук да на плече́ кладал,
Ен ведь палицу булатню-ту в кольцо кладал.
Как садился уда́лой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
На того ли бурушка-косматушка,
Приходила его родитель-матушка,
Как честна вдова Елена Тимофеевна.
Говорит ена́ да таково слово:
«Уж ты чадо, чадо моё ми́лоё,
Ты, дитя, дитя моё любимоё,
Молодой Добрыня сын Микитинич!
Отправляешься ты, вооружаешься,
Ты во да́лечо-дале́чо по иным землям,
Ты сбирать, сбирать как дани-пошлины,
За стары годы да за нынешний,
Как за тыи годы, за двенадцать лет».
Во-вторых, пришла да молода жена,
Молода жена Настасья да Викулична.
Говорит Добрынюшка, наказывал:
«Ай молода жена Настасьюшка Викулично!
Если год не буду — жди ведь два году,
Если два не буду — жди ведь три году,
Если три не буду — жди ведь шесть годов.
Если шесть не буду — жди двенадцать лет,
Если двенадцать лет не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди.
За царя поди, ли за царевича,
За короля поди, за королевича,
Ли за сильняго за храбраго могучаго за воина,
Не ходи за вора за Алёшеньку Поповица:
Вот Алёшка мне крестовый брат!»
Как видали добра молодца что сядучись,
Не видали добра молодца поедучись.
Как по тым степям да по саратовским
Одна куревка да завивается
С горы на гору да с долы на долу.
Ай конь реки ён, озера перескакивал,
А ён мхи-ты да болота промеж ног пущал,

Ён сини моря тыи кругом бежал.
А как день тут за день — как вода текё,
Как неделя за неделю — как трава ростё.
Как прошло-то тому времечки да чельный год —
Не видать Добрыни из чиста поля.
Как прошло-то времечки тут два году,
На проходи времечки тут три году,
Как прошло времечки тут шесть годов,
На проходи времечки двенадцать лет.
Еще стал тут вор Алёшенька подхаживать
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной.
«Ай ты честна вдова Настасья да Викулична,
Ты поди-иди за мня да во замужество,
За меня, Олёшу, за Поповича.
Я вечо́р ведь ездил по чисту полю,
А на том ли поли да на лыцарском,
Как видал: Добрынюшка убит лежит,
Головой лежит да ко синю́ морю,
Ай ноги́ резвыи о ракитов куст.
Сквозь его раны́ да сквозь кровавыи
Прорасла трава да росшелковая,
Росцвели цветы да все лазуревы».
Говорит Настасья таково слово:
«Вор Алёшенька да ты Попович-от!
Не бывал вечор ты во чистом поли,
Как ходил с собаками на задворках!»
Это слово ему не показалосе,
Не казалось слово, не слюбилосе.
Как идет Алёша прям на царской двор,
Говорит Алёша таково слово:
«Уж ты солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской!
Ты послушай, князь, да что те я скажу:
Сочини указы государевы —
Не держать удовки в гради в Киеви
Еще той Настасьи да Викуличной.
Нехорошими словами меня озвала,
Что я не был вечор да во чистом поли,
Я на том ли поли да на лыцарском,
Что ходил с собакамы по задворкам!»
По Алёшеньки да вси ручаются,
Еще сильнии могучии богатыри,
Ай вельможи-поляницы да удалыи,

Ены прося солнышка да князя да Владимера
Сочинить указ да государевой:
Не держать удовки в гради в Киеви,
Еще той Настасьи да Викуличной.
Еще солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской,
Приказал указы сочинить ён строгии —
Не держать удовки в гради в Киеви.
Приходил Алёшенька Попович-от
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной,
Говорил Алёша таково слово:
«Ай ты честна вдова Настасья да Викулична!
Если в честь идёшь — так я те в честь возьму,
Если в честь не йдёшь — так я не в честь возьму:
Красота твоя мне приглянуласе.
Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
За меня, Алёшу, за Поповича —
Как должна итти да с града с Киева.
Сочинен указ да госуда́ревы:
Не держать удовки в гради в Киеви».
Как честна вдова Настасья да Викулична,
Как пошла ена да во замужество,
За того Алёшу за Поповича.
Как во стольнём городи во Киеви,
Как во Киеви да был почестной пир.
Как на том пиру да на почестноем,
Там цари съезжалисе царевичи,
Короли съезжались королевичи,
Там ведь сильнии могучии богатыри,
Как вельможи, поляницы да удалыи.
Ай молодой Добрыня сын Микитинич —
Ён съезжает с земли, с земли с Датскии,
Выезжал ведь ён да на чисто полё,
Ён роздернул шате́р белополотняной,
Насыпал коню пшена ён белоярова,
Ён зашел в шате́р белополотняной.
Вкруг бела шатра да его доброй конь,
Его добрый конь кругом похаживат —
Ён не ест пшена да белоярова,
Ён ведь бил ногамы о сыру землю —
Еще мать-земля стала́ продрагивать.
Выходил Добрыня из бела шатра,
Ён ведь взял ведь палицу булатнюю,

Ен ведь бьет коня да по тучным ребрам,
Ен ведь бьет коня, сам приговаривал:
«Уж ты, волчья сыть да травяной мешок!»
Как за тым шатром белополотняным
Говорит Добрыни, добру молодцу:
«Ай молодой Добрыня сын Микитинич!
Ты не бей-ко бурушка-косматушка,
Ты садись на бурушка-косматушка,
Поезжай-ко ты во стольнёй Киев-град.
Как во том ли городи во Киеви,
Как во Киеви да там почестной пир.
Там цари съезжаются чаревичи,
Короли съезжались королевичи,
Уж там сильнии могучи храбры лыцари,
Там вельможи, поляницы да удалыи.
Как твоя теперь да молода жена,
Молода жена да любима семья,
Как пошла ёна да во замужество,
Не за царя ёна, не за царевича,
А не за короля ена, за королевича,
Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря —
За того Олёша за Поповича!»
Ай молодой Добрыня сын Микитинич,
Ён садился на Бурушка-косматушка,
Поезжал ведь ён да во стольнёй Киев-град,
Приезжал к полаты белокаменной,
Ён во том ли городи во Киёви
Становился к окошечку косивчату
Ен на том ли Бурушки-косматушки.
Закричал Добрыня громким голосом:
«Ай во моей полаты белокаменной
Еще есть родитель моя матушка во живностях?»
Как честна вдова Елена Тимофеевна,
Как сидит старуха старо-материа,
На печи-печи да у печна столба.
Услыхала старуха старо-материа
Ёна громкий голос богатырскии.
Сопущается из печенки муравленой
Ко тому окошечку косивчату —
Увидала сына да любимаго,
Молода Добрынюшку Микитича.
Как скочила ена да на широкий двор,
Отворят воротца да широкии,

Заезжал Добрыня на широкой двор,
Говорил Добрыня, доброй молодец:
«Ай ты родитель моя матушка,
Честна вдова Елена Тимофеевна!
Еще где моя да молода жена,
Молода жена Настасья да Викулична?»
«Уж ты чадо, чадо моё милоё,
Ты дитя, дитя моё любимоё,
Молодой Добрыня сын Микитинич!
Как твоя теперь да молода жена,
Молода жена да любима́ семья,
Как пошла ёна да во замужество
Не за царя ёна, не за царевича,
Не за короля ёна, за королевича,
Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря —
За того ли за Олёшеньку Поповица!» —
«Ай ты родитель моя матушка,
Честна вдова Елена Тимофеевна!
Принеси мне платье скоморошноё,
Принеси гусёлышка яровчаты —
Как пойдет Добрыня на почестный пир!»
Принесла ведь платье скоморошноё,
Принесла гусёлышка яровчаты —
Как пошол Добрыня на почестный пир.
Ён иде в полаты белокаменны,
Ен во тыи гридни во столовыи,
Ай ён крест кладет сам по-писаному,
Ен поклон веде сам по-учёному:
Ён на вси четыре да на стороны,
Ай царю с царицей да в особину.
Говорит удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич:
«Уж ты солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской.
Ты послушай, князь, да что я те скажу:
Отведи-ка мне-ка нынь ведь мистечко,
Мне, моло́дому теперь гусельщику!»
Говорит тут солнце-князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской:
«Ай молодо́й-моло́дыи гусельщичок!
Еще вси места да попризаняты,
У моло́дыих да у гусельщиков
Только мистечка да на печи́-печи,

На печи-печи, на печном столби».
Как ставал Добрыня, добрый молодец,
Ён на тую печенку муравлену,
Ён садился, удалый доброй молодец,
Ён садился тут да на печной-от столб,
Ён ведь начал гуселка́ налаживать,
Ён ведь начал струночки натягивать.
Ён перву наладил — с града с Киева,
Ён другу наладил — из Чернигова,
Ён ведь третьюю — из каменно́й Москвы.
Ён ведь начал гуселка́ поигрывать —
Как дивилися цари, цари, царевичи,
Короли дивились, королевичи,
Уж как сильнии могучии богатыри,
Как вельможи, поляницы да удалыи:
Еще не было моло́дого гусельщика
Супротив Добрынюшки Микитица;
Ай находится моло́дыи гусельщичок,
Ён не хуже да Добрыни, добра молодца.
Ён ведь волосом да ён ведь возрастом,
Красотой ведь ён да всем угожеством
Как не хуже Добрынюшки Микитица!
Говорит тут солнце-князь да князь владимирской,
Князь владимирской да стольне-киевской:
«Ай молодо́й-моло́дыи гусельщичок!
Сопущайся-ко да из печна столба,
Как из той из печенки муравленой.
Еще перво местечко — подле́ меня,
Еще друго место — супроти́в меня,
Еще третье место — супроти́в княгины да моло́дыи,
Супротив Настасьюшки Викуличной!»
Молодо́й-молодый гусельщичок,
Ай садился ён да осередь стола,
Ён на ту скамеёчку кленовую,
Супротив княгины да молодыи,
Супротив Настасьи да Викуличной.
Наливали чару зелена вина,
Подносили моло́дому гусельщику,
Принимал ён чару единой рукой,
Выпивал ён чару на единой здох.
Говорит моло́дыи гусельщичок:
«Уж ты солнце-князь да князь владимирской,
Князь владимирской да стольнё-киевской,

Ты послушай, князь, да что те я скажу:
Как позволь-ко на́лить чару зелена вина,
А ведь тую чару, кою я ведь пил,
Поднести княгины да молодыи,
Еще той Настасьюшки Викуличной!» —
«Ай молодой-молодыи гусельщичок!
Ай наливай-ко чару зелена вина,
Ай подноси княгины да молодыи,
Еще той Настасьи да Викуличной!»
Наливал ён чару зелена вина,
Ён спущал туда да именно́й перстень,
Как которым перстнем обручалисе
А со той Настасьей да Викуличной.
Подносил ведь чару, приговаривал:
«Ай молода́-моло́дая Настасья да Викулична!
Если пьешь до дна, дак увидашь добра,
Ай не пьешь до дна, дак не видать добра!»
Принимала чару единой рукой,
Выпивала чару на единой здох —
Увидала перстень золоченыи.
Как увидла перстень золоченыи,
Как которым перстнем обручалисе
Ай со тым Добрынюшкой Микитицом,
Положила перстень е́на на́ руку.
«Уж ты солнце-князь да князь владимирской,
Князь владимирской да стольне-киевской!
Ты послушай, князь, да что те я скажу:
А не тот мой муж, кой нынь подле́ меня,
Еще тот мой муж, кой супротив меня,
Как на той скамеечки кленовыи!»
Как пошла из-за стола из-за дубоваго
Как ко той скамеечки ко кленовыи,
Как к тому Добрынюшки Микитичу.
Розгорелось сердце богатырскоё:
Как ставал Добрыня на резвы ноги,
Ён взимал Алёшу за желты кудри,
Ён кидал Алёшу о кирпичной пол —
А ён пнул Алёшеньку под лавочку.
Как под ла́вицей Алёша выговаривал:
«Еще всякой-от дурак на свете женится,
Как не всякому женидьба удавается!
Удаваласе женитьба трем богатырям:
Еще старому казачку да Ильи Муромцу,

Ай молоду Добрынюшки Микитицу,
Ай молоду Чурилы щапы Пленковицу!»

№ 85

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Во славноём было городи во Киеви,
Ай у ласкова князя Владимира,
Собирается у князя почестен пир.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру наедалисе,
Вси ли на пиру пьяны-веселы,
А вси ли на пиру поросфастались:
Умный фастат отцем-матерью
Безумной фастат молодой женой,
Глупой фастат добрыим конём.
Ай сидит тут Добрынюшка Микитинич —
Не ест он, не пьет и не кушаёт,
Белой лебёдушки не рушает:
Над собой он думушку думаёт.
Говорит солнышко князь столно-киевской:
«А чего же ты сидишь позадумался,
Хлеба ты, соли не кушаёшь,
Белой лебёдушки не рушаёшь,
Не пьёшь ты чары зелена вина?»
И говорит князь столно-киевской:
«Ай же вы, русские богатыри!
Во-первы́их, казак Илья Муромец,
Во-другúих, Добрынюшка Микитинич!
Вы берите злачéныи жéребьи:
Кому ехать в путь богатырскую,
Во тую в дороженку широкую,
Не за три ста — за три тысячи,
Выправляти дани-выходы за двенадцать лет
Во тыи Индеи во богатыи.
Не вамы были дани запущены,
Только вамы будут дани взысканы!»
Ай тут Добрынюшка поросплакался,
Своей матушки порозжалился:
«Уж ты, свет, добра да мóя матушка!
На что Добрынюшку спородила,

Сильняго Добрынюшку не сильняго,
Ростом его не высокаго,
Красотою его не красивого,
Ай богачеством не богатого.
Лучше родила б, моя матушка,
Серыим горючиим камешком,
Завертела во тонко полотенышко,
Ставала на гору высокую,
Розмахала Добрыню — в море бросила.
А лежал бы Добрынюшка в синём мори,
Не ездил Добрыня по Святой Руси,
Не проливал бы крови християньскии,
Не вдовил Добрыня молодыих жон,
Не сиротали б малыя деточки!»
И получает несчастныя жеребей,
Говорит он казаку Илью Муромцу:
«Я поезжаю в путь богатырскую».
И говорит Добрынюшка Микитинич:
«Уж ты, свет, добра да моя матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Только нет у молодца добра коня,
Нету сбруюшки богатырскии,
Всих успехов богатырских».
Отвечает добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сын Микитинич!
Поди на конюшню стоялую,
А на другу поди ты на конную,
Выбирай добра коня учёнаго.
Буде тут тебе не прилюбится,
Отпускайся в погрёбы глубоки:
Стоит добрыи конь богатырскии
На двенадцати цепочках серебряных,
На двенадцати тонкиих поводах,
На тыих ли на поводах шелковыих,
А не нашего шолку — шемаханского.
Там есть сбруя богатырская,
Вси успехи молодецкии».
Только Добрынюшка спрашивал —
Скочил Добрыня на резвы ноги,
⟨И⟩з-за того ⟨из-⟩за столика дубоваго,
Бежал на конюшню стоялую.
Тут ему не слюбилосе,
Перешол на конюшенку на конную —

Нет добра коня по разуму.
Опустился в погребы́ глубокии —
Увидел коня он добраго,
Он валился коню во праву ногу:
«Уж ты, добрый конь богатырскии!
Служил конь и батюшку,
Служил добрый конь дедушку,
Послужи-тко Добрыни Микитичу
Во тыи́ пути́ богатырски!»
Стал добра коня отка́ивать,
Стал добра коня отвязывать,
Кладывал он седелышко черкальское.
Сам он себя стал окольчуживать.
Обувал он сапожки сафьянные:
Окол носика яйцё кати,
Ай под пяточки воробей лети!
В каблучках были шпильки серебряны,
Шляпочки позолочены,
Не ради красы-басы молодецкии —
Ради крепости богатырскии.
Одевал он лату богатырскую,
Не грузну́ю лату — в девяносто пуд.
Одевал он платьицо цветное,
Кладывал он шляпу пуховую,
Не грузну́ю шляпу — во двенадцать пуд.
Кладывал он праву́ ногу во стремено,
Во тое ли стремено булатнёё,
Скочил Добрыня легче заюшка,
Повернулся кручее горносталюшка,
Садился во седелышко черкасское,
Приезжал он к полаты белокаменной,
Ко своéй ко матушки ко родныи,
Ко честной вдове Намельфе Тимофеевной.
Говорит Добрыня таково слово:
«Дай-ко прощеньицо родительско,
Мне-ка ехать в путь богатырскую!»
Свет добра́ да éго матушка,
Полагае крест благословленныи,
Отправляе в путь богатырскую.
Стоит молода жена Настасья Микулична,
Говорит Настасья Микулична:
«Ай же Добрынюшка Микитинич!
Позжаешь ты в путь богатырскую,

Когда ждать тебя со чи́ста поля?»
Отвечаё Добрыня Микитинич:
«Ждите Добрынюшку три года.
Не приеде Добрынюшка три года —
Еще ждите Добрынюшку три года.
Не приеде Добрыня через шесть годов —
Еще ждите Добрынюшку три года,
Пройде времечки всего девять лет».
И говорит-то Настасьи Никуличной:
«Аль вдовой живи, аль хоть замуж поди,
И за того поди, хоть за и́ннаго,
За вора́ ходи, хоть за разбойничка —
Не ходи за моего за брата крестоваго,
За смелаго Алёшу Поповича,
За девочьяго за насмешника!»
Поезжал Добрынюшка в чисто́ полё:
Аль не пыль в поли запылается —
От земли пески поднималися,
Одна куревка поку́рила —
Поезжал Добрыня во чисто́ полё.
Вид'ли молодца сядучись,
А не вид'ли удалаго поедучись.
Прошло тому времени три года —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
Тут ходя старухи-кошельницы,
Они вести носят недобрыи:
«Нету Добрынюшки во живности,
Убит Добрыня во чистом поли,
Лежит Добрыня о Почай-реку,
Ай ногамы лежит во Почай-реку,
Кудрями лежит в част ракитов куст,
Малолесны птички гнезда спо́вили
Во Добрыниных во желтых кудрях!»
Тому старуха не верила:
«Молода Настасья Микулична!
Подождём еще времечки три года!»
Прошло того времечки шесть годов —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
Приезжает Олёшенька, поповский сын,
Со да́леча-далеча со чиста поля,
Прямо к доброй-то его матушки,
Молодой жены Настасьи Микуличной.
Говорит добра да его матушка:

«Где ты был, Олёшенька, поповской сын?»
Отвечает Олёшенька, поповской сын:
«Уж я был во да́лечи-дале́чи во чистом поли». —
«Не видал ли Добрыни Микитича?»
Отвечает Олёшенька, поповской сын:
«Уж я видел Добрыню во чистом поли,
Видел Добрыню убитаго.
Лежит Добрыня о Почай-реку,
Нога́мы лежит во Почай-реку,
Ку́дрями лежит в част ракитов куст,
Малолесны птички гнезда спо́вили
Во Добрыниных во желтых кудрях».
Говорит Настасья Микулична,
Говорит она Олёши Поповичу:
«Не был ты, Олёша, во чистом поли,
Не видал ты Добрыни убитаго,
А был ты с собакамы на задворки!»
Олёши слова не слюбилисе,
Идёт он с обидою великою
Прямо к князю Владимиру:
«Уж ты солнышко князь столно-киевской!
Пособи-тко мне думы думати.
Надо мной удовка насмеяласе,
Молодая Настасья Микулична,
Не могу на ёй сосвататься.
Возьми меня во служители,
Возьми меня в сторожители —
Буду служить верой-правдой!»
Говорит князь столно-киевской:
«Ай же ты, Олёшенька, поповской сын!
Сделам указы мы грозныи
По первому по городу по Киеву,
По дру́гому городу Чернигову,
По тре́тьему городу Смолягину:
Не держать бы жон безмужниих,
Не держать удовок беспашпортниих.
Пошлю стражов немило́сливых,
Чтобы гнали со перваго города,
Со перваго города Киева,
Со дру́га гнали Чернигова,
Со третьёго со Смолягина!»
Как шли стражи немило́сливы —
Выгнали с перваго города Киева,

Выгнали с дру́гаго Чернигова,
Выгнали с тре́тьяго Смолягина
Всих удовок безмужниих.
Идут с обидой великою
Ко той Добрыниной матушки,
Идут к Настасьи Микуличной:
«Уж ты свет Настасья Микулична!
Поди за Олёшу во замужество.
Не подёшь за Олёшу во замужество —
Изгонят тебя вон из города!»
Говорит Настасья Микулична:
«Я пору́шаю мужнюю заповедь».
Пожалела удовок безмужниих,
Пожалела вдовиц беспашпортниих,
Не охвотою шла во замужество —
По неволе пошла во замужество.
Во далечи во чистом поли,
Не за́ три ста — за три тысячи,
Спит Добрыня во белом шатри.
Стоит добрый конь у бела шатра,
Он копытом бьёт о сыру землю.
Под шатром земля сколыбаласе,
Во реки вода зазыбаласе —
Скочил Добрыня на резвы ноги
От крепка сну богатырскаго.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
«Ай же добрый конь богатырскии!
Не во вре́мя будишь русскаго бога́тыря!»
Отвечает конь по-человечьёму:
«Ай же Добрынюшка Микитинич!
Ты не знашь незгоды великии:
Твоя жена Настасья Никулична —
Пошла она во замужество,
Не охотою — по неволюшки,
За смелаго Олёшу Поповича.
Вчерасе было рукобитьицо,
Сегодня у них столованьицо!»
Только Добрынюшка спрашивал.
Садился на добра коня учёнаго,
Бьёт коня плёткой шелковою,
Бьет коня по тучны́м бедрам.
Стал его добрый конь поскакивать:
Скоки давать с горы на́ гору,

Мелки источники в шах берёт.
Приезжае к славному городу ко Киеву,
Ко своёй полаты белокаменной.
Становился к косивчату окошечку,
Закричал он гласом богатырскиим:
«Ай же добра да моя матушка,
Есть ли честна вдова во живности?
Отворяй-ко широки воротечка,
Запусти Добрыню Микитича!»
Отвечает старуха таково слово:
«Отойдите, голи кабацкии!
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не досуг бы вам насмехатисе,
Надо мной, старухой, пролыгатисе».
Говорит Добрыня во второй након:
«Уж ты свет добра да моя матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Опустись ты со печки муравленой,
Ты садись на скамейку хрусталнюю,
Ты гляди в окошко стекольчато —
Тут сидит Добрыня на добром кони!»
Свет добра да его матушка
Садила́сь на скамейку хрустальнюю,
Глядела в околенку стекольчату.
Только взяла дубину подорожную,
Не грузную дубину — в девяносто пуд.
Говорила старуха таково слово:
«Ай удалый добрый молодец!
Не такой Добрынюшка отпущен он
Во тую ли путь богатырскую,
Во тую поездку молодецкую:
Его личико было белоё,
Платьице на нём цветноё,
Сапожки на ножках сафьянныи,
Шляпа была пуховая».
Отвечает Добрыня Микитинич:
«Уж ты свет добра моя матушка!
Во тыи́ пути богатырскии,
Сапожки о стре́мена вытерло,
Цветное платьице сдёржано,
Пухову шляпу дождями повы́секло,
Личико жарами зажарило!»
Говорит добра да его матушка:

35 Зак. 3948

«Будет сидит тут Добрынюшка Микитинич
На своем кони богатырскоём,
Дак подашь ты крест благословленныи».
Тут Добрыня Микитинич
Подавае крест благословленыи
Свет доброй да своёй матушки.
Получала крест благословленныи,
С которым спустила во чисто́ поле,
Тут она срадова́ласе:
Скоро побежала на широк двор,
Отворяла воротца широкии,
Запустила Добрыню Микитича.
Тут скочил Добрыня со добра коня.
Говорит добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сын Микитинич!
Как твоя молода жена,
Пошла ёна во замужество
Не охвотою — по неволюшки,
За смелаго Олёшу Поповича».
Тольки Добрынюшка спрашивал.
Спустил коня на свою волю,
Сам бежал в полату белокаменну,
Обувал он сапожки сафьянныи
Надевал он платьицо цветное,
Кладывал он шляпу пуховую,
Берёт он гусёлушка яровчаты,
Берёт он напиток подорожныих
Во право́й корман, во левой корман,
Берёт он дубину подорожную,
Не грузну́ дубину — в девяносто пуд,
Прямо пошол на почестен пир.
Тут у солнышка князя Владимира
Поставлены стражи́ немило́стливы,
Сильнии могучии богатыри —
Не ходить никому на почестен пир;
Не пущают Добрыни на почестен пир.
У Добрыни сердце разгорелосе,
Он махнул дубиной подорожною —
Убил он сильниих богатырей.
Прямо идёт на почестен пир,
Во тую полату гряновитую,
К этыим ко столикам дубовыим,
Сам говорит таково слово:

«Уж ты, солнышко князь стольно-киевской!
Нет ли места немношечко
Поприсесть удалому молодчу?»
Отвечаё князь столно-киевской:
«Вси места попризаняты!»
Угледел он места немношечко
На тыи на печки муравленой.
Скочил Добрыня лекче заюшка
На тую на печку муравлену,
Заиграл он в гусёлушка яровчаты —
Вси на пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулисе,
Скочит князь на резвы ноги,
Сам говорит таково слово:
«Ай скоморошина удалая!
Опустись-ко со печки муравленой.
Первое место — подле́ меня,
А друго́е те место — возле́ меня,
Тре́тьёё место — где слюбится!»
Отвечает Добрынюшка Микитинич:
«Уж ты, солнышко Владимир столно-киевской!
Не спрашивай у холоднаго,
Не спрашивай у голоднаго:
Спешись-ко молодца кормить-поить,
Потом удалого спрашивать!»
Приносили чару зелена вина,
Не большую чару — полтора ведра.
Принимал Добрыня единой рукой,
Выпивал Добрыня на единой дух,
Сам говорит таково слово:
«Солнышко князь столно-киевской!
Позволь поднести чару зелена вина
(У меня есть напитков подорожных!),
Поднести мне князю со княгиною:
Первую — Настасьи Никуличной,
А вторую — Алёши Поповичу».
Наливает чару зелена вина,
Не большую чару — полтора ведра,
На вес-то чара — полтора пуда,
Кладывает он перстень злачеными,
Сам говорит таково слово:
«Уж ты пей, Настасья Микулична!
Пей-ко чарочку зелена вина,
Пей-ко чарочку да всю до дна.

Как пьешь до дна — увидашь добра,
Не пьешь до дна — не видать добра!»
Берет Настасья Микулична,
Берет чарочку единой рукой,
Выпивала чару на единый дух —
К устам перстень прикатается,
Свет Настасья срадоваласе.
За тыим за столиком дубовыим
Скочила Настасья на резвы ноги,
Скочила она лекче заюшка
⟨И⟩з-за́ того ⟨из-⟩за столика дубоваго
Прямо к Добрыни на белы груди,
Сама говорит таково слово:
«Не тот мой муж, кой подле меня,
Тот мой муж, супротив меня,
Супротив очей моих ясныих».
Тут Добрынюшка Микитинич,
Он берет Алёшеньку Поповича
⟨И⟩з-за́ того ⟨из-⟩за столика дубоваго,
Берет Алёшу за желты кудри,
Стал он дубиною накладывать.
От стуканья пошло бу́каньё,
От буканья пошло охканьё
По всёй полаты гряновитыи.
Вси с пиру розбежалисе,
Вси с пиру росскакалисе,
Только стоит князь со княгиною.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
«Чёго ты стоишь, князь со княгиною,
Чёго ты стоишь да того же ждёшь?
Пусть тебе приуважено:
Моему-то батюшку — крестовой брат!»
Тут пошол Алёшенька, поповской сын,
Пошол с пиру окоракою,
Сам идёт с пиру — кленется,
Больше того проклинается:
«Всякой чорт на сём свете женится —
Не всякому женидьба удавается!
Мне-ка женидьба — неудачная,
Молода жена — невзрачная.
Удавалась женидьба двум богатырям:
Во-первыих, Добрынюшки Микитичу,
Во-другиих, старому казаку Ильи Муромцу!»

№ 86

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

А еще шла-подошла у нас, повы́катила́,
Еще славная матушка быстра Волга́-река́.
Ёна места шла ровно три тысящи вёрст,
Ай широко, ай далёко — под Каза́нь под горо́д,
Ёна шире того, дале — под Вастракань.
Ёна устьё давала ровно семдесят вёрст
Ай во славное морюшко Каспи́цкоё.
Е широкой перевоз там под Невы́м-градо́м,
Ай тёмныи лесушки Смоленьскии,
И там высоки были горы Сорочински,
Славны тихи плеса́ да Черевистыи́.
Теперь скажем про Добрынюшку мы сказочку,
Ай теперь у нас Добрыни старина́ пойдёт.
И как во стольном славном городи во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимера,
Как хорошенькой заве́ден был почестной пир,
Ай для многиих для князей, для бо́ярей,
Ай для сильниих могучиих бога́тырей,
Ай для всех поляниц для уда́лыих.
Еще все на пиру да напивалисе,
А и все а́ пиру да наедалисе,
Ай все на пиру да пьяны-ве́селы сидя́т,
Еще все на пиру да порохвасталисе́:
Ай умной-от хвастат отцем-матерью,
Ай безумной-от хвастат молодой женой.
Выходил ли князь Владимир на круто́й красён крылец,
Уж он зрит да глядит во чисто́е во полё.
Что ли во да́лечи-дале́чи во чисто́м во поли
Как не ясныи соколик там вылётываё,
Ай не белыи заюшко проска́киваё,
Ай не креч-от головою пова́рачиваё,
Как не малый горносталюшко проры́скиваё,
Он не миленькии следочики проме́тываёт:
Как из далеча-дале́ча из чисто́го из поля
Ай повыехал уда́лой доброй молодец,
Как по имени Ильюшка славен Муромец.
Еде прямо ко Владимиру на широ́кой дво́р,
Заходил Илья во гридни княжецкии,
Ещё крёст кладё Ильюша по-писаному,

Как поклон веде Ильюша по-ученому,
Исполна творит молитву по-Исусову.
Еще бьет Илей чолом, покланяется,
А на все ли на четыре на сторонушки,
Ко Владимиру да князю бье в осо́бину чело́м.
Ай садился Ильюша за дубовой стол,
Ай во тот ли во почёстной во большом-угол
На тую́ ли на скамеечку на ры́бчатую́.
Еще все ли у нас гости едят и пьют,
Еще все приходящи хлеб-соль кушают,
А белу́ю лебедь сидя рушают.
Как Владимир-князь по гридни поха́живаё,
Еще сам государь князь выговаривает:
«Ах мы все на пиру да едим мы, пьем,
А все на почестном стали на́весели́,
Ай некого́ у нас нынь нету на заставушки,
Ай во да́лечи-дале́чи во чисто́м поли́.
Как летает там невежа черным вороном,
А пише невежа за́ угро́зою ко мне́:
„Ай ты подай-ко, князь Владимир, поединщичка!"»
Ай все на пиру да замолча́ли да сидя́,
Еще большой-от хоронится за средняго,
А средний хоронится за меньшаго,
А от меньшаго князю́ ответа нет.
А со того ли со почестнаго большо́м-угла
Ай со той ли со скамеечки со ры́бчатыи
Выходил ли тут удалой доброй молодец
Как по имени Ильюшка славен Муромец.
Становился Ильюша на резвы́ ноги,
Ён клонил свою головушку низёхонько,
А своё-то он бело лицё к резвым ногам.
«Ах вы, многи наши князи, ай вы, бояра,
Ай вы, сильнии могучии богатыри,
Еще все ли наши гости приходящии!
Еще колько не молцать, да говорить нам быть.
Я ведь топереча, Ильюша, из дороженки,
Я ведь три года́ стоял под Царе́м под градом,
Я ведь три года́ стоял под Еросо́лимом,
Я двенадцать лет Ильюша на розъезде был,
Не видал во поли собачки пробегаючись,
Я увидел бы собачку, из лучка́ бы пострели́л.
А пошлёмте-тко Добрынюшку Мики́тиевича
Ай во да́лечо-дале́чо во чисто́е во полё

Как защита-та буде славну Киеву,
Уборона будет нашей крепости».
Тут премла́дыи Добрынюшка Микитич млад,
Выходил ли тут Добрыня з-за дубо́ваго стола́.
Как пошол тут Добрыня на широкой двор,
На широкой двор Добрыня к своей матушки,
Пришол к матушки Добрынюшка, росплакался,
Своей матушки Добрынюшка розжалился:
«Ах ты, свет государыни моя матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна!
И ты на что, молодца, меня спородила:
Ах ты силой меня, матушка, не си́льнёго,
Ах ты смелостью меня, мать, не смелаго,
А похавностью меня ли не похавнаго,
Как щапством-щегольством не щегольливаго ли́,
Красотою меня, матушка, не красиваго,
Как имением-богатством — не богатого меня́».
Говорила тут Добрыни родна матушка:
«Как премла́дыи Добрынюшка Микитич млад!
Я бы знала молодца как воспоро́дити тебя́,
Я бы силою в Самсона Колыва́нища,
Я бы смелостью в Ильюшку славна Муромца,
Я похавностью в Олёшу во Попо́вичева,
Ай щапством-щегольством в Чурилу Пле́нковича,
Красотою бы тебя в Осипа Прекраснаго,
А поездкою во Дюка во боярского.
Как такого тебя чада нынь Госпо́дь зароди́л».
Тут Добрынюшка со матушкой прощается,
Молодой жены Добрынюшка нака́зываё:
«Ты премлада Катерина Викулична!
Пройдёт девять лет Добрыни во чисто́м поли́,
А не будут к тебе письма и грамоты,
Как не будут ерлыки скоропи́счатыи —
Хоть вдовой ты живи да хоть ты за́муж поди́,
Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
За купча хоть ты поди, гостя торговаго.
А не ходи-ко ты за вора́ за Олёшу Попо́вичева́!
Мне похавный вор Олёшка — кресто́вый брат,
А как крестовой-от ведь братец паче ро́днаго!»
Выходил ли тут Добрыня на широкой двор,
Как садился Добрыня на добра коня.
Еще видли добра молодца ли сядучись,
А не видели удалаго поедучись.

Ай да пыль-та́ вспылела во чистом поли,
Еще белыи березки к земле клонятся.
Еще три года стоял он под Царем-градом,
Еще три года стоял под Ерусолимом,
Ай двенадцать лет Добрыня на розъезде был.
Того времечки прошло ли восемнадцать лет —
На Добрыни цветно платьицо попрырывалосе:
На Добрынюшки платьице звериное,
На Добрынюшки шапочка звериная!
Ай тут похавливый Алёшенька догадлив был.
Ай обуздал, обседлал он своего до́браго коня́,
Как объехал Алёшенька по задворкам,
Ай назад к Владимиру ворочался,
Еще сам говорит таково слово:
«Ах ты солнышко Владимир стольне-ки́евской кня́зь!
А уж был я, Алёша, во чистом во поли́,
Уж я видел Добрыню бита, ра́нена лежи́т.
Уж он буйною головушкой в ракитов куст,
Ай да резвыма ногамы во кавыль во травы́.
Что ль оружье его, ручки — порозмётаны лежа́,
Ёго добрый конь во степи́ гулят,
Еще черны вороны тело тры́нкают его́.
Ай ты поедем-ко, Владимир, со́ мной свататься,
Как на той ли поедем на моло́дой на вдовы́,
Ай на прежней на Добрыниной моло́дой жены́,
На молодой Катерины Викуличной!»
И тут на силушку Владимир принево́лил ей идти́:
У них в пятницю-ту было сватовство,
Во субботу у их было рукобитьицо,
Еще завтра воскресенье — будет сва́дебка у ни́х.
Из широких было улушок Ильинскиих,
Ай из мелких переу́лков из Мари́нушкины́х,
Как не ясный соколик там вылётываё,
Ай не белыи заюшко проска́киваё,
Как не гречет головою поворачиваё,
Как не малый горносталюшко прорыскиваё,
Он не миленьки следочики проме́тываёт —
Как повыехал Ильюша славен Муромец.
Ай поехал Ильюша во чисто́е во полё,
Как на тую ли заставушку на Киевску,
Как роздёрнул там шатёр белополотняной,
Насыпа́л коню пшена он белояроваго.
Как увидел тут Добрыня: стоит бе́л в поли шатёр,

Приезжает тут Добрыня ко белу шатру,
Ай выходит Добрыня со добра коня,
Становил ведь ён коня к пшену да белоя́ровому́,
Как заходит Добрыня во белыи во шатёр.
Оны свиделись с Ильюшей, поздоро́вались,
Стал Добрынюшка про Киев-от выспра́шивати:
«Еще всё ли у нас в Киеви по-старому,
Еще всё ли у нас в Киеви по-прежнему?» —
«Только в Киеви у нас нынь не по-старому,
Столько в Киеви у нас нынь не по-прежнему:
А твоя-та молода жена заму́ж пошла,
Пошла за вора Алёшу за Поповичева,
А за нашего за братца за крестоваго!
Ей на силушку Владимир принево́лил ей идти́:
У их в пятницу-ту было сватовство,
В субботу у их было рукобитьицё,
В воскресеньицу сегодня у их сва́дебка идёт».
Не досуг Добрыни разгова́ривать с Ильёй.
Выходил ли тут Добрыня с белаго́ шатра,
Как садился Добрыня на добра коня,
Оны видели добра молодца сядучись,
Как не видели удалаго поедучи:
Только пыль-та ведь вспылела во чисто́ем во поли́,
Еще белыи берёзки к земли клонятся.
Ай давает он поездку лучше стараго,
Лучше стараго поездку, лучше прежнаго,
Идет прямо он ко городу ко Киеву,
А не около ведь е́де, не воротами,
Еде прямо через стену городовую,
Через тую е́де башню что не большую,
Еде прямо к своей матушки на ши́рокой на двор.
Говорил ведь тут Добрыня своей матушки:
«Ах ты свет ли государыня моя матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна,
Признавай-ко меня по пра́вой по щеки́,
Ай на правой на щеки есть три зна́мени у мня́,
Как три знамени у мня твои родительски!»
Говорила тут Добрыни родна матушка
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна:
«А ясны́и соколик на дво́р залете́л,
Ай да белая лебедка со двора сошла.
Как твоя-то, Добрыня, молода жена,
Молодая Катерина Викулична,

А Викулична — она замуж пошла,
И пошла за вора за Алёшку за Поповичева,
А за вашего за братца за крестоваго.
Как насилу князь Владимир приневóлил ей иттú:
У их в пятницу-то было сватовство,
Во субботу у их было рукобитьицё,
В воскресеньице сегодня у их свадебка идёт!»
Говорил ли тут Добрыня родной матушке:
«Ах ты свет ли государыня моя матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна!
Принеси-тко мне-ка платье скоморошкино,
Принеси-тко мне-ка досочку гульсельчатую́,
Принéси-ко мне шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу полвосьма пуда!»
Еще справился Добрынюшка, на свадебку пошол.
Он приходит к Алёшки на свадебку,
Еще крест кладёт Добрыня по-писаному,
Ай поклон ведёт Добрыня по-учёному,
Исполна творит молитву по Исусову.
Еще бьёт Добрыня челом и поклоняется,
Ай на все ли на четыре на сторонушки,
Как Владимиру князю́ да бьет в особину челóм.
Тут садился Добрыня на опеченку,
Стал Добрынюшка в гусёлушка пойгрывати́.
Уж он в струночку играет что я киевской,
Как во дру́гую играт от Еросолима,
Еще в третью про розъезды про Добры́нюшкины́.
Как никто этой игры не догадается —
Догадаласе Добрынина молóдая жена,
Ай молóдая Катерина Викулична.
Как Владимиру игра эта показаласе,
Еще сам говорил таково слово:
«Ай ты премладая заезжа скоморошинка!
Ай ты поди-ко, ты садись к нам за дубовой стол,
За дубовой стол садись, вот три мéста тебé:
Еще перво тебé место — ты возли́ меня сади́сь,
А другóе тебе место — супроти́в меня,
Еще третье тебе место — куда хочешь, тут и сядь!»
Ай садился Добрыня супротив своёй жены,
Супротиву Катерины Викуличной.
Наливала Катерина зелена чару вина,
Подавала тут Добрынюшки Микитичу,
Ай сама говорила таково слово:

«А ты премлады́й Добрыня сын Микитич млад!
Уж ты пей-ко у мня чару зелено́го вина́,
Я другу́ тебе налью да пива пьянаго,
Еще третьюю подам я меду сладкаго!»
А и примладыи Добрыня сын Микитич млад,
Ай берет он чару зелена́ в руки вина,
Опущает туды перстень злачёныи,
Ай которым оны перстнем обручалисе,
Подавае тут Добрыня зелено́ вино наза́д.
«Ай ты премлада Катерина Викулична!
Уж ты выпей-ко до дна, так ты увидишь и добра,
А не выпьешь до дна, так не видать тебе добра!»
Еще пила Катерина зелено вино до дна,
Как увидит Катерина там злаче́ный перстень,
Ай сама говорила таково слово:
«Ай вы князи ли вы наши, ай вы бо́яра,
Ай вы сильнии могучии бога́тыри,
Еще вси ли наши гости приходящии!
Ай не тот мне муж, кой возле меня стоит,
Еще тот мне-ка муж, кой супроти́в меня сидит —
Еще прежнии Добрынюшка Микитич млад!»
Выходил ли тут Добрыня ⟨и⟩з-за дубового стола,
Уфатил ведь он Алёшку за желты кудри,
Ай повыдернул на се́реду кирпичную,
Взимал в руки он шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу в пол-восьма́ пуда.
Еще стал ведь он Алёшку тут работати,
Ай во охканьи не слышко бухканье,
А во бухканьи не слышко охканья.
Еще все со пиру да розбежалисе,
Еще все ли с почестно́го росхучалисе,
Уж как видит князь Владимир беду неминучую,
Затыкает он свою жопу онучею.

№ 87

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

В стольном городи во Киеви,
А у ласковаго князя у Владимира,
Заводился у князя почетной пир
А на многи кня́зя, на бояра

И на все поляници удалыи.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе,
Все на пиру да пьяны-веселы.
Говорит Владимир стольне-киевской:
«Ай же вы, князи мои, бояра,
Сильнии могучии богатыри!
А кого мы пошлём в Золоту Орду
Выправлять-то даней-выходов
А за старыи годы, за новые —
За двенадцать лет.
А Олёшу Поповича нам послать —
Так он, молодец, холост не́ женат:
Он с девушкамы загуляется,
С молодушками он да забалуется.
А пошлёмте мы Добрынюшку Никитича:
Он молодец женат, не́ холост,
Он и съездит нынь в Золоту Орду,
Выправит дани-выходы
Да за двенадцать лет!»
Написали Добрыни Микитичу посольный лист.
А приходит Добрынюшка Микитинич к своей матушки,
А к честной вдовы Амельфы Тимофеевной,
Просит у ней прощеньица-благословеньица:
«Свет-государыни моя матушка!
Дай ты мне прощение-благословленьице
Ехать-то мне в Золоту Орду,
Выправлять-то дани-выходы
За двенадцать лет».
Оставается у Добрыни молода жена,
Молодая жена, любима семья,
Молода Настасья Микулична.
Поезжат Добрыня, сам наказыват:
«Уж ты, ай же моя молода жена,
Молода жена, любима семья,
Жди-тко ты Добрыню с чиста поля меня три года.
Как не буду я с чиста поля да перво три́ года,
Ты еще меня жди да и друго три года.
Как не буду я с чиста поля да друго три́ года,
Да ты еще меня жди да третье три года.
Как не буду я с чиста поля да третье три́ года,
А там хоть ты — хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,

А хоть за сильняго поди ты за богатыря,
А только не ходи ты за смелаго Алёшу Поповича:
Смелый Алёша Попович мне крестовой брат,
А крестовой брат паче родного!»
Как видели-то молодца сядучись,
А не видели удалаго поедучись.
Да прошло тому времечки девять лет,
А не видать-то Добрыни из чиста поля.
А как стал-то ходить князь Владимир свататься
Да на мóлодой Настасьи Микуличной
А за смелаго Алёшу Поповича:
«А ты с добра не пойдёшь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще в постельницы,
Так я тебя возьму еще в коровницы!» —
«Ах ты, солнышко Владимир стольнё-киевской!
Ты еще прожди-тко трú года.
Как не будет Добрыня четверто трú года,
Так я — то што пойду за смелаго Алёшу за Поповича!»
Да прошло тому времени двенадцать лет:
Не видать, не видать Добрынюшки с чиста поля.
Ай тут пошла Настасья Микулична
Да за смелаго Алёшу Поповича.
Да пошли они пировать-столовать к князю Владимиру.
Ажно мало и помало из чиста поля
Наезжал удалый дородний доброй молодец.
А сам на кони быв ясён сокол,
А конь тот под ним — будто лютый зверь.
Приезжат к двору да ко Добрынину,
Приходúт Добрыня Микитич тут
В дом тот Добрыниной.
Он крест тот кладёт по-писаному,
Да поклон тот ведёт по-учёному,
Поклон ведёт да сам здравствует:
«Да ты здравствуй, Добрынина матушка!
Я вчера с твоим Добрынюшкой розъехался,
Он велел подать гусли скоморошныи,
Он велел подать платья скоморошьи,
Он велел подать дубинку скоморошьюю
Да итти мне к князю Владимиру да на почестен пир!»
Говорит тут Добрынина матушка:
«Отойди прочь, детина-засельщина!
Ты засельщина, детина, деревенщина!

Как ходя старухи-кошельницы,
Только нося висти недобрыи:
Что лежит убит Добрынюшка в чистом поли,
Головой лежит Добрыня ко Пучай-реки,
Резвыма ножкамы Добрыня во чисто поле,
Скрозь его скрозь кудри, скрозь жолтыи,
Проросла тут трава муравая,
На травы росцвели цветочки лазуревы.
Как его-то теперь молода жена,
Молода жена, любима семья,
Да выходит-то за смелаго Олёшу за Поповича!»
Он ей и говорит-то вторы́й након:
«Да ты здравствуй ли, Добрынина матушка,
Ты честна вдова Амельфа Тимофеевна!
Я вчера с твоим Добрынюшкой розъехался.
Он велел подать гусли скоморошныи,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю
Да итти мне к князю Владимиру да на почестен пир!» —
«Отойди прочь, детина-засельщина!
Кабы было живо мое красное солнышко,
Молодой тот Добрынюшка Микитинич,
Не дошло бы те, невежи, насмехатися!
Уж не стало моего краснаго солнышка —
Да нечто мне делать с платьямы скоморошьима,
Да нечто мне делать с гуслями скоморошьима,
Да нечто мне делать с дубинкой скоморошьею!»
Тут-то ходила в погреба глубокии,
Принесла она платья скоморошьии,
Приносила гусёлышка яровчаты,
Принесла она дубинку скоморошьюю.
Тут накрутился моло́дой скоморошинко,
Удалый добрый молодец
Да пошёл он к князю Владимиру на почестной пир.
Приходил он во гридню столовую,
Он крёст тот кладёт по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
Он кланяется да покланяется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется там и здравствуёт:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольне-киевской,
Да со многима с князя́ми и со бо́ярамы,
Да со русскима могучими бога́тырямы,

Да со своей-то с душечкой с княгиной со Опраксией!»
Говорит ему князь Владимир стольнё-киевской:
«Да ты поди-тко, молода скоморошинко!
А вси тыи места у нас нынь заняты,
Да только местечка немношечко
На одной-то печке на муравленой».
Да тут скочил моло́да скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заиграл он в гусёлушка яровчаты.
Он первую завёл — от Киева до Ерусолима,
Он другу завёл — от Ерусолима да до Царя-града:
А все пошли попевки-ты Добрынины.
Ай тут-то князь Владимир роспотешился,
Говорит он моло́дой скоморошинки:
«Поди-тко сюды, моло́да скоморошинка!
А я теби дам то́перь три места:
А первоё-то место — подли меня,
А другое место — опротив меня,
А третьёё — противо княгины Настасьи Микулични!»
А тут-то моло́да скоморошинка —
Садился он в скамейку дубовую,
Да противо Настасьи Микуличной.
А тут-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина в полтора ведра
Да турей тот рог мёду сладкого,
Подносила она Добрынюшки Микитичу.
Ай тут-то Добрынюшка Микитинич —
Да брал он чару зелена вина в полтора ведра,
А брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единый дух,
Да й турей рог выпил мёду сладкаго,
Да спускал он в чару перстень злаченыи,
Которым перстнем с ней обручался он.
Да говорит он Настасьи Микуличной:
«Ты гляди-ко, Настасья Микулична,
Во чару гляди-тка злаче́ную!»
Как поглядела Настасья Микулична
В тую чару золочёную,
Взяла в руки злаче́н перстень.
Говорит тут Настасья Микулична:
«Да не тот муж — который подли меня сидит,
А тот мой муж — которой против меня сидит!»
А тут-то Добрыня Микитинич,

Да скочил Добрыня на резвы ноги,
Да брал Алёшу за желты кудри,
Да он выдёргивал из-за стола из-за дубоваго,
А стал он по гридни потаскивать,
Да стал он Алёши приговаривать:
«Не дивую я разуму женскому,
Да дивую я ти, смелый Алёша Попович ты,
А ты-то, Алёшенька, да мне крестовой брат.
Да еще теби дивую, старый ты князь Владимир стольне-киевской!
А колько я те делал выслуг-то великиих,
А ты всё, Владимир, надо мной надсмехаешься.
Да теперь я выправил из Золотой Орды,
Выправил дани и выходы
За старыи годы, за новыи.
Везут тебе три телеги ордынскии,
Три телеги злата и серебра!»
Тут он взял свою молоду жену,
Молоду жену, любиму семью,
Да повёл Добрыня к своей матушки.
Да тут ли Алёшенька Попович тот,
Да ходит по гридни окоракою,
А сам ходит, приговариват:
«Да всяк-то на сём свети женится,
Да не всякому женитьба удавается!»
А тольки Алёшенька женат бывал.

№ 88

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Ай как пошол тут Алёшенька да поповский сын,
Ай он пошол ли тут ко князю Владимиру,
Ай ко тому ли свету ко солнышку,
Ай на совет пошол думы крепкии:
«Ай ты послушай-ко, наш батюшко как Владимир-князь!
Ай пособи-тко мне, помоги-тко мне,
А мне повысватать нынь молодой жены,
Той Настасьи ли свет Викуличной.
Ай ведь она надо мною нынь надсмехается,
Ай как она надо мною нынь да надрыгается.
Ай напишите вы указы престрогии,
Ай нынь как те манифесты да немилосливы:

Ай чтобы в городи да во Киёви,
Ай чтобы не́ были жоны безмужнии,
Ай чтобы не́ жили люди беспашпортныи —
А если найдутся жоны безмужнии,
Ай найдутся люди да беспашпортныи,
Ай высылать их из города да из Киева,
Ай высылать их на чужу на да́льнюю на сторону,
А их лишать государевой своей вотчины!»
Ай как писали указы престрогии,
Ай нынь как те манифесты немилосливы,
Ай россылали по городу да по Киеву.
Ай нынь как вси ты люди беспашпортныи убоялисе,
Ай молодыи жоночки перепалисе,
Ай как со той со страсти, со ужасти.
Ай как пошла свет Настасья Викулична,
Ай как пошла за Алёшеньку во замужество.
Ай как скорым-скоро было наскоро,
А нынь как красное солнышко да на вечери,
Ай у Алёшеньки пир на весели.
Ай тут не за́ три ста — за три тысячи,
Ай тут у той ли реки у Смородины,
Ай как стоит там шатёр белополотняной,
Ай во шатры спит удаленькой
И как дородненькой добрый молодец,
И молодой Добрынюшка Микитинич-от.
А ёго добрый конь стоит — не ест, не пьет да не кушаёт,
А как не зоблет пшена да белоярова,
Ай призадумался, запечалился,
Ай как о той незгоды великии.
Ай как бьёт копытом лошадиным,
Ай как о матушку бьёт о сыру́ землю.
Ай как сыра́я земля под шатериком потряхается,
А только тот шатёр белополотняной колыбается:
Ай ото сна тут удалой доброй молодец пробуждается,
А молодой-то Добрынюшка да Микитин сын.
А ён как стал тут поскорёшенько,
А ён умылся тут да белёшенько,
А ён пинал коня по тучным ребрам:
«Ай уж ты конь, мой конь, пеловой мешок,
Пеловой мешок да конь же волчья сыть,
А ты уж что стоишь: да не пьешь, не ешь, да не кушаёшь,
Ай ты скажи-тко, каку невзгодушку ве́даёшь,
А над собой ли ныне, надо мной ли нынь?»

36 Зак. 3948

Ай как заржал тут добрый конь по-кониному,
Только тут же конь проговорил по-человечьему:
«А ты послушай-ко ведь, как мой седок,
А ведь как мой седок, я как твой возок,
Только у нас нынь, Добрынюшка сын Микитинич-от,
Ай как у нас-то дома не по-старому,
Ай как у нас-то дома не по-прежному:
А как твоя молода жена свет Настасья Викулична,
Ай как пошла она во замужество,
Ай не с охвотушки — да с неволюшки
Ай за того ли Олёшу Поповича,
А за того ли твоего нынь брата крестоваго».
Ай ведь только Добрынюшка у добра коня ведь спрашивал,
Ведь как только он у добра коня да выведывал,
А ён садился тут на добра́ коня,
А поднимался ёго добрый конь да от сырой земли,
Ай ровно он полетел, как ясён сокол,
Ай повыше он лесу стоячаго,
Ай как пониже поехал облачка ходячего.
Ай как приехал во славный да во Киев-град,
А как ко той ли полаты приехал белокаменной,
К своему ли дому да к широку двору.
А во тоем широком двори ворота призáперты,
Ай да крепким-накрепко да заложены...
Ай как стучится Добрынюшка да колотится,
Ай как у тех ворот да у широкиих
А ён кричит своим громкиим голосом:
«Ай государыни моя матушка,
Ай ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Ай если есть ты нынь да во живности,
Ай отопри ворота широкии,
Ай ты пусти-тко Добрынюшку меня на широк двор!»
Ай как кричит старуха громким голосом,
Ай на печи кричит она, на печном столби:
«Ай отойдите вы, голи кабацкии, пьяници,
Ай от моих ворот да от широких!
Ай как не вамы ворота устроены,
Ай не для вас ворота улажены!
Ай кабы был Добрынюшка да во живности,
Дак не досуг бы вам надо мною нынь насмехатисе!»
Ай как сходила старуха со той ли печи кирпичнии,
Соходила она на кирпичен пол,
Ай как под то окошечко косивчато,

Как глядела во то стеколко хрустальнёё,
Ай как глядела она прямо на улицу,
На улицу да на белой свет,
Ай на того да удалаго да дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
Ай не узнала Добрынюшки своего Микитинича,
А после той поездки да богатырскою,
Не узнала его да во бело лицё.
Ай проговорила старуха престарая да предревная:
«Ай ты удаленькой да упаленькой,
Ай ты дородненькой доброй молодец!
Ты какой орды да ты какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Ай как кричал тут Добрынюшка громким голосом,
А ён кричал ей ведь тут вторы́и раз:
«А что ж ты нынь не узнала меня, матушка,
Ай ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Ай что же ты не узнала меня во бело лицё?»
Ай говорила наместо старуха престарая:
«Ай потому не узнала я тебя, удалой доброй молодец,
Ай потому не узнала да во бело лицё:
Ай как у меня Добрынюшка был отпущен белы́м-бело́й,
Как белы́м-бело́й да белёшенёк,
Ай как белёшенёк, румянёшенёк».
Ай говорил наместо Добрынюшка сын Микитинич-от:
«Ай государыни моя матушка,
Ай ведь честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Ай ведь как ездил я во то́й пути богатырскою,
А я ведь в той поездки ездил молодецкою —
Ай у меня белое личушко да ветрамы завеяло,
Ай красоту во мне красным солнышком да зажарило,
А цветно платьё у меня нынь дождями повыбило,
Ай как о темны леса платьё да повырвало,
Ай пухову шляпу сучьямы повырвало!
Ай ты гляди-ко только на благословлящий крёст,
Ай как которыим крестом благословила ехати во ту́ю путь,
А как во тую путь богатырскую,
Да как во ту поездку молодецкую!
Ай ты еще гляди на втору́ приметочку — на злачон перстень.
Ай мы когда с своей женой с Настасьей Викуличной,
Ай мы когда с ей да венчалисе,
А именныим перстнём обручалисе!»

А ведь как тут старуха срадоваласе,
А как она да испужаласе,
А как бежала старуха на широк двор,
Ай отпирала ворота широкии,
Ай как пустила Добрынюшку заехати на широк двор,
А как заехал Добрынюшка да на широк двор.

№ 89

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЁША ПОПОВИЧ

Добрыня матушки говаривал:
«Чесна вдова Наэльфа Тимофиевна,
Несчасного спородила,
Спородила, родна матушка,
Привязала бы синь-горюч камень
И спустила бы миня во сине море
Не йздил бы я, родна матушка,
Во чисты поля, не бил бы головок бесповинныих,
Не обсеротал бы малых детушек!»
Говорит-то родная матушка:
«Не такого бы я хотела спородити —
Хотела бы тя спородити
Силой-храбросью в Илью Муромця,
Красой-басой во Осипа Прикрасного».
Добрыни слово взапреку пришло.
Скочил-то он на резвы ножки,
Бежал-то он да на широк двор
Ко столбу точеному, к колецюшку да золоченому,
Брал уздицю шолковую,
Заходил в конюшню конину,
Выводил ен бурушка еждена
Ды плетоцькой хлыстана,
Кладал потницьки на потницьки
Ды войлуцьки на войлуцьки,
Ды сиделышко черкасськое
Подстягивал ремешкамы лосиныма.
Его-то родная матушка
Бежит во горенку во светлую
К его-то молодой жены.
«Ай же, молода жена,
Сидишь за пяламы тоценыма,

А за узорамы мудреныма,
Не знаешь ты, не ведаешь,
Поди-ко ты на широк двор
К своему мужу любимому,
Поди-ко повыспрашивай —
Когды нам ждать да со чиста поля,
С того роздольица широкого?»
Бросала жона пялышка тоценыи
И узорики мудреныи
И бежала на широк двор,
Кидала руцки белыи
На его плецька могуции,
Целовала во уста сахарнии.
«Ай же, Добрыня Микитинець,
Послушай-ко, што я скажу:
Когды тя ждать да со циста поля,
С того роздолья широкого?»
Говорит-то ен да таковы слова:
«Послушай-ко, молода жена,
Што я скажу:
Пройде-то времецьки шес⟨т⟩ь годов,
Не приеду я да со чиста поля —
Хоть вдовой живи, а хоть взамуж поди.
Не ходи-тко замуж
За Олёшеньку да за Поповиця,
За того за братця подкрестового!»
Видли Добрыню сядуцись,
А не видли поездоцьки —
Только в полюшки куревка прокурела.
Реки-озера конь проскакивал,
А руцья-крежки промеж ноги пропускивал.
Приеждял-то Добрыня во цисто поле,
Издил-пурхал по цисту полю,
Искал себе супротивницька
И не нашел себе поядинцицька.
Проздевал шатро белополотнянно,
Насыпал пшены коню белояровой,
Пал коню да во праву ногу
И говорит ему да таковы слова:
«Ай же ты, Бурушко косматенькой,
Обступят ежли татаровы поганыи —
Во всю пору ржи да лошадиную,
А копытом бей да о сыру землю,

Буди миня да из крепкого сну».
Добрынюшка сел, попил, покушал,
Трои сутоцьки да беспробуду спит,
На цетверты сутоцки пробуждаецце.
Выходил с шатра белополотнянна
В одной рубашки без пояса,
Посмотрел-то ен на белой свет —
Тольки силушки наехало,
Дак пороху пась некуды,
И нету Бурушка косматого,
И нет приправы богатырски.
Хватил ен татарина за ноги,
Стал татарином помахивать
И злодием поварацивать:
Куды махне — туды улоцьки,
Перемахне — переулоцьки.
Дошел до Бурушка косматого
И до приправы богатырски,
Садилсэ он да на добра коня,
Стал по силушки поеждивать
И прибил-то силу великую,
Не оставил и на симяна.
Прошло-то времецьки шесь годов —
Не видать Добрыни с циста поля.
Стал Олёша подхаживать
К его да молодой жоны.
«Уж ты ай же, молода жона,
Прошло-то времяцьки шесь годов —
Можно тебе замуж идти
За миня да добра молодца,
За Олёшу Поповиця!»
Говорит она да таковы слова:
«Послушай-ко, Олёша Поповиць,
Што я скажу:
Прошло-то времяцьки шесь годов —
Не приехал, Олёша, со циста поля.
Ище кладу я шес⟨т⟩ь годов —
Ежли он да не приеде со циста поля,
То што я замуж пойду
За тибя, Олёша Поповиць!»
И тут он да выходил от ей.
Приходил-то ен да во свой-то дом,
Снаряжалсэон поскорешенько,

Выходил-то ен да на широк двор,
Выводил он Бурушка косматого,
Привязал к столбу точеному,
Ко колецьку золоценому,
Кладал потницьки на потницьки
И войлуцьки на войлуцьки,
И сиделышко церкасское,
И садилсэ он да на добра коня.
Видли его сядуцись, а не видли поездоцьки —
Тольки в полюшки куревка прокурила.
Приеждял-то ен да во цисто поле,
Й⟨и⟩здил-пурхал по цисту полю,
Искал-то Добрыню Микитинця.
Приеждял к шатру белополотнянну,
Насыпал пшены ен коню белояровой,
Заходил в шатер белополотнянной:
Кресс кладе да по-писаному,
Поклон веде да по-уценому
На вси цетыре сторонушки.
Там сидит да Добрыня, хлеба кушае.
Говорит Олёша таковы слова:
«Хлеб да соль, Добрыня Микитинець!»
Говорит Добрыня Микитинець:
«Хлеба й⟨и⟩сь, Олёша Поповиць!»
Сидили ены да прохлаждалисе
С Олёшей Поповицем.
Говорит Добрыня Микитинець:
«Послухай-ко, Олёша Поповиць, што я скажу:
Здорово ль родная моя матушка,
Здорово ль суседы порядовныи,
Здорово ль мои добры кони,
А здорово ль мои подслужащии,
А здорова ль моя молода жена?»
Говорит Олёша Поповиць:
«Все это по-здоровому —
Здорово твоя матушка,
Здорово твои подслужащии
И кухарки водоносныи,
И здорово твои суседы порядовныи,
И здорово твоя да молода жона».
И тут оны с ним пороспростилисе.
Приеждял Олёша со циста поля,
Приходил к Настасьи позным вецером.

«Ай же, Настасья Микулицьна,
Отвори-ко мне воротецька,
Запусти миня да добра молодца
Во горенку во светлую
И послушай, што я скажу:
Был-то я да во цистом поли,
Й⟨и⟩здил, пурхал по цисту полю
И искал-то я Добрыню Микитинця —
Нашел-то я его убитого и заранена.
Он головушкой лежит да во ракитов куст,
А ногамы к реки ко Смородины.
Да на Добрыни древо выросло
И цветы повыцвили
И закрыли тело Добрынино».
Говорит Настасья Микулицьна:
«Пройде ище шесь годов —
Тошто замуж пойду».
И прошло-то времяцьки шесть лет,
Сполнилось всего двенадцать лет —
Ды не видать Добрыни со циста поля.
Пошло у них столованьицо
И обруцяньице с молодой жоной.
А Добрынюшка живе во цистом поли,
Не знае и не ведае.
У Добрыни добра молодца
Был подслужащей верныи —
Сидит да думу думае:
«Дако съеждю я да во цисто поле,
Поищу Добрыню Микитинця,
Нет ли его во живности,
Не манит ли Олёша Поповиць».
И справлялсэ он скорым-скоро и прятался,
И садилсэ он на добра коня,
И ехал ен во цисто поле,
Искал Добрыню Микитинця.
Приеждял-то ен к шатру белополотнянну,
Насыпал коню пшены белояровой,
Заходил в шатро белополотнянно:
Кресс кладе да по-писаному,
Поклон веде по-уценому —
На вси на цетыре сторонушки.
Сидит Добрыня хлеба кушает.
«Хлеб да соль, Добрынюшка Микитинець!» —

«Хлеба й⟨и⟩сь, мала скоморошинка-подслужащей!
Об цем сюды да приехал ты?»
Говорит он да таковы слова:
«Ай же ты, Добрыня Микитинець,
Сидишь-то ты ешь да проклаждаессе,
Не знаешь ты, не ведаешь —
Твоя жона посбаловаласе,
Пошла ена во замужество,
За того Олёшу Поповиця,
За твоего братця подкрестового.
Пойдешь ли ты да на поцестен пир?»
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Поеждяй-ко ты, мала скоморошинка,
Ждите миня завтрашним денецьком,
Вецером позныим,
Пашите белы дворы,
Зажигайте люстры светлыи,
Стелите сукна, коих лучше нет!»
Завтрашним денецьком
Ставал он сокрым-скоро,
Умывался ен белым-бело,
Ставилсэ на правила,
Помолился ен Господу на восток
И кладал потницьки на потницьки
И сиделышко черкальское на добра коня,
Подстягивал ремнямы лосиныма,
Садился на добра коня
И ехал ен во весь тут дух —
Реки-озера конь перескакивал,
Руцья-ложиноцьки промеж ноги пропускивал.
Приеждял-то ен на широк двор —
Дворы были напаханы
И стража была кладена,
И подслужащи поставлены.
Взимали ены добра коня,
Скоцил-то Добрыня с добра коня,
Бежал-то ен в палату белокаменну:
Крес⟨т⟩ кладе да по-писаному,
Поклон веде да по-уценому —
На все четыре сторонушки.
«Здорово, родна моя матушка!»
Мать его да не узнала тут:
«У моего дитятка

Середи головки переложинка —
Родимна знадебка».
Наклонил ен буйную головушку
Родной своей матушки.
Нашла ена да переложинку,
Говорила таковы слова:
«Не пекло у мня да во полатушки
Красно солнышко двенадцать лет,
А сегоднешным вецером
Распекло у мня красное солнышко
Во полаты гряновитою».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, родная матушка,
Где моя да молода жона?
Не идет со мной да поздоровкацце».
Говорит тут родная матушка:
«Твоя жона посбаловаласе —
Пошла за Олёшу Поповиця,
За твоего за братця подкрестоваго.
Пойдешь ли ты да на почестен пир?»
Говорит-то ен да таковы слова:
«Разве сходить-то мне да на поцестен пир,
А с суседами мне да поздоровкацце.
Ай же, родная матушка,
Неси-ко платьица цветныи,
Неси-ко шапоцьку-мурманку,
Неси сапожки сафьянныи,
Да неси гуселышка яровцяты!
Ай же, родная матушка,
Неси-ко злата и серебра».
Тут справился да добрый молодец
И пошел-то ен да на поцестен пир.
Приворотницькам ен рубли давал,
А придворницькам — полтинницьки.
Зашел во гривницю во светлую:
Крес⟨т⟩ ен клал да по-писаному,
Поклон ен вел по-уценому —
На вси четыре сторонушки.
Было сись ему да некуды,
Вси места были заняты.
Посмотрел да доброй молодец
По полаты гряновитыи —
Было мистицька немношецько

По край пецьки кирпицьныи.
Скоцил-то ен на край пецьки кирпицьною,
Стал в гуселышка поигрывать —
Пошли тут тонци от Царя-града до Еросолима.
Стала Настасья цясто на пецьку поглядывать,
Радым-рада да туды вылетить.
Стали его садить да добра молодца:
«Перво мистецько те во большом углу,
Второ мистецько — садись хоть возли
Княгини молодыи,
А третье мистецько — садись хоть противо ей».
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Не сяду я да во большом углу,
Да не сяду я да возли-то ей,
Разве сись-то мне напротиво ей —
Посмотрить-то мне да на бело лице
На ейно румяное».
Садилсэ ен напротиво ей,
Взимал-то цяру во белу руку,
Наливав-то ю полным-полно,
Спустил в цяшу свой злацен перстень,
Подносил Настасьи Микулицьной:
«Ай же ты, Настасья Микулицьна,
Если пьешь до дна — повидашь добра,
А не пьешь до дна — не видать добра!»
Выпивала-то ена до донышка,
Увидала там злацен перстень,
Говорила ена таковы слова:
«Ай же вы, да православныи,
Не тот мой муж — возли меня,
А тот мой муж — против миня!»
Скочил-то ен на резвы ножки,
Взимал Олёшу за жолты кудри,
Выводил с-за стола дубового,
Порозвел палатой гряновитою,
Сказал: «Поберегитесь, православныи!»
Ен спустил его да о кирпицной пол.
«От живого от мужа ен жену берет,
Кабы был ен не крестовой брат —
Ударил бы его во белую грудь:
Тут ему славы поют».
Взимал Добрыня Настасью Микулицьну
За ей за руцюшки за белыи,

За ей персни злаценыи
И сказал: «Пропустите, православныи!»
Приходил-то ен да во свою палату белокаменну.
У родной-то у матушки
Была пецька-та стоплена
И колацики напецены:
«Садись-ко ты, поешь-попей, покушай-ко!»
И сел он ись, пить, покушати,
А молода жона сидела,
Не ела, не кушала,
Повесила буйную головушку.
Попил, поел он, покушал-то
И не бил ен, не колотил своей жоны.

№ 90

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Досюль Добрынюшка матушки говаривал:
«Свет государыня матушка,
На што меня спородила
Ездить во чисто поле
Бить удалыих молодцев,
Слезить да жен молодыих?
Лучше бы ты миня спородила
Горючим синим камешком —
Не знали бы тогды про Добрыню добры людюшки».
Говорила ему матушка:
«Я на то тибя спородила:
Силой-удачью — во старого казака Илью Муромца,
Именью-богачеством — во Дюка Степановича,
Ездить на добрых конях —
Во Потыка Михайла Ивановича,
Со тугих луков стреляти —
Во Туганова во Змиевича».
Потом говорил Добрыня матушки:
«Спасибо тебе, матушка, на тых ричах на умильныих!»
Потом взял он уздичку тесмянную
И сиделышко черкасское,
И шел он на стойло лошадиное,
Стал седлать, уздать добра коня.
Говорит-то Добрынина матушка,

Говорит-то свекрова невестушки:
«Што ты сидишь, посиживашь,
Што думашь, выдумывашь,
А не идешь ко Добрынюшки спрашивать —
Надолго ль едет во чисто поле?»
Тогда бежала она на широк двор:
«Ай же, Добрыня Никитинець,
Надолго ль ты уедешь во чисто поле?»
Говорит Добрыня таковы слова:
«Жди миня со чиста поля ровно три года,
Пройдет как ровно три году —
Потом хошь замуж поди,
А хошь вдовой живи.
Ище клади три годика,
Тогды будет шесть годов —
Потом хоть замуж поди, хоть вдовой живи.
Только не ходи не за купца, не за барина,
А поди за росейских славных богатырей».
Потом тольки видли Добрыню молодца
Сядучись его на добра коня,
А не видли поедучись.
Куды проехал по чисту полю —
Одна куревка прокуревела.
Тут свекрова да невестушка
В одно место сдвигаются —
Приедучись Добрыни с чиста поля не начаются.
Год за год — как дождь дождит,
Неделька за недельку — как трава растет.
Потом прошло ровно три году —
Не видать Добрыни со чиста поля.
Потом смелой Алёша Попович
Приходит в его палаты белокаменны,
Говорит он таковы слова:
«Был-то я да в чистом поли
И видел Добрынюшку убитыим,
Ножкамы лежит ко Почай-реки,
А головушкой — во ракитов куст,
У черных ворон глазушки повыклеваны,
Скрозь белую грудь трава выросла».
Стал он забаивать и заговаривать
Замуж за сибя сватати Наталью Микуличну.
Говорит ена да таковы слова:
«Не йду я за тибя во замужество,

Ище кладу строк на три годику,
Тогды всего-навсе буде ровно ⟨шесть⟩ годов.
И ежли не буде Добрыни со чиста поля,
Тошто я хошь замуж поди,
А хошь — вдовой живи».
Тут пошел Олёша со полат белокаменных.
Прошло ровно шесть годов,
И говорит Наталья Микулична таковы слова:
«Прошла заповедь мужеская,
Топерь кладу заповедт женскую — ровно на ⟨шесть⟩ лет,
Всего-навсего двенадцать лет.
Ежли потом не будет Добрыни со чиста поля,
То я хошь вдовой живи, а хошь — замуж поди».
Потом сватат ю Олёша через ⟨двенадцать⟩ лет
И говорит он ей таковы слова:
«Видел я Добрыню убитым во чистом поли!»
Говорит ему Наталья Микулична:
«Не ври-ко ты, Олёша Попович,
Не йду я за тибя во замужество».
Приходит тут Олёша Попович
Со солнышком-князем сватать насильно.
Как Наталью Микуличну
Силом взяли во Божью церковь
И обвинчали с Олёшей Поповичем.
И пошло у их столованье — почестен пир.
А тот ли Добрыня Микитинець,
Ездил он по чисту полю,
Роздернул шатер белополотнянной,
Становил карюшка к шатру белополотнянну,
Насыпал коню пшены белояровой.
Не зоблет конь пшеницы белоярой,
Сам бьет копытом в сыру землю.
Говорит тут Добрыня Микитинець
Своему да добру коню:
«Мой Карюшко-бурушко косматенькой,
Езди на тебе я ровно ⟨двенадцать⟩ лет,
Щипал ты везде травку шелковую,
Ел пшеницу белоярую,
А топерь ты не щиплешь травки шелковой
И не ешь пшеницы белояровой,
Аль незгодушку сведал над собой, аль над хозяином?»
Провещал тут конь языком человечиим:
«Твоя-та молода жена Наталья Микулична

Столует-пирует с Олёшенькой».
Потом скочил Добрыня на резвы ноги
И скочил-то он на добра коня:
«Ты, добрый конь, возил миня три году,
А топерь вези ровно три часу!»
Не прошло как ровно три часу —
Приехал Добрыня к своей матушки под окошечко.
У ей воротца были призаложены.
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Родитель моя матушка,
Ты спусти миня в полаты белокаменны».
Глянула она да в окошечко:
«Ай ты, погано идолище,
Отойди от окошечка косивчатого!»
Говорит ей Добрыня таковы слова:
«Отчего не спознала ты сына любимого?» —
«А потому не спознала я,
Што у моего дитятка было личико — белой снег,
А твое личико с кровью зарудилосе и глаза помутилисе,
Отросли у тибя волосы долгии». —
«Ай же, родитель моя матушка,
Отрослись у мня волосы через ⟨двенадцать⟩ лет,
Личико зарудилось, глаза затуманились
От ветров осенныих, холодныих».
Говорит потом Добрынина матушка:
«У моего родимого дитятка
Была знадебка родимная
Под пазухой под правою».
Потом скидывалсэ Добрыня Микитинець,
Показал ей знадебку родимую.
Тут старости своей старуха не услышила,
Брала его за руки за белыи,
Проводила в полаты белокаменны.
Потом спрашивал Добрыня у матушки:
«А где жона моя Наталья Микулична?» —
«А столует-пирует с Олёшенькой
У солнышка князя Владимира».
Засмеялсэ Добрыня, говорил он таковы слова:
«Вчера как была кругла неделюшка
Как мы видлись с Олёшей Поповичем
И крестамы побраталисе,
А топерь меньшой крестовой брат
От большого сестру отнять!»

Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Родитель моя матушка,
Неси-тко платья цветныи,
Сапожки зелен сафьян
И гуселка яровчаты —
Пойду я к Олёши на почестен пир».
Кресс сполна он кладет, Богу молицце,
Всим господам в пиру клоницце,
Полячинам всим удалыим
И купцам всим богатыим,
Солнышку князю — особенно,
И Олёши с княгиною — особенно.
Потом как говорит солнышко Владимер-князь:
«Ай же, малая скоморошинка,
Вси мистичка забавлены,
Немножко есть мистечка на печки муравленой».
Он на ножку легок был,
Повыскочил на печь на муравленую.
Струну натягивал от Киева,
А другую — от Царя-града,
А припевочки повел от синя моря.
Говорит ему солнышко Владимер-князь:
«Ай же, малая скоморошинка,
Не твое место на печи сидит,
А как твое-то мистечко супротив миня».
Говорил он солнышку таковы слова:
«Дай ты мне налить чару зелена вина,
А попотчивать Олёшеньку с княгиною!»
Говорил ему Владимер-князь:
«За твою игру великую,
За припевочки умилтныи
Што хошь на пиру, то и делай ты».
Наливал Добрыня Микитинець
Чару зелена вина
И спустил-то в чару обручен перстень,
И подал чару единой рукой
Той ли Натальи Микуличной:
«Принимай-ко чару единой рукой,
А выпивай единым духом,
Пей до дна — увидашь добра!»
Принимала она чарочку единой рукой,
Выпивала единым духом,
Увидла она обручен перстень

И говорит она таковы слова:
«Не тот мой муж, который возле бока,
А тот, который супротив миня».
Скакала ена со столов со дубовыих,
Брала Добрыню за руки за белыи,
Целовала во уста сахарнии.
Говорил-то Добрыня Микитинець:
«Видлись мы с Олёшенькой в чистом поли
И крестамы побраталисе,
А топерь меньшой крестовой брат
От большого жону отнял».
Говорил потом Добрыня таковы слова:
«Кабы был ты, Олёша, не крестовой брат —
Взял бы тибя за жолты кудри,
Перездынул бы через столы дубовы,
Кинул бы тибя об кирпичной пол —
С тибя бы, Олёша, один пепел стал!»
Потом взял левой рукой Олёшу за жолты кудри,
Кинул Олёшу в подлавечье.
Олёша с-под лавки выговариват:
«Всякой на свити женицце,
Да не всякому женитьба удаваецце».
Потом вышел Добрыня Микитинець,
Сошел в свои палаты белокаменны.

№ 91

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Во стольнем городе во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
А был-заводилсы почéстной пир
На тых на кня́зев, на бо́яров,
На славныих сильных русьськых могучих бога́тырей,
На тых-то полени́ць на уда́лыих.
А у князя бал тот был на ве́сели,
А и день-то идёт на ве́цери:
А вси-то на перу да напивалисе,
А вси-то на перу да наедалисе,
А вси-то на перу да пьяны-веселы,
А вси-то на перу да порасхвасталисе.
А кой умной — хвастат-то отцем-матерью,

А кой безумный — хвастат-то молодою жоной,
А молодой Добрынюшка добры́м конем.
А воспрого́ворит князь сто́льнё-киевьский:
«Ай же вы, вси кня́зи да бо́ярья,
Ай же вы, сильные русьские могучии бога́тыри,
Ай же вы, вси поленици да уда́лыи!
А есть ли у́ вас кто поудаленькой,
А есть ли кто из вас да из Москвы в Москву,
А из Москвы в Москву да к королю в Литву,
А ко тому к ко́ролю Литовьському,
А к Литовьському да королевьскому,
А свести туда дани ты великии?»
А вси же на перу да призатихнули,
А вси-то на перу призамолкнули —
А кто бо́льши ту́лятся за средниих,
А среднии ту́лятся за ме́ньшиих,
А що с ме́ньших, братци, ответу нет.
А воспрого́ворит да мо́лодой Добрыня Микитиниць:
«Ай же вы, кня́зия да бо́ярья,
Ай же вы, русьськии сильныи могуции бога́тыри,
А вы же, полени́ци да уда́лыи!
А свезу я эти дани-ты великии
Ай из Москвы д' в Москву да к королю в Литву.
А к тому к королю́ Литовьському,
А к Литовьському, королевьському».
А приходит он во свою полату белокаменную,
А сам говорит да таково́ё-то слово́:
«Ай же ты, свет ро́дна да матушка,
Ай честна́ вдова Офимья Олёксандровна,
А зачем меня, несцясного Добрынюшку, споро́дила,
А зачем меня, несцясного, на белой свет спопу́стила?
А ты бы с того малого ребяцесьва
Вышла бы на го́роцьку на Смоля́ноцьку,
А завернула бы Добрынюшку в портяноцьку,
А завертела бы в рукавьцик митка́линный,
А кинула б Добрынюшку во морюшко
А тем си́ним горюцим бы камешком!
А я лежал бы тут уда́лой во синём мори́,
А я лежал бы тут заместо горюцего бы камешка.
А що ветрушки бы на Добрынюшку не веяли,
Много людушки око́л Добры́нюшки не сми́ялись,
А я не ездил бы уда́лой по цисту́ полю́,
А не проливал бы я крови бесповинноёй —

А щó отци-матери не плакали б,
Молодые жонки не вдовúли бы,
А младые дéтушки не серотáли бы!»
А воспрогóворит цесна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
А свет Добрынюшкина матушка:
«Ай же ты, Добрыня сын Микитиниць,
Кабы я знала-то да это ведала,
Я не в силу бы тебя, мóлодця, споро́дила,
А я бы лучше тя споро́дила да во бога́цесьво,
А я силой лучше тебя, добра мóлодця, споро́дила,
Как во ста́рого каза́ка Илью Муромца,
А чистотой бы тебя, мóлодца, споро́дила,
А спородúла бы в Чурилушку да Щаплёнковича,
А походочкой ты, Добрынюшка, и сам хорош,
А красотой бы тебя, мóлодця, споро́дила
Во того во Осипа во Прекрасного.
А смелостью-посту́поцькой тебя я, до́бра мóлодця, споро́дила,
Как во смелого Олёшку да Поповиця,
А Олёшка тот Поповиць те́би да подкресто́вой брат!»
А это-то словечко да не в любовь пришло.
Как скочúл Добрыня на резвы́ ноги́,
Как вошол Добрыня да на конюшон двор,
Как седлал Добрыня себи́ добра́ коня́,
Как клал ён потницьки да на добра́ коня́,
А на потницьки клал ён войлуцьки,
А на войлуцьки седёлышко черка́льскоё.
Уж он пряжецьки клал золоцёныи,
А шпенёцьки вкладова́л булат-железа черкальского.
А приводит он коня к столбу тоцёному,
Как привязывал к кольцу золоцёному,
Ко тому ли крыльцю ко опáльнёму,
А сам он говорил таково́ слово́:
«А не ра́ди, братци, я красы́-басы́,
Боле я для крепости богаты́рьскоёй!»
А уж как по́дпруги клал семи шолко́в —
Тянутся оны да й не со́рвутся.
Уж как пряжецьки да злацёныи —
Оны гнутся да не сло́мятся.
А шпенечки клал булат-железа черкальского —
Они гнутся да й не сломятся.
А сам ён своей жене наказывал:
«Ай же мóлода жена Настасья ты Микулисьна,
А жди-тко ты меня да из цистá поля́,

А жди-тко ты меня да через шесть годов,
А через шесть годов да хоть замýж поди,
Хоть замýж поди, хоть вдовой живи,
А только не ходи за того за Олёшку Поповиця —
А Олёшка тот Поповиць мне-ка подкрестóвой брат!»
А ви́дли дóбра мóлодця на коня скакаюци,
А не ви́дли дóбра мóлодця со двора поежжаюци.
На добрóм конú Добрынюшка еще не ежживал,
На черкальском седéлышке не сúживал.
А не дорожкамы поехал он в окольныма —
Скоцил прямо он в стены городóваей.
А после того времечка — как дожжь дожжит,
А день-то за днем — как руцей бежит,
А неделя за неделей — как река текёт,
А год-то зá год — что сокóл летит,
А прошло того времецька нунь шесть годóв —
А не видáть-то Добрынюшки да из цистá полú,
Со того со широка со раздольиця.
А тут наехал смел Олёшка из цистá полú,
А тут и стал ходить Владимир стóльнё-киевьськой
Со своей княгиней со Опраксией,
А стали оны ходить к Настасьи Микулисьной, подсватывать
А за смелого Олёшку Поповиця.
А говорит тут Владимир стóльнё-киевской:
«Ай же мóлода Настасья Микулисьна,
А приехал Олёшка из цистá полú,
А нет живá Добрынюшки да Микитиця́,
А що убит молодой Добрынюшка да Микитиниць.
А що буйной головой лежит во ракитов кус⟨т⟩,
А що резвыма-то ножками ко Дунáй-рекú,
А що желтыи кудёрки всё растрёпаны!»
А говорит тут молодá Настасья-та Микулисьна:
«Ай же ты, князь Владимир стóльнё-киевьськой,
Ай мужний ты крестный папашенька,
А уж как справúла я тут заповедь мужнину,
А другую заповедь справлю я женьськую:
А через шесть лет ждала Добрынюшку с цистá полú,
А що прожду еще шесть годóв.
А що двенадцать лет пройдет, то я й замýж пойду».
А тут после того времецько идéт — будто дожжь дожжит,
А день за днём — как руцей бежит,
А неделя за неделей — как река текёт,
А год-то зá год — как сокóл летит,

А прошло-то того времецьки двенедцать лет —
А не видать молода́ Добрынюшки да Микитиця,
Да не видать-то его да со циста́ поля́.
А тут наехал Олёшка из циста́ поля́,
Тут ведь стал ходить князь Владимир сто́льнё-киевьськой
Со своей княгиней с Опраксией,
А стали ходить к Настасье Микулисьне, подсватывать,
А только сва́тать тут да выговаривать,
А грозит князь да пригра́живат:
«Ай же ты, Настасья Микулисьна,
Не видать теби Добрынюшки Микитиньця,
А убит твой молодой Добрыня свет Микитиниць:
А буйная головушка лежит во ракитов кус⟨т⟩,
Резвыма ножкамы ко Дуна́й-реки́,
Его жо́лтые кудёрки порастрёпаны!»
Говорит князь Владимир стольнё-киевьськой:
«Ай же ты, мо́лода Настасья Микулисьна,
А добром пойдешь — так добром возьмем,
А добром не дешь, — так лихо́ возьмем.
Только надо итти за Олёшку да за Поповиця!»
А молода́ Настасья-та Микулисьна,
А наказу она не почуствовала,
А сама она заму́ж пошла
За того за смелого за Олёшку за Попо́виця,
А Олёшка тот — му́жнёй подкресто́вой брат.
А тут ведь князь Владимир сто́льнё-киевьськой
Кладовал он пир на двенадцать дён,
А сам он говорил да таково́ слово́:
«А кто ведь помянет Добрынюшку Микитиньця —
Тому больше жи́ву не бывать,
А жи́ву не бывать, с жоной не́ живать!»
А тут пошло как двинадцать дён,
А ездит тут Добрынюшка во цисто́м поли́,
А ездит тут Добрынюшка да поежживает,
А ездит тут Добрынюшка да красуетсе,
А ездит тут Добрынюшка да по́ полю любуетсе,
Да только над собой нека́коей невзгодушки не ведает.
А си́дит тут вран да на сыро́м дубу́,
А гра́е тут вран по-грайному,
Говорил да вран да выговаривал:
«Ай же ты, мо́лодой Добрынюшка да Микитиниць,
А уж как ты ездишь во цисто́м поли́ да красуешьсе,
На своем кони́ да ты любу́ешьси,

А только над собой невзгодушки ты нека́коей не ведаешь,
А твоя молода́ жона Настасья Микульсьна
А понау́мивши да заму́ж пошла
За того за смелого за Олёшу за Поповиця!»
А стал-то мо́лодой Добрынюшка сам Микитиниц,
А стал он сам да пораздумалсы:
«А не по́ехать ми, уда́лому, в свою сто́рону,
Т' обесцесьтит-то Олёшка молоду́ жону!»
А повернул Добрынюшка да ко́ня до́брого,
Да ко́ня до́брого да в свою сто́рону.
А приежжал Добрынюшка да в свою сто́рону
А ко своей полатки белокаменной,
А без докладу он заехал на широ́кой двор,
А спускал он добра́ коня на ши́рок двор,
А привел-то он добра́ коня к столбу тоцёному,
Как привязывал к колецьку золоцёному,
Ко тому крылецьку ко опальнему.
А сам скорёшенько шол он в гривню столовую,
Как кресты-то кладет по-писа́ному,
А поклон-то он ведет по-уцёному,
А поклонился на вси́х цетыре сто́роны,
А цестно́й вдовы́ Офимье Олёксе́ндровной — сам в осо́бину,
А говорит он сам да таково́ слово́:
«Уж ты здравствуй-ко, цестна́ вдова Офимья Олёксе́ндровна,
А здравствуй, свет Добрынюшкина матушка!»
А говорит цесна́ вдова Офимья Олёксе́ндровна,
Тая свет Добрынюшкина матушка:
«Уж ты здравствуй-ко, холопина да боярьская!»
А сидит тут мо́лодой Добрынюшка Микитиниц,
Уж он ходит-то по терему да по вы́соку,
А ходит он всё да надсмехаетьсе.
А говорит цестна́ вдова Офимья Олёксе́ндровна,
Тая свет Добрынюшкина матушка:
«Ай же ты, моло́да холопина ты боярьская!
А двенадцать лет как закатилось моё кра́сноё солнышко,
А нунь-ко закатывается да свитёл мисе́ць —
А двенадцать лет как нету молода́ да Добрынюшки
да Микитиньця,
А нунь молода́ Настасья да Микулисьна,
Она нунь-то сама заму́ж пошла
А за того за смелого Олёшку Поповиця,
А Олёшка тот Попо́виць — мужнин подкресто́вой брат!»
А тут ведь скоцил Добрынюшка да на резвы́ ноги́,

А как пошол тут Добрынюшка да во конюшон двор,
А выходил Добрынюшка да на ши́рок двор,
А ударил ён коня да пра́воёй рукой,
А пра́воёй рукой да по крутым ребра́м.
А говорил-то он да таково́ слово:
«Уж ты, волчья выть да травяной мешок,
А как уж ездили да во цисто́м поли́,
А не слыхал ты словечушка гладкого,
А не видал ты от меня обеда сладкого,
А приехали мы ко своей ко ро́дной ко матушке,
А не услышали словечушка гла́дкого,
А не увидели обеда мы сладкого!»
А тут цестна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
А сама она да подслу́хала,
А сама она да подивиласе.
А скорёшенько бежит она да на ши́рок двор,
А сама говорит да таково́ слово́:
«Уж ты здравствуй-ко, мо́лодой Добрынюшко да сын
Микитиниць!»
А говорит тут Добрынюшко сын Микитиниць:
«Уж ты здравствуй-ко, чёсна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
Уж ты здравствуй-ко, свет Добрынюшкина матушка!»
А говорит цестна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
Говорит сама да таково́ слово́:
«Ай же мо́лодой Добрыня свет Микитиниць,
Ты ступай-ко взад, в пола́тушку да белокаменну!»
Она сыпала коню пшоны да белояровой,
Она ставила-то столы ты дубо́выи,
А кладова́ла она скатерти да шо́лковыи,
Приносила ёму́ естьиця саха́рьнии,
Подносила ёму́ питьиця медвя́ныи:
«Уж ты, мо́лодой Добрыня сын Микитиниць,
А ешь-ко, кушай естьиця саха́рьныи:
Только твоя молода́ жона, Настасья-то Микулисьна,
Да понау́мивши да за́муж пошла
За того за сме́лого за Олёшку Поповиця,
А Олёшка тот Попо́виць — подкрёсто́вой брат.
Только сватал князь, подсватывал,
Говорил тут князь да выговаривал,
Грозил тут князь да приграживал:
„Добром пойдешь — так добро́м возьмём,
А добром не пойдешь, — дак лихо́м возьмём!”»
А говорит тут Добрынюшка Микитиниць:

«Ай же ты, свет моя да матушка,
А цестна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
А ты скоци-тко скорее во по́греба да глубокии,
А подай-ко ты гусли да мни яро́вьцяты,
А я поеду-ко да в сто́льнёй Киев-град,
А ко князю сто́льнё-киевьському на поцёстной пир».
А тут скорёшенько скоцила же цестна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
А скоцила-то во по́гребы глубокии,
А ёму́ подала гусёлышка да яро́вьцяты.
А скоцил тут Добрынюшка з-за столов з-за дубовыих,
А как выходит Добрынюшка да на ши́рок двор,
А скоцил Добрынюшка да на добра́ коня,
А говорил Добрынюшка да таково́ слово́:
«Ай же ты, мой конь, да бежи-тко скорей,
Ты бежи-тко ко Киеву на поцёстной пир,
На поцёстной пир ко князю сто́льнё-киевьському!»
А тут пошол-то доброй конь во сто́льнёй Киев-град,
Как ко князю сто́льнё-киевьському на поцёстной пир.
А приежжал тут Добрынюшка да в сто́льнёй Киев-град —
А вси воротецька перезаперты,
А тут не пустят мо́лода Добрынюшки да Микитиньця
Тут заехать да на ши́рок двор.
А он направил да добра́ коня через стену городо́вую,
А скоцил-то его доброй конь через стену городо́вую.
А спускался тут Добрынюшка со добра́ коня.
А приводит он коня ко столбу ко тоцёному,
А привязыват коня ко кольцю ко золоцёному,
А ко тому крылецьку ко опа́льнёму,
А сам приходит-то во гривну столо́вую,
А уж как крест кладёт по-писа́ному,
А поклон-то он ведет по-уцёному,
Поклонился он на четыре он сто́роны,
А князю сто́льнё-киевьському — сам в осо́бину.
А говорит Добрынюшка таково́ слово́:
«Уж ты здравствуй-ко, князь сто́льнё-киевьской,
Со своёй со княгиной с Опра́ксиёй!»
А говорит же князь да сто́льнё-киевьской,
«Уж ты здравствуй, молода́ холопина боярьская!»
А уж видит тут князь да сто́льнё-киевьской,
Как пришла соби беда неминуцяя,
А говорит-то сам да таково́ слово́:
«Ай же молода́ холопина ты боярьская,

А у нас вси на перу вси местéцька вси позáняты,
А только порóжнёго местецька — чтó на зáпецьки,
А садись-ко, молодá боярьска да холóпина, на зáпецёк!»
А тут ведь мóлодой Добрыня сын Микитиниць
А местецьком тем ведь не брёзговал,
А скорёшенько садился да он на зáпечок,
А на тую же на пецьку на мурáвлену,
Вынимал собú гусéлышка да ярóвьцяты.
А заиграл собú в гусёлышка да ярóвьцяты,
А всих-то он гусёльщиков прикрывает тут.
А видит князь да стóльнё-киевьской,
А видит, что беда себú да неминуцяя.
А ставал тут князь да на резвы́ ногú,
А наливал тут цяру да зеленá винá,
А говорит тут да таковó слово́:
«Ай же молодá холопина да боярьская,
А слезай-ко ты со пецьки со муравленой,
А садись-ко где место тоби пóлюбú,
А пей-ко цяру ты да зеленá винá
За твою игру за молодецькую.
Опускайся ты со печки со муравленой!»
А опускался тут мóлодой Добрынюшка Микитиниць,
А опускался тут со пецьки со муравленой,
А выпивал ён цяру зеленá винá,
А выпил цяру ён на ядиной дух,
А спустил туда колецюшко злацёноё,
А злацёное колецько золоцёноё,
Тут с которым с Настасьей обруцялисе,
А обруцялиси, когда они венцялисе.
Наливал туда цяру зеленá винá,
А сам говорил да таковó слово́:
«Ай же ты, мóлода Настасья Микулисьна,
Ай пей-ко ты эту цяру до самого дна.
А що пьёшь до дна — так увидáшь добра,
А не пьёшь цяру до дна — не видать добра!»
А мóлода Настасья да Микулисьна,
Она брáла эту цяру во правý рукý,
Она выпила ту цяру на ядиной дух —
А лежит-то там колецюшко да злацёноё,
А с которым они с Добрыней обруцялисе,
А обруцялисе, когда оны венцялисе.
А сама говорит да таковó слово́:
«Ай же ты, князь стóльнё-киевьской,

Ай же вы, кня́зия да бо́ярья,
Ай вы, руськии сильнии могучии бога́тыри,
Ай вы, поленаци уда́лыи!
А не тот мой муж, кой возли́ сидит,
А тот мой муж, кой напроти́в стоит!
Ай же, мо́лодой Добрынюшка сын Микитиниць,
А я нака́за твоего да не почуствовала,
А я сама понау́мивши заму́ж пошла
А за того за Олёшку Поповиця —
А Олёшка тот Поповиць теби подкрёсто́вой брат.
А только сватал мени князь да подсватывал,
А грозил мни князь да приграживал,
А говорил мни князь и выговаривал:
„А добром пойдешь — так добром возьмём,
А добром нейдешь — мы лихо́м возьмём!"»
А разгорелось у Добрынюшки сердецько богаты́рьскоё.
А тут скоцил Добрынюшка сам на резвы́ ноги́,
А он хватил-то тут Олёшку за желты́ кудри́.
А уж он выдернул через гридню столо́вую,
А уж выдернул Олёшку через столы дубо́выи
Середны гридны столо́воёй.
А отвязывал от гусёлышек от игральныих,
А отвязывал реме́шка шихма́льныи,
А уж ён за́чал тут по гри́дноёй он пова́жива́ть,
Да вдоль гридны Олёшко потря́хива́ть.
А уж он за́цял Олёшку ремешкамы вдоль спины подра́цива́ть,
За кудёрышки за́цял Олёшку да подра́цива́ть
Да вдоль спины за́цял Олёшеньку подра́цива́ть,
А уж он водит Олёшку да дро́цит тут,
А дро́цит-то Олёшку, сам приговариват,
А всё приговариват Олёшку Попо́вицю:
«Не дивую я Олёшку Поповицю.
А дивую я крёстному батюшку:
А настояща же ты су́ка меделеньськая!
А зачем ты от живого мужа жо́ну сватаешь?
А не дивую я тебе, Настасья да Микулисьна,
А диву́ю я Олёшке Поповицю:
А настоящий же ты сукин пёс —
А от живого мужа жену берёшь!»
А тут же рыцит Олёшка да худым голосом:
«А уж как каждому на́ веку жениться надобно,
А не каждому женитьба удается,
А що мне же до́бру мо́лодцу женитьба пала незадачлива,

А що только я доброй мо́лодець на́ веку жонат бывал,
А що жонат бывал да с женой живал!»
А по тых мест Добрынюшки да славы́ поют,
А во веки ему слава не минуетсе.

№ 92

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

В стольном городи во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
А был-заводился поче́стной пир
А на тых на князей, на бо́яров,
А на сильниих могучиих бога́тырей,
А на тых-то полениц на уда́лыих,
А у князя пир тот на ве́селе,
А день-то идёт на ве́цере:
А вси-то на перу напивалисе,
А вси на перу наедалисе,
А вси-то на перу пьяны-веселы,
А вси-то на перу да порасхвасталисе.
А кой умной — хвастат отцём-матерью,
А кой безумной — хвастат молодой женой,
А молодой Добрынюшка — добры́м конем.
А воспрого́ворит князь сто́льнё-киевской:
«Ай же вы, князья да бо́яра,
Ай же вы, сильнии могу́чии бога́тыри,
А тыи полени́ци удалыи!
А и есть ли у вас да поудаленькой
А съездить-то да из Москвы в Москву,
А из Москвы в Москву да из Орды в Орду,
А из Орды в Орду да ⟨к⟩ королю́ в Литву,
А ко тому ко́ролю Литосьському,
А к Литосьському да королесьському,
А свезти-то дани великие?»
А вси на пиру призатихнули,
А вси на пиру призадумались.
А бо́льший туля́ется за среднего,
А средний туля́ется за ме́ньшего,
А с меньшей братьи ответу нет.
А воспрого́ворит Добрынюшка Никитинец:
«Ай же вы, князи до бо́яра,

А свезу я, Добрыня Микитиниц,
А свезу я эти дани великие,
А свезу-то их я из Москвы в Москву,
А из Москвы в Москву да из Орды в Орду,
А из Орды в Орду да к королю в Литву».
А приходит во палаты белокаменны,
А сам говорит да таково́ слово́:
«Ай же ты, свет ро́дна матушка,
Ай честна́ вдова Офимья Олёксáндровна,
А ты зачим меня нещастного споро́дила,
А ты на белый свет меня спопу́стила?
А лучше б с того малого ребяцества
А вышла бы на го́роцьку Смоля́ноцьку,
А завертела бы Добрынюшку в рукавчик меткалиныи,
А еще бросила б во славное во морюшко
Тем синим горючим бы камешком,
А чтоб ветры над Добрынюшку не веяли,
А чтоб многи люди над Добрынюшкой не сме́ялиси —
А лежал бы тут удалый во синём мори́,
А лежал бы тут заместо горючего бы камешка!»
А вопрого́ворит честна́ вдова Офимья Олёксáндровна:
«Ай же ты, холопина боярьская!
Кабы знала, я б тебя споро́дила,
Я бы силушкой да в Илью Муромця,
А я бы богацеством тебя споро́дила
А во того во Дюка во Степанова,
А красотой бы тебя споро́дила
А во того бы Осипа Прекрасного,
А я бы смелостью тебя споро́дила
А во того во Олёшу Поповиця:
А Олёшенька Поповиць — твой подкрестовый брат!»
А еще этое словечко не в любовь пришло.
Седлает себи Бурушку-косматушку.
А еще потницьки кладет на потницьки,
А на войлуцьки кладет он войлуцьки,
А еще кладет седелышко черкальское,
А подпруги клал семи шолко́в —
А они тянутсе, да не со́рвутся,
А шпенечки клал булат-железа черкальского —
А ще гнутся они да не сломятся.
А сам он мо́лодой Настасьи наказывал:
«Ай же мо́лода Настасья Микулишна,
А ты не жди-тко меня со чиста́ поля́,

А ты не жди-тко меня через шесть годов.
А через шесть годов хоть замýж пойди,
А хоть замýж пойди, хоть вдовой живи,
А только не ходи за Олёшку за Поповиця:
А Олёшка-то Поповиць — подкрестовый брат!»
А еще видли доброго мóлодця на коня ставаюци,
А не видли доброго мóлодця поежжаюци —
А одна курева́ в поли столбом стоит.
А не едет он дорожками окольныма,
А скоцил он через стену городóвую.
А посли того времяцько дожжём дожжит,
А неделька за неделькой — как сокóл летит,
А год за годом — как река шумит,
А проходит того времецька шесть годов —
А не видать Добрыню со цистá со поля́.
А наехал тут холопина боярьская,
А наехал тут Олёшенька Поповиць-сын,
А наехал-то он со цистá со поля́.
А еще стал к Настасьи подхаживать,
Стал подхаживать, стал подговаривать:
«А що нет живá Добрынюшки Микитиньця,
А убит Добрынюшка Микитиниць:
А он резвыми ножками лежит в Дунай-рекý,
А его желты́ кудёрышки растрёпаны». —
«Заповедь тут сполнила нунь мýжьскую,
А другую тут справлю заповедь женьскую:
А шесть годов ждала Добрыни из цистá поля́,
А двенадцать лет не будет — я замýж пойду!»
А посли того времяцько — как дожжь дожжит,
А неделька за неделькой — как сокол летит,
А год за год — как река шумит,
А ну проходит тому времяцьки да двенадцать лет —
А не видать Добрыни из цистá поля́.
А наежжал тут холопина боярьская,
А наехал тут Олёшенька из цистá поля́.
А що стал-то Олёшенька подхаживать,
Стал подхаживать ён да подсватывать:
«А що нет Добрыни из цистá поля́,
А убит-то Добрыня сын Микитиниць:
А уж резвыми ногамы — да во Дунай-реки́,
А що желтыи кудёрышки растрёпаны!»
А понаýмилась Настасья Микулисьна,
А понаýмилась, сама замýж пошла

А за того за Олёшку за Поповиця,
А Олёшка тот — подкрестовой брат.
Пирова́ньице́-то клали на двенадцать дён.
А сидел-то вран на сыро́м дубу́,
А ще грае вран по-граи́ному,
А по-граи́ному, по-ворони́ному:
«А що же, холопина боярьская,
А що, холопина, красуешься,
А никакой невзгодушки не ведаешь —
А твоя-то Настасья Микулисьна
А понау́милась, сама заму́ж пошла
А за того, за смелого за Олёшу Поповиця».
А що стал Добрыня, пораздумалсе:
«А не поехать мне, уда́лу, в сво́ю сторону,
Обесцестит Олёшка молоду́ жону».
А направил он да коня доброго,
А направил в свою сторону.
А приежжает он ко стенам городо́вым,
Приежжает он к палате белокаменной,
А ко тому ко крыльцу ко опальнему.
А привязывал коня к столбу золоцёному,
А ко тому ли колецьку золоцённому.
А приходит он в палату белокаменну,
Уж он и крест-то кладет по-писа́ному,
А поклон-то ведёт по-уцёному,
Поклонился на три, на цеты́ре на сторонушки,
А цестно́й вдове Офимьи Олександровне в особину:
«А що здравствуй-ка, цесна́ вдова Офимья Олександровна,
А тая свет ли Добрынюшкина матушка!» —
«А що здравствуй, холопина боярьская,
А двенадцать лет как закатилось красно солнышко,
А нунь закатается млад светёл меся́ц —
А понау́милась Настасья Микулисьна,
А понау́милась, сама заму́ж пошла
А за того ли за Олёшку Поповиця,
А Олёшка тот Поповиць — подкрестовой брат!»
А що этое слово Добрыни не в любовь-то пришло.
А выходил он ко коню ко доброму,
А ударил он по круты́м ребра́м:
«Ай же волчья выть да травяной мешок,
А уж ездили мы во цисто́м поли́,
А уж ездили мы, красовалисе,
А не слыхал ты словечушка гладкого,

А не едал ты обеда сладкого,
А приехал ко своей ко матушке,
Ко цестно́й вдове Офимьи Олёксáндровне,
А не услыхали словечушка гладкого,
А не увидели обеда сладкого!»
А услыхала тут Офимья Олександровна,
А выбегала на крылечко на опальнее:
«Ай же ты, холопина боярьская,
А молодой Добрынюшка Микитиниць,
А воротись-ко во высо́к терём,
А схожу-ко я во погреба глубокие,
А начерпаю пшёны́ да белоя́ровой,
А понесу-ко я коню да доброму». —
«Ай же ты, свет государыня да матушка,
А цестна́ вдова Офимья Олександровна,
Принеси-ко мне гусёлышки яро́вчаты,
А поеду ли я да на почестный пер,
А поеду ко Олёшке Поповицю!»
А направил он коня через стену городо́вую.
А приежжает он к полате белокаменной,
А приежжает он к крыльцю ко опальнему,
А привязывал коня к столбику тоцёному,
А к тому колецьку золоцёному.
А приходит он во гридню во столовую,
А що крест он кладет да по-писа́ному,
А поклон-то ведёт по-уцёному:
А поклонился на́ две, на́ три, на цеты́ре на сторонушки,
А молодому князю в особину.
«А приходи-ко, холопина боярьская,
А все местé́цка ведь перезаняты,
А еще всего-то мисто на за́пецьки!»
А еще вси-то он гусёлышка налаживал.
А еще вси-то на перу да наедалисе,
А еще вси-то на перу да разыгралисе.
А взыграл тут Добрыня сын Микитиниць,
А заиграл ли он в гусе́лышки да яро́вцатыи —
А всих гусе́льщиков переигрывает.
А що видит Олёшка Поповиць-то,
Что пришла тут беда неминуцяя,
А говорит ли ён тут таково́ слово́:
«Ай же ты, холопина боярьская,
А ты садись-ко за дубовый стол,
А еще гди ти мисто по́люби».

А садился он напротив Настасьи Микулисьны.
«А наливай чару зелёного вина,
А выкушай-ко чару да зелёного вина:
А пьешь чару до дна — да увидашь добра!»
А наливал-то он чару зелёного вина,
А и спущал туда колецюшко злацёное,
И злацёное, золоцёное,
А которым с Настасьей обруцялисе.
А подносили Настасьи Микулисьной.
«А пьёшь до дна — так видашь добра!
А не пьёшь до дна — не видать добра!»
А ставала Настасья на резвы ноги,
А що брала эту чару во белы руки,
А що выпила ту чару на единой дух —
А лежит то колецюшко злацёное,
А злацёное колецько, золоцёное,
Ай которым с Настасьей обруцялисе.
А сама тут говорила да таково слово:
«А не тот мой муж, кой возли сидит,
А тот мой муж, кой напротив сидит!»
А расходилось у Добрынюшки Микитиця,
А разгорелось у Добрынюшки сердецько богатырьское:
Ай хватил он Олёшку Поповиця,
Ай хватил он его да за желты кудри,
А потащил он Олёшу да ⟨и⟩з-за дубового стола.
А стал его по горенке похаживать,
И стал его ремешком натягивать,
И стал он Олёшеньку натягивать,
А сам натягивал, приговаривал:
«А не дивую я Настасьи Микулисьной,
А не дивую я, что замуж пошла,
А дивую я Олёше Поповицю,
Что от живого мужа жену сватаешь!»

№ 93

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

А как выехал Добрынюшка погуливать
По тому да он по чисту полю.
А на том ли ведь на чистом поли,
А на том ли дубу ведь на сыроём,

А сидит как тут ведь чорный вран,
Ай по конец как крылья белыи.
А кладовал он стрелоцьку калёную,
А натягивал-то ён ту́гой лук,
А хотел стрелить да чорна во́рона.
А ведь ворон-то ему да проязычелсе:
«А не бей, не стреляй-ко ты меня, да чорна во́рона,
Во́рона убить теби — не спа́сеньё,
А воро́ниным мясом — не наестиси,
Ворони́ным мясом ти — да не натешиться!
А лучше идь-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Идь на́ горы та на высокии,
А на ты шо́ломи ты на ска́чные.
Там ведь есть чудо да ведь чу́дныих,
А чудны́м-чудно́ там да ведь дивны́м-дивно́.
И дивны́м-дивно́ да тут белы́м-бело́,
Тут белы́м-бело́ да тут красны́м-красно́».
А отпустил Добрынюшка ведь ту́гой лук,
А кладовал-вынимал стрелочку калёную.
Он садился ведь скоро да на добра́ коня,
Ехал тут на горы на высокие,
А на ты́и шо́ломя на ска́чные.
А там есть шатёр белополо́тняной,
На нем да замо́цики да булатнии,
На замке было да ведь подписано,
Да тут-то ведь понапечатано:
«А ведь кто-то в мой шатёр да приза́йдёт,
А живой со шатра да не вы́идёт!»
Ай у Добрынюшки да у Микитиця
Разгорелоси сердецько да богаты́рьскоё,
Раскипелась кровь да богатырьская,
А ударил кулаком своим да богатырьскиим —
А улетел замо́к да на сыру́ землю.
А заходил в шатёр белополо́тняный:
Во шатре ведь столички были раскладены,
Медовы́ питья́ были да ведь разла́жены,
Были ествушки да всё саха́рние,
Были кушанья да всё видь мидя́вные,
А видь сколько он да ведь ску́шал-то,
А втроём-вдвоём не скушати.
А нисколько-то он да во ногах стоптал.
Во ногах стоптал да всё повыломал,
А ведь сам-то во шатёр зашел да ведь спать залег.

38 Зак. 3948

А прошло тут поры-времецьки немножецько,
Наежжает видь Олёшенька Поповичь-то,
Наежжает видь как со чиста́ поля́:
А всё у его шатри было приломано,
А все у ёго у шатри было притоптано.
(*Приехал попить да поесть*!)
А тут Олёшеньки Попович ведь
Разгорелоси сердечко богатырьское,
Хотел ударить его да востры́м копьем,
А востры́м копьем да во белу́ю грудь,
А придать ему да тут ведь да ско́ру смерть.
А потом Олёшенька да пораздумалсе:
«Сонного́ мни бить — как будто мертвого,
Мертвого мни бить — да будто со́нного!
А лучше сяду да на добра коня,
На добра́ коня да на Добрынина,
Стану я ведь на кони́ поежживать,
А Добрынюшка будет да так поскакивать.
А побью я Добрынюшку Никитича,
Буди мни ведь хвала молодецькая —
А побил-то что ни луцьшего бога́тыря!»
А садился он да на добра́ коня,
На добра́ коня да на Добрынина.
Стал-то на кони́ да он поежживать
Напротив тут Добрынюшки Микитиньця —
Он ударил видь его во белу́ю грудь,
А востры́м копьем, только тупым коньцём
(*Во́стрым бы проколол*!)
А от большого сну да пробуждаетси,
А от большого сна да помёта́ется
Молодой Добрынюшка Микитинець,
А в тонких-то он чуло́чиках без чобота,
А в одной рубахе он был, без пояса
(*Видно ранен был*!).
А начали тут как биться-ра́титься:
А ведь бьются они да не еда́юци,
А не еда́юци ёны́ да не пива́юци,
Да отдо́ху им да не дава́юци.
А дру́гой-то день ведь бьются оны да не еда́юци,
А дру́гой-то день да ведь другую́ ноць,
А отдо́ху им всё да не дава́юци
(*Вот зарабо́тка пошла*!)
А от их идет ведь да стук да гром,

А матушка-земелюшка да все подрагиват,
А ведь слышно стук да во Киев-град.
А ведь тут бога́тыри сходилисе,
А ведь сильнии могуции да ведь съежжалисе,
Вси князья ведь да вси бо́яра.
Говорят:«Ведь бьется погана́ Литва,
А и с русскими оны дерутся да с бога́тырьма».
Говорит Илья да воспрого́ворит:
«А ведь бьется тут да не погана́ Литва,
А бьются тут ведь сильнии бога́тыри да русьскии.
А если б билась бы да погана́ Литва,
Не могла бы тут троих суток безуты́шно ведь,
Безуты́шно она биться-ратиться!»
А садился тут Ильюша на добра́ коня,
Ехал он на горы на высокии,
На тыи шоломя да на искачие,
А дерется-бьется не погана Литва,
А сильные могутныи богатыри:
Сильный-то Олёша да Поповиць-то,
А Добрынюшка дерется видь Микитинец.
А тут Ильюшенька поспел-то видь,
А Добрынюшку-то брал да во праву́ руку́,
А Олёшеньку-то брал во леву́ руку́,
А обоих-то он да пораздвинул-то,
А не дал-то биться им да ратиться,
Не дал им боле сразитисе,
А нача́л-то их да уговаривать:
«Ты об чем, Добрынюшка, бьешься-ратишься?» —
«А ведь как же мне не биться, не ратиться?
У его, у пса да у разбойника,
А фальшивая-то подпись подписана:
„А кто-то в мой шатер да приза́едет,
А живой оттуль до ведь не вы́едет!"
Я хочу зайти да живой выйти я!» —
«А спасибо ти, Добрынюшка, за то-то ведь:
За фальшивую ты подпись плотно́ стоишь.
А об чем ты, Олёшенька, да бьешься-ратишься?» —
«А ведь как-то мни не биться, не ратиться?
А зашел-то в мой шатер да ведь в этот-то,
А не сколько съел вдвоём-втроём —
Во ногах стоптал да выломал!» —
«А спасибо ти, Олёшка, за свое стоишь:
А нешто вам теперь биться-ратиться?

Лучше вы нуньчу крестами побратайтесь-ко:
Называйся-ко ты, Олёша, меньши́м брато́м,
Называйся-ко ты, Добрыня, да больши́м брато́м.
Почему же ты, Олёша, да ведь меньши́м брато́м? —
Ты ведь бился-ратился да на добром кон,
А Добрынюшка-то так-то поскакивал,
А с тобой-то ён да справлялся тут!»
А тут ёны́ крестамы да побраталисе,
А поехали во стольней да во Киев-град
А ко солнышку, ко князю да ко Владимеру.
А тут у них да князь Владимир стольне-киевской,
Он задернул тут, он ведь почестный пир.
Все ли на пиру оны да наедаются,
Все ли на пиру оны да напиваются,
Все ли на пиру оны да порасхвастались.
А кра́сноё ведь солнышко в полдён стало́,
А почестный пир ведь в полу стаёт.
Солнышко ведь стало при вецери,
А почестный пир да ведь при ве́сели.
А все стали оны да веселёхоньки,
А все стали оны да пьянёхоньки,
Ай на то на времецько, на по́рушку
Наежжала рать как сила видь поганая,
А поганая ведь силушка татарьская,
А ведь силушки тут сорок тысяцей.
Наступают ведь на город Киев-град.
(*Одна рать кончилась, а другая заводится.*
Первая промеж собой, а новая заводится с татарами!)
А говори́т Добрыня, воспрого́ворит:
«А ведь ты, Олёшенька, да ты крестовый брат,
Молодой ты ведь Олёшенька Поповиць есть».
А поехали они, два братца крестовыих.
А Добрынюшка да поежжает ведь,
Поежжает-то да на цисто́ полё,
Говорит ему да его молода́ жена,
А Настасья да Микулисьна:
«А ты поедешь ведь, Добрыня, ведь да на́ Литву,
А поедешь ты да много ль времени?» —
«А проеду я на битву ведь великую,
А проежжу поры-времени да три́ году́, —
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж пойди,
А не ходи только за брата за крестового,
За того, за Олёшку Поповиця!»

А поехали оны, братця два крестовыих,
А приехали на рать-силушку великую.
Говорит Добрыня Олёшке таковы слова:
«А видь меньший брат Олёшенька Поповиць-то,
А я ведь поеду тут да со лева́ бока́,
А ты ведь поежжай да со права́ бока́,
Станем силушку великую с места сдвигивать,
Станем силушку да мы поби́вать тут,
А побьём ведь силушку татарьскую».
А заехал ведь во силушку великую
Молодой-то ведь Добрынюшка Микитинец.
А Олёшенька да ведь Поповиць-то,
А стал-то ён да под сы́рой дуб:
«А убьют ли видь моего братца крестового,
Молода́ Добриню да видь Микитиця —
А я ведь взял бы Настасьюшку в замужесьво!»
А побил-то ведь Добрыня как ведь силушку,
А побил-то он да в одны сутоцьки,
А глядел-то он в трубку подзорную:
«Не видать-то моего ведь братця да крестового,
Смелого Олёшу да ведь Поповиця.
А давно ли его тут да живого нет?»
(*А черт его деет, когда он не дрался*!)
Говорит Добрыня да Микитинец:
«А видно путь мне было́ хорошее.
А ведь поеду я как тут да за синё морё,
Стану как я тут корыть языки неверные,
Прибавлять земли́ как святорусськии».
А проездил ведь Добрыня да три́ году́.
А начал тут Олёшенька да ведь похаживать,
А начал Настастеньку да ведь посватывать:
«Ты поди-ко за меня да видь ⟨в⟩ замужесьво.
А я гулял-ходил да во чисты́х поля́х,
Видел я Добрынюшку убитого:
Резвыма ногамы да во ковы́ль-траву,
Буйной головою лежал во ракитов куст».
А говорит Настасья да таковы слова:
«Сполнила первую заповедь как му́жниную,
А другую заповедь, как свою-то есть,
Не пойду-ка три́ годы я в замужесьво!»
А прошло-то по́ры-вре́мячки да три́ году́.
А начал-то Олёшенька да похаживать,
А начал-то Настасьюшку посватывать:

«А поди-ко за меня в замужесьво,
Я ходил-то, ездил во чистóм полѝ,
Видел я Добрынюшку убитого:
У него ведь желтые кудёрышки растрепаны,
По чисту́ полю́ косточки развеяны!»
А тут Настасьюшка Микулична
Не шла-то за Олёшку во замужесьво,
Не шла она да видь ⟨в⟩ замужесьво.
А подговаривал он князя да Владимира,
А ведь взял ёго́ да видь посватать-то.
Приходят видь сва́ты ведь ни кое́-каки́:
«Ты поди́-ко ведь Настасья ⟨в⟩ замужесьво.
А не по́йдешь ты ведь как ⟨в⟩ замужесьво —
Ижживём-то мы тебя из города из Киева,
Станешь ты да волоцititсе,
А по́-миру будешь да видь скитатисе,
А и выдам ти пашпорты волциих!»
А тут она взяла да видь подумала,
Да пошла ведь за Олёшеньку ⟨в⟩ замужесьво.
А ведь пир-то ведь идет да рукобитьицё,
А ведь пир-то ведь у них да на двенадцать дён.
А Добрынюшка в тую пору в то́е времечко,
А ведь был-то он за сини́м морём,
А играл-то видь он во шахматы,
Дороги́ тавлеи золоченыи,
А играл-то он да все забавлялся ведь.
А налетел ведь голубь со голубкою,
А начал ведь выжупливать,
А начал ведь да ведь наскакивать,
Будто на́чал да ведь высказывать:
«Ты играшь во ты́и во шахматы,
А твоя ведь Настасьюшка пошла в замужесьво,
А походит за Олёшеньку Поповиця!»
Как бросил он тут доску шахматную,
А о матушку да о сыру́ землю́ —
Сыра́ мать-земля да ведь придрогнула.
А садился Добрыня ведь на добра́ коня,
А ведь бил коня да по тугѝм косья́м,
По тугѝм косья́м, да по круты́м ребра́м:
«Уж ты, волчья сыть да тровяной мешок,
А ты нес меня да ровно три́ года́,
Пронеси отсюль да ровно три-то дня:
А во матушку во Ки́ёв-град,

А во Ки́ёв-град да во свой-то видь,
А во своё тут во место ведь,
А домой неси да ровно три видь дня!»
А садился тут Добрыня на добра́ коня,
А ведь ехал он да тут ведь трои суточки,
А приехал он во Ки́ёв-град во стольнией,
А ко солнышку ко князю ко Владимиру,
А во свое-то поле да во свой тут двор.
У ворот-то он тут колотитсе,
У ворот-то он тут сдоложаетсе,
А на фатеру он да видь даваетсе.
А говорит ему родная матушка,
Да честна́ вдова Офимья Тимофеевна:
«Ай же вы, голи вы кабацкие,
А городо́вские да ведь посадские,
(*Пока не признаёт ведь*!)
А как было у меня да чадо милое,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
То не дал бы го́лю насмехатисе
Над старухой да над ста́роей!» —
«А пусти-тко ты меня, да ро́дна матушка,
Ты пошто не пускашь-то во свой-то дом?
Я приехал, Добрынюшка, из-за синя́ моря,
Из-за синя́ моря́, да тебя проведати!» —
«Не признаю как я да своего́ сына́.
Если б был-то мой да сын-то есть,
У моего сына́, у чада у милого
На головке был да рубе́цёк ведь,
А рубе́цёк да родна была зна́дебка».
А отворят тут воротця ведь дубо́выи,
А запускала она Добрыню Микитиньця.
А запускала она свою да руцьку ведь,
Запускала ведь на свое ведь цядо, свое ведь милое,
А сама-то она тут ведь порасплакалась:
«Ай же ты, мое да цядо ми́лоё,
Как твоя-то Настасья Миколична,
А и шла-то она ведь ⟨в⟩ замужесьво!
А сегодня они повенчалисе,
А идет-то у них пирова́ньицё!» —
«Ах ты, моя-то ро́дна матушка,
А неси-тко ты гусёлышки яро́вчаты,
А гусёлышки со по́гребов да со глубокиих,
А гусёлышки яро́вчаты во сорок пуд».

А несет старуха — подпёраетсе,
А приносит ведь Добрынюшке Микитицю:
«А возьми-ко ведь гусёлышки яро́вчаты!»
А берет-то он гусёлышки яро́вчаты.
Как пошол-то он да на почестен пир,
По народу-то идет, как по травы́ бредет,
Только весь народ да раздви́галси.
Заиграл-то он в гусёлышка яро́вчаты,
Заиграл-то он да по-умильнему.
Он наигрыши-то берет да ведь от города,
Он припевки берет с-за синя́ моря́ —
А ко стольнему ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
А на пиру-то ведь как вси ослухались,
А на пиру-то ведь да вси заслухались.
«А ведь что у нас да ведь, да ведь, за́ певець?
А ты скажи, коёй земли?
А ты скажи, мо́лодец, коёй орды́
А как ти, мо́лодец, именём зовут?
А как величают да по отечесьву?
А царь ли есть ты ль, царевськой сын?
А король ли есть, королевський сын?
Или с тиха До́ну ты доньской казак?
Али гро́зный ты посол лихоимьский есть?
А есть ли едешь с-за синя́ моря́» —
«А не царь я есть да не царьський сын,
А не король я есть да не королевський сын,
А есть с тиха Дону ни доньской казак,
А не грозный есть посол лихои́мьскиа́.
А и есть я д'за синя́ моря́,
А ско́ра есть я скомороши́на!»
Заиграл-то он по-веселому —
Вси на пиру-то расплесалисе,
Вси на перу да розыгралисе,
А подходит князь да сто́льнё-киевской,
А говорит он да таковы слова:
«А за эту за игру за умильную
Что тебе-то нунь да ведь надобно,
Ты ведь, ско́ра-тиха скомороши́на?
А города ль тиби да с пригородкамы?
Али сёла тиби да с присёлками?
Аль бессчотной золотой казны,
Золотой казны да сколько надобно?» —

«А ничóво-то мни не надобно:
Городов-то с пригородками,
Красныих сёлóв с присёлками,
Золотой казны ничóво есть.
Дайти-ко мне чару зелена́ вина,
А другую чару пива пьяного,
А ведь третью-то чару да мёду сладкого!»
(*Ничего не берет*!)
А наливали чару зелена́ вина,
А ведь чара была тут не малая —
Мерой-то чара полтора ведра.
А весом-то чара полтора пуда́.
Принимал-то он чару ведь одной рукой,
Выпивал-то он чару на единой здох.
А другую чару налили да пива пьяного.
Принимал он чару да ведь одной рукой,
Выпивал-то он чару на единой здох.
А ведь третью-то чару да мёду сладкого
А подносит-то ведь Настасье Миколичне,
А спустил-то он перстень да злачёныех,
А которым перстнём обвенчалисе,
А которым перстнём обручалисе:
«А как пьешь чару до дна — увида́шь добра,
А не пьешь чару до дна — не видать добра!»
А Настасьюшка да Миколична да сдогадалася,
А ни сколько ела, пила, кушала.
А ни сколько пила да кушала —
А сколько чару под стол да про́лила!
А увидала перстень злачёныех,
А злачёныех, да золочёныех,
А которым перстнём обвенчалисе,
А которым перстнём обручалисе.
Опиралась ведь на столички дубовыи,
А скочила ведь за столички дубовые:
«А не тот мой муж, который возли бока́,
А ведь тот мой муж, который напроти́в меня!»
А через столичка перескочила ведь,
Падала Добрынюшке но́ги за́ ноги:
«Ты прости-ка меня, Добрынюшка Микитинец,
Уж как мой муж да любимые,
Сполнила я заповедь твою-то ведь,
Сполнила я заповедь свою-то ведь,
А потом пошла я, ведь ⟨в⟩ замужесьво.

А не пошла бы я ведь ⟨в⟩ замужесьво —
Сватали со князем со Владимиром —
Выжили б из города из Киева,
А надо б было да волоци́тисе,
А надо б было скитатитьсе,
А ведь дали бы пашпорты во́лции!
А мни видь ходить-волоци́ться-ту не хоцитьсе:
А пошла за Олёшку Поповиця!» —
«А если ты ведь не исполнила б заповедь первую,
Я отнес бы теби буйну голову.
А за что теби прощаю я,
Что исполнила ты заповедь свою-ту ведь.
А ведь князь как сто́льнё-киевской,
А на что ведь приобзарился?
А ведь сватает как за Олёшку Поповиця!»
А берет Олёшку за желты́ кудри́,
А ведь бросил он Олёшку о кирпичный пол,
А начал ведь да охаживать.
А начал Олёшенька...
Уж он кле́нется, проклинаетсе:
«Буди проклята женитьба неудачливая,
Буди проклята женитьба незадачливая,
Незадачливая да невзрачливая!
А ведь мни-таки вместо жо́ны ведь
А попала мне ведь плёточка да шолко́вая!»
А спустил-то Олёшеньку Поповиця,
А уехал Олёшенька да безызвестно ведь
А от той беды да от того-то ведь,
От того ведь от сраму от великого.

№ 94

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Ходил-то видь, гулял, погуливал
Молодой Добрынюшка Никитинец,
Гулял-то как он, постреливал
Серыих-то малыих как утёнышек —
Не мог-то видь убить да не мог стрилить
Не гуся-то видь-то, не лебидя,
Не серого, не малого утеныша.
Как глянет-то он да в ту сторонушку:

Сидит-то видь на ду́би да видь чорный вран.
Натянул-то видь да ту́гой лук,
Хотел убить он чорна во́рона,
А чорный ворон тут проязычелся,
Говорит-то да таковы слова:
«Ай же ты, мо́лодый Добрынюшка Никитинец,
Не бей ты меня, чорна во́рона, —
Ворониным мясом не насытишься!
Лучше идь-ко ты на горы на высокие,
На тыи на горы, шелома́ искачные,
Там ведь есть чудны́м-чудно́,
Там ведь есть дивны́м-дивно́».
Сел Добрынюшка на добра́ коня и поехал он.
Приехал он на горы на высокие,
На тыи шелома́ искачные.
Увидел шатёр белополо́тняной.
В шатре-то том белополо́тняном
Не было никого-то ведь,
Ударил кулаком по замку́-то он,
Зашел в этот бело́й шатёр,
Не столько он там ел да пил,
Сколько он притоптал в ногах.
Наелся-напился он до́пьяна,
Лег спать в этом бело́м шатре.
Приехал смелый Олёшенька Попович тут.
Увидел Добрыню Никитича,
Как насыпано пшено белояровой,
Хотел ему придать смерть скорую,
Но и говорит сам с собой:
«Сонного убить, как мертвого,
А лучше я растревожу его!
Сяду на добра́ коня Добрынина,
Станем драться, будем ратиться!»
Сел Олёша на добра́ коня да на Добрынина.
А Добрынюшка Никитич пробуждается:
Скочил со сна-то он без пояса,
В одних чулочиках, без чоботов.
Стал биться с Олёшей Поповичем.
Как день бьются они не едаючи,
Ночь бьются они не пиваюци,
Как другой день бьются и другие ночь,
Хлеба-соли не едаюци,
Отдо́ху-то им тут не дается.

Как бьются третий день и третью ноць,
Хлеба-соли не едаюци и не пиваюци,
Отдóху тут им не дается.
Все-таки не мог победить Добрыню Никитича.
Приехал старый казак Илья Муромец.
«Ай же вы, молодые руськие могучие богáтыри!
Напрасно вы бьетесь-ратитесь,
Напрасно кровь проливаете.
Побратайтесь-ко вы братьцямы».
Схватил их за рýки резвыи.
«Ай же ты, стар казак Илья Муромец,
Если бы ты заехал спéреду,
Получил бы ты яйцё христосьское,
От меня, от Добрынюшки Никитича.
А хорошо, что ты сзаду заехал-то!»
А тут оны и побрáтались.

№ 95

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Поезжат Добрыня во цистó полé,
Наказыват Настасьи Микулицьне:
«Дорогая жона Настасья Микулицьна,
Я кладу тебе да заповедь,
А кладу я тебе заповедь трú годá,
И ищё же кладу да и шесть годов, —
А как в шесть не приеду, дак в живых не будý!
И хоть вдовой живи, хошь замýж поди,
И хошь замýж поди, хошь и так живи,
А уж только не ходи за Алёшу Поповиця:
А Олёша мне — подкрёстовой брат!»
А ждала Настасья Микулицьня —
Не приехал Добрынюшка в три годá.
А ждала Настасья Добрынюшку три годá,
Прождала Настасья Микулицьня,
Прождала Настасья еще шесть годов.
И стал тут Олёша к Настасье подхаживать,
И стал ё, душецьку, подсватывать.
Он подсватыват, сам ухаживат:
«Ты добром пойдешь, дак добром возьму,
А добром не йдешь, дак силóм возьму!» —

«А погоди-тко, Олёша Поповиць, добрый молоде́ць,
А исполню я заповедь я женьскую,
А прожду я Добрыню еще три́ года́!»
И ждала Настасья Микулицьна,
И ждала Олёшу еще три́ года́.
И прошло тому времени дак девять лет.
И стал тут Олёша подхаживать,
И стал ё, душечку, подсватывать:
«Погоди-тко, Олёша Поповиць, доброй молоде́ць,
Погоди-тко, да не спешись-ко ты!
А схожу я да подумаю!»
И подумала Настасья Микулицьна
И пошла да за Олёшу да Поповиця.
А сёгодни у ех пирова́ньицё,
А завтра у их винця́ньицё.
А цесна́ вдова Офимья Олёкса́ндровна
А по терему да похаживат,
Голоском она да поваживат:
«А было одноё кра́сноё солнышко,
А был любимой сын, Добрыня Микитинець,
А остался да святёл меся́ц,
А осталася Настасья Микулицьна:
А походит замуж за Олёшу Поповиця!
А у их пир идё да по третий день!»
Прилетела птицынька вещ⟨и⟩чая,
А садиласе Добрыне на окошецько,
На круто́ ле Добрынюшки злоголовьицё:
«Ай же Добрынюшка Микитинець,
А ты спишь да высыпаешьси,
Над собой невзгоды не нацаешьси.
А твоя-то молода жона,
Молода жона Настасья Микулицьня,
А походит замуж за Олёшу Поповиця!»
А скоцил тут Добрыня со крепко́го сна,
Оседлал тут своего доброго коня,
А бил его да по крутым рёбра́м:
«А ты волцья сыть да пёлово́й мешок!»
А валилсе добрый конь на копыты-то.
«А вез ты меня сюда в три́ года́,
А отсюль ты вези да в три́ часа́!»
Конь реки, озёрышек меж ног пускал,
А маленьки залески хвостом застёла́л.
Приехал Добрыня к своей матушке,

Говорит Добрыня таковы слова:
«А цесна́ вдова Офимья Олександровна,
Твой тут сын Добрынюшка Микитинець!» —
«А отъезжай-ко ты, насмешник, с циста́ поля́,
А откуль ты приехал к дому сиротьскому!
А было у мня одно да кра́сноё солнышко,
А был единой сын Добрынюшко Микитинець,
А осталсе свётел мися́ц —
А осталосе Настасья Микулицьна.
А теперь походит за Олёшу Поповиця:
А у их пир ди́ет да по третий день!» —
«А цесна́ вдова Офимья Олександровна,
А родная моя да ты матушка,
Принеси-тко мне платье скуморо́сьские,
А дай-ко мне гусе́лышка яро́вцяты!»
А надел тут Добрыня Микитинець,
А надел ён платья скоморо́сьские,
А взял ён гу́селка яро́вцяты,
А не спрашиват Добрыня Микитинець,
У ворот не спрашиват приворотников,
А у дверей не спрашиват придви́рников,
А валит Добрынюшка пряму туда,
А приходит ён на чесны́ пиры́,
А ён крест веде по-писа́ному,
А поклон кладет да по-ученому,
Говорит Добрыня таковы слова:
«А где ж этта у вас сидят скороморошиньци,
А где же место скуморо́сьское?»
Говорит же солнышко князь сто́льнё-киеськой:
«А слезай-ко ты на пецьку да на за́печье —
А у нас там места да скуморо́ськии,
А все там сидят да скуморошиньки!»
А стал тут Добрынюшка Микитинець,
А стал ён струноцьки напе́ливать,
А стал ён по струноцькам похаживать,
А всех по имени да по изотчинки,
А он всих да выговаривать.
А все на пиру да приунылисе,
А все да примолцалисе:
«А тут сидет не скуморошина,
А тут сидет кому ни быть — из русских быть!»
Говорит тут солнышко Владимер сто́льнё-киесьской:
«А слезай-ко ты же ты, скуморошинка,

А слезай-ка ты из пецьки да из за́печья,
А выбирай-ко местецько по-разуму:
А перво ты место — подли́ миня,
А друго ты место — супроти́в миня,
А третье место — где ты сам берешь,
Где ты сам берешь, да где пожалую».
А не сел скоморошинка подле́ его,
А не сел скоморошина не проти́в его,
А сел тут супротив княгыни княженецькоей.
Наливат-ко цяру зелена́ вина,
Выпиват-ко цяру на единый дух.
Наливал тут цяру зелена́ вина,
Наливал тут цяру скоморошинка,
Подносил ён цяру Настасьи Микулицьны:
«Дорога́ княгиня Настасья Микулицьна,
Принимай-ко цяру обымя́ рукма́,
Выпивай-ко цяру на единой дух!
А выпьешь до дна — дак увидишь добра,
А не выпьешь до дна — не увидишь добра!»
И взимала цяру Настасья Микулицьна,
Выпивала цяру на единой дух —
Увидала Настасья в цяре злацён персте́нь,
А которым пе́рстнем да обруцялась.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Ах ты, солнышко князь Владимер сто́лнё-киевской,
Остальнии друзья, сильнии русьскии бога́тыри!
А не тот мой муж, кой подли́ меня,
А тот мой муж, кой напротив меня!
Извини, извини-прости, Добрынюшка Микитинець,
А по-твоему да я не сделала!
Говорил Добрынюшка, наказывал:
„Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди,
Хоть поди ты, Настасья Микулицьна,
Хоть за попов, хоть за крестьянина,
Хоть купцов, хоть за татарина,
Хоть за русьских могуцих бога́тырей,
Но только не ходи за Олёшу Поповиця!"
И прости меня, Добрынюшка Микитинець,
Что по-твоему я не сделала!
А ждала я Добрынюшку с циста́ поля́,
А ждала я Добрынюшку три́ года́,
А еще я ждала Добрынюшку шесть годов,
И клала я женьскую заповедь,

И ждала Добрыню еще три́ года́.
И прошло того времяцьки девять лет.
Поприехал Олёша Поповиць с цистá поля́,
А привез ён вестоцьку нерадоцьну:
„Ай же ты, вдова Настасья Микулицьна,
А твоего-то Добрынюшки в живых нет!
А лежит Добрыня во цисто́м поли́,
А головой лежит Добрыня на ракитов куст,
А буйна голова поразломана,
А могуци плецьки порасстреляны,
А оброс уж Добрыня ковылем-травой!"
Ну, пошла я за Олёшу Поповиця,
Подумала того, что тебя в живых, ну, нет!» —
«Как прощу я тебя, Настасья Микулицьня!
А не дивуя я ра́зому женьскому,
А дивуя я солнышку князю Владимиру
Со своей княгиней Опраксе́юшкой:
От живого мужа да жону́ отнеть!»
И скоцил тут Добрыня на резвы́ ноги́ —
А схватил он Олёшу за желты́ кудри́,
А стал ён Олёшеньку поваживать,
А стал тут Олёшенька подляживать.
На том тут жених да пожы́нилсе!

№ 96

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Еще все на перу да напивалисе,
Да еще все на перу да порасфасталисе:
Да умный хвалится да родной матушкой,
А рассудной хвалит да молоду жену,
А безумной хвалится да родно́й сестрой.
Тут Настасья Микулицьна
Да шивала она ⟨в⟩ пялушка точеныих,
Брала она иголку да золоченую.
Приходит к ней свекровушка,
Приходит к Настасьюшке Никуличной:
«А ты что сидишь, Настасья Никулична,
А еще нет у тебя да Добрынюшки,
Уежжает у тебя во цисто поле да оставляет тебя!»
Одевала Настасья платья да на одно плечо,

Да обувала сапожки на босу́ ногу́,
Да приходила к Добрынюшке Никитушке:
«Да ты куда да уежжаешь, Добрынюшка?
Да на кого оставляешь миня, молоду жену,
Ой, молоду жену Настасью Никуличну?» —
«Ай проживи-ко ты, Настасья Никулична,
Ай проживи-ко ты три го́да, ой ты ровно три́ года́, —
Да ты исполни-ко заповедь замужнюю,
Да проживи-ко еще три́ года́ —
Да исполни-ко заповедь вдовиную!
А потом ты хоть, Настасьюшка, заму́ж поди:
Да поди ты, Настасьюшка, хоть за барина —
Не ходи-ко ты да за Олёшу Поповиця,
За Олёшеньку Поповиця,
Да за деви́чьего насмешника!»
Да стал Олёшенька да к ней подхаживать,
Да стал Настасьюшку Никулицьну подсватывать:
«Ай не пойду я ровно три года в замужесьву —
Я исполню его заповедь замужнюю!»
Ай стал опять ли Олёша подхаживать,
Стал Настасьюшку Никуличну подсватывать:
«Ай не пойду-ка еще я ровно три́ года́ —
Ай я исполню эта заповедь вдовиную!»
А он стал ли-то, Олёшенька, подсватывать —
А у них пир пошел ли на́ весь мир.
А услыхал ли-то Добрыня в чисто́м поле́,
А привязал ли-то коня к столбу тоцёному,
А ко столбу тоцёному, ко колецьку золоцёному,
Ой приходит-то да ко Олёшеньке Поповицю.
Что садился все на печку ⟨да⟩ на белую,
А брал ли то он гусе́лушка веселую,
Да выигрывал, высвистывал во весь голо́с.
Ой говорила тут Настасья Никулицна:
«Да как по голосу да есть по возрасту —
Да будто мой муж,
А и по волосу, — дак не мой муж!»
Наливала тут ли чару да тую зелёна́ вина,
А другу чару — меду сытного.
Ай выпивал ли чару зелёна вина,
А он чару меду сы́тного,
А он спустил ли золотой перстень,
А говорил ли он Настасье Никуличной:
«Ты выпей-ко эту чару меду сы́тьнёго,

39 Зак. 3948

Уж ты пей до дна — дак увиди́шь добра!»
Ай выпивала ету чару меду сы́тьнёго —
Ой увидала-то она злачон перстéнь,
Ой говорила при всей публике:
«Что посередь стола, дак ето — не мой муж,
А что по край стола, да вот где — мой муж!»
А тут Микитушка Добрынюшка
Брал Олёшеньку Поповиця,
Ай он брал ли девóчьего насмешника,
Ай он брал ли за желты́ кудри́,
А он бросал ли его да о сыру́ землю́,
А он говорил да приговаривал.
(*Наверно, приговаривал, зачем жену от живá мужа берет*!)

№ 97

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Бывал сын-то матери говаривал,
Честнóй вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты, родная матушка,
На что меня, удáлого, споро́дила,
Красóй-басóй в Осипа Прекрасного,
Меня силой да в Илью Муромца,
Меня храбростью во Олёшу Поповича?
Дай же мне прощеньцо-благословленьцо
Мене ехать дак в чисто́ поле́,
Ко поганыим да так воевать итти,
Ко поганыим да ко татаровям!»
Как тут-то Добрыня Микитинец
Брал ён своего конюшка доброго,
Кладал седелышко черкальское.
Уж тут бросалася честнáя вдова Офимья Александровна
Во свой да высок терем к молодой жоны,
К молодой жоны, Настасье Микуличной:
«Уж ты, ай же Настасья да Микулишна!
Уж поежжает Добрыня Микитинець
Во чисто́ поле́ дак поля́ковать».
Уж тут бросалась Настасья Микулишна
В одной сорочки без пояса,
В одних цулочиках без чоботов.
Говорит ёна́ Добрынюшке Микитинцу:

«Придалеко ли дак отправляешьсе?
Уж ты далеко ли дак снаряжаешьсе?
Оставляешь дак меня, молоду́ жону́!
Уж когда ждать тебя, дак поджидать еще?»
Он сказал уж ведь к своёй молодой жене:
«Ты уж день живи, другой живи,
Уж ты год живи да нунь девять лет,
А как исполнится дак того времени,
А как исполнится да нунь девять лет,
А как будет не видать меня из чиста́ поля́,
Тогда заму́ж поди, хоть вдовой живи,
А только не ходи-ка за Олёшеньку за́муж за Поповиця,
За моего-то братця дак покрестового!»
Уж она день живет, другой живет,
И живет она круглую неделюшку,
А сидит она, бедна, дак закручинелась.
Уж как приходит тут Олёшенька Попович он:
«Уж ты, Настасья Микулишна!
Уж ты не знаешь своей великой незгодушки,
Что не спрашиваешь про Добрыню Микитинца.
А я приехал сечас из чиста́ поля́,
Уж как убит лежит Добрынюшка,
Добрынюшка да Микитинец.
Он головушкой лежит под кустышек,
Резвы ноженьки дак на цисто́ поле́».
Уж как стал тут Олёшенька к Настасье подхаживать,
Уж стал Настасью да замуж подговаривать.
Как тут ведь в детской ум —
Послушала ведь жена Добрынюшки,
Как выходила за Олёшу за Поповиця.
Как находитсе у них поцестной пир...
(*Середину былины П. Г. Филимонова забыла.*)
Говорит ёна́, мать его Добрынина:
«Уж как Добрынюшка дак ты Микитинець!
Уж как уехала твоя молода́ жена
Со Олёшенькой да ко веньцаньицю!»
Уж он брал свои гу́селки яро́вцяты,
Приходил к Олёше на поцестный пир,
Сел Добрыня на кирпичну печь,
Заиграл во гусёлышки яро́вчаты.
Уж тут Настасья сдогадаласи,
В лице кровь у ей разыграласи:
«Должно, приехал Добрыня Микитинець,

А Добрынюшка ведь из цистá поля́!»
Наливала ему цяру зелена́ вина,
Подносила Добрыне Микитинцу:
«Уж ты пьешь — дак пей до дна,
А не пьешь до дна — дак не видать добра!»
Уж он пил всю цяру всю до донушка —
Как на донушке там золото́ кольцо.
Приходит ко столу-то дубовому,
Он ведь брал тут Олёшу за желты́ кудри́,
Да побил Олёшу цють не до́ смерти.
Как тут Олёша скорился-смолился Добрыне Микитицю:
«Уж ты оставь меня хоть немножечко,
Убирай свою жену законную,
Уводи жену во свой высок терем!»

№ 98

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

А как в славном во городи да во Ки́ёви
А ведь у князя ли у Владимира
А был ли открыт да поцéстной пир.
А зазывал Владимир-князь дорогих гостей,
А ведь съежжалисе сильнии могуции богатыри.
А наливал ли ён цяру зелена́ вина,
А ведь и мерой цяра — полтора ведра,
А ведь и весом цяра теперь полтора пуда́.
«Ай уж вы, сильнии могуции бога́тыри,
Ах кто бы из вас выпил цяру зелена́ вина?
А кто бы взялсе стоять время за шесть годов
А ведь за це́рковки за соборныи,
А ведь и за дом Присвятой да Богородици,
А не пропускать не прохожего, не проежжего
А без докладу во славной город Ки́ёв-град?»
А тут же вси сильнии могуции бога́тыри
А вси на пиру позатихнули,
А на перу ли вси позамолкнули:
А ведь бóльшой ту́литсе на среднего,
А середней, тот ту́литсе на ме́ньшого,
А ведь и от ме́ньшего и ответу нет.
А как изволил стать на резвы́ ноги́
А ведь Добрынюшко сын Микитинець:

«А уж ты, солнышко Владимир-князь сто́льнё-киеськой!
А выпью я цяру зелена́ вина —
А ведь возьмусь стоять да за Ки́ёв-град,
А я за Ки́ёв-град, за веру за крещоную,
А я за це́ркови за соборныи,
А я за дом Присвятой Богородици.
А ведь возьму времецьки-то я на шесть годов».
А ведь и брал Добрыня ядино́й рукой,
А выпивал Добрынюшка на ядино́й здох.
А ведь и ехал Добрынюшко к своёй ро́дной матушке,
А ко цесно́й вдовы Офимьи Тимофеевны,
А ведь падал ли матушке Добрынюшка в ноженьки:
«А уж ты, свет моя государыня,
А государыня моя да ро́дна матушка,
А дай-ко мне проще́ньицё, дай благословле́ньицё!
А взялсе я это стоять за Ки́ёв-град,
Я за Ки́ёв-град и за веру за крещоную,
А за церквы да соборныи,
А ведь за дом Пресвятой да Богородицы,
А ведь и время-то на шесть годо́в,
А не пропускать без докладу-то
А ни прохожего, ни прое́жжего!»
А ведь и говорила Добрыне ро́дна матушка,
А ведь цесна́ вдова Офимья Тимофеевна:
«А уже ты, моё ро́дно цяделко,
А лучше бы, ця́делко, было не ро́жено,
А ведь на свет, ця́делко, не было спущено,
А было не спущено да по разным по го́родам,
Ай чтобы и́здить по дальним по сто́ронам,
А бить тибе головушки бесповинныи,
А ведь сироти́ть тебе да моло́дых жон,
А ведь моло́дых жон серотить, малых детушок.
А я бы знала-то бы да ведала,
А что бы ты, эдако цядо, споро́дилось,
А не такого бы цядо я споро́дила:
А я бы силушкой тибя, могутушкой
А ведь в Илью бы тебя во Муромця,
А ведь сча́сьём тибя б да ро́дила
А ведь в Ставра́ сына Гординовиця,
А красотой бы споро́дила
А в Цюрилушку ведь Пле́нковиця,
А богасьвом тибя я споро́дила
А в мо́лода бы Дюка Степановиця!

А ведь ты-то, ця́деlко, народилосе
Да без головы да без повинныи!»
А говорил тут-то да Добрынюшка:
«А уж ты дашь, матушка, прощеньиця — поеду ведь,
А и не дашь прощенья — ехать надобно».
А ведь садилсе на добра́ коня.
А в воротах-то стоит молода́ жона,
А молода́ жона, любима́ семья,
А ведь тая ли Овдотья Микулицьна:
«Ой не улети, да ясён соко́л,
А не езди ты, добрый да мо́лодець!
А на кого ты меня оставляешь ведь?» —
«А если не приеду я через шесть годов,
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди.
А еще, Овдотьюшка Микулицьна,
А иди хоть за князя, за боярина,
А хоть за ту госьподьску холопину,
А еще же ты послушай-ко,
А не ходи за вора за Олёшеньку Поповиця:
А мы с ним братиця покрестовыи!»
А поднялася-то пыль да ку́ревка,
А уехал Добрыня стоять во цисто́ полё,
А во цисто́ полё на шесть годов
А он за Ки́ев-град, за веру за крещоную,
А он за церкови за соборныи,
А он за дом Пресвятой Богородици.
А тут ли де́нь за днём — как дожжь дожжит,
А тут неделька по неделькe — как руця́й бежит,
А го́д-то за годо́м — как трава росла,
А прошло времецьки шесть годов —
А не видать же Добрыни из циста́ поля́.
Да приежжат Олёшенька да Поповиць-то:
«А ведь и здраствуй-ко, Добрынюшки матушка,
А здраствуй ведь, Овдотья Микулицьня!
А видел я Добрыню Микитиця,
А видел я сегодня во цисто́м поли́
А ведь Добрынюшку-ту убитого:
А ведь ножки лежат Добрыни ко дороженьки,
А ведь буйной головкой во раки́тов куст,
А скрозь Добрыню, как скрозь Микитиця,
А проросло ли деревцё-то калиново.
А ведь на этом на де́ревци на калиновом
А свито у соловьюшка гнездышко,

А ведь сидит соловейко, высвистыват,
А сидит ли соловейко, выговариват:
„А нет ли прохожего-проежжего
А свисти ли вестоцьку нерадостну
А ко Добрыниной да ко матушке,
А ко Добрыниной молодой жены?"
А ты ли, Овдотья ведь Микулицьна,
А иди-ко ли за меня замýж!»
А отвицяла Овдотья Микулицьна:
«А не ходи-ко ты, Олёша, не подхаживай,
А за себя меня, Олёша, не подговаривай!
А ведь исполнила я мужнюю Добрынину заповедь:
А жила я ведь вдовой я шесть годов.
А еще помню свою заповедь:
А я еще проживу-то ведь шесть годов,
А не приеде Добрыня — дак тогда будé!»
А дéнь-то ведь за дéнь — как дожжи дожжят,
А неделька по недельке — как ручьи бежат,
А гóд-то за гóд — как трава росла,
А прошло ведь времени еще шесть годов,
А всего времецьки да двенадцать лет —
А не видать ли Добрыни из цистá поля́.
А тут вор Олёша Поповиць-то
А подгóворил ли князя Владимера
А со Опраксией, своей молодой женой,
А ведь со Опраксией Романовной.
А ведь приехали Овдотьюшку сватати,
А как нивóлей-силóм берут:
«А не йдё — срубим голову!»
А ведь и тут повезли да во Божью́ церкву́.
А как сидúла Добрынюшки рóдна матушка
А под косúвцятым под окошецьком,
А под хрустальным под стекёлышком,
А ведь сидела она и плакала:
«А через двенадцять лет расставаласе
А со своим я цяделком, со Добрынюшкой.
А ныньще годик я порассталосе
А со невестушкой со любимою!»
А добрый конь да поскакиват,
А широко ли да перемахиват,
А прямо идé к полаты белокаменной.
А приходит мóлодець в полату белокаменну:
«А уж ты здраствуй, Добрынина матушка!

Видил я Добрыню во цистóм полѝ.
А ведь и завтра Добрынюшке домой прибыть!» —
«А ой ты, какая невежа приехала,
А над тою ли старушкой надсмехатисе.
А если бы был Добрынюшка во живности,
А был ли Микитинець да при близнисти,
А не дошло бы надо мной насмехатисе!
А ведь сегодняшним дéнецьком
А ведь солнышко Владимер-князь стóльнё-киеськой
А забирал за Олёшу за Поповиця,
А увез Добрынюшки молоду жону,
А молодую жону во супружесьво!» —
«А уж ты, свет моя государыня а рóдная матушка,
А ведь-то худо тебе да показалсе-то,
А я во долгих-то во поездоцьках.
А примецяй-ко своегó ты Добрынюшку,
А примецяй-ко по староим приметоцькам!» —
«А у моего ли то у Добрынюшки,
А у маленького ля́гнинько,
(*Лягнуто копытом*)
А головушка у ёгó — перелóженькой».
А полагала она руцьки белыи
А ведь на буйну ли на голóвушку,
А видь циловала в уста-ты сахáрные,
А скидовала ли Добрынюшки платье дорожное,
А приносила ль платье скоморóвцято.
А брал Добрынюшко гусёлышка ярóвцяты —
А ведь пошол к Олёши на поцéстной пир.
А у Олёшеньки у Поповиця
А ведь воротницьки тут поставлены,
А ведь двóрицьки перекладены.
А ведь Добрыня дворникам дал по полтиннику,
А ведь воротникам давал по рублёвику,
А ведь маленьких робяток уговаривал:
«А не криците-ко, помолците-ко,
А вы меня коли пропýстите-ко,
А завтра я для вас ведь пер заведу,
А всих я пивом вас напою,
А пивом напою да по калацику даю!»
А ведь прошол к Олёши на поцестной пир.
(*Недосуг у матери погостить.*)
А приходил ли в полату белокаменну,
А крёс ли клал Добрыня по-писáному,

А ведь поклон вел по-уцёному,
А ли князю-то Владимиру:
«А нет ли-ко мисте́цько скоморошеньки,
А ведь мисти́цько мне немножецько,
А мне взыграть в гусёлышко яро́вцяты,
А воспоте́шать князей, бояр, новобрацьных?»
А отвецял ли-то да Владимер-князь:
«А уж ты, лёккая скомороши́на,
А по записи места́ у нас заняты,
А те — на пецьки кирпитов пол».
А на ножку лего́к — да на пецьку скоко́к.
«А мне-то здись потепле всих,
А потепля́е мни да повидняе всих!»
А ведь нацял струнушки ён натягивать,
А по гусёлышкам да похаживать:
А ведь припе́воцёк завёл Добрынюшка — от Ки́ёва,
А ведь доводит Добрыня — до Цернигова.
А ведь и вси на пиру позатихнули —
А ведь такой игры ввек не слыхано,
А век не слыхано и не видано.
А говорил ли тут Владимер-князь:
«А уж ты, лёккая скомороши́нька,
А иди-ко от нашего князя новобрацьного
А выпей-ко цяру зелена́ вина!»
А брал Добрыня цяру лево́й рукой,
А ведь вылил Добрыня на испа́шоцьку.
А наливала цяру княгына новобрацьная,
А ведь брал Добрыня цяру право́й рукой,
А выпил цяру Добрыня на яди́ной здох,
А полагал ли свой златой персте́нь,
А ведь златой персте́нь обруцяльныи.
«А ведь княгинюшка новобрацьная!
А ведь зглянешь до дна — увида́шь добра,
А ведь не зглянешь до дна — не увида́шь добра!»
А ведь зглянула до дна — увидала добра:
«А уж ты, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киевськой!
А ведь не тот муж, который по́дли миня сидит,
А ведь тот мой муж, кто противо́ стоит,
А ведь я не волей шла, меня сило́м брали!»
А говорил ли тут Добрынюшка:
«А не дивую я бабы-женьцины —
А у ней волос до́лог, ум коро́ток есь.
А я дивуя солнушку,

А я дивую старому Владимеру,
А я старому псу, седа́тому,
А за которого стоял я двенадцять лет,
А ён отцего берет во супружесьво?»
А брал Олёшу за желты́ кудри́,
А ведь и бросил Олёшу через столы-ты дубовыи,
А ён ли бросил Олёшу о кирпитов пол.
А у Олёшеньки у Поповиця
А ведь рубаха да лопнула,
А видь на Олёши кожа трёснула,
А ведь и плават раскаракою.
А говорит тут Олёша Поповиць-то:
«А всякой на Святой Руси женитсе,
А не кажному женитьба удаваетсе!»

№ 99

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Во славноем во городи во Муроме,
Во том во селе во прекрасноем
Справляетсе-ти как было, снаряжаетсе
Дороден как было доброй молодець,
Как етот Микитюшка Добрынинець,
Во етую путь-дорогу не в дальнюю
Не в дальнюю дорогу, во пецяльнюю,
Ко етому ко морюшку ко синему,
Как ⟨в⟩ тот был шатер белополо́тняной.
Кладае́т он заповидь великую,
Великую заповедь, удальнюю
Своёй жены-ка законную,
Как этой ли Настасьи Микулицьны,
Кладат он годушки тыи уцетныйи:
«Проживешь ты на тыи ли шесть годов,
Шесть годов, Настасья Микулицьна, —
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди!
Не ходи-ко ты за Олёшу Поповиця,
За этого насмешника за бабьего,
За того омманщика за девоцьего!
Поди хоть за крестьянина, холопина,
Только не за Олёшку нынь Поповиця!»
Прошло это уцётных шесть годов.

Клала нынь Настасья Микулицьна,
Как клала заповедь великую
На тый как было неуцетный год.
Прошло ныне-ку уцетный год —
Как и то было шесть годов.
Наезжат Олёша во цисто́ полё
Из того шатра из белополо́тняна,
Из того из синего из морюшка,
Говорит Олёшка Поповиць-то:
«Ай же ты, Настасья Микулицьна,
Как эта жона его́ законная,
Как этого Микитушки Добрыниця!
Как нету Микитушки Добрыниця
У того ли у морюшка у синего,
Как в том шатри белополо́тняном,
Как лежит буйна головушка,
Лежит-то во ракитовом кустоцики,
Как буйны его ноженьки
Во том-то во ракитовом кустоцики!»
Прошли-то эти уцётныи годушки —
Как нет, нет как извесьиця.
Говорит нынь Настасье таково́ слово́:
«Как ай же Настасья Микулицьна,
Как эта жона его законная!
Как я был я у их на поле на вели́коём
У того у их как у моря у синего,
Как нет ли Микитушки живагово!»
Прошло как у князья нунь сва́тосьво,
Прошло как у них удово́льсвиё.
Как стал ⟨к⟩ Настасьюшке похаживать,
Как стал Настасьюшку посватывать
Как с этой-то княгыной со Опраксией.
Как это тут князь Владимер ведь
Повыдал Настасью Микулицьну
За этого Олёшку Поповиця;
Как сошла ёна́ к ему́ в замужесьво
За этого Олёшку Поповиця.
Да за того омманьщика девоцьего,
Да за того насмешника за бабьего.
Налетают тут голубь со голубкою
Ко этому ко синему ко морюшку,
На этот шатер белополо́тняной
Ко этому Микитушки Добрыницю,

Говорят они не по-птицьему —
Как говорят они по-целове́цьему:
«Как ай же Микитушка Добрыниць-то,
Твоя Настасья, жо́на законная,
Как эта Настасья Микулицьна,
Как это идет за Олёшку Поповиця!»
Скорей снаряжаетсе в путь-дороженьку,
Скоцил на свои на резвы́ ноги́,
Выходил нонь из шатра белополо́тняна
На тую на матушку сыру́ землю́,
Крыцял Добрыня во всю голову:
«Ах ты, Карюшко-бурушко,
Ах ты нунь, мой доброй конь,
Поди-ко ты к Микитушку Добрынюшку,
Ко тому к шатру белополо́тняну!»
Скоры́м-скоро́ уздал добра́ коня
Как этот Микитушка Добрынюшко,
А седлал он добра́ коня.
Своего он Карюшка-бурушка,
Поехал от си́нёго от морюшка
Как ⟨к⟩ этой вдовы да Омельфы Тимофеевны,
Как к той вдовы благоцестивыи.
Как нацял его конь поскакивать,
Как нацял он вёрсты помахивать,
Озера ён и реки перескакивать,
Как буйны леса промеж ног пускать.
Приехал он к Омерфе Тимофеевне,
Ко той ко вдовы благоцестивыи,
На этот как было на ши́рок дво́р,
Ко етому кольцу золоцёному,
Ко тому ко столбу тоцёному.
Выходит он во гридни столовыи
Ко этой Омерфы Тимофеевны,
Ко той ли ко вдовы благоцестивыи:
«Ай же ты, вдова благоцестивая,
Как эта Омерфа Тимофеевна!» —
«Здраствуй, сероссийскии бога́тыр⟨и⟩,
Как этот Микитушко Добрынюшко,
Как мне цядо мое ми́лаё,
Как это мое дитя, мое люби́моё!
Как ай же Микитушко Добрынюшко,
Как цядо мое ми́лоё,
Как это мое дитя, мое любимое,

Твоя как жона ну-ко законная,
Как эта Настасья Микулицьна,
Пошла за Олёшку за Поповиця
Как это было в замужесьво». —
«Как ай же ты, Омельфа Тимофеевна,
Как ай же ты, родитель моя матушка,
Как ⟨т⟩ая вдова благоцестивая!
Послушай-ко, Омерфа Тимофеевна,
А тая ли вдова благоцестивая,
Послушай-ко ты, что нунь-ко я скажу!
Послушай-ко, Омельфа Тимофеевна,
А тая ли вдова благоцестивая:
Как дай-ко одёжу нахýжаю,
Дай-ко мне лапотцы липóцяты!
Пойду я нунь калúкою перехожею
На этот на поцестной пир
Ко этому Олёшки ко Поповицю,
Ко этому ко князю со княгиною,
Как ⟨с⟩ этой княгиной со Опраксией, —
На тот ли на поцестен пир!»
Как дала она лáпоценьку липóцяту,
Как дала она одёжу нахýжаю —
Пошел он калúкой перехожою
На тот ли было на поцестной пир.
Как взял он гýсельця ярóвцяты —
Пошел он калúкой перехожею.
Пришел он ли на поцестной пир
Да к тому ко князю ко Владимеру,
Ко тому ли Олёшки Поповицю,
Забралсе на пецьку на зáдорги
Да той каликою перехожею.
Сидят нунь на пиру да проклаждаютсе,
Над собой незгоды не чуствуют.
А этот калúка перехожая
На той на пецьки на зáдорги
Заиграл во гýсельця ярóвцяты —
Как эта калúка перехожая,
Как эта калúка перееждая:
Как-то тут расплясалисе,
Вси-то тут расплясалисе.
Говорит тут князь таковы слова:
«Ай же калúка перехожая,
Слезай-ко, калúка, со пецьки со зáдорги,

А к тому ко столу княженецькому,
Как к этому Олёшки Поповицю.
Как к той ли Настасьи Микулицьны,
Как к этой жоны его законныи!»
Как вышел калика перехожая,
Как с той ли пецьки со за́дорги
К тому ко столу княженецькому,
Как к етому Олёшки Поповицю,
Как той ли Настасьи Микулицьны,
Как к етой жоны его законныи,
Заиграл он во гуселиця яровцяты
У этого у князя у Владимера,
У этого Олёшки Поповиця.
Говорит Микитушка Добрынюшкин:
«Ай же ты, князь со княгиною,
Со своей-то княгиной со Опраксией,
Дай-ко ты кали́ки перехожою,
Как дай-ко ты кали́ки перееждою
У того у стола княженецького,
У этого у Олёшки Поповиця,
У той у Настасьи у Микулицьны,
Как дай-ко цару зелена́ вина,
Другую налей мне пива пьяного,
Как третью налей меду сладкого,
Чтобы мерой были полтора ведра́,
Чтобы весом были полтора пуда́!»
Как взял-то цару ядино́й рукой,
Как выпил цару на яди́ной дух —
Стоит тут Микитушка, не стря́хнется,
Как жолтыи ку́дерка не своро́хнутся.
Говорит как князь со княгыною,
Как с княгиной со Опраксией:
«Ай же ты, кали́ка перехожая,
Ай же ты, кали́ка перееждая,
Ай же кажи-скажи, не утай себя.
Какой ты земли да какой орды?
Какого ты отьця, какой матушки?
Поп ли ты, поповиць ли?
Король ли ты, королевиць ли?
А есь ли посол ли Лиходо́ньскии?» —
«Ай же ты, князь со княгиною,
Со своей с княгыной со Опраксией!
Не поп ли хоть нуне, поповиць ли,

Не король нуне, не королевиць ли,
Не есь я посол Лиходо́ньскии —
Славной сероссийскии богатыр⟨ь⟩,
Как этот Микитушка Добрынюшка,
Как тот ли сын Ивановиць,
Приехал на поцестной пир
Ко этому ко Олёшки Поповицю,
Как к этой Настасьи Микулицьны!» —
«Как ай же ты, кали́ка перехожая,
Как ай же ты, кали́ка переежжая?» —
«Ай же вы нунь, князь со княгыною,
Дайте-ко вы кали́ки перехожою,
Дайте-ко кали́ки перееждою,
Дайте-ко вы цяру зелена́ вина,
Другу дайте пива пьяного,
Третью лейте меду сладкого,
Чтобы мерой были полтора ведра́,
Чтобы весом были полтора пуда́!»
Как взял Микитка ядино́й рукой,
Как выпивал Микитка на яди́ной дух —
Стоит Микитушка, не стря́хнетсе.
Как жолтыи ку́дерка не воро́хнютсе.
Говорит тут Олёшка Поповиць:
«Как это цёрт одет кали́кою,
Как это цёрт — не перехожая,
Как это цёрт — не перееждая!»
Говорит Микитко таково́ слово́:
«Как ай же князь со княгыною,
Со своей княгыной со Опраксией,
Как этому Олёшки Поповицю
Со тою Настасьей Микулицьной,
Как этой жоной да законною,
Налью цяру зелена́ вина,
Другу налью пива пьяного,
Как третью налью меду сладкого».
Как это⟨т⟩ Олёшка Поповиць-то
А с этой Настасьей Микулицьной,
Как этой жоной незаконною.
Налил ён цяру зелена́ вина,
Другую налил цяру пива пьяного,
Третью налил меду сладкого,
Как подал Олёшка Поповицю,
Как этой Настасье Микулицьны:

«Как ай же Настасья Микулицьна,
Как этого Олёшки Поповиця
Ай ты жона была незаконная,
Как пей-ко цяру зелена́ вина,
Как пей-ко нунь до дна — так увидать добра!»
Как выпила Настасьюшка Микулицьна,
Как выпила Настасья зелена́ вина.
Выпил нунь Олёшенька Поповиць ли
Как этого нунь-ко сладку меду́
Говорила Настасья Микулицьна:
«Как ай же Олёшка Поповиць-то,
Как этот насмешник над бабами,
Как этот омманщик девоции,
Надо мной насмехаишьсе,
Как это надо мной издеваешьсе!
Как это Олёшки Поповиця
Как это — жона незаконная!
Как муж мне — Микитушко Добрынин!
Как этот ли Микитушка Добрынин
Из этого из-за морюшка синяго,
Из того из шатра белополо́тняна,
Приехал он на тот ли на поце́стной пир
Как к этому Олёшки Поповицю,
Как к этому князю ко Владимеру,
Как к княгыни ко Опраксии!»
Скоры́м-скоро́ снаряжалсе
Да этого Олёшку Поповиця
Да взял его за жолты́ кудри́,
Как нацял нынь Олёшку похлыстывать,
Как нацял Олёшка попердывать:
Вот и от живого мужа жону отлуцять!
Говорит нынь Микита таково́ слово́:
«Как ай же жена моя законная!
Пойдем-ко, Настасья Микулицьна,
Как к этой матушке Микитушки Добрынина,
Ко той Омерфе Тимофеевны,
Ко той вдовы благоцестивыи,
От этого Олёшки Поповиця,
От того насмешника от бабьего,
От того омманщика девоцьего!»
Пошли ёны́, Микитушка Добрынин,
Ко этой ко Омерфы Тимофеевны,
Ко той вдовы благоцестивыи:

«А как ⟨т⟩ая вдова благоцестивая,
Ах эта Омерфа Тимофеевна,
Нашласе Настасья нуни Никулицьна,
Как эта жона моя законная,
Того как Микитушки Добрыниця.
Живи-ко ты, Настасья Микулицьна,
У те, той вдовы благоцестивыи,
У той Омерфы Тимофеевны,
А я опять поеду на своё местó!»
(*Прогла́сьица не могу наладить. Вспомнить-то я вспомнил. Якушов сказывает прогла́снее*!)

№ 100

ДОБРЫНЯ И ОЛЁША ПОПОВИЧ

Как Добрынюшка тут матушки говаривал:
«Уж ты, свет государыня-матушка,
Как честна́ вдова Офимья Александровна,
Уж на что меня, несчастного, споро́дила?
Ты споро́дила меня ⟨б⟩ да заморозила!
Ты кидала бы меня во сине́ морё —
Я лежал бы вместо камешка горюцего,
Как не слышал бы звону колокольного,
А того Божия пеньица церковного,
Не ходил бы я, Добрыня, по Святую Русь,
Не бил бы головушек напрасныих,
Не бил головок бесповинныих,
Не сиротал бы Добрыня молодыих жен!»
Как говорит тут мамаша Добрыни таковы слова:
«Уж не знала бы твоего спорожденьиця!
Уж как знала бы — родила тебя красой-басой,
А красой-басой я в того бы Осипа Прекрасного,
Походочкой — в Чурилушку Пленко́виця,
А силой бы, могуцесьвом —
В того ли Илья Муромця!»
Как Добрынюшки эти реци-то не слюбилисе.
Как сошел он на свой да на широкий двор,
А на тую конюшну лошадиную,
Лошадиную конюшенку стоялую,
Как вздымал своего вороного коня,
А садился на добра́ коня,

40 Зак. 3948

Поежжал-ка далеко́-дале́це-то,
А во тые во чисты́е поля.
Только видели Добрынюшко сядуци,
А не видели Добрынюшко поедуци —
Во чисто́м поли́ одна копоть стоит.
Говорит его молода́ жена:
«Как куда поежжаешь, свет Добрынюшко Микитинець,
А куда меня ты оставляешь ведь?»
Ён говорит таковы слова:
«Как послухай мужня наказаньиця:
Поживи-ко вдовой еще шесть годов!»
Не видать де Добрыни из чиста́ поля́,
Из того ли широкого раздольиця.
Она стала жить, времецько коро́тати.
Как денёцек за денёцьком — ровно дожжь дожжить,
Как неделька за неделькой — как река бежит,
Уж как де́нецек за де́нецьком — как порог шумит,
Как прошло шесь же лет —
Не видать Добрыни из чиста́ поля́,
Из того ли из широкого роздольиця.
Стал он, молодой Олёшенька, подхаживать,
Мо́лоду Настасьюшку замуж подговаривать:
«А добром пойдешь — я добром возьму,
А добром не йдешь — я силом возьму!» —
«Я жила шесть годов вдовой,
Как исполню мужнина наказаньиця,
Проживу еще я шесть-то лет!»
Не видать Добрыни из чиста́ поля́,
Из того да из широкого роздольиця.
Еще прожила шесть годов —
Не видать Добрыню из чиста́ поля́.
Уж как стал тут Олёшенька подхаживать,
Мо́лоду а Настасью подговаривать:
«А вчера был я во чисто́м поли́,
Уж как видел Добрынюшку убитого».
Потом она пошла за Олёшеньку ⟨в⟩ замужесьво.
Как сегодня у них да поце́сной пир,
Уж как завтра во Божьей церкви́ венцятисе.
Ну, потом прилетали птици во чисты́ поля́,
Как птички садились на бело́й шатер:
«Ты сидишь да проклаждаишьси,
Над собой незгодушки не ведаешь,
А твоя любима семья походит как в замужесьво

За того-то за Олёшеньку Поповиця».
Как он скакал со крепко́го сна,
А садилсе на коня да не на седлана,
Реки, озера поскакивал,
Как моря да скрозь ног пускал —
Едет ко городу ко Ки́еву.
Тут скоцил-то за башни заугольнии:
«Не кричите-ко, слуги вы заугольнии!
Я раскину пир на двенадцать дён,
Накормлю я вас еще до́сыта,
Напою я вас да ведь до́пьна».
Потом приходил на поце́сной пир:
Как сидит его́ молода́ жена
За тыма́ за столами за дубовыма,
За пи́тьяма саха́рнима.
Потом увидала молода да жона —
Наливала цяру зелена́ вина,
Подносила Миките Добрынину:
«Уж ты пьешь до дна — увидашь добра.
Как не тот мой муж, что возли́ миня,
А тот, который супротив стоит!»
(*Она, знать, уж того оставила.*)
А имал Олёшу за желты́ кудри́,
А кидал Олёшу о кирпи́цтов пол,
А тут Олёшеньке славу поют.

№ 101

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Бывал-живал Добрыня Никитинець,
Остался от отця он тут сир-малолетней-то,
Ай рос он, порос да и вырос до полного возрасту,
Обженила его́ матушка Марья Тимофеевна.
Обженила она его́... ⟨*нрзб*⟩
На житьё добра-ты, добра мо́лодца наставила.
А Добрыня, Добрыня Микитинець
А стал подумывать поехать воеватисе,
С неприятелем сосражатисе.
Дело он делаитсе —
Разгневал свою матушку Марью Тимофеевну.
Пришлось ему слово повымолвить,

Говорит-то он таковы слова:
«Нет, матушка, Марья Тимофеевна,
Как повыслушаю я тебя, тибе скажу».
Мать-то его наговорила таковы слова:
«Говори, говори, сын-кормилец, что тебе надобно,
Что тебе надобно, цестна́я собака заморская?
Шубу ли тебе заморскую али золотой казны тебе бесцетною, —
А все тебе будет исправлено».
Говорил ей Добрыня таковы слова:
«Матушка, Марья Тимофеевна,
А не то-то мне надобно, —
А позволь мне поехать воеватисе,
Нунь-ка дай ты мине благословеньице».
А мать-то вздохнула тяжелехонько
Да говорит ему таковы слова:
«Эх ты, мой-то Добрыня Микитинець,
Дак вот как не дело задумывашь —
Не дойдет как ехать воеватисе,
Не дам я тебе благослове́ньицё!»
Говорит ей Добрыня таковы слова:
«Матушка Марья Тимофеевна,
Хошь ты дай, хошь ты нет благослове́ньицё —
Поеду, поеду как надумано!
А мне еще есть цесь ни хвала молодецькая
А сидить да сидить с бабамы.
Надо съиздить в поля-ты во цистые
На побоища богатырьскую
Попробовать силы великую».
И здорил ведь с матерью Марьей Тимофеевной,
Да взял он уздецьку тесмяную,
А и отправился в стойлу лошадиную
А выбирать сибе коня по плецю богатырского.
А выбирал да коня-то ведь трех шерсте́й,
Шерсть была каряя, другая бурая, третья сивая.
На ты как накладывал уздецьку тесмяную,
Выводил он его на широкой дво́р.
Привязывал к столбику-то к тоцёному,
Ко колецецьку золо́цёну.
Кладыва́л потицьки на потики,
Войлуцьки на войлуки,
На верёх он седелышко церкальское,
Затягивал он ремни сыромятные,
Затягивал пряжки серебряны,

Потом отправился в полату белокаменну,
А приходит в полату белокаменну,
Говорит своей матери таковы слова:
«Матушка Марья Тимофеевна,
Посмотри-ко ты в окошецько,
У меня-то стоит каряя-бу́роё-си́воё,
Стоит у меня уже оседланной,
Приготовлены доспехи богатырьскии».
А мать-то да его испугаласе,
А побежала в гореньку
К хозяйке его к Настасьи Микулицьной.
Прибегала к Настасьи Микулицьной,
Говорила ведь ей таковы слова:
«Эх ты, Настасья Микулицьна,
Ты не шей... ⟨*нрзб*⟩
Не стегай шолковую... ⟨*нрзб*⟩
Не знашь ты незгоды великои:
У нас ведь Добрыня Микитинець
Поежжа́ ведь ён воеватисе.
Стоит-то у нас его каряя-бу́роё-си́воё,
Стоит-то у него уже оседлано,
Приготовлены доспехи богатырьские,
Отця своего, нова родителя».
А Настасья Микулицьна спугаласе
Да бросала пяла шо́лковую,
Бросала бумагу... ⟨*нрзб*⟩
Прибегла к Добрыни Никитицю,
Бросиласе к ему прямо на́ ворот,
Целовала в уста саха́рнии
Да унимала его, добра мо́лодця,
Говорила ему таковы слова:
«Эх Добрыня Микитинець,
Не едь, не идь ты куда не требуют!
Если придет беда неминуцяя,
Должно ты поедешь воеватисе».
Говорит Добрыня Настасьи таковы слова:
«Эх ты, Настасья Микулицьна,
Да не послушал я матушки Марьи Тимофеевной,
А об тебе я, Настасья, не подумаю.
Поеду, поеду я как надумано!»
Ну садилсе за столы за дубовыи,
Да кладовал крес по-писа́ному,
А покладывал по-уцёному.

А покушивал Добрынюшка до́сыта,
Пил Добрынюшка вина до́пьяна,
Походил со полат белокаменных.
Провожала его матушка Марья Тимофеевна
Да также и хозяйка Настасья Микулицьна,
Провожали его слуги верныи,
Провожали дворники-придверники.
Выходил Добрыня на широкой двор,
Поклонился на вси на четыре сторонушки,
Потом прощался он тут со своими людя́ми-то.
Говорил он ей тут таковы слова:
«Матушка, Марья Тимофеевна,
Прощай, моя хозяйка Настасья Микулицьна,
Прощайте, мои слуги верныи,
Прощайте, дворники-придверники,
Тут живите вы дома по-хорошему».
Пошол-то он ко добру́ коню,
Да садилсе тут на добра́ коня.
Да видали его тут сядуцись,
А не видли, когда поедуцись.
Поднялася его Бурушка-косматушка
Выше лесу шумяцего,
Ниже облака ведь ходяцего.
С горы на́ гору перескакивал,
Да реки, озера промеж ног пускал,
Моря да Онега, да ци́сты поля.
Приехал Добрыня на цисты́ поля,
Выкликал он себе поединьщиков —
Никакой с им бога́тырь не съехалси,
Никакой с им бога́тырь стоять не мог.
Ездил Добрыня, поежживал,
Ездил по полям широкиим
Да по побоищам богатырскиим.
Прошло еще времени три́ году́,
А Добрыня, Добрыня Микитинець
Не является на свою родину.
Тут Олёша, Олёша Поповиць-от
Стал он к Настасьи подхаживать,
Стал он Настасью подговаривать:
«Эх ты, Настасья Микулицьна,
А прошло тут-то время и три́ году́,
А должно тут ни живого, живого нет, —
Поди-тко за меня во замужесьво!»

Говорит Настасья Микулицьна таковы слова:
«Эх ты, Олёша Поповиць-от,
Скорым-скоро́ захотел меня взять —
Прошло тому времени три́ году́.
Пройдет тому времени три́ году́,
Да если не приеде Добрыня Микитинець,
Должно пойду за тибя во замужесьво!»
А тут ведь Олёша Поповиць-от
А взял да ведь сел на сивушка,
Поехал искать Добрыню Никитиця,
Своего ведь братца крестового.
Ехал кругом да окольныим,
А не проехал в одну сторону,
Он ехал ведь целой год.
Тут приехал во цисты́ поля,
Да издил по цисты́м полям широкиим,
По побоищам богатырскиим,
А разыскивал Добрыню Никитиця,
Своего он брата крестового.
Приежжал Олёша во цисто́ поле́,
Там увидел — стоит там бело́й шатер.
А стал Олёша, думу ду́маё —
Там увидал Добрыня Микитинця, неприятеля:
«Не убьет меня, доброго молодца,
А если так стоит неприятелем,
А решит мою буйну голову!»
А стал он подъежжять ко шатру белополо́тняну
Да увидал и лошадь знакому́ю:
Как его карюшка-бурушка-сивушка
Стоит у шатра белополо́тняна
Да ест пшаницу белояровую.
А Добрыня, Добрыня Микитинець
За скатертями, столами дубовыма
Сидит ест, пьет-то,
Кушает всякии кушанья разные сладкие.
А увидал Добрыня Олёшу Поповиця,
Да скочил со стола со дубового
Поздороватьси к Олёши Поповиця.
Взял он с Олёшей Поповицем,
Проводил он его за белы́ руки́,
Проводил он его во бело́й шатер,
Садил за столы за дубовые,
За скатерти за шолко́выи,

И выпили так оны да и до́пьяна.
Должно он, Добрыня Микитинець,
Стал он спрашивать тут своих родных.
Во-перьвы́х, спросил-от о матушке:
«Здорова ли Марья Тимофеевна,
Каково живё хозяйка Настасья Микулицьна,
А здоровы ли слуги мои верныи?»
Отвецял Олёша Поповиць-от:
«Здорова твоя матушка Марья Тимофеевна,
Хорошо живё хозяйка Настасья Микулицьна,
Ничего про их худого не слыхано.
Так же и ваши эти слуги верныи,
Вси дворники, вси приворотники».
Да погостил Олёша Поповиць-от
У Добрыни ровно три́ года́,
Да поехал он в свою родину.
Наказал Добрыня Никитинець
Всим своим поклоны-то:
«Поклонись ли моей матушки, Марьи Тимофеевны,
Да так же хозяйки, Настасьи Микулицьной,
Поклонись моим слугам верным,
Так же и дворникам-придворникам!»
Олёша, Олёша Поповиць-от
Приехал он в свою родину,
Говорил он тут таковы слова:
«Эх ты, Настасья Микулицьна,
Поди ты за меня во замужесьво.
Я нашел-то Добрыню Микитиньця:
Убиты обои с сивушком,
Лежит он ведь под сыры́м дубо́м,
Уже костоцьки их они постарели,
Трава на их уже повыросла!»
Поверила Настасья Микулицьна
Олёши, Олёшы Поповицю,
Да сдумала пойти она, пойти за его в замужесьво —
Завелоси у их сва́тасьво.
Как у Добрыни Микитиньця
Защемило серьце ретйвоё:
«Добрыня, Добрыня Микитинець,
А надо мне ехать в родину,
Да не наври цего-либо, цего-нибудь
На карюшка на Бурушка».
Да взял он тут в свою родину,

Да взял он середи ноци́.
На двори видь тихо́-смирно́,
А привязал своего Карюшка-бурушка,
Ко столбу привязал тоцёному,
Ко колецьку золоцёному,
Пошел он во палату белокаменну.
Приходил во палату белокаменну,
Постуцял он у ворот потихошеньку,
Выходила его матушка Марья Тимофеевна:
«Кто тут есть да кто, откулишной?»
Говорил Добрыня таковы слова:
«Эх моя матушка Марья Тимофеевна,
Открой-ко ты мне-то воро́тицька —
Приехал твой сын любимой-от!»
Стара мать говорила таковы слова:
«Отойди от ворот, голь кабацькая,
Не обижай меня ты, старухи-то!
Уж давным-давно Добрыни живого нет!»
Повторил опять Добрыня таковы слова:
«Запусти, запусти меня, матушка!
Твой само́й Добрыня Микитинець,
Твой сын-от любимой-от». —
«Постой-ка ты, добрый молодець,
Схожу я в горницю светляную,
А зажгу я лампочку светлую,
Освещу я тебя, до́бра молодця,
А и узнаю я тебя по лицьности —
Дак есть и особая приметоцька».
Открыла она ведь воро́тецьки —
Не признала сына любимого,
Стала щупать по головушке,
А и нашла у его переме́тоцьку,
А и признала за сына любимого,
Целовала в уста во саха́рныи,
Обнимала его, до́бра мо́лодца,
Проводила в полату белокаменну.
Пришел в полату белокаменну
Добрыня, Добрыня Микитинець,
Первым делом спрашивал:
«Где моя хозяйка, Настасья Микулицьна,
Не встрецяет меня, до́бра мо́лодця?»
А мать говорит таковы слова:
«Эх Добрыня Микитинець,

Дак ведь ты по полям ведь шаталсе,
Дак ведь ты по полям ведь сражалсе,
А Настасья, Настасья Микулицьна,
Вышла она во замужесьво,
Во замужесьво вышла за Олёшу Поповиця,
За твоего за брата крестового».
Говорит своей матери таковы слова:
«Матушка Марья Тимофеевна,
Дай ты мне пойсь да попить, покушати.
Да где мои платьиця цьвётныи?
Я пойду видь на свадебку великую».
Ну-ка взял свои гу́селки яро́вцяты
И пошел он на свадьбу великую.
Приходил он на свадьбу великую —
Места ведь все были заняты,
Только увидал себе ми́стицька
На пецьки тут, на укра́инке.
Как сел на пецьку, на укра́инку,
Он развел гу́селки яровцяты:
Да как тут свадьба скошеваласе,
Вся ведь свадьба взволноваласе,
Вси ёны́ тут растанцевалисе,
Вси ёны́ тут расплакалисе,
Вси говорили таковы слова,
А пошли к Добрыни Микитиньцю:
«Да тых ли гусе́лышек не слыхано,
Тоцьно — его ведь гусе́лышка яро́вцяты!»
Нацяли его ведь и цёствовать,
Стали ему давать цяру зелена́ вина,
Он выпил цяру зелена́ вина.
Потом ведь свадьба скошеваласе:
«Садись, садись, добрый мо́лодець,
Садись, садись, где нравитсе,
Садись-ко ты напротив князя великого,
А хоть княгыни великою!»
Облюбовал тут сиби ми́стецько,
Сел он напротив княгыни великою.
Налили цяру зелена́ вина,
А перву налили цяру
Евонной хозяйки Настасьи Микулицьной,
Цяру зелена́ вина великии.
Потом Олёше Поповицю,
Потом и Добрыни Микитицю.

«Пей ты, Настасья Микулицьна,
Пей ты до самого донушка,
Дак увидишь ты счастье — судьбу великое!»
Так и Настасья Микулицьна
Выпила цяру великую —
Увидала златой перстéнь.
Прискоцила Настасья Микулицьна,
Поднимала его ведь зá руки,
Закрицала ёна во весь голос княжеский:
«Не тот мой муж, который рядóм сидит,
А тот мой муж, который напротив меня сидит!»
А говорил Добрыня Микитинець:
«Эх ты, Олёша Поповиць ты!
Кабы ты был не крестовый брат,
Дак и взял да желты́ кудри́
Да бросал на кирпицят пол.
Да как тут и славы́ поют —
А пусть на меня не обидется!»
Да взял он Настасью Микулицьну
Повел ко двору княженецькому:
«Пожалуйте на пер, на музыку,
У меня тут все будет справлено!»
(*Так и увел Настасью Микулицьну.*)

№ 102

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Добрынюшко добрый молодец
Как ў первую путину справляетсе, отправляетсе,
Как ў первую путину богатырскую
А ведь пановьев бить, улановьев,
Бить поганыих мурзей-татаровей,
Оставляет малых детоцек на скитáньице,
Молодых жен на сиротáньицё.
Говорит Добрыня своёй матушке:
«Уж ты, матушка-добродушка,
Свет Мамельфа Тимофеевна,
Принеси-тко мни платья дорожныи!»
Она, старушка, скоцила скорым-нáскоро,
Принесла ему платьиця дорожныи.
Он сапожки обувал как зелён сафьян,

Уж ён шубку надевал да цёрна соболя,
А кушацёк опоясывал да шелко́выих,
А перчатки налагал да ён зеленыи,
А шапку-мурманку да со рука́вкамы,
А пошел на тот да на ши́рок двор,
А на ту стойлу лошадиную.
А берет Бурушку да он косматушко,
Стал заседлывать да скольцюживать.
Уж ён на по́тицьки кла́дал по́тицьки,
А на по́тицьки — да мягки войлоцьки,
На мягки войлоки — церкасьское кованое седелышко,
А пряжки золоченыи,
А стремена-ты — булата заморьского.
А говорит свекрова невестушке:
«Уж ты, Настасья Микулицьна,
Уж ты цего сидишь, высиживаешь?
Ты цего дожидаешьсе,
Над собой незгоды не начаешьсе?
Ты чего не идешь, не спрашиваешь
У своего у доброго Добрыни да у Микитиця —
Уж его долго ль ждать али ко́ротко ждать,
Добрынюшка, с циста́ поля́?»
Настасья Микулицьна скоцила ско́ро-на́скоро
А прибежала на тот ли на ши́рок двор,
А что на ту на стойлу лошадиную,
Она бра́ла Добрынюшку Микитиця
Она за руцьки за белыи,
А целовала во уста да во саха́рнии:
«Уж ты, добрая Добрынюшка Микитинець,
А тебя долго ли ждать али коротко ждать
А нам, Добрынюшка, с циста́ поля́?»
Говорит Добрыня Настасьюшке:
«А уж ты жди-тко меня три́ года́,
А не приеду я через три́ года́,
Так жди-тко шесть годов,
Не приеду я через шесть годов,
Дак жди-тко деветь лет.
А не приеду я через деветь лет,
Так жди двенадцать лет.
А не приеду я црез двенадцать лет —
Хоть вдовой живи, а хоть заму́ж поди,
А поди за́муж не за́ купця,
А не за си́льнёго могу́цёго Олёшеньку Поповиця.

Ай наши жены не господьскии,
Ай наши жены д'не купецькии,
А наши жены — богатырьскии сиротскии.
А Олёша был ведь бабей насмешничек,
Девóчий был омманщичек —
Он над девками да ведь насмехаетсе,
Он над бабамы да похваляетсе!»
А видели доброго молодца сядуци
И не видели доброго, куда его поедуци, —
Одна кýревка в цистом поли прокурила,
А порошка пропорошила.
А не две утушки как сплывалисе,
Не две лебедушки как слеталисе —
А невестушка да со свекровушкой
А под тем как пецяльниим окошецьком.
А день за день — да как дожь дожжит,
Неделя за неделю — как река бежит,
А прошло же того времецька трú года́.
Опять тая дверь отворяитсе,
Олёшенька Поповиць в полатушку пихаетсе.
Уж он хрест кладет по-писа́ному,
Он целом-то бьет по-уцёному,
Он на все на цетыре на сторонушки,
Он Настасье Микулицьны в особину.
А он садилсы да на ла́вицю,
На ла́вицю под ма́тицю,
Под тоё под серéднеё окошецько,
Под которым под окошецьком
Как сидел добрая Добрынюшко Микитинець,
А во разрывчата гусёлышка поигрывал.
А стал забаивать-заговаривать:
«Как прошла вцерася круглая неделюшка,
Как я выехал да из циста́ поля́,
Видел доброго Добрынюшку — лежит убит.
Ой, лежит убит, лежит один,
Он ногам лежит ко Непры́-реки,
А головой лежит а под ку́стичком,
А под ку́стышком под ракитовым.
А черными во́ронам⟨и⟩ глазки выклёваны,
А костышки по цистому по полюшку разношены.
А ты, Настасья Микулицьна,
Поди-ка за меня да во замужесьво!»
Она как женщина была не глупая,

А не глупая была, сама разумная,
Говорит тут ри́ци сама не с упа́дою,
А не с упа́дою да не с напа́дою:
«А мне за вас замуж идти не велено,
Как не велено да не приказано,
Как у доброго Добрыни не наказано:
Олёшенька Поповець был ведь бабей насмешницек,
Девоцей был омманщицек —
Он над девкамы насмехаетсе,
А он бабамы похваляетсе!»
А Олёши Поповицю эти реци не понравились.
А он скочил ско́ро-на́скоро,
Отворил дубовы двери за́ скобу,
Уж он хлопнул дубовы двери о сте́ну да о кленовую,
Только слу́денки, околенки — да один звон пошел.
А не две утушки как сплывалисе,
Не две лебедушки как слеталисе —
Уж то невестушка со свекровушкой
А сидят под пецальниим окошецьком.
А что день за день — как дожь дожжит,
А неделя за неделю — как река бежит,
Уж прошло тою времецьки за шесть го́дицьков.
Как опять дверь отворяетсе,
А Олёшенька Поповиць пихаетсе.
Уж он как поклон ведет по-писа́ному,
А он хрест кладет по-уцёному,
Он на цетыре на сторонушки поклоняитсе,
Он Настасье Микулицьны в особину.
А садился на ла́вицю,
На ла́вицю да под ма́тицю,
Под тое под окошецько,
Под которым сидел добрая Добрынюшка Микитинец,
Во разрывчата гуселышка поигрывал.
А стал забаивать-заговаривать:
«Вчерася прошла круглая неделюшка,
Как я выехал из циста́ поля́,
Видел доброго Добрынюшку — лежит убит.
Он ногами лежит ко Непры-реки,
Головой лежит а под ку́стичком,
А под ку́стичком да под ракитовым.
А церными во́ронами глазки вы́клёваны,
А как косточки по цистому по полюшку разношены.
А Настасья Микулицьна,

Поди-ко за меня во замужесьво!»
Она женщина была не глупая,
А не глупая, сама разумная,
Говорит ри́ци да не с упа́дою,
Не с упа́дою да не с напа́дою:
«А мне за вас заму́ж идти не велено,
А не велено да не приказано,
А у доброго Добрыни не наказано.
А мы ведь жены д'не господскии,
А мы ведь жены д'не купецькии,
А мы ведь жены — богатырьскии сиротьскии.
А Олёша был ведь бабей надсмешницек,
Девоцей был омманщицек —
Он над девкамы да насмехаетсе,
Уж он бабамы да похваляетсе!»
А Олёши е́ти ри́ци не приправились.
Он скоцил ско́ро-на́скоро,
Хватил дубо́вы двери за́ скобу,
Он хватил дубо́ву дверь о тую стену да о кленовою,
Только слю́денки, околенки — да звон пошел.
А не две утушки как сплывалисе,
Не две лебедушки как слеталисе —
А невестушка да со свекровушкой,
Сидят оны под пецяльниим окошецьком.
А день за день — как дожь дожжит,
А неделя за неделю — как река бежит,
Прошло того времецьки деветь лет.
Да опять тая дверь отворяетсе,
Как Олёшенька Поповиць во полатушку пихаетсе.
Уж хрест кладет по-писа́ному,
А поклон ведет по-уцёному,
На все на цетыре сторонушки раскланялси,
Он Настасьи Микулицьны в особину.
Он садилсы на ла́вицю,
На ла́вицю под ма́тицу,
А под тое пецяльное окошецько,
Под которым сидел добрая Добрынюшка Микитинець,
Во разрывчата гусёлышка поигрывал.
Стал забаивать-заговаривать:
«А вчерася прошла круглая неделюшка,
Как выехал из циста́ поля́,
Как видел я доброго Добрынюшку — лежит убит.
Он ногами лежит ко Непры-реки,

А головой лежит ён под ку́стоцек,
А под ку́стышком под ракитовым.
А как черными во́ронами глазки выклёваны,
А как косточки по цистому по полюшку разношены.
А ты, Настасья Микулицьна,
Поди-ко за меня во замужесьво,
А ты так не идешь, дак мы сило́м возьмём!»
Настасья Микулицьна была женщина не глупая,
А не глупая, сама разумная,
Говорит ри́ци да не с упа́дою,
Не с упа́дой да не с напа́дою,
Клала заповедь великую.
Олёшенька Поповиць ён ведь брал Настасью Микулицьну,
Он как брал за руцьки за белые,
Повел-то во своё-то ведь ми́стецько,
Повел в свои палаты княженецькии.
Собрал-то пир да пирова́ньице́,
Да как своих родных веселыих хорошиих.
Расставлял-то столы-то дубовыи,
Расстилал как скатерти-то ведь шелко́выи,
Становил Настасью Микулицьну
За столы за дубовыи
Да за скатерти за шелко́выи.
А становил-то ю по леву́ руку́,
А становился сам по праву́ руку́.
Уж как вси на перу да напивалисе,
А как вси на перу да разгулялисе.
А проходит того времецьки как три цясика,
Приежжат добрая Добрынюшка как со циста́ поля́
Как к Микитиной доброй матушки,
Уж к своей ко добро́тушки:
«Уж ты, матушка свет Омельфа Тимофеевна,
Ты пусти-ко сына любимого,
Уж как доброго Добрынюшку свет Микитушку!»
Говорит старушка старая, стародавняя:
«Как отойди-ко, голь кабацкая,
Подпо́рина бурлацкая!
Кабы был добрая Добрынюшка Микитинець,
Не дошло бы вам над старухой стародавною,
Не дошло бы вам да насмехатисе!» —
«А ты пусти, родитель-матушка,
А своего сына любимого,
А своего доброго Добрынюшка Микитиньця!» —

«Отойди-тко, голь кабацкая,
Подпо́рина бурлацкая!
А кабы был дома Добрынюшка Микитинець,
Не дошло бы вам насмехатисе
А надо мной, старухой стародавною.
У моего-то у доброго Добрынюшки
Как было три знадебки родимыих.
Как перьва под самой-то под пазушкой,
Волосицька золота, друга серебряна⟨...⟩».
Ён склада́л платья да до́гола,
Показал как знадебки родимыи:
«А погдяди-тко, матушка-добротушка.
Ты, свет Мамельфа Тимофеевна,
Своего-то сына любимого,
Как доброго Добрынюшка Микитиньця!»
А не знать — старушка испугаласе,
А не знать — старушка зрадоваласе:
Побежала отворяла ёна́ воро́тьецька,
Запускала Добрынюшку Микитиньця,
А своего-то сына любимого.
Брала за руцьки за левыи,
Целовала во уста да во саха́рьнии.
А говорила матушка-добротушка:
«Как ты, добрая Добрынюшка Микитиниць,
Как нет у нас Настасьи Микулицьны,
Увел-то Олёшка Поповиць-то!»
Говорит Добрыня своёй матушки:
«Уж ты, матушка-добротушка,
Свет Омельфа Тимофеевна,
Принеси-ко мне платья скоморо́шцяты —
А сокруцюся я да малось да в платья скоморо́сцяты,
Я пойду же к Настасье Микулицьне
Что на тот ли на поцесной пер,
А на то ли на столова́ньицё!»
Приходит как добрая Добрынюшка
Глупой малой скоморошинкой,
Уж как взял разрывцяты гусёлышки
Под правую под пазушку,
Пошел он к Настасьи Микулицьны.
А приходит на тот на широк белой двор
А тут к Настасьи Микулицьны.
А стоит его Настасья Микулицьна,
А стоит за столами за дубовыми,

За скацерця́ми за шелко́выми
А с Олёшенькой Поповицем.
А говорит Добрынюшки Микитиньцю:
«Проходи-ко, глу́па ма́ла скоморошинка,
Вси-то мистицьки призаняты,
А позаняты да ми́стицьки, забавлены,
Только ми́стицько на пецьном столбицьки!»
Сел как доброй Добрынюшко Микитинець
На пецьной да он на столбицек,
А стал во разрывцяты гусёлышка поигрывать.
Уж как вси на перу просхвати́лисе,
Уж как вси на перу поразгулялисе,
А говорит тут Олёшенька да Поповиць-от:
«Ай да глупой малой скоморошенька,
Ты налей-ко цяру зелена́ вина!»
Как цяру зелена́ вина как налили,
Цяру — весом полтора пуда́,
А как цяра мерой полтора ведра,
Цяра мерой полтора ведра.
Выпивал глу́па ма́ла скоморошинка
Эту цяру на единый здох.
Говорит е глу́па ма́ла скоморошинка:
«Позволь-ко, Олёшенька Поповиць,
Налить да молодой жены Настасьи Микулицьны.
Ты позволь налить как цяру зелена́ вина!»
Налил цяру зелена́ вина,
Клал как перстень да на дно спустил,
Тоды в цяру ён на дно спустил,
И подносит Настасьи Микулицьной:
«А Настасья Микулицьна,
Коли хошь добра — дак пей-ко цяру всю до дна.
А не хошь добра — как ты не пей до дна!»
А Настасья Микулицьна
Выпивала цяру да до донышка,
Там серебряный перстень увидела,
А видит — доброго Добрыни Микитиньця
Перстень обруча́льноёй.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Не тот ведь муж, что возле́ меня стоит,
А тот ведь мой муж, которой проти́в миня стоит!»
Как добрая Добрынюшка Микитинець
Взял-то Олёшеньку Поповиця за желты́ кудри́,
Размахнул да бросил под ла́вицю.

А Олёшенька Поповиць лежит ён под ла́вицей,
А под ла́вицей лежит и говорит:
«Как всякой цорт-от женитсе,
А не всякая женитьба удаваетсе!»
А добрая Добрынюшка Микитинець
Уж ён брал Настасьюшку Микулицьну
А за руцьки за белыи,
Целовал во уста да во сахарнии.
Взял за руцьку за белую,
Повел-то ён домой к своей матушки-добротушки,
Ко своей ко свет Омельфы Тимофеевны.

№ 103

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Справляетсе наш, снаряжаетсе
Как Добрынюшка Микитинець
Ён в дороженьку, ён в уда́льнюю,
Он во дальнюю дорожку во гуля́льнюю.
Он наказ наказывае, приговаривает:
«Ай же милая да ты, любимая жена,
Ты, люба семья, да ты, Настасья да Микулицьна,
Если я год не буду, жди меня два́ года́,
Если два не буду, жди меня три́ года́,
Если три не буду, жди меня шесть-то лет,
А еще не буду, жди меня двенадцать лет,
А двенадцать лет не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж иди,
Хоть заму́ж иди за бога́тыря,
Хоть заму́ж иди за уда́лого —
Только не ходи за Олёшу Поповиця:
Мне Олёшенька да крестовой брат!»
А день-то за днем — как вода тецет,
А неделя за неделей — как трава растет,
Ну проходит времецька двенадцать лет —
Не видать Добрынюшки с циста́ поля́.
Ведь она-то, дверь, на пяту отворяется,
Как Олёшенька выпиха́ется.
Олёша крест кладет да по-писа́ному,
А поклон кладет да по-уцёному:
На все на цетыре стороны,

Молодой княгини Настасье Микулицьны,
Старой матерой вдове в особину.
А садится он на лавоцьку,
Говорит-то он таковы слова:
«А вчерашнему де́нецьку
Я приехал из циста́ поля́.
Уж я видел Добрынюшку
Во цисто́м поли́ убитого
У того у кусточика у ракитова:
Резвы ножкамы в ракитов куст,
Да буйной головой лежит да во ракитов куст,
Оци ясныи да порасклеваны».
Да не утушки слетаются —
А свекровушка с невесткою
Садятся оны да под коси́щато окошечко,
Садятся оны да советуют:
«Ведь-то нет Добрынюшки в живности!»
А говорит теперь да таково́ слово́:
«Ай же ты, да ты, Настасья Микулицьна,
Ты поди, поди за меня во замужесьво!»
Говорит она да таковы слова:
«Я нейду, нейду да во замужесьво.
Поежжал, мне Добрыня приговаривал:
„Если год не буду, жди два́ года́,
Если два года не буду, жди три́ года́,
Если три года не буду, жди шесть-то лет,
Если шесть-то лет не буду, жди девять лет,
Если девять лет не буду, жди ведь двенадцать лет,
А двенадцать лет не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж иди,
Хоть заму́ж иди за бога́тыря —
Не ходи за Олёшу Поповиця:
Олёша Поповиць мне крестовый брат!”»
А у нашего князя Владимира
Всё пришли времена всё строгие,
А законы его всё новые,
Чтобы не было ўдов во Киевы,
Чтобы не было ўдов во Цернигови,
Чтобы не было ўдов в каменно́й Москвы.
А уж не спит добрый мо́лодець,
Уж не спит, проклаждаетсе,
Над собою незгоды не ведает.
Его добрый конь богатырьский-от

А стоит у шатра у белополо́тняна
Да у терема златоверхова,
Уж пшеницы да не кушает.
Бил Добрыня да по тугим ребрам:
«Ай ты, волчья сыть, тровяной мешок,
Что ты пшеницы не кушаешь,
Повесил буйну голову приниже плець лошадиных?»
Отвецял конь целовецеским голосом:
«Ай же ты, дородный добрый мо́лодець,
Над собой невзгодушки не исця́ешьсе!
А твоя-то молода жона,
А твоя-то да любима́ семья
А выходит во замужесьво
Не за купцёв, не за бога́тыря,
А выходит она за уда́лого
За Олёшеньку Поповиця:
А те Олёшенька — хрестовый брат!»
Он справляется скоры́м-на́скоро,
Скоры́м-на́скоро, наскорёшенько,
А садится на добра́ коня,
Поежжает в полаты белокаменны.
Подъежжает в полаты белокаменны —
Та старуха старома́тера
Там сидит она у окошецька.
«А здравствуй ты, родитель моя матушка,
Отворяй-ко воротицька дубовыи,
Отворяй-ка замочки ты зеленыи,
Запускай-ко Добрынюшку из циста́ поля!»
Она говорит таковы слова:
«Отойди уж ты, пьяница кабацкая,
Ты, кали́ка деревенская!
Каб б было рожо́но дитятко,
Как Добрынюшка Микитинец,
Не пришлось бы, кали́ка, насмехатисе,
Не пришлось бы, кали́ка, надрыга́тисе!»
А он опять ей да таковы слова:
«Ай же здравствуй, цестна́ вдова,
Ты, родитель моя матушка!
Отворяй-ка воротицька дубовые,
Запускай-ка Добрынюшку с циста́ поля́!» —
«Отойди-ка, пьяница кабацкая,
Отойди-ка, кали́ка деревенская!
А умер да рожо́но дитятко,

Как Добрынюшка Микитинец,
Не пришлось бы тебе, кали́ка, насмехатисе,
Не пришлось бы тебе, кали́ка, надрыга́тисе.
У моего ли Добрынюшка Микитиньця
Были сапо́жки козловыя,
Уж как шубонька заморская
Была соболей, соболиная,
Была шляпа заморская,
Шапоцька пухо́вая!»
Говорил кали́ка перехожая:
«Шубонька, шубонька изорва́лася,
Сапо́жки, сапожки́ повыноси́лися,
А та шапонька, шапонька повыгорела.
Я двенадцать лет ездил по цисто́му полю́.
Все сапо́жки-от, сапо́жки повырвал,
Вся шубка-от, шубка повыносилась,
А шапка-от пухо́вая повыгорела.
Здравствуй-то, Марья Тимофеевна,
Отворяй воро́тецьки дубовые,
Вынимай заклады железные,
Запускай Добрынюшку с циста́ поля́».
А говорила да таковы слова:
«Ай же ты, кали́ка перехожая!
Как был бы Добрынюшка Микитинець,
Не пришлось бы, кали́ка, насмехатисе,
Не пришлось бы, кали́ка, надрыга́тисе.
Как у Добрынюшка Микитиньца,
У мого рожо́на да кла́дено,
У него угадинка — да пятнышко
Как под правой под пазушкой!»
А скоры́м-скоро́ да ско́ро-на́скоро
А стават скоро́ да на резвы́ ноги́,
А скидоват-то он на́скоро,
Ско́ро-на́скоро, да поскорёшенько,
А показывает родимое да пятнышко.
А старуха скоры́м-на́скоро,
Скоры́м-на́скоро, поскорёшенько
Запускала Добрынюшку с циста́ поля́,
А говорит-то таковы слова:
«Ай же Добрынюшка да добрый мо́лодець,
Как твоя-то жена да любима́ семья
Пошла она во замужесьво.
Не за купця выходит за богатого,

Не за бога́тырей выходит за удалыих,
А выходит она за Олёшу Поповипя!» —
«Мне Олёшенька — да крестовый брат!
Ну, матушка, моя матушка,
Сходи-ко в нову горницю,
Ты дай-ка сапожки шевровые,
Ты дай-ка шубоньку соболиную,
Уж как шапоцьку пухо́вую,
Уж как гусёлышка яро́вцяты —
Я пойду ведь на поцестной пир, я на свадебку,
К своему пойду кресто́вушку!»
Уж как приходит ён да на поцестной пир.
Уж как крест кладет по-писа́ному,
Уж как поклон ведет по-уцёному:
На все на цетыре сто́роны,
Князю Владимеру в особину,
Молодому князю в особину.
Ай говорит таковы слова
Князь Владимер сто́льнё-киевской:
«Ай же ты, да молодой гу́сельцик,
У меня местецьки все призаняты,
У меня местецьки призабавлены,
Тиби место — на́ пеци,
На пеци́, пеци́, на пецьно́м столби́!»
Он скоцил, скоцил ско́ро-на́скоро,
Скоры́м-на́скоро да на пе́цецьку,
А берет гусе́льцюшка яро́вцяты —
Перву струноцьку повел с Киева,
Другу струноцьку с Чернигова,
Третью струноцьку с каменно́й Москвы.
А все припевы ведь всё разные,
Все ведь разные, все заморские.
А вси-то на перу заслушалисе,
А вси-то на перу задумалисе:
«Да-ко не было у нас да игральцика,
Да-ко не было у нас да кто поигрывал,
Только ведь Добрынюшка да Микитинець,
Только нет его во живности!»
А князь Владимер стольно-киевской
Наливает цяру эту да зелена́ вина:
«Ну-ко выпей, молоде́ць-ко гусе́льщицёк,
Выпей цяру-то зелена́ вина —
Мерой цяра полтора ведра,

Уж как весом цяра полтора пуда́!»
Поднимал цяру едино́й рукой,
Выпивал да на еди́ной вздох.
А князь Владимерской да стольне-киевской
Ай да говорил тут таковы слова:
«Я те дам ми́стецька да тибе, гусе́льщицёк!
Перво ми́стецько дам по́ люби,
Друго ми́стецько — супротив меня,
А третье мисте́цько — против молодых —
Где те ми́стецько, где те по́ люби!»
А как тут Добрыня ему говорил таковы слова:
«Ай же князь Владимирской да сто́льнё-киевской,
Ты позволь цяру да зелена́ вина
Налить княгини да Настасьи да Микулицьной».
Подносил цяру да зелена́ вина —
Цяра мерой полтора ведра,
Уж как весом цяра полтора пуда́.
Подает-то цяру едино́й рукой,
Выпивать-то цяру за еди́ной вздох.
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, да Настасья да Микулицьна,
Пей-ко цяру до дна — увидать добра,
А не пьешь цяру до дна — не видать добра!»
А уж как Настасья Микулицьна
Пила цяру зелена́ вина —
Увидала перстень обруцёныий,
Говорила она таковы слова:
«Ай же князь Владимер сто́льнё-киевской!
Не тот мне муж, который у меня сидит,
А тот мне муж, который супротив меня сидит!»
Скоцила она на резвы́ ноги́,
Еще она через столы через дубовыи,
Через скатерти шелко́выи.
А сидит Добрыня-мо́лодець:
«А не стыдно, князь Владимер сто́льнё-киевской,
У живого мужа жену отнять?
Я двенадцать лет ездил по цистому полю́,
И у меня жену отнимать?»
Берет Олёшу за жолты́ кудри́,
Бросал Олёшу о кирпицят пол —
Инда ста́ры теремы́ пошаталисе,
На печи кирпичи повалилисе.
Турнул Олёшу по́д ⟨жопу⟩.

Все люди женятса,
А не всякому женитьба удаваетсе.
Удалась трем богатырям:
Удалась Цюри́ле Пленко́вицу,
Старому казаку Илье Муромцю
И молодому Добрыне Микитиньцю.
(*А больше никому не удавалась женитьба.*)

№ 104

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Ай во славноём во городи во Киеви
У славного у князя у Владимира
А собиралсе у него да нынь почестен пир.
А уж как вси ли на пиру да напивалисе,
Уж как вси ли на пиру да наедалисе.
Напивалисе все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да порасфастались.
А умной-от бахвалит отцём-матерью,
Безумной-от бахвалит молодой женой,
А один у нас Добрынюшка не ест, не пьет,
Он не ест, не пьет, да он не кушает.
И он приходит ли к родителю ко матушки
Да и говорил-то ён да таково́ слово́:
«Ай же ты, родитель моя матушка,
Что же ты миня екого споро́дила,
Чтобы силушкой меня теперь не сильною,
Богачесвом меня да не богатого?
Воспороди́ла б миня же, матушка,
Краcóтушкой в Цюри́лушку Пле́нкова,
А бога́тушкой да в королевича,
А меня смелостью в Олёшеньку Поповиця!
А поехал бы во цисто́ полё поля́коватъ,
А с поле́ницею с удалую разъеждивать!
Ай же ты, матушка моя цесна вдова Омельфа Тимофеевна,
А уж ты дашь-ко мне прощенье-благословенье,
А я поеду нынь, я во Киев-град
А с поленицею с удалою разъеждивать!»
Он своей ли как супруги Настасьи Николаевны
Он наказывал, он сказал жы ей.
Сказал жы ей: «Настасья доць Никулиш⟨и⟩на!

Я поеду во цисто́ поле́ поля́ковать
С поле́ницею удалою разъезживать,
А проживи-ко ты после мужа да шесть годов.
Дак не будет Микита из циста́ поля́,
А не будет как его да нынь приедуцись,
А не будет как его — тогда вдовой живи.
Хоть вдовой живи, а хочь ты тогда поди за бога́тыих,
А за князей поди за именитыих,
Ну только не ходи да за Олёшу за Поповича,
А за смелого за Олёшу, за насмешницька за женского!»
А только й же видли же до́бра мо́лодца как сядуци,
А не видли, как он уже поедуцись.
Только видли: во цисто́м поли́ да пыль пулят,
Куревка его воскуриват.
Едет ли Добрыня по чисты́м поля́м,
Он проехал несколько — да шесть годов,
А всякая дрянь к ему во двор бредет,
А всякая дрянь да во глаза идет к его жене.
Говорила как Настасья же Микулична:
«Я как справила ведь заповедь-то мужнюю,
А справлю я женьскую еще шесть годов».
Ну прошло видь тому времецьки да шесть годов,
Ну всякая дрянь да к ей на двор бредет,
А всякая дрянь да во глаза бры́здет.
Она и говорила да таково слово:
«Справила я заповедь-то мужнюю,
А справлю я заповедь-то женьскую еще шесть годов!»
Потом и как Олёша же Попович сказал:
«Ай же ты, Настасья дочь Никулицьна,
Уж как ты о добра нейдешь, да я силом тебя возьму!»
Ну грозы того она да побояласе,
А замуж она да снаряжаласе
За смелого Олёшу за Поповипя:
Под пе́тницю у их да сватоби́тьицё,
А в воскресенье да было да свадеби́тьицё,
А к понедельнику было да обвеньця́ньицё.
А издил ли Добрыня по чисту́ полю́,
У него же конь да на коленка пал,
А со того же с плеця да на́ плеця заперелётывал,
А от того же во стремян да зашарахилсе.
А Добрыня сын Никитинца
А шпотик под бока под добра́ коня:
«Ай же конь ли ты, да ты думаешь,

Над собой ли ты незгодушку ведаешь?
Надо мной ты да безголовьицю?» —
«Я вот ничего не знаю над собой же как безголовьицю,
Только знаю, как над тобой же безголовьицю:
Как твоя же Настасья-та Микулицьна замýж пошла
А за смелого Олёшу за Поповицю!»
Как он опускается со добрá коня,
Коню ли да ён наказыват:
«Ай же ты, конь, травяной мешок,
Ай же ты, сокóл, перо воронóняно,
Ай же ты, кобель, да волчья шерсть,
Ай же ты здумайтесь, да кому поймаетесь,
А не здумаете, дак не имайте-тко да во времени!»
Он берет шевулы́ку подорожную,
Отправляетсе во свой во град.
Ко своей родители ко матушки.
Он приходит жы к родителю ко матушки,
Говорил как он таковы слова:
«Ай же ты, родитель цестнá вдова Офимья Тимофеевна,
А где у тебя сын гуля́ёт, Микитинець?» —
«Я что, — говорит, — дитя, не знаю где». —
«Я вчера же видь с ним же видилси,
Я сегодня с ним разъехалси.
Он мни-ко же велел его взять скороспешныи взору́дии,
Сходить к Олёше на поцестной пир».
Она приносит ему доспехи все богатырскии,
Отправилсе он к Олёши на поцестной пир,
Он приходит как к Олёши на поцестной пир.
Наливал как кали́ку цяру зелена́ вина,
В которую всходит полтора ведра.
Принимает эту цяру на единый перст,
Выпивает эту цяру же на единой дух.
Потом наливали цяру да меду сладкого —
Выпивает он да на единой дух.
Потом и говорит как Настасья да Никулишна:
«Это есь видь не Олёша сын Поповицъ,
Это есь сын Добрыня тут Микитець!»
Как скоцил тут Добрыня Никитиць на резвы́ ноги́,
Как топнул он как на кирпичный пол Олёшу Поповиця,
А Олёша на жопы запога́зывал,
Да такии риди запогова́ривал:
«А братци, что на веку всякий да женитсе,
А не всякому женитьбы удаваетсе!»

№ 105

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Уж как отправляетсе, воружаетсе
Молодой Добрынюшка Микитинець
Во перьву поезку богатырьскую
На тую гору на высокую.
На горы́ съежжалисе вси царевичи,
Короли съежжались, королевичи.
Выежжал Добрыня Микитинець,
Говорил родитель своей матушки:
«Ай же ты, родитель моя матушка,
Честна́я вдова Мамельфа Тимофеевна,
Уж ты дашь прощеньице — поеду я,
Ты не дашь прощеньиця — поеду я».
Како видли мо́лодца сядуци,
А не видли доброго поедуци —
Через стены ехал городо́выи,
Через башни ехал наугольнии,
Как с горы на гору перескакивал,
Как руцьи да реки промеж ног пускал.
Наказал Добрыня молодой жене:
«Как придет того времечки три́ года́,
Хоть вдовой живи, а хоть заму́ж поди,
А не ходи-тко за Олёшеньку Поповиця:
Мни ведь Олёшенька тот ведь крестовой брат!»
А прошло того времецьки три́ года́ —
Не видать Добрыни из циста́ поля́.
Приежжат Олёшенька к ей свататьсе:
«Ай же ты, Настасья Микулицьна,
По тоё времецьки три́ года́,
Как приехал Добрыня с циста́ поля́ —
А прошло того времецьки три́ года́,
Не приехал Добрыня с циста́ поля́».
Как приехал Олёшенька свататьсе,
Нунь пошла Настасья Микулицьна —
А прожде́ того времецьки деветь лет,
Со тым цесны́м пирком за свадебку.
А прошло того времецьки деветь лет,
Не видать Добрынюшки с циста́ поля́,
Как цестным пирком ёны́ за свадебку.
Уежжат Настасья Микулицьна,

Уехала она во замужесьво.
Не свистоцики да воспросвиснули,
Не молодцики воспрокрикнули —
Уежжат Добрынюшка из цистá поля́.
Приежжат Добрынюшка с цистá поля́ —
Полови́чинки подгибаютсе,
Полови́чинки ведь шатаютсе.
Как его родитель-матушка,
Как сидит ёнá выплакива⟨т⟩,
Как сидит ёнá да приговариват.
Говорит Добрынюшка Микитинець:
«Ты, родитель моя матушка,
Ты цего сидишь, цего выплакивашь,
Ты цего выплакивашь, сидишь приголáшивашь?» —
«Молодой Добрынюшка Микитинець,
Как пошла Настасья во замужесьво!»
Не едаюци, не певáюци,
Он дорожного платья не скидываюци,
Сел Добрынюшка на добрá коня —
Как поехал Добрыня на поцестной пир.
Еще вси на пиру пьяны-веселы,
Еще вси на пиру поросплясалисе,
Еще вси места всё призаняты —
Только ми́стичко еще не занято
На пеци, пеци, на пецьном столби.
Как садился Добрынюшка на пеценьку,
А как брал гусёлышки разрывчяты —
Вси на пиру порасплясалисе,
Ведь вси на пиру поразыгралисе,
Взял ведь, был такой гусёлышник,
А ведь был тот Добрынюшка Микитинець.
Подносили цяру зелена́ вина,
Выпивал Добрыня на единый дух,
Подносил Настасье ён Микулицьной:
«Уж ты пей до дна — увидать добра,
А не пьешь до дна — да не видать добра!»
Берет цяру на единой здох,
Как увидела Настасья свой злацён перстéнь:
«Как не тот мой муж, кой возлé меня,
Только тот мой муж, кой супроти́в меня!»
А взял Добрынюшка Олёшеньку,
А здымал Добрыня за желты́ кудри́,
А кидал Добрынюшка о кирпицьтов пол.

№ 106

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Как Добрынюшка да Микитинець
Отправляетсе да на цисто́ полё,
На цисто́ полё да на вое́нноё.
Он прощается с отцём, с матушкой,
С отцём-маменькой, с молодой женой,
С Настасьей ён со Микулицьной:
«Ты живи-ко ты, молода́ жона,
Приеду я ровно через три́ года́.
Не приеду я через три́ года́,
Так жди еще три́ года́.
Не приеду я да через ше́сть годов,
Ты живи, Настасья, еще три́ года́.
Не приеду я через деветь лет —
Дак тогда ты поди во замужесьво.
Не ходи-ко ты только за Олёшеньку,
За Олёшу ты да за Поповиця,
Потому как ён мне товарищ-брат!»
Еще жила Настасья Микулицьна ёна́ три́ года́ —
Не видать Добрыни со циста́ поля́.
Настасья жила еще три́ года́ —
Не видать Добрыни со циста́ поля́.
Настасья жила ровно деветь лет —
Не видать Добрыни со циста́ поля́.
А пошла Настасья во замужесьво,
Во замужесьво да за Олёшеньку,
За Олёшеньку за Поповиця.
Повели ёны́ пиры богатыи,
Пиры богатыи, столы роскошныи.
Приежжат Добрынюшка со циста́ поля́,
Приходила маменька на перёно на крыльцё:
«А Добрынюшка да ты Микитинець,
Ты любимой сын мой хорошенькой,
Хоть выходит, выходит твоя Микулицьна,
Молода жена Настасья во замужесьво,
Ёна́ к матушки Марии Мархимьяновны
За Олёшеньку за Поповиця!»
Тут Добрынюшка испугаетсе,
Со добра́ коня да ён бросаетсе.
Заходил в свою да во нову горенку,

Ён ведь брал тут свои гусёлышки яро́вцяты,
Поежжал ведь ён к Настасье Микулицьной,
А к своей молодой жены на богаты пиры.
Приежжает Добрынюшка на пир, на бал.
Он садился, Добрынюшка, на пеци, пеци,
На пеци, пеци, на пецьном столби,
А против Настасьи Микулицной,
Разрыват свои разрывцяты гусёлышка.
Он ведь стал играть, дак весь народ тут был,
Что не знают,что откуль взялосе тут,
Тут каки-таки стали игратели,
Хоть на свадьбе тут да забавлятели.
После этого все сдивовалисе,
После этого все сцюдовалисе.
Еще стали тут угощеньиця,
Стали вином, стали ношеньиця.
А ведь подносят тут да ведь Олёшеньке,
А подносят тут да ведь Добрынюшке
Еще рюмоцьку зелена́ вина.
Выпиват Добрыня зелено́ вино,
Кладоват Добрыня свой златой персте́нь,
Свой златой персте́нь да именной его,
Он ведь по перстню́ да с указами,
Подават Добрынюшка Микуличной.
Подняла его жена Микулична
Эту румочку с золотым перстне́м,
С золотым перстне́м, с его памятью.
Узнават Настасья Микульцна своего мужа́,
Своего Добрынюшку да Микитиньця:
«А не тот мой муж, кой возли́ меня,
Еще тот мой муж, кой супротив меня!»
А пущался Добрынюшка со пецьна столба,
Он ведь брал, Добрынюшка, Олёшеньку,
Он ведь брал Олёшу за желты́ кудри́,
Он бросал Олёшу о сыру́ землю́,
Положил Олёшу на́век бу́дущёй.
Он ведь брал свою молоду жену,
Молоду жену Настасью Микулицьну
Он под правою руценьку под белою,
Выводил Настасью Микулицьну во свой высок терём,
В свой высок терём, в но́ву горницю
К своему отцю, к своей маменьке.
Они стали жить и красоватисе,
Со Добрынюшкой любоватисе.

№ 107

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

«И как у нас было во славноем во городе в Ки́ёве
И у славного князя у Владимира
Все были молодцики споженены,
Все были девицы замуж выданы,
Только я один, молодчик, не женат хожу.
А ты, да крёсной батюшка,
А славной казак да Илья Муромець,
А не знаешь ли ты мини да супротивницы?»
А старый казак да Илья Муромець:
«А знаю я тибе да супротивницю.
А взят у нас да добрый молодець,
Взят у нас да Добрынюшка Микитинець.
А осталось у ёго́ да молода жона,
А молода жона Настасья да Миколаевна.
Если тая взять — тибе не́ совлада́ть:
Голосо́м с тобой да из го́лоса в голо́с,
И ростом-то с тобой да из плеця́ в плеце́,
Красой-басой в Бову-то Королевиця,
А храбросью в миня, да Илью Муромця.
А если тая взять, также не́ совлада́ть!»
А тут пошла у их да пир да свадебка.
И тут как крёсной он Илья да Муромець
И стал женить Олёшеньку Поповиця.
Да привезли ёны́ на свой дом Настасью Миколаевну,
И тут пошла у них да пир да свадебка,
И пошли пить напитки они пьяныи,
И поставили столы оны дубовыи,
А Настасья Миколаевна и все сидит да пригорюниват,
А будто ждет того Добрынюшку Микитинця,
А не ве́роет идти да во замужесьво
А за Олёшу Поповиця.
А тут откуда не возьмись да в их полати белокаменны
Прилетае к им записка,
Тут явился на их пир да незнакомой люд,
Незнакомой люд, да незнакомой человек.
И повестили до́бра мо́лодца
И на етот на веселой пир.
«А проходи-ко ты, уда́лой доброй мо́лодець,
А на наш да на веселой пир

А сегодняшнего денецьку —
Уж приходит-то у нас завтра свадебка!»
А тут явилсе доброй мóлодець
Да на етот на веселый пир,
А садился он на печной столб,
А развел свои гусёлышка яровчаты.
А éтои гусёлышка яровчаты да им знакомыи
И были очень-то невесте Настасьи Миколаевне,
А знакомыи невесте Настасьи Миколаевне.
А тут у етой у Настасьи Миколаевны
И задрожалисе у ей да руцьки белыи,
И помутилисе у ей да очи ясныи.
И тут подносят ему да зелена́ вина:
«А кушай-ко, удалый мóлодець,
А ты откуль идешь, да откуль путь держи́шь?»
А тут Настасья Миколаевна
А стала-то его да и доспрашивать,
А стала-то его да и допытывать:
«Ты не знаешь ли, мóлодець,
А цего ни ты да про Добрыню Никитинца?»
А тут налила ему да зелена́ вина,
А он велел налить да две-то рюмоцьки:
«А одну-то выпить Настасье Миколаевной,
А вторую выпить — это мне».
И взял спустил туда да свой злачён перстéнь
Ды в этую-то рюмоцьку,
Ды он поднес Настасье Миколаевной:
«Ну-ко, кушай ты, Настасья Миколаевна,
Если пьешь до дна — так вида́шь добра,
А не пьешь до дна — так не вида́шь добра!»
И тут как пьет Настасья Миколаевна ету рюмоцьку —
И увидела она именнóй перстéнь,
И тут схватиласе она за свои кудри́:
«А вот не тот мой муж — за столом стоит,
А тот мой муж, который на пецьном столби сидит!»
И тут Добрыня Микитинец
И сошел он со пецьна столба,
И пришел он к столику дубовому:
«Ай же ты, уда́лой доброй мóлодець,
Здраствуй, тихий Дунай да сын Ивановиць,
Здраствуй ты, крёстной батюшко,
Сильный казак да Илья Муромець!
А вы зачем же отбиваете-отнимаете

От жива мужа да свою жону-то?
А ты, родитель крёстной батюшко,
А не дивую я разуму женьскому,
А дивую я разуму богатырьскому!»
(*Он ведь крёстного-то как-то обозвал.*)

№ 108

ПРО ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЧА И ПРО АЛЁШЕНЬКУ ПОПОВИЧА

Во том ли городи во Киеви
У ласкова князя Владимира
Заводитце верно почестной пир,
На вси-ли-то кня́зьев да на бога́тырей.
Говорил-то князь да стольно-киевской
Да князь владимирской:
«Уж вы слушайте да вси князья и бога́тыри,
Уж вы думайте-ко думу за единое,
Кто бы, кто съездил в земли Датские,
Кто бы, кто собрал даны-пошлины
Как за стары года и за нынешны,
За ты все двенадцать лет —
Выбирать мы станем охотничков!»
Охотничков не находитце.
Оны выбрали Кирилу Тонкоплёнковича.
У того ли Кириллы было три брата,
Они могут съездить в земли Датские,
Они могут собрать данны-пошлины
За стары годы и за нынешны,
А за ты за вси за двенадцать лет.
Уж большой брат тулитце за среднего,
А средний тулитце за меньшево,
А от меньшего от бедного ответу нет.
Из-за того ли ⟨и⟩з-за кончика ⟨и⟩з-за нижного
Вот прогово́рил малый скоморошинка,
Молодой ли то Олёшенька Попович сын:
«Уж ты царь, ты царь стольно-киевской,
Да князь Владимирской,
Ты позволь-ко словцо вымолвить!
Если ладно я скажу, ты за ладно почитай,
А не ладно я скажу, ты меня да в том прости.
Тот ли-то Кирилла Тонкоплёнкович,

Он молодец холост, не женат,
Он со девушкам призабавитце,
Со молодым молодками забавитце,
Нам послать ево — да не дождатися.
Нам послать Добрынюшку Никитича,
Уж ли тот молодец женат, не́ холост,
Он со девушками не забавитце,
Он с молодыми молодкам не забавитце:
Он выправит дани вси пошлины
За стары годы и за нынешны,
За ты за все да за двенадцать лет!»
Говорил ли князь да стольно-киевской,
Стольно-киевской да князь Владимирской:
«Ай да ты, малый скоморошинка,
За твои слова да за умные
Ни в том бы тиби мистечки посиживати!»
Начал писать листы посольныи,
Подавали Добрынюшке Никитичу.
Молодой ли то Добрынюшка Никитинич
Пошол ли то не весел с почётново пиру,
Он пришол во свою палату белокамянну,
Садилсэ на брусову белу лавочку,
Он повесил свою буйную головушку
Ниже плеч своих могучих богатырских.
Подходила к нему родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Тимофеевна:
«Уж ты слушай-ко, рожоно мое дитятко,
Уж ты што пришол невесел со почётново пиру?
Разве пьяница тебя да обсмеялася,
Али чара тебя ни рядо́м дошла,
Али Владимир тебя князь не употчевал?» —
«Уж ты слушай-ко, родитель моя матушка,
Пьяница меня не обсмеялася,
Чара мне рядо́м дошла,
Владимир-князь меня употчевал,
Только накинул на меня службу великую,
Великую службу не малую:
Надо съездить мне да в земли далёкие,
Надо мне собрать да дани-пошлины
За все за те за двенадцать лет!»
Молодой Добрынюшка Никитинич
Он сошел во стойлу лошадиную,
Выбирал себе добра коня наезжена,

Он потнички на потнички накладывает,
Уж он войлочки на войлочки натягивает,
На верёх седёлко окова́ное,
Стремена железа сбулатнего,
Шамаханьский шолк не рвется,
А булатная мидь не трётся,
Булат-железо-то не ржа́веет,
Не для-ради красы, басы, угожества —
Ради крепости богатырскою.
Садился боярин на добра коня,
Со своей ли матушкой прощается,
Молодой жены да он наказывает:
«Молода жена Настасьюшка Викулична,
Уж вы ждите-ко меня да со чиста́ поля,
Если год не буду, ждите два́ года́,
Если два не буду, ждите три году́,
Если три не буду, ждите шесть годов,
А если шесть не буду, жди двенадцать лет,
А двенадцать лет не буду, там тебе, Настасьюшка, своя воля —
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
Только не ходи за Алёшеньку Поповича:
Алёшенька Попович мне крестовой брат,
Крестовой брат паче ро́дного!»
Уж видли добра молодца тут сядучи,
А не видли разудалого поедучи —
Во чистом поли да одна ку́ревка да завиваетце,
Молодой ли боярин уберается.
Молода Настасьюшка Викулична
Стала жить и быть и времечко коро́тати:
Уж ли день за день — как вода текёт,
А ниделя за ниделей — как трава растёт,
А прошло ли того время с году места —
Не видать Добрынюшки из чиста поля.
А день ли за день — как вода текёт,
А ниделя за ниделей — как трава растёт,
А прошло ли того времечки два года —
Не видать Добрынюшки из чиста поля.
И день ли за день — как вода текёт,
А ниделя за ниделей — как трава растёт,
Прошло ли того времечки три́ года́ —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
А день ли за день — как вода текёт,

А неделя за неделей — как трава растёт,
Прошло ли того времечки шесть годов —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
А день ли за день — как вода текёт,
А неделя за неделей — как трава растёт,
Прошло ли того времечка двенадцать лет —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
Начал ли тут Олёшенька подхаживать,
Стал Настасьюшку Викуличну подсватывать:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Не идешь ли за меня да во замужесво?»
Настасьюшка не собираласи,
За его замуж ведь не сбералася,
А совсем Настасья отказалася.
Приходил Олёшенька Попович сын,
Говорил Настасьюшки таково слово:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Ты нейдешь да за меня да во замужесво?
Я вчерася был да во чисто́м поле,
А Добрынюшка Никитич убит лежит:
Буйна голова да ко сине́ морю́,
Резвы ноженьки да во ракитов кус⟨т⟩,
Сквозь ево ли раны сквозь кровавые
Проросли травоньки шелко́вые,
Расцвели цветочки лазоревые».
Отвечала Настасьюшка Викулична:
«Уж ты не был вчера во чисто́м поле,
Уж ты ездил где-нибудь с собаками на за́дворках!»
Молодой Алёшинька Попович сын
Он сошол к царю да к князю жалиться.
Как пришел ли князь к Настасьюшке Викуличной.
Говорит Настасьи да таково слово:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Нейдёшь за Олёшу в замужество,
Я возьму тебе на свой дом да работницей,
На реку да я поставлю портомойницей,
Я во хлев тебя поставлю коровницей!»
Молода Настасья Викулична
Спросила богоданную свою матушку:
«Ты послушай-ко, боіоданна моя матушка,
Под боярином жить да будто под чертом —
Лучче идти мне за Олёшеньку да во замужесво!»
Тут пошла за Олёшеньку да во замужесво.

Они свадебку играли по три дни, три суточки.
А у молода Добрынюшки Никитича
Конь ни ест, ни пьёт, не кушает,
Молодой Добрынюшка Никитинич
Уж он бил коня да по тучны́м ребрам,
Говорил коню да таковы слова:
«Уж ты конь, ты конь, да травяной мешок,
Што не ешь, не пьешь да проклаждаешься?
Ты каку невзгоду мне начаешься?»
Отвечал ли конь да сквозь обиду он:
«Молодой Добрынюшка Никитинич,
Ты не бей меня да по тучны́м ребрам,
Я скажу тебе да вес⟨т⟩ь нерадостну:
Как твоя теперь да молода жена
Как походит она да во замужество,
Как ни за князя, да ни за боярина —
За молода Олёшеньку Поповича!»
Тут садился боярин на добра коня,
Начал он Бурушка похлёстывати,
Пятовую шерсточку прохлыстывати —
Еще начал его Бурушка поскакивати:
С горы на гору конь поскакивает,
Реки да озёра промеж ног спустил,
Перелесочки да перескакивал.
Как приехал ко палаты белокаменной,
Он услышал во палаты зычон голос.
Сидит старуха на печи-печи,
Да на печном столби,
Как сидит старушка да учитыват:
«Прошло двенадцать учётныих годичков —
Закатилосе красное солнышко.
Как уехал сын мой возлюбленной,
Уж нынечу топеричо закатитце
Батюшко да светен месяц:
Выходит невестушка любовная
Ни за князя, ни за боярина —
За молода Алёшеньку Поповича!»
Колотилсэ Добрынюшка в золото кольцо:
«Ты не плачь, старушка, не обидуйся,
Отложи широкие воротичка!»
Сопустилася старушка со печи-печи,
Отвечала старушка таково слово:
«Отойдите-тка, горьки пьяницы,

От моих сироцкиих воротичок,
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не ходили бы гори-пьяницы
Круг моих сироцких воротичок».
Молодой Добрынюшка Никитинич
Еще крикнул он по-богатырскому,
Еще свистнул он по-молодецкому:
«Отложай, старуха, скоро-на́скоро!»
Тут идет старушка, перепалася,
Сама себе да раздивилася:
«Не в слезах ли мне да привиделось,
Не во снях ли мне показалося?»
Отворила широкие воротечка:
«Как здорова, родитель моя матушка?
Где моя да молода жена?» —
«Ты послушай-ко, рожено мое дитятко,
Послушай-ко: молода жена
Походит она да во замужество,
Ни за князем, ни за боярином,
А за молода Алёшеньку Поповича!»
Молодой Добрынюшка Никитинич
Не скидывает платьица дорожново,
Как берёт тугой да лук разрывчатой,
Берёт калену́ стрелу расстрельчату,
Хочет застрелить Алёшеньку Поповича
С молодой Настасьюшкой Викуличной.
Говорит ему родитель-матушка:
«Ты послушай-ко, рожоно мое дитятко,
Что на пое́зде ей да ты наказывал!»
Молодой Добрынюшка Никитинич
Скидыва́л он платьице дорожное,
Умывался он белы́м-белёхонько,
Одевался он да хорошохонько
Он берёт гусёлышки яровчаты,
И пошол на чесной пир на свадебку.
Он пришел на чёсной пир на свадебку,
А крес⟨т⟩ кладет да по-писа́ному,
А поклон ведёт да по-учёному,
Поклонилсэ на все четыре стороны,
Самому князю Владимиру в особину:
«Уж ты князь, ты князь да стольно-киевский,
Стольно-киевский да князь владимирской,
Уж и нет ли мне да где ни ме́стечка,

Молодому мне да погусельщичку?» —
«Все-то ме́стечка да попризаня́ты,
Только ме́стечко да на печи-печи,
На печи-печи, да на печном столби!»
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Он и пыли-грязи не распахивал,
Прямо садилсэ платьицом цве́тным.
Начал гусёлышки налаживати,
Начал звончатые настраивати,
Уж он струночки приводит от Царя-града,
А припевочки приводит от Нова города.
Как начал ли он в гусёлышки поигрывати,
Как начал ли он во звончаты поскрыпывати —
Уж как все тут на пиру да порасплясалися,
А Владимир-князь да распотешился,
За столом стал в перстики пощёлкивати,
На столы стал ноженьки покидывати.
«Не бывало у меня такого погусельщика
Опосля Добрынюшки Никитича.
Сопускайся-ко, молодой погусельщичок,
Тебе первое мистечко — подли́ меня,
Другое местечко — супротив меня,
А уж третье место — проти́в князя,
И с княгиней да моло́дые».
Сопускался Добрыня со печна столба
И садилсэ против князя и княгинюшки,
Против князя и княгинюшки моло́дые!
Говорил Владимир таково́ слово:
«Молода Настасьюшка Викулична,
Ты налей-ко чару зелена вина,
Поднеси молодому погусельщичку
За ево игру да за умильную».
Молода Настасьюшка Викулична
Наливала чару зелена вина,
Подносила молодому погусельщичку,
Выпивал да молодой погусельщичок,
Говорил Добрыня таково слово:
«Уж ты царь, ты царь да стольно-киевский,
Стольно-киевский да князь Владимирской,
Позволь налить чару зелена вина?»
Наливал Добрыня чару вина горьково.
Невелика-то чара — полтора ведра,
А уж весом тая чара — полтора пуда́,

Сопустил он персень со правóй руки,
Подавал Настасьюшки Викуличны:
«Молода Настасья Викулична,
Уж ты пей до дна — так увидашь добра,
А не пьёшь до дна — так не видать добра».
Молода Настасьюшка Викулична
Принимала тую чару единóй рукой,
Выпивала тую чару на еди́ной здох.
Говорила тут Настасья таково слово:
«Уж ты царь, ты царь да стольно-киевский,
Стольно-киевский да князь Владимирской,
Што не тот ли мой муж, што подле меня,
Уж как тот ли мой муж, што супротив меня!»
Уж как брал ли тут Добрынюшка Никитинич,
Уж он брал Олёшу за жолты кудри,
Как волок ли он Олёшеньку во новы́ сени́,
Штоб не повадно добру молодцу вперёд было,
Как манит⟨ь⟩ ли моло́дыих молодушок:
Как на то ли хватит красных девушок!

№ 109

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

4. Што на всих ли то кня - зей да на бо - га - ты - рей.
5. Го - во - ри - л(ы) и - що князь да столь - но - ки - ёв - ской,
6. Сто - льно - ки - ев - ской да князь вла - ди - мир - ской:
7. "Уж вы ду - май - те ду - му за - е - ди - но - ё,
8. Уж вы все ли кня - зья да все бо - га - ты - ри,
9. Кто бы, кто бы съез - дил в те ли зе - м(ы) - ли дан - ски - я,
10. Кто бы, кто бы со - бра - л(ы) дан - ны и по - шли - ны
11. Да-й за все ли за те го - ды, за две - на - дцать лет?"

[Во] том(ы)-то во городи во Киеви
Што у ласково-то князя у Владимира
Заводил-то видь там да почёс⟨т⟩ной пир
Што на всих ли то князей да на бога́тырей.
Говорил(ы) ищо князь да стольно-киёвской,
Стольно-киевской да князь Владимирской:
«Уж вы думайте думу заединоё,
Уж вы все ли князья да все бога́тыри,
Кто бы, кто бы съездил в те ли зем(ы)ли данския,[1]
Кто бы, кто бы собрал(ы) данны и пошлины
Да-й за все ли за те годы — за двенадцать лет?
Выбирать мы станем охотничков».
Охотничков да не находитсе.
Оны выбрали Кирилу Тонкоплёнковича.
У того ли-то Кирилы было три брата,
Они могут съездить в земли данские,
Они могут собрать дани-пошлины
За стары годы и за нынешны,
А за ты за вси за двенадцать лет.
Уж большой брат тулитсе за среднего,
А средний тулится за меньшего,
А от меньшего от бедного ответу нет.
Из-за того ли з-за кончика з-за нижного
Вот прогóворил малый скоморошинка,
Молодой ли-то Олёшенька Попович сын:
«Уж ты царь, ты царь стольно-киевской,
⟨Стольно-киевской⟩ да князь Владимирской,
Ты позволь-ко словцо вымолвить!
Если ладно я скажу, ты за ладно почитай,
А неладно я скажу, ты меня да в том прости.
Тот ли-то Кирилла Тонкоплёнкович,
Он молодец холост, не женат,
Он со девушкам призабавитсе,
Со молодым молодками забавитсе,
Нам послать его — да не дождатися.
Нам послать Добрынюшку Никитича:
Уж ли тот молодец женат, не холост,
Он со девушками не забавитсе.
Он с молодыми молодкам не забавитсе,
Он выправит дани вси пошлины
За стары годы и за нынешны,

[1] На фонограмме отчетливо прослушивается «да́нския», вопреки лексеме «Датские», зафиксированной на слух М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной.

За ты за все да за двенадцать лет!»
Говорил ли князь да стольно-киевской,
Стольно-киевской да князь Владимирской:
«Ай да ты, малый скоморошинка,
За твои слова да за умные
Не в том бы теби местечки посиживати!»
Начал писать листы посольные...

№ 110

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Добрынюшка матушки говаривал:
«Государыня моя матушка,
Чесна вдова Офимья Александровна,
В ково меня, Добрынюшку, споро́дила?
Силой-могутой в И́лью Муромця,
Красотой в Олёшку ль Поповиця?»
Говорила тут Добрынюшки матушка:
«Спородила я тебя силой-могутой,
Красотой и ухваткою
Во Олёшку Поповиця!»
Тое словцё Добрынюшки не слюбилосе:
«Уж ты лучце б Добрыню споро́дила
Катуциим бы белыим каменем
И свертела бы камень в травцят рукав,
И снесла бы этот камень на Фаву́р-гору́,
И спустила бы камень камень этот по́д гору,
И скатилса бы камень в сине́ море —
Лежал бы век по́ веку.
И отныне и до́ веку».
Брал седелышко новочеркальское,
Брал он уздицю нову́, тисьмяную,
Брал он плетотьку нову не хлыстану
И седлал-обкольцюживал
Свеого-то добра́ коня:
⟨Двенадцать⟩ по́дпругов шолковыих
И тринадцату клал ради крепости.
Говорит Добрынюшки доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрынюшка Никитиниц,
Отец-то седлал рёбро к рёбрушке,
А уж ты седлаешь — рёбро на рёбро!»

Садилса Добрыня на добра коня.
Приходит его молода жона,
Приходит его любима́ семья —
Настасья Микулицьна.
«Уж ты ай же, моя молода жена,
Настасья Микулицьна,
Дам же я те заповедь на ⟨шесть⟩ год:
Про́йде заповедь ⟨шесть⟩ годышков —
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Столько не́ ходи за тово купца
За Олёшку Поповиця:
Олёшенька Поповиць мне — назва́най брат!»
Столько видли Добрынюшку сядуци,
Не видли поедуци — уехал Добрыня в чисто поле.
Олёшенька Поповиць тут
На своем на добро́м коне
Наехал на тот на широкий двор,
Своего коня прикольцюживал
К тому стоу́бу ко тоценому,
К тому ко кольцю золоценому,
Где Добрыня добра коня седлал.
Приходит в редню столовую,
Он крес⟨т⟩ ведет по-писа́ному,
А поклон ведет по-уценому,
Настасье Микулицной в особину:
«Здраствуешь, молода вдова,
Здраствуешь, любима семья
Настасья Микулицьна,
Я тиби от Добрыни поклон привез.
Твой Добрыня Микитиниц
Лежит во цистом поли простреленной,
Ево ноженьки край дороженьки,
Голова ево под кустышком!»
И нацял к Настасьюшки похаживать
Нацял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулицьна:
«Ай же, Олёшенька Поповиць,
Проживу я шес⟨т⟩ь годышков вдовиных
То́ што и заму́ж пойду».
И годок за годок — быдто дож дожит,
Неделя за неделей — што река бежит,
Денек за денек — што трава растет,
И ена про́жила шес⟨т⟩ь годов вдовиных.

Взял уж тут Олёша Поповиць подхаживать,
Нацял Настасьюшку подсватывать.
Говорит Настасья Микулична:
«Я прóжила годушки вдовиные шесть годов,
Еще прóживу шес⟨т⟩ь годышков заповёдныих».
Неделька за недельком — как река бежит,
Денек за денек — как трава растет, —
Прошло тому времецьки двенадцать лет,
Все Добрынюшки Микитиця домой не видать.
Тут приступили вси князья, вси бояра,
Привышней — князь стольно-киевской,
И вси взяли Настасьюшку
Сбивать за Олёшеньку.
И она тут понаумилась
И пошла за Олёшу.
Завели ены тут пир-свадебку,
Увели ею тут к князю стольно-киевскому,
Стали свадьбовать.
Поехал Добрыня Микитиць в цисто поле,
Его конь подтыкается.
Говорит Добрыни доброй конь:
«Уж ты ай же, Добрыня Никитиниць,
Твоя молода жона, твоя любима́ семья
Замуж пошла
За тово купца за Олёшку Поповиця!»
Поехал Добрыня на пер да на свадебку
К своей молодой жоны.
Приежджяет на свой широкий двор,
Своего коня прикольцюживал
Х тому стоу́бу ко тоценому,
Х тому кольцю х золоценому.
Приходит он во гридню столовую,
Он крес⟨т⟩ ведет по-писаному,
Поклон кладет по-уценому,
Офимьи Олександровны в особину:
«Здраствуешь, молода вдова Офимья Олександровна,
Я теби от Добрыни поклон принес!» —
«Как ай же ты, мала скоморошина,
От Добрыни поклон принес?
Прошло тому времецьки ⟨двенадцать⟩ лет:
Добрыни Микитиця живово нет». —
«Мы в цистом поли́ с Добрыней пораз'ехались,
Конямы мы с им поменялиси,

И крестамы мы с им побра́тались».
Показал свой злацен перстень,
И с во́рота показал свой золоценой крес⟨т⟩.
«Отправил меня Добрыня Микитиць
К своей молодой жены
К своей любимо́й семьи на свадебку
И велел мне взять гуселышка муравцяты
И клюху́ стопудовую,
И велел сходить на пер, на свадебку
Звеселить князя и княгину моло́дыих».
И дала ему гуселышка яровчаты
И клюху стопудовую,
И он отправилса к княгины на свадебку.
Приходит на́ пер, на свадебку
И выстал на пецьку, сел на за́пецьку
И взял гуселышка поигрывать.
Услыхали князья и бояра,
За столом князь и княгина моло́дыи
И говорят: «Поди к столу, молодой игрок,
И звеселяй князя и княгину моло́дыих!»
Подходит Добрыня к столу дубовому,
Подносят ему цяру зелена вина.
Вынимал Добрыня золотой персте́нь,
Со правóй руки,
И положит в цяру зелена вина
И подносит княгини обруценоей:
«Ай же ты, княгина обруценая,
Выпивай же ты, пей цяру зелена вина,
Изопьешь до дна — дак увидашь добра!»
И взяла княгина обруценая
Эту цяру зелена вина и выпила
И увидала там золоцен перстень.
И видит, што Добрынин золоцен перстень,
И говорит: «Не то мой муж,
Которой за столом сидит,
А то мой муж, которой у стола стоит!»
Взял Добрыня Микитиць Олёшеньку за жолты кудри,
Взял по горенки поваживать
И стопудовой клюхой поколацивать.
И говорит Олёшенька Поповиць:
«Што всякой-то на свети женитце,
Да не всякому женитьба задаваетце!»
Увел Добрыня свою молоду жену домой,
Олёша остался ни́ при чем.

№ 111

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Добрынюшка матушки говаривал,
Спросил государыню, выспрашивал:
«Сударыни ты, ро́дна матушка,
Ты ведь чёсна́ вдова Офимья Олександровна!
В кого меня, Доб(ы)рынюшку, споро́дила?» —
«А силой-могуто́й в Илью Муромьця,
Красотой-то в Олёшку Поповиця»...

№ 112

ПРО ДОБРЫНЮ И АЛЁШУ

Старину пою стародревную,
Стародревную да стародавную,
Я Добрынюшку да со Настасьею.
Отправляетце Добрынюшка в чисто полё.
Он наказывает своей жены Настасьи да Микулишной:
«Ты жена моя, Настасья да Микулишна,
Уж ты жди меня да ровно ⟨три⟩ года.
Не приеду если я да через ⟨три⟩ года,
Уж ты жди меня да ровно ⟨шесть⟩ годов.
Не приеду если я да через ⟨шесть⟩ годов,
Уж ты жди меня ровно ⟨двенадцать⟩ год,
Не приеду если я через ⟨двенадцать⟩ год,
Ты жена моя, Настасья да Микулична,
Хошь вдовой живи, а хошь замуж иди.
За князей поди да за бояринов,
Ты за славных да за татаринов —
Только не́ ходи, Настасья да Мику́лична,
За Олёшеньку да за Поповиця:
Как Олёшенька-то ведь Попович блад,
Ай Олёшенька-то мни да ведь крестовой брат!»
Уж как год-то за го́д — как река бежит,
А неделька за неделькой — как порог шумит,
А еще день-то за день — быдто дожж дожжит,
И прошло тут тому времечки да ровно ⟨три⟩ года —
Не видать Добрыни со чиста́ поля.
Стал Олёшенька к Настасьюшки подхаживать,
Стал Настасью он за́муж подговаривать:
«Уж ты иди, иди, Настасья да Микулична,
Ты иди да за меня заму́ж —
Уж как нет жива Добрынюшки Микитиця:

43 Зак. 3948

Там Добрынюшки головушка вся переломана,
Она белыим полотёнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус⟨т⟩,
А ногамы-то да во Дунай-реку!»
Тут нейдет замуж Настасья да Микулишна
За Олёшеньку да за Поповиця.
Уж как год-то за год — как река бежит,
А неделя за неделей — как порог шумит,
Аще день-то за́ день — быдто дожж дожжит,
И прошло тут тому времечки да ровно ⟨шесть⟩ годов —
Не видать Добрыни со циста поля.
Стал Олёшенька к Настасьюшке подхаживать,
Стал Олёшенька Настасьюшку замуж подговаривать:
Што: «Иди, Настасья, за меня замуж,
Ты иди, Настасья да Микулична,
Уж как нет жива Добрыни да Никитиця:
Там Добрынина головушка вся переломана,
Она белым полотёнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус⟨т⟩,
А ногамы-то да во Дунай-реку!»
Тут нейдет замуж Настасья да Микулитьна
За Олёшеньку да за Поповиця.
Уж как год-то за год — как река бежит,
А неделя за неделей — как порог шумит,
Аще день-то за́ день — быдто дожж дожжит,
А как прошло тому времечки ровно ⟨двенадцать⟩ год.
Стал Олёшенька к Настасьюшки подхаживать,
Стал Настасьюшку он замуж подговаривать:
«Ты иди-ко, иди, Настасья, за меня замуж,
Ты иди, Настасья да Микулична,
Уж как нет жива Добрыни да Микитица:
Там Добрынина головушка вся переломана,
Она белым полотёнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов кус⟨т⟩,
А ногамы лежит он во Дунай-реку!»
И пошла замуж Настасья да Микулична
За Олёшу да за Поповича.
И заплакала тут мать Офимья Олександровна:
«Закатилось да красно солнышко,
Закатаетце да млад светёл месец».
Повели оны тут пер да свадебку,
А уж как птицки-пташки перелетывали,
Оны вестоцки да перенашивали,

Говорят Добрынюшки Микитицю:
«Поеждай-ко, доброй молодец,
В свою сторону да к своей матери —
Как твоя жона Настасья да Микулична
Она замуж пошла за Олёшу Поповича».
Тут садился доброй молодец
На своего на добра коня.
Приездал домой Добрынюшка Микитиниц,
Не узнала ево мать Офимья Олександровна.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
«Ты, Офимья Олександровна,
Ты сходи-ко в по́греба да во глубокии,
Ты подай-ко мне гуселышка яровцяты.
Мни велел взять твой сын Добрынюшка Микитин
И велел сходить на пер, на свадебку
К его жоны Настасьи да Микуличны!»
Тут сходила в погреба да во глубокии
Офимья Олександровна,
Принесла она гуселышка яровцяты.
Уж как взял Добрыня Микитинич
Свои гуселышка яровчаты
И отправился на пер, на свадебку
Он к своей жены Настасьи да Микуличны.
Уж как сел там на кирпицьну белу печеньку
И заиграл он во гуселышка яровчаты.
Говорит Настасья да Микулицьна таково слово:
«Вы налейте-ко нунь цяру зелена вина
И позовите добра молодца
Ко столу да ко дубовому.
Уж ты выпей, доброй молодец,
Выпей цяру зелена вина!».
Говорит Добрынюшка Микитиниць:
«Ты Олёшенька да ведь Попович блад,
Ты позволь-ко поднести да ково я люблю».
Подносил Добрынюшка Микитиниць
Он Настасьюшки да все Микулицьне:
«Ты испей до дна — так увидашь добра,
А не выпьешь до дна — не увидашь добра!»
Она выпила да тут до донышка,
Как до донышка да она до́суха —
Увидала там да свой злацен перстень,
Которым она да обруцялася
Со Добрынюшкой да со Микитицем.

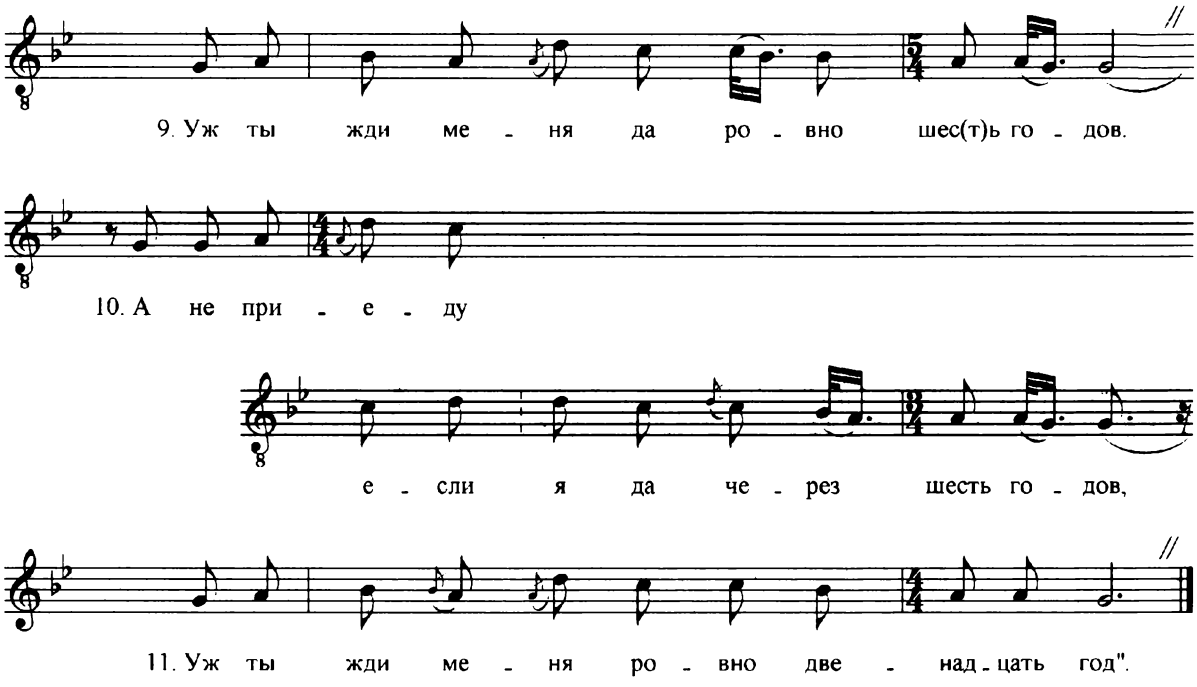
Говорит она да таково слово:
«Не тот мой муж, которой за́ столом сидит,
А тот мой муж, которой у́ стола стоит!»
Уж как взял Добрынюшка Микитиниць
Он Олёшеньку да за желты кудры́,
Стал Олёшеньку да он поваживать,
Золотым копьем да стал подхлыстывать,
Он умильныи слова да выговаривать:
«Не тому дивую, хто заму́ж идет,
А я тому дивую, хто заму́ж берет:
От живого мужа́ жо́ну о́тобрал!».
Так Добрыня с Настасьей хорошо живут,
А Олёши Поповицю славы́ поют.

№ 113

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

да во чи - сто по - лё.
5. Он на - ка - зы - ват
сво - ей жо - ны
На - ста - сьи да Ми - ку - ли - цьной:
6. „Ты жо - на мо - я
На - ста - сья да Ми - ку - ли - цьна,
7. И уж ты жди ме - ня да ро - вно три го - да.
8. Не при - е - ду
е - сли я да че - рез три го - да,

[Стари]ну пою старод(ы)ревную,
Стародревную да стародавную,
Старод(ы)ревную да стародавную.
Отправляэтце Добрынюшка да во чисто́ полё.
Он наказыват своей жоны́ Настасьи да Микулицьной:
«Ты жона моя Настасья да Микулицьна,
И уж ты жди меня да ровно три года.
Не приеду если я да через три года,
Уж ты жди меня да ровно шес⟨т⟩ь годов.
А не приеду если я да через шесть годов,
Уж ты жди меня ровно двенадцать год.
Не приеду если я через двенадцать год,
Ты, жена моя Настасья да Микулична,
Хошь вдовой живи, а хошь замýж иди.
За князей поди да за бояринов,
Ты за славныи за татаринов —
Только нé ходи, Настасья да Микýлична,
За Олёшеньку да за Поповиця:
Как Олёшенька-то ведь Попович блад,
Ай Олёшенька-то мни да ведь крестовой брат!»
Уж как год-то за го́д — как река бежит,
А неделька за недельком — как порог шумит,
А еще день-то за день — быдто дожж дожжит,

И прошло тут тому времецьки да ровно три года —
Не видать Добрыни со чиста́ поля.
Стал Олёшенька к Настасьюшки подхаживать,
Стал Настасью он за́муж подговаривать:
«Уж ты иди, иди, Настасья да Микулична,
Ты иди да за меня заму́ж,
Уж как нет жива Добрынюшки Микитиця,
Там Добрынюшки головушка вся переломана,
Она белым полотёнчиком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов куст,
А ногамы-то да во Дунай-реку!»...

№ 114

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

4. Как Вла - ди - мер — князь да столь - но ки - ёвь-ский
5. На - ли - вал – то
йо - н(ы) ця - ру не - у - ми - рё - ну–
6. Ця - ра ме - рой-то бы - ла так не ми - ря - на,
7. Ця - ра ве - сом бы - ла так не ве - шо - на:
8. Ця - ра ме - рой-то ведь — да пол - то - ра вё - дра,
9. Ве - сом ця - ра тя - не пол - то - ра пу - да.
10. Го - во - рил Вла - ди - ме-р(ы)
князь да та - ко - вы сло - ва:

Как во сто́л(и)ноём во городи во Киёви,
Да у князя да у Владимира
А ведь вёлсэ, продолжалсэ князенецький пер.
Как Владимер-князь да стольно-ки́ёвьский

Наливал-то й-он(ы) цяру неуми́рёну —
Цяра мерой-то была так не ми́ряна,
Цяра весом была так не ве́шона:
Цяра мерой-то ведь — да полтора вёдра́,
Весом цяра тя́не полтора пуда.
Говорил Владимер(ы)-князь да таковы слова:
«Уж вы сильние-могучи(й)и бога́тыри!
Кто ведь выпье-й эту цяру зелена́ вина,
Тот ведь мо́ге ехать во чисто́ полё,
Во чисто́ полё да стать на за́ставы —
А стоять времяни на семь годов...»

№ 115

ПРО ДОБРЫНЮ И ПРО АЛЁШУ

Как во стольном во городе во Киеве,
У князя у Владимира
Призваны сильныи, могучии богатыри.
Наливал Владимир-князь питов разныих.
Чара мерой не меряна,
Чара весом да не вешана,
Мерой чара ⟨полтора⟩ ведра,
Весом чара ⟨полтора⟩ пуда.
И говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Уж сильныи, могучии богатыри,
Кто из вас может выпить эту чару питов разныих,
Тот может ехати во чисто поле,
Во чисто поле да на заставы,
Да времени да на ⟨шесть⟩ годов,
Не пропускать ни прохожего да не проеждего,
Без докладу да без пошлины».
Все богатыри да позатихнули,
Все богатыри да позамолкнули.
Старшой тулится за среднего,
Средней тулится да на меньшого,
А от меньшого и ответу нет.
Как изволил встать да на резвы ноги,
Как Добрынюшка да сын Микитич ведь.
Как говорил Добрыня таковы слова:
«Как Владимир-князь стольно-киевский,
Выпью я эту чару питов разныих,

А поеду я во чисто поле,
Во чисто поле, я на заставы,
Да времени я на ⟨шесть⟩ годов,
Да буду я не пропускать
Ни прохожиих да не проеждиих,
Без докладу я, без пошлины!»
И выпивал Добрыня чару питов разныих,
Ехал Добрыня к своей родной матушке,
Да пáдал матушке в ножки
До кирписчатого мостичку.
Просил Добрынюшка у матушки прощеньица,
Ен просил, Добрынюшка,
У матушки благословеньица,
Как времячки Добрынюшка на ⟨шесть⟩ годов,
В чисто поле да на заставы —
Не пропускать ни прохожиих, ни проеждиих
Без докладу да без пошлины
Во славный город, Киев-град.
Да говорит Добрыне родна матушка,
Как честна вдова, Афимья Тимофеевна:
«Как лучше бы ты было, чаделко, не рожено,
На свет бы ты, чадо, да не спущено,
Как ездить по разныим по городам,
Да ездить по дальниим по сторонам,
Бить головушек да неповинныих,
Как сиротить да молодых жен,
Как молодых жен да малых детушек!»
Да говорил Добрынюшка:
«Дашь прошеньице — так поеду ведь,
Да не дашь благословленья — ехать надобно!»
Как садился-то Добрыня на добра коня,
Выеждял Добрыня в широки ворота,
А в воротах стоит молода жена,
Говорит Авдотья таковы слова:
«На улете есть ты ясён сокол,
На уезде, Добрыня — добрый молодец,
Как на кого ты меня да оставляешь здесь?»
Отвечал-то Добрынюшка:
«Как Авдотья да Микулична
Как если я не приеду через ⟨шесть⟩ годов,
Так хоть вдовой живи, хоть замуж поди.
А еще, Авдотьюшка, послушай-ко —
Не ходи-ко за князя, за боярина,

И за ту не ходи господскую холопину,
Да еще не ходи за Алёшеньку, за Поповича:
Мы есть с ним братья да крестовыя!»
И поехал Добрыня во чисто поле —
Только от копыт лошадиныих
Поднялася пыль да куревка.
И уехал Добрыня во чисто поле,
Во чисто поле, Добрыня, на заставы,
Времени, Добрыня, да на ⟨шесть⟩ годов.
День-то за день — как дожди дождят,
Неделька по недельке — как ручьи бежат,
Год-то за год — как трава растет.
Прошло времечки да всего ⟨шесть⟩ годов —
А не видать Добрыни из чиста поля.
Как наехал Алёшенька Попович ведь,
К палаты белокаменной,
Ко Добрыниной ко матушке:
«Здравствуй-ка, Добрынина матушка,
Авдотья да Микулична,
Как был я вчерась во чисто поле,
Во чистом поли видел я Добрынюшку убитого:
А ён ножками лежит да к дороженьке,
А ведь буйной головкой во ракитов куст.
Скрозь Добрынюшку, скрозь Микитича
Проросло деревцо калиново,
На этом деревце на калиновым
Свито у соловьюшка гнездышко.
Сидит соловей да высвистывае,
Сидит соловей выговаривает:
„Нет ли прохожего, проеждего
Свезти весточка да нерадостна
Ко Добрыниной да ко матушке,
Ко Добрыниной молодой жене,
Авдотьи Микуличны!"
А ты ль, Авдотья Микулична,
Поди-т-ко ты, Авдотьюшка,
Да за меня замуж!»
Отвечала Авдотья Микулична:
«Не ходи-ко ты, Алёша, не подхаживай,
За себя меня не подговаривай.
Сполнила я мужнюю заповедь —
Жила я вдовой ⟨шесть⟩ годов,
А еще сполню свою я заповедь —

Еще проживу вдовой ⟨шесть⟩ годов,
Не приеде Добрыня, дак тогда буде!»
День-то за день — как дожди дождят,
А неделька по неделъке — как ручья бежат,
Год-то за год — как трава растет,
И прошло времени еще ⟨шесть⟩ годов —
А не видать Добрыни из чиста поля.
Как едет Алёшенька Попович, ведь,
А везе князь Владимира
Со своей женой, Апраксией Романовной.
Приехали Добрыниной сватать молодой жены:
Как не волей-то идет Авдотья Микулична,
А ю силом берут —
И повезли Авдотью да Микуличну.
Как Добрынина матушка,
Да сидела она у окошечка,
Плакала, читала она причетом:
«Как через ⟨двенадцать⟩ лет я расставалася
Со своим да родным чаделком,
Со Добрыней, со Микитичем,
А нынче я да порасталася
Со невестуцкой да со любимою!»
Как видит во слезах да во чистом поле —
Добрый конь да проскакивае,
Широко метяма перемашивае,
Прямо еде ко Добрыниной ко матушке,
К ейней палаты белокаменной.
Приходил молодец в палату белокаменну
И говорил молодец:
«Здравствуй-ка, Добрынина матушка,
Видел я Добрыню сегодня во чистом поли,
Завтра обещался Добрыня да домой прибыть».
Говорила Добрынина матушка:
«Какая ты невежа да приехала,
Надо мной да надсмехатися —
Если был бы Добрынюшка у меня да во живности,
Был бы у меня Добрыня при ближности —
Нету у меня Добрынюшки во живности.
Как Добрынину да молоду жену
Владимир-князь стольно-киевский
Увез за Алёшу Поповича
Да во супружество!»
Да говорит тут Добрынюшка:

«Ах же ты, моя да родна матушка,
Видно, худ я тебе показался ведь,
Во долгих да во поездочках,
Примечай-ка ты своего Добрынюшку
По старыим да по приметочкам».
Говорила Добрыне матушка:
«Как у моего да у Добрынюшки,
Как у младого у лошадки было лягнуто,
Так головка у него да переложинкой».
Как кладала ручки белыи
На буйную да на головушку,
Да целовала в уста да во сахарныи.
Скидывал Добрыня платьица дорожныи,
Одевал он платье скоморовчато,
Брал гуселышка яровчаты,
Да пошел Добрыня к Алёше на почестный пир.
У Алёши у Поповича дверники-то были кладены,
Воротники были поставлены.
Добрыня дверникам давал по полтиннику,
А воротникам давал по рублевику,
А маленьких робят Добрыня уговаривал:
«Не кричите-ко, робятка, помолчите-ко,
Завтра для вас я пер заведу,
Пер заведу, всих пивом напою,
Всех пивом напою да по калачу даю!»
Да прошел Добрыня к Алёше на почестный пир,
У Алёшеньки ведется да почестный пер.
Говорил да Добрынюшка:
«Князь Владимир стольно-киевский,
Нет ли мне-ка местечка немношечко,
Мне-ка, легкой скоморощенки,
Сыграть в гуселышка яровчата,
Воспотешить князя со княгиней новобрачныих». —
«Ай же, легка скоморощенка,
По записям у нас места да все позаняты,
Тебе, легкой скоморощенке,
Местечко — на печке на кирпитовой!»
Добрыня на ножку легок —
Да на печку скокок,
Да говорил Добрынюшка:
«Мне повыше всех, да повидняя всех,
Повидняя всех, да потепляя всех».
Да заиграл Добрынюшка в гуселышка,

Да припевочек Добрынюшка завел да ведь от Киева,
А довод-то веде Добрыня — до Чернигова.
Все ты на пиру да расслушались.
Да говорит-то ведь Владимир-князь:
«Такого игрока никогда да не видано,
Такого припевочка никогда да и не слыхано!»
Говорит да Владимир-князь:
«Что ты, легка скоморощенка,
Спустись-ко ты с печки со керпитовой,
Как от нашего князя, княгини новобрацныих
Выпей-ка ты чару питов разныих».
И наливал Добрыни чару Владимир-князь.
Брал Добрыня чару ту левой рукой,
Вылил чару Добрыня наиспашечку,
Наливал чару Алёша Попович ведь —
Брал Добрыня чару да левой рукой,
Вылил чару Добрыня наиспашечку.
Наливала чару княгиня новобрацная,
Авдотья да Микулична.
Брал Добрыня чару ту правой рукой,
Да выпил Добрыня чару на единый вздох.
Полагал да свой золотой перстень,
Да говорил да Добрынюшка:
«Ты, княгиня новобрацная,
Если взглянешь до дна, то увидишь добро,
А не взглянешь до дна — не увидишь добра».
Взглянула до дне и увидла добро:
Свой имянный перстень обручальныи.
И говорила Авдотья Микулична:
«Владимир-князь стольно-киевский,
Не тот мой муж, который возле меня сидит,
А тот мой муж, который противо стоит!»
Говорил-то ведь тот да Добрынюшка:
«Не дивую я женщины —
У женщины волос долог, ум короток есть,
А дивую я князю Владимиру,
За которого я стоял ⟨двенадцать⟩ лет,
Я ⟨двенадцать⟩ лет да на заставы,
А ён берет от жива мужа же́ну
За другого во супружество.
Да еще дивуюсь я своему брату подкрёстовому,
Алёше Поповичу!»
Да брал Добрыня Алёшу за желты кудри,

Да бросил Алёшу через дубовый стол,
Бросил Алёшу через дубовый стол,
Да о керпитов пол.
Да у Алёши у Поповича
Рубашка-то лопнула,
А на спины кожа треснула,
И плавал Алёша по полу да раскаракулёй,
Да говорит Алёшенька:
«Только Алёшенька и женат бывал,
Только Алёшенька и жену видал!
Всяк на Святой Руси и женится,
А не каждому женитьба удается!»
Да повел ты Добрыня свою молоду жену,
Да Авдотью ён Микуличну
Ко своей да родной матушке.
Да на том былина та и покончилась.

№ 116

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

А во том ли городе во Киеве
У того ль князя да у Владимира
Пированьице было, почестен пир.
Собралось гостей много званныих,
Князей, бояр и русских могучих бога́тырей.
На пиру-то гости наедалися,
На честном ли гости напивалися,
Во хмелю ли гости порасхвастались:
Умный хвастает отцом да матерью,
Неразумный — золотой казной,
А Добрынюшка — молодой женой.
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Ах вы, гости мои честные, могучие богатыри,
Как сегодне по утрушку по раннему
Приежжал гонец из чиста́ поля,
От того морюшка от синего,
От той горы Араратские,
Говорит гонец таковы слова:
„С того ли со морюшка со синего
Выходит Змеища-Горыница
О семи главах, о шести ногах,

О шести ногах, о восьми хвостах,
А за ней змеенышей-детенышей
Много-множество да и счету нет.
Как идет Змея с этой силушкой
Да на великий град да стольно-киевский".
Вы, русские могучие бога́тыри,
Вы ступайте-тко да на помогушку,
Защищайте-тко вы Святую Русь,
Святую Русь, веру православную».
Тут богатыри ужаснулися,
Меж собой они переглянулися,
Старший прячется за среднего,
Средний туляется за меньшего,
А от меньшего и ответа нет.
Говорит Владимер-князь:
«Ах вы, русские могучие богатыри,
Не сдадим мы города Киева
Тому Змеищу-Горынищу,
Не пропьем мы веру православную!
Не поедете по охотушке,
А поедете по неволюшке».
Тут встает Добрыня на резвы ноги,
Князю Владимеру поклоняется:
«Красно солнышко Владимер стольно-киевский,
Я желаю ехать охотничком,
Я охотничком да добровольничком».
Он и крест кладет по-писа́нному,
Поклон ведет по-ученому,
Князю-солнышку да он в особенно,
Всим князьям, боярам поклоняется,
Поклоняется да сам прощается:
«Вы не помните лихом молодца,
А добром-то вспомнить миня не за что».
Он приходит к родной матушки,
Говорит ей таковы слова:
«Ох ты гой еси, да родна матушка,
Чесна вдова Офимья да Александровна,
Ты на что Добрынюшку спородила?
Породила бы серым камешком,
Спустила бы во сине морё,
А не ездил бы я, добрый молодец,
Да по Святой Руси,
Не рубил бы я безвинныих головушек,

44 Зак. 3948

Не кровавил бы я мать сыру землю,
Не слезил бы я отцов, матушек,
Не вдовил бы я молодыих жон,
Не сиротил бы малых детушек». —
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец,
Мое чадочко да мое милое
А Добрынюшка да свет Никитинец!
Кабы знала я, тебя спородила б
Красотой бы в солнышка Владимера,
Силой-храбростью в Святогора-богатыря,
А таланом тебя, участью
Во того ли Ильюшеньку Муромца,
Выходкой-походкой щапливою
Во того ли Чурилушку Пленковича,
Плутовством ли в Олёшеньку Поповича».
Услыхала молода жена Настасья да Микулична,
Выбегала из светлицы грановитою
В одной рубашечке без пояса,
В однех чулочиках без чоботов,
Залилася слезами горючими.
Говорит ей Добрынюшка Никитинеч:
«Наше дело-то служебное,
Надо делать дело повеленное,
А ты живи, моя молода жена,
Потише ключевой воды,
Пониже шелковой травы;
Пройдет годичек, не ворочусь я,
Подожди, жена, да три годичка,
А потом тибе вольная волюшка —
Хоть вдовой живи, хоть замýж иди,
Ты за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря.
Если хочешь, иди за крестьянина,
Только не ходи, супруга, молода жена,
За того Олёшеньку Поповича,
За моего за братца подкрестового,
За это будет вам непростительно».
Сам выходил из гридни столовоей,
Брал коня богатырского,
Брал коня да приговаривал:
«Ты, мой добрый богатырския конь,
Послужи-ка мне да верой-правдою,
Я поеду на полюшко на ратное».

Клал он потнички на потнички,
Кладал войлочки на войлочки,
Сверху клал седелышко черкасское,
Черкасское да малоезжено.
Скидывал с себя да цветно платьице,
Одевал платьице дорожное,
С собой брал доспехи богатырскии,
Тугой лук да калены стрелы;
С собой брал он палицу булатную,
И копье он брал долгомерное,
С родной матушкой он прощаетса.
Стоит Настасьюшка да Микулишна,
Она горькими слезами обливаетса.
Помолился он на церковь на соборную.
Видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи —
Только в полюшки пыль пылит.
Приезжал Добрыня ко синю морю,
Как к тым ли горам Араратскиим,
Как слезал Добрыня со добра коня,
Стал Добрынюшка сабелькой помахивать,
Как любиму песенку насвистывать.
Вдруг сине море всколыхнулоси,
Как выходит Змеище-Горынище
О семи ногах, о шести главах,
О шести главах да о восьми хвостах.
У Добрыни ноженьки подломилиси,
Очи ясныи да помутилиси,
Дыбом стали волосушки
На его богатырской головушки.
Того часа Добрыня опомнилса:
«А что набралса я бабьей натурушки!»
Он скочил тут на добра коня,
Обнажил он саблю острую,
Подъезжал к Змиещу-Горынищу,
Отхватил он саблей одну голову.
Обозлиласи Змея, рассердиласи,
Зашипела Змея по-змеиному.
Тут явилося детенышей-змеенышей
Много-множество, даже счету нет.
Добрынюшка добрый молодец
Коих мечем рубил, коих конем топтал.
От восхода красна солнышка,

От восхода он пробилса и до запада,
А поганой силушки не убыло,
Не убавляетса — все прибавляетса.
Пробилса Добрынюшка Никитинеч,
Пробилса со Змией ровно три года:
Отрубил Змеи да вси головы,
Истоптал он всих змеенышей-детенышей,
Завалил он полюшко чистое
Этой силушкой да он поганою.
Настасьюшка да свет Никулишна
Сидит под окошечком косящетым,
Не спускает глаз со чиста поля,
Все Добрынюшку да дожидаючись.
А плутоват Олёшенька да поповский сын
Стал к Настасьюшке да он похаживать,
Стал Настасьюшку да он подсватывать.
Говорит Олёша таковы слова:
«Ты, Настасьюшка да свет Микулична,
Ты не жди Добрынюшку Никитича,
Как ездил я по синю́ морю
Да ко тем горам Араратскиим,
Как у кустышка да у ракитова
Там стоит привязан богатырской конь,
А лежит Добрыня в куст головушкой,
Кровь струитса молодецкая,
Обогрила матушку сыру землю».
Говорит он князю Владимиру:
«Ах ты, князь стольно-киевский,
Долго ль молодцу мне шататися,
Надо молодцу да поженитися,
Пособи-тко да мни сосватати.
Есть на примете у меня вдова беспризорная,
Настасьюшка да Микулишна».
Владимер-князь стольно-киевский
Он сватов послал, сам гостей созвал,
Гостей созвал на веселый пир.
Взял гусельщиков он, шарманщиков
В честь Олёшеньки да Поповича
Да Настасьюшки да Микуличной.
Настасьюшка свет Микулишна
Не сказала Добрыниной матушки,
Только матушка догадаласи,
Куда лебедь бела потеряласи.

Как сидит Добрынина матушка
Под косящетым окошечком,
Смотрит в полюшко да она чистое:
В поли куревка да поднималаси,
Богатырска лошадь показаласи,
Оказалась лошадь у крылечушка.
Как приходит тень богатырская:
«Уж ты здравствуешь, да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна». —
«Эх ты, ты гой еси, удалый добрый молодец,
Не слези-тко мою головушку,
Не печаль-ко ты сердце ретивово.
У меня ли, у бедноей у матушки,
Было чадочко примилое,
Добрынюшка да свет Микитинеч.
Получили мы таку весточку:
В чистом поли да лежит в кустушки,
Его телушко лежит да бездыханное».
Он ко матушке да приклоняетса:
«Уж ты гой еси, да родна маменька,
Не узнала ты Добрынюшку Микитича». —
«У моего ли-то у Добрынюшки Микитича
На головушки была-то переложинка».
Наклонил Добрыня головушку,
Успокоил свою родну матушку.
Она целует, милует, Богу молитса.
Говорит Добрыня таковы слова:
«Где моя супруга, молода жена,
Не встречат с дороги добра молодца?» —
«Твоя жена да замуж пошла
За того ли Олёшеньку да Поповича,
И сегодни у них пированьицо,
Завтра пойдут в церковь во соборную,
Ко венцам пойдут ко злаченыим».
Тут Добрынюшка не замешкался,
Умывался он побелешенько,
Одевался он поскорешенько,
Снял он платьице дорожное,
Одевал платье скоморошное,
Он брал гуселышки еровчаты,
Он пошел ко князю Владимеру.
Стоят тут слуги княженецкии,
Не пускают добра молодца:

«Непрошеным гостям у нас места нет».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Уж вы, слуги княженецкии,
На пирах да на свадебных
Есть и зрители и посетители.
Пропустите малу скоморошину
Из-за печечки посмотреть мни на веселый пир».
Пропустили слуги скоморошину.
Сел за печечку на скамеечку,
Он вынимал гуселышки еровчаты,
Стал по струночкам да он поваживать,
Стал он песенки да насвистывать;
Разгорелось сердце богатырское,
Он запел песенку вполголоса,
Он вполголоса да про Святую Русь,
Про того про князя про Владимера,
Про княгинюшку да про Апраксину.
Эта песенка князю по уму пришла,
По уму пришла да полюбиласи.
Говорит Владимер таковы слова:
«Ах ты, малая скоморошина,
Ступай-ко ты да к моему столу ко дубовому».
Наливал он чару зелена вина,
Подавал он малой скоморошины:
«Вот те, мала скоморошина,
Друга чарочка да меду сладкого».
Взял Добрыня чарочку да во белы руки,
И спустил он в чару золотой перстень,
То колечушко обручальное.
Говорит он князю Владимиру:
«Ты позволь-ко, князь да стольно-киевский,
Поднести мне чару, кому я хочу».
Подавал он чарочку Настасьюшки Микуличны,
Подавал, приговаривал:
«Если хошь добра — выпивай до дна».
Выпивала Настасьюшка Микулишна,
А на дни в чарочки осталоси
То колечушко да золоченое.
Говорит Настасьюшка Микулична:
«Красно солнышко да Владимер-князь,
Не тот мни муж, что подли меня,
А тот мни муж, что супротив меня».
Вставала Настасья Микулишна

Из-за того стола из-за дубового,
Князю-солнышку да поклониласи,
А Добрынюшки да свет Никитичу
Она в ноженьки да повалиласи:
«Ты прости меня, моя державушка,
Во вине меня прости, во женской глупости,
Что наказа твоего не послушала,
За Олёшеньку Поповича замуж пошла».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Не дивую я уму женскому,
Волос бабий долог, ум-то короток.
А дивую Олёшеньки Поповичу,
Своему я братцу подкрестовому —
От живого мужа сибе жену взял,
Да дивую князю Владимеру —
За него я ездил, странствовал,
За него я бился, ратился
Со Змеищей со Горынищей
Не много, не мало, ровно три года».
Потом взял Олёшеньку Поповича
За его за кудри за желтыи,
Повытащил из-за стола из-за дубового,
Стал по горенке его поваживать,
Он похлопывал да приговаривал:
«Еще всякий да на свете женится,
А не всякому женитьба удаваетса,
Удалась женитьба Олёшеньки Поповичу —
От живого мужа жену замуж взял».
Тут Олёшеньке да славу поют,
А Добрынюшке да хвалу дают.

№ 117

ПРО ДОБРЫНЮ И АЛЁШУ

Как Владимир-князь стольно-киевский
Призвал он сильных могуцих
А могуцих да ён бога́тырей.
Наливал он цяру питов разныих,
Цяра мерой была да не мерена,
Цяра весом была да не вешена́,
Мера цяра да полтора ведра,

А весом цяра та тянет полтора пуда.
Говорил Владимер-князь да таковы слова:
«Уж вы, сильныи могуции бога́тыри,
Кто из вас може выпить цяру зелена́ вина —
Тот может ехать во цисто́ поле,
Во цисто́ поле да на за́ставы,
Времени да на шес⟨т⟩ь годов —
Не пропускать да не прохожего,
Не прохожего да не проеждего,
Без докладу-то видь, без пошлины».
Все богатыри да позатихнули,
Все могуции да позамолкнули,
Старшей тулитце да за среднего,
Средней тулитце да за меньшего,
Как от меньшего того ответу нет.
Как изволил стать да на резвы́ ноги
Добрынюшка а сын Микитиць есть,
Говорил да Добрыня таковы слова:
«Как Владимер-князь да стольно-киевский,
А еще выпью я эту цяру питов разныих,
А поеду я во цисто́ полё,
Во чисто́ поле и я на за́ставы,
Времени-то на шес⟨т⟩ь годов —
И не пропускать ни прохожего,
А не прохожего да не проежжего,
Как без дани-то да без пошлины!»
Выпивал Добрыня цяру питов разныих,
А поехал Добрыня к родной матушки,
К цесной вдовы Офимьи Тимофеевной.
Как просил-то Добрынюшко у родной матушки,
А просил Добрынюшка разрешеньице,
Ехать-то во цисто полё,
Во цисто полё да на за́ставы,
А на времени-то на шес⟨т⟩ь годов —
А не пропускать ни прохожего,
А не прохожего да не проежжего,
Без докладу-то да без пошлины.
Говорила Добрыни ро́дна матушка:
«Ай ты, цядо мое, а цядо милое,
Как дитя мое да любимое,
Луцьше бы, цяделко, было не ро́жено,
Как издить тебе по разныим по го́родам,
А по дальныим теби по сто́ронам,

А бить, Добрынюшка, головки неповинныи,
Как сиротать, Добрыня, молодых жон,
Ведь молодых жен, а сиротать малых детушек!»
Говорил-то видь да Добрынюшка:
«А хоть дашь ты мни да разрешеньица,
И не дашь ты мне дозволеньица, а ехать надобно!»
Как седлал-то Добрыня а добра коня́,
И садился Добрыня на добра́ коня,
Выеждял-то Добрыня в широки ворота,
В воротах стоит своя молода жена,
А Авдотья ведь Микулицна,
Говорит Авдотья таковы́ слова:
«На улёте-то есь ты, ясен сокол,
На уезде Добрынюшка, добрый молодец.
А на кого же ты меня оставляешь здесь?»
Говорил-то ведь да Добрынюшка:
«Ай же, Авдотья да Микулицьна,
Если я не приеду через щесть годов,
Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди.
А ище же, Авдотьюшка, да послушай-ко:
А не ходи-тко ты за князя, за боярина,
А не ходи-ко ты за ту господску-то холопину,
А не ходи за того Олёшу да Поповиця:
И есте мы с им братья подкрестовыи!»
Как подня́лась пыль да ку́ревка,
Как поехал-то Добрыня во цисто́ полё,
А на за́ставу.
День-то за день — как дожди дождят,
А неделька по недельки — как руцья бежат.
Год-то за́ год — как трава росла.
Прошло времецьки-то ведь шес⟨т⟩ь годов —
А не видать Добрыни из циста́ поля́.
Как приехал Олёша да Поповиць ведь,
А приехал-то ведь а он ⟨не⟩ ко Добрыниной ко матушки,
Как к Добрыниной молодой жоны,
А к Овдотьи да Микулицьной.
Говорит-то Олёша [Овдотьи да Микуличной]:
«Как я вцера я приехал со циста́ поля́,
Видел я Добрынюшку-то убитого.
Ножкамы лежит Добрыня ко дороженьки,
А буйной-то головушкой
А лежит Добрыня во ракитов куст.
Скрозь Добрынюшку, скрозь Микитиця,

Проросло деревцо да калиново,
Как на етом на деревци на калиновом —
Соловьюшка да гнёздышко,
А сидит соловей да высвистыват,
А сидит соловей да выговариват:
„Как нет ли прохожего, а нет ли проеждего,
Свезти вестоцьки да нерадосна,
Как Добрыниной я ко матушки
Ко Добрыниной а молодой жены,
А к Овдотьи-то да Микулицьной!"
Как Овдотья-то да Микулицьна,
А поди-ка, Овдотья, за меня замýж!»
Отвяцяла тут Овдотья Микулицьна:
«Как исполнила я ⟨мужнюю⟩ заповедь —
А как жила вдовой я ведь ⟨шесть⟩ годов,
А еще я сполню свою заповедь —
Проживу еще я вдовой шес⟨т⟩ь годов.
Как не приедет Добрыня, да тогда бери!»
Как день-то за день — как дожди дождят,
А неделька по недельке — как ручья бежат,
Год-то за год — как трава расте,
Прошло времени еще шес⟨т⟩ь годов —
Не видать Добрынюшки из цистá поля́.
Как наехал Олёша Поповиць ведь,
А привез Олёша князя Владимера,
Со своёй ли женой, а со Опраксией Романовной,
А ведь сватают Овдотью Микулицьну,
Как не волей идет, а силóм берут!
Повезли Овдотью Микулицьну
За Олёшеньку да за Поповиця,
Как Добрынина а родна матушка,
Как сидела под косивцятым она окошецьком,
Она плакала, прицитала прицетью:
«Через ⟨двенадцать⟩ лет я расставаласи
Со Добрынюшкой а со Микитицем,
Как я нынецю да порассталаси
Со невестушкой своей любимоей!»
Как видит в слезах — во цистом поли,
Как бежит конь богатырский,
А еде молодец прямо к палаты белокаменной,
Ко Добрыниной еде ко матушки,
Приходил молодец а к Добрыниной а ко матушке
Во палату-то да белокаменну.

«А здраствуй-ко, Добрынина е матушка,
Видел я сегодня Добрыню во чистóм поли,
А завтра обещался Добрынюшка домой прибыть!»
Говорила Добрынина матушка:
«Ой, какая-то невежа ко мни наехала,
Если был бы Добрынюшка у мня во живности,
Если Никитец был бы поблизости,
А не дошло бы надо мной надсмехатися.
Как нету мня Добрынюшки во живности —
Дак сегодняшним-то дéнецком,
А Владимир-князь да стольно-киевский
А Добрынину-то молоду жону
Как за Олёшу-то да за Поповиця
А увез-то видь да во супружество!»
А говорил-то ведь да Добрынюшка:
«Ай же, моя да родна матушка,
Видно, худ я тебе показался-то,
Как во долгиих я во поездоцьках.
Примецяй-ко ты своего да Добрынюшку,
Как по старыим по приметоцькам!»
Говорила Добрынина матушка:
«Как у моего у Добрынюшки,
Как у младого у лошадки было лягнуто,
Дак головка у него переложинкой».
Как кладáла руцьки ена белыи
А на буйную на головушку,
Целовала в уста во сахáрнии.
Скидывал Добрыня платьиця дорожное,
Одевал Добрыня платье скоморовцято,
Брал Добрынюшка а гусёлышка яровцяты,
А пошол-то Добрыня к Олёши на поцесный пир.
У Олёши-то да у Поповиця
Как дверники были поставлены.
Да Добрыня дверникам давал по полтинницькам,
А воротникам давал Добрыня по рублёвику,
Как маленьких ребят Добрыня уговаривал:
«Не криците-ко, а робятки, помолците-тко —
Завтра я для вас-то, ведь, пер заведу,
Пир заведу — всих я пивом напою,
Всих я пивом напою, по калацику даю!»
Приходил Добрыня к Олёши на поцесный пер,
Говорил-то Добрынюшка:
«Ай же, Владимер-князь стольно-киевский,

Нет ли мне-ко, лёгкой скоморошинки,
Нет ли мистецька да немношецько,
Как сыграть мни в гусёлышка да яровцяты.
Распотешитись князя со княгиной новобрацным?»
Отвецял-то видь да Владимир-князь:
«Ой ты, лёккая скоморошинка,
По записям у нас места позаняты,
Тебе-то, леккой скоморошинки,
Местецько теби на пецьки на кирпицевой!»
Как Добрынюшка а на ножку легóк,
Да на пецьку скакóк:
«А мне повыше всих да теплее всих,
Мне теплее всих да виднее всих!»
А заиграл Добрынюшка в гусёлышка,
В гусёлышка яровцяты,
Ён припéвоцек завел-то от Киева,
А довод он ведет до Цернигова.
Все мы на перу порасслушались,
Говорил-то видь да и Владимир-князь:
«Ай же, лёккая скоморошинка,
Как спустись-ко с пецьки кирпитовой,
А иди-ко ты от князя и княгины новобрацных,
Выпей-ко цяру зелена вина».
А наливал-то цяру-то Владимир-князь,
Брал Добрыня он левой рукой,
А вылил цяру-то на испашецьку,
Наливал-то цяру Олёша Поповиць,
Брал Добрыня цяру левóй рукой,
Вылил цяру Добрыня на испашецьку.
Наливала цяру княгина новобрацьная,
Как Овдотья-то да Микулицьна,
Брал Добрыня цяру да правóй рукóй,
Выпивал Добрыня цяру на единый ⟨в⟩здох,
Кладывал Добрыня в цяру именной перстéнь,
Говорил-то Добрыня:
«Княгиня новобрацьная,
И згляни-ка до дна-то — увидишь добра!»
Как глянула до дна-то — увидела добра:
Свой перстень обруцяльныи.
Говорит видь тут Овдотья Микулицьна:
«Ай же, Владимир-князь стольно-киевский,
Как не тот мой муж, который возли меня сидит,
А тот мой муж, который против стоит!

Как я не волей шла, видь силом взяли!»
Говорил-то ведь тут Добрынюшка:
«Не дивую я как женщины —
А у женшины волос долог есь, ум да короток ведь,
Как дивую⟨сь⟩ я князю Владимеру,
За которого стоял я двенадцать лет,
Тот берет от жива мужа́ жону во супружество!
Еще дивую⟨сь⟩ я брату покрестовому,
Как Олёши-то я Поповицю!»
Как хватил Добрыня Олёшу за жолты кудри,
Бросил Добрыня Олёшу черезъ дубовой стол
О кирпицов пол.
У Олёшиньки у Поповиця
Как рубашка а ведь лопнула,
Как и кожа-то на спины трёснула,
Плавал Олёша по полу да раскоракулей.
Говорил видь да Олёшенька:
«Только-то Олёша и женат бывал
Только Олексеюшко и жону видал!
А всякой на Святыя Руси да женицце,
Да ни каждому жени⟨тьба⟩ удаваецце!»
Брал Добрыня свою молоду жону,
Как Овдотью да Микулицьну,
А повел-то видь к своей родной матушки,
А видь тым былина и поконцилась.

№ 118

ПРО ДОБРЫНЮШКУ МИКИТИНЧА

Добрынюшка как было ведь Микитинич
А руськой ведь могучий ён бога́тырь был.
Седлал как тут Добрынюшка добра коня
Обсёдлывал как ён ведь обкольчуживал:
Ну потнички кладва́л ён на потнички,
Седёлка кладва́л тут на седёлышко,
Черкальское сёдло ён наверёх кладва́л —
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырьскую.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
А брал как ён копьё ведь долгомерноё,
За пле́ча кладывал тугой же лук,

А брал ён стрелочки калёныи,
Калёные как стрелки начинёныи,
А палицу тут брал ён во сорок пуд,
Облаталсе Добрыня, обкольчужилсе,
Садилсе Добрыня на добра коня;
А видли добра молодца сядучи —
Не видли добра молодца ведь поезжаючи.
Добрыня как было ведь Микитинич
А ехал ён ко синю́ морю́,
Ко синю морю за охвотою.
Приехал ведь Добрыня ко синю́ морю́,
Выходил Добрыня со добра коня,
Спускал как тут Добрынюшка добра́ коня́
На тыю на травку на шелко́вую,
На тыи чветоцки на лазурёвы.
Ходил как тут Добрыня о синё морё,
Ходил как тут Добрыня за охвотою,
Не мог убить ни гуся ведь, ни ли́бедя,
Не мог убить ни серого утёнышка.
Добрынюшка ён шел тут ко добру коню,
Садился ищё ён тут на добра коня,
А ехал Добрыня в свою сторону.
Приехал же Добрыня ко чисту полю,
В чисто́м поле́ стоял да тут сыро́й же дуб,
На дубу тут как сидел черно́й воро́н,
Добрыня снял с плеч туго́й свой лук,
А кла́дывал как стрелочку калёную —
Хотел убить ён черна во́рона.
Чёрно́й воро́н ёму тут прогово́рил
Язы́ком ён как бы́ло человечиим:
«Добрынюшка как ты ведь Микитинич,
Не бей меня как чёрна во́рона,
Вороны́ным мясом не наи́ссе ведь,
На вороны́ном пухе не наспатьсе ведь,
Вороны́ным перышком не тешишьсе!
А и́д⟨ь⟩-ка ты на го́рушку высокую,
На шелома ты и́щё было на искатьнии,
Там стоит шатёр белополотнянный».
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
Приоправил ён коня да нуньку доброго,
А ехал ён на го́рушку высокую,
На шелома́ как тут да на искатьнии.
Приезжал Добрыня ко белу шатру,

Выходил Добрыня с добра коня,
Привязывал коня ён ко белу́ шатру́,
Заходил как тут Добрыня во бело́й шатёр,
Во бело́м шатри́ стоят столы ведь тут дубовыи,
На столах ведь скатерётки нунь шелко́выи,
А есьва и́щё были тут сахарьнии,
А питьва нуньку были тут медьвяныи,
И подписи тут нуньку подписаны:
«Ну кто в это́т шатёр да и за́йдет нунь,
А жи́ву ведь тому и не́ бывать!»
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Не стольки и́л да пил, сколькі в ногах стоптал,
А ищё ён в шатри да при́ломал,
А ети подписи да о́торвал,
Добрый молодеч да ён и спать залёг,
А спит как молодеч ён трои суточки,
А спит Добрыня тут не пробуждаетсе,
Над собой-то ён невзгоды не начаетсе —
Наехал смелый Олёшенька Поповинич,
Наехал ведь Олёшка на добром кони,
А видит ён Добрыню во белом шатри:
«А убью-ка я Добрыню, до́бра молодча».
А тут ведь молодеч ён призадумалсе
Смелый ён Олёшенька Поповинич:
«Ну сонного мне бить, да будто мёртвого,
Не честь-хвала мне будет молодечкая!»
Ну смелый Олёшка ведь Поповинич
А тыкнул ён Добрыню ведь Микитича
Копьём-то ён да долгомерныим,
Востры́м копьём да ён тупым кончом,
А тыкнул ён ёго да во белу́ю грудь —
От того-то удару пробуждаетсе
Добрынюшка как было ведь Микитинич:
А выскочил ён в биленькой рубашечки без поясу,
В тоненьких чулочках ён без чоботов,
Со своей-то ён со паличей как тут сорокопудовою.
Тут ёны, бога́тыри, схватилисе,
А тут как оны дратьсе ведь сразилисе,
Олёшка ведь дерётся на добром кони,
Добрынюшка пехотою поскакиват,
Не в чём-то ён, Олёшка, не уваживат.
Дерутсе ведь тут руськии бога́тыри,
Дерутсе как ёны да трои сутоцки,

Не едаючи ёны ведь, не пиваючи,
Отдыху себи ведь не даваючи.
Услыхал как их-ка драку богатырьскую
Старый казак ведь Илья Муромеч:
Ихал тут ён на добром кони
На драку ён как богатырьскую
А к руськиим могучиим бога́тырям.
Ну старый казак Илья Муромеч
Говорил как ён таковы слова:
«А руськии как нунь с татарамы сражались бы,
Убили бы ёны татаров в три часу;
Наверно, как ведь руськии богатыри сражаютсе,
А дерутсе ёны да трои суточки,
Одна земля-мать подрагивает!»
Ну наехал ён на драку богатырьскую
Старый казак да Илья Муромеч,
Наехал ищё ён на добром кони,
Захватил Добрыню во праву́ руку́,
А Олёшку захватил ён во леву́ руку́,
Говорил ён руськиим бога́тырям:
«А руськии могучии бога́тыри,
О чем вы де́рётесь нуньку, ра́титесь?»
Говорил как и́щё смелый тут Олёшенька Поповинич
Старому каза́ку Ильи Муромчу:
«Ну, старый казак ведь Илья Муромеч,
Как же мне не дратьсе ведь не ратитисе:
У меня поставлён был шатер билополотненный,
Во шатри как есьва тут налажёны,
А есьва были тут сахарьнии,
А питьва бы́ли нуньку ведь медьвяныи.
Добрынюшка как бы́ло ведь Микитинич
Заехал ён во тот же бело́й шатёр,
Не сто́льки и́л да пил, сколько́и в ногах стоптал,
А всё-то ён в шатри как при́ломал!»
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич
Ай старому каза́ку Ильи Муромчу:
«У смелого Олёшки у Поповича
Шатёр-то был-то нунь поставленный,
А есьва в ём да тут налажёны,
Фальшивыи там надписи подписаны:
„Ну кто в етот шатёр за́йдёт нунь,
Тому-то и́щё живу не́ бывать”,
Поэтому не сто́льки ил да пил, скольки в ногах стоптал,

А все в белом шатри да при́ломал,
А фальшивыи ты надписи я о́торвал!»
Говорил ведь старый казак как Илья Муромец,
Говорил Добрыни ён Микитичу:
«Спасибо ты, Добрынюшка Микитинич,
На чужом дому да не уважишь,
А ни в чём как ты не упадываишь,
А будь-ка ты, Добрыня, старшо́й брат,
А будь-ка ты, Олёша, нуньку младший брат,
Будьте вы как братья нунь крестовыи!»
А тут ёны богатыри как нунь и поразъехались,
С етой было драки богатырьскую,
А всяк-то было и́хал в свою сто́рону.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
И́хал он со драки богатырьскую,
А и́хал как Добрыня в свою сторону,
А и́хал как Добрыня на добром кони
К своей-то ён палаты билокамённой.
Выходил Добрыня со добра коня,
А вёл-то ён коня ведь в конюшеньку,
Во тыи стойла бы́ли лошадиныи;
А жил Добрыня дома трои суточки,
А что-то молодчу ведь призадумалось:
«Поеду я за славноё за синеё за морюшко,
К тому-то королю да я заморьскому,
Сыграю им во доску я во шахматну!»
Говорил Добрыня родной матушке:
«А ро́дна бы́ла нунь моя ты, матушка,
Чесна вдова Офимья Олекса́ндровна,
А дашь как ты мне, матушка, прощеньицо —
Поеду я да за синё морё
К тому-то королю да ведь заморьскому,
Не дашь ты мне прощенья — ведь поеду я!»
А дала ёму матушка прощеньицё.
Добрынюшка как бы́ло ведь Микитинич
Молодой жоны как ён наказывал:
«Моя как бы́ло ты ведь молода́ жона́,
Настасья бы́ло ты ведь Микулицьна,
Уеду как нуньку за синё морё,
За славное за синее за морюшко,
К тому-то королю да ведь заморьскому.
Не приеду я оттуль может три году́,
А ты, Настасья бы́ло ведь Микульцьна,

45 Зак. 3948

Не приду я ищё ведь с-за синя моря́,
Не приеду я как со чиста́ поля́,
Ты хошь вдовой живи, а хошь ты замуж пойди,
А не ходи ты только за Олёшеньку Поповича:
Олёшенька мни есь да младший брат!»
А тут как ведь Добрынюшка Микитинич
Вёл коня ведь ён как со конюшеньки,
Со стойла с етих лошадиныих,
Седлал Добрыня тут добра коня,
Обсёдлывал Добрыня, обкольчуживал,
А потнички кла́двал да ён на потнички,
Ну подпружки кла́двал на подпружки,
Седёлышка кладыва́л ён на седёлышка,
Черкальское седло наверёх кладыва́л —
Не ради как красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырьскую.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Брал как ён копьё ведь долгомерноё,
За плеча кладвал свой тугой же лук,
А брал ён стрелоцки калёныи,
Калёныи да стрелки начинёныи,
А паличу ён брал во сорок пуд.
Облаталси Добрыня, обкольчужилсе,
Садилсе тут Добрыня на добра́ коня́,
Ну видели ведь добра молодца сядучи —
Не видли молодча как поезжаючи.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Как ехал Добрыня на добром кони
За славноё за синеё за морюшко,
К тому-то королю да ён заморьскому,
А ехал ведь Добрыня ту́ды три́ году́.
Той поры Олёшка ведь Поповинич
К Настасьюшке так ён ведь подхаживал,
А за́муж ён Настасью ведь подсватывал:
«А поди-ка ты, Настасья ведь Микулицьна,
Поди-ка ты ведь за́муж нуньку за́ меня.
Вчерась как был я во чисто́м поли́,
А видел я Добрыню во ковыль-травы —
Резвы ноженьки ёго как во ковыль-травы,
Буйна го́лова ведь во ракит-кусту́!»
А прошло ведь то́му времечку три году —
Не видать Добрыню с-за синя́ моря́,
Не видать как тут Добрыню со чиста́ поля́.

Говорит Настасья тут Микулицьна
Ну смелому Олёшке как Поповичу:
«А сполнила я заповедь ведь мужнюю,
А кладу я заповедь ведь женскую —
Пройдёт ищё тому да три году́,
Пойду тогды за смелого Олёшку за Поповича».
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Приехал ён за славноё за синеё за морюшко
К тому-то королю как было ведь заморьскому,
А ехал к королю ён на широкий двор,
Приезжал как ён-то на ши́рок двор,
Выходил как ён тут со добра́ коня,
Привязывал коня к столбу да ён точёному,
К тому кольчу ведь золочёному,
А сыпал он коню пшёна да билоярого,
А нёс-то ён коню ключевой воды:
«А ишь-ка ты пшёна да досыта,
А пей-ка ключевой воды да допьяна!»
А сам ён шел в палаты билокамённы,
К тому-то королю да ён заморьскому,
Не спрашивал ни сторожев ён, ни придворников,
Заходил ён в палаты билокаменны,
Кланялся на вси четыре стороны,
А королю-то ён заморьскому ён в особину:
«А здравствуй-ка, король ты заморьскиий».
А вси тут на Добрыню осмотрелисе,
А вси тут на Добрыню оглядилисе.
А заморьский-то король да тут выспрашивал:
«Откуда есь, удалый добрый молодеч,
Какой же ты орды да есь, какой земли,
Какого роду ты, какого племени,
Какого ты отча, какой же матёри?»
Говорил Добрынюшка Микитинич:
«А естя я из матушки Русиюшки,
А естя я как нунь вдовиный сын,
Как по имени я нунь Добрынюшка,
А по отечеству да я Микитинич,
Приехал к королю тибе заморьскому
Играть к тибе во доску я во шахматну:
А ты меня как нунь и по́играшь,
Буду я заступа тоби крепкая,
А буду я слуга тоби да верная!»
А тут ёны как нунь ведь сговорилисе,

Играть ёны в доску садилисе.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Ступень-то ён ступил да не до́ступил,
Другой-то ён ступил да пере́ступил,
Третий-то ён ступил да приза́ступил,
А четвёртый-то ступил — да и по́играл.
Говорит ён королю ведь заморьскому:
«А король как ты да заморьскиий,
А плати-ка ты во матушку Русиюшку да по́шлину.
Тому-то ты князю да Владимёру,
А плати ёму да ты ведь золотом!»
У короля как и́щё было у заморьского
Тело белое тут распотелосе,
Слуги ёму такого захотелосе,
Говорил ён тут Добрынюшке Микитичу:
«Добрынюшка как бы́ло ты Микитинич,
Сыграем ще́ с тобой во доску мы во ша́хматну».
А тут ёны ведь нуньку сговорилисе,
А снова ведь играть ёны садилисе.
Той порой-то ведь Олёшка как Поповинич
К Настасьюшке как ён-то подхаживал,
А замуж йу как подсватывал.
Прошло тому времечки как шесть годов,
А тут ведь как Настасья согласилисе,
За сме́лого Олёшку ведь заму́ж пошла,
А клали пир на трое суточки,
Пошел как тут у их да нунь почесной пир.
Добрынюшка как бы́ло ведь Микитинич
За славным за синим ён за морюшком
У того ли короля как ён заморьского
Играт как ён во доску ведь во ша́хматну,
Играт как нунь, забавляетсе,
Над собой невзгоды не начаетсе.
Налетел ведь голубочек со голубкою,
Садился на окно ён княженецькое,
Голубок-то тут ён стал ведь попурхивать,
А голубочек тут да почуркивать,
А потом ведь голубок — как выговаривать:
«Добрынюшка как было ты Микитинич,
Играшь как ты во доску во шахматну,
Играшь как ты, Добрыня, забавляешься,
Над собой-то ты невзгоды не начаешьсе:
Твоя-то молода жона заму́ж пошла

За смелого Олёшку за Поповича!»
(*За которого не могла идти.*)
Скочил как тут Добрыня на резвы́ ноги́,
Схватил как доску во белы́ руки́,
А бросил ету доску о кирпищной пол.
От того-то удару богатырьского
Терема как нунь ведь зашаталисе,
Хрустальнии окольничи посыпались,
Вси князья-бояре замертво лёжа,
А заморьский-то король раскорякой стал.
(*Вот тибе и почесь подал.*)
Говорил же ён Добрынюшке Микитичу:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитинич,
Оставь-ка нас, поганых, хоть на си́мена».
А шел как тут Добрыня ко добру коню,
Говорил как тут Добрынюшка добру коню:
«А конь ты мой нуньку добрыый,
А вёз ты меня сюда ведь бы́ло три году,
Отсюль-то ты вези меня в три часу́:
У меня ведь молода жона заму́ж пошла
За смелого Олёшку за Поповича!»
(*Ён и коню пожалился, что сделалось.*)
Садилсе как Добрыня на добра коня,
А ви́дли добра молодца ведь сядучи —
Не видли молодча как поезжаючи.
Понёсса добрый конь, что стрелка ён калёная.
Ри́ки ён, озёра перемахивал,
А тёмный-то ён лес промеж но́ги брал,
А окиян-море́ да ён кругом бежал.
(*То видно большое было.*)
Приехал как Добрыня в сво́ю сторону,
Во матушку как было во Русиюшку,
А ехал ён к палаты билокамённой,
Выходил Добрыня со добра́ коня́,
Привязывал коня к пирёному-то ён крылечушку,
А к тому кольчу ён золочоному,
По ступенечкам Добрынюшка поскакивал,
Во колечко Добрыня поколачивал,
Пускала его ро́дна ма́тушка,
Чесна вдова Офи́мья Олександровна.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич:
«А здравствуй, моя родна ты ведь матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна!»

Говорила ёму родима матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна:
«Какая есь ты голь нунь кабацкая,
Какая ты подпо́рина табацкая?»
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич:
«Не узнала ты меня ведь, родна матушка!»
Говорила ему родна матушка:
«У моего как ведь Добрынюшки Микитича,
А на сибе ведь были платья цве́тныи,
А на тибе-то есть как платья звериныи,
Звериныи как платья, лососиныи,
Дорогих ведь зве́рьев заморьскиих;
А был бы у меня Добрынюшка Микитинич,
А было бы рожоное как дитятко,
Не насмехалсе бы да нуньку, голь кабацькая,
Не насмехалась бы подпорина табацкая!»
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ведь ро́дной матушки:
«А родна бы́ла нуньку моя матушка,
А и́здил я ведь нуньку да и шесть годов,
А платьича свои я пои́зорвал,
Купил я там ведь платья и заморьскии,
Звериныи как платья, лососиныи,
Дорогих зверье́в да я заморьскиих».
Говорила ёму родна нуньку матушка:
«У моего Добрынюшки Микитича
На голове была родима знадёбка,
А на головки как ведь рубочёчок был».
Наклонил ли то Добрынюшка головушку,
Наклонил своёй ён родной матушки,
Нащупала родимую на знадёбку,
Пала как Добрыни на белу́ю грудь,
Человала ведь в уста его саха́рьнии,
А брала как за ручки-то за белыи,
Вела ёго в палату билокамённу,
Сама старушка бежала ко добру коню.
Обирала как ёна добра́ коня́,
Вела коня она да ведь в конюшеньку,
Во тыи стоила были лошадиныи,
А сыпала пшёна да билояро,
Нёсла ёна коню да ключевой воды:
«А ешь-ка, добрый конь, пшёна ты досыта,
А ключевой воды пей ты допьяна!»

Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ведь родной матушки:
«А ро́дна ты ведь бы́ла матушка,
А где ведь было есь моя-то молода жена
А Настасья ищё бы́ло как Микулицьна?»
Говорила нунь ёму как тут ро́дна матушка:
«Твоя ведь молода жона заму́ж пошла
За смелого Олёшку ведь Поповича,
У их-то ведь идёт нунь почесной пир».
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ён ро́дной матушки:
«А родна моя бы́ло матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна,
Сходи-ко ты во по́греба глубокии,
Приняси-ка ты гусёлышки яровчаты,
А я пойду к жоны ведь на почесный пир,
А к смелому Олёше ведь Поповичу!»
Шла как тут старушка в погреба во глубокии,
А брала тут гусёлышки яровчаты.
(*Гусёлышки были ведь во сорок пуд*!)
Идёт как тут старушка — потыкаетсе,
Гусёлкамы ёна ведь подпираетсе,
Принесла ёна гусёлышки яровчаты,
Подавала их Добрынюшке Микитичу.
А брал как ён гусёлышки яровчаты,
Пошол как ён ведь тут на почесный пир
А к смелому Олёшке ведь Поповичу.
Приходил Добрыня на почесной пир,
Кланялся Добрыня тут на вси четыри стороны,
А князю со княгиною ведь в особину.
А вси ведь на Добрыню осмотрилисе,
А вси ведь на Добрыню оглядилисе,
А на том ведь на пиру́ да на почесноём
У Добрыни ищё стали тут выспрашивать:
«Откуда есь, удалый добрый молоде́ц,
Какой же ты орды, какой зёмли,
Какого роду ты, какого племёни,
Какого же ты отца, какой ты матёри?»
Говорил Добрынюшка Микитинич:
«А скороспелая как есь моро́шина,
А дайте мне хоть мистичка немножечко,
А дайте миста мни по-край за́печи!»
Старики как тут ведь пораздвинулись,

Садилсе ведь Добрыня по-край за́печи
На том-то на пиру ён на почесноём.
«Дозвольте как сыграть в гуселки мне яровчаты
На вашем на пиру мни на почесноём».
Дозволили сыграть как тут Добрынюшке
Во гусёлышка ведь во яровчаты.
Заиграл как тут Добрыня по-уми́льному,
Заиграл как тут Добрыня по-уны́льному —
А вси как на пиру ведь приослу́хались,
А вси как на пиру ведь приодумались.
Потом как заиграл ён по-весёлому —
А вси как на пиру ведь наскакалисе,
А вси как на пиру ведь наплясалисе,
Вси ведь на пиру тут порасхвастались:
Богатой-то ведь хвастает богачесвом,
По́рной хваста силой богатырьскую,
А умный хваста ведь отчом-матерью,
Безумный хваста молодой женой.
Говорят как Добрынюшке Микитиничу
На том пиру как было на почесноём:
«А что ти за игру умильную пожаловать,
Города ти с пригородкамы,
Аль сёла́ тибе-ка нуньку с присёлкамы,
Аль бессчётной тибе нуньку золотой казной?»
Говорил как тут Добрыня Микитинич:
«Не надо городов мни с пригородкамы,
Не надо мни сёла да с присёлкамы,
Не надо мни бессчётной золотой казны,
А тольки дайте мни-ка чару зелёна вина
А весом бы́ла чара полтора пуда́,
А мерой была чара полтора вёдра.
Подносили тут Добрынюшки Микитичу —
Принимал Добрыня едино́й руко́й,
А опускал туды перстень обручальныий
В эту чару ён да зелёна́ вина́.
Говорил тут Добрынюшка Микитинич:
«А вы как, старики, ведь пораздвинътисе,
Пропустите-ко к столу ведь княженецькому!»
А тут ведь старики-ка пораздвинулись,
Подходил Добрыня ён к столу ведь княженецькому,
Подносил ету чару зелёна́ вина́,
Подносил княгины ён моло́дою,
Говорил как ён княгины моло́дою:

«Ай же ты, княгиня ведь моло́дая,
А пей-ка эту чару всю до дна скорей,
А ты пьёшь до дна — ты увида́шь добра́,
Не пьёшь до дна — не видашь добра́!»
Принимала тут княгиня ведь моло́дая,
Принимала ету чару единой рукой,
Пила ету чару во е́диной вздох
(*Тоже, видно, княгина-то была богатырка.*)
Увидала этот перстень обручальныий,
Вскочила как княгиня на резвы́ ноги́,
А за тым столом-то было княженецькиим,
Говорила как ёна таковы слова:
«Не тот мой муж, который ведь подли́ сидит,
А тот мой муж, который за столом стоит!»
Скочила через стол княженецький,
А валиласе Добрынюшки Микитичу,
Валиласе ёму да в резвы́ ноги́,
Говорила тут Добрынюшки Микитичу:
«А бей-ко ты до ран моих кровавыих!»
Говорил как тут Добрынюшка Микитинеч:
«Не сполнила как ты бы заповедь женскую —
Отсек бы я тибе да буйну го́лову,
А как сполнила ты заповедь женскую —
А в том-то ведь греху тоби прощаетсе!»
Добрынюшка как было нунь Микитинич,
А брал ён смелого Олёшку да Поповича,
Брал ёго да за жёлты кудри́,
Тащил как с-за стола-то княженецького
(*Жениха-то*!)
Выдёргивал ён плетку тут шелко́вую,
А стал как ён Олёшку тут наказывать,
А хлыщет ён Олёшку, приговариват:
«Каково тоби, Олёшенька, женитисе,
Каково тоби живого мужа жону́ заму́ж брать?»
Добрыня как Олёшку нахлыстывает,
А в тосках-то Олёшка поп⟨ердыват⟩,
А кланяетсе Олёшка заклинаетсе:
«Будь ты проклята, жонидьба неудачлива,
А молода жона бы́ла невзрачлива!
Удаласе ведь женидьба Ставёру Негодинову,
А ведь ста́рому Добрынюшке Микитичу,
А за има были́ сёстры ро́дныи,
А как бы́ли сёстры ведь Микулицьны!»

А уехал тут Олёшка ведь от стра́му ён,
Уехал ведь Олёшка ведь без вести́,
Уехал Олёшка ведь и в Азию.

№ 119

ДОБРЫНЯ МИКИТИНИЧ

Седлал Добрыня коня своего доброго,
Потнички кладывал на потнички,
Подпружки кладывал на подпружки,
Черкаськое седло на верех кладывал
Не ради красы-басы, а ради крепости,
Ради силы богатырьские.
Садился Добрына на добра коня.
Видли доброго молодца сядучи —
А не видли поезжаючи.
Ехал Добрыня ко синю морю́ за охотою.
Приехал Добрыня ко синю морю,
Спускал коня доброго на тыи луга на зеленые,
На тую траву на шелко́вую,
На тыи цветы на лазуревы.
Ходил Добрыня на сине́ море —
Не мог убить ни гуся он, ни лебедя,
Ни серого, ни малого утеныша.
Приходит Добрыня ко добру коню,
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал Добрыня в свою сторону.
Приехал Добрыня ко чисту́ полю —
В чисто́м поли стоит да сырой дуб,
На сыром дуби сидит черной ворон.
Вынимал Добрыня з-за могучих плеч
Свой тугой лук,
Кладыва́л он стрелку каленую,
Хотел убить черна ворона.
Черный ворон воспроговорил
Тым язы́ком человечьим:
«Ай же Добрынюшка Микитинец,
Не бей-ка меня, черна ворона,
Ворониным тебе мясом не наистися,
На вороньем перу не наспатися,
Ворониным сизым крыльяма

Тебе не натешиться.
Идь-ка на го́рушку высокую,
На шоломы искатнии —
Там шатер стоит белополотняный,
Во шатри ества саха́рнии, а питья медвя́ные!»
Приправил Добрыня своего коня доброго,
Ехал как на го́рушку высокую,
На шоломы искатнии —
Во шатры ества налажены сахарнии,
Питья медвя́ные.
Опускался Добрыня со добра коня,
Привязал добра коня ко белу шатру,
А на шатри-то были подписи подписаны:
«Кто в этот шатер заидет, тому живым не́ бывать!»
Ен подписи взял о́торвал,
Заходил Добрыня во белой шатер,
Не столько ел да пил, сколько в ногах стоптал.
Все в шатри Добрыня при́ломал,
Тут ведь добрый мо́лодец и спать залег.
А сон-то у Добрыни богатырьский:
Спит Добрыня трои суточки,
Спит, не пробуждается,
Над собой невзгоды не начается.
Наехал смилый Олёшенька Попович,
Видит Добрыню во белом шатри,
Брал Олёшенька востро копье,
Хотел тыкнуть Добрыню
Во белу́ю грудь востры́м копьем.
Потом Олёшка призадумался:
«Не честь-хвала мне будет молодецькая
А сонного-то бить — да будто мертвого!»
Тыкнул Олёшенька Добрынюшку во белу́ю грудь
Востры́м копьем да тупым кончом.
От того удара Добрыня пробуждается,
Выскочил в тоненькой рубашке без пояса,
А в биленьких чулочках без чобота —
Тут ены с Олёшенькой схватилися:
Олёшка дерется на добром кони,
А Добрынюшка пехотою поскакивать,
А Олёшке ни в чем не уваживат.
Дерутся ены трои суточки
Не едаючи да не пиваючи,
Отдо́ху сиби да не даваючи.

Только одна земля-мать продрагиват.
Услыхал ихню драку богатырьскую
Старый казак да Илья Муромец:
«Наверно руськие богатыри съезжаются,
Дрались бы как руськие бога́тыри с татарама,
Как прибили бы татаров в три часа,
А тут дерутся ены да трои суточки!»
На ихну драку богатырьскую
Наехал старый казак
Да Илья Муромец да сын Иванович,
Захватил Олёшку во леву руку,
А Добрыню во праву́ руку.
Говорил ведь им таковы слова:
«Над чим вы деретиси и ратитесь,
Руськие бога́тыри?»
Говорил Олёшка таковы слова:
«Ай же старый казак
Илья Муромец да сын Иванович,
Как же нам не драться, не ратиться,
У меня шатер-то был поставленный,
Во шатри есьтва-то налажены,
Естьва саха́рнии, а питья медвяныи.
Заехал Добрынюшка Микитинеч,
Не столько-то ел да пил, сколько в ногах стоптал,
Все-то у меня в шатри при́ломал».
Говорил Добрынюшка Микитинеч таковы слова:
«Ай же ты, старый казак
Илья Муромец да сын Иванович,
Шатер-то был у него поставленный,
И естьва-то у него были налажены,
Естьва саха́рнии, а питья медвяныи,
А фальшивые-то подписи были подписаны,
А потому не столько ел да пил,
Сколько в ногах стоптал,
А все в шатри и при́ломал,
А фальшивые-то подписи взял о́торвал!»
Говорил старый казак
Илья Муромец да сын Иванович:
«Спасибо тебе, Добрынюшка Микитинич!
На чужом дому да не уважишь,
А ни в чем Олёшке не упакивашь.
Будьте-ка вы братья крестовые,
Будь-ка ты, Добрынюшка, ведь старший брат,

Будь-ка ты, Олёшенька, ведь младший брат».
А тут бога́тыри ены вси приразъехались,
Всяк да в свою сторону.
Ехал Добрыня на добром кони
Домой да к своей матушке,
К честно́й вдовы к Офимьи Олександровой
Да к молодой жены Настасьи Микуличной.
Приехал к своему дому — палаты белокаменныя,
Опускался Добрыня со добра коня,
Заводил Добрынюшка добра́ коня да во конюшеньку,
Да в тыи стойла лошадиные,
Сыпал коню ен пшена да белоярого,
Нес Добрыня ключевой воды:
«Ешь-ка, добрый конь, пшена да ты до́сыти,
А пей-ка ключевой воды да ты ведь до́пьяна!»
Заходил Добрынюшка в свои палаты белокаменны,
Жил Добрыня трои суточки.
Потом ведь молодцу да призадумалось:
«Поеду я за славное за синее за морюшко
К тому князю́ да к заморьскому,
К тому ведь королю да Додоньскому,
Сыграю я с ним да во доску во шахманну,
А во эты таблеты золоченые!»
Тут Добрыня распрощался со своей ро́дной матушкой,
Говорил своей ро́дной матушке:
«Дашь прошшеньице — поеду за синё море,
К тому князю да заморьскому,
К тому королю да Додоньскому,
И не дашь прошшеньица — поеду».
Прощался Добрыня с молодой женой
Со своей Настасьей Микуличной,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Микулична!
Уеду я да на сини́ моря,
К тому-то князю́ да к Додоньскому,
А к тому ведь королю да к заморьскому.
А три года про́йдет, как не видать меня
З-за синя моря да со чиста поля́,
А ты хоть заму́ж поди, а хоть вдовой живи,
Только не ходи-ко ты за смелого Олёшку Поповича:
Тот Олёшка — мне крестовый брат!»
Тут выводил Добрынюшка Микитинеч
Своего коня да и доброго,

Да со конюшеньки, со тых со стойлов лошадиныих
К своему крыльчу да ко пиреному.
Седлал Добрынюшка коня своя доброго,
Потнички кладывал на потнички,
А подпружки кладывал да на по́дпружки,
Черкаськое седло на верех кладывал —
Не ради красы-босы, а ради крепости,
Да ради силы богатырьские.
С собою брал копье да долгомерное,
За могучи плечи кладывал свой тугой лук.
А палицу он брал во ⟨сорок⟩ пуд.
Облатался Добрыня, обкольчужился,
Садился Добрыня на добра коня.
А видли молодца ведь сядучи —
А не видли ведь поезжаючи.
И ехал Добрыня за сини́ моря
К тому князю́ заморьскому,
К тому ведь королю да Додоньскому.
Ехал Добрынюшка ровно три́ году,
Приехал Добрыня за сине́ море́
К тому князю́ да к Додоньскому,
К тому королю да к заморьскому.
Не искал Добрынюшка ворот он царьскиих,
Приправил коня через эты стены городо́выи,
Через эты крепости крепкии.
Заехал Добрынюшка во славный город заморьский,
Подъезжал Добрынюшка к князю да к Додоньскому,
К тому ведь королю да заморьскому.
Приезжал Добрынюшка на ши́рок двор,
Выходил Добрыня со добра́ коня,
Насыпал коню пшена да белоярого,
Нанес ему ключевой воды:
«Ешь-ка, добрый конь, пшена до́сыти,
А ключевой воды пей до́пьяна!»
Заходил к князю да Додоньскому
В палаты белокаменны,
Кланялся на вси ⟨четыре⟩ стороны,
Князю со княгиною в ⟨о⟩собину.
Додоньский князь да стал выспрашивать:
«Откуда есть да доброй молодец?»
А Добрынюшка ему да высказыват:
«Естя я со матушки-Россиюшки». —
«Какого есть роду ты, племени,

Какого отца, какой матери?» —
«Я естя вдовино́й сын,
Чесной вдовы Офимьи Олександровой,
По прозванью Добрынюшко Микитинич.
Приехал я к тебе, да заморьский князь,
Сыграть с тобой да в доску шахманну,
Во ты таблеты золоченыи!»
Принял князь тут Добрынюшку Микитинча.
Той поры Олёшенька Поповинич
Стал к Настасьи да Микуличной подхаживать,
Стал Настасью заму́ж да подсватывать,
Говорил Олёшенька Попович Настасьи Микуличной:
«Вчерась был я во чисто́м поли,
Добрыня Микитич лежит буйной головой
Да во ракитовом кусту,
А резвы ноженьки его да во ковыль-травы».
Вот прошло тому времечки три́ года,
Говорит Настасья Микулична ему таковы слова:
«Сполнила я мужнюю заповедь, [исполню] женьскую:
Еще как три годика пройдет,
Не видать Добрыни з-за синя моря,
Да не видать Добрыни з-за чиста поля,
Потом пойду я за́муж и за́ тебя!»
Тут Олёшенька все подхаживат,
Все Настасьюшку Микуличну подсватыват.
А времечко идет — как вода текет —
Не видать Добрыни з-за синя моря,
Да не видать Добрыни з-за чиста́ поля.
Наконець ена ведь согласилася,
Тут ены с Олёшкой пошли во черковь Божую,
Тут ены да повенчалися,
Кольцама ены да обручалися.
Добрынюшка Микитинеч у того князя у Додоньского,
У того короля да заморьского
Играт ведь с ним во доску во шахманну,
А во эты таблеты золоченыи.
Говорит Добрынюшка Микитинеч:
«Ай же ты царь да Додоньскиий,
Король ты да заморьскиий,
Ежели ты меня обыграшь —
Я буду тебе слуга вековечная.
А ежели я тебя обыграю —
⟨Сорок⟩ телег ордынскиих плати-ка Руси золота».

Тут играли ены в дощёчку шахманны да забавлялися,
Добрынюшка ступень ступил — недо́ступил,
Другой ступил — пере́ступил,
А третью́ ступил — приза́ступил,
А четверту ступил — по́играл.
Говорит князю таковы слова:
«Куй-ка ты телеги железьнии,
Кладывай на оси булатнии,
Отправляй-ка золото во матушку Россиюшку!
Ежели ты золота не на́правишь, то я войной пойду,
А тут, заморьскай князь, золото у тебя отберу,
А тебя, князя со княгиною, во плен возьму».
Сердце у князя разгорелося,
По́слуга заправить захотелося:
«Давай, Добрынюшка Микитинеч, играть снова
Во доску во шахманну,
Во ты таблеты золоченыи».
Тут ены сговорилися,
Снова играть садилися.
Сидит Добрыня, играт да забавляется,
А над собой незгоды не начается.
Налетал голубчик со голубочкой,
Садился он на окно княженецькое,
Спе́рва голубок да погуркивал,
А потом голубок да выговаривал:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитинеч,
Сидишь ты, играешь во доску во шахманну,
Сидишь ты, играшь, забавляешься,
А над собой незгоды не начаешься:
Твоя ведь молода жена Настасья Микулична
Заму́ж пошла
За того ведь за смелого Олёшку Поповича!»
Скочел тут Добрыня на резвы́ ноги,
А хватил тут доску во белы руки,
Бросал эту доску о кирпицный пол.
От того удару терема пошаталися,
Хрустальнии окольницы полопали,
А заморьский князь да раскоракой стал.
Говорил Добрынюшке Микитинчу:
«Ах ты, Добрынюшка Микитинеч,
Оставь ты нас хоть на си́мяна».
Бежал Добрыня ко добру коню,
Говорил Добрынюшка добру коню,

Говорил он таковы слова:
«Ах ты добрый конь, вез меня сюда да три́ году,
А отсюль вези меня в три́ часу —
Вези-ка меня к молодой жены на почестный пир!»
Садился Добрыня на добра́ коня,
Видли доброго молодца сядучи —
Не видли молодца да поедучи.
Добрый конь да как стрела летел:
Реки, озера перемахивал,
Темный лес промеж ноги брал,
А окиян-море кругом бежал.
Приехал Добрыня в свою сторону,
Приехал в свои палаты белокаменны,
Выходил Добрыня с коня со доброго,
Привязывал коня ко пиреному крылечушку,
Ко тому кольцу да к золоченому.
Поскорешенько по ступенечкам поскакивал,
В колечко Добрыня поколачивал.
Выходила его родная матушка
Честна вдова Офимья Олександровна,
Пускала Добрынюшку Микитича.
Говорил Добрынюшка Микитинеч:
«Ах здравствуй, моя родная матушка».
Говорила ена ему таковы слова:
«Какая ты есть голь кабацкая,
Какая ты есть подпорина табацкая?
Кабы был у меня жив Добрынюшка Микитинеч,
Рожоно мое дитятко,
Не надсмехалась бы каждая голь кабацкая
И подпорина да табацкая.
У моего Добрынюшка Микитинча,
Рожоного дитятка,
На себе были платья цве́тныи,
Цве́тныи и разноцветныи,
А на тиби платья звериныи,
Звериныи и лососиныи,
Тых ведь дорогих зверьев заморьскиих!»
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же моя родная матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Издил я шесть годов,
Платьица свои эты поизорвал,
Одел я платья заморьскии,

46 Зак. 3948

Звериные да лососиные,
Дорогих зверьев да заморьскиих!»
Говорит матушка ему да таковы слова:
«У моего у Добрынюшки Микитича
На головушке была родимая знадебка,
На головушке рубечочек был».
Вынимал Добрыня со головушки свою шапочку,
Наклонил головушку к своей матушке —
Нащупала матушка родимую знадебку
У Добрынюшки да на головушке
И пала ему да на белую грудь,
И человала его в уста сахарнии,
И вела его в палаты белокаменны.
Обирала коня да и доброго,
Вела во конюшенку,
Во тыи во стойла лошадиные
И сыпала ему пшена да белоярого,
Несла ему да ключевой воды:
«Ешь-ка, добрый конь, пшена да до́сыта,
А пей-ка ключевой воды да до́пьяна».
Потом ведь говорил Добрынюшка Микитинеч:
«Ай же, ро́дная матушка, где моя молодая жена,
Молода жена, Настасья Микулична?» —
«Твоя ведь молода жена заму́ж пошла
За смелого Олёшку Поповича!» —
«Ай же, моя родная матушка,
Сходи-ка ты во по́греба глубокии,
Принеси-ка мни гуселка яровчаты,
Я пойду ведь на почестный пир».
Бежала старушка во глубо́к погрёб,
Брала старушка гуселка яровчаты,
А гуселка были во ⟨сорок⟩ пуд.
Идет старушка — подтыкается,
А гуселкамы ена да упирается,
Приносила гуселышка яровчаты.
Брал Добрынюшка Микитинеч,
Пошел Добрыня на почестный пир.
Приходит Добрыня на почестный пир,
Кланялся Добрыня во вси ⟨четыре⟩ стороны,
А князю со княгиною в ⟨о⟩собину.
Вси на Добрыню оглядилися,
Вси на Добрыню осмотрилися:
«Откуда ты есть, удалая удаленька,

Откуда ты есть да добрый молодец?»
Говорил Добрыня таковы слова:
«Есть я скорая поспешная я скоморошина,
А дайте-ка мне-ка мистечка немножечко,
А дайте мне-ка место хоть по край за́печки,
Дозвольте сыграть в гуселышка яро́вчаты!»
Дали ему место по край за́печки,
Дозволили сыграть в гуселышка яровчаты.
Заиграл Добрына по-умильнему,
По-умильнему да по-уныльнему —
Вси на пиру да приослухались,
Вси на пиру да приодумались
На эту игру да на умильнюю,
На умильнюю да на уныльнюю.
А потом как заиграл Добрыня по-веселому —
Вси на пиру да наскакалися,
А вси на пиру да наплясалися,
Вси на пиру и прирасхвастались:
Богатый хвастат богачеством,
А порно́й хвастат своей силой богатырьскою,
А умной хвастат отчем-матерью,
А безумный хвастат молодой женой.
Тута говорили Добрынюшке Микитинчу:
«Что тебе за игру за умильнюю надобно?
Города ль тиби с пригородкам,
Аль села́ тиби с приселкам,
Аль бисчётной золотой казны?» —
«Ничего мне этого не надобно,
Только дайте-ка мни чару зелена вина,
А кому знаю — я тому и по́днесу».
Наливали ему чару зелена вина,
Добрынюшке Микитинчу.
Весом чара была полтора пуда,
А мерой была чара полтора ведра.
Принимал Добрыня едино́й рукой,
Спускал перстень в эту чару обручальниий,
И шел Добрыня к тому столу да княженецькому,
Подносил Добрыня княгины моло́дые,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ах ты, княгина моло́дая, пей-ка чару зелена вина,
Пей-ка эту чару всю до дна,
Пьешь до дна — так увидашь добра,
А не пьешь до дна — так не видашь добра!»

Принимала единóй рукой,
А пила эту чару на единой вздох,
Увидла перстень обручальнии,
Скоцила на резвы ноги,
Говорила таковы слова:
«Не тот мой муж, который подли меня сидит,
А тот мой муж, который за столом стоит!»
Скочила она ведь через тот-то стол княженецкие,
Валилась Добрынюшке во резвы ноги:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитинич,
Бей-ка меня до тых ран кровавыих!»
Говорил Добрынюшка Микитинеч ей таковы слова:
«Не сполнила бы ты женьской заповеди,
Я отсек бы тебе буйну голову,
А как сполнила ты женьскую-то заповедь,
В том греху прощаешься!»
Хватил как Добрынюшка Микитинеч
Олёшку Поповича
За белы руки да за желты кудри,
Тащил его из-за того стола да княженецкого,
Вынимал ен свою плетку шелковую
И стал тут Олёшеньку похлестывать —
А стал тут Олёшенька попердывать.
Хлещет Добрыня и приговариват:
«Каково тебе, Олёша женитися?
У живого мужа жену замуж брать?»
Олёшка клéнется да заклинается:
«Буде проклята женитьба неудачлива,
А молода жена несдачлива.
Удалась женитьба старому да Негодинову
Да Добрынюшке и Микитичу,
Потому что у их были сестры Микуличны!»
Уехал Олёшка óт страму бéз слыху.

№ 120

ДОБРЫНЮШКА

Жил-был-ка Добрынюшка Микитинич,
Жил [с одной с родной матушкой],
А рос-ка без родителя без бáтюшка,
А рос-ка Добрынюшка в серóчестве

А рос-ка Добрыня не годо́чкамы,
Толстел-то Добрыня не денёчкамы,
А рос как Добрынюшка денёчкамы,
Толстел и Добрынюшка часочкамы.
Возрос-то он до возраста,
И задумал тут Добрыня поженитьця,
И взял жену Настасью свет Микулицьну,
Жили как оны́ тут — радова́лися,
Жили как оны́ тут — весели́лися.
Времечко шло у них как ґод за ґод,
Времечко катилось — как вода тёкла.
Вдруг напал как неприятель на Киев-град,
На Киев-град неприятель и войной пошол.
А туда начали сбёратьцы всё солдатики,
А туда начали съёжжатьця всё боґа́тыри.
Тут задумал как Добрыня на войну итти,
На войну итти, в чисто́ по́ля поля́ковать,
На войну итти да кроволитную.
И ґовори́т как тут Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, родитель моя маменька,
Дай-ко мне прощеньицо, поеду я,
Дай благо́словленьицо, поеду я,
Поеду я во чисто́ поле поля́ковать,
Поеду на войну на кроволитную».
Говорит как тут Настасья Олёксандровна:
«Ай же ты, Д⟨обрынюш⟩ка Микитиниць,
Едешь ты во чисто полё поляковать,
Поежжашь ты на войну кроволитную
Будешь бить ты там ґоловушек безвинныих,
Серата́мы будешь делать малых детушек,
А вдовамы будешь делать молодых жон!»
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
«Дашь ты мне прощеньиця — поеду я,
Не даши бл⟨агословеньи⟩ця — поеду я,
Поеду во чисто́ полё поля́ковать,
Поеду на войну я кроволитную».
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, родитель моя маменька,
Иди-ка ты во комнаты во новыи,
Во новы во комнаты во светлыи,
Возьми-ка там новые сапоженьки,
Возьми платиця новёшеньки шелковыи не дёржаны,
Возьми шляпу ты новую пуховую на головушку,

Ты неси-ка их да поскорёшенько!»
Тут идёт ведь как Н⟨астась⟩я А⟨лександро⟩вна во комнаты во новыи,
Берёт новыи сапóженьки на ноженьки,
Берёт новыи платьича шелкóвые не дёржаны — на плечушка,
Нову шляпоньку пухову — на ґоловушку,
Несёт она Д⟨обрынюш⟩ке скорёшенько.
И тут как заводит Д⟨обрынюш⟩ка справляця-та,
И тут заводит как Д⟨обры⟩ня снаряжатьця-та,
Обуý новыи сапоженьки на ноженьки,
Одеý новые платьиця шолковые недёржаные — на плечьиця,
Нову шляпоньку пухову — на ґоловушку.
А пришли ёму сапоженьки по ноженькам,
Новы платьиця шолкóвыи недёржаные — по плечушкам,
Нова шляпонька пухова — по ґоловушки.
Ґоворит как тут Д⟨обры⟩ня таковы слова:
«Ай же ты, родитель моя маменька, Н⟨астасья⟩ Олёксандровна,
Иди-ко ты в кладовочки во новыи,
Во новыи во кладовочки, во светлыи,
Возьми-ка ты на стропочки уздечку-ту,
А уздечку ты возьми-ка там новёшеньку,
Недёржану уздечку-ту, не ежжану,
А возьми-ка ты на стропочки седёлышко,
Возьми-ка ты седёлышко черькаськое,
А новёшенько седёлышко не седлано и не ежжано,
Возьми-ка ты на стропочки потнички,
Возьми-ка ты потнички шолкóвыи, новёшеньки, не дёржаны,
Возьми-ка ты на стропочки плёточку шолкóвую нехлыстаную,
И ты неси-ка их да поскурёшенько,
Ты неси-ка их ко паратному крылечушку,
И положь-ка ко столбу да ко точёному!»
Тут походит как Д⟨обрынюш⟩ка в конюшенку,
А во конюшню идёт да ведь во новую,
Он берёт себи там Бурушка неежжена,
Он ведь Бурушка неежжана, не седлана,
Он не седлана ⟨двенадцать⟩ лет.
Он полаґает он на Бурушку уздечку-ту новёшеньку,
Он новёшеньку уздечку, не дёржану и не ежжану.
Он выводит тут как Бурушка да на шúрок двор,
Он на шúрок двор выводит, да на белый свет.
Тут как Бурушка у неґо да срадовалса-та,
И на поводку у неґо да разыґралса-та.
И как тут Б⟨уруш⟩ка начал попрыґивать,
На поводку ведь начал он поиґрывать,

А До⟨брынюш⟩ку М⟨икити⟩ча начал он подёргивать,
Начал он Добрынюшку пошатывать.
Тут ступил крепко́ на ноженьки Доб⟨рынюш⟩ка
И на́чал Бурушка око́л себя поваживать,
И он на́чал его да плёточкой шелко́вой да охаживать,
Тут Добрынюшка ёму да приговариват:
«Стань-ка ты, Бурушко, да тише водушки,
Тише водушки стань да ниже травушки шолковоей,
И стой-ка ты, Б⟨уруш⟩ка, быдто стрёпанный,
И по колена ты быдто вкопанный!»
Поводит тут Д⟨обрынюш⟩ка Бурушка,
Он ведёт да ко паратному крылечушку,
Он подводит да ко столбу да ко точёному,
Он привязыват к кольцу да к золочёному,
Он заводит тут как Бурушка обседлыват,
Он заводит тут как Бурка обкольчуживать:
Кладёт потнички на потнички —
Новёшеньки, щолко́выи, не дёржаныи,
Он седёлышко кладёт да ведь черькаськое,
Он новёшенько седёлышко не седлано, не ежжано и не дёржано.
У седёлышка стремяна-та с чиста се́ребра,
Подпруга-то у него из семи шолков,
Ремешки-та вси круго́м да видь шолковыи.
Он кладёт да видь уздечку да вторёшеньку,
У уздечки обрузьё с чиста се́ребра,
А поводка́-то у ней да из семи шолков.
Только надо бы Д⟨обрынюш⟩ки сядучи,
Только надо бы молодцу поедучи,
Вдруг выходит молода жона Наст⟨асья⟩ свет Мик⟨улицьна⟩.
Уж говорит она Добрыни таковы слова:
«Уж поежжашь ты, Добрыня, во чисто́ поля,
И поежжашь ты на войну да кроволитную;
Уж ты оставь-ка мни словечко одно тайное,
А второе ты оставь-ка мни верное:
Уж заму́ж мне-ка-ва велишь итти,
Аль вдовой ты мне-ка-ва жить велишь?»
Говорит как тут Д⟨обры⟩ня таковы слова:
«Ай же ты, моло́да глу́па женщина,
Не поспела ты меня да с дому вы́ждати,
Похотела уж давно да и заму́ж итти.
Я нало́жу теби заповидь ведь недолгую,
Я недолгу теби заповедь, трехстрочную:
Ты прожди-ка меня перво три году,

Перво три ґоду прожди, мни повороту нет.
Ты прожди-ка меня да второ три́ ґоду,
Второ три ґоду прожди, мни повороту нет.
И ты прожди-ка меня третья три́ ґоду,
Третья три ґоду прожди, мни повороту нет,
Повороту мне-ка нет, дак буде ⟨девять⟩ лет.
Потом-то ты хоть заму́ж поди,
Хоть вдовой живи.
Только не́ ходи за братця за моего,
А крестового Олёшеньки Поповиця,
Смелоґо тоґо бабьеґо насмешника!»
Только видли Добрынюшку как сядучи,
А уж не видли мо́лодця поедучи.
Под ним Бурушка начал как помахивать,
И под ним Бурушка начал как поскакивать;
Он видь рики и озёра, чистыи поля
И синии моря между ноги брал,
Он видь ґоры крутыи перескакивал,
Тёмныи леса перемахивал.
И съехал тут Добрыня на позицию во чи́сто полё,
Произьдил ⟨ён⟩ во полюшки три ґодушка,
А произьдил ён второё три ґодушка.
А тут задумал Олёшинька Поповиць
Он ехать в свою сторон⟨ушку⟩,
Во свою сторону и на родину,
И на родину да к отцу, к матери.
Приежжает он к отцу, к матери,
Идёт да на беседушку к Нас⟨тасьи⟩ свет Микулицьной.
Да к второй да Настасьи Олёксандровной.
Он заходит да во хату ведь во тёплую
Он заводит Богу мо́лицьця,
Он крес⟨т⟩ кладёт да по-писа́ному,
А поклон ведёт да по-учёному
На вси на четыри сторо́нушки,
А уж На⟨стасьи⟩ Ол⟨ёксандровны⟩ в особенно.
И ґоворит как тут Олёшенька Поповиц таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Олёксандровна,
А вторая ты Наст⟨асья⟩ свет Микулицьна,
А я приехал со чиста́ поля,
Привёз я вам весточку нерадостну,
А привёз я вам письмо-то ведь печальная:
Мой-то братец До⟨брынюш⟩ка Микитиниць,
Он убит да во чисто́м поли,

Он лежит да под ракитовым кусточком:
Волоса его́ от со́лнца пого́ревши,
Глаза ясны у воро́н да поклёвавши,
Тело бело от косьёв да всё отпавши!»
Он начал тут как Олёшенька Поп⟨овиц⟩ да похаживать,
И начал Нас⟨тасью⟩ свет М[икулицьну ⟨да посватывать⟩.
Говорит тут как Н⟨астасья⟩ ⟨свет⟩ Мик⟨улицьна⟩:
«Отойди-ка ты проць от меня, пожалуйста,
Олёша Поповиць, смелай и бабей ты насмешник,
Справила я мужнюю заповедь ⟨девять⟩ го́дышков,
И наложу я ещё свою заповедь три го́дышка;
И пройдёт как Добрынюшки ⟨двенадцать⟩ лет,
И не придёт как Добрынюшка со чиста́ поля,
Потом-то я хоть заму́ж пойду,
Хоть вдовой жить буду!»
Тут отъехал Ол⟨ёшенька⟩ Поп⟨овиць⟩,
Смелый бабий насмешник на позицию,
Во чисто поля поляковать,
И проездил он опять да ⟨три⟩ го́дышка.
Задумал тут Олёш⟨енька⟩ Поп⟨овиць⟩ ехать в свою сторону,
В свою сторону он на родину,
Он на родину да к отцу к матери.
Да идёт да на бесёдушку
Да к Нас⟨тасьи⟩ св⟨ет⟩ Микулицьной,
А ко второй да идёт к Н⟨астасьи⟩ Олёксандровны.
Он заходит во хату да во тёплую,
Он заводит да Бо́гу молитьця,
Крес⟨т⟩ кладёт да по-писа́ному,
Поклон ведёт да по-учёному
На вси да на четыри сторонушки,
А уж он Нас⟨тасьи⟩ да Олёкс⟨андровны⟩ особенно.
Говорит как тут Олёша таковы слова:
«Ай же ты, Н⟨астасья⟩ Ол⟨ёксандровна⟩,
А вторая, Н⟨астасья⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьна⟩,
Приехал я со чи́стого по́люшка,
А привёз я вам весточку нера́достну,
А привёз-то я вам письмо-то печальное
От братца от крестового́ от Д⟨обрынюш⟩ки М⟨икитиница⟩.
Мой-то крестовый Добрынюшка Микити́ниць,
Он убит да во чистом поли:
Он лежит да под ракитовым кусточком;
Волоса его́ от солнца пого́ре́вши,
Глаза ясны у воро́н поклёва́вши,

Тело бело от косьёв уж отпавши!»
Он начал тут да видь похаживать,
Да Наст⟨асью⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьну⟩ да посватывать.
Говорит как тут Нас⟨тасья⟩ таковы слова:
«Ай же ты, назва́на родна маменька,
Заму́ж ты мне-ка-ва велишь итти,
Аль вдовой мне ты жить велишь?»
И ґоворит тут-ка Н⟨астасья⟩ Ол⟨ёксандровна⟩:
«Ай же ты, Н⟨астасья⟩ свет Мик⟨улицьна⟩,
Жи́ла-ка я в серочестве,
Ро́сьтила я сынка единово да единёшенькова,
И всего́ ґорюшка я да притерпелась,
Всякой славушки я да принаслухалась —
Хоть ты заму́ж поди́, я хоть вдовой живи».
Тут повысватал Ол⟨ёшинька⟩ Поп⟨овиць⟩,
Смелай бабий насмешник Н⟨астасью⟩ св⟨ет⟩ Ми⟨кулиць⟩ну,
Уж у их да идёт дело свадебно,
И пошло дело к перованьицу.
Тут изьдит Добрынюшка в чистом поли,
Уж он над своей головушкой не знает невзгодушки,
И что есть дома на своей сторонке:
Тут выходит молода жена Н⟨астасья⟩ св⟨ет⟩ М⟨икулицьна⟩
Замуж за Ол⟨ёшу⟩ Поп⟨овича⟩, за смелого бабьего насмешника.
И вдруг под ним конь его́ верный Бурушка
Призадумался и он да призамешкалса,
Он не́ стал бе́ґать да по-старому,
И не́ стал прыґать да по-прежнему,
Склонил свою ґоловушку низёхонько,
И ґоворит как тут Д⟨обрынюш⟩ка Микитиниць
Свое́му коню да ён видь верному:
«Ай же ты, конь мой верный, Бурушка,
Служил ты мни верой-правдой ⟨двенадцать⟩ лет,
Теперь не́ стал ты бегать по-старому,
И не́ стал прыгать ты по-прежнему,
Склонил ты свою ґоловушку низёхонько,
Неужоль ты меня хочешь в грязь сронить?
А неужоль и мою голову хочешь сказнить?»
Говорит тут конь ёго да верный Бурушка:
«Ай ты мой хозяин, Д⟨обрынюшка⟩ Мик⟨итини⟩ць,
Корьмил ты меня до позиции ⟨двенадцать⟩ лет,
И корьмил ты меня второе ⟨двенадцать⟩ лет на позиции.
Езьдишь ты во чисто́м поли полякуешь,
Над своёй ґоловушкой не знаешь ты невзґодушки,

И что есть дома на твоей сторонушке.
Твоя-то молода жена Н⟨астасья⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьна⟩
Выходит ведь за́муж за твоего братца крестового,
За Ол⟨ёшинь⟩ку Поп⟨ови⟩ця, смелого бабьего наѣмешника;
Жалашь ли ты быть в своёй стороны
У молодой жены Нас⟨тась⟩и св⟨ет⟩ Мик⟨улицьны⟩ на свадьбы,
А у крестового́ братця Ол⟨ёшиньки⟩ Поп⟨овиця⟩,
Смелого́ бабьего насмешника на ужины?»
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
«Желал бы я быть у молодой жоны
Нас⟨тасьи⟩ св⟨ет⟩ Микулицьны на свадебки,
А у крестового-то братця Ол⟨ёшиньки⟩ Поп⟨овиця⟩,
Смелого бабьего насмешника на ужины;
Живём-то мы за удаленьичем,
За широкима рекамы, за чистыма полямы,
За зелёныма луґамы и за синима морями,
За высокима ґорамы и за темныма лесамы!»
Говорит тут конь ёму верный Бурушка:
«Ай же ты, Доб⟨рыня⟩ Мик⟨итнець⟩, верный мой хозяин,
Слезай-ка ты с меня да поскурёшенько,
Седлай-ка ты мни да седло крепёшнько,
Седлай седло крепко-накрепко и твёрдо-натвердо,
Оберай-ка вси ремешки кругом да шолко́выи,
Садись-ка ты на меня да не по-старому,
И садись-ка ты на меня да не по-прежнему,
Бери-ка ты в свои руки могучи, боґатырьски
Поводка да шолко́выи —
Повезу я тебя да в свою сторону,
В свою сторону да на родину».
Он рики и озёра, и чистыи поля,
И зелёныи луґа, и синии моря между ноґи брал,
А он уж ґоры-то крутыи перескакивал,
Он темныи леса уж перемахивал,
Он уж приежжает в свою сторону.
А в свою сторону он уж и на родину.
Подъежжяет он к дому благодатному,
Подъежжяет к крыльцю ко паратному,
Он слезает с коня да Бу́рко верного,
Он подводит ко столбу да ко точёному,
Уж ён привязывает ёго к кольчю да золочёному;
Уж он идёт во хату да во тёплую,
Уж ступеньки под ним да поскрипывают,
А уж мостинки под ним да поиґрывают.

Он заходит во хату во тёплую,
Он заводит Богу молитьс̲я,
Крёст кладёт да по-писа́ному,
Поклон ведёт да по-учёному
Он на вси да на четыре сторонушки,
А Настасьи Олёк⟨сандровны⟩ да в осо́бинно;
Он уж приехал каликою.
Говорит тут Д⟨обры⟩ня таковы слова:
«Ай же ты, Нас⟨тасья⟩ Олёк⟨сандровна⟩,
Што ж ты сидишь да призадумалась,
Што ж ты сидишь да призамешкалась,
Личко твоё бело принаплакано,
Очи твои ясны притуманили,
А сидишь ты при большой обидушки.
Есь я не калика перехожая,
Есь я не калика переежжая,
Есь я Доб⟨рынюш⟩ка Микитиниць,
Твой сынок да ядинёшенёк!»
Она ему и говорит:
«Есь вашего брата сынков да единёшенек,
Если мни поразна́т̲ьц̲я,
Дак не хватит моих денежек и хлебушков и платьичков».
Вот ён ей и говорит:
«Ай же ты, Н⟨астасья⟩ Ол⟨ёксандровна⟩,
Не веришь ты своему сыну Д⟨обрынюш⟩ки,
Стань-ко ты на резвы на ноженьки,
Выдь-ко ты на паратно крылечушко,
Посмотри ты на своего коня, на верного Бурушка».
Вдруг со словом стала она на резвые ноженьки,
Идёт на паратное крылечушко,
Заго́ворила она своим го́лосом;
Вдруг конь верный Бурушка заржал,
Начал копытом землю бросать.
И вот тут его́, коня, да расседлали,
Вот провели его во конюшню,
Насыпали ему да пшеничи да белояровой.
Го́ворит тут На⟨стасья⟩ Олёкс⟨андровна⟩,
Своему сынку да ядинёшенькому:
«Ай же ты, сын да Доб⟨рынюшка⟩ Мик⟨итиниць⟩,
Ехал ты да тут дорожку дальнюю,
Нада теби с дороженьки попить да о́тдохнуть».
А го́ворит как тут Добрыня таковы слова:
Ай же ты, родитель моя маменька,

Некоґда мни-ка пить и кушать и отдыхать,
Возьми-ка ты ключи от меня, пожалуста,
Иди-ка ты во комнату во новую,
А во комнаты во новоей в уґолочку
Стоит да сундучёк новёшенёк,
Отмыкай-ка ты его да скорёшенько,
Бери-ко ты ґусёлышки яровцяты,
Яровцяты ґусёлышки новёшеньки,
Новёшеньки, не дёржаны.
Неси-ка ты мне их да поскурёшенько,
А пойду я к Ол⟨ёши⟩ П⟨оповицю⟩ на свадебку».
Он берёт да ґусёлышки яровцяты,
Он идёт да к Олёши Поповицю на свадебку,
Он заходит да во хату во тёплую,
Он заводит да Богу молитьця,
Он крес⟨т⟩ кладёт да по-писаному,
Он поклон ведёт да по-учёному,
Он на вси да на четыре сторо́нушки,
Он хозяину-то ведёт и в особинно:
«Ай же ты, хозяин да домо́вой батюшка,
Позволь-ка ты мне сыґрать да во ґусёлышка яровцяты,
А яровцяты, новёшеньки — новёшеньки, не дёржаны,
Свеселить да твоих ґостюшек,
Свеселить да хозяина с хозяюшкой,
Свеселить да молодого князя с княґиною
И развеселить да всю публику постороннюю».
Ґоворит ему хозяин таковы слова:
«Позволил бы я тебе сыґрать в ґусёлышки яровцяты,
Да нету теби мистецка сядучи».
Вот он и ґоворит хозяину:
«Если дозволишь сыграть,
Дак найду я себи мистечка систь!»
Вот он сел на печку на кирпичную за столбичок,
Вот стал ён да поигрывать и стал он разыгрывать.
И вот свеселил он всих ґостюшек,
И свеселил хозяина с хозяюшкой,
И свеселил весь стол да княженечкоей,
И развеселил всю публику постороннюю
Своей иґрой да молодецькоей.
И ґоворит тут Настасья свет Микулицьна таковы слова:
«Ай же ты, названый ро́дной татенька,
Позволь-ка ты мни налить да цяру зелена вина,
Цяру зелена вина да полтора ведра,

Полтора ведра да вина пьяного,
Кому знаю, тому и по́днесу».
И говорит тут Н⟨астасья⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьна⟩ таковы слова:
«Ай же ты, калика перехожая,
Ай же ты, калика переежжая,
Стань-ка ты на резвые на ноженьки,
Подойди-ка ты ко столам ко дубовыим,
Бери-ка ты цяру зелена вина,
Цяру зелена́ вина полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного!»
Он стаёт на резвые на ноженьки,
Он подходит да ко столам ко дубовыим,
Берёт цяру да еди́ной рукой,
Выпивает на еди́ной здох.
Тут-то у Д⟨обрынюш⟩ки храбрости прибыло;
И стал ён да ещё поиґрывать,
И стал ён да ещё разыґрывать.
Силушка стала богатырьская,
А смелость стала уж молодецькая.
Ґоворит Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, хозяин да домо́вой батюшка,
Позволь-ка ты мни налить да цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина да полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного,
Кому знаю, тому и по́днесу».
Подходит он к столикам дубовыим,
Говорит тут таковы слова:
«Ай же ты, Н⟨астасья⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьна⟩,
Бери-ка цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного.
Пей-ка ты ег̇о до дна и увидишь добра,
А не выпьешь до дна — не видать теби добра».
И берёт ёна да еди́ной рукой,
Выпивает ёна на единый здох.
Выпила она ег̇о до дна,
Увидала она свой перьстень имянной, обруцяльный,
И берёт она свой перьстень и говорит таковы слова:
«Не тот мой муж, который возле меня стоит.
А тот мой муж, который за столом стоит».
Раздвинула она столики дубовыи,
Подходит к Д⟨обрынюш⟩ки Мик⟨ити⟩чу.
Говорит тут Добрыня таковы слова:

«Стань-ка ты в сторонушку,
Нас⟨тасья⟩ св⟨ет⟩ Мик⟨улицьна⟩!»
Берёт ён Олёшу Поповича,
Смелого бабьего насмешника за жолты́ кудри.
Он нача́л его́ поваживать,
Нача́л шолковой плёточкой его́ и охаживать.
Он его́ да и поваживал,
Плёточкой он его да и охаживал:
«Не диву́ю я молодой жоны,
Што она замуж пошла,
А дивую я Ол⟨ёшинь⟩ки Попо⟨ви⟩чу,
Смелому бабьему насмешнику,
Што от живого мужа жону отнял!»
Захватил он жону свою Нас⟨тасью⟩ св⟨ет⟩ М⟨икулицьну⟩
И отправились оны домой в свои спальны тёплыи.

№ 121

ПРО ДОБРЫНЮ

У солнышка у князя у Владимира
Собран был да почестный пир.
Все на пиру да наедалисе,
Все на пиру да напивалисе.
Предложил солнышко князь стольно-киевский:
«Кто бы съездил проклал дорожку прямохожую
К моему тестю любимому,
К строгому королю Испануйлу Испануйловицу,
Пробить тех черкес пятигорскиих
И тых камлуков со татарамы?»
Потом все на пиру призадумались.
За тым столом да за меньшиим
Сидел Олёшка Поповиц:
«Съездил в Тугие горы змеиные,
Дак и съездит прокладет туда дорогу
Добрынюшка Никитинец».
Скочил Добрыня с-за столов дубовыех,
Пришел Добрыня к себе на широк двор,
Не зашел проститься к своей матушке,
Седлал своего коня доброго.
Увидла его родна матушка:
«Ты, богоданно мое дитятко,

Наша-то скоро скоморошина
Куды-то справляется да отправляется».
Бежала скорым-скоро наскоро,
Забежала она с личка потихошенько
И говорила ему полегошенько:
«Говорила тебе родна матушка:
„Ты не знайся, сирота, со боярамы,
Потеряшь животы во подароцках
И ты заложишь, можа, буйной головушкой"». —
«Ах ты, родна моя матушка,
Не так ты меня спородила,
Спородила бы ты меня лучше
Во синем море синим камешком,
Лежал бы я на дне морском
Век по веку без шевелимости,
Или на крутой горы ты б сырым дубком,
Съезжались бы ко мне русськие могучие богатыри». —
«Ах ты, мое рожено дитятко,
Я бы родила тебя красой в Олёшку Поповича,
А храбростью — Микитушкой Добрынюшкой,
Так Бог не дал, не пожаловал;
Скажи мне-ка, когда тебя ждать,
Когда мне ожидать,
Когда буде в окошечко поглядывать?» —
«Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого,
Только в том мне противно,
Что поезжаю бить душ бесповинныех
И сиротать малых детушок
И вдовить молодыих жен».
Шла она в палату белокаменну
И говорила она таковы слова:
«Ты, богоданно мое дитятко,
Бежи-ко ты скорее на широк двор,
Зайди-ко ты с личка потихошеньку
И говори полегошеньку,
Можа скажет, что когда нам ждать, когда ожидать?»
Приходила к ему молода жена,
Зашла с личку потихошеньку
И говорила не с упадкою:
«Милая ты моя ла́душка,
Крепкая ты моя содержавушка,
Когда мне тебя будет ждать?» —

«Три года живи будто замужем,
Жди Добрыню со чиста поля,
А друго три года вдовой живи
И поди хоть за князя, хоть за барина,
Хоть за русського могучего богатыря,
Не ходи только за смелого Алёшку Поповица».
И потом поехал Добрыня во чисто полё.
И прошло этому времячку уж три года —
Приезжал Олёшка со чиста поля,
И приходили с солнышком князем Владимиром
Сватать молодой жены Настасьи Микуличной,
Что: «Я вчера был во чистом поли
И сидел во сыром дубу —
Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи́ плечи испроломаны,
Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые
Прорасла трава шелковая!» —
«Нет, я исполнила заповедь мужнюю,
Теперь сполню заповедь женскую».
И прошло этого времяцки опять три года,
Приходил Олёшка со солнышком князем Владимиром
Сватать молодой вдовы Настасьи Микуличной,
Говорит, что «я был во чистом поли
И сидел во сыром дубу —
Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи́ плечи испроломаны,
Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые
Прорасла трава шелковая!»
Вот начался у них почéстный пир,
Завтра итти с Олёшкой в Божью церьков
И принимать с Олёшкой по злату венцу.
Вот его родна матушка
Честна вдова Офимья Олександровна
Скорбила свое личико белое
И слезила свои очи ясныя:
«Прошло тому времяцку уж шесть годов,
Закатилося красное солнышко
За лесушка за темные
И за горушки высокие —
Уехало мое рожено дитятко
В чужие страны во далекия,

А сегодняшнего дня закатится и светёл месяц —
Выйдет замуж мое богоданное дитятко,
Останется мне один сироцькой дом,
Систь бы под окошецко немножецко».
Далеко-далеко во чистом поли
Спит Добрыня во белом шатри,
Добрый конь стоял да у бела шатра,
Бил ногой да о сыру землю:
Во реки вода да сколубаласи,
Под шатром земля да зашаталаси.
Скочил Добрыня со сну богатырьского,
Бил коня да по тугим ребрам:
«Что ты не во время будишь сильного могучего богатыря?
Нигде нет да поединщика!» —
«Ты спишь да прохлаждаешься:
Над собой невзгоды не начаешься —
Твоя молода жена замуж пошла!»
Ен пал коню в ногу правую,
В ногу правую во переднюю:
«Ты сюды меня вёз целых три году,
А отсюль вези только три часу!» —
«Ты седлай меня поскорешенько,
Кладай потнецьки на потнецьки,
А на потнецьки мягки войлоцки,
А на войлоцки черканско ковано седло
И сам садись крепко-накрепко».
Ен реки, озера промежь ног спускал,
Маленьки перелески перескакивал.
Его родна матушка глядела в окно во вдовиное,
Там непогодка снежку белого выпала,
По той по погодке, по белу снежку
Будто заюшко там да проскакивал.
Приезжал Добрыня ко двору да ко вдовиному,
У дверей не спрашивал придверников
И у ворот приворотников,
Взашей прочь да всех отталкивал,
Взошел он во вдовиный дом,
Все идут, все и жалятся:
«Кака-то приехала невежа из чиста поля,
Всех прибила нас, всех примучила». —
«Было бы у меня рожено дитятко
Не дошло бы надсмехаться над двором да над вдовиною». —
«Не напрасно ль вы да согрешаете?

Мы вчера с Добрыней поразъехались,
Добрынюшка поехал к строгому королю Испануйлу Испануйловицу,
А я поехал к солнышку князю Владимиру.
Ах ты, родная моя матушка,
Расскажи-ко, где моя да молода жена?» —
«Молода жена твоя замуж пошла
За смелого Олёшку за Поповица,
Я не верю вам, что вы мой сын:
У моего-то сына у любимого
Личико-то было румяное,
На головке была шапка пуховая,
А на себе были платьица цветные,
А на ножках сапожки сафьянные». —
«Ах ты, родная моя матушка,
Личико от ветра призавеяло,
А шапку дожжамы повыбило,
А платьица прутьями повырвало,
А сапожк⟨и⟩ о стремяно повытерло». —
«Рассуждать мне с тобой долго некогда,
Не верю я тебе, что мой ты сын:
У моего-то сына на загривке была родимная знадебка!» —
«Неси-ко ты мне платьица цветные,
Да неси-ко гуселка яровчаты!»
И пошел Добрыня на почестный пир
И сел на пецьку на припецецок,
И стал в гуселка поигрывать.
Говорила тут молода жена
Настасья Никулична:
«Ах ты, солнышко князь стольно-киевской,
Разрешите мне-ка налить ца́ру зелена вина
И поднести этому игроку мне любимому,
Он играт — будто прежний муж».
Наливала она ца́ру зелена вина
И подносила игроку этому любимому.
Ен выпил эту ца́ру зелена вина
И говорил князю таковы слова:
«Разрешите налить вашей княгине цару зелена вина».
И налил ен ца́ру зелена вина,
И поднес ей цару зелена вина,
И говорил ён ей таковы слова:
«Если хошь добра — тогда пьешь до дна,
А не пьешь до дна — не видашь добра!»
Взяла ена ца́ру единой рукой,

И выпила ца́ру на единый эдох —
Прикатилосе ейно именно кольцо.
Взяла кольцо во белы́ руки,
Скоцила она через дубовый стол:
«Не тот мой муж, который возле меня сидит,
А тот муж, который поднес мне-ка ца́ру зелена вина,
И прости меня во той вины, во глупости». —
«Не дивую я разуму женьскому:
Их куда везут, они туда и едут,
А куда ведут, они туда и идут,
А только дивую солнышку князю Владимиру,
Что от живого мужа же́ну отняли!»
Хотел схватить Олёшку за желты кудри,
Захотел хлопнуть его о кирпицный пол
За то, что ездил со чиста поля́,
Что говорил напрасно его матери,
Ена скорбила свое лицико белое,
И слезила свои очи ясные.
С того стыда да со великого
Уехал Олёшка и со Киева-града.

№ 122

ЖЕНИТЬБА АЛЁШИ ПОПОВИЧА

Говорит Добрыня сам Пленкович
Ко своей государыне родной матушке:
«Ай же ты, родна моя матушка,
Ты зачем меня несчастного спородила,
Ты спородила бы меня, матушка,
Меня беленьким горючим камешком,
Завернула бы ты меня в тонкий рукав
И бросила бы ты меня во сине море.
Я бы век, Добрыня, во море лежал,
А не ездил бы, Добрыня, по чисту полю,
Не губил бы я, Добрынюшка, невинных душ,
Не слезил бы я отцов-матери,
Не вдовил бы я молодых жен,
Не пускал бы сиротать малых детушек».
Говорит ему родна матушка:
«Ах ты гой еси, рожоно мое дитятко,
Я бы рада была тебя спородити

Силою Святогора-богатыря,
Талантом-участью в Илью Муромца,
Красотой бы в Осипа Прекрасного,
Походкою тебя щапливою в того Чурилу Пленковича,
Смелостью в Алёшеньку Поповича,
Вежеством в Добрынюшку Никитича.
Сколько этих статей есь, но таких бы не дал,
Таких бы не дал и не пожаловал».
Он идет на конюшенку стоялую,
Он берет Бурушко-кавурушко,
Он седлает его во седелушко
И отправляется во чисто поле.
Провожала его тут родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
Стала по палатушкам похаживать
Стала она голосом поваживать
Жалобнешенько по нем — с причетью.
У тоя была у стремени у правая
Провожала его молода семья,
Молода Настасья дочь Микулична,
Она говорит таково слово:
«Ты когда, Добрынюшка, домой будешь,
И когда мне ждать тебя из чиста́ поля?»
Отвечает ей Добрынюшка Никитин сын:
«Когда стала ты у меня спрашивать,
Тогда буду тебе сказывать.
Дожидай меня ты по ⟨три⟩ года,
И как в ⟨три⟩ года не буду,
Жди другие три.
Как исполнится время тому ⟨шесть⟩ годов,
И не буду я из чиста поля,
То вспоминай меня в чистом поли убитыим,
А тебе, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи, хоть замуж пойди,
Хоть за князя пойди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего бога́тыря.
А только не ходи за Алёшеньку Поповича:
У меня ведь с ним крестом поменялось,
И крыстовыма братцама поназваны!»
День за днем — будто дожж дожжит,
Неделя за неделей — как трава ростет,
А год за годом — как река бежит,

И прошло тому времени ⟨три⟩ года —
Не бывал Добрыня из чиста́ поля.
Опять день за днем — будто дожж дожжит,
Неделя за неделей — как трава ростет,
А год за годом — как река бежит,
И прошло тому времени ⟨шесть⟩ годов —
Не бывал Добрыня из чиста́ поля.
В та поры, да в тое времячко
Приезжал Алёша из чиста́ поля,
Привозил он весточку нерадостну,
Что жива нет Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит во чистом поле,
Буйна голова испроломлена,
Могучи́ плечи́ испростреляны,
Головой лежит через ракитов куст.
Тогда государыня его родна матушка
Жалобнешенько по нем плакала,
Слезила она свои очи ясные,
Скорбила она свое лицо белое.
Стал тут князь Владимир похаживать,
Стал Настасью Никулишну посватывать,
Стал подсватывать, подговаривать:
«Как тебе жить молодой вдовой,
Молодой тебе свой век коротати,
Поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за того Алёшеньку Поповича!»
Отвечала Настасью Никулична:
«Я исполнила заповедь мужнею,
Ждала я мужа ⟨шесть⟩ годов,
А нонь исполню заповедь я свою женскую:
Я прожду мужа еще ⟨шесть⟩ лет,
Да исполнится ровно ⟨двенадцать⟩ лет,
Поспею в тую пору и замуж пойти».
Опять день за днем — будто дожж дожжит,
А неделя за неделей — как трава ростет,
А год за годом — как река бежит,
И прошло тому времени верных ⟨двенадцать⟩ лет.
Стал тут князь Владимир похаживать,
Стал Настасью Никуличну подсватывать,
Стал подсватывать, подговаривать:
«Как тебе жить молодой вдовой,
Молодой тебе свой век коротати,

Ты поди замуж, хоть за князя, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,
А лучше всех — за Алёшу Поповича».
И не пошла она замуж не за князя и не за боярина,
И не за русского могучего богатыря,
А пошла она за Алёшу за Поповича.
Вот и пир идет у них третий день,
А сегодня им идти ко Божье́й церкви
Пологать с Алёшей по злату кольцу,
Принимать с Алёшей по злату венцу.
А Добрыня случился у Царя горада́,
У Добрыни конь спотыкается,
Говорит Добрынюшка-мо́лодец:
«Почему ты сегодня, конь, спотыкаешься?»
Отвечает ему конь голосом человеческим:
«Ах ты гой еси, любезный мой хозяин,
Под собой ты невзгодушки не ведаешь,
Твоя молода жена заму́ж пошла
За смелого Алёшу за Поповичу.
Пир идет у них третий день,
А сегодня идти им ко Божьей церкви
Пологать с Алёшей по злату кольцу,
Принимать с Алёшей по злату венцу».
Как берет-то Добрынюшка плеточку шелковую,
Он бьет коня промежду ушей,
Промежду ушей, промежду ноги,
Между но́ги, но́ги задние,
Сам говорит таково слово:
«Ты сюда меня вез ⟨двенадцать⟩ лет,
А отсюда вези меня ⟨три⟩ часа».
И стал тут конь его поскакивать
С горы на гору, с холму́ на холму́,
Реки и озера промеж ног пускать.
Приехал он ко городу ко Киеву
В ⟨два⟩ часа с половиною,
Перескочил через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Заезжал он во вдовиный двор без докладочно.
Он не вяжет коня, не приказывает,
В палаты идет беспосылочно,
У ворот не спрашивает приворотников,
У дверей не спрашивает предверников,
Прямо вза́шей всех прочь отталкивать,

Смело идет в палаты во вдовиные.
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому
На все ⟨три-четыре⟩ стороны,
А чесной вдовы Ириньи Васильевны в особину.
«Уж ты вздравствуешь,
Чесна вдова Иринья Васильевна!»
Вслед идут приворотники,
Вслед идут предверники,
Все жалобу творят:
«Ай же ты, чесна вдова Иринья Васильевна,
Как этот-то удалый добрый молодец
Он наехал из чиста́ поля скорым гонцом,
Нас не спрашивал у ворот приворотников
И нас у дверей придверников,
Прямо взашей всех нас отталкивал».
Говорит чесна вдова Иринья Васильевна:
«Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Если было живо мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитенец,
За твои поступки неумильные
Отрубил бы он тебе буйну голову».
Говорит удалый добрый молодец:
«Не напрасно ли вы это согрешаете,
Я вчерась с Добрынею поразъехался,
Добрыня поехал ко Царю-граду,
А я поехал ко Киеву.
Наказал мне братец мой крестовый
Узнать про него молоду жену,
Где она есть, Настасья дочь Никулична!»
Говорит чесна вдова Иринья Васильевна,
Что «его молода жена Настасья Никулична
Замуж пошла за смелого Алёшу за Поповича.
Пир идет у них третий день,
А сегодня идти им ко Божьей церкви».
В та поры да в тые ⟨шесть⟩ годов
Приезжал Алёша из чиста поля,
Привозил он весточку нерадостну,
Что жи́ву нет Добрынюшка Никитича,
Он убит лежит во чисто́м поле,
Буйна голова искров⟨ав⟩лена,
Могучи плечи прострелены,
Головой лежит через ракитов куст.

Тогда жалобнешенько я по ем плакала,
Слезила свои очи ясные,
Скорбило свое лицо белое». —
«Наказывал мне братец мой крестовый:
„Если случится тебе во Киеве
У князя на чесном пиру,
То возьми мои гусельки яровчаты
И одень мои платья скоромошенско,
В новой горенке возьми все на столике"».
Приносили ему гусельки яровчатые
И подавали ему платье скоромошенско.
Наряжался он скоромошеной
И пошел ко князю на почетный пир.
Он в палаты идет беспосылочно,
У ворот не спрашивает приворотников,
У дверей не спрашивает придверников,
Прямо взáшей всех прочь отталкивал,
Проходил в палаты княженецкие,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому
На все ⟨три-четыре⟩ стороны,
А солнышку князю Владимиру на особину.
«Уж ты здраствуешь, князь Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией!»
Все эти идут приворотники, все придверники,
Все жалобу творят:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Как этот-то удалый добрый молодец
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А сюда пришел он скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот приворотников,
У дверей не спрашивал он придверников,
Прямо взашей всех прочь отталкивал».
Скоморошина в речи не вникнется,
Скоморошина в речи не вчуется,
А говорит он князю Владимиру:
«Уж ты князь, Владимир красно солнышко,
Скажи, где есть наше место скоромошенско!»
С сердцем говорит Владимир-князь,
Что «ваше место скоромошенско
На той на печке на муравленой».
Скоро он вскочил на место на показано,
Натягивал он струночки шелковые

На тые гусельки яровчаты,
И стал он пальцамы по струначкам похаживать,
Стал он голосом под гусельки подваживать.
И играет он тут во Киеве,
А на выигрыш берет все во Царе-граде.
Тут все на пиру приужахнулись,
И все на пиру призадумались,
А сами говорят таково слово:
«Что не может быть здесь скоромошина,
А кому ни надо быть тут русскому,
Быть удалому добру молодцу!»
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Опустись-ка ты с печки со муравленой,
И садись-ка ты сам за дубовый стол,
Станем хлеба мы с тобой кушати,
Станем белые калачики рушати.
За твою игру за веселую
Дам тебе ⟨три⟩ места любимыих:
Первое место — сядь хоть подле меня,
Второе место — хоть супротив меня,
Третье место — куда сам захошь,
Куда сам захошь, а еще пожалуешь».
Не села скоромошина подле князя,
Не села скоромошина супротив князя,
А садилась скоромошина на скамеечки
Супротив невесты обрученные.
Сам говорил таковы слова:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Благослови налить мне чару зелена вина,
Поднесу я эту чару кому я знаю,
Кому я знаю, да еще кому ведаю».
Подовали ему чару зелена вина,
Опушшал он в чару свой золотой перстень,
Которым с Настасьей обручался,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Никулична,
Если пьешь до дна — так видашь добра,
А не пьешь до дна — не видашь добра!»
Она выпила чару зелена вина
И увидела в чаре свой золотой перстень,
Которым с Добрыней обручалася,
И сама говорит таково слово:

«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Не тот мой муж, который подле меня,
А тот мой муж, который супротив меня,
Сидит мой муж на скамеечки
И подносит мне чару зелена вина».
Сама выскочила из-за стола из-за дубовóго
И упала Добрынюшки во резвы ноги:
«Ты прости-прости, Добрынюшка Никитич сын,
Что не по твоему наказу я сделала,
А за смелого Алёшеньку замуж пошла!»
Говорит тут Добрынюшка Никитич сын:
«Не дивую я уму-разуму-то женскому,
А дивую я князю Владимиру,
Что Владимир-князь тут сватом был,
А княгиня Апраксеевна была свахою!»
Говорит тут Алёшенька Григорьевич:
«Ты прости меня, крестовый мой братец,
Что посидел я подле твоей молодой жены,
Молодой Настасьи Никуличны».
И говорит тут Добрынюшка Никитич:
«В той вине тебя, братец, прошшу,
А в другой вине тебя не прошшу:
Когда приезжал ты со чистá поля
Первых ⟨шесть⟩ годов моего отбытия,
То привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича,
Он убит лежит во чистóм поле,
Буйна голова попроломлена,
Могучи плечи испострелены,
Головой лежит через ракитов куст.
Тогда государыня моя матушка
Жалобнешенько по мне плакала,
Слезила она свои очи ясные,
Скорбила она свое лицо белое.
В этой вине тебя, братец, не прощу».
Как схватил он Алёшу за желты кудри
И как выдернет Алёшу из-за стола, из-за дубового —
И ударил его о кирпичен пол.
И тут стало и не слышно ведь,
Что тут хлопанье, что тут оханье — непонятно нам,
Тут он взял свою молоду жену Настасью Никуличну
И пошел он к государыне своей матушки,
И сделалось в ней доброе здоровьице.

№ 123

ДОБРЫНЯ МИКИТИНЕЦ

Отправляется Добрынюшка да во чисто поле,
Он наказывает своей жене Настасьи Микуличной,
Своей матери Офимьи Тимофеевны:
«Уж вы ждите-ко меня да ровно ⟨три⟩ году;
Не приеду если я да через ⟨три⟩ году —
Уж вы ждите-ко меня ровно ⟨шесть⟩ годов;
Не приеду если я да через ⟨шесть⟩ годов —
Уж вы ждите-ко меня ровно ⟨двенадцать⟩ год;
Не приеду если я через ⟨двенадцать⟩ год —
Ты, жена моя Настасья да Микулична,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
За князей поди да за бояринов,
Ты за славныих да за татаринов,
Только не ходи, Настасья да Микулична,
За Олёшеньку да за Поповича.
Ай, Олёшеньку да ведь Попович блад,
Ай, Олёшенька, да мне крестовый брат».
Уезжал Добрынюшка да во чисто поле́.
Уж как год-то за́ год — как река бежит,
А неделя за недельком — как порог шумит,
Еще день-то за́ день — быдто дождь дождит.
Как прошло уж тому времени да ровно ⟨три⟩ году:
Не видать Добрынюшки да со чиста поля.
Стал Олёшенька к Настасьюшке похаживать,
Стал Олёшенька Настасью замуж подговаривать:
«Ты иди, иди за меня заму́ж,
Уж как нет в живых Добрынюшки Микитинца,
Как Добрынюшки головушка да переломана,
Она белым полотенышком да перевязана,
Головой лежит он во ракитов куст,
А ногами-то да во Дунай-реку».
А тут нейдет замуж Настасья да Микулична
За Олёшеньку да за Поповича.
Еще год-то за́ год — как река бежит,
А неделя за недельком — как порог шумит,
Еще день-то за́ день — быдто дождь дождит.
Прошло уж тому времечки да ровно ⟨шесть⟩ годов —
Не видать Добрынюшки да со чиста́ поля.
Стал Олёшенька к Настасьюшке похаживать,

Стал Олёшенька Настасью замуж подговаривать.
Все нейдет замуж Настасья да Микулична
За Олёшеньку да за Поповича.
Год-то за́ год — как река бежит,
А неделя за неделей — как порог шумит,
Еще день-то за́ день — быдто дождь дождит.
Как прошло уж тому времени ровно ⟨двенадцать⟩ лет.
Опять стал Олёшенька к Настасьюшке похаживать,
Стал Настасьюшку да замуж подговаривать:
«Ты поди, Настасья жа Микулична, за меня замуж,
Уж как нет в живых Добрынюшки Микитинца,
Уж Добрынюшки головушка переломана,
Белым полотенышком перевязана,
Головой лежит во ракитов куст,
А ногами лежит во Дунай-реку».
Тут пошла замуж Настасья да Микулична
За Олёшеньку да за Поповича.
А заплакала тут мать Офимья Олександровна:
«Закатилося да красно солнышко,
Закатается да блад светел месяц».
Повели оны пер да свадебку.
А птицки-пташечки да перелетывают,
Уж как весточку да перенашивают.
Говорят Добрыне да таково слово:
«Поезжай-ка, добрый мо́лодец, да в свою сто́рону,
А твоя жена, Настасья да Микулична, заму́ж пошла
За Олёшеньку да за Поповича».
Приезжал Добрыня в свою сторону,
В свою сторону да к своей матери.
Не узнала его мать, Офимья Олександровна.
Говорит Добрынюшка да таково слово:
«Ты, Офимья Олександровна,
Я видал твого сына да Добрынюшку Микитинца,
Он велел сходить мне в погреба глубокие,
Велел взять гуселышки яровчаты,
Он велел сходить на пер, на свадебку
Ко его жены Настасьи да Микуличны».
Тут сходил Добрынюшка Никитинец,
Уж сходил он в погреба глубокие,
Уж он взял гуселышки яровчаты,
Приходил на пер, на свадебку.
Уж как сел он на кирпичну белу печеньку,
Заиграл в гуселышки яровчаты,

Уж как все тут на пиру поразвеселилися,
Уж как все тут на пиру порасплясалися.
Говорит Олёшенька да тут Попович блад:
«Вы налейте чару зелена вина,
Поднесите да ко добру молодцу».
Наливали тут чару зелена вина,
Подносили чару добру молодцу.
Говорит Добрыня таково слово:
«Ты, Олёшенька да ведь Попович блад,
Ты позволь мне поднести, кого я люблю!»
Подносил Добрынюшка Никитинец
Он своей жены Настасьи да Микуличной:
«Ты, Настасьюшка да Микулична,
Ты испей до дна — так увидишь добра,
А как не выпьешь ты до дна — дак не увидишь добра!»
Она выпила да ведь до донушка,
До донушка, да она до́суха,
И увидала там она да свой злачен перстень,
Как которым она да обручалася
Со Добрынюшкой да со Микитинцем.
Говорит она да таково слово:
«А не тот мой муж, который за столом сидит,
А уж тот мой муж, который у́ стола стоит!»
Взяла Настасьюшка Добрыню за белы руки
И целовала тут его в уста саха́рные.
А уж как взял Добрынюшка Олёшу за желты кудри,
Стал Добрынюшка Олёшеньку поваживать,
Золотым копьем да стал похлестывать,
Сам умильные слова стал выговаривать:
«Не тому дивую, кто заму́ж идет,
А тому дивую, кто заму́ж берет —
От живого мужа жену о́тобрал!»
Как Добрынюшка с Настасьей хорошо живут,
А Олёшеньке Поповичу славы поют.

№ 124

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

А как во городе да во Киеве,
А во том селе да Карачарове
Проживал там да Добрыня Никитич

Со своей матушкой
Да чесной вдовой Ненельфой Алексеевной.
Жил он в горесте да в сиротестве,
С юных лет не видал он родного батюшки.
Когда сполнилось Добрыни восемнадцать лет,
Вот он взял себе в супруги Настасью Никулишну,
Прожил он с супругой со Настасией Никулишной двенадцать лет.
Вот однажды Добрыня Никитич порасплакалси да поразгневалси
На свою родну матушку Ненельфу Алексеевну.
Говорил Добрыня своей матушке таковы слова:
«Ай же ты, моя родна матушка Ненельфа Алексеевна,
Наделила ты меня да несчастьицем,
А несчастьицем да неучастиюм,
А наделила только силой богатырскою:
По чистому полю да мне проезживать,
А невинну кровь да пробрызгивать,
Малых детушек да обсиратовать».
Говорила тут Добрыни родна матушка:
«Не плачь, не плачь, Добрыня-сын,
Малы детушки ведь да повырастут
Без отца они и без матушки,
А не скорби-ко ты, мое чадо милое,
И не обидись родну матушку».
Говорил Добрыня таковы слова:
«Предстоит мне, добру молодцу,
Выезжать да в чисто полюшко,
В чисто полюшко, да широкое раздольице.
Оставлять мне нужно да молоду жену
Настасью Никуличну на произвол судьбы
И тебя, моя родная матушка,
Может больше с вами не увидимся!»
Тогда родна матушка порасплакалась:
«Ах ты, чадо мое милое,
Красно солнышко и бело светушко,
А стена же ты городовая,
Далеко ли ты, Добрыня сын Никитич,
Отправляешьси да снаряжаешьси?»
Говорит Добрыня таковы слова:
«Нынь поеду я во чисто поле,
А искать себе да поединщика».
Говорит Добрыня родной матушке:
«Ай же ты, моя родна матушка,
Ты сходи-ка во погреба глубокие,

Принеси-ка мне-тка латы богатырския
И еще доспехи молодецкие,
Принеси-ка мне копье долгомерное и да пудовую палицу».
Вот приносила ему матушка все доспехи богатырские.
Тогда Добрыня Никитич-сын пошел в табуна да заповедные
Выбирать коня да богатырского.
Выбрал он себе Бурошка косматого,
И достал он себе уздечко тесмянную,
С поводами она была шолковыми.
Достал себе седло серкальское
И начал седлать своего Бурушко косматого:
Он потнички кладал на потнички,
А войлычки — да на войлочки,
А на войлочки — седельце черкальское,
А подпруг вязал до двенадцати,
А тринадцату продольную —
А не для ради красы-басы,
А ради крепости богатырскую.
Вызыват Добрыня Никитич свою супругу Настасью Никитичну:
«Вот даю тебе наказ, молода жена Настастья Никитишна:
Нонь поеду я во чисто полё, искать себе поединщика —
Дожидай меня до трех годов;
А через три года не буду — дожидай до шести годов;
А как не буду я через шесть годов —
Дожидай меня до двенадцать лет.
А через двенадцать лет не буду —
Хоть вдовой живи, хоть взамуж иди,
Только не ходи взамуж за Олёшу за Поповича,
Он мой меньшой подкрестовый брат».
И распростился он тут с родимой матушкой
И молодой женой Настасией Никулишной.
Тут садился он на добра коня, Бурушка косматого,
И выезжает он из пределов родной матушки.
Видли добра молодца сядучи,
А не видели поедучи —
По чисту полю только пыль пошла одна
Из копыт лошадиноя,
Только куревка во полюшке прокуривала.
Тут увидел Добрыня:
Во чистом поле стоит там белой шатер,
И направил он Бурушка косматого.
Подъезжает он ко белу шатру.
У того шатра стоит добрый конь,

Ест пшеницу он да белоярову.
Вот слезат Добрыня со добра коня
И пускает своего Бурушка к стоялу чужой лошади:
«А ну-ко, кони, вы побратуйтесь!»
Вот пришел тут Бурушка косматенький
К стойлу этой лошади
И отогнал от стойла лошадь вражескую.
Тогда Добрыня видит — дело ладное,
Его лошадь победила лошадь незнакомого.
Тогда входит он во белой шатер
И видит он там всадника неизвестного.
Вынимает он булатну палицу пудовую,
И замахнулся он над витязом.
А потом Добрыня пораздумалсе:
«Не есть здесь честь-хвала добру молодцу
Мне сонного бить, словно мертвого».
Когда ехал он, с дороги приумаялся,
И ложится он рядом с витязом,
И заснул он крепким богатырским сном.
Вот просыпается тут молодой витязь,
И увидел он: рядом с ним лежит незванный гость,
Незванный гость и не прошанный,
Без спросу он зашел во белой шатер.
Выходит витязь из бела шатра,
И видет он, что тут дела неладные:
Его лошадь ходит по чисту полю,
Оборвала поводия шелковые,
А чужой добрый конь есть пшеницу белоярую.
Рассердился тут удалый молодец,
И входит он в шатер белополотненое,
И поднял он свой булатный меч
Над гостем он да незванным,
И хотел срубить ему голову.
«Не есть тут честь-хвала добро молодцу
Сонного бить, словно мертвого.
Некуда он от меня не денетсе».
Вот садится добрый молодец за дубовый стол,
Достал он себе вина медвянные
И закуски сахарные.
Закусил он и силой призаправился.
Вот тогда Добрыня просыпается.
«Не есть тебе честь-хвала
Без спросу заходить во белой шатер

48 Зак. 3948

И ставить своего коня к стоялу лошадиному.
Экой ты нахал, мужик-деревенщина!»
Тут встает Добрыня на резвы ноги,
И говорит Добрыня таковы слова:
«Не есть честь-хвала тебе, добру молодцу,
Во-первых бы ты расспросил меня:
„Что ты коёй земли, да коёй орды,
Как зовут меня, добра молодца,
И величают меня по отечеству?"»
Тогда витязь начал Добрыну спрашивать:
«Откуда есть, добрый молодец?
Какой земли ты да какой орды?
Коего отца да какой матери?
Как зовут тебя да по имени?
Величать тебя по отечеству?»
Вот тогда Добрыня стал рассказывать:
«Я из города из Киева,
Из того сёла Карачарова,
Зовут меня Добрыний,
А по отечеству величать Никитичем».
Вот тогда добрый молодец позадумался,
Садит ёво за дубовый стол,
За явства за сахарные, за питья за медвянные.
Закусили они тут. Тогда Добрыня говорит ему:
«Я зашел сюда не гостить к тебе,
Я ищу себе поединщика,
А ты, удалый добрый молодец, оскорбил меня,
Назвал мужиком-деревенщиной,
А за это я не прощу тебе.
Сядим мы на добрых коней,
И поедем мы во чисто поле,
Свои силы мы изведаем».
И вот садились они на добрых коней
И поехали во чисто поле.
Во чистом поле там разъехались,
Нанесли удары друг другу тяжелые —
От ударов земля содрогнулосе,
Буйны лесы к земле приклонилисе,
У Добрыни конь на колени пал.
Тогда сходил Добрыня с добра коня,
Розмахнул он своей палицей
И ударил добра молодца,
Он сшиб с седла храброго витяза

И в грудь вонзил копье долгомерное.
Тут взмолился доброй молодец:
«Не добивай меня, Добрыня, до смерти,
Буду я твоим меньшим братом!»
Тогда Добрыня сжалилсе, и берет он витяза за руку,
Поднимат на ноги резвые.
Вот поехал Добрыня во чисто полё,
Раскинул он шатер белополотненый.
В шатре своем он есть да пьет, да наслаждается.
День за днём — как дождь дождит,
А неделя за неделей — как вода течет.
Прошло тое времечки ровно три года —
А не видать Добрыни со чиста поля
Своей родной матушки
И молодой жены Настасии Никулишны.
Вот в эту пору, в это времечко
Стал подхаживать Олёша Попович к Настасии Никулишны,
И стал Олёша замуж подговаривать:
«Ты пойди-тко, пойди, Настасия Никулишна,
Пойди замуж за Олёшеньку Поповича!»
Тогда говорила Настасия Никулишна таковы слова:
«А не пойду я, не пойду и не подумаю —
У меня есте Добрыня Никитич,
Он велел мне ждать до трех годов,
А „через три года не буду" —
Велел ждать двенадцать годов».
Говорит Олёша таковы слова:
«Твоего Добрыни Никитича живого нет,
Мы вчерась в чистом полюшке поразъехались,
И я убил твоего Добрыня Никитича:
Лежат ноженьки по дороженьки,
Голова свернута под ракита куст,
Скрозь пальцы ёво проросла трава-мурава!»
Тогда говорит Настасья Никулишна:
«Что-то мне да не веритце,
Чтоб ты убил Добрыню Никитича».
На этот раз она отказалася от Олёши Поповича:
«Не пойду я, не пойду и не подумаю!»
Вот день за днем — как дождь дождит,
А неделя за неделей — как вода течет,
Прошло тому времечки ровно шесть годов —
И не видать Добрыни со чиста поля,
Нет не весточки, не грамотки от Добрыни от Никитича.

Вот тогда Настасия Никулишна позадумалась:
«Наверно, нет жива Добрыня Никитича».
Тут вторично подходит Олёшенька Попович,
И стал Настасию Никулишну себе
В супружество посватывать,
И стал Настасию подговаривать:
«А ты пойди-тко, пойди, Настасия Никулишна,
Замуж за Олёшиньку Поповича,
Я еще тебе раз да поведаю,
Что твоего Добрыни Никитича живого нет».
Вот тогда Настасия Никулишна согласилася
Идти замуж за Олёшеньку Поповича.
И обменялися они именными перстням.
Наруши́ла Настасия Никулишна
Заповедь Добрыни Никитича.
Вот тогда Олёша Попович собирает почестен пир.
Вот съезжаются на пир князья, бояре, вельможи
И музыканты заграничные.
Вот тогда Настасия Никулишна
Одевает платье цветное
И собирается на почестен пир.
Приходит она на почестен пир
С няньками и служанками,
И ведут Настасию Никулишну на почестной пир,
И посодили Настасию Никулишну
Рядом с Олёшинькой Поповичем.
Вот походит пир тут по первый день.
Вот прошло того времечки ровно девять лет —
А не видать Добрыни со чиста поля,
Он во чистом поле, да во белом шатре,
Есть да пьет да прохлаждаетця,
А над собой невзгодушки не ведает.
Вот прилетела птичка вещая
И приносила Добрыне грамотку:
«Уж ты гой еси, добрый молодец,
Добрыня ты да Никитич ты,
Уж ты ешь да пьешь да наслаждаешьси,
А над собой невзгодушки не ведаешь:
Ведь твоя Настасия Никулишна
Запросватала свою головушку за Олёшиньку за Поповича,
Идет уж пир да по первый день,
А доходит пир по остатней день».
Вот тогда Добрынюшко призадумался,

Седлал он своего коня доброго,
Одевал доспехи, латы богатырские,
И скочил на своего Бурушка косматого,
Незаузданного и незаседланного.
Направил он коня доброго ко городу ко Киеву.
Приезжает он к родной матушки
И говорит он родной матушки таковы слова:
«Ай же ты, моя родна матушка,
Сходи-ка ты во погреба глубокие,
Принеси-ка мне-ка цветны платья скомороховы
И шляпу Земли Греческой,
Принеси гуселышко яровчатые!»
Вот приносила ему матушка платия скоморошское
И шляпу Земли Греческой, и гуселышко яровчатые.
Одевал Добрыня платья самоцветное,
Взял шляпу Земли Греческой и гуселышко яровчатые,
И завернул он шляпу и гуселышко яровчатые в скатерть грязную,
На себя одел одежду рванную,
И сокрутился он каликою перехожею.
И пошел Добрыня на почестен пир.
Вот приходит он на почестен пир,
Он крёст кладет по-писанному,
А поклон ведет по-ученому,
На пиру он тут да раскланялся на все четыре стороны,
А князю Владимиру особенно.
Вот дадут ему место любимое,
Где бы жоны он пожаловал.
Он попросил место на кирпичной печечке,
На лежаночке.
Вот подносят ему поесть, попить —
Добрынюшка ничего не взял,
Сидит и смотрит сурово на Олёшиньку Поповича.
И вот развязывает он скатерть грязную
И достает гуселушко яровчатые.
Заиграл Добрыня в гуселышко яровчатые:
Как поведет Добрыня вниз по струночкам,
Так называет в городе каждого по имени,
А как поведет смычком кверху по струночкам,
Так величат каждого по отечеству.
Тогда Владимир-князь призадумалсе:
«Такой игры некто не знал,
Только знал эту игру Добрыня Никитич,
И еще знал эту игру молодой Ставер сын Годинович».

Тогда Владимир, князь киевский,
Стал просить калику перехожую
За дубовый стол за княжеский.
Вот встает Добрыня на резвы ноги
И садится он за дубовый стол
Против Настасии Никулишны и Олёши Поповича.
И попросил Добрыня у князя Владимира,
Чтоб налили две чары зелена вина.
И налили две чары зелена вина,
Это было все исполнено.
Вот берет Добрыня чару зелена вина
И опускает в чару свой именной злачен перстень
И подает эту чару Настасии Никулишны:
«Если хошь добра — так выпивай до дна,
А не пьешь до дна — не видашь добра!»
Вот приняла чару Настасия зелена вина —
Увидала в чаре именной перстень Добрыни Никитича.
И говорила тут таковы слова Настасия Никулишна:
«Не тот мой муж, который рядом сидит,
А тот мой муж, который против сидит!»
Вот тогда Добрыня попросил чару зелена вина,
Весом чара — полтора пуда,
А мерой чара — полтора ведра.
Вот налили чару зелена вина
И поднесли Добрыни Никитичу.
Принимал Добрыня чару единой рукой,
Выпивал он чару на один свой дух,
Еще тут же он запохаживал,
Веселёшенько да поговаривал.
Снял он грязно кафтанишечко —
Тут узнали Добрыню Никитича,
И все на пиру испугалися.
Вот подходит Добрыня к Олёши Поповичу,
И говорит Добрыня таковы слова:
«А женю тебя, добрый молодец, по-своему!»
Вот берет Олёшу Поповича за желты кудри,
И выводит он на широкий двор.
Стал Олёшиньку он потряхивать,
Стал Олёшиньку да подцевать,
С ноги на ногу перепиновать.
Тут Олёшинька запинается,
У Добрыни он да прощается:
«Прости меня, мой старший брат Добрыня Никитич,

Вперед навеки я да закаюся
Замужних жен брать в супружество!»
Тут Олёшенька порасплакался
И говорил Олёша таковы слова:
«Всякий на свете женитсе,
Но всякому женидьба даваетсе,
Как Олёшиньки да Поповичу!»

№ 125

ДОБРЫНЯ И ОЛЁША

Вот Добрынюшка матушке говаривал:
«Уж ты свет ты, государыня моя матушка,
Ты, чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Ты за што меня, несчастного, спородила?
Ты спороди́ла меня — не заморозила,
Вот здымала бы на гору Сарофимскую,
Попецатала слезма горюцима,
Вот кидала в тое морюшко Турецькое,
Я лежал бы там, Добрыня, место камешка,
Я не видел бы, Добрыня, свету белого,
Вот не слышал бы я звону колокольного
И того пенья церковного,
Не ходил бы я, Добрыня, по Святой Руси,
Не губил бы я, Добрыня, жен молодыих,
Не сиротал бы я малых детушек».
Говорила тут чесна вдова Омельфа Тимофеевна
Своему сыну Добрыне свет Микитиньцу:
«Если б знала я твое бы спороженьице,
Я спородила тебя бы, добра молодца,
Я богачесьвом в купца в новгороцького,
Я бы силушкой в боґа́тыря купецького,
Я бы смелостью в Алёшеньку Поповица,
А походоцькой в Чурилушку Пленковица».
Вот Добрыни эты речи не слюбилися.
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя да был Добрыня поскурешенек.
Вот скакал-то ли Добрыня на резвы ноги,
Обувал сапоженьки на босу ногу,
Надевал кафтани́шко на одно плецё,
Вот кладывал шапцёнку на одно ухо.

Вот скакал на конюшню стоялую,
Вот на ту конюшню лошадиную,
Вот брал Добрыня доброго коня,
Вот накладывал войлуцьки на войлуцьки,
Вот кладал сиделки на сиделоцьки,
Вот двенадцать ремней подтягивал,
Златом-жемчугом Добрынюшко обкладывал
Не ради красы-басы — ради крепости,
Ради силушки-могуты богатырскоей.
Вот молода жена Настасья да Микулицна
Вот сидит да за столамы за дубовыми,
За скатертями за шелковыми,
Коль за кушаньями да за медовыми,
Она ест и пьёт да прохлаждается —
Над собой невзгодушки не нацяется.
Вот приходит тут цесна вдова Омельфа Тимофеевна
К молодой жене Настасьи да Микулицны:
«Молода жена Настасья да Микулицна,
Ты сидишь за столом за дубовыим,
Как за скатертями за шелковыма,
Как ты ешь да пьёшь да прохлаждаешься —
Над собой невзгодушки не надеяссе».
Уежжает как Добрынюшко да свет Никитинец
Как во тое во чисто поле́,
Как во тое ли во раздольице.
Через шесть годов стал Алёшенька подхаживать,
Молоду жену Настасью стал подговаривать:
«Молода жена Настасья да Микулишна,
Ты добром ли идешь — так добром возьму,
А добром не идешь — так я силом возьму.
Аще видли мы Добрыню убитого,
А головушкой под кустышек сунитого».
Говорила тут Настасья да Микулицьна
Как тому ли Алёшеньки Поповицю:
«Аще справила я мужнюю заповедь —
Аще шесть годов я вдовой жила,
Ище справлю вдовинную заповедь —
Ище ⟨шесть⟩ годов да я вдовой живу».
Уж через двянацать лет да стал Олёшенько подхаживать,
Молоду жену Настасью подговаривать:
«Молода жена Настасья да Микулицьна,
Ты идешь ли, Настасья, за меня замуж?
Ты добром ли идешь — так я добром возьму,

А добром не идешь — так я силóм возьму.
Видли мы Добрынюшку убитого,
Вот головушкой под кустышек сунитого».
Молода жона Настасья да Микулицьна
Она послала голубцика с голубушкой:
«Ты лети, лети, голубцик со голубушкой,
Аще сядь-ко, голубцик, на белóй шатер!»
Вот летел, летел голубцик со голубушкой,
Вот и сел же голубцик на белой шатер,
Говорил же голубцик тут голубушки:
«Как сегодня у Настасьи у Микулицьной
Со Алёшенькой Поповицем почетный пир».
Услыхал же Добрыня сын Микитинец,
Прохватилсе от сна да богатырьского,
Был Добр⟨ынюш⟩ка на ноженьку скакошенек,
На себя был Добрынюшка поскорешенек,
Вот скакал ли Добрыня на резви́ ноги́,
Обувал он сапожонки на босу́ ногу́,
Надевал ли кафтанишко на одно плецо,
Кладывал ли шапценку на одно ухо́.
Брал ли Добрынюшка добра коня
От столба ли, Добрынюшко, тоценого,
От колецька, Добрыня, золоцёного,
Вот кладал ли он войлуцьки на войлуцьки,
Вот кладал ли сидёлко на сидельницьки,
Вот двенаццать ли раз ремнем подтягивал,
Златом-жемчугом Добрынюшка обкладывал
Не ради красы-басы — ради укрепости,
Ради силы-могуты да богатырскоей.
Только видли Добрынюшку сядуци,
А не видли добра молодца поедуци —
В чистом полюшки да только пыль стоит.
Ехать бы Добрыни надо три году,
А проехал Добрынюшка в ⟨три⟩ цясу:
Реки, озера Добрынюшка меж ног спускал,
Горы, лесы Добрыня перескакивал.
Вот приехал Добрынюшко с цистá поля́,
Вот с того ли широкого раздольица,
Аще справился Добрынюшка калекою,
Вот калекою прохожей, мимохожею.
Приходил же Добрыня сын Микитинец
Как к цесной вдовы Омельфы Тимофеевной,
Он же кланялся, Добрынюшка, низешенько,

И здоровкался Добрыня жалобнешенько:
«Ты, цесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Ты признала ли своего сына Добрынюшку?»
Говорила Омельфа Тимофеевна:
«Есте калик да вас прохожиих,
Есте калик вас мимохожиих —
Моего сына Добрынюшки Микитинца
Двенаццать лет да во живыих нет!»
Говорил тут Добрыня сын Микитинец
Своей матери Омельфы Тимофеевной:
«Ты сходи-ко на конюшенку стоялую,
Вот на ту ли конюшню лошадиную,
Накорми-ко моего коня ты до́сыта,
Напой-ко моего коня ты до́пьяна».
Побежала тут Омельфа Тимофеевна
Как на ту ли на конюшенку стоялую,
Как на ту ли конюшню лошадиную,
Увидала Добрынюшки добра коня,
Тут узнала по коню да своего сына.
Прибежала Омельфа Тимофеевна
К своему сыну́ Добрынюшки Микитицю,
Она плакала, рыдала жалобнешенько,
Обнимала тута сынушка крепешенько,
Накормила его да она досыта,
Напоила она да его допьяна.
Говорила тут Омельфа Тимофеевна
Своему сыну Добрынюшки Микитицю:
«Ты, Добрынюшка да сын Микитинец,
Как сегодня у Настасьи у Микулицьной
Со Олёшенькой Поповицем почесный пир».
Тут видь справился Добр⟨ынюш⟩ка калекою,
Вот калекою прохожей-мимохожею,
И взял тут Добрынюшка гуселышка
И пошол же Добрыня на поцесный пир.
Закрыцяли робятушка запольныи,
Закрыцяли робята подугольныи:
«Как сегодня у Настасьи у Микулицьной
Со Олёшенькой Поповицем почесный пир!»
Говорил же Добрыня сын Микитинец:
«Не крычите-ко, робятушка запольныи,
Не крыците, робята подугольныи,
Накормлю ли я завтра да вас досыта,
Напою ли я вас да завтра допьяна,

Дам придверницьку да по полтинницьку,
Дам воротницьку да дам по рублицьку!»
Приходил же Добрыня на почесный пир,
Как садился Добрынюшка на прилавок,
Заиграл ли Добрыня во гуселышка —
Молода жона Настасья да Микулицьна
Как сидела за столамы за дубовыма
Со тым ли со Олёшенькой Поповицем,
Вот сказала Настасья Микулицьна,
Что «етому гостю естя три места:
Одно местецько — в большом угли,
Друго местецько — против меня,
Третье местецько — подли́ бока!»
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя-то был Добрыня поскорешенек,
Вот скакал ли Добрыня на резвы ноги,
Вот садился Добрыня за дубовой стол,
Вот ведь налил Добрыня цяру зелена́ вина,
Туда клал да колецько золоценое,
Говорил он Настасьи Микулицьной:
«Если пьешь до дна — дак увидашь добра,
А не пьешь до дна — дак не видашь добра!»
Еще выпила Настасья Микулицна
Эту цяру, Настасья, зелена вина,
Там увидла колецько золоцёное,
И сказала Настасья Микулицьна:
«Как не тот мой муж, которой возли бока,
А тот мой муж, которой супротив меня!»
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя да был Добрыня поскорешенек:
Как скакал Добрыня на резвы ноги,
Брал ли Олёшу за жолты кудри,
Вот кидал ли Олёшу во кирпицьной пол —
Тут ли Алёшиньки славы́ поют!

№ 126

ПРО ДОБРЫНЮ

«Матушка моя родная, чёстна́ вдова Охимья Олександровна!
Дай прощеньице, — говорит, — да дай благословленьицё!» —
«А тебя Бог простит, — говорит, — да Бог благословит,

Пресвятая Мать да Богородица!»
Пришел он на конюшню на стоялую,
Взял он бурушка неезжалого,
А у Бурушка гривушка ⟨трёх⟩ локóт, шёрсточка ⟨трёх⟩ рядов.
А из ушей у него искры сыплютси,
А из ноздрей да чад валóм валит.
И выходит к нему любимá семья,
Любимá семья да молода жена,
Молодá жена да Настасья Микулишна:
«Уж ты муж, мой законной муж,
А молодой Микита сын Добрынивич,
Когды тебя мне ждать, тебя с чистá поля?» —
«А жди, — говорит, — меня да ⟨три⟩ года,
Но я не буду как три года,
Так должно у тебя будет своя воля́,
И хоть вдовой живи, а хоть взамýж поди,
А поди и за князя, и за боярина,
И за русського могучего богáтыря,
А только не ходи за младого Олёшеньку Поповича,
Млад Олёшенька мне брат крестовое да лучше рóдного!»
Видели Микитушку сядучись, а не видели поедучись —
Только во чистом пóли да курева стоит.
День за день — как дождь дождит,
А неделя за неделю — как вода бежит,
Ну и проходит тому времечки три́ года —
А не видать Микиты из чистá поля.
И стал Олёшенька к ей похаживать,
Стал Настасьюшку да уговаривать:
«А вчера я был во чистóм поли,
Видел Микитушку убитого,
Лежит твой Микита о ракитов куст,
От его ли буйной головы травы выросли,
А от его сердца ретивого цветы выросли.
Ты, — говорит, — добром идёшь, так я добром возьму,
А добром не идёшь, так и забоем возьму». —
«А нет, — говорит, — прошло время мужьское,
А наложу я себе время женьское».
Ещё наложила себе три года:
«Как пройдет ещё три года,
Так будет у меня своя воля,
Я хоть вдовой живу, а хоть взамýж пойду!»
Опять день за день — как дождь дождит,
А неделя за неделю — как вода бежит.

Ну и проходит тому времечки три́ года́,
Опять не видать Микиты из чиста́ поля.
Стал Олёшенька к ей похаживать,
Стал Настасьюшку подговаривать,
Стал опять замуж сватать:
«Я вчерась, — говорит, — был в чисто́м поли́,
Видел Добрынюшку убитого,
Лёжит, — говорит, — твой Добрыня о ракитов куст,
От его ли буйной головы травы выросли,
А от сердца ретивого цветы выросли.
Ты, — говорит, — добром идёшь, так я добром возьму,
А добром не идёшь, так и забоем возьму!»
И сдалася Настасьюшка на лясушки,
Вчерася у них была свадебка,
А сегодня у них да почестной пир.
На пиру были пьяны-веселы,
И в поездку́ были князья да бо́яра,
А Владимир-свет да ведь во тысяцкой,
А Опраксия-княгиня сватью бо́льшею.
А конь проговорил язы́ком человическим:
«Ты что спишь, добрый молодец, да просыпаешьси,
А много времечки да ты прохлаждаешьси,
У тя, выходит, — говорит, — любима́ семья,
Люби́ма семья да молода́ жена
Та ли Настасья Никулишна
За молодого Олёшеньку Поповича,
И вчерась, говорит, у них была свадебка,
А сегодня у них да почестен пир.
А на пиру были пьяны-веселы,
И в поездо́чку были князья, бо́яра,
А Владимир-свет да ведь во тысяцкой,
А Опраксия-княгиня сватью бо́льшею!»
А ён выстал, сел на добра́ коня,
Реки да моря перелятывал,
А высокие горы перескакивал,
Ну и приехал к своей матушке ро́дноей:
«Ты чёстна вдова Охимья Олександровна,
Дай мило́стыньку не ради калики перехожеей,
А ради своего Микиты Добрынича».
Старушечка по поясу в окошечко по́глядала:
[«Не моё ль, — говорит, — да тут чадо милое?»]
Наклонила у калики буйну голову,
Увидала она ⟨три⟩ знадебки и изложинки,

И стала сыну говорить:
«У тебя была жена умная да разумная,
За Олёшеньку-то она насилу вышла».
Дак ён одел платьиче скоморохово,
Взял гусёлышко ярóвчаты, пришел ён на свадебку.
Стал в гусёлышко да ён наигрывать,
Да стал в яровчаты натачивать,
Дак отводили ему мистичко под порогом.
Он поиграл, наливали ему вина,
А весом вина — полтора пудá, а мерой вина — полтора ведра.
И принимаё ён да единóй рукой
И выпиваё ён да на едúный дух.
И отволили ему мистичко против молодых на скамеечку.
И опять стал в гусёлышко да наигрывать,
Стал в яровчаты натачивать,
Опять наливали ему вина,
А весом вина — полтора пуда, а мерой вина — полтора ведра.
«Дайте питися, перепитися,
Поднесьти жены Настасьи Викуличной!»
А сам спустил перстень ейной именной в рюмку и говорит:
«Пей до дна — дак увидашь добра,
А не пьёшь до дна — так не видать добра!»
Ёна пила до самого хрустального до донышка
И увидела свой злачён перстень и говорит:
«Не тот мой муж, который возле меня,
А тот мой муж законной,
Который сопротив меня на скамейке сидит!»
(*И выстала.*)
«Не дивуй ты, — говорит, — уму женьскому,
А подивуй, — говорит, — ты уму мýжському,
Своему братцу да ведь крестовому:
От жива мужа да ты, — говорит, — жену берёшь!»
А Микитушка вы́стал да стал похаживать,
А стал Олёшеньку дубинушкой поваживать,
Ну, Олёша кленится да проклинаетси:
«Всякой, — говорит, — добрый молодец женится,
Да не каждому женитьба и сдаётся!»

№ 127

ПРО ДОБРЫНЮ

У князя Владимира стольно-киевского был пир,
Да все князья и бояра сидят.
Дак все-то на пиру да наедалися,
Дак все-то на пиру да напивалися,
И все-то на пиру да порасхвасталиси:
Умный-то хвастает отцом-матерью,
А глупой хвастает малама́ детьми,
А безумной-то хвастает молодой женой.
Дак встал наш Владимир-князь стольно-киевской
И смотрит он в косивьцато окошецко и во чисто поле.
Там не ветры ли сильны развевалиси,
Там не снежки ли белы поднималиси —
Тут все они запечалились, заугрюмились,
Что войско-то едет на них наступать.
«Нам послать ли не послать того Добрыню Никитица?»
Заугрюмился да запечалился тут Добрыня Никитивець,
Да приходил к своей родной матушке:
«Ой же ты, родитель моя матушка,
Свет чесна вдова Намерфа Тимофеевна,
Ты пошто-нашто несчастного споро́дила,
Силою да ты меня несильного,
Красотою ты меня да некрасивого,
Ухваткой меня неухватистого?» —
«Ой же ты, рожено мое дитятко,
Нынецу теперь дак я бы знала спороди́ть
Силою тебя да во Самсонова-царя,
Красотою тебя да во Ивановьского,
Ухваткой — в Олёшу Поповича!»
Еты слова-то не полюбилися Добрыню Никитицу:
Она похинила Добрыню, своего сына,
Похвалила Олёшу Поповича.
Засправлялся да он ехать, да жены наказывал:
«Если трёх годов не приеду, дак до шести жди,
А до шести не приеду, дак до девяти жди,
А девять не буду, дак до двенадцати жди,
А не приеду до двенадцати,
Дак тогда хоть вдовой живи, а хоть взаму́ж поди,
Поди хоть за князя, за боярина,
А не ходи за Олёшу Поповица,
Олёша Поповиц мне крестовый брат,

Крестовый брат падше ро́дного!»
Ну, дак не приехал. Двенадцать годов исполнилось.
Тут стал Олёшенька подхаживать
Да Настасью Микулишну замуж подговаривать.

Ну, дак она стала тут выходить замуж. Ушла от свекрови. А приехал-то Добрыня Никитиць к своей-то матушке, да стал колотиться-то тут у ей. Дак она, вишь ты, сказала: «Отойдите вы, проклятые удолица, кабы был у меня сын Добрыня Никитиць, дак не дошло бы вам над старухой насмехатиси!» Дак сын пришёл к матери, она его узнала и сказала: «Твоя-то жена вышла замуж за того ли Олёшу Поповича, не вини ты своей молодой жены, Олёша взял-то ее на омман как-то!»

Дак скидывал Добрыня Никитиць свое платье дорожное,
Умывался он побелёшенько,
Одевался да он поскорёшенько,
Обувал он сапожки сафьяные —
Окол⟨о⟩ носика да яйцом кати,
А под пятоцку воробей лети
(*Вишь ты, на высоком каблуке были.*)
Брал ён гусёлышка яровчатые,
Пошел он на свадебку на чесной пир,
Ну дак там на пир пришел,
Сел да заиграл в гуселышка яровцатые.
Тут и спомнила Настасья Микулицьна:
«Эдак играл мой Добрыня Никитиць».
И говорила она молодому князю Олёше Поповичу:
«Налей чару вина да полтора ведра,
Поднеси-ко ты веселому гусельщицьку».
Налили вина полтора ведра,
Брал он ца́ру одной рукой,
И выпивал он ца́ру на единой здох,
И говорил он Олёше Поповичу:
«Налей ца́ру вина своей молодой жены».
И положил туда перстень именной и говорит ей:
«Пей, — говорит, — до дна, дак увидашь добра,
А не выпьешь до дна, дак не увидашь добра!»
Ну, дак она выпила до дна,
Там и увидала это место-то.
(*кольцо*)
Тут сказала Настасья Микулицна:
«Не тот мой муж, что со мной сидит,
А тот мой муж, который сопротив стоит».
Ну дак тут, видно, росчитывался Олёша,
Что жену чужу взял.

№ 128

О ДОБРЫНЕ-БОГАТЫРЕ

Как Добрынюшка-то матушки говаривал,
Государыни да он росказывал:
«Уж ты, свет Добрынюшкина матушка,
Ты зачем меня несчастного спородила,
Неталанного на белый свет попустила?
Ты бы выстала на гору Сорокинскую,
Завернула бы в рукавчик меткалинный,
А бросала бы да во сине море,
Во сине море да вместо камешка.
Буйны ветрушки Добрыни б не овеяли,
Добры людюшки Добрыни бы не обаяли,
Черны вороны Добрыни бы не ограяли,
Красно солнышко Добрыни бы не опекло!»
Говорит Добрынюшкина матушка:
«Красотой хотела я тебя спородити
Во того во Осипа Прекрасного,
Щапотой хотела я тебя спородити
Во того Чурилушка Щапленкова,
Силой и ухваткой хотела я тебя спородити
Во того во смелого Олёшеньку Поповича».
Ему тое словечко не во нрав пришло,
Что Олёшенька Попович самый меньший крестовый брат.
Говорит Добрынюшка Никитинец:
«Родна матушка, дай прощеньице,
Дай прощеньице-благословленьице —
Я поеду воевать на тое поле на кровавое,
А на тое боище да рукопашное!»
Унимала Добрынюшкина матушка:
На добром коне Добрынюшка не езживал,
В кованом седле Добрынюшка не сиживал.
Ничего Добрынюшка не спрашиват,
Он вскочил со лавочки брусовоей,
Он взимал обороточку шелковую,
Он сходил в конюшну новорублену,
Он выводил Бурушка косматого,
Он косматого Бурушка лысатого,
Садился тут Добрыня на добра коня,
Он прощался со своей родною матушкой,
С Офимьей Александровной,

49 Зак. 3948

Говорил тут своей жены
Настасьи он Никуличной:
«Пройдет времешки да ровно ⟨шесть⟩ годов,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж пойди,
Только не ходи за смелого богатыря,
За Олёшеньку да за Поповича!»
Видели Добрынюшку сядучи,
А не видли добра молодца поедучи.
День-то за день — будто дождь дождит,
А неделя за неделей — как река бежит,
Год-то за год — как порог шумит.
Но проходе тому времечки да ровно ⟨шесть⟩ годов —
Не видать Добрынюшки с чиста поля,
Со чиста поля, а с того военнова.
Вдруг приходят оттуль весточки нерадостны,
Челобитьица приходят невеселые,
Что убит Добрынюшка в чистом поле,
Его буйная головка поразломана,
Утиральничками призавязана,
Головой лежит да во ракитов куст,
Резвымя ногами — во Пущай-реку.
А Олёшенька Попович, будто сук-то меледенский,
По над оконью подскакиват,
Он Настасью Никуличну да все подсватыват.
Говорит Настасья тут Никулична:
«Я завет жила, а теперь другой кладу.
Я другой кладу — да ровно на ⟨шесть⟩ лет».
На проходе тому времечки ⟨двенадцать⟩ лет —
Не видать Добрынюшки с чиста поля,
Из чиста поля, да с того воинства.
Тут Олёшенька Попович все похаживат,
Он Настасью да Никуличну все подсватыват.
Согласилась Настасья тут Никулична
Идти она да во замужество.
Назначили они тут да почестный пир,
А почестный пир да на ⟨двенадцать⟩ ден.
Тут Добрынюшкина матушка Офимья Александровна
А спускат голубка со голубушкой,
А спускат она да ведь наказыват:
«Вы летите, голубь со голубушкой,
Вы снесите-ко Добрынюшке да весточку,
Что Добрынина жена да замуж пошла
За того за смелого Олёшеньку за Поповича».

Прилетали голубь со голубушкой,
А садились они да на тот-то дуб,
А на тот-то дуб, где Добрыня спит.
Трои сутки спит Добрыня, не просыпается,
Над собой незгодушки не ведает.
Говорят тут голубь со голубушкой:
«Как сегодня-то во Киеве почестный пир,
А почетный пир да ⟨двенадцать⟩ ден —
Как Добрынина жена ведь замуж пошла
За того за смелого Олёшеньку Поповича».
А Добрынин конь да у дуба стоит,
У дуба стоит да все подслушиват.
Как стоптал тут конь да во все ноги,
Срычал тут конь, будто лютый зверь,
Розбудил Добрынюшку Никитича.
Говорит тут голубь со голубушкой:
«Как сегодня-то во Киеве почестный пир —
Добрынина жена да ведь замуж пошла!»
Тут вскочил Добрыня на резвы ноги,
Тут садился Добрыня на добра коня,
Он хлыстат тут Бурушка шелковой плеткой,
Он хлыстат его да промеж ноги,
Промеж ноги хлыстал да промеж задныи.
Стал тут Бурушка да он поскакивать,
А лысатый стал да он попрыгивать,
Он реки и озера спускал промеж ноги,
Он крутыи горочки высоки перепрыгивал.
На войну ехал Добрыня ⟨три⟩ году,
А с войны ехал Добрынюшка ⟨три⟩ часу.
Приезжат ко родноей ко матушки,
Он ко Офимьи да Александровной.
«Ты, моя родная тут ведь матушка,
Уж ты дай мне гуселышка яровчаты,
Я пойду ко крестовому на свадебку».
Говорит Добрынюшкина матушка:
«Уж вы ходите, калеки перехожие,
Уж вы носите вы вести переносные.
Кабы был мой сын Добрынюшка Никитинец,
Вам бы некогда надо мной было смеятися!»
Он вскочил сам в погреба да в глубокие,
Он взимал гуселышка яровчаты,
Он пошел ко крестовому на свадебку.
Приходил он ко крестовому на свадебку,

Он просил тут местечка немношечко.
Отвели ему местечко на запечки.
Тут заиграл ведь молодец в гуселышка,
Свеселился тут да весь похвальный пир.
Пригласили тут молодца за стола да за дубовои,
Наливали ему чару зелена вина.
А спускал тут молодец свой именной перстень:
«Кому знаю чару, тому и поднесу!»
Подносил тут чару к Настасьи да Никуличной,
Говорил он Настасьи да Никуличной:
«Ты пей до дна — увидашь добра,
Не пьешь до дна — не видать добра!»
Она выпила тут чару на единой дух.
Она увидала там свой именной перстень.
Говорит Настасья тут Никулична:
«Не тот мой муж, который сидит подле меня,
Тот мой муж, который стоит насупротив меня!»
Тут брал тут Добрынюшка Олёшеньку за желты кудри,
А бросал Олёшу о кирпичный пол:
«Не дивую я Олёшеньки Поповичу,
А дивую я князю тут Владимиру,
Как недавно в чистом поле с ним виделись!»

№ 129

ДОБРЫНЯ

Жил-был Доб⟨рынюш⟩ка Ми⟨кити⟩ц,
А была м⟨ать⟩ Офимья Олёкса⟨ндровна⟩,
А мол⟨одая⟩ княг⟨иня⟩ Нас⟨тасья⟩ Ник⟨ули⟩цна,
А Доб⟨рынюш⟩ка был сильный и могуч⟨ий⟩ богатырь.
Подъезжал Д⟨обры⟩ня Мик⟨ити⟩ц
На побоище смёртное,
А на туе полё широкого.
А такии-то слова Настасии Микуличне наказывал:
«Поезжаю я на дело ратное,
На побоище смёртное,
Оставляю я тебе слова:
Через ⟨шесть⟩ годов не буду, хоть замуж поди,
Да хоть вдовой живи,
Да только не выходи за этого за бессильного
За Олёшеньку Поповиця».

А тут попрощался-то Добрыня со своей родной матушкой,
А с дорогой Оф⟨имьей⟩ Олёксандр⟨овной⟩
И со своей княгиней Наста⟨сьей⟩ Микулицной.
Тут как видли Д⟨обрынюш⟩ку сядучи,
А не видли Д⟨обры⟩ни поедуци:
Выше лесу поднялся он темного,
А полетел й-он ко облаку ходячему.
Приезжал Д⟨обры⟩ня на тоё полё широкое,
На побоищо смертноё.
А тут-то год-то за год — как река бежит,
А неделька за неделей — как поток шумит.
Как прошло тому времецьки ровно ⟨шесть⟩ годов.
А тут стал Ол⟨ёшень⟩ка П⟨опови⟩ц к им похаживать,
А он стал Настасьюшку замуж подговаривать.
А тут на тое Настасья решилася:
«Я завет-то прожила, да другой проживу».
А тому времецки да и ровно ⟨двенадцать⟩ лет,
А ⟨двенадцать⟩ лет оттуль слыху нет.
Тут как стал-ка Олёшенька похаживать,
А стал Н⟨астас⟩ию М⟨икули⟩цну замуж подговаривать.
А тут пошла Н⟨астас⟩ья М⟨икули⟩цна, понадумаласи,
За того за смелого богатыря Олёшеньку Поповиця.
Выезжал Д⟨обры⟩ня М⟨икитиц⟩
А на том на поле широким,
А на том на полюшке смертноем,
А Д⟨обры⟩ня М⟨икити⟩ц издит, катаетце,
А над собой он горя не начается.
Пострицялись со сильным богатырём,
Со Пасёнком Пасёнковицом.
А говорит Добрыне таковы сл⟨ова⟩
«Што ты издишь, До⟨бры⟩ня, катаессе,
Над собой ты незгоду не нацяессе?
А от живого-то мужа жена замуж пошла!»
Как услышал Д⟨обры⟩ня таковы слова,
Скидывал Д⟨обры⟩ня шляпу пуховую,
А разговор провёл да по-уцоному:
Дак и только издил Добры⟨ню⟩шка по цисту полю,
Что он в полё ехал ровно три году,
А с поля пройехал ровно три цясу.
А приежжал Д⟨обры⟩ня, добрый молодець,
Ко тому крылецьку ко пирёному,
А ко тому столбу да ко тоцоному,
Ко тому колецку забуселому,

А приходил ко своёй матушки Оф⟨имьи⟩ Олёксандров⟨не⟩.
Уж он крес⟨т⟩ клал по-писа́ному,
Поклон-то вёл да по-у̯оному:
«А уж ты здраствуешь, вдова да Офимья Олександровна,
Я заехал к вам да повидатисе:
Недавно с Добрынюшкой видились,
А недавно крестами поменялисе.
А остался Д⟨обры⟩ня во чистом поли,
А остался Д⟨обры⟩ня он жив-здоров,
Приказал Добрыня вам он низко кланятисе».
А тут росплакаласи вдова да Оф⟨имья⟩ Ол⟨ександровна⟩:
«А уж ты... да собака,
Как бы был Д⟨обры⟩ня мой во живности,
И не дошло бы вам да надсмехатисе:
Росказал Ол⟨ёшень⟩ка Попович,
Што убит Д⟨обры⟩ня Микитинец:
Буйна голова да перевязана,
Головой лежит да во ракитов куст,
А буйны ноженьки — во Дунай-реку».
А тут с родной мат⟨уш⟩кой да поздаровкалси,
Рос̯сказал он родной матушке таковы слова:
«То не убит Д⟨обры⟩ня и не ранен,
А находится Добрынюшка жив-здоров».
Говорила Добрыни Ник⟨итинц⟩у:
«Не изди по ц̯исту полю,
А не убивай, Д⟨обры⟩ня, бесповинных головушок,
Да не проливай бы крови да ⟨невинн⟩оёй —
Не вдовели бы молоды жены́,
Не серотали бы да малы детушки». —
«Ох ты, матушка, свет Оле⟨ксандров⟩на,
Ты зац̯им миня, сильного, могуц̯его спородила?
Завернула бы в рукофцы миткали́нные,
Уж ты выстала бы на ту гору́ на Сорокинщину,
А бросила бы Д⟨обры⟩ню во синё море,
Во синё морё, во Турецкоё.
Ах ты, мат⟨уш⟩ка Оф⟨имья⟩ Олекс⟨андровна⟩,
Обери коня во стойло лошадиное,
А насып̯ь пшона да белоярово,
А я пойду к Ол⟨ёшень⟩ки да на почестный пир». —
«Не ходи-ко ты, Д⟨обрынюш⟩ка М⟨икити⟩ц̯,
А у Ол⟨ёшень⟩ки да привратниц̯ьки,
А у ворот стоят да есть придвиреницки!»
Никого Д⟨обрынюш⟩ка не спрашиват,
Он берет да гуселышки да яровц̯яты,

А идет Д⟨обры⟩ня, не спрашивает
Ни у ворот да приворотников
А ни у дверей да придвирников,
А зашел Д⟨обры⟩ня на почестен пир,
А й-он назад пяток скочил на задорек,
Там розыграл-ко гуселышка яровцяты,
А вси ты гости за столами расплясалиси,
Тут-ка брали Добрыню за белы руки,
А вели Д⟨обры⟩ню за столы за дубовые
Да и за скатерти садили за браные,
Наливали Добрыни цяру зелена вина,
А весо́м-то цяра ⟨полтора⟩ пуда,
А мерой-⟨то цяра полтора⟩ ведра.
Говорит Д⟨обры⟩ня такова слова:
«А мне-ка-та налили цяру,
А нонь налейте-ко цяру!»
Подносил Нас⟨тасье⟩ М⟨икулич⟩ной.
А й-он спускал колецко обруцоное,
Обруцяльное, а сам венцальное,
Подносил Н⟨астасье⟩ М⟨икули⟩цной:
«А ты пей-ко, Н⟨астасья⟩ М⟨икули⟩цна,
Ведь всю цяру пей до дна досуха.
Если пьёшь до дна — дак увидашь добра,
А если не пьёшь до дна — не увидашь добра!»
Принимала Н⟨астасья⟩ цяру ядиной рукой,
Выпивала вина на ядиный здох,
За столом пошла с-за дубовыма,
С-за скатертей пошла с-за браныма,
Говорит Настасья таковы слова:
«А глупа баба: волос долог да ум короток.
Муж-то в лес по дрова — жена замуж пошла!»
Тут говорит на то Д⟨обрынюш⟩ка М⟨икитич⟩:
«Не дивую Н⟨астасье⟩ М⟨икулич⟩ной,
А ⟨дивую⟩ Олёши Поповицю!»
Тут-ко брал Д⟨обры⟩ня Ол⟨ёшу⟩ Поповиця,
А й-ово брал за желты кудри,
А повел Добрыня во чисто полё.
Проговорил да Ол⟨ёша⟩ да Поповиц таковы слова:
«А вси-ты на свити люди женеца,
Да не всякому женитьба удаваеца!»
Тут повёл Добрыня в полё турецкоё,
А отсек на плахе буйну голову,
Розбросал кости по полю широкому.
Тут Олёшеньки и славу поют.

№ 130

ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА

Не березонька во поле шатается — Добрыня Микитич у матушки в ногах катается, просит прощеньица воевать ехать: «Матушка моя, честна вдова Амелфа Тимофеевна, дашь благословеньице — поеду, и не дашь — поеду!» Говорит ему мать Амелфа Тимофеевна: «Рада была бы я тебя спородить красотой-то Иосифа Прекрасного (*он, вишь, не порато красив был*), смелотой-то как в Алёшеньку Поповича».

Побежала мать к невестке верёх в терем и говорит: «Ой, богоданно мое дитятко, у нас уезжат Добрыня Никитьевич, иди простись!» Выбежала Настасья Микулична и спросила: «Когда домой приедешь?» Добрыня сказал: «Жив буду и домой прибуду, не буду жив — не вернусь. Проживи ⟨шесть⟩ лет. Исполни мою заповедь, а потом хоть вдовой живи, хоть замуж иди, только за Алёшеньку Поповича не ходи!»

Прожила Омелфа Тимофеевна ⟨шесть⟩ лет и еще ⟨шесть⟩ лет. ⟨Двенадцать⟩ лет прожила, а все Добрыни не видать. А Добрыня где воевал в чистом поли и спал в шатре, а конь копытом бьет, будит Добрынюшку: «Ты, Добрынюшка Никитьевич, спишь — не просыпаешься, а у тебя Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩ замуж пошла за Алёшеньку Поповича!» Встал Добрыня и коню в ноги поклонился. «Ах ты, добрый конь, ты сюда меня вез ⟨три⟩ года, а отсюда вези в три часа».

Алёша Попович говорил Н⟨астасье⟩ М⟨икуличне⟩: «Твой Добрынюшка в чистом поле лежит, глаза повыклеваны!» Амелфа Тимофеевна плакала в своей горнице. Приехал Добрыня домой, сказал матери: «Здравствуй, моя матушка Омелфа Тимофеевна!» Мать не узнала его и говорит: «У моего сына-то были платья светлые, а у тебя звериные». — «Я, матушка, поистаскал цветные платьица, а теперь ношу звериные. Принеси-ка, матушка, платье скоморошечно да гуселышка яровчаты!» Да еще спросил Добрынюшка: «Где ж моя жена, Настасья Микулична?» Мать сказала: «Дитятко, твоя Н⟨астасья⟩ Микулична замуж пошла за Алёшеньку Поповича, а сватом-то князь стольно-киевский Владимир, а сватьей княгиня Апраксия!»

Пришел Добрыня на пер и попросил чашу зелена вина и подал ее Н⟨астасье⟩ Микуличне и говорит: «Пей до дна — видашь добра, а не выпьешь до дна — не увидашь добра!» А на дне перстень имянной. Выпила Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩ чашу и говорит: «Не тот муж, что подле меня сидит, а тот, что против меня стоит!» Перескочила через стол и пала в ноги Добрынюшке: «Прости меня, Д⟨обрыня⟩ Н⟨икитич⟩, что я за Алёшу замуж пошла». — «Я женщин-то не дивую, у женщин волос долог, ум короток, а дивую я князю стольно-киевскому, что был он сватухом, а жена его — свахою», — говорит Добрыня.

Взял он Алёшу за золоты кудри, стал плеточкой похлыстывать. А Алёшенька стал попердывать и сказал: «Всякой женится, да не всякому женитьба удавается!»

Тут только Алёша и женился. «Я за то тебя бил, Олёшенька, что ты мою матушку прослезил, что губил ее личико белое!»

№ 131

ПРО МИКИТУ СЫНА ДОБРЫНОВИЦА

«Матушка да моя ро'дная,
Ты чесна' вдова
Олхимья да Олёксандровна,
Дай прошшеньицо да благословленьицо!» —
«Молодой Микита сын Добрыновиць,
Тибя Бог простит, да благословит,
Да Присвятая Мать да Богородица!»
Ён пришол на конюшенку на стоялую,
Взял он Бурушка да неезжаного.
У Бурушка шорстушка трёх пядов,
Ишше гривушка у Бурушка трёх лукот,
А из ушей у ёго искры сыплюцца,
А из ноздрей у нёго чад столбом валит.
И выходит тут да любима семья,
Любима семья, да молода жена,
Уж не та ли Настасья Микулична.
«Уж ты муж, ты мой законной муж,
Молодой Микита сын Добрынёвич,
Ты когды мне ждать тибя с циста поля?» —
«Уж ты жди миня-то три года,
А я не буду три года,
У тя будё своя воля:
Хоть вдовой живи, хоть замуж пойди!»
Видели Микитушки сядучись,
А не видели куда поедучись —
А во чистом-то поли (*кулева стоит*).
День за день — да как дожж дожжит.
А нидиля за нидилю — как вода бижит.
И проходит тому времецки три года —
Не видать Микиты из чиста поля.
«Поди за князя да за боярина,
А хоть за лучшого да молодого бога'тыря!
Младой-от Олёшенька Поповиц-от,
Брат крестовой, лучше родного!»
Стал Олёшенька похаживать,
Стал Настасьюшку-то подговаривать:
«Я вчерась да был во цистом поли,
Видел Добрынюшку убитого.
Как лёжит Добрыня о ракитов кус⟨т⟩,

От ёго ли буйной головы да трава выросла,
От ёго серца ретивого цветы выросли!»
А ёна говорит: «Прошло три года,
Как ишше пройдет три года,
Дак тогды у миня буде своя воля:
Хоть я вдовой живу, хоть замуж по⟨й⟩ду!»
Опеть день за день — как дожж дожжит,
Нидиля за нидилёй — как вода бёжит.
И проходит тому времецки три года —
Не видать Микита из циста поля.
Стал Олёшенька-то к ей похаживать,
Стал Настасьюшку опеть да уговаривать:
«Я вчерась, — грит, — был да во чистом поли,
Видел Микитушку убитого,
Лёжит твой Микита о ракитов куст.
От ёго ли буйной головы травы выросли,
От ёго ли серца ретивого цветы росцвели!»
Ёна здумала за ёго и пошла замуж,
Вчерась у (й)их была свадебка,
Сёгодня у (й)их — поцесный пир.
На пиру были пьяны-веселы,
А в поезду были князья-бояра:
Владимир-свет да вить в тысяцких,
А Опраксея-княжна — сватьей большею.
А ёго конь проговорил языком чиловеческим:
«Ты что спишь, доброй молодец,
Много времени прокложданесьси?!
У тибя дома выходит любимая жена,
И не та ли Настасья Викулична
За младого Олёшеньку Поповица.
Вчерась у (й)их была свадебка,
Сёгодня у (й)их да поцесный пир.
На пиру были пьяны-веселы,
В поезду были князья-бояра,
А Владимир-свет да вить во тысяцких,
Опраксея-княгиня — сватью большеёй!»
Ён садился да на добра коня,
Моря да озёра да перелятывал,
Высоки горы перескакивал.
И пришол, а жона только свадьбу сыграла.
Пришол к матери ко родимоя:
«Матушка моя родная,
Ты чесна вдова Олхимья Олёксандровна,

Дай милостинку не ради калики,
Не ради калики — ради своёго сына Добрыни Микитушки!»
Старушка по пояс во окошко поглядила:
«Не мое ли тут да чадо милоё?»
Увидали ёна дви изадебки изложины,
Наклонила у калики буйну голову.
⟨...⟩
Стала сказывать, что жона была умная-разумная.
Надел платье скоморохово,
Взял гуслёнышко яровчато.
Ён пришол — отводили ёму мистецко,
Стал гусёлушки натацивать.
Наливали ёму весела вина,
А мерою вина — полтора вёдра́,
А весом вина — полтора пуда́.
Принимаё ён да ёдиной рукой,
Выпиваё ён да на ёдиный дух.
Стал гусёлышком ён наигрывать,
Стал яровчаты ён натацивать.
Отводили ёму мисьтицка
И наливали ёму весом полтора вёдра,
А мерою — полтора вёдра.
«Дай мни питиси да пирипитиси!»
Сам спустил ейный перстень ⟨*нрзб*⟩
«Унести молодой Настасьи Викуличны!» —
«Пей до дна — так увидши добра,
А не пьёшь до дна — так не видеть добра!»
Ёна пила до самого хрустального до донушка.
«Не дивуй-ко ты уму женьскому,
А дивуй-ко ты уму муському!
Не тот мой муж законной, которой со мной,
А тот, которой против миня!» ⟨...⟩
Стал Микитушка Олёшеньку дубинушкой повaживать.
Олёша клянёци да проклёняетц⟨и⟩.

№ 132

ПРО ДОБРЫНЮ

Досуль Добрынюшка матушке говаривал:
«Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна,
А дай-ко мне прощеньицо, а дай благословеньицо,

Мне-ка съиздить во чисто поле поляковать».
Потом она ему и говорит:
«Ах же ты, Добрынюшка Микитинец,
Не на то я тебя воспородила,
Что издить по чистым полям да поляковать,
А на то я тебя спородила,
Что жить дома да крестьяновать». —
«Ай же ты, родна моя маменька,
Хоть ты дашь прощенья — поеду я,
А хоть не дашь прощенья — все равно поеду я».
Воспроговорит его любима́ семья,
Настасья Микулична:
«Ай же ты, Добрынюшка Микитинец,
Куда же ты поезжаешь,
А на кого меня оставляешь?»
И воспрого́ворит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же ты, моя любима семья,
Настасья Микулична,
Уж ты год жди, другой жди,
А ты жди меня ровно три года́,
А потом хоть вдовой живи,
А хоть взамуж пойди,
Только не ходи замуж за Олёшу Поповича,
Олёша Попович — мне крестовой брат,
И Илья Муромец — мне подкрестовый брат!»
Оседлал тут Добрыня своего коня доброго,
Дак тут видли Добрынюшки сядучи,
А не видли добра молодца поедучи.
Потом воспроговорит Офимья Олександровна,
И его родна матушка:
«Как пекло, пекло красное солнышко,
А сразу вдруг оно поблекнуло!»
Как поехал Добрынюшка Микитинец во чисто поле,
Дак день-то за денем — быв трава растет,
А год-то за годом — быв ре́ка бежит.
Вот прошло того времечки ровно три году —
Нет ни весточки, нет ни грамотки,
Пришла весточка, пришла грамотка,
Пришла грамотка — весть нерадостна,
Что убит лежит Добрынюшка в чистом поли:
Ручки-ноженьки поразломаны,
Буйной головой под кустом лежит.
Как под тым кусточком ракитовым

Выростала трава шолкова,
Росцвели цветы лазоревы.
Дак тут стали богатые богатыри подхаживать,
Настасью Микулицну подсватывать.
Как воспроговорит Настасья Микулицна:
«Уж я прожила заповедь мужнюю,
А наложу я еще заповедь женьскую,
Проживу я еще три году!»
Год-то за годом — быв река бежит,
Год-то за годом — быв трава растет.
Ну и прошло того времени ровно шесть годов —
Нет ни вестоцки, нет ни грамотки.
Пришла вестоцка, пришла грамотка,
Пришла грамотка, весть нерадостна,
Что убит лежит Добрыня во чистом поли́:
Руки-ноженьки розломаны,
Буйной головой под кустом лежит.
Как под тем кустом ракитовым
Выростала трава шолкова,
Расцвели цветы лазоревы.
Тут как стали опять богатые богатыри похаживать
И Настасью Микулицну подсватывать.
Дак понаумилась Настасья Микулицна замуж пойти
За того за смелого Олёшу Поповича.
Ну, как честным пирком да и за свадебку.
(*Уже верно ее туда и увезли.*)
Так вот приходит калика перехожая, калика переезжая
К Офимье Олександровне:
«Ай жо ты, Офимья Олександровна,
Подай-ко мне-ка милостыньку Христа ради,
Помяни-ко ты Добрынюшку Микитинца!»
Ну и подала тут Офимья Олександровна
Калики перехожия, калики переезжая
Милостыньку по Добрынюшке Микитинцу.
Вот пошел тут калика перехожая
Во путь, во дороженьку.
Тут стретается калики перехожую, калики переезжую
Добрынюшка Микитинец на своем кони доброем.
Ну вопроговорит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же ты, калика перехожая,
Скидывай-ка свои труньишка-рябаньишка,
Одевай-ка мои цветные платьица
И садись-ко на добра коня!»

Тут калика срадовалася,
Скинула с себя быстро труньишка-рябаньишка,
Одевала его цветные платьица
И садилася на добра́ коня.
Пришел тут калика перехожая, калика переезжая:
«Ай же ты, Офимья Олександровна,
Подай мне милостыньку по Добрынюшке Микитинцу!»
А воспроговорит Офимья Олександровна:
«Ай же ты, калика перехожая, калика переезжая,
Как бы был у меня Добрынюшка Микитинец,
Не дошло бы тебе надо мной насмехатися,
По двожды, по трожды ко мне в день ходить!»
Воспроговорит Добрынюшка Микитинец:
«Ай же ты, родна моя маменька,
Офимья Олександровна,
Как сходи-тко ты во глубок погреб,
Да принеси-ко ты мне гуселышка яровчаты
Да дубину подорожную во сорок пуд!»
Дак тут Офимья Олександровна срадывалася,
Дак она пошла, недолго притащила ему.
Как тут пошол Добрынюшка Микитинец
На почестный пир, да на широкий двор,
Дак сел тут Добрынюшка Микитинец
К порогу на скамеечку,
Стал ен во гуселышка поигрывать.
Воспроговорит Настасья Микулична:
«Налейте-ко калики перехожия
Чару зелена вина — полтора ведра,
Чару зелена вина — весом полтора пуда».
Подносили ему чару зелена вина,
Принимал ен чару единóй рукой,
И выпивал ен чару на единый вздох.
Тут калика перехожая скомандовал:
«Налейте-ко вы чару зелена вина,
Зелена вина — полтора ведра, весом — полтора пуда,
Кому знаю, тому поднесу!»
И спускал туда Добрынюшка свой злачен перстень,
Подносил тут княгины Настасьи Микулицной.
«Если хошь добра — дак пей до дна,
А не хошь добра — дак не пей до дна!»
Принимала ена единой рукой,
Выпивала чашу на единый вздох
И увидела там свой злачен перстень.

Воспроговорит княгиня Настасья Микулицна:
«Не тот мой муж, который возле меня сидит,
А тот мой муж, который супротив меня стоит!»
Как тут взял Добрынюшка Микитинец
Свою дубину подорожную,
Как тут стал Олёшеньку Поповича
По спинушкам подрачивать
Да за желты кудри поваживать.
Дак тут вси на пиру разбежалися.
Дак воспроговорит тут Олёшенька Попович:
«Кажный-то женится,
А не кажному женитьба удавается!»

№ 133

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ, НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА И АЛЁША ПОПОВИЧ

Добрыня матери говаривал;
«Уж ты, свет моя родитель матушка,
Офимья Олександровна,
Ты нашто меня несчастного спородила!» —
«Не такого я хотела тебя спородити,
А хотела тебя спородити
Красой-басой во Осипа Прекрасного,
Силой-храбростью да в Илью Муромца».
А Добрынюшке слово в запреку пришло,
В запреку ему пришло великую.
Поезжал Добрынюшка во чисто поле,
Во чисто поле он полековать.
Говорил Добрыня молодой жены:
«Настасьюшка да ты Никулична,
Ты чего ж сидишь за прельцами точенама,
За узорошками да за мудренама,
Ты не знаешь, верно, моей невзгодушки:
Дак поеду я да во чисто поле,
Во чисто поле да я поляковать!»
Брал Добрынюшка да себе палицу,
Эту палицу да во сорок пуд.
«Настасьюшка так ты Никулична,
Как поеду я да во чисто поле,
Как проезжу я да ровно шесть годов,

От шести годков да до двенадцати,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж иди,
Только не ходи, Настасьюшка, за Олёшу Поповича,
За моего ли брата крестового!»
Он взял добра коня неезжаного,
Взял плеточку он не хлыстану,
Да кладывал он седелышко черкальное,
Не ради красы-басы молодецкие —
Ради крепости богатырское.
Садился й-он да на добра коня,
Видали седучись, а не видали поедучись.
Под Добрыней конь быстро бежал,
Реки и ручья дак перескакивал,
Озера дак тыи перемахивал.
Въехал Добрынюшка во чисто поле,
Там столько стоит воинства —
Так некуда пасть пороху.
Как пошел Добрынюшка полековать,
Куда махнет — так полосой лежат,
Перемахал — целой улицей!
И прошло времячки ровно шесть годов,
От шесть годов так до двенадцати,
И к Настасьюшки ко Микулишны
Стал Алёшенька так похаживать
И к замужеству подговаривать.
Она и задумала за его итти,
За Олёшеньку за Поповича.
У Добрыни была небольшинна скоморошинька,
То был крестничек.
И говорит он: «Погоди-ка я съезжу во чисто поле,
Соберу его хоть косточки».
Ну, и уехал этот крестничек.
Приезжат он во чисто поле,
А Добрынюшка лошади наказывал:
«Если приедут кто, бей копытом о сыру землю
И буди меня со крепкого сна».
И будит конь Добрыню от крепкого сна,
Бье копытом о сыру землю.
Пробудился ведь Добрынюшка да добрый молодец,
А сидит ведь его да молодой крестничек,
Восприемноя да скоморошина.
Говорит Добрынюшка Микитиниц:
«Ой здорово ты, да мой крестнитко,

Ой чего да ты сюда приехало,
Здоровы ли да у меня дома все,
Здоровы ли да слуги верные,
Поздоровы ли да придворнички,
Здорова ли моя родитель-матушка
Офимья Олександровна,
А здорова ли как молода жена
Настасьюшка дак Микулична?»
Отвечает ему крестничек:
«Здоровы твои слуги верные,
По-здоровому твои придворнички,
А здорова твоя родитель-матушка,
Дак Офимья Олександровна,
По-здоровому твоя молода жена
Настасьюшка дак Никулична,
Только походит она во замужество
За Олёшеньку за Поповича,
За твоего братца за подкрестового:
Как сегодне-то у их да пированьице,
А завтра-то у них да столованьице!»
Ну распростился й-он, Добрынюшка,
Со своим крёстником,
Садился он как на добра коня,
И видели его сядучись,
А не видели поедучись.
Приезжал Добрынюшка к своему дому.
Так вси придворнички да приворотнички стоят у ворот.
Й-он придворницков дарил золотой казной,
Кому пясью, а инно пригоршню.
Пришел Добрынюшка да к своей матушке,
Да к честной вдовы Офимьи Олександровны,
Дак тут й-оны да поздоровкалися,
Ну, сказал ей: «Здравствуй, те́тинька,
Нельзя ли у вас ночевать хоть,
Нельзя ли у вас поужинать?»
И приходит ен на честной пир,
Ну, там только стоит стражников, как семь порохов,
Ну, там некуда там ему зайти.
Ну, так ен стражников дарил золотой казной,
Ну, так пропустили его стражники.
И приходит ен на честной тот пир,
Он спросился: «Нельзя ли тут зайти,
А как сяду тут на кирпичну печь,

50 Зак. 3948

Я сяду против князя, против молодой жены».
Дак он как выигрывать-то начал,
Дак она не стала гледеть на Олёшиньку Поповича,
А гледит на гуселышки яровчаты.
«Налейте-ко ему чару вина!» —
«Не буду я пить один, налейте мне стакан
С княгиней молодой и с князем».
Ну, и налили по чарке.
Спустил как ен золотой перстень в ейну цярку
И сказал ей: «Пей, Настасья Микулишна,
Пей до дна, так увидишь добра,
А не выпьешь до дна, так не увидишь добра!»
Ну, оны все трое да выпили.
Увидала она перстень тот
И говорит Олёшиньке Поповичу:
«Да не тот мой муж, кой возле меня сидит,
А тот мой муж, который в гусёлышка играт!»
Дак и стал Добрынюшка на свои ноги,
Говорит Добрыня таково слово:
«Не девлюсь я да по́лку женьскому,
А девлюсь я по́лку муському:
От живого мужа, а жену берешь!»
И говорит Добрыня Алёше Поповичу:
«Как бы ты мне был не братец подкрестовый,
Так я бы взял тебя за одну ногу,
А за другу ногу пораздернул бы!»
Взял Добрыня Настасью Микуличну и пошел.

№ 134

ДОБРЫНЮШКА

Как у солнышка у князя у Владимира
А собран-то был да почестен пир.
Съезжалисе все русские богатыри,
Вси-то на пиру да наедалисе,
Вси-то на пиру да напивалисе.
А говорил Владимир стольне-киевский:
«А кто бы съездил далеко́-дале́ко, во чисто поле,
Проклал бы дорожку прямохожую
К моему ко тестю ко любимому,
К строгому королю Испануйлу Испануйловичу,

Прибил бы тую чудь беломорскую
И тыих калмыков со татарами».
А за тыим за столом да за меньшиим
Сидел Олёшенька Поповиць сын,
Говорил-то ён да таково слово:
«Ездил Добрыня во Туги горы змеиные
И прокладет дорожку прямохожую».
Пошел Добрыня к своей матери,
Сел Добрыня на добра коня,
Увидла его родна матушка:
«Ах ты, богоданно мое дитятко,
(*невестке говорит*)
А куда ён поезжает, уж справляется?»
Бежала тут она скорым-скорешенько
И говорила тут ему да таковы слова:
«Ах ты, мое рожоно дитятко,
Ты скажи, куды ты справляешься,
Ты скажи, куды ты снаряжаешься,
Когда будет ждать и когда дожидать,
Когда буде в окошечко поглядывать?»
Говорил Добрыня таковы слова:
«Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого.
А не так ты меня, матушка, спородила,
Лучше бы спородила меня сырым дубком,
На крутой горы стоял бы этот дуб век по веку,
Съезжалися бы русские могучие богатыри!» —
«Рада бы я спородить тебя, рожоно дитятко,
Красой бы тебя в Осипа Прекрасного,
А смелостью — в Олёшку Поповича,
А умностью — в Добрынюшка Микитушку».
(*Ведь он умен как раз.*)
Бежала она в свой дом поскорешенько:
«Ах ты, мое богоданно дитятко,
Бежи-ко ты скорее-поскорешенько,
А зайди-ко ты с лицка с белого,
И говори-ко ты да не с упадкою,
Спроси-ко ты у мужа у законного,
Когда будет ждать, когда ожидать».
Бежала она скорым-скоро:
«Ах ты, милая моя ладушка,
А крепкая моя ты содержавушка,
Ты скажи, куды да отправляешься?» —

«Поезжаю я далеко во цисто поле,
А мне-ка надо бить душ бесповинныих,
А вдовить молодые жены,
Сиротать мне надо малых детушек,
А наб прокласть дорожку прямохожую
К строгому королю Испануйлу Испануйловичу.
Ты год живи — да будто замужем,
А три — ты вдовой живи,
А через три года — хоть вдовой живи,
А хоть взамуж пойди,
Поди-ко ты за князя, хоть за барина,
Хоть за русського могучего богатыря,
Только не ходи за смелого за Олёшу за Поповица!»
(*Он ему противен так.*)
Садился на добра коня,
Поехал Добрыня во чисто поле.
День за днем — как трава растет,
Неделя за неделей — как река бежит,
Прошло-то времяцко цело три года —
Не видать Добрыни из циста поля.
Приезжал Алёшка со циста поля,
Говорил им тут таковы слова:
«Я вчера был да во чистом поли,
А сидел уж я на сыром дубу,
А видел как Добрыню на сырой земли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи́ плеци́ да испростре́лены,
Сквозь его сквозь кудри да сквозь желтые
Поросла трава да шелковая!»
Й-оны скорбили свое личко белое,
Й-оны слезили свои очи ясные.
Говорил Алёша таковы слова:
«Ты пойди за меня да во замужество». —
«Я исполнила заповедь мужнюю,
Исполню заповедь другу, женскую —
Не пойду замуж еще три года».
Потом день за днем — как трава растет,
Неделя за неделей — как река бежит.
Прошло-то времяцко сего три году,
Приезжал Алёшка из цистá поля́,
И говорил Алёшка таковы слова:
«Я был вчера да во чистом поли,
Сидел уж я да на сыром дубу,

А видел Добрыню на сырой земле:
(*вишь он как их заманывать*)
Буйна голова уж тут испроломана,
Могучи́ плеци́ да испрострелены,
Скрозь его скрозь-то кудри желтые
А поросла трава да шелковая!»
Приходит со солнышком со князем со Владимиром
И сватали за Алёшу за Поповица.
Завтра надо итти в Божью церковь
И принимать с Алёшкой по злату венцу.
Говорит ихня родна матушка
Чесна вдова Офимья Олександровна:
«Сидить бы мне под окошечком немножечко,
И поглядить бы мне-ка во чисто поле:
Закатилось уж красно солнышко
За лесушки за темные,
Закатится уж скоро светел месяц
За горы за высокие.
Теперь стал уж совсем сиротский дом!»
Далеко-далеко во чистом поли
А спит-то Добрыня во белом шатри.
Добрый конь-то стоял у бела шатра,
А бил ногой по сыру землю.
Выста́л Добрыня со крепко́го сна:
«Ах ты конь, да пеловой мешок,
Не вовремя будишь русського богатыря —
У меня да нету поединщика». —
«Ты спишь да прохлаждаешься,
Над собой-то ты невзгоды не начаешься:
А твоя-то молода замуж пошла,
Не за князя-то она, не за барина,
А за русського могучего богатыря,
А за смелого Алёшку за Поповича.
Сегодня идут во Божью церковь,
Станут принимать по злату венчу».
Й-он пал коню в ногу правую,
А во правую, во переднюю:
«А ты вёз меня цела три года,
А отцюль вези меня только три часа».
Говорил ему добрый конь:
«Кладай потицки да на потицки,
А на потицки кладай мягки войлоцки,
А на войлоцки — черкально ковано седло.

Сам-то ты садись да крепко-накрепко».
Реки-озера промеж ног пускал,
А малы перелески перескакивал.
Далеко-далеко во чистом поли
Непогодка снежку белого повыпала,
По той-то по погоды по белу снежку
Будто заюшко там проскакиват.
Приехал Добрыня в свою сторону,
А в свою сторону да на широк двор,
(*это уж к матери приехал*)
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придвирников,
Взашей, прочь да всех отталкивал.
С жалобамы шли к честной вдовы
Офимьи Олександровны:
«Приехала собака-зубоскальницка!»
(*Как сына встречает*!)
Говорила она да таковы слова:
«Теперь тут наторгаются как мой сироцкий дом,
А стал у меня да сироцкой дом,
Как нету у меня да родна дитятка.
Как было бы у меня рожоно дитятко,
Не зашли бы над старухой насмехатися». —
«Не напрасно ли вы да согрешаете?
Видел я Добрыню во чистом поли,
Добрыня меня по́слал к солнышку князю Владимиру,
А сам поехал к строгому королю
Испануйлу Испануйловичу».
Не верила ему родна матушка:
«Приезжал-то Олёшка со циста поля,
И говорил-то й-он нам да таковы слова:
Что лежит Добрыня во цистом поли:
Буйна голова его да испроломана,
Могуци́ плеци́ да испрострелены,
Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые
Проросла трава да уж шелковая.
Скорбила уж я лицко белое,
Слезила уж я оци ясные». —
«Не напрасно ли вы да согрешаете?
Я приехал уж ваш сын». —
«У мого что у рожоного у дитятки
А платьица да были уж цветные,
На ножках сапожки сафьяновые,

А шапочка на головушке пуховая.
Личко-то его было румяное». —
«Ах ты, родная моя матушка,
Сапожки-то о стремена повытерло,
А шапочку дожжами уж повыбило,
А лицко от солнца призажарило.
А скажи-ко, где моя да молода жена?» —
«А твоя молода жена замуж ушла
За смелого Олёшку за Поповица». —
«Неси-ко мне платьица цветные,
Да гуселка неси-ко ты мне яровцаты!»
Пошел Добрыня на поцестный пир.
Приходит как удалый добрый молодец,
Садился на пецку он, да на припецецек,
Стал по струноцкам й-он да похаживать.
Говорила тут его да молода жена:
«Дай налить мне-ка чару зелена вина,
Дай мни-ка мужа, мни-ка прежнего, —
Й-он играт, как мой прежний муж!»
И налила чарку зелена вина,
Поднесла ему чарку единой рукой.
Выпил й-он ту чарку на единый здох,
Говорил-то уж Добрыня таковы слова:
«Солнышко князь стольно-киевский,
Дайте мне налить чару зелена вина
И поднести вашей молодой княгине.
Если хошь добра — так и пей до дна,
А не пьешь до дна — и не видашь добра!»
Выпивала она чару на единый здох —
Ко ейным ко устам ко сахарниим
Прикатился именной перстень.
Она скоцила тут через дубовый стол,
И говорила тут она уж таковы слова:
(*неча больше невестить*)
«Ты прости меня, да законный муж,
Во той вины, да во глупости!»
А говорил Добрыня таковы слова:
«Не дивую я разуму женьскому —
У женщин волос долог, а ум короток,
Их куда ведут, они туда идут,
А куда везут, туда и едут уж.
А дивую я солнышку князю Владимиру,
Что от живого мужа жону отняли!»

Схватил как й-он Олёшку за желты кудри,
А хотел ударить о кирпицный пол.
А тут уж со того стыда да со великого
Уехал Олёшка из Киева.
Кажный-то на свете женится,
А ⟨не⟩ кажному женитьба удавается!

№ 135

ПРО ДОБРЫНЮШКУ

Ой справляетсе, снаряжаетсе
Наш Добрынюшка сын Микитинец
Во ту путисту во сторонушку.
Стал обседлывать да все облаживать
Да ён Бурушка да ведь лохматушка.
Ён на коврики кладет козлики,
А на козлики черкальское да седелышко.
И говорит его матушка да добротушка,
Свет Омельфушка Тимофеёвна,
Говорит она молодой жены:
«А Настасья доць да ты Микулична,
Не идешь да ты, не спрашивашь
Как у доброго Добрынюшки Микитинце:
Нам ли долго ждать, нам коротко ждать
Нам Добрынюшку да из цистá поля?»
Ой выходила тут Настасьюшка Микулична,
Ой выходила тут на широкий двор,
Ой брала она Добрыню за белы́ руки́,
Целовала в уста сахарьнии:
«Уж нам долго ждать Добрыню из цистá поля́,
Уж Добрыню нам да из цистá поля́?»
Ой говорит Добрынюшка тако слово,
Тако слово, да слово ласково
Ой молодой жоны Настасьюшки Микулицьной:
«Уж ты жди, жона, да из циста поля,
Уж как жди меня-ка круглой год,
Уж как год я не приеду — жди-ко два года́,
Через два я не приеду — жди-ко три года́,
А через три я не приеду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди́.
Уж ты пойди-ко за купца ты за боярина,

Не ходи ты за смелого Олёшеньку Поповиця:
Уж Олёша есть да бабий ен насмешничок,
Ён да бабий уж обманщичок.
Ён над бабами да насмехаетсе,
А ён девкамы да пох⟨в⟩аляетсе!»
Ена куревка ведь прокурела,
А порошица да пропорошила —
А поехал тут ⟨Добрынюшка⟩ во цисто́ полё.
День-то за день-то — как дождь дождит,
А неделя за неделю — как река бежит.
А проходит того времени ведь круглый год —
А не видно Добрынюшки с циста́ поля́.
Дверь на пятушку отворяетсе,
Сын Олёшенька во палатушку пихаетсе,
Ишь он крест кладет да по-писа́ному,
А он поклон ведет да по-ученому.
Уж он клонитсе, поклоняетсе
А на вси цетыри на соронушки,
Молодой же Настасьюшки Микулицной в особину.
Стал забаивать, заговаривать:
«А сегодни я приехал из циста́ поля́,
Уж я видел, как Добрынюшка убит лежит.
Он головушкой — да ко Дунай-реке,
А ногамы он — да во ракитов куст,
А у черных воронов глазки выколоны,
А по цистому полю косточки разброшены.
Ой ты поди-ка, ты Настасьюшка Микулична,
Ты поди-ка за меня да во замужесьтво!»
Говорит ли тут Настасьюшка Микулична:
«Мне не велено, да не приказано,
А у доброго Добрыни не указано».
Побежал Олёша с избы, дверью хлопнул,
Вылетели петельки шелковыи да гвоздя да шеломчёныи.
Как две утушки тут сплываютсе,
Не два лебеди тут слёталисе,
Как свекровушка да со невестушкой
Сидят оны слезамы обливаютсе,
А над собой оны невзгоды не нечаютсе.
День-то за день — словно дождь дожжит,
А неделя за неделей — как река бежит.
А проходит того времечки два годика.
Дверь на пятушку да отворяетсе,
Сын Олёшенька да во палатушку пихаетсе,

Он крест кладет да по-писа́ному,
А он поклон ведет да по-ученому
А на вси цетыри на сторонушки,
Молодой же Настасью Микулицной в особину.
И говорит тут Олёша таково́ слово́:
«А сегодни я приехал из циста́ поля́,
Уж я видел как Добрынюшка убит лежит,
Он головушкой — да ко Дунай-реке,
А ногамы он — да во ракитов куст,
А у чёрных воронов глазки выкопоны,
А по цистому полю косточки разброшены!
Ой пойди-ка ты, Настасьюшка Микулична,
Ты поди-ка за меня да во замужествьо,
Ты добром нейдешь — так я сило́м возьму!»
Говорит Настасьюшка Микулична:
«Мне у доброго Добрыни не указано,
Мне у доброго Добрыни не приказано».
Уж тут брал Олёша Настасью за белы́ руки́,
Вел ее да во широк двор,
А садил Настасью на добра коня,
Привозил Настасью во палаты гряновитыи.
А вси там на пиру наедалисе,
А вси там на пиру напивалисе.
Его матушка да Тимофеёвна
Уж сидела под косивчатым окошецком,
Уж сидит слезамы уливаетсе:
Над собой она невзгоды не начаетсе.
Выглядит она в косивчато окошецько
Да увидит....

(*Тут забыла слово друго — Добрыня к ней приехал. Приходит Добрыня в палату гановитую и спросил он у своей матушки, где молода жона Настасьюшка Микулицьна?*)

«Молода жона Настасьюшка Микулицьна
Ушла да во замужество». —
«Она сама пошла, али сило́м взяли?» —
«Она никак не шла, ее силом взяли — сын Олёшенька!»
Говорит тут Добрыня своей матушки:
«Принеси-ко мне мои платья разноцветныи
И мои разрывчаты гусёлышки».
Приносила ему матушка-добротушка
Ёго платья разноцветныи,
Ёго разрывчаты гусёлышки.
Надевал он свое платье самоцветное,
Брал Добрынюшка разрывчаты гусёлышки

И садилсе Добрыня на добра́ коня.
(*Вот тут опять позабыла тое место, как Добрыня приехал к Олёше на свадьбу, как он ставил добра коня у Олёшина двора.*)
Заходил Добрыня во палату-та к Олёше-та,
Садили он на пёцном столбе
И брал Добрыня разрывчаты гуселышки,
И заиграл он во разрывчаты гусёлышки.
Да все на пиру разыгралисе,
Ну и все на пиру развеселилисе.
Ай Настасьюшка Микулична,
Ена одна сидит невесела.
Ёна голову ёна повесила.
Наливают тут Добрыне зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
(*Цяру таку́*!)
Поднимал Добрынюшка одной рукой,
Выпивал Добрыня во единой вздох.
Подавали Добрыне цяру пива пьяного,
А другую цяру меда сладкого.
(*Еще он эту цяру взял, видно, пива, а в мёда цяру перстень именной спустил с руки да и говорит, что ету цяру надо выпить молодой Настасье. Стал просить разрешить ей цяру дать, а она еще не пьет.*)
Говорит Добрыня таково слово:
«Одна цяра — молодой жоны Настасье Микуличны!»
И брала Настасья чару во белы руки,
И говорит ей Добрыня таково́ слово́,
Таково слово, слово ласково:
«Уж ты хошь добра — да цяру пей до дна,
А ты не пьёшь до дна — так и не видать добра!»
Ну брала Настасья цяру во белы руки
И выпивала ёна ее во единый мах.
(*Вот тут опять позабыла, как она перстень взяла, тут еще есть слово друго... И потом...*)
Взяла Настасья перстень во белы руки,
Целовала Добрыню в уста да во сахарнии,
Да говорила Настасья таковы слова:
«А не тот мой муж, что за столом сидит,
А тот мой муж, что на печном столбе!»
И вси на пиру перепалисе,
И вси на пиру разбежалисе.
(*И вот тут забыла, что ён Олёше сделал. Знаю только, что привязал Добрыня Олёшу ко добру коню, да растащил Добрыня Олёшу по чисту полю, а дальше уж не знаю.*)

№ 136

ПРО ДОБРЫНЮ

Как справлялся добрый молодець Добрыня Никитич в путь-дороженьку, края далекие. И наказывал молодой жене Настасье Микуличной: «Если два года не приеду, так еще пожди, не приеду через два года — пожди четыре года, не приеду через четыре года — подожди ⟨шесть⟩ годов, потом хоть замуж поди, хоть вдовой живи. А не ходи замуж только за Олёшу Поповича, за бабьего пересмешника!»

Прошло два года — не видать Добрыни со чиста поля ⟨*нрзб*⟩ жона в окошечко косивчато. Как прошло два года, приезжат сватать Алёша Попович а на Настасьи на Микулишне. «Нет жива Добрыни Никитича, идем замуж, что тебе с молодых годов жить одной?» — «Не изменю я своему мужу, не пойду до шести годов».

Как прошло четыре года — не видать Добрыни со чиста поля. Как приезжает Алёша Попович: «Ах ты, Настасья Никулична, я ездил по чисту полю, по краям далеким, там видел: лежит Добрыня Никитич, резвы ноженьки у дороженьки, буйна голова о ракитов куст, глаза ворон давно повыклевал. Тебе нечего ждать Добрыни с чиста поля». — «Нет, не пойду, подумаю, подожду еще два годышка!»

Как прошли ище шесть годов — не видать Добрыни со чиста поля. Приезжает свататься Алёша Попович на Настасьи Микуличной. «И что ты не идешь и мне не веришь, то ведь не ложь я тебе говорю, правду верную! Я ведь видел Добрыню Никитича: ростащили его тело белое вороны черныя!»

Тут вздумалось изменить слову верному, и пошла Настасья Микулишна за Олёшу замуж, хотела идти поскорешинько, побыстрешенько.

Честна вдова Офимья Олександровна, родная мать Добрыни Микитича, сказала своей невестке милою: «Эх ты, Настасья Микулишна, клади ты еще срок два месяца!» То время честна вдова Офимья Александровна послала своего слугу верного отыскивать Добрыню Никитича по всем полям, по всем краям, в стороны дальние. Не зевал слуга верный, ездил побыстрешенько, как наехал на шатер белополотнянный: «А не наш ли господин в этом шатру спит?» Приезжает к шатру белополотнянному, видит — конь будто ихний стоит. По-скорому в шатер заскакивал — как спит Добрынюшко, прохлаждается, над собой невзгодушки не знает он. Говорит слуга верный, безименный Добрыни Никитинца: «Ох ты, Добрыня, вставай поскорешинько, одевайся побыстрешеньку. Как жена-то твоя замуж выходит за Алёшу Поповича!»

Скочил на резвы ноги Добрыня Никитич, седлал коня поскорешинько, двенадцатью подпругами, тренадцатый — продольнюю: не ради красы-басы — ради крепости богатырскою! «Но прощай, мой слуга верный, а я поеду и скорей твоего съеду, а ты когда приедешь — время хватит тебе».

Приезжат поскорешинько к своему терему высокому, приезжат и бьет-колотится. «Эх ты, родитель-маменька, отложай ворота поскорешинько, запускай сына своего Добрынюшку Никитинца!» Запылился Добрыня ль пыли грезною, не познала родитель-матушка, что сын ее Добрыня Никитич. «Так не смейся-ка, добрый молодец, над старой вдовой Офимьей Александровной. Если бы был сын у меня во живностях, так не досуг вам, добрым молодцам, смеятися!» — «Эх ты, родитель-маменька, что же ты не узнала своего сына Добрыню Микитинца! Ох ты, моя роди-

тель-маменька, признавай поскорешинько, время идет побыстрешинько!» — «Так вот, добрый молодец, дай мне пощупать твою голову: у моего сына на головушке переложенка есть родимая да знаменка». Приклонил свою буйну голову Добрыня Никитич к родитель-маменьки, стал на колени. Признавала поскорешинько, време идет побстрешинько — и признала сына доброго. «Это сын мой есть Добрыня!» Плакала, слезами обливаласе. «Как они ушли поутру, уехали. Сегодня идет почестен пир. Одевай-ка платье скоморощаты».

Не признать Добрыню Никитича, уж стал маленький скоморощинка. «Бери-ка гуселка самоигральчаты и бери перстень обручен свой». Садился на добра коня да не на того, которым ездил: совершенно не узнать, что Добрыня Никитич, — маленькая, маленькая скоморошина. Знал все села, все города, знал дом Алёши Поповича. Ехал побыстрешинько, бил коня покрутешинько, приехал, становил коня, не привязывал и коню идти не приказывал. Заходил Добрыня на почестен пир — все танцуют и пляшут, никак ни стали пропускать маленька скоморощинку, чтобы зайти на место хорошее. Как стал прохаживаться маленька скоморощина, чтоб напротив ему быть Алёши Поповича и Настасьи Микуличной. Немножко повыдал себя, стал порасхаживать: куда пихнет — туда улица, перепихнет — переулочек, осел кобыле под пазухой.

«Заиграй-ка ты, маленька скоморошина, в гусельки самоигральчаты!» Заиграл маленька скоморошина — молоды поразвеселилися, а старые принаплакалися. Проиграл один раз и больше не думает. Домекнулся Алёша Попович: а дай дам ему выпить зелена вина. Когда наливал ему чару зелена вина, он не пьет и не думает. Тут был стар казак Илья Муромец на почестном пиру и Василий Буслаевич, молодец Кирилла Капленкович, старый Дюк Степанович. Тогда сказал старый казак Илья Муромец: «А ну-ка нальем ему чару полную, весом полтора пуда, мерой полтора ведра!» Подносили маленькой скоморошинке, брал мала скоморошина единой рукой, выпивал маленький скоморошинка на един здох. Заставлят играть малу скоморошинку в гуселки самоигральчаты. Разгорелось сердце богатырское маленькой скоморошинки, топнул правой ногой под клады, под мосты — подогнулися, кирпици со стен поволилисе.

Домекнулся стар казак Илья Муромец: «Это вред-то есть мала скоморошина, а не есть ли тут Добрыня Никитич?» Заставляют малу скоморошину поигрывать, мала скоморошина и не подумыват. Тогда сказала мала скоморошина: «Налейте мне чару полную, весом на пуд, мерой на полтора ведра!» Гости милые, все любимые наливали ему вина. Говорит малая скоморошина: «А я пить не буду сам, а кому поднесу — попреку не ставьте!» Все сказали: «Подноси кому хочется!» Подносил Настасьи Микуличне, и кладовал перстень, что никто не видал, и говорит таковы слова: «Ах ты, Настасья Микулична, а пей-ка эту чару до дна — так увидашь добра, а не выпьешь до дна — не увидашь добра!» Когда пила до дна, увидела перстень — перстень Добрыни Никитича. И вот взяла перстень этот, тогда вскочила на резвы ноги и закричала громким голосом: «Не тот мой муж, который возле меня сидит, а тот мой муж, который против меня стоит!»

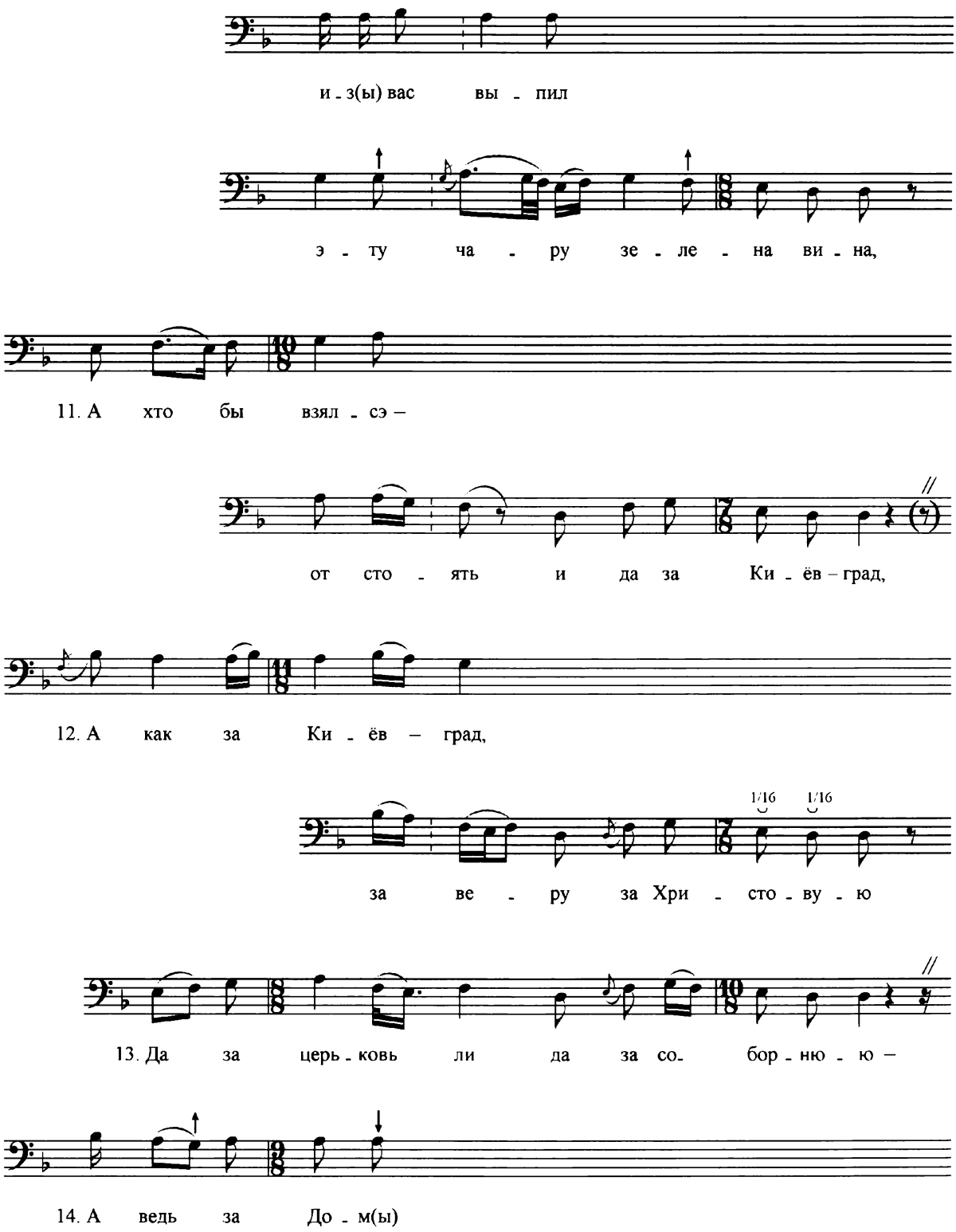
Бросилась на шею белую, целовала в уста сахарныи и просила прощения: «Я жена буду ведь неизменная, подвели меня, как ребенка малого!» Тут Добрыня Никитич брал Алёшу за желты кудри, с угла в угол покидывал и выбросил за окно. Бежал Алёша по городу и кричал во всю баранью голову: «Каждый добрый молодец женат, а не каждому удается! А не берите-ка, добры молодцы, от мужей жен в замужество! Женитьба моя была не удачлива, а попала жена мне не здрачлива!»

№ 137

ПРО ДОБРЫНЮ И АЛЁШУ

6. А как ме - рой
- то ча - ра пол - то - ра вёд - ра,
7. А ве - сом тя - нет ча - ра пол - то - ра пу - да.
8. А го - во - рил Вла - ди - мер –
князь да та - ко - вы сло - ва:
9. „Уж вы силь - ни - е –
мо - гу - чи - и бо - га - ты - ри!
10. А хто бы

и - з(ы) вас вы - пил
э - ту ча - ру зе - ле - на ви - на,
11. А хто бы взял - сэ –
от сто - ять и да за Ки - ёв – град,
12. А как за Ки - ёв – град,
1/16 1/16
за ве - ру за Хри - сто - ву - ю
13. Да за церь - ковь ли да за со- бор - ню - ю –
14. А ведь за До - м(ы)

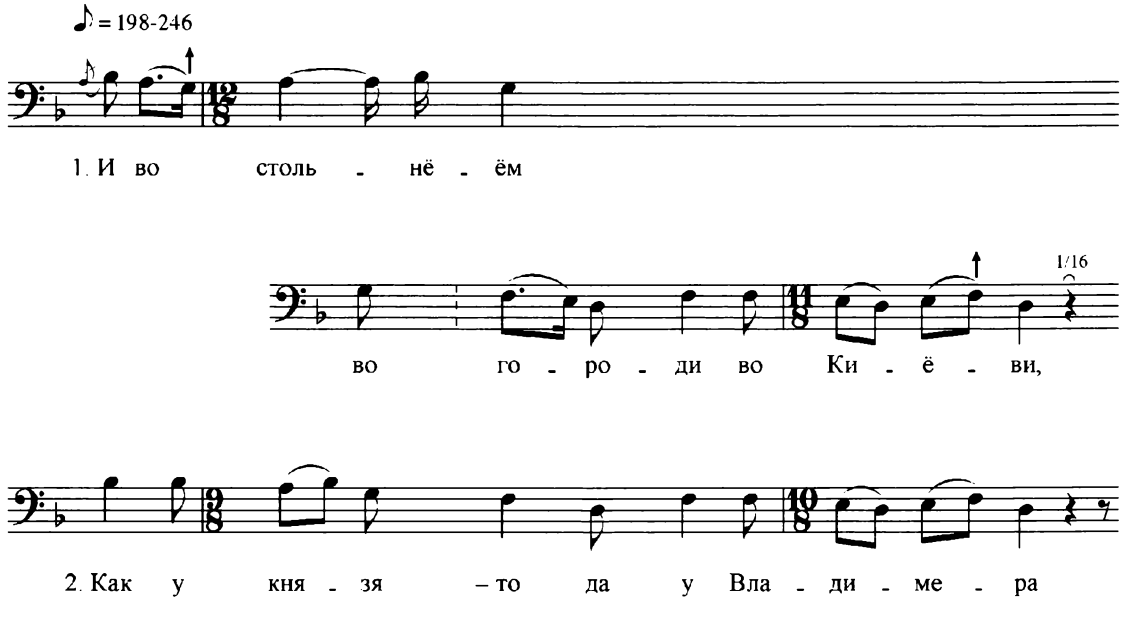

1/16
Пре - свя - той да Бо - го - ро - ди - ци!
15. А как и во чис - том по - ли
в(ы)- ре - мя - ни да шес[т]ь го - дов.
16. А не про - пу - скать - то ведь да не про - хо - жо - го,
17. А не про - хо - жо - го, да не про - езь - жо - го
18. А ведь без да - ни - то и да бе[з] по - шли - ны!"
19. А как ведь стар - шей ту - ли - тцэ на сред - нё - го,
20. А сред - нёй ту - ли - тцэ на мень - шо - го...

51 Зак. 3948

А как у князя-то да у Владимера
А ведь вёлсэ-продолжалсэ княженецкий пер,
А со́браны были си́льны-могучии богатыри.
А Владимер(ы)-князь да стольнё-ки́ёвьский
А наливал он в чару пи́тов разныих.
А как мерой-то чара — полтора вёдра́,
А весом тянет чара полтора пуда́.
А говорил Владимер-князь да таковы слова:
«Уж вы сильние-могучии бога́тыри!
А хто бы из(ы) вас выпил эту чару зелена́ вина,
А хто бы взялсэ-от стоять и да за Ки́ёв-ґрад,
А как за Ки́ёв-град, за веру за Христо́вую
Да за церьковь ли да за соборнюю —
А ведь за Дом(ы) Пресвятой да Богородици!
А как и во чисто́м по́ли в(ы)ре́мяни да шес⟨т⟩ь годов.
А не пропускать-то ведь да не прохожого,
А не прохожого, да не проезьжого
А ведь без дани-то и да бе⟨з⟩ пошлины!»
А как ведь старшей ту́литцэ на сре́днёго,
А сре́днёй ту́литцэ на ме́ньшого...

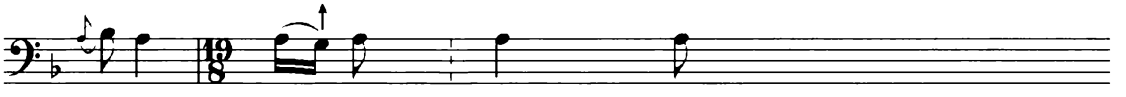
№ 138

ПРО ДОБРЫНЮ И АЛЁШУ

3. А вёл - сэ — про - до-л(ы) - жал - сэ кня - же - нец - кий ведь пер.

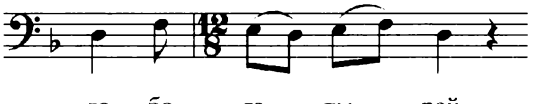
4. Как со - брал Вла - ди - мер –

князь силь - них –

мо - гу - чи - и - х(ы)

да бо - га - ты - рей.

5. А на - ли - вал йо - н(ы) им ча - ру ме - рё - ну –

6. А ча - ра ме - рой

– то бы - ла да не ме - ря - на,

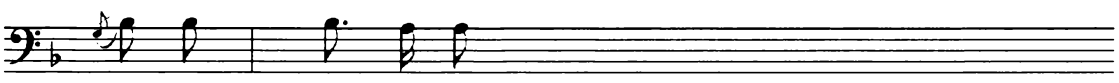

7. А ве - сом
– то ча - ра
бы - ла да не ве - шо - на:
8. Ес - ли ме - рой
– то ча - ра – пол - то - ра вё-д(ы)-ра,
9. А ве - сом
– то ча - ра
1/16
1/16
1/16
тя - не пол - то - ра пу - да.

10. Го - во - рил Вла - ди - мер –

князь да та - ко - вы с(ы) - ло - ва:

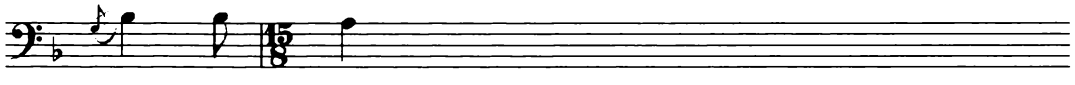
11. „Уж вы силь - ни - и –

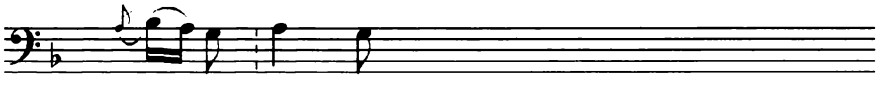
мо - гу - чи - и

и да бо - га - ты - ри!

12. Хто из вас

мо - же вы - пить

э - ту ча - ру зе - ле - на ви - на,

13. Тот мо - же е - хать - то да во чи - сто по - лё,
14. Во чи - сто по - лё - то да на ше - с(и) го - дов -
15. Не про - пу - скать
без до - кла - ду да без по - ш(ы) - ли - ны
16. Не про - хо - жи - (й)их
- то ведь да не про - е - з(и) - жи - их!"
17. Как тут все - то на
пи - ру да по - за - ти - х(ы) - ну - ли,
18. А стар - шой

– то ту - лит - це
да ведь на сре-д(и)-нё - го,
19. А сред - нёй ту - лит - це да ведь на ме-н(и)-шо - го,
20. Как от мень - шо - го – то ведь от - ве - ту нет.
21. Как из - во - ли-л(ы)
стать да на рез - вы но - ги
22. Се - ре - ди сто - ла да про - ти - ву кня - зя, –
23. Го - во - рил – то
Доб - ры - ня та - ко - вы с(ы) - ло - ва:

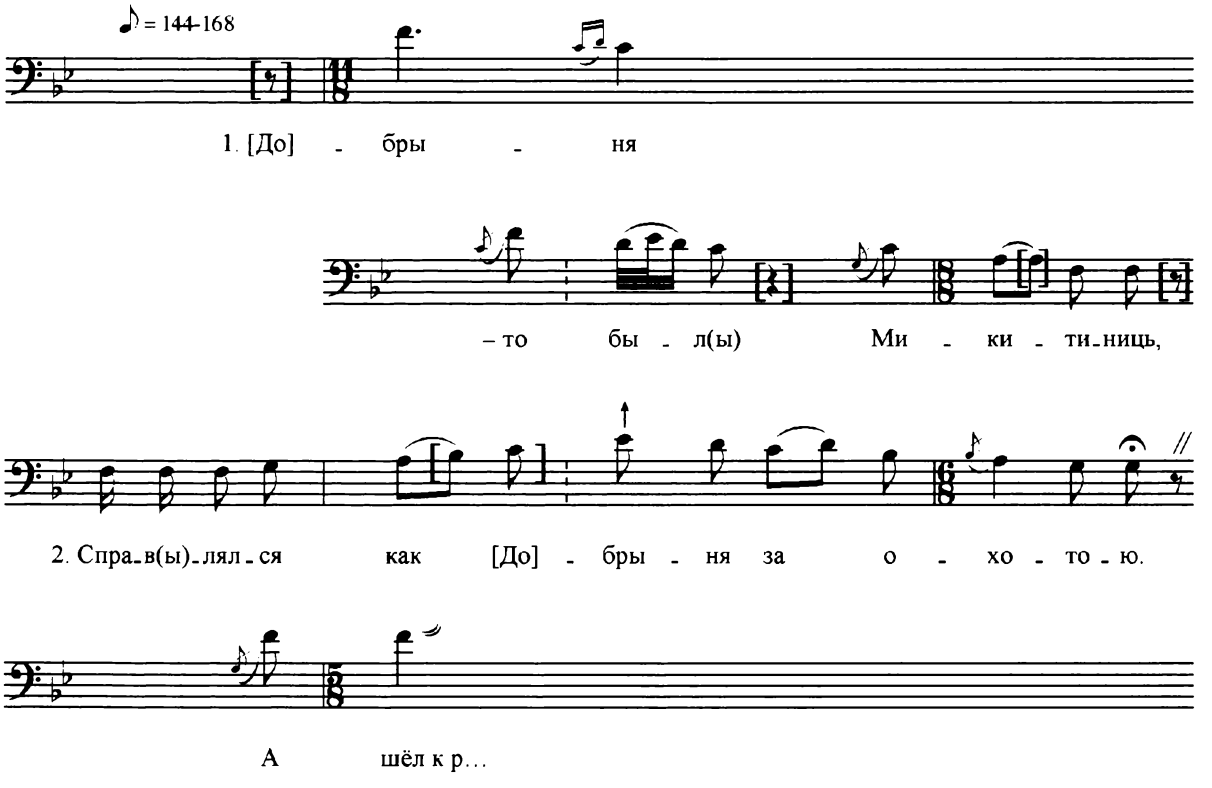

И во сто́льнёём во городи во Ки́еви,
Как у князя-то да у Владимера
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ княженецкий ведь пер.
Как со́брал Владимер-князь си́льних-могучиих(ы) да богатырей.
А наливал й-он(ы) им чару ме́рёну —
А чара мерой-то бы́ла да не меряна,
А весом-то чара бы́ла да не ве́шона:
Если мерой-то чара — полтора вёд(ы)ра́,
А весом-то чара тя́не полтора пуда́.
Говорил Владимер-князь да таковы с(ы)лова:
«Уж вы сильнии-могучии и да бога́тыри!
Хто из вас мо́же выпить эту чару зелена́ вина,
Тот мо́же ехать-то да во чисто́ полё,
Во чисто́ полё-то да на шес(и) годов —

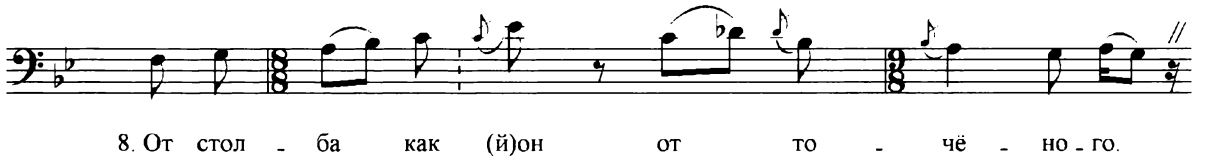
Не пропускать без докладу да без пош(ы)лины
Не прохожи(й)их-то ведь, да не проез(и)жиих!»
Как тут все-то на пиру да позатих(ы)нули,
А ста́ршой-то ту́литце да ведь на сре́д(и)нёго,
А сре́днёй ту́литце да ведь на ме́н(и)шого,
Как от ме́ньшого-то ведь ответу нет.
Как изволил(ы) стать да на резвы́ ноги
Середи стола да противу́ князя́, —
Говорил-то Добрыня таковы с(ы)лова:
«А выпью я-й эту чару зелена́ ви⟨на⟩,
А поеду я да во чисто́ полё,
[Во чисто́ полё-то, да на шес(и)] годов —
А стояти я за веру за Христовую!»

№ 139

ПРО ДОБРЫНЮ

3. О - де - вал как ё-(о)н
о - де - ж(ы)-ду во - ен - ну - ю,
4. А до - сьпе - хи (й)он бо - га - ты - рьськи-и.
5. А шёл - то как
До - бры - ню - шка на ши - рок двор,
6. Шёл как же(о) До - бры - ня ко до-б(ы) - ру ко - ню.
7. От - вя - зы - вал
До - бры - ню - шка до - бра ко - ня

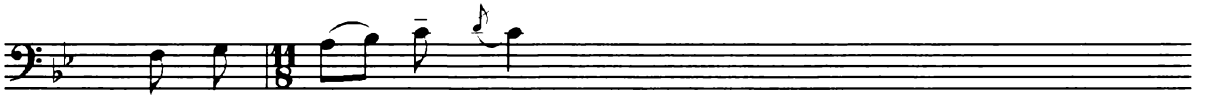
8. От стол - ба как (й)он от то - чё - но - го.

9. А от ко - льця ли то

До - бры - ня зо - ло - цё - но - го,

10. Ста - но - вил то (й)он

ко - ня ли о - се - редь дво - ра,

11. Стал до - бра ко - ня (й)он за - сед - лы - вать.

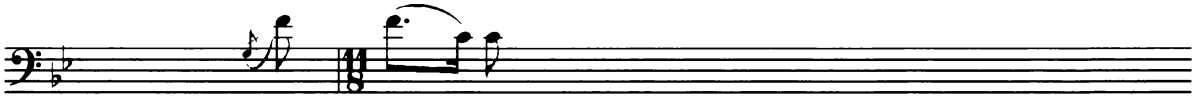
12. Ну по - тни - чки

(й)он кла - л(ы) да на по - тни - чки,

13. Под - пру - жки кла - д'вал всё на под - пру - жки,

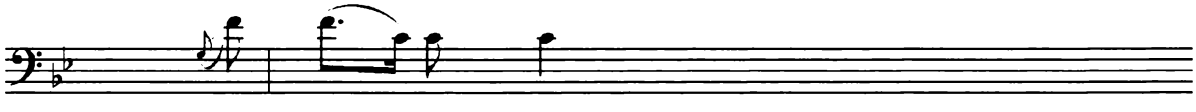
14. Си - дё - лко

кла - ды - ва - л(ы) на си - дё - лы - шко,

15. Чер - кальсь - ко - ё се - дло на - ви - рёх кла - ды - вал.

16. Не ра - ди (й)он

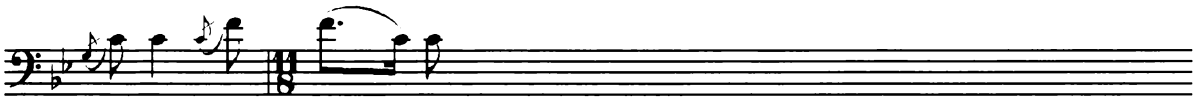
кра - сы — ба - сы

как (й)о-н(ы), для у - кре - по - сти,

17. Для у - кре - пы (й)он бо - га - тырсь - ко - ю,

18. А для по - ес - ки

и - сче (й)о-н(ы) мо - ло - дець - ко - ю,

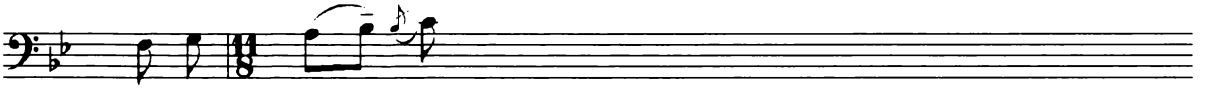
19. А До - бры - ню - шка да Ни - ки - ти-ниць.

20. А брал как (й)о - (о)н

ко - пьё ли до - лго - ме - р(ы)-но - ё,

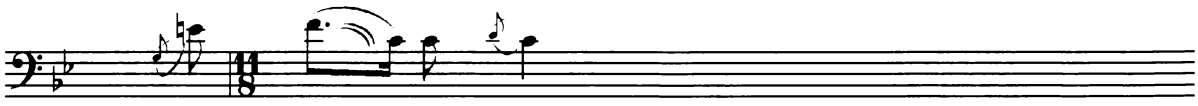
21. А за пле - ця

кла - ды - ва - л(ы) (й)он ту - гой - то лук,

22. Брал как стре - ло - чки дак ка - лё - ны - и.

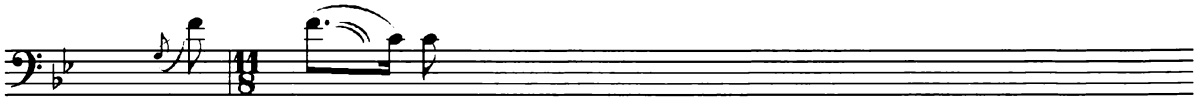
23. А па - ли - цю

(й)он бра-л(ы) да по со - рок пуд,

24. А До - бры - ню - шка ли да Ни - ки - ти-ниць.

25. А е - хал

и - шче (й)о-н(ы) ко си - ню мо-рю,

26. Е - хал как До-б(ы) - ры - ня за о - хо - то - ю.

27. А при - ез - жал ка-к(ы) же

До-б(ы) - ры - ню - шка Ни - ки - ти-ниць,

28. При - ез - жял как (й)он ко си - ню мо - рю.
29. А вы - хо - дил как же
До - бры - ня со до-б(ы) - ра ко - ня,
30. От - пус - кал [...] [по] - ле до-б(ы) - ра ко - ня.
♪ = 168
[...] 31. же До-б(ы) - ры - ня (в)о си - нё мо - рё.
32. А не мог у - бить
не гу - ся (й)он, не ле - бе - дя,

33. Не мог у - бить как се - ро - го у - тё - ны - ша.

34. А шёл то же

До - б(ы) - ры - ня ко до - б(ы) - ру ко - ню,

35. А са - дил - се как

До - б(ы) - ры - ня на до - б(ы) - ра ко - ня,

36. Е - хал же До - б(ы) - ры - ня в сво - ю сто - ро - ну.

37. А при - ез - жал - то как

До - б(ы) - ры - ня ко ци - сту по - лю,

38. Во ци - стом по - ли

сто - я - л(ы) да сы - рой - то дуб,

39. На сы - ром ду - бу

си - де - л(ы) да чё-р(ы) - ной во - рон.

40. А До - бры - ню - шка да Ми - ки - ти - ниць

41. Вы - ни - мал - то (й)он

с-за пле - ц(и) да ту - гой - то лук,

42. А на - тя - ги - вал

(й)он тя - тив - ку шол - ко - ву - ю,

52 Зак. 3948

[До]брыня-то был(ы) Микитиниць,
Справ(ы)лялся-как [До]брыня за охотою.
(*А шёл к р...*)
Одевал как ё(о)н одеж(ы)ду военную,
А досьпехи (й)он богатырьськии.
А шёл-то как Добрынюшка на ши́рок двор,
Шёл как же(о) Добрыня ко доб(ы)ру́ коню.
Отвязывал Добрынюшка добра́ коня
От столба как (й)он от точёного,
А от кольця ли то Добрыня золоцёного,
Становил-то (й)он коня ли осередь двора,
Стал добра коня (й)он заседлывать.
Ну, потнички (й)он клал(ы) да на потнички,

Подпружки́ клад'ва́л всё на по́дпружки.
Сидёлко кладыва́л(ы) на сидёлышко,
Чёркальськоё седло навирёх клад(ы)ва́л.
Не ради (й)он красы-басы, как (й)он(ы), для укре́пости,
Для укрепы (й)он богатырьською,
А для пое́ски исче (й)он(ы) молодецькою,
А Добрынюшка да Никитиниць.
А брал как (й)он копьё ли долгомер(ы)ноё,
А за пле́ця кладыва́л(ы) (й)он тугой-то лук,
Брал как стрелочки дак калёныи.
А палицю (й)он брал(ы) да по сорок пуд,
А Добрынюшка ли да Никитиниць.
А ехал ишче (й)он(ы) ко сине́ морю,
Ехал как Доб(ы)рыня за охотою.
А приезжал как(ы) же Доб(ы)рынюшка Никитиниць,
Приезжял как (й)он ко сине́ морю.
А выходил как же Добрыня со доб(ы)ра́ коня,
Отпускал [...] [по]ле доб(ы)ра коня. [...]
[...]же Доб(ы)рыня (в)о синё морё.
А не мог убить не гу́ся (й)он, не лебедя,
Не мог убить как серого утёныша.
А шёл-то же Доб(ы)рыня ко доб(ы)ру́ коню,
А садилсе как Доб(ы)рыня на доб(ы)ра́ коня,
Ехал же Доб(ы)рыня в свою сторону.
А приезжал-то как Доб(ы)рыня ко цисту́ полю,
Во цистом поли стоял(ы) да сырой-то дуб,
На сыром дубу сидел(ы) да чёр(ы)но́й воро́н.
А Добрынюшка да Микитиниць
Вынимал-то (й)он с-за плец(и) да тугой-то лук,
А натягивал (й)он тя́тивку шолко́вую,
Кладыва́л (й)он стрелочку калёную.
А натягивал (й)он тя́тивку тугёшенько,
Кладыва́л как стрелоцьку прямёшенько.
А хотел как (й)он убити цёрна во[рона].

№ 140

ПРО ДОБРЫНЮ

В стольнем городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Было пированье, почесный пир,

Было столованье — почесный стол.
Все на пиру наедалисе,
Все на пиру напивалисе.
Все тут на пиру да призадумались
(*Не хвастал никто, такой пир был.*)
Тут Вл⟨адимир⟩-князь да стольне-киевский,
Он встает да на резвы ноги,
Говорит да таковы слова:
«Ох вы, сильнии, могучии бога́тыри,
А кому да выехать на заставу богатырскую,
Защищать да Землю Святорусскую,
А и сроком ведь на ⟨двенадцать⟩ лет».
Тут ведь старший-то ховается за среднего,
А и средний-то ховается за младшего,
А от младшего-то и ответа нет.
Тут В⟨ладимир⟩-князь да стольне-киевский
Говорит он да таковы слова:
«А и ехать тут одному Добрынюшки да Никитинцу».
Тут Добр⟨ынюшка⟩ Никитинец
Стает он да на резвы ножки,
А выходит он да на широкий двор,
Идет он прямо к своему двору,
Заходит он да в конюшню стоялую,
Берет он своего-то добра коня
И седлает его да крепко-накрепко,
Одевает он доспехи богатырскии.
Увидала его да родна матушка
Да чесна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Бежит она во гридню во столовую,
И говорит она да таковы слова:
«Ах же ты, моя сноха Настасья да Микулична,
Ты стоишь да ешь да наедаеси,
А пьешь да напиваесе,
А ничего над собой да не ведаешь,
А ведь твой Добрынюшка
В путь-дорогу да собирается!»
Тут Настасья дочь Микулична
Стает она да на резвы ножки
И бежит она да на широкий двор
В одной рубашки да без пояса,
В одних чулочках да без чоботов,
А как падает она Добрынюшке на могучи плечи.
«Ах же ты, Добр⟨ынюшка⟩ Никитинец,

Да сговорная моя семеюшка,
Да куда ты собираесе,
Куда в путь да отправляесе?»
Тогда говорит Д⟨обрыня⟩ Никитинец да таковы слова:
«Ах же ты, Настасья дочь Микулична,
Как начала меня спрашивать,
Дак я буду тебе сказывать.
А и еду я да на заставу богатырскую,
А и сроком еду я да на ⟨двенадцать⟩ лет.
Как пройдут эти ⟨двенадцать⟩ лет,
Ты исполни мою заповедь —
Проживи ты еще три́ года́,
После трех годов хоть вдовой живи,
А хоть замуж поди,
Хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского бога́тыря.
Только не ходи ты в замужество
За моего за братца за крестового,
За того ли Олёшу Поповича!»
Видли добра молодца и сядучи,
А не видли добра молодца поедучи.
Осталасе Настасья дочь Микулична
Со своей свекровой Мамелфой Тимофеевной.
И живут они да времячко проводят невесело,
Как нет у них сговорноей семеюшки Добрыни Никитинча.
Но уж времячко идет да поскорешенько,
Уже проходят все ⟨двенадцать⟩ лет,
А Добрынюшка из поля не вертается.
Вот уже прошло еще ⟨три года⟩,
Но Добр⟨ыни⟩ уже нет как нет.
Приеждят тут Алёшенька Попович со чиста поля,
А говорит тут он да таково слово:
«Ах же ты, Настасья Микулична,
А и видел я твоего Д⟨обрынюшку⟩ Никитинца:
А лежит он во чистом поли,
Голова его отрублена,
А глаза-то черный ворон да повыклевал.
А не желаешь ли итти да ко мне в замужество?»
Говорит Наст⟨асья⟩ тут Микулична да таковы слова:
«Я исполнила ведь мужнюю заповедь,
Прожила вдовой я ⟨три⟩ года,
Проживу еще я заповедь,
Проживу вдовой да ⟨три⟩ года».

Вот идет все время понемножечко,
Вот проходят и вторые три года,
Приезжает этот Алёшка Попович со чиста поля
И говорит он да таковы слова:
«А и видел я Добр⟨ынюшку⟩ Никитинца во чистом поле,
Как лежит он под ракитовым кустом,
Да руки-ноги поотрезаны, да голова-то поотсечена».
И гов⟨орит⟩ Алёша таковы слова:
«Ай же ты, Апраксья-королевична,
Ты иди-ко да посватайся
За меня за Олёшеньку во замужество».
Тут Апраксея-королевична
Она недолго собираласе,
Пошла свататься к Н⟨астасье⟩ Микуличне:
«Ай же ты, Н⟨астасья⟩ дочь Микулична,
Ты иди-ко и в замужество за Олёшу за Поповича!»
А Н⟨астасья⟩ Микулична,
Она говорит да таковы слова:
«Выполнила я заповедь мужнию,
Выполнила я заповедь женскую —
Сейчас могу я итти в замужество!»
Тогда Вл⟨адимир-⟩князь да стольне-киевский
Открывет он почестен пир
(*Со свадьбой вместе.*)
В это время, в это времячко,
Да Добр⟨ынюшка⟩ Никитинец,
Он сидит в шатре белополотняном,
Да играет в шашки-шахматы.
В это время, в это времячко,
Прилетает голубь со голубкою,
Говорит голубка таковы слова:
«Как же ты, Д⟨обрынюшка⟩ Никитинец,
Да удалой добрый молодец,
Ты сидишь, играшь да наслаждаешься,
А над собой невзгодушки не ведаешь.
Твоя-то ведь Нас⟨тасья⟩ Микулична
Она выходит замуж за Алёшу Поповича,
Уже пир идет да на вечере!»
Тут Д⟨обрынюшка⟩ Никитинец
Выскакивает он да на резвы ноги́,
Как ударил он доской да шахматной о сыру землю —
Мать-сыра земля да сколыбаласе.
Он скорешенько седлал да добра коня,

Садился он да на добра коня,
Бил его да по крутым ребрам:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок,
Вез сюда ты меня да три года,
А отсюда вези да три часа!»
Приеждяет он да во тот стольний Киев-град
Да ко чесной вдовы Мам⟨елфе⟩ Тимофеевны.
Расседлал своего добра коня,
Поставил в конюшенку стоялую,
Идет он во гридню во столовую,
У ворот не спр⟨ашивает⟩ приворотников,
У дверей не спр⟨ашивает⟩ придверников.
А во той во гридни во столовыи
Сидит его честна вдова Мамелфа Тимофеевна.
«Ах ты, нахал же, нахальщина,
Не спрашиваешь ты да приворотников,
Да не спр⟨ашиваешь⟩ ты и придверников.
Кабы был тут мой сынок, Добрыня Никитинец,
Да во своем хоромноем строеньице,
Дак недолго бы — расправился!»
А говорит Д⟨обрыня⟩ таковы слова:
«Ах же ты, чесна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Я и есть же сам Д⟨обрынюшка⟩ Никитинец!»
Говорит чесна вдова М⟨амелфа⟩ Т⟨имофеевна⟩ да таковы слова:
«Ах же ты, нахальщина, нахалка, ты да признаваес⟨с⟩я,
Как мой-то ведь сынок да Добр⟨ыня⟩ Ник⟨итинец⟩
Убит да во чистом поле:
Руки-ноги поотрублены, голова его разбитая!
Тому времячки прошло да ⟨восемнадцать⟩ лет». —
«Эх ты, чесна вдова М⟨амелфа⟩ Т⟨имофеевна⟩,
Не нахальщина я, а ваш сын Д⟨обрыня⟩ Ни⟨китинич⟩!»
Тогда говорит честна вдова:
«У моего Добрынюшки было под правой пазушкой
Родимо пятнышко,
А розденьсе-ко ты, добрый молодец,
Да покажи мне свою приметочку!»
Роздевается Д⟨обрыня⟩ Никитинец,
Тут-то она и признала своего сына родного.
Залилась тут она горечьми слезьми:
«Ах же ты, надежа моя крепкая,
Добрыня сын Микитинец,
А твоя жона Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩
Выходит замуж за Олёшу Поповича».

Гов⟨орит⟩ Добрыня таковы слова:
«Ах же ты, моя ты матушка,
Дай-ко ты мне платья скоморошьи,
Дай-ко ты мне гуселышки яровчаты,
А я пойду на тот да на почесный пир!»
Тут ему матушка подает платье скоморошие
И несет гуселышка яровчатыи,
Несет гуселка — упирается,
Мостинки под ней да подгибаются.
Берет гуселышки Д⟨обрыня⟩ Никитинец,
Идет ко князю во гридню во столовую,
Князю Владимиру низко кланяется
И просит у князя местечка скоморошьего,
Сыграть в гуселки яровчаты.
Указали ему место за печкой, на скамеечки.
Нача́л Добр⟨ынюшка⟩ струночки натягивать,
Начал он по струночкам поваживать,
Сначала играл он по-унылому,
Потом начал играть он по-веселому,
Все тут гости пораслухались
(*Забыли и пировать.*)
Тогда Вл⟨адимир⟩-князь да стольно-киевский
Пригласил Д⟨обрыню⟩ за дубовый стол.
А в то время Н⟨астасья⟩ да Микулична
Обносила гостей зелена вина,
Дошла очередь да Д⟨обрыни⟩ Никитиница,
Подносит Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩
Чару зелена вина да Д⟨обрыне⟩ Ник⟨итичу⟩.
Берет Д⟨обрыня⟩ Н⟨икитич⟩ чару единой рукой,
Выпивает чару на единый дух,
Стал просить разрешения
У того у князя у Владимира
Налить чару зелена вина
Для Наст⟨асьи⟩ Микуличны.
Незаметным образом опущает в чару
Именной перстень,
Сам говорит он таковы слова:
«Ах же ты, Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩,
Пей до дна — увидашь добра,
Не пьешь до дна — не увидишь добра!»
Пьет Н⟨астасья⟩ М⟨икулична⟩ чару до дна,
Увидела на дне именно кольцо.
Пригает через столы через дубовые

И говорит да таковы слова:
«Ох ты, В⟨ладимир⟩-князь да стольно-киевский,
Не тот мой муж, кто рядо́м со мной,
А тот мой муж, кто против меня:
Тут сидит сам Д⟨обрыня⟩ Никитинец!»
Тут встает князь да на резвы́ ноги.
«Ах же ты, Д⟨обрынюшка⟩ Никитинец,
Нунь твоя да воля вольная,
Что ты знаешь, то и делай со Алёшей Поповичем!»
Тут Д⟨обрыня⟩ Никитинец берет Алёшеньку Поповича
За желты кудри
И начал его по гридни да поваживать,
Да начал его плеточкой поваживать.
«Ах ты, мой крестовый брат,
И больно тебе совестно
От живого брать жо́ну в замужество!
И тебе, Вл⟨адимир⟩ стольно-киевский
Со своей Апр⟨аксией⟩-корол⟨евичной⟩
От живого мужа жену сватать?»
На этом и кончил.

№ 141

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Царь стольне-киевский давал заповедь великую:
«Кто бы съездил к князю Испануйлу Испануйловичу,
Ко любимому тестю,
Да проклал бы дорожку прямоезжую,
Пробил бы тых черкес пятигорскиих,
Тых калмыков со тотарами?
Да ты съиздил, Добрыня, в горы змеиные,
Дак проклади ты дорожку прямоезжую».
Солнышко князь стольне-киевский
Сказал ему таковы слова:
«Съезди, Никитушка, к моему тестю любимому
Испануйлу Испануйловичу».
Тут Добрыня распрогневался.
Заседлал он коня доброго,
Не зашел он к родной матери.
«Куды ты, дитятко, справляессе,
Куды ты, дитятко, снаряжаессе,

Когды нам буде ждать-ожидать,
Когды в окошечко поглядывать?» —
«А если жив буду — домой буду,
А жив не буду — ждать некого.
Не так ты меня, матушка, спородила,
Спородила бы ты меня на́ поле дубочком —
Съезжались бы ко мне сильные могучие богатыри,
Век по веку ко мне без шевелимости,
Иль в сине море бы серым камешком,
А ты спородила сильным могучим богатырем —
Надо бить да потом бесповинных,
Сиротать малых детушек
Да вдовить молодых жен». —
«Что же сделать, мое дитятко,
Как Господь не дал, не пожаловал».
Шла она скорешенько в палату белокаменну,
Говорила она богоданному дитятку:
«Поди спроси у мужа, когда нам его ждать».
Она бежала поскорешенько,
Говорила потихошенько:
«Милая ты моя ладушка,
Дорогая моя содержавушка,
Когды нам тебя ждать-ожидать,
Когды в окошечко поглядывать?» —
«Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого.
А три года живи — как замужем,
А через три года — хоть вдовой живи,
А хоть замуж поди,
Хошь за князя, хошь за барина,
Хошь за русского могучего богатыря,
Только не ходи за смелого Олёшку Поповича!»
Она выняла кольцо с правой руки
И подала его мужу законному.
Они с им да распростилисе,
Уехал Добрыня во чисто полё.
День за днем идет — как трава растет,
А неделя за неделей — как вода текет —
А не видать Добрыни с чиста поля.
Прошло времечки целых три году —
А не видать Добрыни со чиста поля!
Приезжал Олёшка со чиста поля
И говорил им да таковы слова:

«Я сегодня был да во чистом поли,
А сидел да во сыром дубу —
Добрыня лежит на сырой земли,
Буйна голова испроломана,
Могучи́ плечи́ испроломаны,
А сквозь кудри-то сквозь желтыи
Проросла трава шелко́вая!»
Тут его да родна матушка
Скорбила сердце материнское,
Слезила очи ясныи.
Ему говорила Настасья Никулична:
«Я сполнила заповедь мужнюю,
А теперь сполню заповедь женскую:
Еще не пойду замуж три года».
Опять приезжал Олёшка с чиста поля,
И говорил он таковы слова:
«Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна го́лова испрострелена,
Могучи́ плечи испроломаны!»
И потом приходил солнышко князь стольне-киевский,
И сватали Настасью Никуличну
За того Олёшку Поповича.
Наконец она согласиласе
Завтра итти с Олёшкой в Божью церковь
И принимать с Олёшкой по злату венцу.
Далеко-далеко во чистом поли
Спит Добрыня во белом шатри.
Конь стоял да у бела шатра,
Бил ногой да во сыру землю —
В реки вода сколыбаласе,
Под шатром земля зашаталасе.
Скочил Добрыня со́ сну богатырского,
Бил коня да по тугим ребрам:
«Што ты будишь богатыря не вовремя,
Да нету проти́в меня да поединщика!» —
«Спишь да прохлаждаесся,
А над собой невзгоды не начаессе:
Твоя молода жена заму́ж пошла,
Сегодне итти с Олёшкой в Божью церковь
Да принимать с Олёшкой по злату венцу!»
Ен поклонилсе коню в ногу правую,
Ногу правую во переднюю.
«Сюда ты меня вез ровно три года,

А отсюда вези ровно три часа».
Говорил конь ему таковы слова:
«Клади-ко ты на коня потечки
На потечки клади еще потечки,
А на потечки — мягки войлочки,
А на войлочки — черкальско седло,
А сам садись-ко крепко-накрепко».
Реки, озера промеж ног пускал,
Маленьки перелески перескакивал.
Выезжал Добрыня на чисто полё.
Не погодка ль снежку белого повыпала,
Будто заюшко да проскакиват,
Куропаточка там бы как пропурхиват —
А его родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Под окошечком сидит да приплаки⟨ват⟩:
«Прошло времечко только шесть годов —
Закатилосе красное солнышко
За горушки высокии, за лесушки темныи,
Ну, закатилсе и светел месяц —
Ушло богоданно мое дитятко».
Приехал Добрыня со чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,
У дверей не спрашивал придверников,
От себя всих прочь отталкивал.
Вси идут со жалобами, что «приехала
Собака-судаскальничка с чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,
У дверей не спрашивал придверничков,
Нас всих да прочь отталкивал».
Говорила им честна вдова Офимья Олександровна:
«Теперь наш двор сиротской,
Дак нечего нам поделати.
Было бы живо мое мило дитятко,
Дак некогда бы было надсмехаться над вдовами».
Он тут и говорит:
«Не напрасно ли вы да согрешаете?
Мы с вечера с Добрыней поразъехались:
Ен поехал к строгому Испануйлу Испануйловичу,
А я к князю-солнышку стольне-киевскому!
Некогда мне с тобой да разговаривать,
Расскажи мне, да где моя молода жена?» —
«Твоя молода жена пошла замуж

За того ли Олёшку Поповича,
А сегодня пойде в Божью церковь
Принимать по злату венцу!»
Не вирит мать, что тут ейно дитятко.
«У моего-то у дитятки было лицо румяное,
На ножках сапожки сафьянные,
А на головушки шапочка пуховая».
Говорил он ей да таковы слова:
«Неси-ко мне да платьица цве́тные
Да гуселка яровчаты,
Я пойду да на почестный пир!»
Пришел он да на почестен пир,
Сел на печку на припечечек,
Стал в гуселышка поигрывать.
Говорила Настасья Никитична:
«Солнышко князь стольне-киевский,
Разреши налить чару зелена вина,
Поднести игроку,
Он ведь так играт,
Как мой покойной муж».
Ен взял чару единой рукой,
Выпил чару за единой дух,
И говорил он князю таковы сл⟨ова⟩:
«Ой ты князь да сто⟨льно-киевский⟩,
Разреши налить мне чару зелена вина,
Поднести вашей княгины».
Говорил ен таковы слова:
«Коли хошь добра — дак пей до дна,
А не пьешь до дна — не видашь добра!»
Выпила чару зелена вина —
Прикатилсе перстень ко устам да ко сахарныим.
Й-она скочила тут через дуб⟨овый⟩ стол,
Говорила тут:
«А не тот муж, которой за столом сидит,
А тот мой муж, которой сидит на печки
На припечечки!».
А скочила она через дубовой стол:
«Прости, прости меня во той вины,
Прости меня во глупости». —
«Не дивую я разуму женскому:
У бабы волос долог, а ум короток,
Их куда везут — туда и едут,
А куда ведут — туда и они идут.

А дивуюсь солнышку князю Владимиру,
Что от живого мужа жену отняли!»
Как он хватил Олёшку за желты кудри
Да хотел ударить о кирпичной пол.
Ен со того со стыда со великого
Уехал со Киева-града.

№ 142

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

И справляется, снаряжается
Наш-от добрый-от Добрыня сын Микитинец,
Сын Микитинец да доброй молодец
А во тую во путисту во дороженьку,
Стал обследывать, да конь обслуживать,
Уж он Бурушка да всё лохматушка.
Он на бобрики... [*пропуск собирателей: седлание коня*],
А на козлики циркальское седелышко.
Уж говорила его матушка
Молодой жоны Настасье Микулишне:
«Уж не идешь ты да не спрашивашь
Как у доброго у Добрыни у Микитиця,
Ведь нам долго ждать ли коротко
Нам добра Добрынюшка из чиста поля».
Тут скоцила Настасья Микулишна на резвы ноги,
Побежала скоро-наскоро на тот широк на двор,
Брала Добрыню за белы руки,
Целовала во уста да во сахарнии.
Говорит она Добрыне таково слово,
Таково слово, да слово ласково:
«Поезжаешь ты, Добрыня, добрый молодец,
Как во тую путь-сторонку, во дороженьку.
Как ведь долго ждать, али коротко
Нам ведь доброго Добрыню добра Микулицьна?»
Говорил Добрыня таковы слова:
«Как жди, молода жена, уж ⟨три⟩ года,
Через три я не приеду — жди-ко шесть годов,
Через ⟨шесть⟩ я не приеду — жди-ко ⟨девять⟩ лет.
Через ⟨девять⟩ не приеду — хоть вдовой живи,
Хоть ты замуж пойди.
Ты пойди хоть за купца хочь за богатого,

Не ходи ты за Алёшеньку Поповича,
Алёшенька — бабий-то насмешницек,
А девочий-то пересмешницек,
Уж он бабами да похваляется,
Уж он девками да насмехается».
Одна куревка да прокурела,
Порошица да припорошила —
Как уехал-то Добрыня во цисто поле.
Не две утушки тут да уливаются,
Не две лебеди да тут склекочиваютси —
Как свекрушка да со невестушкой
Под тым да под косивчатым окошецьком
Как слезамы да уливаются,
Над собой они незгоды не начаются.
День-то за день — как дождь дождит,
А неделя за неделей — как река бежит.
Как проходит-то времецьки ⟨три⟩ годицька,
Дверь во клетушку да отворяется,
Сын Алёшенька пихается.
Уж он крест кладёт уж по-писанному,
А поклон ведет да по-ученому,
Уж он клонится да поклоняется
Уж на все ли на ⟨четыре⟩ на сторонушки,
Молодой жене Микулицьне в особинку.
Стал забаивать да заговаривать:
«Как сегодня я приехал да из циста поля,
Уж я видел как Добрынюшку — убит лежит,
Головой лежит на Дунай-реку,
А ногамы он лежит под ракитов куст,
И у черных у воронов глазки выклеваны,
По цистому ли по полюшку костоцьки разпометаны.
Ты пойди, да жена Микулицьна,
Ты пойди да за меня замуж».
А Настасья да Микулицьна была женщина не глупая,
Была женщина она да разумная,
Говорила она Олёшеньке таково слово,
Таково слово, неласковое:
«Мне не велено, не приказано,
Как у Добрынюшки не наказано».
Тут скоцил Алёша на резвы ноги,
Побежал Олёша из полатушки,
Ударял Олёша дверью о стену —
Отскоцили тут петельки шелковые,

Пали тут гвоздья да шеломчатые.
День то за день — как дождь дождит,
А неделя за неделю — как река бежит.
А проходит того времецьки уж ⟨шесть⟩ годов.
Дверь-то насквозь отворяется,
Сын Алёша во полатушку пихается,
Уж он крест кладет по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Уж он на ⟨четыре⟩ стороны поклоняется,
Молодой жоне Настасье Микулицьне да на особицу:
«Как-то я приехал да со циста поля,
Уж я видел там Добрынюшка убит лежит,
Головой лежит на Дунай-реку,
А ногами-то лёг под ракитов куст,
А у цёрных у воронов глазки выклеваны,
Да по цистому полю костоцьки разношены.
Ты пойди-ко, молода жена Микулицьна,
Ты поди-ко ты за меня замуж».
Говорила тут Настасья Микулицьна таковы слова:
«Мне не велено да не приказано,
Уж о Добрыни да Микитинце не наказано». —
«Ты добром нейдешь — так я силом возьму».
Жал он Настасью Микулицну за белы руки,
Выводил он со палаты белокаменны,
А вводил в свои полаты гряновитые.
Как тут не утушка, не лебёдышка,
Не лебедышка на гнёздышке —
Как Добрыни-то мать у окошецька
Сидит она, слезамы уливается,
А над собой она совсем не печалится.
Тут затопали да лошадинушки,
Зазвонили стремена да тут булатнии —
Как приехал тут Добрыня из циста поля,
Привязал Добрыня тут добра коня
Ко тому ли столбику точеному,
Ко тому ли тут колечику золоченому,
Заходит Добрыня во полатушки,
Во палатушки к своей матушке:
«Здравствуй, матушка, да ты добротушка,
Свет Амельфа доць да Тимофеевна,
Уж ка⟨к⟩ где-ко молода жена моя,
Молода жена да свет Микулицьна?» —
«Молода жена во замуж ушла». —

«Ты скажи-ко мне, да матушка,
За кого ушла молода жена,
Она сама пошла, аль силом взяли?» —
«За того ли за Алёшу за Поповиця.
Она никак не шла, её силом взяли».
Говорил Добрыня своей матушке:
«Ах ты, матушка, ты добротушка,
Принеси-ко мне платье самоцветное».
Тут скоцила старушка скорым-наскоро,
Скорым-наскоро на резвы ноги,
Приносила ему платье самоцветное.
Одевал Добрыня шубу соболиную,
Кушачком он опоясался шелковыим,
Он перцятоцьки накладывал зеленые,
Уж как брал Добрыня резны гусёлышки,
Уж садился тут Добрыня на резва коня,
Поезжал уж он да во полатушки да к Олёшеньке.
Привязал Добрыня добра коня,
Заходил Добрыня на тот ши́рок пир,
Заиграл Добрынюшка во гусёлышки —
Уж как вси-то на пиру порасплясалися,
Уж как вси-то на пиру поразвеселилися.
Молода жона сидит не весела,
Буйну голову сидит повесела.
Приносили тут Добрыне зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Выпивал Добрынюшка на единой раз,
Другу цяру дали мёду сладкого,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Уж что вы тут да веселы,
Молода жона сидит не весела,
Буйну голову, сидит, повесила.
Уж вы розрешите цяру меду выпити».
Как пустил Добрыня кольцё да обруцяльное
И подавал Добрыня цяру полную,
И говорил Добрыня таковы слова:
«Уж ты пей до дна — так увидашь добра,
А не пьешь до дна — так не видашь добра».
Уж брала Настасья Микулицьна единой рукой,
Выпивала тут Настасья на единый вздох,
Увидала там колцё да обруцяльное.
Уж тут скоцила Настасья на резвы ноги,
Выходила тут за столы да за дубовые,

53 Зак. 3948

Брала Добрыню да за белы руки,
Целовала во уста да во сахарние,
Говорила Настасья таково слово:
«Уж не тот мой муж, кто во́ углу сидит,
А уж тот мой муж, кто во гусли играт».
Как скоцил Добрыня на резвы ноги,
Уж тут хватил Алёшу за жолты кудри,
Стал Олёшеньку побрасывать,
Из угла в угол всё покидывать.
Уж тут вси да на пиру и разбежалися,
Уж как все на пиру да расходилися.
Уж говорил Добрыня да таково слово,
Таково слово да неласковое:
«Ты не езживай да по чужим домам,
Да не обманывай-ко молодых жон».
Уж посадил Настасью он на добра коня,
Уводил Настасью к своей матушке,
К своей матушке, к своей добротушке.

№ 143

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Про Добрыню Никитича сказка говорилась, как он ездил по чистому полю, наехал на полянищьку. Раз! Удар сделал, другой сделал и третий раз удар сделал — нет никаких данных. Она обернулась, ухватила его за жолты кудри и в подсумок склала. Трои суток держала в сумке. Потом конь заговорил человечьим голосом: «Да, — говорит, — Настасья Микулишна, мне далёко возить, у тебя богатырь с конём».

Стал спотыкаться. Вытащила она Добрыню из подсумка, они тут и побратались. Она за него замуж вышла. Пришло время, что собираться к солнышку князю стольно-киевскому на собрание в Киев-град. Назначили его пошлину сбирать в чужу державу.

В ту пору богатырями воевали. Запоезжал, стал у матери просить благословления. Спросил, уздечку, всё взял и стал коня обуздывать да оседлывать в латах богатырских. Мать говорит: «Настасья Микулишна, у тебя Добрыня Никитич поезжат да во чисто́ поле́, ничего ты не наказываешь».

Она сейчас вскочила: «Что ты, Добрыня Никитич, поезжаешь во чисто́ полё, ничего не сказываешь, ничего не рассказываешь?» — «Вот, — говорит, — если проезжу три года, ты меня подожди, если шесть лет не приеду, подожди шесть лет, а девять лет не приеду — хоть заму́ж пойди, хоть вдово́й живи».

Так прошло три года. Солнышко-князь да Алёша Попович давай Настасью Микулишну подсватывать. Алёша Попович говорит: «Я вчера был во чисто́м поли́, видел твоего Добрынюшку, убит, — говорит, — Добрыня лежит во чисто́м поли́, голова лежит под ракит-кустом, а ту́лово лежит под рекой Пучай». — «Нет, — говорит, — не пойду замуж!»

Ещё три года подождали. Через три года опять приходят сватать. Нет, Настасья Микулична не идёт замуж.

А Добрыня там ездит в чистóм полú. Настасья Микулишна говорит: «Я кладу ещё заклятье, ещё на три года, сама, — говорит, — три года подожду. Если не приедет, то тогда что будет».

Опять три года прошло, опять Алёша Попович приходит сватать.

«Добрыня убит, — говорит. — Голова лежит на Почай-реке, а тулово лежит под ракитовым кустом».

Она говорит:

«Ещё кладу заповедь на три годá».

Опять прошло три года. Двенадцать лет Добрыни с чистá пóля не видать. Олёша с солнышком-князем Владимиром пришли сватать. Дело походит на свадьбу. Честным пирком да за свадебку. А Добрыня Микитич в чистом поли ездит, да ничего не знает. Вдруг шатёр раскинул белополóтняной да зашёл отдыхать. Коня поставил. Вдруг конь копытом застучал, разбудил Добрыню: «Что ты, Добрынюшка, спишь? Твоя Настасья да Микулишна походит, — говорит, — замуж. Сегодня венчаться поедут».

Он, брат, опечалился, Добрыня Никитич.

«Не печалься, не низь головы, садись на добра коня, поспеем к венцям!»

Застал, приехал. Дак домой мама не пустила. В квартиру не пускат. А Настасью Микулишну уже к венцу увели в церковь. «Был у меня сынок Добрыня. Потом, — говорит, — в чистом поле его убили. У моего Добрынюшки была приметочка».

А приметка никуды не потерялась.

«На лбу приметочка была, вроде родимная знать».

Он шапку принял — родимная знать. Она и признала его. «Твоя Настасья Микулишна вывезена к венцу». — «Пойду я лёгкой скоморошиной на свадьбу».

Сейчас справился — и никаких данных. Взял етни гусёлышки, на свадьбу пришёл, к печке и сел.

Олёша Попович сидит с Настасьей Микулишной. Она ходит да каждого угощает, потчует. Он на печке сидит да нет-нет в гусёлышки и заиграт. Она услышала: «Будто гусёлышки мого Добрынюшки играют». Сейчас ёго призвали к столу, посадили за стол.

Олёша Попович и догадался, невесёлый стал. Подносит Настасья Микулишна ему цяроцьку вина. Добрыня Микитич выпил ету чару зелена вина, подносит ей цяроцьку. Взял свой перстень да и спустил на дно, именной: «Пей до дна — увидишь добра». Она как дохлябат, а перстень подкатился к губам. Она узнала его перстень.

«Не тот, — говорит, — мой законный муж, что сидит рядóм со мной, а тот, что сидит супротив меня!»

Тут и свадьба разошлась.

Тут и сказка вся.

№ 144

ДОБРЫНЯ И ОЛЁША

Микитушка Добрынюшка поехал воевать и наказыват жены:

«Вот я уеду на ⟨шесть⟩ лет, шесть лет не приеду. Хоть вдовой живи, хоть замýж пойди, хоть пойди за князя, хоть за боярина, за могучего богáтыря, а не ходи за Олёшеньку Поповича. А Олёшенька Попович мне крестовой брат, лучше рóдного».

Ну, это времецько — шесть лет — прошло, как денечек за денечком, как ручья шумят, и протекало это времечко шесть годов.

Стал Олёшенька Попович к ей подхаживать,
Стал Настасьюшку да подговаривать:
«Ай же ты, Настасьюшка да Микулишна,
У Микитушки да на могилке травы выросли,
Травы выросли, да цве́ты ро́сцвели,
Да цве́ты росцвели, да все лазуревы».
Тут Настасьюшка слезно плакала
И наклала свою заповедь:
Ище шесть лет стане дожидать.
Тут стал Олёшенька подхаживать,
Да стал Настасьюшку да подговаривать:
«Ай же ты, Настасьюшка да Микулична,
Как ты не и́дешь так,
Так я силком возьму!»

Тут Настасья согласилась замуж этта за него пойти. Микитушка Добрынюшка все еще живой гулял. Тут конь пришел к Микитушке Добрынюшке да Микитушку Добрынюшку розбудил:

«Ай же ты, Микитушка Добрынюшка,
Спишь да высыпаешьсе,
А над собой не думаешь:
У тебя молода жона выходит заму́ж
За Олёшеньку за Поповича».
Тут Добрынюшка Микитушка
Тут вставает да поскорешенько,
Умывался да белешенько,
Садился на своего добра коня:
Реки да озера через ноги пропущал.

Микитушка приехал к палаты белокаменной, а там есть стара старушка. Он пришел: «Здравствуй, маменька!» А маменька слезно плакала:

«Ай ты, доброй молодец,
Был у меня Микитушка Добрынюшка,
Недосуг тебе над старой надсмехатися,
У меня да у Микитушки есть приметоцка —
Да во головушки, да широм!»
Ен клонил да буйну голову матери:
«Ай же ты, Микитушка Добрынюшка,
Твоя Настасья-то Микулицьна
Была женщина умная да розумная,
Шесть лет твоих справила,
Шесть лет своих нало́жила,
Двенадцать лет протекло времячки,
Стал Олёшенька похаживать,

Стал ей уже устрашивать.
Так вот ена пошла, слезно плакала да пошла».

Потом:

«Не убий ты ей, своей Настасьи Микулицьны!» Микитушка Добрынюшка надел платьице хорошее, взял ⟨гу⟩сёлышко яросчатое, пришел на свадьбу.

«Наливайте мне чару зелена вина,
А зелена вина да полтора ведра!»
Брал он чару на единой взмах,
Да выпивал он на единой дух.

Ей тоже наливали чару и тоже зелена вина, и полтора ведра — она тоже богатырка была. Он опускает туда перстень ейный имянной:

«Пей до дна — дак увидашь добра,
А не пьешь до дна — дак не видашь добра!»
Она брала чару единой рукой,
Выпивала чару на единый вздох.
Ну, увидала свой имянной перстень,
И она тут слезно плакала:
«Ай же ты, Никита, добрый молодец,
Не дивуй-ко разуму женьскому,
А подивуй-ко разуму му́жьскому,
Что от жи́ва мужа женку берет!»
А Микитушка Олёшеньку попихиват,
Так Олёша с угла на угол да перелятыват:
«Всякий женится,
Да не всякому женитьба ⟨у⟩давается!»

№ 145

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

«Ой споро́дила родитель моя матушка,
Спородила катучим белым камешком,
Она выстала б на гору на высокую
Ай спустила б меня в водушку глубокую —
Не шатался б я, Добрыня, по белу свету,
Не ронял бы, Добрыня, понапрасну слез,
Не убивал бы я, Добрыня, бесповин голов».
Уж он потницки-то да на потницки накладывал,
Он на потницки кладал войлоцки,
Ай на войлоцки седелышко черкасское,
Он подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Эти подпруги ведь были не дешевые,

А не дешевые, а шелка шемахинского,
Они не гля красы, не гля басы,
А гля крепости да богатырскоей.
«Ай же ты, Добрынюшка да Пленкович,
Но когда же мне, горюшице, мне ожидать?» —
«Жди-ко ты, Настасьюшка Микулична,
Еще жди-ко ты меня через шесть годов,
Через шесть годов не буду, хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть замуж пойди.
Пойди хоть за князей-бояровей,
Хоть за славных могучих крестьяновей,
Еще подь ты хоть за князя Владимира,
Только ты не ходи за славного Олёшу Поповица.
Ведь Олёша-то Поповиц, королёвский сын».
Уж и день-то за днем — как трава растет,
А неделя за неделей — как сокол летит.
Еще прошло времечка шесть годов.
Уж как стали тут Настасьюшку засватывать,
Уж как стали Микулишну засматривать.
Еще сватали-то не князья, не бояре,
А не славные богатые крестьянове,
Еще сватал-то Олёшенька Поповиц, королёвский сын.
Ах проговорит Настасьюшка Микулишна:
«Уж как ждала я Добрынюшки уж шесть-то лет,
Прожду я Добрынюшки двенадцать лет!»
Уж и день-то за днем — как трава растет,
А неделя за неделей — как сокол летит.
Да прошло-то времецка двенадцать лет.
Уж как стали тут Настасьюшку засватывать,
Стали тут Микулишну засматривать.
Сватали не славные крестьянове,
А не славные могуцие боярове,
Еще сватал-то Олёшенька Попович, королёвский сын.
Еще были у Настасьюшкм два гусюшка,
Ай кормленые те гусюшки, уценые,
Полетели эти гусюшки за синё море,
За синё море да во цисто поле.
Еще сели эти гуси в деревиноцки,
Ай во самые во горькие осиноцки.
Что стали эти гуси-то выжупывати,
Стали по-цеповецьему выговаривать:
«Ведь не всякому женитьба удаваетси,
Но Добрынина семья вся замуж пошла.

А у живого-то мужа жену отняли».
Уж приходит как Добрынюшка Никитинец
Как ко своему коню-то богатырскому:
«Уж ты конь-то мой конь да богатырский,
Ты свези-ко меня через три году!» —
«А уж свез бы я тебя через три часу,
Ты водой меня поил да холодноей,
Ты не пшеной меня кормил да белояровой,
Ты травой меня кормил да всё осокою.
Ай на потницки клади потницки,
На потницки клади войлоцки,
Ай на войлоцки — седелышко черкасское».
Эти подпруги ведь были не дешевые,
А не дешевые шелки да шемахинские,
Они не гля красы, не гля басы —
А гля крепости гля богатырскоей!
Тут конь дикие озера перешагивал,
Уж как щелья он копытами разламывал.
А во дикие леса да промеж ног спускал.
Как приехал-то на пир да на свадебку:
«Уж ты здравствуй-то, Офимья Александровна,
Как мы с твоим рожоным ведь повидалиси,
Уж мы с ворота крестами поменялиси».
Он велел подать гуселышко со грядоцки,
А платьице подать со стопоцки.
Еще платьице ему дала со стопоцки,
Цветное платьице подстать со станова.
«Пораздвиньтесь-ко народ, да люди добрые,
Еще дайте-ко мне местечка немножечко
Хоть на этой на муравленой на пецецке
Этой калике перехожеей!»
Дали ему местецка немножецко
Этой-то калике перехожеей
На этой-то муравленой на пецецке.
Стал тут Добрынюшка выигрывать,
Да стал тут Добрынюшка выговаривать:
«Ведь не всякому женитьба удаветси,
Ой, Добрынина семья вся замуж пошла,
А у живого да мужа жену отняли!»
А проговорит Настасьюшка Микулишна:
«Еще ой же ты, калика перехожая,
Ты потронься-подвинься поближе к столу!»
Наливала ему чару зелена вина,

Подносила тут калике перехожеей:
«Ай же ты, калика перехожая,
Еще пей же ты, калика перехожая,
Уж ты пей-ко до дна — увидишь добра,
А не пьешь до дна — не увидишь добра!»
Уж он пил да не пил, а перстень туда опустил.
А проговорит Настасьюшка Микулишна:
«А не тот мой муж, что за столом сидит,
А тот мой муж, что у стола стоит!»
Скакала тут Настасьюшка Микулишна,
Скакала тут через столики дубовые
Да через скатерти да ведь шелковые,
Целовала во уста его сахарныи,
И ушла с каликою.

№ 146

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Собирался Добрыня, добрый молодец,
В чисто поле да воевать.
Да одевал платье богатое,
Да поезжал на то побоище на ратное.
Да говорит Настасье свет Микуличне да таковы слова:
«Ты не жди меня да пять годов,
А пройдё да ровно шесть годов
Да, — говорит, — и тут еще я не приду».
А приходил Алёшенька Попович, сын Иванович,
Все Настасью Микуличну выкликал замуж:
«Ты поди, Настасья Микулична, за меня,
Я вчерась с Добрынюшкой разъехался во чистых полях:
На том побоище на ратным
Его косточки да поразброшаны,
На его челе да травка выросла!» —
«Ты, Алёшенька Попович,
Я еще кладу да мужню заповедь.
Говорил он мне да таковы слова:
„Не приеду я через шесть лет —
Жди меня двенадцать лет.
Через двенадцать лет не буду,
Так хоть замуж пойди,
Хоть вдовой живи!"»

Он потом опять пришел к ней,
Ходит, на одну ножку да подскакивает:
«Да ты, Настасья Микулична,
Да поди да за меня замуж:
Я вчерась с Добрынюшкой поразъехался —
На чистых полях да во темных лесах
Его косточки да порасстреляны!»
Она сложилась за него замуж идти.
У них повелся да на двенадцать верст.
А ён пир повел, да жена поехала замуж за него.
Добрынюшка, добрый молодец, — тут как тут,
Пришел к родной своей матушке:
«А где Настасья Микулична?» —
«А Настасья Микулична изменила тебе,
Добрынюшка, добрый молодец,
За того царя, за Алёшу Поповича»
Он справился:
«Я пойду на честной пир!»

Он во гусельки яровчаты выговаривает.

А Настасья Микулична заметила, что он пришел. Он сел за честной за стол, ему весточку везде предложили —где хочешь сиди. «Я хочу супротив только молодых».

Стал во гуселышки наигрывать,
Во муравчаты свои выговаривать.
Ему наливают чару зелена вина,
Наливают чару в полтора ведра.

А Настасьюшка спустила перстень свой в чару. И говорит:

«Пей до дна — увидашь добра,
А не пьешь до дна — не увидашь добра!»

А ён выпил чару и видит, что перстень обручальный, и говорит Алёшеньке:

«Ежели ты был мне не подкрестовый брат,
То наповал бы тебя повалил!»

А как взял Настасьюшку за руку, да и повел домой, да и пошли в свои палаты грановитые да ко матушке Омельфе Тимофеевне.

№ 147

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Как Владимир красное солнышко собрал собраньице (*как теперь*). Все на собраньи порасхвастались. Умный хвастает отцом-матерью, а безумный — молодой женой. А Добрынюшка хвастает добрым конем. Вот вызвала их поляница воевать. (*Тогда не народама, а двума воевали.*)

Послать мужичков-залешанинов — оны ни за что не положат головы. Послать Алёшу Поповичу — дак он поповского роду хвастливого: на бою порасхвастается, на бою порасхвастается да ни за что положит голову. Послать надо Добрынюшку.

Клал он потнички ко стремешкам,
А на верёх — седло черкасское.
Сказывал Настасье Микуличне:
«Ты жди мене три года,
Три года не верчуся —
Ты прожди-ко меня шесть годов,
А через шесть годов
Хоть взамуж ступай, хоть вдовой живи,
Только не ходи за Алёшу Поповича!»
Прошло три года, приходит Алёша Попович:
«Настасья Микулична, я сегодня был во Киеве,
Да вчера был во Чернигове.
Видел — Добрынюшка убит лежит,
В его кудрях птицы гнезда свили,
Гнёзда свили и детей повывели!»
А Настасья Микулична говорит:
«Не был ты, Алёша, ни у лешова,
И не ходи ко мне во вдовий двор!»
Шесть лет прошло, он пришел:
«Сполнила я мужску заповедь,
Сполню я заповедь женскую —
Ещё три года ждать буду!»

От того прошло девять годов, потом она за Алёшу Поповича замуж выходит. А муж едет домой, конь его речки перескакиват, а часты-мелки озера промеж ног пускат. Приехал к маменьке: «Мать ты моя милая, честна вдова Омелфа Тимофеевна, я твой сын приехал!» А она говорит: «Уходи, голь кабацкая, был бы Добрынюшка недалешенько, недалешенько, так до вас бы ходил. У меня у сына было пятнышко (*родинка*)». Он показал матушке, а она говорит: «А Настасья Микулична на свадебке». — «Дай ты мне гуселышки, дай мне-ко чемраньские! (*Гуселышки, на них играли раньше. Теперь вот гитара стала.*) Я пойду на свадебку». — «Что ты, что ты, тебя не спустят».

Он пошел, везде стоит стража, его не спускают, свадьба-то была у князя стольно-киевского. Кому дал денежку, кому — копеечку, кого так прижал. Прошел, стольне-киевский князь обремизил его: «Тебе, незваной гость, место таково: перво место на печи — на печи, друго место — на печном столбе».

Он сел на печь, стал в гусёлышки играть. Жена заслышала: гуселышки ихнии: «Налейте гостю чару в полтора ведра, пусть примет единой рукой, пусть выпьет на единый дух!»

Потом он выпил чару вина, ой немножко вина отлил: «Ты испей со мной!» Она пьет, а перстень обручальный прикатился к губам. «Не тот, — говорит, — мой муж, что за столом сидит, а тот мой муж, что на печи сидит!»

Добрынюшка размахнулся, гостей ударил, князь под салфеточки забрался. Как Алёшу начал за часты кудри трепать туды-сюды, на пол кинул. Алёша-то и говорит:

«Все честны молодцы женятся,
Всем женитьба удавается,
Мне — не порато удавалася!»

№ 148

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Добрынюшка Никитовец да ездил воевать. Да Настасью Микулицну там и сгреб. И слетелись они с Настасьей Микулицной, бороться схватились. Как бороться схватились, она его на земь бросила. А и говорит Добрынюшка Никитинец: [*пропуск собирателей в тетради*] «Я бы, Настасья Микулишна, на твоей груди лежал, не спрашивал про смерть».

Добрыня привез Настасью Микулишну. Домой-то приехали, он и говорит матери: «И вот, матушка, Мамельфа Тимофеевна, я женился». Только не поспел жениться, а его уж опять на войну отправили. Вот он приезжает домой, к крыльцу привязывает коня, справляется на войну. Вышла мамушка — Мамельфа Тимофеевна: «Далеко ли ты, Добрынюшка, справляешься?» — «Отправляюсь я в чисто поле воевать».

Прибежал к Настасье Микулишне и говорит: «Уж надо мне ехать. Не знали, — говорит, — Настасьюшка, над собой невзгодушки. Хоть замуж пойди, хоть за смелого, за богатого, хоть вдовой живи, только не ходи за Алёшеньку Поповица. Алёшенька Поповиц мой крестовый брат. Мы с ним на Почай-реке слеталися, вот крестами поменялися».

Сел Добрынюшка да на добра коня. Только пыль за ним да столбом стоит, и уехал он во чисто поле.

Год прошел, другой прошел, и шесть годов прошло. Вот уж шесть годов прошло, Добрынюшки не видать в чистом поле. Вот приезжает Алёшенька Поповиц: «Добрынюшка долгий век приказал, а в кусту лежит головой, убитый».

Стал за Настасью Микулишну свататься. А у Добрынюшки была скоморошинка выращена. Он приезжает в чисто поле и говорит: «Поспевай — поезжай: сегодня свадьба!» Приезжает, а свадьба заведена. Там заставушки поставлены (*солдат*) на три километра не пропускать ни конного ни пешего. Ну вот, Добрынюшка и приезжает домой к Мамельфе Тимофеевне: «Здравствуй, — говорит, — матушка Мамельфа да Тимофеевна!» А она проплакала двенадцать годов да ослепла. «Да будет вам, собака, надо мной смеяться! Если бы Добрынюшка был живой да не было бы вам смеяться надо мной!» Он говорит: «Я ведь ваш сын». Да говорит Мамельфа Тимофеевна: «У моего сына на головушке есть приметочка-переложина. Он голову наклонил, она ее и нащупала. И говорит таковы слова: «Ой же Добрынюшка Никитинец, муж — в лес по дрова, а жена замуж пошла».

Он спросился на свадебку, на честной пир. Свои гусельки яровчаты прихватил. Идет — его не пускают. А он идёт — на ту сторону да на другу деньги роёт. Его и пропустили. Он пришел, так уж нигде места нет. Так на печь сел. Так в эти гусельницы яровчаты да заиграл. Вот его и за стол садят: «Куда ты, Добрынюшка, сядешь? Супротив молодых или рядом?»

Настасья Микулишна да вот его узнала. Ему наливали чару зелена вина весом в полтора пуда, а меры полтора́ ведра. Вот она кольцо спустила своё в чару-то и говорит: «Добрынюшка Никитинец, выпей до дна — увидашь добра, а не выпьешь до дна — не увидашь добра».

И ён ей налил также: «Давай колкнемся!» (*Так этой цары на обоих равны.*) Настасья Никулишна и давай колкаться, на один вздох выпивала. Как выпили, так Добрыня Никитинец взял да желты кудри Алёшу Поповича да начал важивать, да и земли не спустит. Да и говорит таковы слова: «Ай же ты, Алёшенька Попович, если бы ты был мне не крестовый брат, так я бы сразу тебя за смерть придал».

Настасью Микулишну забрал да домой.

(*Как напеть — не знаю. От Тихона — Т⟨ихон⟩ Фешов — он пел ведь, я и поняла маленько.*)

№ 149

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

У Владимира потерялась дочь Путятишна. Унесли ее в неизвестные края. И послал Владимир красно солнышко Добрыню Никитича за ней. Настасья Никулична осталась одна дома. Она говорит: «Поезжай, я буду ждать тебя. Год прожду, два прожду, три прожду. Три года не явишься, я не выйду замуж, исполню свою заповедь женскую».Он поехал избавлять эту дочь Путятичну. По дороге встретил этих змей, вокруг ног обвивались. Он добрался до пещеры, убил Змею трехглавую и избавил дочь Путятичну.

И с этого времени прошло шесть лет. Она ждала его три года — не дождалась. Выполнила заповедь мужскую и свою заповедь дала: еще три года ждать. Ну, значит, прошло шесть лет. И вот на седьмом году пошла замуж за Алёшу Поповича. И вот у них свадьба была, а Добрынюшка вернулся. Ему мать говорит: «Сегодняшний день пир у Владимира красна солнышка». — «А что за пир?» — «А как Настасья Никулишна пошла за Алёшу Поповича замуж». — «Ну ладно, мама, сходи на вышку, спусти, как их там, гусли, я пойду на пир».

Пир идет вовсю. Добрыня пришел, сел у порога и начал в гуселышки наигрывать. Уже Настасья Микулична видит, кто играет. Она и сказала:

«Пригласите его испить чару водки».

Он стал чару выпивать, сказал: «Вы мне дайте малую чарку — дайте чару в полтора ведра!»

Он выпил и каким-то ненароком нашел в чаре кольцо, что с ней обручался. И сказала Настасья Никулична: «Пей, — говорит, — до дна — увидишь добра! А не пьешь до дна — не увидишь добра!»

И говорит она Владимиру красну солнышку: «Не тот мой муж, что рядом со мной сидит, а тот мой муж, что супроти меня сидит!»

Вот тогда Алёше приказали выйти, а он ⟨Добрыня⟩ сел за стол.

Мать привела дочь Путятичну.

№ 150

ПРО ДОБРЫНЮШКУ

Была цостна вдова Офимья Олександровна,
Был у ей сынушка Добрынюшка Микитиниц,
Силушка была непомерная.
Сделалось собраньице у царя у великого.
Повещают ёго на собраньице,
На собраньице, на совещаньице.
Сходил туды-ко Добрынюшка Микитиниц,
Приходит с собраньица невесёленький да угрюменький.
Спрашивает ёго матушка,
Цостна вдова Офимья Олександровна:
«Ты, Добрынюшка да сын Микитиниц,
Как тебя ведь там да огорцили же,
Невесёлый да ты пришёл,
Видно, ми́стецко дали не по-разуму,
Обнесли тебя царой зеленым вином?» —
«Ты, цестна вдова Офимья Олександровна,
Как любимая да моя матушка,
Мне-ка ми́стецко да было первое,
Была цара вина да налита первая.
Как Владимир-князь стольно-киевский
Наложил мне службу великую:
Мни идти на войну, да на сраженьице,
А человеком-то да мне-ка первыим.
Еще ты, родитель моя матушка,
Как роди́ла-то меня на светушку —
Опустила бы ты меня на поле пылиноцкой,
А на цисто́ полё — травиноцкой.
Как по утрушку вставать ранёшенько,
А справляться мне да поскорёшеньку.
Вы останетесь-то, вы победные,
Как Настасьюшка да доць Микулична,
Еще ты, родитель моя матушка.
Мне отправитсе да во цисто полё!»
Как по утрушку да ранёшеньку
А Добрынюшка сын Микитиниц
А как не елося ему, не пилося —
Он садился тут да на добра коня,
Отправлялся тут да на войну туды.
Как Настасью-то да он Микуличну

Ён давал наказ да все наказывал:
«Ты, Настасьюшка да доць Микулична,
Уж ты год мене жди! Как не до́ждешься —
И второй меня жди! Как не до́ждешься —
Ну и третий жди! Как не до́ждешься —
Так хоть вдовой живи, а хоть заму́ж пойди!
Не ходи заму́ж да за Олёшеньку,
За Олёшеньку да за Поповица:
Смелой-то Олёшенька да мне-ко-ва подкрестовый брат,
Мы крестами-то да с ним менялисе,
Дак ён ведь мне-ко-ва подкрестовый брат!»
Распростилисе да поехали.
Как поехал Добрынюшка Микитиниц.
Как прошло тут времецко да скорое,
А три годушку прошло да миновалосе,
А нет Добрынюшки ни вестоцки,
А никакого тут нет извистьица.
Ещё смелый-то Олёшенька Поповиц-то
Да стал Настасьюшку да доць Микуличну,
Да стал он сватать-то да посватывать,
Да как она не йдёт за него.
А Владимир-князь стольно-киевский
Да постращал-то ю да таковым словом:
«Ты, Настасьюшка да доць Микулична,
Не пойдешь за Олёшеньку в замужество —
Мы во старици да тебя постригём,
В монастырь-то мы да тебя отошлём!»
Настасья тых страстей да побояласе,
И побояласе да пострашиласе —
Ёна пошла за Олёшеньку-то Поповица.
Ёны клали пир да на двенадцать дён.
А Добрынюшка-то да сын Микитиниц
Ён лежит-то видь да во цистом поли,
А сквозь тело бе́ло трава проросла.
И прилетали тут голубь со голубкою,
А стал тут голубь прогуркивать,
Со голубкою стал проговаривать:
«Ты, Дорынюшка да сын Микитиниц,
Ты лежишь видь тут да во сырой травы,
А твоя жона за заму́ж пошла
Да за смелого Олёшеньку Поповица,
А не с охвотушки пошла — с неволюшки.
Ёна тых страстей да побояласе,

Государьскиихъ да пострашиласе,
А ёны клали пир да на двенадцать дён.
Дак ты ставай, Добрыня, со булынь-травы!»
А ставал Добрынюшка с булынь-травы,
А садился ён да на добра коня,
Приежжал Добрынюшка к своей матушки,
Да к Офимье ён да к Олександровне.
Ён стуцит-гремит да во перво́й закон:
«Ты пусти меня, Офимья Олександровна,
Как любимая моя да матушка».
Ёго матушка да испугаласи:
«Горька пьяница, да голь кабацкая,
Голь кабацкая да поддорожная,
Отойди-тка проць да от моих ворот,
От моих воротец от решётчатых!
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не дошло бы тебе надругатисе
Над моим домом да над сиротскиим».
Того Добрыня не пытается,
Ён стуцит-гремит да во второй закон:
«Ты пусти меня, да ро́дна матушка!»
Отворят воротецка решётчаты:
«Дай-ка мне-ка, дитя, пощупати —
Да на головушке да у Добрынюшки
Было родимное знадебко на верховище!»
Как пощупала да ёго матушка,
Дак обрадела тут,
Да своего сына человала в уста саха́рные,
А провела себе да в горницы.
«Ты, Добрынюшка да сын Микитинич,
А как твоя жена да есть заму́ж пошла,
Не с охвотушки пошла — с неволюшки
(*Ёна тых страстей да побоялась*!)
А за смелого Олёшеньку Поповица». —
«Ты, честна вдова Офимья Олександровна,
А любимая да моя матушка,
Неси-тко мне гусёлышка яровчаты.
Я пойду-ка, справлюсь на поцестной пир,
На поцестной пир, да к молодой жены».
И приходит ён да на поцестной пир:
«Пропусти-тко да миня, скоморошинку,
А скоморошине ми́сца немножечко». —
«А скоморошно мисто на за́порье».

Как выстал Добрынюшка на за́пецек
Да заиграл гусёлышка яровцаты —
Как Настасьюшка да доць Микулична
За столом ёна да зашаталаси.
(*Узнала, видно.*)
«Отпустите-тко скоморошинку,
А пусть садитсе с нами за дубовый стол!»
Опускалсе ён, да Добрынюшка,
А садился к столу дубовому.
Наливали цару зелена вина,
Подносил Настасье Микуличне:
«Ты, Настасьюшка да доць Микулична,
Уж ты пей до дна — так увидашь добра,
А не пьёшь до дна — не увидашь добра!»
Как Настасьюшка да доць Микулична
Эту цару брала правóй рукой,
Выпивала ёна да на единый вздох —
А там лежит кольцо да обруцальное,
Которым ёны с Добрынюшкой обруцалисе,
А когды венцалисе да обруцалисе.
«Так не тот мой муж, кой возли бока́,
А тот мой муж, кто проти́в меня».
Как Добрынюшка да сын Микитинец
А взимал Олёшеньку за желты́ кудри́,
А бросал Олёшу о дубовый пол:
«От живого мужа жóны не бери!»
Ён царю отнёс да благодарственну:
«Не велел ведь я да жены́ замуж дать
За Олёшеньку да за Поповица,
Так ведь вы меня да не послушали!»

№ 151

ПРО ДОБРЫНЮШКУ

Царь стольно-киевский на думушку собирал, Добрынюшку-то позвал тоже. Так такой-то сердитый пришел домой! Мать, цестна вдова Офимья Олександровна, говорит: «Видно, местечко было не по-разуму, или царой обнесли Добрынюшку Микитича?» — «Нет, — говорит, — ме́стечко было по-разуму, цара налита первому, на войну назначили первой головой. Ты бы, матушка, меня как родила, отпустила бы меня на поле пылиноцкой, а на озёрушко былиноцкой. Завтра по ранному по утрышку надо будет добра коня да обсёдлывать и ехать во цисто полё». Выстал Добрынюшка по утрушку, наделся-оделся потихонюшку, умылся побелёшеньку и отправился. Прово-

жала его матушка, цестна вдова Офимья Олександровна. Дорогая жена Настасья Микулична выскакивала в одных башмацках беленьких, в тоненькой сорочушке, плакала-уливаласе. Наказывал Добрынюшка своей жоне да Настасьи Никуличны:

«Настасьюшка да Микулична!
Год меня жди да второй меня жди,
А если я через три года не буду,
Да хоть замýж иди, хоть вдовой живи,
Только не ходи за Олёшу за Поповица:
Смелый-то Олёшенька Попович —
Подкрестовый брат!»

Осталисе оны плакать, а он уехал. Вот она год ждала, ждала его — не дождáла, и другой жила — не дождáла. И три годушку прошло — его нету. А вот смелый-то Олёшенька приехал ей сватать. А она не идёт, отпирается. Царь стольно-киевский приказал, что: «Поди!» И свекровь говорит: «Поди!» Клали пир на двенадцать дён. А Добрынюшка-то лежал во чистóм полé, да сквозь тело бело трава проросла. Прилетел голубь со голубкою, да стали прогуркивать:

«Ты, Добрынюшка сын Микитинич лежишь да не ведашь,
Что твоя жона замýж пошла за смелого Олёшеньку Поповича,
Да не с охотушки она пошла — с неволюшки.
Её царь стращал, тых страстей да побояласе:
„Во старицы тебя постригу,
В монастырь отошлю!"»

А Добрынюшка выстал, да на добра коня сел, да приехал домой. Приехал, ён колотится у матери:

«Пусти меня, цестна вдова Офимья Олександровна,
Любимая моя матушка!»

А матушка выходит и говорит:

«Горька пьяница, голь кабацкая,
Голь кабацкая, да поддорожная,
Отойди-ка прочь да от моих ворот,
От моих ворот, да от решётчатых!
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не дошло бы тебе да надсмехатисе
Над моим домом сироцкиим!»

Ён стуцит, гремит да во второй закон:

«Пусти, матушка, ведь я сын твой!»

И она и говорит:

«У мово Добрынюшки была бородавоцка на затылоцке,
Так я пойду пощупую»

54 Зак. 3948

Отворила и пощупала: так это сын ейный есть. Запустила и покормила, стала рассказывать про его жёнушку, что сидает пир там, пируют. Рассказала всю обидушку про ёго жёнушку. А ёго были какие-то гусёлышка яровцата. Взял он эти гусёлышка да обруцальное кольцо и приходит на цестной-то пир на этот:

«Пропустите-ка меня, скоморошинку!
Скоморошинке дайте ми́стецко». —
«Скоморошины ми́стецко на за́пецке!»

Заиграл в гуселышка яровцата на пиру-то уж, да как Настасьюшка-то да Микулична за столом заходила — заколебалась. Говорят:

«Спускайся, скоморошина, и садись-ко к нам за стол!»

И он опустился и говорит:

«Дайте мне, налейте цару зелена вина».

Наливал он цару зелена вина и подносил Настасьюшке Микуличне:

«Настасьюшка, — говорит, — Микулична,
Пей до дна, так увидашь добра,
А не будешь пить до дна, так не увидишь добра!»

А Настасьюшка Микулична выпила до дна и увидла добра — обруцальный перстень. Вот она и заговорила:

«Не тот мой муж, кой возли меня,
А тот мой муж, кто против меня!»

Выскочила из-за стола дубового и Добрынюшке сделала здоровьице.

Как Добрынюшка-то Микитинич
Как смелого-то Олёшеньку Поповича
Взимал за желты́ кудри́
И выводил его на широкий двор,
И стал его подёргивать,
И стал Олёшенька попёрдывать.
«От живого мужа жоны не бери!»

№ 152

ПРО ДОБРЫНЮШКУ

[Добрынюшка был у царя-солнышка].
Как ён был у царя у солнышка на пиру
Да играл в шахматы самолучшие,
Были платьица на нём цветные,
А тыи платьица да изорвалисе,

Изорвалисе, да износилисе.
Надевал он платьица заморские,
А звериные да лососиные [*пропуск, забыто продолжение*]
Прилетела птица вещая,
Она крылышко расправила,
Об окольницу ударила.
Сдела птица по-птицьему,
А говорила по-цеповецьему:
«Ах ты, Микитушка Добрынич, добрый молодец,
Ты сидишь да забавляешься,
А над собой незгоды не начаешься:
Как твоя-то молода жена да замýж пошла,
За того за смелого Олёшку за Поповича!»
Тут вскоцил ён зá столье,
И задел ён ногой зá скамью:
«Ах ты, мой добрый конь,
Медвежья выть, половой мешок,
Вёз меня да сюды в трú годы,
Вези отсюда в три часа».
Ён реки, озёра перескакивал,
А тёмный лес меж нóги брал.
Вот приехал ён да к своей матушке,
Стуцал ён в колецко золоцёное:
«Ах ты, моя да родимая матушка,
Ты пусти сына любимого!» —
«Ох ты, голь ты кабацкая, подпорина кабацкая,
Мой-то ты́ любимый сынушка
Во чистóм полú да порасстреляный!» —
«Ах ты, честна вдова да моя матушка,
Погляди-ко ты меня да по приметоцкам».
Как признала своего сына любимого
И брала да за белы́ руки,
И завела в свою горницу,
И рассказала ему про обидушку.
Говорил сын ей да таковы слова:
«Ах ты, моя да родимая матушка,
Сходи-ка ты да во глубок погрёб,
Принеси мне гусёлышка да яровцаты,
Я пойду да на почётной пир».
Приходил ён да на почётной пир,
Крест давал да по-уцёному,
Кланялся да понизёшеньку:
«Пустите меня, да скоморошинку,

Дайте мистецка да немнозецко!»
Дали ему мистецка на запецке.
(*Ён попросил поиграть.*)
Дозвольте-ка мне сыграть
Да в гусёлышка яровцаты!»
Как первый раз он заиграл —
Вси на пиру да расплясалисе.
Как второй раз он заиграл —
Вси да порасплакалисе.
Говорит: «Поднесите-ка скоморошину царю зелена вина,
Весом — полтора пуда, а мерой — полтора ведра».
Ён брал да единой рукой
И выпил на один вздох.
И подносили ему царю вторую зелена вина,
Опять весом — полтора пуда, а мерой — полтора ведра.
И спустил он кольцо да обруцёное,
И подносил молодой жене:
«Хошь добра — так пьёшь до дна,
А не пьёшь до дна — так не хошь добра».
Бра́ла она царю единой рукой,
Выпивала на один вздох,
Увидала кольцо да обруцальное,
Заскоцила она за́ столье:
«Не тот мой муж, который возле меня,
А тот мой муж, который против меня!»
Брал он Олёшку за желты кудри́,
Стал ён поваживать да плётоцкой похлыстывать,
А Олёшка молитсе да проклинаетсе:
«Всем женитьба удаваетсе,
Удаваетсе женитьба Добрынюшке Микитичу!»
(*А ёму-то не удалась*!)

№ 153

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ. ДОБРЫНЯ И АЛЁША

(*Про Добрынюшку Никитича и Настасью Микуличну стих знал.*) Добрынюшка поехал воевать, ну и наехал, и палицей своей стопудовой и стукнул ею́. Она и не пошевелилась. Он и говорит:

«Наверное, сила у Микиты не по-старому,
А смелость у Микиты не по-прежнему».

Приехал, обернулся в чистое поле — стоит дуб в обнём его. Он мечом махнул, разбил его, ну и сам себе и говорит:

«Видно, сила по-старому, смелость не по-прежнему».

Ну и поехал снова, догнал вторично, ударил палицей по голове, а она даже не поглянýла. Он обратно в чистое поле.

«Видно сила, — говорит, — не по-старому, а смелость не по-прежнему».

Вернулся в чистое поле — дуб стоит на два раза в обнёмку толще. Махнул мечом и разбил дуб на один размах. А сам и говорит:

«Нет, сила у Никиты по-старому, а смелость не по-прежнему».

Коня повернул: надо догнать на третий раз. Догнал опять, что силы было ударил палицею; она обернулась назад, да сама и говорит:

«Я, — говорит, — думала, комарики покусывают,
А это русские могучии бога́тыри пощёлкивают».
(*Видно, дородна была старуха*!)

Она его схватила за желты́ кудри́ и бросила в карман (*карман, верно, глубокий был*). А коня к стремены́ привязала и поехала дальше. Ну, а конь стал по колены в землю тянуть. Говорит:

«Не могу я две силы богатырские тащить».

Ну, тогда Настасья Микулична говорит:

«Если старый человек — будь мой дедушка,
Если средний — будь мой дядюшка,
А если моло́дый — то будь законный муж!»

Ну, он был молодой, красивый. Она за него замуж вышла. И вернулись обратно, к его матери. Вот пожили там с недельку времени, а потом он поехал опять на татар. А жене и говорит:

«Если я через три года не вернусь, тогда, — говорит, —
Хоть вдовой живи, а хоть заму́ж пойди,
А только не ходи за смелого Олёшеньку Поповича».

Ну, и уехал. Три года прошло — не вернулся. А этот Олёшенька Попович стал к ней похаживать, посватывать (*это на́званый брат был*). А она не соглашаласе. Она завет ещё на год кла́ла, и год прошёл — всё не видать Добрынюшки Микитича. А потом уж решила выйти за него замуж. Назначили вечер.

А Добрынюшка Никитич в чистом поле отдыхал там в бою. А вот прилетел чёрныё ворон и говорит:

«Добрынюшка, спишь, усыпаешься,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Твоя Настасья Микулична выходит замуж
За смелого Олёшеньку Поповича».

Ну и сел он на своего вороного коня и приехал домой быстро, к матери. Она отворила ворота.

«Я твой сын», — говорит.
«Если б был мой сын, так некого вам смеяться над старухой!» —
«Что вы, — говорит, — мамаша, я ваш сын!
Принесите мне костюм мой и ясёлышка яровчаты».

И он пошёл на честной на пир, и нашёл там ме́стечко на запечке и начал играть. Игра-то и пондравилась. Его пригласили на стол. Ну вот, пригласили его на честной на пир.

Дали ему чару зелена вина,
Мерой чара — полтора ведра,
А весом чара — полтора пуда.
Ну, берёт он чару единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
А потом попросил налить чару:
«Кому, я знаю, поднесу».

И ему разрешили. И он налил чару, и свой имянной перстень опустил туда и ей подал. Ну, поднёс и говорит:

«Выпивай чару на единый дух,
Пьёшь до дна — увидашь добра,
А не пьёшь до дна — не видашь добра!»

А она выпила и говорит:

«Не тот мой муж, кто со мной сидит,
А тот мой муж, что мне чару поднёс!»

Схватил Олёшеньку Поповича за желты кудри. Он стал прощенья просить, а он говорит:

«У бабы волос долог, а ум короток,
А тебе нет прощенья!»

Поднял и спустил — мокро место осталось. Убил его вобщем.

№ 154

ДОБРЫНЮШКА МИКИТИНЕЦЬ

Добрынюшка-то Микитинець матушке наказывал... С Настасьей-то Микулицьной ен сходился, сражался и повалила Настасья Микулицьна Добрыню — богатырка была. Она говорит: «Добрынюшка, жисть ли тебе дать али тебя прекратить?» Добрынюшка говорит: «Ай же ты, Настасья Микулицьна, если бы на твоей груди лежал, дак ничего бы не спрашивал». А брала Настасья Микулицьна Добрыню за белы руки, подымала, целовала в уста сахарнии. Вот тут ены и поженилися.

Три дня прошло, а их опять, Добрынюшку, на войну отправляют. Приезжает домой Добрынюшка и говорит своей матушке: «Ай же, — говорит, — моя матушка Наельфа Тимофеевна, бес-

цясного меня спородила, несчастливого на свет выпустила: не поспел пожениться — меня опять на войну отправляют». Ена говорит: «Не такого я ладила спородити, я красой-басой в Осипа Прекрасного, силой-храбростью в Илью Муромца». Добрынюшке это слово взапряку́ пришло. Не заходил в терем высокий, выводил коня своего ко крылецьку золоценому и справлял-кладовал потницьки на потницьки, седелышко черкальское, садился на добра коня.

А Наельфа Тимофеевна, его родна матушка, приходила во терем высокий, говорила Настасье Микулицьне: «Ай же ты, Настасья Микулицьна, поди, — говорит, — Добрынюшку уговаривай, поезжат в цисто поле воевать».

Выходила Настасья Микулицьна, говорила Добрынюшке: «Ай же, Добрынюшка Микитинець, далеко ли справляешьси?» — «Уезжаю в цисто поле воевать, через шесть годов меня жди. Через шесть годов не вернусь — а хоть вдовой живи, а хоть замуж поди. Только не поди за Олёшеньку Поповиця. Олёшенька Поповиць — смелый богатырь, мы, — говорит, — на Почай-реки сражалися, крестами поменялися!»

День-то за день — как река бежит, а неделя за неделей — как дождем дождит. Прошло шесть годов, а Добрынюшки не видать с циста поля.

Приезжат Олёшенька Поповиць, смелый богатырь, заходит в высок терем. «Наельфа Тимофеевна, Добрынина матушка, Добрыня в цистом поле убит. Ай же ты, Настасья Микулицьна, нынь можно тебе замуж идти». Она и говорит таковы слова: «Ай же, Олёшенька Поповиць, ище кладу шесть годов свой закон».

Ну вот, шесть годов прошло, а Добрынюшки не видать с циста поля. Олёшенька Поповиць и приезжат опять. И стали Настасьи подсватывать, ну царь там уж.

(*Соб.: Может, Владимир?*)

— Пус⟨т⟩ь Владимир. Вот и высватал, и свадьба назначена.

А у Добрынюшки сомóрощинка как-то вырощена, в чисто поле и слетела. «Ай же ты, Добрынюшка Микитинець, не знашь над собой невзгодушки — Настасья Микулицьна выходит за Олёшеньку Поповиця, сёгодни пир да свадебка».

Добрынюшка садился на добра коня и домой приехал. «Здравствуй, — говорит, — матушка Наельфа Тимофеевна, твой сын, — говорит, — приехал». — «Будё, — говорит, — вам надо мной смеятися». — «Да что ты, — говорит, — родна матушка, я твой сын». — «А, — говорит, — у мово сына есь приметоцька на головы».

Он голову наклонил, она нашшупала ложи́нку на головы — не видла, дак. «Муж, — говорит, — в лес по дрова, а жена замуж пошла!» — слепа-то говорит.

Надевал ен свои платья цветные, взял свои яровчаты гуселышка и пошел на свадебку.

На три кило́метра было войско поставлено. Золота на́брал полны карманы, да на ту сторону кине, да на эту сторону кине — его и пропустили.

А пришел — дак только миру было, на пецьке место осталось — там и сел. Заиграл он в гуселышка свои яровчаты, Настасья Микулицьна вот и услышала, наливала цяру зелена вина весом полтора пуда́, а мерой полтора ведра. Выпивал ен на один здох. Вот и пригласили его за стол и говорят: «Куда ты, — говорят, — сядешь, Добрынюшка?»

(*Соб.: А они узнали?*)

— Ну да, ведь как узнали! «Насупротив ли молодых ай рядом?» Добрыня говорил таковы слова: «Сяду я, — говорит, — насупротив молодых».

Наливал он цяру зелена вина Настасьи Микулицьны весом полтора пуда́, мерой полтора ведра, опускал свое золото кольцё, говорил Настасьи Микулицьны: «Пей до дна, дак увидишь добра, а не пьешь до дна, дак не видишь добра!»

Настасья Микулицьна на один здох выпивала (*тоже богатырка была*), вот кольцё увидала, говорила таковы слова: «Не тот мой муж, который рядом сидит, а тот мой муж — насупротив меня сидит!»

Выстал Добрынюшка на резвы ноги да брал Олёшеньку Поповиця за желты́ кудри и нацял поваживать: где ни спустит, не здыне боле. «Если бы, — говорит, — ты мне не подкрестовый брат был, дак сразу тебе славы́ поют». А брал Настасью Микулицьну да домой увел.

Олёшенька Поповиць остался без Настасьи Микулицьны.

№ 155

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ, ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Как Добрыня-то Никитиць поехал воевать с татарамы на гору́ Араратскую. Видит — впереди едет богатырь. Ну и он пришпорил коня: надо узнать, что это за богатырь. Была у него палица триста пудов. Наехал на этого богатыря да с большим розмахом и хлоп по башки палицей. А она и не оглянуласе, еде вперед. Он призадумался: «Наверно, у Никитушки сила не по-старому или смелости не по-прежнему».

Ну, вернулся в чисто поле — стоит дуб в два человеческих объема. Разъехался, палицей ударил — дуб разлетелся на дребезги, и говорит: «Сила у Добрынюшки по-старому, наверно смелость не по-прежнему». (*Вот старик какой был!*)

Догоняет второй раз, ну опять удар сделал — она еде вперед и не оглянуласи даже. Он опять воротился в чисто поле, в два раза дуб толще ударил — дуб опять разлетелся на дребезги. «Силы-то по-старому, а наверно смелость не по-прежнему».

Третий раз догоняет и говорит: «Дай-ка я удар сделаю в голову, а то бил все по пле́чам». Он догоняет и ударил ей по башки. Тут она и оглянуласи. «Ой, — говорит, — я думала — русски комарики покусывают, а там русски могучи богатыри пощалкивают». Схватила Добрынюшку Никитиця за желты кудри да сунула в свои карманы глубокие: «Недолго будешь по башки щелкать!» (*А то Валерка туды бы с косой ушел! Ты этого не пиши!*)

Но и поехала. Стал конь на коленках гря́знуть. (*«Два богатыря сели на коня, дак!» — заметила сестра рассказчика Настасья Ефимовна Сидорова.*) Вот говорит Настасьи Микулицьны: «Не могу же двух богатырей тянуть!» Ну она и говорит: «Если старый старичок, будь дедушкой, а пожилой — будь дядюшкой, а вровни со мной — будешь мой муж».

Он был красивый... Ну и поехали они обратно к матери Добрыни (*забыл, как старуху-то звали*). Приехали и повенчалися, как были раньше свадьбы.

Жили-пожили, а ему все-таки охота татар уничтожать, татар уничтожить на горы Араратской. (*У нас бабка хорошо пела!*) Обседлал своего коня и говорит Настасьи Микулицьны: «Поеду, — говорит, — на гору Араратскую топтать татарищев. Если не вернусь через три года, не дожидай меня. Поеду на войну, дак может убьют, чорт те! Хоть вдовой живи, хоть заму́ж поди, только не поди за моего братца за Олёшеньку Поповиця за крестового!»

Время прошло три годика, а Добрынюшки нет так нет. А тут Олёшенька Поповиць стал к Настасьи Микулицьны похаживать да постанывать, что «я был на горы Араратской, вчера оттуда, а твой Добрынюшка Никитиць лежит убитый в ракитовом кусту». Ну и она согласилася уж видно за него замýж. (*«Не один раз он сватал», — заметила сестра. «Там хоть один, хоть два», — отвечал рассказчик.*)

А лежит Добрынюшка Никитиць отдыхает, да над собой навзгодушки не ведает. А прилетает тут ведь черный гриф, ну хоть ворон, грает по-граиному, говорит по-целoвечьему: «Ты, удалый добрый молодец Микитушка Добрыниць, лежишь да во чистом поли, у вас дома не по-ладному, ваша молода Настасья Микулицьна выходит замуж за смелого Олёшу Поповиця».

Тут скоцил Добрыня на добра коня. На гору ехал три годá, а с горы ехал три часа. Приезжает к родному дому, коня привязыват к золотому кольцу, приходит в терема высокие. Его мамаша-старушка дак не узнала его: «Если бы, — говорит, — был мой сын Добрынюшка Микитиць живой, дак некогда было вам надо мной насмехаться!»

Сходил в погреба глубокие, достал свои гусёлка яровчатые (*он хорошо играл*). Вот как заиграл в гусёлка яровчатые, тут его матушка родная узнала.

Ну и походит на чесной пир на свадебку к крестовому братцу Поповицю. А там стояла у ворот стража великая. А не спрашивал у ворот придворников, всех расталкивал, приходит на чесной пир и садится на печку кирпицьную. (*Места уж были заняты. Не какая фатер — не как у нас! У Рахты невеликая фатера была: головой зайти, а ж⟨опой⟩ выдти!*)

Заиграл в гуселышка яровчаты. Всем на пиру понравилось, и пригласили его за дубовый стол.

(*«Все на пиру порасхвастались,*
Все на пиру пораскалякались,
Умный хвастат отцом, матерью,

А безумный хвастат молодой женой», — вдруг нараспев сказала жена рассказчика Дарья Михайловна.)

Налили ему чару зелена вина, весом чара полтора пудá, а мерой чара полтора ведра. Берет он чару единóй рукой, а выпивает на единóй здох, а сам говорит таково слово: «Разрешите мне налить чару зелена вина и поднести, кому знаю».

Ну, а тут ему разрешили. Наливат он чару зелена вина и подносит Настасьи Микулицьны и спустил ейный обручальный перстень: «Пей, — говорит, — чару на одúный здох! Пьешь до дна, увидаешь добра, а не пьешь до дна, дак не видать добра».

Взяла она чару единóй рукой, выпивала она чару на единóй здох, увидела там перстень имянной, сама говорит таково слово: «Не тот мой муж, который рядом сидит, а тот мой муж, который с зеленым вином». И стала у него просить прощеньица. Говорит Добрынюшка Никитиць: «У бабы волос долог, а ум корóток! А тебе, крестовый братец, прощеньица не будет!»

Берет он Олёшу за желты кудри, поднимает единóй рукой, а сам говорит таково слово: «Будет тебе чужих жен обманывать!» Ну и спустил его об пол, и осталось одно мокрое место.

А Настасью Микулицьну свез домой и стали жить-поживать, добра наживать. (*«Приплода наживать», — вставила сестра рассказчика.*) Я там был, мед-пиво пил, по усам текло — в рот не попало.

№ 156

ПРО ДОБРЫНЮ

9. А ни д(и) - ля к(ы) - ра - - сы о - ни ни для ба - сы,
10. А-й для кре - по - с(и) - ти да бо - га - тырь - ско - ёй.
11. А-й вспру - го - во - рит На - стась - ю - шка Ми - ку - ли - ц(и)на:
(...) 12. „Ай жо ты, Доб(ы) - ры - ню - шка Ни - ки - ти - ниць!
13. Ну ко - гда жо м(е) - ни, го - рю - ши - ци,
до - мо - й(и)тя со - жи - дать?"—
14. „Ну, жди - тко ми - ня да че - рез шесь го - дов,
15. Че - рез шесь го - дов не бу - ду – хоть вдо - вой жи - ви,

16. Хоть вдо - во - й(и) ты жи - ви, да хоть вза - муж по - йди.
17. По - ди хоть ты за кни - зей, за бо - я - ров,
18. Хо-т(и) за слав - ных ты мо - гу - ци - их кре - стья - ни - нов,
19. Толь - ко не хо - ди за сме - ло - го О - лё - шень - ку, –
20. Ведь О - лё - ша -то По - по - виць ко - ро - лёсь - кой сын!"
21. Про - шло то - го вре - ме - цьки -то шесь го - дов.
22. Ста - ли На - стась - ю - шку за - сва - ты - вать,
23. Иш - шо ста - ли Ми - ку - лиць - ну за - сма - три - вать.
24. Сва - та - ли то ни к(ы)-ня - зи да бо - я - ра,

<25.> 26. Сва - тал тут О - лё - шинь - ка
По - по - виць ко - ро - лёв - ский сын.
27. Тут спро - го - во - ри На - стась - ю - шка Ми - ку - лиць - на:
(...) 28. „Жда - ла я До - б(ы) - ры - ню - шку -то шесь го - дов,
29. Да про - жду я До - бры - ню - шку д(ы) - ве - над - цеть лет!"
30. День за д(ы) - нём — как тра - ва рось - тёт,
31. Не - де - ля за не - де - лей — как со - кол ле - тит,
32. Про - шло то - го в(ы) - ре - мець - ки д(ы) - ве - над - цеть лет.

33. Ста - ли ту - т(ы) На - стась - ю - шку за - сва - ты - вать,
34. Да ста - ли -то Ми - ку - ли - ц(и) - ну за - сма - три - вать.
♩ = 104
35. О - й(и), как сва - та - ли -то не к(ы) - ня - зи, не бо - я - ра,
36. А не с(ы) - ла - в(ы)ны - и -то мо - гу - ци - и крись - я - ни - ны –
37. А сва - тал тут О - лё - шинь - ка-й
По - по - виць ко - ро - лёв - ской сын.
38. А бы - ло -то у На - стась - ю - шки два гу - сю - шка,
39. А корм - лё - ны -ты э - ты гу - си да у - чё - ны - (й)и.

40. По - ле - те - ли э - ты гу - си за си - нё мо - рё,
41. За си - нё -то мо - рё да во чи - сто по - лё,
42. Уж как си - ли э - ты гу - си в де - рё - ви - ноць - ку,
43. А во са - му - ю во го-р(и)-ку - ю о - си - ноць - ку.
44. Уж как ста - ли -то э - ты гу - сю - шки ву - жу - п(ы) - ли - ва - ти,
45. Ста - ли по-це - ло - ви - ц(и) - ё - му вы - го - ва - ри - ва - ти:
46. „Ох, До - бры - ни - на се - м(и) - я да всё за - муж по - шла –
47. У жи - во - го -то му - жа видь жо - ну от - ня - ли!"
48. Ну про - го - во - ри_л(ы)До - б(ы)-ры - ню - шка Ми - ки - ти - ниць:

49. „Уж ты конь, ты мо-й(и) конь, да бо-га-ты-р(и)-ской конь,
50. А-й све-зи-тко ме-ня, ко-н(и) хоть це-рез три го-ду!"
51. „Свёз бы я те-бя да це-рез три ця-су
52. А на э-ту пи-р(ы) те-бя на сва-дёб-ку!"
♪ = 160
53. Ну он ди-ки-и о-зё-ра пе-ре-ша-хи-вал,
54. Шчель-и ко-пы-та-мы роз-ла-мы-вал,
55. Ско-ро ди-ки-и ле-са да ме-жу ног спу-скал,–
56. А при-е-хал-то на пи-р(ы) да и на сва-деб-ку.

57. „Иш - шё здра - ствуй -ко О - фи - м(и)-я ты О - лёк - сан - дро - вна!
58. Мы видь со тво - и - м(ы) со ро - жо - ны-м(ы) по - ви - да - ли - си,
59. Мы видь с во - ро - та к(ы)-рё - ста - мы по - ми - ня - ли - си.
60. А-й(и) ве - лел по - (а) - да-д(и) гу - сё - лы - шко со гря - до - цьки,
61. Цве - тно пла - т(ы) - (й)и - - цё по - дать со што - фо - цьки".
62. Да - ла ё - му п(ы) - ла - тьи - це со што - фо - цьки,
63. Дак да - ла и. гу - сё - лы - шко со г(ы) - ря - до - цьки.
64. „По - роз - двинь - тёсь -ко, на - род да лю - ди до - бры - и,
65. Эт -та дай - тё -ко вы ми - стя - цко не - мно - ше - цко,

55 Зак. 3948

66. Хоть на э - той на му - рав - лё - ной -то пе - цень - ке,
67. Э - той -то ка - ли - ки пе - ре - хо - жо - ю!"
68. Стал тут До-б(ы)-ры - ню - шка вы - и - гры - вать,
69. Ста - л(ы) До - б(ы) - ры - ня вы - го - ва - ри - вать:
70. „Ведь не вся - ко - му жо - ни - д(и)-ба у - да - ва - эт - це –
71. У жи - во - го -то му - жа, а жо - ну от - ня - ли!"
72. А-й спро - го - во - ри-т(ы) На - стась - ю - шка Ми - ку - лиць - на:
♪ = 140
73. „Ай жо ты, ка - ли - ка пе - ре - хо - жа - я,
74. Ты по - т(ы) - ро-н(и)-се, по - да - вай - се -ка по-б(ы) - ли - же ко сто-лу!"

75. На - ли - ва - ла е - му ця - ру зи - ле - на ви - на,
76. По - да - ва - ла...
< ... >
80. „А не пьешь до дна, дак не ви - дашь до-б(ы)-ра!"
♪ = 150
81. Уж он пи - л(ы) да не пи-л(ы), да пер - стень ту - ды спу-стил.
82. А-й спро - го - во - рил(ы) На-стась - ю-шка Ми - ку - лиць - на:
83. „Ну не то - т(ы) мо - й(и) муж, что за сто - ло - м(ы) си - дит,
84. А то - т(ы) мо - й(и) муж, что у сто - ла сто-ит".
85. А-й ска - ка - ла че - рез сто - ли - ки ду - бо - вы - и,
86. А ска - ка - ла це - рез ска - те-р(и)-ти шол - ко - вы - и!

Отправ(ы)ляетце Доб(ы)рыня, снаряжаетце:
Ён спе́рва на по́дпруги...
...Потницки на потницки накладывал,
А-й на пор(и)т(и)ниц(и)ки да кла́де вой(и)луцьки,
А-й на войлуцьки — сиде́лышко чёркасьское,
Он подтягивал двенадцеть ту́гих по́дпругов.
Эты по́дпруги были́ да недёшовыи,
А ни де́шова шел(ы)ка́ уж шамахиньсково.
А ни д(и)ля́ к(ы)расы они ни для́ басы,
А-й для крепос(и)ти да богатырьскоёй.
А-й вспруго́ворит Настасьюшка Микулиц(и)на:
([*вспоминая*]: *Господи ты наш*!)
«Ай жо, ты, Доб(ы)рынюшка Никитиниць!
Ну когда жо м(е)ни́, горюшици, домой(и) тя сожидать?» —
(*Ой, я сбилась, ребята, кажетце...*)
«Ну, жди-тко миня да через шесь годов,
Через шесь годов не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой(и) ты живи, да хоть взаму́ж пойди,
По́ди хоть ты за́ книзей, за бояров,
Хот(и) за славных ты могучиих крестьянинов,
Только не́ ходи за смелого Олёшеньку —
Ведь Олёша-то Поповиць королёськой сын!»
Про́шло того времецьки-то шесь годов.
Стали Настасьюшку засватывать,
Ишшо стали Микулицьну засматривать.
Сватали-то ни к(ы)нязи да бо́яра,
[*Говорком*:] Не славны́ могучие кресья́нины —
(*Не знай, как назвать их...*)
Сватал тут Олёшинька Поповиць королёвский сын.
Тут спрого́вори Настасьюшка Микулицьна:
«Жда́ла я Доб(ы)рынюшку-то шесь годов,
Да про́жду я Добрынюшку д(ы)венадцеть лет!»
День за д(ы)нём — как трава росьтёт,
Неделя за неделей — как соко́л летит,
Про́шло того в(ы)ремецьки д(ы)венадцеть лет.
Стали тут(ы) Настасьюшку засватывать,
Да стали-то Микулиц(и)ну засматривать.
Ой(и) как сватали-то не́ к(ы)нязи, не бо́яра,
А не с(ы)лав(ы)ныи-то могуции крисьянины —
А сватал тут Олёшинька-й Поповиць королёвской сын.
А было-то у Настасьюшки два гусюшка,
А кормлёны-ты эты гуси да учёны(й)и.
Полетели эты гуси за синё морё,

За синё-то морё, да во чисто́ полё,
Уж как си́ли эты гуси в дерёви́ноцьку,
А во самую во гор(и)кую осиноцьку.
Уж как стали-то эты гусюшки вужу́п(ы)ливати,
Стали по-целови́ц(и)ёму выговаривати:
«Ох, Добрынина сем(и)я да всё замуж пошла —
У живого-то мужа́ видь жону отняли!»
Ну проговорил(ы) Доб(ы)рынюшка
[*говорком:*] Микитиниць:
«Уж ты конь, ты мой(и) конь, да богатыр(и)ской конь,
А-й свези-тко меня, кон(и), хоть через три́ году!»
«Свёз бы я тебя да через три́ цясу
А на эту пир(ы) тебя на сва́дёбку!»
Ну он дикии озёра переша́хивал,
Шче́льи копы́тамы розламывал,
Скоро дикии леса да межу ног спускал, —
А приехал-то на пир(ы) да и на свадебку.
«Ишшё здраствуй-ко, Офим(и)я ты Олёксандровна!
Мы видь со тво́им(ы) со рожоным(ы) повидалиси,
Мы видь с во́рота к(ы)рёста́мы поминялиси.
А-й(и) велел по(а)да́д(и) гусёлышко со грядоцьки,
Цветно плат(ы)(й)ицё подать со што́фоцьки.
Да́ла ёму п(ы)латьице со штофоцьки,
Дак да́ла и гусёлышко со г(ы)рядоцьки.
(*Всё. Взял гусли. И пошёл туды, в то́ю он сторону, фате́ру-то, к жены́-то вот.*)
«Пороздвиньтёсь-ко, народ да люди добрыи,
Эт-та да́йтё-ко вы ми́стяцко немно́шецко
Хоть на этой на мура́влёной-то пеценьке
Этой-то калики перехожою!»
Стал тут Доб(ы)рынюшка выигрывать,
Стал(ы) Доб(ы)рыня выговаривать:
«Ведь не всякому жонид(и)ба удава́этце —
У живого-то мужа́, а жону отняли!»
А-й спрого́ворит(ы) Настасьюшка Микулицьна:
«Ай жо ты, калика перехожая,
Ты пот(ы)рон(и)се, подавайсе-ка поб(ы)лиже ко столу!»
Наливала ему цяру зилена́ вина,
Подавала (...)
[*стих 76 нрзб*]
«А не пье́шь до дна — дак не вида́шь доб(ы)ра!»
Уж он пил(ы) да не пил(ы), да персте́нь туды спустил.
А-й спрого́ворит(ы) Настасьюшка Микулицьна:

[80] «Ну не тот(ы) мой(и) муж, что за столом(ы) сидит,
А тот(ы) мой(и) муж, что у стола стоит».
А-й скакала через столики дубовыи,
А скакала через скатер(и)ти шолко́выи!
(*Она и ушла уж, Олёша — осталсе так и ни с цем он.*)

№ 157

ПРО ДОБРЫНЮ

7. Да не - де - шо - ва шол - ка ша - мо - хинь - ско - во.
8. Да не для к(ы) - ра - - - сы о - ны, не для ба - сы,
9. А для кри - по - с(и) - ти да бо - га - тырь - ско - ю.
10. А спро - го - во - ри - т(ы) На - стась - ю - шка Ми - ку - лиць - на:
11. „Ай жо ты, До - б(ы) - ры - ню - шка Плё - н(ы) - ко - вичь!
12. Ну ко - гда же м(ы) - ни, го - рю - ши - ци, до - мой тя со - жи - дать?"—
13. „Еш - чё жди - тко ты, На стась - ю - шка Ми - ку - лиць - на,
14. Жди - тко ми - ня че - рез шесь го - дов".

Отправляитце Доб(ы)рыня, снаряжаэтце:
Уж он(ы) потницки-то на потницки накладывал,
Он на пот(ы)ниц(и)ки да к(ы)лал(ы) во́илуцьки,
А на войлуцьки — сидёлушко чёркасскоё,
Он подтягивал двенадцеть ту́гих по́дпругов.
Эты по́дпруги были́ вит(и) недешовы(й)и,
Да неде́шова шолка́ шамохиньсково.
Да не для́ к(ы)расы оны, не для́ басы,
А для кри́пос(и)ти да богатырьскою.
А спрого́ворит(ы) Настасьюшка Микулицьна:
«Ай жо, ты, Доб(ы)рынюшка Плён(ы)ковиць!
Ну когда же м(ы)ни́, горюшици, домой тя сожидать?» —
Ешчё жди-тко ты, Настасьюшка Микулицьна,
Жди-тко миня через шесь годов».

№ 158

ПРО ОЛЁШЕНЬКУ ПОПОВИЦЯ

Кажной-то на свете женитце,
А не каждому женидьба удаваетце.
Как Олёшеньки-то Поповецю... ⟨...⟩

А жена да мать-то: Настасья-та... ⟨...⟩ ⟨да⟩ чесна́я вдова Ольга Олёксáндровна.

Ну, а сын-то поехал, дак наказыват... А гусли у ёго́ были, дак в гусли-то эты, дак он играл хорошо на гуслех. Дак поехал куды он, бога́... бога́тырь, али какой он был дак... Ну, дак и наказывал жоны́ -то... А жони́лса-то он на это а... ⟨...⟩ Он-то не Олёшенька. А Олёшенька-та Поповець был, вот ⟨...⟩ (*Про Олёшеньку стих-та...*) ⟨...⟩

Я-то уж не знаю, вот как ёво́ на-й... это, ⟨наказывал⟩ жоны́-то, што: «И с год с-подожди, и второй подожди, а и третей подожди. А на четвёртый год хоть вдовой живи, а хоть заму́ж пойди. Только не́ ходи ты-да... ⟨...⟩ выходи за ко́во хошь, только не ходи за того... за... (*как-то есь*) за-й этого Олёшеньку Поповеця. За того-да... за того девочьёво насмешнека, а за того ⟨...⟩ за бабьёво омманщека!» ⟨...⟩. А она как раз и ⟨...⟩ вышла.

'Ак он в сва́дёбный-то день приехал, к матери-то приехал. Ну, а тогды ведь службы-то, это ж долгие были службы-то дак. Ну вот, а ёго́ как... Пришёл дак, а мать... мать плачет (*Вот стих хорошей!*). Как плачет? — да как — как все, да: «Четыре года как закатилось моё кра́сно пра́ведноё солнышко (*ишь, сын-то он*). А сегодне над закатом бел-месе́ц светел (*невестка-та выходит замуж-то*)». А сын-то и являетце.

Ну вот так-то, да он таким-каким приехал-та с ты́мы с гу́слямы-та туда. Ну вот, пришёл. Там — свадьба, пируют сидят, ну... Ну, а он этого... «У порога там какой-то странник! Какой-то странник, странник!» Ему на́лили, на́лили этово — стопку вина-то, чару-то зелена вина. Дак он говорит: «Нет, я с невестой выпью, только с невестой выпью». Ну да, а сам перстень свой имя́нный-то спустил ей в ту — в стопку, ну...

Как это на́лили-то да: он заиграл... Да. Как она выпила, а перстень-то там, в этом ⟨...⟩ в чары, в чары-то в этой! (*Ну, а в гусли-то он заиграл... Да! ёго́ посадили напротив, как он заиграл в гусли-то раньше. Посадили напротив его, ну дак этого...*) А она и говорит: «Не тот мой муж, которей рядом меня сидит, а тот мой муж, которей проти́в, проти́в меня сидит!» Да и ушла с этово... (*Ой, какой хорошей стих*!).

№ 159

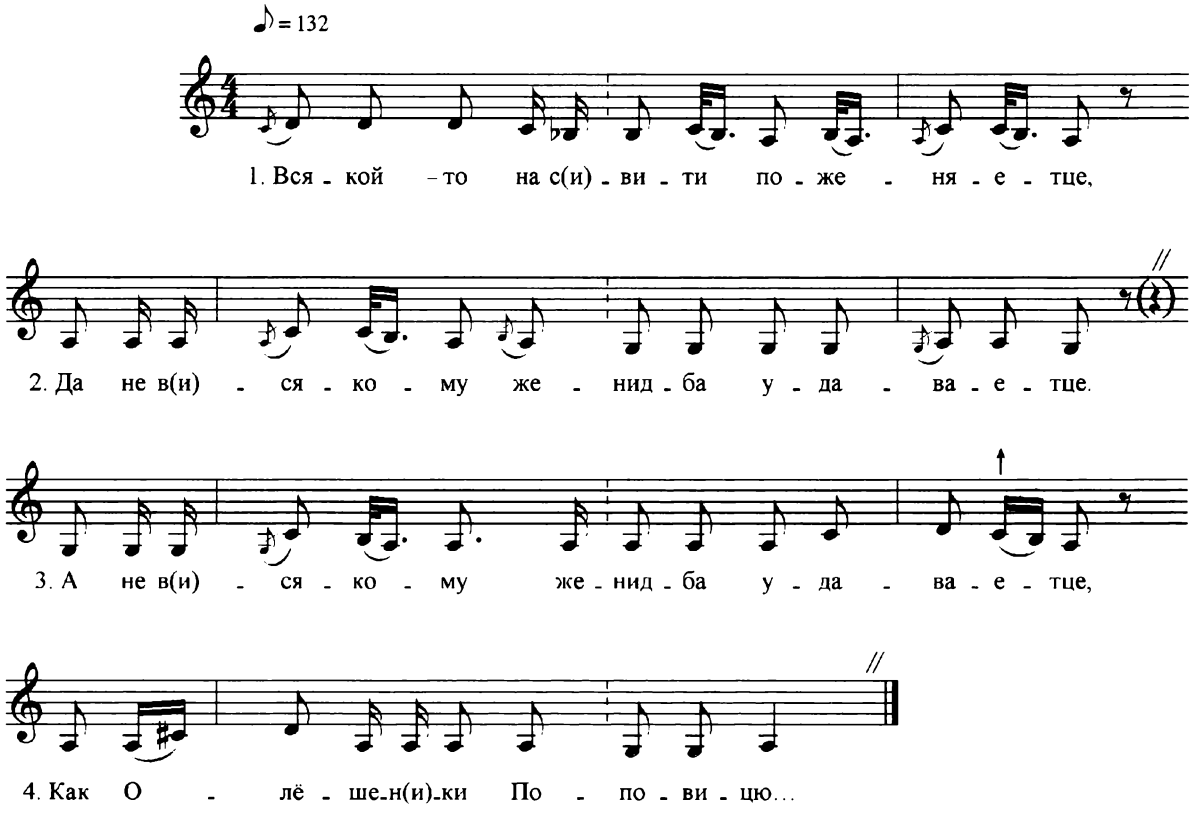
ПРО ОЛЁШЕНКУ ПОПОВИЦЯ

Всякой-то на с(и)вети с-поженяетце,
Да не всякому женидба удаваетце.
А не всякому женидба удаваетце,
Как Олёшен(и)ки Поповичу...

№ 160

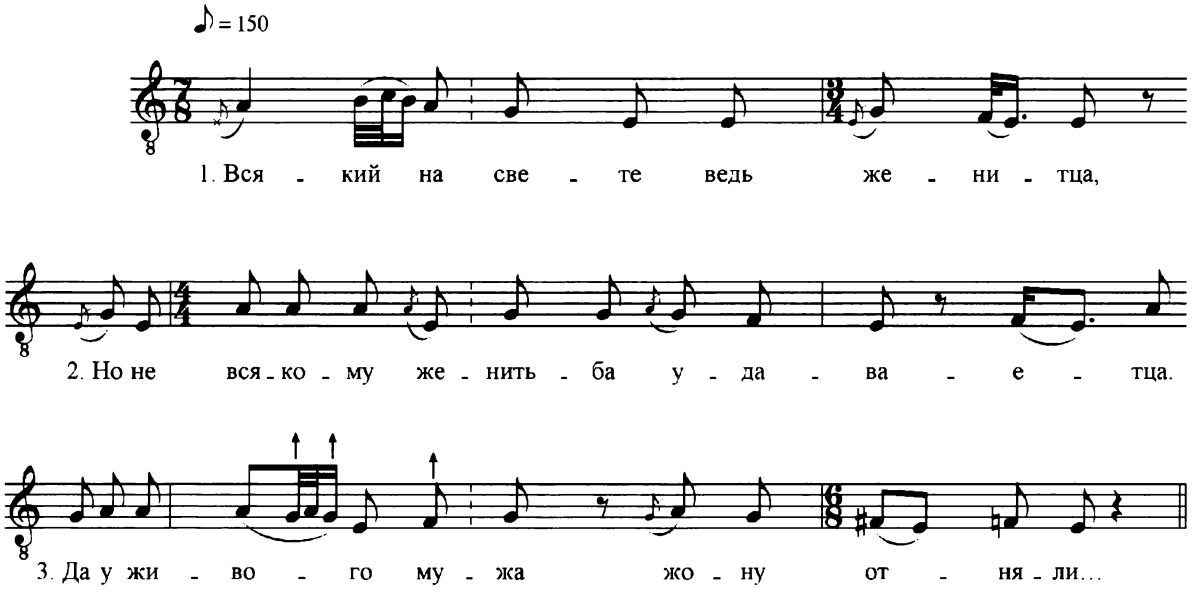
ПРО ОЛЁШЕНКУ ПОПОВИЦЯ

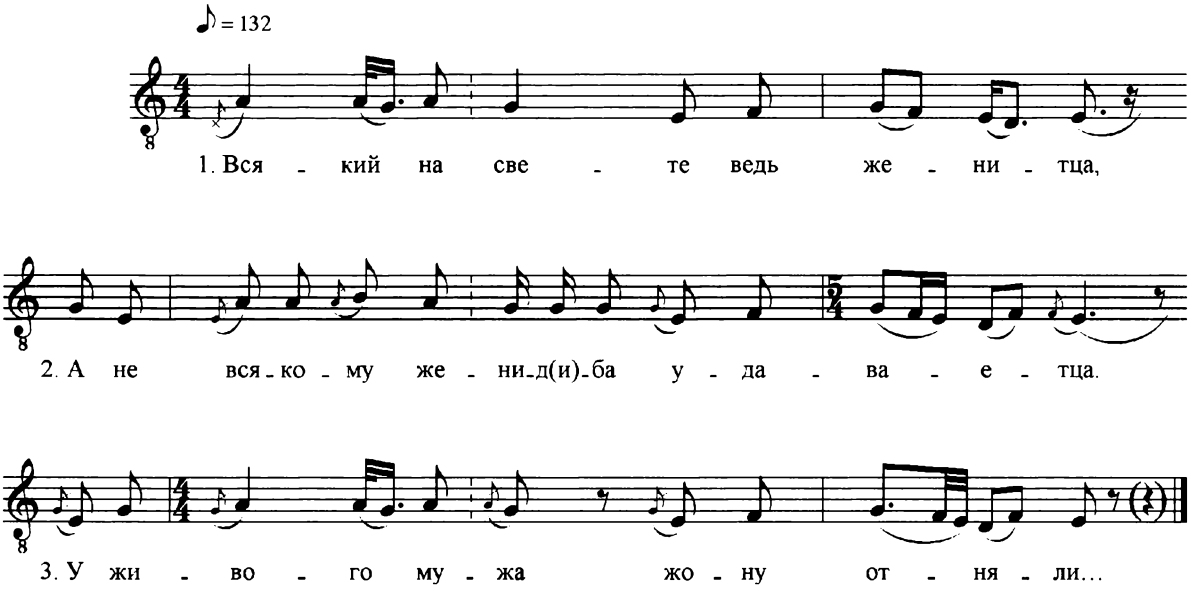

Всякой-то на с(и)вити поженяетце,
Да не в(и)сякому женидба удаваетце.
А не в(и)сякому женидба удаваетце,
Как Олёшен(и)ки Поповицю...
(Вот так! Олёшеньки-то Поповецю не удалось,
не удалось женитьце-то дак на этой, на жоны-то...)

№ 161

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Всякий на свете ведь же́нитца,
Но не всякому женитьба удаваетца.
Да у живого мужа́ жо́ну о́тняли...
(*А вот дальше я не знаю...*)

Всякий на свете ведь же́нитца,
А не всякому женид(и)ба удаваетца.
У живого мужа́ жо́ну о́тняли...

№ 162

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

...Умной-то хвастал ро́д(ы)ной матушкой,
А безум(ы)ной-то хвастал молодой женой...
(*Вот я это помню мале́нько больше...*)

№ 163

ОЛЁША ПОПОВИЧ

Не от солнышка рябинушка шатаетца,
Добрынюшка матери поклоняетця.
Он говорит: «Ах ты, родитель моя матушка, ⟨...⟩че́сно добра́ (э...) Надежда Александровна! Дай ты мне благословленьицо да просщеньицо. Поехать мне, — говорит, — побить тота́ровьёв поганыих». А-й она не дават ёму́ просщеньицо: «Дитя моё люби́моё! Не идь ты на этот полк(ы), ни, ни сгуби ты тота́р, (э...) ни слези́ ты матерей несщасныых, не вдови́ ты ⟨...⟩ матерей несщас-

ных да вдов го́рё-горькиих! Да не сиро́ть ты маленьких де́тушок! Не дам тебе благословленьица!»

Нет, й-он всё равно, всё равно опять клонитцэ: «Родитель моя матушка, чесна́ вдова Надежда Александровна! Пусти ты меня съехать на цисто́ полё на три года́!» Нет, й-она нека́к не соглашаетцэ. Всё-таки ей жалко людей-то убие́шишь: матерей обижать да жён го́рё-горькиих, да дитей (мм...) серо́тскиих.

Ну, всё равно уж(ы), в тре́тей раз спросил, она дала розрешеньицо. Поехал й-он, Добрынюшка Никитинець Монголию воева́ть. То-ли... да так... нет, не в Мон... ну, погоди... Ну ладно, спутала... Ну, ну а потом поехал. Ехал туды три года́, ездил да был... Исщё подожди. Подходит к матери и говорит: «Вот, родитель моя матушка, я поеду только на́ три го́да». — «Скоро ле ты домой?» — «А вот, три если года, приеду...» Ну, а (мм...) матери он сказал: «Три года жди! Если не буду через три го́да, то меня живого не будет. А если буду жи... (мм...) приеду, как живой буду, дак приеду через три года́. А приходит к своей жоны просщатцэ. Ну, говорит: «Ну, а долго ле тебя ждать, Добрынюшка, с циста́ поля́?» — «А шес⟨т⟩ь лет жди». — Ну... (э...) «Ты, — говорит, — хоть заму́ж поди, а хот(и) вдовой живи, — говорит. — А только, как через шес⟨т⟩ь лет потом. А шес⟨т⟩ь лет никуды не ходи, взáмуж не выходи. Не ходи только за мла́дого Олёшу за Поповича! У нас, — говорит, — с Олёшой бра́танося кресща́мы: крестамы кре́щёны, ме́нянося. Я, — говорит, — Олёшин ста́ршой брат, а Олёша мне младший брат, Поповеч Олёша, богатырь.

Ну вот(ы), наказал(ы). Ну, и был, и нет, и уехал. Уехал, там ездил, был, три года прошло, ёго́ нету.

Ну, а стал Олёшинька похаживать,
Стал Настасью подговаривать:

«Вчера я приехал со чиста́ по́ля, дак нету, — говорит, — Добрынюшки живого, убит, убит же Добрынюшка. Поди ты замуж за меня!» — «Нет, не пойду, — говорит, — я за тебя замуж. Я, — говорит, — исполнила (э-у...) ма́терин (ишь, матери сказал), дак исполнила ма́терин заказ». А е́му говорит: «Я наклады́ мужний: исщё буду, — говорит, — шес⟨т⟩ь лет ждать, а потом мне будет своя воля». Ну ладно... Так его́тов опять...

Год за годом — будто дожь дожьжи́т,
Неделя за неделею — как ру́чей бежит,
Вот уж исполнилося двенадцать лет.
Спо́лнилось двенадцать лет —
Исполняетцэ двенадцать лет,
А стал опять Олёша похаживать,
Да стал(ы) Настасью подговаривать.

«Да, — говорит(ь), — я приехал со чиста́ поля́. Добрынюшка лёжи́т, — говорит, — головой в кустах, а ногой — на сырой земли́ да в чисто́м поли́. Ну, й-он убитой, нету ёго́ живого, поди замуж за меня». Й-она верьтелась, забыла, дак никак замуж ни шла. «Ну, если так не пойдёшь, дак мы тебя и сило́м возьмём, ды исщё бок набьём». Ну, ладно... Й-она потом сдала́се, на его розговоры сдала́се, што уж (мм...) пошла замуж.

Ну, запоходи́ла замуж, а-й он(ы) издил-издил там на коня́х, на-й этом на кони́ на (мм...) на маленьком косматеньком Бу́рушки, да взял(ы), поставил его на хорошую траву, сам спать лёг. Спат(и) лёг и ёму́ сон кажетцэ. (Э...) Заговорила лошадь... Вишь, вроде (мм...) ёму́ кажетцэ во снях — заговорила лошадь по-чёлови́чьи: «Эх, — говорит, — Добрынюшка Микитинець! Спишь

ты, — говорит, — спишь, у тя большая незгодушка. Твоя, — говорит, — жона замýж пошла (э...) за Олёшу за Поповиця». Его сон сразу прóдрало. Пришёл, говорит коню: «Што ты, косматенькой Бýрушко, — говорит, — со мной розговаривал?» (*А што конюшко, ни... ёмý во снях показалосе.*) Говорит: «Што сделашь, неужели, — говорит, — й-она замуж за Олёшу пошла, а ведь он у нас брáтанося». Ну ладно... «Ладно, вёз ты меня три года, а свези ты меня в три часа!»

Ну вот... Сел на коня и конь давай его, прыгать: ⟨...⟩

С гóры нá гору поскакивать,
Все реки-озёрка перескакивать,
А мáленькии источники меж ног пустил.

Приезьжат домой, а Настасья уж (э-у...) к веньцю́ увéзёна (*веньчатьцэ раньше было*). Приехал домой к матери, и вот и стучитьця: «Родитель моя матушка, цесна вдова Надежда Александровна! Пусти ты своё чадо мúлоё!» А-й она в окошко, она не... Ну, ей не отворя́, в окошко отвиця́т: «Уйди, калека переезьжая, — говорит. — Ой, он(ы)... Позакатилось (э...) крáсноё солнышко, — говорит, — двенадцать лет, а сейчас уж спотух свет и... и свет ясной мисець. Дак уходите, галéги, калеки перехожии!» 'Ак й-он(ы) всё ровнó мóлитьцэ и прóситьця (*уж двенадцать лет прошло, дак...*). Й-она(м) потом... а: «Уйди́тё, уйдите!» Мóлитьцэ да со слезáмы прóситьце. «Нет, не уйду! — говорит. — Мама, давай... Мама ты моя, мама!» Давал(ы) прости́тьцё, опять спрóситьця. «Вы тут идите, — говорит, — уже, уже у... (мм...) Добрынюшки Никитиньци, — говорит, — ⟨...⟩ под кудря́мы на левом боку, — говорит, — есь роди́мная-от нáлепка». Ну, как й-она отвернула (мм...) кудри́, а знать, бат, эк-оть уговорилися... Ну, ладны... И-й она скочи́ла, ему двери отворила, запустила со слезáмы. «Ну, — говорит, — вот уж потеряли мы уж... Выходит замуж за Олёшу, дак, Поповиця, дак...» — «Ницего, давай уж, всё дело поправитця».

Ну, — говорит, — пришёл опять, заскочил в кóмначку скоморошную, ну и подстригса, всё на... наладилса, всё... Приходит на свадьбу. А Олёша уж сидит с невестой за столом(ы), с молодой женой. Ну, — говорит... Пришёл тоже, роскла́нелса, да всё, посадили ёгó (мм...). «Куды тебе сади́тьце уж, Добрынюшка Микитинець? Уж на любо место садись!» И он сел напротив, напротив ей сел(ы), й-их сел, молодых-то. Ну ладно... Си́ли, — говорит, — а-й он уж постарел, да всё, дак... Ну сидят, да уж свадьбу вёдýт весело, да напи́лися, дак всё... А-й он говорит: «Олёша, — говорит, — розреши мне с твоёй женой перепи́тьця — поменятьце стоканамы».— «Меняйсе, меняйсе, Ставёр, сколько хочет», — сразу зала́дел: повенчалисе, да всё, дак... И е... А-й он взял, да в свой стокан(ы) и (мм...) ето обруча́льнё кольцё кинул ей, и вот ей поднёс. И-й она потом как берéт в.. стокан-то в руки с(и) вином(ы)... Говорит, с⟨х⟩ватила стокан в руки, сама скочи́ла на ноги и закрицяла:

«Ах, не тот мой муж, котóрой со мной рядом сидит,
А тот мой муж, котóрой супротúв меня сидит!»

(*Тоже так-ишь...*) Й-он потом схватил Олёшу за жёлты кудри и бросил ёгó о керпи́чной пол. Дак Олёшенька ⟨...⟩ по пóлу-ти кáтитьце, дак ревúт-то, ль Олёша по-за...лает собáчьёму, визьжит по-котя́чьёму.

«Каждый, — говорит, — во свéти жéнитцэ,
Но не кáжному-от женúдба задаваэ́тце, ⟨...⟩
Задалась Добрынюшки (и) Мекитиньцю».

Дак вот говорит... Ишь, ёмý не задáлоси. Так(ы), взял невесту, привёл домой к матери...

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Сводные тексты (№ 164—166)

№ 164

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Добрынюшки-то матушка говаривала,
Никитичу-то родненька наказывала:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты походишь нынь гулять да е во Киев-град.
Подь ты нунь гуляй да по всим уличкам,
И по тым же ты по мелким переулочкам,
Только не́ ходи ко сукиной Маринушки,
К той Маринушки Кайдаловной,
А Кайдальевной да королевичной,
Во тую ли во частую в уличку,
Да во тот ли нунь во мелкий переулочек.
Сука-блядь Маринка та Кайдальевна,
А Кайдальевна да королевична,
Королевична да и волшебница.
Она много нонь казнила да князей, князевичев.
Много королей да королевичев,
Девять русскиих могучиих богатырей,
А без счету тут народушку да черняди.
Зайдешь ты, Добрынюшка Никитинич,
К той же ко Маринушке Кайдаловной,
Там тебе, Добрыне, живу не́ бывать!»
Отправляется Добрыня сын Никитинич
Он ходить-гулять по городу по Киеву,
Да по тым же нунь по частыим по уличкам,
Тут по мелкиим Добрыня переулочкам.
Ходит тут Добрыня сын Никитинич,
А не шел же он к Маринушке Кайдаловной.
Он увидел голуба да со голубушкой,
А сидит же голуб со голубушкой
А во той же нунь Маришки во Кайдальевны,
В ей же он сидит, голуб, во улички,
Сидят что ли голуб со голубкою
Что ли нос с носком, а рот с ротком.
А Добрынюшке Никитичу не кажется,
Что сидит же тут да голуб со голубушкой,
Нос с носком да было рот с ротком.
Он натягивал тетивочки шелковыи,

Он накладывал тут стрелочки каленыи,
Он стреляет тут же в голубá с голубушкой.
Не попала тая стрелочка каленая
А-й во голуба да со голубкою,
А летела тая стрелочка прямо во высок терем,
В то было окошечко косевчато
К суке ко Маринушке Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной.
Тут скорешенько Добрыня шел да широки́м двором,
Поскорее тут Добрыня по крылечику,
Вежливее же Добрыня по новы́м сеням,
А побасче тут Добрыня в новой горенке,
А берет же свою стрелочку каленую.
Говорит ему Маришка да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Сделаем, Добрынюшка, со мной любовь!»
Отвечает тут Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, душенька Маринушка Кайдальевна!
Я тебе-ка-ва не полюбовничок!»
Обвернулся тут Добрыня с новой горници,
И выходит тут Добрынюшка на широк двор.
Тут скочила же Маринушка Кайдаловна,
Брала тут ножищо да кинжалищо,
А стругает тут следочки да Добрынины,
Рыла тут во печку во муравлену
И сама же тут к следочкам приговариват:
«Горите вы, следочки да Добрынины,
Во той было во печки во муравленой,
Гори-тко во Добрынюшки по мне душа!»
Воротился тут Добрыня с широка двора,
А приходит ко Марине ко Кайдальевной,
Ай к Кайдальевной да королевичной:
«Ах ты, душенька Маринушка Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична!
Уж ты сделаем, Маринушка, со мной любовь,
Ах ты, с душенькой с Добрынюшкой Микитичем!» —
«Ах ты, мóлодой Добрыня сын Никитинич!
Что же надо мной да надсмехаешься́
Да́вень тебя звала в полюбовнички —
Ты в меня топерь, Добрыня, не влюблялся ли —
Нунечу зовешь да в полюбовницы!»
Воротила тут она было богатыря

Тым было туром да златорогиим,
А спустила тут богатыря в чисто поле;
А пошел же тут богатырь по чисту́ полю,
А пошел же он туром да златорогиим,
Увидае он тут стадо да гусиноё
Той же он Авдотьи он Ивановны,
А желанной он своей да было тетушки, —
Притоптал же всех гусей да до единаго,
Не оставил он гусеныша на симена.
Тут приходя пастухи было гусиныи,
А приходя пастухи да жалобу́ творят:
«Ах ты, молода Авдотья да Ивановна!
А приходит к нам же тур златорогии,
Притоптал же всех гусей да до единаго,
Не оставил нам гусеныша на симена!»
Приходил же к стаду к лебединому,
Притоптал же лебедей всих до единоё,
Не оставил он лебёдушки на симена.
Не поспели пастухи да взад сойти,
А приходят пастухи да лебединыи,
Тыи ж пастухи да жалобу творят:
«Молода Авдотья да Ивановна!
Приходил к нам тур да златорогии,
Притоптал же лебедей всих до единоё,
Не оставил он лебёдушки на симена!»
Он приходит, тур, во стадо во овечьеё,
Притоптал же всех овец да до единою,
Не оставил он овечки им на симена.
Не поспели пастухи да тыи взад сойти,
А приходя пастухи было овечьии:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
Приходил к нам тур да златорогии,
Притоптал же всех овец да до единоё,
Не оставил он овечки нам на симена!»
Шол же тур да златорогии
А во то было во стадо во скотинное,
Ко тому было ко ско́ту ко рогатому,
Притоптал же всих коров да до единою,
Не оставил им коровушки на симена.
Не поспели пастухи да тыи взад сойти,
А приходя пастухи же к ей коровьии,
Тыи пастухи да жалобу творят:
«Ах ты, молода Авдотья да Ивановна!

56 Зак. 3948

Приходил ко стаду ко скотинному,
Приходил же тур да златорогии,
Притоптал же всех коров да до единою,
Не оставил нам коровушки на симена!»
Говорила тут Авдотья да Ивановна:
«А не быть же нунь туру да златорогому,
Быть же нунь любимому племяннику,
Молоду Добрынюшки Никитичу.
Он обвернут у Маришки у Кайдальевной,
Молодой Добрыня сын Никитинич.
А повернут он туром да златорогиим!»
Находил же стадо он кониное,
Тот же тур да златорогии,
Разгонял же всих коней да по чисту полю,
Не оставил им лошадушки на симена.
А-й приходят пастухи да к ей кониныи,
Сами пастухи да жалобу творят:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
Приходил же к нам тут тур да златорогии,
Разгонял же всих коней по чисту полю,
Не оставил нам лошадушки на симена!»
Молода Авдотья да Ивановна,
Повернулась тут она было сорокою,
А летела к суке ко Маринушке Кайдальевной,
А садилась на окошечко косевчато,
Стала тут сорока выщекатывать,
Стала тут сорока выговаривать:
«Ах ты сука нунь Маринушка Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична!
А зачем же по́вернула ты Добрынюшку,
А Добрынюшку да ты Никитича,
Тым же нунь туром да златорогиим,
А спустила тут Добрыню во чисто поле?
Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
От того же от тура да златорогаго!
Не отворотишь ты Добрынюшки Никитича
От того же от тура да златорогаго —
О́верну тебя, Маринушка, сорокою,
Я спущу тебя, Маришка, во чисто полё,
Век же ты летай да там сорокою!»
Обвернулась тут Маришка да сорокою,
А летела тут сорока во чисто поле,
А садилася́ к туру да на златы́ рога.

Стала тут сорока выщекатывать,
Взяла тут сорока выговаривать:
«Ай же, тур да златорогии,
Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Сделай с нами заповедь великую
А принять со мной, с Маришкой, по злату венцу —
Отврачу я от тура тя златорогаго!»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, душенька Маринуша Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична!
Отврати-тко от тура да златорогаго,
Сделаю я заповедь великую,
Я приму с тобой, Марина, по злату венцу».
Отвернула от тура да златорогаго
Молода Добрынюшку Никитича.
Приходили тут ко городу ко Киеву,
К ласковому князю ко Владимиру,
Принял со Мариной по злату венцу.
А проводит он свою да было свадебку,
Отправляется во ложни да во теплыи
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Сам же он служаночкам наказыват:
«Ай же, слуги мои верныи!
Попрошу у вас же чару зелена вина,
Вы попрежде мни подайте саблю вострую!»
Шел же он во ложни да во теплыи;
Обвернула тут его да горносталушком,
Взяла горносталика попуживать,
Взяла горносталика покышкивать,
Приломал же горносталь да свои нёкти прочь.
Обвернула тут она его соколиком,
Взяла тут соколика попуживать,
Взяла тут соколика покышкивать,
Примахал сокóл да свои крыльица.
Тут смолился он Маринуши Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной:
«Не могу летать я нунечку соколиком,
Примахал свои я нуньчу крыльица,
Ты позволь-ко мне-ка выпить чару зелена вина!»
Молода Маришка да Кайдальевна
Ай Кайдальевна да королевична
Отвернула тут Добрыню добрым мóлодцем:
А скрычал же тут Добрыня сын Никитинич:

«Ай же, слуги мои верныи,
Вы подайте-тко мне чару зелена вина!»
Подавали ему тут слуги верныи,
Поскорешенько тут подавали саблю вострую.
Не пил он тут чары зелена вина,
Смахне он, Добрыня, саблей востроюю
И отнес же он Марине буйну голову,
А за ей, было, поступки неумильнии.
Поутру сходил во теплую свою да парну баенку,
Идут же, было, князи тут да бояра:
«Здравствуешь, Добрыня сын Никитинич,
Со своей да с любимой семьей,
С той, было, Маринушкой Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной!» —
«Ай же нунь вы, князи еще бóяра,
Вси же вы Владимеровны двóряна!
Я вечор же, братцы, был женáт, нĕ хóлост,
А нынечу я стал, братцы, холóст, нĕ жĕнат.
Я отсек же нунь Марине буйну голову
За ейны, было, поступки неумильнии!» —
«Благодарствуешь, Добрыня сын Никитинич,
Что отсек же ты Маринки буйну голову
За ейны поступки неумильнии!
Много тут казнила да народу она русскаго,
Много тут князей она, князевичев,
Много королей да королевичев,
Девять русскиих могучиих богáтырей,
А без счету тут народушки да черняди!»

* * *

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змиенышов,
Не выручай же пóлону там русскаго,
Не куплись-ко ты во матушке Пучай-реки —
Тая река свирипая,
Свирипая река, сама сердитая:
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,

Дым столбом валит да сам со пламенью!»
Мóлодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки
Честной вдовы Офимьи Олександровной,
Ездил он на гору Сорочинскую,
Топтал он тут малыих змеенышков,
Выручал тут полону да русскаго.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшки говаривала,
Родная Никитичу нака́зывала:
„Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змиенышов,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки —
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка дождёвая!”»
Не поспел тут же́ Добрыня словця мóлвити —
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут Змея было проклятая,
О двенадцати Змея было о хоботах:
«Ах ты, мóлодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь Добрынюшку цело́ сожру,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
Захочу — Добрынюшку в полон снесу!»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты, Змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да за́хватить,
В ты пору́ Добрынюшкой похвастати,
А нуньчу Добрыня не в твоих руках!»
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другоём —
Нету у Добрыни ко́ня добраго,
Нету у Добрыни ко́пья востраго,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.

Сам же тут Добрыня приужáхнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»
Лежит тут колпак да Земли Греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он Змею было по хоботам,
Отшиб Змеи двенадцать тых же хоботов,
Сбился на Змею да он с коленками,
Выхватил ножищо да кинжалищо,
Хоче он Змею было порóспластать.
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич,
Быдь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я теби да сёстра меньшая.
Сделам мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору Сорочинскую,
Не топтать же зде-ка маленьких змиёнышков,
Не выру́чать полону да русскаго;
А я теби сестра да буду меньшая:
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русскаго,
Не носить же мне народу христианьскаго».
Отсла́бил он колен да богатырскиих.
Змея была да тут лукавая:
С-под колен да тут Змея свернуласи,
Улетела тут Змея да во кувыль-траву.
И молодой Добрыня сын Никитинич
Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К сво́ей тут к родители ко матушки,
К честной вдовы Офимье Олександровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня добраго,
Как нету у Добрыни ко́пья востраго,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле!»
Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас навесели,
А мне-ка-ва, Владимиру, не весело:
Одна у мня любимая племянничка,
И молода Забава дочь Потятична.
Летела тут Змея у нас проклятая,
Летела же Змея да через Киев-град;

Ходила нунь Забава дочь Потятична,
Она с мамкамы да с нянькамы
В зеленом саду гулятиться.
Подпадала тут Змея было проклятая
Ко той матушки да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду да ю гуляючи,
В свои было во хобота змеиныи,
Унесла она в пещерушку змеиную.
Сидят же тут два русскиих могучиих богатыря:
Сидит же тут Алёшенька Левонтьевич,
Во дру́гиих Добрыня сын Никитинич
Испроговорит Владимир стольнё-киевской:
«Вы русскии могучии богатыри,
Ай же ты Алёшенька Левонтьевич!
Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиною?»
Испроговорит Алёшенька Левонтьевич:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнё-киевской!
Я слыхал было на сем свети,
Я слыхал же от Добрынюшки Никитича:
Добрынюшка Змей было крестовый брат.
Отдаст же тут Змея проклятая
Мо́лоду Добрынюшки Никитичу
Без бою, без драки-кроволития
Тую же нунь Забаву дочь Потятичну».
Испроговорит Владимир стольно-киевской:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
Да из той было пещерушки змеиною.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу теби, Добрыня, голову́ рубить!»
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясныи
А во тот ли во кирпичен мост,
Ничего ему Добрыня не ответствует.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтениё,
Ему нунь за весело пированиё,
И пошол же ко родители ко матушке
И к честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тут стретает его да родитель матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:

«Что же ты, рожоное, не весело,
Буйну голову, рожоноё, повесило?
Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Али естры-ты были не по́ уму?
Али питьица-ты были не по разуму?
Али дурак-тот над тобою надсмеялся ли?
Али пьяница ли там тебя прио́бозвал?
Али чарою тебя да там прио́бнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушке
А честной вдовы Офимьи Олександровной:
«Ай честна вдова Офимья Олександровна!
Естры-ты же были мне-ка по́ уму,
А и питьица-ты были мне по разуму,
Чарою меня там не прио́бнесли,
А дурак-тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не прио́бозвал;
А накинул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольно-киевской:
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною,
А нунь нету у Добрыни коня добраго,
А нунь нету у Добрыни копья востраго.
Не с чем мни поехати на гору Сорочинскую
К той было Змеи нынь ко проклятою!»
Говорила тут родитель е́му матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«А рожоное моё ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшко Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро-мудренее буде вечера,
День у нас же буде там прибыточён;
Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя —
Батюшков же конь стоит да дедушков.
А стоит Бурко пятнадцать лет —
По колен в назем же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшеньке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон и́з назьму,
Конь же ноги из назму да вон выде́ргиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,

Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи;
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велúк одёр,
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня:
Кладывáе он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки — черкальское седелышко,
И садился тут Добрыня на добра коня.
Провожает тут родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна,
На поезде ему плёточку нунь подала,
Подала тут плётку шамахинскую
А семи шелков да было разныих,
А Добрынюшке она было наказывать:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот теби да плетка шамаханская:
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змиенышов,
Выручать тут полону да русскаго,
Да не станет твой же Бурушко поскакивать,
А змиенышов от ног да прочь отряхивать —
Ты хлыщи Бурка да нонь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи да ты промéж ноги,
Ты промеж ноги да прóмеж заднии.
Сам Бурку да приговаривай:
„Бурушко, ты нунь поскакивай,
А змиенышов от ног да прочь отряхивай!"»
Тут простиласи да воротиласи.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехал, не воротами —
Через ту стену поехал городовую,
Через тую, было, башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змиенышов,
Выручать да полону нонь русскаго.
Подточили тут змиёныши Бурку до щоточки,

А не стал же его Бурушко поскакивать.
На кони же тут Добрыня приужахнется —
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнил он наказ да, было, матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плётку шамахинскую
А семи шелков да шамахинскиих,
Стал хлыстать Бурка да он промеж уши́,
Промеж уши́ да он проме́ж ноги,
А проме́ж ноги́ да промеж заднии,
Сам Бурку да приговариват:
«Ах ты, Бурушко, да нунь поскакивай,
А змиенышов от ног да прочь отряхивай!»
Стал же ёго Бурушко поскакивать,
А змиенышов от ног да прочь отряхивать,
Притоптал же всих он маленьких змиенышков,
Выручал он полону да русскаго.
И выходит тут Змея было проклятая
Да из той было пещеры из змеиною
И сама же тут Добрыни испроговорит:
«Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору Сорочинскую
А топтать же мо́их маленьких змиенышев!»
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты, Змия проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, Змея проклятая, порушила?
Ты зачим летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну
Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну
Без бою, без драки-кроволития!»
Не отдавала о́на без бою, без драки-кроволития,
Заводила о́на бой, драку́ великую
Да большое тут с Добрыней кроволитиё.
Бился тут Добрыня со Змеёй трои́ сутки,
А не може он побить Змеи проклятою.
Наконець хотел Добрынюшка отъехати,
Из небес же тут Добрынюшки да глас гласит:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со Змеёй ты да трои сутки,
А побейся-ко с Змеёй да еще три́ часу!»
Тут побился он, Добрыня еще три́ часу —

А побил Змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прúжре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною!
А стоит же тут Добрыня во крови́ трои сутки,
На кони сидит Добрыня — приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехати.
З-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты, мóлодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ко ты копьем да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земли да приговаривай!»
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Розступись-ко ты же, матушка сыра земля,
На четыре на вси стороны,
Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Розступилась, было, матушка сыра земля
На всих на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошол же по пещерам по змеиным,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону русскаго.
Много вывел он, было, князей-князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той, было, пещеры из змеиною,
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошол пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю —
Он нашол же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той, было, пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам
И девúцам королевичным
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унéсены,

Всяк ступайте в свою сторону:
А собирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас Змея боле́ проклятая.
А убита е Змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная
От востока кровь да вниз до запада —
Не унесет нунь боле полону да русскаго
И народу христианьскаго,
А убита е Змея да у Добрынюшки
И приконьчена да жизнь нуньчу змеиная!»
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на право́ стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за вы́слугу
Назвала тебя бы я нунь батюшком —
И назвать тебя, Добрыня, нуньчу не́ можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимыим —
А назвать тебя, Добрыня, нуньчу не́ можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нонь другом да любимыим —
В нас же вы, Добрынюшка, не влю́битесь!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты, мо́лода Забава дочь Потятична!
Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
Я есть роду христианьскаго:
Нас нельзя назвать же другом да любимыим».
А везет же он, Добрыня, по чисту полю,
Он наехал во чистом поле да ископыть,
Ископыть да лошадиную:
Как стульями земля да проворочена.
Тут поехал нунь Добрыня сын Никитинич
Той же ископытью лошадиною,
Он увидел тут Алёшеньку Левонтьева:
«Ай же ты, Алёшенька Левонтьевич!
Ты прими от нас Забаву дочь Потятичну.
Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими, Олёшенька, во честности,
Не стыди-тко ей да личка белаго.
Ты присты́дишь ей да личко белое,

Мне-ка-ва она да тут пожалится,
Я те завтра тут, Олёшка, голову́ срублю!
А свези-ко ты к Владимиру во честности,
К солнышку ко князю стольне-киевску!»
Отправляет тут Забаву дочь Потятичну
С тым, было, Олёшенькой Левонтьевым.
Сам поехал ископытью лошадиною,
Наезжае он богатыря в чистом поли.
А сидит богатырь на добром кони,
А сидит богатырь в платьях женскиих.
Говорит Добрыня сын Никитинич:
«Е же не богатырь на добром кони,
Есть же поляница знать удалая,
А кака́ ни тут деви́ца, либо женщина!»
И наехал тут Добрыня на бога́тыря,
Он ударил поляницу в буйну голову —
А сидит же поляница — не сворохнется,
А назад тут поляница не оглянется.
На кони сидит Добрыня — приужахнется,
Отъезжае прочь Добрыня от богатыря,
А от той же поляници от удалыи:
«Видно, смелостью Добрынюшке по-старому,
Видно, сила у Добрыни не по-прежному!»
А стоит же во чистом поли да сы́рой дуб,
Да в обнём же он стоит да человеческий.
Наезжает же Добрынюшка на сырой дуб
А попробывать да силы богатырскии.
Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб,
Он росшиб же дуб да весь по ластиньям.
На кони сидит Добрыня — приужахнется:
«Видно, сила у Добрынюшки по-старому,
Видно, смелость у Добрыни не по-прежному!»
Разъежается Добрыня сын Никитинич
На своём же тут Добрыня на добром кони
А на ту же поляницу на удалую.
Чёсне поляницу в буйну голову —
На кони сидит же поляница — не сворохнется,
И назад же поляница не оглянется.
На кони сидит Добрыня — сам ужахнется:
«Смелость у Добрынюшки по-прежному,
Видно, сила у Добрыни не по-старому,
Со Змеёю же Добрыня нынь повыбился!»
Отъезжае прочь от поляницы от удалыи,

А стоит тут во чистом поли да сырой дуб,
Он стоит да в два обнёма человеческих.
Наезжает тут Добрынюшка на сырой дуб,
Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб,
А росшиб же дуб да весь по ластиньям.
На кони сидит Добрыня — приужахнется:
«Видно, сила у Добрынюшки по-старому,
Видно, смелость у Добрыни не по-прежному!»
Розгорелся тут Добрыня на добри́ кони
И наехал тут Добрынюшка да в третий раз
А на ту же поляницу на удалую.
Да ударит поляницу в буйну голову —
На кони сидит же поляница — сворохнуласе,
И назад же поляница оглянуласе.
Говорит же поляница да удалая:
«Думала же, русскии комарики покусывают —
Ажно русскии богатыри пощалкивают!»
Ухватила тут Добрыню за желты кудри,
Сдернула Добрынюшку с коня долой,
А спустила тут Добрыню во глубок мешок,
А во тот мешок да тут во кожаной.
А повез же ейный, было, добрый конь,
А повез же он да по чисту полю.
Испровещится же ейный добрый конь:
«Ай же, поляница ты удалая,
Молода Настасья дочь Никулична!
Не могу везти да двух богатырей:
Силою богатырь супротив тебя,
Смелостью богатырь да вдвоём тебя!»
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тут богатыря с мешка да вон же с кожаньца,
Сама к богатырю да испроговорит:
«Старыи богатырь да матёрыи —
Назову я нунь себе-ка-ва да батюшкой;
Ежели богатырь да моло́дыи,
Ежели богатырь нам прилюбится —
Назову я се́бе другом да любимыим;
Ежели богатырь не прилюбится —
На долонь кладу, другой прижму
И в овсяный блин да его сделаю!»
Увидала тут Добрынюшку Никитича:
«Здравствуй, душенька Добрыня сын Никитинич!»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:

«Ах ты, поляница да удалая!
Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?
Я тебя да нунь не знаю ли». —
«А бывала я во городи во Киеви,
Я видала тя, Добрынюшку Никитича,
А тебе же меня нуньчу негде знать.
Я того же короля дочь Ляховицкаго,
Молода Настасья дочь Никулична,
А поехала в чисто поле поляковать
А искать же я собе-ка супротивничка.
Возьмешь ли, Добрыня, во замужество —
Я спущу тебя, Добрынюшка, во живности.
Сделай со́ мной заповедь великую!
А не сделаешь ты заповеди да великия —
На долонь кладу, другой сверху прижму,
Сделаю тебя я да в овсяный блин!» —
«Ах ты молода Настасья дочь Никулична,
Ты спусти меня во живности,
Сделаю я заповедь великую,
Я приму с тобой, Настасья, по злату венцу!»
Сделали тут заповедь великую.
Нунь поехали ко городу ко Киеву,
Да ко ласковому князю ко Владимиру.
Приезжают тут ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Приезжает тут Добрыня сын Никитинич
А к своей, было, к родители ко матушки,
А к честной вдовы Офимьи Олександровной.
А стретает тут родитель е́го матушка
А честна вдова Офимья Олександровна
И сама же у Добрынюшки да спра́шиват:
«Ты кого привез, Добрыня сын Никитинич?» —
«Ай честна вдова Офимья Олександровна,
Ты родитель моя да нуньчу матушка!
Я привез себе-ка супротивную,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
А принять же с ей, с Настасьей, по злату венцу».
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владимиру,
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крест-то клал да по-писаному,
Бьет челом Добрыня, покланяется
Да на всих же на четыре он на стороны,
Князю со княгинушкой в особину:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевской!» —
«Здравствуешь, Добрыня сын Никитинич!
Ты кого привез, Добрынюшка Никитинич?»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, солнышко Владимер стольнё-киевской!
Я привез же нынь себе-ка супротивную,
А принять же нам с Настасьей по злату венцу».
Сделали об их же публикацию,
Провели же ю да в верушку крещоную,
Принял тут с Настасьей по злату венцу,
Стал же он с Настасьей век коротати.

* * *

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
А Никитинич-тот ро́дненькой наказывал:
«Ты зачем меня, несчастнаго, споро́дила?
Спороди́ла бы, родитель моя матушка,
Обвертела бы мою да буйну голову,
Обвертела тонким биленьким рукавчиком,
А спустила бы во Черное-то море во турецкое,
Я бы век да там, Добрыня, во мори́ лежал,
Я отныне бы, Добрыня, век да по́ веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по Святой Руси,
Я не бил бы нунь, Добрыня, бесповинных душ,
Не слезил бы я, Добрыня, отцей-матерей,
Не спускал бы сиротать да малых детушок!»
Отвечала тут родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя споро́дити
А таланом-участью да во Илью Муромца,
Силою во Святогора нонь богатыря,
Красотою было в Осипа прекрасного,
Славою, было, в Вольгу́ Всеславьева,
Ай богачеством в купца Садка богатого
Ай богачеством в купца да новгородскаго,
А смелостью в Олёшку во Поповича,
А походкою щапливою
Во того, было, Чурилушку Пленко́вича —
Только вежеством в Добрынюшку Никитича:
Тыи ста́тьи есть, да других Бог не дал,
Других Бог теби не дал да не пожаловал!»

Розсердился тут Добрыня сын Никитинич
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на двор-тот шол,
А седлает тут Добрынюшка добра каня,
Кладыва́е он же потнички на потнички,
Да на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки — черкальское седелышко,
А подтягиват двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый для-ради крепости,
Чтобы добрый конь из-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
А у той ли у правыи у стре́мены
Провожала е́го тут родитель-матушка,
А у той, было, у левыи у стре́мены
Провожала-то его да любима́ семья,
Молода́ Настасья да Микулична.
А тут честна вдова Офимья Олександровна,
Тут простиласи да воротиласи,
А домой пошла, сама заплакала.
А у той, было, у левыи у стремены
И́де молода Настасья дочь Никулична.
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича выведывать:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты скажи-тко нунь, Добрыня сын Никитинич,
А когда же ждать тя нуньчу со чиста поля,
А когда тя сожидаться в сво́ю сторону?»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, мо́лода Настасья дочь Никулична,
Как ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
Стала у Никитича выведывать,
Я ти стану нунь высказывать:
Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,
Я по три годы не буду, жди по дру́го три,
А как про́йде тому времени да шесть годов,
Я не буду тут, Добрыня, из чиста поля —
Хоть вдовой живи, да хоть заму́ж поди.
По́ди за́ князя, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго богатыря,
Только не́ ходи за брата за названаго,
За того, было, Олёшенку Поповича!
Тут простиласи да воротиласи,
А домой пошла, сама заплакала.

День-то за день — будто дождь секёт,
А неделя за неделей — как трава ростёт.
Год-тот за годо́м — да как река бежит,
А прошло-то тому времечки да три годы —
Не бывал же тут Добрыня из чиста поля.
Стала ждать Добрынюшка по друго три.
День-то за день — будто дождь секёт,
А недели за неделей — как трава ростёт,
Год-тот за годо́м — да как река бежит,
А прошло-то тому времечки да шесть годов —
Не бывал же тут Добрыня из чиста поля.
Приезжает тут Олёшенька Левонтьевич,
Он привозит, было, весточку нерадостну:
А побит лежит Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст.
А честна вдова Офимья Олександровна,
Она взяла по полатам-то похаживать,
Своим го́лоском поваживать:
«А лежит в чистом поли Добрынюшка убитыи!»
Тут стал солнышко Владимир-тот захаживать,
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди за князя, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго бога́тыря!
А побольше тут зовут-то за Олёшенку,
За того было Олёшку за Поповича».
Не пошла она не за князя, не за боярина,
Не за русскаго могучаго бога́тыря,
Не за смелаго Олёшку за Поповича.
«Справила я заповедь-то мужнюю,
Справлю свою заповедь-то женьскую».
Стала ждать Добрынюшку по дру́го шесть.
День-то за день — будто дождь секёт,
А неделя за неделей — как трава ростёт,
Год-тот за годо́м — да как река бежит,
Прошло тому времечки двенадцать лет —
Не бывал же тут Добрыня из чиста поля.
Приезжает тут Олёшенька Левонтьевич,
Приезжает тут Олёшка да во другой раз,
А привозит, было, весточку во дру́гой раз,
Тую весточку привозит да нерадостну:
А побит лежит Добрыня во чистом поли,

А плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Тут стал солнышко Владимир-тот захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго богатыря!»
А побольше стали звать да за Олёшеньку,
За того, было, Олёшенку Поповича.
Не пошла она не за князя, не за боярина,
Не за русскаго могучего богатыря,
А пошла замуж за смелаго Олёшу за Поповича.
Что ли свадебка у них было по-третий день,
А севодня-то итти да ко Божьёй церквы.
Ездит тут Добрыня у Царя-града.
Конь-то тут Добрынин подтыкается,
А к сырой земли да приклоняется:
«Ах ты, волчья сыть, медвежья выть!
Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
Над собой ли ты незгодушку-ту ведаешь,
Над собой ли ведаешь, аль на́до мной,
Надо мной, Добрынюшкой Никитичом?»
Из небес, было, Добрынюшки да глас гласит:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
А твоя-то любима семья замуж пошла
А за смелаго Олёшку за Поповича,
Свадебка у них было по-третий день,
А принять же им с Олёшкой по злату венцу!»
Розсердился тут Добрыня сын Никитинич:
Как приправил ко́ня добраго
От Царя-града на Киев-град,
Не дорожкамы поехал, не воротамы —
Реки-ты, озера перескакивал,
Широки́ раздолья промеж ног пущал,
А ко Киеву Добрынюшка прискакивал.
А приехал он ко славному ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Через ту стену наехал городовую,
Через тую башню наугольную,
А к тому, было, подворьицу вдовиному,
А к честной вдовы Офимьи Олександровной.
Со чиста поля наехал он скорым гоньцём,
А не спрашивал у дверей он придверничков,

У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всих же прочь взашей да и отталкиват,
А бежит тут во полаты белокаменны.
Вси придворнички да приворотнички
Вслед идут да жалобу́ творят:
«А честна вдова Офимья Олександровна!
Этот-то удалый добрый молодец
Со чиста поля наехал он скорым гоньцём,
Ко подворьицу он ехал ко вдовиному,
Он не спрашивал у дверей придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всих же нас тут взашей прочь отталкивал!»
А честна вдова Офимья Александровна —
Она взяла по полатам-то похаживать,
Своим женскиим тут голоском поваживать:
«А прошло-то времени двенадцать лет,
Закатилось у меня да красно солнышко,
Как уехал тут Добрыня сын Никитинич,
А уехал тут Добрыня да́лече-далече во чисто поле,
А лежит же тут Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст!
А как нунечку было теперечку
Закатается да млад светёл месяц!»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай честна вдова Офимья Олександровна!
Мне-ка-ва Добрынюшка крестовой брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал:
А Добрыня-тот поехал ко Царю-граду,
Я-то нунь поехал да ко Киеву,
А не слу́чит ли ти Бог же быть во Киеви,
А велел спросить про молоду Настасью про Микуличну,
Про Добрынину да любиму семью».
Испроговорит честна вдова Офимья Олександровна:
«А как нунечу Добрынина да любима семья
А как нунечу Настасья да замуж пошла
За того за смелаго Олёшку за Поповича.
Свадебка у них было по-третий день,
А принять же им с Олёшкой по злату венцу».
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич:
«Мне-ка-ва Добрынюшка крестовый брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал:

Слу́чит Бог же быть теби во Киеви
У того было подворьица вдовинаго,
А велел же взять он платья скоморовскии
В новой горенки да тут на стопочки,
А в глубокиих своих во погребах
Взять дубинку сорока пудов —
А на свадебки меня бы не обидели.
Да велел же взять гусёлышка яровчаты
Да во том же во глубокоем во погреби».
А честна вдова Офимья Олександровна
Тут скорёшенько бежала в нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскии,
Отмыкала о́на погреба глубокии,
Подавала тут гусёлышка яровчаты,
Сам же взял дубинку сорока пудов,
А пошел же скоморошиной на свадебку.
А приходит скоморошиной на свадебку
А-й к тому двору да княженецкому,
А не спрашиват у дверей да придверничков,
У ворот не спрашиват да приворотничков,
Он всих взашей прочь отталкивал.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслед идут да жалобу творят:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнё-киевской!
Этот-то удалый добрый молодец
Со чиста поля он давень ехал да скорым гонцом
Ко тому было подворью ко вдовиному,
Там не спрашивал у дверей да придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Он всих взашей прочь отталкивал;
Нунь идет на княженецкий двор,
Нунь идет да скоморошиной,
А не спрашиват у дверей да придверничков,
У ворот нас, приворотничков,
Взашей прочь нас всих отталкиват».
Говорит ему Владимир стольне-киевской
«Ай же ты, удала скоморошина!
Ты зачем же ехал давень ко подворьицу,
А к тому подворьицу вдовиному,
Там не спрашивашь ты у дверей придверничков,
У ворот не спрашивашь да приворотничков,
Взашей прочь ты всих отталкивал?
Нунь идешь на княженецкий двор

И не спрашивашь ты у дверей придверничков,
У ворот-то наших приворотничков,
Взашей прочь ты всих отталкивашь?»
Скоморошина тут в речи да не вчуется,
Скоморошина тут к речам да не примется,
Говорит же тут удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской!
Где-то наше место скоморовское?»
Отвечает князь Владимир стольне-киевской:
«Ваше место скоморовское
Что ль на печки да на за́печки».
Скоморошина тут местом не побрёзговал,
А скочил на печку на муравлену,
Заиграет тут в гуселышка яровчаты
А на той, было, на печки на муравленой.
А играет-то Добрынюшка во Киеви,
А на вы́игрыш берет да во Цари-гради,
А от стараго да всих до малаго
А повыиграл поимянно.
Вси же за столом да призадумались,
Вси же тут игры да призаслухались,
Вси же за столом да испроговорят:
«А не быть же нунь удалой скоморошины,
Быть же нунь дородну добру молодцу,
Свято-русскому могучему богатырю!»
Говорил же тут Владимир стольне-киевской:
«Ай же ты, удала скоморошина,
А дородний добрый молодец!
Опускайся-ко из печки да из запечка,
Дам теби три места, три любимыих:
Одно место нунь возли меня,
Друго место супротив меня,
Третье место — куды сам захошь».
Говорит же тут удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской,
Дай-ко мне-ка место на скамеечке
Супротив, было, княгинушки моло́дыи,
Молодо́й Настасьи да Никуличной!»
Говорит ему Владимир стольнё-киевской:
«Ай же ты, удала скоморошина!
Дано ти три места, три любимыих,
Куды знаешь, ты туды садись,
Что ты здумаешь, так то́ делай,

Что захочешь, так ты то́ твори!» —
«А позволь-ко мне, Владимир стольне-киевской,
Налить чару зелена вина».
Наливае, было, чару зелена вина,
А опустит в чару свой злачен перстень
А подносит он Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки моло́дыи:
«Ах ты, мо́лода Настасья дочь Никулична!
Уж ты хошь добра — так нуньчу пьешь до дна,
А не хошь добра — так ты не пьешь до дна!»
Мо́лода Настасья дочь Никулична
Взяла она чару едино́й рукой,
Выпила ту чару единым духом,
Тут увидла в чары свой злачен перстень,
Да которыим с Добрыней обручаласи,
Сама же о́на князю поклониласи:
«Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской!
А не тот мой муж, который нунь возли меня,
Тот мой муж, который супротив меня.
Тут приехал нунь Добрыня в свою сторону,
Он напомнил тут, Добрыня, отца-матушку,
Отыскал Добрыня молоду жену».
Ай выходит з-за столов да вон з-за дубовых,
Пала тут Добрыни во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сын Никитинич,
А во той вины прости меня, во глупости,
Что не по твойму наказу я нунь сделала,
А пошла замуж за смелаго Олёшку за Поповича,
А во той вины прости меня, во глупости!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую я тут разуму да женскому:
У ней волос долог — у́м короток,
А я дивую нунь же солнышку Владимиру
Со своей, было, княгиною:
Он же, солнышко Владимир стольне-киевской,
Он же был да сватом ли,
А княгинушка да свахою —
От живаго мужа жонушку замуж берут, просватают!»
Тут солнышко Владимир стольне-киевской
Он повесил буйну голову
А в тот же во кирпичен мост
Со своей, было, княгиною.
Тут выходит да Олёшенка Левонтьевич

З-за тыих столов да белодубовых,
Пал же тут Добрыне во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сын Никитинич,
Что я по́сидел возли твоей княгинушки моло́дыи,
Мо́лодой Настасьи дочь Никуличной!» —
«Ай же, братец ты названыи,
Ай Олёшенка Левонтьевич!
А во той-то вины, братец, тебя Бог простит,
А во дру́гой вины, братец, тебя не́ прощу:
А зачем же приезжал ты из чиста поля,
Привозил же про́ нас весточку нерадостну,
Что лежит побит Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испростреляны,
Голова его испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст?
Ты слезил же нунь родитель мою матушку,
А честну вдову Офимью Олександровну.
Тяжелешенько тут о́на по мне плакала,
А слезила тут она да очи ясныи,
А скорбила тут она да личко белоё,
Тяжелешенько она́ да по мне плакала!»
Как ухватит он Алёшку за желты кудри,
Взял же он Алёшеньку охаживать,
А не слышно было в бухканье да охканья!
Хоть и всякой-то на свети да женится,
Да не всякому женитьба удавается,
А не дай Бог да женидьбы да Олёшкиной!
Только тут Алёшка и женат бывал,
Только тут Алёшка да с женой сыпал.
Синему морю да на ти́шину,
Всем добрыим же людям на послу́шаньё.

№ 165

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Во городе да во Киеве
А во граде было во том,
У солнышка у Владимира
Началося столованьице,
Началося пированьице,
Был там почестен пир.

На том да на чесном пиру
Съезжалися усилочки могучие.
На том да на чесном пиру
У солнышка у Владимира
Все досыта наедалися,
Все допьяна напивалися,
Друг мез дружкой порасхвастались:
Кто хвастат своей силушкой,
Какой хвастат своим богачеством,
Третий хвастат своей да молодой женой.
Только солнышко Владимир-князь
Говорил да таковы слова:
«Эх вы гой да еси, молодцы,
Все вы досыта да понаелися,
Все вы допьяна да понапилися,
Кто бы взялся сложить да мне-ко службишку,
Кто бы съездил да на Пощай-реку
Ко Змею ко Гордыновичу
И доставил оттуль племянницу Путятишну,
Племянницу Путятишну от Змея от Гордыныча?»
Все молодчики да позаежились,
⟨Все молодчики⟩ да позакорчились,
Друг за друга опускаются
И не молвят ни словецка солнышку Владимиру.
Говорил тут Владимир-князь:
«Эх вы гой да еси, молодцы,
Что не молвите ль словечушка князю да Владимиру?
Если б был бы да Илья Муромец,
Не позволил бы мне,
Солнышку князю Владимиру,
Молвить два словечушка —
Сослужил мне раз службишку.
Еще есть у меня надеждица
На Добрынюшку на Никитича,
Может быть, исполнит он».
Тут Добрынюшка да сын Никитевич
Вскочил да на резвы ноги,
Говорил да таковы слова:
«Ох ты гой еси, Владимир-князь,
Я возьмуся служить службицу.
Что случится во поездочки,
Не покинь-ко моей матушки
От старости до младости,

От младости до гробной доски,
До гробной доски да до сырой земли!»
Тут Добрынюшка да сын Никитевич
Шел в полаты белокаменны
К своей матушки, к своей родненькой:
«Ох ты, матушка да моя родная,
Ты ведь дай-ко мне прощеньице
И дай благословленьице съиздить на Пощай-реку
Во перву на побыточку!»
Дала матушка да его ро́дная,
Говорила да таковы слова:
«Ох ты гой да еси, молодец,
Твое дело молодёшенько,
Уму-разуму глупёшенько
Исполнять такую службицу».
Говорит тут Добрынюшка,
Говорит да таковы слова:
«Ах ты, матушка моя родная,
Ты ведь дай мне прощеньице
И дай благословленьице!»
Дала матушка да его ро́дная,
Дает ему благословленьице:
«Не кровавить руки да богатырски⟨е⟩
Во первой да во побыточке».
Тут Добрыня да сын Никитевич
Говорил да таковы слова:
«Ты даешь тако прощеньице
И даешь благословленьице —
Не кровавить руки да богатырские.
Мне наб со Змеей повидатися,
Со Змеем посражатися!»
Вот Добрынюшка да сын Никитевич
Начал он справлятися,
В путь-дорожку снаряжатися.
Брал стопочек точеныих,
Головок золоченыих,
Обувал на ноженьки да сапоженьки,
Сапоженьки да белово́ софьяна,
Одел шубку соболиную,
Черных соболей заморскиих,
Перчаточки да лайковы,
Шапченочку клал бархатну.
Тут Добрыня да сын Никитевич,

Брал Добрыня кована́ седло,
Ковано седло во триста́ рублей,
Медны пуговки да не мидиют,
Булан серебро да не ржавеет.
Поезжат Добрыня — не поржавеет,
Во путейскую дороженьку.
Вот Добрыня сын Никитевич
Взял уздечку он серканскую,
Выходил он тут на широк двор,
И на широк двор, на улицу,
Выводил коня и осередь двора,
Ни к чему коня да не привязывал,
Строго коню да выговаривал.
Все узды кладал да военные.
Тут Добрынюшка да сын Никитинеч
Нача́л коня да он оседлывать:
Кладал потечки на потечки,
На потечки — да мягки войлочки,
На войлочки — да ковано седло,
Кована́ седло да во триста́ рублей,
Двенадцати подпругами да он подтягивал,
Тридцата была продольная,
Продольная да не удольная —
Не для ради красы-босы,
А для ради укрепы богатырскои.
Ле его матушка его родная
Ко сыну обратилася:
«Далеко ли ты справляешься,
Куда, рожёно, снаряжаешься?
Не берешь туга лука да самолучника,
Не ⟨берешь⟩ да сабли вострыи,
Не ⟨берешь⟩ себе палицу во ⟨тридцать⟩ пуд —
Нападут на тебя люди недобрыи,
Люди недобрыи, враги удольныи,
Не сносить буйной головушки
На своей да на воронушке!» —
«Ох ты, матушка да моя родная,
Взял припасы все военныя!»
Видла матушка его сядучись,
А не видла его поедучись —
Одна куревка прокурела
И пороша пропорошила.
Тут Добрыня сын Никитевич

Бил да он коня да по тучным ребрам,
Бил он шпорами и подборами,
А его да под ним добрый конь,
Начал конь помахивать,
Узки реки перескакивал,
Мелки ручья промеж ног пустил.
Тут Добрыня сын Никитинеч
Еде в ночь по светлу месяцу,
День — по красному по солнышку,
Нигде коня да не удерживал.
Тут Добрыня сын Никитинеч
Как приехал ко Пощай-реки,
Спустил коня да на зеленый луг,
На зеленый луг да шелкову траву,
Сам пошел, да добрый молодец,
Ко той да ко Пощай-реки,
Наб в реченьки да окупатися,
Наб со Змеем ему да повидатися.
Как идут-то, идут красны девушки,
Говорят ему да таковы слова:
«Ох ты гой еси, добрый молодец,
Не купайся-ко да во Пощай-реки —
Наплывешь на строечку змеиную,
Не сносить буйной головушки
От Змия от Гордыновича!» —
«Ох вы гой еси, да красны девушки,
А того да мне-ко надобно:
Прилетел сюда да Змей Гордынович,
Наб бы с ним мне повидатися,
Наб бы с ним мне посражатися!»
Как прошли да красны девушки,
Тут Добрыня сын Никитинич
Снял с себя да платье тельное
И нырнул да в эту речёньку,
Наплыл на строечку змеиную.
Как летит только от запада,
И летит да Змей Гордынович
И кричит да громким голосом:
«Что хочу, ведь с ним да сделаю,
Захочу — его в воде стоплю,
⟨Захочу⟩ — в плен возьму!»
Тут Добрынюшка да сын Никитинич
Вынырнул из реченьки,

Говорил да таковы слова:
«Не рано ли, Змей, да порасхвастался?
Бог не выдаст, дак и свиньям не съисть!»
Нырнул опять до донышка.
Надлетел да Змей Гординович,
Не поспел схватить да добра молодца.
Полетел он да ко берегу
Ко его да тельно платьицу,
Дожидает он у берега
Добрыню добра молодца.
Добрыня сын Никитинеч
Набрал песочку там он речнаго
Полны горсти он могучии,
Пронырал он ближе к берегу
Супротив Змея Гордыныча,
Бросил Змею во больши глаза
Песочком тыим речныим.
Пока Змей глаза росщипывал,
Он схватил да саблю вострую,
Отрубил буйну головушку
Змею да Гордыновичу.
Тут Добрыня сын Никитинич и начал одеватися,
В путь-дорожку снаряжатися.
Поехал искать жилище, его жилища змеиннаго.
Его жилища змеиное да было пораскинуто
На семи дубах да на семи верстах
И забрано многих людей пленныих,
Людей пленныих да ⟨людей⟩ бедныих,
Как у Змея у Гордыныча.
Тут Добрыня сын Никитевич
Говорил да таковы слова:
«Ох вы гой еси, да люди пленные,
Вы идите-ка дороженькой,
Дороженькой прямохожею,
Возьмите-ко племянницу,
Племянницу Путятишну
И сведите-тко во Чернигов-град
Ко солнышку ко Владимиру».
Говорят да люди пленные,
⟨Говорят⟩ да таковы слова:
«Ох ты гой еси, добрый молодец,
Погубит Змей Гордынович,
Не можем сойти с ми́стичка». —

«Ох вы гой еси, да люди пленные,
У меня сказнен да Змей Гордынович
На той да на Пощай-реки,
Отрублена головушка Змею да Гордыновичу.
Вы пойдите-тко, люди пленные,
Покажу вам путь-дороженьку,
Дороженьку прямохожую».
Согласились люди пленные
Идти да с добрым молодцем.
Повел их тут Добрынюшка
Ко той да ко Пощай-реки,
Указал буйну головушку того Змея Гордыновича.
Он обрадал людей пленныих дорожкой прямохожею
Во тот да во Чернигов-град.
Тут Добрыня сын Никитевич
Поехал дороженькой окольною,
Окольною да неудальную.
Подъезжат он ко границе
И видит три надписи,
На них было написано:
«Право едешь — то богатым быть,
Прямо едешь — женатому быть,
Налево едешь — убитому быть».
Тут Добрыня да сын Никитевич
Призадумался, призапечалился:
«Начто мне-ко богачество,
⟨Начто мне-ко⟩ женичество?
Поеду дороженькою отбойною».
Тут Добрыня сын Никитевич
Начал коня нашкаливать,
Начал коню да выговаривать.
Все угрозы кладал да он военные.
Тут Добрыня сын Никитевич
Едет ночь по светлу месяцу,
День — по красному солнышку,
Нигде коня да не ударил.
Как Добрыня сын Никитевич
Пал на следы свежёхоньки:
Как впереди его проехано у молодца.
Тут Добрыня сын Никитевич
Стал коня пуще нашкаливать,
Коню пуще да выговаривать
Все угрозы он военные.

Тут Добрыня сын Никитевич
Надогнал да этого молодца
На своем да на добром коне,
А назад да не поглядыват.
Тут Добрыня сын Никитевич
А ударил добра молодца
Своей палицей во тридцать пуд.
Говорил он добру молодцу,
⟨Говорил⟩ да таковы слова:
«Кто меня попугиват,
Кто меня затрагиват?»
Тут Добрыня сын Никитевич
Говорит да добру молодцу:
«Ох ты гой еси, да добрый молодец,
Ты скажи-ко, добрый молодец,
От какого отца-матери,
Какого роду-племени?» —
«Моего имячко — да во булан копье,
Мое отчество — да во сабли вострои,
Если угодно со мной да посражатися
И угодно со мной да потягатися!»
И начало у них сраженьице,
У тех да добрых молодцов.
Бились суточки да без минуточки —
Ничего не могут сделати,
Сбить друг друга со седелышков.
Тут Добрыня сын Никитинеч
Розъехался да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу розрывчату,
Как ударил своей палицей
Во тот да во сырой дуб,
Росщипал его на дребезги,
Говорил да таковы слова:
«Видно, сила моя да не по-старому,
Могута моя не по-прежнему —
Не могу свалить я молодца!»
Тут Добрыня сын Никитинеч
А разъехался Добрынюшка
На того на добра молодца,
Начали оны сражатися,
Начали оны да соезжатися
Со тым да добрым молодцем.
Тут Д⟨обрын⟩я с⟨ын⟩ Н⟨икитине⟩ч

Видит: дело ведь плошнехонько.
Скочил да с своего коня,
Стал на колены он могучии
Сопротив да добра молодца,
Начал извинятися, ⟨начал⟩ он прощатися:
«Ты прости, да добрый молодец,
Меня, сына́ Никитича.
Ты скажись-ко, добрый молодец,
Какого отца-матери и какого роду-племени?»
Говорит да добрый молодец:
«Ох ты гой еси, Добрынюшка,
Что еще со мной не съезжаетесь!
Притянула тя ко стремены,
Ко стремены ко правыи
И повезла бы я в Чернигов-град,
И сдала бы в крепость крепкую
Тебя, да добра молодца».
Тут Д⟨обрын⟩я сын Н⟨икитине⟩ч
Говорил да таковы слова:
«Ты скажись-ко, добрый молодец,
А какого отца-матери, и ⟨какого⟩ роду-племени?
У нас силушка ровнёшенька,
Могута да одинёшенька!» —
«Мое имячко Настасюшка, а отчество — Никулишна».
Тут Д⟨обрын⟩я с⟨ын⟩ Никитинеч начал извинятися:
«Ты прости меня, Настасьюшка,
⟨Ты прости меня⟩, Никулишна,
Добрыню сына Никитича.
Ты, Настасья свет Никулишна,
Отняла борзость мою да богатырскую,
Не дает рука моя да крепкая
Ударить тя, Настасьюшка!»
Тут Д⟨обрын⟩я сын Никитинеч
И начал да ю подсватывать,
И ⟨начал⟩ да подговаривать
За себя да во замужество.
Тут Настасьюшка да свет Никулишна
Говорила таковы слова:
«Ох ты гой еси, да Добрынюшка,
Мне того да только надобно
Идти за тебя во замужество!»
Тут они да ведь садилися
На коней да своих крепкиих.

Как поехал тут Добрынюшка
В свои полаты белокаменны,
К своей матушке, да своей родненькой.
Как приехал тут Д⟨обрынюшк⟩а
А в полаты белокаменны,
Соскочил он да с седелышка,
Говорил да таковы слова:
«Ох ты, матушка моя да родненька,
Ты пусти-ко меня, молодца,
Во полаты белокаменны
Со Настасьюшкой со Микулишной,
Ты пусти-ко, не удярживай!»
Тут Добрыня сын Никитинеч
Шел в полаты белокаменны
Со своей да он Настасьюшкой,
А не спрашивал приворотничков
И не ⟨спрашивал⟩ придворничков.
Шел в полаты белокаменны
К своей матушке, к своей родненькой:
«Ох ты, матушка да моя родненька,
Дай-ко мне прощеньице и дай благословленьице
Взять Настасью во замужество!»
Его матушка, да его родненька
Дает ему прощеньице
Повеччаться во церкви Божеи
Со Настасьюшкой Микулишной.
Повенчали в церкви Божеи,
Начали да столованьица,
⟨Начали да⟩ пированьица —
Три деньку да пировали,
А день головки не здымали.
Как во городе во Киеве у солнышка Владимира
Началося столованьице, ⟨началося⟩ пированьице.
На том да на чесном пиру
Съезжались добры молодцы, усилушки могучие.
Как на том да на честном пиру
Все досыти да наедалися,
⟨Все до⟩пьяна да напивалися.
Тут солнышко да Владимир-князь
Говорит да таковы слова:
«Ох вы гой да еси, молодцы,
Вижу, досыта да понаелися,
Допьяна да понапилися,

58 Зак. 3948

Кто бы взялся служить службицу,
Кто бы съездил в Астраханю к царю да Надоновичу
Взять да дани-выходы
На военном ли на действии!»
Как молодчики да позоежились,
Они не молвят ни словечушка.
А солнышко Владимир-князь
Говорил ведь тут Владимир-князь,
Что «есть у меня надеждица
На добра сына Никитича,
Может быть, исполнит он».
Тут Добрынюшка сын Никитивич
Скочил да на резвы ноги,
Говорил да таковы слова:
«Ох ты гой да еси, Владимер-князь,
Ты мне дай прожить, да беднушке,
Со Настасьей со Микулишной».
Говорил да тут Владимир-князь:
«Ты, Добрыня сын Никитивич,
Видишь сам: да добры молодцы
Друг за друга ухудшаются,
А не молвят ни словечушка
Мнень-ко, солнышку Владимиру».
Говорил ведь тут Добрыня,
⟨Говорил⟩ да таковы слова:
«Ох ты гой еси, Владимир-князь,
Я возьмуся служить службичку.
Что случится во поездочке —
Не покинь-ко моей матушки,
⟨Не покинь⟩ до гробной доски,
До гробной доски да до сырой земли,
Не покинь-ко молодой жены Настасьюшки Микулишны!»
Тот ведь солнышко Владимир-князь
Кладал записи он твердые,
⟨Кладал записи он⟩ верные
Не покинуть его матушки,
Не покинуть молодой жены.
Тут Добрыня сын Микитинеч
Скочел да со дуба стола,
Говорил да таковы слова:
«Вы прощайте, добры молодцы,
И прощайте, Владимир-князь!»
Шел в полаты белокаменны

К своей да молодой жены
Как Настасьюшке Микуличны.
Увидала добра молодца
Печальныим да кручиныим,
Говорила таковы слова:
«Ох ты гой еси, да добрый молодец,
Добрынюшка сын Никитинеч,
Чего ты запечалился, ⟨чего ты⟩ закручинился
На том да на чесном пиру?
Обнес Владимир тебя чарочкой,
Чарочкой да зелена вина?
Или кто да изобидел тя?» —
«Нет, Настасьюшка да свет Никулишна,
Не обнес меня Владимир-князь чарочкой да зелена вина,
Наложил на меня службицу,
Не дал прожить с тобой неделюшки, Настасьюшка Микулишна».
Тут Добрыня сын Микитинеч начал он справлятися,
В путь-дорожку снаряжатися:
Обувал на ноженьки сапоженьки,
Сапоженьки белой сафьян,
Одел шубку соболиную,
Черных соболей заморскиих,
Клал перщаночкы лайковы,
Шапку клал ведь бархатну.
Тут Добрыня сын Микитинеч
Брал с тех топочек злаченыих
И главочек золоченыих,
Брал Добрыня ковано седло,
Ковано седло да во тристо рублей,
Медны пуговки да не мидиют,
Булан серебро не ржавеет.
Поезжат Добрыня — не поржавеет,
Во путисту во дороженьку.
Его матушка да его родная
А скорым да скоро-наскоро
Со полат да опустилася
К своему сыну любимому:
«А далеко ли справляешься,
Куда да снаряжаешься,
Ничего нам ты не сказывашь,
⟨Ничего⟩ да не росспрашивашь,
Долго ль времячки проездишь ты?» —
«Пройдет времячки ⟨три⟩ годичка,

Через ⟨три⟩ годка домой не жди».
Его матушка да его родненька
Бежит в полаты белокаменны
К своей невестки ко ветляныю:
«Что сидишь да улыбаешься,
Поезжат у меня роженое —
Ничего ты не испрашивашь,
⟨Ничего⟩ ему не сказывашь!»
Эта женщина не глупая:
Скорым-скоро да скоро-наскоро
Со полат да опустилася ко Добрыню сыну Микитевичу,
Бросила́ся она на белую грудь,
Начала целоваться и стала ведь росспрашивать:
«Долго ль времячки проездишь ты?» —
Стал Добрыня ей россказывать:
«Пройде времячки ⟨три⟩ годичка,
Через ⟨три⟩ годка домой не жди,
Домой не жди, хоть вдовой живи,
Вдовой живи, а хоть замуж поди.
Ты, Настасья свет Никулишна,
Не ходи-ко во замужество за Алёшу за Поповича —
Алёшенька Попович-то девичий обманщица,
Бабий он надсмешица.
Поди-ко ты, Настасьюшка, за Илью да Муромца,
За Бову да королевича!»
Тут ведь видли добра молодца,
Видли его сядучись, а не видли поедучись —
Одна куревка прокуривала,
След пороша пропорошила.
Тут Добрыня сын Микитинеч
В путь-дороженьку скора-то-ва,
Еде в ночь по светлу месяцу,
В день — по красному по солнышку,
Едет горамы он Елесема, а лугами Елесеева,
Заехал на горы шоломчатую,
Глядет витязей могучиих на горке шоломчатыи.
Тут Добрыня сын Никитинич
Не встречал да добрых молодцев,
У всех было розъеханось и с горки шоломчатыи.
Тут Добрыня сын Микитинеч
Направлял да своего коня
Ко царю да ко Додоновичу.
Как Добрыня сын Никитинеч

Приехал в город во Страхань,
Он шел в полаты белокаменны
Ко царю Дону Доновичу.
Тут Добрыня сын Н⟨икитине⟩ч
Начал да розговаривать
И начал его убаивать, царя Дона Доновича.
Говорил да таковы слова царю Дону Доновичу:
«Я приехал, добрый молодец,
Просить дани, просить выхода
На военная на действия солнышку Владимиру».
Согласился тут ведь белый царь
Дать ведь дани-выходы Добрыню добру молодцу.
Добрыня сын Микитинеч
Поехал той дороженькой к своему дому любимому.
Как прошло времячко ⟨три⟩ годичка —
Не видать Добрыни со чиста поля,
Из чиста поля да скорочаста.
Его матушка да его родная сидит да улыбается,
Горючимы слезамы заливается.
Вдруг дверь на пяту отворяется —
Олёшенька в избу тут пихается.
Крёст кладет по-писаному,
Поклон дает да по-ученому:
«Здраствуй-ко, Настасьюшко,
Здрастуй, свет Никулишна,
Что сидишь не улыбаешься?
Добрыню дожидаешься?
Не годи Д⟨обры⟩ню из чиста поля,
Из чиста поля да скорочаста:
Добрынюшка сын Никитинеч
Лежит головушкой под ракит кустом,
В нем муравка промурила да тебя прооставила.
Ты поди-ко, свет Настасьюшка,
За меня, за добра молодца,
За Олёшеньку Поповича,
Ты поди-ко во замужество!»
Тут Настасья свет Никулишна
Говорит да таковы слова:
«Ты, Олёшенька Попович,
Ты ведь девичий омманщичек,
Бабий-то насмешничек,
Не пойду ведь я, Наст⟨асьюш⟩ка,
За тебя да во замужество:

Я прожду да добра молодца
Добрыню свет Ник⟨ити⟩ча,
Прожду еще ⟨два⟩ годичка.
Поди-ко, ты Олёшенька,
В полаты белокаменны,
Поди-ко ты без вывода,
Пока тебя я не вывела!»
Олёшенька Попович тут скорым да скоро-наскоро
Шел в полаты белокаменны от Настасьи от Никулишны,
Шел ко солнышку Владимиру,
Говорил да таковы слова:
«Не идет-то ведь Настасьюшка
За меня да во замужество».
Тут грит солнышко Владимир-князь,
Говорит он да таковы слова:
«Мы возьмем еще Настасьюшку
За тебя, да добрый молодец».
Тут Добрыня сын Н⟨икитини⟩ч
Подъехал к городу да до и Елесема,
Луга да Елисеева,
Роскинул шатер белополотнян⟨ой⟩,
Насыпал пшеницы белояровой
Своему да добру коню.
Его да ведь добрый конь
Не ест, не пьет, ни кушает,
Невзгоду-ношу не рушает.
Тут Д⟨обрын⟩я сын Н⟨икитине⟩ч
Пнул коня да под тучны ребра́:
«Что ты, волчия сыть, травяной мешок,
Что не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Невзгоду, верно, рушаешь?
Падет буйна головушка с тебя, да с воронушка».
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Свалился под ракитов куст головушкой да буйноей,
Заснул он тут ведь крепким сном,
Сном да богатырскиим.
Что прилетают тут ⟨три⟩ голубя,
Садились на ракитов куст,
Сидят и роспевают:
«Што ты спишь да улыбаешься,
Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч?
Уводят у тебя Настасьюшку,
Настасьюшку да Микулишну

За Олёшу во замужество!»
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Вскоцел да на резвы ноги,
Садился тут Д⟨обры⟩ня на своего да добра коня,
Поехал в полаты белокаменны.
Как Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Едет он селеньица, едет он деревенкой —
Бегают да малы детушки,
Малы детушки да малы юноши.
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Говорил да таковы слова:
«Ох вы гой еси, да малы детушки,
Вы скажите мне-ка, детушки,
Где тут ваши батюшки,
⟨Где тут ваши⟩ матушки?
Дам по пряничку все по медовому
И по яблочку все по садовому.
Вы скажите-ка, не бойтеся!»
Отвечают малы детушки:
«Наши батюшки да наши матушки
Ушли к князю Владимиру,
⟨Ушли⟩ да на почестен пир».
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Дал по пряничку да по медовому
И по яблочку да по садовому.
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Начал коня нашкаливать
И начал да коня понакивать реки перескакивать,
Мелки ручья да промеж ног пущять.
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч
Приехал во полаты белокаменны
К своей матушке, да к своей родненькой.
Его матушка, его родная сидит да улыбается,
Горючима слезама заливается,
Добрыни с поездки дожидается.
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитинец⟩
Соскочил да с своего коня,
Шел к окошечку косявчатому,
К своей матушке, к своей родненькой:
«Ты пусти-ко меня, матушка,
⟨Ты пусти-ко меня⟩, родная,
Ты пусти-ко меня, не одерживай!»
Его матушка, его родненька

Говорила таковы слова:
«Отойди от меня, голь кабацкая,
Не пришлось бы тебе смеятися,
Надо мной, да над старухой, надругатися.
Если был у меня роженый,
Научил ходить вас не докладучись
В мои полаты белокаменны». —
«Ой ты, матушка моя родная,
А не голь к тебе приехала, а приехал роженый,
Тот дородный добрый молодец Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч!»
Говорила таковы слова его матушка, да его родная:
«У моего-то у роженого
На ноженьках были сапоженьки,
Была шубка соболиная,
Черных соболей заморскиих —
У тебя, у подзаборного,
Да на ноженьках лапочи,
⟨Пальтишецко⟩-то и все в дырах». —
«Ох ты, матушка да моя родная,
Острее⟨пались⟩ да сапоженьки,
От ветра пальтишко розвеилоси.
Пусти-ко поскорешенько!»
Его матушка, его родная
Говорила таковы слова:
«У моего-то у рожоного
Есть еще да одна знадебка под правой да под мышенкой».
Тут Д⟨обрыня⟩ сын Н⟨икитине⟩ч шел в полаты белокаменны:
«Здрастуй, моя матушка,
Честна вдова Наталья Тимофеевна!
Что сидишь да улыбаешься,
Горючими слезами заливаешьси?
Ты изволь-ко, моя матушка,
Поглядеть да мою знадебку!»
Тут Д⟨обрынюш⟩ка Н⟨икитине⟩ц
Начал да он справлятися,
⟨Начал⟩ да снаряжатися
На тот да на почестен пир ко солнышку Владимиру.
Ходил в погреба он ведь да в темныи,
Достал платье скоморошенно,
⟨Достал⟩ гуселка самоигрочаты,
Снарядился на почестен пир.
Вот приходит добрый молодец
На тот да почестен пир —

Все места были забавлены,
Только мистичко у голбичка,
У голбичка да у ошесточка.
Сел Добрынюшка у голбичка,
Начал струны он натягивать у гуселков самоиграчатых,
Начинает припеваючись.
Не едят, не пьют, не кушают за столом за дубовыим,
Глядят на то добра молодца,
На Добрынюшку Никитича.
Тут ведь солнышко Владимир-князь
Испивает ведь он чарочку,
Наливает зелена вина,
Подает да добру молодцу Добрынюшки Никитичу:
«Ох ты, мала скоморошина,
Прими-ко эту чарочку зелена вина,
Зелена вина да ⟨полтора⟩ ведра,
⟨Полтора⟩ ведра да ⟨полтора⟩ пуда.
Взял Добрыня сын Никитинеч,
Выпивал да на единый дох.
Тот Добрынюшка да сын Никитинич
Начал пуще он розыгрывать,
И играл да припеваючись.
Тут ведь солнышко В⟨ладими⟩р-князь
Говорил да таковы слова:
«Ох ты, мала скоморошина,
Я дам тебе три мистячка:
Перво ⟨мистячко⟩ — во печном углу,
Второ ⟨мистячко⟩ — где сам найдешь».
Не сел Д⟨обрынюшка⟩ ни во большом углу,
⟨Не сел Добрынюшка⟩ ни во печном углу,
А садился осередь стола сопротив Настасьи той Микулишны.
Тут Д⟨обрын⟩я сын Никитинеч
Берет чару зелена вина
И спускает он злачен перстень в эту он во чарочку,
Подает он ведь Настасьюшки, Настасьюшки Микулишны,
Говорит он таковы слова:
«Пьешь до дна — увидашь добра́,
А не пьешь до дна — не тронь со стола!»
Настасьюшка Микулишна взяла чарочку да зелена вина,
Выпивала она да на единый здох —
Прикатился к устам злачен перстень.
Тут Настасьюшка свет Микулишна говорила таковы слова:
«Не тот мне муж, с которым я сижу,

А тот ведь муж — супротив меня!»
Все ведь гости сволновалися.
Тут Добрыня сын Никитинец схватил Олёшу за желты кудри,
Перенёс через дубовый стол и бросил о кирпичный пол.
Как тут Д⟨обрын⟩я сын Н⟨икитине⟩ч
А скочил да с-за дубá стола,
Хотел взять того Олёшеньку в свои руки да могучии.
Как вскочил да Илья Муромец,
Захватил он тут Добрынюшку,
Говорил да таковы слова:
«Добрыня сын Микитинец,
Если б был ты мне не крестовый брат,
Я бы взял его да в левý руку,
Правóй рукой дал — один пепел стал!»
Добрыня сын Никитинеч пинул ведь тут Олёшеньку,
Олёшеньку Поповича —
Отлетел да тот под матичу,
Упал да он под лавицу,
Там да порасплакался:
«Всякий черт ведь женится —
Не всякому женитьба удавается,
Мне только, Олёшеньке, больше задавается».
Тут Настасьюшка Никулишна говорила таковы слова:
«Ох ты гой еси, да добрый молодец Добрынюшка Никитинич,
Ты возьми-ко молоду жену,
Сведи-ко во чистó полé,
Перерви-ко меня надвое!» —
«Ох Настасьюшка свет Никулишна,
Ты николько не виновная,
Ты сама не шла, тя силом взяли».
Тут ведь солнышко Вл⟨адимир⟩-князь
Со своей со княгинею
Ушел во спаленку во темную
От Добрыни добра молодца.
Как стоял да Илья Муромец,
Стоял да уговаривал Добрынюшка Микитича:
(*И тому можа оплеуха придется*)
«Ты утихни, добрый молодец,
Ты возьми свою Настасьюшку,
Ты Настасьюшку Микулишну,
Пойдем-ко ты, Добрынюшка,
В твои полаты белокаменны».
Как пошел да добрый молодец

Со Настасьей свет Микулишной
В свои полаты белокаменны
К своей матушке, к своей родноей
И начал там столованьице,
⟨И начал там⟩ пированьице.
⟨Три⟩ дня пировали, два — головки не здымали.
Я там был, пиво пил, по усам попало,
Только ничего не попало.

№ 166

ПРО ДОБРЫНЮ И ОЛЁШУ

Как собрал-то Владимер стольно-киевский
А собрал-то он да почесный пир
Не гля ради друзей и бояринов,
А гля разлюбимой племянницы.
Со всих-то он краёв, со всих крайциков
Наехали к ему да на почесный пир,
Наехали князья и бояра и русськии сильныи бога́тыри.
Как вси на пиру да наедалисе,
Как вси да на пиру да напивалисе,
Как вси да на пиру да порасхвастались.
Приходил Владимер-князь да стольне-киевский,
Как говорил да он дорогим гостям:
«Послушайте-ка, гости вси да кровные,
Как кровны да гости благородныи,
Как случилоси у нас несчасьтьице,
Как напал-то тут да Горынище-Змеинище,
Как утащил-то любимую племянницю.
Как выбирайте-ка вы, братьица крестовыи,
Как дам-то я заданьице великое —
Как съездить бы кому да на Пучай-реку,
Как со Змеем Горыничем потягацьце,
Как воротить бы тут племянницу!»
Как вси гости за столом тут затихнули,
Как старшей-то хорониццe за бладшего,
А бладшего топерико и впору не знать.
Как посмотрел Владимер да стольне-киевской,
Видит, что вси гости напугалисе,
Как старшей хоронится за бладшего,
А бладшего топерику впору не знать.

Говорит Владимер-князь да стольне-киевской:
«Как есь у мня надёжка великая
Как на Добрынюшку топерику Никитича,
Што съездит-то ён да на Пучай-реку,
Со Змеем-то Горынишем потяпаетца».
Как стал-то тут Добрынюшка Никитинец,
Говорит-то он да таковы слова,
Как говорит-то ен царю таковы слова:
«Красно сол⟨нышко⟩ Владимер стольне-киевской,
Поеду я теперь да на Пучай-реку,
Не покинь ты родитель моей матушки».
Как скоцил-то тут Добрынюшка скурёшенько,
Как уходил-то тут Добрыня не тихошенько
Как приходил-то ко своей родитель-матушки,
Как сел-то ен топерь за дубо́вой стол,
И сел-то ен теперь, закруцинился.
Как подходит родитель его матушка,
Как говорит ему да таковы слова:
«Как ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Што же ты топерь закручинился,
Как што же ты сейчас запечалился,
Как пришол ты от царя со гостебища,
Как место ли тебе было не по карактеру,
Али чарой-то топерь обнесли тебя?»
Как говорил-то он своей родной матушке:
«Как место мне-ка было да первое,
Как цяра́ мне-ка была дак первому,
Как занунека ведь закручинился,
А нунеку ведь запечалиўся:
Как наложил Владимер стольно-киевский,
Как наложил-то ён службу великую —
Как съездить-то мни-ка на Пучай-реку,
Со Змием-то Горыничем потяпаться».
Как просил-то ен у матери прощеньица,
Как просил-то ен сейцяс благословленьица
Как съездить-то ему да на Пучай-реку
Со Змием-то Горыничем потяпатьсе.
Как выходил-то тут Добрыня на широкий двор,
Как выводил-то из конюшни добра коня,
Как кладывал-то сидёлышко черкасное,
Подтягивал ремешкамы шелковыма,
Захватил с собой он палицу во сорок пуд,
И захватил он тут копьё да долгомерное,

Как распростился со своей он старой матушкой,
Как видли до́бра молодца сядуци,
А не видли, в кою сторону поедуци.
Как вси реки, озера-то его доброй конь перескакивал,
Как вси городовые стены-то перемахивал,
Как ставился топерь да на Пучай-реку,
Как вышел-то топерь да он с добра́ коня,
Спустил-то он коня на зелёной луг,
Как скинулся в одны платья тельныи,
Как стал-то во рики́ ён купатися.
Как выставало в это время красно солнышко,
Как зашумела топерь рицька быстрая,
Как пошло-то по рики какое хлопанье
Как видит-то Добрынюшка Никитинец,
Как летит тут Змея да семиглавая,
Как крицит-то не́ своим голосом:
«Как што захоцю, с этым молодцом и сделаю!»
А Добрынюшка-то был так швырять гораз,
Как зашвырнул он во струйку во дальную,
И говорит-то она да таково́ слово:
«Захоцю, дак я тебя и за́давлю,
Захоцю, дак и хо́ботом за́хлесну».
Как говорил-то тут Добрынюшка Никитинец:
«Как не слыхала ли ты, Змея Горынича,
„Как если Бог-то не покинет, то свиньям не съесь"?»
Как наскоцила тут Змея семиглавая,
Как стала по воды везди хлопати,
А Добрынюшка скоцил да́ на свой бере́г.
Как нацерпал ён во кивер пе́ску жолтого,
Как шворнул его в Змею да Горынище,
Как засадил ён песком да глаза Змеи,
Как схватил-то потом шашку во́струю,
Как отрубил-то у ей три го́ловы.
Как потом-то оны да схватилися,
Как бороться-то со Змием ратитьце.
И горазно тут дралися да боролися,
Как проборолися они да видь суточки,
Боролися на вторые видь суточки,
Как перемогать стала Змея долгоглодая,
Долгоглодая Змея, четырехглавая.
Как тут Добрынюшка топерику во всё скрычал:
«Как ай же ты, мой да богатырской конь,
Пособи-ко ты бороться, мне-ка ратитисе,

Неужели ты не видишь, как стараюсе,
А ты-то и видь ходишь на зеленом лугу!»
Как бросилсе тут его да богатырской конь —
Как стали тут с ей бороться-ратиться:
Как ослабнула Змея четырехглавая.
Схватил-то он топерику шашку острую,
Отсек-то Змеи да три го́ловы!
Осталаси Змея да одноглавая,
И тут ена Добрынюшки смолиласи:
«Спусти-ко ты, Добрынюшка Никитинец, во живности!»
Как отвернулся тут Добрынюшка Никитиць
От этого от Змея от Горынича,
Как привязал-то его на веревочку,
Как верёвкой привязал его к стремени.
«Показывай, Змея ты и лютая,
Куды-то тут унесена да царская племянница,
Как туда бы нам попасть в тую сторону,
Проехать дорожкой прямоеждею?»
Как отправились ёны этым бережком,
По тым ли да ёны по желты́м пескам.
Как проехал к ейной местности,
Как проехали оны да трои суточки,
Как приеждяют-то к жилищу змеиному.
«Ну рассказывай, Змеище ты лютая,
Как гди у тя племянница царская?» —
«Во тых в погребах она в глубокиих,
За тыма ли за дверямы за крепкима,
За тыма ли заложкамы тяжолыма».
Как оставил у коня Змея Горыныча
И пошол-то к кладовым да к большинскиим,
А к тым ли погребам да глубокиим.
Как стал-то ён заложки отодвигивать,
Как стал-то ён закладки вытягивать,
Как откутывал-то ён двери широки —
Как тыи погреба да зашаталисе,
Как двери-то в руках закачалисе.
Как выходит-то оттуль множество:
Как наношено у Змия у Горынича
Как множество туды-ко-во попов-дьяков,
И множество великиих начальников,
И множество идёт простонародия,
И идёт-то тут да царская племянница.
И все тут Добрыни в пояс кланялись:

«Спасибо-то, Добрынюшка Никитинец,
Повывел ты нас с погребов глубокиих,
Как выпустил ты нас да на белый свет!»
Ну, отправил тут всих-то берегом,
А Змия-то Горынича убил и тут сожгал.
«Ну поезжайте-ко дорожкой прямоеждею,
А я-то поеду, куды знаю уж».
Как поехал он тропинкой нехорошою,
Как ехал он, Добрыня, целы суточки,
Как и выехал на дорожку на почтовую.
Как едет Добрынюшка дорожкою-то почтовоей,
Как едет-то Добрынюшка, посматривать,
Как видит — впереди его проехано,
На кони-то, видит, ехано богатырскоем.
Как стал-то он коня свого подшевеливать,
Как стал-то он плетью натягивать,
До́гнать надь и этого богатыря.
Как ехал-то Добрынюшка скурешенько,
Как нагнал-то богатыря да чужестранного,
Скрыцял Добрыня тут да во всю голову:
«Как сказывай тупереку, какой земли,
Какой же ты земли, да какой орды,
Чьего же ты отця, да чьей матери?»
Как говорит богатырь нунеку:
«Если хоцетце узнать тебе топереку,
Дак булатом-то переведаемсе!»
Как налетел-то Добрынюшка скурёшенько,
Как разгорелось его сердце богатырское,
Как хотел-то еще хлопнуть палицей бога́тыря.
Как рука у его в плечи застояласи,
Как отвернулся тут Добрыня поскурёшенько,
Как повыехал Добрыня в сторону,
Как поразъехался теперь да на палици
И ударил палицей стародревний дуб.
Как всё тут на куски разлетелоси,
И знает, што силушка по-старому.
Как отправился по-прежнему к бога́тырю,
И крыцял-то тут Добрыня во всю голову:
«Как сказывай, дружище, ты какой земли,
Какой земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей ты матери?» —
«Если хочется теби узнать, какой земли,
Так булатом переведаем!»

Как разгорелоси тут сердце богáтыря:
Как хлыснул Добрынюшка добрá коня,
Как занёс-то ен палицу в сóрок пуд,
Как в плечи-то тут рука застояласи.
Как скоцил-то тут Добрынюшка с добрá коня,
Как прибегал Добрынюшка к богáтырю,
Как ставал Добрыня пред богáтырем,
Как говорит ему да таково слово:
«Ну сказывай топерику, какой земли,
А сказывай топерику, какой орды,
А сказывай, цьего отця, цьей ты матери?» —
«Послушай-ко топерику, я што скажу:
Земли-то нахожусь я Ханаанскоей,
А я-то ведь Настасьюшка Микулицьна!»
Как подходил-то тут Добрынюшка скурёшенько,
Опускал её с коня тихошенько,
И говорил-то он Настасьюшке Никулицьной:
«Рука у мня в плеци да застояласи,
То убил бы я Настасьюшку Никулицну!»
Как стал-то он к Настасьюшки похаживать,
Как стал-то он Настасьюшку подсватывать:
«Поди-ко ты, Настасьюшка Никулицна,
Поди-ко ты да замуж зá меня».
Как садились да тут-то на Добрынина коня,
Как поехали-то оны в одну сторону,
Приехали к Добрыни на широкий двор,
Как заходили в терема ены высокии,
Как царю оны топерику доложилися:
«Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Как приехал-то Добрынюшка Никитинец,
Как привёз-то он невесту из другой земли,
Как хочет-то на ей да женитися,
Приглашает-то да тебя на почесный пир:
„Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Приходи-ко ты ко мни да на почесный пир
Со своей-то дорогой своей Апраксией!”»
Как тут да у гих почесной пир пошол,
И свадьбой провели да и оконцили.
И вси да на пиру напивалисе,
И вси да на пиру да наедалися,
Как вси да на пиру порасхвасталисе:
Богатый-то видь хвастат богачесьвом,
А сильной-то видь хвастат своей силушкой,

Как идной-то хвастат добрым конём,
Умной-то хвастат отцом-матерью.
Как ставал-то тут топереку князь стольно-киевский,
А ставал с-за стола, с-за дубового,
Как говорил-то князь да таково слово:
«Как ай же вы, стольные русейскии бога́тыри,
Вси вы князья да боя́рины,
Как есь у мня служба великая,
Как кто бы-то топереку исполнил ю —
Как съездить во Землю в Ханааньскую,
Получить бы оттуда дани-выходы,
Как получить бы топереку за сорок лет!»
Ну как такая тут стала ти́шина,
Даром што вси были пьяненьки.
Как старшой-то хоронится за бладшего,
А и бладшего топереку впору не знать.
Как говорит Владимер-князь стольно-киевский:
«Как не пугайтесь-ко вы нунеку,
Как не пугайтесь-ко вы топерику, пожалуста,
Есь у мня надёжа да великая
Как на того Добрынюшку Никитинца!»
Как стал Добрынюшка скурёшенько,
Как стал Добрыня на резвы на ноженьки
И говорил-то тут Добрынюшка скурёшенько:
«Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
Как дай-ко мни с женой да познакомиться,
Немного отложите вы да времечки». —
«Ну ехать-то сейчас-то надь,
Как получить дани-выходы за пятнадцать лет». —
«Ну послушай-ко да князь стольне-киевской,
Послушай топереку, што я скажу:
Как уеду я во Землю Ханаанскую,
Как не спокинь-ка ты да молодой жоны,
Как престарелой-то теперь моей матушки».
Как скоцил-то ⟨из⟩-за́ столов да ⟨из⟩-за́ дубовыих,
С-за этых ли да скатертей шелко́выих,
С-за этых ли да кушаньев медовыих,
Как захватил в руки свою да Настасьюшку
И отправился домой во высок теремок.
Как садился дома тут-то на лавочку,
Как садился-то да ён за дубовой стол,
Как сидит-то тут Добрынюшка — кручинице.
Ну как подходит к ему матушка,

Ну как говорит Добрыни таково слово:
«А ещё што же ты, родное мое дитятко,
А ищё што же за столом сидишь кручиниссе,
А ищё што же за столом сидишь печалиссе?» —
«А ищё как мни за столом не кручиниться,
А ищё как мне теперь не печалиться?
Как наложил Владимер-князь стольне-киевский,
На меня-то службу великую —
Как съездить-то во Землю Ханаанскую,
Да получить видь дани-выходы за ⟨пятнадцать⟩ лет».
Как поеждял-то Добрынюшка, наказывал:
«Ай же ты, Настасьюшка Никулицьна,
Уежжаю я во Землю Ханаанскую,
Получить-то оттуда дани-выходы,
Как получать-то топерь за пятнаццать лет.
А тебе, моя Настасьюшка, наказываю:
Как меня-то, Добрынюшку, три года жди,
А не приеду если я через ⟨три⟩ года,
Тогда-то ты, Настасьюшка, куды хошь поди,
Хоть замýж-то поди, хоть вдовой живи!»
Как видли добра молодца сядучи,
А не видли, в кою сторону поедучи.
Как поехал он во Землю Ханаанскую.
Как ещё год-то ждала — не дóждала,
И другий-то ждала — не приехал тут,
Как на третей-то год перевалилоси,
Как стал-то тут Олёшенька подхаживать,
Как стал-то тут Олёшенька подсватывать.
Как приехал-то Алёшка с широкá поля́,
Как говорит Настасьи-то Микулицьной:
«Как послушай-ко, Настасья-то Микулицьна,
Как видел я Добрынюшку Никитинця,
Как видел я его во цистом поли:
Как его белые груди у птиц порасклёваны,
Как сквозь кости травка проросла —
Не дожидай-ко ты Добрынюшки Никитиця!»
Как стала тут Настасья Никулицна подумывать,
А князь Владимер да подсватывать.
Как раздумалась Настасья да Микулицна:
«Как пойду я замуж топерь за Олёшеньку».
Как согласилась она да наладилась,
Да и чесным да пирком ены за свадебку.
А в это времецько Добрынюшка домой едет,

Как ехал-то Добрынюшка уж суточки,
Как ехал-то Добрынюшка уж дру́гии,
Распола́жился на путистой дороженьки,
Топереку добра́ коня́ припустиў.
А сам-то тут Добрынюшка в шатёр пришел.
Как налетела к им птича вещая,
Как стала ёна голосом выважывать:
«Как ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Поежжай-ко ты теперь да со своей земли,
Как ты не знаешь пред собой-то и невзгодушку,
Как твоя-то Настасья да Микулицна,
Как просваталась за Олёшеньку Поповиця,
Как завтра-то у них почесный пир пойдёт.
Как скоциў тут Добрынюшка скурёшенько,
Как падал-то ён на добра́ коня,
Торопился он да на почесный пир.
Ну проехал-то теперь он вси суточки,
Как приехал он по познему по вечеру,
Как ста⟨но⟩вился на широкий двор,
Как приобрал коня да во конюшенки.
Никто-то не стретат да не торопитсе,
Никого нету и на двори:
Вси ворота-ты закрыты крепко-накрепко.
Стоит-то Добрынюшка, колотитсе —
Не может он зайти да во свой терем.
Немножко дверь да зашаталася,
Хрустальнии окольницы полопали,
Как выходит оттуль нунь его матушка
И говорит ему да таково слово́:
«Как ай же ты, калика перехожая,
Как был бы у меня Добрынюшка Никитинец,
Не дошло бы те смеяться под окошком,
Не дошло бы те ломиться тут хрястатьце!» —
«Как открой-ко ты, родитель моя матушка,
Приехал я, Добрыня, из поездоцьки».
(*Как приехал-то он тут весь в рибушьях.*)
«Как не смийся-ка, калика перехожая,
Как вижу у тя тако настроение,
Как не мог-то Добрынюшка Никитинец». —
«Ну как што ты, родитель моя матушка,
Не признала своего ты видь сынушка». —
«Как у моего-то было у сынушка
На голове родима валюшечка!» —

«Как пощупай-ко, родитель моя матушка,
На головы-то пощупай эту меточку!»
Как подходила его родитель-матушка,
Пощупала его да головушку,
Пощупала ёна да и заплакала:
«Ай же, рожоно мое дитятко,
Как послушай-ко топереку, што я скажу:
Твоя-то видь Настасьюшка Никулична
Уехала с Олёшенькой венцятьця-то!»
Ну тут-то Добрыня закруцинилси,
А тут Добрыня запецялилси,
Как говорил-то Добрыня таково слово:
«Ай же ты, родитель мóя матушка,
Послушай-ко топереку, што я скажу.
Как дай-ко мни-ка платья скоморошины,
А дай-ко мни гусёлка самоúгрыи —
Как отправлюсь к Олёшеньке на ужину!»
Как одевался-то ён поскурёшенько
И отправлялся-то видь он не тихошенько.
Как приходил он топереку на ужину,
А ужина у их там во все велась.
Как сел-то он к порогу топереку,
Как стал-то тут Добрынюшка выигрывать,
Как во эты ли гусёлки самоигрыи.
Как сидит-то тут Добрынюшка, поигрыват,
Голосом Добрынюшка поваживат,
Как жона-то его ждала не дóждала,
Как не исполнила-то строку великого,
Как не прошло у их еще три году —
Настасьюшка уж Микулицьна уж замýж пошла.
Как заметили такую скоморошину,
Как кто-то там сидит да поигрыват,
Как голосом топереку поваживат.
Зачуў Владимер-князь да стольне-киевский,
Как играт-то тут кака скоморошина.
«Позовите-ка сюды да скоморошину,
Какая тут да явиласи!»
Как позвали к столу да скоморошину,
Как говорят ему да таково словó:
«Послушай-ко да скоро скоморошина,
Как выпей-ко ты цяру зелена́ вина
От того ли князя от молóдого,
Как поиграшь в гуделка после ужина».

Как наливали-то да цяру зелена́ вина,
Как подносили-то Добрынюшки Никитицю.
Как принимал-то тут Добрыня единой рукой,
Как выпил-то Добрыня на единой здох,
Как говорил-то князю моло́дому:
«Послушай-ко, князь со княгиною,
Как дайте мне налить цяру зелена́ вина
Как поднести-то топереку, кому хоцю».
Как разрешили тут налить зелена́ вина,
Поднести-то ко́му хоцецце.
Как наливал-то тут Добрыня поскурёшенько,
Как положил-то в эту цяру злацён перстень,
И подносил-то ён Настасьюшки Никулицьной,
И говорил-то ещё ей таковы слова:
«Послушай-ко топереку разок меня,
Если хошь добра — дак пей до дна,
А не хошь добра — так не пей до дна!»
Как подумала Настасья да Микулицна,
Схватила эту цяру единой рукой,
Как выпила она на единой здох,
Как увидла в этой цяры единой перстень,
Как на котором персни было обручанось
А с этым ли Добрынюшкой Никитинцем,
Как достали этот перстень из цяши той,
А топереку она да призналася.
И говорит ли-то она да таково слово́:
«Красно солнышко, Владимер стольне-киевской,
Не тот видь муж, которой возли меня сидит,
А тот мой муж, которой супротив стоит!»
Как скоцила тут ёна да с-за стола
А стала-то к Добрынюшке Никитицу.
Вси гости зашумели, забуянили,
Не знают это, что тут слуцилоси.
Как отвернуўся тут Добрынюшка Никитинец,
И говорит Добрыня таковы слова;
«Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
И спасибо тебе теперь да Апраксии,
Што дождались Добрынюшку Никитинця,
Как дождались его да с поездочки!»
Как отвернуўся тут Добрынюшка Никитинец,
Олёшеньки да ён говорил таково слово:
«Поцему ты наманил моей женушки,
Што в поли я был порастерзаный,

Сквозь мою-то белу грудь травка повыросла?»
Как за эты за маны́ да за великии,
Как схватил-то за кудры за жолтыи
Как этого Олёшеньку Поповиця,
Как стал-то ён его да поваживать —
Как вси столы-то полетели в комнаты.
Куды махнёт — туды улица,
Переверн<u>ё</u>т — переулоцек:
«А живи-ко ты да больше не́ мани!»
Как захватил-то Настасьюшку Никулицьну,
И ушол в терема ты высокии.
И тут его сердце да успокоилось,
Да этым-то и писня-ста́рина закончилась.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

№ 1—166

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

(№ 1—8)

Пудога — один из немногих регионов, в которых зафиксировано бытование этой редкой былины; два сказителя, знавшие ее, жили по соседству — в устье Шалы. В их вариантах сюжетная схема упрощена (нет эпизодов порчи оружия князем-оборотнем и завоевания иноземного царства). Как и кижанин К. Романов (Рыбн., № 38; Гильф., № 91), А. Фомина из д. Римское (№ 2 наст. тома), шальские певцы не знали имени «Волх», называли героя данной старины «Вольгой», видимо отождествляя его с князем из былины о Микуле Селяниновиче. Следы взаимодействия этих сюжетов обнаруживаются и в водлозерском варианте «Вольги и Микулы» (см. коммент. к № 14 наст. тома). Былина о Волхе Всеславьевиче записана также от Н. Кигачева (см. № 5).

№ 1

О Вольге Всеславьиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 223 об.—228. Опубл.: Рыбн., 1861, № 2.

Текст перебелен каллиграфическим крупным, с наклоном вправо почерком неизвестного лица. Былина входит в раздел, обозначенный Рыбниковым «К», состоящий из былин шальского лодочника («Записаны в погосте Пудожского уезда»).

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника.

Текст опубликован в соответствии с перебеленной рукописью. Редакторская правка ограничивается внешним оформлением текста и относится только к незначительным изменениям пунктуации и выделениям красных строк.

Примечания собирателя: ст. 35 «*кунный* — обильный, дорогой» (л. 224 об.); ст. 59 «*ломы* (*великие*) — завалы в лесу» (л. 225).

Примечания издателя: ст. 26 «*тоневья* — тони, сети»; ст. 85 «*туляется* — тулится, прячется».

Первая половина былины исполнена шальским лодочником в лучших традициях формульного стиля. Безупречное владение техникой построения былинного стиха, обилие детализированных описаний, эпических повторов свидетельствуют о высоком классе певца. Однако художественная ценность его варианта снижается тем, что в нем не описывается поход Вольги с дружиной в чужеземное царство (ср. № 2). Возможно, на Пудоге изначально бытовала краткая редакция сюжета, этих эпизодов нет и в записях от Ф. Конашкова (см. комментарии к текстам № 3, 4, 6). Но не исключено, что сказитель сознательно сократил былину, чтобы не дублировать строфы входившей в его репертуар старины о наезде литовцев

(Рыбн., № 152, ст. 165—177). Комментируемый вариант производит впечатление искусственно оборванного произведения. Необычна для героических былин развязка конфликта (нет военного столкновения; по повелению Вольги царь Салтан Бекетович «обирался скоро во свою землю»); не ясно, для чего князь набирал дружину, куда бежит Салтан, ведь действие и без того происходит в Золотой Орде. Эти неточности могли возникнуть в результате неудачного упрощения традиционной сюжетной схемы.

Как и другие прионежские сказители, шальский лодочник не упоминает Индейское царство (действие перенесено «во славну Золоту Орду»), а главного героя называет «Вольгой Всеславьевичем», вероятнее всего, под влиянием известной ему былины «Вольга и Микула» (№ 10). Формула «Слушайте большого атамана, Делайте дело повеленое» обычна в былине «Соловей Будимирович»; есть она и в тексте, записанном от шальского лодочника (Рыбн., № 149, ст. 50—51 и др.). Ранее она могла быть общеэпическим стереотипом. Эта формула есть и в варианте К. Романова (Рыбн., № 38; Гильф., № 91), хотя в Кижах старина о Соловье Будимировиче собирателями не зафиксирована. Словосочетание «царь Салтан» возникло в результате осмысления арабского «султан» (титул верховного правителя в ряде мусульманских стран) в качестве имени собственного. Уникален и архаичен по своим корням эпитет *кунная* (в приложении к рыбе) (ст. 35, 67, 133). В Древней Руси «куны» (шкурки куниц и других пушных зверей, а позднее «мордки» и кусочки кожи с клеймом) выполняли функцию денег (см.: Карамзин I, с. 151 и др.).

№ 2

Вольга

РО БАН, 17.10.18, л. 94—94 об. (л. 112—112 об.).[1] Опубл.: Гильф., 1873, № 15, стб. 112—113.

Полевая запись; текст записан карандашом, без дописей,[2] пунктуация — чернилами. Слева над текстом перечеркнут «Ъ», справа помета: «Несколько раз переспрашивано». Под текстом: «Записано в дер⟨евне⟩ Рим на Пудожской Горе, 24 июля». На полях указание наборщику: «Мелко» (т. е. набрать мелким шрифтом).

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 24 июля 1871 г., д. Рим (Римская) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузьминишны Фоминой, «лет 30-ти».

По сообщению собирателя, А. К. Фомина — «большая мастерица петь былины и песни»; былины она переняла от матери (Гильф. I, с. 246).

В ст. 21 к слову «пасточки» на полях записано пояснение исполнительницы: «Чтобы ловить птиц», под строкой это же пояснение изложено в виде примечания собирателя: «Силки для ловли птиц». К слову «орги» (ст. 4), первоначально записанному как «горы», снизу приписано: sic, а в первом издании замечено: «Что значит „орги", певица не умела объяснить, уверяя только, что так поется». К выражению «в Вольгу сбежал» (ст. 8) там же дано примечание собирателя: «Фомина несколько раз повторила этот стих и на вопрос, что значит „в Вольгу сбежал", отвечала только, что так поется». В ркп ниже слова «Вольгу» стоит: sic.

В небольшом по объему тексте много правки. Его первоначальный вид (без последующих поправок) реконструирован А. И. Никифоровым: Гильф. I, с. 695—696 (Прилож. I). Приведенный А. И. Никифоровым вариант ценен как доказательство существования былин о Вольге, в которых намечено противостояние Вольги и царя Сантала, изображается способность богатыря к превращениям и отсутствует традиционный эпизод встречи его с Микулой.

[1] Рукописи А. Ф. Гильфердинга имеют двойную пагинацию: позднейшую, архивную, и промежуточную, сделанную черным и красным карандашом рукой А. Ф. Гильфердинга.

[2] Допись — термин, использованный А. И. Никифоровым при подготовке первого научного издания сборника А. Ф. Гильфердинга (Гильф. I, с. 703).

А. Фомина довольно подробно изложила первую часть сюжета. Единственный существенный пропуск — отсутствие мотивировки военного похода Вольги против «царя Сантала». В тексте использовано немало диалектизмов и местных названий охотничьих снастей. Традиционное название «Индийского царства» заменено «Вольгой-городом».

№ 3

Вольга Святославович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 2, л. 188—189, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 9, л. 71—73, полевая карандашная запись С. П. Бородина; ед. хр. 12, л. 6 об.—8 об., перебеленная запись С. П. Бородина. Опубл.: С.—Ч., № 76.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 13 июля 1928 г., д. Семеново — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

См. примеч. к былине Ф. А. Конашкова «Святогор» (№ 35).

Разночтения ед. хр. 9, 12[3]

Ст. 1 *А как видь Султан видь царь турецкие* (ед. хр. 9); ст. 2 *А с царицой он видь сидел турецкою* (ед. хр. 9); ст. 3 *А видь сидит он* (ед. хр. 9); ст. 4 *А видь советы да советовал* (ед. хр. 9); ст. 5 *А со своей ли он царицей со турецкие* (ед. хр. 9); ст. 6 царица турецкая (ед. хр. 9); ст. 7 *Ай как* вчерась ... (ед. хр. 9); ст. 9 Как вели́ка (ед. хр. 12); ст. 10 *иде* на (ед. хр. 9); ст. 15 А привезена (ед. хр. 12); ст. 17 *Романа Дмитриёвича* (ед. хр. 9); ст. 18 *наслушался* (ед. хр. 9), да *й* позадумалси (ед. хр. 12); ст. 19 отсутствует (ед. хр. 9); ст. 21 тут *князей, бояр* подарычьки (ед. хр. 9); ст. 23 *А я ты шубоньку да собольскую* (ед. хр. 9); ст. 24 отсутствует (ед. хр. 9); ст. 25 А одиялышко *да* (ед. хр. 9), чисты́х шолков (ед. хр. 12); ст. 26 царица *турецкая* (ед. хр. 9); ст. 28 худого *видь* на разуми (ед. хр. 9); ст. 33 шолков (ед. хр. 9); ст. 35 тоё (ед. хр. 12); ст. 36 сильныя (ед. хр. 9); ст. 38 А *видь* (ед. хр. 12); ст. 39 головнёй скотать (ед. хр. 12), головней *котить* (ед. хр. 9); ст. 41 жону-*ту* (ед. хр. 9); ст. 42 *тую видь* ⟨*жону*⟩ (ед. хр. 9); ст. 43 рука *по́* ручьку (ед. хр. 9); ст. 45 *Вольга Будимирович* (ед. хр. 9); ст. 46 *Вольга во белы* (ед. хр. 9); ст. 47 плечька (ед. хр. 9); ст. 50 не бьют *и не́* казнят (ед. хр. 9); ст. 51 *да* сме́рти (ед. хр. 9); ст. 52 крепость (ед. хр. 9); ст. 57 на месте 58-го: А *она* кости рыбноей (ед. хр. 9).

Основу фрагментарного варианта Ф. Конашкова составляют диалог турецкого царя и царицы и расправа Вольги с Санталом. Имя эпического противника и его этническая принадлежность сближают данный текст с былиной К. Романова из Кижей (Рыбн., № 38; Гильф., № 91). Главный герой, как и в других прионежских записях, назван Вольгой; сюжет «Вольга и Микула» певец усвоил позднее, уже в 1930-е гг. (см. коммент. к № 21 наст. тома). Ст. 15—18 навеяны стариной о наезде литовцев, отчество Вольги позаимствовано из былины «Соловей Будимирович» (оба сюжета входили в репертуар Конашкова, см. С.—Ч., № 85, 86; Линевский, № 10, 19). В ст. 53 — оговорка исполнителя — вместо Сантала назван Вольга; формула «славы поют» четко осознавалась Конашковым как констатация смерти персонажа (см. «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище» — Линевский, № 1, 2 и др.). Возможно, сказитель был знаком с текстом «Волха» из сборника Кирши Данилова (КД, № 6). Он использовал формулу «князей-то бояр не бьют, не казнят...» и краткое описание «крепкой крепос(т)и» с вырезами на подворотне, неизвестные по другим олонецким записям. Совпадает с уральским вариантом и характер рас-

[3] При наличии нескольких рукописных источников разночтения приводятся по рукописям в силу специфики собирательской работы (см. вступ. статью «Былинная традиция Пудожского края», наст. том, с. 129—131).

правы героя с противником. Конашкову был известен и топоним «Индея богатая», но его он использовал в былинной обработке отрывка из сказки «Еруслан Лазаревич» (С.—Ч., № 92; Линевский, № 20). В комментируемом варианте действие приурочено к Киеву, традиционной столице эпической Руси (ст. 9—13).

№ 4

Вольга Святославович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 41; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Публикуется впервые.

№ 5

Волхв Всеславгович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 25; беловая рукопись, карандаш.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Примечание исполнителя: «Слыхал на мельнице и от людей. В „Народной поэзии"» (НП, с. 2).

Творчество Н. В. Кигачева, которого незаслуженно упрекали в подражательстве и заучивании книжных текстов, не было изучено должным образом и будет охарактеризовано в Приложениях к томам «Былины Пудоги».

Публикуется впервые.

№ 6

Вольга Всеславьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 3, ед. хр. 61; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 12.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 12

Ст. 11 соболей *да* заморскиих; ст. 12 *Привезу тебе*; ст. 13 в ркп отсутствует; ст. 15 (ркп 14) Ай же, Салтан *да царь*; ст. 16 (ркп 15) худо *да* худо; ст. 19 (ркп 18) В *ту* порушку; ст. 20 (ркп 19) Ольга́ *да* Цветославьевиць; ст. 24 (ркп 23) царя *турецкого*; ст. 25 (ркп 24) да *за* белыи; ст. 29 (ркп 28) царевицев; ст. 33 (ркп 32) *Ольга от Салтана*; ст. 34 (ркп 33) Как *от Салтана-то* да *от*; ст. 37 (ркп 36) *Подворотенка-то кости*.

Сюжет о походе Вольги и Индийское (или Турецкое) царство у Конашкова сильно сокращен, но основное содержание сохранено. В 40 стихах Конашков дает эпизоды подслушивания Вольгой Святославьевичем разговора царя Салтана и расправы с царем. Некоторые детали, вроде перечисления подарков (шубка соболиная, одеялышко чистых шелков), дословно повторяются в былине о Василии Игнатьеве и

Батыге. Сопоставление варианта Конашкова с былиной из сборника Кирши Данилова выявляет родство между обоими вариантами, см. эпизод расправы с царем; изображение терема царя, крепости и подворотни из «кости рыбноей» (у Кирши Данилова — «рыбий зуб»). Эта былина Конашкова, не имеющая художественной ценности и сохранившаяся в виде фрагмента, интересна как новое подтверждение связи ряда сюжетов Прионежья с текстами сборника Кирши Данилова. В сборнике «Былины Пудожского края» этого сюжета нет.

№ 7

Вольга Всеславьевич

ФА ИРЛИ, дл. 239.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 174.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «„Волх Всеславьевич и Индийское царство". По Конашкову: „Былина про Салтана, царя турецкого"».

Публикуется впервые.

№ 8

Волх Всеславьевич и Индийское царство

ФА ИРЛИ, дл. 237.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 206.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Волх Всеславьевич и Индийское царство". По Конашкову: „Былина про Салтана царя турецкого". Повторная запись».

Публикуется впервые.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

(№ 9—27)

По общему количеству вариантов этой былины Пудога уступает только Кижам, однако среди них немало дефектных или зависимых от печатных источников. Пудожские записи принадлежат к той же редакции сюжета, что и заонежские, расходясь с ними в деталях повествования. Так, местные сказители старшего поколения обычно именовали Вольгу «Всеславьевичем» (в Кижах — «Святославговичем»), не использовали повторение с нарастанием в описании попыток княжеских дружинников выдернуть из земли крестьянскую соху, нет в их вариантах портрета Микулы и знаменитого ответа пахаря на вопрос о его имени («Ржи напашу, в скирды складу...»). Хотя звери и птицы встревожены рождением великого охотника, об оборотничестве Вольги не упоминается ни в одной из записей XIX столетия. Видимо, уже в середине прошлого века былина о чудесном пахаре занимала периферийное место в эпическом репертуаре Пудоги.

№ 9

О Вольге Святославгиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 192 об.—194. Опубл.: Рыбн., 1861, № 4.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г. — от Никифора Прохорова (ок. 1820 г. р.), крестьянина д. Бураково.

Текст помещен в тетради в разделе былин, записанных от Н. Прохорова в Купецкой вол. Опубликовано П. А. Бессоновым в соответствии с рукописью, правка касается оформления текста: пунктуации, красных строк.

Примечания П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 1 «Певец пел про Микулушку Селяниновича; но когда я ему заметил, что такая былина обыкновенно поется про Вольгу, то он сознался, что перепутал действующих лиц» (л. 192 об.); ст. 7 «*плутивца* — поплавки».

Былина «Вольга и Микула» не принадлежит к числу лучших былин Н. Прохорова. Несмотря на сравнительно большой объем, в тексте ощущаются пропуски и логические неувязки. Перепутаны имена главных героев; видимо, из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы» перенесено название «реченьки Волховой» (Рыбн., № 125; Гильф., № 54); не сообщается о цели поездки Вольги, из-за чего его стычка с гуршевскими и ореховскими мужиками выглядит как случайное дорожное приключение. С традиционным обликом Микулы не согласуется его пренебрежительное обращение с сошкой: он пинает ее ногой под облака. Правда, сам способ гиперболизации силы героя оригинален и по-своему выразителен: «Пала сошка о сыру землю, ушла сошка до рогача в землю» — ясно, что вытащить ее сможет только хозяин (ср. вариант повенецкого сказителя П. Калинина — № 13). Н. Прохоров, как и его земляк И. Фепонов (№ 12), подробно описывает столкновение главных героев былины с непокорными мужиками-«злодеями», гибель дружинников Вольги на «поддельных мосточках» (ст. 53—82). У И. Касьянова этот эпизод не развернут, а у других кижских певцов вообще отсутствует.

№ 10

О Вольге Всеславьиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 228—229. Опубл.: Рыбн., 1861, № 5.

Текст переписан набело крупным почерком переписчика, с наклоном вправо, с росчерками. Былина в тетради входит в раздел «К», где собраны былины шальского лодочника.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника.

Опубликовано П. А. Бессоновым в соответствии с рукописью.

Примечания собирателя к тексту: «Прозою» (л. 228 об.); «Неокончено; записано от крестьянина лодочника» (л. 229).

Небольшой стихотворный фрагмент и пересказ нескольких эпизодов из былины интересен как косвенное свидетельство бытования в Пудожском крае развернутой редакции сюжета. От нее сохранились имя соловой кобылки Микулы — «Обнеси голова» (ср. «Подыми-голова» у кижанина Т. Иевлева — Рыбн., № 69; Гильф., № 98 и «Унеси-голова» в тексте И. Лядкова-Кропачева с Кенозера — Гильф., № 255; лишь в последнем варианте кличка лошади объясняется тем, что она спасла хозяина от смертельной опасности). Возможно, с древнейшей редакцией связано упоминание о трех дочерях Микулы, «паленицах удалых» Марье, Василисе и Настасье. Две последние — героини старин «Ставр Годинович» и «Добрыня и Алёша»; их считал дочерями Микулы Селяниновича и Т. Рябинин из Кижей (см.: Рыбн., 1861,

подстрочное примеч. к № 14. С. 93). Однако подобные суждения о родственных связях между эпическими героями могли появиться и на последнем этапе бытования былин, когда усилилась тенденция к объединению самостоятельных сюжетов в одном произведении. Шальский лодочник использовал традиционную для Кижей форму отчества Микулы — «Селянинович», а вот Вольгу именовал «Всеславьевичем», как и другие пудожские сказители. Попытка Вольги выдернуть сошку из земли — результат забвения содержания былины (обычно это делают его дружинники).

№ 11

Вольга и Микула

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 195—196 (л. 212—213). Опубл.: Гильф., 1873, № 45, стб. 226—228.

Заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами — раскрытые сокращения, пунктуация и помета под заголовком: «(см. Рыбник⟨ов⟩, т. 1, 4)». Над текстом слева зачеркнута буква «θ». Под текстом: «Записано на Марнаволоке 26 июля». На обороте последнего листа: «θ. Вольга. Марнаволок, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, 51 года (ок. 1820 г. р.), крестьянина д. Бураково Купецкой вол.

Текст записывался дважды: к первым 72 стихам добавлены три вставки на отдельном листе с пометками к соответствующим местам текста, куда они должны быть помещены. Прохоров, видимо, с трудом вспоминал былину в процессе пения, главные персонажи в ней поменялись местами.

Разночтения Гильф., № 45

Ст. 1 *А народился Вольга да тут Всеславьевич* зачеркнуто; ст. 2 вписан между строк; ст. 11 *птичушку* исправлено на *птицу*; ст. 14 *то* исправлено на *Да ведь что*; после ст. 18 зачеркнуто:

А приезжает тот Микулушка С⟨елягинович⟩

А ко тому Вольги да ко Всеславьевичу.

Ст. 25 *Ино стал он кобылушки цены этта ценить* зачеркнуто; ст. 30—36 взяты из вставки № 2; ст. 36 имеет описку: *во тую матушка во сыру землю*; ст. 37 и 60 вписаны между строк; ст. 46 *калиновые* вписано вм. *фальшивые*; ст. 50 *калиновые* зачеркнуто *е*. На полях приписка: «Вставлено, см. ниже № 1».

На полях примечание собирателя: «*оружьица цильнии* — т. е. меткие».

По сравнению с записью Рыбникова, сделанной под диктовку сказителя, вариант, записанный Гильфердингом с пения, явно проигрывает в плане сюжетной полноты и насыщенности эпическими описаниями. Это характерно и для ряда других старин Н. Прохорова. При повторном исполнении певец опустил некоторые подробности (ст. 7—8, 40—42, 69—73, 73—79, 88, 90), сюжетообразующие мотивы (ст. 105—106) и целый эпизод (ст. 30—38 — безуспешная попытка дружинников Вольги «сошку с земельки повыдернуть»); общий объем былины уменьшился почти на четверть. Удачных дополнений к первоначальному тексту в повторной записи немного: добавились стихи 47, 62, 72, точнее и выразительнее стала характеристика «поддельных мосточков, калиновых, фальшивых». Изменил Прохоров и отчества главных героев — «Микула Селя́гинович» и «Вольга Всеславьевич» (ср. варианты пудожан И. Фепонова и И. Захарова — № 12, 14); в записи Рыбникова — «Селянинович» и «Святославгович», как у большинства сказителей из Кижей.

№ 12

Вольга и Микула

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 251—252 (л. 268—269). Опубл.: Гильф., 1873, № 55, стб. 296—297.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами — только пагинация. Слева над текстом зачеркнута буква «Я». Под текстом: «Записано в Шале, 28 июля». На обороте последнего листа данного текста помета: «Я. Вольга, размер нарушен. 28 июля, Шала».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 28 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Разночтения Гильф., № 55

Ст. 2 испр. из: *Вольга да сын*; ст. 13 испр. из: *А тут ли тот и да*; ст. 24 испр. из: *Ратой в чистом поли да он посвистыват*; ст. 71 испр. из: *много силушки*. Ст. 77 вписан между строк.

Вариант Фепонова — лучший среди пудожских записей «Вольги и Микулы»; в нем наиболее полно представлены характерные для местной обработки сюжета эпизоды и мотивы, традиционны имена героев, последовательно выдержан классический формульный стиль. Развернутое описание столкновения Вольги и Микулы с мужиками-ореховцами близко к соответствующему эпизоду из былины Н. Прохорова, жившего на том же Купецком озере (№ 9, 11). Рассказ о стычке Микулы с мужиками-ореховцами во время первого приезда по содержанию перекликается с вариантами кижских певцов Т. Рябинина и И. Касьянова (Гильф., № 73, 156), но расходится с ними в деталях повествования: ореховцы «зафальшивили» его золоту казну, «посчитали за гроши они за медныи». В финале былины Вольга дважды называет Микулу своим дядюшкой, но это, скорее, знак уважения к старшему по возрасту человеку — контекст не дает оснований считать их родственниками. Фепонов четко мотивирует причину поездки Вольги с дружиной в непокорный город: строптивые купцы и бояре «перестали вносить дани-пошлины» киевскому князю Владимиру. В былине упоминаются два топонима (в других вариантах бывает и три), однако сказитель, по-видимому, осознавал их как двойное название одного города («брать Туринца, Ореховца», «разорили Туринец-от город Ореховец» и др.). Использованная Фепоновым форма отчества Микулы «Селягинович» закрепилась в былинах на всем восточном побережье Онежского озера. Возможно, она связана с подсечным земледелием, которым занимается Микула (диалектное слово «сельга», давнее заимствование из угро-финских языков, означает «посека, рóсчисть, огнище, чищоба, кулига» — Даль 4, с. 172).

№ 13

Садко, Вольга и Микула

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 3—9 (л. 17—23) + 1 л. чистый. Опубл.: Гильф., 1873, № 2, стб. 9—16.

Полевая запись; текст записан карандашом; номер, заглавие, дописи, дата, место записи и пунктуация — чернилами. Над текстом справа помета наборщика. Под текстом чернилами помета: «Записано там же, 22 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 22 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

На обороте чистого листа карандашом: «Ь. Сатко и Вольга. 22 июля. Спел ему более ⟨двадцати⟩ лет [тому назад] древний старик-нищий на Заонежье около Шунги и Толвуя; он перенял, но уже сам

лет ⟨двадцать⟩ не певал и говорит, что многое забыл. Размер с ударением, двойным на конце ⟨...⟩, последнее — особенно резко; внутри стиха размер распался, часто переделывается стих и не может попасть».

В примечании к заглавию указано: «Эта былина отличается особым размером, с двумя ударениями в конце стиха, причем ударение на последнем слоге произносится особенно резко».

По мнению А. И. Никифорова, «Г⟨ильфердинг⟩ здесь не понял, что дело идет о речитативном сказе, а не о напеве. Размер не „распался", а именно был сказовый. Очень интересен для „Садко и Вольги", т. е. былины древней и княжеской по герою» (Никифоров I, С. 706). Определяя жанр произведения как «княжескую былину» а не сказ, следует признать, что былинному повествованию свойствен стиховой, а не сказовый размер.

Разночтения Гильф., № 2

Ст. 3 испр. из: *Жил нанемник*; ст. 14 *водяно́и ца́рь* со строчной буквы; ст. 17 *Водяно́и Ца́рь* — с заглавной буквы, испр. чернилами; после ст. 49 следовало:

Об том же я вас нуньчу требую́
На свое велико судилищо́;
Что на России там деется́
Дороже ли булат-железо кра́снаго золота́?
Отвечает Сато́к-работничо́к:
«Помилуйте, царь неверный!»

Затем вписаны ст. 50—56; ст. 57 *там* вм. зачеркнутого *нунь*; после ст. 61 проведена черта и зачеркнуто:

Спорила царица неверна́я
Со своим царем неверны́м
Что на России дороже: красноё видь золото́
Подороже от

сначала эти стихи были пропеты вместо ст. 43—44; после ст. 76 зачеркнуто: *И тот Сатко-работничок говорит ему*; ст. 114 испр. из: *Всяку непомерну грязь*; ст. 124 испр. из: *Наяву у Сатка объявилоси, У того...*; ст. 168—169 вписаны над зачеркнутыми:

Бились с Сатком богатыим
Бились купцы новгородские,
Бились с Сатком о велик залог.

Ст. 173—174 были исполнены в обратном порядке и помечены к перестановке; ст. 187 испр. из: *За свое пустое бахвальство за ложное*; ст. 263 *Лошадка его* зачеркнуто; ст. 251, 290, 297, 307—308 вписаны между строк.

Примечания собирателя: к пропущенному ст. 6 «Калинин не мог припомнить названия страны, куда купцы поехали» — чернилами; «Не может припомнить имени земли» зачеркнуто карандашом; к ст. 49 на полях добавлено: «Поклон отдает ему Саток-работничок»; на полях к стихам, пропетым вместо 43—44, неоконченная фраза «Объяснил на словах, что он с цари...» зачеркнута карандашом; пояснение к ст. 111: «чеврой — речной песок»; к ст. 285 *силен* на полях ркп зачеркнуто; к ст. 301 «т. е. кинул»; к ст. 340 «Певец не мог припомнить названия места, куда дружина отвезла похоронить Вольгу». На л. 9 зачеркнуто на полях: «Забыл имя места». Уточнения и дополнения указывают на повторное прослушивание если не всего текста, то отдельных его частей.

Примечания издателя: ст. 168 «*наб* — надобно»; ст. 206 «*рыть* — сбрасывать».

Былина уникальна редкой контаминацией двух самостоятельных сюжетов: былины о Садко с одной из древнейших былин о чудесном пахаре. В тексте использован также мотив другой новгородской былины — о ссоре Василия Буслаева с новгородцами. Все три сюжета довольно редки и встречаются обычно как самостоятельные былины. А. М. Астахова считала записи А. Ф. Гильфердинга лучшими среди других вариантов на эти сюжеты.

По сообщению собирателя, П. Л. Калинин «по ремеслу портной; мальчиком и молодым человеком он много ходил по деревням в окрестностях Шуньги и Толвуя для портняжных работ и при этом привык петь былины, которые частью слышал от стариков в тех местах, частью же перенял у своего отца; последний, по словам Калинина, знал их очень много. Впоследствии Калинин бросил портняжное дело и „стал на крестьянство". С этого времени он реже поет былины, в молодости же знал их столько, что и в неделю бы не переслушать. ⟨...⟩ Калинин поет не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая былинный размер и сбиваясь с него только в тех былинах, которые он уже плохо помнит» (Гильф. I, с. 95).

№ 14

Вольга и Микула Селянинов

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 825, 825 об. + 1 л. чистый (л. 296—297 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 195, стб. 941—943.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число 41. Под текстом карандашом: «Записано на Водлозере (дер⟨евня⟩ Куганаволок) 7 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 41. Вольга. 7 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

Текст слушался дважды, о чем свидетельствуют перестановки стихов, вставки и исправления.

Разночтения Гильф., № 195

Ст. 1 испр. из: *Когда воссияло солнце красное*; ст. 9 испр. из: *Да поехал Вольга по чисту полю*; ст. 10, 27, 30 вписаны между строк; ст. 31 на полях справа; ст. 15 испр. из: *Киньте у мужика соху в сторону*; ст. 18 испр. из: *Приходили оны к мужику оны к Сеятелевичу*; после ст. 19 *Брали они-то соху* зачеркнуто; ст. 21 испр. из: *А никто-то сохи приздынуть не мог*; ст. 25 испр. из: *Да не можем мы сохи да от земли поднять*; ст. 26 испр. из: *Подъезжает Вольга Сеславьевич*; ст. 28 испр. из:

Как тебя, мужичок, именем зовут?
Как тя величают по отечеству?

Ст. 31 испр. из: *Да поедем*; ст. 43 испр. из: *Говорит ему Вольга тут Сеславьевич*.

Ст. 3 был записан на месте 8-го, помечен цифрой и отчеркнут к перестановке. А. И. Никифоров, считая эту запись «интереснейшим и редчайшим случаем возможной наидревнейшей формы стиха», сохранил при публикации первоначальный вариант (Никифоров III, с. 634).

Сказитель конспективно изложил содержание некоторых эпизодов из былины, временами сбиваясь со стихотворного на прозаический склад речи или вынужденно прибегая к необоснованным повторам

(ст. 10, 15—16, 18, 28). Текст интересен перенесением небольшого фрагмента из сюжета «Волх Всеславьевич» (ст. 5—7), причем все использованные здесь имена собственные (Сантал, Золота Орда, царица Давыдьевна) совпадают с именами былины о Волхе, записанной от шальского лодочника (№ 1).

№ 15

Вольга и Микула

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 96 об.—98, полевая запись, полные строки — карандашом, зап. рукой Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 87 об.—90, середина стиха зап. Ю. А. Самариным, им же строки дописаны другим карандашом. Опубл.: С.—Ч., № 2.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 4 *по* чисто полю (ед. хр. 12); ст. 5 пахарь понук*ивать* (ед. хр. 12), *понукат* (ед. хр. 19); ст. 6 А не можут пахаря (ед. хр. 12); ст. 8 Селяндрович (везде в ед. хр. 12); ст. 9 На кобыл*у* он да понукив*ат* (ед. хр. 12), А на кобылы (ед. хр. 19); ст. 11 *А на той кобылушке* (ед. хр. 12); ст. 13 Говорит-*то* ему *да ему-то* (ед. хр. 12), говорит *д'ему-то ведь* (ед. хр. 19); ст. 14 Микола (ед. хр. 12); ст. 15 *Собирал* (ед. хр. 12); ст. 20 *да* дани-пошлины (ед. хр. 12); ст. 21 *А видь* с и́ма (ед. хр. 12), *С'ими я да разговаривал* (не очень четко) (ед. хр. 19); ст. 24 да *ведь* свалился-то (ед. хр. 12), да свалился *ведь* (ед. хр. 19); ст. 26 Миколушка (ед. хр. 12); ст. 27 Ай поедем *да* ... (ед. хр. 12); ст. 30 от сохи *от ёй* да недалеконько (ед. хр. 12); ст. 31 Святослав*ьевич* (ед. хр. 12); ст. 32 не приобрана (ед. хр. 12); ст. 34 *Пусть* кинут (ед. хр. 12); ст. 37 *А уж с одра сдерут мою теперь* (ед. хр. 12), сдерут со*шку* мою теперь (ед. хр. 19); ст. 39 чоловек (ед. хр. 12); ст. 41 *со* земелюшки (ед. хр. 12); ст. 42 *А никак-то* (ед. хр. 12); ст. 45 *повытогнуть* (ед. хр. 12); ст. 46, 47, 50, 51 — *5, 12* (цифрами) (ед. хр. 12); ст. 53 *с земелюшки* (ед. хр. 12); ст. 54 *Миколушка* (ед. хр. 12); ст. 55 *да* ведь (ед. хр. 12); ст. 57 *ту* сошку (ед. хр. 12, 19); ст. 59 *вся*-то (ед. хр. 12); ст. 60 сберять (ед. хр. 12); ст. 70 А привез *тут* (ед. хр. 12); ст. 72 Ко тому *ли* князю *да* (ед. хр. 12).

Текст Г. А. Якушева восходит к книжным вариантам Чукова, Касьянова, Рябинина и др. См., например, текст Трофима Григорьевича Рябинина из д. Середка (Рыбн., № 3; Гильф., № 73).

Якушев достаточно полно передал содержание основных эпизодов, однако в стилистическом отношении его вариант крайне невыразителен. Традиционная формула «Который стоя стоит, тот и сидя сидит...» искажена до неузнаваемости (ст. 21—25) — получается, что не богатырь проучил строптивых мужиков, а они свалили его на землю; неряшливо оформлены некоторые строки («А схватил-то да туды-то ведь», сошка «пала по облоки во сыру землю» и др.). Описания повторяющихся действий обычно отливаются у сказителей в чеканные формулы, у Якушева они аморфны и многословны (ст. 40—42, 48—49, 52—53). В сюжетном плане текст частично перекликается с былиной односельчанина Якушева И. Фепонова (№ 12); в частности, только у этих двух сказителей настойчиво подчеркивается, что Вольга едет собирать дани-пошлины для князя Владимира (правда, этим же до него почему-то занимался и Микула — см. стихи 14—16, 19—20). Но еще больше прямых схождений обнаруживается с вариантами кижских певцов Т. Рябинина и И. Касьянова (Гильф., № 73, 156). Это и упомянутая выше форма расправы с «мужичками-разбойничками», и нехарактерное для Пудоги отчество Вольги «Святославьевич», и использование приема с нарастанием при описании попыток дружинников Вольги «прибрать» сошку Микулы. Только у Касьянова и Якушева мужики, узнав в спутнике Вольги своего давешнего «обидчика», не пытаются сопро-

60 Зак. 3948

тивляться. Эту близость к текстам кижан можно объяснить творческими контактами сказителей разных районов Прионежья, но не менее вероятно и влияние книжного источника (варианты Рябинина и Касьянова приобрели хрестоматийную известность).

№ 16

Микула Селининович

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, № 3, л. 13—14 об.; перебеленная рукопись, тетр., чернила. Опубл.: Аст. 2, № 187.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 21 июля 1932 г., д. Римская (Рим) Пудожгорского с/с Медвежьегорского р-на КАССР — от Афанасия Матвеевича Денисова, 60 лет.

Разночтения Аст., № 187

Ст. 19 *нас*вистывает; ст. 25 скажи-*ко*; ст. 39 Селянинович; ст. 43 да *и* поехали; ст. 50 *воз*говорит; ст. 51 *Селянович*; ст. ст. 77, 81 молодцов; ст. 90 ворочается.

«Вариант сохранил эпизод собирания пошлины, причем в рассказ об этом перенесена формула расправы Микулы с разгневавшими его мужиками» (Аст. 2, с. 715).

Сказитель вплоть до мельчайших подробностей повторил компилятивный текст из «Книги былин» В. В. Авенариуса, в основу которого положены классические варианты Т. Рябинина и И. Касьянова, дополненные некоторыми деталями из других записей XIX в. Подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 2, № 1.

№ 17

Про Микулу Селяниновиця

Архив КФАН, ф.1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 59; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами.

Зап. Е. П. Родиной: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Публикуется впервые.

№ 18

Вольга Всеславьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 10, л. 83—86; черновая рукопись, карандаш.

Зап. А. Н. Антиповой: 1937 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 72 лет.

Вариант (60 стихов) к былине БПК, № 8 «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович» (186 стихов).

Сравнение записи былины с последующей по времени (см. № 20), свидетельствует о стабильности текста Пашковой. Разночтения между ними едва уловимы, причем вариант 1937 г. оказывается еще ближе к рябининскому изводу. Исполнительница назвала третий город, пожалованый Вольге (Крестьяновец), охарактеризовала реакцию зверей и птиц на рождение князя-оборотня; полнее описала пахоту Микулы. Все эти подробности имеются в тексте Т. Рябинина.

Публикуется впервые.

№ 19

Про Ольгу Цветославлевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 29; черновая рукопись, частично правленая чернилами.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Публикуется впервые.

№ 20

Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 20, л. 255—387 (л. 1—33); черновая рукопись, карандаш. При подготовке к публикации многие слова были обведены чернилами. Опубл.: БПК, № 8.

Зап. Е. П. Родиной: август—сентябрь 1938 г., д. Семеново Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной. 72 лет.

Разночтения БПК, № 8

Ст. 54 *в городи только третьего дни*; в ст. 73, 84, 106, 126, 130, 132, 172 — Вольга Святославович; ст. 143 рыскал я во темных лесах.

В ст. 125 пояснение собирателя к слову *черятки* — «птички».

«Основной район распространения — Онежский край, откуда известна большая часть вариантов ⟨...⟩

Исполнив былину, сказительница рассказала следующее: „Помню около Рождества собрались мужики в одну избу; ставили «Царь Максимилиан». Долго тянулось, а я спать нисколько не хотела, хоть и маленькая была. Потом стали сказывать былины и эту пели; один споет, а другой — иначе. Тут я и запомнила. А потом сама спевала, може много и переврала".

Позднее Пашкова прочла и переучила эту былину по книге, занесенной кем-то в их деревню. Названия книги она не запомнила ⟨...⟩.

Оригинальность текста Пашковой заключается в углублении социальных мотивов былины. Иронический ответ Микулы Селяниновича на приглашение Вольги («Не срамись, удалый добрый молодец» и т. д., ст. 70—73), неудачная попытка не только дружины, но и самого Вольги вытащить сошку — все это подчеркивает превосходство пахаря перед дружинником, который „не научился премудрости орать, пахать да крестьянствовать". Заключительный эпизод былины Касьянова (получение в награду наместничества) в данном варианте опущен и конец его разработан, так же как в былине Т. Г. Рябинина (Гильф., № 73). В центре былины — образ Микулы Селяниновича ⟨...⟩ Народ видел в Микуле Селяниновиче могучего пахаря, обрабатывающего необъятные поля своей чудесной сошкой. Характерно в этом отношении замечание Пашковой: „Чудно было, что мужик такой сильный, а мы тогда верили".

Генезис былины неясен. Возможно, что в ней, как предполагают некоторые исследователи, объединились предания о поездках князей на полюдье (за сбором дани) с песней о чудесном пахаре. Прототип Микулы Селяниновича также остается неизвестным: имя Вольги считают народной формой имен Олег, Ольга, в былине видят отголоски преданий о князе Олеге и княгине Ольге» (БПК, с. 468).

Текст Пашковой почти полностью совпадает с вариантом Т. Рябинина в записи Рыбникова (Рыбн., № 3) и не содержит тех деталей, которые отличают от рябининского извода былину другого кижского певца, И. Касьянова (Гильф., № 156). Это позволяет оспорить мнение Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова,

возводивших комментируемый текст к варианту Касьянова (БПК, с. 468). Непосредственным источником заимствования, видимо, послужила хрестоматия А. Острогорского «Живое слово» (Пг., 1916. Ч. 3), которая была известна пудожской сказительнице. В ней под № 48 напечатана былина Т. Рябинина (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 2, № 10). В деталях повествования старина Пашковой отличается от прототекста, но эти расхождения незначительны и большинство их правомерно рассматривать как новации самой исполнительницы: Микула упрекает Вольгу, обратившегося к нему за помощью, а тот оправдывается молодостью и ненадежностью дружины (ст. 59—76); Вольга, как и в варианте односельчанина певицы Ф. Конашкова (№ 21), пытается поднять крестьянскую сошку (ст. 129—148); он с рыцарской «галантностью» спрашивает пахаря об имени-отчестве, обращаясь к нему то на «вы», то на «ты» (ст. 174—177). Некоторые дополнения Пашковой дублируют или уточняют содержание предшествующих стихов (мужики-разбойники «с ножами стоят да край дороженьки»; Микула заявляет, что заплатил за жеребенка пятьсот рублей, «а теперь не возьму и две тысячи»). Будучи известной вопленицей, Пашкова включила в былину позаимствованные из причитаний поэтические образы (ст. 135—186).

Возможно, в юности сказительница действительно слышала «Вольгу и Микулу» от местных старинщиков. Она называет Вольгу то Святославовичем, как и Рябинин, то Всеславьевичем, как другие пудожские певцы. В текстах Рябинина и Пашковой Микула презрительно отзывается о дружине Вольги, не сумевшей поднять крестьянскую соху, но каждый сказитель использовал свою оригинальную формулу.

Рябинин: То немудрая дружинушка хоробрая.

Пашкова: А стар мошник, верно, наварны щи,
А молоды черятки, да черви в них.

(«Мошник» — тетерев, «черятки» — чирки). Своеобразие и чеканность формулы Пашковой, построенной на звукописи и метафорических образах (мошник — Микула, чирки — дружинники Вольги), дают право предполагать ее устные источники, отголосок несохранившегося местного извода или особой редакции былины. Близкую по смыслу пословицу «Стар селезень, да уха сладка» включила в контаминированную былину о Добрыне Е. Кокова с Салмозера (№ 47). Есть эта паремия и в сборнике В. Даля (Даль. Пословицы, с. 353). Более убедительных аргументов, подтверждающих знакомство Пашковой с местными изводами «Вольги и Микулы», в данном тексте не обнаруживается.

№ 21

Вольга и Микула

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 4, ед. хр. 67; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 11.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 11

Ст. 1 *А* жил; ст. 7, 27, 30, 33, 47 отсутствуют; ст. 46 (ркп 42) *Кругом-то сошки*; ст. 49 (ркп 44) *С олишков*; ст. 54 (ркп 49) земельки *да*; ст. 76 (ркп 71) Говорил; ст. 77 (ркп 72) *Ты скажись-ко нам*; ст. 82 (ркп 77) *А да* пива наварю да видь *гостей* соберу; ст. 83 (ркп 78) *Да я гостей соберу да* всих пивом напою; ст. 84 (ркп 79) *Назовут-то меня мужика деревеньского*; ст. 86 (ркп 81) *А на том-то*

Слова, пропущенные при пении, восстановлены собирателем в квадратных скобках.

Среди сказителей Пудожья, кроме Конашковых, сюжет о Микуле известен Прохорову, Фепонову и шальскому лодочнику. Былина Конашкова о Вольге и Микуле записи 1938 г. безусловно в лучшем состоянии, чем у его земляков — Никифорова, Прохорова и Фепонова, от которых производились записи в 1871 г. Прекрасный вариант этой былины опубликован также в сборнике «Былины Пудожского края» (№ 8, записан от А. М. Пашковой, 185 строк). Интересно отметить, что Конашков и Пашкова — земляки (Пашкова тоже много лет жила в деревне Семеново). Однако, как и в большинстве случаев, тексты Пашковой и Конашкова значительно отличаются друг от друга. Это объясняется не только ярко выраженной творческой индивидуальностью Пашковой, но и тем, что Пашковой в те годы почти не приходилось слышать исполнение былин Конашковым. По ее словам, «муж не любил и не давал петь былины, вместе с Конашковым рыбачили, но муж ему слова вымолвить не давал».

Былина Конашкова заметно отличается от текстов, записанных на Пудоге в XIX ст., и чрезвычайно близка к варианту Т. Рябинина из Кижей в записи Гильфердинга (Гильф., № 73), местами буквально ее повторяя (оригинальный зачин «А жил Цветослав девяносто лет...», применение повторов с нарастанием в описании попыток дружинников Вольги выдернуть из земли «сошку кленовую», вопрос об имени-отчестве пахаря и его ответ). А. М. Линевский объяснил эти совпадения непосредственным заимствованием былины у Т. Рябинина дядей пудожского сказителя (Линевский, с. 38—40). Приведенные во вступительной статье к данному тому («Былинная традиция Пудожского края») аргументы позволяют считать более вероятным другое объяснение: рябининский извод сюжета через книгу усвоил сам Ф. Конашков, уже после 1928 г. Личные контакты с П. Рябининым-Андреевым практически не отразились на его варианте; единственное, что Конашков перенял у Рябинина-младшего и последовательно использовал почти во всех своих эпических песнях, — былинная концовка «А на том-то былинка и покончилась». Пудожский певец до предела упростил сюжетную схему былины, опустив рассказ Микулы о его стычке с «мужиками-разбойниками», описание поездки на конях, диалог о ценности «кобылки соловой» и ряд других мотивов; по-своему сформулировал некоторые стихи, не всегда, впрочем, удачно (ст. 3—7, 30, 33, 36). Видимо, по собственной инициативе, в духе «веяний времени» сказитель дополнил прототекст: в третьей попытке выдернуть сошку Микулы вместе с дружинниками участвует и Вольга (ср. вариант односельчанки Конашкова А. Пашковой — № 20).

№ 22

Вольга Святославгович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 25; беловая рукопись, карандаш.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Примечание исполнителя: «Читал в книге» (НП, с. 7).

Публикуется впервые.

№ 23

Микула Селянинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 41; черновая рукопись.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Корчагино Каршевского с/с Пудожского р-на — от Авдотьи Андреевны Соловьевой, 53 лет (род. в д. Подберезье).

Текст компилятивен по характеру, в нем переплетаются мотивы и образы, позаимствованные из двух лучших вариантов этой былины, записанных от заонежских сказителей Т. Рябинина и И. Касьянова

(Гильф., № 73, 156). Наиболее вероятный его источник — сборник А. Каспари (Каспари, № 11), что подтверждает специфическая лексика, последовательное соблюдение четкого ритма — четырехстопного хорея с дактилическим окончанием.

Публикуется впервые.

№ 24

Во́льга Светославович

ФА ИРЛИ, дл. 240.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 175.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Во́льга Светославович».

Публикуется впервые.

№ 25

Во́льга Цветославович

ФА ИРЛИ, дл. 241.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 176.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет орденоносец Конашков. „Во́льга и Микула". По Конашкову: „Во́льга Цветославович". Повторная запись».

Публикуется впервые.

№ 26

Микула Селянинович

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, № 39, л. 9969—9971; рукопись карандашом.

Зап. В. Кузиным, А. Михеевым, С. Ожеговой, В. Иевлевой: 13 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

Свой схематичный и сбивчивый пересказ исполнитель осознавал как сказку. Некоторые подробности текста указывают на знакомство Е. Романова с классическими вариантами заонежских сказителей Т. Рябинина или И. Касьянова (Гильф., № 73, 156).

Публикуется впервые.

№ 27

Вольга и Микула

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 102, ед. хр. 75, л. 266—267; перебеленная рукопись, чернила. Многоточиями отмечены пропуски в пересказе сюжета былины.

Зап. М. Нигметовой, О. Устинской: 1976 г., д. Водла Кубовского с/с Пудожского р-на — от Андрея Васильевича Филатова, грамотного, 92 лет.

Магнитофонная запись: кассета 2467, дорожка II, № 6.

А. Филатов с трудом мог припомнить эпизод с сошкой чудо-пахаря, так и не вспомнив его имени. Вольгу заменил «Василий Буслаевич». Исполнитель жил на востоке Пудожского района, однако с единственным вариантом былины, записанным восточнее Заонежья и Пудожского берега (Гильф., № 255), его текст значимых схождений не имеет.

Публикуется впервые.

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ

(№ 28—29)

Сюжет записан на Пудоге от нескольких сказителей, в основном — в составе контаминированных былин.

№ 28

Про Святогора

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 17, л. 228—253 (л. 56—81); черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 4.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Семеново Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 73 лет.

Примечание собирателя: «Былину сказывала» (л. 253).

Разночтения БПК, № 4

Ст. 17, 49 *скоморошную*; ст. 95 Араратскиим.

Сноска к ст. 89 «в правую сторону»; сноска к ст. 142 «В других деревнях говорят: „надо хлеба порушать", т. е. хлеба нарезать».

«„Про гроб где-то слышала, — вспоминает Пашкова, — про сумочку читала в детстве, немного тут еще прибавила".

Былина о смерти Святогора в гробу принадлежит к числу редких. В виде самостоятельной песни встречается лишь в нескольких записях из северных районов, чаще — в контаминации с другими сюжетами об Илье. Известна также в виде побывальщины и в сказочных обработках. Перечень вариантов см.: Аст. 1, с. 603—604. По типу встречи Ильи со Святогором наша былина примыкает к кенозерской группе вариантов (Гильф., № 265, 270, 273; см.: Аст. 1, с. 604).

Все основные эпизоды, встречающиеся в них, соединяются в былине Пашковой в одно развернутое, стройное повествование. Главное своеобразие былины заключается в объединении обоих сюжетов о Свято-

горе (смерть в гробу, Святогор и сумочка переметная), причем сказительница снимает противоречие между ними: Святогор не умирает при попытке поднять „суму скоморошную" (ср. вариант Гурьбина — Гильф., № 270 и Дмитриевой — Рыбн., № 86) — его спасает конь. Далее сказительница делает искусный переход ко второму сюжету: глубокий сон богатыря при наезде Ильи Муромца мотивирован усталостью («Утомился Святогор да он умаялся с сумочкой скоморошноей»). Необычен и конец: умирая, Святогор предлагает Илье свою силу и коня, но, отказавшись от того и от другого, Илья едет в Киев рассказать о случившемся.

В образе Святогора воплощены представления о чудовищной физической силе. Происхождение образа до сих пор остается невыясненным. Многочисленные параллели ему мы находим в преданиях кавказских, финско-эстонских и других народов. Исторические корни этого образа восходят, очевидно, к доклассовому обществу» (БПК, с. 465).

В эпизоде с сумочкой Пашкова повторяет содержание побывальщины Дмитриевой из Заонежья (см. выше), сохраняя некоторые оригинальные детали прототекста (сумочка названа «маленькой»; сначала Святогор, не сходя с коня, пытается сдвинуть ее «погонялочкой»; потерпев неудачу, он приговаривает: «Много я по свету ездивал, а такого чуда я не видывал»). С вариантом Дмитриевой Пашкова могла познакомиться по хрестоматии А. Острогорского «Живое слово» (Пг., 1916. Ч. 3. № 47). Верная своему обыкновению, сказительница частично переработала прототекст. Нелогичным выглядит прикрепление к имени Святогора стереотипного описания «молодецких забав» с палицей, которое обычно используется для характеристики юных героев, тем более что чуть ниже, в полном соответствии с традицией, богатырь-великан засыпает в седле. Рассказ о спасении Святогора (конь выдергивает его из земли) в былинах старой записи не встречается; видимо, он сочинен исполнительницей.

Вероятнее всего, с печатными источниками связан и рассказ о смерти Святогора; косвенным свидетельством этого можно считать его компилятивный характер, прямые переклички с записями из разных областей России. Святогор принимает богатырские удары Ильи за укусы «русских мух» (ср. вариант кижанина В. Щеголёнка — Гильф., № 119); он жалуется, что «в гробу лежать да тяжелешенько», нечем дышать (ср. побывальщину Л. Богданова из Заонежья — Рыбн., № 51); упоминание дубового гроба не характерно для прионежских былин (в них обычно фигурирует каменный гроб). Формула укора коню («Ты идти не мошь, аль вести не хошь?» — ст. 105) восходит к былине кижанина Т. Рябинина «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (Гильф., № 74). Необычная для устной традиции топонимика («святые горы Араратские», «Гора Елеонская») роднит вариант Пашковой с книжным по происхождению текстом воронежской сказочницы А. Н. Корольковой (Королькова, 1969, № 25).

В художественном плане комментируемый текст выгодно отличается от других записей нового времени строгостью композиции, умелым использованием ряда общеэпических формул (ст. 118—120, 136—143 и др.). А. Пашкова реже, чем в других былинах, увлекалась описанием бытовых подробностей (на отдыхе богатыри «коней стреножили»), лексическими средствами народной лирики («темну ноченьку», «денечек», «тяжелёшенько», «тошнёшенько», «кончинушка»). Слабее обычного проявились и ее импровизаторские наклонности, пристрастие к многословным описаниям (ст. 61—65, 108—112, 126—128, 203—210). В ст. 110 — неудачное переосмысление поэтического образа, позаимствованного из причитаний (конь жалуется, что он третий день возит двух богатырей «ног не складаючи»).

№ 29

Святогор

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 60, л. 222—223; беловая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Примечание исполнителя: «Прямо с „Народной поэзии", от других не слыхал. Сказкой рассказывали, а былиной ее особенно не сказывают. Она у меня вызыбывана (забыта)». (НП, с. 1).

Примечание собирателя: «Из всего репертуара былина о Святогоре наиболее Кигачевым „вызыбывана". Он обещал ее припомнить и при повторной записи сказать лучше».

Публикуется впервые.

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(№ 30—39)

По количеству фиксаций этого сюжета Пудога превосходит все остальные районы Олонецкого края вместе взятые. Как и в других регионах, преобладают прозаические пересказы, входящие в состав сводных и контаминированных текстов. Стихотворные варианты изобилуют прозаизмами, практически не содержат устойчивых эпических формул и, скорее всего, вторичны, либо самостоятельно переложены сказителями на «былинный лад», нередко с явными элементами импровизации (Г. Якушев, Н. Ремизов, Д. Подомарева, А. Зуева, А. Пашкова). До революции на Пудоге записаны всего два варианта этой старины; росту ее популярности во многом способствовали многочисленные публикации в так называемых серопечатных изданиях, различных хрестоматиях и антологиях. Составители подобных сборников ориентировались именно на прионежские записи, что затрудняет выявление зависимых от книги текстов и их элементов, поскольку пудожские сказители усвоили таким путем характерные для местной традиции модификации сюжета. Весьма вероятно, что к печатным источникам восходит большинство публикуемых здесь вариантов, но доказать это не всегда возможно.

В Прионежье бытовала единая в своих общих чертах редакция сюжета. Ее важнейшие отличия от печорско-мезенской редакции и некоторых кенозерских вариантов переходного типа заключаются в том, что Святогор и Илья обычно находят уже готовый гроб. Святогор просит своего спутника освободить его, чем и мотивируется передача части его силы через дыхание. Иногда он замышляет сгубить Илью Муромца, вторично дохнув на него «мертвым духом». Рассказ о поездке младшего богатыря к отцу своего названого брата встречается в единичных вариантах. Традиционный сюжет нередко осложняется повествованием о неверной жене Святогора, отсутствующим в северо-восточных записях. Это связано с тем, что олонецкие сказители отождествляли Святогора с Самсоном; имена обоих богатырей часто упоминаются в «Василии Игнатьевиче и Батыге», а в одной из версий «Ильи и Калина» Самсон играет важную роль в развитии сюжетного действия.

Ю. И. Смирнов в 1963 г. записал краткий пересказ с элементами ритмической прозы от О. И. Фофановой, дочери известного сказителя с Купецкого озера И. Т. Фофанова. По содержанию этот текст обычен для местной традиции.

№ 30

Илья Муромец и Святогор-богатырь

Рыбн., 1867, № 1.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерского у. — от Трофима Романова (время записи не указано).

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Непосредственный предшественник сказителя, видимо, исполнял эту былину в форме эпической песни — ритмизованная проза Т. Романова легко поддается делению на стихи, по насыщенности эпическими

формулами, традиционными для былин оборотами речи его текст превосходит почти все пудожские записи нового времени. По содержанию вариант Романова близок к второй части побывальщины Л. Богданова из Кижей (Рыбн., № 51), местами сходен с нею и текстуально. Сюжетная схема обычна для прионежской традиции, особенно подробно разработан эпизод с неверной женой Святогора. В облике этого богатыря настойчиво подчеркиваются черты великана, что отчасти мотивирует его коварство по отношению к названому брату — потеряв надежду выбраться из «гробницы великой», Святогор пытается извести Илью Муромца. Архаично по своим корням уподобление смерти сну («и ты бы подле меня лег спать»).

№ 31

Святогор

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 1—2 об. (15—16). Опубл.: Гильф., 1873, № 1, стб. 6—9.

Полевая запись; текст записан карандашом; номер, заглавие, дописи и пунктуация — чернилами. Вверху над текстом помета наборщика и зачеркнутое примечание карандашом: «Это последний эпизод былины, которая, по словам Лукина (Калинина. — *Сост.*), очень большая». Справа на полях это же примечание написано чернилами, но в иной формулировке: «По словам певца, это есть окончание очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка он не мог припомнить».

На л. 2 об. помета карандашом: «Ь. Святогор». Чернилами добавлено: «Записано в дер⟨евне⟩ Рим на Пудожской Горе, 24 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: д. Рим (Римское), Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Разночтения Гильф., № 1

Ст. 9 *нунь богатыря* в 1-м изд. прочтено *тут*; ст. 18 испр. из: *Здравствуешь ты*; с. 66 испр. из: *А повыздынь ты меня*; ст. 103 испр. из: *Ты убил же, знать, Святогора нунь богатыря.*

Сокращения слов в стихах: св⟨ятая⟩ — ст. 2, 6; Св⟨ятогор⟩ — ст. 9.

Примечания издателя: «ст. 9 *нунь, нуньчу, нунечу* вм. *нынь, ныньче*»; ст. 18 «*порный* — т. е. крепкий»; ст. 33 «*шелья* — скала»; ст. 43 «*площаница* — гроб».

Былина — одна из редких, известна больше в контаминациях с другими былинами об Илье Муромце. Наибольшее число записей XIX в. сделано в Прионежье: Рыбн., № 2; Гильф., № 119, 265, 270, 273. А. М. Астахова считала, что образ Святогора восходит к доклассовому обществу. Сюжет встречается изредка в обработках в виде сказок и побывальщин: Едемский 1912, с. 245—246.

В былине П. Калинина почти нет элементов, позволяющих нащупать генетические связи с другими вариантами. Заслуживает внимания лишь заключительный эпизод (по просьбе умирающего Святогора Илья Муромец едет к его отцу и едва не погибает сам; ср. былину «Илья Муромец» — С.—Ч., № 44). Сказитель использовал редкое в былинах слово «ведом», а также ряд диалектизмов. Церковнославянское слово «пло(а)щаница» Калинин интерпретировал как «гроб» (ст. 43, 51 и др.), видимо, под влиянием евангельских сказаний о положении во гроб Иисуса Христа.

№ 32

Святогор

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 25—32, автограф; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 81—84 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 73—77, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов, строки дополнены его же рукой другим карандашом). Опубл.: С.—Ч., № 1.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 12

Ст. 1 *ён* (ед. хр. 12, 19); ст. 2 пораздумалсе (ед. хр. 12); ст. 10 Есть он, *он* был (ед. хр. 12); ст. 13 *Заехал* (ед. хр. 12); ст. 15 *чудное* (ед. хр. 12); ст. 16 *Сидит-то ён на добром кони* (ед. хр. 12); ст. 18 ведь (ед хр. 12); ст. 19 разъехалсе (ед. хр. 12); ст. 24 не оглянетцы (ед. хр. 12); ст. 25 колыбаетцы (ед. хр. 12); колыбаетсы (ед. хр. 19); ст. 28 *поезживал*; ст. 29 *поимал* (ед. хр. 12); ст. 31 Теперь у мня силы (ед. хр. 12); ст. 33 палицей (ед. хр. 12); ст. 34, 38 ведь (везде в ед. хр. 12); 41 *А как наехал Илья 3-й раз* (ед. хр. 12); ст. 44 увырнулосе (ед. хр. 12); ст. 47 *повез-то ён да* (ед. хр. 12); ст. 48 у Святогора, *конь* (ед. хр. 12); ст. 53 *А* стали (ед. хр. 12); ст. 56 *А и што ни ты двух богатырей* (ед. хр. 12), *А как же тяжело* (ед. хр. 19); ст. 66 миня три-то раз (ед. хр. 19); ст. 75 Илюшенька (ед. хр. 12); ст. 77 три раза *ведь* (ед. хр. 12); ст. 85 косточки (ед. хр. 12); ст. 94 широко (ед. хр. 19); ст. 96 *есь* (ед. хр. 12); ст. 100 *Я думаю пойдет теперь* (ед. хр. 19); ст. 104 видь (ед. хр. 12); ст. 110 *Как вынь-ка ты Святогора есть* (ед. хр. 12), *вынь-ко* зачеркнуто и сверху надписано *сыть* (ед. хр. 19); ст. 111 *Илья принялся да за крышку* (ед. хр. 12); ст. 112 *Как крышка будто да ведь при́росла* (ед. хр. 12); ст. 113 не мог *да* не может (ед. хр. 19); ст. 116 *Как палицей* (ед. хр. 12); ст. 118 *Как же мни* (ед. хр. 12); ст. 121 зелезные (ед. хр. 12); ст. 122 *Другой-то он, ударил — третий стал* (ед. хр. 12); ст. 128 Секи ведь *да* (ед. хр. 12); ст. 133 *от земли не могу вложить* (ед. хр. 12); ст. 137, 138 тибе (ед. хр. 12); ст. 143 скоцили (ед. хр. 12); ст. 149 припал-*то* (ед. хр. 12); ст. 157 *Как* привяжи (ед. хр. 12).

Текст Г. А. Якушева содержит основные компоненты прионежской версии сюжета (троекратное нападение Ильи на Святогора, принимающего удары его палицы за комариные укусы; диалог великана с конем, которому «тяжело возить двух бога́тырей»; примеривание гроба, неудачные попытки выбраться из ловушки, смерть Святогора). Как и в других олонецких вариантах, «больший брат» Ильи Муромца замышляет погубить его, дохнув «вздохом да мертвые»; «гроб каменный» — традиционная деталь прионежских текстов (в северо-восточных регионах, а иногда и на Кенозере — деревянный). Источники текста, безусловно, устные — сам сказитель был неграмотным, — но не исключено, что кто-то из его предшественников обращался к печатным изданиям: Якушев использовал уникальную деталь из побывальщины Л. Богданова (Рыбн., № 51 — умирающий Святогор велит привязать своего коня к гробу, так как никто, кроме него, с ним не справится). Стихотворным это произведение можно назвать лишь условно — отчетливо просматривается его прозаическая первооснова, к тому же сказитель вообще не отличался высокой техникой конструирования былинных формул (см., например, ст. 7—10, 38, 48—50, 75—80, 95, 135—138 и др.

№ 33

Святогор

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, л. 214—215, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, л. 63, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой; ед. хр. 10, л. 13 об., беловой автограф В. И. Чичерова. Опубл.: С.—Ч., № 75.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

По сообщению Ф. А. Конашкова, былины он перенял от своих деда и дяди.

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 1 живё; ст. 2 Илья *ти живут у* синего моря.

В ст. 2—5 ударения отсутствуют.

Краткий пересказ заключительного эпизода былины. Вопреки обыкновению, гроб на горах находят не два, а три богатыря — к Илье и Святогору добавился Самсон. Видимо, это связано с упоминанием всех трех богатырей в формуле, механически перенесенной из былины «Василий Игнатьевич и Батыга» (Линевский, № 9, ст. 31—32). Переговоры с плотниками, которые «строя поло́ну белоду́бову», не свойственны прионежской традиции — этот мотив популярен в северо-восточных регионах и встречается в одном из кенозерских текстов (Гильф., № 273).

№ 34

Про Святогора

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 23; черновая рукопись.

Зап. Н. А. Бутиновым: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Публикуется впервые.

№ 35

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 67=кол. 49, ед. хр. 67, л. 68—73; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 40. Данный текст записан в 1940 г., после того как сборник был сдан в набор.

Зап. Г. Н. Париловой: 26 июля 1940 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 63 лет.

В конце текста примечание собирателя: «Ремизов сначала не хотел исполнять былину, говоря что она „божественная". Согласился только потому, что ее пел Сёмин, а сам он ничего не изменял. Поет он ее очень редко» (КФАН, кол. 8, ед. хр. 67, л. 73).

Примечание исполнителя: «Она ⟨былина⟩ певана у Сёмина, я запомнил таким мотивом. Он ⟨Сёмин⟩ пропевал мне ⟨десять⟩ раз эту и говорил: „Вот Адам нарисован (не родился), а умер, а Илья родился, а не помер, живым взят. Илье на земле смерть была не писана. Так все богатыри кончилися"» (Там же).

«Былина представляет собой оригинальную контаминацию двух сюжетов. Первый из них, „Гибель богатырей", входивший в цикл былин о татарском нашествии, является очень редким; встречается как в

форме самостоятельной былины (Кир. IV, с. 108; Т.—М., № 8), так и в соединении с другими сюжетами о борьбе русских с татарами. Обзор вариантов см.: Аст. 1, с. 595—598.

Контаминация указанного сюжета с былиной о Святогоре встречается впервые в публикуемом тексте и в прозаическом варианте другого пудожского сказителя И. Ф. Мишкина. Первая часть былины Ремизова не имеет достаточно близких вариантов среди известных ранее. Сказитель четко передает сюжет, останавливаясь только на основных событиях (первое сражение, похвальба и поражение в борьбе с «неведомой силой»). Использование смежных сюжетов незначительно: помимо заметного влияния былины о Калине (приезд в Киев посла с письмом), следует отметить название вражеских полчищ — идóлища поганые, — перенесенное Ремизовым из былины об Идолище (Калине) (см.: БПК, № 32).

К характерным особенностям текста относится прежде всего обрисовка образа Ильи как главного героя былины, смелого вождя богатырей, которому „на войны смерть не писана". С этим связана несколько необычная концовка: окаменели все богатыри, за исключением Ильи Муромца, который остается в живых. Переход от первого сюжета ко второму (Илья и Святогор) осуществлен с помощью вводного эпизода — раздумье Ильи над трагическим исходом битвы, — который является психологической мотивировкой дальнейших поступков героя. Не желая с позором возвращаться в Киев, Илья отправляется странствовать со Святогором-Горыничем. В былине Ремизова мы находим только один из основных эпизодов, связанных со Святогором (примерка гроба), хотя возможно, что сказителю был известен и мотив передачи силы, так как в стихах 199—200 упоминается о пене, вытекающей из гроба Святогора. К этому присоединяется рассказ о посещении Ильей Муромцем слепого отца Святогора (ср. Гильф., № 1; Аст. 1, прилож. № 2), причем Илья выдает себя за Святогора и только „на походе" сообщает старику о смерти сына. Следующий затем эпизод — встреча со стариком, с которым Илья Муромец продолжает путь, — имеет аналогии в побывальщинах (см.: Аст. 1, № 5, прилож. № 2), но в отличие от них в нашем тексте за этим эпизодом следует совершенно оригинальная концовка (взятие Ильи на небо), навеянная библейским рассказом об Илье-пророке. В этом плане характерны слова, которыми закончила свой рассказ об Илье и Святогоре пудожанка А. Л. Фадеева: „Илья Муромец живьём взят на небо. Громит, так ён там ездит, а потом когда може опустится, — говорили досюль старики". Таким образом, в данном случае Илья Муромец отождествляется с Ильей-пророком. В связи с этим интересны наблюдения Н. Н. Харузина, который писал о культе святого Ильи в Пудожском крае (см.: Харузин, 1894, с. 340—342).

Исторической основой сюжета гибели богатырей, по мнению большинства ученых, явилась битва с татарами на р. Калке в 1224 г., окончившаяся жестоким поражением русских» (БПК, с. 486—487).

Объединяя в своем тексте сюжеты «Камское побоище» и «Святогор и Илья Муромец» (первый из них в XIX в. на Пудоге собирателям не встретился), Ремизов излагает события в обычном для него сказовом стиле. Некоторые детали свидетельствуют о связи его варианта с сибирской записью Л. Мея (Кир. IV, с. 108): формула «как всё равно идут да ко белым шатрам», описание гибели бегущих от врагов богатырей (все, кроме Ильи Муромца, окаменели). Ст. 42—43 — близкая параллель к гиперболической картине вражеского нашествия в былине «Илья и Калин-царь» из сборника Кирши Данилова (КД, № 25). Хвастливый вызов на бой небесной силы («неведомой силушки») вложен в уста «Щурилушки Щаплёнковича», реакция Ильи Муромца на это из текста не ясна — «осмеялся, рассмеялся» (обычно он осуждает бахвальство). В финале «Камского побоища» Ремизов явно нарушает традиционные каноны в изображении Ильи — боясь позора, этот богатырь уходит в горы, где и встречается со Святогором — «братом Горыничем». Из стихов 19, 35, 50 («одолили их поганые идолища» и т. п.) явствует, что слово «идолище» осознавалось исполнителем как нарицательное имя существительное.

Сюжет «Святогор и Илья» представлен двумя эпизодами — смерть Святогора и поездка Ильи к его слепому отцу. Их содержание традиционно, но одна деталь необычна для прионежских записей — «из гроба текёт пена»; видимо, в прототексте говорилось о передаче силы Святогором не через дыхание, а через пену или пот, как в печорских, мезенских и кенозерских вариантах. Ремизов сохранил сказовый стиль и

во второй части своей былины; местами использовал поэтические образы и лексику народных причитаний, что не свойственно сказителям-мужчинам (ст. 134, 145—147). Как и в других его былинах, в комментируемом тексте немало просторечий и не характерных для былинного стиля слов, выражений («дуй по гробу этому», т. е. «бей»; «давается»; «убрался в гроб»; «братец однокровный»; «пожалуйста»; «могуча» палица и др.).

№ 36

Про Святогора

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 40; черновая рукопись.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Корчагино Каршевский с/с Пудожского р-на — от Авдотьи Андреевны Соловьевой, 53 лет (род. в д. Подберезье).

В тексте последовательно выдерживается четырехстопный хорей с дактилической клаузулой — стихотворный «размер, который в XVII—начале XIX в. употреблялся в русской литературе для стилизаций под русский эпос» (БПЭБ, с. 550). По содержанию вариант А. Соловьевой ближе всего к былине П. Калинина (см. № 31; подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 4, № 13). Наиболее вероятный непосредственный источник данного текста — сборник А. Каспари (Каспари, № 1) — в нем имеются те же детали и подробности, а содержание былины изложено таким же стихотворным размером.

Публикуется впервые.

№ 37

Богатырь Святогор

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 18, ед. хр. 64; рукопись, чернила.

Самозапись Авдотьи Андреевны Соловьевой, 53 лет (уроженки д. Подберезье, малограмотной): 1940 г., д. Корчагино Каршевского с/с Пудожского у.

Конец самозаписи отсутствует.

Пересказ восходит к тому же источнику, что и предыдущий текст. Об этом свидетельствуют сходство содержания, близость многих оборотов речи, следы четырехстопного хорея с дактилическим окончанием. В основе пересказа — вариант П. Калинина (№ 31), но в самозаписи есть отсутствующая в тексте № 31 деталь, восходящая к побывальщине Л. Богданова из Кижей (Рыбн., № 51): Святогор «ростом выше лесу темного, головой он упирается в облак-тучу поднебесную».

Публикуется впервые.

№ 38

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 23а, л. 36—37; черновая рукопись, карандаш.

Зап. А. Д. Соймоновым: 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

Примечание собирателей: «Фадеева говорит, что знала об исцелении И⟨льи⟩ М⟨уромца⟩ в виде былины, но забыла. „Про Илью Муромца много стариньев, да позабыла"».

Сбивчивый пересказ ключевых эпизодов из былин об исцелении Ильи Муромца и о смерти Святогора. Упоминание о вознесении Ильи на небо связано с местными легендами, в которых этого богатыря

нередко отождествляют с Ильей-пророком (ср. № 35). Буйство исцеленного богатыря («квартиру ... по бревну раскатал») не характерно для этого сюжета; сходный мотив встречается в печорских и мезенских записях «Святогора и Ильи» (получив избыточную силу, Илья растрачивает ее, вырывая с корнями деревья).

Публикуется впервые.

№ 39

Про Святогора

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, № 43, л. 9977—9978; рукопись.

Зап. В. Кузиным, А. Михайловым, С. Ожеговой, В. Иевлевой: 12 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

Краткий пересказ эпизода с гробом, видимо, связан с печатным источником. Об этом свидетельствует финальный монолог Святогора («Я был старшим, а ты младшим. А теперь ты будь старшим»). В устных по происхождению вариантах былины этот мотив не зафиксирован.

Публикуется впервые.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

(№ 40—57)

На долю Пудоги приходится почти половина вариантов этой былины, записанных в Онего-Каргопольском крае, однако восемь текстов из четырнадцати генетически связаны с книжными источниками (Н. Ремизов, А. Фадеева, В. Зайцев и др.) или представляют собой результат индивидуального творчества сказителя (А. Пашкова). Большинство устных по происхождению текстов (все они записаны в районе Пудожского берега) принадлежит к единой для всего Прионежья версии сюжета, в которой Добрыня дважды побеждает своего противника и после второго боя освобождает похищенную Змеем родственницу князя Владимира и других пленников. Контаминированная былина Е. Коковой с Салмозера (восточная Пудога) примыкает к кенозерской модификации сюжета. Новые записи подтверждают правоту А. М. Астаховой, которая еще в предвоенные годы выделила прионежскую версию сюжета, распадающуюся на три локальные редакции — кижскую, пудожгорскую и пудожскую (Аст. 1, с. 571). В эту классификацию не «вписываются» лишь зависимые от книги тексты (почти все они компилятивны по характеру и содержат специфические элементы разных региональных традиций), а также один из вариантов И. Фофанова, опубликованный в «Былинах Пудожского края» (сказитель перенял его у кижского певца П. Рябинина-Андреева — см. коммент. к № 49).

В пудожской редакции сюжета развитие действия во многом определяется сказочно-волшебными мотивами. Отправляясь на вторую битву со Змеем, Добрыня получает от матери волшебную плеть и платок; в трех вариантах подчеркивается, что когда-то они принадлежали его отцу. Утеревшись платком в трудную минуту, богатырь словно обретает новые силы, а плетью он усмиряет или убивает Змея (в пудожгорской редакции — хлещет коня, и тот топчет змеенышей, причем происходит это во время первой поездки героя). Князь Владимир посылает Добрыню против Змея по совету не Алёши Поповича, а «меньшого боярина (или князя) Ивана Карамышовича» («Семена Карамышецького»). Это имя могло попасть в былины из исторических песен об осаде Пскова Стефаном Баторием или о расправе донских казаков с царским послом (один вариант последней песни записан на Пудоге — Гильф., № 202). Как и в других прионежских текстах, богатырь недоволен княжеским поручением, но лишь в пудожских записях он дает волю своим

эмоциям (в гневе топает ногой, отчего на столах проливаются напитки, и т. п.). Некоторые детали, обычные в кижских и пудожгорских былинах, в пудожской редакции отсутствуют (нет угроз Змея — он сразу нападает на купающегося Добрыню; не упоминаются «горы Сорочинские»; не рассказывается о том, как все вокруг затопила кровь убитого чудовища).

Целый ряд оригинальных формул и мотивов обнаруживается только в вариантах И. Фепонова и П. Антонова, записанных на Пудоге в XIX в. Видимо, они восходят к общему источнику (в таком случае былина первого сказителя ближе к прототексту) или же непосредственно связаны друг с другом (в таком случае Антонов был преемником Фепонова) (подробнее см. коммент. к № 40, 41).

№ 40

Добрыня и Змей

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 288—294 (л. 305—311). Опубл.: Гильф., 1873, № 64, стб. 338—347.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число 34. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 31 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 31 июля 1871 г., г. Пудож — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста, Филимоновской вол., Пудожского у., ок. 70 лет (ок. 1801 г. р.).

Разночтения Гильф., № 64

Ст. 1 *Из* в начале стиха зачеркнуто; ст. 57 *шляпы свою* (описка?); ст. 61 *струйку* вписано над зачеркнутым *речку*; ст. 179 *ко* вписано над зачеркнутым *ныне*; в ст. 238—239 *топри* вписано над зачеркнутым *то*; ст. 275 в слове *своя* подчеркнуто *я*.

К ст. 345, 365 на полях помета собирателя: «так».

Типичный образец пудожской редакции сюжета, содержащий все указанные в преамбуле ее особенности. По содержанию вариант Антонова очень близок к тексту И. Фепонова и, видимо, генетически с ним связан (см. коммент. к № 41). Различия в их содержании незначительны и вызваны индивидуальными новациями сказителя, утратой или переосмыслением некоторых архаичных деталей. Похищенная змеей княжеская дочь не названа по имени; «шелковый плат» превратился в «тальянский», с его помощью Добрыня не только восстанавливает свои силы, но и «взбадривает» коня; место слуги занял Потык Михайла Иванович (замена неудачная, поскольку ведет он себя отнюдь не по-богатырски). Добрыня живет не в Киеве; получив задание от князя, он сообщает коню о предстоящей «службе». В репертуаре сказителя эта былина — одна из лучших, однако и здесь встречаются алогизмы или нехарактерные для эпического стиля речевые обороты. Упустив из вида, что противник богатыря — многоглавое чудовище, в финальном эпизоде Антонов описывает, как Добрыня, махнув плетью, «оторвал ей буйну голову». «Штаники со напускамы» (ст. 59) — механический (и опять-таки неудачный) перенос из скоморошины «Птицы» (они иногда упоминаются при характеристике «куропатя» (см., например, текст И. Фепонова — Гильф., № 62, ст. 104)). Наряду с традиционными «чарами» в былине фигурируют «стоканы». В ст. 262 княжеская палата ошибочно названа шатром, механически употребляется эпитет в словосочетании «чобот булатный» (вряд ли Антонов представлял богатырей закованными с ног до головы в железные доспехи).

№ 41

Добрыня и Змей

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 266—271 об. (л. 283—288 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 59, стб. 313—314.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом; чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом перечеркнута буква «Я». На полях первого листа данного текста, справа вверху перечеркнута помета карандашом: «Я. Добрыня и Змей. Размер хорошо сохранился. Шала, 28 июля». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 28 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 28 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской, Купецкой вол., Пудожского у., 50 лет.

Разночтения Гильф., № 59

Ст. 4 испр. из: *Пожелал-то он идти*; ст. 57 испр. из: *Это сам ли то*; ст. 98 испр. из: *Ай одну-ту шляпу*; ст. 157 испр. из: *Ешь-ко ты*.

В ст. 105 к слову *смерети* на полях подтверждение собирателя: «в три слога»; в ст. 113 к слову *лясы* помета: «sic»; в ст. 116 к слову *матушки* на полях примечание собирателя: «так попр⟨авить⟩»; в ст. 129 к слову *облаци* на полях: «так попр⟨авить⟩»; в ст. 287 к слову *молодецкия* на полях: «так попр⟨авить⟩»; в ст. 365 к слову *роскована* на полях пояснение собирателя: «т. е. прикована к стене»; в ст. 376 к слову *дочику* ниже помета: «sic».

Текст содержит все специфические элементы пудожской редакции сюжета, отмеченные в преамбуле; по композиции и деталям повествования особенно близок к варианту шальского певца П. Антонова (№ 40). Только у этих двух сказителей в поездке на Пучай-реку Добрыню сопровождает «слуга младой» (у Антонова — «Потык Михайло Иванович»); испугавшись Змеи, он угоняет коня с платьем и оружием. (Спутник богатыря упоминается и в некоторых кижских вариантах, но активного участия в событиях он не принимает — Гильф., № 93, 123). Место обитания Змеи — загадочные «Туги горы», созвучные имени Тугарина; возвращаясь сюда, она «несет тело мертвое, богатырское». Вероломная Змея похищает не княжескую племянницу Забаву Путятичну, как в других прионежских текстах, а «дочку царскую, княженецкую Марфу Всеславьевну» (у Антонова она не названа по имени). Явный алогизм (дочь Владимира следовало бы называть «Владимировной»), вероятно, вызван заменой сестры дочерью (в ранних записях былин изредка встречается отчество киевского князя «Всеславьевич» — КД, № 11; Гул., № 1, 37 и др.). В имени похищенной женщины «Марфа» или «Марья», а также в родственных отношениях богатыря с нею (в ряде старых записей она является теткой Добрыни) С. Н. Азбелев усматривает реликты «древней версии былины» (ФРУ, с. 25—26).

В тексте Фепонова есть некоторые элементы, отсутствующие у Антонова. Былина открывается описанием неудачной охоты героя; вероятнее всего, это — перенесение из старины о Сухмане. Вопреки традиции, князь Владимир «ничим не жаловал» Добрыню за его подвиг. Два последних мотива имеются и в варианте И. Фофанова, жившего на том же Купецком озере (см. № 49). Угощение богатыря тремя напитками, слитыми «в едино судно» — обычная деталь местной редакции былины «Василий Игнатьевич и Батыга», которая дважды записывалась от сказителя (см.: Рыбн., № 174; Гильф., № 60). В стихах 319—321 и 356—359 — заимствования из духовного стиха о Егории и змее (Фепонов был каликой, т. е. профессиональным певцом духовных стихов). Не исключено, что исполнитель слышал от своего предшественника имя слуги Торопа, но воспринял его как нарицательное слово — «слуга был торопок». По мнению А. М. Астаховой, имя Торопа, встречающееся в древнейшей записи былины «Алёша Попович и Тугарин» и в летописных сводах, позднее «получает в эпосе более широкое применение для обозначения слуги богатыря» (БЗП, с. 17).

61 Зак. 3948

№ 42

Добрыня и Змей

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 10, л. 19 об.—25 об.; перебеленная рукопись; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 101—103 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 10.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 10, 12

Ст. 1 *ему* (ед. хр. 12); ст. 5 прощеньицо (ед. хр. 12); ст. 11 что *ни во* (в ркп нрзб) (ед. хр. 12); ст. 12, 13 *щастлив, видь* (везде в ед. хр. 12); ст. 23 *ски́дывалси* (ед. хр. 12), наголово (ед. хр. 10); ст. 28, 29 *ни* (ед. хр. 12); ст. 30 поганыих (ед. хр. 12); ст. 31 широкиех (ед. хр. 12); ст. 32 *хотела видь Добрынюшку съись* (ед. хр. 12); ст. 42 змея (ед. хр. 12); ст. 45 *по Русиюшки* (ед. хр. 12); ст. 52 бабушка (ед. хр. 12), Забавица (ед. хр. 10); ст. 53 с нянькамы (ед. хр. 10); ст. 54 схватила *их* (ед. хр. 12); ст. 59 *задёрнул князь* (ед. хр. 12); ст. 62 тех *ли видь ... прибогатыих* (ед. хр. 12); ст. 64 поляниць-то было удалыех (ед. хр. 12); ст. 70, 74 прощеньица (ед. хр. 12); ст. 71, 75 благословеньицо (ед. хр. 12); ст. 76 не знайся-*тко* (ед. хр. 12); ст. 73 с богатырьмы (ед. хр. 12); ст. 79 тярять (ед. хр. 10); *теряшь* (ед. хр. 12); ст. 86 Пошел (ед. хр. 10); ст. 94 а выпил-*то он* (ед. хр. 12); ст. 95 *дают ему видь* (ед. хр. 12); пропуск ст. 99 *как третью-то* (ед. хр. 12); ст. 105 почестен пир *да* (ед. хр. 12); ст. 107 пир-то *видь* (ед. хр. 12); ст. 116 змеиныи (ед. хр. 12); ст. 122 на меньшого (ед. хр. 12); ст. 126 карамышинской (ед. хр. 12); ст. 130 видел (ед. хр. 12); ст. 138 во Руссиюшки (ед. хр. 12), во Русиюшке (ед. хр. 10); ст. 139 *ись* (ед. хр. 12); ст. 141 Добрынюшки (ед. хр. 12); ст. 142 *ни* биться (ед. хр. 12); ст. 147 ногамы (ед. хр. 10); ст. 152 Добрыни (ед. хр. 12); после ст. 154 ремарка отсутствует (ед. хр. 12); ст. 156 сидит да усиживат (ед. хр. 12); ст. 160 *да* голову (ед. хр. 12); ст. 162 у нёго (ед. хр. 12); ст. 163 *моё* (ед. хр. 12); ст. 169 *ни* малая (ед. хр. 12); ст. 172 *не грубил, не круцил* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 174 ни смиялисе (ед. хр. 12); ст. 179 дак (ед. хр. 12); ст. 180 съиздить (ед. хр. 12); ст. 181 во *тые* (ед. хр. 12); ст. 183 уташшона (ед. хр. 12); ст. 186 не знайсе-тко (ед. хр. 10); ст. 193 седлаёт (ед. хр. 12); ст. 199 продольноё (ед. хр. 12); ст. 201 шолку (ед. хр. 12); ст. 206 которы (ед. хр. 12); ст. 207 тут *садился* (ед. хр. 12); ст. 219 змеи (ед. хр. 12); ст. 225 бей-то *видь* коня (ед. хр. 12); ст. 227 а буде *конь* скакать как (ед. хр. 12); ст. 230 цадо *да* милое (ед. хр. 12); ст. 232 *шелкову* (ед. хр. 12); ст. 240 прокурила (ед. хр. 12); после ст. 241 *как ехал удалой добрый молодец* (ед. хр. 12); ст. 242 заехал-*то* (ед. хр. 12); ст. 244 *во* горах (ед. хр. 10); ст. 252 отвез-*от* (ед. хр. 12); ст. 256 *битьсе, битьсе*-ратитьсе (ед. хр. 12); ст. 265 в своё (ед. хр. 10); ст. 266 девицю (ед. хр. 12); ст. 267 *теперь красной девици* (ед. хр. 12); ст. 270 придал (ед. хр. 12); ст. 271 была-*то* (ед. хр. 12); ст. 273 оны (ед. хр. 10); ст. 280 у Микитиця (ед. хр. 12); ст. 281, 282, 284 *ни*; ст. 284 подарочок (ед. хр. 12); ст. 286 змея (ед. хр. 12); ст. 292 *матушкин да подарочек* (ед. хр. 12); ст. 301 *видь* да (ед. хр. 12); ст. 302 *пала видь* (ед. хр. 12); ст. 305 роспинал-то (ед. хр. 12); ст. 306 *как бил-то да видь шелкову* (ед. хр. 12); ст. 313 *во ст. во К.-град* (ед. хр. 12); ст. 317 ему *видь* еще (ед. хр. 12); ст. 318 *дал ему ин это ведь зарабочее* (ед. хр. 12); ст. 319 у меня (ед. хр. 12).

Вариант принадлежит к пудожской редакции сюжета, композиционно близок к былинам И. Фепонова и П. Антонова (№ 40, 41) и, видимо, генетически связан с ними (обоих сказителей Якушев называл в числе своих учителей). Некоторые элементы прототекстов исполнителем утрачены или видоизменены под влиянием других прионежских редакций сюжета. (Не упоминается спутник Добрыни в его поездке на Пучай-реку; «Туги горы» заменены «горами Оскориными» — близких параллелей к этому топониму в олонецких записях обнаружить не удалось; Змея похищает не дочь князя Владимира, а его племянницу «Бавушку Забавницу» — искажение «Забавы Путятичны). Не вполне ясно, чем богатырь бьет коня во время

второго боя со Змеей; если плетью, то это еще одна деталь, характерная для кижской и пудожгорской традиций.

Как и в варианте Антонова, Добрыне на пиру подносят три чары с разными напитками; вероятнее всего, это связано с влиянием былины «Василий Игнатьевич и Батыга», небольшой фрагмент которой Фепонов перенес в «Добрыню и Змея» (см. коммент. к № 41). Вслед за Фепоновым Якушев использовал также формулу из сюжета «Наезд литовцев» (ст. 11—13). Есть в тексте и перенесение из «Сухмана» (ст. 314 — «ни ранину привез, да ни кровавлену»), хотя в былине об этом богатыре данная деталь отсутствует (см.: С.—Ч., № 15). Финальная реплика Добрыни: «Как это видь у мня зарабочее» — излюбленная формула Н. Прохорова, главного учителя Якушева (см.: Рыбн., № 116, 118).

Подобно ряду других сказителей XX в., исполнитель переосмыслил в рационалистическом духе ставшее непонятным выражение «шляпа Земли Греческой» — богатырь «зацерпнул песку да ведь шляпу ведь» и этим оружием «ушибил три хобота» у змеи. В вариантах его предшественников фигурируют «шляпа греческа» (Антонов) и «шляпа Земли Греческой» (Фепонов). Видимо, индивидуальной новацией Якушева или его приятеля Ф. Конашкова (см. № 43, 45) является включение в былину еще одной рационалистической мотивировки — Добрыня отвез княжескую племянницу в безопасное место и посадил «под сырой дуб», чтобы она случайно не пострадала во время его поединка со Змеей.

Стилистически былина оформлена неровно, с явными сбоями. С фрагментами, выдержанными в традиционном духе (ст. 191—206 — седлание коня; ст. 236—241 — описание богатырской поездки и др.) соседствуют невнятные и невыразительные тирады (ст. 96—98, 166—172, 273—276), типические места порой сильно варьируются (ст. 45—48 и 136—140, ср. также ст. 35—40 с аналогичным по содержанию эпизодом в «Трех поездках Ильи Муромца» — С.—Ч., № 7, ст. 187—191). На фоне вариантов Антонова и особенно Фепонова заметна тенденция певца к модернизации былинной лексики: участники княжеского пира разделены на три «сорта»: «большой, средний и меньший»; «паркетный» (т. е. деревянный) пол не согласуется с «кирпицьным», упоминающимся несколькими строками ниже (ст. 147 и 153). Судя по ремарке после ст. 154 («Вот топал-то! Пьяный» исполнитель истолковал проявление богатырского гнева как пьяную выходку Добрыни).

№ 43

Добрыня и Змей

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 290—298, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, тетр. 1, л. 106 об.—115, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой; ед. хр. 10, л. 30 об.—34 об., чистовой автограф В. И. Чичерова. Опубл.: С.—Ч., № 80.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 4 А *ведь* цесной; ст. 6 окупатисе; ст. 8 цядо; ст. 9, 10, 22 Пучай-река; ст. 17 обещалсе; ст. 18 завицены; ст. 25 *А*; ст. 26, 27 змеищо; ст. 31 дёржит; ст. 32 *Ай*; ст. 35 А *тут ли*; ст. 48 А *ведь*; ст. 49 служанками; ст. 51 *А* тут же; ст. 52 стольнё-киёський; ст. 54 *А наливал* ли ён цяроцьку; ст. 55 Мерой цяра; ст. 58 Как удалыи *да* добры; ст. 59 змеиныи; ст. 72 А как видел, со Добрынюшкой *да* сразилсе-то; ст. 77 неё; ст. 78 три фоста *да*; ст. 91 омманциця; ст. 92 А *ведь* клялась; ст. 93 *Да* за сини моря, да в дальни стороны; ст. 102 А *ведь*; ст. 103 прощеньицё; ст. 104 благословеньицё; ст. 107 А *ведь и* князя; ст. 109 А ведь ты, батюшка; ст. 110, 113 шолковую; ст. 111 А ведь *и* платоцек-то я (на месте слов *обтирать поток* точки); ст. 114 ли-то *да по* крутым; ст. 118 на горы *на* змеиныи; ст. 127 в норы *да* красную де-

вушку; после ст. 127 *А ведь и вынес с норы красную девушку*; ст. 129 с змиём; ст. 133 *ли он* отсутствует; ст. 138 на́ горы *змеиныи*; ст. 139 А летит-*то* змея-*то*; ст. 141 А с Добрынушкой *ведь* ёны; ст. 143 билисе *до* тыих ёны; ст. 147 А *ведь*; ст. 148 *А* вспомнил Добрыня плётоцьку шолковую; ст. 149 платоцёк; ст. 150 А ведь *ы* хлыстал плётоцькой; ст. 151 *А* он; ст. 154 Стала; ст. 158 сел змеищи; ст. 159 плётоцькой шолковую; ст. 160 копьём; ст. 161 *А* ведь трехглавую; ст. 167 *А ведь тут увидел ли*; ст. 170 для Добрыни *да* добра молодца; ст. 171 А собиралисе на пер; ст. 173 А цим тибя; ст. 177 *А свои* то; после ст. 178 ремарка: (*Заработал, буде не грех*!).

В ст. 4, 6—8, 18—20, 25, 29, 33, 39, 40, 51, 58, 61—66, 68—71, 76—79, 84, 87, 88, 99, 113—115, 117, 122, 130, 134, 139, 146, 148, 155, 159, 161, 162, 166, 167, 171, 176 ударения отсутствуют.

По содержанию и композиции былина Конашкова примыкает к текстам И. Фепонова, П. Антонова и Г. Якушева (см. № 40—42), образуя вместе с ними пудожскую редакцию сюжета. Особенно близки варианты Конашкова и Якушева, что объясняется не только их общими истоками, но и тесными личными контактами этих певцов. Оба они не использовали некоторые детали, имеющиеся у сказителей XIX в. (не упоминают Туги горы; Добрыня едет на Пучай-реку в одиночку; он спасает племянницу, а не дочь князя Владимира — Конашков не называет ее по имени). В комментируемом тексте, как и в былине Якушева, богатырь перед вторым боем со Змеей прячет девушку под дуб, в безопасное место; позаимствована та же формула из «Сухмана» — герой привозит в Киев «не ране́ну племянницю да не кровавлену» (в самом «Сухмане» у Конашкова этой детали тоже нет). Подаренная матерью плеть выполняет двойную функцию — ею Добрыня убивает Змею (как в пудожской редакции сюжета), ею же он хлещет своего коня, возвращая ему прежнюю «могу́ту» (как в пудожгорской редакции).

Есть в тексте и оригинальные мотивы, не встречающиеся в других прионежских записях былины. Добрыня — предуказанный победитель Змеи; мать не отпускает его в первую поездку только потому, что он еще молод; а при крещении богатыря в церкви был положен завет, чтобы ему «во Пучай-реки да покупатисе» (т. е. выехать на поединок с чудовищем). Первый бой происходит в устье реки — Змея тащит Добрыню «во синё морё», а он ее — на берег (ср. с северо-восточными записями этой былины).

№ 44

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 32; черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

При повторном исполнении Ф. Конашков опустил диалог отъезжающего из дома богатыря с матерью. В дальнейшем сказитель близко к тексту повторил свой первоначальный вариант (№ 43).

Публикуется впервые.

№ 45

Добрыня и Змей

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, ед. хр. 53; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 5. Вар.: С.—Ч., № 80.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Ст. 3 *сокупаться-то*; ст. 8 А *и* не дала; ст. 14 желто́й; ст. 24 *на Змиеще*; ст. 25 *змеище-то смерть*; ст. 31 в ркп отсутствует; ст. 36 (ркп 35) *И* как спустил-*то*; ст. 40 (ркп 39) лучшую; ст. 41 (ркп 40) Владимира; ст. 47 (РКП 46) окруцинилсе; ст. 48 (ркп 47) *Владимер да опецялилсе*; ст. 61 (ркп 60) племянницу; ст. 62 (ркп 61) трехглавые; ст. 65 *на* вм. *за*; ст. 66 (ркп 65) *на* меньшего; ст. 74 (ркп 73) *Змеище той смерть*; ст. 77 (ркп 76) *Если* съеде; ст. 79 (ркп 78) *съезди туда*; ст. 82 (ркп 81) *да не* кровавлену; ст. 86 (ркп 85) *спросил-то ён да*; ст. 87 (ркп 86) *да* во горы; ст. 91 (ркп 90) *Говорила*; ст. 92 (ркп 91) *тебе* разрешеньице; ст. 94 (ркп 93) Владимира; ст. 96 (ркп 95) платоцек, *Добрынюшка тебе*; ст. 101, 104 пропущены в кн.; ст. 102 (ркп 102) *да* поеждивал; ст. 107 (ркп 108) ты хлещи; ст. 112 (ркп 113) случилоси; ст. 126 (ркп 127) *да* на Добрынюшку; ст. 129 (ркп 130) *своей* да подароцек; ст. 136 (ркп 137) подароцок; ст. 147 (ркп 148) *змеинища*; ст. 150 (ркп 151) *племянницу да*; ст. 151 (ркп 152) Владимиру.

Больше всего вариантов былины «Добрыня и Змей» выявлено в Онежском крае. Здесь мы можем наблюдать почти все формы: от широкого развернутого сюжета (у пудожанина Антонона — 421 стих, Фепонова — 384, у кижского сказителя Чукова — 314 стихов) до варианта Гусева из Кенозера, который в 46 стихах дает сюжет с большими пропусками. В Прионежье мы найдем контаминацию с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Микуличне, а в соседнем Кенозере — образец распада: начала былины о бое с Змеем переходит в сюжет о Марине, который заканчивается превращением Добрыни в черного соболя (Кенозеро, Тряпицын, 114 строк).

Онежские варианты о «Добрыне и Змее» представлены кижскими, пудожскими и сильно распавшимися кенозерскими. Кижские и пудожские варианты отличаются друг от друга деталями, но сюжетная канва у них общая. Лучше всего сохранился сюжет в пудожских вариантах. Их объединяет прежде всего роль князя Карамышева (фамилия несколько варьируется), предлагающего князю Владимиру послать на освобождение Забавы Добрыню, а также ряд других очень схожих деталей, например название гор «Тугии» у Фепонова и Антонова, вследствие чего можно говорить о родстве этих вариантов. Вариант Конашкова, состоящий из 15 стихов, короче более чем в два раза двух других пудожских (в записях Рыбникова и Гильфердинга). Многих деталей, присутствующих в этих вариантах, в нем нет. Однако как структурой, так и отдельными деталями, конашковский вариант тесно сближается с былиной, записанной от Антонова.

По сравнению со старыми записями у Конашкова наблюдаются явные выпадения частей текста: так, для слушателей, например, непонятно, как Добрыня после купания на Пучай-реке очутился на пиру у князя Владимира, о приезде богатыря нет ни одной строчки, в то время как у Прохорова и Фепонова этому приезду уделено немало строк. Только благодаря применению особых приемов связи предыдущей сцены с последующей слушателям былина кажется цельной и переход от одного эпизода к другому вполне логичным. Эти же особенности выделяют вариант Конашкова и среди записей последних лет (БПК, № 6, 21, 34, 54).

Повторная запись (ср. № 43, 44) свидетельствует о высокой стабильности текстов Ф. Конашкова. Разночтения с первым вариантом незначительны. Заметно дополнена формула просьбы Змеи оставить ее «во живности» (ст. 27—34), добавлена концовка, усвоенная сказителем от П. Рябинина-Андреева, с которым он общался в конце 20-х—начале 30-х гг. Опущены два уникальных для Прионежья мотива (упоминание моря в описании первого боя и церковное освящение Добрыни как будущего победителя Змеи). Вместе с тем сказитель ввел в свою былину еще одну оригинальную подробность: выбирая, кому поручить освобождение похищенной племянницы, князь Владимир наливает «чару неумеренну» зелена вина, чтобы испытать претендентов — кто ее выпьет, тот и сможет выполнить опасное поручение.

№ 46

Добрыня Никитич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 62, л. 27—34; черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Примечание собирателя: «Слышал от разных лиц, читал в „Народной поэзии"».

Былина о Добрыне-змееборце соединена с сюжетом «Добрыня и Настасья».

Публикуется впервые.

№ 47

Про Добрыню и Змея

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 3; черновая рукопись, карандаш.

Зап. В. Р. Дмитриченко: июль 1938 г., д. Рубцово Салмозерского с/с Пудожского р-на — от Катерины Алексеевны Коковой, 74 лет.

В тексте органично соединены сюжеты двух былин о Добрыне; рассказ о победе богатыря над Змеей выполняет функции вставного эпизода в «Добрыне и Алёше» (с этим врагом герой сталкивается, охраняя заставу на «Почай-реки»). Вариант испытал определенное влияние кенозерской традиции (родина исполнительницы — Салмозеро, расположенное в 40 км к юго-западу от Кенозера). Как и в кенозерских записях, в «Добрыне и Змее» конфликт разрешается уже в первом бою, не упоминается похищенная чудовищем племянница князя, во время купания Добрыня садится «на серой на камешок» посреди реки; он укоряет Змею, нападающую на нагого противника (ср.: Гильф., № 289; С.—Ч., № 271, 273). Совпадает с кенозерскими вариантами и описание расправы с Алёшей Поповичем («в этом бучканье не было слышно охканья»). Жена узнает Добрыню по игре на гуслях — эта деталь редко встречается в олонецких записях. Традиционный сюжет осложнен рассказом о стычке Добрыни с неузнанным Ильей Муромцем, который приходится ему дядей; формула хвастовства богатыря на княжеском пиру перенесена из исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына». Оригинально описан длительный поединок Добрыни со Змеей, здесь использованы мотивы из былины об Алёше Поповиче и Тугарине (о бытовании этого сюжета на востоке Пудожского края местные жители рассказывали даже в конце 50-х гг. XX в.).

Публикуется впервые.

№ 48

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 30, л. 150 об.—154 (л. 207—213); беловая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 54.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского ра-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 54 лет.

«Данный вариант былины о бое Добрыни со Змеем восходит к редакции этого сюжета у П. Л. Калинина (Гильф., № 5) и А. Е. Чукова (Рыбн., № 25; Гильф., № 148); можно указать также на близкий вариант И. А. Касьянова (Гильф., № 157), но былина в этой редакции могла получить распространение в Купецком, скорее, от сказителей Пудож-Горы. Обращает на себя внимание ряд художественных деталей, свойственных первой и второй прионежским редакциям этого сюжета по классификации А. М. Астаховой

(см.: Аст. 1, с. 571—572). К числу таких деталей относится поглощение землей змеиной крови и использование плети для укрощения коня. Все это имеется в калининском и чуковском вариантах, однако в данном тексте, кроме этого, упоминается и платок, дающий силу Добрыне. С другой стороны, былина Фадеевой короче. В варианте Калинина сюжету змееборства отводится 363 стиха, дальше присоединяется сюжет женитьбы Добрыни, который также имеется у Фадеевой, но в виде отдельной былины (см.: БПК, № 56).

Близость вариантов проявляется и в композиции. После короткого диалога между Добрыней и матерью (всюду Офимья Александровна) сразу же рассказывается, как Добрыня купается в Пучай-реке, причем и у Калинина, Чукова, и у Фадеевой употребляется сравнение этой реки с „лужей дождевой". Аналогично описание единоборства со Змеей, пленение Змеей Путятичны и т. д. У Фадеевой все эпизоды переданы более сухо, сокращены; совершенно отсутствует упоминание об Алёше Поповиче, которому Добрыня поручает везти в Киев Путятичну.

В борьбе со Змеем, вместо „земли греческой", как у Чукова и Касьянова, у Фадеевой Добрыня „нагреб песку желтого". Это же имеет место в былине Ремизова (см. № 34). То же см. у КД, № 45 и др. («земля греческая» в колпаке или шляпе Добрыни явилась в результате переосмысления образа «колпака Земли Греческой»)» (БПК, с. 496—497).

Помимо перечисленных в тексте переплетаются оригинальные мотивы и образы, восходящие к вариантам сказителей из разных районов Прионежья, в частности Т. Рябинина (ср. Гильф., № 79, ст. 25—28); некоторые формулы являются общими для обоих пудожгорских певцов — Чукова и Калинина (ст. 36—39, 94—101, 114—119). Компилятивный характер варианта может свидетельствовать о его книжном происхождении.

№ 49

Бой Добрынюшки со Змеем

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 14; черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 21.

Зап. К. В. Чистовым: 10 июля 1939 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 68 лет.

«Былина известна более чем в 30 вариантах, иногда в контаминации с сюжетом о Добрыне и Алёше (см.: Аст. 1, с. 570—572). По исследованию Астаховой, прионежские варианты дают три основные редакции, одна из них пудожская. Но настоящий вариант не может быть к ней отнесен. В нем мы находим характерные черты заонежских редакций.

В былине Фофанова разработана только первая часть сюжета: бой Добрыни со Змеем на Пучай-реке. Сказитель говорит: „Слышал, как пели только до этого места, дальше рассказывали о том, как Добрыня выручал Забаву, бился три дня, по колено в крови стоял, а выручил". Это замечание дает основание предположить, что в более полном варианте данной былины встречался мотив поглощения землей змеиной крови, свойственный одной из заонежских редакций. Вариант Фофанова близок к первой части былины о Добрыне и Змее у Т. Г. Рябинина (Гильф., № 79). Некоторые эпизоды переданы в близких выражениях. ⟨...⟩

Смотри также поездку Добрыни по чисту полю, появление Змея, предупреждение портомойниц, что следует купаться в сорочке, — характерная особенность той заонежской редакции, которую представляет вариант Рябинина» (БПК, с. 476).

Согласно уточнению Ю. А. Новикова, в тексте представлена первая часть прионежской версии: сюжета — бой Добрыни со Змеей на «Пущай-реки». Содержание последующих эпизодов было известно сказителю — через год он исполнил и вторую часть былины, но в виде самостоятельного произведения (см. коммент. к № 50). Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов подчеркивали близость былин И. Фофанова и

Т. Рябинина (Гильф., № 79), однако отмеченные ими схождения (БПК, с. 476) в основном касаются элементов, характерных для кижской редакции в целом и не являющихся специфическими приметами рябининской традиции. Детальное сопоставление свидетельствует о генетической зависимости комментируемого варианта от текстов П. Рябинина-Андреева, особенно много схождений с более поздней по времени записью от Рябинина-младшего (Аст. 2, № 133).

Вероятнее всего, былина усвоена Фофановым за месяц до записи, во время республиканской конференции сказителей в Петрозаводске (май—июнь 1939 г.), где он познакомился с Рябининым-Андреевым. В тексте пудожского певца обнаруживаются почти все оригинальные формулы и обороты речи, отличающие вариант Рябинина-младшего от былины его знаменитого прадеда, в том числе и мотив пророчества, сулящего Змее гибель от руки Добрыни (восходит к сборнику Кирши Данилова — КД, № 48). Фофанов не механически заучил прототекст, а творчески его переработал — опустил некоторые детали, несвойственные пудожской эпической традиции, заменил ряд стереотипных описаний аналогичными по содержанию формулами из своего собственного арсенала «типических мест», отказался от излюбленной концовки Рябинина-Андреева: «А ведь тем былиночка покончилась». Подробнее см.: *Новиков Ю. А.* О творческих контактах, прионежских сказителей (РФ. Л., 1991. Т. 26. С. 73—74).

№ 50

Добрыня и Змей

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 29; черновая рукопись. Опубл.: Черн., № 35.

Зап. Н. А. Бутиновым, А. Д. Соймоновым: 24 июня 1940 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 69 лет.

Рассказ о втором бое Добрыни со Змеей И. Т. Фофанов оформил как самостоятельное произведение; первая часть былины записана от него годом ранее (см. коммент. к № 49). Уже тогда содержание заключительных эпизодов было известно сказителю: «Слышал, как пели только до этого места, дальше рассказывали о том, как Добрыня выручил Забаву, бился три дня, по колено в крови стоял, а выручил» (БПК, с. 476). Комментируемый текст представляет собой сокращенное изложение варианта пудожгорского певца П. Калинина (№ 164). Фофанов повторил оригинальные эпизоды, мотивы и отдельные детали прототекста (см. ст. 16—20, 25, 120—136, 224—226, 235); некоторые из них отсутствуют даже в былине А. Чукова, соседа Калинина. Наиболее вероятный источник заимствования — книга (при посредничестве односельчан — сам сказитель был неграмотным). По свидетельству К. В. Чистова, в молодости Фофанов «видел какие-то картинки — то ли лубочные, то ли книжные иллюстрации или репродукции картин на богатырские темы» (*Чистов К. В.* Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 237). Сказитель был знаком и с пудожской редакцией сюжета, о чем свидетельствуют ст. 88—104, 148—162, 252, текстуально близкие к вариантам И. Фепонова и П. Антонова (№ 40, 41).

№ 51

Про Микитушку Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 55, л. 29—32 (л. 45—48); перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Н. Париловой: 20 июля 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

Текст близок к другим записям этой былины от А. Фадеевой (см. коммент. к № 48, 57).

Публикуется впервые. Вар.: БПК, № 54.

№ 52

Добрыня Никитич и Змей

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 301 (=кол. 49, ед. хр. 301); черновая рукопись.

Зап. Н. А. Бутиновым: 1940 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Якова Федотыча Львова, 68 лет.

Небольшой фрагмент былины. Повествование обрывается до начала первого боя со Змеей.

Публикуется впервые.

№ 53

Про Добрыню и змей

Архив КФАН, р. III/2, № 192.02 (193.02).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет орденоносец Конашков. Былина про Добрыню и змей».

Публикуется впервые

№ 54

Про Добрыню и змей

Архив КФАН, р III/2, № 192.01 (193.01) (повторная запись).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Конашков. Былина про Добрыню и змей (повторная запись)».

Публикуется впервые.

№ 55

Про Добрыню Никитича, как он делил Землю Русскую со Змием Горыницем

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 29, л. 56—60 об.; черновая рукопись, карандаш.

Зап. И. Н. Ремизовым: 28 марта 1941 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, уроженца д. Алексеево Пудожского у., неграмотного, 64 лет.

Текст разительно отличается от первоначального, книжного по происхождению варианта и в сущности представляет собой плод индивидуального творчества Н. Ремизова на основе отдельных мотивов былины «Добрыня и Змей» и легенды о Змиевом вале. В отличие от других прионежских записей богатырь бьется со «Змеем Горынычем» один раз и не убивает соперника, а впрягает его в соху и проводит борозду от Тихого до Ледовитого «кияна», обозначая границу «Земли Русской». Ключевые мотивы традиционных прионежских модификаций сюжета (диалог Добрыни с матерью, задание князя Владимира, освобождение его родственницы и др.) в тексте отсутствуют, но появляется ряд новых эпизодов. Князь Владимир (иногда он именуется «царем») на полмесяца отпускает киевских богатырей поохотиться; Добрыня и побежденный им Змей куют огромную соху и др. Рассказ о том, что Чуриле Пленковичу и Алёше Поповичу не удалось даже перевернуть «соху ратальскую пограничную», привезти ее в Киев смог только Илья Муромец, навеян соответствующим эпизодом из былины «Вольга и Микула» (от Н. Ремизова она не записана). В тексте почти нет типовых эпических формул, преобладает несвойственная былинам разговорно-бытовая лексика.

Публикуется впервые.

№ 56

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 16, ед. хр. 184, л. 170 — 174; полевая рукопись, карандаш.

Зап. А. В. Беловановой: 1945 г., г. Пудож — от Василия Алексеевича Зайцева, уроженца д. Стешевской Пудожского у., 59 лет.

В пересказе В. Зайцева объединены три былинных сюжета о Добрыне. Текст восходит к тому же книжному источнику, что и былины пудожан Н. Антошкова и Н. Ремизова (ср. № 35, 165), пинежанок М. Тотолгиной и А. Булыгиной, содержит те же заимствования из фольклорных вариантов старой записи и те же нетрадиционные мотивы и детали. Незначительные разночтения не носят принципиального характера. В комментируемом варианте Добрыня сразу рассеивает страхи пленников, показав им привязанную к конскому хвосту голову Змея. Зайцев считал Настасью Микуличну дочерью Микулы Селяниновича; у четырех других сказителей этой детали нет, но она имеется в былине Булыгиной о Ставре и, вероятнее всего, позаимствована из печатного прототекста. Добрыня вторично отправляется в поездку, чтобы получить дань с иноземного короля, имя его нетрадиционно («Бухтон Бухтонович»; у Антошкова — «Дон Донович», у Тотолгиной — «Дон»). Как и в былине Тотолгиной, голуби летят к богатырю по просьбе его матери; три других исполнителя, очевидно, опустили эту нетрадиционную деталь книжного прототекста, Зайцев использовал еще один мотив, несвойственный традиции Онего-Каргопольского края: напевая под аккомпанемент гуслей, Добрыня рассказывает о своей судьбе (ср. тексты Ремизова и Тотолгиной; первоисточник — один из нижегородских вариантов (Кир. II, с. 14)). В пересказе Зайцева немало просторечных выражений и лексических анахронизмов (Добрыня живет «на хуторе», Змей Горыныч «заведует рекой» и т. п.), необычно имя матери героя — «Агеевна», к тому же «беспризорная».

Публикуется впервые.

№ 57

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 76, л. 97—99; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 31. Вар.: БПК, № 54; Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, № 55.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): июль 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 71 года, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной.

Разночтения Черн., № 31

Ст. 6, 17 сыплютсе; ст. 108 *прибери*; ст. 115 Дак избавит; ст. 119 Повез он *ю* во Киев-град.

«Анализ вариантов 1938 г. (БПК, № 54) и 1955 г. показывает высокую стабильность текста на сюжетно-композиционном уровне. При исполнении былины в 1955 г. А. Л. Фадеева дважды повторила мотив гласа с неба, призывающего Добрыню продолжать биться со Змеем. Новым выглядит и мотив сидения Алёши Поповича на дубу, когда Добрыня в первый раз бьется со Змеем. Гораздо заметнее варьирование строф, строк и их компонентов» (Черн., с. 271—272).

Запись в основном повторяет первую по времени; изменения коснулись лишь частностей (опущено предложение Забавы взять ее замуж, Алёша Попович назван племянником князя Владимира; в былину введен совет матери сыну «не знаться с боярами», видимо, позаимствованный из «Дюка»).

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

(№ 58—60)

В Онего-Каргопольском крае эта сравнительно редкая былина зафиксирована только в Кижах и на Пудоге. Все тексты близки по содержанию, композиции и стилю, составляя одну из редакций основной версии сюжета, для которой характерна предельная активизация роли Добрыни (именно он побеждает во всех состязаниях, не только отыгрывает у иноземного короля привезенные из Киева «дани-выходы», но и вынуждает его самого стать данником киевского князя — подробнее см.: Азб., с. 76—77). Существенна для них еще одна важная особенность — все варианты, кроме одного, представляют собой контаминацию сюжетов «Добрыня и Алёша» и «Добрыня и Василий Казимирович», да и в тексте Г. Якушева сохранились следы контаминации (см. коммент. к № 58 наст. тома). Былины пудожских сказителей, композиционно близкие к записям из Кижей, отличаются от них стилистическим оформлением и деталями повествования. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые считали инициатором контаминациии двух былин о Добрыне Т. Рябинина (Чичеров, с. 40—42; Пропп—Путилов, 1, с. 515). Вероятнее всего, идея такой комбинации сюжетов была реализована в Прионежье гораздо раньше, причем сказители из Кижей и Пудоги могли сделать это независимо друг от друга.

№ 58

Добрыня и Василий Казимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 33—38, автограф; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 91—96, полевая карандашная запись (полные строки); ед. хр. 19, л. 79—87 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов и дополнение другим карандашом всей строки). Опубл.: С.—Ч., № 9 (в ед. хр. 12 заглавие — «Добрыня в отъезде»).

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 12, 19

Ст. 2 ён *да* (ед. хр. 12); ст. 5 а ради *то* — ище задолжелси ведь е (ед. хр. 19), ст. 6, 20, 30, 52, 61, 74, 81, 127, 169, 178 Королю *Да* Поганому (ед. хр. 9); ст. 18 а надо *ведь да* (ед. хр. 12); ст. 28 Газенетович (ед. хр. 12); ст. 39 как *ни* поеду я (ед. хр. 12); ст. 41 мни (ед. хр. 12); ст. 42 братца (ед. хр. 12); ст. 44 Чара-то ... не малая (ед. хр. 12); ст. 47 видь (ед. хр. 12); ст. 49 со своима (ед. хр. 12); ст. 50 со своима со друзьяма (ед. хр. 12); ст. 51 царю-*то* (ед. хр. 12); ст. 54 мы *да* (ед. хр. 12); ст. 58 *они* (ед. хр. 12); ст. 61 *ко* тому ли (ед. хр. 12); ст. 62 *ко* тому *ко* лицю (ед. хр. 12); ст. 65 ведь приворотничков (ед. хр. 12); ст. 67 через (ед. хр. 12); ст. 72 заходят-*то* (ед. хр. 12); ст. 73 поклоняются (ед. хр. 12); ст. 74 здравствуй (ед. хр. 12); ст. 77 *ни* любимые (ед. хр. 12); ст. 79 *принимал гостя* (ед. хр. 12); ст. 85 дороги *лиги* (ед. хр. 12); *леги* (ед. хр. 19); ст. 86 играть-то (ед. хр. 12); ст. 89 *да надеюсь* пропущено (ед. хр. 12); ст. 91 на Микитеця (ед. хр. 12); ст. 97, 149, 180 видь (ед. хр. 12); ст. 99 верой-правдою (ед. хр. 12); ст. 101 *станем мы* (ед. хр. 12); ст. 102 кладавай-ко суммы (ед. хр. 12); ст. 104 *играть* пропущено (ед. хр. 12); ст. 106 стали-*то* у него (ед. хр. 12); ст. 108 *сели тут оны* (ед. хр. 12); ст. 109 ведь *сорок да телиг* пропущено (ед. хр. 12); ст. 110 король *земли* да (ед. хр. 12); ст. 111 отдает сёла-то *он* (ед. хр. 12); ст. 113 приобиделсе (ед. хр. 12); ст. 117 видь (ед. хр. 12); ст. 118 *во ты* да ... золоченое-*то ведь* (ед. хр. 12); ст. 120, 123 в колечко (ед. хр. 12); ст. 129 несут-*то* ведь ... ведь (ед. хр. 12); ст. 136 приходится (ед. хр. 12); ст. 143 тут *да* как (ед. хр. 12); ст. 144, 145, 211 ведь; ст. 147 Лук-то (ед. хр. 12); ст. 150 Добрынюшки (ед. хр. 12); ст. 151 *да* повыщепал (ед. хр. 12); ст. 154 *неси-тко-ты* (ед. хр. 12), ст. 155 лученко (ед. хр. 12), лучонко (ед. хр. 19); ст. 156 *есть у нас* дорожные лученко (ед. хр. 12); ст. 163 борьцямы (ед. хр. 12); ст. 164 на тым *ли* (ед. хр. 12); ст. 165 *говорит* (ед. хр. 12); ст. 167 присвяту (ед. хр. 19); ст. 168 на Микитиця (ед. хр. 12); ст. 171 напал Добрыня *да* (ед. хр. 12); ст. 172 ведь (ед. хр. 12); после ст. 172 *Напал-то ведь Добрыня помахивать* (ед. хр. 12, 19); ст. 173 как место да видь (ед. хр. 12); ст. 175 ай же мои *братьиця* (ед. хр. 12); ст. 184 поганыи татаровья! (ед. хр. 12); ст. 187 напал-*то* (ед. хр. 12); ст. 190 с конця-*то ведь* (ед. хр. 19), *с конця-то ведь* другой-*то* ведь (ед. хр. 12); ст. 194 братьицов (ед. хр. 12); ст. 195, 203, 210 на симяна (ед. хр. 12); ст. 196 до ядиного (ед. хр. 12); ст. 200 крыцял-то (ед. хр. 12); ст. 201 да ратитьсе (ед. хр. 12); ст. 203—205 Иванушка (ед. хр. 12); ст. 206 зашел *ле* (ед. хр. 12); ст. 208 *да* видь (ед. хр. 12); ст. 209 ратитьсе (ед. хр. 12); ст. 213 укротит (ед. хр. 9); ст. 214 *Добрыня* видь (ед. хр. 12); ст. 215 *ведь татаровей* да поганыех (ед. хр. 12); ст. 218 годы как за нунешний (ед. хр. 12); ст. 220 во стольний во Киёв-град (ед. хр. 12); ст. 221, 223 видь (ед. хр. 12); ст. 224 *да* (ед. хр. 12); ст. 225 *за двенадцать лет* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 226 за нунешний (ед. хр. 12); ст. 227 как тут *ведь* князь стоит да ведь (ед. хр. 12), как тут-*то* (ед. хр. 19); ст. 228 добры (ед. хр. 12); ст. 229 *Посылать да вперед-то вас* (ед. хр. 12).

Ср. с былиной «Добрыня и Василий Казимиров», записанной от Трофима Григорьевича Рябинина из д. Середка (Рыбн., № 8; Гильф., № 80).

Единственный прионежский вариант, в котором былина о Добрыне и Василии Казимировиче не соединена с «Добрыней и Алёшей». По мнению С. Н. Азбелева, исполнитель исключил из текста эпизоды, связанные со вторым сюжетом (Азб., с. 77), оставив без внимания мотив-скрепу. И действительно, в ст. 54—58 просматривается отчетливый «след» контаминации — договариваться о месте встречи уместно лишь в том случае, если богатыри на время расстаются (в других вариантах Добрыня едет прощаться с семьей). Косвенным аргументом в пользу упрощения структуры произведения самим певцом может служить его былина «Добрыня и Алёша» (№ 93), в которой второй сюжетный план (битва богатыря с татарами) развернут достаточно полно. Усваивая из другого источника сюжет о Добрыне и Василии Казимировиче, Якушев не мог «вмонтировать» его в этот текст, а жертвовать им, видимо, не захотел.

Композиционная схема комментируемого варианта традиционна для Прионежья: «Василий Газинетович» лишь номинально возглавляет русское посольство, успех которого целиком определяется действиями

Добрыни; богатыри поочередно настаивают на включении в состав посольства своих крестовых братьев; перед отъездом на чужбину они встречаются в условленном месте. Наименование вражеского царства чисто условно — это «Земля Сорочинская» (ст. 18), хотя правит в ней «король Литовский» (ст. 59), а его подданные — «татары поганые» (ст. 191 и др.). Стереотипны для Прионежья испытания, которым подвергаются русские богатыри; эпизод с порчей королевских луков; заявления Василия Газинетовича о том, что он надеется только на Добрыню. Некоторые подробности сближают текст Якушева с вариантами его земляков Логиновых и отличают от кижских записей (состав дани, описание борьбы, противопоставление королевских луков богатырскому «лучёнку дорожному»; «расписка» в получении дани для князя Владимира; в отличие от Рябининых пудожане «уравняли в правах» Иванушка с другими богатырями — он не слуга, а их крестовый брат, полноправный участник посольской миссии (ср. вариант кижского певца П. Семенова — С.—Ч., № 108).

По технике исполнения и стилистическому оформлению этот текст заметно уступает лучшим былинам Якушева, в том числе и «Добрыне и Алёше»; в нем немало неудачно скомпонованных фраз и речевых оборотов, перенасыщенных незначащими частицами и междометиями (ст. 13, 49—50, 64, 71, 86—87, 116—117 и др.), встречаются алогизмы (ст. 76—77, 111). Определенной деформации подверглись традиционные имена собственные — «Василий Казимирович» превратился в «Газимирова», а потом и в «Газинетовича», «Иванушко Дубрович» — в «Бугровича», а король «Ботиян Ботиянович» — заменен нарицательным «королем Поганым, лицём престрашным». В ст. 85, видимо, неточно прочитана полевая запись: в другой былине сказителя фигурируют не «лечи», а «леги злаченые» (см.: С.—Ч., № 20 «Михайло Потык», ст. 148); знакомо ему и традиционное наименование шахмат — «тавлеи золоченые» (№ 93, ст. 237).

№ 59

Добрыня и Василий Казимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 75—94; полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 39 (в ркп — «Добрыня Микитинец»).

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 10—11 августа 1926 г., д. Мелентьевская — от Павла Абросимовича Логинова, 87 лет.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 1 во стольнем; ст. 2 у ласково; ст. 4 князя; ст. 6 купчи́ именитыи; ст. 9 показан знаком «повтор»; ст. 10 *И* говорит; ст. 12 отсутствует; ст. 13, 14:

Больший за меньшего
А от меньшего...

ст. 20 *он во* многи́х; ст. 23 стола *да* за; ст. 24 выходит *во* палату *во*; ст. 26 дай *же т*оварища; ст. 27 того же *доброго*; ст. 30, 35 *пошел*; ст. 31 ай *же, с*олнышко; ст. 32 дай же *нам*; ст. 34 выходит *з-за* того; ст. 39 Василей; ст. 40 будем, *говорит*; ст. 52 съездить *же* во; ст. 54, 55 *12*; на месте ст. 56 знак повтора; ст. 57 тут честна; ст. 69 *2* коня; ст. 72 заходит *да*; ст. 75 *вот* тут; ст. 81 к тому *ко* колецьку; после ст. 82 неполная строка: *дверей*; ст. 100 не угодно *ли* сыграть *со мной*; ст. 104 *а у* меня; ст. 114, 125, 131 *другой* раз; ст. 143 не угодно *ль*; ст. 150 *он лук в руках выломал*; ст. 156 *другой* лук; ст. 159 *выломал весь*; ст. 161 *сходи*-ка; ст. 169 *и* перерубил; ст. 171 говорит *же*; ст. 172 ай *же*; ст. 178 *да* Микитиця; ст. 180 *а они вышли на широк*; ст. 184 братьиця; ст. 190 *осьишко, осьишко тележно*; ст. 193 да *зачал*; ст. 194 *идет*; ст. 201 сам *же*; ст. 209 *и* живёт-то; ст. 215 *я сегодни был*; ст. 220 *Уже же говорит* ⟨*Оле-*

шенька⟩ *да*; ст. 222 *исполню*; ст. 234 буйной головой *да* во; ст. 236 *если* в цесь; ст. 238 *у них было*; ст. 244 *вот, говорит, живешь ты за синим* ⟨*морем*⟩; ст. 247 она *да* во; ст. 252 а *в воскресенье*; ст. 256 он да *ведь*; ст. 258, 259

Бежит он да
И бьет он коня;

ст. 261 меня *в* три часу́; ст. 265 *и* поехал; ст. 268 а *синие* моря́; ст. 270 да *во* широкий; ст. 272 *да* ко тому; ст. 273 во гриднку; ст. 277 цестна вдова; ст. 304 где *же* моя; ст. 330 а *позади*; ст. 333 а пошел; ст. 341 без вас *скоморошников*; ст. 345 хоть *на*; ст. 349 *да* голосом; ст. 350 *напевать да напевать*; ст. 357 *там и* садись; ст. 362 *хоть подли́*; ст. 363 *хоть* напро́тив Настасьи; ст. 364 *он садился* а не; ст. 366 *он садился* не подли́; ст. 367 *а на* супроти́в; ст. 368 *а* насупро́тив; ст. 370, 371 ⟨нрзб⟩; ст. 376 подносил он к; ст. 377 *сам* говорит да; ст. 378 дак увидашь; ст. 384 увидала *в цяры* свой; ст. 386 *и* говорит она; ст. 388 *а* не тот; в ст. 396 ошибочно: а дивую я *женскому*; ст. 398, 400 *за́цял*; ст. 399 *а плеточкой* он.

В ед. хр. 11 отсутствуют стихи: 99, 101, 105, 106, 108, 111, 167, 170, 174, 185, 217, 223, 225, 229, 232, 246, 254, 257, 263, 274, 281, 284—287, 293, 302, 306, 308, 317—320, 323, 326, 327, 342, 359, 373, 397.

После ст. 126, 144 нет ремарок.

Вариант П. Логинова — первая по времени запись этой былины на Пудоге; в нем наиболее полно представлены отмеченные в преамбуле особенности прионежской редакции сюжета. Это касается не только композиционной схемы, содержания и стилистического оформления основных эпизодов, но и имен собственных. Их здесь гораздо больше, нежели в текстах Г. Якушева и А. Логинова, и почти все они сохранили традиционную форму («Василий Казимерович», «Ботиян Ботиянович», «камень Латырь», «дуб Ливин», «крест Леванидов» и др.); упомянута также «Фавор-гора», известная по записям других эпических песен (Рыбн., № 151, 198; КД, № 60). Лишь Илья Муромец выступает в необычной для него роли, предлагая поручить посольскую миссию Василию Казимеровичу (у Рябининых это делает «Пермин Иванович», персонаж былины «Чурила и Катерина»; аналогичный совет князю он дает и в «Дунае» — Гильф., № 80, 81).

Комментируемый текст наиболее близок к былине А. Логинова (см. № 60) и, видимо, восходит к тому же источнику (Логиновы — не однофамильцы, а дальние родственники). Количество и характер схождений между этими вариантами позволяет говорить о существовании пудожского извода контаминированной былины, независимого от кижских записей. Сюжет «Добрыня и Алёша» представлен оригинальной местной редакцией, да и в первой части текста немало разночтений с вариантами Т. Рябинина и его земляков. Те из них, которые присущи всем трем пудожским записям, указаны в коммент. к № 58. У Логиновых есть и другие нестандартные детали. Тяжелый лук короля Ботияна везут «на двенадцати (сорока) подводах турецьких» (обычно: несут шесть или двенадцать богатырей); мишенью служит кольцо, прикрепленное к щиту (Ботиян «не то что в колечко — в щит попасть не мог»); по условиям состязания кольцо надо «перерубить» стрелой на две равные половинки (в других вариантах стрелу «пропускают» «по острею ножовому» и раскалывают ее на две равные части). Нестандартен постоянный эпитет «черный дуб ливин», а вот коней киевские богатыри вяжут не к воткнутому в землю копью, как в кижских вариантах, а к обычному «столбику точёному» (то же в былинах других пудожских певцов).

Связь второй части текста с местной традицией еще более очевидна и подтверждается многочисленными перекличками с былинами других пудожских певцов. Расставаясь со своими спутниками, Добрыня «обжился у синя моря» и «играет во доски шахматны»; узнав о готовящейся свадьбе Алёши Поповича и его жены, он вдребезги разбивает шахматную «дощецьку да об полы кирпицьныи» и просит своего коня: «Сюды мы ведь ехали три́ году́, /А отсюда вези меня три́ часу́»; подробно описано возвращение богатыря в родной дом, мать узнает сына только по особой примете — родимому пятну. Все эти мотивы и формулы

есть в варианте Н. Прохорова (№ 82), которого П. Логинов называл одним из своих учителей (первый эпизод, вероятнее всего, механически перенесен из былины о Михаиле Потыке, где у богатыря есть партнер по игре — Вахрамей Вахрамеевич, а само действие происходит в палатах иноземного царя, поэтому упоминание «кирпичного моста» не выглядит алогичным — Гильф., № 52, ст. 346—354). Сетования Добрыни по поводу того, что в родном доме они с конем не дождались «хлебушка сладкого, словечка гладкого», сближают комментируемый вариант с былиной М. Мякишева с Пудожского берега (№ 91, ст. 233—239); в другом контексте аналогичную формулу использовал Н. Прохоров в сюжете «Илья Муромец и Идолище» (Рыбн., № 118, ст. 170—179). Оригинальная деталь — Алёша Попович узнает Добрыню по игре на гуслях — тоже сближает вариант П. Логинова с прохоровской редакцией, в которой жена богатыря «маленько же она тут догадалась» (ст. 442). Некоторые подробности, свидетельствующие о генетическом родстве данного извода с былиной «Утицы», находим в тексте А. Логинова (П. Логинов их опустил или забыл — в момент записи сказителю было 87 лет, чем объясняются очевидные признаки разрушения эпического стиля, в частности, опущен запрет Добрыни жене выходить замуж за Алёшу Поповича, хотя позднее сама Настасья говорит о «заповеди мужьской» и «заповеди женьской» — ст. 221—223).

Нестандартно описание игры Добрыни на гуслях: «Стал он затирать да гусельщиков, / Стал он затирать да игральщиков» (ст. 346—347). Необычна и развязка былины (самоубийство опозоренного Алёши Поповича); возможно, она навеяна финалом прохоровского варианта, в котором неудачливый жених «со стыда-сраму великого уехал, не знают где».

№ 60

Про Добрыню Микитица, как везли дань

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 39, л. 191—213 (л. 2—23); черновая рукопись, карандаш, правки. Опубл.: Черн., №40.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Андрея Степановича Логинова, уроженца д. Мелентьево (по другим свидетельствам — д. Алексеево) Пудожского у., 32 лет.

Разночтения Черн., № 40

Ст. 10 *братья*; ст. 125 (ркп 124) *видь десятками*; ст. 130 (ркп 129) вот они, *ребята*; в ркп ст. 41 *Вот Б. Б.* зачеркнут.

«Былина А. С. Логинова состоит из двух былин — о Добрыне и Василии Казимировиче и о Добрыне и Алёше. В такой контаминации записаны тексты от Т. Г. Рябинина (Рыбн., № 8; Гильф., № 8), П. И. Рябинина-Андреева (Аст. 2, № 134; С.—Ч., № 97), П. С. Семенова (С.—Ч., № 108). Следует отметить большое сходство публикуемого текста с вариантом пудожского сказителя П. А. Логинова, троюродного брата Андрея Степановича (С.—Ч., № 39). Совпадают мотивы состязаний, известия ворона о замужестве Настасьи, узнавания Добрыни матерью по „знадебке" на голове, самоубийства Алёши — по типу гибели Дуная. Все это, а также общность деталей свидетельствуют об одном источнике былин Логиновых. П. А. Логинов усвоил былины от Н. П. Прохорова («Утки»), от которого, к сожалению, эта былина не записана. Источники эпического знания А. С. Логинова неизвестны. Факт тот, что А. С. Логинов 1906 г. р. и не мог знать Н. П. Прохорова. Не исключено, что братья общались между собой и могли выучиться былинам друг у друга. Скорее всего, это сделал А. С. Логинов как самый младший» (Черн., с. 270—271).

Контаминированный текст А. С. Логинова, чрезвычайно близкий к варианту П.А. Логинова (см. № 59), видимо, восходит к тому же источнику. Оба сюжета (особенно первый) изложены не так обстоятельно, как Логиновым-старшим; искажены или заменены нетрадиционными некоторые имена собственные («Василий Газеверов», «Фофор-гора»; «Иванушку Дубровина» заменил «Олёша Долгополый», мать Добрыни названа «Настасьей Микулицной», а жена — «княгиней Апраксией»). Вместе с тем некоторыми деталями комментируемый вариант дополняет текст П. Логинова, что позволяет составить более точное представление об этом изводе былины. Сказитель не забыл о наказе Добрыни своей жене (правда, перенес эту формулу в середину повествования — ст. 158—164), использовал еще две детали, сходные с вариантом Н. Прохорова («родимная знадебка-рубечок», по которому мать узнает возвратившегося из поездки сына; наказание Алёши Поповича плетью — ср. № 82). Есть в этом тексте и другие традиционные для Пудоги подробности, отсутствующие в прохоровской редакции: запрет выходить замуж за Алёшу мотивирован тем, что он «падше», «паче брата родного»; роль вестника отведена не голубям, а «черному ворону»; сватовство Алёши к Настасье носит подчеркнуто агрессивный характер (ст. 170—171); последние два мотива есть и в былине Логинова-старшего.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

(№ 61—73)

По количеству записей этой былины Пудожский регион занимает одно из первых мест в России. Однако по качеству тексты заметно уступают лучшим вариантам из Заонежья, Кенозерско-Каргопольского края и Моши: они либо фрагментарны, либо относятся к поздней версии сюжета, в которой отчетливо просматриваются признаки угасания традиции. Лишь в двух вариантах Маринка изображается как злая колдунья, превращающая Добрыню в оленя или волка (см. коммент. к № 61, 65 — Т. Романов, П. Царев), но и в них пропущены важные эпизоды. Оба текста записаны в нескольких километрах от границ современного Пудожского района и испытали определенное воздействие эпических традиций соседних регионов — кенозерской и повенецко-толвуйской. Все остальные варианты представляют собой своеобразный симбиоз «Добрыни и Маринки» и второй части «Трех поездок Ильи Муромца»: из первой былины в них использованы имена главных героев и завязка конфликта между ними, а из второй — эпизод с «кроваточкой подложной». Появление этой версии сюжета на рубеже XIX и XX вв. связано не столько с творческими процессами, сколько с демифологизацией содержания произведения, с разрушением традиционной эпической формы. Фантастические элементы в былине почти полностью выветрились, Маринка из всемогущей чародейки превратилась в заурядную обманщицу, лишенную сверхъестественных качеств. Механическое соединение разных по характеру художественных структур, использование сказочных мотивов и фрагментов лирических песен привело к стилистическому разнобою. Новая модификация сюжета получила довольно широкое распространение, входила в репертуар лучших сказителей Кенозера и Пудоги, зафиксирована и в Кижах (Аст. 2, № 113). Однако в художественном плане подобные варианты далеки от лучших образцов местной эпической традиции.

№ 61

Добрыня и Маринка

Рыбн., 1864, № 19.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерского у. — от Трофима Романова (время записи не указано). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

В списке «Погрешности в III части» П. Н. Рыбников исправляет в ст. 26 «серебряныя» на «серебряные».

Текст былины Т. Романова стяженный, многие традиционные эпизоды не развернуты или вообще опущены (не упоминаются добрые молодцы, пострадавшие от коварной Маринки, не описываются ее колдовские действия, нет заговорной формулы и т. д.). Отдельные элементы роднят былину пудожского певца с кенозерскими вариантами (нечаянное убийство Тугарина Змеевича — любовника Маринки; безуспешные попытки слуги вернуть «стрелочку каленую» — ср. Гильф., № 288 и др.). Некоторые оригинальные детали, возможно, связаны с индивидуальными новациями Романова. Маринка живет в Киеве, а Добрыня — в Москве, «на горке на Вшивой» (ср. некоторые тексты пудожгорских сказителей А. Чукова и П. Калинина — Гильф., № 12, 13, 153); Маринка превращает богатыря в «оленя рыскучего» (обычно — в тура или волка); «отворачивает» его не мать или тетка, а бабушка-задворенка. Она же «обвернула злодейку собакою» (ср. сказки, сюжетный тип АТ-449); в других вариантах такая угроза служит средством устрашения Маринки, а казнит ее сам Добрыня. Необычно реально-бытовое объяснение того, что колдунья легко находит «следы» богатыря (ст. 57—59). Использование стрелы для передачи известий на большие расстояния — традиционный для былин мотив, но в комментируемом тексте не объясняется, как Добрыня-олень догадывается о содержании адресованного ему «приказа» (ст. 76—85). Упоминание московских «докторов» в ст. 64 — один из редких в собирательской практике Рыбникова случаев вторжения в эпос новой лексики.

№ 62

Добрыня и Маринка

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 97—98 (л. 115—116). Опубл.: Гильф., 1873, № 17, стб. 115—117.

Полевая запись; текст — карандашом, дописи и пунктуация — чернилами. Над текстом слева зачеркнут «Ъ». Под текстом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 22 июля». На л. 98 об. помета: «Ъ. Маринка. В Риму, 22 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузминишны Фоминой, «лет 30-ти».

Разночтения Гильф., № 17

Ст. 4 испр. из: *На десятый год еще год гулять ушел*; ст. 8 испр. из: *Ты ходи, ход⟨и⟩*; ст. 10 испр. из: *Там есть*; ст. 25 испр. из: *А Ивана убил да царевича*; ст. 33 испр. из: *...девушка ты зельщица*, затем *ты* зачеркнуто; ст. 34 испр. из: *Зельщица дев⟨ушка⟩*.

В ст. 26 к имени Туга-Змеевича на полях помета собирателя: «sic»; в ст. 60 пояснение собирателя к слову «*коловою*», на полях в скобках: «По кольям сидит». В первом издании этот комментарий изложен так: «Сорока называется коловою, потому что сидит по кольям на заборах (объяснение певицы)».

Несмотря на предельную краткость текста, насчитывающего всего 64 стиха, Маринка сохраняет черты колдуньи (зельчица, коренщица). Как и в былине П. Царева (№ 65), она превращает Добрыню в серого волка; у других певцов — в гнедого тура. Варианты этих сказителей роднит еще одна нестандартная деталь: не дождавшись возвращения сына, мать богатыря принуждает Маринку вернуть ему человеческий облик.

62 Зак. 3948

№ 63

Добрыня и Маринка

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, тетр. 7, л. 210—212 об., беловой автограф; ед. хр. 11, л. 145 об.—147, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной с 50-го стиха (ст. 50—63, 102—105 — неполные). Опубл.: С.—Ч., № 11.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Примечание собирателя: «Былину слышал от Потапа Трофимовича Антонова» (ед. хр. 5, л. 212 об.).

Разночтения ед. хр. 5, 11

Ст. 1, 2 *это*; ст. 6 да *бласло́веньицо*; ст. 9 за собаку *ить*; ст. 11, 12 *прощеньица*; ст. 14 *проще́ньицо*; ст. 15 *бласло́веньицо*; ст. 17 ⟨в⟩ *переулоцьки*; ст. 20 молодцом; ст. 22 *да была хитрая*; ст. 23 за белые; ст. 25 *за столицьки*; после ст. 28 *белой лебеди да он порушил видь*; ст. 31 а видь *с*; ст. 33 а видь; ст. 40 да белехонько; ст. 42 во улицу Игнатьевьску; ст. 46 молодцом; ст. 48 за белые; ст. 58 да соболинову; ст. 68 да царевицов; ст. 69 *да короле́вичей*; ст. 70 да поповичов; ст. 73 раскипелась; ст. 74 тут по серёдочке; ст. 78 очинь; после ст. 81 ремарка имеет продолжение: *совсем немного* ⟨нрзб⟩ *осталось*; ст. 83 железныи; ст. 84 вороты да цюгунные; ст. 85 царевицы; ст. 86 королевицы; после ст. 90 ремарка имеет продолжение: «А мы-то овсом все питаемся»; ст. 95 а ведь скоро *прощу*; ст. 98 *ай берёт-то*.

Типичный образец поздней кенозерско-пудожской версии сюжета, охарактеризованной в преамбуле. В первой части текста сохранены некоторые архаичные детали традиционного сюжета — кратко описано вырезание «следов» Добрыни, приводится текст заговора-присушки (ст. 35—38). Вместе с тем Якушев, как и большинство пудожских и кенозерких сказителей нового времени, ввел в былину формулу из лирической песни (ст. 18—20, 44—46); имя Маринки трансформировалось в «Малиноцьку» (ср. варианты его земляков с Купецкого озера Ремизовых, Фофанова — № 70, 72, 73). Начиная с 47-го стиха, исполнитель близко к тексту повторил вторую часть своей былины «Три поездки Ильи Муромца» (С.—Ч., № 7, ст. 80—165); сравнение этих фрагментов еще раз убеждает в том, что Якушев не был поклонником формульного стиля — многие стихи и целые тирады аморфны по характеру (ст. 60—61, 67, 79—81, 95—96). Сцена расправы с Маринкой позаимствована из исторической песни о Кострюке, входившей в репертуар сказителя (С.—Ч., № 33).

№ 64

Добрыня и Маринка

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 188—192; полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 81.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Примечание Б. М. Соколова: «Сегодня утром ⟨Конашков Ф. А.⟩ слышал у Г. А. Якушова в пении и вечером сам предложил ⟨спеть⟩. Спел совершенно гладко, но знач⟨ительно⟩ отлично от Якушова» (ф. 1456. ед. хр. 25, тетр. 1, л. 299). Конашков Ф. А.: «Я раньше маленько ⟨...⟩ врал, а на голос твердо не знал» (там же, л. 299).

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 4 справляишьсе; ст. 5 снаряжаишьсе; ст. 15 А ко курвы Маринки *ко* догадливы; ст. 19 Игнатовьски; ст. 34 А ведь спустил ... на ёкошецько; ст. 40 *ступил*; ст. 63 нагулятиси; ст. 64 засыпатиси; ст. 65 А ведь *уснул* бы; ст. 91 *А ей* была *кроватка на*.

В ст. 3, 8, 90 ударения отсутствуют.

Ср. «Добрыня и Маринка», зап. от Трофима Романова из д. Пирзаковской (Рыбн., № 143) и «Последняя поездка Ильи Муромца», зап. от Ивана Фепонова из д. Мелентьевской (Гильф., № 58). В наст. томе см. текст «Добрыни и Маринки», записанный от Г. А. Якушева (№ 63).

Былина была записана от исполнителя трижды с интервалом в 10 лет (ср. № 67, 68). Оба текста принадлежат к новой версии сюжета, образовавшейся в результате контаминации ряда эпизодов: «Добрыни и Маринки» и «Трех поездок Ильи Муромца». Вторая былина не входила в репертуар сказителя, чем, скорее всего, и объясняется скомканный финал произведения — к моменту первой по времени записи Конашков еще не успел придать ему песенно-стихотворную форму и отшлифовать стилистически; содержание заключительного эпизода вообще передано прозой. Вплоть до 70-го стиха Конашков практически не отступает от сюжетной схемы «Добрыни и Маринки», использует многие традиционные мотивы, отсутствующие у большинства его современников: Добрыня стреляет по голубям, нечаянно убивает «тотарина» — любовника Маринки, заходит в ее «полаты», чтобы вернуть свою стрелу; Маринка вырезает «следоцьки» богатыря, чтобы с помощью магических действий и заклинаний «присушить» его. Сохранено и традиционное имя героини, которую певцы с Купецкого озера называли «Малиновкой». Цитируемый сказителем текст любовного заговора — один из самых полных в олонецких записях этой былины (ст. 55—66). Вместе с тем в эпическое произведение включен ставший уже обычным для местной традиции фрагмент лирической песни (ст. 39—40; ср. варианты пудожан Г. Якушева, Н. Ремизова, И. Фофанова — № 63, 69, 70, кенозёра Е. Морозова — С.—Ч., № 280).

№ 65

Добрыня и Маринка

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 3 (10), л. 42—42 об.; перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 168.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 24 июня 1932 г., д. Северская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Петра Павловича Царева, 75 лет.

«Текст представляет сильно сокращенный вариант, из которого выкинута вся основная центральная часть — стрельба Добрыни в голубей, убийство дружка Маринки, любовные чары, оборачивание. Превращение в серого волка вместо тура находим еще в варианте Фоминой (Гильф., № 17) и др. Былинный ритм выдерживается, и то не вполне, только в начале былины, далее склад былины становится совершенно прозаическим. В конце былина окончательно превращается в сказку. В содержание тоже вносятся сказочные мотивы: искание ключей и отпирание дверей погреба ключами, нахождение мертвых тел (традиционно для сказок о разбойниках) и др.» (Аст. 2, с. 735).

Былина Царева — единственный пудожский вариант новой записи, остающийся в русле старой традиции. Сюжет былины до предела упрощен, в тексте опущены многие эпизоды. В развернутом наказе матери (ст. 4—15) Маринка аттестуется как злая чародейка, но ее столкновение с богатырем и колдовские действия не описаны; из контекста явствует, что предсказания матери героя сбылись. В былине Царева нет очевидных параллелей с другими пудожскими записями. Как и в варианте А. Фоминой (№ 62), Маринка превращает Добрыню в волка (обычно — в гнедого тура). Несмотря на стяженность текста, сказитель продемонстрировал хорошее владение эпическим стихом и былинной фразеологией, тяготение к классическому формульному стилю.

№ 66

Маринка и Добрыня

ФА ИРЛИ, ФВ 4820.01.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 24 июля 1932 г., д. Северское Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Петра Павловича Царева, 75 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Публикуется впервые.

№ 67

Про холостого Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 33; черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Публикуется впервые.

№ 68

Добрыня и Маринка

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 3, ед. хр. 60; черновая рукопись, карандаш частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 6. Вар.: С.—Ч., № 81.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 6

Ст. 17 *нежененой*; ст. 23 *Как* поглядеть *на* Маринку *на*; ст. 26 голуб *да* сидит с голубихою; ст. 32 *да* думает; ст. 36 *к Маринки в высок терем*; ст. 53 сердецько-*то*; ст. 62 *У Добрыни на дорожки*; ст. 88 прохлаждаютца.

Примечание собирателя: «Записана с голоса».

Эта былина не принадлежит к числу широко распространенных. Наиболее близка к конашковскому варианту былина Малыгина из Моши. Есть совпадения и с вариантом Кирши Данилова, свидетельствующие об их общем родстве в первой части былины.

В былине Конашкова нет модернизации, наблюдаемой у ряда сказителей. Вариант Конашкова завершается контаминацией с эпизодом из «Трех поездок Ильи» об «омансливой» (обманчивой) кровати. Такая контаминация встречается в записях последних лет из Заонежья (см.: Аст. 1, с. 573—574) и Пудожья (БПК, № 35). В отличие от пудожского варианта в тексте Конашкова отсутствует свойственное этой редакция заключение: расправа Добрыни с Маринкой.

Очередная запись (ср. № 64, 67) свидетельствует о том, что сказитель продолжал работать над былиной и вскоре довел ее до привычной формы. Логическим завершением повествования стал рассказ об освобождении Добрыней «молодциков-красавциков» (ст. 104—110). И хотя в тексте нет традиционной расправы богатыря с коварной колдуньей, формальная «точка» в нем поставлена: «А на том былина да и покончилась». Эту формулу, позаимствованную, у П. И. Рябинина-Андреева во время совместных вы-

ступлений в Москве и Петрозаводске, Конашков в 30-е гг. использовал почти во всех своих эпических песнях. Более стройной, выверенной в деталях стала и первая часть былины. Сказитель отказался от непристойного эпитета, прочно прикрепившегося к имени героини в ранней записи, исключил некоторые слова и поэтические образы, не гармонирующие с эпическим стилем (цитата из лирической песни, эпитет «всероссийская красавица»), использовал более развернутый вариант зачина (ст. 1—5), а в заговорной формуле устранил ненужный повтор (№ 67, ст. 58—59 и 66). В былину введены также две оригинальные метафоры («у Добрыни на дорожки сердце срезало», «пропадешь хуже кислой ... плотицины!»).

Есть основания полагать, что именно от Конашкова «Добрыню и Маринку» усвоила Н. Богданова-Зиновьева из Кижей (Аст. 2, № 113) — в их вариантах совпадает целый ряд нестандартных деталей (упоминание вязанки ключей, уподобление героя «кислой» или «гнилой» плотице, употребление глагола «коряются», имени «Маринка» или «Маришка», а не «Малиновка», как у других пудожан, с которыми была знакома Богданова).

№ 69

Про Добрыню и Малиновку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 3, л. 116—138; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 35.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Примечание собирателя: «Эту былину поет быстро, скорей рассказывает. Напев плясовой». (кол. 13, ед. хр. № 3, л. 138):

Разночтения БПК, № 35

Ст. 10 *вставал*; ст. 16 ты *мне*; ст. 26 бежал, *словно* заюшка; ст. 39 *пил да кушал всё*; ст. 50, 61 По ступенькам; ст. 60 По сенюшкам; ст. 62 девушка; ст. 67 Да попей-ко; ст. 74 *Под тым ли*; ст. 76 во спаленку; ст. 83 *Раздевался*; ст. 89 *Под*ходит; ст. 99 Я ведь, девушка.

«Контаминация мотивов двух былин „Добрыня и Маринка" и „Три поездки Ильи Муромца" (2-я часть — встреча с красавицей). Обе былины основаны на сказочном материале о коварных красавицах, см.: Аст. 1, с. 573—574 (614—616).

Повествование начинается, как обычно в былине о Добрыне и Маринке, но встречающийся в начале эпизод убийства богатырем любовника Маринки отсутствует, в остальном сохранено лишь колдовство со следами. Начиная с описания второго посещения Добрыни и до конца былина соответствует эпизоду встречи Ильи Муромца с красавицей в „Трех поездках". Здесь интересна характеристика обманутых любовников — „множество там было попов, дьячков", тогда как в большинстве случаев в подвале оказываются короли, цари, богатыри, иногда простой народ.

Былина такого же типа была записана в Заонежье (см.: Аст. 1, с. 573, 616). Контаминация обусловлена близостью мотивов обеих былин. Характерно, что в некоторых вариантах былины о трех поездках Ильи Муромца красавица тоже носит имя Марины. Исследователи считают, что имя „Маринка" проникло в былины из преданий о Марине Мнишек, в которых она является колдуньей» (БПК, с. 484).

В композиционном плане былина Ремизова близка к варианту его земляка Якушева (№ 63), в ней нет только заговаривания «следов» Добрыни. Сказитель именует героиню «Малиновкой», использует те же эпизоды из «Трех поездок Ильи Муромца», формулу расправы, перенесенную из исторической песни о

Кострюке (ст. 131—134), позаимствованное из лирической поэзии описание прихода героя в терем «Малиновки» (оно повторено трижды — ст. 24—27, 48—50, 59—61). Как и в других своих былинах, Ремизов временами сбивается на прозу (ст. 47, 80—81, 100—101, 114—116, 121—123), вводит в текст новую лексику («панели», «пожалуйста», «вина виноградные», «благородные»), нехарактерные для эпического стиля просторечия («подшоптыват», «закалякали»). Отказываясь ложиться на подложную кровать «о стенку», Добрыня объясняет это тем, что часто ходит «моцицце». Этой подробности нет в других вариантах данной версии сюжета, но она обычна в былине о трех поездках Ильи Муромца (ср. варианты пудожан А. Сорокина — Рыбн., № 128; И. Фепонова — Гильф., № 58; С. Якушевой — КФАН, кол. 6, № 90; кенозёра М. Тряпицына — Гильф., № 240). Сюжет «Три поездки Ильи Муромца» в его классической форме не входил в репертуар исполнителя, отдельные его элементы он использовал в сводной былине об Илье Муромце (БПК, № 31). Но включенный в нее эпизод со спящей красавицей (ст. 517—557) не имеет ничего общего с традиционной былиной и явно позаимствован из сказки AT 550. (В свое время Н. Ремизов считался одним из лучших сказочников на Купецком озере). По свидетельству собирателей, все былины сказитель пел на один напев, а «Добрыню и Малиновку» — «на плясовой мотив» (БПК, с. 481).

№ 70

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 47; черновая рукопись. Опубл.: Черн., № 36.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

По композиции, содержанию и оформлению многих эпизодов вариант Фофанова чрезвычайно близок к былине его земляка и друга Н. Ремизова (см. № 69). Героиня именуется «ди́вицей Малиновкой» (у Ремизова — «девица» или «девушка Малиновка»), среди ее пленников названы «попы и дьяконы» (у Ремизова — «попы-дьяки», использованы тот же фрагмент из лирической песни (ст. 37—38) и формула расправы из «Кострюка» (ст. 119—123), причем она не совпадает с развязкой этой исторической песни, записанной от самого Фофанова (БПК, № 28, ст. 92—99). Некоторые стихи дословно совпадают с нестандартными формулами Ремизова (ст. 45, 110). Вместе с тем у Фофанова нет ряда оригинальных деталей ремизовского текста, восходящих к традиционным сюжетам «Добрыня и Маринка» и «Три поездки Ильи Муромца» (колдовские действия героини, остроумный предлог для отказа ложиться «о стеночку»). Все эти факты позволяют предполагать первичность варианта Ремизова по отношению к комментируемому тексту. Но если Фофанов и усвоил былину от своего друга, в стилистическом плане он, как всегда, был достаточно самостоятельным. Последовательно выдержана установка на формульность, многие тирады отличаются безупречной отделкой (ст. 24—28, 50—57, 63—66). В тексте преобладает традиционная былинная лексика и фразеология: «ества сахарные, питьича медвяные» (у Ремизова — «кушанья медвяные»); «стоят ... у кроваточки-то рядятьси», т. е. спорят (у Ремизова — «закалякали»); «смерть придать» («прикончить нать»); «церьква соборная» («великая»); лишь слова «пожалуйста» и «попы-дьяконы», видимо, позаимствованы у Ремизова (в других эпических песнях Фофанова они не встречаются).

Необычная концовка (ст. 124—125) восходит к формуле Н. Прохорова, зафиксированной собирателями в третьем по времени записи варианте его былины о Василии Буслаеве (см.: Мил., № 94); последний стих Фофанов использовал также в исторической песне «Кострюк» (БПК, № 28, ст. 100).

№ 71

Про холостого Добрыню

Архив КФАН, р. III/2, № 178.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Конашков. „Добрыня и Маринка". Вариант по Конашкову: „Про холостого Добрыню"».

Сказитель в очередной раз продемонстрировал высокую стабильность своей былины, записанной от него в разные годы.

Публикуется впервые.

№ 72

Добрыня и Малиновка

Личный архив Ю. И. Смирнова. Опубл.: ДиА, № 31.

Зап. Ю. И. Смирновым: лето 1963 г., д. Климово Пудожского р-на Карельской АССР — от Варвары Никитичны Ремизовой, неграмотной, 60 лет.

По сообщению собирателя, В. Н. Ремизовой «помогал петь или подсказывал ее брат Иван Никитич Ремизов, 54 лет, грамотный». (Реплики, которыми обменивались В. Н. Ремизова и И. Н. Ремизов во время исполнения, при публикации заключены в скобки, с инициалами «И. Н.» и «В. Н.» соответственно). «Исполнители — дети известного пудожского певца 30-х годов Никиты Антоновича Ремизова. Обращение к ним собирателя было для них неожиданностью. Не имея постоянной практики в исполнении былины, они не сразу смогли пропеть „старину". Первую часть текста (ст. 1—17) они поначалу сбивчиво рассказывали. Инициативой в основном владела Варвара Никитична. Правда, она хорошо не знала былинной лексики, но напев помнила твердо и легко подгоняла под него даже явные прозаические обороты или усеченные стихи. Сестра и брат пропели былину „Добрыня и Маринка" в той версии, которую знал их отец (БПК, № 35). У них былина получилась вдвое короче текста отца, что они и признавали с большой горечью. Сами себя они сказителями не считают, но гордятся отцом и усвоенной от него „стари́ной". В этой версии традиционный сюжет былины „Добрыня и Маринка" почти полностью исчез (его следы в большей степени заметны в тексте отца) и заменен сюжетом типа „Илья и королевна" из былины „Три поездки Ильи Муромца". (Когда В. Н. Ремизова рассказывала свою версию, присутствовавшая при записи соседка возразила: «Ой нет, кума, это там, где про три дороги!» Но В. Н. Ремизова иной версии, кроме отцовской, не слыхала — уточнение собирателя). Эта замена, судя по записям, произошла примерно в начале XX в. „Модная" версия довольно быстро распространилась на территории Онежского озера до Кенозера. В исполнении Н. А. Ремизова она сильно модернизирована, а Маринка превращена в Малиновку. Его дети — добросовестные передатчики его текста» (ДиА, с. 394).

В комментируемом варианте героиня лишена сверхъестественных качеств; еще больше осовременена лексика («коридоры светлые», «ковры мягкие», «познакомиться», «танцы-пляски да музыка» и т. д.). С трудом припоминая былину, исполнители ввели в нее типические места, нехарактерные для этого сюжета и для варианта Н. Ремизова (ст. 5—10, 62); некоторые детали повествования сохранились лишь в ремарках.

№ 73

Про Добрыню и Малиновку

ФА ИРЛИ. МФ 3050.02.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 11 июня 1985 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Ивана Никитича Ремизова, 75 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Напев транспонирован на 2 тона выше.

Исполнитель с детства перенял напев от отца, «подтягивая» ему во время исполнения былины. Поэтический текст помнил слабо, в процессе исполнения постоянно сверяясь с публикацией «Былины Пудожского края». В настоящем издании не учитывается пробная звукозапись более протяженного фрагмента этой былины, выполненная от И. Н. Ремизова (ФА ИРЛИ. МФ 3049.03).

Публикуется впервые.

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ

По количеству записей этой былины Пудога занимает первое место не только в Онего-Каргопольском крае, но и на всем Русском Севере. Тексты принадлежат к одной редакции сюжета, более того, правомерно говорить о том, что все они восходят к общему источнику — чрезвычайно близким по композиции и стилю вариантам пудожгорских сказителей П. Калинина и А. Чукова (см. № 164; Гильф., № 148). Лишь в одном случае (пересказ А. Канавина — архив Ю. И. Смирнова, 1963 г.) не исключена возможность устного заимствования; остальные тексты — книжные по происхождению. Записи из других регионов России тоже зависимы от книги, первоисточником являются все те же варианты Чукова и Калинина. В былине нет оригинальных эпизодов и деталей; она словно соткана из общеэпических формул, а ее ключевые мотивы (безуспешные попытки богатыря сразить великана, проверка силы на дубе и др.) характерны для прионежской редакции сюжета «Святогор и Илья Муромец»; некоторые ситуации созвучны с «Дунаем». Эти факты подтверждают неоднократно высказывавшееся предположение о вторичности сюжета «Добрыня и Настасья» (*Сперанский М.* Русская устная словесность. М., 1917. С. 249; ДиА, с. 394—395), призванного заполнить пробелы в эпической «биографии» богатыря, и позволяют связывать возникновение былины с творчеством пудожгорских сказителей начала XIX в. (быть может, непосредственных предшественников Чукова и Калинина).

№ 74

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 31, л. 154—155 об.; перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 56.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 54 лет.

«Сюжет этой былины встречается редко, обычно в контаминации с другими (см.: Рыбн., № 25; Гильф., № 5, 148, 157; в наших записях у Ремизова — БПК, № 34). Во всех этих былинах, включая настоящий вариант, сюжет имеет одну общую редакцию. Более всего он подвергся переработке у Ремизова. В данном варианте переработка отсутствует, но сюжет выделен в самостоятельную былину. Она стоит ближе всего к соответствующей части былины Калинина (Гильф., №5), воспроизводит ее почти дословно,

хотя и в значительно сокращенном виде (короче калининского варианта на 72 стиха). Калинин дает наиболее полное, развернутое повествование. У него в противоположность Фадеевой уже с самого начала Добрыня узнает в богатыре поляницу. После неудачных ударов Добрыни (о них Фадеева рассказывает в тех же выражениях, что и Калинин) в варианте Калинина поляница вынимает Добрыню из мешка и говорит, что если он ей не нравится, то будет положен на ладонь и превращен в овсяный блин. Этого у Фадееевой нет. Значительно подробнее Калинин описывает приезд в Киев, но рассказ поляницы о том, что она еще раньше видела Добрыню (ст. 40—45 у Фадеевой), у Калинина отсутствует. Вообще, вариант Калинина в отличие от настоящего более выдержан в стиле традиционной поэтики. Генезис былины неясен. Исследователи указывали параллели в мировом фольклоре, делали сопоставления с древними преданиями о женитьбе богатыря в кавказских легендах и т. п. Аналогичный образ женщины-богатырки встречается в былинах о Святогоре и об Илье Муромце и дочери. Происхождение этого образа связано с эпохой матриархата» (БПК, с. 497).

№ 75

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 55а, л. 33—34 (л. 48—49); перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Н. Париловой: 20 июля 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

Сноска собирателя к ст. 14: «вариант — *ко сыру дубу*».

При повторной записи (ср. № 74) содержание и композиция изложения А. Л. Фадеевой практически не изменились.

Публикуется впервые. Вар.: БПК, № 56.

№ 76

Про Микитушку Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 74, л. 34—35; черновая рукопись, карандаш.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): июль 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 71 года.

Третий по времени записи вариант былины (ср. № 74, 75) по содержанию мало чем отличается от двух предыдущих, но стихотворный строй выдерживается непоследовательно, исполнительница часто сбивается на ритмизованную прозу.

Публикуется впервые. Вар.: БПК, № 56.

№ 77

Добрыня и Настасья Микулична

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, ед. хр. 40, л. 9971—9972; рукопись карандашом.

Зап. В. Кузиным, А. Михеевым, С. Ожеговой, В. Ивлевой: 13 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

Схематический пересказ былины о женитьбе Добрыни.

Публикуется впервые.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

(№ 78—163)

На Пудоге записано свыше 80 вариантов этой былины — больше, чем в любом другом регионе России; уже во времена Рыбникова и Гильфердинга она прочно занимала первое место в эпическом репертуаре местных сказителей. На протяжении последнего столетия здесь параллельно бытовало несколько редакций сюжета. Наряду с оригинальными мотивами и формулами, характерными для той или иной конкретной модификации былины, в них обнаруживаются и общие для всего Пудожского края элементы, и близкие параллели к текстам из соседних районов. Диахронический анализ пудожских записей «Добрыни и Алёши» и их сопоставление с заонежскими и кенозерско-каргопольскими материалами подтверждает диалектическую природу былинной традиции, соединение в ней разных по характеру тенденций — «очаговое» сохранение архаичных элементов, развитие и углубление локально обособленных процессов, «проникающее излучение» соседних традиций, следы которого заметнее всего в приграничных зонах повышенной контактности (Пудожский берег, Водлозеро, Корбозеро, Колодозеро).

Лучшие пудожские варианты «Добрыни и Алёши» отличаются сложной композицией, в них подробно разрабатываются факультативные эпизоды, эскизно намеченные или вообще отсутствующие в былинах из соседних регионов. Основной конфликт произведения (соперничество крестовых братьев из-за Настасьи) нередко осложняется дополнительными конфликтами, что приводит к появлению нескольких повествовательных «пиков», волнообразному нарастанию драматизма. Не удовлетворяясь простой констатацией отлучки Добрыни (уезжает «в дорожку дальнюю», «поляковать», собирать «дани-выходы»), многие певцы подробно рассказывают о его приключениях, детально описывают битву с «силой неверной» (Н. Прохоров, Г. Якушев и др. — № 82, 93), поединок с вражеским богатырем (П. Антонов — № 79), с невежей (В. Суханов — № 85), игру в шахматы с заморским королем (И. Фофанов — № 118, 119). Практически во всех текстах хорошей сохранности один из ключевых эпизодов — возвращение Добрыни из поездки. Мать не сразу узнает сына в приехавшем «из чиста поля» всаднике — запыленном, обветренном, одетым в потертое платье или звериные шкуры. Она гонит его прочь, обзывая «голью кабацкой», «подпориной бурлацкой», «невежей», «нахалом» и даже «Идолищем поганым». В лучших вариантах почти всех пудожских редакций далее следует такой диалог: мать Добрыни отказывается признать в путнике своего сына («Не такой Добрынюшка отпущен был» — «его личико было белое, платьице на нем цветное, сапожки на ножках сафьяныи...»). Добрыня объясняет, что за годы странствий «сапожки о стремена вытерло, цветное платьице сдёржано, ⟨...⟩личико жарамы зажарило». Часто в разговоре фигурируют «платьица лосиные, звериные», заменившие в походе «платье цветное». Узнавание Добрыни по особым приметам — обязательная деталь почти всех пудожских текстов. Чаще всего мать узнает сына по его «родимой знадебке», «переложинке» на голове и т. п., иногда — по именному перстню и кресту.

В подавляющем большинстве текстов Алёша сватается к Настасье «не по-доброму», находя полную поддержку у князя Владимира. Жених или помогающий ему князь предупреждают Настасью: «Ты добром не идешь — так мы силом возьмем». Некоторые сказители конкретизируют эту угрозу, добиваясь еще большего обострения ситуации: «...отдадим во землю Литовскую за мурзу-татарина» (А. Сорокин), «срубим голову» (Ф. Конашков), «постригу во старицы» (Г. Амосов). Поэтому неудивительно, что в финале былины Добрыня часто не ограничивается словесной отповедью Алёше Поповичу, а избивает его плетью (дубиной, шалыгой подорожною, «золотым копьем», ремешками от гуслей), хватает за волосы и бросает под лавку, иногда даже убивает своего крестового брата (или опозоренный Алёша уезжает из Киева).

Среди пудожских записей наибольшим своеобразием отличается версия Н. Прохорова,[4] в которой

[4] Название это условно, ибо нет оснований утверждать, что именно Прохорову принадлежит данная обработка сюжета (он мог усвоить ее уже в таком виде).

традиционный сюжет осложнен боем Добрыни с Алёшей. Богатырей разнимает подъехавший из Киева Илья Муромец, он не только мирит их, но и заставляет поменяться нательными крестами. Вскоре названые братья отправляются против татар. Добрыня уничтожает вражеское войско и едет к синему морю «корить языки неверные». Далее события развиваются по традиционной схеме: Алёша возвращается в Киев, сватается к Настасье и пр. Для этой версии характерны некоторые оригинальные или редкие на Пудоге детали: о предстоящей свадьбе Добрыне сообщают голуби; богатырь в это время играет в шахматы, с досады он вдребезги разбивает шахматную доску; на пир Добрыня является в наряде «скорой малой смелой скоморошины»; Алёшу он «чествует» плетью, после чего тот уезжает из Киева.

Особую редакцию составляют водлозерские варианты,[5] отличающиеся ярко выраженной антикняжеской направленностью, а также активной позицией героини. Когда Алёша приносит весть о мнимой смерти Добрыни, Настасья Микулична в резких выражениях обвиняет его во лжи:

Уж ты не был вчера во чистóм поле,
Уж ты ездил где-нибудь с собаками на зáдворках.[6]

Обиженный Алёша просит помощи у Владимира, обещая ему за это верную службу. Используя свою княжескую власть, Владимир угрожает Настасье самыми крутыми мерами:

Сделаем указы мы грозныи,
По первому городу по Киеву,
По дрýгому городу Чернигову,
По трéтьему городу Смолягину:
Не держать бы жон безмужниих,
Не держать удовок беспашпортных.[7]

Посланные князем «стражи немилóсливые» выгоняют вдов из городов; женщины идут с жалобой к матери и жене Добрыни, и Настасья — только из жалости к ним — решается нарушить заповедь мужа. В некоторых вариантах угроза Владимира формулируется по-другому:

Молода Настасьюшка Викулична,
Нейдёшь за Олёшу во замужество,
Я возьму тебя на свой да дом работницей,
На реку да я поставлю портомойницей,
Я во хлев тебя поставлю коровницей.[8]

В заключительной сцене Добрыня укоряет Владимира, напоминая ему о своих заслугах перед Киевом. В одном из вариантов, поколотив Алёшу, он готов расправиться и с князем и воздерживается от этого только потому, что тот «моему-то батюшку крестовый брат» (Т. Суханов).

В водлозерской редакции устойчив такой мотив: богатырский конь Добрыни не ест, не пьет, бьет копытом о сыру землю, часто будит хозяина; тот спрашивает его о причине беспокойства и узнает, что Настасья пошла замуж за Алёшу. Конь-вестник фигурирует также в ряде других пудожских редакций былины. На Кенозере и в Каргополье этот мотив не встречается, а в заонежских былинах редок[9] и передается

[5] Т. Суханов, М. Нигозёркин, И. Захаров, Н. Антонов, П. Сухов, А. Коломаева, А. Митрофанова, А. Ульянова, Ф. Баранова, А. Крехова, Д. Фокина (неполный текст), Д. Подомарева (отрывок).

[6] Вариант Коломаевой. То же в текстах Суханова, Нигозёркина, Панова; несколько видоизменена эта формула у Барановой. В других олонецких записях этот мотив не обнаружен.

[7] Вариант Суханова. То же — в текстах Панова, Нигозёркина и Антонова.

[8] Вариант Коломаевой. То же в былине И. Захарова. Данной формулы, как и предыдущей, нет у других сказителей Онего-Каргопольского края.

[9] П. Калинин, А. Сарафанов, А. Чуков — Гильф., № 5, 107, 149.

иначе: конь спотыкается, Добрыня расспрашивает его и т. д. Для водлозерских текстов характерны две формулы: Добрыня развлекает пирующих гостей игрой на гуслях, сидя «на печи́, печи́ да на печном столби́»; перед сватовством в доме Добрыни «дверь на пятушку отворяется, сын Олёшенька во палатушку пехается». Иногда Алёша после очередного отказа Настасьи выйти за него замуж дает волю рукам:

Побежал Олёша из полатушки,
Ударял Олёша дверью о стену,
Отскоцили тут петелки шелковые,
Пали тут гвоздья да шеломчатые.

(А. Ульянова, то же — у А. Митрофановой).

Другие пудожские модификации данного сюжета не так специфичны, как прохоровская и водлозерская. Отдельную группу составляют варианты уроженцев д. Ченежи А. Сорокина и А. Пантелеева, водлозерки Е. Павловой; с ними по ряду признаков пересекается и текст Н. Антонова, в основном не выходящий за рамки водлозерской редакции сюжета. Сорокин и его земляки оригинально описывают расправу Добрыни с Алёшей, используют близкие по лексическому составу формулы, а также некоторые детали, редко встречающиеся в пудожских записях былины и обычные в Заонежье (подробнее см. коммент. к № 80). Примыкающие к этой редакции варианты Д. Шпагиной с Колодозера (юго-восток Пудожского района) содержат отдельные формулы, свойственные кенозерской традиции (см. коммент. к № 126 наст. тома).

Некоторые тексты, записанные на Корбозере, на Пудожском берегу, в устье Шалы, в районе Нигижмы и на Купецком озере, имеют немало общих элементов с былинами с Кенозера, из Кижей и Повенца; встречаются варианты, которые служат как бы мостиками от одной редакции сюжета к другой. Например, А. Никонова с Пудожского берега поначалу ни в чем не отступает от местной традиции. Добрыня уезжает из дома, обидевшись на свою мать, заявившую, что она его «спородила ⟨...⟩ силой-могутой, красой и ухваткою во Олёшку Поповиця»; князья и бояре, сам князь Владимир поддерживают сватовство Алёши, «сбивая» за него Настасью. Но во второй части текста появляются черты, свойственные заонежским модификациям сюжета и нехарактерные для пудожских: вещий конь Добрыни, чуя недоброе, «подтыкается»; нет сцены узнавания героя матерью, а сам он называет себя крестовым братом ее сына и т. п. Некоторые элементы, типичные для заонежских записей, находим также в былинах А. Тимониной с Купецкого озера, А. Корешковой с Пудожского берега. А старина Е. Коковой с Салмозера явно связана с кенозерской традицией (см. коммент. к № 47 наст. тома). Известным своеобразием отличаются варианты нигижемских сказителей Т. Фешева, М. Зубовой и Ф. Миронкова. В роли вестника выступает слуга Добрыни; князь Владимир вообще не участвует в действии; идя на пир, Добрыня откупается от «придверников-приворотников» золотой казной. А в тексте Н. Сидоровой (она родом из той же Нигижемской волости), кроме того, есть формула «муж, говорят, в лес по дрова, а жена замуж пошла». Все эти мотивы не свойственны пудожским редакциям сюжета и сближают указанные варианты с традицией Заонежья.

На Пудоге зафиксирована также оригинальная редакция сюжета, получившая широкое географическое распространение (от Мошенского озера на востоке до Пилмасозера на западе), бытовавшая на этой территории одновременно с другими модификациями былины и отличавшаяся высокой степенью стабильности (см. коммент. к № 85, 86 наст. тома — В. Суханов).

№ 78

Добрыня в отъезде, Алёша Попович

Рыбн., 1864, № 18.

Зап. неустановленным лицом: Уношский погост Пудожского у. — от Гаврилы Амосова (время записи не указано).

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

В былине Г. Амосова переплетаются элементы пудожской, заонежской и повенецкой традиций. Как и в большинстве пудожских текстов, подробно изображается объяснение неузнанного Добрыни с матерью, и хотя мотив узнавания по особым приметам отсутствует, исполнитель поддерживает драматизм повествования с помощью троекратного повторения (ст. 126—146). Предельно обострена ситуация и в картине сватовства: в нем участвует князь Владимир, угрожающий несговорчивой Настасье насильственным пострижением в монахини (ст. 96—100; ср. варианты К. Ремизовой — № 150, 151). Согласие Настасьи на брак мотивируется психологическими причинами («во старицы идти не хочется»). В типовой для всего Прионежья жалобе Добрыни на свою участь и ответе его матери использованы те же детали и имена собственные, что и в вариантах Сорокина, Фешева и их преемников. Мотив одаривания детей калачами (герой не хочет, чтобы о его семейной драме болтали на улицах) известен также Конашкову (№ 64, ст. 185—190), А. Аникиной (№ 100, ст. 77—80), Е. Журавлевой (№ 125, ст. 156—161). В то же время весть о предстоящей свадьбе богатырю приносят голуби, что роднит комментируемый текст с рядом былин из Кижей и пудожско-повенецкого побережья Онежского озера. Упоминание о «самопросватаньи» Настасьи в ст. 102 — очевидный перенос из старины о Соловье Будимировиче (ср. аналогичную формулу у кижанина Романова — Рыбн., № 41, ст. 85). В другой былине этого сказителя находим параллель к необычному словосочетанию «счастками-богатством» (ст. 17 у Амосова, ст. 9 у Романова — Гильф., № 93). Амосов дважды использует сказочную формулу: «скоро скажется, *тихо деется*» (ст. 56, 78), которая часто встречается у сказителей из Кижей (мать и сыновья Суриковы, Семенов, Пашкова и др. — Гильф., № 139, ст. 73 и др.). На Пудоге и в Каргополье ее оформляют по-иному: «Скоро скажется, да *по успеху дело делается*» (*исправляется*) (см.: Рыбн., № 137, ст. 131; № 197, ст. 109 и др.). Близкую параллель к комментируемому варианту находим лишь у Савинова (Рыбн., № 170, ст. 58). Некоторые особенности былины Амосова правомерно связать с индивидуальными новациями сказителя. В тексте отсутствует запрет Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича; но вряд ли это связано с разрушением текста: Добрыня в финальной сцене не предъявляет своей жене никаких претензий, ибо она ни в чем не отступила от его наказа. Образ редкой художественной силы найден для характеристики матери Добрыни. Отвечая на его жалобу, она говорит: «Видно ты, чадо мое милое, Зародился ты в ту звезду, В ту минуту бессчастную, не в таланную» (ст. 21—23). Неясен смысл эпитета «гуселки створчатые» (ст. 159, 179). В былине «Гость Терентище» певец использовал традиционное словосочетание «гуселышка яровчаты» (Рыбн., № 156, ст. 92). В тексте ощущается тенденция к модернизации былинной лексики («дворянское подворьице» — ст. 127, «круг молодецкий» — ст. 184).

№ 79

Добрыня в отъезде, Алёша Попович

Рыбн., 1864, № 17.

Зап. неустановленным лицом: д. Гагарская (Гагарка) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у. — от крестьянина этой деревни Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), ок. 70 лет (ок. 1801 г. р.) (время записи не указано).

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Одна из былин П. Антонова, в которой особенно ярко проявились его склонность к сочинительству, механическому перенесению мотивов и образов из других эпических песен, стилистическая небрежность. От традиционного сюжета остались только опорные элементы, обязательные в любом варианте (отъезд Добрыни, сватовство Алёши, восстановление супружеских прав героя). В былине не развернута сцена сватовства к Настасье (из текста даже не ясно, что она в конце концов согласилась на брак с Алёшей). Отсутствует драматичное объяснение неузнанного богатыря с матерью, почти обязательное для любого пудожского варианта; нет ни игры Добрыни на гуслях (хотя он и берет их с собой), ни узнавания героя Настасьей по обручальному кольцу. Как и многие другие сказители XX в., Антонов осложнил традиционный сюжет рассказом о приключениях Добрыни во время многолетней отлучки, использовав для этого сцену боя Ильи Муромца с сыном. Выше (в преамбуле) отмечено, что выбор этот крайне неудачен: в былину, воспевающую супружескую верность, вводится рассказ о встрече героя с сыном от другой женщины. В стилистическом плане текст тоже далек от совершенства: в нем невысок удельный вес традиционных эпических формул. Многословие певца, его пристрастие к глагольным рифмам (ст. 57—59, 60—63, 127—132 и др.) создают монотонность. Обильны словосочетания, чуждые фольклорному лексикону («сном обременяется», «на коня воссаждается», «веселым духом да ободряется», «много народу умножается» и т. п.). Ничем не мотивировано чудесное спасение Добрыни от смертельной опасности (ст. 205—206 — «вострая сабля белой шеи не забрала»). Необычна и развязка: разгневанный Добрыня убивает Алёшу Поповича. Одна из немногочисленных удачных новаций Антонова — оригинальная трактовка традиционного для Обонежья эпизода с голубями-вестниками (отговаривая голубя от полета в Москву, голубка ссылается на печальный пример покинувшего дом Добрыни, жена которого «ныне во замуж пошла»). В описании ночевки богатыря в чистом поле использована редкая деталь — Добрыня привязывает коня к воткнутому в землю копью. Ср. былины колодозерских певцов (Т. Романова — Рыбн., № 144, ст. 89—90; колодозерского старика — Рыбн., № 167, ст. 71—72); кижских сказителей (Т. Рябинина — Гильф., № 80, ст. 359—361; П. Семенова — С.—Ч., № 108, ст. 335—336). Ср. также текст из сборника Кирши Данилова (КД, № 11, ст. 242—243).

№ 80

О Добрыне Никитиче

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 203, л. 40—47 (п. з.). Опубл.: Рыбн., 1862, № 7.

Запись на листах желтоватой бумаги большого формата (1/2 листа). В верхней части первого листа приписка карандашом П. Н. Рыбникова (зачеркнута чернилами редактором П. А. Бессоновым): «Пудожского уезда Филимоновской волости от сумозерского крестьянина Андрея Сорокина. Запись 1861 г.». По всему тексту два вида правки: карандашом и чернилами. Первая — принадлежит П. Н. Рыбникову, выслушавшему текст, ранее записанный по его поручению, вторая — П. А. Бессонову.

Зап. неустановленным лицом: лето 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (ок. 1828 г. р.); запись сверена П. Н. Рыбниковым при прослушивании текста летом 1861 г.

Разночтения Рыбн., № 7

Ст. 21 *Тугарина*, в ркп *Тугана, ри* вставлено карандашом; ст. 34 *черкасское*, в ркп *черкатское*: с вписано карандашом; ст. 43—44 *Красно золото не мидиет, Чисто серебро не зелизиет*, в ркп *Золото не мидиет, Серебро не зелизиет, красно, чисто* вписаны карандашом; ст. 204 (*сенаторов*), в ркп без

скобок; ст. 222 *незгодушку*, в ркп *несгодушку*; ст. 240—241 в ркп в одну строку; ст. 378 *княгина*, в ркп *княжна*; ст. 412—413 *Взял бы я тебя, Олёшу, правой рукой, Правой рукой за желты кудри*, в ркп один стих *Взял бы я тебя, Олёшу, правой рукой за желты кудри* — повтор введен в текст чернилами, очевидно редактором; такая же правка: ст. 432 (433—434), *Более Добрынюшка не стал да выезжать, Выезжать во чисто поле*, в ркп *Более Добрынюшка не стал да выезжать во чисто поле*. За счет двух этих вставок былина имела 437 стихов в опубликованном варианте, хотя в ркп — 435 стихов.

Один из самых полных пудожских вариантов «Добрыни и Алёши» наряду с обычными для местной традиции элементами содержит немало оригинальных деталей и формул. В такой же обработке былину знал земляк сказителя Пантелеев (№ 90). Извод А. Сорокина оказал определенное влияние на ряд водлозерских текстов (Н. Антонов, Е. Павлова — № 102, 103). Некоторые общие особенности роднят комментируемый вариант с былинами Т. Фешева и других сказителей из Нигижемской волости (Т. Фешев, М. Зубова, Ф. Миронков, М. Шимкова — № 89, 133, 136, 146).

К приметам пудожской эпической традиции можно отнести развернутый диалог Добрыни с матерью и узнавание героя по «родимой знадебке»; подчеркнуто негативное изображение действий Алёши Поповича и поддерживающего его «немирное» сватовство князя Владимира; сообщение коня о готовящейся в Киеве свадьбе. Нестандартными подробностями насыщена жалоба Добрыни на свою участь и ответ его матери. Ст. 5—6 — цитата из лирической песни, известной по средневековой «Повести о Горе-Злочастии». В перечислении идеальных качеств, которыми мать хотела бы наделить своего сына при рождении, использованы имена Алёши Поповича, Потыка Михайла Ивановича, Чурилы Пленкова (последний упомянут в былине Сорокина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — Рыбн., № 127, ст. 496); Осипа Прекрасного (духовный стих об Иосифе Прекрасном). Самым искусным лучником назван «Тугарин Змиевич Заморский». Примечательно, что эпические песни об этих героях от сказителя не записаны. Гидроним «река Сорога» (ст. 209), видимо, перенесен из редкой былины «Чурила и князь»: он популярен на Кенозере и однажды зафиксирован на юго-востоке Пудоги (колодозерский старик — Рыбн., № 168, ст. 3 и др.). Известно было Сорокину имя «Дуная Дунаевича» (ст. 424), хотя сообщение о его удачной женитьбе не соответствует содержанию былины об этом герое. Ст. 368—369 — перенесение из исторических песен о Платове. Многочисленные отзвуки других эпических песен позволяют полагать, что Рыбников и Гильфердинг, возможно, не исчерпали репертуар сумозерского певца.

Отступая от типовой сюжетной схемы, Сорокин подчеркивает, что Алёша всего за неделю до возвращения Добрыни виделся с ним и побратался (ст. 312—315; ср. варианты Фешева, Пантелеева, Голованова — № 89, 90, 101). Отказывая Алёше, «Наталья Микулична» сообщает о запрете выходить за него замуж. Необычное имя героини (Наталья) находим только в былине Пантелеева, во всех других вариантах, генетически связанных со стариной сумозерского певца, жена Добрыни названа Настасьей (ср. аналогичное восстановление традиционного имени в былинах преемников Н. Прохорова — Якушева и Фофанова — № 93, 118). Оригинально описание расправы с Алёшей Поповичем («Кинул Олёшу да под лавицу. Алёшенька с-под лавицы да выговаривает...»), как и указание на то, что опозоренный жених «пошел на чужую дальную сторону» (ср. версию Прохорова — № 82). Формула «У женщины волос-то долог, да ум-то короток» (ст. 398) восточнее Сумозера собирателями не зафиксирована. Некоторые традиционные для Прионежья поэтические образы и формулы роднят текст Сорокина с вариантами Митрофановой и Ульяновой с Водлозера (№ 135, 142). Ряд лексических схождений с былинами Пантелеева, Фешева, Н. Антонова и Павловой отмечен в комментариях к соответствующим текстам.

№ 81

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 114—118 об. (л. 131—135 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 23, стб. 131—138.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, пометки на полях и вставки сделаны карандашом, дописи и пунктуация — чернилами. Над текстом зачеркнуто «Ю». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 23 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 23 июля 1871 г., д. Костино Песчанской волости — от Федора Александровича Корсакова, 26 лет.

Разночтения Гильф., № 23

Ст. 40 начинался: *Он садился да на своего...*; ст. 71 испр. из: Стал же Олёшенька же королевский похаживать, по-видимому, пропущено *сын*; ст. 72 испр. из: *с ним-то князь*; ст. 81 испр. из: *Ай потом я за тебя женой*; ст. 84 *времень* вм. *времечко*, как в ст. 67; ст. 105 испр. из: *А не спрашивать ни роду его*; ст. 153 испр. из: *Ай наказывал по мне Добрынюшка Никитинич*; ст. 177 *А в Киев-град* зачеркнуто; ст. 181 испр. из: *К широким-то воротам он, ко крепости*; ст. 194 в слове *скачнаго* ч подчеркнуто; после ст. 213 *Ай успехи* зачеркнуто; ст. 242 испр. из: *И взял по́ложил тут Добрынюшка*; ст. 244 испр. из: *А которым-то с ней*; ст. 259 *Ты возьму-ко* описка; после ст. 281 *Ты названень⟨кий⟩* зачеркнуто.

В ст. 18 к слову *крушатыя* справа рядом помета собирателя: «sic»; в ст. 21 *не рунил бы* пояснение: «не ронил бы»; ст. 140—152 первоначально пропущены, вставка с этими стихами на л. 116 об. обведена карандашом, а справа после ст. 139 на полях помета: «Вставить, что отмечено ниже знаком F»; в ст. 290 пояснение собирателя: «*туда-ка* в значении: туто-ка». Этот стих первоначально следовал за ст. 286 и помечен к перестановке.

Обычный для прионежской традиции вариант. Некоторые нестандартные детали роднят его с записями из соседних регионов. Князь Владимир не только деятельно участвует в сватовстве Алёши Поповича к Настасье, но и запрещает упоминать имя Добрыни, принимает меры к тому, чтобы он не появился на свадебном пиру. Мать героя именует неузнанного сына «подпориной кабацкой» — ср. варианты пудожан Е. Павловой, И. Фофанова, № 102, 118. Жена узнает мужа по игре на гуслях; этот мотив включен в тексты пудожан В. Суханова, П. Филимоновой, В. Михеевой (№ 85, 97; КФАН, кол. 21, № 189), Н. Богдановой-Зиновьевой из Кижей (С.—Ч., № 150), А. Ястребовой с Повенецкого побережья (Аст. 2, № 129), ряда других сказителей. Добрыня «охаживает» незадачливого жениха гуслями — ср. кижские и повенецкие записи (Аст. 2, № 109, 129 и др.). Формула «Муж по дрова, жена замуж пошла» встречается в старинах А. Чукова из соседней Пудожгорской волости (Гильф., № 149), пудожанок Н. Сидоровой и Андреевой (№ 129, 154), некоторых кижских певцов (Гильф., № 168). Как и А. Чуков в былине о Дюке (Гильф., № 148, ст. 155), Корсаков использует редкий в эпических песнях глагол «рунить» (ронять, бросать): «Не рунил бы я Добрынюшка тут горьких слез». Традиционная для Прионежья сюжетная схема былины упрощена. Сватовству Алёши Поповича не сопутствуют ложные вести о смерти Добрыни. Очевидным признаком угасания традиции является путаница в именах собственных и социальном статусе эпических героев. Князь Владимир правит «во городе во Муроме, в селе да Качегарове» (неточный перенос из былин об Илье Муромце); Алёша Попович, как и в тексте П. Ярышевой (№ 145), назван «королевским сыном» (ст. 71 и др.). Корсаков иногда выходит за рамки традиционного эпического лексикона, в основном используя те же словосочетания, что и в былине «Илья Муромец и Идолище» (ср. Гильф., № 22): «храбрый воин», «копье длинное», «латы богатырския».

№ 82

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 209—216 (л. 226—233). Опубл.: Гильф., 1873, № 49, стб. 233—236.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнута фита, знак сказителя. На обороте последнего листа данного текста черновая помета: «θ. Добрыня и Олеша. Марнаволок, 27 июля», под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 27 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 27 июля 1871 г., д. Марнаволок Купецкой волости — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой волости, 51 года (ок. 1820 г. р.).

Примечание собирателя к ст. 142 — 143 на полях около слова «на зень»: «так п⟨ел⟩».

Вариант Н. Прохорова интересен уникальной для русского эпоса контаминацией сюжетов «Бой Добрыни с Дунаем» и «Добрыня и Алёша». В первом сюжете Дунай заменен Алёшей Поповичем, благодаря чему поединок богатырей воспринимается как их соперничество из-за женщины. Традиционное повествование осложнено также развернутым описанием встречи героя с вещим вороном, сражения с татарским войском и кратким упоминанием об игре «в доски во шахматныи». Именно в такой обработке, с бóльшими или меньшими отклонениями от прототекста, былина записана от ряда преемников Прохорова, живших на Купецком озере и в его окрестностях (Г. Якушев, А. Захаров, С. Башкиров, И. Фофанов, И. Павков — № 93, 94, 99, 118, 140 и отдаленно перекликающийся с ними вариант Д. Ефимова — КФАН, кол. 4, № 55). Узкая локализация вариантов, отсутствие записей былины о бое Добрыни с Дунаем из западных регионов Русского Севера подтверждают предположение Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого о том, что данная версия сюжета сложилась сравнительно поздно (ДиА, с. 421—422); ее создателем был либо Н. Прохоров, либо его непосредственный предшественник. О недолгом бытовании и связанной с этим недостаточной отшлифованностью произведения косвенно свидетельствует нехарактерное для «Утицы» обилие перенесений из других эпических песен (ст. 3—40, 261—294, 395—402, 409—414), отдельные неточности и логические неувязки. Из текста не ясно, какие «три чудушка три чудных» имеет в виду вещий ворон (только первое — «белы́м-бело» — можно связать с «шатром белополотняным»), для чего Алёше понадобилось пересаживаться на Добрынина коня, с кем герой играет в шахматы.

Характерная особенность версии Прохорова — последовательное снижение образа Алёши Поповича, намеченное уже в первом эпизоде и выдержанное вплоть до финала произведения. В отличие от былины «Бой Добрыни с Дунаем», где соперники находятся в равном положении и оказываются достойными друг друга бойцами, здесь Алёша пытается использовать фактор внезапности — нападает на полуодетого противника, бьется сидя на коне, а «Добрынюшка поскакиват пехотою». Неблаговидная для богатыря роль стороннего наблюдателя отведена Алёше и в битве с татарами — он не только не приходит на помощь Добрыне, но и сознательно распускает слухи о его смерти. Поэтому сложно согласиться с утверждением В. И. Чичерова, что «в устанавливающейся пудожской традиции от образа Алёши отделялась обдуманная ложь, коварный обман» (С.—Ч., с. 58). Негативным отношением к Алёше Поповичу, видимо, объясняется ослабление антикняжеских тенденций — князь Владимир хотя и поддерживает своим авторитетом сватовство Алёши (ст. 250), но не угрожает Настасье крутыми мерами, как в других пудожских редакциях сюжета. «Своеобразна концовка былины: Алёша Попович от стыда уезжает, видимо, навсегда из Киева. Подобную же концовку (ст. 484—486), помимо трех исполнителей с Купецкого озера, знали П. С. Семенов из Кижской волости и А. П. Сорокин с Сумозера (Пудога)» (ДиА, с. 422). Обращает на себя внимание необычная для русских былин, но исторически достоверная деталь — Добрыня отправляется «корить ⟨...⟩ язы́ки всё неверные, а прибавлять земельки святорусскии» (ст. 229—230). Эта формула использована сказителем и в «Михаиле Потыке» (см.: Гильф., № 52, ст. 8—9 и др.), ее усвоил от Прохорова

63 Зак. 3948

Г. Якушев (см. № 93, ст. 196—197). Встречается она также в былинах колодозерского старика (Рыбн., № 166, ст. 25—26) и все того же Семенова из Кижей (С.—Ч., № 106, ст. 46—47).

Большинство других мотивов и формул комментируемого текста обычны для местной традиции. В былине нет ряда оригинальных деталей, имеющихся у Якушева, но, поскольку они обнаруживаются и в варианте Фофанова (см. коммент. к № 118), правомерно полагать, что «Утица» не придерживался затверженного текста, позволяя себе варьировать отдельные штрихи при каждом новом исполнении. Но показательно, что ни один из преемников Прохорова не сохранил ошибочного имени жены Добрыни (Василиста Микулична) — живая традиция сыграла роль своеобразного контролера и «восстановила в правах» Настасью Микуличну.

№ 83

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 295—303 (л. 312—320). Опубл.: Гильф., 1873, № 65, стб. 347—358.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи, а также помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. III, 17)», сделаны карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева вверху, над текстом перечеркнуто число 34. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 31 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 31 июля 1871 г., г. Пудож — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста, Филимоновской вол., Пудожского у., ок. 70 лет (ок. 1801 г. р.).

Разночтения Гильф., № 65

Ст. 3 испр. из: *Честныи вси тут*; ст. 73 *коням* зачеркнуто; ст. 75 *то* вписано над зачеркнутым *тут*; ст. 77 испр. из: *От чары выпить*.

Ст. 413—421 сначала были пропущены певцом.

При повторном исполнении П. Антонов в основном сохранил сюжетную канву первоначального варианта (пропущены лишь некоторые постоянные формулы — седлание коня, отъезд из дома, богатырская скачка), дополнив ее целым рядом традиционных эпизодов и вставками собственного сочинения. Изменено имя матери героя («Мамельфа Тимофеевна» на «Офимью Александровну», обе формы обычны для Прионежъя). Былина открывается рассказом о женитьбе Добрыни (ст. 1—16); импровизационность «пролога» очевидна. Восстановлены пропущенные при первом исполнении эпизоды: игра Добрыни на гуслях; узнавание его по обручальному кольцу; распускаемые Алёшей слухи о мнимой гибели названого брата. Еще нагляднее оказалось заимствование вставных эпизодов, включая бой с иноземным богатырем (поединок Добрыни с «королем Земли Бухарскии»), а также введенных в повествование деталей и формул, типичных для сюжета «Илья Муромец и Сокольник» (ст. 113—120, 122—124, 302, 327—329, 342—344, 359—361). Механический характер заимствований подчеркнут тем, что некоторые описания в них дублируются почти без изменений (ср. ст. 174—176 и 273—275, 197—204 и 279—285). Видимо, под влиянием описания богатырской заставы в «Илье и Сокольнике» сказитель ввел в былину Михайла Потыка, который довольно часто выступает в роли статиста, оттеняя своим нерешительным поведением мужество и силу главного героя. Изменения сделали старину Антонова более стройной по композиции, приблизили ее к традиционным образцам. Заметно сократились отклонения от нормативного эпического стиля, глагольные рифмы и несвойственная былинам лексика. Однако певец так и не избавился от «некоторой витиеватости выражений, доходящей иногда до прямой курьезности» (Рыбн. II, с. 402): «сидит на кони воин главный», «я это-

го бога́тыря весьма боюсь», «история-речь тым кончается». Не снято и внутреннее противоречие между эпизодами, относящимися к разным сюжетам: Добрыня передает матери бухарского короля «колечко подзолоченное» (надо полагать, обручальное), а в Киеве опускает в чару с вином «перстень именитыя» («именной»).

№ 84

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 900—906 + 1 чистый лист (л. 384—391). Опубл.: Гильф., 1873, № 217, стб. 1024—1031.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом зачеркнуто число 38. На обороте чистого листа помета: «№ 38. Добрыня и Алёша. То же перепето при обратном переезде старичка на Кенозеро (но он не кенозерский). 6 августа, Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Матвея Федоровича Нигозёркина, крестьянина д. Чуялы на Водлозере, более 40 лет (ок. 1830 г. р.).

Разночтения Гильф., № 217

Ст. 3 начинался с *А*; ст. 10, 12 начинались с *Ай*; ст. 40 *Ен садился, Добрынюшка Микитинич* зачеркнуто; в ст. 53 соединены два стиха; после ст. 320 *Ай увидла старуха старо-матерша, Услыхала старуха старо матушка* зачеркнуто.

Ст. 30—31 сначала шли за ст. 32 и помечены цифрами к перестановке; после ст. 43 отчеркнуто другими чернилами и роспись наборщика; к ст. 73 *Палицу булатню-ту в кольцо кладал* примечание собирателя: «Редкая деталь в описании богатырских доспехов»; в ст. 184 к словам *с земли с Датскии* на полях помета: «sic»; к ст. 200, где появляется некий «добрый молодец», на полях примечание собирателя: «Неизвестно кто, так слышал от „петаря"».

Исполнитель утверждал, что эту старину, как и две другие, он усвоил за год до встречи с А. Ф. Гильфердингом от «старика, проезжавшего из-за Кенозера через его деревню и два раза проведшего ночь в его избе, до этого времени былин не знал и не слыхал» (Гильф. III, с. 127). Однако данные текстологического анализа свидетельствуют о том, что по крайней мере две эпические песни из трех («Добрыня и Алёша» и «Дюк» — см.: Гильф., № 218) имеют местные, пудожские корни. Комментируемый вариант содержит почти все основные элементы оригинальной водлозерской редакции сюжета, не зафиксированной за пределами Водлозера: решительное противодействие Настасьи сватовству, оскорбительные отзывы об Алёше («вор», «ходил с собаками на задворках» — ст. 133—135); грозные «указы государевы» «не держать удовок в Киеве» — ст. 159—160, упоминание печного столба, на котором сидит Добрыня. И лишь драматичный эпизод узнавания героя матерью в данном тексте отсутствует. Заменил певец и имя Добрыниной матери — «Елена Тимофеевна» вместо «Мамельфы» или «Намельфы» (Т. Суханов, С. Панов). У Нигозёркина обнаруживаются близкие параллели и к другим, в том числе сравнительно редким, мотивам из былин его земляков. Отъезд богатыря мотивируется княжеским заданием собирать «дани-пошлины» в «Земле Датской» (то же у А. Коломаевой — № 108); у И. Захарова — «в Золотой Орды», у Т. Суханова — «в Индеи богатыи» (см. № 85, 87). У «печна столба» сидит не только Добрыня, но и его мать (ср. вариант Панова — № 88); по мнению участников свадебного пира, незнакомый, «гусельщичок» играет не хуже Добрыни (ст. 297—304, ср. вариант И. Захарова). Отчество Настасьи, как в былинах Панова и Коломаевой, «Викулична». Как и Суханов, Нигозёркин считает, что Илье Муромцу (почему-то еще и Чуриле) «удаваласе женидьба». Оригинальная и весьма выразительная деталь в описании расправы

с Алёшей («Как под ла́вицей Алёша выговаривал») роднит комментируемый вариант с былиной Сорокина (№ 80). Следы возможных контактов Нигозёркина с этим сказителем отчетливо просматриваются и в «Дюке». Еще одним аргументом в пользу местного происхождения данного текста может служить формула быстротекущего времени (ст. 111—112), не фиксировавшаяся собирателями к востоку от Прионежья (в том числе и «за Кенозером»).

Исполнительское мастерство Нигозёркина заслуживает самой высокой оценки: былина отличается композиционной стройностью, а постоянные формулы — высокой степенью стабильности (ср., например, ст. 37—76, 103—110 в комментируемом тексте и ст. 31—66, 67—74 в «Дюке»); богат и архаичен по составу набор постоянных эпитетов; сказитель прекрасно владеет эпическим стихом. В то же время ощущается его пристрастие к новой лексике («указы государевы», «вельможи», «сбруя лыцарска», «степи саратовские» — видимо, заимствование из исторических, или солдатских песен).

№ 85

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 849—856 (л. 329—336). Опубл.: Гильф., 1873, № 206, стб. 965—974.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Над текстом зачеркнуто число 37. Справа помета наборщика: «Табунов». Страницы местами залиты чернилами. Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ на Водлозере, 6 августа». На обороте листа: «№ 37. Добрыня. 6 августа. Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Трофима Ивановича Суханова, крестьянина д. Охтом-остров на Водлозере, 70 лет.

Разночтения Гильф., № 206

Ст. 138 *запылается а* подчеркнуто; ст. 338 *немнощечко ш* подчеркнуто.

Ст. 150—154 отчеркнуты чернилами и помечены буквами: А—Б; в ст. 172—176 записаны только первые слова, на пустом месте помета собирателя: «Повторить, что отчеркнуто выше от А до Б»; к ст. 55 пояснение певца: «Она была поляница, сидела на пиру»; в ст. 58 к слову *успехов* пояснения собирателя: «т. е. доспехов»; в ст. 88 к слову *откаивать* на полях пояснение собирателя: «отковывать»; в ст. 146 к слову *кошельницы* на полях пояснение собирателя: «нищие»; к ст. 177 на полях зачеркнуто пояснение певца: «Она была поляница, сама дольше его могла ездить, поэтому так выраж⟨ается⟩»; к ст. 190 на полях зачеркнуто пояснение певца: «А прежде было: богатырь должен был защищать сам себя наместо князя»; к ст. 251 пояснение собирателя: «*шах* — шаг»; к ст. 412 справа на полях пояснение: «Владимир»; к ст. 420 на полях пояснение: «т. е. дубина».

Своеобразие данного варианта в том, что вначале у Добрыни нет ни коня, ни сбруи, ни богатырских доспехов. Описание «добра коня богатырского», привязанного в глубоком погребе на двенадцать серебряных цепей и двенадцать шелковых поводов, близко к сказочному. Конь — вещий, говорит человеческим голосом. Весть о мнимой смерти Добрыни приносят его матери старухи-кошельницы, а не Алёша Попович (то же и в варианте И. Г. Захарова). Возвратившись домой, Добрыня сразу называет себя матери. Отправляясь на свадьбу к Алёше, он берет с собой «во правой корман, во левой корман напиток подорожныих».

Текст содержит почти все специфические детали и формулы водлозерской редакции сюжета; описания и характеристики у Т. Суханова обстоятельнее и точнее, нежели в близком по композиции и стилю ва-

рианте Захарова (см. № 87). Сказитель включил в былину сравнительно редкую на Водлозере жалобу Добрыни на свою участь (ст. 32—49); Алёша Попович «продублировал» распускаемые «старухами-кошельницами» слухи о гибели героя (ст. 170—176). Стандартное описание мертвого тела дополнено упоминанием гнезда, которое свили в его кудрях «малолесны птички». Неудивительно, что и по объему комментируемый вариант в два с лишним раза превосходит захаровский. Оригинально описание немирного сватовства Алёши (ст. 182—223); угрозы князя Владимира расправиться не только с несговорчивой Настасьей, но и со всеми «жонами безмужними». В свое время А. Ф. Гильфердинг очень резко отозвался о подобных новациях сказителей, считая их поздними по времени вставками, неуместными в эпических песнях и навеянных, по мнению собирателя, насильственным разгоном женских раскольничьих скитов в Данилове и Лексе (Гильф. I, с. 59). Несмотря на очевидную модернизацию лексики и возможную связь с реальными преследованиями по религиозным мотивам, само по себе желание князя «не держать бы жон безмужниих» весьма архаично и определяется извечным стремлением людей к продолжению рода. Устойчивость этого эпизода не только на Водлозере, но и в ряде других районов Пудоги — косвенное свидетельство его традиционности.

Суханов использовал ряд выразительных деталей, редких или вообще отсутствующих в других пудожских записях былины. Отъезд богатыря мотивируется необходимостью «выправить» дани-выходы «во тыи Индеи богатыи», причем Илья Муромец и Добрыня бросают жребий — герою выпадает «несчастныя жеребей». Мать узнает сына по «кресту благословенному»; Добрыня, вернувшись в Киев, настроен решительно и не просто расталкивает или избивает, но убивает не пускающих его на свадебный пир «стражéй немилóсливых» (ст. 331—333). Формула расправы с Алёшей (ст. 403—404) перекликается с кенозерской и повенецкой традициями, в частности с текстами А. Чукова и П. Калинина (№ 164; Гильф., № 149). Упоминание о богатырском коне, служившем «батюшку и дедушку» (ст. 80—87) сходно с аналогичным мотивом в былинах о Добрыне и Змее пудожгорских сказителей П. Калинина и А. Чукова (№ 164; Гильф., № 148); мотив продолжения подвигов отца есть и в варианте П. Антонова (№ 40). Нетрадиционны в былине Суханова только упоминание об удачной женитьбе «старого казака Ильи Муромца» (ст. 424) и позаимствованная из волшебных сказок формула (ст. 358—362).

Комментируемый текст выдержан в традициях классического стиля, повествование ведется эпически размеренно, с использованием детализированных описаний, повторов разных типов (см. ст. 45—49, 88—111, 280—286 и др.).

№ 86

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 892—897 (л. 375—380). Опубл.: Гильф., 1873, № 215, стб. 1015—1022.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты три сокращения и проставлена пунктуация. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ на Водлозере, 7 августа». На обороте листа помета: «№ 40. Добрыня и Алёша. 7 августа, Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., Водлозеро — от Василия Алексеевича Суханова, крестьянина-столяра из д. Пилмас-остров на Водлозере.

Разночтения Гильф., № 215

Ст. 75 испр. из: *А я топереча*; после ст. 127 *Клонятся да* зачеркнуто; ст. 209 испр. из: *А белая лебёдушка*; ст. 236 испр. из: *Уж во струночку*.

Ст. 183—186 отчеркнуты собирателем, чернилами помечены А—Б; в ст. 215—218 записаны начальные слова на пустом месте чернилами: «Повторить, что выше от А до Б»; в ст. 8 к словам: *Под Невы́м-градом* на полях помета: «sic»; в ст. 19 к слову *поляниц* на полях пояснение собирателя: «женщины-богатырицы были досель»; в ст. 31 к слову *греч-от* на полях помета: «sic, сам не знает что»; ниже (ст. 160) слово *греч-от* записано иначе: *гречет* (скорее всего, хищная птица кречет); в ст. 33 к слову *не миленькие* пояснения собирателя: «т. е. меленькие, мелкие — особенность местного произношения»; в ст. 47 к слову *рыбчатую* на полях помета: «sic»; в ст. 64 к словосочетанию *большом-угла* на полях помета: «sic»; в ст. 96 к слову *похавный* на полях пояснение певца: «поступками нехороший человек».

Единственный пудожский вариант «Добрыни и Алёши», устное заимствование которого из соседнего региона подтверждается данными текстологического анализа. По словам исполнителя, он «выучился былинам от слепого старика из деревни Волковой Быковской волости в Каргопольском уезде» (Гильф. III, с. 117). Оригинальная редакция сюжета, к которой относится текст В. Суханова, зафиксирована на большой территории — от Пильмасозера на западе (неподалеку от Водлозера) до д. Орьма на востоке (в районе Мошенского озера). Для нее характерна поразительная стабильность вариантов — разделенные во времени и пространстве, они практически не испытали воздействия других модификаций былины, бытовавших в тех же регионах. Все важнейшие элементы этой редакции обнаруживаются и в былине пудожского сказителя. Открывается она развернутым описанием Волги-реки (ст. 1—13), выполняющим функции запева; в других севернорусских обработках «Добрыни и Алёши» запев не встречается. Добрыня уезжает из дома на заставу — сражаться с «невежей». О его мнимой гибели Алёша сообщает князю Владимиру, склоняя его к участию в сватовстве (к «Катерине Викуличне»). О готовящейся в Киеве свадьбе героя предупреждает Илья Муромец, приехавший для этого на богатырскую заставу; по игре незнакомого гусляра Настасья догадывается, что Добрыня явился на свадебный пир. В былине использован целый ряд оригинальных деталей, неизвестных или редких в других олонецких записях: Добрыня называет Алёшу Поповича «вором»; запрет Настасье выходить за него замуж мотивируется тем, что «крестовый братец паче ро́дного»; на свадебный пир Добрыня берет «досочку гусельчатую» (в былинном эпитете сохранилось точное представление о внешнем виде этого древнего музыкального инструмента). Нешаблонные поэтические образы находим и в описании тела убитого богатыря (ст. 144—146). Жалоба Добрыни на свою участь и ответ его матери (ст. 90—108), обычные в прионежских записях, на Кенозере и в Каргополье зафиксированы только у сказителей, знавших данную редакцию сюжета. Некоторые оригинальные словосочетания роднят вариант Суханова с былинами мошенского певца Н. Швецова (Гильф., № 306), кенозёра И. Сивцева-Поромского (Гильф., № 222) и особенно его земляка П. Воинова (Гильф., № 228) (см. ст. 12—13, 113, 155—156, 223—224 у Суханова; ст. 17—19, 107, 178, 266—267 у Воинова; ст. 192 у Суханова и ст. 126 у Швецова), Ст. 32—33 — перенесение из кенозерской редакции сюжета «Чурила и Катерина», хорошо известной Сивцеву и Воинову. С местной традицией в комментируемом тексте связан лишь один эпизод: сделав вид, что он побывал в чистом поле, «объехал Алёшенька по задворкам». В лучших водлозерских вариантах Настасья не верит Алёше, насмешливо заявляя, что он не был в чистом поле, а «ездил с собаками на задворках» (Суханов, Нигозёркин, Коломаева — № 86, 84, 108). От Суханова записана только одна эпическая песня, но ее художественные достоинства несомненны — развернутые описания и диалоги выдержаны в лучших традициях классического формульного стиля (см., например, ст. 26—27, 38—44, 80—83, 194—198, 285—286 и др.).

№ 87

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 831—834 (л. 304—307). Опубл.: Гильф., 1873, № 198, стб. 947—951.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число 41. Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 7 августа». На обороте последнего листа помета: «№ 41. Добрыня и Олёша. 7 августа. Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

Разночтения Гильф., № 198

Ст. 16 испр. из: *Олёшу Поповича послать, так он*; ст. 56 испр. из: *А как стал-то ведь ходить к ней*; ст. 66 *то што* подчеркнуто; ст. 118—119 сначала шли после ст. 113 и были записаны так:

Однако спускалась в погреба глубоки
Да здынула платья скоморошьии...

Ст. 138 *немношечко* подчеркнуто; ст. 192 вписан между строк.

Ст. 84—86 отчеркнуты собирателем и помечены буквами: А и Б; в ст. 106—108 записаны начальные слова, далее помета: «Повторить что выше от А до Б».

Типичный образец водлозерской редакции сюжета «Добрыня и Алёша» (см. характеристику в преамбуле), хотя некоторые детали и формулы в тексте отсутствуют. В былине Захарова Киев остается единственным театром действия, поездка Добрыни за данью в Золотую Орду не описывается; нет сцены узнавания героя матерью. Диалог неузнанного Добрыни с матерью завершается ее неожиданным решением отдать «детине-засельщине» гусли и скоморошье платье сына — «да не что мне делать с гуслями скоморошьима». Ложные слухи о смерти Добрыни распространяют «старухи-кошельницы» — Алёша к ним непричастен; сказитель вспомнил о них, когда Добрыня уже возвратился в Киев. Видимо, это первые признаки разрушения текста, поскольку в сходном, но более полном варианте Т. Суханова (см. № 85) соблюдены все каноны традиционного повествования. В былине обнаруживаются некоторые элементы, свойственные как кенозерско-каргопольской традиции (формула «крестовый брат паче родного»), так и заонежской (формула «я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался»). В редуцированной форме сохранился мотив узнавания Добрыни по игре на гуслях (ст. 145), изредка встречающийся в прионежских записях (см. № 82, 85). Исполнитель удачно мотивировал непригодность Алёши на роль посла (ст. 16—19), данная ему характеристика подтверждается дальнейшим развитием событий (ср. вариант А. Коломаевой — № 108).

Отдельные композиционные изъяны не отразились на стилистическом оформлении варианта Захарова — певец хорошо владеет эпическим стихом, обладает обширным запасом постоянных формул, практически не выходит за рамки былинной фразеологии и лексики, порой использует довольно редкие, но традиционные словосочетания («посольной лист», «турей рог», «выправить дани-выходы» и др.).

№ 88

Добрыня и Алёша

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 863—875 об. + 1 чистый лист (л. 354—357). Опубл.: Гильф., 1873, № 211, стб. 996—999. Добрыня и Олёша.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыто одно сокращение и проставлена пунктуация, а также написано примечание перед текстом. Под заглавием зачеркнуто число 42, и следует пояснение: «После ответа Настасьи, что Алёша ходил с собаками по за́дворкам». Оно переписано чернилами и уточнено: «Начало этой былины Панов пел совершенно сходно с предыдущим сказителем. После ответа Настасьи Алёше Поповичу, что он не был в чистом поле, а был с собаками на за́дворке, Панов продолжал: «Ай как пошел тут Алёшенька». Гильфердинг не записал 181 стих начала былины, поскольку содержание этих стихов сходно с началом былины Т. И. Суханова (№ 206). Под текстом: «Конец сходен с предыдущею былиною № 206». Под этим замечанием зачеркнуто: «Он спрашивает про жену», т. е. имеется в виду Добрыня. Ниже: «Запис⟨ано⟩ на Заволочье, 8 августа». На обороте чистого листа: «№ 42. Добрыня и Алёша. 8 августа на Заволочье».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 8 августа 1871 г., д. Заволочье — от Савелия Кузьмича Панова, крестьянина д. Куганаволок на Водлозере, 43 лет.

Разночтения Гильф., № 211

Ст. 52 *конь же волчья сыть* в 3-м и 4-м изданиях прочтено: *нынь же*.

Особенность данного варианта в том, что Добрыня узнает о свадьбе жены от коня. При возвращении он не прикидывается знакомым Добрыни, а кричит: «Матушка, пусти меня!»

А. Ф. Гильфердинг записал примерно треть былины (в тексте Т. Суханова эти эпизоды занимают 125 стихов из 424 — см. № 85). Акцентируя «совершенное» сходство с вариантом Т. Суханова (Гильф. III, с. 88), собиратель невольно опроверг свое собственное мнение о позднем формировании водлозерской эпической традиции, возникшей на основе заимствований из разных районов (Гильф. I, с. 49). Зафиксированный фрагмент подтверждает генетическое родство текстов Панова и Суханова: здесь также упоминаются «указы престрогии, манифесты немилосливы», запрещающие жить в Киеве «жонам безмужниим, людям беспашпортныим» (ст. 11—25); мать богатыря названа «Намельфой Тимофеевной» (ст. 84), сына она узнает по «благословящему кресту» (ст. 134); шатер Добрыни стоит «не за́ триста, за три тысячи» (верст?) (ст. 32, ср. ст. 225 в былине Суханова). Сказитель использовал одну из традиционных водлозерских деталей, отсутствующую у Суханова (мать Добрыни сидит «на печи ⟨...⟩ на печном столби» — ст. 89; на это место обычно усаживают неузнанного Добрыню на свадебном пиру). В стилистическом плане текст Панова заметно уступает сухановскому: исполнитель иногда прибегает к избыточной детализации описаний (ст. 85, 96—104, 134—137, 143), чрезмерно антропоморфизирует богатырского коня (он «пораздумался, запечалился» — ст. 40, склонен даже к словотворчеству — «ты ⟨...⟩ мой седак, я твой возак»), но в целом демонстрирует достаточно уверенное владение эпическим стихом и былинными формулами.

№ 89

Добрыня Никитич и Алёша Попович

Шайжин, 1906, №4.

Зап. Н. С. Шайжиным: 1904 г., д. Ижгора Нигижемской вол. Пудожского у. — от Тихона Александровича Фешева (возраст не указан).

По сообщению собирателя, Тихон Александрович Фешев — выходец из сравнительно зажиточной семьи и, «несмотря на свои далеко еще не пожилые годы, охотно поговорит с вами от Писания, и особенно по вопросам, пререкаемым раскольниками. Неграмотный, но памятный, он наизусть может прочесть не одну главу из уважаемых раскольниками старопечатных книг. У этого сказителя, кроме былин, богатый запас разных апокрифических сказаний, легенд и сказок, близких к легендам. Былины Т⟨ихон⟩ А⟨лександрович⟩ усвоил от своей бабки Ефросиньи Фешевой и от крестьянина соседней деревни Ярчевы Ильи Зубова, умершего восьмидесятилетним стариком. Записанные от Фешева былины отразили на себе влияние мечтательно-религиозной личности этого сказителя» (Шайжин 1906, с. 170—171).

Тексты, записанные на юго-западе Пудоги (Каршево, Нигижма и их окрестности), содержат большинство типовых элементов пудожских редакций сюжета, но по ряду признаков близки к былинам из Кижей и восточного побережья Онежского озера. Комментируемый вариант — самая ранняя по времени (1904) запись «Добрыни и Алёши» из этого района. Т. А. Фешева называли своим учителем исполнители 30—60-х гг. XX в. (см. № 133, 146). Как и другие пудожские певцы, Фешев использует формулу жалобы Добрыни на свою участь и развернутый ответ его матери; недвусмысленно намекает на то, что Настасья по игре на гуслях узнает своего мужа (ст. 299—300); подробно воспроизводит диалог возвратившегося из поездки богатыря с матерью и другие традиционные мотивы. Единственное существенное отступление от обычной сюжетной схемы — неучастие князя Владимира в сватовстве Алёши (ср. с прохоровской версией сюжета — № 82). Особенно много схождений с былиной А. Сорокина (№ 80). Безнравственность Алёши Поповича усугубляется тем, что он не просто выдумывает и распускает ложные слухи о гибели Добрыни, а делает это после встречи с ним в чистом поле. У Сорокина об этом сообщает матери Добрыня, а Фешев подробно описывает встречу богатырей (ст. 134—163). Близка по своим деталям жалоба Добрыни на свою участь; герой мотивирует свою снисходительность к Алёше тем, что он его крестовый брат; собираясь на свадебный пир, Добрыня одевает «шапоцьку-мурманку» (то же у Сорокина в одной из былин — Рыбн., № 132, «Соловей Будимирович», ст. 195 и у ряда других пудожских и кенозерских певцов). С традициями Кижей, Повенца и Пудожского берега комментируемый текст роднят следующие детали и формулы: в роли вестника выступает слуга Добрыни (иногда — калики перехожие); Добрыня откупается от «приворотницьков, придворницьков». В других вариантах Добрыня расталкивает княжеских слуг, силой прорываясь на свадебный пир; узнав своего сына, которого она считала мертвым, мать богатыря на радостях причитывает (ст. 258—262).

В былине Фешева немало редко встречающихся и оригинальных формул и поэтических образов: «Добрыне слово взапреку пришло», «ремешки лосиные», «кухарка водоносная». Богатырский конь «руцья-крежки (руцья-ложиноцьки) промеж ноги пропускива»; врагов так много, что «пороху (пылинке. — *Ю. Н.*) пасть некуды». Певец охотно вводит в былину бытовые понятия («пяла тоцёные, узоры мудреные» — ст. 31—32, «суседы порядовныи» — ст. 152, «твоя жона посбаловаласе» — ст. 268, «пецька-та стоплена и колацики напецены» — ст. 342—343, «не бил ен, не колотил своей жоны» — ст. 350). Особенно показателен в этом отношении обмен приветствиями Добрыни с Алёшей и слугой: «Хлеб да соль...», «Хлеба й⟨и⟩сь...» (ст. 143—146, 208—209; ср. аналогичный диалог в былине А. Сорокина «Сорок калик» — Гильф., № 72, ст. 292—294). Иногда Фешев искажает историзмы («гривниця светлая» вместо «гридни», «гридницы» — ст. 286; «полата гряновитая» вместо «грановитая» — ст. 293; то же наблюдается у ряда водлозерских сказителей: Т. Суханов — № 85, ст. 335; А. Ульянова — № 142, ст. 1—19; А. Митрофанова — № 135, ст. 8—290). Изредка в текст включаются несвойственные былинам слова («люстры» — ст. 225). Описание сражения Добрыни с татарами (ст. 86—96), вероятнее всего, перенесено из былины «Илья Муромец и Калин», а наказ коню бить копытом в землю и будить хозяина в случае опасности связан с мотивом коня-вестника, встречающимся во многих пудожских записях былины.

№ 90

Добрыня и Алёша

Шайжин, 1906, № 2.

Зап. Ф. Н. Предтеченским: 1904 г., Ченежи (Ценежи) Коловской вол. Пудожского у. — от Афанасия Федоровича Пантелеева, ок. 79 лет.

Пантелеев — земляк Андрея Сорокина, который вынес свой эпический репертуар из деревни Ченежи, где «родился и жил до 30-летнего возраста» (Гильф. I, с. 623). Комментируемый вариант явно восходит к тому же источнику, что и сорокинский: они не только близки по композиции, но и содержат немало редких или уникальных деталей, подробностей. Оба певца считают «Потыка Михайла Ивановича» идеальным наездником, а «Туганова (у Сорокина — Тугарина) Змиевича» — лучшим стрелком из лука; в обоих текстах упомянута Почай-река (ст. 117 у Сорокина и ст. 60 у Пантелеева); Добрыня велит жене в случае его долгого отсутствия выходить замуж только за кого-нибудь из «российских славных богатырей»; Алёша братается с Добрыней за неделю до его возвращения в Киев (то же в былинах Т. Фешева и Ф. Голованова — № 89, 101). Одинаково описаны радость матери, убедившейся в лживости слухов о смерти богатыря («Тут старости своей старуха не услышила...»), расправа Добрыни с названым братом («Олёша с-под лавки выговариват...»); использованы нестандартные формулы и словосочетания: «Досюль Добрынюшка матушки говаривал», «крест сполна кладет», «кругла неделюшка» (заимствование из причитаний), «обручен перстень» (гораздо чаще — «именной перстень»), Добрыня «на ножку легок был» (ср. вариант Конашкова — № 98, ст. 204). Тексты земляков роднит даже одинаковое отношение к традиционному имени жены героя (она названа «Натальей», а не «Настасьей»). Вариант Пантелеева вдвое короче сорокинского, что объясняется лаконизмом описаний, пропуском или схематическим изложением ряда традиционных эпизодов (участие князя Владимира в сватовстве Алёши, диалог неузнанного Добрыни с матерью, описание игры на гуслях, сетования Алёши на неудавшуюся женитьбу и др.). Сказитель дополнил своего знаменитого земляка лишь одной традиционной формулой — обращением Добрыни к коню с просьбой доставить его домой «в три часа» (ст. 114—115). В ст. 153 очевидная обмолвка певца — «сестру отнять» вместо «жену отнять» (см. ст. 207, где эта формула не искажена).

№ 91

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 7—16, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 5, л. 163—173, перебеленная запись С. П. Бородина. Опубл.: С.—Ч., № 45.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 6—7 августа 1926 г., д. Марнаволок — от Максима Степановича Мякишева, 81 года.

Разночтения ед. хр. 5, 11

Ст. 1 *городи* (ед. хр. 5); ст. 3 почестный (ед. хр. 5); ст. 17 *бо́яра* (ед. хр. 11); ст. 28 *бо́льший* (ед. хр. 11); ст. 30 а *що* меньшей (ед. хр. 11); ст. 31, 127, 183, 214, 245, 246, 269 Микитинец (ед. хр. 11); ст. 36 *а* из Москвы *да* (ед. хр. 11); ст. 40 а сам говорит *он* (ед. хр. 11); ст. 43 несцястного (ед. хр. 11); ст. 57 отцы не плакали (ед. хр. 11); ст. 69 Щоплёнковича (ед. хр. 11); ст. 74, 75, 166, 189, 225, 363 Олёшка(у) (ед. хр. 11); ст. 78, 228 вышел (ед. хр. 11); ст. 83 пряжечки (ед. хр. 5); ст. 84 булат *зелéн* черкальскии (ед. хр. 5); ст. 85 точёному (ед. хр. 5); ст. 86 золочёному (ед. хр. 5); ст. 87 ко опальному (ед. хр. 5); ст. 89 братцы (ед. хр. 5); ст. 98, 124, 149, 152, 159, 163 Микулична (ед. хр. 5); ст. 99 из

чиста́ (ед. хр. 5); ст. 101, 102 пойди (ед. хр. 5); ст. 106 поезжаючи (ед. хр. 5, 11); ст. 107 не *езживал* (ед. хр. 11); ст. 108 седёлышке (ед. хр. 5); ст. 109 дорожкама (ед. хр. 11); ст. 110 городо́вые (ед. хр. 11); ст. 111 дождь (ед. хр. 11); ст. 115 времечка (ед. хр. 5); ст. 116 *а не вида́ть дай с* чиста́ поля́ (ед. хр. 11); ст. 126 Микитица (ед. хр. 11); ст. 129 резвыми-то (ед. хр. 11); ст. 131 Микулисьня (ед. хр. 5); ст. 134 мужнюю (ед. хр. 11); ст. 136 ждала Добрынюшки (ед. хр. 11); ст. 139 времячко (ед. хр. 5); ст. 142 а год-то за́ годом (ед. хр. 11); ст. 143 времечки (ед. хр. 5); ст. 153, 222 Микитиця (ед. хр. 11); ст. 158 киевьский (ед. хр. 5); ст. 161 лихом (ед. хр. 11); ст. 166 Попо́вица (ед. хр. 11); ст. 176 Добрынюшка *на добром кони* (ед. хр. 5); ст. 181 а грает (ед. хр. 11); ст. 188 *она* замуж пошла (ед. хр. 5); ст. 193 *то* обесцесьтит-то (ед. хр. 11); ст. 203 шел (ед. хр. 11); ст. 216 надсмехаетсе (ед. хр. 5); ст. 218 тоя свет (ед. хр. 11); ст. 221 месе́ц (ед. хр. 11); ст. 230 а ударил ён *да* (ед. хр. 11); ст. 256 ёму *естьица* (ед. хр. 5); ст. 261 да понау́мевши она за́муж (ед. хр. 5); ст. 272 а ты скаци-тко ... да глубокие (ед. хр. 11); ст. 277 глубо́кие (ед. хр. 11); ст. 287, 304, 306, 308, 322, 354 стольно (ед. хр. 11); ст. 309, 323 неминуцая (ед. хр. 11); ст. 311 боярьская (ед. хр. 5); ст. 313 на за́печки (ед. хр. 5); ст. 314, 317 на запичёк (ед. хр. 5); ст. 315 Микитиниц (ед. хр. 5); ст. 316 а местечком (ед. хр. 5); ст. 319 яро́вцяты (ед. хр. 5); ст. 328 а *опускайся* ты со (ед. хр. 5); ст. 343, 390 Микулицьна (ед. хр. 5); ст. 344 цяру *до* дна (ед. хр. 11); ст. 349 ядиный (ед. хр. 11); ст. 350 колечушко да злачёноё (ед. хр. 11); ст. 351, 352 обручялисе (ед. хр. 11); ст. 362 понау́мевши (ед. хр. 11); ст. 363, 364 Поповичя (ед. хр. 11); ст. 375 гридна (ед. хр. 11); ст. 377 шехма́льныи (ед. хр. 11); ст. 379 Олёшкой (ед. хр. 11); ст. 380 зачал ремешками (ед. хр. 11); ст. 381, 382 зачал (ед. хр. 11); ст. 387 батюшке (ед. хр. 11); ст. 394 рычит (ед. хр. 11); ст. 399 женат (ед. хр. 11); ст. 400 Добрынюшке (ед. хр. 11); ст. 401 не минуетси (ед. хр. 11).

Былина М. С. Мякишева «Добрыня и Алёша» примыкает у группе текстов, записанных П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильдерфингом на Водлозере, в Пудоге и Повенце.

Композиционная схема былины обычна для пудожской традиции, но некоторые характерные для нее эпизоды у Мякишева дополнены оригинальными подробностями. Настойчивые домогательства Алёши Поповича и поддерживающего его сватовство князя Владимира, угрозы в адрес несговорчивой Настасьи сопровождаются запретом под страхом смертной казни «поминать» Добрыню (ст. 171—173; ср. аналогичный мотив в тексте Ф. Корсакова — № 21, ст. 100—110). Не сумев доказать матери, что он-то и есть ее сын, Добрыня жалуется коню: «Не услышали словечушка гладкого, а не увидели обеда мы сладкого!». Ср. близкую по содержанию формулу в былине Н. Прохорова «Илья и Идолище» (Рыбн., № 118, ст. 171—179); то же — в текстах П. и А. Логиновых (№ 59, ст. 288—291; № 60, ст. 211—214) и в одной из шенкурских старин (Кир. II, с. 45, ст. 2—3). В комментируемом тексте есть и другие детали, лишь изредка фиксировавшиеся собирателями в разных районах Олонецкого края, в частности эпитет «сука меделеньская». Ср.: «сук-то милиденьский» в варианте С. Якушевой (№ 128). См. также два кенозерских текста (Рыбн., № 188, ст. 32—33; Гильф., № 244, ст. 108) и былину из сборника Кирши Данилова (КД, № 11, ст. 143). Князь предлагает богатырю место «на запецьки», Добрыня «местецьком тем ведь не побрезговал» (ср. ст. 255—256 в былине пудожгорского певца П. Калинина — № 164). В формуле быстротекущего времени использовано необычное сравнение — «год-то за́ год, что сокол летит» (ср. ст. 85 в былине толвуянина И. Гришина — Гильф., № 33). Добрыня наказывает Алёшу, избивая его ремешками от гуслей, близкую по характеру сцену (избиение Алёши гуслями) находим у Ф. Корсакова (№ 21), А. Ястребовой (Аст. 2, № 129) и ряда кижских сказителей (братья Суриковы, М. Пашкова и др. — С.—Ч., № 133, 144, 161 и др.). Эти переклички свидетельствуют о том, что в более молодые годы Мякишев был первоклассным сказителем творческого склада, а его эпическое знание восходит не к одному, а к многим источникам (см. об этом: С.—Ч., с. 228). Перечень оригинальных мотивов в былине Мякишева можно дополнить еще двумя: князь Владимир является крестным отцом Добрыни (чем и мотивируется крайне резкая оценка его поведения в ст. 386—389). Богатырь живет не в Киеве, а неподалеку от стольного города (ст. 284, 292—293). Роль вестника отведена ворону (ср. варианты П. и А. Логиновых — № 59, 60).

№ 92

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 155—160 об., полевая карандашная запись С. П. Бородина; ед. хр. 11, л. 122—203, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (перемежаются полные и неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 49.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 11 августа 1926 г., д. Мелентьевская — от Марфы Максимовны Фадеевой, 63 лет.

В ед. хр. 11 с 1-й по 60-ю строку и с 162-й до конца записи сведены рукой Э. Бородиной и С. Бородина, а с 60-й до 162-й — концы строк написаны рукой Э. Бородиной.

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 1 В стольнем *во* городи во Киеве (ед. хр. 11); ст. 2 у *ласково* (ед. хр. 4); ст. 3 почестный (ед. хр. 4); ст. 5 сильних (ед. хр. 11), могучих (ед. хр. 4); ст. 7 весели (ед. хр. 11); ст. 8 вецери (ед. хр. 11); ст. 11 на перу *да* пьяны-веселы (ед. хр. 11); ст. 14 молодою (ед. хр. 11); ст. 15 конём (ед. хр. 4); ст. 17 боярья (ед. хр. 4); ст. 19 поляни́ци *да* (ед. хр. 11); ст. 24 А ко тому *к* королю (ед. хр. 11), Литовьскому (ед. хр. 4); ст. 25 Литовьскому да королевьскому (ед. хр. 4), да *к* королесьскому (ед. хр. 11); ст. 26 дани *ты* великие (ед. хр. 11); ст. 27 на перу *да* (ед. хр. 4); ст. 29 А большии ту́лятся (ед. хр. 4), тулится (ед. хр. 11); ст. 30 А среднии ту́лятся (ед. хр. 4), тулится (ед. хр. 11); ст. 31 братцы (ед. хр. 4), братии (ед. хр. 11); ст. 32 *князь Владимир стольно-киевской* написано над зачеркнутым *Добрынюшка Никитинец*, после чего *Владимир* зачеркнуто (ед. хр. 4), А воспроговорит *князь ст. киевской* (ед. хр. 11); ст. 33 *Ой* же (ед. хр. 4); ст. 34 Микитиниць (ед. хр. 11); ст. 35 эти дани *ты* великие (ед. хр. 11); ст. 36 отсутствует (ед. хр. 4), я *их* (ед. хр. 11); ст. 37 *Да* из (ед. хр. 11); ст. 38 [А] (ед. хр. 11); ст. 39 А приходит *ли* (ед. хр. 4), А приходит *ли в свою* палату белокаменну (ед. хр. 11); ст. 40 говорил (ед. хр. 4), таковы слова (ед. хр. 11); ст. 41 родна *да* матушка; ст. 42 О⟨фимья⟩ О⟨лёксандровна⟩ (ед. хр. 11); ст. 44 А [*ты*] (ед. хр. 11); ст. 45 робяцества (ед. хр. 11); ст. 4 миткалинный (ед. хр. 11); после ст. 47 *А завертела бы Д⟨обрынюшку⟩ в портяноцьку* (ед. хр. 11); ст. 48 А еще *бы* (ед. хр. 11); ст. 49 *А со тыим* (ед. хр. 4), *А с тем* синим горюцим (ед. хр. 11); ст. 50 ветры *на* (ед. хр. 4); ст. 51 *А многи* (ед. хр. 4), не смеялись *бы* (ед. хр. 11); ст. 53 *горючего* зачеркнуто (ед. хр. 11); ст. 54 цестна (ед. хр. 11); ст. 57 *А я* бы силушкой — неполная строка, после нее — *А во того в* (ед. хр. 4); ст. 58 богацеством (ед. хр. 4), строка отсутствует (ед. хр. 11); ст. 59 А во того *в* (ед. хр. 4), А во того *бы* во (ед. хр. 11); ст. 60 *и* красотой (ед. хр. 4); ст. 61 А во того бы *во* (ед. хр. 4); ст. 64 попович (ед. хр. 4); ст. 66 себе (ед. хр. 4); ст. 68 войлоцьки (ед. хр. 4); ст. 69 клал; ст. 70 отсутствует (ед. хр. 4); ст. 71 А оны (ед. хр. 4); ст. 73 *А цо* (ед. хр. 4); ст. 84 *во* поли́ (ед. хр. 4); ст. 85 дорожкамы (ед. хр. 4); ст. 87 времецько (ед. хр. 4); ст. 89 А год-*то* (ед. хр. 4); ст. 90 А *ну* (ед. хр. 4); ст. 99 резвыма (ед. хр. 4); ст. 100 кудёрашки (ед. хр. 4); ст. 107 А год-*то* (ед. хр. 4); ст. 110 А наехал (ед. хр. 4); ст. 111 А *приехал* (ед. хр. 4); ст. 113 *А* стал (ед. хр. 4); ст. 114 А ецо (ед. хр. 4); ст. 116 резвыма (ед. хр. 4); ст. 117 желтыя (ед. хр. 4); ст. 121 А Олешка *Поповиць* — *подкрестовый брат* (ед. хр. 4); ст. 124 А цо граял вран по-грани́ному (ед. хр. 4); ст. 125 по-грани́ному (ед. хр. 4); ст. 126 отсутствует (ед. хр. 4); ст. 134 *А бесцестит он* (ед. хр. 4); ст. 137 А приезжает (ед. хр. 4); ст. 138 отсутствует (ед. хр. 4); ст. 143 Уж *и* крест (ед. хр. 4); ст. 151 А *еще нуньчу* — неполная строка (ед. хр. 4); ст. 152 отсутствует (ед. хр. 4); ст. 160 А *еще* (ед. хр. 4); ст. 163 А не *видал* ты обеда-*то* (ед. хр. 11); ст. 164 А приехал-*то* (ед. хр. 4), ко своей-*то* (ед. хр. 11); ст. 165 *А ко* честно́й (ед. хр. 4), честно́й (ед. хр. 11); ст. 166 услы́хали (ед. хр. 4); ст. 172 А воротись-ко *ли* (ед. хр. 4); ст. 173 глубокии (ед. хр. 11); ст. 174 *пшена* (ед. хр. 4); ст. 177 А честна (ед. хр. 4); ст. 178 Принеси-ко *ли* (ед. хр. 4), *А* принеси-ко мни гуселышка яровчати (ед. хр. 11); после ст. 180 *А направил он коня доброго*

(ед. хр. 11); ст. 181 А направил *ли* он (ед. хр. 4); после ст. 181 *А прямо ко* (ед. хр. 4); ст. 182 А приезжает (ед. хр. 4), к палате (ед. хр. 11); ст. 183 А приезжает (ед. хр. 4), ко опальному (ед. хр. 11); ст. 185 колечку (ед. хр. 4), *Ко тому колечку* (ед. хр. 11); ст. 187 крест-*то* (ед. хр. 4); ст. 191 А проходи (ед. хр. 4); ст. 192 А *вси* (ед. хр. 4), ме́стецька *здесь* (ед. хр. 11); ст. 193 *А только ме́стечька* (ед. хр. 4); ст. 197 А *заиграл* (ед. хр. 11); ст. 198 заиграл *ли ён* (ед. хр. 11); ст. 199 гусёльщиков переигрывает (ед. хр. 11); ст. 200 А *еще* (ед. хр. 4); ст. 204 дубовой (ед. хр. 11); ст. 209 отсутствует (ед. хр. 4, 11); ст. 210 наливали (ед. хр. 4), *А наливал он чару* пропущено (ед. хр. 11); ст. 211 спушшал злоцёное (ед. хр. 11); ст. 211, 212 злачёное (ед. хр. 4); после ст. 213 *А подносили ей* (ед. хр. 4); ст. 214 Микулицьной (ед. хр. 11); ст. 215 так видать (ед. хр. 11); ст. 217 резвыи (ед. хр. 11); ст. 218 *А што* во белыи (ед. хр. 11); ст. 219 *А што* на ядиной (ед. хр. 11); ст. 220 лежит *ли* (ед. хр. 4); ст. 221 Ай злачёное (ед. хр. 4), колечко (ед. хр. 11); ст. 223 таковы слова (ед. хр. 11); ст. 225 А *шо* тот (ед. хр. 4, 11); ст. 227, 231, 233 отсутствуют (ед. хр. 11); ст. 232, 233 отсутствуют (ед. хр. 4); ст. 237 П-*чу* (ед. хр. 4); ст. 238 живаго (ед. хр. 4).

Вариант М. Фадеевой генетически восходит к былине ее отца, М. Мякишева (№ 91). В композиционном плане различия минимальны. В тексте Мякишева нет угроз князя Владимира Настасье (он вообще не участвует в сватовстве); сокращены некоторые описания и диалоги, особенно в финальном эпизоде. Эпитет «холопина боярьская» прочно прикрепился к именам обоих богатырей — Добрыни и Алёши (ст. 92, 126, 149, 170; у Мякишева так называют только неузнанного Добрыню (ст. 213 и 307). Фадеева неплохо владела былинным стихом, эпической фразеологией.

№ 93

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 168—176, автограф беловой; ед. хр. 11, л. 147—158, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (строки с 1-й по 259-ю не всегда полные); ед. хр. 19, л. 79—80 об., полевая карандашная запись. Опубл.: С.—Ч., № 12.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Примечание собирателей: «Былину перенял от Никифора Прохорова («Утки», «Утицы») из д. Бураково (см.: Гильф., № 49)».

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 1 *вышел Добрыня* (ед. хр. 11); ст. 2 по *ц*исту полю (ед. хр. 11); ст. 3 на *ц*истом поли; ст. 5, 9, 11 чёрный (ед. хр. 4); ст. 19 да ведь *видны́м видно́* (ед. хр. 11); после ст. 19 *А видны́м видно́ да ведь дивным дивно*; ст. 34 сердечько (ед. хр. 4); ст. 35, 36, 54 богатырск⟨ий⟩ (ед. хр. 4); ст. 39 сто́личка была раскладена (ед. хр. 4); ст. 49 наезжает (ед. хр. 4); ст. 71 Микитича (ед. хр. 4); ст. 76 Микитинец (ед. хр. 4); после ст. 78 ремарка: «видно раздет был» (ед. хр. 4); ст. 80, 83 едаюци (ед. хр. 11); ст. 81 а не еда́ютси (ед. хр. 4), не пиваюци (ед. хр. 11); ст. 90 могучие (ед. хр. 4); ст. 93 они (ед. хр. 4); ст. 95 бьетця не погана *не* Литва (ед. хр. 4); ст. 98 не могли (ед. хр. 4); ст. 99 оне (ед. хр. 4); ст. 115 как же не биться *мне* не ратиться? (ед. хр. 4); ст. 120 выйти *да* (ед. хр. 4); в ст. 123 *Олешенька* вм. *Добрынюшка*; ст. 146 в поли стаёт (ед. хр. 4); ст. 153 наезжало (ед. хр. 4); ст. 155 *на* Киев-град (ед. хр. 4); ст. 160, 161 поезжает (ед. хр. 4); ст. 163 Микулисна (ед. хр. 4); ст. 165 а проедешь (ед. хр. 4); ст. 167 а проезжу (ед. хр. 4); ст. 185 Добрыню (ед. хр. 4); ст. 196 стану я *тут-ко рыть* языки неверныи (ед. хр. 11); ст. 197 как *я да* ... (ед. хр. 11); ст. 201, 213, 220, 291 *замужесьво* (ед. хр. 4); ст. 202, 214, 217 во *ц*истых

полях (ед. хр. 11); ст. 211 *подхаживать* (ед. хр. 4, 11); ст. 216 рострепаны (ед. хр. 4); ст. 218 Настасьюшко (ед. хр. 4) *да* Микулишна (ед. хр. 11); ст. 220—221:

Не шла-то тут за него замужество,
А не шла-то вся она да за него-то да видь,
Не шла-то она тут видь замужество (ед. хр. 11);

ст. 221 Владимера (ед. хр. 4, 11); ст. 231 *во* замужесьво; ст. 235 он *да* за (ед. хр. 4, 11); ст. 237 золоцённые (ед. хр. 11); ст. 242 выскакивать (ед. хр. 4); ст. 244 *пошла* пропущено; ст. 246 шахматну (ед. хр. 11); ст. 263 своё тут *ведь* (ед. хр. 4); ст. 284 воротиця (ед. хр. 4); ст. 287 опускала (ед. хр. 4); ст. 301 ярóвчатые (ед. хр. 4); ст. 302 как пошёл-то (ед. хр. 4); ст. 307 он *припевки-то* берёт (ед. хр. 4); ст. 318 царесьской сын (ед. хр. 4); ст. 319, 324 королесьский сын (ед. хр. 4, 11); ст. 321 ты *да* (ед. хр. 4); ст. 325 а есть *я с* Дону *да* [*не*] (ед. хр. 4, 11); ст. 326 лихоимскúя (ед. хр. 4); ст. 330 росплесалисе (ед. хр. 4); ст. 337 с пригородками (ед. хр. 4); 339 бессчётной (ед. хр. 4); ст. 341, 344 а ничóго-то (ед. хр. 4); ст. 356 здох (ед. хр. 4); ст. 366 пива (ед. хр. 4); ст. 389 *не хоцитьсе* отсутствует (ед. хр. 4); ст. 399 *Олешку* отсутствует (ед. хр. 4).

В ед. хр. 4 сноска к ст. 197, уточнение исполнителя: «Как побьет силу, так подписывал под Русь. Раньше Русь была небольшая, а потом расширили намного. Вот раньше Петроград не наш был, а шведский. Вот и эта власть нонешняя — охотой под нее не шли, а они забрали силой и все тут» (л. 172 об.—173).

Текст принадлежит к версии сюжета Н. Прохорова (см. коммент. к № 82). Якушев почти без изменений повторил композиционную схему прототекста, сохранив даже его смысловые неувязки: игра в шахматы без партнера (ст. 236—238), отождествление татар с Литвой (ст. 153, 148; в других былинах сказителя такого смешения нет). Сохранено и фольклорное наименование шахмат — «дорогú тавлеи золоченыи» (в других текстах певец употребляет термины «лечи» и «легú» — см. № 58 и С.—Ч., № 20). Дополнения Якушева не принципиальны и носят уточняющий характер. Развивая мотив поединка всадника с пешим богатырем, исполнитель объяснил этим присвоение Добрыне статуса старшего крестового брата (он сражался пешим). Усилена негативная характеристика Алёши Поповича, который из-под дуба наблюдает за боем Добрыни с вражеским войском и надеется на его гибель (ст. 182—186). Более активная роль отведена и князю Владимиру — как и в большинстве других пудожских записей, он угрозами принуждает Настасью выйти замуж за Алёшу (ст. 224—229). Выразительной формулой передана самоирония Алёши в финале былины (ст. 406—407). Слыша неумолчный «стук да гром», Илья уверен, что это бьются русские богатыри — «погана́ Литва» не могла бы продержаться трое суток. В описании расправы Добрыни с незадачливым женихом использованы более резкие, нежели у Прохорова, выражения (ст. 398—401). Две последние детали находим и у Фофанова, что позволяет считать их факультативными элементами прохоровской былины.

В стилистическом плане вариант Якушева не блещет особыми достоинствами — в нем много ненужных повторений и лексических небрежностей (ст. 13—14, 34—36, 59—60, 279—280), неудачных формулировок (ст. 177—179, 255—258)

№ 94

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 180—181, полевая карандашная запись; ед. хр. 11, л. 293—295, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 42.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым: 13 августа 1926 г., д. Авдеево на Купецком озере — от Степана Александровича Башкирова, 72 лет.

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 3 *стрелял*-то он *да* (ед. хр. 4), *стрелял*-то *ведь* (ед. хр. 11); ст. 4 как *утышек* (ед. хр. 4); ст. 7 утёныша (ед. хр. 4); ст. 8 глянет-*то* (ед. хр. 4), глянит он *ведь* да (ед. хр. 11); ст. 9 сидит-то *видь*, сидит-то *да* (ед. хр. 11); ст. 10 да видь (ед. хр. 4); ст. 11 убить-*то* (ед. хр. 4); черный везде через «е» (ед. хр. 4); ст. 13 говорит-то *он да* (ед. хр. 4); ст. 17, 18 *на реку, горы скацьные* (ед. хр. 11); ст. 26, 27, 28 отсутствуют (ед. хр. 4); после ст. 25 *замок отомнул* (ед. хр. 4); ст. 31 *напился* (ед. хр. 4); ст. 35 *насыпано пшено* (ед. хр. 4); ст. 37 *ну* и (ед. хр. 4); ст. 39, 46, 47, 48, 65 отсутствуют (ед. хр. 4); после ст. 55 *Д. М. бьется* — как начало строки (ед. хр. 4).

Исполнитель утверждал, что перенял былину у Н. Прохорова (С.—Ч., с. 228). И действительно, комментируемый вариант в сокращенном виде повторяет первую часть старины знаменитого «Утицы» (Прохорова) — бой Добрыни с Алёшей Поповичем (см. коммент. к № 82), содержит некоторые оригинальные ее элементы (кратко описана встреча богатыря с вещим вороном, упомянуто «чудо чудное» — «чудны́м-чудно́, дивны́м дивно́»); Добрыня кулаком сбивает замок с шатра; Алёша пересаживается на коня своего противника). Текст Башкирова и на лексическом уровне близок к прохоровскому. Все это позволяет квалифицировать его как вступление к былине «Добрыня и Алёша», традиционные эпизоды которой сказитель не смог воспроизвести. Ст. 62—66 — очевидное перенесение из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы» (см. вариант Н. Прохорова — Гильф., № 54, ст. 187, 220—224).

№ 95

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, л. 21—29, полевая карандашная запись рукой Б. М. Соколова; ед. хр. 32, тетр. 1, л. 20 об.—28 об., чистовой автограф В. И. Чичерова, ед. хр. 32, л. 13—21, полевая карандашная запись (вторая половина стихов), л. 21—29, полевая запись, сведенная карандашом; ед. хр. 34, тетр. 1, л. 11—28 об. (две записи: с л. 11 по 20 об. — начала стихов, с л. 20 об. по 28 об. — полная карандашная запись рукой В. И. Яковлевой). Опубл.: С.—Ч., № 66.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 9 июля 1928 г., д. Семеново — от Ирины Павловны Савинковой, 55 лет.

По свидетельству И. П. Савинковой, она переняла былину от старичка Егора Кузнецова из д. Маткожи на Купецком озере.

Ни П. Н. Рыбников, ни А. Ф. Гильфердинг былины от Егора Кузнецова не записали (С.—Ч., с. 887).

Разночтения ед. хр. 34

Ст. 9 И хо*т*ь; ст. 20 по́йдешь; ст. 34, 44, 54, 170—172 — Оле́ша; ст. 47 окошеч^{ц}ко; ст. 61 три ч^{ц}аса; ст. 74 Поповицю; ст. 81, 120 ско^{у}моросьские; ст. 87 ч^{ц}есны; ст. 94 на запеч^{ц}ье; ст. 98 напе^{я}ливать; ст. 108 из запеч^{ц}ья; ст. 124 ядиной; ст. 135 напроти́в; ст. 158 *во* ракитов.

Вариант не выходит за рамки местной традиции, содержит ряд характерных для западной Пудоги мотивов и деталей (ст. 17—18, 20—21, 46, 60—61, 68—75, 84—85). Запрет Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича мотивируется тем, что он — «подкрёстовый брат» Добрыни. О том, что Алёша распускал ложные слухи о смерти Добрыни, сказано лишь в конце былины, когда Настасья подробно описывает мужу свои злоключения (ст. 158—161). Соблюдая нормы традиционного былинного стиля, исполнительница иногда вводит в свой текст бытовые обороты речи («дорогая жена», «остальнии друзья», «извини-прости»).

№ 96

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 22 об.—23 об., чистовой автограф В. И. Чичерова; ед. хр. 8, л. 26—29, полевая карандашная запись (концы стихов не дописаны); ед. хр. 19, л. 20—21 об., полевая карандашная запись рукой Ю. А. Самарина (середина стихов); ед. хр. 12, л. 28—29, полевая карандашная запись рукой Э. Г. Бородиной (концы стихов). В ед. хр. 19 заглавие: «Илья Муромец и Настасья Микулишна». Опубл.: С.—Ч., № 67.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 9 июля 1928 г., д. Семеново — от Евдокии Дмитриевны Силкиной, 20 лет.

Былину выучила от матери.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 1 вси на пиру; ст. 2 порасхвастались; ст. 3 *Умный хвалится родной*; ст. 4 *Рассудной*; ст. 6 *Микулицьна*; ст. 12 Добрынюшке; ст. 18 молоду́ жену; ст. 44 пец'ку; ст. 54 мёду.

В ст. 15, 23, 25, 29, 36, 51, 54, 57, 66—68 ударения отсутствуют.

Текст фрагментарен, с явными пропусками, однако основные сюжетообразующие мотивы сохранены и выстроены в хронологическом порядке. Ст. 30—31 — характерная для западной Пудоги и всего Обонежья формула. Как и в ряде других пудожских вариантов, Настасья по игре на гуслях догадывается, что на свадебный пир явился ее законный муж. Тем не менее близких параллелей к оригинальной формуле Е. Силкиной (ст. 48—50) не обнаруживается.

№ 97

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 8—9 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (полные строки); ед. хр. 33, л. 30—31, полевая карандашная запись (неполные строки); ед. хр. 12, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 8, л. 18—22, полевая карандашная запись (начала стихов). В рукописи (ед. хр. 12) — «Добрыня Микитинець». Опубл.: С.—Ч., № 64.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 9 июля 1928 г., д. Дягиль-Наволок — от Прасковьи Григорьевны Филимоновой, 72 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 2 Олександровной (ед. хр. 12); ст. 3 родная *моя* матушка (ед. хр. 19); ст. 7 во Олёшу (ед. хр. 12); ст. 8 прощаньицо-благословеньицо (ед. хр. 12); ст. 9 ехать-*то да и* (ед. хр. 12); ст. 10 Ко поганым-*то* (ед. хр. 12); ст. 11 татаровам (ед. хр. 19); ст. 12 Микитинець (ед. хр. 12); ст. 14 седёлышко (ед. хр. 12); ст. 15 бросалась Олександровна (ед. хр. 12); ст. 15 во свой *во* (ед. хр. 12); ст. 17 *Молодой* Микулишны (ед. хр. 12); ст. 19 Добрынюшка Микитинець (ед. хр. 12); ст. 20 Во цисто (ед. хр. 19); ст. 23 В одных цюлочиках (ед. хр. 12); ст. 24 ёна (ед. хр. 19); ст. 25 отправляетьси (ед. хр. 12); ст. 26 снаряжаетьси (ед. хр. 19); ст. 27 дак меня, молоду жену (ед. хр. 19), да меня, *дак* молоду (ед. хр. 12); ст. 29 ведь *и* своёй (ед. хр. 12); ст. 31 год живи *того времени* (ед. хр. 12); ст. 32 *да нунь девять лет* (ед. хр. 12); ст. 33 отсутствует (ед. хр. 12); ст. 35 Тогда-*то* замуж пойди (ед. хр. 12); ст. 36 не ходи-*тка замуж... Поповиця* (ед. хр. 19); ст. 37 братця (ед. хр. 19); ст. 39 *Уж ей стоскнулосе* круглую неделюшку (ед. хр. 12); ст. 40 закручинилась (ед. хр. 12); ст. 41 *тот* (ед. хр. 19); ст. 44 спрашиваешь (ед. хр. 19);

ст. 47 да *ведь* (ед. хр. 19); ст. 49 полё (ед. хр. 12); ст. 53 жона (ед. хр. 12); ст. 54 *ведь* за Олёша (ед. хр. 12), за Олешу *Микитинца* (ед. хр. 19); ст. 55 *У*, далее многоточие (ед. хр. 12), *Того денецьку как Микитинец* (ед. хр. 19); ст. 57 ена (ед. хр. 19), Микитинець (ед. хр. 12); ст. 59 уехала *видь* жона (ед. хр. 12); ст. 60 да *на* веньцаньицо (ед. хр. 12); ст. 61 яровцаты (ед. хр. 19); ст. 62 поцесный (ед. хр. 12); ст. 64 в *свои гуселышки* (ед. хр. 12); ст. 65 сдогадалась (ед. хр. 12); ст. 66 лицо ... разыгралась (ед. хр. 12); ст. 67 Микитинець (ед. хр. 12); ст. 70 Микитенцу (ед. хр. 12); ст. 73 донышка (ед. хр. 12); ст. 76 он видь (ед. хр. 12), Олёшу (ед. хр. 19); ст. 77 цуть (ед. хр. 19); ст. 78 скорйлся Микитинцу (ед. хр. 19), Микитенцу (ед. хр. 12); ст. 80 жону (ед. хр. 12).

В ст. 4, 5, 9, 15, 20, 34, 35, 45, 49, 59, 61, 64, 68, 69, 74, 76—79 ударения отсутствуют.

Примеч. собирателя после ст. 55: «Середину былины П. Г. Филимонова забыла» (ед. хр. 12).

В комментируемом тексте пудожская редакция сюжета заметно упрощена. Например, опущен эпизод узнавания богатыря матерью. П. Филимонова использует ряд мотивов и формул, характерных для записей из Прионежья. Мать Добрыни посылает невестку к отъезжающему «поляковать» сыну; Алёша Попович «стал ⟨...⟩ к Настасье подхаживать, ⟨...⟩ замуж подговаривать»; жена узнает мужа по игре на гуслях. Вопреки традиции, формулу «Пей до дна...» произносит Настасья, а не Добрыня.

№ 98

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, л. 95—106, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 34. тетр. 1, л. 59—65, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки). В рукописи (ед. хр. 25) — «Неудачная женитьба Олёши». Опубл.: С.—Ч., № 82.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 10 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 6 *Ай* наливал; ст. 10, 11 *А* хто бы; ст. 17 А вси-*то* на пиру-*то* позатихнули; ст. 19, 20 тулитце; после ст. 38 *А дай-ко мне? Мне за Киёв-град времюшки?*; ст. 41 А *я* за церквы *за*; ст. 58 *А не такого цядо*; ст. 61 сцасьём; ст. 65 А *ведь* богасьвом; ст. 66 *В молода бы Дюка*; ст. 80 замуж *иди*; ст. 82 *не ходи-ко* за князя; ст. 83 А *не ходи за ту* господьску; ст. 84 ты *да* послушай-ко; ст. 86 братьиця; ст. 87 поднялась; ст. 88 *Ведь* уехал; ст. 93 тут-*то* день за день; ст. 94 *ведь неделка*; ст. 98 *А* приежжат; ст. 102 сегодни; ст. 105 ведь *и* буйной; ст. 106 скрозь *ли* Добрыню; ст. 112 прохожого-проезжого; ст. 126 дожжат; ст. 128 год-то *ли* за год; ст. 130 двенадцять; ст. 133 А *ведь* подговорил; ст. 134 жоной; ст. 135 со Опраксией со Романовной; ст. 136 Овдотьюшки; ст. 148 А доброй; ст. 149 широко ли *доброй конь* да перемахиват; ст. 153 Видел я Добрыню *сегодни*; ст. 156 над тою ли *над* старушонкой; ст. 158 был *бы* Микитинець; ст. 160 денёцьком; ст. 166 худо *я* тебе; ст. 167 во долгиих во поездоцьках; ст. 169 старыим; ст. 171 А *ведь* у; ст. 193 крёс ли *кладал*; ст. 197 мистецько; ст. 201 скоморошенька; ст. 205 мне-то *всих* потепляе всих; ст. 220 княгина; ст. 232 *шла* отсутствует; ст. 236 солнышку; ст. 237 А я дивую *я* старому; ст. 240 А ён *оттого* берет; после ст. 250 ремарка: *А вот не верят, что Бога нет, а кто же управлял-то?*

В ст. 1, 3, 6, 8, 10, 19, 20, 24, 25—28, 31—34, 37—39, 43, 45, 52, 55, 57, 58, 61, 64—66, 72—74, 80, 87—90, 95, 97, 102, 117, 126, 128, 131, 137, 139—141, 160, 161, 165, 168, 171, 172, 174, 175, 177—179, 181, 182, 187, 201, 202, 204, 205, 215, 217, 219, 221—223, 226, 227, 229, 230, 232, 238 ударения отсутствуют.

64 Зак. 3948

«Добрыня и Алёша» — одна из лучших былин Конашкова. Придерживаясь обычной для Прионежья сюжетной схемы, сказитель использовал немало редких, известных по единичным записям деталей и формул, подчас дополняя их уникальными художественными образами. В рамках новеллистического сюжета ему удалось подчеркнуть богатырские качества Добрыни — он уезжает из Киева на заставу, «стоять за це́ркови за соборныи, за дом Присвятой Богородицы»; материнским сомнениям противопоставляет чувство долга («ехать надобно»). На этом фоне поведение Алёши Поповича и покровительствующего ему князя Владимира выглядит особенно безнравственным — крестовый брат Добрыни распускает слухи о его мнимой смерти, а князь насильно заставляет «Овдотьюшку» согласиться на брак с Алёшей, угрожая ей физической расправой («а не йдё — срубим голову»). В таком контексте органичными выглядят и резкая отповедь Добрыни князю («старому псу, седа́тому»), и уникальная психологическая деталь — демонстрируя на пиру свое пренебрежение к жениху, богатырь «на испа́шоцьку» выплескивает поднесенную им чару с вином (ст. 215—219). Традиционное описание мертвого тела Добрыни, которое Алёша видел в чистом поле, построено на гиперболических образах (сквозь тело богатыря «проросло деревце калиново», на нем соловей свил гнездышко). В былине Конашкова они получили дальнейшее развитие — соловей «высвистыват, выговариват»: кто бы свез весточку нерадостну Добрыниной матери? По дороге на свадебный пир богатырь подкупает не только «дворников, воротников», но и «маленьких робяток» обещает угостить калачами, если они будут молчать (ср. аналогичный мотив в былине Г. Амосова — № 78, ст. 165—171; в текстах И. Аникиной — № 100, ст. 77—80 и Е. Журавлевой — № 125, ст. 156—161). Подчеркивая, что Добрыня «на ножку легок» и мгновенно взбирается на печку (ср. варианты А. Сорокина — № 80, ст. 343—344 и А. Пантелеева — № 90, ст. 170), Конашков (или его предшественник) и здесь находит остроумное продолжение: «А мне-то здесь потепля́е всих, А потепля́е мни да повидняе всих» (ст. 205—206). Дополнительными бытовыми подробностями осложнено типичное для Прионежья опознание Добрыни по «переложеньке» на голове — оказывается, в детстве «было лягнуто копытом».

Некоторые детали комментируемого текста необычны для западной Пудоги. Неузнанный матерью Добрыня заявляет, что недавно виделся с ее сыном (ср. с былинами заонежских и повенецких певцов). Алёша Попович назван «вором», как во многих кенозерских и некоторых водлозерских вариантах (№ 84, 86). Нетрадиционны у Конашкова многие имена собственные: мать Добрыни — «Офимья Тимофеевна» (обычно или «Мамельфа Тимофеевна», или «Офимья Александровна»), его жена — «Овдотья Микулицьна», великая княгиня — «Опраксия Романовна». Описание расправы с Алёшей Поповичем (ст. 244— 247) позаимствовано из популярной на Пудоге исторической песни о Кострюке, которая от Конашкова не записана.

В былине шальского сказителя сохранились достаточно четкие представления о некоторых древнерусских обычаях. Как и во многих других сюжетах, княжеское поучение сопровождается поднесением чары с вином. Если богатырь ее принимает и выпивает, это означает его согласие «сослужить службу немалую» (см. ст. 10—11, 25—26; ср. с одной из мезенских былин, в которой до конца «расшифрована» эта особенность феодального этикета — Аст. 1, № 18, ст. 67—68). Видимо, со средневековым местничеством связан отказ посадить Добрыню-гусляра за свадебный стол («по за́писи места у нас заняты»).

№ 99

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 324—331, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, л. 161—175, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. В рукописи — «Олёша Попович». Опубл.: С.—Ч., № 63.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 13 июля 1928 г., д. Непашинская — от Акима Семеновича Захарова, 68 лет.

В ед. хр. 25 после ст. 85 неполная зачеркнутая строка — «скакал во ... на етого на Карюшка-бурушка» с примечанием собирателя: «Не разобрать строчки. Не удалось записать» (л. 165).

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 2 во сели; ст. 5 этот; ст. 6 Во етую *ли*; ст. 10 заповедь; ст. 11 Великою; ст. 12 жоны; ст. 13 етой;[10] ст. 16 Микулицна; ст. 20 омманьщика; ст. 21 *Поди хоть за князево* [?] *холопина*, *князево* зачеркнуто; ст. 29 *Наежжат Микита*; ст. 31 синяго; ст. 32 поповиць-та; ст. 40 *Летат-то* (sic!) *во*; ст. 43 прошло; ст. 45 Говорит; ст. 48 Как *я* был *я*; ст. 49 У того-*то* у; ст. 50 Как нету; ст. 51, 52 *пошло*; ст. 62, 277 насмешника *над* бабьего; ст. 67 *они* не по-птиць*ё*му; ст. 70 Твоя *нынь-ку*; ст. 74 на свои *на*; ст. 77 Крицял; ст. 79 Ах ты *мой нунь* мой; ст. 80 Микитушки; ст. 101, 116, 118, 121 благочесливая; ст. 104 Микитушка; ст. 124 перехожою; ст. 125 поцесной; ст. 126 ко етому *ко* Олешке; ст. 127, 128 со княгинею; ст. 129 *на поцесной*; ст. 130 *лапоцинку липовцяту*; ст. 135 парехожою; ст. 136 поцёсной; ст. 137, 164, 262 ко Владимиру; ст. 138 Олешке; ст. 140 перехожаю; ст. 145, 163 гуселиця; ст. 149 *Вси*-то тут росплясалисе; ст. 155 *К тому*; ст. 156 *К той*; ст. 182 жолты; ст. 184, 193 *со* княгыной; ст. 186 *Ай же*, калики; ст. 189 *отця*; ст. 192 *посол Лиходоньскии*; ст. 194 Со своей *с*; ст. 197 Лиходоньскои; ст. 199 Добрынин; ст. 202 Олешке; ст. 209, 228, 234, 235, 242 цару; ст. 216 стрёхнетсе; ст. 218 Говорит Олёшка *Поповиць ли*; ст. 219—221 цорт; ст. 229 Другую; ст. 230 *пива* сладкого; ст. 237 Олёшке; ст. 238 Настасьи; ст. 243 увидать; ст. 253 издеваишьсе; ст. 256 Микитушка; ст. 259 Из того *из*; ст. 260 поцесной; ст. 263 к княгыны; ст. 264 снаряжалси; ст. 267 *охыстывать*; ст. 270 Микитка; ст. 271 жона; ст. 272 матушки; ст. 279 Омерфы; ст. 281 благоцесливаи.

В ст. 9, 29, 30, 38, 43, 45, 51, 52, 61, 65, 74—76, 81, 82, 84, 85, 90, 95—97, 103, 105, 106, 108, 122—124, 130—132, 134, 139, 143—147, 151, 153, 169, 174, 177—182, 185, 186, 204, 209, 212—215, 217, 219, 222, 228, 234, 245, 247, 251, 259, 260, 270, 290 ударения отсутствуют.

После ст. 156 в текст былины внесено 6 стихов из ед. хр. 25.

«А. С. Захаров указывал, что перенял былину от Потапа Трофимовича Антонова из д. Гагарки Шальского погоста. Сличение текстов А. С. Захарова и П. Т. Антонова показывает, что это указание ошибочно» (С.—Ч., с. 887).

Помимо этого, А. С. Захаров считал своим учителем родственника по материнской линии Н. Прохорова; не раз слышал старины и в исполнении его преемника Г. Якушева (С.—Ч., с. 288—289). Однако в его былине о Добрыне и Алёше отсутствуют важнейшие структурные элементы прохоровской версии сюжета — встреча богатыря с вещим вороном, поединок Добрыни с Алёшей, бой Добрыни с вражеским войском. Если комментируемый вариант и восходит к прохоровскому, то Захаров сохранил лишь наиболее распространенные, обычные для пудожской традиции эпизоды и мотивы, опустив большинство нестандартных. Изменены некоторые подробности, не всегда, впрочем, удачно: Добрыня приходит на свадебный пир переодетый не скоморохом, а «каликою перехожею», хотя и потешает гостей игрой на гуслях; традиционно имя его жены — Настасья (у Прохорова — Василиста); мнимый калика дважды выпивает богатырскую чару с вином, пивом и медом, что заставляет Алёшу заподозрить его в маскировке; описываемые в былине события ошибочно прикреплены к городу Мурому. И лишь на лексическом уровне текст Захарова во многом близок к былине Н. Прохорова (эпитет «село прекрасное», вопрос о роде-племени незнакомого гостя в ст. 179—186, укор Алёше-обманщику и расправа с ним в ст. 260—263).

[10] В дальнейшем все формы местоимения *это* устойчивы, кроме стихов 231, 250, 251, 253, 265, 283, пишутся как *ето* и отдельно в разночтениях не отмечаются.

№ 100

Добрыня и Олёша Попович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 94—98, полевая карандашная запись (полные строки); ед. хр. 12, тетр. 2, л. 204 об.—206 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (начала стихов); ед. хр. 33, тетр. 3, л. 57 об.—62 об., чистовой автограф В. И. Чичерова; л. 56—63, полевая карандашная запись (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 59.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 17 июля 1928 г., д. Ножово — от Ирины Алексеевны Аникиной, 50 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 33

Ст. 1 *Д-ка* (ед. хр. 9); ст. 3 чесна Олександровна (ед. хр. 9); ст. 6 меня *да* во синё (ед. хр. 9); ст. 9 вм. *божья — ли я* пеньица (ед. хр. 9), пеньиця (ед. хр. 33); ст. 11 не бил бы я (ед. хр. 9); ст. 12 не бил *бы я* (ед. хр. 9); ст. 15 не знала бы *твоё я* (ед. хр. 9); ст. 16 ро́дила (ед. хр. 9); ст. 18 *А* походочкой в *Чурилу бы* Пленковича (ед. хр. 9); ст. 19 *могущесвом* (ед. хр. 9); ст. 20 ли *казака* Илья (ед. хр. 9); ст. 21 Как Добрынюшки-*то* эты реци (ед. хр. 9); ст. 22 на широкой (ед. хр. 33); ст. 23 А на *свою* тую (ед. хр. 9); ст. 24 конюшеньку стоялую (ед. хр. 9); ст. 25 Как вздымал *Д-ка* своего воро́ного (ед. хр. 9), воро́ного (ед. хр. 33); ст. 27 Поежжал-*ко* (ед. хр. 33), далече-то (ед. хр. 9); ст. 28 *Поезжал как удаленькой в чисто́ поле* (ед. хр. 9); ст. 29 Д-ка *сядуци* (ед. хр. 9); ст. 30 Добрынюшки (ед. хр. 33), *Д-ки* поедучи (ед. хр. 9); ст. 31 к^{у}поть (ед. хр. 9), *коупоть* (ед. хр. 33); ст. 33 Д-ка (ед. хр. 9); ст. 37 *Проживи* вдовой еще шесть годов (ед. хр. 9); ст. 38 Не видать те *мужа* (ед. хр. 9), не видать *же* Добрыни (ед. хр. 33); ст. 39 Из того широкого раздо́льиця (ед. хр. 9); ст. 40 времечко (ед. хр. 9); ст. 41 денечек за денечком (ед. хр. 9), дожь (ед. хр. 33); ст. 43 денечек за денечком (ед. хр. 9); ст. 44 того *времечки* шесть (ед. хр. 9); ст. 52 мужне (ед. хр. 9); ст. 53 шесть (ед. хр. 9); ст. 54 Д-ню из чиста (ед. хр. 9); ст. 59 *Молоду Настасью* (ед. хр. 9); ст. 60 *Как был я вчерась во цисто́м поли́* (ед. хр. 9); ст. 63 *сёго дни* почесной (ед. хр. 9); ст. 69 во божью церкву (ед. хр. 9); ст. 65 птици *да* во (ед. хр. 9); ст. 68 над собой *ли невзгодки* (ед. хр. 9); ст. 69 А твоя-*то* (ед. хр. 9); ст. 70 *П-ча* (ед. хр. 9); ст. 71 как ён (ед. хр. 9); ст. 72 *незаседлана* (ед. хр. 9); ст. 76 скочил (ед. хр. 9); ст. 81 на почесной пер (ед. хр. 9); ст. 82 жона (ед. хр. 9); ст. 84 За питьями за сахарнима (ед. хр. 9); ст. 86 Наливала *там* (ед. хр. 9); ст. 90 которой (ед. хр. 9); после ст. 90 ремарка отсутствует (ед. хр. 9); ст. 91 Олёшу(ед. хр. 9); ст. 92 *кирписчат* (ед. хр. 9); ст. 93 Олешеньки (ед. хр. 9).

В ст. 3, 4, 18, 26, 32, 40, 41, 43, 45, 54, 57, 60, 63, 65, 66, 71, 75, 82, 89, 91—93 ударения отсутствуют.

Довольно подробно изложив содержание эпизодов, составляющих первую половину былины, исполнительница скомкала ее финал, от которого осталось лишь несколько разрозненных формул. Содержание текста традиционно для западной Пудоги (см. характерные детали и формулы в ст. 47—48, 65—70; агрессивное поведение Алёши-жениха в ст. 49—50). Обещание Добрыни накормить, напоить «слуг заугольниих» (ст. 77—80), видимо, навеяно обычной в местных редакциях сюжета сценой подкупа княжеских слуг, не пускающих героя на свадебный пир. Оригинальное сравнение использовано в формуле быстротекущего времени — «де́нецек за де́нецек — как порог шумит» (№ 112).

№ 101

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, л. 21—38, чистовой автограф Э. Г. Бородиной, ед. хр. 35, л. 223—239, полевая карандашная запись (неполные строки, конец стихов, зап. В. И. Яковлевой); ед. хр. 20, л. 8—16, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (начало стихов); со строки 132 — ед. хр. 20, л. 11—16, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (начало стихов); ед. хр. 7, тетр. 1, л. 142—134 (перевернутые страницы), полевая карандашная запись; ед. хр. 25, тетр. 2, л. 375—382 (окончания стихов). Опубл.: С.—Ч., № 56.

Зап. Ю. А. Самариным, Б. М. Соколовым, В. И. Яковлевой: 18 июля 1928 г., д. Карапулино — от Афанасия Николаевича Голованова, 70 лет.

Примечание собирателей: к ст. 5, 70, 71, 81 «В рукописи неразборчиво». На самом деле — пропуск текста.

Разночтения ед. хр. 12

Ст. 31 благословеньице; ст. 102 Привожала; ст. 107 четырь; ст. 108 людямы-то; ст. 188 от-*то* матушке; после ст. 189 *Здорова ли хозяйка Настасья Микулишна* зачеркнуто; ст. 220 сватосьво; ст. 233, 234 во полату; ст. 294 *Добрыни Микитиньцю* зачеркнуто и сверху в квадратных скобках вписано *таковы слова*; ст. 299 в квадратных скобках зачеркнуто *подносили* и сверху вписано *давать*; ст. 309 *Настасьи Микулишной* зачеркнуто; ст. 316 *щасье* великоё; ст. 319 вписан в квадратных скобках между строк, карандашная ремарка: *он тут положил перстень ей в цяру* (ед. хр. 20, л. 15 об.); ст. 327 крестовой; ст. 328 *ведь* зачеркнуто; ст. 333 *Говорили ему* (ед. хр. 20).

В ст. 4—6, 18, 31, 51, 53, 61, 85, 108, 115, 116, 181, 188, 194, 199, 214. 220, 222. 228, 229, 240, 253, 256, 259, 261, 262, 268, 279, 280, 282, 286—289, 292, 293, 300, 302, 306, 308, 311, 319, 321—323, 328, 330 ударения отсутствуют.

Исполнитель утверждал, что «былину перенял у калик» (С.—Ч., с. 276). Вряд ли это соответствует действительности: в Прионежье калики приходили в основном из Каргопольского края, а комментируемый текст по содержанию не выходит за рамки местной эпической традиции (разумеется, если не принимать в расчет многочисленные индивидуальные новации Голованова). В былине использован целый ряд типичных для пудожских редакций сюжета мотивов (ст. 64—74, 135—137, 243—245); мать узнает сына по «переметоцьке» на голове (ср. варианты Н. Прохорова, Т. Фешева — № 82, 89). Развернутое описание встречи Алёши Поповича с Добрыней в чистом поле роднит данный вариант с былиной того же Фешева. В стилистическом плане текст имеет мало общего с фольклорной традицией. Голованов запомнил лишь несколько общеупотребительных эпитетов; типовые эпические формулы в его передаче выглядят почти пародийно, изобилуют алогизмами и туманно-витиеватыми оборотами речи, смысл некоторых из них трудно понять (см. ст. 7—10, 17—20, 87—90, 212—216, 223—226). Даже знаменитая формула «Пей до дна...», устойчиво сохраняемая в самых кратких пересказах былины, превратилась в нечто невразумительное (ст. 314—316). Стилистическая бедность варианта Голованова усугубляется его пристрастием к многословию, ненужным повторениям. Начальный эпизод былины (женитьба Добрыни) явно сочинен исполнителем. Нетрадиционно и имя матери героя — «Марья Тимофеевна». Необычна мотивировка спешного возвращения богатыря в Киев — «защемило сердце ретивое».

№ 102

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 138—144 и ед. хр. 33, 143—134 (перевернутые листы), полная полевая карандашная запись (сведенная); ф. 483, оп. 1, № 284, л. 47 об.—51, рукопись, перебеленная чернилами. Опубл.: С.—Ч., № 190.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 21 июля 1928 г., д. Кузестров на Водлозере — от Екатерины Степановны Павловой, 67 лет.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 3 Как *в* ў первую; ст. 4 А *видь*; ст. 6 деточек; ст. 8 матушки; ст. 11 дорожнии; ст. 13 ёму дорожнии; ст. 15 шубку *одёвал*; ст. 19 А пошол *он* на; ст. 21 Бурушко; ст. 22 окольцюживать; ст. 24 А на потичьки мягки войлуцьки; ст. 25 На мягки войлуки церкальской седёлышко; ст. 30 цёго; ст. 34 У своёго доброго Микитинца; ст. 37 Микулична; ст. 40 Она брала *добрую Д[ ]ку* Микитинца; ст. 51 *Дак* жди; ст. 58—60 жоны; ст. 60 сиротьскии; ст. 61 Олёша был *видь* бабий; ст. 66 ёго; ст. 67 в чистом; ст. 68 пороша; ст. 69 как всплывалисе; ст. 72 под тем как *под*; ст. 74 Неделя за неделей как рёка; ст. 76 отворяетсе; ст. 84, 85 окошицько; ст. 89 вчерася; ст. 92 убит *да* лежит; ст. 94 под кустицьком; ст. 95 А *что* под; ст. 96 *А у черных во́ронов*; ст. 97 *костоцьки* по чистому; ст. 98 Микулична; ст. 99 Поди-ко; ст. 102 риц*и́* *да* не с упадою; ст. 107 Олёшенька Поповиць; ст. 108 Девочий; ст. 110 А ён бабамы *да*; ст. 112 А ён скоцил; ст. 115 слудёнки; ст. 117 лебёдушки; ст. 118 Уж *что*; ст. 121 за неделей; ст. 127 Он на четыре сторонушки поклоняетсе; ст. 128 Микуличне; ст. 137 доброю; ст. 138 Он ногам лёжит; ст. 141 *У черного у ворона*; ст. 148 *А* не; ст. 155 Олёша был *видь* бабий надсмешничек; ст. 156 Дево́чий был омманщичек; ст. 159 Олёши *тыи ре́ци*; ст. 162 дубовую стену *о* кленовую; ст. 163 слуденки; ст. 174 *Он* поклон; ст. 178 под матицю; ст. 185 Как видал я добрую; ст. 186 Он ногамы; ст. 186, 187 лёжит; ст. 189 А как *у черных воронов*; ст. 191 Микулична; ст. 197 Не с упадою; ст. 199 *видь* Микуличну; ст. 201, 206 *видь*; ст. 206 Расстилал-*то* как; ст. 214 как три *годицька*; ст. 216 Как к Мики́тининой; ст. 219 Ты пусти-*тко*; ст. 221 *говорит* отсутствует; ст. 222, 223, 230, 231 кабацькая, бурлацькая; ст. 228, 229, 243, 249 А своёго; ст. 235 у доброй; ст. 238 Волосоцька; ст. 239 да до *нага*; ст. 244 Как добрую Д-ку Микитинца; ст. 248 Микитенца; ст. 251 Цёловала; ст. 253 Микитинец; ст. 254 Микулицьной; ст. 255 Увёл *как*; ст. 259 Принеси-*тко* скоморосьцяты; ст. 262 почесной стол; ст. 266, 282 разрывчата; ст. 273 За *скорьцями*; ст. 274 А со Олёшенькой; ст. 281 На пецьной-*то*; ст. 286 Ай *ты*; ст. 289 *Наливали* цяру; ст. 293 на ядиной; ст. 294 глупой малой скоморошенка; ст. 304 *дак* ты не пей; ст. 309 Перстенёк; ст. 314 Взял-то *он*; ст. 316 *лежит* ён отсутствуют; ст. 319 А не всякому; ст. 323 Чёловал; ст. 325 Повёл; ст. 326 Ко своёй.

В ст. 6, 7, 12, 16, 18, 19, 23, 24, 35—38, 42, 45, 47, 48, 55—58, 75, 78, 82—84, 90, 93—95, 102, 103, 112—115, 122, 125, 129, 130, 136, 139, 140, 141, 147—149, 159—163, 173, 177, 178, 184, 187, 193, 196, 197, 201, 203, 209—211, 215, 217, 231, 239, 247, 251, 273, 276—279, 283, 287—289, 292, 294, 297, 298, 309, 311, 312, 315—317 ударения отсутствуют.

По словам исполнительницы, ее былина через двух «передатчиков» (свекровь и ее зять) восходит к старине сумозерского сказителя А. Сорокина (№ 80). Связь с сорокинским изводом сюжета подтверждается совпадением или близостью некоторых оригинальных деталей и формул. Настасья отказывает Алёше Поповичу, ссылаясь на запрет Добрыни выходить за него замуж. Добрыня бросает избитого соперника «под лавицю»; он отправляется «пановьев бить, улановьев», «мурзей-татаровей» (ср. былины Сорокина — Рыбн., № 135 «Наезд литовцев», ст. 5, 9, 35 и др.; Рыбн., № 137 «Соломан», ст. 5). Он одевает «шапку-мурманку да со рука́вкамы» (у Сорокина — «со рогавками» — Рыбн., № 131, «Дюк», ст. 698).

Как и сумозерский певец, Павлова использовала ряд традиционных для Прионежья формул и устойчивых словосочетаний (ср. ст. 29—36, 69—72, 134 комментируемого текста со ст. 58—62, 89—94, 145—146 у Сорокина). Имя матери героя — «Мамельфа Тимофеевна», а вот имя его жены у Павловой традиционно («Настасья» вместо сорокинской «Натальи»). Однако извод Сорокина не был единственным источником былины Павловой. Она сама или кто-то из ее предшественников был знаком и с водлозерской редакцией сюжета. См. формулу «дверь отворяетсе, а Олёшенька Поповиць пихаетсе»; описание бесчинств разгневанного отказом Алёши в ст. 111—115; упоминание печного столба, на котором усаживается Добрыня-гусляр; эпитеты «разрывчаты гусёлышка» (ср. № 105, ст. 66; № 106, ст. 47; № 135 и др.). В ст. 237—238 использован заимствованный из волшебных сказок поэтический образ, встречающийся и у других пудожских сказителей (Рыбн., № 168, ст. 98; С.—Ч., № 79, ст. 79). В ст. 115 и 163 упомянуты «слю́денки» («слу́денки») — тонкие пластинки из слюды, использовавшиеся в старину вместо стекол.

№ 103

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 7, тетр. 1, листы не пронумерованы, полевая карандашная рукопись и перебеленная чернилами (на оборотах листов); ед. хр. 20, л. 16—22, полевая рукопись (начало стихов); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 388—393, полевая рукопись (конец стихов); ед. хр. 34, тетр. 2, л. 3—15, полевая рукопись (конец стихов). Опубл.: С.—Ч., № 185.

Зап. Ю. А. Самариным, Б. М. Соколовым, В. И. Яковлевой: 21 июля 1928 г., д. Кевасалмы на Водлозере — от Никифора Антоновича Антонова, 70 лет.

Разночтения ед. хр. 7

Ст. 61 Все пришло времена все; ст. 86 хрестовой; ст. 147 показыват; ст. 8 *год не буду*; ст. 34 *Во чистом поли*; ст. 40 *с невесткою*; ст. 57 *за бога́тыря*; ст. 58 *Олёша Поповиць* мне; ст. 68 *Над собою* незгоды не *ведает*; ст. 69 *богатырьский-от*; ст. 73 *Бил Добрыня*; ст. 75 *Что ты пшеници*; ст. 77 *Ответял* конь человеческим *голосом*; ст. 95 *воротицька*; ст. 112 *рожоно*; ст. 122 *Говорил*; ст. 125 *повыгорела*; ст. 139 Как *у*; ст. 141 *У него*; ст. 154 *Пошла она*; ст. 156 Не за *богатырей*; ст. 189 *задумалисе*; ст. 209 *А как тут Добрыня*; ст. 224 *Увидала перстень*; ст. 236 *И у меня жену*; ст. 238 *Бросал Олёшу о кирпицят*.

В ст. 4, 8, 9, 13—15, 21, 23—25, 31, 32, 34, 44, 50, 51, 57, 66, 70, 81, 83, 84, 88, 89, 92, 97, 100, 101, 103, 104, 106, 109, 111, 112, 114, 115, 117, 121—124, 126, 127, 129, 131, 133, 137, 138, 140, 143—146, 148—150, 152, 153, 156, 163, 164, 166, 168, 170, 174, 175, 179—182, 185, 195, 196, 199—201, 204, 210, 215, 216, 223, 226, 231—233, 235, 237, 239, 241, 245 ударения отсутствуют.

Исполнитель утверждал, что перенял былины от дяди по матери М. Нигозёркина (С.—Ч., с. 617). И действительно, в его «Добрыне и Алёше» немало перекличек с Нигозёркиным (см. № 84), но не меньше схождений и с вариантом сумозерского сказителя А. Сорокина (№ 80). Как и Нигозёркин, Антонов использовал ряд типичных для водлозерской традиции деталей и формул: запрет Настасье выходить за крестового брата; упоминание печного столба, на который усаживается Добрыня-гусляр; «законы» князя Владимира, запрещающие держать вдов в русских городах (у Антонова формула более развернутая, близкая к варианту Т. Суханова — № 85). Некоторые типовые элементы встречаются у всех трех певцов, но их лексическое оформление у Сорокина несколько иное (формула быстротекущего времени, описание игры Добрыни на гуслях и реакции слушателей, перечень «удачливых» мужей). Вместе с тем в комментируемом тексте содержатся традиционные и оригинальные детали сорокинского извода, отсутствующие у Нигозёр-

кина: Настасья сообщает Алёше о том, что Добрыня запретил ей выходить за него замуж; Добрыня опускает в чару с вином «перстень обруцёныий» (у Нигозёркина — «именной»); узнав мужа, Настасья скачет через «столы дубовыи»; мать узнает сына по «пятнышку под правой под пазушкой»; Добрыня укоряет князя Владимира, помогавшего «у живого мужа жену отнять» (последних двух мотивов у Нигозёркина вообще нет). Антонов использовал также типичную для водлозерских записей формулу, отсутствующую у Сорокина и Нигозёркина («дверь на пяту отворяется, как Олёшенька впихáется»). Приведенные факты не поддаются однозначному объяснению. Можно полагать, что Антонову были известны варианты обоих певцов старшего поколения, и он соединил в своем тексте их элементы. Но не исключено, что Нигозёркин, усвоивший былины незадолго до встречи с А. Ф. Гильфердингом, продолжал работу над ними в последующие годы, используя варианты своих земляков.

№ 104

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 109—116, полевая рукопись сведенная карандашом; ф. 483, оп. 1, № 284, л. 34 об.—35, рукопись, перебеленная чернилами. Опубл.: С.—Ч., № 167.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 21 июля 1928 г., д. Колгостров на Водлозере — от Павла Осиповича Сухова, 75 лет (урожд. д. Пилмасозеро).

«Слышал былины от своего дяди Василия Алексеевича Сухова» (С.—Ч., с. 643). Заметно также влияние «первого петаря в Пудоге» Андрея Пантелеевича Сорокина (из д. Новинки на Сумозере — см. № 80).

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 2 Владимера; ст. 3 почесен; ст. 8 *отьцём*-матерью; ст. 21 смелосью; ст. 34 Микиты; ст. 33, 46, 51 шесь; ст. 54 брыждет; ст. 80 спускается; ст. 84 шерьсь; ст. 85 здумайтесь *и* да; ст. 90 Он приходит же; ст. 115 всякой.

В ст. 13, 18—20, 22, 23, 31, 32, 41, 43, 45, 64—66, 92, 93, 97, 102, 111, 113, 114 ударения отсутствуют.

Пилмасозеро, родная деревня сказителя, расположена всего в 10 км к северо-западу от Водлозера. Однако в комментируемом тексте отсутствуют специфические элементы водлозерской редакции сюжета. Единственное исключение — немирный характер сватовства Алёши Поповича, но этот мотив встречается во многих пудожских записях и за пределами Водлозера. В качестве зачина Сухов использовал редкую в водлозерских былинах жалобу Добрыни на свою участь; как и у ряда повенецких сказителей, она ничем не мотивирована. Вариант Сухова и по ряду других признаков близок к повенецкой и в меньшей мере — к кижской традиции: чуя недоброе, конь Добрыни «на коленка пал»; неузнанный матерью богатырь заявляет матери, что недавно «разъехался» с ее сыном; он отправляется на пир, переодевшись каликой (в большинстве пудожских текстов — скоморохом). Особый интерес представляет оригинальная деталь, использованная в типовом описании: Добрыня «принимает... цяру на единый перст». Ср. вариант повенчанки М. Котовой (Гильф., № 26, ст. 147—148). П. Д. Ухов ошибочно посчитал эту формулу уникальной для Прионежья и восходящей к мезенской эпической традиции (*Ухов П. Д.* Атрибуции русских былин. М., 1970. С. 171—173). В тексте Сухова опущены некоторые традиционные мотивы (узнавание Добрыни по обручальному кольцу), встречаются искажения и неудачные новации (ст. 47—48, 53—54, 75, 87, 97 — «безголовьице», «шевулыка подорожная» вместо «шалыги», «скороспешныи взору́дии» и др.). Механическое перенесение из былины «Илья Муромец и Сокольник» приводит к алогизму (ст. 68—70, 82—84).

№ 105

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 105—101 (перевернутые листы), полная полевая карандашная рукопись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 260 об.—263, полевая рукопись (конец стихов); ед. хр. 33, тетр. 3, л. 159—163, полевая карандашная рукопись на правом развороте тетради; сведенная и перебеленная чернилами на левом развороте тетради; ф. 483, оп. 1, № 248, л. 54—55, рукопись, перебеленная чернилами. В ед. хр. 9 — «Добрыня». Опубл.: С.—Ч., № 187.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 22 июля 1928 г., д. Чуяла на Водлозере — от Аграпиды Яковлевны Креховой, 83 лет.

«Былины переняла от своих деда и отца» (С.—Ч., с. 687).

В ед. хр. 9, л. 105 (перевернутый) — Крехова; в ед. хр. 9, л. 96 (перевернутый) — Крёхова; в № 284 (ф. 483) — Кряхова.

Разночтения ед. хр. 9

Ст. 2 Микитинец; ст. 4 На тую *на* гору; ст. 7 *Микитинець* отсутствует; ст. 13 молодця; ст. 15, 16 Через; ст. 17 Как с горы *на́* гору; ст. 18 ручьи; ст. 19 жоне; после ст. 19 *Ай же ты, моя да молода жона*; ст. 20 Как *проидё*; ст. 35 Со *тыим*; ст. 38 честным перком ёны *да* за свадебку; ст. 39 Уезджат; ст. 44 Приезжает; ст. 47 Как ёго родителька; ст. 48 Как сидит ёна, *сидит* да *приголашиват*; ст. 60 Еще вси *ли* на перу; ст. 62 Еще *в тоё* место все призаняты; ст. 63 мистецько; ст. 64 На печи... на печном; ст. 66 *Как*; ст. 67 *А* вси на перу; ст. 68—70 видь; ст. 75 *Как* не пьешь; ст. 77 злачён; ст. 78 возлѝ меня; ст. 80 А знал; ст. 82 *Как* кидал.

Ударения отсутствуют, кроме ст. 17, 18.

По свидетельству собирателей, тяжелая болезнь и преклонный возраст сказительницы помешали ей «дать полноценные художественные тексты»; она «пела старины задыхаясь, прерывающимся голосом, часто останавливалась» (С.—Ч., с. 687). Этим объясняются пропуски ключевых эпизодов (опущена сцена узнавания Добрыни матерью, схематично описано сватовство Алёши Поповича), деформация некоторых эпических формул (ст. 28—31). Вместе с тем в памяти певицы сохранились выразительные поэтические образы, свидетельствующие о незаурядном исполнительском мастерстве (ст. 13—18, 41—42, 45—46, 56—58). Видимо, правы были земляки А. Креховой, утверждавшие, что в свое время она пела былины несравненно лучше М. Нигозёркина (С.—Ч., с. 687). Неполнота комментируемого текста затрудняет выявление его генетических связей с другими водлозерскими записями. Однако некоторые мотивы и формулы типичны для местной традиции (запрет Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича — крестового брата Добрыни; упоминание «печного столба» в ст. 64; смутный намек на то, что на свадебном пиру Добрыню опознают по игре на гуслях в ст. 69—70). Ст. 3—6 перенесены из местной редакции «Дюка Степановича» (ср. варианты самой Креховой — С.—Ч., № 188, ст. 4—8; А. Сорокина — Рыбн., № 130, ст. 61—63; М. Нигозёркина — Гильф., № 218, ст. 75—81). Постоянный эпитет «гусёлышки разрывчаты» (ст. 66), видимо, следствие неудачного переосмысления традиционного эпитета «тугой лук разрывчатый». Этот эпитет встречается в ряде других записей из юго-западных деревень Водлозера (см. № 106, ст. 47; № 102, ст. 87, 181 и др.; № 135). Сбивчивый текст «Добрыни и Алёши», записанный от дочери Креховой — Д. Фокиной (№ 106), мало что дает для реконструкции прототекста, но былины двух других преемниц сказительницы — А. Митрофановой и А. Ульяновой (№ 135, 142), подтверждают высокие оценки былого исполнительского мастерства Креховой.

№ 106

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456; оп. 1, ед. хр. 9, л. 114—110 (перевернутые листы), полная полевая запись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 255 об.—257, полевая рукопись (конец стихов), «Добрыня в отъезде»; ед. хр. 33, тетр. 3, л. 149—154, полевая карандашная рукопись, на правом развороте тетради; сведенная и перебеленная чернилами на левом развороте тетради; ф. 483, оп. 1, ед. хр. 284, л. 53—54, рукопись, перебеленная чернилами. Опубл.: С.—Ч., № 189.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 22 июля 1928 г., д. Кузестров на Водлозере — от Дарьи Яковлевны Фокиной, 48 лет.

«Былины переняла еще девочкой от своей матери Аграпиды Яковлевны Креховой» (С.—Ч., с. 690).

Разночтения ед. хр. 284

Ст. 4 прощаитсе; ст. 5 С отцем с маменькой, с молодой жоной; ст. 8 Приеду-ко я; ст. 9 Не приеду я *да*; ст. 10 *Да ты жди еще*; ст. 11 через; ст. 16 За *О-ку ты за*; ст. 17 как он; ст. 19, 21, 29 чиста поля; ст. 30 *Выходила*; ст. 34 жона; ст. 35 *Его*; ст. 35 Ена матушка Мария Мархимьяновна; ст. 36 За Олешеньку *да* за; ст. 37 Тут Добрынюшка *да*; ст. 38 *С молода* коня; ст. 39 да во новую горёнку; ст. 40 Он; гусёлышка; ст. 41 Поезжал видь он; ст. 41 к Настасьи; ст. 44 Садитсе *Д-ня*; ст. 45 На пеци, пеци, *да* на; ст. 47 Розрыват свои розрывцяты; ст. 48 Он видь; ст. 49 *Хоть* не знают; ст. 51 Хоть на свадьбы; ст. 52, 53 вси; ст. 54 Еще стали тут *пощщеньиця*; после ст. 54 *Хоть поносят тут пощщеньиця*; ст. 56 А подносят тут видь *да*; ст. 57 *да* Добрынюшке; ст. 62 Он видь; ст. 64 Подняла ёго жена Микулицьна; ст. 65 рюмоцьку; ст. 68 Микитинца; ст. 69 возле; ст. 71 *Опущщался Д-ня*; ст. 72 видь; ст. 75 будущой; ст. 76 видь ... жону; ст. 77 Молоду жону; ст. 79 *в свой высок терём* отсутствует; ст. 81 К своёму; ст. 82 Оны.

В ст. 3, 7—12, 18—21, 23, 29, 58—61, 65—67, 69, 73—75 ударения отсутствуют.

Примечание собирателей: «Все строки, кроме первой, повторяются, два раза» (С.—Ч., с. 690).

Былину о Добрыне и Алёше Д. Фокина переняла еще в детстве от своей матери А. Креховой (см. № 105). Вариант фрагментарен, в нем отсутствуют многие традиционные эпизоды и мотивы, а из типичных для водлозерской редакции сюжета элементов сохранились лишь упоминание печного столба, на который садится Добрыня-гусляр (ст. 44—45), и запрет Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича — «потому, как ён мне товарищ-брат» (ст. 17). Единственное дополнение к прототексту — более развернутый наказ Добрыни жене (ст. 7—17). Фокина нередко отступает от традиции, используя нехарактерные для былинного лексикона слова и выражения («столы роскошныи», «рюмоцьку зелена́ вина», «по перстню да с указами», «с золотым перстне́м, с его памятью», «они стали жить и красоватисе, ...любоватисе»), вводя в повествование упоминание об отце Добрыни (ст. 81), матери Алёши Поповича «Марии Мархимьяновне» (ст. 35). Зная постоянный эпитет «гусёлышки яро́вцяты» (ст. 40), она вслед за Креховой употребляет и эпитет «разрывцяты гусёлышка», но туманное представление об игре на гуслях приводит к логической неувязке («разрыват свои разрывцяты гусёлышка» — ст. 47).

№ 107

Добрыня и Алёша

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 34, тетр. 2, л. 117—119, полевая рукопись; ед. хр. 10, л. 39 об.—42 об., перебеленная рукопись. Опубл.: С.—Ч., № 177.

Зап. Э. Г. Бородиной, В. И. Яковлевой: 29 июля 1928 г., д. Пилмасозеро на Водлозере — от Екатерины Тимофеевны Парамоновой, 41 года.

«Былину слышала от своего отца Тимофея Буханова» (С.—Ч., с. 668).

Разночтения ед. хр. 10

Ст. 50 *задоржалисе*.

В ст. 13, 15, 20, 30, 46, 52—54, 58, 64, 68, 69, 78 ударения отсутствуют.

Первая часть текста — перенесение из былины «Дунай-сват», начальный эпизод которого исполнительница неумело попыталась приспособить для рассказа о женитьбе Алёши Поповича, — роль крестного отца и главного советчика почему-то отведена Илье Муромцу. Связь с «Дунаем» проявилась и в немотивированном упоминании имени этого героя в финальном эпизоде (ст. 79). Элементы двух сюжетов соединены механически, поэтому Парамоновой не удалось избежать внутренних противоречий: Илья вроде бы и отговаривает Алёшу от женитьбы на Настасье, и сам же подталкивает его к такому шагу, заслуживая этим справедливый упрек другого своего крестника, Добрыни (ст. 14—19, 22—24, 80—86). В традиционной части, относящейся к сюжету «Добрыня и Алёша», использованы две детали, свойственные водлозерской редакции (Добрыня-гусляр усаживается на печной столб; Настасья по игре незваного гостя начинает догадываться, что возвратился ее муж). Стилистическое оформление былины невыразительно. Исполнительница слабо владеет эпическим стихом, часто сбивается на прозу, обращается к нетрадиционной лексике («прилетав к им записка», «незнакомой люд», «рюмоцька»).

№ 108

Про Добрынюшку Никитича и Алёшеньку Поповича

РО ИРЛИ, р. V, ф. 68, ед. хр. 201. Опубл.: *Андреев Н. П.* Русский фольклор. 2-е изд. М., 1938. С. 208—214; Аст. 2, № 172.

Публикуется по тексту, полученному М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 5 июля 1932 г., д. Погост Деригузовского с/с Заонежского (Медвежьегорского) р-на Карельской АССР — от Анастасии Федоровны Оргиной, 32 лет.

«Запись А. Ф. Оргиной сделана ею от Акулины Васильевны Коломаевой, 84 л., д. Большой Кугаволок на Водлозере Пудожского р⟨айона⟩. От нее же А. Ф. Оргина усвоила и былину „Князь, княгиня и старицы". Акулина Васильевна Коломаева, умершая в 1924 г., по сообщению А. Ф. Оргиной, знала много былин. Записанные тексты свидетельствуют о том, что она, несомненно, принадлежала к числу лучших сказителей нашего времени» (Аст. 2, с. 726).

Текст записан М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной на фонограф (см. № 109).

«Печатаемый текст по художественной разработанности не уступает варианту той же былины, записанной от Н. С. Богдановой. Глубоко поэтичны описания убитого Добрыни, причитание матери, изображение игры Добрыни на гуслях и воздействие ее на присутствующих на свадьбе гостей. Образ интригана Алёши Поповича отличается большой цельностью и выдержанностью: именно Алёша, заинтересованный в удалении Добрыни, советует Владимиру послать за данью его, а не Кирилу Тонкоплёнковича (т. е. Чурилу Пленковича).

По насыщенности социальными моментами данный текст тоже один из лучших. Выразительна мотивировка женой Добрыни своего согласия на замужество с Алёшей Поповичем: „Под боярином жить да будто под чертом, лучше идти мне за Олёшеньку да во замужесво" (ст. 159, 160). Образ насильника-князя дан четко. В этом отношении публикуемый вариант примыкает ко всем записям, сделанным Гильфердингом на Водлозере (№ 198, 206, 211, 217), в которых согласие жены Добрыни на замужество мотивируется угрозами князя Владимира. Наиболее близок наш текст к варианту № 198 из Водлозера. По-видимому, они восходят к одной и той же редакции, отличаясь, однако, некоторыми существенными чертами: так, напр⟨имер⟩, в варианте Гильфердинга весть о смерти приносят „старухи-кошельницы", а не Алёша Попович. Вся поэтическая описательная часть разработана значительно полнее и художественнее в нашем варианте» (Аст. 2, с. 726—727).

Один из лучших образцов водлозерской редакции сюжета. Некоторые детали роднят вариант Коломаевой с текстом И. Захарова (№ 87): формула отвода «Кирилы Тонкоплёнковича» (у Захарова — Алёши Поповича), упоминание «листов посольныих», формула «крестовый брат паче родново». Есть переклички и с былиной Нигозёркина (№ 84) — отъезд Добрыни за данями «в земли Датские»; редко встречающееся в Прионежье отчество Настасьи «Викулична» (то же у Панова — № 88). Однако вряд ли Коломаева была ученицей Захарова или Нигозёркина — эти переклички в былинах водлозерских певцов свидетельствуют лишь об общности традиционных корней. По насыщенности типовыми и оригинальными деталями комментируемый текст заметно превосходит обе записи Гильфердинга. Исполнительница еще больше драматизирует традиционный конфликт, делая Алёшу инициатором многолетней отлучки Добрыни (именно он «отводит» Кирилу Тонкоплёнковича и его братьев и советует князю поручить сбор даней Добрыне); Алёша, а не «старухи-кошельницы», распускает слухи о гибели своего крестового брата. Возвратившийся в Киев Добрыня поначалу хочет застрелить обманщика. Коломаева умело использует эпические повторы разных типов, параллелизмы, двойные эпитеты (ст. 106—125, 191—196, 227—228 и др.), удачно вплетает в былинное повествование бытовые детали (ст. 159, 180—181, 199, 252—254), оригинально описывает реакцию князя Владимира на игру незнакомого «погусельщичка» (ст. 262—264). Отдельные неточности и искажения («данны-пошлины», «сбулатнего»), возможно, объясняются тем, что былина записана не профессиональными собирателями, а племянницей исполнительницы. В остальном качество записи безупречно — точно переданы особенности былинной фразеологии и местного говора (в том числе и фонетические), отмечены отклонения от нормативного ударения.

№ 109

Добрыня и Алёша

ФА ИРЛИ, ФВ 4816.01.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 5 июля 1932 г., д. Погост Деригузовского с/с Заонежского (Медвежьегорского) р-на Карельской АССР — от Анастасии Федоровны Оргиной, уроженки д. Большой Куганаволок Водлозерского с/с Пудожского р-на Карельской АССР, 32 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Опубл.: Аст. 2, напев № 12, № 172 (текст); Добровольский—Коргузалов, № 17. См. также № 108 наст. тома.

По сообщению собирателей, сказительница переехала в Заонежье вместе с мужем, назначенным на пост председателя исполкома.

№ 110

Добрыня и Алёша

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 5 (1), л. 48—50; перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 180.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 25 июля 1932 г., д. Конновская Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 лет.

«Вариант следует обычной прионежской композиции данной былины с изображением Алёши как обманщика и с включением роли Владимира-свата, но без того социального заострения, которым наделены многие прионежские тексты (отсутствует конечный укор Добрыни Владимиру). Своеобразны мотивировка отъезда Добрыни досадой на обидевшую его мать, деталь в описании седлания коня — сетование коня на неправильное седлание (ст. 28—30), очень тонкая деталь в изображении приезда Алёши на двор Настасьи Микуличны — Алёша Попович, привезший ложную весть и стремящийся занять место Добрыни, привязывает коня к столбу, «где Добрыня добра коня седлал» (ст. 50—51). Как и в былине о Дюке той же исполнительницы, сильно заметно внедрение в стиль обыденной крестьянской речи и таким образом опрощение эпического речевого строя» (Аст. 2, с. 727—728).

Текст записан у самой границы Пудоги и Повенецкого побережья. В нем немало композиционно-стилистических особенностей, характерных для эпической традиции Обонежья (о предстоящей свадьбе Добрыня узнает от своего коня, который на ходу «подтыкается»; неузнанный матерью, Добрыня говорит, что недавно «поразъехался» с ее сыном, побратался, поменялся крестами и конями). Традиционна формула «понаумилась и пошла за Олёшеньку»). Другие детали и подробности типичны для всего Прионежья (ст. 64—65, 79—82 и др.). Уникальный мотив, раскрывающий психологическое состояние разгневанного Добрыни, использован в описании седлания — конь замечает:

Отец-то седлал, дак ребра к ребрушке,
А уж ты седлаешь — ребро наребро» (ст. 29—30).

Никоновой не всегда удавалось добротно скомпоновать былинные стихи, избежать прозаизмов (ст. 45—46, 86—87, 132—133), незначительных искажений: «редня» или «ридня столовая» вместо «гридни» (ст. 52, 106); «гусёлышка муравцяты» (ст. 124). Чуть позже исполнительница употребила традиционный эпитет — «яровчаты» (ст. 128). В ст. 40 Алёша назван «купцём». Видимо, это означает не принадлежность к купеческому сословию, а игровую роль жениха в свадебном ритуале.

№ 111

Добрыня и Алёша

ФА ИРЛИ, ФВ 4820.03.[11]

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 24 июля 1932 г., д. Конновская Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Публикуется впервые.

[11] На том же восковом цилиндре (ФА ИРЛИ, ФВ 4820.04) имеется звукозапись напевного фрагмента былины «Дюк Степанович» (2—3 строки) в исполнении А. М. Никоновой. Низкое техническое качество фонограммы (уровень шума значительно превышает уровень полезного сигнала) не позволяет выполнить нотацию напева.

№ 112

Про Добрыню и Алёшу

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 8 (1), л. 54—55 об.; перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 184.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 26 июля 1932 г., д. Северская Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Анны Николаевны Корешковой, 42 лет.

Зап. на фонограф 24 июля 1932 г. (см. также № 113 наст. тома).

В тексте А. Н. Корешковой более разработано начало (наказ Добрыни жене, троекратное сватовство Алёши Поповича, трижды повторяющееся описание быстротечности времени). Вторая же часть былины несколько схематична, образ князя Владимира отсутствует. По композиции вариант близок к заонежской традиции. См. также: Аст. 2, с. 728.

Вариант Корешковой принадлежит к той же модификации сюжета, что и былина А. Никоновой, ее землячки (№ 110). В нем использован типичный для Обонежья мотив — весть о предстоящей в Киеве свадьбе Добрыне приносят «птицьки-пташки» (ст. 72, 78). Редкая деталь включена в наказ Добрыни — через 12 лет он позволяет Настасье выходить замуж даже «за славныих за татаринов» (ст. 16). В формуле быстротекущего времени, повторенной трижды (ст. 21—24 и др.), нарушен обычный порядок стихов. Оригинальное сравнение «неделька за неделькой — как порог шумит» (ст. 22 и др.) находим еще у двух сказительниц с Пудожского берега, Аникиной и Якушевой (см. № 100, 128). Ст. 31—32 — перенесение из былины «Василий Буслаев и новгородцы». Вариант Корешковой открывается кратким запевом (ст. 1—3), близким по содержанию к началу «Небылицы» кенозерской певицы И. Калитиной (Гильф., № 238, ст. 1—2). Корешкова неплохо владеет эпическим стихом, в ее тексте нет явных стилистических сбоев.

№ 113

Добрыня и Алёша

ФА ИРЛИ, ФВ 4820.05. Опубл.: Аст. 2, напев XIII, № 184 (текст); Добровольский—Коргузалов, № 4. См. также № 112 наст. тома.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 1932 г., д. Северская Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Анны Николаевны Корешковой, 42 лет.

Нотация З. В. Эвальд.

№ 114

Добрыня и Алёша

ФА ИРЛИ, ФВ 3499.01.

Зап. Е. В. Гиппиусом: 15 января 1934 г., г. Ленинград — от Федора Андреевича Конашкова, жителя д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на Карельской АССР, 72 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

По сравнению с первоначальной записью (№ 98), развернуто описание «неумеренной» чары с вином (ст. 5—9). Такая формула была использована сказителем и во время последующих фиксаций его старины (№ 115, 117).

Публикуется впервые.

№ 115

Про Добрыню и про Алёшу

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 44; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Конашкова Федора Андреевича, 77 лет.

На протяжении 12 лет Ф. Конашков почти не менял текст «Добрыни и Алёши». По сравнению с первоначальным вариантом (№ 98), как и в записи 1938 г. (№ 117), опущен монолог матери Добрыни, которая хотела бы наделить своего сына идеальными качествами; Добрыня не называет крестового брата «вором». Как и в № 117, богатырь выливает вино из чар, поднесенных ему не только князем Владимиром, но и Алёшей Поповичем. В этом варианте сказитель впервые использовал былинный исход «Да на том былина та покончилась», который впоследствии прочно вошел в его художественный арсенал.

Публикуется впервые.

№ 116

Добрыня Никитич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 29, л. 507—515; машинопись. Опубл.: БПК, № 6.

Зап. А. Н. Антиповой: март 1937 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 72 лет.

Ст. 58, 71, 73, 203, 309 вписаны в машинопись карандашом. В ст. 80 имя исправлено карандашом.

«Одна из наиболее распространенных былин; около половины всех записей из б. Олонецкой губ⟨ернии⟩, особенно популярна в Заонежье и Пудожье (см.: Аст. 1, с. 565—567).

Пашкова рассказывает: „Слыхала от тетушки Ксении, но только она с тех мест пела, как Добрынюшке матушка говаривала. Хором эту былину пели, как запоют, любо слушать, с улицы заходят". Исполнение былины хором на севере очень редкое явление, вероятно, оно может относиться только к данной былине-новелле и объясняется характером сюжета и темой, приближающей былину к песням и балладам. На исполнение этой былины хором ссылалась и пудожанка Е. С. Журавлева.

В некоторых вариантах для мотивировки отъезда Добрыни присоединяется сюжет о змееборстве (Гильф., № 59, 148 и др.; Аст. 1, с. 570). Контаминация в варианте Пашковой очень искусна. Взят основной для заонежской группы вариантов эпизод былины о змееборстве, подвиг Добрыни — освобождение им Руси от насильника Змея. Своеобразие в том, что Змей не уносит племянницу Владимира, пролетая через город, как обычно, но угрожает нападением на самый город. По композиции былина близка к кенозерской группе вариантов (Гильф., № 222, 228, 290, 292). Но у кенозерских сказителей (за исключением № 222) Добрыня выезжает на борьбу с Бабой-Ягой, у Пашковой вместо сказочного образа Бабы-Яги более обычный для былинного эпоса образ Змея, также наделенный чертами сказочной фантастики. Характерные для заонежской группы черты социальной сатиры встречаются и в этом варианте: Владимир выступает в качестве свата, в конце былины (ст. 294 и др.) Добрыня обличает Владимира, бросая ему резкие упреки.

Оба сюжета (змееборство и муж на свадьбе своей жены) подвергались тщательному исследованию на обширном материале сказочного и героического эпоса различных народов. В ряде работ советских ученых (И. И. Толстого, В. Я. Проппа) доказано, что генетически они восходят к родовому обществу. Мотив змееборства широко известен в фольклоре всех народов.

В образах Добрыни и Алёши Поповича отразились воспоминания об исторических лицах (о Добрыне, дяде князя Владимира XI в., и Александре Поповиче, ростовском храбре XIII в., упоминается в лето-

писях). Признано, что отрицательными чертами образ Алёши Поповича наделяется позднее. Следовательно, сама былина о Добрыне и Алёше, построенная на отрицательной характеристике Алёши, сравнительно позднего (ориентировочно XV в.) происхождения» (БПК, с. 466—467).

В текст, представляющий собой контаминацию былин «Добрыня и Алёша» и «Добрыня и Змей», второй сюжет включен для обеспечения хронологической последовательности повествования о судьбе главного героя.

Длительная отлучка Добрыни мотивируется его поездкой для битвы со Змеищем-Горынищем. К традиционному сюжету «Добрыня и Змей» этот эпизод имеет весьма отдаленное отношение и, вероятнее всего, сочинен исполнительницей или навеян какой-нибудь печатной стилизацией «под фольклор». Действие происходит на горе Араратской, необычен внешний вид Змея — «о семи главах, о шести ногах, о восьми хвостах»; его сопровождает «поганая силушка» — змеёныши-детёныши, с которыми богатырь сражается три года. Некоторые речевые обороты и отдельные слова явно диссонируют с традиционным былинным лексиконом: «обнажил он саблю острую», «плутовством ли в Олёшеньку Поповича», «я желаю ехать охотничком, ..добровольничком» и др. Жалоба Добрыни на свою участь (ст. 57—67) противоречит его добровольному согласию выполнить поручение князя Владимира. Некоторые фрагменты былины стилистически близки к похоронным плачам или свадебным причитаниям, которые блестяще исполняла А. Пашкова (ст. 85—87, 131—134).

Та часть былины, которая посвящена неудавшемуся сватовству Алёши Поповича, традиционна по содержанию. Правда, состоит она из «хрестоматийных» эпизодов, известных едва ли не во всех районах бытования русского эпоса. Единственная деталь, характерная именно для пудожских записей, — мать узнает Добрыню по «переложинке» на голове. И в этой части текста встречаются поэтические образы, заимствованные из свадебных песен и причитаний (ст. 189—190, 200—207), но преобладает стилистика индивидуального сочинительства (ст. 157—159, 175—180, 191—197, 205—207, 214, 239—242, 272—273). Некоторые тирады в псевдонародном духе принадлежат, возможно, не Пашковой, а кабинетному сочинителю (ст. 170—173, 247—254). Как и в других текстах сказительницы, заметно ее пристрастие к осовремененной и не традиционной для былин лексике («шараманщик», «супруга», «зрители и посетители», «тень богатырская», «песенки посвистывать»).

№ 117

Про Добрыню и Алёшу

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 3, ед. хр. 58; черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 7. Вар.: С.—Ч., № 82.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Разночтения Линевский, № 7

Ст. 1—3 *Как во стольном городе во Киеве,*
Как у князя у Владимера,
Были собраны могуции богатыри.

Ст. 20, 27, 140, 169, 201, 226, 139 в ркп отсутствуют; ст. 9 (ркп 7) *цяра полтора ведра*; ст. 10 (ркп 8) А весом *она* тянет; ст. 18, 35, 99 (ркп 16, 32, 97) *проезжего*; ст. 23, 24 (ркп 20, 21) да *на* среднего (меньшего); ст. 26 (ркп 23) стать *на* резвы́ ноги; ст. 31 (ркп 27) *Выпью я*; ст. 33 (ркп 30) *Как* времени-то; ст. 40 (ркп 38) *Как просил-то Добрынюшко разрешеньице*; ст. 55 (ркп 53) Молодых жен, *да*; ст. 77, 78 (ркп 75, 76) в публикации поменены местами; ст. 84, 88, 115 (ркп 82, 86, 115) Олеше*нька*;

ст. 86 (ркп 84) *А* к; ст. 92 (ркп 90) *во* ракитов куст; ст. 96 (ркп 94) *Свито* у Соловьюшка; ст. 101 (ркп 99) Добрыниной *ко* матушки; ст. 102 (ркп 100) *Добрыниной молодой жены*; ст. 103 (ркп 101) *А Овдотья да*; ст. 109 (ркп 107) *спомню*; ст. 110 (ркп 108) *я еще вдовой*; ст. 111 (ркп 109) *Не* приедет; ст. 112 (ркп 110—112) *как день-то за год — как трава росла*; ст. 118 (ркп 116) А привез *он* князя *да*; ст. 123 (ркп 123) *сидела она под окошецьком*; ст. 126 (ркп 126) Со Добрынюшкой-*то я да*; ст. 130 (ркп 130) да *поскакивает*; ст. 131 (ркп 131) *Еде* молодец; ст. 132 (ркп 132) *да* ко матушки; ст. 133 (ркп 133) да к ... *ко* матушки; ст. 152 (ркп 152) худ-*то*; ст. 160 (ркп 159) руцьки *есть*; ст. 195 (ркп 193) А довел он ведет *и* до; ст. 196 (ркп 194) пораздумались; ст. 201 (ркп 198—199) вина *от княгины*; ст. 212 (ркп 210) в цяру *свой златéн* перстéнь; ст. 216 (ркп 215) Свой *имянной* перстень *да*; ст. 220 (ркп 219) который *противо стоит*; ст. 224 (ркп 223) *ум короток*

В ст. 87 (ркп 85) оговорка сказителя: «Добрыниной матушки» вместо «Овдотьи Микулицьной»; в ст. 213 (ркп 211) Конашков при исполнении ошибочно вместо «Добрыня» спел «Владимер».

Былина Конашкова развертывает сюжет в очень стройной компоновке. Однако в ней нет детально разработанных мотивов гуманности Добрыни, какие известны по варианту Сорокина. Трогательные жалобы Добрыни на участь воина («бить головки неповинные, сиротам, молодых жен да малых детушек») в конашковском варианте вложены в уста матери богатыря (ср. № 120). В упреках, направленных к Владимиру, в нашем варианте, как и в ряде других современных пудожских записей (ср. № 116, 118 и др.), социальный протест усилен указанием на заслуги Добрыни:

Как дивуюсь я князю Владимеру,
За которого стоял я двенадцать лет (ст. 224, 225).

В данной былине, как и во многих других былинах Конашкова, отсутствуют элементы фантастики, например чудесное узнавание Добрыни о готовящейся свадьбе. Поэтому эта былина, как и прочие в его репертуаре, кажется вполне реалистичной (см. также № 120). Первая часть былины лишена явных следов самостоятельного творчества. Она в значительной части составлена из общих мест. Возможно, что только конашковскому варианту принадлежит следующая деталь при рассказе Алёши Поповича о найденном теле Добрыни:

Скрозь Добрынюшку, скрозь Микитиця
Проросло деревцо да калиново,
Как на етом на деревци на калиновом —
Соловьюшка да гнёздышко,
А сидит соловей да выговариват:
«Как нет ли прохожего, а нет ли проеждего
Свезти вестоцьки да нерадосна
Как Добрыниной я ко матушки,
Ко Добрыниной а молодой жены —
А к Овдотьи-то да Микулицьной».
Как Овдотья-то да Микулицьна
А поди-ка, Овдотья, за меня замуж! (ст. 91—104).

Третья запись былины (ср. № 98, 115) свидетельствует о стабильности текстов Конашкова, разночтения в двух вариантах минимальны. В зачине не упоминаются церкви соборные и Богородица, князь Владимир не угрожает Настасье («Овдотьевне») смертной казнью. Соответственно и Добрыня в финальной сцене не столь резок в выражениях. Зато на свадебном пиру он демонстративно выливает поднесенную князем чару с вином, как и ту, что поднес Алёша Попович (ст. 202—207).

65 Зак. 3948

№ 118

Про Добрынюшку Микитинча

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 10а; беловая рукопись. Опубл.: БПК, № 22.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Разночтения БПК, № 22

Ст. 148 *упадываишь*; ст. 195, 196, 203 *кладывал*; ст. 256, 429 *молодець*; после ст. 314 пропущена ремарка: (*за которого не могла идти*); ст. 405 говорил... *ведь*; после ст. 463 *Не надо мне сёла да с присёлками* пропущено; после ст. 485 пропущено:

А кому знаю, я тому поднесу.
Наливала ему чару зелена вина;

ст. 491 *ведь* пропущено; ст. 515 *неудачная*; ст. 516 *будь* вм. *была*.

Примечания составителей: в ст. 166 в первом варианте — Король Додонский; после ст. 269 следует:

А ежели я тебя обыграю,
Сорок телег ордынских плати Руси золота.

Ст. 278—281 — это вариант обращения к королю:

Купь-ка ты телеги железныи,
Отправляй-ка золото на матушку Россиюшку,
Ежели ты золота не направишь, то я войной пойду.

В ст. 383 «на» — усеченная форма «она»; в ст. 389 «Обирала», т. е. убирала.

«Основной сюжет этой былины о Добрыне и Алёше осложнен эпизодом единоборства двух русских богатырей. В данном случае это является вступлением к главному рассказу, но известны былины о Добрыне и Дунае и о бое Ильи Муромца с Добрыней, где единоборство двух русских богатырей является основным сюжетом. Такие былины встречаются очень редко (см.: Аст. 1, с. 568—570).

Эту былину Фофанов слышал от Прохорова (Гильф., № 49), оба варианта в основном совпадают. У Прохорова отсутствует отъезд Добрыни на охоту, но далее, со ст. 36 до ст. 162, данный вариант почти дословно повторяет былину Прохорова. В последующем изложении отдельные эпизоды варьируются, причем в обоих случаях используются мотивы из былины о Василии Казимировиче: у Фофанова — эпизод у короля заморского, игра с ним в шахматы, у Прохорова — поездка двух богатырей на Литву и вскользь упоминаемая игра в шахматы за морем. Начиная со ст. 304 (у Фофанова) до конца оба текста совпадают. В отличие от былины Прохорова вариант Фофанова дает более последовательное и стройное изложение (отчетливее мотивированы отъезды Добрыни, подробнее рассказывается, что он делает в отлучке и т. п.). Отрицательная характеристика князя Владимира как свата в обоих вариантах отсутствует, но встречается такая типичная художественная деталь прионежских вариантов, как упоминание голубей-вестников» (БПК, с. 477).

Текст, принадлежащий к версии сюжета Н. Прохорова (см. коммент. к № 82 наст. тома), верный своему обыкновению Фофанов упростил, опустив описание боя Добрыни с татарами, а невнятное упоминание об игре в шахматы развернул в самостоятельный эпизод — состязание с заморским королем, который после проигрыша обязуется платить «во матушку Русиюшку да пóшлину» (здесь удачно использованы детали и формулы из былины о Михайле Потыке, которую сказитель знал тоже в прохоровской редакции).

Фофанов отказался от некоторых необязательных перенесений, имеющихся в тексте Прохорова, опустил немотивированное упоминание о трех «чудушках чудныих». Благодаря этим изменениям былина обрела бóльшую стройность, переходы от одного эпизода к другому стали более плавными и логичными. Незначительные дополнения смыслового плана, как правило, навеяны местной эпической традицией, а не являются плодом индивидуальных новаций певца (более резкий отзыв матери о неузнанном сыне в ст. 355—366, иронически грубоватое описание расправы с Алёшей в ст. 513, упоминание в финале былины об удачной женитьбе Добрыни и Ставра на «сёстрах рóдныих»). В отличие от своего учителя, называвшего героиню былины Василистой Микуличной, Фофанов употребляет ее традиционное имя — Настасья. Видимо, сознательно опущена сказителем нетрадиционная деталь прототекста, диссонирующая с аксессуарами эпического мира — висячий замок на шатре (см. ст. 52—53, 58 в варианте Прохорова и ст. 28, 37 в тексте Якушева). Необычны прикрепление эпитета «старый» к имени Добрыни и последний стих — «уехал Олёшка ведь и в Азию» (здесь возможно заимствование у Н. Ремизова, соседа и друга Фофанова — см. № 166, ст. 392 и др.).

Текст насыщен эпическими формулами, которые при повторениях не воспроизводятся механически, а слегка варьируются (ср. ст. 2—9 и 193—199, 253—254 и 425—426, 256—259 и 429—432 и др.); певец практически не выходит за рамки традиционной фразеологии, демонстрирует прекрасное владение былинным стихом. Как и в других эпических песнях, у Фофанова продумано каждое слово, каждая деталь повествования. Поэтому две явные логические неувязки («платья звериныи, лососиныи» вместо «лосиные» — ст. 363, 375 и «скороспелая как есть морóшина» вместо прохоровского «скора мала смела скоморошина» — ст. 434) воспринимаются как досадные случайности. Не исключено, что появились они вследствие ошибки собирателя: трудно поверить, что бывалый рыбак и охотник Фофанов мог спутать «лося» и «лосося» или не имел представления о северной ягоде морошке.

№ 119

Добрыня Микитинич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 89; ИРЛИ, р. V, кол. 165, п. 22, ед. хр. 12. Вар.: ПС, № 22.

Зап. И. В. Ломакиной: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Повторная запись «Добрыни и Алёши» подтверждает мнение исследователей о стабильности былин И. Фофанова. Однако сказитель не повторял свои тексты дословно, внося незначительные изменения при каждом новом исполнении той или иной старины. В комментируемом тексте он опустил некоторые второстепенные подробности и повторяющиеся формулы (ст 1—2, 11—16, 69, 151, 396—403, 521—523 и др. в № 118), добавил новые детали (ст. 4, 39, 134—135 и др.), перенес описание сватовства Алёши Поповича после эпизода игры Добрыни в шахматы (ст. 215—238).

Публикуется впервые.

№ 120

Добрынюшка

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 43; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 64.

Зап. Г. Ф. Нефедовым: 1938 г., д. Ялгансельга Песчанского с/с Пудожского р-на — от Петра Никитича Журавлева, 63 лет.

«Сказитель пел былину три раза. При втором исполнении текст был записан, при следующем — проверен. Изменения наблюдались в произношении слов (Микитинич — Микитинець, поигрывать — розыгрывать и т. п.)» (БПК, с. 501).

Разночтения БПК, № 64

Ст. 10 *пожениться*; ст. 32 *Едешь* ты; ст. 34 *молодыих жон*; после ст. 35 *А вдовамы будешь делать молодых жон* пропущено; ст. 41 (ркп 42) *в кладовочки* пропущено; ст. 100 (ркп 101) *Поводит Добрынюшка*; после ст. 103 *Он заводит тут как Бурушка обседлывал* пропущено; ст. 119 (ркп 101) *Уж ты поежжашь*; ст. 141 (ркп 102) *За братця*; ст. 160 (ркп 162) ко второй *к*; ст. 238 (ркп 240) стороне; ст. 246 (ркп 248) *как тут*; ст. 262 (ркп 264) *твоя молода жена*; ст. 310 (ркп 312) он *приехал уж*; ст. 435 (ркп 437) *Ён берёт*

В ст. 302 к слову «мостинки» пояснения собирателя: «половицы».

«Вариант отличается большой простотой и реалистичностью, даны образы только главных героев былины: Добрыни, его жены и Алёши Поповича, на которого ложится вся вина в сватовстве. Князь Владимир совсем не упоминается. Традиционные эпизоды расцвечиваются близкими к крестьянскому быту деталями. Вступлением служит коротенький рассказ о жизни Добрыни, потом говорится, что богатырь идет на войну, так как „начали сбираться все солдатики". Алёша приезжает с войны на побывку, ходит в дом Добрыни „на беседушку", в дальнейшем Добрыня клянется не князю (как в большинстве вариантов), а хозяину и хозяюшке, хозяина называет „домовым батюшкой" и т. п. С большой простотой рассказывается о прощании с женой, очень тщательно, в стиле традиционной поэтики, рассказано о сборах в дорогу и отъезде богатыря. Эта простота, задушевность, эмоциональная насыщенность образов наряду с четкостью поэтической формы составляют художественные достоинства данного варианта» (БПК, с. 501).

Ю. А. Новиков интерпретирует былину П. Н. Журавлева как типичный образец индивидуального сочинительства на основе когда-то слышанных былин: в тексте, насчитывающем около 450 стихов, всего несколько развернутых эпических формул; он беден постоянными эпитетами и другими фольклорными речевыми оборотами. В ряде случаев типовое описание или монолог угадываются за словесным «частоколом» (ст. 170—178, 241—254), но гораздо чаще Журавлев лишь имитирует былинный стиль, используя характерные для него принципы параллелизма (ст. 5—8, 18—19, 407—408 и др.), троекратного повтора, тавтологические словосочетания (ст. 80, 83, 171—172, 346), подхваты (ст. 20—21, 42—43, 155—158 и др.). Особенно далеки от народнопоэтического стиля ст. 85—94, 121—122, 172—178, 278—289, 332—339. Текст мозаичен и по словарному составу. Былинные обороты речи соседствуют с просторечиями, бытовой лексикой, заимствованиями из иностранных языков: «дом благодатный», «жалашь (т. е. «желаешь») быть на ужины», «сидишь при большой обидушки», «хозяин да домо́вой батюшка», «храбрости прибыло», «позиция», «неприятель», «солдатики», «война». Ориентируясь на фольклорные постоянные эпитеты, Журавлев нередко создает устойчивые (но нетрадиционные) словосочетания, многократно используя их в тексте: «паратное крылечушко», «хата теплая», «письмо печальное», «вся публика посторонняя». Сюжет былины построен на стандартных эпизодах, известных во всех районах бытования русского эпоса. В тексте нет ни одной детали или формулы, характерной для пудожской эпической традиции. Повествование открывается кратким рассказом о детстве и женитьбе Добрыни (ст. 1—13).

№ 121

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 32, л. 155—161 (л. 216—228); беловая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 55. Вар.: Черн., № 33.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 54 лет.

«Слышала былины от старика из Сарозера» (БПК, с. 496).

Разночтения БПК, № 55

Ст. 56 Бежи-*ка* ты; ст. 59 Може скажет; ст. 209 *Хотел* хлопнуть.

«Наиболее близкими вариантами являются те же, что и для предыдущей былины „Про Добрыню" (ср.: БПК, № 54 со ст. 32 описание основных эпизодов: отъезда богатыря, сватовства Алёши Поповича и т. п.). В качестве мотивировки отъезда служит посольство Добрыни. Подчеркнуто участие в сватовстве князя Владимира (ст. 75 и др.), которого, как и в других вариантах, Добрыня резко осуждает в конце былины. Это — характерная особенность прионежских вариантов (см.: БПК, с. 467). Скорбь матери Добрыни передана в стиле плача (ст. 100—111). В тексте заметны пропуски, объясняющиеся, быть может, как отмечалось выше, неблагоприятными условиями записи» (БПК, с. 497).

Как и другие былины Фадеевой, ее «Добрыня и Алёша» восходит к книжному тексту компилятивного характера, в котором использованы сюжетообразующие мотивы, оригинальные детали и формулы из вариантов многих севернорусских сказителей XIX в. (А. Чуков, П. Калинин, Т. Рябинин, Н. Прохоров, И. Гришин); из сборников Кирши Данилова и Киреевского (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 12, № 43). Исполнительница не согласовала элементы редакций Чукова, Калинина и других пудожских исполнителей, что тоже идет от книжного прототекста: герой выдает себя то за спутника Добрыни, то за самого Добрыню (см. ст. 152 и 155). См. также № 141.

№ 122

Женитьба Алёши Поповича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 63; черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Примечание исполнителя: «Читал в „Народной поэзии"» (НП, с. 60).

Публикуется впервые.

№ 123

Добрыня Микитинец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 5, ед. хр. 9 (=ИРЛИ, кол. 165, п. 22, ед. хр. 18); черновая рукопись.

Зап. И. В. Ломакиной: 1938 г., д. Северская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Анны Николаевны Корешковой, 46 лет.

При повторном исполнении Корешкова чуть ли не слово в слово повторила свой первоначальный вариант (см. № 112). Изменений совсем немного, и они не принципиальны: опущен запев; в сцене возвраще-

ния героя более определенно сказано, что он разыгрывает роль приятеля Добрыни, недавно с ним расставшегося.

Публикуется впервые.

№ 124

Добрыня Никитич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 55, л. 133—163 (л. 75—90); черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. И. Бычковой: 1940 г., д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Дмитрия Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского у., малограмотного, 64 лет.

По внешним признакам текст примыкает к версии сюжета Н. Прохорова, ибо первая его часть представляет собой былину «Бой Добрыни с Дунаем», в которой заменен один из противников (см. коммент. к № 82 наст. тома). Однако генетическая связь данного варианта с записями с Купецкого озера маловероятна — слишком много в них различий композиционно-стилистического плана. В комментируемом тексте упоминается о женитьбе Добрыни, его мать названа «Ненельфой Алексеевной» (у Якушева — «Офимья Тимофеевна»). В редуцированной форме сохранена жалоба Добрыни на свою участь, отсутствующая у сказителей с Купецкого озера; герой является на свадебный пир в наряде калики, а не скомороха, хотя позднее играет на гуслях; занимает место на печке («на лежаночке»), а не у порога; действие ошибочно прикреплено к селу Карачарову; конкретные «голубь со голубкою» превратились в «птицу вещую», которая «принесла грамотку» о происходящих в Киеве событиях. В описании поединка Добрыни с безвестным витязем чувствуется влияние сказочной традиции (конь богатыря отгоняет коня его противника, побежденный соперник просит пощады и т. д.). Безымянность противника Добрыни превращает творческую контаминацию двух былин в механическое их соединение. Текст Ефимова резко контрастирует с былинами упомянутых выше сказителей и по своей лексике: в нем много просторечных оборотов и в то же время примет книжного стиля («на произвол судьбы», «табуны заповедные», «смотрит сурово», «грязно кафтанишечко» и др.). Особенно показательно в этом плане псевдонародное описание игры на гуслях с упоминанием смычка (гусли — щипковый музыкальный инструмент).

Публикуется впервые.

№ 125

Добрыня и Олёша

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 7, ед. хр. 45, л. 145—166 (л. 10—13); черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 70.

Зап. Е. П. Родиной: август 1938 г., пос. Первомайский Шальского с/с Пудожского р-на — от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки д. Колтоноговская Пудожского у., неграмотной, 42 лет.

Разночтения БПК, № 70

Ст. 66 *шесь*; ст. 174 на себя-то был Добрынюшка; после ст. 193 *накормил ли робят да он всих досыта. Конец* в ркп зачеркнуто.

В рукописи имя и отчество Настасии Микуличны всюду сокращено — Наст. Мик.

«Эту былину, по словам Журавлевой, пели хором, но переняла она ее, очевидно, от Чурилина; более точных данных собиратель не приводит. Вариант сохраняет характерные черты прионежской редакции и

обнаруживает некоторую близость к былине Г. Амосова (Рыбн., № 155). Композиция былины та же, что и у Амосова; очень близок зачин (жалобы Добрыни на свою судьбу), встречается мотив задаривания ребят, насмехающихся над Добрыней (ст. 151—161), мотив голубей-вестников. Последний сильно развит: голуби прилетают не сами, а посылаются женой Добрыни. Из других характерных черт прионежских вариантов, в том числе варианта Амосова, совершенно отсутствует рассказ об участии в сватовстве князя Владимира» (БПК, с. 503).

Типичный для западной Пудоги вариант, в котором специфические особенности пудожских редакций сюжета (ст. 59—60, 106—107) переплетаются с элементами, характерными для Заонежья и восточного побережья Онежского озера (ст. 46—52, 56—57, 77—85, 112—113). Узнавание Добрыни по коню встречается в текстах М. Мякишева (№ 91) и П. Журавлева (№ 120). Эпизод с «робятами подугольными», которых богатырь обещает накормить-напоить (ст. 151—161), роднит комментируемый вариант с былинами земляков исполнительницы — Г. Амосова (№ 78, ст. 165—171), Ф. Конашкова (№ 98, ст. 185—190) и И. Аникиной (№ 100, ст. 77—80). Журавлева хорошо владеет былинным стихом, умело использует тавтологические словосочетания, у нее довольно богатый запас эпических формул, которые почти не варьируются при повторах (ср. ст. 25—89 и 88—102, 112—113 и 147—148). Наказ Добрыни жене, видимо, пропущен случайно — позднее Настасья упоминает «мужнюю заповедь» (ст. 65).

№ 126

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 1, л. 1—6; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 67.

Зап. В. Р. Дмитриченко: июль 1938 г., д. Заозерье Колодозерского с/с Пудожского р-на — от Домны Андреевны Шпагиной, 78 лет.

Разночтения БПК, № 67

Ст. 25 День за *днем*; ст. 28, 48 *со* чиста́ поля; ст. 39 мужськое; ст. 49 *к ней*; ст. 65 *А Опраксия*; ст. 68 много времени; ст. 100 ён *чару*; ст. 108 *Н*икуличной

«Сказительница слышала эту былину от умершего ныне старика Никиты Гурина, из деревни Шаликово Колодозерского сельсовета» (БПК, с. 502).

Вариант Шпагиной — первая по времени запись этой былины с Колодозера (крайний юго-восток Пудоги), эпическая традиция которого испытала сильное воздействие кенозерской. В нем обнаруживаются типичные для Пудоги мотивы и подробности: формула «похаживать, уговаривать...»; узнавание героя по трем «знатебкам и изложенкам» на голове (ср. варианты Н. Прохорова, Т. Фешева и их учеников — № 82, 89); вещание богатырского коня. Деревня Заозерье, где производилась запись былины, — самый восточный в Олонецком крае пункт, в котором зафиксирована знаменитая формула быстротекущего времени («день за днем — как дождь дождит...»). Есть в комментируемом тексте и кенозерские элементы: подробности в описании богатырского коня («У Бурушка гривушка трех локот, шерсточка трех рядов...» — ср.: Гильф., № 225, 252, 287 и др.); формулы «брат крестовое да лучше родного», «добром не идёшь — так и забоем возьму», «вчерась у них была свадебка, а сегодня у них да почестен пир» (см. былины кенозерских сказителей — Гильф., № 228, 290, 292 и др.). Возвратившись домой, богатырь выдает себя за калику перехожую, что несвойственно пудожской традиции (Добрыня обычно наряжается скоморохом), но нередко встречается в кенозерских записях (Гильф., № 220, 292). Шпагина назвала героя «Микитой сыном Добрынивичем», но иногда использовала и традиционное имя — «Добрынюшка» (ст. 52—54). Фор-

му «Микита сын Добрынивич» находим и в тексте Дарьи Шпагиной (№ 144). Удачная новация исполнительницы — «переадресовка» назидательной формулы «Не дивуй-ка ты уму женьскому...» (ее произносит Настасья, а не ее муж).

№ 127

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 8, л. 22—26; перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 66.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Малая Пога (Кевятсалми) Куганаволокского с/с Пудожского р-на — от Степаниды Яковлевны Егоровой, уроженки д. Малая Пога Пудожского у., грамотной, 47 лет.

Разночтения БПК, № 66

Ст. 7 *А глупый малыма́ детьми*; ст. 32 *Заправлялся*; ст. 41 крестовой брат *лучше ро́дного*; ст. 35 *Двенадцать*; ст. 49 Олёша *взял её* на омман; ст. 53 сафьяновые; ст. 71, 72 увидишь; ст. 77 *расчитывался*

Текст схематичен, со значительными пропусками или конспективным изложением основных эпизодов. Исполнительница часто не справляется со стихотворным строем былины, сбиваясь на откровенную прозу (ст. 2, 14, 29, 32, 42, 46—47 и др.). Егорова использовала ряд типовых для Пудоги или всего Прионежья мотивов и формул: Добрыня обижается на мать, похвалившую Алёшу Поповича; он запрещает Настасье выходить замуж за его крестового брата; Алёша «стал подхаживать ... замуж подговаривать»; мать бранью встречает неузнанного сына; Настасья сравнивает игру незнакомого гусляра с игрой Добрыни. Эти элементы повествования встречаются и в былинах водлозерских сказителей разных поколений. Однако оригинальных «водлозерских» формул в тексте Егоровой практически нет.

№ 128

О Добрыне-богатыре

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 6, ед. хр. 92, л. 94—97 (л. 125—128); перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Е. А. Белованової: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Степаниды Васильевны Якушевой, уроженки д. Семеново Пудожского у., 56 лет.

Вариант интересен некоторыми оригинальными мотивами, органично вписывающимися в традиционную для Прионежья сюжетную схему. Великолепна формула жалобы Добрыни на свою участь и развернутый ответ его матери (ст. 1—20), в котором в числе обладателей идеальных качеств назван и Алёша Попович. Эта деталь обычна в записях из Кижей, Толвуя и восточного побережья Онежского озера. Но у Якушевой с нею связано возникновение конфликтной ситуации — Добрыня обижен тем, что ему в пример ставят «самого меньшего брата», и уезжает из дома. В тексте удачно соединены элементы разных локальных традиций — обонежской, в которой весть о предстоящей свадьбе нередко приносят голуби (иногда «кормлёные», т. е. домашние), и пудожской, в которой в роли вестника чаще всего выступает богатырский конь. У Якушевой мать Добрыни выпускает голубей-вестников. Конь, подслушав их разговор, топотом копыт и ржаньем будит своего хозяина. Типично для местной традиции указание на сверхбыструю езду ге-

роя: «на войну Добрыня ехал три года, а с войны — три часа». Редкий в эпических песнях эпитет «сук милиденьский» (искаж. «сука меделенская») роднит комментируемый текст с былиной М. Мякишева (см. № 91, ст. 388). В формуле быстротекущего времени использовано оригинальное сравнение: «год-то за год — как порог шумит» (ср. с вариантом И. Аникиной, землячки Якушевой — № 100, ст. 43). Князь Владимир упоминается лишь в финале былины, но, возможно, в прототексте ему была отведена более активная роль. Добрыня упрекает князя, с которым недавно виделся в чистом поле (ср. варианты А. Сорокина, Т. Фешева и их учеников, в которых говорится о встрече Добрыни с Алёшей Поповичем незадолго до его сватовства к Настасье — № 80, 89 и др.).

Публикуется впервые.

№ 129

Добрыня

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 52, л. 32—38; черновая рукопись с множественными сокращениями слов.

Зап. Г. Ф. Нефедовым: 1938 г., д. Ялгансельга Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Андреевой (имя и отчество не указаны), уроженки д. Ялгансельга Пудожского у., 83 лет.

Везде «г» передается как фрикативное i, «й» — как j.

В развитии сюжета нарушена логика в ст. 82—94.

Текст обычен для прионежской традиции. Упоминание «синего моря Турецкого» роднит его с вариантами пудожгорских певцов П. Калинина и А. Чукова (№ 164; Гильф., № 149), а формула «Муж в лес по дрова...» — с записями из Кижей, былинами А. Чукова, Ф. Корсакова, Н. Сидоровой (№ 81, 154). Андреева использовала обычную в обонежских записях формулу «...стал похаживать, ⟨...⟩ замуж подговаривать». Оригинален эпитет «колечко забуселое» («бусеть» — темнеть, чернеть). Речь идет о кольце, вделанном в ворота, — оно потемнело оттого, что им долго не пользовались. В тексте немало искажений и отступлений от традиции, они встречаются даже в самых распространенных формулах. Настасья «понадумаласи» (вместо обычного «понаумилась») идти замуж за Алёшу; см. также ст. 20—21, 46—47. Жалоба Добрыни на свою участь и ответ его матери перенесены в сцену возвращения богатыря домой (ст. 82—93); Алёша Попович назван «бессильным» (ст. 14).

Публикуется впервые.

№ 130

Про Добрыню Никитича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 6, ед. хр. 50, л. 65—67 (л. 35—37); черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. А. Белововой: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Ульяны Игнатьевны Конашковой, уроженки д. Семеново Пудожского у., 69 лет.

Текст У. Конашковой — довольно подробный ритмизованный пересказ былины. Редакция сюжета обычна для местной традиции. Любопытно, что в нем нет оригинальных деталей и формул Ф. Конашкова. В то же время исполнительница использовала целый ряд отсутствующих у Конашкова мотивов, являющихся характерными приметами пудожско-обонежских записей: мать Добрыни называет Алёшу Поповича в числе богатырей, наделенных идеальными чертами; она предупреждает Настасью об отъезде ее мужа; конь будит спящего богатыря стуком копыт, сообщает ему о готовящейся свадьбе его жены; Добрыня просит коня отвезти его домой — «в три часа» вместо трех лет; мать не узнает своего сына в путнике, одетом в

66 Зак. 3948

«звериное» платье. Упрек Алёше Поповичу, который «прослезил» матушку богатыря, роднит текст Конашковой с былинами пудожгорских певцов П. Калинина и А. Чукова (№ 164; Гильф., № 149). Судя по этим разночтениям, комментируемый вариант не связан с семейной традицией Конашковых.

Публикуется впервые.

№ 131

Про Микиту сына Добрыновица

РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

Зап. А. П. Евгеньевой: 8 июля 1939 г., д. Заозерье (Колодозеро) Пудожского р-на Карельской АССР — от Домны Афанасьевны Маврыевой, 89 лет.

Примечание собирателя: к ст. 88: «*изложина* — рана»; после ст. 89 и 114 собирателем отмечены пропуски (исполнительница не помнила часть текста).

Текст чрезвычайно близок к варианту землячки Д. Маврыевой Домны Шпагиной (№ 126). Совпадают не только типовые элементы, характерные для прионежской традиции, но и те детали и формулы, которые роднят былины колодозерских певиц с записями с Кенозера и Водлозера (описание богатырского коня; формула «Брат крестовой лучше родного»).

Публикуется впервые.

№ 132

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 99.

Зап. О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко: 1940 г., д. Рагнозеро Кугонаволокского с/с Пудожского р-на — от Авдотьи Никитичны Тимониной, уроженки д. Алексеево (возраст не указан).

Придерживаясь типовой для Прионежья сюжетной схемы, исполнительница довольно подробно изложила основные эпизоды былины, использовала несколько характерных для местной традиции элементов (формулы «подхаживать, подсватывать...», «понаумили» Настасью пойти замуж за Алёшу Поповича). Встречающееся в ряде прионежских вариантов краткое упоминание о том, что Добрыня переодевается «каликой перехожей», развернуто в самостоятельный эпизод (видимо, под влиянием сюжета «Илья Муромец и Идолище»). Тимонина неплохо владела эпическим стихом, тяготела к формульному стилю исполнения.

Публикуется впервые.

№ 133

Добрыня Никитич, Настасья Микулична и Алёша Попович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 8 (=кол. 8, ед. хр. 290); черновая рукопись.

Зап. А. Д. Соймоновым: 1940 г., д. Ярчево Каршевского с/с Пудожского р-на — от Марии Ивановны Зубовой, 70 лет.

«Марья Ивановна несколько раз пыталась петь былину, но спеть всю не смогла. Это отражается на тексте, который местами переходит в прозу. Былину эту она слышала от Тихона Фешова (в близлежащих деревнях, произнося фамилию Фешева (Фешова. — *Сост.*), делают ударение на *о*)» (Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 8).

Примечание собирателя: «*Не хотелось мни тебя такого спородити* (ст. 4) — вариант при повторном исполнении».

Очевидно генетическое родство данного текста с былиной Т. Фешева (№ 89), которого исполнительница считала своим учителем. Варианты Фешева и Зубовой близки по композиции, в них использованы те же нестандартные мотивы и подробности: наказ Добрыни коню будить его стуком копыт, «если приедет кто»; «небольшинна скоморошинька, крестничек» в роли вестника; подкуп слуг, не пропускающих на свадебный пир посторонних; узнавание героя матерью по «приложенке (у Фешева — «переложинке») на головушке»; упоминание Осипа Прекрасного в диалоге сына с матерью; оригинальная гипербола, подчеркивающая бесчисленность вражеского войска, — «некуда пасть пороху»; формула «Добрынюшке слово взапреку пришло». Зубова часто выходит за рамки традиционной былинной фразеологии, охотно обращаясь к бытовой лексике, просторечиям и диалектизмам: «пряльца» — у Фешева «пяла тоцёныи» («пяльцы»); «воинство», «пясью» («пястью», т. е. горстью), «стражники». Исполнительница ввела в эпическое повествование и некоторые поэтические образы народной лирики: «восприемная скоморошина», «полк женьский». Архаичное слово «поляковать» по незнанию заменено глаголом «поленовать».

Публикуется впервые.

№ 134

Добрынюшка

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 51, л. 21—26 (л. 37—41 об.); перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Н. Париловой: 20 июля 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

При повторном исполнении А. Фадеева в основном не отступила от сюжетной схемы своего первоначального текста (№ 121). Она добавила подробности второстепенного характера (ст. 1, 67—68), использовала более развернутые версии двух монологов (ст. 120—127, 163—171). Вместе с тем опущены некоторые важные сюжетообразующие мотивы (узнавание Добрыни матерью, формула «Не тот мой муж...»).

Публикуется впервые. Вар.: БПК, № 55; Черн., № 33.

№ 135

Про Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 49, ед. хр. 290 (= кол. 8, ед. хр. 290); черновая рукопись.

Зап. К. В. Чистовым, Б. Е. Марголис: 1940 г., д. Чуяла Чуяльского с/с Пудожского р-на — от Александры Ивановны Митрофановой, 58 лет.

Былина была рассказана частично прозой. По сообщению собирателей, былину А. И. Митрофанова переняла от Агриппины (Аграпиды) Яковлевны Креховой (д. Чуяла). «Перед смертью ⟨А. Я. Крехова⟩ спела двум мужчинам, которые приезжали к нам, как и вы теперь», — пояснила А. И. Митрофанова.

По композиции и стилю текст чрезвычайно близок к былине А. Ульяновой, записанной в той же деревне — Чуяле — в 1957 г. (см. № 142). Обе сказительницы считали своей учительницей А. Крехову (см. № 105). Общность первоисточника их былин подтверждается многочисленными схождениями на разных уровнях. В обоих вариантах немало характерных для водлозерской редакции сюжета элементов: формула «дверь на пятушку отворяетсе, сын Олёшенька во палатушку пехаетсе»; угрозы Алёши взять Настасью силой; выразительное описание бесчинств отвергнутого жениха — «побежал Олёша с избы дверью

хлоп...». Митрофанова в отличие от Ульяновой не забыла упомянуть «печной столб», на котором усаживается Добрыня-гусляр. Как и в былине Креховой, нет сцены узнавания Добрыни матерью, не описывается его поездка — видимо, эти эпизоды изначально не включались в данный извод сюжета. В то же время обе ученицы Креховой использовали ряд традиционных деталей и формул, отсутствующих в ее тексте, но зафиксированных в разных районах Пудоги и за ее пределами (лирическое описание горя свекрови и невестки — «не две утушки сплывалисе...»; формула «стал забаивать, заговаривать...»). Мать Добрыни велит Настасье выслушать наказ отъезжающего мужа; Алёша назван «бабьим насмешничком, обманшичком». Все эти элементы есть и в былине А. Сорокина, известного многим водлозерским сказителям (см. № 80). В текстах обеих певиц обнаруживаются подробности, крайне редкие для олонецких записей: эпитет «палата гряновитая» (на Водлозере его использовал только Т. Суханов — см. № 85, ст. 335); позаимствованное из причитаний словосочетание «путистая сторонушка» (у Ульяновой — «путиста дороженька»); указание на то, что игра переодетого Добрыни-гусляра, развеселившая гостей, заставила Настасью пригорюниться (возможно, это связано с мотивом узнавания героя по игре на гуслях, известным по некоторым записям с Водлозера, Кенозера и Повенца). О генетическом родстве былин Митрофановой и Ульяновой свидетельствуют оригинальные детали и формулы, повторяющиеся у обеих певиц. У Добрыни конь — «бурушка-лохматушка»; богатырь выясняет у матери, по своей ли воле Настасья пошла замуж или ее «силом взяли». При описании седлания коня упомянуты «коврики» (у Ульяновой искажено — «бобрики»). П. Д. Ухов считал это чисто сибирской деталью (см.: *Ухов П. Д.* О подлинности текста былины, записанной Меем // Науч. докл. высшей школы : Филологические науки. 1958. № 1. С. 86—93). И лишь в концовке варианты Митрофановой и Ульяновой расходятся: первая исполнительница перешла со стиха на прозу и завершила былину рассказом о казни Алёши Поповича. У Ульяновой финал традиционный — Добрыня ограничивается избиением соперника.

Публикуется впервые.

№ 136

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 20, л. XXV—XXVIII; черновая рукопись, карандаш, редкие зачеркивания.

Зап. А. Д. Соймоновым: 1940 г., д. Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Федора Тимофеевича Миронкова, уроженца д. Гора, малограмотного (год рождения не указан).

«Записывать от Миронкова было очень трудно, рассказывал быстро. Пытался петь былину, но не получилось, говорил нараспев» (л. XXVIII).

Примечание собирателя: «На вопрос, как понимает сказитель „скоморощаты" (о платьях), он ответил: „маленький"; о богатырях Илье Муромце, Василии Буслаевиче, Кирилле Капленковиче, Дюке Степановиче сказитель, по его словам, мог рассказать о каждом в отдельности».

Исполнитель — земляк Т. Фешева и ряда других сказителей из Нигижемской волости. Неудивительно, что в его тексте обнаруживается ряд элементов, характерных для фешевского извода сюжета: мать Добрыни посылает слугу на поиски сына, но тот не узнает его в запылившемся молодце; все сомнения рассеивает «родимая знаменка» — «переложинка на головушке». Судя по всему, Миронкову были известны и другие модификации сюжета. Он использовал ряд традиционных деталей, отличающихся от используемых Фешевым. Мать Добрыни зовут «Офимьей Олександровной», а не «Наэльфой Тимофеевной»; запрет Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича мотивируется тем, что он — «бабий пересмешник» (у Фешева — «братец подкрестовый»); Добрыня расталкивает слуг, не пускающих его на свадебный пир (у Фешева — подкупает). Миронков не всегда понимал смысл некоторых устойчивых былинных словосо-

четаний и толковал их по-своему: «гуселка самоигральчаты» и др. Необычно для былинной традиции перечисление богатырей, присутствующих на свадебном пиру. Искажено имя Чурилы Пленковича — «Кирила Капленкович». В одном случае правомерно говорить об ошибке собирателя: алогичное «осёл кобыла под пазухой» — видимо, неверно понятая фраза «гусёлка были под пазухой» (когда Добрыня отправлялся на свадебный пир).

Публикуется впервые.

№ 137

Про Добрыню и Алёшу

Архив КФАН, р. III/2, № 194.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет орденоносец Конашков. „Про Добрыню и Алёшу"».

Первые 20 стихов почти дословно совпадают с другими записями этой былины в исполнении Ф. Конашкова (см. № 98, 114, 115, 117, 138).

Публикуется впервые.

№ 138

Про Добрыню и Алёшу

Архив КФАН, р. III/2, № 217.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет орденоносец Конашков. „Про Добрыню и Алёшу". Повторная запись».

Начало былины по содержанию и стилю близко к другим вариантам сказителя (№ 98, 114, 115, 117, 137).

№ 139

Про Добрыню

Архив КФАН, р. III/2, № 62.01-2.

Зап. А. М. Астаховой: 6 мая 1941 г., г. Петрозаводск — от Ивана Терентьевича Фофанова, 70 лет.

Запись произведена на двух целлулоидных дисках: Архив КФАН, р. III/2, № 062.01 и р. III/2, № 062.02; в начале и в конце каждого фрагмента — небольшие лакуны. На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Про Добрыню».

Нотация Е. И. Якубовской.

Зафиксированные А. М. Астаховой первые 46 стихов былины И. Фофанова близки к фрагментам более ранних по времени записей (№ 118, 119).

Публикуется впервые.

№ 140

Про Добрыню

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17, ед. хр. 99; черновая рукопись, чернила.

Зап. А. В. Беловановой: 30 июля 1946 г., д. Мелентьево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Михаила Андреевича Павкова, 55 лет.

Главным своим учителем М. Павков назвал Г. Якушева, одного из преемников традиции Н. Прохорова (см. коммент. к № 82). Однако оригинальных элементов прохоровской версии сюжета в его былине немного (упоминание об игре «в шашки-шахматы», описание игры Добрыни на гуслях, некоторые характерные словосочетания). Вместе с тем нет боя Добрыни с Алёшей; мать узнает сына по «родимому пятнышку под правой пазушкой» (у Прохорова и Якушева «знадебка» иная — рубец на голове). В былину включены традиционные прионежские мотивы и детали, отсутствующие в былинах Прохорова и Якушева (прощание Настасьи с Добрыней, решительное вторжение богатыря в родной дом — ср. ст. 264—266 у Якушева). Иначе описано тело мертвого Добрыни, которое Алёша якобы видел в чистом поле; роль свахи отведена Апраксии-королевичне, а мать героя названа «Мамелфой Тимофеевной» (у Якушева — «Офимья Тимофеевна»).

Публикуется впервые.

№ 141

Добрыня и Алёша

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 76а, л. 99—101; черновая рукопись, карандаш, правка чернилами. Опубл.: Черн., № 33. Вар.: БПК, № 55.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): июль 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 71 года.

Разночтение Черн., № 33

Ст. 8 *Да* проклади ты

«Анализ записей 1938 г. (БПК, № 55) и 1955 г. обнаруживает высокую сюжетно-композиционную стабильность текста. В варианте 1955 г. опущен мотив сообщения Алёши Поповича о бое Добрыни со Змеем (на пиру у князя Владимира), отсутствует мотив приметы, по которой мать узнает своего сына. Незначительно варьируют второстепенные мотивы, некоторые из них переставлены. В отличие от сюжета и композиции словесные элементы текста заметно варьируют. Характеристика варианта БПК, № 55 распространяется и на публикуемый нами текст» (Черн., с. 270).

При повторном исполнении Фадеева опустила некоторые подробности, но в то же время дополнила первоначальный текст (№ 121) оригинальными деталями, восходящими к вариантам Т. Рябинина (ст. 17—18), И. Гришина (ст. 114) и других олонецких сказителей (ст. 182).

№ 142

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 19, л. 4261—4270; рукопись.

Зап.: Б. П. Кербелите, С. С. Ожеговой: июль 1957 г., д. Новинка (Сумозеро) — от Александры Ивановны Ульяновой, неграмотной, 82 лет.

По сведениям собирателей, былину А. И. Ульянова переняла от А. Я. Креховой из Чуялы (Водлозеро).

Один из лучших по сохранности вариантов «Добрыни и Алёши», записанных во второй половине XX в. Генетически восходит к былине А. Креховой (№ 105), что подтверждается его поразительной близостью к тексту другой ученицы этой сказительницы — А. Митрофановой (№ 135). В комментарии к ее былине отмечены важнейшие сюжетообразующие мотивы, оригинальные детали и формулы обоих вариантов. Судя по всему, А. Ульянова лучше своей землячки усвоила прототекст, обладала более высокой техникой исполнительского мастерства, тонким художественным вкусом. Она умело использовала повторы, детализированные описания, богатый набор постоянных эпитетов (наказ Добрыни жене — ст. 25—36; распускаемые Алёшей лживые слухи о смерти названого брата — ст. 57—64, 85—92; бурную реакцию Алёши на отказ Настасьи выйти за него замуж — ст. 71—75). И лишь в формуле седлания коня (ст. 5—8) ощущаются явные искажения — в частности, «коврики» заменены «бобриками» (ср. ст. 6 в тексте Митрофановой). Не связаны с традицией «перцятоцьки зеленые», которые Добрыня надевает, отправляясь на свадебный пир.

Публикуется впервые.

№ 143

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 2, л. 4166—4172; рукопись.

Зап. Б. П. Кербелите, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Остров Кривецкого с/с (р. Водла) — от Михаила Тимофеевича Пахомова, 74 лет.

По сообщению собирателей, «Михаил Тимофеевич Пахомов слышал эти былины от своего отца Пахомова Тимофея Васильевича, который умер больше двадцати лет назад. Он был неграмотный, пел песни и старины. Прожил довольно долго — до 82 лет. Иван Васильевич Федоров приходился ему зятем. Когда Федоров узнал, как прославился „Конашков с Шалы", он посылал Тимофея Васильевича: „Поезжай, — говорит, — тоже прославишься". Да он уже престарелый был, не поехал. Михаил Тимофеевич говорит, что отец не пел ни про Ставра Годиновича, ни про Садко, ни про Василия Буслаевича, Ивана Грозного. Пел он про Якима Ивановича и Алёшу Поповича. От него же перенял эту старину Федоров. Про Добрыню Никитича и Илью Муромца больше пел, чем помнит Михаил Тимофеевич. В последние годы Тимофей Васильевич не пел старины, а рассказывал их. Михаил Тимофеевич тоже кое-что от него перенял, пел, например, про Добрыню и Алёшу Поповича, про Дюка Степановича.

В начале века (до Первой мировой войны, как говорит Михаил Тимофеевич) в деревне Остров были и другие сказители: Марк Иванович Олексахин, Никита Абрамович Терёхин — они пели старины, а некоторые (например, про Дюка Степановича) рассказывали сказкой. Горбачев Петр Григорьевич „рассказывал сказками про богатырей", петь не пел.

Отец Михаила Тимофеевича занимался крестьянством, в свободное время лодки делал. „При праздниках собирались старики. Маленьку рюмочку нальют и сидят, сидят целый вечер. Сидят беседуют, песни поют, старины, сказки сказывают"».

Прозаический пересказ былин «Добрыня и Настасья» и «Добрыня и Алёша» исполнитель осознавал как сказку. За исключением нескольких постоянных эпитетов, в тексте нет традиционных формул; исполнитель в основном придерживался просторечно-разговорного стиля.

Публикуется впервые.

№ 144

Добрыня и Олёша

Архив ФК МГУ, 1958, Сев. экспед., тетр. 3, № 16, л. 9880—9884; рукопись карандашом.

Зап. Ю. И. Смирновым: лето 1958 г., д. Колодозеро — от Дарьи Семеновны Шпагиной, неграмотной, 77 лет.

Пояснения собирателя: «*ширам* — шрам; *взял весёлышко яросчатое* — не знает, что это».

Вариант восходит к былине Домны Шпагиной (№ 144) и в композиционном плане почти не отличается от него — Шпагина-младшая пропустила только описание игры на гуслях. Некоторые типовые для пудожской традиции подробности ученица воспроизвела точнее, нежели ее 90-летняя учительница (определенно сказано, что богатырский конь разбудил «Микитушку Добрынюшку»; мать сначала не узнает своего сына, упрекая его за насмешки). Вместе с тем Дарья Шпагина исказила непонятное ей словосочетание («гуселышко яровчато» превратилось в «весёлышко яросчатое»), заменила «знатебку и изложенку» более современным словом «широ́м» (шрам).

Публикуется впервые.

№ 145

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 22, № 44, л. 0084—0089; рукопись карандашом.

Зап. С. Ожеговой, А. Михеевым, В. Иевлевой: июль 1960 г., д. Римское — от Пелагеи Тимофеевны Ярышевой, 52 лет.

Вариант по содержанию и композиции примыкает к другим записям с пудожско-повенецкого побережья Онежского озера. Наиболее близка к нему былина Ф. Корсакова из соседней Песчанской волости (№ 81). В текстах Корсакова и Ярышевой упрощена обычная для Пудоги сюжетная схема, в частности Ярышева опустила сцену узнавания богатыря матерью. Вопреки традиции, Алёша Попович именуется королевским сыном. Некоторые детали и формулы не имеют близких параллелей в других вариантах и, видимо, являются творческими новациями исполнительницы. Она использует нехарактерные для былинного лексикона постоянные эпитеты «дикии озёра», «дикии леса»; включает в былину фрагмент свадебных причитаний (ст. 64—66). О готовящейся свадьбе Добрыне возвещают не голуби, ворон либо «птицы перелетные», как в других прионежских текстах, а «два гусюшка кормлёные да уцёныи». «Кормленые голуби» упоминаются в былине кижских сказительниц П. Макаровой и П. Пастуховой (Гильф., № 168). Выразительно описание скачки богатырского коня: «Он дикие озёра перешахивал, // Уж как щелья он копытамы розламывал» («щелье — голый камень, утесистый берег» — Рыбн. 3, с. 313). Только в комментируемом варианте в ответ на просьбу Добрыни побыстрей довезти его до Киева конь упрекает хозяина:

«Ты водой меня поил да холодноей,
Ты не пшеной меня кормил да белояровой,
Ты травой меня кормил да всё осокою».

Публикуется впервые.

№ 146

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 2, тетр. 17, № 32, л. 9686—9688; рукопись карандашом.

Зап. Ю. Грейдингом, Т. Ярембаш: июль 1960 г., д. Ярчево Каршевского с/с Пудожского р-на — от Марии Андреевны Шимковой, 90 лет.

Текст М. Шимковой — изобилующий прозаизмами ритмизованный пересказ былины. Развернутые эпические формулы в нем практически отсутствуют, исполнительница удержала в памяти лишь несколько наиболее употребительных постоянных эпитетов, не всегда понимает смысл былинных оборотов (например, путает «гусельки яровчаты» — ст. 42 и «гуселышки муравчаты» — ст. 46). Шимкова пропустила многие традиционные для Пудоги эпизоды (весть о готовящейся в Киеве свадьбе, диалог неузнанного Добрыни с матерью), перепутала функции персонажей (обручальный перстень в чару с вином опускает Настасья, а не Добрыня). Алёшу она назвала «царем» и наделила необычным для него отчеством — «Иванович». Исполнительница заявила собирателям: «Так Тихон Фешов пел, покойная головушка; я переняла». Однако от оригинальных элементов фешевского извода в ее варианте сохранилось немногое: редкий постоянный эпитет «палаты грановитые», имя матери богатыря — «Омельфа Тимофеевна» (у Фешева — «Наэльфа Тимофеевна»), объяснение сдержанного поведения Добрыни в финальной сцене тем, что Алёша — его «подкрестовый брат».

Публикуется впервые.

№ 147

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 8, № 21, л. 8518—8523; рукопись карандашом.

Зап. С. Ожеговой: лето 1960 г., пос. Новые Тамбицы Пудожского р-на — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

В тексте немало мотивов и образов, типичных для прионежских записей былины, в том числе и водлозерской редакции сюжета (исполнительница почти всю жизнь провела на Водлозере). К общим для всего Прионежья можно отнести такие мотивы: Алёша в гиперболической манере описывает тело убитого Добрыни (ср. вариант повенчаники А. Ястребовой — Аст. 2, № 129); мать узнает богатыря по родимому пятну; он подкупает «стражу», не пускающую его на свадебный пир. Как и во многих водлозерских былинах, Настасья в резкой форме отвергает домогательства Алёши; мать обзывает неузнанного Добрыню «голью кабацкой» и не пускает в дом; Добрыня-гусляр садится на печной столб. Но некоторые элементы свидетельствуют о знакомстве Барановой с книгой, проявившемся и в других ее пересказах. Раздумья князя Владимира о том, кого послать против поляницы, — переделка соответствующей формулы архангельско-беломорских редакций былины о Сокольнике. Наиболее вероятный первоисточник — шенкурский вариант из сборника Киреевского (Кир. I, с. 46), охотно использовавшийся составителями хрестоматий и антологий, «сказок» о былинных богатырях. Эпитет «мужики заолешанина» восходит к былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике из сборника Кирши Данилова (КД, № 49). Другой эпитет — «Владимир красное солнышко» — тоже не характерен для устной традиции Водлозера, но обычен в популярных изданиях былин (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 12, № 2). Некоторые речевые обороты позаимствованы из современного лексикона («собирал собраньице», «князь обремизил его», «князь под салфетки забрался»), встречаются отдельные искажения эпических формул («клал он потнички ко стремешкам», «гуселышки чемраньские»).

№ 148

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 2, тетр. 17, № 7, л. 9673—9677; рукопись карандашом.

Зап. Г. Ярембаш, Ю. Грейдингом: июль 1960 г., д. Ярчево Каршевского с/с Пудожского р-на — от Настасьи Ефимовны Суворовой (возраст не указан).

Н. Суворова сообщила собирателям, что усвоила эту былину у своего земляка Т. Фешева. Однако в ее пересказе есть только одна деталь оригинального фешевского варианта: о готовящейся свадьбе Добрыне сообщает «скоморошинка». Пересказ Суворовой близок к варианту Н. Сидоровой (№ 150).

Публикуется впервые.

№ 149

Добрыня и Алёша

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, № 41, л. 9972—9975; рукопись карандашом.

Зап. В. Кузиным, А. Михеевым, С. Ожеговой, В. Иевлевой: 13 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

Краткий пересказ сюжетов «Добрыня и Настасья», «Добрыня и Алёша», в котором пропущен ряд сюжетообразующих мотивов, характерных для местной традиции (сообщение Алёши Поповича о гибели Добрыни; узнавание героя матерью).

Публикуется впервые.

№ 150

Про Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 130, л. 53—61; перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Черн., № 28.

Зап. Г. Григорьевой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

«Текст записан с пения. К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ очень охотно рассказывала все, что ей удавалось вспомнить, но уговорить ее петь стоило больших трудов. „Рассказывать-то лучше, петь тяжельше", — говорила исполнительница. Несколько раз К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ сбивалась на пересказ. На просьбы спеть старину отвечала: „Да я пою, пою", — и продолжала пересказывать. Петь начинала только после многократных просьб внуков, хором требовавших, чтобы бабушка пела» (Черн., с. 269).

«Сравнение текста К. Е. Ремизовой и ее мужа Н. А. Ремизова (БПК, № 34), от которого она усвоила былину, свидетельствует о том, что сказительница выучила ее не только от мужа, но и от других певцов. В этом убеждает, во-первых, отсутствие в варианте Ксении Егоровны контаминации с былиной о Добрыне и Змее (см. вариант Н. А. Ремизова), во-вторых, не разработаны мотивы, связанные с отсылкой Добрыни „во чисто поле", отсутствует мотив ложного известия о гибели героя. Иначе выглядят и другие мотивы: у Н. А. Ремизова Настасья соглашается идти замуж за Алёшу, у Ксении Егоровны — она сначала отказывается, ей угрожают пострижением в старицы; у Никиты Антоновича вещая птица сообщает Добрыне о предстоящей свадьбе Настасьи и Алёши, в варианте Ксении Егоровны это делают голубь и голубка. Большое сходство в текстах Ремизовых обнаруживают мотивы появления Добрыни в доме матери

(стук в дверь), опознания его матерью по примете на голове. По сравнению с былиной Н. А. Ремизова конец варианта его жены значительно сокращен.

Из пудожских вариантов к былине К. Е. Ремизовой ближе текст Г. Амосова (Рыбн., № 155): совпадает ряд специфических мотивов — угроза постричь жену Добрыни в монахини, насильственное замужество Настасьи, сообщение голубя и голубки о женитьбе Алёши и Настасьи, приход Добрыни к матери (стук в дверь).

Возможно, что первоначальные познания К. Е. Ремизовой в былинном искусстве, полученные на Купецком озере, оказались очень устойчивыми, и былины Н. А. Ремизова незначительно повлияли на них. По поводу этой былины в полевой тетради записано: „Тексты Ремизова и его жены значительно отличаются по содержанию. Ксения Егоровна в отличие от мужа уделяет гораздо больше внимания образу Настасьи Никуличны и психологической мотивировке ее поведения. Объясняется ли это только склонностью исполнительницы к импровизации или тем, что ей приходилось слышать былину из другого источника, выяснить не удалось. К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ говорила, что „Ремизов «Про Олёшеньку Поповица» в особину пел, дак я не помню". Свидетельства сказительницы говорят как о возможных других источниках былины, так и о нетвердом ее знании» (Черн., с. 269—270).

Несмотря на утверждение К. Ремизовой, что она усвоила эту былину от своего мужа, сопоставление вариантов убеждает в том, что генетически они друг с другом не связаны. Книжный по происхождению, компилятивный по характеру текст Н. Ремизова (№ 166) по большинству параметров заметно отличается от комментируемого. Как справедливо отметила Н. Г. Черняева, наиболее близкие параллели к былине Ремизовой обнаруживаются в тексте Г. Амосова (№ 78). В них совпадают и общий композиционный план, и содержание опорных эпизодов, и многие специфические детали и формулы (см. ст. 59, 94—100, 114—115, 124 и др.). Только у этих двух сказителей князь Владимир угрожает постричь несговорчивую Настасью «во старици» (ст. 64—66 — у Ремизовой, 98—100 — у Амосова). В ряде случаев исполнительница искажает традиционные формулы, но они легко восстанавливаются по тексту ее земляка. Ст. 102: «ступит-гремит да во второй закон» вместо «нако́н»; то же — в ст. 90 (ср. ст. 136 у Амосова). Ст. 71—73 вырваны из контекста (Алёша распукает ложные слухи о гибели Добрыни), в результате пропуска получается, что трава проросла сквозь тело живого богатыря (ср. ст. 62—67 у Амосова). Но в ст. 106—107 вариант Ремизовой уточняет и конкретизирует амосовский текст (мать узнала Добрыню по особой примете — «родимой знадебке на верховищё»). При исполнении былины Ремизова не раз переходила с пения на пересказ; многие стихи и целые тирады представляют собой свободный пересказ былинных формул с использованием нетрадиционных лексических средств (ст. 5—8, 12—13, 22—23, 25—27, 52—56 и др.).

№ 151

Про Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 129, л. 26—28 (л. 50—53); перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой, И. Шараповой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателей: «К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ слышала старину от мужа. Рассказала по просьбе собирателей».

Повторная запись былины сделана во время экспедиции 1961 г. (см. № 150). В содержательном плане изменений практически не произошло. Единственное разночтение — побоявшись угроз князя Владимира, мать Добрыни советует Настасье согласиться на брак с Алёшей Поповичем. В деталях повествования, на лексическом уровне вариаций гораздо больше, но принципиальной роли они не играют («царь

стольно-киевский» собрал богатырей «на думушку» — вместо «собраньиця, совещаньиця»; добавлены новые штрихи в жалобу Добрыни на свою участь («отпустила бы... на озёрушко былиноцькой»). Полнее и экспрессивнее стало описание прощания отъезжающего богатыря с женой; мать узнает сына по «бородавоцьке на затылоцьке» вместо неконкретной «родимой знадебки» и т. п.

№ 152

Про Добрынюшку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 108, л. 117—121 (л. 59—61); перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой, И. Шараповой: 3 июля 1961 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Офимьи Ивановны Фофановой, уроженки д. Климово Пудожского у., неграмотной, 64 лет.

«Когда собиратели впервые попросили О⟨фимью⟩ И⟨вановну⟩ спеть или рассказать о Добрыне, она ответила: „А что рассказывать, как-то толком не знаю. Ни конца, ни нацала, переплёт, что мочало". Вскоре после этого собиратели вместе с О⟨фимьей⟩ И⟨вановной⟩ отправились к Ксении Егоровне Ремизовой, которая пересказала былину о Добрыне, как только собиратели попросили ее об этом. Когда К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ закончила пересказ, О⟨фимья⟩ И⟨вановна⟩ рассказала, что ей удалось вспомнить. На просьбу собирателей спеть старину ответила отказом: она не помнит напева. „Ее хозяин и мой отец по-разному пели", — добавила она» (л. 121).

По содержанию вариант очень близок к былине И. Фофанова (№ 118), но многие эпизоды пересказаны сбивчиво или пропущены. Исполнительница сохранила в своей памяти одну из деталей прохоровской версии сюжета, отсутствующую у ее отца (в финальной сцене Добрыня наказывает Алёшу плеткой; у Фофанова не сказано, чем он его «нахлестывает»).

Публикуется впервые.

№ 153

Женитьба Добрыни. Добрыня и Алёша

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 253, л. 139—144 (л. 70—72 об.); перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой: 9—10 июля 1961 г., д. Лук-остров Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Алексея Ефимовича Канавина, уроженца д. Лук-остров Пудожского у., грамотного, 67 лет.

«А⟨лексей⟩ Е⟨фимович⟩ слышал „стих" о Добрыне от климовского старика по прозвищу „Сосновый", имени которого он не помнит. „Я еще недорослком был, от Соснового слышал". Сосновый, по словам А⟨лексея⟩ Е⟨фимовича⟩, знал очень много стихов. Когда-то А⟨лексей⟩ Е⟨фимович⟩ сам пел „стих" о Добрыне, но сейчас не помнит, как его петь. Рассказал по просьбе собирателя» (л. 144).

Возможно устное заимствование исполнителем от прямых преемников П. Калинина и А. Чукова (А. Канавин жил в нескольких десятках километров от Пудожской Горы). Однако настораживает тот факт, что за сто с лишним лет собирательской работы на восточном побережье Онежского озера не зафиксировано ни одного варианта этой былины, связь которого с чуковско-калининским изводом не вызывала бы сомнений.

Публикуется впервые.

№ 154

Добрынюшка Микитинець

Личный архив Ю. И. Смирнова. Опубл.: ДиА, № 82.

Зап. Ю. И. Смирновым: лето 1963 г., Лук-остров (Пудожский берег Онежского озера, в 3 км от д. Марнаволок Пудожского р-на Карельской АССР) — от Настасьи Ефимовны Сидоровой, уроженки Лук-острова, неграмотной, 78 лет.

Примечание собирателя: «Н. Е. Сидорова родилась на Лук-острове и пятьдесят пять лет назад была выдана замуж в Нигижму. Там, по ее словам, она слыхала этот „стих" у безногого старика Тихона Александровича Фешева, но петь сама уже не может. При сравнении ее текста с записью от Т. А. Фешева (№ 89 наст. тома) выясняется, что она действительно могла слышать былину от этого певца. Основа ее текста и ряд формул совпадают с соответствующими частями текста Т. А. Фешева. Вместе с тем Н. Е. Сидорова явно слышала и другую версию, характерной особенностью которой является сюжет „Добрыня и Настасья", прикрепленный к началу былины (ср. запись от ее брата А. Е. Канавина). Оба извода слились в ее рассказе» (ДиА, с. 429).

№ 155

Добрыня и Настасья, Добрыня и Алёша

Личный архив Ю. И. Смирнова. Опубл.: ДиА, № 83.

Зап. Ю. И. Смирновым: лето 1963 г., Лук-остров (в 3 км от д. Марнаволок на Пудожском берегу Онежского озера) — от Алексея Ефимовича Канавина, грамотного, 69 лет.

По сообщению Ю. И. Смирнова, «А. Е. Канавин ревниво относился к тому, что́ передавали собирателю его сестра и жена, и не хотел уступить им „славу" первого исполнителя. Накануне вечером он безмолвно прослушал рассказ сестры про Добрыню, утром и днем он старательно избегал собирателя, что на Лук-острове трудно сделать, и, очевидно, репетировал свой рассказ, а вечером сам предложил записать его рассказ про Добрыню. По его словам, он рассказывал „стих", который пела шестьдесят лет назад его бабушка Марфа Макаровна Ерохина, уроженка д. Песчаное. Когда собиратель удивился его памятливости, старик сказал: „Помнить дивья́, до смерти не забуду". Е. А. Канавин — хороший сказочник, а петь былины не может. Поэтому и былина у него стала сказкой» (ДиА, с. 429).

№ 156

Про Добрыню

Архив Петрозаводской государственной консерватории, МФ 108.2337.

Зап. С. Ю. Николаевой, Н. С. Рудневой: 1974 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Пелагеи Тимофеевны Ярышевой, по уточненным сведениям собирателей, уроженки д. Великая Нива, 66 лет.

В ст. 82 исполнительница спела «Микитицьна» вместо «Микулицьна».

Текст почти не отличается от первоначальной записи (№ 145).

Публикуется впервые.

№ 157

Про Добрыню

Архив Петрозаводской государственной консерватории, МФ 109.2342.

Зап. С. Ю. Николаевой, Н. С. Рудневой: 1974 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Пелагеи Тимофеевны Ярышевой, по уточненным сведениям собирателей, уроженки д. Великая Нива, 66 лет.

Публикуется впервые.

№ 158

Про Олёшенку Поповиця

ФА ИРЛИ, МФ 3068.09.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 13 июня 1985 г., д. Мосеевская («околок» д. Римское) Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Анны Ивановны Световой, уроженки д. Горка («околок» д. Римское), 77 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

По содержанию текст не выходит за рамки местной модификации сюжета. С разрушением эпической традиции связано превращение одной из заключительных формул («Кажной-то на свете женитца...») в зачин. Именно его А. И. Светова несколько раз пропела.

А. И. Светова слышала былину, которую называет «стих», в детстве. Ее пел дедушка, Захар Иванович Калинин, крестьянин д. Угольской («околок» д. Римское), как вспоминает Анна Ивановна, «сидя на печке». От дедушки она усвоила балладу «Братья-разбойники и сестра» (ФА ИРЛИ, МФ 3068.06-07), тоже именуемую ею «стихом». Дедушка «спёва́л про Олексея человека Бо́жьёго», а также стих «Камень в мори, а черви в древе». Кроме того, З. И. Калинин рассказывал в прозаической форме про Илью Муромца («просто как сказку говорил»). Сюжет этой былины А. И. Светова вспомнить не смогла.

По окончании пересказа исполнительница подтвердила: имя матери героя былины — Ольга Олёксáндровна. Однако имени самого героя вспомнить не могла и решительно отвергла попытку связать его с Добрыней: «Это уже — другое, ⟨...⟩ другой стих. В этом Добрыни не помнили». А. И. Светова продемонстрировала зачин былины в напевной форме (ФА ИРЛИ, МФ 3068.10-11; см. № 155, 156 наст. тома).

Согласно воспоминаниям А. И. Световой, ее дедушка Захар Иванович Калинин умер во время Гражданской войны. Его арестовали «белые» (как отца «красного командира») и увезли в д. Медвежья Гора. Там он простудился и по возвращении домой умер.

№ 159

Про Олёшенку Поповиця

ФА ИРЛИ, МФ 3068.10.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 13 июня 1985 г., д. Мосеевская («околок» д. Римское) Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Анны Ивановны Световой, уроженки д. Горка («околок» д. Римское), 75 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Публикуется впервые.

№ 160

Про Олёшенку Поповиця

ФА ИРЛИ, МФ 3068.11.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 13 июля 1985 г., д. Мосеевская («околок» д. Римское) Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Анны Ивановны Световой, уроженки д. Горка («околок» д. Римское), 75 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Публикуется впервые.

№ 161

Добрыня и Алёша

ФА ИРЛИ, МФ 3063.01.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 13 июня 1985 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Ольги Павловны Неверко, 57 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

По словам исполнительницы, зачин былины она запомнила от матери (урожденной Титовой), родом из деревни Великая Нива.

Публикуется впервые.

№ 162

Добрыня и Алёша

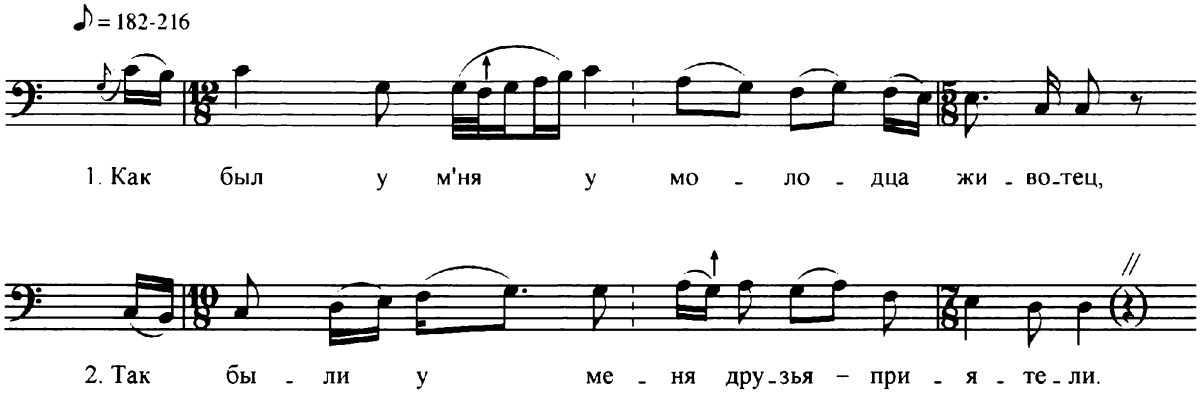
ФА ИРЛИ, МФ 3068.10.

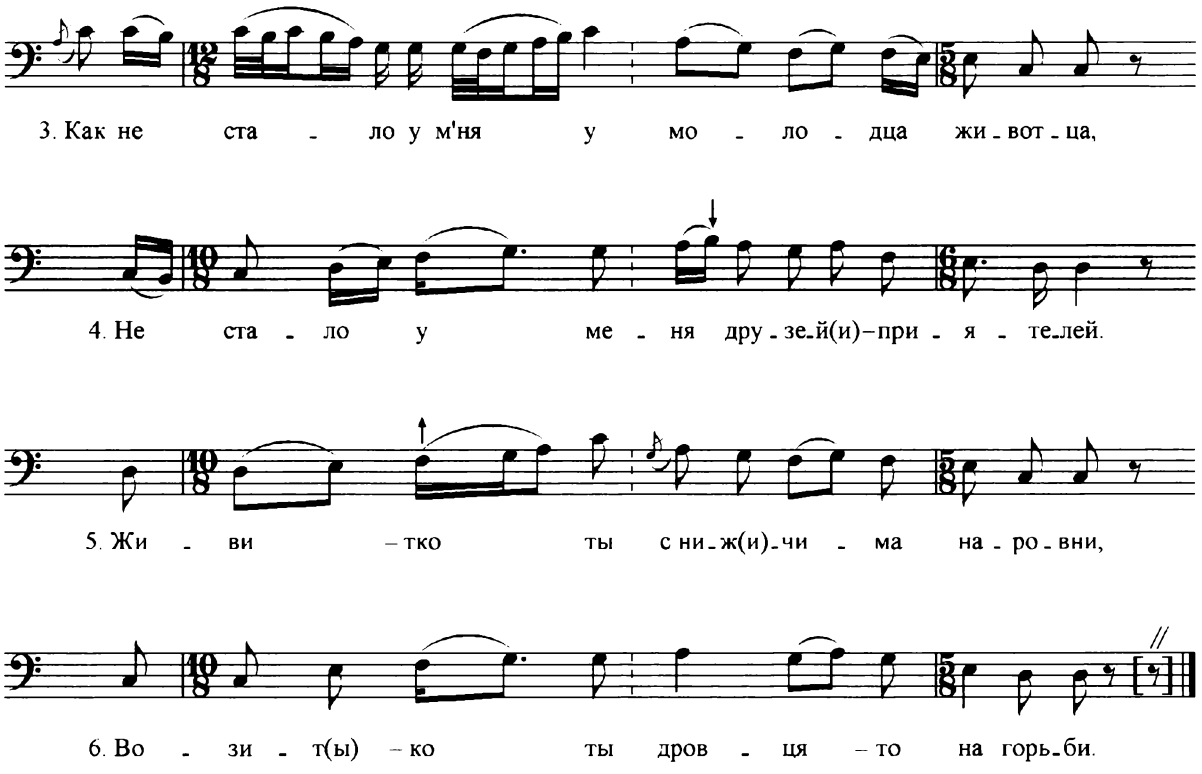
Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 11 июня 1985 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Ивана Никитича Ремизова, 75 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Напев транспонирован на 2 тона выше.

И. Н. Ремизов обратил особое внимание на тот факт, что с тем же напевом его отец исполнял балладу «Горе-злочастье»:

Как был у м'ня, у молодца, жи́вотец,
Так были у меня друзья-приятели.
Как не стало у м'ня, у молодца, жи́вотца,
Не стало у меня друзей(и)-приятелей.
Живи-тко ты с ниж(и)чима на́ровни,
Вози-т(ы)ко ты дровця-то на́ горьби.

ФА ИРЛИ, МФ 3049.06.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 11 июня 1985 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Ивана Никитича Ремизова, 75 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

Напев транспонирован на полтона выше.

Публикуется впервые.

№ 163

Олёша Попович

ФА ИРЛИ, МФ 2713.03.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. Н. Мартыновой, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 29 января 1986 г., г. Петрозаводск КАССР — от Ольги Александровны Играковой, уроженки д. Старое Сигово Пудожской вол. Пудожского у., 79 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

В тексте О. Играковой нет значимых схождений с вариантами сказителей — земляков старшего поколения — А. Сорокина и А. Пантелеева (№ 80, 90).

Публикуется впервые.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Сводные тексты

(№ 164—166)

Былины этого раздела представляют значительные по объему тексты, включающие более двух контаминаций, которые представляют собой развернутые и подробно изложенные сюжеты о Добрыне.

№ 164

Добрыня Никитич

РО БАН, 17.10.18, л. 17—35 об. (л. 34—51 об.) + 1 лист чистый; полевая запись; текст записан карандашом; номер, заглавие, дописи, дата, место записи, пунктуация — чернилами. На нескольких листах карандашные пометы наборщиков. На обороте чистого листа помета карандашом: «Ь. Добрыня. Размер везде чистый, эпический. 22 и 23 июля». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же (т. е. в д. Рим) 22 и 23 июля». Опубл.: Гильф., 1873, № 5.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 22 и 23 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Былина объемом в 1684 стиха записывалась два дня. Калинин не сразу вспомнил начало, и первые стихи были:

Много королей да королевичев,
Девять русскиих могучих богатырей,
А без счету тут народушка да черняди.

После ст. 90 следовал эпизод:

У солнышка да у Владимера
Как солнышко идет на вечере,
Почестный пир идет навесели.
Испроговорит Владимир стольне-киевский:
— У нас мне-ка-ва Владимиру не весело.

Ст. 299—300 первоначально были записаны в обратном порядке и помечены карандашом к перестановке.

Разночтения Гильф., № 5

Ст. 4 испр. из: *Ходи-тко ты гулять да нунь по Киеву*; ст. 5 испр. из: *По тым же по частыим нынь по улочкам*; ст. 7 испр. из: *Только не ходи ты к Маринушки Кайдальевной*; ст. 15 испр. из: *Много нонь казнила князев она, князевичев*; ст. 59—60, ч. 2 испр. из:

Лежит тут колпак да земли сыроматерой,
Земли сыроматерой да еще греческой.

Ст. 45—46 вписаны между строк; ст. 158—160 испр. из

А пьяница меня не о́бозвал.
Тут накинул на нас солнышко Владимир́ стольно-киевской,
Накинул на нас службу да великую.

Ст. 163 испр. из: *Как нету у Добрыни коня добраго*; ст. 171—176 вм.:

67 Зак. 3949

Буде утро мудро, мудренее буде вечера,
А день теби да буде там прибыточен.
А Богу ты молись да спать ложись.
Поди-ко на ко... —
Ставае он поутру ранехонько́,
Умывается белехонько,
Снаряжается да хорошохонько.
Идет...

Ст. 177 начинался со слов: *А стоит же етот*; ст. 190 испр. из: *Ложись тут Добрынюшка во спокой себе*; ст. 276 испр. из: *А стоит же тут Добрынюшка в крови*; ст. 294 испр. из: *Из тыих же из пещер да из змеиных*; ст. 343 испр. из: *Нельзя назвать нас другом да любимым*; ст. 345 испр. из: *И наехал он во чистом поли ископыть*; ст. 353 испр. из: *А я вез же да Забаву*; ст. 359 испр. из: *Ты свези-ко*; ст. 400 описка: *сырой дуб* вм. *сырой земли*; ст. 456—461 вм.:

Сделать с ей же заповедь великую,
Молода Настасья дочь Никулична,
И возьму я за себя да во замужество.

Ст. 486 испр. из: *Ах ты солнышко*; ст. 93, ч. 3 испр. из: *Солнышко Владимир стал захаживать*; ст. 196 оговорка: *По третий раз* вм. *По третий день*; ст. 249 испр. из: *Говорила скоморошина удалая*; после ст. 344 в ркп зачеркнуто

Князь тут будто пёс да меледеньскии,
А княгиня, будто сука меледеньская.
Князь-тот будто пёс же на цепочечке,
А княгиня, будто сука на веревочке —
От живаго мужа женушку просватали!

Эти стихи Гильфердингом в первое издание не внесены; ст. 356 испр. из: *Только не дай Бог женидьба да Олешкина.*

Примечания собирателя: к ст. 63 «*рыла*, т. е. бросала»; к ст. 78 «*теперь*, т. е. в то время»; к ст. 324— 329 «Это он потом велел включить, говоря, что вспомнил, что так поется».

В первом издании к названию былины сделано примечание: «Калинин пел подряд всю былину о Добрыне Никитиче, как одно целое, но говорил, что она обыкновенно поется в трех частях, которые составляют каждая отдельную былину».

После ст. 237 (первой части) и вторично после ст. 496 (второй части) в рукописи отчеркнуто чернилами, на полях — «Отставить», т. е. отступить при наборе, чтобы указать начало нового сюжета.

От П. Л. Калинина А. Ф. Гильфердинг записал сводную былину о Добрыне, включающую 4 сюжета: «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Настасья» и «Добрыня и Алёша». Три последних сюжета по большинству параметров чрезвычайно близки к вариантам А. Чукова. Однако в репертуаре этого сказителя нет «Добрыни и Маринки»; «Добрыню и Алёшу» он исполнял как самостоятельное произведение (Рыбн., № 27; Гильф., № 149), и лишь старина о Добрыне-змееборце соединена с сюжетом «Добрыня и Настасья» (Рыбн., № 26, 26а; Гильф., № 148). Эти расхождения в композиции текстов пудожгорских певцов-соседей, П. Калинина и А. Чукова, а также ряд других признаков свидетельствуют о том, что тенденция к объединению эпических песен об одном герое была реализована сравнительно поздно. Сводная былина Калинина состоит из трех частей, границы которых обозначены повторяющимися зачинами. И у Калинина, и у Чукова отсутствуют логически выстроенные связи между сюжетами «Добрыня и Змей» и «Добрыня и Настасья»: доминирует принцип механического сложения двух эпических песен. Видимо, и Гильфердинг, и сам Калинин осознавали конструктивную непрочность сводной былины. Со-

гласно датам, обозначенным в 4-м издании сборника, она фиксировалась в два приема: начало — 20 июля, а окончание — 22 июля 1871 г. (Гильф. 1, с. 153). Единственный раз в своей практике Гильфердинг разделил сводный текст на части и отказался от сплошной нумерации стихов: после «пограничных» пробелов отсчет былинных строк начинается заново. Имеющейся информации недостаточно, для того чтобы безоговорочно установить, усвоил ли певец сводную былину в таком виде или объединил четыре сюжета по собственной инициативе.

К варианту «Добрыни и Маринки», с которого начинается сводная былина Калинина, трудно подобрать близкие параллели. Во многом это объясняется ограниченностью материала — прионежские записи этого сюжета немногочисленны и, как правило, дефектны. Некоторые мотивы, известные по записям из других районов, во всем Прионежье встречаются только у П. Калинина и И. Еремеева из Кижей (Гильф., № 163). Маринка превращает Добрыню в тура златорогого (в других прионежских текстах этот мотив отсутствует или же говорится о превращении героя в волка). Обернувшись сорокой, она летит в поле и садится Добрыне на златы рога (у Еремеева — «на плечко на правое»). Почти дословно совпадает у обоих сказителей оригинальная формула, завершающая былину: «Я вечор же, братци, был женат, не холост, // А нынечу я стал, братци, холост, не женат». Но было бы рискованно на основании этих схождений говорить о заонежских «корнях» калининского варианта. Все указанные мотивы есть в трех текстах, записанных на крайнем востоке бывшей Олонецкой губернии — в районе Мошенского озера (Гильф., № 316; Т.—М., № 26; Мил., № 23). Более того, в мошенских записях, как и у Калинина, Добрыня расправляется с Маринкой в спальне. У Еремеева сохранился лишь глухой отголосок этого мотива. Видимо, в середине XIX в. в разных районах Онего-Каргопольского края, параллельно с другими редакциями сюжета, бытовала оригинальная его модификация, наиболее полный вариант которой записан от Калинина. Где именно она сформировалась, судить трудно, но заонежское ее происхождение наименее вероятно. В тексте Калинина встречаются нестандартные детали и подробности. Маринка названа не только волшебницей, что естественно в этом сюжете, но и «королевичной» (видимо, под влиянием второй части былины о трех поездках Ильи Муромца). Ее отчество — «Кайдальевна» (обычно — «Игнатьевна»), параллели к нему обнаруживаются в редкой былине о Глебе Володьевиче, записанной на Зимнем Берегу и Мезени, и в отрывке неясной сюжетной принадлежности с Терека (Мил., № 80 — «Мария Кайдаровна»). Безупречно стилистическое оформление былины. Особенно удались сказителю развернутые формулы, построенные на эпических повторах, в том числе тавтологических.

Пудожгорские варианты «Добрыни и Змея» типичны для прионежской двухчастной версии сюжета, занимая промежуточное положение между кижской и пудожской редакциями (см. об этом: Аст. 1, с. 571). Некоторые мотивы и образы, не зафиксированные на Пудоге, роднят их с заонежскими записями. Добрыня на горе Сорочинской топчет конем змеенышей, освобождает племянницу князя Владимира, а не его дочь. Князь поручает богатырю выручить свою родственницу по совету Алёши Поповича. У Т. Рябинина он назван «Григорьевичем» (Гильф., № 79), у Чукова и Калинина — «Левонтьевичем», но в былине «Добрыня и Алёша» Чуков однажды употребил отчество «Григорьевич» (Рыбн., № 27, ст. 300). С вариантом Рябинина обнаруживаются текстуальные совпадения в описаниях ископыти богатырского коня и свирепой Пучай-реки. Вместе с тем отдельные мотивы, в том числе сюжетообразующие, имеют параллели в пудожских записях. Перед второй поездкой Добрыня получает от матери чудесную плеть, с помощью которой одолевает змеенышей (Чуков и Калинин) или самого Змея (пудожские сказители). У пудожских певцов и Калинина первый бой Добрыни со Змеем завершается не только уговором не появляться на «чужой» территории, но и братанием эпических противников (у Чукова и заонежских сказителей второго мотива нет). В пудожгорских и сходных пудожских текстах совет отправить Добрыню на выручку похищенной девушки подкрепляется ссылкой на этот договор (в заонежских записях какая-либо мотивировка отсутствует). Сличение вариантов Чукова и Калинина не оставляет сомнений в их генетическом родстве. Они близки по содержанию, композиции и поэтическому языку. Некоторые формулы совпадают почти дослов-

но (ст. 1—2, 138—139, 165—179, 217—221, 233—237 у Чукова и 1—2, 172, 206—217, 266—269, 280—283 у Калинина). Важнейшая особенность пудожгорской модификации сюжета — наличие в ней двух эпизодов, в которых ключевую роль играет мотив вмешательства небесных сил в действия героя. Расхождений между вариантами сказителей-земляков немного, и они не носят принципиального характера.

В былине «Добрыня и Настасья» диапазон разночтений примерно такой же, как и в сюжете «Добрыня и Змей». В тексте Калинина «поляница удалая» кладет Добрыню вместе с конем «во глубок мешок ⟨...⟩ во кожаной»; у Чукова — «во глубок карман». Эта незначительная деталь служит довольно надежным индикатором для определения первоисточников книжных по происхождению вариантов (см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 4, 6, 9, 11). Как и в других своих былинах, Калинин иногда усложняет эпические формулы (ст. 373—374, 393—394, 412—413; ср. у Чукова ст. 269, 285, 301), вводит факультативные подробности (угроза Настасьи убить богатыря, если он не женится на ней, — ст. 453—458).

В былине «Добрыня и Алёша» Чуков и Калинин используют целый ряд оригинальных деталей и подробностей, позволяющих выделить пудожгорский извод данного сюжета. В основном это касается особенностей поэтического языка, а также элементов, не влияющих на развитие сюжетного действия. В жалобе Добрыни на свою участь упоминается «море Черное, турецкое» (ст. 13 у Чукова, ст. 7 у Калинина); в ответе его матери содержится уникальная формула:

> Тыи статьи (достоинства. — *Сост.*) есть да других Бог не дал,
> Других Бог теби не дал да не пожаловал (ст. 27—28 у Калинина, ст. 31—32 у Чукова).

Ср. также ст. 90—91, 157—159, 167—169, 201, 219—221 и др. у Калинина, 74—75, 179—181, 243, 253—255 и др. у Чукова. В финале былины Добрыня наказывает Алёшу не за то, что он сватался к Настасье, — крестовый брат огорчил его мать ложной вестью о смерти сына (ст. 347—349 у Калинина, 394—396 у Чукова). Старины обоих сказителей завершаются одинаковой эпической концовкой «Синему морю на тишину...». Некоторые нестандартные детали чуковско-калининского извода встречаются в единичных записях от других прионежских сказителей, что подтверждает их традиционность. Таким образом, текстологический анализ былин о Добрыне в интерпретации Калинина и Чукова не дает оснований выводить их за рамки местной эпической традиции и считать занесенными из Кижей. Очевидная близость вариантов Чукова и Калинина не исключает незначительных расхождений между ними. Некоторые детали встречаются только у Чукова. Настасья говорит князю Владимиру: «Да успею я в те поры замуж пойти» (ст. 126 в былине Чукова); мать Добрыни сетует, что «нет жива» ее сына, он отрубил бы голову незваному гостю (ст. 207—210). См. также формулы «Нас куда ведут, да мы туда идём...», «Муж-от в лес, жена и замуж пойдет» (ст. 263—264, 268). У Калинина богатырь просит мать принести ему не только «платья скоморовскии» и гусли, но и «дубинку сорока пудов»: «А на свадебки меня бы не обидили». Однако не следует преувеличивать значение разноречий, часть которых могла появиться в результате варьирования былин при неоднократном исполнении. Некоторые расхождения обусловлены различиями в репертуарах сказителей. Калинин включил в перечень эпических героев, носителей идеальных качеств, «Вольгу Всеславьева» и «Садка богатого» (ст. 20—22); старины о них записаны от этого сказителя, а в репертуар Чукова не входили. В свою очередь Чуков именует Настасью «королевичной» (ст. 157), видимо, под влиянием известной ему баллады «О Настасье, королевичне политовской» (Рыбн., № 34, 34а); от Калинина этот сюжет не записан.

№ 165

Добрыня Никитич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 68, л. 427—466 (л. 18—57); черновая рукопись, карандаш, правки.

Зап. О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Ножово Пудожского с/с Пудожского р-на — от Николая Игнатьевича Антошкова, уроженца д. Ножово Пудожского у., грамотного, 42 лет.

После ст. 104 до ст. 208 идет текст былины № 68 (кол. 2), далее — опять текст былины № 67 (кол. 2).

Сводный текст Н. Антошкова, в котором соединены три сюжета былин о Добрыне, восходит к тому же книжному источнику, что и варианты пудожан В. Зайцева и Н. Ремизова (№ 56, 166), пинежанок М. Тотолгиной и А. Булыгиной. Для них характерна одинаковая комбинация мотивов и формул, позаимствованных из классических записей былин о Добрыне из разных регионов, отсутствие второго боя со Змеем (богатырь убивает его при первой схватке), сходная мотивировка обеих поездок героя. Последовательность сюжетов во всех пяти произведениях та же, что в вариантах А. Чукова и П. Калинина (Гильф., № 48, 149; № 164), однако скрепляющие их мотивы иные.

Былина Антошкова открывается сюжетом «Добрыня и Змей». Завязка и развитие действия необычны: на пиру Добрыня берется выполнить поручение князя Владимира — освободить его племянницу, похищенную Змеем; в построении начального эпизода заметно влияние варианта «Добрыни и Алёши» из сборника Кирши Данилова (№ 21). Богатырь убивает Змея уже в первом бою, но в описании его поездки использованы мотивы, характерные для обеих частей прионежской версии сюжета (поединок происходит на «Пощай-реки» — сначала на воде, затем на берегу; тут же подробно рассказывается об освобождении пленников и Путятишны). Ряд деталей восходит к конкретным вариантам старой записи: девушки предупреждают Добрыню об опасности купания в реке (ср. кижскую редакцию сюжета); зачерпнув песку со дна, богатырь запорошил глаза Змею и, пока тот их «росципывал», срубил ему голову (ср. текст из сборника Кирши Данилова — КД, № 48). Некоторые подробности не имеют параллелей в устных по происхождению вариантах, по-видимому, они принадлежат составителю сборника: князь сетует на отсутствие Ильи Муромца; в ответ на предупреждение девушек о том, что на реку может прилететь Змей, Добрыня заявляет: «Мне того и надобно»; в уста героя вложена пословица «Бог не выдаст — дак свинья не съисть»; пленники опасаются, что Змей их всех погубит — богатырь ведет их к месту боя и показывает отрубленную голову чудовища.

Рассказ о женитьбе Добрыни зависим от редакции Чукова—Калинина: поездка героя по следам богатырского коня; формула «как сидит да добрый молодец на своем да на добром коне, а назад да не поглядыват»; описание «проверки» силы на дубе и др. В этой части особенно много нетрадиционных мотивов: Добрыня отправляет племянницу князя в Киев еще до того, как он наехал на «ископыть лошадиную»; столкновение с Настасьей изображено как длительный поединок с использованием разных видов оружия; в облике поляницы приглушены черты великанши, в частности, не говорится, что она посадила богатыря в карман вместе с его конем. О связи с книжным источником свидетельствует также ответ Настасьи на вопрос об имени-отчестве: «Моего имячко да во булатном копье, мое отчество да в сабли вострой».

Компилятивна по характеру и заключительная часть текста (сюжет «Добрыня и Алёша»): о предстоящей свадьбе Настасьи и Алёши сообщают голуби (ср. записи из Заонежья); как и в большинстве пудожских былин, приводится развернутый диалог матери с неузнанным сыном о его изменившейся внешности; Илья Муромец удерживает Добрыню от кровавой расправы с Алёшей (ср. варианты кижских певцов — Гильф., № 100 и др.). Встречаются текстуальные совпадения с былинами А. Сорокина (мать обзывает Добрыню «голью кабацкой»; Добрыня так пнул Алёшу, что тот улетел «под лавицу» и «приосплакался», сетуя на свою неудавшуюся женитьбу; формула «скорым да скоро-наскоро» — № 80), Н. Прохорова («мала скоморошина» — № 82), Т. Суханова («всякий черт ведь женится» — № 85). Вместе с тем с вариантом Т. Фешева, земляка Антошкова (№ 89), совпадают только стандартные мотивы и детали, широко распространенные на всем Европейском Севере России.

Публикуется впервые.

№ 166

Про Добрыню и Олёшу

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 1, л. 2—112; черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 34.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

«„Слышал от Егора Сёмина, у него, может, и половче было", — говорит Ремизов» (БПК, с. 483).

Разночтения БПК, № 34

Ст. 5 крайчиков; ст. 11 Владимир; ст. 13 *да гости кровные*; ст. 14 *кровные*; ст 21 потягатце; ст. 22 тут *мне*; ст. 24 хоронитце; ст. 28 старший; ст. 31 как *есть*; ст. 33 *он*; ст. 34 Горынычем; ст. 36 ркп в кн. пропущен; ст. 36 (ркп 37) *он*; ст. 38 (ркп 39) *поеду я* да; ст. 41 (ркп 42) Как *скоцил*-то тут Добрынюшка; ст. 43 (ркп 44) дубовый; ст. 44 (ркп 45) *он типерь*; ст. 45 (ркп 46) подходит-*то*; ст. 51 (ркп 52) *характеру*; ст. 53 (ркп 54) *родимой*; ст. 54 (ркп 55) *было первое*; ст. 55 (ркп 56) *Как цяра мне была дана*; ст. 60 (ркп 61) мне-ка; ст. 61 (ркп 62) Змеем; ст. 62, 63 (ркп 63, 64) *он*; ст. 65 (ркп 66) *Со Змеем-то Горынычем потяпаться*; ст. 69 (ркп 70) ремешками; ст. 74 (ркп 75) *а не видли добра молодца*; ст. 75 (ркп 76) добрый; ст. 80 (ркп 81) тельные; ст. 83 (ркп 84) рецька; ст. 84 (ркп 85) реки; ст. 87 (ркп 88) *как летит*; ст. 91 (ркп 92) *таковы слова*; ст. 97 (ркп 98) наскочила; ст. 100 (ркп 101) во *киер*; ст. 101 (ркп 102) Горынице; ст. 105 (ркп 106) *они*; ст. 106 (ркп 107) Змеем; ст. 107 (ркп 108) *дралися-боролися*; ст. 109 (ркп 110) *вторые суточки*; ст. 112 (ркп 113) скричал; ст. 118 (ркп 119) бросился; ст. 119 (ркп 120) *стали с ей*; ст. 121 (ркп 122) *змеи три*; ст. 124 (ркп 125) *во живости*; ст. 126 (ркп 127) Горыныча; ст. 131 (ркп 132) *ту*; ст. 135 (ркп 136) *Как проехал*; ст. 136 (ркп 137) *проехали тропой суточки*; ст. 138 (ркп 139) Змеище *же*; ст. 139 (ркп 140) где; ст. 140 (ркп 141) *она глубокиих*; ст. 141 (ркп 142) *да* за крепкима; ст. 148 (ркп 149) Как *откутывал* ... широкие; ст. 149 (ркп 150) тые; ст. 161 (ркп 162) *отправил-то*; ст. 162 (ркп 163) Змея-то; ст. 163 (ркп 164) Ну *и*; ст. 164 (ркп 165) *куды знаю*; ст. 171 (ркп 172) на коне-то; ст. 182 (ркп 183) *тебе-то*; ст. 189 (ркп 190) в сторонку; ст. 190 (ркп 191) *Поразъехался*; ст. 194 (ркп 195) *по-старому*; ст. 214 (ркп 215) я-та; ст. 225, 228 (ркп 226, 229) *они*; ст. 227 (ркп 228) *в* высоки; ст. 242, 243 (ркп 243, 244) ведь хвастает; ст. 244 (ркп 245) *инный-то*; ст 245 (ркп 246) *Да умный-то*; ст. 249 (ркп 250) росейскии; ст. 250 (ркп 251) все; ст. 258 (ркп 259) съездить-*то*; ст. 262 (ркп 263) *не пугайтесь-ко топереку*; ст. 263 (ркп 264) у меня; ст. 264 (ркп 265) *Как на Добрынюшка*; ст. 267 (ркп 268) и говорит-то; ст. 272 (ркп 273) *Получить*; ст. 279, 280 (ркп 280, 281) *этих-то да*; ст. 283, 284 (ркп 284, 285) садилися; ст. 285 (ркп 286) кручинитсе; ст. 290—292 (ркп 291—293) А еще; ст. 292 (ркп 293) *а еще как же за столом теперь*; ст. 293 (ркп 294) *положил*; ст. 301 (ркп 302) пятнадцать; ст. 307 (ркп 308) *хошь взамуж-то*; ст. 311 (ркп 312) *А друго-то*; ст. 312 (ркп 313) третий-то... перевалиласи; ст. 315 (ркп 316) *Олёшенька*; ст. 318 (ркп 319) Никитиця; ст. 319 (ркп 320) *видел я во чистом*; ст. 323, 325 (ркп 324, 326) Н(М)икулицьна; ст. 338 (ркп 339) *пирком и за свадебку*; ст. 335 (ркп 336) птица; ст. 339 (ркп 340) *и незгодушки*; ст. 340 (ркп 341) *Н*икулицна; ст. 341 (ркп 342) Поповица; ст. 346 (ркп 347) *теперь вси*; ст. 349 (ркп 350) конюшенку; ст. 351 (ркп 352) не встретат; ст. 354 (ркп 355) войти; ст. 356 (ркп. 357) Хрустальные окольница; ст. 362 (ркп 363) *тут ломиться-хрястатьце*; ст. 366 (ркп 367) не смейся; ст. 370 (ркп 371) *ты сынушка*; ст. 372 (ркп 373) на головы; ст. 383 (ркп 384) А тут-*то*; ст. 385 (ркп 386) *Как* ай же; ст. 387 (ркп 388) мне-ка; ст. 388 (ркп 389) мне гусёлка *самоигручи*; ст. 389 (ркп 390) отправлюся; ст. 393 (ркп 394) во всю; ст. 401 (ркп 402) не прошло *еще у их*; ст. 403 (ркп 404) Настасьюшка Микулицна уж взамуж; ст. 404 (ркп 405) *кто-то сидит там*; ст. 406 (ркп 407) *Увидел*; ст. 410 (ркп 411) *к столу скомороши-*

ну; ст. 415 (ркп 416) *в гусёлка*; ст. 425 (ркп 426) *Подносить-то*; ст. 431 (ркп 432) *добра топереку*; ст. 439 (ркп 440) из *цяры* той; ст. 445 и 446 ркп в кн. объединены: *Как скоцила тут ёна да с-за стола-то к Добрынюшке Никитицю*; ст. 449 (ркп 451) *да* таковы слова; ст. 450 (ркп 452) Владимир; ст. 451 (ркп 453) *и* Апраксии; ст. 452 (ркп 454) Добрынюшка; ст. 460 (ркп 462) кудри; ст. 467 (ркп 469) Микулицьну.

«Данный вариант в основном примыкает к прионежской редакция былины о Добрыне и Змее, представленной вариантами Гильф., № 5, 148, 157 и др. (см.: Аст. 1, с. 571). Но в то же время является типом сводной былины о Добрыне, построенной по тому же принципу, что и сводные былины об Илье Муромце (см.: Ремизов «Про Илью Муромца», БПК, №31). В нее вошли сюжеты и мотивы разных былин о Добрыне: Добрыня и Змей, женитьба Добрыни, Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алёша.

Начало былины содержит своеобразную композицию сюжета о Добрыне и Змее. Содержание его — освобождение Добрыней племянницы князя Владимира, изображаемое в прионежских вариантах как результат второго боя со Змеем. В данном варианте богатырь едет на Пучай-реку не по своей охоте и не для того, чтобы искупаться, а по поручению князя — освобождать его племянницу (ср.: Гильф., № 93). Таким образом, изображается бой Добрыни со Змеем на Пучай-реке (обычно первый бой Добрыни), но он соответствует второму подвигу. Поэтому борьба со Змеем на этом столкновении и заканчивается. Своеобразно рассказано о единоборстве: Добрыня ныряет, пытаясь скрыться от Змея, засыпает глаза его песком, в конце концов богатырю помогает конь. В дальнейшем Добрыня поступает со Змеем, так же как Илья Муромец с Соловьем-разбойником, т. е. привязывает ко стремени и едет в жилище Змея. Об освобождении пленников Змея рассказывается, так же как в былине Ремизова о Добрыне и Малиновке (БПК, № 35). Об участии Алёши Поповича в возвращении племянницы в отличие от обычных вариантов не упоминается. Встретившись с Настасьей Никулишной, Добрыня только пробует свою силу, разбивая в щепки дуб, — мотив, обычный в описании встреч богатырей (Гильф., №157), но не трогает неизвестного богатыря и, узнав в нем женщину, сам предлагает свататься. Обычно он нападает на богатыря, но безуспешно, больше того — он оказывается посаженным в карман богатырки, которая впоследствии сама предлагает ему жениться на ней (БПК, № 56). Из былины о Василии Казимировиче заимствован мотив отъезда Добрыни в качестве посла князя Владимира (ср.: Ремизов «Про Ставра», БПК, № 36). Дальше этот сюжет не развертывается, отъезд использован в качестве мотивировки в разработке основного сюжета — о Добрыне и Алёше.

Сюжет о Добрыне и Алёше разработан тщательно, достаточно четко проявляются черты социальной сатиры по отношению к князю Владимиру, свойственные прионежским вариантам. Князь обязан Добрыне освобождением племянницы; на свадебном пиру он дает новое поручение Добрыне и обещает сберечь его молодую жену, а сам сватает ее за Алёшу. Поэтому особенно веско звучит упрек Добрыни — „благодарность" князю и княгине Апраксии» (БПК, с. 483—484).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фрагменты карты Пудожского уезда.

2. Рукопись М. П. Мусоргского. Запись былинного напева от И. С. Полякова.
РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 240, л. 3.

3. Рукопись М. П. Мусоргского. Запись былинного напева от И. С. Полякова.
РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 240, л. 4.

4. *Павел Николаевич Рыбников* (24.XI(6.XII).1831, Москва — 17(29).XI.1885, Калиш). Ученый и общественный деятель, фольклорист-собиратель, впервые в России составивший и обнародовавший сборник записей севернорусских былин — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861—1867). О его жизни и деятельности см. статью в наст. томе: «П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг — собиратели онежских былин».

Фотография из личного архива А. Ю. Кастрова.

5. *Александр Федорович Гильфердинг* (2(14).VII.1831, Варшава — 20.VI (2.VII).1872, Каргополь). Видный ученый-славист и общественный деятель, вслед за П. Н. Рыбниковым осуществивший фольклорную экспедицию на Русский Север, итогом которой стал сборник «Песни, собранные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (1873). О его жизни и деятельности см. статью в наст. томе: «П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг — собиратели онежских былин».

Фотография из Рукописного отдела ИРЛИ РАН, р. V, кол. 44, п. 5, № 61.

6. *Борис Матвеевич Соколов* (7 (19).IV).1889, Нежин — VI.1930, Москва). Фольклорист, этнограф, музеевед. Став профессором Саратовского университета, Б. М. Соколов организовал Этнографический отдел при Саратовском обществе археологии и этнографии, создал Этнографический музей Саратовского края, провел многочисленные экспедиции (1919—1925). На протяжении всей жизни Б. М. Соколов уделял большое внимание собиранию фольклора в его живом бытовании. Результатом фольклорной экспедиции в Новгородскую губернию (совместно с братом — Юрием Матвеевичем Соколовым) явился сборник «Сказки и песни Белозерского края» (1915). Экспедиции 1926—1928 гг. «По следам А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова» ставили своей задачей изучение былевого эпоса — см. фундаментальный сборник «Былины Онежского края» (1948). Перу Б. М. Соколова принадлежит серия статей, посвященных анализу сюжетов русских былин (1912—1916), а также исследование «Собиратели народных песен» (1923). Опыт собирательской работы обобщен Б. М. Соколовым в книге «Поэзия деревни» (в соавторстве с Ю. М. Соколовым, 1926). Б. М. Соколов — автор разделов учебника «Русский фольклор» (1938, 1941), посвященных историографии фольклора, былинам и сказкам.

Фотография из Рукописного отдела ИРЛИ РАН, р. V, кол. 106, п. 2.

7. *Юрий Матвеевич Соколов* (7(19).IV.1889, Нежин — 15.I.1941, Киев). Фольклорист, литературовед. Как и его брат, Б. М. Соколов, — организатор и участник многочисленных фольклорных экспедиций. Результатом экспедиции в Новгородскую губернию (совместно с братом — Борисом Матвеевичем Соколовым) явился сборник «Сказки и песни Белозерского края» (1915). Экспедиции 1926—1928 гг. «По следам А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова» ставили своей задачей изучение былевого эпоса (фундаментальный сборник «Былины Онежского края» (1948)). Опыт собирательской работы обобщен Ю. М. Соколовым в книге «Поэзия деревни» (в соавторстве с Б. М. Соколовым, 1926). Большое значение для фольклористики имел учебник Ю. М. Соколова «Русский фольклор» (1938, 1941). Много сил Ю. М. Соколов отдал организации фольклористических исследований, возглавил первую в СССР кафедру фольклора (МИФЛИ; 1938—1941), Институт фольклора в УССР. С 1939 г. — академик АН Украины. Входил в состав первой редколлегии Свода русского фольклора (1938—1941).

Фотография из Рукописного отдела ИРЛИ РАН, р. V, кол. 106, п. 2.

8. *Юрий Матвеевич Соколов* со сказителями-орденоносцами Федором Андреевичем Конашковым и Марфой Семеновной Крюковой.

Фотография из Рукописного отдела ИРЛИ РАН, р. V, кол. 106, п. 2.

9. *Владимир Иванович Чичеров* (29.V(11.VI).1907, Вязники Владимирской области — 11.V.1957, Москва). Фольклорист, профессор МГУ. Исследователь эпических сказительских традиций, автор книги «Школы сказителей Заонежья» (1945); собиратель былин. Участник экспедиций «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга»(1926—1928), материалы которых объединены в обширном сборнике «Онежские былины», под редакцией Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова (1948). См. также исследования: «Традиция и авторское начало в фольклоре» (1946); «Зимний период русского земледельческого календаря XV—XIX вв.» (1957); «Вопросы теории и истории народного творчества» (1959); курс лекций «Русское народное творчество» (1959).

Фотография из личной коллекции Е. А. Костюхина.

10. *Анна Михайловна Астахова* (22.VI(4.VII).1886, Кронштадт — 30.IV.1971, Ленинград). Исследователь русского фольклора, крупнейший собиратель народного творчества, профессор, доктор филологических наук. За время экспедиционной работы в 1920—1950-х гг. (Карелия, Пинега, Мезень, Печора, Поморье, Сибирь, Московская и Ленинградская области) собрала свыше 10 000 текстов произведений народной поэзии. Основные исследования: «Русский былинный эпос на Севере» (1948); «Былины : Итоги и проблемы изучения» (1966). Издания текстов: «Былины Севера» (Т. 1, 2. 1938, 1950); «Илья Муромец» (1958); «Былины в записях и переводах XVII—XVIII веков» — совместно с В. В. Митрофановой, М. О. Скрипилем (1960); «Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи)» — совместно с Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой и др. (1966).

Фотография из Рукописного отдела ИРЛИ РАН, р. V, кол. 106, п. 2, № 140 (1958).

11. *Евгений Владимирович Гиппиус* (24.VI(7.V).1903, Царское Село — 4.VI.1985, Москва). Музыковед-фольклорист, историк музыки. Основатель (1927) и научный руководитель (до 1943 г.) Фонограммархива ИРЛИ. Участвовал в комплексных экспедициях в районы Русского Севера (Обонежье, Пинега, Мезень, Печора, 1926—1929). Соавтор музыкальных разделов двухтомного собрания А. М. Астаховой «Былины Севера» (1938—1951) — совместно с З. В. Эвальд; участник музыкально-этнографических изданий, среди которых «Песни Пинежья» (1937) — совместно с З. В. Эвальд. Автор многочисленных работ по этномузыкознанию.

Фотография из личного архива А. Ю. Кастрова.

12. *Зинаида Викторовна Эвальд* (18(30).X.1894, Петербург — 27.I.1942, Ленинград). Музыковед-фольклорист, научная сотрудница Фонограммархива, с момента его восстановления в советское время. Участница комплексных экспедиций в районы Обонежья, на Пинегу, Мезень, Печору (1926—1929). Соавтор музыкальных разделов двухтомного собрания А. М. Астаховой «Былины Севера» (1938—1951) — совместно с Е. В. Гиппиусом; участница различных музыкально-этнографических изданий, среди которых «Песни Пинежья» (1937) — совместно с Е. В. Гиппиусом.

Фотография из личного архива А. Ю. Кастрова.

13. *Анастасия Петровна Евгеньева* (22.XI(4.XII).1899, Кострома — 10.XI.1985, Ленинград). Языковед, основоположник современной лингвофольклористики, собиратель фольклора Русского Севера (1930—1950-е гг.). Автор этапного труда по истории языка былин и причитаний — «Очерки по языку устной русской поэзии в записях XVII—XX вв.» (1963). Разработала общепринятые текстологические принципы издания памятников русского фольклора. См.: «Песни, собранные писателями : Новые материалы из архива П. В. Киреевского» (1968); «Сборник Кирши Данилова : (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым)» (1958; 2-е доп. изд., 1977) — совместно с Б. Н. Путиловым. При составлении и редактировании академического Словаря русского языка (В 4 т.; 1957—1961) впервые после В. И. Даля широко опиралась на произведения народного творчества в осмыслении значений слов и фразеологизмов русского литературного языка.

Фотография из архива Словарного отдела ИЛИ РАН.

14. *Алексей Дмитриевич Соймонов* (17.XII.1912, Тырнов Полтавской губернии — 30.XII.1995, Ленинград). Филолог, фольклорист. Заведующий отделом фольклора Карельского НИИ культуры (1939—1940); с 1950 г. — научный сотрудник Отдела фольклора ИРЛИ, и. о. заведующего Отделом фольклора (1968—1970). Работая в КАССР, провел ряд фольклорных экспедиций, по итогам которых был издан сборник «Былины Пудожского края» (1941) — совместно с Г. Н. Париловой. Основные труды: «Песни и сказки на Онежском заводе» (1937); «Сказки и плачи о Ленине» (1938); «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях» (1956); «П. В. Киреевский и его собрание народных песен» (1971); «Песни и сказки Пушкинских мест : Фольклор Горьковской области. Вып. 1» (1979). Совместно с Г. Н. Париловой подготовил к печати «Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи Н. М. Языкова : Симбирская и Оренбургская губернии» (Т. 1; 1977).

Фотография из личного архива Г. Н. Париловой.

15. *Галина Николаевна Парилова* (1915—2007). Филолог, фольклорист. Будучи сотрудником Карельского НИИ культуры, участвовала в фольклорных экспедициях (1938—1940), по итогам которых был издан сборник «Былины Пудожского края» (1941) — совместно с А. Д. Соймоновым. Подготовила к печати (в соавторстве с А. Д. Соймоновым) «Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи Н. М. Языкова : Симбирская и Оренбургская губернии» (Т. 1; 1977).

Фотография из личного архива Г. Н. Париловой.

16. *Александр Михайлович Линевский* (20.IV(3.V).1902, Петербург—1985, Петрозаводск). После окончания географического факультета Ленинградского университета руководил фольклорно-этнографическими экспедициями в Беломорье, Заонежье, Шелтозеро и Пудож. В 1926 г. вблизи Беломорска А. М. Линевский обнаружил скалу «Бесовы следки» с 300 изображениями, высеченными около 4—5 тыс. лет назад. В 1929 г. А. М. Линевский переехал в Петрозаводск. Кандидат исторических наук (1944); автор исследований в области археологии и фольклора Карелии; писатель. Лауреат Государственной премии Карельской АССР (1969). Почетный гражданин Петрозаводска (1977).

Фотография 1981 г. из Национального архива Республики Карелии.

17. *Эрна Васильевна Померанцева* (7(19).IV.1899, Москва—11.VIII.1980, Москва). Филолог, фольклорист. Член первой редколлегии Свода русского фольклора (1939—1941). Организатор и руководитель фольклорных экспедиций МГУ «По следам П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых» (1956—1960). Ответственный редактор академических антологий былин «Добрыня Никитич и Алёша Попович» (1974); «Новгородские былины» (1978). Составитель сборников сказочного эпоса, автор исследований «Русская народная сказка» (1963); «Судьбы русской сказки» (1965); «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (1975); «О русском фольклоре» (1977).

Фотография из архива ФК МГУ.

18. *Эрна Васильевна Померанцева* в экспедиции с народными исполнителями.

Фотография из архива ФК МГУ.

19. *Евгений Алексеевич Костюхин* (23.II.1938, Верхняя Салда Свердловской области — 9.I.2006, Петербург). Филолог, фольклорист, ведущий научный сотрудник Отдела фольклора ИРЛИ. В годы учебы плодотворно работал в фольклорных экспедициях МГУ «По следам П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых» (1956—1960), записывая былины и сказки. Основные труды: «Александр Македонский в фольклорной и литературной традиции» (1972); «Типы и формы животного эпоса» (1987). Издания текстов: «Приключения славянских витязей : Из русской беллетристики XVIII в.» (1988); «И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи» (1999). Автор многочисленных статей, посвященных проблематике малых форм фольклора.

Фотография из семейного архива.

20. *Юрий Александрович Новиков* (род. 30.X.1938, Ростов-на-Дону). Филолог, фольклорист. Во время учебы на филологическом факультете МГУ участвовал в 8 экспедициях кафедры фольклора (в Во-

ронежскую и в Архангельскую области, Карельскую АССР). В 1960 г. переехал в Вильнюс. С 1967 по 2009 г. — сотрудник Вильнюсского государственного педагогического университета (декан факультета русского языка и литературы, ученый секретарь университета, профессор). Один из инициаторов создания Ассоциации исследователей старообрядцев Литвы, организатор и участник комплексных научных экспедиций, изучавших народную культуру староверов Литвы и сопредельных районов Латвии, Беларуси. Автор диссертационного исследования «Эпическая традиция Пудожского края» (1977). Основные труды: «Былина и книга : Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов» (1995, 2-е доп. изд., 2001); «Сказитель и былинная традиция» (2000); «Динамика эпического канона : Из текстологических наблюдений над былинами» (2009); «Фольклор старообрядцев Литвы» (В 3 т., 2007, 2009, 2010). Член редколлегии Свода русского фольклора, автор сюжетных комментарий к т. 1—6 Свода.

Фотография из личного архива.

21. *Алёна Дмитриевна Троицкая* (18.XI.1951, Ленинград — 13.XI.1994, Петербург). Музыковед-фольклорист, научный сотрудник Отдела фольклора ИРЛИ. Каталогизатор, позднее — главный хранитель Фонда магнитофонных звукозаписей Фонограммархива. С 1975 по 1993 г. участвовала в 17 фольклорных экспедициях в различные районы Архангельской, Тверской областей и Карелии. Работала над подготовкой к изданию былин Кулоя и Пудожского края (для Свода русского фольклора). Автор ряда научных публикаций.

Фотография из семейного архива.

22. *Александр Юрьевич Кастров* (4.VIII.1949, Ленинград — 13.XII.2010, Петербург). Музыковед-фольклорист, научный сотрудник Отдела фольклора ИРЛИ. Хранитель Фонда исторических коллекций звукозаписей Фонограммархива. Участник более 25 фольклорных экспедиций в Псковскую, Вологодскую, Архангельскую области, различные районы Карелии (1982—2001). Автор исследований и публикаций напевов северной эпической традиции: «Русский фольклор» (Т. 27—34; 1993—2011); «Из истории русской фольклористики» (Вып. 3—5; 1990, 1998) и др.

Фотография из личного архива.

23. *Владимир Павлович Шифф* (11.IX.1940, Ленинград — 3.IV.2009, Петербург). Ведущий инженер Фонограммархива ИРЛИ, проработавший в Пушкинском Доме 35 лет. Уникальный инженер-акустик, специализировавшийся в области народной музыкальной культуры. Участник многочисленных фольклорных экспедиций в Архангельскую, Вологодскую, Смоленскую, Брянскую, Гомельскую, Астраханскую области. Звукореставратор высокой квалификации, работавший над созданием страхового фонда Фонограммархива (более 550 CD-дисков). Осуществлял подготовку звуковых приложений к томам Свода русского фольклора, а также аудио-изданий «Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома».

Фотография из семейного архива.

24. *Александр Валентинович Осипов* (род. 17.VII.1951, Ленинград)и Александр Николаевич Розов в экспедиции. А. В. Осипов — инженер Фонограммархива ИРЛИ. Занимался реставрационными работами материалов звукового архива. Участвовал более чем в 20 экспедициях, организованных Отделом народнопоэтического творчества ИРЛИ. Основные труды (звуковые издания): «Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома : Песенный фольклор русских старожилов Харьковской области» (1981); «Былины Русского Севера : Сказители Рябинины : Исторические записи 1894, 1921, 1926 гг.» (1985). Осуществляет подготовку звуковых приложений к томам Свода русского фольклора.

Фотография из личного архива.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Публикации

Азб.	—	*Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
Авенариус, 1893	—	Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В. П. Авенариус. 3-е изд. М., 1893.
АТ	—	The types of the folktale : A classification & bibliographie: Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Transl., enlarged S. Thompson. 2nd rev. / Helsinki, 1961 (Folklore fellow Communications; N 184).
Аст. 1	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.
Аст. 2	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
Астахова. Итоги	—	*Астахова А. М.* Былины : Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
БЗП	—	Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.
БПЗБ	—	Былины Печоры и Зимнего Берега / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
БПК	—	Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи, коммент. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
Гильф., 1873	—	Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : С двумя портретами онеж⟨ских⟩ рапсодов и напевами былин / Предисл. П. Гильтебрандта. СПб., 1873.
Гильф. I	—	Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. Т. 1 / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949.
Гильф. II	—	Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. Т. 2 / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1950.
Гильф. III	—	Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. Т. 3 / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951.
Гр. I	—	Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1900 гг. : С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. Ч. 1: Поморье; Ч. 2: Пинега. СПб., 1904.
Гул.	—	Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
Даль 4	—	Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1886. Ч. 4.
Даль. Пословицы	—	*Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
ДиА	—	Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.
Добровольский—Коргузалов	—	Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.
Едемский 1912	—	*Едемский М.* Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии, в 1905—1908 гг. // Живая старина. 1912. Вып. 2—4. С. 221—258.

ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения.
Карамзин I	—	*Карамзин Н. М.* История Государства российского : В 4 т. М., 1988. Т. 1.
Каспари	—	Бесплатная премия журнала «Родина» 1894 г. Вып. 1: Русские былины и сказания про богатырей древнекиевского периода : В новом общедоступном изложении / Изд. А. Каспари. СПб., 1894.
КД	—	Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.
Кир. I	—	Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1860. Вып. 1.
Кир. II	—	Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1861. Вып. 2—3.
Кир. IV	—	Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1862. Вып. 4.
Линевский	—	Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. статья, коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
Марк.	—	Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
Мил.	—	Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
НБ	—	Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978. (Сер. «Литературные памятники»).
Никифоров I	—	Примечания // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 702—731.
Никифоров III	—	Примечания // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 634—664.
Новиков 2001	—	*Новиков Ю. А.* Былина и книга : Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов. 2-е доп. изд. М., 2001.
НП	—	Народная поэзия : Былины. Песни. Духовные стихи : С введением и объяснительным словарем / Сост. А. Оксенов. 2-е изд. СПб., 1898.
Пропп—Путилов	—	Былины : В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958.
РБЭ	—	*Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.
РФ	—	Русский фольклор : Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 26.
Рыбн., 1861	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861.
Рыбн., 1862	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862.
Рыбн., 1864	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3: Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864.
Рыбн., 1867	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4: Народные былины, старины, побывальщины и песни. СПб., 1867.
Рыбн.	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1919. Т. 1; 1910. Т. 2, 3.
С.—Ч.	—	Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. И. Чичерова. М., 1948.
Т.—М.	—	Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894.

ФРУ — Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. Н. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменецкая, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986.

Харузин 1894 — *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник : В 4 вып. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346.

Черн. — Русские эпические песни Карелии / Подгот. Н. Г. Черняева; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1981.

Чичеров — *Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

Шайжин 1906 — *Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор : Былины : (Критико-библиографический обзор былин и 14 новых былинных записей). Петрозаводск, 1906.

Учреждения, архивы

ГАХН — Государственная Академия художественных наук.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований Российской Академии наук.

КНИИ — Карельский научно-исследовательский институт.

КФАН — Карельский филиал Академии наук СССР (позднее — Рукописный фонд научного архива Карельского научного центра АН СССР).

ЛО — Ленинградское отделение Музыкального фонда России.

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории.

МФ — Магнитофонный фонд записей Фонограммархива ИРЛИ.

НИИК — Научно-исследовательский институт культуры (КАССР).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Российская государственная библиотека.

РГО — Русское географическое общество.

РО БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел ИРЛИ.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

ФА ИРЛИ — Фонограммархив ИРЛИ.

ФК МГУ — Фольклорный кабинет Московского государственного университета.

ФВ — Фонд фонографических валиков (цилиндров) Фонограммархива ИРЛИ.

Кроме общеупотребительных и библиографических сокращений в комментариях использованы следующие:

вар. — вариант

вм. — вместо

дл. — диск лабораторный

кол. — коллекция

п. — папка

ркп — рукопись

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 6
I. Т. Г. Иванова. История заселения Пудожского края 7
II. Н. С. Шайжин. Старая Пудога с XIV по XVIII век (историко-бытовой очерк) 32
III. Т. А. Новичкова. Этнографическое описание Пудожского края (по материалам губернской этнографии и статистики) 68
IV. Ю. А. Новиков, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. А. Ковпик. Былинная традиция Пудожского края 85
V. Т. А. Новичкова, З. И. Власова. Собиратели онежских былин — П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг 145
VI. Г. Ф. Нефедов. О языке былин 172
VII. А. Ю. Кастров, В. В. Коргузалов, Е. И. Якубовская. Напевная система пудожских былин 185

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1—8) 231
ВОЛЬГА И МИКУЛА (№ 9—27) 251
СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ (№ 28, 29) 298
СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 30—39) 305
ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ (№ 40—57) 325
ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 58—60) 416
ДОБРЫНЯ И МАРИНКА (№ 61—73) 438
ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ (№ 74—77) 472
ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 78—163) 476
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ. СВОДНЫЕ ТЕКСТЫ (№ 164—166) 879
КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН 935
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 1056
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 1060

14-5199

Научное издание

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

СЕРИЯ «БЫЛИНЫ
В 25 ТОМАХ»

БЫЛИНЫ ПУДОГИ

Том 16

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. К. Рудзик* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 23.07.2012. Подписано к печати 12.11.2013. Формат 84 × 108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 113.4.
Уч.-изд. л. 87.1. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3949. С 240

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

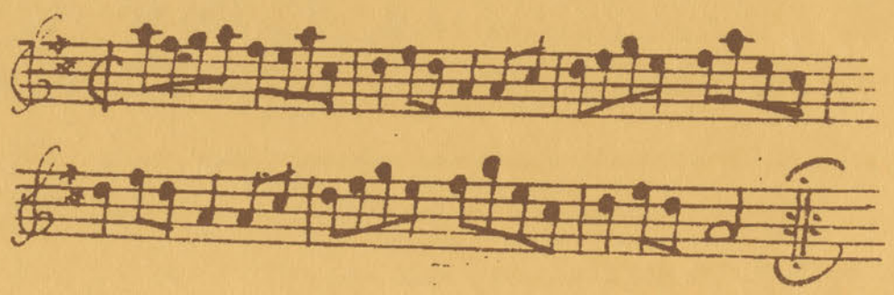
Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038319-7

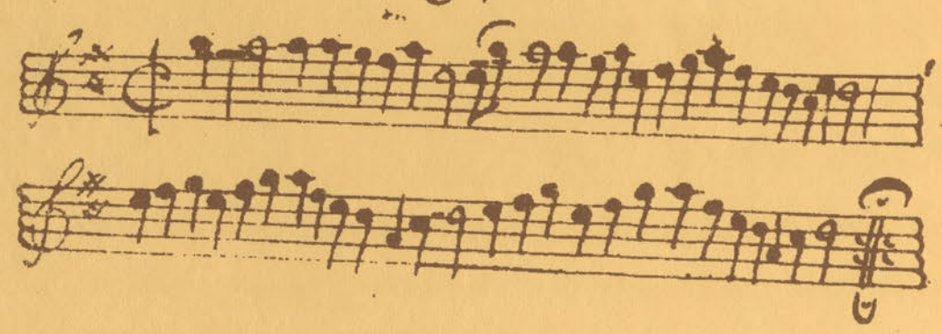
дубу пришовостолмъ висящая спинбя надубу-
тнѣздо свила надубу тнѣздо свила шухтки отъ
сѣла сивинныхъ тросятогонъ тросятогонъ
толосатинныхъ тодубу онѣ всѣ развѣялися —
лютоду онѣ глядятъ притонути хотятъ вто-
глядятъ — убѣгати хотятъ антоти столу-
тюю нарабли бѣгутъ аисѣрои волнъ наюрнѣ
стоитъ — аирасна лисица потанцавати —
лотъ вправо дѣти хотѣ вѣво затимъ пуда мнѣ
онѣ нанего глядятъ — улѣпити хотятъ вѣлотки
тамъ повѣнла вихбурѣ летитъ антортли визолъ
что лубвѣя лѣпилъ — бурою горобу вюлятъ нсилъ
встунѣ.я цурица объѣздилася тодшѣсалъ тагорова
лицо снѣла васну отца апѣлилася анто стафина
то цѣлѣнѣ,

Садко Богатой Гость

Послѣдной матушкѣ валѣрѣнѣ атулялъ
садко молодѣцъ тутъ двенатцать лѣтъ
нищей надѣвой притчи нсморбы садко невидавалъ
авсѣ молодѣцъ возгорѣвъ требѣвалъ заходѣло
молодѣцъ побѣжатъ вонове городъ отрѣвалъ
хлѣба велинои супрой ансолью набрилъ Ево —

Халинъ царь

Да изорѣдѣ золотои земли истое моѣзей=
богатѣя пала подѣлалася злои халинъ царь=
злои халинъ царь халиновичъ настолному городу-
кошѣку состоѣю силою стаѣною нѣзмѣрѣ онъ до-
шѣлъ засѣлъ вѣрстъ становился халинъ убѣстра
нѣтра збиралося силъ силы насто вѣрстъ вовсѣ
тѣ четырѣ стораны затѣмъ мать сыра земля
нѣтолѣкнѣца затѣмъ нѣраступитца автому было
бѣлонинопа анисѣцъ солнцо толкрынула нѣвидѣя-
луса свѣта бѣлова адуху татарлова нѣлюдно
прѣщѣнѣлъ налъ живымъ бытъ/садилъ халинъ
нарѣмѣнѣтъ стулъ писалъ ерлѣни сторотищѣ
постолному городу пошѣку поласлану князю владимиру
что вѣбралъ татарина вѣлѣ всѣхъ анисрою-
тата татарынъ трѣхъ сажѣнъ голова нататарѣ
стѣтнои потѣлъ которои потѣлъ сорока вѣдро
пролѣжъ тѣлами насая сажѣнъ олудростисловно
написано что возлѣтъ халинъ царь столной,
шѣлъ градъ авладимира князя вголонъ толонѣя
бодрби ерлѣви назѣлъ тубѣтитъ двѣтъ толу-
татарину. ерлѣни сторотищѣтѣ ислалъ ево-
бѣнѣтъ, насторо садился татаринъ наубора,
коня тобхалъ говороду пошѣку поласлову —